

XX 438
1

СЫНЪ

802-11
225

ОТЕЧЕСТВА.

~~830~~
~~184~~

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ и ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1838.

XX 438
1

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

НОЧНЫЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

(Ночь первая).

Спокойно гаснетъ светлый день;
Зари въ разливъ аломъ тонетъ
Златое солнце; ночи тьма
Къ покою всю природу клонить.
Слезящей перловой росой
Кропится влажно лугъ шелковый;
Туманъ разлился надъ рѣкой
И скрыть прибрежныя дубровы.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1858 года, Сентября 15 дня.

Цензоръ П. Корсаковъ.
Цензоръ А. Крыловъ.

С. XXVII-681

Повсюду тишина и сонъ.
 О какъ глубоко, таинственнъ онъ —
 Покой торжественный творенья!
 Какъ глухъ и мертвъ природы видъ!
 Могучий гений усыпленъ
 Незримо землю тлѣтитъ,
 Покровы мрака распускаетъ
 И крѣпко слухъ и взоръ смѣжаетъ.

Вотъ часъ мечты и тайныхъ думъ —
 Часть жизни внутренней, безмолвной!
 Когда замолкнетъ этотъ шумъ
 Разнообразный и нестройный
 Земныхъ докучливыхъ суетъ,
 И жизни коловратный свѣтъ,
 Кипящій пылкими страстями,
 Какъ море бурными волнами,
 Уляжется на ложъ сна
 И впадетъ тишина.
 Въ сей мирной часъ успокоенъ
 Просторно думать и мечтать
 И сладко бодрый духъ питать
 Живымъ восторгомъ вдохновенъ.
 Здѣсь мысль свободна, какъ орелъ,
 Когда съ отважной быстротою
 Паритъ онъ въ выперннй предѣлъ,
 Наскучивъ бѣдною землею.
 Душъ открыть пространнй мйръ
 Съ его святыми красотами,
 И этотъ голубой эфиръ,
 Горящій стройными звѣздами,
 И эта цѣль существъ живыхъ.
 На чудной лѣствицѣ природы,
 Съ высокимъ совершенствомъ ихъ,
 Съ богатствомъ силы и свободы —
 Все царство жизни — безъ конца,
 Все море свѣта — безъ предѣла,
 Гдѣ слава дивнаго Творца
 Свои слѣды отпечатала.

Стремись туда, душа моя,
 Къ Отцу мировъ и совершенства,
 И почерпай струю блаженства
 Въ источномъ свѣтѣ бытїи!
 Внимай торжественнымъ глаголамъ
 Святыхъ небесъ въ тиши ночной,
 И отряхнувши прахъ земной,
 Пади предъ Божиимъ престоломъ!

Э Л О А.

ИНДѢЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Нѣсколько тысячъ вѣковъ, когда въ образѣ мудраго старца,
 Брама на землю сходилъ охранять челоѣковъ, родилась
 Легкая Перн. Изгнанникомъ стѣны великаго града
 Брама оставивъ, медленно шелъ, размышляя о небѣ.
 И въ это время, праведникъ, ради котораго Брама
 Градъ пощадилъ незаконныхъ обширный, скончался. Старецъ
 Видѣлъ смерть его, тѣло безъ жизни, рыданье стоявшихъ
 Возлѣ одра приближенныхъ друзей, саванъ — и горе
 Душу его умлило. Тщетно вѣщаль онъ: «ты въ мирѣ!»
 Ужась кончины обьялъ его сердце; слеза покатила
 Вмигъ изъ очей его ясныхъ. Лучше Индйскаго перла,
 Чище была та слеза, и ее не похитилъ безумный
 Вѣтеръ пустыни. Духъ свѣта склонилъ отъ небесъ свою руку,
 Принялъ ее въ изумрудный фиалъ, и скрывалъ отъ взоровъ
 Дольняго міра, вознесъ ее въ области неба, и радость
 Горняго пѣдра согрѣла слезу, и ей даровала
 Душу и жизнь; и вспыхнула жизнью слеза и душою.

Такъ, передъ солнцемъ пылаетъ порой оніамъ Аравійскій.
И изъ сіала возникла прелестная, дивная Пери,
И небеса, въ изумленьи, откликнулись гласомъ веселья
Первому вздоху, первому духодвиженью рожденной.

Прекрасна явилась она, какъ стыдливая дѣва пѣвста,
Въ храмъ идущая къ браку. Какъ лилія Ганга младая,
Было и чисто чело ея; тихо оно воздымаетъ
Сгибы лазурныхъ покрововъ; какъ волны златистыя поля
Лѣтомъ волнуются вольнымъ дыханіемъ вѣтра, такъ же
Кудри ея золотыя, волнуясь, волнами спадаютъ
Къ плечамъ ея бѣлоснѣжнымъ; звѣздой, разливающей въ мракъ
Свѣтъ свой блистательный, яркій, горятъ ея ясныя очи.
Роза во время разцвѣта не рѣветъ такъ дѣвственно-юно,
Какъ полная жизни ланиты ея, и мѣсяць, свѣтящій
Въ чащу лѣсную, не можетъ сравниться безстрашіемъ пѣ-

Съ сладостнымъ взоромъ прекрасной; крыла у ней сере-

бристы;
Риза-жь ея, то откроешь, то скроешь златистой опушкой
Бѣлолилейную ногу, а перси, чуть зримо волнуясь,
Кротко вздымаютъ обводы ихъ видящей ткани. Это
Женщина — духъ небожитель. Удѣлъ ея въ жизни — молиться
Духу предвѣчной Любви, съ духами блаженными свѣта.

Всѣ духи свѣта, крыла свои золотыя колебля,
Къ бѣлолилейнымъ погамъ ея чела свои преклонили;
Вмѣстѣ же съ нами и сестры ея, легкокрылыя Пери,
Въ круги собравшись, какъ къ мѣсяцу звѣзды, средь мрака
ночного,

Какъ облака вокругъ солнца, длани свои сочетавши,
Видѣть спѣшили Элоа — такъ названа была Пери.
Арфы златыя у плечъ ихъ на радужныхъ лентахъ висѣли,
Сами собой изливая прекрасные звуки. Кошницы,
Полныя свѣжихъ цвѣтовъ, лишь въ небѣ извѣстныхъ, и
смертнымъ

Долу незримыхъ, рукою роскошной предъ ней разсыпали
Дѣвы подруги. И слышалось пѣнье всѣхъ жителей неба:

О Элоа, горній цвѣтъ,
Образъ чистый и любимый!
Счастливъ мѣръ, тобой хранимый,
Усладительница бдѣ!

Небо въ душу ниспослеть
Твоей привѣтъ благословенный,
Гдѣ ты ступишь, тамъ мгновенно
Море благодати польетъ.
Гдѣ жь эфирная краса
Сотворишь дѣла благія?
Не родятся ли другія
Ей въ державу небеса?

Днемъ однажды..... (но какъ... невозможно выразить ясн
Временемъ то, что не знаетъ въ теченіи возврата и смѣн
Бѣдность людскаго партіи знала, намъ небо сокрыло
Тайны, завѣтныя смертнымъ, подъ вѣчною ризою мрака.
Имя единого мига небснаго — знать мы безсилны.
Житель же дола земли разумѣть его по земному)
Днемъ однажды, безсмертнаго жителя міра, къ далекому
Звѣздъ хороводу, въ безмѣрномъ пространствѣ, полетѣ соверши
Такъ говорили Элоа: «о Пери! страшися паденья!
« Могутъ падать и свѣтлые духи. Нѣкогда первый
« Свергнуть съ селеній эонра, но въ жизни своей первобытн
« Звался онъ въ небѣ свѣтлыишникомъ міра, за тѣмъ, что соб
« Свѣтъ и любовь приносили онъ повсюду; въ далекіе мір
« Волю Предвѣчнаго онъ возвѣщаль лишь единый;
« Нынѣ же прежней свой діадемы лишенный, онъ гдѣ-то
« Стонетъ протяжно во мкѣ непробудной, никѣмъ не любим
« Всѣми отъ взоровъ отверженъ, одинъ, одинокій; слышн
« Очи его тяготеютъ грѣхомъ не искуснымъ; невѣдомъ
« Больше падшему разумъ небесныхъ глаголовъ; лишь смерть
« Въ злобѣ своей изрыгаетъ, и хулы на небо глаголетъ;
« Все онъ сжигаетъ дыханьемъ палачей гортани; творень
« Гибнуть, лишь ихъ онъ коснется; съ паденья въ себя
терлави

« Цѣпу благаго и злаго, онъ даже безрадостенъ виду
« Жертвъ, имъ павенныхъ; смущается небо, гдѣ жилъ о
названн

« Нынѣ его вспоминая; никто изъ духовъ не рѣшится

«Страшную повесть о падшем повѣдать. Страшисъ же па-
день!»

Мнили скопчавши, что Пери погибшему злое проклятье
Въ духъ своемъ изрекла. Нѣтъ! ужасъ повѣданной рѣчи
Съ лика ее не изгладилъ покой — о горе! то было
Страшнѣе предвѣстіемъ небу. Не трепеть объялъ ее чистую
Душу — нѣтъ! сожалѣние и дума ниспаднему помощь
Въ скорби подать неутѣшной. Лишь только страдающей образъ
Духа, отверженца неба, въ мысляхъ предъ ней появился,
Нѣкая грусть осѣнила ея животворныя очи;
Рои мечтаний предъ ней развились, и въ смутѣ волненья
Свѣтлое Пери чело опустилось; слеза заблестала
Съ нѣжной рѣсницы. О счастливыя, кто плачетъ такъ чисто
въ первые!

И, гдѣ Браны престоль, поселится грусть, что столько
Дни человѣка тревожить, и часто пресѣдуетъ самыхъ
Сильныхъ, великихъ земли въ могущество дольней ихъ славы.
Онъ на пиру, среди множества шумной бесѣды,
Грустный — одинъ, самъ съ собою — ни рѣчи друзей, ни веселый
Ликъ учредителя пира не сильны изгнать его думы;
Все вокругъ ликуеть, но онъ неподвиженъ, печалень. О горе!
Лютая скорби причина все рушитъ нещадно. Сердце
Грустнаго глухо къ согласнымъ созвучіямъ лиры, не въдастъ
Нѣги цвѣтовъ благовопной, слабо для вѣры, надежды,
Нѣмо для пѣсни и рѣчи. Объята грустью такою
Пери Элоа, главою поникши, вдалѣ уклоняясь,
Облака смутно искала, чтобъ въ немъ побесѣдовать съ думой.
Ночи, подобныя нашимъ, и въ областяхъ неба чредою
Идутъ земной; тамъ даже есть нѣкій источникъ, лѣющій
Въ лонѣ песка золотого чистѣйшія воды, и если
Житель небесный алмазную влагу его почерпаетъ,
Сонъ осѣняетъ его бирюзовыя очи, но сонъ тотъ
Райскій покой доставляетъ, и слаще бы былъ для любимца
Нѣги пріятной, чѣмъ видѣть ему, пробудясь внезапно,
Образъ прекрасной подруги, съ нимъ рядомъ роскошно лежащей.
Но напрасно волну умиленія черпаетъ два —
Глубже и глубже мятежная дума ее обнимаетъ;
Ночью жъ и самые сны нарушаютъ покой вождѣнный,
Падшаго духа всегда представляя ей образъ печальный,
Дани умнѣно предъ ней издадека простершія. Нерѣдко

Прочія Пери, чтобъ свѣдать причину печали Элоа,
Тщетно молили, неслышными ею, повѣдать имъ горе;
Окруживъ, вопрошали, съ участіемъ нѣжными: «Чего же
Два желала, когда передъ нею безсмертье и благо
Вѣчное въ жизни? Зачѣмъ, наконецъ, «прибавляли, Элоа
Взора любви не склонить къ свѣтлому лику иного,
Вѣрнаго, чистаго духа, служителя Браны?» Но два
Рѣчью одной имъ всегда отвѣчала: «Изъ нихъ, ни единый
«Горестной доли не терпите, но, слышно, есть нѣкій.....»

И Пери,

Ликъ отвращала мгновенно, крылами ширяясь въ эфиръ,
Летъ свой отъ ней ускорили, не смѣя о падшемъ повѣдать.

Такъ однажды, Элоа одна пребывая, въ пространство
Воздуха зорь обращаетъ, и вскорѣ сребристыя крыла
Тихо раскинувъ простерла; улыбка на ней просіяла;
Два, паренью предавшись, ищетъ ей милаго міра.

Также, въ лѣсахъ Лузіаны, на ложѣ, подъ бамбукомъ длиннымъ,
Вѣтвью лианы и пальмою нѣжной, тихонько расторгнувъ,
Солнца лучемъ приведенное въ зрѣлость, личко златое,
Колибри свѣтлый выходитъ въ гнѣздъ благовопномъ; головою
Цвѣтъ изумрудный вѣнчаетъ прелестно, а крылья на спинкѣ
Пурпура рдѣнымъ отливомъ покрыты; лазурная броня
Грудь одѣваетъ; побѣдно онъ возлетаетъ въ безмѣрность
Неба..... Малѣйшую пылъ страха, кораллыя крыла,
Въ страны сосѣднія свѣту, быстро его воздымаютъ;
Видомъ своимъ изумляя оазы, осмѣленный путникъ
Пальмовый цвѣтъ посящаетъ; къ сладкому клеуу прищипнетъ;
Вдругъ, воспорхнувъ, благовопныя страны оставитъ, и гордо
Съ клева на дубы летаетъ, вездѣ ему пиръ предлагаетъ
Вѣтвь кипариса и пальмы; но міры дубравы для крыльевъ
Только рождешаго колибри слишкомъ еще необъятны;
Въ нихъ же не зрѣютъ цвѣты, украшавшіе домъ колыбели:
Къ нимъ-то, въ муравные доли саванны, онъ низлетаетъ.
Змѣй птицеловецъ, въ травахъ залега, не столь устрашаетъ
Колибри, сколько дубравы нагя; тамъ, гдѣ лѣотся
Чистыя воды, онъ озираетъ яснѣе изъ Флориды,
Цвѣтъ несравненный, въ глубинѣ его теремовъ нѣжныхъ находитъ,
Плодъ землянично-бальзамный подъ сѣнью роскошной вку-
шал.

Такъ, отъ самаго мига рожденія силою сердца,
 Въ чистомъ эфирѣ, сребристыя крыла ширяя, свой дивный
 Летъ осмѣляетъ Элоа; радужный слѣдъ безравненной
 Въ выси небесной означенъ; легко клубятся покровы парящей;
 Молніей блещутъ прекрасныя крыла; чело уклонивши,
 Быстро Элоа мигуетъ мечное небо, въ которомъ,
 Слово безчисленный сонмъ алтарей, лучезарно сіяетъ
 Вѣчно пылающей огнь у подножія Брамova трона;
 Далѣ, порой постышая за поворожденной планетой,
 То возстаѣла на лики кометъ, за тѣмъ, чтобъ увѣдать
 Ей существа неизвѣстныя прежде, уже достигаегъ
 Крайняго неба пльнительно-дивная Пери Элоа.

Много путей, каждый безмѣрно-просторный, раздѣльно,
 Съ горныхъ предѣловъ до мѣста, гдѣ неизмѣнно-безумно
 Вѣчная мгла и хаосы клубятся, вмѣщается въ пещь.
 Только мигуешь, горящіе золото-багрянымъ сілшемъ,
 Солнце-огнистыя края безмятежной лазури, той выси,
 Неизглаголанно-райскимъ бланстанемъ сафира святящей,
 Чистому сердцу доступной, подъ коей, въ величій славы,
 Самъ многосильный Брама на престолѣ своемъ возсѣдаегъ,
 Воздухъ не столь уже чистъ, облака здѣсь ужъ ходятъ,
 Стелется легкій туманъ испареній, громы грохочутъ,
 Молніи вьются змѣею, и бури, гнѣздясь, забываютъ.
 Слово нѣкая стража, онѣ ограждаютъ святыню.
 Послѣ же солнцемъ, видимыхъ нами, и той атмосферы,
 Въ столь ограниченномъ кругѣ которой вращаются стройно
 Наши міры, пространство пустынно, печально и мрачно.
 Вихри, медлительно въ немъ обращаюся, его наполняютъ,
 Блѣдный, сомнительный свѣтъ, дребежажа, въ немъ ліетъ.
 Къ этой же части граничитъ собой ужъ хаосъ — необъятный,
 Мракъ — безглагольный, міръ — неизвѣстный, и только когда
 лишь

Грозно свой бѣгъ на него устремивши, перунъ огнерылый
 Чрево его разорветъ на мигуенье — какъ будто бы зрится,
 Въ тайной срединѣ его, океанъ безконечной пустыни.

Никогда и не мнать духи свѣта летъ простиратъ свой
 Къ краю послѣдней трехъ этихъ сторонъ; никогда, ни одинъ,
 ихъ
 Свѣтло-сілюющій взоръ эту смутную грань, за которой

Адъ въ глубинѣ, никогда не увидитъ. И самые, столько
 Сильные духомъ, первые слуги великаго Брамъ,
 Летъ совершая, страшатся утратить небесную думу,
 Чистую думу о Брамѣ, боясь, чтобъ потомъ, воспаривши
 Къ горнему свѣту, не пасть вдругъ въ хаосъ непробуднаго
 мрака.

Что съ беззащитнымъ, съ нимъ тамъ бы случилось? О, смѣхъ
 Жителей ада, ихъ срежетъ ужасный, ихъ буйныя рѣчи,
 Ядомъ налитые взгляды и радость паденью другаго
 Ликъ небожителя вмигъ омрачилъ бы туманомъ, свѣтлый
 Взоръ его отъ стыда опустился бы... Иль — горшее горе! —
 Слуха его бы коснулся, быть можетъ, какой либо голосъ
 Тихо прискорбныя пѣсни о грѣшномъ паденьи поющей,
 Либо желанія неба, рассказъ неутышной печали,
 Жителемъ ада злосчастнымъ, съ слезами, ведомый другому.
 Даже, быть можетъ, вниманіе къ нимъ устремя, въ умиленъи
 Пери и небо свое позабудетъ, желая бесѣдой
 Скорбь безотраднхъ умалитъ. И какъ возвратиться за тѣмъ
 Въ своды лазури, увидя при злато-блистающемъ свѣтѣ
 Ровно-волнистыя кудри свои — развитыми, и сгибы
 Ризы эфирной — обвитые нѣкимъ печальнымъ туманомъ,
 Чисто-сребристыя крыла — померкшими въ радужномъ цвѣтѣ,
 Бѣло-лилейныя перси и персты — одѣтые тѣнью,
 Ликъ ослѣпительно-лсный — уныло-поблекшимъ, и нѣкимъ
 Знакомъ покрытый, безвѣстнымъ селенію горняго неба;
 Рае-сафирныя очи — алаго цвѣта, отъ горькихъ
 Слезныхъ рыданій, и ноги — обѣтыя чумнымъ дыханьемъ!

—

Вотъ почему такъ страшатся и самые сильные духи
 Къ этимъ опаснымъ предѣламъ полетъ простиратъ отъ эмира.

—

Тамъ-то однако, на только что свившіисъ дымъ испареній
 Пери Элоа легла не робья; но бездну смуглиа
 Сила державы ея надъ вселенной; новыя блага
 Всюду раждались единымъ ея повлеченемъ; скорбно
 Гнѣва Предвѣчнаго полные міры, какъ будто, казалось,
 Ей утышались; планеты, казалось, свой бѣгъ умалили,
 Дѣвы паренье завидя. И если Элоа, случайно,
 Къ нѣкой изъ ихъ серебро-чистымъ крыломъ прикасалася
 мигуенье

Горестъ и тма, какъ дымъ исчезали; враги дружелюбно
 Въ очи лобзались; какъ горная пѣсня, ихъ мечь замолокала;
 Пльнника цѣпи спадали; преступникъ отъ казни спасался;
 Изгнанный вновь возвращался въ отчизну, царемъ вознесенный;
 Жертву свою покидала бессонница злая; повсюду
 Слезы бѣжать преставали; лишь только бѣжали
 Радости слезы; въ томъ счастье, безвѣстномъ до томъ, ликул,
 Брачнымъ лобзаньемъ дарилъ женихъ молодую невѣсту.

А. О.

ОТЧИЗНА ДУШЪ.

О, гдѣ святлыя эти сѣни,
 Куда пѣвцовъ заносить сны,
 Гдѣ миллионы поколѣній
 Съ границъ земли водворены?
 Надъ ясною твердью звѣздъ негнѣнныхъ,
 Куда полета нѣтъ мечтъ,
 За безпредѣльностью вселенны,
 Звучать, ликують сѣеры ть!

Тамъ вѣчный цвѣтъ благоухаетъ,
 Не вечерюютъ небеса;
 Съ очей увлаженныхъ сбываетъ
 На вѣкъ послѣдняя слеза.
 Ни буйство вихрей разъяренныхъ,
 Ни цѣпи жизненныхъ заботъ
 Не сокрушаютъ водворенныхъ
 На берегахъ спокойныхъ водъ.

Но грусть, грусть чистоты сердечной,
 Которой вздохъ святѣй здѣсь намъ
 Удѣла радости безпечной,
 Проснется, можетъ, въ насъ и тамъ,
 Когда пришельцы издалека,
 Мы въ хорѣ ангеловъ святомъ,
 Разслышимъ звуки не-парокомъ,
 Въ краю знакомые другомъ.

Ахъ! можетъ, въ ихъ очарованьѣ,
 Приветной дышащемъ тоской,
 Къ намъ будетъ милыхъ воспоминань
 Валетать изъ области земной,
 И какъ въ волшебствѣ сповидѣній,
 Безплотный духъ, на мигъ опять,
 Былую жизнь, родныя тѣни,
 Въ мерцаньѣ будетъ созерцать.

О вѣрю, вѣрю: вздохамъ крови
 Незатворенъ входъ въ небеса,
 И къ водвореннымъ въ нихъ, любви
 Доходить чистая слеза.
 Я бѣ счастьемъ бѣденъ былъ — тревогой
 И въ самомъ небѣ сокрушенъ,
 Когда бѣ туда, въ обитель Бога,
 Былъ путь для милыхъ загражденъ.

ГОГНІЕВЪ.

ДВѢ ДРЕВНІЯ, НАРОДНЫЯ ШВЕДСКІЯ ПѢСНИ.

(Изъ сборника Аецелюса и Гайера.)

I.

ЧУДНАЯ АРФА 1.

(Den underbara Harpan.)

(*Н. П. Гроту*).

Det bodde en Konung uti Engeland,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och två unga döttrar och möt hade han.
Tög nu så star skogen i blomma.

==

Когда-то жилъ въ Англии Царь удалой —

Такъ слышала я птичка мнѣ пѣла! 2

Имѣлъ онъ двухъ дочекъ, красавицъ собой —

А роца цвѣтами пестрыми! 3

Былъ, чѣмъ день, была младшая дочь,
Сестра же смуглая, чѣмъ бурная ночь.

И старшая младшую манитъ тайкомъ:

«Пойдемъ, погуляемъ на берегъ морскомъ.

И черевъ былъ моря покровъ гробовой,

И пѣной украшенъ былъ берегъ крутой.

¹ Пѣсня эта имѣетъ нѣсколько вариантовъ и въ разныхъ странахъ поется различно. Я старался включить въ переводъ все измѣненія, встрѣчающіяся въ разныхъ оригиналахъ, которыя имѣли другое значеніе, или особенный поэтический колоритъ. Такимъ образомъ, я слышалъ въ одну пѣсню строфы De två Systarne Упландскаго и Остгётландскаго подлинниковъ, и многіе отдѣльные стихи изъ Ферейской Rujma. Эта пѣсня принадлежитъ древнѣйшимъ временамъ Норманскаго владычества; она встрѣчается и въ Шотландскихъ народныхъ пѣсняхъ, а Валтеръ-Скоттъ отыскалъ ее даже въ Ирландіи. Это ясно доказываетъ, что она сложена въ то время, когда всѣ народы, обитавшіе по островамъ и берегамъ Северо-Атлантическаго Океана и Балтійскаго Моря говорили однимъ общимъ языкомъ и имѣли общую литературу.

^{2, 3} Припѣвы послѣ каждого стиха.

—Взгляни ты, какъ волны, сестрица, смугла,
А я — молодая — какъ пѣна бѣла!

Вскипѣла смуглянка, и гнѣва полна,
Сестру свою въ море столкнула она.

И волны взыграли, завьили лѣса...

— Спаси меня, другъ мой! — молила краса —

— Не покинь меня въ жертву сердитымъ водамъ!

Тебѣ я мой поясъ златистый 4 отдамъ.—

• Когда тебя Некъ 5 въ свой чертогъ поведетъ,
Твой поясъ златистый мнѣ стань обовѣсть.»

— Спаси меня, другъ мой! Отцу и царю
Скажу, что вѣнецъ мой сестрѣ я дарю.

•Вѣнецъ по наслѣдству достанется мнѣ,
Когда замлещешься въ холодной волнѣ.»

— Спаси меня, другъ мой! Спасись отъ грѣха!

Тебѣ уступлю я кольцо жениха. —

•Съ твоимъ молодымъ, удалымъ женихомъ,
Самъ Царь насъ обручитъ жемчужнымъ кольцомъ.»

— Спаси меня, другъ мой. Волна холодна,
Земля жъ такъ привольна и жизни полна!

• Не бойся, красотка! Круты берега,
На Божію землю не ступить нога!»

— Снеси же поклонъ мой къ родному отцу,
Скажи, что мени ты одѣла къ вѣнцу!

Скажи, при поклонѣ, родимой моей,
Что свадебный кубокъ я пью средь морей.

Скажи жениху молодому въ тоскѣ,
Что ложе стелю я на бѣломъ пескѣ. —

И неводъ рыбацій, въ безлунную ночь,
Прекрасную вытаскилъ царскую дочь.

⁴ Златистый поясъ — первый подарокъ жениха.

⁵ Некъ, водяной богъ (кобольдъ), соответствующій нашимъ русалкамъ.

Гусляръ шелъ дорогой изъ чуждой дали
И подъялъ онъ трутъ безмогильный съ земли.

И сдѣлалъ онъ арфу изъ тѣла красоты,
Чтобъ смертныхъ пльнить въ золотые часы.

Онъ взялъ для станка бѣлоснѣжную грудь,
Чтобъ грустному радость и нѣгу вдохнуть.

Отрѣзалъ онъ стройные дѣвы персты
И крѣпкіе сдѣлалъ изъ нихъ онъ мыты.

И струны насучилъ онъ изъ русскихъ власовъ,
Чтобъ арфа звучала, какъ пѣсни боговъ.

Украшенъ цвѣтами высокій алтарь,
Лякуеть за свадебной трапезой Царь.

И юный гусляръ стоитъ у воротъ:
— Послушай, певѣста, что арфа споеть! —

На первый ударъ завопила струна:
«Въ мой поясъ златистый сестра убрана!»

Блѣднѣя певѣста на барда глядитъ.
Въ рукѣ ея кубокъ задранный дрожитъ.

Ударъ повторился, и струны, какъ громъ:
«Сестра обручилась съ моимъ женихомъ!»

И дурно невѣстѣ — туманится взоръ,
И дѣвы съ невѣсты снимаютъ уборъ.

Но третій аккордъ застоналъ по струнамъ:
«Сестра отдала меня въ жертву волнамъ!»

Въ чертогахъ смятенъ, и вопли и плачъ!
И грозно съкирой сверкаетъ палачъ.

Во вторникъ невѣсту вѣнчалъ самъ отецъ —
Такъ слышалъ я, птичка мнѣ пѣла!

А въ среду убійца сложила вѣнецъ —
А роица цвѣтами пестрѣла!

II.

СИЛА СКОРБИ!

(Sorgens Magt.)

(Барону Беренсейслу.)

Liten Kerstin och hennes moder de lade gull i bår.
Hvem bryter löfven af liljetråd? —
Liten Kerstin hon sörjer sin fästeman ur graf.
J fröjden eder alla dagar?

Христина и мать ея злато кладутъ на палой.¹
Кто зелень срываетъ съ лилейныхъ кустовъ?²
Тоскуеть Христина, что въ гробъ женихъ молодой.
А вы чай съ каждымъ днемъ веселитесь?³

¹ Эта пѣсня также принадлежитъ къ древнѣйшимъ Скандинавскимъ сагамъ. Въ второй части народныхъ Шведскихъ пѣсней (Volks-Visor) есть вариантъ, который, по изысканности, вѣроятно, относится къ временамъ позднѣйшимъ. Гайеръ нашелъ подобную пѣсню у Датчанъ; она общенародна, и называется у нихъ Aage. Въ Англии и Германіи также ходитъ въ народѣ пѣсня, похожая на эту по содержанию, съ нѣкоторыми измѣненіями. Известно, что Бюргеру подали поводъ къ созданію его превосходной баллады Lenora дьвупка, которая пѣла въ лунную ночь, и у которой онъ подслушалъ, припѣвъ:
Der Mond scheint so helle,
Die Todten reiten schnelle,
Feins Liebchen! graut dir nicht?

Въ Датской и Шведской пѣняхъ строфа эта находится почти слово въ слово:

Manan skiner,	Мѣсяць свѣтитъ;
Dödmän rider,	Мертвый скачетъ;
Är du inte rädder äo, Bolla?	Не страшно ль со мною, Болла?

Гердеръ приводитъ подлинникъ народной Нѣмецкой пѣсни въ своемъ обзорѣ сѣверо-западныхъ народныхъ пѣсней.

² Древній Скандинавскій обычай при похоронахъ ближнихъ родственниковъ. Слово *bar*, собственно значить не *палой*, но родъ катафалка, на которомъ становятъ и носятъ покойниковъ; оно ближе выражаетъ Нѣмецкимъ *Wahre*; я употребилъ *палой* потому, что не нашелъ на Русскомъ лучшаго названія.

³ ⁴ Припѣвъ. *Liljetråd*, *liljonetråd*, лилейный кустъ, лилейное дерево, встрѣчаются во многихъ Шведскихъ пѣняхъ; они имѣютъ символическое значеніе. Это лавръ и миртъ Западной Поэзіи.

Въ дверь ночью стучатся желѣзнымъ кольцомъ:
« Христина, проснись,пусти меня въ домъ! »

— Еще не смѣяла ни съ кѣмъ я кольца:
Къ себѣ не впускаю никого я съ крыльца.

« Христина, вставай и скорѣй отопри!
Я другъ и женихъ твой: въ лицо посмотри! »

И два, какъ серна, ко входу бѣжить.
Вотъ щелкнулъ замокъ и задвижка визжитъ.

Сажаетъ дружка на ларь золотомъ,
Стопы его моетъ чистѣйшимъ виномъ.

И оба садятся на пухъ лебедей.
Не спится влюбленнымъ: такъ много рѣчей

« Ты слышишь, голубка! пѣтухъ ужъ запѣлъ:
Опъ мертвыхъ скликаетъ въ могильный предѣлъ! »

И два встаетъ, надѣваетъ уборъ,
Жениха провожаетъ чрезъ дремлющій боръ.

Когда жъ на кладбище пришли черезъ лѣсъ,
Съ главы его волосъ мгновенно исчезъ.

« Взгляни-ко на мѣсяцъ! » женихъ прошепталъ.
Она поглядѣла, а мертвый пропалъ.

И съѣвъ на могилу, невѣста поетъ:
— Здѣсь буду я ждать, пока Богъ позоветъ! —

Но голосъ изъ гроба, что двѣ такъ милъ,
Ей шепчетъ: « Христина! бѣги отъ могилъ! »

* Золотой ларь былъ у Скандинавовъ, по объясненію Гайера, ставецъ, вызолоченный снаружи, въ которомъ сохранились одежда, конскіе сбруи, доспѣхи, и часто самый пепелъ или кости покойниковъ.

° Въ подлинникѣ *сашмаки*.

Слезинка здѣсь каждая землю пробьетъ,
И сердце мнѣ кровью, мой другъ, обдастъ! »

Но каждая радость на сердцѣ моемъ
Мнѣ розами вѣетъ въ подземный мой домъ! »

БЕДОРЪ КОНИ.

СОНЪ НЕСЧАСТНАГО.

Въ свой саванъ облекло ушныя меня.
Я молодость принесъ на жертвенникъ печали;
Безцвѣтна и скучна, угрюма жизнь моя;
Ужасный, тяжкій крестъ судьбы мнѣ даровали.
Другихъ плѣнительно на чудный пиръ любви
Манить игривалъ, восторженная радость;
Имъ незнакома грусть, и поцѣлуй сладость,
И ласки дружества извѣдали они.

За чтожь, страдалецъ одинокой,

Все то, чѣмъ сердце дорожить,

Я скорочилъ въ землѣ глубоко.

Подъ плющъ могильный и гранитъ?

И я любилъ, и мнѣ задумчиво блистала

Прекрасная звѣзда во мракѣ бытія,

Но, лучшей перлъ небесъ, на мигъ она сіяла

И пасмурной тоскѣ далъ снова руку я.

Туманным призракомъ исчезло наслажденье;
 Какъ птичка, унеслась минутная любовь...
 Безумецъ! я роптать дерзнулъ на Провидѣнье —
 Теперь предъ Нимъ паду съ мольбою слезной вновь!
 Прости мнѣ грѣхъ, о Милосердый,
 И вѣру въ сердце посели;
 Душъ, въ несчастяхъ петвердой,
 Терпѣнье кроткое пошли.

Что вижу? Ты-ль вдали, на легкихъ облакахъ,
 Въ вечернемъ сумракѣ порхаешь надо мною!..
 О несравненная! уже-ль и въ небесахъ,
 Въ отечествѣ любви, я забываю тобою?
 Тамъ, надъ землей, любовь и ярче и святѣй —
 Разлуки намъ не знать за гробовой доскою;
 Свободите мой духъ, живѣте, веселѣй
 Къ безвѣстной сторонѣ стремится за тобою —
 Ко мнѣ, мой другъ..... Коварный сонъ!...
 Я счастливъ, если надо мною
 Крыломъ волшебнымъ вѣетъ онъ,
 Когда надъ бѣдной головою
 Пробьетъ полночи грустный звонъ!

ТРАУМЪ.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Бывало предо мной, въ часы моихъ мыслей,
 Вставали призраки давноминувшихъ дней,
 И разгаралась страсть, и пламень вдохновеній
 Кипѣлъ въ груди моей часъ отъ часу сильнѣй.
 И было душно мнѣ, и сердце сильно билось,
 Но я доверчиво ввѣрялъ судьбѣ себя:
 Грядущее мое такъ ярко золотилось!

Какъ могъ-бы за него тогда страшиться я?
 Мнѣ было ново жить! Мнѣ были чувства новы!
 Сквозь призму счастья я на жизнь мою глядѣлъ...
 За свѣтской мишурой скрывались оковы,
 И юноша — какъ юноша — я пѣлъ!
 Но нынѣ — пѣсень пѣтъ; въ углу забыта лира,
 И не касается до ней моя рука.
 Они прошли на вѣкъ дни счастья и мира,
 И завладѣла мной угрюмая тоска.
 Мнѣ стало тяжело жить, мнѣ стали пѣсни въ тягость!
 Вывальнымъ помысламъ узналъ всю цѣну я.
 Проща, проща, какъ дымъ, утраченная младость,
 И чары прошлыхъ лѣтъ безсильны для меня.
 Извѣдалъ я вполне, что въ жизни только горе;
 Что слава и любовь одинъ пустой обманъ,
 И будущность моя коварна, будто море,
 И тяжкій крестъ, судьбой, въ удѣлъ мнѣ данъ.

Д. СУШКОВЪ.

Ораніенбауль.
 12 Июля, 1858.

ЗАВѢТНАЯ ДУМА.

Бываютъ минуты: свѣтло мнѣ и сладко;
 Какъ будто міръ новый я въ нихъ узнаю.
 Минутъ тѣхъ немного, и ихъ я украдкой
 Отъ холода свѣта на сердцѣ таю.
 То сладкое чувство святаго желанья,
 То тихая радость о счастья другихъ,
 То свѣтлая дума, живое сознанье
 О внутренней жизни, о мысляхъ моихъ.
 Онъ далеко изъ міра стремится,
 И чужды свѣтской, земной суеты,
 Какъ рѣзвые дѣти, играютъ, кружатся
 О будущемъ жизни живыхъ мечты.

Не пышный мнѣ уголь на поприщѣ міра:
 Три компанки свѣтлыхъ, березы и садъ.
 Въ осеній мнѣ вечеръ сопутница — лира;
 Весенніе гости — цвѣтовъ аромать,
 И пѣніе птички подъ небомъ, на волѣ;
 Раскаты соловья за зеленымъ холмомъ;
 Сосѣдь — жаворонокъ на озимяхъ въ полѣ,
 И ласточка — гостя весны, подъ окномъ,
 И лѣтомъ ограднымъ — простое журчанье
 Ручья пилигрима въ густомъ тростникѣ,
 Прогулка на лодкѣ, и послѣ — купанье
 Въ прохладной и чистой сосѣдней рѣкѣ;

Зимой суровой — приютъ у камина;
 Да, книги, да, добрый, веселый сосѣдь —
 Вотъ жизни грядущей просталъ картина
 Мой отдыхъ на сумрачномъ вечерѣ лѣтъ.
 И путь я узнаю весь тѣнь и ничтожность
 Обилія злата, суеты и сребра,
 Когда небеса мнѣ даруютъ возможность
 Создать хоть немного на свѣтѣ добра.
 Въ такія минуты свѣтло мнѣ и сладко;
 Какъ будто міръ новый я въ нихъ узнаю,
 Мигнуть тѣхъ немного, и ихъ я украдкой
 Отъ холода свѣта на сердцѣ таю.

Августа 5-го 1837.

В. В.

КРАСАВИЦЪ.

Когда по синевѣ морей
 Идутъ серебряныя волны,
 И бьютъ крыльяхъ кораблей
 Скользятъ по нихъ безпечно чолны.

И вдругъ раздается бури вой
 И парусъ бѣлый потемнѣеть,
 И волнѣ пѣнистыхъ грозный рой
 Въ борьбѣ кипитъ и свирѣпѣеть.
 Скажи: когда милый опо,
 Или въ часы свирѣпой бури?
 Или когда морское дно
 Какъ зеркало небесъ лазури?
 Скажи: когда тебѣ поэтъ —
 Пучина дивныхъ вдохновеній,
 Милый — когда въ немъ бури пѣть,
 Или въ грозу его твореній?
 Ахъ! берегись — не подходи:
 Ужасы сердца бури волны!
 Страхись ихъ — съ берега гляди,
 Какъ оны кипитъ, восторга полный...

НАХТИГАЛЬ.

СТАНСЫ.

О други! намъ радость не щедро дана
 Въ удыхъ здѣсь управмой судьбою!
 Спѣшите же выпить всю чашу до дна,
 Иль юность умчитъ все съ собою!
 Счастливые гости на жизни пиру,
 Ловите безпечную младость;
 Съ ней дружбу, любовь и чувствъ пылкихъ игру
 И юности рѣзвую радость.

Скажите: бывают ли въ годъ двѣ весны?
 И дважды ли лѣсъ зеленѣеть?...
 Не по двѣ намъ юности также даны —
 Одинъ разъ душа пламенѣть;
 И Крошъ неотвязный въ слѣдъ быстро ведетъ
 Со старостью холоды сердечный,
 И радости жизни безжалостно рветъ,
 Друзья! все земное не вѣчно!
 Скорый насладитесь же счастьемъ земнымъ,
 Съ Эротомъ и Вакхомъ прекраснымъ,
 Да, скажемъ предъ смертнымъ мы часомъ своимъ,
 Что жизнь провели не напрасно.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

РУЧЕЙ.

Игривой лентой извиваясь
 По лону чистому песковъ,
 И взорамъ Феба улыбаясь,
 Течеть ручей между дубовъ.

Подъ ихъ хранительною сѣнью
 Струи его не знаютъ бурь,
 И въ нихъ, предавшись умиленью,
 Глядится горилл лазурь.

Онъ дышитъ чистою прохладою,
 И проходитъ тяжелый боръ,
 Земли сей труженикъ, съ отрадой
 Къ нему стремитъ усталый взоръ.

По вотъ, изъ дебри протекаютъ
 Подъ шумной пѣною ручьи,
 И въ лоно водъ его вливаются
 Свои бурливый струи.

Растетъ ручей. Вотъ доль объемлетъ
 Нетерпѣливою волной.....
 Уже ропотъ струй смятенно внемлетъ
 Бреговъ встревоженный цокой.

Онъ шибче, круче.... поскользнулся
 Ручей на гребнѣ крутизны,
 И внизъ съ свободою рванулся
 Громадой бѣшеной волны.

Въ безумствѣ буйномъ все свергаетъ,
 Все мчитъ съ собой, неукротимъ,
 Въковъ громады разторгаетъ
 И скачетъ съ хохотомъ по нимъ.

Въ скалахъ дробя крутя волны,
 Свой путь туманомъ онъ облѣкъ,
 Губительной отваги полный
 Летитъ безумствуя потокъ.

И какъ прекрасенъ твой могучій,
 Ненстовый, какъ духъ войны,
 Твой разрушительно-летучій
 Наскозь бичующей волны!

Скользя въ разбрызганныя воды,
 Лучи туманы ихъ зажгли;
 Роскошно радужные своды
 На пыль кристальную легли.

Какъ дивно блестятъ и сверкаютъ
 Жемчужной пѣною струи,
 И гнѣвно въ искры разсыпаютъ
 Главы кудрявыя свои.

Въ ихъ чудномъ блескѣ топать взоры;
 Какъ шумный вихрь они текутъ,
 И рабольшнымъ эхомъ горы
 Ихъ гулъ горамъ передаютъ.

Пусть.... Но въ тебѣ ль самомъ хранится
Источникъ красоты твоей?
Нѣтъ! солнца лучъ въ тебѣ дробится —
Твой блескъ игра его лучей.

Что въ немъ? Сокровища природы
Утратилъ ты въ струѣ своей:
Въ тебѣ такъ мутны злыя воды,
Прекрасенъ ты лишь для очей.

Но, погоди — пора настанеть:
Твой путь не будетъ столь покатъ,
И влага бурная устанетъ
Свой разсыпать жемчужный градъ.

И вновь, очищенный песками,
Твой просвѣтлѣетъ мутный токъ.....
Смотрите — тамъ между холмами,
Какъ кротокъ сдвѣался потокъ.

Ужъ блескомъ онь не ослѣпляетъ,
Ужъ шумъ затихъ въ его волнѣ —
За то, онь небо обнимаетъ
Въ своей кристальной глубинѣ.

За то прозрачными водами
Ласкался къ берегамъ, потокъ
Тамъ благотворными струями
Понтъ заботливо цвѣтокъ.

Теки! Твой путь при тихомъ склонѣ
Къ волнамъ зялющей рѣки,
Въ твоемъ взмелѣянные лонѣ,
Украшаютъ нѣжные цвѣтки.

Н. ВАННИКОВЪ.

ДВѢ РУССКІЯ ПѢСНИ.

=

I.

Пришла млада, прѣхала
Къ чужимъ воротамъ:
Хорошо было подворьицо —
Старуха лиха.
Мнѣ жить было съ милымъ другомъ —
Старикъ помѣшалъ.
Наѣхали Татарове,
Помонили старика;
На конь стараго посадили —
То радость моя;
Подъ конь ноги подвезали —
Хихи, да смѣхи;
Мимо лѣсу поѣхали —
Кручина моя:
Зацѣпится, оторвется,
Домой прибѣжить,
Меня младу младешиньку
Прибѣть пригубить.

II.

Печальное мое сердце,
Всегда сердце забываешь,
Въ тоскѣ пребываешь!
Нажила я себѣ друга,
Что нѣтъ его лучше,
А на что же того лучше —

До меня миль ласковъ!
 Онъ такой-то душа ласковъ!
 Какъ соколикъ лсной,
 Соколъ ты мой, златокрылой,
 Дружечикъ мой милой!
 Слышу, вижу, моя радость,
 Про твое несчастье:
 Какъ задумалъ, моя радость,
 Во путь, во дорожку...
 Оставленъ меня въ горь,
 Во слезахъ, какъ въ морь;
 Оставляетъ во кручинъ
 Какъ корабль въ пучинъ!
 По разлукъ, моя радость,
 Пиши, милый, письма...
 «Ужь я радъ, душа, писати —
 Милъ не съ кѣмъ послати!
 Напишу письмо слезами,
 Отоплю съ друзьями,
 Со такими ли друзьями —
 Съ буйными вѣтрами.»

П Р О З А.

ОЧЕРКИ ТОГО, ЧТО У НАСЪ ВЪ ОЧЬЮ СОВЕРШАЕТСЯ.

I.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Мѣра, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ быту потребна. Мы, къ несчастію, бросаемся въ противоположности безъ мѣры, и избѣгая одного неудобства, впадаемъ въ другое, хуже прежняго. Нѣкогда отцовская власть рѣшала все въ семействѣ; нынѣ, у многихъ, она почти ничего не рѣшаетъ. Строгость показалась излишнею. Ударились въ неограниченную снисходительность. Переимчивость безалаберныхъ системъ возродила забвеніе и Богомъ и людьми установленной власти. Часто вижу, что съ батюшками поступаютъ, какъ съ братцами — и то не съ старшими, а съ меньшими — и отъ того, кажется, добра не выходитъ.

Адрианъ Дмитріевичъ Хорецкій родился въ концѣ прошедшаго вѣка; учился всему, чему тогда учили; пошелъ въ военную службу и служилъ, потому,

что считалъ долгомъ отдать дань отечеству. Прослужа 18-ть лѣтъ, по кончинѣ отца пошелъ въ отставку, нашелъ добрую подругу, женился и радѣлъ о своемъ имѣніи и благосостояніи 500 душъ крестьянъ, доставшихся ему въ наследство. Попеченіе о воспитаніи единаго сына составляло главную его заботу. Домашній наставникъ преподавалъ юношѣ первыя науки, и въ послѣдствіи разные учителя приготовили его ко вступленію въ университетъ, гдѣ онъ пробывъ около трехъ лѣтъ. Тутъ счастливый и пригтовленный экзаменъ, въ которомъ юноша показалъ успѣхъ, довершилъ его воспитаніе. Все это было бы хорошо, но вотъ что худо: Викторущкѣ ни въ чемъ отказа не было; приходи его служили закономъ; просто сказать, онъ былъ избавленъ излишнею нѣжностію родителей, и скоро задумалъ то, что многіе ему подобныя думаютъ, а именно, что премудрость, лишь поднимутся они на ноги, въ нихъ однихъ гнѣздится, и что они суть отборныя пружины, полвишіяся въ міръ для исправленія всего, что предки ихъ напутали. А что предки ихъ все путали, въ томъ они сомнѣніи не имѣютъ. — Достаточное состояніе, отъ того приобрѣтеніе большаго числа пріятелей, ихъ одобреніе и похвалы поселили въ немъ безпредѣльное самонадѣяніе, источникъ многихъ глупостей. — Въ 19 лѣтъ, онъ мечталъ, что управленіе собою принадлежитъ ему, а не кому другому, и что всякая власть есть тиранство, насильство, которое свергнуть должно. — Желаніе родителей, чтобы вступилъ онъ въ статскую службу, осталось тщетнымъ. Тутъ осмѣлось прямо осудить родителей. Что мѣшало имъ объявить ихъ твердую волю, и съ начала положить преграду своевольству? — Нѣтъ, неизяснимая нѣжность обуяла имъ. Какъ противиться склонностямъ

дѣтей? Какъ противорѣчить и потерять ихъ довѣренность? Пусть покажутъ мнѣ большую привязанность дѣтей къ родителямъ, потворствовавшимъ прихотямъ ихъ чадъ. А я на лицо представлю дѣтей, которыхъ отцы любили нѣжно, но отцовской власти изъ рукъ не выпускали.

Нашъ герой, Викторъ Адриановичъ, чувствуя развитіе своихъ способностей, объявилъ, что намѣренъ служить въ военной службѣ, и не дождавшись согласія родителей, которые и безъ того противились влеченію его воли не осмѣлились бы, вступилъ въ полкъ, гдѣ протянувъ нѣсколько времени бремя юнкерской службы, произведенъ въ офицеры. Съ привилегіей носить эполеты, его духъ возвысился. Онъ смѣло смотрѣлъ каждому въ лицо, объявлялъ свои мнѣнія громкогласно, съ самонадѣяніемъ, причиннымъ тому, кто выдержалъ блистательный экзаменъ, хотя о наукахъ, слегка тронутыхъ, и въ поминѣ не было. — Къ родителямъ писалъ онъ часто, потому, что часто нуждался въ деньгахъ, въ которыхъ никогда ему отказа не было. Получая избыточное содержаніе, онъ имѣлъ многихъ пріятелей. А пріятели увѣряли въ дыму табачныхъ облаковъ, что свѣдѣнія его неограниченны и системы неоспоримы. Но тутъ тяготила юношу жестокая необходимость подчиненности, настоятельно требуемой въ военной службѣ. Онъ сильно чувствовалъ несправедливость судьбы, доставившей ему въ управленіе одинъ только взводъ, съ которымъ управляться былъ онъ не гораздъ. Тогда, какъ бушевали въ его душѣ увѣренность и готовность наставлять человечество и образовывать вселенную, служба содѣлалась несносна и несовмѣстна съ его возвышенными дарованіями. Онъ послѣдовалъ примѣрамъ многихъ, надѣясь на избыточное состояніе; подалъ въ отставку

безъ согласія родителей, прослуживъ только годъ, получилъ увольненіе и умножилъ число безполезныхъ отставныхъ юношей. Вотъ Викторъ Адриановичъ Хорецкій сдѣлялся свободнымъ на 21 году возраста. Кончивъ карьеру служенія, могъ онъ предаться влеченію страсти: твердить встрѣчному и поперечному о потребностяхъ вѣка, о новыхъ идеяхъ, о философіи, о правахъ человечества, о быстромъ подвизаніи въ премудрости и всезнаніи нашего подвизательнаго вѣка. Онъ объявилъ, что намѣренъ совершенствовать свои *интеллектуальныя способности*, которыя въ службѣ увядали, какъ цвѣты на морозѣ, и положили твердое намѣреніе ѣхать въ чужіе края, чтобы приблизиться къ корню изящныхъ понятій и всемірныхъ свѣдѣній, оставя невѣжественное отечество сиротствующимъ до возвращенія его. — Все это принадлежитъ къ великой наукѣ и системѣ подобныхъ геніевъ, которые морочатъ пустословіемъ. Но подобныя продѣлки не мѣшаютъ имъ заботиться объ умноженіи доходовъ, дабы тамъ, гдѣ пріобрѣтаются глубокія познанія, имѣть способы къ наслажденіямъ. Викторъ согласился посѣтить отца и мать въ деревнѣ, и пробылъ у нихъ нѣсколько мѣсяцовъ, но тяжелой и продолжительной болѣзни отца, отъ которой онъ и скончался. Викторъ не долго горевалъ. Онъ наследовалъ имѣніемъ, и вскорѣ принялъ намѣреніе доходы удвоить. Не усомнился онъ ни мало опрокинуть все устроенное отцомъ, переладить всѣ строенія, весь порядокъ переначить. Онъ выписалъ изящные планы, приказалъ строить, и настроилъ колоннады, украсилъ фасады и всю наружность на удивленіе. Но какъ-то рогатый скотъ не дивился красотѣ строеній, и требовалъ прежняго корма, въ которомъ оказался недостатокъ, а лошади, глядя на колоннады изящной конюшни, не

тучнѣли. Хлѣбопашество на новый ладъ съ почвою земли не ладило, и исполнители отличныхъ предначертаній отъ стараго отстали, а къ новому пристать не умѣли. Надобно замѣтить, что Викторъ Адриановичъ, при либеральныхъ и филантропическихкихъ восклицаніяхъ, наблюдалъ строгую взыскательность въ исполненіи всѣхъ его повелѣній. Но не выждавъ плодовъ мудрыхъ предначертаній, уѣхалъ въ столицу, предоставляя исполненіе прикащику и старостамъ, которые изъ предписаній его въ точности исполняли одно, а именно, въ разграфированныхъ красныхъ линіяхъ доставляли по формѣ мѣсячные отчеты, съ исправно подведенными итогами, гдѣ по окончаніи года доходы были равны 0. Въ послѣдующій годъ неурожай понудилъ кормить крестьянъ. Эти неудачи возродили необходимость, изъ занятыхъ въ Воспитательномъ Домѣ денегъ, удѣлить часть на прокормленіе крестьянъ, остальныя прожить въ столицѣ, и предпринимаемое путешествіе, для усовершенствованія *интеллектуальныхъ способностей* не состоялось, къ великой потерѣ Россіи. Тутъ постигли юношу неудачи, которыя называлъ онъ истинными горестями — недостатки въ деньгахъ. Не смотря на посылаемые грозные приказы, изъ деревни приходили униженныя донесенія, гласящія такъ: «Милосердый отецъ! доходы «плохи; крестьяне не справятся отъ голодныхъ годовъ; хлѣба господскіе, по повелѣнію вашему обрѣботанные, на поляхъ не всхожи, и скота отъ безкормицы примерло довольно число, а при вотчинѣ въ вашей обстоитъ все благополучно.» — Критическое положеніе юноши, жаждущаго наслажденій, знакомаго съ идеологіею, частыя посѣщенія кредиторовъ, отъ которыхъ неминуемо должно ускользать заднимъ крыльцомъ, намѣки товарищей,

которые уже безъ вниманія слушали его выходки на улучшеніе челоуѣчества, однимъ словомъ, потеря того уваженія, съ которымъ встрѣчаютъ и провожаютъ людей съ набитымъ карманомъ, и что хуже всего, Воспитательный Домъ, за неплатежъ процентовъ и капитала, неучтиво грозящій въ газетахъ продажею имѣнія — все это приводило его въ волненіе и безпокойство.

«Богатая невѣста исправитъ все», подумалъ онъ. Жениться безопасное дѣло. Это не акціи брать на удачу, не корабли отпускать въ море, не рисковать имѣніемъ въ откупахъ.

Викторъ Адриановичъ былъ довольно статный и красивый мужчина, хотя свѣжесть и румянецъ лица въ лучшихъ годахъ его жизни поуляли и потускнѣли, отъ позднихъ вечеровъ и кое-какихъ другихъ занятій. Въ обществѣ бывалъ онъ довольно любезенъ и говорливъ, доколѣ не касалось до его имѣній и не противорѣчили его системамъ. Онъ старался казаться глубокомысленнымъ; когда не понималъ, кивалъ головою, и на все смотрѣлъ съ сардонической улыбкой. Ему воздухъ Русскій былъ не по-нутру. Онъ, казалось, стремился куда-то, но куда и самъ не зналъ. Всѣхъ увѣрилъ онъ, что разочарованъ на счетъ и жизни и людей, потому, что его никто не понимаетъ, и въ томъ онъ совершенно былъ правъ. Кто подобныхъ ему пойметъ? Любви онъ знать не хотѣлъ и почиталъ ее обветшалостію. Одна любовь къ себѣ и приобрѣтеніямъ обладала имъ.

Съ этими чувствованіями пустился онъ на поискъ подруги на всю жизнь. Бумажникъ его, какъ слѣдуетъ, снабженъ былъ справками изъ гражданской палаты и Воспитательнаго Дома, съ подробными регистрами отъ опытныхъ особъ, свѣдущихъ въ числительныхъ достоинствахъ невѣсть. Скоро узналъ онъ,

что Вѣра Любимова, молодая и богатая наследница, болѣе всѣхъ заслуживаетъ вниманіе, и рѣшился. Вѣра Любимова была дѣвица лѣтъ 18, дочь полковника, служившаго долгое время, и кончившаго жизнь на покоѣ, воспитанная почтенною и доброю матерью, частію въ столицѣ, болѣе въ деревнѣ; ей внушили обязанности, предлежащія ей полу и будущему назначенію; познаніе разныхъ языковъ, приобрѣтеніе талантовъ получила она не на удивленіе, но на пріятности общежитія и занятіе въ праздные часы отъ другихъ упражненій; въ ней утверждены были незыблемыя правила, служащія твердымъ основаніемъ нашихъ добродѣтелей. Съ миловиднымъ лицомъ и пламеннымъ сердцемъ, мечтательница думала быть любимой: тутъ сосредоточено было все земное ея счастье; невѣжда въ свѣтъ, она судила по себѣ; не знала, что личина не есть лицо, что часто берутъ имѣніе и съ нимъ по необходимости жену — она мечтала отдать сердце за сердце, и поручить счастье свое безусловно; чувствительность ея была не нарумяненная личина, плодъ чтеній романовъ, но шла прямо отъ сердца и выражалась во всѣхъ дѣліяхъ, во всѣхъ мановеніяхъ. Вотъ съ кѣмъ и гдѣ могъ бы Викторъ обрѣсть земное счастье! Но онъ не тутъ его искалъ. Познакомясь въ домъ, сдѣлался искателемъ, могъ быть любезенъ, когда хотѣлъ, былъ скроменъ и не заносчивъ въ своихъ имѣніяхъ, не только во время искательства, но даже послѣ стовора до самой свадьбы. Онъ поправился. Вѣра о будущей судьбѣ строила воздушныя замки, и дала сердцу полную волю. Если бы можно было описать въ лицахъ счастье и блаженство, стоило бы только заглянуть въ сердце женщины, любящей въ первый разъ, въ увѣреніи быть любимой. Вѣра была дѣйствительно счастлива. Но

кратковременно было ее блаженство; очаровательная завѣса спала, и брошенный идеалъ добродѣтелей на любезнаго ей сердцу — исчезъ какъ сумракъ.

Свадьбу сыграли. Съ кипящимъ любовію сердцемъ, отдала Вѣра свою руку; съ кипящею готовностію получилъ Викторъ имѣніе и приданое. Такъ называемый, медовый мѣсяцъ прошелъ быстро въ визитахъ и обрядахъ свѣтскаго приличія. Вѣра надѣялась наслаждаться домашнимъ счастіемъ, а счастье для нее было тамъ, гдѣ Викторъ. Она занялась хозяйствомъ, устроила все для спокойствія милого Виктора, но Викторъ не тутъ искалъ счастья — его блаженство средоточилось въ пышной роскоши, въ упоеніи страстей и чувственныхъ наслажденіяхъ. Съ душою холодною, съ головою, набитою пустыми гипотезами фразеологій новѣйшаго скептицизма, и страстью къ осужденію всего, что на глаза попадало, онъ проводилъ утро въ посѣщеніяхъ, рѣдко обѣдалъ дома, а большею частію на заказныхъ обѣдахъ, гдѣ изящныя блюда, изящныя вина ласкали его лакомство; вечеръ проводилъ въ клубъ, или въ бесѣдахъ, гдѣ полюбные ему сотрудники, въ чаду табачныхъ облаковъ, судили о участи вселенной, или занимались остроумною игрою, облегчая другъ друга отъ излишества въ кошелькахъ. Поздній вечеръ и утренняя заря встрѣчали его возвращеніе на ночлегъ, и Вѣра, какъ будто овдовѣвши, въ одиночествѣ провождала жизнь. Скоро не усомнилась она въ участи своей; за нѣжность платили ей равнодушіемъ и холодностію; ей сердце терзалось; она рѣшилась выговорить неблагодарному, обратиться его ласками, снисхожденіемъ. Что же получила въ отвѣтъ? — Ледяные софизмы, жестокія выходки, ѣдкія насмѣшки на счетъ

сентиментальности, почерпнутой изъ давно забытыхъ романовъ, и наконецъ рѣшительное объявленіе, что никакое богатство и благо не понудятъ его быть подвластнымъ, приноравливать свои чувства къ понятіямъ другихъ, и потому не намѣренъ онъ перемѣнять образа мыслей, но хочетъ жуировать жизнь, не быть затворникомъ, предоставляя женѣ наслаждаться, какъ угодно. Вѣра, съ растерзаннымъ сердцемъ, увидѣла всѣ замыслы на счастье уничтоженными. Печали своей не открывала она ни кому, даже матери. Какъ цвѣтокъ, сорванный, скомканный и въ грязь втоптанный, она томилась, страдала, терпѣла, и къ несчастію, не могла выгнать изъ сердца образа неблагодарнаго. Печаль ее точила, силы слабѣли; она изнемогла; позвали докторовъ. Тѣ лѣчили, составили какъ водится совѣтъ, и рѣшили отправить больную въ теплый климатъ, къ водамъ. Викторъ съ восхищеніемъ согласился на предложеніе; давно горѣлъ онъ нетерпѣніемъ показаться въ чужихъ краяхъ, для усовершенствованія *интеллектуальныхъ способностей* (это были его слова), на развитіе которыхъ не находилъ возможности въ отечествѣ, гдѣ не живутъ, но, по его изрѣченію, *вегетируютъ*! — Онъ объявилъ намѣреніе сопутствовать супругѣ, ускорилъ всѣ пріготовленія, и даже былъ внимателенъ и прислуживалъ больной предъ отъѣздомъ, и во время пути, довезъ ее до Германіи, и сдалъ благополучно на водахъ попеченію матери, ихъ сопровождавшей, съ туго набитымъ кошелькомъ отправился посѣщенію въ вожделѣнный Парижъ.

Слѣдовало бы описать въ подробности пребываніе нашего героя въ Парижѣ, но подробности наскучатъ, тѣмъ болѣе, что походженія нѣкоторой части нашихъ соотечичей, влюбленныхъ страстно въ

чужбину, во время ихъ бытности въ столицѣ міра (какъ они называютъ), все однѣ и тѣ же. Викторъ въ Парижѣ *жуировалъ* и всѣмъ любовался. Въ восхищеніи отъ знакомства съ газетными героями и отличными говорунами, которые столь блистательно ораторствуютъ, опровергая то сегодня, что утверждали вчера, и производя ежедневно *du frais et du nouveau*, онъ только что не обожалъ знаменитыхъ мужей, коихъ удостоился лицезрѣнія. Но вотъ что охладило нѣсколько страсть Виктора къ политическимъ знакомствамъ: онъ почти безпрестанно попадалъ въ просакъ; обращался къ легитимисту, вмѣсто республиканца, или Бонапартисту, вмѣсто роялиста, къ *juste milieu*, или къ *шта*, вмѣсто доктринера, и т. д. — День на день не приходило, и часто справка на канунъ не годилась къ другому дню. Впрочемъ, это было нѣкоторымъ образомъ дѣло постороннее, и нужное только для матеріаловъ къ блестящимъ разговорамъ по возвращеніи въ отечество. Настоящаго дѣла онъ не забывалъ: *жуировалъ* Парижемъ, пользовался его пріятностями во всей полнотѣ, и чуть было для славы Россіи не написалъ, по примѣру нѣкоторыхъ соотчичей, Французскаго романа, но времени на то не случилось. Наконецъ, присылаемыхъ изъ Россіи доходовъ не доставало, и какими-то судьбами высылка становилась рѣже, рѣже, и наконецъ совсѣмъ прекратилась. Вѣжливость Французовъ немовѣрна; у нихъ заведенъ обычай: со всевозможнымъ учтивствомъ, неисправнымъ плательщикамъ отводить безденежно квартиры; такъ страстные любители вольности поступаютъ, и не безъ причины. Но Викторъ этого обычая терпѣть не могъ, по особенному отвращенію къ затворничеству; онъ заблаговременно и кстатіи принялъ намѣреніе посѣтить хворую жену,

мимовѣдомъ въ Италію, надѣясь получить тутъ подмогу въ разстроенныхъ финансахъ. Но здѣсь обстоятельства переѣнились. Горестная Вѣра за мѣсяць до того кончила страданія и переселилась въ лучшую жизнь, а отчаянная мать уѣхала въ Россію.

Непреклонная необходимость принудила Виктора рѣшиться на возвращеніе въ отечество. Онъ былъ грустенъ. Къ неудачамъ въ намѣреніяхъ, явилась еще неожиданная прибавка — совѣсть, неотвязчивая гостья наша, ежели ее силою не выгнать. Она Виктору трубила свое, приставала безпрерывно съ докладами, и нѣсколько времени не могъ онъ себя поставить въ обыкновенное равнодушіе. Кошелекъ его былъ весьма тощъ. Это прибавляло тоски. Денегъ едва на прогоны доставало. Надлежало ѣхать скромно и умѣренно, лишиться *комфорта* и излишествъ, коими окружаетъ себя философъ, проповѣдующій другимъ умѣренность. Викторъ страдалъ, а будущее не тѣшило его воображенія. Кое-какъ доѣхалъ онъ до мѣста назначенія. Тутъ встрѣтили его еще неприятыишии извѣстіями. Законные наследники послѣ покойной жены его потребовали имѣніе, предоставляя ему только 7-ю часть, которую принужденъ былъ онъ уступить на уплату неотомоннымъ кредиторамъ; родовое его имѣніе, за неплатежъ процентовъ и капитала, давно было описано и продано. Что дѣлать изящно образованному юношѣ, безъ денегъ, безъ способовъ *жуировать*? Служить горькое убѣжище для великаго генія! Необходимость заставила наконецъ подвергнуть себя подчиненности — удѣлять время на труды, или, по крайней мѣрѣ, на явку въ присутственномъ мѣстѣ — тяжкое бремя! Но еще утычала надежда достигнуть до званія высокоблагороднаго, въ которое геніяльность не мѣшаетъ втираться. Викторъ рѣшился, и пригрѣлъ себя

мѣстечко по статской службѣ. Тутъ, какъ и вездѣ, чувствовалъ онъ, что рожденъ не учиться, не приобретать навыкъ и опытъ въ трудахъ, но наставлять другихъ, судить безъ пощады предшественниковъ, и выдумывать новые порядки, которые готовъ былъ выдавать за гениальныя произведенія. Но велемудріе и философія Виктора были недостаточны. Онъ дѣйствительно предался горести, оставаясь при убогихъ доходахъ. Скоро онъ почувствовалъ, что горестъ изнуряетъ, а изнурять дражайшее Я не годится. Викторъ пересталъ горевать, положилъ намѣреніе: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечиться. Онъ обратился къ извѣстному убѣжищу—женитьбѣ, и не безъ успѣха. При подобныхъ спекуляціяхъ на находки недостатка нѣтъ въ нашей бѣлокаменной. Онъ скоро развѣдалъ о существованіи единственной дочери Маркела Степановича.

Маркель Степановичъ, человѣкъ весьма расторопный и смѣшленный, съ молодости началъ торговать, закупалъ во время, продавалъ въ надлежащую пору. Ему посчастливилось. Въ скоромъ времени сдѣлался онъ значительнымъ купцомъ. Отъ плодовъ своего досужества нажилъ нѣсколько каменныхъ домовъ, съ округленнымъ капиталомъ, который ежедневно становился согнѣе и полнѣе, такъ, что на Маркела Степановича съ уваженіемъ смотрѣли и изъ далека передъ нимъ шапки ломали. Онъ рано овдовѣлъ, и единая дочь его на 10-мъ году возраста лишилась матери. Маркель Степановичъ задумалъ воспитать дочку, какъ водится при большомъ достаткѣ, не ударя себя лицомъ въ грязь. Онъ скоро отыскалъ мадамъ Аделаиду Францовну Пижанъ, знатную наставницу, которая обязалась учить всему, и въ послѣдствіи уговорила Маркела Степановича присоединить въ помощь къ ней искуснаго танцмейстера. Тотъ,

купно съ нею, хотѣлъ усовершенствовать пи-томицу въ турнирѣ и грасахъ. Эта важная часть воспитанія какъ-то не удалась. Сама мадамъ Пижанъ недовольна была успѣхомъ, и утверждала, что пи-томица никогда не достигнетъ до граціозности Французенки, хотя при прежнихъ воспитаніяхъ, она совершенные видѣла успѣхи въ бытность ея у княгини N. N. и генеральши K. K., но м-мъ Пижанъ говорила, что это не такъ примѣтно въ танцахъ, и на балахъ мало это замѣчаютъ, по тому, что недовкостя въ богатой наслѣдницѣ никто не предполагаетъ. Подруги и знакомыя шопотомъ между собою и проговаривали, но это были такія, которыя съ большою завистию на отличные ея богатые наряды смотрѣли; другія жъ говорили, что Лукерія Маркеловна съ честью танцы практикуетъ, усматривая ея усилія не отставать отъ прочихъ въ кадрилияхъ и мазуркахъ.

Между тѣмъ Лукерія Маркеловна достигла 17-ти лѣтняго возраста. Образованіе кончилось, и мадамъ Пижанъ съ честью отпустили. Плодомъ ея воспитанія было то, что Лукерія Маркеловна не здоровалась иначе съ подругами и съ знакомыми, какъ на Французскомъ языкѣ, и въ публикѣ отпустила Французскія фразы, которыя съ грамматикою не очень ладили, но кто это замѣчать будетъ? На фортепіано играла она довольно успѣшно кадрили, мазурки, и проч. Но какъ-то съ кадансомъ не соглашалась, полагая, что въ музыкѣ кадансъ дѣло постороннее. А Маркель Степановичъ не могъ нарадоваться, видя успѣхи высокой образованности, къ которой и онъ чудесно пристрастился, и въ восторгъ проговаривалъ между своими: «Вотъ и Лушенька не хуже дворянки воспитана.»

Должно отдать полную справедливость Лукеріи Маркеловнѣ, что при всѣхъ усиліяхъ мадамъ Пижанъ въ высокомъ образованіи не утратила она

страсти къ домоводству и порядку, въ слѣдствіе чего Маркель Степановичъ учредилъ свою дочь полною хозяйкою, и ни мало не ошибся. Прошла молва, что она нравомъ крутенька; но это отъ того, что наблюдала умѣренность въ издержкахъ, любила поставить на своемъ, съ неисполнителями повелѣній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безъ доклада родителю сама управлялась, лишней копѣйки не тратила, въ отсутствіе отца съ прикащиками считалась, а на счетахъ не хуже лучшаго присяжнаго выкладывать умѣла.

Росту была она средняго, съ довольно приятнымъ лицомъ, которое немного попортила оспа, но лицо было всегда было и всегда румяно. Между тетушками и родными слыла красавицей, потому, что съ молодыхъ лѣтъ изрядно тучнѣла; голосъ былъ выразительный, по словамъ знатоковъ, между альтомъ и баритономъ, но въ хоровыхъ пѣняхъ отлично пѣвала басомъ. Я распространился въ такихъ качествахъ Лукеріи Маркеловны, потому, что нравственная статья не входила въ число нужныхъ справокъ. О финансовой части все дознано подробно — тутъ вся важность.

Годы быстро протекали. Лукеріи Маркеловна очутилась зрѣлою невѣстою. Женихи явились кучами. Услужливыя сватьюшки подъѣзжали и подходили съ задняго и передняго крыльца, и хотя нныя женишки и были бы подъ стать, но всѣмъ послѣдовалъ отказъ. Вотъ причина: Маркель Степановичъ, человѣкъ умный и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, зараженъ былъ странною болѣзнію — смертельнымъ желаніемъ, по полученіи избыточнаго состоянія, выходить изъ своего сословія, просто сказать — втираться въ дворянство. Опыты ежедневно доказываютъ невыгоды подобной амальгамы. Но это не

мѣшало Маркелу Степановичу пренебрегать почтеннымъ и полезнымъ званіемъ честнаго негоціанта. Онъ положилъ твердое намѣреніе отдать дочь за высокоблагороднаго, если князь не попадется; между тѣмъ Викторъ дѣйствовалъ съ своей стороны: успѣлъ осмотрѣть невѣсту, подослалъ съ предложеніями, и по учиненіи прелиминарій и условій посланниками и посланницами, послѣдовалъ ultimatium. Испросивъ, вопреки обычая, согласіе невѣсты, которая, хотя шопотомъ, но внятно сказала: «Онъ мнѣ не противенъ,» позвали Виктора на пышный обѣдъ, послѣ чего, при питіи шампанскаго за здравіе, его высокоблагородіе объявленъ женихомъ. Вотъ въ скоромъ времени принялись и за свадьбу.

Викторъ былъ въ восхищеніи. Ему улыбалась будущица, находились способы *журировать*. Онъ примирился со свѣтомъ и людьми, нетерпѣливо ожидал кануна свадьбы и привоза приданого въ домъ жениха. Насталъ желанный вечеръ. Съ умиленіемъ улыбался онъ каждому сундуку, желалъ скорѣе прижать къ сердцу вожделинную шкатулку, гдѣ хранились, въ число обшанныхъ, на первый случай 100,000 рублей. Приданое доставлено все безъ остатку, но шкатулка не явилась на лицо. Викторъ усомнился и безпокойно провелъ ночь. Маркель Степановичъ, отпуская приданое, заблагоразсудилъ вручить шкатулку съ ключемъ дочери, а она подумала, что отдавая послѣ вѣнца только сердце и руку, словно сиротою вступила бы къ супругу въ домъ, и весьма благоразумно припрятала ключикъ къ себѣ, оставя шкатулку своею сопутницею.

Свадьба сыграна со всею пышностію. Гостей было безъ числа. Свѣчъ, шкаликовъ и плошекъ сожжено безъ счету. Цѣлую недѣлю пировали. Другую

молодые провели въ блестящемъ экипажѣ въ визитахъ. Наконецъ воцарилась тишина.

Теперь предложить мнѣ многогрудная обязанность представить картину семейнаго счастья Виктора Адриановича и Лукерьи Маркеловны. Не знаю, какъ приняться!

Я всегда смотрѣлъ на супружество съ одной точки зрѣнія, и думалъ, что оно похоже на условіе двухъ товарищей въ одномъ дѣлѣ. Ежели оба согласившіеся соотвѣтствуютъ одной цѣли, взаимно подаютъ руку помощи, снисходя обоюднымъ ошибкамъ, то неминуемо дѣло пойдетъ въ прокъ. Но ежели каждый изъ нихъ смотритъ въ свою сторону, какъ двуглавый орелъ, и тянетъ только на свой ладъ, то дѣло хоть брось. Изъ очерковъ качествъ Виктора Адриановича и Лукерьи Маркеловны догадаться можно, что обоюдныя ихъ склонности не къ одной цѣли стремились. Не смотря на медовый мѣсяць, Лукерья Маркеловна объявила прямо и ясно, что она будетъ дѣйствительною хозяйкою дома, на что супругъ изъявилъ полное согласіе, охотно предоставляя ей полную волю во всѣхъ заботахъ, трудахъ и хлопотахъ, а онъ желалъ только «сберечь казну», и быть собственнымъ финансъ-министромъ. Но на это послѣдовало краснорѣчивое молчаніе со стороны супруги. Ключъ оставался въ прежнемъ храненіи, и весьма скоро объявлено твердое намѣреніе не касаться капитальной суммы, а прожить одни только доходы. Естественно, что эти намѣнки не по сердцу были Виктору. Но нашъ философъ надѣялся на время и свою настойчивость. Первые мѣсяцы протекли въ умѣренномъ спокойствіи. Лукерья Маркеловна всматривалась въ супруга. Но когда замѣтила совершенное къ себѣ небреженіе, безпрерывное изъ дому отсут-

ствіе, позднее въ глубокую ночь возвращеніе, а что хуже всего, требованіе безпокойныхъ кредиторовъ, то вскипѣла гнѣвомъ. Послѣдовали супружескія объясненія, которыя никогда мирно не кончатся. Сперва пошли укоризны и колкости. Одинъ упрекалъ мѣщанствомъ, другая безденежностью. Crescendo поднималась буря и громъ раздражался. Каждый упорствовалъ. Она требовала постояннаго и порядочнаго житія — онъ требовалъ денегъ. Разставались съ ненавистью. Ссоры слѣдовали одна за другою и обратились въ ежедневныя потѣхи. Наконецъ Лукерья Маркеловна на отрѣзъ объявила, что «имѣніе ея собственность, «что супругъ» можетъ «поступать какъ ему угодно: въ домѣ можетъ жить «и мужемъ ея быть, но на прихоти денегъ давать ему «не будутъ, примѣру покойной жены его слѣдовать «не намѣрены, и быть многострадальною его рабою, и «долговъ платить не хотятъ». Викторъ увидѣлъ скоро исполненіе объявленной ему грозной воли. Онъ обратился съ формальною жалобою къ Маркелу Степановичу. Но тутъ правосудія не нашель и не мудрено: Викторъ былъ знакомъ съ Европейскою политикою, но домашней соблюсти не умѣлъ. Онъ не называлъ тестя «батюшкою», а просто по имени. Тесть любить честь. Оскорбленное самолюбіе взяло свое. Высокоблагородный зять естественно нажилъ себѣ недоброежелателя, и потому Маркель Степановичъ не замолвилъ слова, а изъ великодушія «держался нейтралитету», какъ самъ говаривалъ. Когда съ молододу не приобрѣтено навыка къ трудамъ и полезнымъ занятіямъ, отъ которыхъ домашній бытъ приятенъ, то при пустотѣ головы и черствомъ сердца, разсыяность становится жизненною потребностью. Положеніе Виктора сдѣлалось отчаяннымъ; изъ властелина очутился онъ подвластнымъ. Рвски-

ми чертами представлялось ему сравненіе прежней его жизни съ настоящимъ. Настойчивость Виктора здѣсь не годилась. Лукерія Маркеловна сильно защищала свое право. Крѣпость была тверда. Вся артиллерія въ ея рукахъ. Угрозы падали какъ въ стѣну горохъ. Я часто видалъ примѣры, что либеральныя мысли и геніальныя идеи ни сколько не мѣшаютъ маленькимъ расчетамъ. Лишась способовъ наслаждаться, Викторъ имѣлъ время на размышленіе. Горькая необходимость заставила его думать. Онъ разсудилъ, что не оставалось другаго средства, какъ смирить гордость. Объявленное нѣкогда рѣшительно правило: не поддаваться ни какой власти, и не приноравливать своихъ чувствованій къ понятіямъ другихъ, слѣдовало отмѣнить. Онъ былъ хорошій ариѣметикъ, и умѣлъ разсчитать сумму нѣжности по мѣрѣ необходимости въ доходахъ. Викторъ рѣшился на покорность, прибѣгнулъ къ униженію, къ ласкательствамъ. Онъ даже принудилъ себя называть при удобныхъ случаяхъ Маркела Степановича «батюшкою», чего до сихъ поръ изъ устъ его не выходило. Сердце Лукеріи Маркеловны не совсемъ было каменное. Покорность и умиленіе смягчили наконецъ ея гнѣвъ. Говорятъ, что теперь она умиловилась. Хотя не позволяетъ быть полнымъ властелиномъ своей шкатулки, но изрѣдка отыскиваетъ заветный ключикъ, открываетъ шкатулку, и съ особенною улыбкою, подтверждая не мотать, снабжаетъ высокоблагороднаго мужа на малые расходы (*pour ses menus plaisirs*). Теперь многіе знакомые не узнаютъ Виктора. Его не видать на шумномъ ландскнехтѣ, или за карточнымъ столомъ въ большой игрѣ. Онъ, смиренно приставля стулъ къ молчаливому висту, смотритъ только на игру. Почти не встрѣчаютъ его на заказныхъ объ-

дахъ. Не слышать нигдѣ его диктаторскаго тона, и онъ даже соглашается иногда съ мнѣніями другихъ. Въ немъ замѣчаютъ родъ смиренія и покорности, и во всемъ его видѣ проглядываютъ уныніе и меланхолія, слѣдствія недостатка въ наслажденіяхъ. Викторъ, изъ бойкаго, смѣлаго чловѣка, сдѣлался смиреннымъ агнцемъ. Иные дивятся и не знаютъ, чему приписать такую перемену. Но другіе весьма справедливо догадались, «что нашла коса на камень!»

Ходитъ молва, будто бы нѣкоторыя супружницы переняли систему Лукеріи Маркеловны, и съ успѣхомъ воспользовались талисманными ключиками отъ своихъ шкатулокъ.

ЛЕВШИНСКІЙ ПУСТЫННИКЪ.

БИТВА СЪ ПИРАТАМИ.

(отрывокъ изъ морскаго романа).

— Держить ли бригъ еще сигналъ? — спросилъ Баронъ Винтъ командиръ брига Храбраго, прохаживаясь по шканцамъ.

«Держить!»

— Поднять ли отвѣтъ?

«Поднять: не ясно вижу. Нашъ товарищъ, кажется, выпелъ изъ Поро, и хочетъ къ намъ подлавировать», сказалъ вахтенный лейтенантъ.

Командиръ гордо откинулъ назадъ свою голову; привычнымъ взоромъ пробѣжалъ по картинно-распущеннымъ парусамъ, на которые такъ щедры лихія моряки; взглянулъ на Морейскій берегъ, вдоль котораго, при попутномъ вѣтрѣ, бригъ Храбрый несся подъ всѣми лиселями; онъ выпелъ въ проливъ у Капъ-Колона; цѣль его плаванія была Поро.

Черезъ нѣсколько времени, радостно закричалъ съ бака сигнальщикъ: «№ 599.»

«Имѣю приказаніе отъ адмирала», сказала малютка, штурманскій кадетъ, подбѣгая къ капитану съ сигнальной книжкой.

— Отвѣчать! Да, хорошенько смотрѣть: не будетъ ли телеграфа? Возьми мою Лондонскую трубу.

«Она у меня», отвѣчалъ малютка.

— То-то ты такъ согнулся на правую сторону. «Очень тяжела-съ!» отвѣчалъ тотъ, весело по-сматривая на капитана.

— Телеграфъ готовить! — закричалъ протяжно сигнальщикъ. Съ живостью схватилъ малютка аспидную доску для записыванія номеровъ телеграфа, и бросился бѣжать на бакъ. Вскорѣ возвратившись, передалъ онъ значеніе телеграфа, по этикету службы, вахтенному лейтенанту, а тотъ буквально донесъ капитану: «имѣю повелѣніе, вмѣстѣ съ вами, атаковать два корвета, стоящіе въ Монастырской бухтѣ.»

«Лиселя съ лѣвой долой; держать на западную оконечность Пороса; давать командъ скорѣе объдать; велѣть артиллерійскому офицеру больше выкатить ядеръ.» И съ этими словами, обращенными къ старшему лейтенанту, капитанъ спустился въ низъ.

Въ его боковомъ кабинетѣ сидѣла задумчивая Зюлейка; слезы высохли на ея глазахъ; блѣдность печально очертила ея прекрасную, страстную физиогномію. При появленіи Барона, она бросилась къ нему на грудь, и безъ слезъ рыдая, спросила прерывающимъ голосомъ:

— Скоро ли покинешь ты меня? Скоро ли придемъ мы въ Поро?

«Нѣтъ!» отвѣчалъ машинально Винтъ.

— Нѣтъ! И такъ ты даришь мнѣ еще нѣсколько часовъ, можетъ быть, нѣсколько дней! — И я снова оживаю для счастья, снова благословляю судьбу мою, которою ты управляешь, какъ мусселинь, повелѣвающей владыками нашихъ сералей. Что значили для меня годы жизни въ тюремномъ гаремѣ! Что значили для меня мѣсяцы, когда я скиталась

съ нашимъ племенемъ по Хіосу, Идрѣ, Ипсарѣ! Теперь только я понимаю, огненно чувствую каждый счастливый часъ, проведенный съ тобою, счастье, передъ которымъ блѣдна, безцвѣтна любовь султана къ его первой любимицѣ, ничтожны рабскія угожденія прислужницъ гарема, скромны всѣ богатства Востока, роскошью которыхъ тышащ повелительницу султанскаго сердца. Благодарю тебя за жизнь, которую ты растапливаешь въ твоихъ знойныхъ поцѣлуяхъ! Знаешь ли? Наше южное солнце не такъ жгло меня, какъ твои взгляды! Отъ солнца я бѣжала укрыться въ тѣнь, а къ твоимъ ласкамъ стремлюсь, какъ къ наслажденію жизнию. И я опять буду съ тобою—ты укутатишь меня твоими палищими поцѣлуями? Нашему бѣдному поколѣнію, женщинамъ, рѣдко судьба бросаетъ знойныя страсти въ образъ мужчины, но если мы встрѣтили ихъ сердцемъ, то предаемся имъ съ необузданностью...

Она пала на его грудь, и судорожно сжала его въ своихъ объятіяхъ; ея рѣчь сопровождала трепеть; казалось, не кровь, но огонь протекала въ ея жилахъ; казалось, каждое слово ея отрывалось отъ сердца—и это сердце, взрытое могуществомъ взволнованныхъ страстей, металось, рвалось за отлетѣвшимъ звукомъ, выражалось въ страстномъ порывѣ, отъ котораго замираетъ духъ въ груди и тѣло бьется въ лихорадочномъ движеніи.

Грустная мысль запада въ душу Капитана; онъ видѣлъ передъ собою существо, которое въ огненной истомѣ обвилъ его своею любовью, слилось съ нимъ всеми пылающими чувствами своего существованія, бросилось въ разгаръ страсти, увлекала и его въ этотъ клубящій водоворотъ любви. Винтъ сочувствовала Зюлейкѣ, но знала, что ей

должно было предпочесть долгъ службы, и успокоивался надеждою вознаградить себя въ будущемъ, въ Россіи, а до того времени, онъ рѣшился отослать ее на первомъ кораблѣ въ Одессу, гдѣ она должна была ожидать его прибытія. Теперь вдругъ измѣнились его предположенія. Корабль шелъ биться съ непріателемъ, и можетъ быть, блуждающее ядро вырветъ сердце изъ груди Зюлейки, сердце, такъ безотчетно ему преданное; можетъ быть, она, еще въ цвѣтъ лѣтъ, съ полнымъ могуществомъ страстей, съ полной надеждою насладиться жизнью, лишится этой жизни, слѣдуя за судьбою Винта, И за кого же она погибнетъ? За утомленнаго жизнью мужчину! Онъ печально покачалъ головою, и отстранилъ свой мутный взоръ отъ пылающаго взгляда Зюлейкина.

— Что съ тобою?—вскричала она свирѣпо, схвативъ обѣими руками за его голову и наклоняя ее къ себѣ, прямо смотря ему въ лицо и впиваясь своими глазами въ его очи.

«Ничего!» отвѣчала Баронъ, отстраняясь отъ испытующаго взора Зюлейки.

— Какъ ничего? Огонь блеснулъ въ твоихъ глазахъ—ты утеръ слезу. Не утирай ее: отъ слезы родилась Пери, любимица нашихъ гаремовъ; отъ твоей можетъ родиться облегченіе намъ, кипищимъ страстию! Нѣтъ! не отдамъ землѣ твоей слезы, и въ тотъ день, когда страшнымъ звукомъ напомнятъ намъ роковой день, я съ этой слезой внесусь въ хрустальное седьмое небо!

«Перестань, Зюлейка! Нѣжное дитя Юга, дитя Христіанина въ Мусульманскомъ гаремѣ, ты позабыла молитву ко Христу, затерялась въ инвѣртіи; ты даже не знаешь, что молитва укрываетъ насъ отъ бурь жизни, отъ ея горестей!

— Не знаю бурь жизни въ твоихъ объятіяхъ; не пойду изучать ихъ въ ваши обширные, душевные города: въ тебѣ, въ одномъ тебѣ, заключено все — и мол родина, и ея свобода съ блестящимъ небомъ и вѣчно цвѣтущею природою, и память о сынѣ и любовь къ нему, оторванному на вѣкъ отъ меня. Я знаю одно — любить, и это узнала, изучила я у тебя, и еще знаю — умереть за любимаго человека и умирая любить его!

«Что если бы ты увидѣла меня мертвымъ?»

— Что? повторила она дико. Что? Если бы я увидѣла тебя мертвымъ? Что? — И она, разгорѣвшись, поблѣднѣла; багровыя пятна выступили по лицу ея, дыханіе замирало въ груди. «Что?» снова повторила она, какъ бы соображая его слова. «Ничего!» проговорила она съ живостью. «Право, ничего! Я только бы вскрикнула — и умерла бы, обхвативъ тебя такъ сильно, такъ сильно, что насъ не разорвали бы люди, и по неволѣ положили бы въ одну могилу.»

— Перестань! Перестань! Ты душишь меня въ своихъ объятіяхъ. Какъ измѣнилась ты въ лицѣ — я только пошутить! — сказала онъ, принимая веселое выраженіе.

— Пошутить? Ты шутишь моимъ сердцемъ! Впрочемъ, мнѣ легче умирать вмѣстѣ съ тобою, нежели думать, что ты будешь жить въ чужихъ объятіяхъ, что ты, можетъ быть, покинешь меня; О! не покидай, не покидай твоей Зюлейки! Съ тобою только, съ тобою повсюду и навсегда! Я не прожила бы дня, задохнулась бы воздухомъ, который не благословилъ бы тебя своимъ дыханіемъ.

Капитанъ вырвался изъ ея объятій.

— Зюлейка! къ тебѣ придетъ Павелъ и проведетъ въ другое, болѣе безопасное мѣсто.

— Ребенокъ! ты не понимаешь моихъ чувствъ; боишься повѣдать мнѣ объ опасности. Я расслышала нѣсколько словъ за перегородкой. Офицеры говорили что-то о сраженіи. И ты хочешь въ то время спрятать меня, когда каждое ревнивое ядро можетъ тебя вырвать у Зюлейки? Ты забываешь, что во мнѣ течетъ кровь Грека, и мы, вмѣстѣ съ жаждой свободы, благословлены на хладнокровное презрѣніе всѣхъ опасностей. И если твои взгляды не сожгли меня, твои объятія не задушили, то что для меня непріятельскіе выстрѣлы?

«Ты не хочешь, Зюлейка, мнѣ повиноваться: ты не любишь меня — любить значить слушаться.»

— Мой отецъ — тотъ, кто произвелъ подобное, такое, какъ мое сердце, и кто развилъ во мнѣ столько наследственного огня, испугался бы самъ знойной пылкости моего сердца — и я не знаю, что такое любить? Да, я не умѣю выразить моей любви, но если ты произишь мое сердце, то изъ него брызнетъ не кровью, а огнемъ! Мнѣ сказано природою: живи, дыши огнемъ. Огонь сжигаетъ меня — огонь, а не воздухъ, льется въ жадную, ненасытную грудь, и ты говоришь, что я тебя не люблю, не слушаю! Охлади же прежде, и я буду вслушиваться въ твои холодныя приказанія. Но знай, что всѣхъ водъ океана не станеть залить мое глущее дыханіе, всѣхъ снѣговъ вашего сѣвера оледенить разсудокъ. И могу ли я вслушиваться въ твои холодныя приказанія, когда знойно свирѣпѣють во мнѣ страсти?

Отъ бѣшенаго, изступленнаго взгляда Зюлейки падали искры и въ поляхъ бросало Капитана.

— Прощай! — сказала онъ — слышишь наверху движеніе!

«Прощай!» повторила она, бросаясь къ нему на

шею. Съ трудомъ оторвалъ Баронъ ее отъ себя, и кинулся на верхъ.

«Вынести образъ, да священныя книги!» сказала Капитанъ, обращаясь къ ревизору. «Бить на молитву!» продолжала онъ, относясь къ старшему лейтенанту. «А вы—» эти слова сопровождали взглядъ на артиллерійскаго офицера—прикажете безъ замедленія высылать картузы, такъ же быстро, такъ же не суетливо, какъ всегда бываетъ на ученіяхъ съ пальбой, Много ли на каждую пушку готовыхъ зарядовъ, и много ли приходится выкаченныхъ ядеръ?

— По тридцати пяти.

«О! этого хватитъ, чтобы всѣхъ мятежниковъ послать къ ихъ двудушкѣ сатанѣ. Жаль,» продолжалъ Баронъ, обращаясь къ офицерамъ, собравшимся вокругъ него, «что мы не можемъ потопить себя настоящею войною — вѣдь это только охота!

— Вотъ цародь!—подхватилъ одинъ изъ нихъ.—За Грековъ дрались, дали имъ свободу съ благословеннымъ правителемъ Графомъ Иваномъ Антоновичемъ Каподистріа, и принуждены съ ними же драться.

«Это мятежники, враги отечества,» сказалъ лейтенантъ, выпущенный изъ офицерскаго класса, приглаживая едва пробивающіеся усы. «Въ минуты торжества враги человечества! Уничтожать ихъ, значить искоренять зло, мирить исторію съ потомствомъ.» И слова его заглушилъ бой вѣстоваго барабана на молитву.

Кратка была молитва команды на палубѣ; готовые тутъ же принять смерть, они уподоблялись христіанамъ первобытнымъ, такъ же какъ и тѣ, отдѣленные на своемъ бригѣ отъ человечества, также призывая въ свидѣтели одно небо и неувлеченные великолѣпіемъ религіи. На бригахъ нѣтъ священниковъ. Смиренно столпились всѣ къ образу; одинъ

изъ среды всѣхъ читалъ молитвы; прочіе внимали голосу истины, предавались съ полнотою души Вездѣсущему, лвлившемуся и въ хвалебныхъ пѣняхъ, и въ полнотѣ окружающаго неба и неизмѣримаго моря, на которые обращенный взглядъ какъ то единитъ человека, дѣлаетъ его самостоятельнымъ для самого себя, чувствующимъ себя.....

При концѣ, Капитанъ приложился къ образу, съ упованіемъ на благословеніе Невидимаго, съ религіозными чувствами, которыя такъ благотворно приливаютъ смиреніе вѣрующимъ въ судьбу свою. Крестьясь, съ краткими молитвами, послѣдовалъ ему весь экипажъ брига Храбраго.

Въ это время входили на рейдъ Монастырской бухты, и въ лѣвъ оставили скалу, или камень на подобіе лежащаго льва, придерживаясь къ берегу Поро.

— Команду во фронтъ! — сказала командиръ.

«Всѣ во фронтъ!» произнесъ Буленевъ, первый лейтенантъ, почтительно приподымая фуражку.

— Фуражки долой!

Капитанъ подошелъ къ строю. То не былъ болѣе избѣженный баловень, обольститель женщинъ; тутъ не являлся онъ повелителемъ ихъ сердецъ, разочарованнымъ жизнью барономъ, отъ обаянія котораго мѣла женщины. То былъ командиръ, гордый своею властью, гордый своей лихой командой, гордый чуднымъ бригамъ. Это былъ повелитель, увѣренный въ себя, который съ такимъ же хладнокровіемъ шель давалъ бой для отличія своихъ матросовъ, какъ будто давалъ балъ — велъ ихъ на кровавый пиръ и приводилъ въ восторгъ храбрыхъ.

«Здорово, ребята!» произнесъ онъ звучно, обращаясь къ полной массѣ людей.

— Здравіе желаемъ вашему высокоблагородію!—разнеслось по рядамъ, вознеслось въ голосахъ матросовыхъ,

стоящих на марсѣ, разлилось по водѣ, отпрянуло отъ крутыхъ скалъ Поро, и — отозвалось на двухъ корветахъ, стоящихъ еще вдалекѣ, въ лѣвъ.

«Ребята! видите: два корвета ждутъ нашей побѣды.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! разнеслось по рядамъ, вознеслось въ голосахъ марсовыхъ, разлилось по водѣ, отпрянуло отъ крутыхъ скалъ — отозвалось въ сердцахъ команды двухъ мятежныхъ корветовъ.

Самодовольствіе блеснуло на лицѣ Капитана. Онъ продолжалъ: «Новый случай, доказать вамъ усердіе къ Монарху и къ отечеству — послѣ побѣды съ гордостью назову васъ храбрыми товарищами. Помните, что вы служите на бригѣ Храбромъ — и я вашъ командиръ!»

— На смерть рады стараться! — грянуло на шканцахъ, вознеслось въ крикахъ марсовыхъ, разлилось по водѣ, отпрянуло отъ крутыхъ скалъ, отозвалось трепетомъ въ сердцахъ команды на двухъ кепрітельскихъ корветахъ.

Бить тревогу! сказалъ повелительно Винтъ.

— Да здравствуетъ отецъ командиръ! — крикнули стояшіе на руль.

— Да здравствуетъ! — подхватила команда. Ура! ура! Рады стараться! Рады стараться!

Барабанъ уюрилъ тревогу. И все бросились къ пушкамъ, заряжали ихъ ядрами, укладывали, принесли принадлежности необходимыя для дѣйствія изъ орудій, раздували фитили, и чрезъ три минуты все безмолвно стояло на своихъ мѣстахъ, наблюдая за каждымъ движеніемъ Капитана, спокойно прохаживавшагося на шканцахъ.

Эти люди не знали боязни, когда призывалъ ихъ долгъ службы, и когда ихъ судьбою правилъ любимецъ ихъ командиръ. «Рады стараться!» Въ этихъ зву-

кахъ сказывалось ихъ сердце, пробуждалось откровенностью — то не былъ кличъ приличій. Съ криками: «рады стараться», они встрѣчали штормы и ураганы; въ этихъ крикахъ они выражали свое торжество, когда ими былъ доволенъ ихъ командиръ. Съ этими криками они радостно, безопасно шли на смерть.

Очаровательный видъ представляла предъ-битвенная картина моря и кораблей!

Какъ любовникъ, жадный свиданія съ милой, съ свѣтлой улыбкой первой любви спѣшитъ начертить въ своей памяти незабвенный ликъ, такъ и море, свѣтлое въ своей гладкой поверхности, спѣшитъ слиться съ подножіемъ Морейскаго берега, цвѣтущаго, какъ мысль Творца въ ея земномъ величій! И вотъ море, съ правой стороны спѣшитъ дугой очертить берегъ острова Поро; дико и величественно, съ угрюмостью смотрится онъ въ зеркальную глубь воды, выказывая свои гранитныя трещины, словно ребра. Бѣдно лѣпится на немъ зелень въ ущелинахъ вьется кипарисъ, печально вырастаютъ мелкія сосны на наваленной природою грудъ скалъ. Одинокое стоитъ четырехугольный монастырь; бѣлый, онъ ясно отгнѣнется отъ темнаго гранита, какъ святая непорочность души въ лѣтописи жизни. Плющъ и лавры, какъ вѣрные сподвижники дряхлѣющаго, игриво вьются около его, будто желаютъ утѣшить старца въ уединеніи.

Съ южной и съ лѣвой стороны рейда, море стремится мимо гранитнаго острова, на вѣнцѣ котораго, основана крѣпость святаго Николая, и проникая между разсѣянныхъ скалъ подъ берегомъ, достигаетъ Мореи. Тихимъ лещетомъ выражая свою без-

конечную пѣснь, радуясь свиданію, оно приметъ въ свою зеркальность цвѣтущій видъ любимицы.

Ненасытный взоръ, пробѣгая отъ моря до Метинскихъ горъ, и бросаясь въ лѣво къ Трезинской горѣ, покрытой каштанами, жадно ловить весь обзоръ, и радуясь благословенной южной природѣ, вбѣгаетъ по зеленѣющему кипарисами и померанцами хребту, теряется въ свѣтломъ, какъ радость, небѣ, прозрачномъ, какъ обольстительный цвѣтъ красавицы, отливъ котораго видите вы сквозь плѣнительную, прозрачную близину. Даль затерялась въ фантастическихъ очеркахъ синей перспективы горъ, а тамъ, сквозь низменный перешеекъ Поро, въ туманъ чертится далекій Паренонъ и выказываются стѣны Русскаго Фрегата. То снова взоръ вашъ, радуясь, возвращается къ Морѣ, и съ жадностью упиваясь наслажденіемъ, разбѣгается по безконечной панорамѣ садовъ и виноградниковъ, останавливается на удивительномъ бѣломъ замкѣ какого-то аги, отрывается отъ живописныхъ развалинъ, вьется въ блѣдныхъ, миртахъ, скользитъ по разбросаннымъ мельницамъ, останавливается на нѣсколькихъ домахъ съ террасами, лобуется миндальными деревьями—они, съ своимъ бѣлымъ цвѣтомъ на зеленѣющемъ ландшафтѣ, представляются какъ бѣлыя розы въ чащѣ зеленого кустарника. И потомъ вашъ взоръ, обрадованный лимонной рощей, тонетъ, пересчитывая ея зрѣлыя плоды; при лучевомъ дождѣ солнца, они висятъ словно золотыя слезы.

Ежели вы нѣжили взгляды на своей любимицѣ, и судьба, оторвавъ ее отъ васъ, помрачила ваше зрѣніе, и не вида дорогогаго сердцу лица, вы не чувствуете красоты окружающаго—повзжайте на югъ, и вы вдохновитесь: ваши чувства замѣтятъ, подслушаютъ дыханіе природы, душа пробудится вздохомъ была-

го, взоры обнимутъ другую любимицу, вѣчную, какъ дыханіе вѣчности, роскошную, какъ она сама. И не тяжелая дума, не грустная мысль, но обаяніе къ окружающему разовьетъ душу; и вы, какъ первобытный человѣкъ, дружный съ самимъ собою, безъ мрачной философіи, безъ выводовъ на тяжкое бремя жизни, безъ примѣровъ прошедшихъ столѣтій, безъ кровопролитій для доказательства, вы очиститесь отъ предразсудковъ и станете молиться вашими глазами.....

Одинъ корветъ жметъ къ крѣпости Святаго Николая, другой стоитъ вдоль Морейскаго берега, и бригъ, окрыленный всеми парусами, безмолвно спускается на него, подъ перекрестнымъ огнемъ съ корвета и съ крѣпости.

— А! а! — закричалъ нашъ знакомецъ, малютка штурманъ, и страшно измѣнившись въ своемъ хорошенькомъ личикѣ, въ конвульсіяхъ вертѣлся на одномъ мѣстѣ.

«Что съ тобою?» съ участіемъ спросилъ Капитанъ, и грустно смотрѣлъ на ребенка, стараясь подать ему помощь.

«Отнести его внизъ» отрывисто приказалъ онъ людямъ, назначеннымъ для носки раненыхъ.

Въ то время, какъ малютку спустили внизъ, онъ опаматовался, открылъ глаза, и мутнымъ, болѣзненнымъ взоромъ встрѣтилъ грустный взглядъ Капитана; въ послѣдній разъ сказала въ немъ прекрасная душа. «Прощайте, баронъ! Благодарю васъ; утѣшите мою старушку мать» произнесъ онъ съ усиленіемъ.

Вдругъ внезапный шумъ поразилъ Винта. Казалось ему, что онъ упалъ въ водоворотъ; умъ его крутился не обхватывая ничего въ своемъ порывѣ—вотъ задыхается баронъ въ полымъ огня—вотъ онъ болѣе

ничего не слышитъ, не видитъ, погруженный въ неясную безотчетность....

Но вотъ память къ чему то исчезнувшему, далекому пробудилась въ немъ. Винтъ, утомленный, растерянный, возвращался къ чему то неопредѣленному, и посреди этой глубокой неопредѣленности слышалъ голоса: «Капитана убило! Капитана убило!» Онъ хочетъ увѣрить въ противномъ, но слова не слетаютъ съ устъ, тѣло не повинуется движенію.

— Въчная память благодѣтелю! Помини его, Господи, во царствіи Твоемъ! — шептали голоса надъ нимъ. — Не нажить намъ такого командира!

Ужели это смерть? Страшна ея медленная послѣдовательность! Баронъ чувствуетъ, что его подняли, несутъ. «Кончено!» подумалъ онъ — «это уже не похоронны ли? Что ежели бросить меня за бортъ, въ общую могилу моряковъ?» — И вдругъ все тѣло его отозвалось на порывъ души, кровь хлынула изъ руки, изъ головы, и огромнымъ слѣдомъ обозначила мѣста капитана.

«Капитана убило!» снова произнесъ кто-то.

— Нѣтъ еще! сказалъ онъ, придавая твердость своему голосу.

«Ура! ура!» былъ отвѣтъ команды.

— Бить переправу! — И вся команда бросилась строгаться у пушекъ съ лѣвой стороны.

«Брамъ-фалы, бомъ-брамъ-фалы отдай — лиселя долой!» сказалъ Винтъ ослабѣвающимъ голосомъ. «Эй, Орловъ!» продолжалъ онъ, подзывая къ себѣ урядника. «перетяни мнѣ голову платкомъ, а ты сбѣгай, принеси другой перехватить руку.»

— Не прикажете ли, осмотрѣть рану? — спросилъ докторъ.

«Кто вамъ приказалъ отлучаться отъ своего мѣста?

Не время предлагать мнѣ услуги, когда къ вамъ посланы раненые, нуждающіеся въ вашей помощи.

Бодро посмотрѣла другъ на друга команда; она уже позабыла объ опасности потерять командира.

«Баттарей залпъ будетъ!» сказала Капитанъ торжественнымъ голосомъ, и подойдя на довольно близкое разстояние скомандаловалъ: «Пли!»

Какъ своевольный дикарь, прикрѣпленный цѣпью къ одному мѣсту — какъ легкій змѣекъ, пущенный искусной рукой, плыветъ въ волнахъ неба, и мечется въ разныя стороны, и рвется на нити, жаждя свободы — такъ и мятежный корветъ на завезенномъ шпрингѣ все поворачивался, и цѣлымъ лагомъ билъ бригъ, но счастливый выстрѣлъ, и онъ началъ рвать-ся около якоря, подставляя корму.

«Живѣ палить! Славно, молодцы!» говорилъ Капитанъ восторженнымъ голосомъ, зажимая рукою рану, и отрываясь отъ недоконченной перевязки.

«Марса-фалы отдай!»

И новые, еще болѣе опустошительные выстрѣлы били продольно корветъ, который подрѣзалъ бригъ до пожатія руки, поданной съ одного на другое судно.

Крѣпость молчала, или съ выстрѣлы падали на корветъ же.

«Право на бортъ! Отдать якорь!»

И бригъ Храбрый сильнымъ огнемъ уничтожилъ корветъ, лежа съ нимъ на якорѣ въ близкой дистанціи, бортъ о бортъ.

Корветъ, съ подбитыми станками, съ изъядренной мачтой, съ важнымъ числомъ убитыхъ и раненыхъ, не могъ дальше противиться. Каждый выстрѣлъ брига дѣйствовалъ все болѣе и болѣе разрушительно. Мятежники безумнымъ крикомъ привѣтствовали свою гибель и бросались въ воду.

Густой дымъ повалилъ съ корвета.
«Выпускать канатъ!» кричалъ капитанъ. «Отъ пушекъ долой! Марса-фалы подымать! Форъ-марсель завалить на правую!»

И бригъ Храбрый, выпустивъ канаты, отходилъ отъ корвета.

«Ставьте брамсели, бомъ-брамсели—держать круче! Я думаю нашъ товарищъ бригъ и безъ нашей помощи разобьетъ тотъ корветъ, а то и мы подошьемъ къ его услугамъ.»

Огромнымъ столбомъ хлынулъ огонь изъ разбитаго корвета; какъ жертва лзычниковъ, онъ прямо возносился въ высь, по вантамъ умчался въ небо, разбъжался по реямъ; послѣднимъ усилиемъ выпалили заряженныя пушки; огонь хлынулъ изъ бортовъ, обвилъ корпусъ корвета, слился съ общей огненной массой. Глухимъ стономъ отозвалось небо; въ немъ блуждала огненная гряда, и изъ нея падали раскаленныя пушки корвета, обгорѣлыя бревна, и снова густой дымъ чертился огненными очерками отъ новаго взрыва. Тяжкимъ ревомъ сказывалось море; оно, какъ безутышная мать, въ тяжкихъ страданіяхъ искало свое потерянное дитя, и водворотомъ клубясь, погмощало съ жадностью все оставшееся отъ корвета.

Въ то время, пока храбрый капитанъ брига Храбраго, вылавировавъ, спускался на новую жертву, на другой корветъ, который подъ крѣпостью отчаянно дѣйствовалъ противъ брига, товарища Храбраго, по другую сторону крѣпости, между нею и берегомъ, нырнулъ пиратскій бригъ.

Въ пылу привѣтствій, страшно цѣловалъ Храбрый своими ядрами бортъ корвета и его рангоутъ, привѣтствуя смертію враговъ. Вдругъ увидѣли отчаянно несущагося пирата; онъ не отвѣчалъ на вы-

стрѣлы брига. И избитый, изломанный выстрѣлами, прямо ринулся онъ и запутался бугшприхтомъ въ фоковые ванты.

— Льво! Обрубай его! — кричалъ Баронъ. — Палить изъ носовыхъ съ правой! Вызвать первую абордажную партію!

Въ право бросился бригъ Храбрый, и своими выстрѣлами привѣтствовалъ незваннаго гостя. А между тѣмъ изъ воды, съ бугшприхта, выскочило чело-вѣкъ сорокъ пиратовъ.

Ихъ яркая одежда, кровью наполненные, сверкающіе глаза были грозны. Албанскіе крики дико отзвѣчались въ воздухъ. Съ кинжалами въ зубахъ, они дали по два выстрѣла изъ пистолетовъ, отбросили ихъ за полса — и кинулись въ кинжалы. Они рыскали, какъ смерть, бросались на штыки, падали подъ ударами ломовъ. Разсѣянныя по палубѣ брига, они отчаянно дрались, и при каждомъ сильномъ ударѣ, ихъ дикій крикъ превозносилъ свободу. Сброшенные, втиснутые въ воду, они увлекали туда своихъ противниковъ, грызли ихъ зубами, рвали тѣла ихъ.

Грозенъ былъ ихъ старшина; мѣтки были его удары, и каждый взмахъ кинжала наносилъ смерть, каждый взглядъ обозначалъ жертву. По знакомому ему пути, онъ проникъ въ капитанскую каюту, самодовольно взглянувши на ужасную сѣчу на палубѣ. И грозный, какъ мертвецъ въ заповѣтный часъ предсталъ онъ передъ Зюлейкой, все еще сидѣвшей въ боковомъ кабинетѣ.

— А, измѣнница! — вскричалъ онъ — теперь ты въ моихъ владѣніяхъ — я пришелъ обвинять съ тобою и смерть стелеть намъ брачное ложе! Но я не убью тебя мгновенно: мой кинжалъ, какъ любовникъ, насладится твоимъ сердцемъ! Вонзая его, я люблюю, какъ ты станешь умирать множествомъ

смертей, и подъ смертными его поворотами, допрошу, что чувствуешь ты ко мнѣ, моя суженая, дониндѣ холодная, безчувственная для меня!

Онъ вертѣлъ кивчаломъ своимъ въ воздухъ, примиривался, какъ ловчѣе, страшите ее поразить, и радуясь ея безпачетству; онъ показывать, какъ будетъ выворачивать ея грудь, и, какъ судьба неизбежна, онъ готовъ былъ уничтожить ее.....

Раздался выстрѣлъ, и — пиратъ упалъ передъ Зюлейкою.....

ВЛАДИМИРЪ ВОЙТЪ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Лучше врагъ хорошаго.

Путешествіе! Какое слово приводитъ болѣе въ сотрясеніе чувство пылающее, мысль жаждущую дѣйствія? Счастливицы тѣ, которые мечтаютъ, оставляютъ все и скачутъ далеко, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи! Когда живемъ мы больше, если не въ путешествіи? Тогда-то нашъ духъ въ вѣчномъ напряженіи, въ безпрестанномъ сотрясеніи отъ безконечныхъ, ежесекундныхъ впечатлѣній. Что лучше разнообразія? Прочь забота, суеты: и передъ ландъ-или почтовой каргой, и какъ завоеватель міра, спрашиваю: куда — на западъ или на востокъ?

Когда мысль о путешествіи заронилась въ молодую голову, ничто ее не уничтожить. Путешествіе, говорить, кричать, нужно для тѣла, для души, для разума, для всего, необходимо, благотвельно. Да, если бы этого и не было, не довольно ли, что оно прилетя, что оно въ модѣ? *Et done!* можно ли не путешествовать? можно ли не согласоваться съ обычаемъ? Въ слѣдствіе этого, и человекъ, никогда не мечтавшій о путешествіи, ѣдетъ, какъ говорятъ, «путешествовать», чтобы съдѣлаться *un homme à la mode*. Чего не дѣлаетъ мода, этотъ грозный деспотъ! При дуновеніи нашего стараго друга, Русскаго вѣтра, блигоразумный часто воспоминаетъ со вздохомъ о старинномъ Русскомъ кафтанѣ. Вдохнуть можно, по

преобразовать туалетъ — неслыханное святотатство. Мыслите, какъ угодно, но дѣайте, какъ принято.

Что такое путешествовать? Нѣкогда ничего не было важнѣе путешествій: приготовлялись часто пользѣ жизни, чтобы странствовать остальную часть своего вѣка, собирались, какъ въ экспедицію, какъ въ походъ, разставались, какъ на вѣкъ, и ворочались не всё: многіе платили жизнью за любопытство подышать чужимъ воздухомъ, сдружиться съ иностранными обычаями. Но это были путешествія съ великими цѣлями, въ отдаленныя, какія нибудь дикія земли, а теперь совсѣмъ другое! Еще давно ли тому назадъ, побѣдка изъ Парижа въ Аміенъ, изъ Петербурга въ Москву были страшны до того, что посылающіе на нихъ, дѣлали завѣщаніе? Всего этого теперь не стало; такъ, что же, однимъ словомъ, путешествіе?

Не думайте, будто вашимъ путешествіемъ вы прибавите что либо къ познаніямъ общимъ: вы увидите только одно всѣмъ извѣстное, но увидите сами лично, хоть не все и рѣдко, такъ, какъ видѣли ваши предшественники, съ наблюденіями которыхъ вы можете познакомиться за весьма скромную цѣну, между тѣмъ, какъ ваши собственныя будутъ стоить много — очень много.

Теперь путешествовать совсѣмъ не страшно, отнюдь не затруднительно. Вы кладете въ бумажникъ какъ можно больше векселей, пашпортъ, билетъ на пароходъ — вотъ и все... А тамъ, вы мѣняете ваши клочки бумажъ на красивенькія монетки, и разбираете ихъ по большимъ дорогамъ... Вотъ это-то и зовется «путешествовать.» Что легче? Это могутъ дѣлать дѣти, и они путешествуютъ, но это дѣлать должны всѣ. Вы воротитесь назадъ безъ векселей и монетокъ; къ вамъ прибѣгутъ

ваши кредиторы. Ихъ видѣ не такъ забавенъ, какъ видѣ лаццароновъ въ какой либо пѣсѣ. Это будетъ скучно; у васъ нѣчего будетъ имъ дать, но вы воротитесь къ вашимъ любовнымъ записочкамъ какой нибудь швей - Француженки, или даже танцовщицы, и будете утѣшены. Въ крайнемъ случаѣ, вы заложите имѣніе, или, если оно уже заложено, что болѣе вѣроятно, то возьмете прибавочныя деньги, или когда и этого нельзя, пойдете на продажу вашего имѣнія съ аукціоннаго торгу, и позабавитесь видомъ какихъ нибудь оригиналовъ торговцевъ. Это небольшое утѣшеніе въ горѣ, но такое горе *fort à la mode*. Притомъ, нельзя же его сравнить съ счастьемъ быть *un homme à la mode*, человекомъ, который путешествовалъ, и сохранилъ кучу миленькихъ флаконовъ и пукъ разноцвѣтныхъ афишекъ — весь плодъ воровства изъ путешествія.

Путешествуютъ болѣе всѣхъ Англичане и Русскіе, такъ много и такъ часто, что о другихъ въ сравненіе съ ними можно сказать, что они совсѣмъ не путешествуютъ. Но можно ли сравнить Англичанъ съ Русскими, родъ путешествія однихъ съ родомъ другихъ! Англичане только ѣздятъ, а Русскіе развѣзжаютъ. Англичане смотрятъ въ лорнетку, или только въ книги, планы и виды, не повѣряя ихъ вѣрности, едва успѣваютъ показать на карту и сказать: «мы теперь здѣсь.» Русскіе же ничего не смотрятъ, а показываютъ самихъ себя. Англичанинъ почти нигдѣ не останавливается, или тамъ гдѣ не нужно, а тамъ гдѣ нужно, едва на нѣсколько минутъ; онъ ѣздитъ только для того, чтобы ѣздить. Однажды на Рейнскомъ пароходѣ составила группа разскащиковъ. Англичанинъ съ презрѣніемъ взглянулъ на всѣхъ и съ гордостію молвилъ: «Никто не сравнится со мною: я извѣдывалъ столько-то тысячь

миль» — Всталъ и пошелъ, увѣренный въ громовомъ дѣйствіи своего изрѣченія. Каково было его удивленіе, когда Французъ, взявъ его за руку, сказалъ: «Я знаю человѣка, который путешествовалъ болѣе васъ.»

— Кто онъ? — возразилъ Англичанинъ — это былъ бы мой первый другъ. — Курьеръ Германскаго Союза — хладнокровно отвѣчалъ Французъ.

Въ Лондонѣ членомъ Клуба Иностранцевъ дѣлаютъ ся не тѣ, кто много видѣлъ, или съ пользою, а кто болѣе миль проѣхалъ.

Содержателю гостиницы вѣтъ милье гостей Англичанъ: никого безбожнѣ ихъ не обманываютъ. Англичанинъ стоялъ однажды въ трактирѣ подъ вывѣскою: «Къ золотому гусю.» Какъ ни привыкъ онъ платить дорого, но на этотъ разъ счетъ ему показался безсовѣстнымъ. Хозяинъ, усаживая его въ коляску, просилъ о посѣщеніи впродъ. — «Съ удовольствіемъ,» отвѣчалъ Англичанинъ, если вы меня не будете принимать за вашу вывѣску.» Слово рѣзкое рѣдкость изъ устъ Англійскихъ, а ропотъ на дороговизну несслыханное чудо! Не смотря на это, Англичане ѣздятъ изъ экономіи, а не для путешествія. Для чего же ѣздятъ Русскіе? Для удивленія Восточною роскошью, не всегда чувствуя, что нерасчетливость часто награждается одними насмѣшками. Судьба однихъ изумляетъ предприимчивостію, оборотами; другихъ храбростію проживать свое достояніе. Въ Гамбургѣ есть двѣ цѣны, Русская и Нѣмецкая; въ другихъ городахъ тоже, но это не такъ замѣтно. Говорятъ, что Русскіе много путешествуютъ отъ того, что въ Россіи нѣчего смотреть. Если то правда, такъ въ Россіи тѣмъ болѣе предстоитъ дѣла, а бѣжать отъ дѣла къ бездѣлю душой расчитъ!

Ничего нѣтъ несправедливѣе, какъ по одному шагу, слову или дѣлу, судить о человѣкѣ, по одному чело-

вѣку о цѣломъ обществѣ, по нѣкоторымъ обществамъ о цѣлой націи. Никто не сомнѣвается, что многіе путешественники приносятъ другимъ и себѣ пользу, и никому не причиняютъ вреда. Одни путешествуютъ по узелой цѣли, для прісмотра за промышленностью, для изслѣдованія той или другой ея вѣтви, придѣльныхъ фабрикъ, или каменноугольныхъ ломней, для наблюденія за особеннаго рода болѣзнями, для работъ ратоборства за систему прогибитивную. Благодарнымъ этимъ людямъ пожелаемъ счастливаго пути. Но согласиться должно, что большая часть путешественниковъ дѣлаетъ для того только, чтобъ путешествовать, т. е. отъ нѣчего дѣлать.

Что же они дѣлаютъ за границею? Весьма много, т. е. ничего — самое лучшее изъ всѣхъ занятій, по собственному ихъ сужденію.

Будемъ зрителями ихъ наслажденій.

Первая неудача ожидаетъ путешественника на пароходѣ. Какими поэтическими красками рисовалъ онъ его въ воображеніи, и какъ скученъ онъ въ самомъ дѣлѣ! «Какъ мило — мыслить онъ — видѣть только небо и море, чтобы потомъ очутиться внезапно среди всѣхъ заграничныхъ чудесъ!» Но на другой же день плаванія, море потеряло много своихъ прелестей и ихъ замѣнила морская болѣзнь. Тогда и общество не утѣшеніе. Я не совѣтую влюбленнымъ подвергаться взаимной опасности видѣть себя больными. Тутъ бываютъ положенія и ситуации не совсѣмъ авантюристы. Главный секретъ въ любви — щадить и скрывать прелести. Можно подумывать, что путешественники подвергаютъ себя на первые дни всѣмъ неудобствамъ, неудовольствіямъ, даже страданіямъ, чтобы увеличить ожиданіе диковинокъ чужой земли, чтобы еще болѣе воспламенить (что не всегда бываетъ можно) энтузіазмъ, съ которымъ сой-

дуть на берегъ. Нельзя не согласиться, что одна изъ самыхъ забавныхъ сценъ представляется въ Травемонде, когда съ восторгомъ, близкимъ къ испугу, пассажиры соскакиваютъ на берегъ, и привѣтствуютъ милое имъ солнце. Врядъ ли удастся имъ поѣздка прятнѣе поѣздки отъ Травемонде до Любека. Птичка, овечка, листокъ, костюмы, упраж- ка, всяка мелочь, все вдругъ удивляетъ и прельщаетъ обожателей всего чужаго, хоть и дурнаго.

Но вотъ и *Гамбургъ*! Юнгферштитъ и портъ, тополи и мачты, узкія улицы и шумъ бичей, шляпы на головахъ въ домахъ, сигары въ зубахъ на улицахъ, а Нѣмочки сентиментальны и бѣлы до нельзя, такъ мило контрастируютъ съ черноглазыми Жидовками! И это все вы увидали въ одинъ часъ. Сколько мыслей и наслажденій! Уже нашъ путешественникъ благословляетъ ту блаженную минуту, когда рѣшился онъ проститься съ суровыми нашими красавицами, съ обросшими бородами извозчиками, съ широкими, единообразными улицами сѣвера! Онъ дорожить временемъ. Что же дальѣе, мыслить онъ, коли столько прелестей съ перваго шага! Скорѣе дальше, дальше! Но тяжело будетъ его похмѣлье!

Кто ѣздитъ въ своемъ экипажѣ, тотъ не разъ вспомнитъ со вздохомъ о Русской, скорой и дешевой ѣздѣ. Изъ всѣхъ мѣстъ, во всѣ направленія ходятъ diligens каждый день, часто нѣсколько разъ въ день, подъ разными наименованіями. Порядокъ непримѣнимый, но удобства мало. Въ мѣстахъ никогда нѣтъ отказа: для одного пассажира лишняго отправляется особый экипажъ (*Beichaise*), съ которымъ соединено неудобство перемѣны его на каждой станціи. Если иногда случается общество занимательное, то столь же часто подвергаетесь противному случаю. «Аккуратность», какъ и многія другія добродѣ-

тели Нѣмцевъ, доведена до педантизма. За цѣлый часъ до отъѣзда, поклажа должна быть на почтовомъ дворѣ; все къ всѣмъ заранее на своихъ мѣстахъ; почтillions не сводить глазъ съ часовъ, и съ первымъ ихъ ударомъ раздается звукъ трубы и хлопанье хлыста. На станціи едва услышится труба, всѣ бросаютъ недоконченный разговоръ, кофе и кушанье, а жадные обжигаются, бѣгутъ и бѣгутъ, едва успѣвая взять деньги сдачи.

Но вотъ путешественникъ нашъ на водахъ. Распределение занятій и веселій на всѣхъ ихъ схожи, почти одинаковы. Тутъ вы принимаете одну похвальную привычку — вставать рано; идете пить воду, или сморгнуть, какъ пьютъ ее другіе, или какъ ходятъ взадъ и впередъ по аллеѣ, или галерей. Странное стеченіе народовъ и людей! Старики и молодые, больные и здоровые, наскучившіеся жизнью и алчущіе оной! Но едва разгадали вы въ этой пестрой толпѣ, съ кѣмъ быть и съ кѣмъ не быть, какъ опять скачете въ путь, въ даль. На водахъ въ день три заѣзданія въ игорномъ домѣ. Онъ центръ общаго стеченія. Сначала вы страшитесь стола, рулетки, этой пропасти, жадно поглощающей золото; слово *Redoute* не получило еще для васъ значенія дома веселія страстнаго: не въ игрѣ ли страсти взволнованы болѣе нежели гдѣ либо? Сначала она всеялетъ въ насъ одинъ страхъ, и повелѣваетъ осторожность, воздержность. Но въ чемъ не соблазнителенъ примѣръ! Честолюбіе чловѣка всемогуще. Рѣдко, очень рѣдко удается выиграть, но случай возможенъ, и этого довольно, чтобы великій былъ увѣренъ, что онъ, а никто другой, будетъ счастливецъ и выиграетъ. А кто выигравъ не донгрывается до проигрыша? «Это страсть, это сильнѣе меня», говоритъ проигравшійся. О сколько занимательныхъ наблю-

дений представляется за игорнымъ столомъ! Счастливы не тотъ, кто выигрываетъ, а кто не играетъ, кто безъ страсти смотритъ на страсти другихъ. Въ игрѣ распознается характеръ чловѣка. Какъ онъ слабъ въ борьбѣ съ машинкой, вѣчно ровной, мѣрной, безстрастной, безжалостной! И у ней есть свои капризы; ихъ разгадать берется всякій, а кто рано согласится въ своемъ безсиліи постигнуть ихъ, тотъ чловѣкъ съ характеромъ, или чловѣкъ безъ амбиціи.

Вы принимаете воду, или ничего не принимаете, а выдаете золото, а иногда и серебро, т. е. свое послѣднее. Отъ того-го на водахъ только и встрѣтите известное общество. Люди, которымъ назначена мысль и дѣло, посвящаютъ весьма малое время водамъ.

Рѣдкій удаляется отъ правила посѣтить все воды, по крайней мѣрѣ, все Рейнскія, отъ Ахена до Баденъ-Бадена. Въ одинъ день вы проведете въсколь-ко Нѣмецкихъ царствъ и государствъ, едва успѣвая замѣчать перемѣны мундировъ на почтальонахъ. Въ городахъ также нѣтъ недостатка; каждый день почувете въ новомъ городѣ; вамъ даютъ въ гостиницѣ глацированную карту, съ видомъ отеля, съ планомъ города, съ реестромъ, такъ называемыхъ, достопримѣчательностей (*Sehenswürdigkeiten*). Музеи, собранія древностей равно похожи и скучны. Есть же люди, которые предпринимаютъ цѣлое путешествіе, чтобы сличать одну чучелу съ другою, любоваться надѣ истертымъ, избитымъ, надгробнымъ Римскимъ камнемъ, или стрляивать пылъ собственноручно съ какого нибудь манускрипта! Да подобаетъ имъ почтеніе и уваженіе! Они особой категоріи путешественники — съ цѣлію; мы имъ пожелаемъ попутнаго вѣтра.

Каждый городъ славится своею знаменитію:

Кобленцъ колодцомъ, который двѣ націи приняли за трофей своихъ побѣдъ; *Франкфуртъ* Жидовскаго улицею; въ *Бингенъ* *Vingeloch*; въ *Гейдельбергъ* гигантекая и пустая бочка; въ *Брюссель* Менкпиннсъ въ парадномъ облаченіи, дарованномъ ему побѣдоноснымъ Лудовикомъ XIV, незабвенный памятникъ его щедротъ, въ *Бернѣ* медвѣди. Какъ не видать всѣхъ этихъ рѣдкостей? Какъ не путешествовать? Какъ не видать трости, шпаги, старыхъ сапоговъ великихъ людей? Какъ не купить тысячаго пера, которымъ Наполеонъ подписалъ отреченіе отъ престола? Какъ не знать благоговѣнія и трепета, съ которыми приближались къ гробницѣ великаго чловѣка? Можно ли не видать всѣхъ полей битвъ, Люцена, Гены и Ватерлоо, гдѣ лилась кровь, гдѣ рывалась судьба вселенной — не быть на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ, не обросить поля оранымъ взглядомъ, хоть и пустаго поля, многозначительно поднять козырекъ и сказать: «Такъ это здѣсь!» И въ память всѣхъ рѣдкостей покупаете вы картинки большаго и малаго формата, черныя, или раскрашенныя, и воротясь, стиваете ихъ въ толстую книгу, съ надписью: *Souvenirs d'un voyage de quatre mois*, или просто: «Мои путешествія!» Но если у васъ память слаба, а великъ энтузіасмъ и толеть кошелекъ, то велите срисовать все комнаты, все нумера, которые занимали вы въ различныхъ Европейскихъ гостиницахъ. Это любопытно.

Перейдемъ къ частному:

Франкфуртъ центръ Европы. Здѣсь сходятся путешественники изъ всѣхъ краевъ, чтобы развѣхаться на все стороны. Легко различить оканчивающаго путешествіе отъ начинающаго, чловѣка, котораго любопытство удовлетворено, а надежды, большаго частью, обмануты, отъ восторженнаго ожиданіями

энтузиаста, фанатика. Вотще сталъ бы первый отговаривать втораго — онъ не повѣритъ. «Пустое, заблужденіе, невѣжество!» возопитъ онъ — «не знали что какъ смотрѣть,» или предпишетъ неудовольствіе «флегмъ, хандръ, какимъ нибудь неприятнымъ включеніямъ. Во Франкфуртѣ Германская діета — отличной и дешевой столъ въ Hôtel d'Angleterre.

Карлсруэ для иностранца — станція, гдѣ нельзя пробыть болѣе часу, и спѣшишь перемѣнить лошадей.

Мюнхенъ подаетъ большія надежды на будущность: это повыл Аѳины, но остается вопросъ: новыя Аѳины въ XX столѣтіи возобновятъ ли интересъ Древнихъ?

Въ *Вьеннѣ* можно пробыть съ удовольствіемъ 10 часовъ, отъ обѣда до полуночи, т. е. поѣсть Mehlpreise, послушать Штрауса, погулять въ Пратеръ, и кое-что другое. Тамъ все члены въ довольствѣ и нѣгѣ, исключая одного — головы!

Одна изъ главныхъ выгодъ путешествія — познаніе цѣны времени. Удивительно, какъ много можно сдѣлать въ десять часовъ, добраго и злаго! Чего нельзя сдѣлать въ нѣсколько часовъ въ Парижѣ, въ Пале-Рояль? Не все сказать можно что тамъ дѣлается, но можно умыться, одѣться съ ногъ до головы, принять видъ Французика по послѣдному журналу, встрѣтиться съ пріятелемъ изъ Саратова, свести знакомство, связь, дружбу; можно нажать такъ же легко и скоро, какъ и промотать состояніе: однимъ словомъ — въ Пале-Рояль можно переродиться. Но мы еще отъ него далеки — заглянемъ сперва въ *Дрезденъ*.

Саксонія типъ Германізма, колыбель Лютеранизма. Тамъ тихія, мирныя, нравственныя наслажденія, милое убѣжище отъ суеты и безпокойствъ мірскихъ. Саксонцы заимствуютъ отъ иностранцевъ одно не-

обходимое. Какъ вездѣ и все сосѣди, Саксонцы не любятъ Пруссаковъ. Вотъ забавный анекдотъ: Саксонецъ, расплачиваясь съ Пруссакомъ, уронилъ грошъ, и подымая его, оттолкнулъ ногой съ презрѣніемъ, сказавъ: «это грошъ Прусскій» — Не далеко толкайте: забросите за границу Саксоніа! — возразилъ ему Пруссакъ.

Но если бы Саксонія была больше, то не тотъ сталъ бы Дрезденъ: роскошь испортила бы его пріятности.

Какъ не красивъ театръ снаружи, такъ пріятны минуты, которыя проводишь внутри его. Девріентъ, Паули, Веймаръ, Бауеръ, Аншоцъ, и наконецъ г-жа Шредеръ поставляютъ театръ Дрезденскій наравнѣ съ первыми въ свѣтѣ. Выборъ пьесъ Нѣмецкій — нравоучительны и печальны до совершенства — добродѣтель доведена до неестественности. Смѣхъ неслышанное явленіе въ здѣшнемъ театрѣ. Но Германія —

Какъ слезы въ Нѣмочкѣ пристали,
И какъ мила она въ печали!

Въ Дрезденѣ ѣздятъ смотрѣть красоту въ картинахъ, въ его жителяхъ, въ природѣ. Если не для Мадонны Рафаеля, то для картинъ Рубенса найдется не одна модель въ Саксоніи. Кто не знаетъ поговорки:

Sachsen, wo die schönen Mädchen wachsen!

Безспорно хороши Саксонки, но гдѣ нѣтъ хорошихъ? Да, красота Саксонская различна отъ другихъ: она не знаетъ роскоши и нѣги; ей украшеніе роза, но роза ея не краситъ — роза только милѣе на ея груди, завидуя красотѣ своей сопер-

ницы. Она не вѣдять въ богатомъ экипажѣ, ходить пышкомъ, ходить очень скоро, слишкомъ скоро, за то никто не ходитъ милѣе Саксонки.

По ровной, песчаной и единообразной дорогѣ, въѣзжаете вы въ единообразный городъ *Берлинъ*. Если бы изобрѣтательный геній Шинкеля не создалъ украшеній крышечныхъ, то едва ли, исключая статуи Блюхера и Курфирета, нашлось бы чтонибудь, на чемъ могъ бы глазъ успокоиться отъ единообразія. Прекрасно для жителей, но гдѣ прелесть для путешественника? Въ Берлинѣ нѣтъ шума, нѣтъ пышности: у всей гвардіи только три экипажа — это историческій фактъ. Берлинъ очень музыкаленъ: утромъ барабанъ, вечеромъ Спортини, творецъ Агнесы и кавалеръ многихъ орденовъ. Въ Берлинѣ царствуютъ воинственность и наука, университетъ и армія, громы пушечные и умственные, равно спокойные и равно грозные. «Обязанность ученія и военной службы (*Schul und Dienstpflichtigkeit*)» говорить Кузень, «суть два слова, которыя выражаютъ всю Пруссію; они содержатъ въ себѣ тайну ея особенности, какъ нація, ея могущества, какъ государства, и сѣмя ея будущности. Они выражаютъ двѣ основы настоящаго просвѣщенія, которое состоитъ изъ свѣта и изъ силы.»

Разсказалъ бы я вамъ, какъ враждуютъ Гансъ и Савиньи, какъ тотъ ораторствуетъ, какъ этотъ читаетъ, но все это не для всѣхъ интересно. Есть люди, которые путешествуютъ, чтобы постучаться у дверей всѣхъ ученыхъ — я говорю постучаться, ибо за границей не всѣ ученые содержатъ слугъ для доклада, и входятъ къ нимъ испросивъ на то позволеніе стучомъ у двери. Такихъ имѣю честь уведомить, что къ Гансу не входятъ безъ доклада, и ходять не для того, чтобы его слушать, а чтобы

любоваться его халатомъ. Ему противенъ Раумеръ. Онъ разговорчивъ дома съ пользою, а на лекціи болтливъ безъ пользы.

Ученики Гегеля усердно стараются понять его и передать другимъ, что не всегда имъ удается. Это муравьиное гнѣздо заботливо промышляетъ у ногъ свѣрхаго дуба — Стеффенса. Одинъ неподвиженъ, рѣдко вслушивается онъ въ шорохъ мелкихъ его соперниковъ. Ему ничего и никого не нужно — въ немъ заключенъ міръ. «Земля» сказалъ онъ однажды, «безъ ногъ и безъ рукъ: ей не за чѣмъ стремиться, нѣчего обнять — все въ ея недрахъ!» Какая жизнь вѣдетъ отъ этого Норвежскаго Борея! Въ его антропологіи, какъ въ твореніяхъ древнихъ Грековъ, вы найдете весь міръ, но Греки говорили обо всемъ, ибо не довольно знали части. Стеффенсъ объемлетъ все, ибо части неспособны занять вполне его гигантскаго ума. Если вы заблудитесь въ университетѣ, въ шумной толпѣ студентовъ, и она вдругъ замолкнетъ и раздвинется, чтобы открыть путь двумъ съдымъ головамъ подъ широкопопыми шляпами — поклонитесь имъ низко: это двѣ великія головы, Стеффенсъ и Риттеръ; оба равно глобоки и всемірны.

Гордость Германія Александръ Гумбольдтъ: онъ много содѣйствовать ея славы, славы Пруссіи. Хвала тѣмъ, которые, какъ онъ, употребили преимущества рода и состоянія въ пользу наукъ; хвала тѣмъ, которые постигая его, открыли ему достойный и великій кругъ дѣйствія! Онъ посвятилъ себя благу каждаго и всѣхъ. Прямодушіе и доброжелательство отличительныя черты его характера.

Человѣкъ зависить отъ предметовъ, его окружающихъ: иначе двигаешься, мыслишь и дѣйствуешь въ одномъ мѣстѣ, нежели въ другомъ. Въ Берлинѣ

нельзя не принимать участія въ интересахъ ученаго міра; иначе пребываніе въ этой столицѣ слишкомъ скучно для иностранца.

Берлинъ очень бѣденъ въ отношеніи искусствъ. Въ музеумъ не знаешь чѣму удивляться: его ли архитектуръ, или бѣдности его сокровищъ? Они не важны въ художественномъ, и занимательны въ одномъ историческомъ отношеніи.

Берлинскіе трагическіе актеры столько-же отличны, сколько дурны пѣвцы. Больше ихъ число кулисные инвалиды; ихъ нанимаютъ на жизнь и жалуютъ имъ пенсію. Какъ нѣкогда въ Византіи были станъ Зеленыхъ и Синихъ, въ Парижѣ уголь Короля и Королевы, такъ теперь въ Берлинѣ партія блондинокъ и брюнетки, Фассманъ и Лѣве. Гдѣ касается до искусства, я становлюсь подѣ знамя Юга.

Но этой скудности путешествія вы не удивляетесь. Отъ Германіи не ожидали вы, можетъ быть, многого. Рѣдко проживаютъ въ ней Русскіе; они ей не любятъ. Напрасно Нѣмцы охотно къ намъ ѣздить, живутъ и наживаются у насъ. Нельзя не уважать, а вмѣстѣ и не бояться Нѣмцовъ — они изобрѣли порохъ и философію.

Вы требуете *Парижа*, и я вамъ послѣдую. Парижъ столица свѣта, хранилище всѣхъ благъ міра. «Тамъ одно прелестное!» кричатъ въ одинъ голосъ приверженцы всего Французскаго, которыхъ легіоны долго будутъ многочисленны. «Назовите хоть одно дурное въ Парижѣ!» — А грязь, грязь! — «Что за ничтожное нападеніе! Что же въ этомъ гдѣ грязь? Гдѣ нѣтъ грязи?» — Нигдѣ, милостивые государи, столько, какъ въ Парижѣ: она струею бѣжитъ вамъ въ галоши, и услужливое колесо кабриолетки щедро бросаетъ ее въ лицо проходящимъ. Въ числѣ многихъ благотворныхъ заведеній Парижскихъ, служащихъ къ

славы и выславленію новаго Вавилона, поставляютъ заведенія для чистки сапоговъ, ибо весьма частая бываетъ въ нихъ надобность. Но эта надобность ошугительна въ одномъ Парижѣ, гдѣ также надобно-бы завести подобныя заведенія для лица и для души Французовъ. «Кто васъ просить,» скажете вы мнѣ, «сходить, мараться и допускать, чтобы въ васъ брызгали? Садитесь, поѣзжайте и обрызгивайте другихъ.» Быть по сему, но гдѣ же тогда исполненіе этого слова, которое вездѣ читаю, слышу, которое вскружило не одну молодую голову, стоило столько крови, слово *égalité*? Это слово, стало быть, звукъ пустой!

Волею и неволею мирюсь съ грязью на улицахъ, но грязь въ домахъ, въ обществахъ, въ семействахъ, грязь чувствъ и умовъ? Въ Парижѣ, чтобы не сказать во Франціи, царствуетъ одинъ *point d'honneur*, т. е. отсутствіе честности. Возьмите Парижъ съ утра до вечера, съ минуты, какъ онъ встанетъ, до той, когда утихнетъ, и расскажите исторію его дня: найдете ли вы преступленіе, котораго-бы тамъ не случилось? И можетъ ли быть иначе тамъ, гдѣ нѣтъ ничего святаго, гдѣ идолъ золото, золото въ грязи и грязь въ золотѣ? Парижъ соблазнительнъ одной своей внѣшней оболочкой. Онъ гордится, что дерзко и безстыдно можетъ выставить передъ глазами свѣта все, что у другихъ скрыто и неприступно. Войдите въ его публичныя суды, и скажите: гдѣ въ мірѣ творятся такія неслыханныя преступленія, такъ нагло и безсовѣстно, и гдѣ еще преступникъ гордится своимъ беззаконіемъ и безчеловѣчьемъ? «Это не отъ того, что во Франціи нѣтъ ничего святаго,» возразитъ какой либо филантропъ, «но отъ того, что въ ней народонаселеніе слишкомъ велико, и что одинъ можетъ только существовать на счетъ другаго.» Трудно

туть отличить причину отъ слѣдствія, но это есть и того довольно.

Франція гордится Палатами Депутатовъ; онѣ шумны, но шумить тотъ только, кому нѣчего дать, или ничего дать не хотять. Много блеску, шуму, словъ—мало дѣла, и можетъ ли быть иначе, когда представитель какого нибудь отдаленнаго округа, Парижанинъ, журналистъ, озабочены только выгодами своей партіи, а не своихъ избирателей?

Французы живутъ только для выгодъ настоящихъ: одинъ практическій интересъ опредѣляетъ занятія ихъ ученыхъ; они смотрятъ на науку, какъ на средство, а не какъ на цѣль. Сколь далеки они въ естественныхъ и математическихъ наукахъ, столь невѣжественны въ отвлеченныхъ умствованіяхъ. Плохой философъ Кузенъ, а Лерминье превосходитъ его одними изъявленіями любви къ Нѣмецкой Философіи. Французскій ученый легко жертвуетъ основательною, но скучною истиною за блистательную нелѣпицу. Съ произведеніями разума и искусства мы слишкомъ много имѣемъ случасвъ и обязанностей познакомиться у себя дома.

Какъ ни легко Французу *сдѣлать книгу*, но число новыхъ хорошихъ книгъ весьма ограничено. Почтенный Тьерри ошибся, что XIX столтіе прославитъ себя описаніями Исторіи, такъ, какъ Философія была особеннымъ предметомъ занятій XVIII-го вѣка. Его примѣру не слѣдовали: творенія его остались единственными и едиными. Литература Французская не богатѣетъ. Гюго драмами, Ламартинъ рѣчами не увеличили, а уменьшили свою славу. Ихъ лиры слабѣютъ; творческій ихъ элементъ изсякаетъ — ему, какъ и всему человеческому, есть конецъ. Самъ Шиллеръ испытывалъ это на самомъ себѣ, и едва окопчивъ одно твореніе, дѣлался снова уч-

никомъ, чтобы поднять изнуренныя свои силы. Тьеръ не шевелится, съ тѣхъ поръ, какъ голодъ его не понуждаетъ. Молодые сочинители изнуряются въ мелкихъ статейкахъ, занятые дневными интересами. Самъ Скрибъ перешагнулъ за точку своего блеска, а Парижскіе театры по цѣлому полугоду отдѣлываются одними и тѣми же пьесами.

Самое любопытное и занимательное явленіе въ Парижѣ остается жираффъ.

Многіе поставляютъ домомъ взбираться на всѣ Европійскія башни. Нѣтъ вида увлекательнѣе вида Парижа съ высоты Нотр-Дамъ, Пантеона, или даже Вандомской колонны. Вы отрываете себя отъ мелкихъ впечатлѣній, и однимъ взоромъ объемлете безконечный городъ, со всеми его сокровищами. Какъ ничтожны вамъ покажутся люди, съ ихъ огненными страстями, съ ихъ страшными, величественными помысленіями, столь грозными близки! Эти шумныя толпы, разливающіяся по стогнамъ и площадямъ, видимыя съ высоты кажутся смѣшными и презрительными. Но видъ цѣлаго вселяетъ въ васъ трепеть, и вашъ глазъ ищетъ Монмартра, стараясь увѣриться, что была когда то сила, передъ которой потрясся и палъ гордый этотъ градъ. Если вы хотите сохранить пріятное воспоминаніе о Парижѣ, проститесь съ нимъ съ высоты Пантеона: вы видите одно цѣлое, не различая частей. Парижъ, видный съ высоты, величественъ, а издали волшебенъ. И такъ лучше всего не ѣздите совсѣмъ туда, и сохраните блистательное объ немъ ваше мнѣніе.

Время и привычка наполняютъ самую ужасную пропасть. Знакомства, связи, жизнь могутъ сдружить васъ съ иностранномъ: все это разорвать навсегда — горестная минута, которой лучше не привлекать, и нигдѣ не останавливаться слишкомъ надолго.

Признаюсь, что я плакалъ о Берлинѣ... Лучше же хочу я плакать объ Россіи.

Когда еще разъ мнѣ будетъ скучно, поговорю объ Италіи. Я не предаю ея проклятію съ г-мъ Н., потому, что въ ней вѣтъ коровьяго масла, или что вино кисло. Въ каждомъ краю, въ каждомъ человѣкѣ, въ каждой вещи двѣ стороны, хорошая и дурная. Счастливы, кто довольно силенъ и благоразуменъ, чтобы въ дурномъ не находить препятствія замѣчать хорошее и сознаться въ немъ.

Не скажу съ Вольтеромъ, что одну хорошую Ангійскую книгу люблю больше всѣхъ мраморныхъ колоннъ. Но въ Италіи есть книга неисчерпаемая — книга природы, вѣчно милая и утѣшительная.

Италія земля великихъ воспоминаній. Одна она убѣжище путешественнику, жаждущему отдыха и тишины. Отдѣлите людей отъ земли, перенеситесь въ вѣкъ Римлянъ и Медицисовъ, и вы найдете счастье, хоть и на время, ибо ничего нѣтъ вѣчнаго на нашемъ шарѣ. Придетъ время, опять вы вспомните, что

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай?
То ли дѣло, братцы, дома?...
Ну! пошелъ же, погоняй!

ИВ. ГОЛОБИНЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОНА ЛУИЗА.

(Повѣсть г-жи Рейво.)

(Окончаніе.)

Совѣтъ государственный, составленный изъ первыхъ грандовъ Испаніи, окружалъ Филиппа, когда самаго тауогъ подалъ ему письмо капитана Родригеса. Король хладнокровно прочиталъ письмо, свернулъ, положилъ на столъ и — «Продолжайте докладъ вашъ, донъ Санчо,» сказалъ онъ, не измѣняя ни лица, ни голоса.

Донъ Санчо д'Авила возвратился изъ Лиссабона въ тотъ день, и важность привезенныхъ имъ извѣстій казалась такою, что немедленно послѣ аудіен-

ции его у Короля вельно было обратиться государственному Совету. Испанское знамя развѣвалось на покоренной столицѣ Португалліи, но жители ея сражались еще съ побѣдителями, среди разваливъ и пожаровъ. Католическіе монахи побуждали народъ защищаться, утверждал справедливость слуха о возвращеніи короля Себастьяна. Новость эта, распространяемая во многихъ мѣстахъ, всюду находила приверженцевъ и восстанавливала народъ. При имени донъ Себастьяна могли отсюда двинуться разсѣянные остатки Португальскихъ войскъ. Надобно было опасаться даже, чтобы какой нибудь дерзкій самозванецъ, пользуясь расположеніемъ умовъ, не произвелъ всеобщаго возстанія. Донъ Антоніо, раненный въ битвѣ, но успѣвшій укрыться въ Оporto, самъ провозглашалъ о прибытіи своего племянника, и передавалъ ему корону Португальскую.

Советъ согласно полагалъ, что все это была военная хитрость, для возбужденія Португальцевъ къ защитѣ. Каждый изъ членовъ предлагалъ различныя мѣры, которыми можно было уничтожить такое смѣлое предпріятіе. Только въ одномъ согласны были все предлагаемыя совѣты, въ томъ, что необходима примѣрная строгость къ устрашенію Португальцевъ. Король молчалъ, но сквозь мрачную неподвижность лица его видно было свирѣпое довольство. Когда все переговоры поочередно, онъ отдалъ донъ Санчо записку капитана Родригеса, и приказалъ ему читать ее въ слухъ. Когда кончилось чтеніе, Филиппъ началъ говорить отрывисто и скоро, какъ всегда говорилъ, если хотѣлъ изъяснить непремѣнную свою волю: «Воздадимъ благодарность Богу за то, что по его святой милости, въ рукахъ нашихъ находится теперь дерзкій самозванецъ. Наказаніе его не замедлитъ. Извѣстіе о смерти его

положить конецъ всемъ замысламъ въ Португалліи. Съ самаго начала войны за законное наслѣдство наше приготовленъ былъ этотъ хитрый планъ нашими врагами. Губернаторъ Тавирскій извѣщалъ насъ о появленіи этого бунтовщика, когда онъ безуспѣшно старался возбудить мятежъ въ Алентехе. Послѣ того, слѣдъ его пропалъ. Уже три мѣсяца тому, какъ произнесемъ нами приговоръ его. Онъ будетъ исполненъ пылъ. Такова наша воля. Мы оставляемъ преступнику жизнь только на то время, пока успѣеть онъ приготовиться къ примиренію съ Богомъ, и да будетъ ему Господь милосердъ за его беззаконія!»

Одобреніе Совета на слова Филиппа было единодушное. Каждый видѣлъ даже особенную милость Провидѣнія въ семь дѣлъ. Между знаменитыми членами Совета находились многіе, бывшіе при Португальскомъ дворѣ, и лично хорошо знавшіе Себастьяна. Никто однакожъ не предложилъ увѣриться сперва: не въ самомъ ли дѣлѣ былъ это донъ Себастьянъ, чудесно спасенный отъ гибели? Все согласно говорили только о дерзости обманщика. Донъ Санчо былъ одинъ, дерзнувшій на замѣчаніе, не для открытія истины, но изъ предосторожности въ пользу Короля.

— Государь! — сказалъ онъ — вѣроятно, этотъ обманщикъ походить нѣсколько на покойнаго Короля Португальскаго. Непріатели Вашего Величества будутъ утверждать потомъ, что это былъ онъ дѣйствительно. Не надобно ли, прежде исполненія приговора вашего, допросить его, и — исторгнуть признаніе объ его обманѣ?

Филиппъ молчалъ. «Мы подумаемъ объ этомъ» — сказалъ онъ. «Благодарю тебя за совѣтъ, донъ Санчо»

чо. Нынѣшнимъ вечеромъ, ты получишь наши повелѣнія.»

Едва разошелся Совѣтъ, Филиппъ велѣлъ позвать къ себѣ дону Луизу и Изабеллу. Обѣ, представши предъ Короля, почувствовали какое нибудь великое бѣдствіе. Никогда еще видѣ его не внушала принцессѣ такого жестокаго опасенія. Онъ сидѣлъ въ креслахъ подъ балдахиномъ, служившихъ ему вмѣсто трона при засѣданіяхъ Совѣта государственнаго. Лицо его казалось мрачнымъ и задумчивымъ; на голову надвинута была черная бархатная шляпа. Онъ молчалъ, облокотясь на столъ, вокругъ котораго стояли кресла, показывавшія, что засѣданіе Совѣта только что было окончено.

— Дона Луиза — сказалъ онъ, устремляя на нее внимательный взоръ. — Знаете ли, за кого вы вчера меня просили?

При такомъ вопросѣ, неудержимое чувство страха и радости оживило дону Луизу. Она поняла, что донъ Себастьянъ былъ живъ, но — спасеніе и погибель его находились въ рукахъ Филиппа!

«Государь!» отвѣчала она — я просила васъ за несчастныхъ монахъ земляковъ.

— Людей, вовсе вамъ неизвѣстныхъ? Негодяевъ, которыхъ безразсудно принимаете вы въ ваше покровительство?

«Португальцовъ, государь — солдатъ, раненыхъ въ битвѣ!»

— Въ которыхъ принимаетъ однакожъ особенное участіе герцогиня Аверо. Имя одного изъ нихъ сказали вы мнѣ вчера — другой самъ сегодня объявилъ, за кого онъ осмѣливается выдавать себя!

Молча подалъ онъ донѣ Луизѣ письмо капитана Родригеса. Она медкомъ взглянула на него, и съ изумительнымъ хладнокровіемъ спросила Филиппа:

«Теперь истина вамъ извѣстна, государь?»

Филиппъ посмотрѣлъ на нее, взявъ письмо, и хладнокровно отвѣчалъ ей:

— Завтра поутру этотъ обманщикъ будетъ разстрѣлять.

Какъ будто пораженная громовымъ ударомъ, блѣдная, трепещущая, донна Луиза упала къ ногамъ его.

«Нѣтъ! государь! вы этого не сдѣлаете..... Выслушайте меня — онъ дѣйствительно донъ Себастьянъ — король мой, сынъ вашей сестры..... Богъ сохранилъ его среди гибели. По возвращеніи въ отечество, онъ долженъ былъ скрываться, страшаясь объявленнаго ему приговора смерти... Но не васъ боялся онъ, а вашихъ подчиненныхъ, которые не допустили бы его прибѣгнуть къ правосудію вашему — теперь вы все знаете сами — призовите его..... И неужели нѣтъ здѣсь людей, которые прежде знали донъ Себастьяна? Сведите его съ ними — они узнаютъ его — это онъ!

Филиппъ покачалъ головою; на лицѣ его видно было нетерпѣніе, и презрительная улыбка мелькнула на устахъ его.

«Государь!» продолжала донна Луиза, вѣя себѣ — вы имѣете полное право власти надъ жизнью и смертью вашихъ подданныхъ, но властители, вамъ подобные, не подвластны вамъ — судія имъ Богъ! Вы видите въ донѣ Себастьянѣ непріятеля нашего — единственное преступленіе его передъ вами — пратьва его на завоеванную вами корону его? Осмѣлитесь ли вы судить, и еще болѣе — наказывать его? Подобныхъ событій не бывало примѣра между христіанскими государями! Родитель вашъ, Императоръ Карлъ V-й, уважилъ жизнь и личность врага своего, Короля Франциска I-го, когда судьба передала

жребій его въ руки непріятелей. И теперь, еретическая владычица, Елисавета Англійская, держитъ пятнадцатъ лѣтъ въ темницѣ Королеву Шотландскую, но ненависть ея не смѣетъ произнести приговора!

Филиппъ не отвѣчалъ ничего. Неподвижное лицо его не показывало никакого чувства, ни ненависти, ни любви, волновавшей его прежде при взглядѣ на эту юную принцессу, слезы, слова, положеніе которой должны были увлечь его — она такъ хороша была въ своемъ отчаяніи.

Филиппъ безмолвствовала.

— Государь! если вы еще не убѣждены — сказала она — вотъ здѣсь есть одна особа, свидѣтельство которой можетъ рѣшить ваше сомнѣніе... Изабелла видѣла донъ Себастьяна — она узнала его. Благоволите, Ваше Величество, спросить ее!

«Говорите, герцогиня Аверо,» хладнокровно сказалъ Филиппъ.

Съ трепетомъ приблизилась Изабелла, и кратко рассказала все, что узнала она отъ донъ Себастьяна и его спутниковъ, все, чему была она очевидцемъ въ атакаѣ. Ея горестъ и опасеніе за участь донъ Себастьяна придавали разсказу ея силу истиннаго, увлекающаго краснорѣчія. Филиппъ слушалъ ее съ неподвижнымъ лицомъ, между тѣмъ, какъ донъ Луиза, въ которой разсказъ Изабеллы возбуждалъ надежду и смертельный страхъ, удерживала слезы свои, и молилась въ душѣ, да будетъ тронута сердце Филиппа! Богу извѣстно — были ли въ это время убѣжденъ Филиппъ, или нарочно удерживалъ свои сомнѣнія, стараясь помириться съ своею совѣстью. Какъ бы то ни было, но воля его осталась непоколебима, неумолимъ былъ и остался онъ — ничто не могло тронуть, преклонить его: въ серд-

цѣ его кипѣли двѣ самыя страшныя страсти — властолюбіе и ревность. Когда Изабелла кончила разсказъ свой, онъ усмѣхнулся.

«Да,» сказалъ онъ — порядочное сплетеніе лжѣй и обмановъ! Мы не почитаемъ васъ участницею въ нихъ, но только обманутою ими, герцогиня. Этотъ самозванецъ будетъ наказанъ, но дѣйствию правосудія нашего не коснется никого болѣе — изъ желанія пощадить тѣхъ, кто намъ дорогъ, и упорствуетъ въ своемъ заблужденіи.

— Нѣтъ, государь! — воскликнула донъ Луиза — мнѣ не надобно вашей пощадъ! Но умоляю васъ подумать... Ныкогда вы можете вспомнить, но будетъ уже поздно, невозвратно... Такому дѣлу не будетъ прощенья! И что можетъ вамъ сдѣлать этотъ несчастный плѣнникъ? Оставьте ему жизнь — жизнь только, государь! Вы подарите ли жизнь самому величайшему преступнику, если бы я васъ просила за него.... Государь! я на колыняхъ передъ вами!

«Его преступленіе выше всякихъ законовъ — благо нашихъ подданныхъ требуетъ его смерти. Прощенія нѣтъ!»

— Государь! — воскликнула донъ Луиза, съ силою безнадежнаго отчаянія — велите-же и меня казнить. Безъ того, я навсегда останусь страшнымъ, неумолимымъ свидѣтелемъ противъ васъ! Передъ всѣмъ міромъ буду я разсказывать подробности осужденія донъ Себастьяна — онъ признанъ былъ — это было онъ — скажу я — и сама смерть его есть доказательство истины. Голоса другихъ, голоса Португалліи, будутъ со мною за одно! Напрасно повлечете вы его на смерть и будете называть его самозванцемъ и измѣнникомъ — кровь его возопіетъ истину, и вы содрогнетесь на вашемъ престолѣ!

Она не могла ничего болѣе говорить, задушаемая рыданіями. Филиппъ молчалъ. Онъ думалъ, казалось, въ эти минуты, что дѣйствительно непріятель его могутъ воспользоваться всѣмъ этимъ, болдся за Португаллію, и кто могъ предвидѣть слѣдствія казни самозванца! Онъ вспоминалъ, какихъ непріятелей возстала противъ него смерть Эгмонта. Сознаніе необходимости поступать осторожно, остановило его, и онъ быстро сообразилъ, какимъ другимъ средствомъ можетъ онъ избавиться отъ своего непріятеля, устранивъ всякое нарѣканіе...

Дона Луиза замѣтила нервнѣе Филиппа. Она думала, что чувство состраданія и справедливости коснулось душъ его. Снова упала она къ ногамъ его, и не находя уже словъ, умоляла только своими слезами. Филиппъ наклонился къ ней, какъ будто хотѣлъ поднять ее. Онъ взялъ въ свою руку обѣ ея, простергъ къ нему руки.

— Дона Луиза! — сказалъ онъ — ваше упорство, съ какимъ поддерживаете вы обманъ этого человѣка, заставляете насъ не внимать глазу милосердія. Если вы перестанете настаивать въ заблужденіи, столь явномъ, если онъ торжественно сознается въ обманъ своемъ, въ томъ, что ложно принялъ онъ на себя имя и званіе донъ Себастьяна — мы можемъ пощадить его!

«Какъ?» воскликнула дона Луиза, съ ужасомъ — онъ долженъ обвинить самаго себя, а я подтвердить свидѣтельствомъ своимъ ложь его малодушнаго отреченія, послѣ чего никакія силы человѣческія не возвратятъ ему его потери? Никогда, никогда! Онъ не захочетъ купить жизни потерю чести своей!

— Въ такомъ случаѣ — да будетъ ему Богъ милосердъ! — отвѣчалъ Филиппъ, набожно подымая гла-

за къ небу! — Мы позволяемъ духовнику слышать его послѣднюю исповѣдь, не хотимъ погубить души его. Можетъ быть, раскаяніе отворитъ ему врата въ райское блаженство, котораго столь трудно достигнуть здѣсь намъ, грѣшникамъ! Идите съ Богомъ, дона Луиза, и помолитесь, да умягчится душа этого несчастнаго покаяніемъ.

Одно мгновеніе колебалась еще она, и потомъ, пересиленная отчаяніемъ, сказала Филиппу:

«Да будетъ по волѣ вашей. Что должна я говорить, написать? Соглашаюсь на все для спасенія его жизни — я покорюсь вамъ — что прикажете мнѣ, государь?»

— Разуверьтесь въ этомъ грубомъ и постыдномъ обманѣ. Но спасеніе преступника зависитъ не отъ одной васъ: если онъ самъ будетъ упорствовать въ упрямствѣ своемъ — смерть его неизбежна!

«Боже! будь милосердъ къ намъ!» тихо говорила дона Луиза.

— Особы, которыхъ занимаетъ столь живо участь плѣнника, могутъ идти къ нему, и сказать, что жизнь его зависитъ отъ его добровольнаго сознанія въ обманъ — сказалъ Филиппъ, обращаясь къ Изабеллѣ. — Они могутъ получить наше королевское позволеніе видѣться и переговорить съ плѣнникомъ, безъ замедленія.

«Государь!» отвѣчала дона Луиза, твердымъ голосомъ — дадите-ли вы жизнь и свободу плѣннику, если онъ сознается, что имя и титулъ, принятые имъ, были..... несправедливо имъ взяты?»

— Мы даримъ ему жизнь и свободу, подѣ условіемъ: онъ будетъ изгнанъ изъ нашихъ владѣній въ Европу, будетъ перевезенъ въ области Восточной Индіи, и обяжется, подѣ смертною казнью, не выходить отсюда!

«Но, какое будетъ ручательство въ обѣщаніи нашемъ, государь?»

— Мое королевское слово. Я даю его вамъ, донна Луиза!

Она подошла къ налою, гдѣ лежалъ молитвенникъ: «Клинитесь, Ваше Величество!» сказала она.

— Клипуть! — отвѣчалъ Филиппъ, протягивая руку. — Подойдите сюда, герцогиня Аверо!

Онъ взялъ лоскутокъ бумаги, и написалъ на немъ:

«Алкаду Бадахосской крѣпости, донъ Родригесу Нунишъ. Соизволимъ нашей королевскою милостію герцогинѣ Аверо свободный входъ и свиданіе, безъ свидѣтелей, съ пльщиками, въ крѣпости находящимися. Сей приказъ равенъ моему личному слову. *И Король.*»

Возьмите, герцогиня — вы властны употребить этотъ приказъ, когда вамъ будетъ угодно. Если этотъ человекъ захочетъ сознаться въ своемъ обманѣ — свидѣтели, которыхъ мы предварительно назначимъ, будутъ готовы для полученія его признаній. Если онъ станетъ упорствовать — для него одна надежда на милосердіе Божіе! Что касается до товарища его, донъ Гуана де-Мата, желая милосердовать на его ослѣпленіе, мы осуждаемъ его — только на вѣчное изгнаніе изъ всѣхъ нашихъ владѣній, повѣлявая конфисковать его имѣніе въ пользу монастыря Бенедиктинскаго въ Бадахосѣ. Приказъ обо всемъ этомъ данъ будетъ нами немедленно! Идите.

Донна Луиза не плакала. Мужество великодушнаго рѣшенія блистало въ глазахъ ея. Она была спокойна, безмолвна, готова на все. Въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ была теперь она, хладнокровіе всегда возрастаетъ по мѣрѣ опасности. Какой страшный смыслъ въ этой старинной Испанской пословицѣ: «Сохрани

насъ Богъ отъ печалей, которыя можемъ мы перенести не умирая!»

Донна Барбара ожидала у дверей королевскаго кабинета. Донна Луиза не могла обмѣняться ни однимъ словомъ съ Изабеллою. Дамы окружили ее, едва только вошла она въ свои комнаты, и желая спастись отъ ихъ соглядатайства, она поспѣшно удалилась въ свою моельную подлѣ окна. Изабелла, держа въ рукахъ королевское повелѣніе, приказала донѣ Барбарѣ распорядиться всѣмъ такъ, чтобы немедленно можно было ей отправиться въ алказаръ. Тотчасъ, одна дуэнья извѣстила главнаго церемоніймейстера, что дама изъ свиты Инфантинъ должна выѣхать въ городъ, и потому требовала экипажа, съ причиннымъ числомъ провожатыхъ. Герцогиня надѣла платье, какое дамы въ то время надѣвали, когда выходили изъ дома, отправляясь пышкомъ, или въ портшезѣ. Это былъ широкій черный плащъ, довольно похожій на домино, совершенно закрывавшій отъ головы до ногъ, съ широкими до самой земли рукавами; голову прикрывали шелковымъ покрываломъ, а на лицо надѣвали особаго рода, черную, курносую маску, похожую на тѣ, которыя называли тогда во Франціи *tourlet de nez*. Окончивъ этотъ уборъ, Изабелла вошла въ маленькую моельную. Донна Луиза стояла на колыняхъ и молилась.

— Надѣюсь немедленно воротиться къ Вашему Высочеству — сказала Изабелла, недовѣрчиво обращаясь къ занавѣскѣ, раздѣлявшей ихъ отъ неусыпной стражи дамъ — употреблю все мои силы исполнить повелѣніе Короля. Надѣйтесь, Ваше Высочество!

Тихо встала донна Луиза. Не говоря ни слова, изъявляя желаніе свое только знаками, она велѣла Изабеллѣ скинуть плащъ и надѣть на нее; сняла съ нея

маску и надѣла себѣ на лицо, и потомъ набросила себѣ на голову шелковое покрывало Изабеллы. По знаку ея, Изабелла стала на колѣни передъ образомъ Мадонны. Дона Луиза поцѣловала ее въ голову, и вышла изъ-за занавѣски, держа въ рукахъ королевское повелѣніе. Дуэнья, мимо которыхъ молча прошла она, не изъявили никакого сомнѣнія; та, которой назначено было провожать ее, пошла за нею. Онѣ сошли съ лѣстницы. Носилки ожидали ихъ въ низу. Дона Луиза съѣла въ нихъ одна. Два пажы шли подлѣ муловъ; дуэнья и дворцовый служитель слѣдовали сзади. Такъ миновали городъ и безпрепятственно вступили въ алказаръ. Всѣ двери растворились при видѣ королевскаго повелѣнія. Капитанъ Родригесъ выступилъ на встрѣчу съ привѣтствіемъ.

— Позвольте мнѣ — сказалъ онъ — изумленный, что ему отвѣчаютъ только знаками — самому проводить васъ къ пѣвнику. Мнѣ кажется, у этого челоука разстроилась голова отъ его заключенія, и признаюсь, всего болѣе душевному разстройству приписываю я то, что онъ сказалъ мнѣ о себѣ, а не какому нибудь преступному намѣренію. Боюсь за жизнь его, я заперъ его въ верхней комнатѣ башни.

Онъ предложилъ руку донѣ Луизѣ, и взвелъ ее на лѣстницу. Дуэнья слѣдовала за ними. Когда они были близъ двери, ведущей въ комнату пѣвника, и дверь въ нее растворилась, дона Луиза сказала капитану Родригесу:

«Въ слѣдствіе королевскаго повелѣнія, мнѣ надобно говорить съ пѣвникомъ наединѣ.»

При звукахъ голоса донь Луизы, капитанъ и дуэнья съ трепетомъ поглядѣли другъ на друга. Не смотря на подозрѣніе, какое чувствовали, остановить донь Луизы они не посмѣли — такъ странно и непостижимо казалось имъ, чтобы это была она.

Молча поклонились они; дона Луиза переступила черезъ порогъ, и дверь заперлась за нею. Пѣвникъ стоялъ подлѣ окна, наклонясь головою на рѣшетку. Онъ не оборотился, слыша скрипъ двери. Солнце закатывалось, и ярко освѣщало бѣлыя, голыя стѣны комнаты, походившей на келью капуцина.

— Государь! — произнесъ позади его кто-то дрожащимъ, задушаемымъ слезами голосомъ. Онъ содрогнулся, и блѣднѣя, схватился за оконничную рѣшетку... Колѣна его подгибались, при взглядѣ на женщину, стоящую передъ нимъ подлѣ покрываломъ; онъ не смѣлъ увѣриться, что это была дона Луиза...

«Вы не ошибаетесь, государь — это я,» сказала она, снимая свою маску.

— Луиза! — вскричалъ онъ. Оба оставались на одно мгновеніе неподвижны, безмолвны. Нѣсколько мгновеній смотрѣли они другъ на друга. Потомъ, донъ Себастьянъ подаль руку донѣ Луизѣ, и безмолвно пригласилъ ее сѣсть... Увы! кто могъ бы теперь узнать его! Отъ этого юнаго, величественнаго героя оставалась едва тѣнь того, чѣмъ былъ онъ прежде... Черты лица его, столь прекрасныя, столь благородныя, были страшно измѣнены страданіемъ; походы, пѣвнѣ, заточеніе отняли у его взора то гордое величіе, съ которымъ прежде повелѣвалъ онъ другимъ — глаза его были мутны, потеряли выраженіе — большой, уничтоженный бурей бѣдствій являлся прежній донъ Себастьянъ. Чувство жалости, преданности, почтенія, сильнѣйшія всякаго чувства любви, овладѣли сердцемъ донь Луизы при видѣ великаго несчастливца. Она преклонила колѣна предъ знаменитымъ женихомъ своимъ, и съ горестью сказала ему: «Ахъ! государь! какъ много перенесли вы со времени нашей разлуки!»

Онъ повелъ рукою по своей головѣ, и открывал

любя свой, на которомъ виднѣе была широкой рубецъ, сказалъ донъ Луизъ: «Вы всегда узнали бы меня по этому знаку — не правда-ли?» — И когда она отвѣчала утвердительною наклоненіемъ головы — «Мои добрые Португальцы также узнаютъ меня» — продолжалъ донъ Себастьянъ — Мнѣ стоить только явиться къ нимъ... Слишкомъ долго слушала, я эти благоразумные совѣты... Слишкомъ берегъ то немногое, что остается у меня отъ жизни... я не погибну здѣсь. Когда изгону я Испанцовъ изъ моего королевства, когда мы будемъ въ Лиссабонѣ, когда вы будете королевою Португальскою — тогда, я предчувствую это, донъ Луиза, тогда настанетъ часъ моей смерти — окончаніе моихъ предпріятій истощитъ всю жизнь мою — я не буду жалеть ее — и дай мнѣ Богъ долго потомъ ждать васъ подлѣ королей предковъ моихъ въ обители Белемской, гдѣ на вѣки будемъ мы неразлучны...

Онъ остановился, слабый, задыхаясь, и только могъ рукою указать на отдаленныя Португальскія горы.

— Государь! — сказала донъ Луиза — изъ всѣхъ радостей, о которыхъ вы мнѣ говорите, только одной молю я — раздѣлить съ вами остальные годы жизни, здѣсь на землѣ предоставленные намъ благимъ Провидѣніемъ. Богъ, сохранившій васъ столь чудесно, продлитъ дни ваши. Но известно ли вамъ, гдѣ вы, и какія опасности васъ окружаютъ? Выслушайте меня — намъ даны краткія мгновенія для свиданія. Государь! вы во власти жесточайшаго неприятеля вашего, и онъ опредѣлилъ вамъ смерть!

«Онъ не осмѣлится!» быстро перервалъ рѣчь ея донъ Себастьянъ.

— Ахъ! государь! Исполненіе послѣдуетъ немедленно за угрозою — васъ ничто спасти не можетъ...

«Но онъ долженъ будетъ отдать отчетъ всему христіанскому міру. Онъ силенъ и страшенъ, но я превыше его мщенія. Къ моей головѣ не дерзнетъ онъ прикоснуться!»

— Отвратительное лицемеріе и услужливость его подчиненныхъ нашли уже средства оправдать его, обвиняя васъ въ обманъ и самозванствѣ. Государь! вы не знаете еще всей глубины вашего бѣдствія!

Тутъ рассказала она кратко все что было, разговоръ свой съ Филиппомъ, и условія, на которыхъ согласился онъ пощадить жизнь донъ Себастьяна. Возмущенный съ начала удивленіемъ и негодованіемъ, донъ Себастьянъ слушалъ потомъ тихо и печально рѣчи донъ Луизы. Когда кончила она, хладнокровно сказалъ онъ ей:

«Узнаю коварную и жестокую политику Филиппа. Мое отреченіе скорѣе и вѣрнѣе избавитъ его отъ меня, нежели самая смерть моя. Оно заставитъ умолкнуть всѣхъ моихъ приверженцовъ. Тогда будетъ онъ настоящимъ Королемъ Португальскимъ, и я заживо передамъ ему мое наслѣдство. Я плѣнникъ его, и за выкупъ мой требуетъ онъ отъ меня моихъ правъ, моего званія, моего имени, всего мени — оставляя мнѣ жизнь. Но за такую цѣну я не продамъ ему себя — будь, что угодно Богу!»

Со страхомъ оборотилась донъ Луиза къ дверямъ, и потомъ подняла руки къ небу, какъ будто умоляя у него — еще минуты времени. Она бросилась на колѣни передъ донъ Себастьяномъ.

«Государь!» сказала она, «мнѣ остается едва нѣсколько минутъ говорить съ вами и убѣждать васъ — посмотрите — я у ногъ вашихъ — какъ милости, прощу моей жизни, которая зависитъ отъ вашей! Не осуждайте вдругъ на смерть и себя и меня! И къ чему вамъ ваши титулы, ваше величіе, все то,

чего ничтожество такъ страшно вы испытали? Ахъ! государь! послѣдніе изъ вашихъ подданныхъ счастливейте теперь васъ и меня! Помню, какъ часто завидовали вы спокойной, укрытой отъ величія жизни простолюдина, чуждаго бурь, возмущающихъ жизнь великихъ на землѣ — вы мнѣ говаривали нѣкогда, что слава величія не стоитъ блаженства, какое общаетъ вамъ любовь моя! Если я еще до рога вамъ — живите только для меня! Я послѣдую за вами въ изгнаніе, перенесу бѣдность, страданія съ вами... Мы укроемся въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ Нового Свѣта, забудемъ что мы были. Король Португальскій умретъ, но донъ Себастьянъ останется живъ — живъ для меня одной! И каждый день буду я благословлять Бога за его милости ко мнѣ...

Она обняла колѣни дона Себастьяна; умоляющій, полный скорби взоръ былъ устремленъ на него. Но — онъ молчалъ.

«Государь!» говорила дона Луиза — ради имени милосердаго Бога, троньтесь моими слезами! Знаю, что во глубинѣ великой души вашей вопіеть голосъ славы, чести... печальныхъ привидѣній, созданныхъ суетою человѣческою... Слава! Это слышное изумленіе толпы при удачѣ... Честь!.. Ахъ! не въ упрямствѣ упорствѣ состоитъ она... Если бы надлежало искупить жизнь вашу трусостью, измѣною — я на колѣняхъ просила бы васъ не соглашаться — допустила-бы васъ умереть — только умерла бы съ вами... Но отъ вѣнца своего можете вы отказаться безъ стыда и безъ угрызеній совѣсти...

Долго говорила она, смѣняя слезы мольбами, ужасъ умилениемъ. Ничего не отвѣчалъ онъ на горчичіи мольбы ея, на ея слезы, — но смертельная бѣдность и безчувствіе его взоровъ показывали,

какую жестокую борьбу выдерживалъ онъ во все это время.

Вдругъ прекратились слезы и слова доны Луизы — съ трепетомъ прислушивалась она — шаги слышны были по переходу — они замолкли подлѣ дверей.

«Государь!» вскричала дона Луиза угасающимъ голосомъ — «идуть — идуть — жребій нашъ рѣпень! Государь! одно слово — жизнь или смерть?»

Онъ содрогнулся, и быстро окруживъ своими руками дону Луизу, прижалъ ее къ груди своей въ какомъ то безумномъ изступленіи:

— Хорошо — да, будетъ такъ — хочу жизни и свободы съ тобою! — воскликнуть онъ.

«О Боже!» говорила дона Луиза — свобода и счастье вмѣстѣ»...

Пока отворялась дверь, дона Луиза успѣла надѣть плащъ свой и свое покрывало, и стать среди комнаты. Капитанъ Родригесъ явился, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, несшихъ факелы. Было уже темно.

— Васъ ожидаютъ съ безпокойствомъ люди, пришедшіе съ вами — сказали онъ донѣ Луизѣ — время возвратиться, чтобы ночь не застала васъ на улицахъ Бадахоса.

Дона Луиза поняла, что никто не узналъ еще ее, и увѣренность въ этомъ возвратила ей все ея хладнокровіе.

«Капитанъ!» сказала она — вашъ пльнникъ готовъ подписать такое признаніе, какое будетъ угодно вашему Королю. Вѣрно, вы получили уже предписаніе на подобный случай?»

— Да — отвѣчалъ онъ, смущенный голосомъ, котораго не смѣлъ еще узнать. — Его Величество назначилъ почтеннаго патера Кирилло, крѣпостнаго

священника, и дона Хаиме де Сануза, моего помощника, быть вмѣстѣ со мною свидѣтелями признаній плѣнника. Они здѣсь.

«Призовите-же ихъ поскорѣе, и кончите все это въ моемъ присутствіи, чтобы я обо всемъ могла донести Королю.

Она съѣла подлѣ дона Себастіана, и тихо начала ему говорить: «Государь! вы дарите меня жизнью, спасая вашу драгоценную жизнь! За чѣмъ не могу я на колѣняхъ благодарить васъ! Обратите взоръ вашъ на меня, — посмотрите — я счастлива. . . Нѣтъ! Ничего не боюсь и болѣе. — Филиппъ поклялся, далъ слово свое — и скорѣе будете вы свободны. . . Какая радость — отказаться для васъ отъ всего свѣта, и слѣдовать за вами въ мѣсто изгнанія вашего, черезъ моря. . . .

Этотъ оживленный голосъ, эти слова преданности и нѣжности, отозвались въ сердцѣ донъ Себастіана. Онъ забылъ гордость — бѣдный слѣдъ жизни минувшей — онъ боялся теперь смерти, которая разорветъ эту будущность, которую обѣщала ему любовь донъ Луизы. Впрочемъ, душа, еще удержавшаяся въ слабомъ тѣлѣ его, уже потеряла въ то время свою первобытную силу; она ослабѣла, истомилась въ страданіяхъ, и прежняя отвага, прежняя смѣлость пробуждалась въ ней только порывами, при сильныхъ впечатлѣніяхъ извнѣ.

Свидѣтели, призванные капитаномъ Родригесомъ, явились безъ замедленія. За ними слѣдовалъ писарь, или нотарій, записывавшій рѣшенія, произнесенныя алькадомъ, ибо въ крѣпости находилось отдѣльное судопроизводство, коммендантъ ея относился прямо къ Королю, и въ дѣлахъ уголовныхъ исполнялъ онъ должности и судьи и исполнителя приговоровъ. Вмѣсто обывновеннаго допроса, нота-

рій написалъ признаніе, слова котораго, вѣроятно, были предварительно предписаны — такъ были они произвольны и опредѣленны. Между тѣмъ, прежде окончанія подписки, коммендантъ спросилъ у плѣнника настоящее его имя.

— Себастіанъ — отвѣчалъ онъ, дрожащимъ голосомъ, но безъ замедленія.

«Ваше званіе?»

— Солдатъ.

Нотарій громко прочиталъ написанное имъ. Съ спокойнымъ вниманіемъ выслушалъ донъ Себастіанъ эту погребальную записку свою, не сводя во все время глазъ съ донъ Луизы. Нотарій подалъ плѣннику перо, и тотъ подписалъ свое имя твердою рукою. За тѣмъ подписались свидѣтели. Все было кончено, когда капитанъ Родригесъ оборотился къ донъ Луизѣ и сказалъ ей:

«Вы также должны подписать его признаніе. Въ случаѣ смерти, или отсутствія официальныхъ свидѣтелей, вы можете быть призваны и подтвердить показаніе. Таковъ законъ.»

Минуту колебалась донъ Луиза, испуганная и удивленная. . . . Она рѣшилась и смѣло подписала:

«Луиза Принцесса Португальская.»

— Ваша Свѣтлость! — вскричалъ капитанъ Родригесъ.

«Я за все отвѣчаю — гордо сказала ему донъ Луиза. — Исполните приказанія, данныя вамъ — теперь плѣнникъ вашъ свободенъ.»

— Не совсѣмъ еще, Ваша Свѣтлость — онъ долженъ быть сперва препровожденъ подѣ крѣпкою стражею въ Санъ-Лусаръ, откуда отправятъ его въ Лузонъ, мѣсто его изгнанія. Товарищемъ его будетъ донъ Гуанъ де-Мата.

«Гуанъ здѣсь! Онъ возвратился?» вскричалъ донъ Себастьянъ съ чувствомъ радости.

— Да, благородный этотъ плѣнникъ сдержалъ свое слово — отвѣчалъ капитанъ Родригесъ съ глубокимъ вздохомъ. — Онъ привезъ выкупъ за себя и за васъ, но — воля королевская рѣшила иначе...

«О, мой добрый Гуанъ! о другъ мой!» воскликнулъ донъ Себастьянъ — не такъ думали мы съ тобою увидѣться!

— Ваша Свѣтлость — сказала тогда капитанъ Родригесъ, подавая руку донъ Луизѣ — уже поздно, и скоро подымутъ крѣпостной мостъ....

«Пойдемте!» отвѣчала она. И обращаясь къ донъ Себастьяну, она указала ему на небо, какъ будто еще разъ призывая его въ свидѣтели....

Пока все это происходило въ алказарѣ, ничто не нарушало спокойствія въ Бенедиктинскомъ монастырѣ, гдѣ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ Король успѣха, котораго надѣялся онъ отъ переговоровъ плѣнника съ герцогинею Аверо. Все было безмолвно въ комнатахъ Принцессы. Дона Барбара не замедлила посмотрѣть сквозь занавѣску въ моленную, и едва не свалилась она съ ногъ отъ страха, когда при свѣтѣ лампадки, день и ночь горѣвшей передъ образомъ Мадонны, разглядѣла Изабеллу, стоящую на колѣняхъ, вмѣсто донъ Луизы. Появленіе мертвеца не испугало бы ее такъ, какъ испугалъ взглядъ на русую, прелестную головку Изабеллы. Но старая дуэнья была опытная дама, служившая при дворѣ съ самаго перваго супружества королевскаго. Она тотчасъ разочла, что менѣе бѣды будетъ промолчать, нежели открыть такой дерзкій обманъ, который могъ остаться на всегда тайною между тремя лицами. Ничего не говоря, съела она подлѣ загородки, не допуская другихъ туда загля-

дывать. Два часа провела она такимъ образомъ въ смертельномъ страхѣ. Наконецъ, донъ Луиза вошла счастливо, также не бывши ни къмъ узанною. Дона Барбара остановила всѣхъ, кто хотѣлъ подойти и снять съ донъ Луизы маску и плащъ. Свободно вошла Принцесса въ свою моленную, и то, чего ожидала донъ Барбара, было сдѣлано незамѣтно. Черезъ минуту, изъ моленной вышли донъ Луиза и Изабелла вмѣстѣ, перемѣнивши уборъ. Никто ничего не подозрѣвалъ. Дама, сопровождавшая донъ Луизу, подражала благоразумному молчанію донъ Барбары, а если что нибудь и примѣтила она, то ничего не говорила.

Это было въ субботу, на канунъ праздника Всѣхъ Святыхъ, день, когда посетятъ до вечера. Принцессы принесли обѣдъ, но она не могла ни до чего дойтись. Сильныя движенія, испытанныя ею, волновали кровь ея. Холодною, дрожащею рукою сжимала она руку Изабеллы, которая была въ неменьше тяжкомъ состояніи грустной, тревожной неизвѣстности, напрасно придумывая средства избѣгнуть отъ надзора дамъ и поговорить съ Принцессою. Но невыносимое принужденіе это продолжалось недолго. Королевскій пажъ потребовалъ донъ Барбару. Черезъ нѣсколько минутъ, она воротилась, какъ будто одурѣлая.

— Ваша Свѣтлость! Король требуетъ васъ къ себѣ — сказала она донъ Луизѣ.

Чувствуя, что настала наконецъ часть, когда надобно было навсегда рѣшиться судьбѣ ея и донъ Себастьяна — на мгновеніе остановилась донъ Луиза. Она знала, какъ страшенъ Филиппъ въ гнѣвѣ своемъ, но за себя ничего она не боялась, увѣренная въ спасеніи донъ Себастьяна. Твердо и скоро дошла она до королевскаго кабинета, куда впустили ее од-

пу. Король стоялъ подлѣ столика, держа въ рукахъ отреченіе донъ Себастьяна.

«Дона Луиза!» сказалъ онъ, стараясь показать притворное спокойствіе, которое не соглашалось съ дрожаніемъ губъ его — ваша ли эта подпись?»

— Да, государь! — отвѣчала она, бросивъ мелькомъ взглядъ на бумагу, которую показалъ ей Филиппъ.

«Вы погубили себя и приставницъ вашихъ.... Какой недостойный обманъ! Но — вамъ можно еще надѣяться, если вы скажете мнѣ откровенно, что побудило васъ видѣться съ этимъ.... Мы не отказали бы и вамъ въ желаніи вашемъ, какъ не отказали донъ Изабеллѣ. Сколь ни ничтоженъ этотъ чело-вѣкъ, но милосердіе могло и до него унизиться.... Нѣкогда при Испанскомъ дворѣ видали инфанту, дону Маргариту, посѣщавшую темницы, утѣшавшую преступниковъ, вымаливавшую имъ пощаду.... И всѣ хвалили, всѣ уважали это высокое милосердіе, величавшее себя такимъ подвигомъ благотворенія....»

Дона Луиза не могла быть обманута выраженіемъ притворнаго благочестія, сквозь которое видно было гордое презрѣніе; она отвѣчала съ благородною скромностью:

«Если я виновата, простите меня, государь! Мнѣ потребно милосердіе ваше....»

— А! — сказалъ Филиппъ, съ улыбкою — такъ у васъ опять есть ко мнѣ просьба?

«Только не о другихъ, а обо мнѣ самой — величайшая милость, которою можете вы осчастливить меня — я требую моей свободы, государь!

— Вашей свободы! А на что же вамъ она?

«Я уѣду, государь, удалюсь на край свѣта, и ни-

когда память объ этомъ послѣднемъ благодѣяніи вашемъ не изгладится изъ моего сердца.»

Филиппъ отвѣчалъ только глухимъ стономъ удивленія и бѣшенства. Такъ далеко не шли его подозрѣнія. Онъ не могъ вообразить, чтобы дона Луиза была способна къ такой любви, къ такой преданности.

— Государь! — продолжала она — Богъ внушаетъ мнѣ чувства, сообразныя съ моимъ состояніемъ. Я изгнана изъ моего отечества, лишена правъ вѣсокаго моего рожденія, видѣла гибель и разрушеніе счастья всѣхъ моихъ родныхъ. Мнѣ надобно отказаться отъ прежней гордости, и быть покорною подданною Вашего Величества. Новая жизнь должна начаться для меня....

«Дона Луиза!» спросилъ Филиппъ, скрывая гнѣвъ свой — осмѣлитесь ли вы сказать мнѣ всю истину?

— Да, государь! если вы меня спросите — я скажу еѣ — отвѣчала она безстрашно.

«Вы хотите соединить судьбу свою съ судьбою этого несчастнаго?»

— Государь! — горячо отвѣчала дона Луиза — для васъ, для всего остальнаго свѣта, этотъ чело-вѣкъ преступникъ, которому даровали вы пощаду, но для меня — онъ донъ Себастьянъ, король, чело-вѣкъ великій, котораго принудила я искупить жизнь его и мою недостойною трусостью — но я виновата въ этомъ — я невѣста его, государь, я люблю его — я дала ему слово на всю жизнь, на всю вѣчность! Вы хотѣли слышать истину — вы ее слышите, государь!

Филиппъ пожелтѣлъ — ярость сверкнула въ глазахъ его, но онъ удержалъ гнѣвъ свой и сказалъ съ холоднымъ презрѣніемъ:

«Жалью о вашемъ заблужденіи, дона Луиза....»

Тут должно быть что нибудь не человѣческое..... колдовство..... сѣти демона.....

При сихъ словахъ дона Луиза содрогнулась. Она знала, сколько жертвъ предано было Филиппомъ Инквизиціи, и отъ сколькихъ неприятелей избавилъ его костеръ этого страшнаго трибунала....

— Вспомните, государь! — вскричала она — что кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, вы поклялись, вы дали ваше королевское слово оставить ему жизнь и свободу, если онъ подпишетъ отреченіе! Самъ святой отецъ Папа не можетъ разрѣшить васъ!

Король молчалъ. Онъ сѣлъ въ свои кресла, наклонилъ голову, и подперъ лобъ руками, между тѣмъ какъ судорожное движеніе ихъ показывало всю свѣрѣпость душевныхъ терзаній, которыя старался онъ скрыть. Стоя передъ лицомъ его, безмолвно смотрѣла на него дона Луиза, и едва дыша, ждала рѣшенія стараго короля. Сперва, она осмѣливалась еще вопрошать взорами страшное выраженіе этого грознаго повелителя, но потомъ, какъ будто заколанная взглядомъ, который устремилъ онъ на нее, юная Принцесса почувствовала холодъ по всему тѣлу своему, и была неподвижна, съ опущенными въ землю глазами.

— Идите, дона Луиза! — сказалъ наконецъ Филиппъ — завтра мы еще увидимся. Богъ вразумитъ меня своею милостью въ томъ, что мнѣ должно дѣлать. Если у васъ есть сообщница вашего обмана — пусть молчитъ она — передайте это герцогинѣ Аверо — другія не скажутъ ни слова.....

Войдя въ свои комнаты, дона Луиза не нашла уже въ нихъ ни доны Барбары, ни прежнихъ дамъ своихъ. Ихъ замѣнили дамы высшаго эваніа, служившія только Инфантинамъ. Перемѣна эта сдѣлана

была такъ тихо и скоро, что Изабелла почти не замѣтила ее. Къ величайшему ея изумленію, ее оставили одну, и вдругъ потомъ явились другія дамы, встрѣчая дону Луизу. Все было такъ спокойно, какъ будто каждый напередъ зналъ свою должность. Сто Аргусовыхъ глазъ не смотрѣли бы столь зорко и столь неусыпно, какъ эти новыя дамы, находившіяся подъ наблюденіемъ дуэньи болѣе осторожной, нежели дона Барбара. Теперь безъ свидѣтелей нельзя было развѣяться даже и однимъ словомъ съ Изабеллою,

Не смотря на сказанное Филиппомъ, два дня прощія въ страшномъ ожиданіи. Дона Луиза отчаявалась — не за жизнь дона Себастьяна — она была увѣрена, что Король не измѣнитъ своей клятвы — но за собственную свою участь. Бодрость ея еще не была убита. Будущее еще не умирало для нея, и въ забывчивомъ мечтаніи своей преданности и рѣшительной воли, она думала, что только смерть можетъ разлучить ее навсегда съ донъ Себастьяномъ.

Настало утро третьяго дня. Королевскій пажъ просилъ ее немедленно идти къ Королю. Страшное предчувствіе опалило душу ея, и не смотря на присутствіе дамъ, она бросилась на шею къ герцогинѣ Аверо.

— Изабелла! — сказала она — можетъ быть, мы разлучаемся на вѣкъ. Помни послѣднія слова мои: пусть рука твоя будетъ наградою того, кто одинъ оставался вѣренъ несчастнымъ своимъ повелителямъ. Кромѣ донъ Гуана — никто въ мірѣ не долженъ быть супругомъ твоимъ!

Переходя черезъ залы передъ кабинетомъ королевскимъ, дона Луиза замѣтила какое то необыкновенное движеніе. Пажи, безъ шляпъ и въ корот-

гих плащахъ, приходили и уходили, какъ будто раздавая приказы Филиппа. Капитаны отборной сотни, которую называли *la guardia de Espinosa*, и которымъ предоставлена была почеть окружать въ путешествіи особу Короля, стояли подлѣ дверей кабинета.

Филиппъ ступилъ шагъ впередъ, на встрѣчу донѣ Луизѣ; не смотря на безстрастную наружность, можно было замѣтить скрытную радость, блиставшую въ его взорахъ.

— Дона Луиза! — сказалъ онъ — сегодня же весь дворъ отправляется въ Эльвасъ, гдѣ я пробуду нѣсколько дней. Потомъ поѣдемъ мы въ Лиссабонъ, и — тамъ узнаете вы, какую высокую почеть готовлю я вамъ.

«Государь!» отвѣчала она — какъ бы ни велика была почеть, которую вы мнѣ назначаете — я отказываюсь отъ нея.»

Слова сіи были сказаны тихо, но такимъ голосомъ, который показывалъ, что отъ нихъ никогда не отступится тотъ, кто сказалъ ихъ. Филиппъ зналъ уже дону Луизу, и понялъ эту ничѣмъ непобѣдимую рѣшимость. Можетъ быть — онъ и ожидалъ ея. Неукротимая любовь, мгновенно и — на вѣки — смѣнилась въ немъ однимъ чувствомъ, которое могло еще услаждать его — мщеніемъ!

Глаза его потухли. «Какъ вамъ угодно — сказалъ онъ тихо и хладнокровно — вы свободны въ рѣшеніи вашемъ. —

«Благодарю васъ, великодушный государь!» воскликнула она — и не могла сказать ничего болѣе... Чувство недовѣрчивости и робости оледенило неволью ея благодарность. Только смутнымъ взоромъ, безъ мысли и выраженія, казалось, она спрашивала Филиппа.

— Да, вы свободны — продолжалъ онъ. — Оставьте васъ полною властительницею вашей судьбы. Черезъ часъ разлучимся мы — я буду на пути въ Португалію. Придворные экипажи и гвардія ждутъ меня подлѣ монастыря. Не угодно-ли взглянуть вамъ на прекрасный распорядокъ и блескъ моей свиты? Поѣдемте — я вамъ покажу!

Безмолвно, съ неопредѣленнымъ ожиданіемъ чего-то страшнаго, дона Луиза слѣдовала за Филиппомъ, не успѣвши сказать ему въ отвѣтъ ни одного слова. Длиннымъ корридормъ пришли они къ колокольнѣ. Графъ Мора остался внизу, подлѣ лѣстницы. Филиппъ пошелъ на кампаниллу первый, и быстро переступалъ съ ступени на ступени, влача за собою за руку дону Луизу по ветхой лѣстницѣ. Ужасъ обнималъ ее — голова ея кружилась. Ей пришло на мысль — не на эрѣлице ли страшной казни, не самое ли ее влекутъ на казнь? Но она опомнилась, когда взошла на верхъ — прекрасное осеннее солнце освѣщало берега Гвадіаны; воздухъ чистый, прозрачный, давалъ возможность обозрѣвать всѣ подробности безконечной картины, разстилавшейся передъ глазами. Величайшее движеніе замѣтно было по всѣмъ улицамъ и площадямъ Бадахосскимъ. Подлѣ моста стояла вся королевская гвардія, подъ ружьемъ, въ желѣзныхъ, блестящихъ шишакахъ, съ копьями, съ разноцвѣтными значками, въявшими на длинныхъ пикахъ. Прекрасны, стройны были ряды ея. Но дона Луиза едва взглянула на городъ и его окрестности. Глаза ея устремились на алказаръ, и на верху самой высокой башни его искали того окна съ рѣшеткой, подлѣ котораго видѣла она донѣ Себастьяна. Филиппъ, казалось, ничего не замѣчалъ, и медленно началъ онъ говорить:

«Странное происшествіе было вчера въ алказарѣ. Коммендантъ дѣлалъ смотръ гарнизону. Солдаты маневрировали на большомъ дворѣ, при звукахъ трубъ и барабановъ. Пѣвникъ, которому испросили вы освобожденіе, долженъ былъ отправиться въ Санъ-Люсаръ, вмѣстѣ съ нѣсколькими преступниками, осужденными на каторжную работу. Его вывели изъ башни, и въ то время, когда альферезы торжественно шли съ знаменами, музыка гремѣла, и тысячи голосовъ восклицали Viva Espana у Portugal! пѣвникъ кинулся изъ среды стражей и неистово закричалъ: «Ко мнѣ, Португальцы! Portugal por el rey! я донъ Себастьянъ, король вашъ!» — Кто же повѣрилъ-бы ему теперь, когда онъ самъ добровольно подписалъ свое отреченіе?

Филиппъ замолчалъ, и съ жестокимъ наслажденіемъ смотрѣлъ на дону Луизу, которая поблѣднѣвши, уничтоженная, безмолвная, только взоромъ могла спрашивать его — «что-же далѣе было?»

«Нарушивъ свое признаніе — продолжалъ Король — онъ разрѣшилъ насъ отъ обѣщанія нашего, и мы приказали исполнить надъ нимъ нашъ приговоръ.»

— И онъ исполненъ? — сказала дона Луиза, едва внятнѣмъ голосомъ.

«Кажется, нѣтъ еще!» отвѣчалъ Филиппъ, пристально смотря на алказаръ.

Поздно было просить пощады — ничто не могло спасти теперь донъ Себастьяна. Мысль о смерти, мгновенной, спасительной смерти, мелькнула въ головѣ доньи Луизы. Она взглянула внизъ и наклонилась на балюстрадѣ, измѣрля этотъ вѣрный шагъ въ вѣчность.... Но одна минута — мысль о другой жизни, о жизни за могилой, удержала ее — бѣжать хотѣла она, страшась, что отчаяніе одержитъ побѣду въ мучительной борьбѣ, и навсегда разлучитъ ее

съ тѣмъ, за кого отдала бы она двѣ жизни.... Филиппъ остановилъ ее, насильно привлечь къ балюстраду, и указывая на алказаръ, сказалъ ей:

«Смотрите, доня Луиза!»

Тамъ виднѣнъ былъ донъ Себастьянъ, въ цѣпяхъ — онъ стоялъ впереди отряда солдатъ, прицѣлвившихся въ него ружьями....

Пронзительно закричала доня Луиза, и ничего не видала болѣе, какъ будто громовой ударъ сразилъ ее — она упала безъ чувствъ.

Филиппъ пристально посмотрѣлъ на нее, сложивъ руки, какъ будто еще колебался....

«Она стояла любви Филиппа!» сказалъ онъ, и медленно сошелъ по лѣстницѣ.

Когда опомнилась доня Луиза, у нея не было силъ еще разъ взглянуть на алказаръ, не было силъ и сойти съ башни. Она сѣла на верхней ступенькѣ лѣстницы, и цѣлый день сидѣла она неподвижно, какъ будто лишенная всякаго чувства. Всѣ способности мыслить, всѣ понятія ея исчезли. Печаль, скорбь безъ сознанія, по инстинкту, выражались въ ней вздохами и немногими слезами, изрѣдка падавшими изъ ея глазъ. Къ вечеру показалось ей, что она слышитъ голоса — она опомнилась, прислушалась, и различила пѣніе монахинь, которыя, послѣ отъѣзда королевскаго двора заперли обитель отъ суеты міра, и совершали процессію по монастырскимъ стѣнамъ.

Доня Луиза сошла къ нимъ, и упала на колѣни передъ настоятельницей. «Мать моя!» говорила она — я остаюсь здѣсь и никогда не выйду отсюда!» Изумленные ея появленіемъ, инокини окружили ее, стали спрашивать....

Доня Луиза сказала имя свое.

«Дочь моя!» отвѣчала ей настоятельница — я зна-

ла, что ты останешься здѣсь. Королевское повелѣніе опредѣляетъ тебѣ обитель нашу вѣчнымъ жилищемъ.»

Черезъ годъ доня Луиза произнесла объѣтъ инокини. Никогда еще не видывали въ монастырѣ монахини жизни болѣе строгой. Келья и церковь были для нея единственнымъ убѣжищемъ. Строжайшій надзоръ былъ учрежденъ за нею по королевскому повелѣнію—ни съ кѣмъ не могла она видѣться и говорить. Но она и не хотѣла ни съ кѣмъ говорить — и что могли сказать ей люди?

Восемнадцать лѣтъ жила она до смерти Филиппа. Ее извѣстия потомъ о смерти отца, ея донѣ Антоніи, умершаго изгнанникомъ во Франціи; сказали объ участи Изабеллы, которая послѣдовала въ изгнаніе за донѣ Гуаномъ. Но никто ничего не могъ ей сказать о донѣ Себастьянѣ—участь его осталась тайною, которую могъ разгадать только Филиппъ. Но онъ безмолвствовалъ въ могилѣ....

Съ Франц. И. ВЕНИГНА.

=

АРАБСКІЯ МАУАЛЫ *

I. О ты, которую можно почестъ блестящею жемчужиною, рожденною въ нѣдрахъ морей! скажи, отъ чего безпрестанно душа моя тайно говорить съ тобою, и глаза мои безпрестанно устремлены на тебя? Если вѣтъ тебя хоть на одно мгновеніе—свѣтъ кажется мнѣ населеннымъ существами бездушными, холодными истуканами. Увы! скажи: для чего злые насть разлучаютъ?

II. Печаль состарѣла сердце твоего любовника—пожалѣй объ его скорби. Подобно воску, котораго

* Всего менѣе знакомы Европейцы съ новѣйшею народною поэзіею Востока. Намъ передаютъ старинное, извѣстное, писанное, но что теперь поэзіи въ Аравіи, Персіи, Индіи? Вотъ образчикъ. *Мауаалы* (Maoual) называютъ у нынѣшнихъ Арабовъ небольшіе романы, которые поются, и нерѣдко импровизируются пѣвцами и пѣвицами, на ушлый, выразительный голосъ. Въ гаремахъ, на пирахъ, *аллеи*, или пѣвицы Арабскія, очаровываютъ слушателей своими мауалами. Агубъ, столь рано умершій для наукъ, перевелъ ихъ болѣе сотни на Французскій языкъ. Передаемъ ихъ здѣсь нѣсколько изъ его собранія, полагая, что при всемъ несовершенствѣ перевода съ перевода, онъ дадутъ нѣкоторое понятіе о современной намъ, простонародной поэзіи Арабской. *Прим. Пер.*

коснулось пламя, онъ горитъ, сгараеъ и скоро исчезнетъ. Увы! въ тебѣ видѣлъ я мое будущее! Недальновиденъ я былъ, и за то наказанъ — ты обманула меня во всѣхъ моихъ вычетахъ, ты разрушила всѣ мои надежды, ты обманула всѣ мои ожиданія. Надъяс на жаръ лучей солнечныхъ, бѣднякъ продалъ одежду свою, а солнце закрылось тучами...

III. Предметъ всѣхъ желаній моего сердца, за чѣмъ ты бѣжишь отъ меня? Для чего? Не знаешь развѣ, что любовь, тобою внушенная, овладѣла всѣмъ бытiемъ моимъ? Во имя Того, Кто держитъ въ рукахъ своихъ жизнь нашихъ непріятелей, заклинаю тебѣ, мол возлюбленная! не отвергай раба, который тебѣ предается! За чѣмъ отказываешься ты отъ тѣхъ, которые принадлежатъ тебѣ?

IV. Каждый разъ, когда старался я описать твои прелести, мысли мои оставались нерѣшительными. Сравню ли тебѣ съ солнцемъ, или съ свѣтиломъ ночи, или съ одною изъ тѣхъ блестящихъ звѣздъ, которыя въ высотѣ небесъ совершаютъ свѣтлый путь свой? Снѣгъ и огонь, кажется, соединились на щекахъ твоихъ, и слава Тому, Кто сдѣлалъ возможнымъ такое соединеніе!

V. О проводникъ верблюдовъ, гонящій передъ собою этихъ проворныхъ горбуновъ! если нынѣшнюю ночью приблизишься ты къ жилищу Лейлы, скажи ей мое нѣжное воспоминаніе, скажи ей особливо, тѣмъ нѣмымъ языкомъ, которому научаетъ насъ печаль: «Не бойся, Лейла, не умремъ мы, и не кончится для насъ все, пока хоть одной ноги блаженства не проведешь ты съ другомъ твоимъ!»

VI. Она встала съ дивана. «Сядь», говорилъ я ей. Она отвѣчала мнѣ: «Посмотри, у тебѣ показались сѣ-

дины!» — Увы! — вскричалъ я — было прежде мускусомъ, что стало теперь камфарой!» — «Правда» сказала она, «но ты забылъ, кажется, что мускусъ употребляютъ при торжествѣ брачномъ, а камфара служить только для похоронъ.»

VII. О милый другъ мой! еще не испытывала меня, не испытывала себя, оставь жребію — да будетъ то, чему быть суждено! Пусть говорятъ объ насъ люди и осыпаютъ насъ насмѣшками; они заплачутъ, можетъ быть, въ тотъ день, когда разлученные другъ съ другомъ, мы оставимъ отчизну благодарную!

VIII. Амбра этого пятнышка красоты на лицѣ твоемъ передастъ тебѣ весь мускусъ Нагхиса, Царя Ассирійскаго; грозный мечъ Судалиама героя Геміарскаго во взорахъ твоихъ; полузакрѣтныя, плѣнительныя очи твои наследовали могущество Хозроевъ, и цвѣтъ, который любилъ Князь Ноеманъ, передастъ щекамъ твоимъ! Какъ же стану я тебѣ противиться, если всѣ влстители земные тебѣ покѣрятся.

IX. Сколько слезъ пролилъ я послѣ твоего отбѣзда! И для чего вѣчно не продолжились они, эти дни мимолетные, которые провелъ я съ тобою! Съ тѣхъ поръ, какъ не слышу твоего сладостнаго голоса, я затворилъ уши мои всѣмъ рѣчамъ, и съ утра до ночи только твое воспоминаніе остается со мною.....

X. «Подожди», сказала мнѣ однажды моя возлюбленная, «подожди, и за цѣну твоего терпѣнія, ты купишь исполненіе твоихъ желаній. Берегись вставать противъ любви; въ борьбѣ съ нею, ты истощишь силы свои, и могила будетъ пріютомъ твоимъ!» — Но ты — сказалъ я ей — ты, которая ведешь меня къ смерти, неужели ни чѣмъ не хочешь ты

утешить меня? Ты говоришь о терпѣннѣи? Но безъ тебя и медъ кажется мнѣ горекъ; какъ-же ты подчиваешь меня горькимъ алоэ?

XI. Принеси мнѣ, юный виночерпій, то вино, которое осталось въ старой бочкѣ. Приготовь весело и разставь искусно чаши, которыми станешь ты наливать. Уже тишина ночи разстилается надъ нами; только звуки лютни слышны еще между шатрами; вечерняя звѣзда исчезаетъ за небосклономъ, и мол жестокая, отъ которой столько страдалъ я, становится чувствительна къ скорби моей!

XII. Юная красота! всячески оказываешь ты мнѣ жестокость твою, и любовь твоя похожа на бурное море. Кто счастливый смертный осмѣлится пуститься по волнамъ его? Пусть осуждаетъ меня молва людская, но если мнѣ удастся хоть одинъ разъ въ годъ поглядѣть на нее — я счастливъ, безразсудные!

XIII. Пчела взяла у тебя легкость своего нѣжнаго тѣла, и сладостнымъ обмѣномъ отдала тебѣ медъ для твоего поцѣлул. Ахъ! если ты никогда не видалъ Прекраснаго Юсуфа — погляди на себя, и узнай его въ себя, если не находишь никого равнаго въ современникахъ — ты единственный сынъ великаго пастыря, а мое бѣдное сердце Египеть, гдѣ ты царствуешь!

XIV. Тебя одной требую я изъ всего безмѣрнаго міра, и мое честолюбіе пресыщено, если ты со мною! Если мнѣ дадутъ на выборъ — цѣлый свѣтъ и тебя — я отдамъ всѣхъ, и буду принадлежать тебѣ. Пусть цѣлый міръ свидѣтельствуетъ тебѣ любовь мою. Не знаю: поражено ли сердце твое одинакою стрѣлою, и такъ ли, какъ мое, горитъ оно пламенемъ желаній?

XV. Оставь, другъ, оставь того, кто сегодня осѣпаетъ тебя своими дарами, а завтра укоритъ тебя своими благодареніями — оставь его, даже и тогда, когда онъ пригласитъ тебя вкушать съ нимъ манну сладостную и медъ душистый! Повѣрь мнѣ — удали мысль отъ тщетной заботы о людяхъ, и возвысь молитву къ Тому, Кто всѣхъ ихъ превосходить величіемъ, и благодать Котораго неистощима, какъ океанъ неисчерпаемый!

XVI. Въ моей возлюбленной каждая прелесть является образъ совершенства. Скажешь, смотри на нее, что красоты земныя занимаютъ у нея свои прелести. О какъ счастливъ тотъ, кто любитъ ее — онъ любитъ всѣхъ красавицъ! И если она удостоитъ только спросить объ немъ, упоенный радостью, онъ блаженствуетъ, и рѣсницы его закрываются сладостнымъ сномъ.

XVII. Одинъ взоръ твой оставилъ страдающимъ сердце несчастнаго, тебя обожающаго. Проникнувъ въ сердце мое, онъ принесъ ему всѣ скорби любви. Будь ко мнѣ великодушна, моя возлюбленная! Довольно жилъ я обѣщаніями счастья — дай мнѣ пожить настоящимъ благополучіемъ!

XVIII. Навсегда разорвала она союзъ любви, соединявшій насъ, и наслаждается тѣмъ, что моимъ паденіемъ возвысила могущество другаго. Еще большое отъ ея жестокости, бѣдное сердце мое страдаетъ и томится. Вооруженная кинжаломъ бѣгства, удалась невѣрная, но убѣгая, она утвердила надо мною очарованіе своихъ прелестей, и никакой сладости не оставила горечи моей жизни.....

XIX. О солнце! еще не скрываясь за небосклонъ, скажи мнѣ вѣсть о моихъ ближнихъ! Ихъ отсудитъ

ствіе загло въ душѣ моей пожирающее пламя. Клянусь тебѣ, солнце, Всемогущимъ, Который посылаетъ тебя освѣщать міръ, и то являетъ тебя, то скрываетъ отъ насъ, клянусь, что разлука съ своими и пребываніе въ землѣ чуждой—скорбь невыносимая!

XX. Запертой въ клеткѣ, ты плѣнилъ меня, веселый соловей, ты возмутилъ сердце того, кто думалъ лишить тебя свободы, навсегда потерялъ свою. Пой же, пой, создавай пѣсни плѣнительныя, и торжествуй надо мною, восхищай мой слухъ и умъ мой очарованіемъ языка твоего!

XXI. Уже запахъ алоэ слышенъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ друзья мои — благоуханіе разстилается и объемяетъ насъ. Уже чувствую члены мои столь же гибкими, какъ лозы деревъ родины. Скоро ли приду я, и въ жилищахъ родныхъ услышу знакомые звуки веселой лютни! Скоро ли встрѣчусь опять съ днями прошедшаго счастья! Когда ты вновь оживешь передо мною, столь сладостное, мигнувшее время?

XXII. Когда она, оскорбленная, видя меня погибающимъ отъ любви, говорила: «Схватите его, злые духи, и бросьте его въ адъ!» клянусь: эти слова не опечалили меня, но исполнили сердце мое радостью..... Она думала въ это время обо мнѣ!

XXIII. Блестящая близна лица твоего и алая щеки твои повергли меня на одрѣ страданія. Проснувшись на немъ, не вижу въ моихъ ближнихъ ни утѣхи, ни помощи, и самые враги мои, если бы увидѣли меня въ такомъ состояніи раздирающей груди, не сражались бы со мною, но плакали.

XXIV. Теперь, когда ты стройна, какъ вѣтвь пустыни, и такъ прекрасна — отдай мнѣ ласки и любовь твою, возлюбленная, и наслади меня жизнью! Не запирай отъ любви тайной двери снисхожденія. Вѣрь мнѣ — красота мимолетна, и ни для кого изъ смертныхъ не бывала она вѣчною.

XXV. Они сравнивали тебя съ ночною звѣздой, но какъ ошибались они! Есть ли у этой звѣзды такіе черные глаза и такія длинныя рѣсницы? Тростникъ гнется и склоняется при малѣйшемъ дыханіи вѣтерка — ты, которая уподобляешься ему твоею легкостью — ты видишь преклоняющихся передъ тобою обожателей!

XXVI. Во имя Пророка заклинаю — говорите, говорите мнѣ еще о моей возлюбленной! Скоро, можетъ быть, возвращеніе ея нѣжности приведетъ меня на праздникъ счастья. Тогда, ты начинай на ближней вѣткѣ пѣсню твою, птица любви, и пусть упоитъ меня блаженство при звукахъ лиръ и соловьиномъ пѣніи.

XXVII. Она вошла, взглянула на меня, и сказала мнѣ: «Отъ чего слезы твои, какъ перлы, падаютъ на твои щеки?» — Увы! — отвѣчалъ я — кто же лучше тебя знаетъ, сколько страдало мое бѣдное сердце? По крайней мѣрѣ, я обманулъ теперь нескромное любопытство ревнивыхъ. — Обманывай ихъ — говорила она — и пусть тайна вѣчная скрываетъ любовь нашу!»

XXVIII. Слава Предвѣчному, одѣвшему рубинами ея прелестныя щеки, вокругъ которыхъ волосы очерчиваютъ такую же прелесть, какъ стихъ поэта! Царица красоты! за чѣмъ я не рабъ твой? Видѣть тебя безпрестанно было бы моимъ счастіемъ, и принадлежать тебѣ было бы единственною пищею!

XXIX. Если бы обладалъ я властью Хозроеса, или всѣми городами Аара, только къ тебѣ стремилось бы сердце мое, и я пришелъ бы обитать въ твою укромное убѣжище. И для чего же столько обѣщаний и никогда исполненіе? Ахъ! безъ страха предайся моей страсти! Почему ты знаешь: можетъ быть—завтра настанетъ конецъ міра?

XXX. Во дни этой жестокой разлуки, слезами моими орошалъ я землю, и о неблагодарныхъ плакалъ я, удалявшихся отъ меня на легкихъ верблюдахъ и коняхъ быстроногихъ, плакалъ и объ удаленіи прекраснѣйшей изъ всѣхъ смертныхъ, черты которой столь пльнительны, которая вся такъ очаровательна. Истощенный скорбью, и вида приближеніе моей смерти, я излилъ грусть мою въ печальной пѣснь: «Я тотъ несчастливецъ, котораго поразили бѣдствіемъ взоры завистливыхъ, и бѣдствіа котораго не удостоились ни одной слезы ближнихъ!»

XXXI. О, какъ уязвило меня изгнаніе въ странѣ чуждой! Какъ разтерзана душа моя словами малодушныхъ! Слеза течетъ по щекамъ моей и жжетъ меня! Горькія печали! Товарищи мои меня оставили — жестокие! Они убѣжали отъ меня...

XXXII. Если терзанія мои счастливать тебя — терзай меня: мое счастье въ твоемъ счастьи, если оно не больше еще для меня моего собственнаго! Хочешь ли жизни моей? Если тебѣ она надобна — возьми ее: ты жизнь моя — только не убивай себя во мнѣ гнѣвомъ твоимъ...

XXXIII. Потoki дождя! перестаньте наводнять поля наши — пусть только слезы наши орошаютъ наши долины! Освѣжительное дыханіе сѣвера! отнеси

на легкихъ крылахъ твоихъ память къ друзьямъ нашимъ, и скажи имъ, что со времени пагубнаго отъѣзда ихъ, любовь наша къ нимъ превратилась въ обожаніе.

XXXIV. Твой презирающій побѣгъ, какъ мечъ острый, разорвалъ наши узы, но память о тебѣ не уснула въ сердцахъ нашихъ и горитъ вѣчнымъ пламенемъ. О, когда ты раздираешь такъ душу мою, когда ты уничтожаешь все бытіе мое, кто не скажетъ, что наследовавъ всю красоту Юсуфа, ты оставяешь въ наследство другимъ только печаль отца его?

XXXV. Мнѣ говорятъ: «Разсѣй печаль свою!» Но какъ принять мнѣ подобный совѣтъ? На судилищѣ любви, тотъ, кто способенъ разсѣяться, заслуживаетъ смерть. Да, и могу ли исполнить совѣтъ, если въ груди моей горитъ огонь, а мое одрахлавленное тѣло разваливается? Возможно ли разсѣніе для сердца, занятаго любовью!

XXXVI. Если твоя возлюбленная исполняетъ слово, тебѣ данное, и идетъ къ тебѣ — бѣги на встрѣчу къ ней и передай вѣрный поцѣлуй ея щекамъ, или ея роту! И если она услаждаетъ жизнь твою сладкою утѣхою, что тебѣ до пустыхъ толковъ клеветы? Не бойся ни рѣчей ея, ни ея молчанія!

XXXVII. Что же худаго будетъ, юная красавица, если ты не будешь со мною столь жестока? Ты дашь лекарство болѣзни моей, лучше лекарства изъ книгъ Авиценны. Каждый разъ, когда посмотрю въ очи твои, мнѣ кажется вижу въ нихъ прелестные очерки нунъ, а сладостный голосъ твой прелестнѣе для слуха моего звуковъ арфы и сантира!

XXXVIII. Сколько разъ давалъ я тебѣ совѣты спасительные, и всегда рѣчь моя казалась тебѣ горькою.

Но я не перестану быть другомъ твоимъ въ дни бѣдъ твоихъ, какъ и въ дни счастья. Страшись же еще разъ подвергнуть опасности жизнь свою. Вспомни, что глиняный сосудъ не всегда пролетаетъ мимо утеса, о который надобно ему разбиться!

XXXIX. Когда, послѣ снисхожденія къ любви моему, она удалила отъ меня свое вниманіе, сердце мое разтерзалось и разумъ мой помутился. Завистники сказали: «Онъ потерялъ разумъ!» И моя возлюбленная подумала, что смерть лучше безумія. И едва только, подобныя луку натянутому, рѣсницы ея обратились ко мнѣ, готовые поразить меня, я уже чувствовалъ въ сердцѣ моемъ лѣдъ смертельной стрѣлы!

XL. Ты, разтерзавшая жизнь мою жестокимъ презрѣніемъ, какъ будто острымъ мечемъ, приди, по крайней мѣрѣ, приди исцѣлить раба твоего, погибающаго отъ любви къ тебѣ — заклинаю тебя Всемогущимъ Создателемъ! Вѣрь, что сердце мое невинно въ томъ, что наклеветали на меня злые завистники!

XLI. Клянусь Тьмою, Кто далъ движеніе звѣздамъ дня и ночи, и предписалъ имъ вѣчный путь по небесамъ, кто славить въ одно время и робкую горлицу и свирѣпаго звѣря, если моя возлюбленная придетъ посѣтить меня въ эти прекрасныя ночи, освѣщенные луннымъ сіяніемъ — я сожгу въ честь ея лучшія благоуханія моей родины!

XLII. И ты, которую между смертными почли бы за легкую газель, ты, блескъ очей которой свѣтился бы средь самой густой тмы, неужели ты еще не тронулась моею любовью, и не позволишь мнѣ прочесть въ душѣ твоей тайныя думы твои? Доколь еще жестокия очи твои будутъ бросать въ меня горящія стрѣлы, удары которыхъ столь смер-

тельны? Не скажешь ли, смотря на нее, что верховный судъ любви передалъ ей осужденіе меня на смерть?

XLIII. Полно бранить меня, угрюмый другъ, или я изгоню тебя изъ моего жилища! Полно бороться съ страстью, противъ которой нѣтъ у меня защиты! Та, которую люблю я, такъ легка, такъ прекрасна — ея черныя очи такъ хороши, ея поцѣлуи такъ сладостны — нѣтъ! терпѣніе мое истощено, надежда оставила мое сердце, и только любовь одна остается въ немъ....

XLIV. Румяныя щеки твои, похожія на прозрачную чашу, гдѣ кипитъ алое вино; одно мановеніе глазъ твоихъ влечетъ къ тебѣ сердца; шелъ твой напоминаетъ близною блескъ перловъ и алмазовъ. Но при такихъ прелестяхъ, неужели ты лишена разума, который сказалъ бы тебѣ, какъ несправедлива ты къ своему другу?

XLV. Сладостнѣе слышать голосъ твой, нежели внимать кроткіе звуки гитары. Изъ устъ твоихъ сладость меда, смѣшаннаго съ благовоиеніемъ алоэ, но жестокость твоя истощила жизнь мою, и я уподобился сухой, безжизненной веткѣ. Ахъ! заплати мнѣ долгъ любви моею, единственная, которой этого долга моего не прощу я никогда!

XLVI. Юная дѣва съ прелестными очами, скромно потупленными! для тебя забылъ я все, но у какой царицы Хозроеса была такая прелесть, какую нахожу я въ тебѣ? Скажи, робкая газель, какъ умѣла ты укротить льва свирѣпаго?

XLVII. Приди, моя возлюбленная, приди и обмѣняй душу мою на свою душу! Мои слезы такъ долго текли, что отъ нихъ не стало у меня ни глазъ, ни щекъ. Приди — я перечиталъ лѣтописи

любви, и узнать, что мой отец и предки мои были все в любви несчастливы — перемени мнѣ душу, перемени судьбу мою!

XLVIII. Да, я надвваю одежду пилигрима и иду въ отдаленную Индію, въ кочевой жизни моей вспоминая о дняхъ, которыхъ уже нѣтъ болѣе. Да, сохрани въ Преувѣчный отъ всѣхъ бѣдствій, какъ нѣкогда хранилъ среди волнъ ковчегъ святаго челоука! Но не все ли мы минутные странники? На мгновение посѣщаемъ мы родную землю, и немедленно изъ нея удаляемся!

XLIX. Они говорятъ мнѣ: «Забудь ее!» Какія слова, и какъ они ошибаются! Мнѣ забыть ее, мнѣ, когда я любовь ея цѣню выше жизни моей? О, ты, уста которой цѣпь рубиновъ и перлъ — будь моею навсегда!

L. Двѣ бѣлыя руки твои такъ прекрасны, что я терплю отъ нихъ разумъ мой, и дѣлаюсь игрушкой твоихъ нѣжныхъ пальчиковъ. Твои очи поражаютъ меня и лишаютъ сна. Смотрю на тебя и забываю всю вселенную... Ахъ! любовь могущественна, и если бы захотѣла она, цѣлый міръ покорился бы ей!

LI. Возми умъ мой и возврати мнѣ сонъ! Твоя несправедливость набросила на несчастнаго одежду погребальную. Увы! стою передъ дверьми жилища твоего, жестокая, и не кому поддержать меня! «Отвѣчай мнѣ!» говорю я ей, и только эхо повторяетъ слова мои: «Отвѣчай мнѣ!» а она молчитъ...

LII. Твои родные, говоришь ты, не перестаютъ повторять тебѣ злыя противъ меня рѣчи? И рѣчи ихъ могутъ дѣлать тебѣ жестокою ко мнѣ? Сестра гурій! пусть говорятъ они: любовь моя сильнѣе рѣчей ихъ, и я прощаю имъ зло — вѣдь они твои родные, моя возлюбленная!

LIII. Если ночь разстилаетъ свои мраки — я вспоминаю черныя кудри волосовъ твоихъ; если день блистаетъ яркимъ свѣтомъ своимъ — онъ напоминаетъ мнѣ блескъ очей твоихъ; ощущаю ли запахъ мускуса — то дыханіе твое сладостное — и увлеченный твоими прелестями, вездѣ вижу я тебя, и всю жизнь мою буду говорить только о тебѣ, дѣва прекрасная!

LIV. Пастухъ! куда, скажи, ради Бога, гонишь ты стадо свое? Если ты будешь близъ шатровъ моей родины, отнеси обѣты мои моею возлюбленной; скажи ей, переведи ей мои желанія — скажи, что жертва любви, я умираю далеко отъ нея, а любовь моя меня переживаетъ. Скажи ей, что раны любви, какъ угрызенія змѣи ядовитой, которыхъ несутъ, смерть челоуку!

LV. Твое несправедливое презрѣніе убиваетъ мое измученное бытіе. Неужели ты хочешь смерти моей, жестокая! Каждый разъ, когда глаза мои встрѣчаютъ суровый взоръ твой, мнѣ кажется, я вижу княжалъ, готовый поразить меня! О, во имя Пророка, моя возлюбленная, гдѣ тѣ дни, когда онъ казался мнѣ сладостною наградою скорби?

LVI. О юноша! если бы стыдливыя дѣвы, которыхъ не смѣютъ поднять глазъ своихъ, посмотрѣли на тебя одно мгновение — безвозвратно увлекъ бы ихъ свѣтъ очей твоихъ, и онъ все умолили бы тебя о твоей любви! Если бы молнія видѣла блескъ очей твоихъ, передъ зарею твоей юности помрачилась бы она, и обвилась около твоей алебастровой шеи, чтобы подумали объ ней, будто блещетъ не она, но блещутъ глаза твои!

LVII. Сколько богатствъ было тщетно расточено передъ тобою, чтобы достать обѣты любви твоей

и одинъ поцѣлуй устъ твоихъ! Увы! только на устахъ твоихъ находится лекарство отъ опаснаго нападѣнія глазъ твоихъ! И между тѣмъ, какъ умилителенъ взоръ твой, когда, подобно тихому источнику, источаетъ онъ слезы изъ глазъ твоихъ! Недоступная нашимъ желаніямъ, ты скрывашься отъ всѣхъ взоровъ въ таинственномъ уединеніи твоёмъ, куда солнце не смѣетъ заглянуть, боясь, что блескъ его не такъ свѣтелъ, какъ блескъ очей твоихъ!

LXIII. Я, избравшій изъ всѣхъ обожаній одно обожаніе, и отдавшій ему сердце мое, я погубилъ всѣ убжища отъ любви твоей—мнѣ нѣкуда укрыться—идолопоклоннику! Я не пойду въ небо праведныхъ Мусульмановъ—тебя обожаю я, красота восхитительная! Едва завяжу я золотую одежду твою, чувствую, что ты на вѣки въ сердцѣ моёмъ. Куда же убжать мнѣ отъ моего сердца?

LXIV. Не было твоего обѣщанія, но ты пришла ко мнѣ, Левла, не боясь ни злыхъ, ни завистниковъ! И когда я спрашивалъ: «Не боишься ли ты псовъ, стрегущихъ жилища наши?» ты отвѣчала мнѣ: «Нѣтъ! лай ихъ не измѣнитъ мнѣ. Когда я шла мимо ихъ, я взглянула на нихъ, и они подумали, что ночь уже кончилась, что заря засвѣтлѣла на небѣ, и легли спать, думая, что уже нѣчего болѣе стечь!»

LXV. Едва завидать блескъ лица твоего, какъ самыя мудрецы заблуждаются, и напрасно хотятъ изобразить красоту твою. Они спрашиваютъ: чему уподобить тебя—звѣздъ ли утренней, ярко блистающей, звѣздъ ли вечерней, освѣщающей во мракъ ночи? Но рѣсницы твои, прекрасная, занавѣсы, которыми закрываются передъ ними умы ихъ!

LXVI. Въ глазахъ твоихъ, прекрасная, почерпнулъ

я смертельный ядъ, на вѣки погубившій меня! Ахъ! еслибы можно мнѣ было найдти спасеніе, хоть въ одномъ поцѣлуй твоёмъ! Но что я говорю? Одной улыбки твоей довольно очаровать твоего любовника, отъ одной улыбки твоей такъ опьянѣлъ бы я, что проснулся бы только въ день кончины міра, и сказалъ Пророку на вопросъ его: что ты дѣлалъ? «Я любилъ!»

LXVII. Не ты ли передала ночной звѣздѣ красоту, которою блистаетъ она? Или у нея заняла ты блескъ, какимъ свѣтятся твои очи? О ты, отъ которой умираю я ежедневно, согласишься на миръ, или сражайся со мною, пока я погибну отъ твоей жестокости! Равнодушіе твое убиваетъ меня...

LXVIII. Другъ! не отвергай меня такъ жестоко! Вспомни, что надъ головой твоей виситъ мечъ суднн мстителя, и что за каждую ночь безсонную, ты заплатишь мнѣ ночью въ слезахъ проведенную!

LXIX. Развѣ ты думаешь, что на землѣ можно встрѣтить другую, столь же прекрасную, прекраснѣе той, которую я люблю, съ лицомъ болѣе бѣлымъ, съ тѣломъ болѣе гибкимъ, съ щеками, которыя можно уподобить только двумъ розамъ въ алебастровомъ сосудѣ? Да, сохранять тебя боги, моя возлюбленная, отъ недобраго взора зависти!

LXX. Гатемъ, столь славный своею щедростью, могъ быть только рабомъ твоимъ. Храбрость сыновъ Абаса уступитъ храбрости тѣхъ, которые готовы загородить тебя мечами своими, и славный Цезарь Римскій пошелъ бы въ твою службу. Скажи жъ мнѣ, прекрасная, какъ можетъ родиться кто нибудь тебѣ равный?

LXXI. Когда явилась твоя красота при первыхъ блескахъ зари утренней, какъ знамя алое моего

племени, роза, шиповникъ и миртъ устыдились свѣжести лица твоего, соловьи садовъ нашихъ запыли въ похвалу тебѣ, а я, жертва твоей жестокости, готовъ испустить мое послѣднее дыханіе — вѣдь мнѣ не пережить любви моей!

LXVII. Приди, и дай мнѣ упиться остаткомъ вина изъ той чаши, изъ которой пала моя возлюбленная! Уже сквозь мраки ночи замѣчаю я свѣтъ — это она идетъ, и пока еще въ круговую будутъ ходить чаши съ виномъ, она подастъ его намъ! А когда мы осушимъ чашу послѣднюю, я умолю ее замѣнить вино чашею поцѣлудя!

LXVIII. Я хотѣлъ купить ее цѣною жизни моей, и безчеловѣчная отказала мнѣ. «Любовь моя,» говорила она, «не должна ничего стоить тому, кому и подарю ее!» — Сердце жестокое и холодное! для чего жь загля ты любовь въ груди моей? Для чего потерялъ я путь равнодушій и спокойствія, съ тѣхъ поръ, когда тебя увидѣлъ?

LXIX. Спроси у молніи Гезаской, и она скажетъ тебѣ сколько слезъ пролилъ я безъ тебя! И сколько сердце разтерзала ты, съ тѣхъ поръ, какъ ты лвилась между нами! Но горе, когда ты удалишься — мы оставимъ жилища свои и скажемъ ему: «Бѣги отъ насъ далеко!»

LXX. Подходить она, прекрасная, но лицо ея закрыто покрываломъ и умы всѣхъ встревожены ея появленіемъ. Только вѣтвь долины Иказской завидуетъ прелести ея стана. Но она подѣмлетъ рукою покрывало свое, и всѣ восклицаютъ въ изумленіи: «что это блеснуло?» Каждый спрашиваетъ, удивленный и испуганный — «или молніи вспыхнула въ небесахъ надъ нашими жилищами, или пустынные Арабы загляли вдали огни свои?» Закрой, закрой ли-

цо твое — они заспорятъ за тебя, и кровью заохотятъ потушить огонь ревности!

LXXI. Только одинъ взглядъ бросила она на меня, и взглядъ этотъ побѣдилъ мою гордость, и какъ стрѣла острая, пролетѣлъ онъ до моего сердца. Но она бѣжить отъ меня, поклялась лишить меня навсегда спокойствія, и видно, что смерть мою не считаетъ она преступленіемъ...

LXXII. Юная газель долины Иказской! свирѣпыя лвы трепещутъ передъ тобою, когда лицо твое блистаетъ передъ ними во мракѣ твоихъ черныхъ волосъ! Но закрой, закрой лицо твое, прекрасная — страшись, чтобы не замѣтили они, что ты газель легконогая, а не левъ могучій.

LXXIII. Горделивая красавица, отъ которой плакалъ я кровавыми слезами, и которая такъ крѣпко связала сердце мое цѣпами любви, сказала мнѣ однажды такіа слова жестока: «Щеки мои — сады благословенные, а ты садовникъ, который долженъ поливать ихъ твоимъ слезами, и вѣчно точить слезы, какъ ключъ Сальсабальскій. Знай: если ты найдешь лучше меня — я буду твою, но какъ же ты гордъ, если хочешь владѣть сокровищемъ, которымъ не обладаютъ сильныя на землѣ и великіе на морѣ?»

LXXIV. Если взоръ твой мечъ поражающій, готовый сразить дерзкаго, который осмѣлится взглянуть на тебя — роса устъ твоихъ, подобно бальзаму благовонному, можетъ исцѣлить рану, которую нанесетъ сердцу взоръ твой. Если ты удостоишь воззрѣнія пламень, меня пожирающій, не достанетъ въ міръ золота заплатитъ тебѣ, и если я умру отъ страданій любви моей — прощаю тебя! Отъ чего могъ бы я умереть счастливымъ?

LXXV. Скажи: давно-ли измѣнилась природа, и холодъ сдѣлался жаромъ, вода огнемъ, а несчастіе счастьемъ? Когда ты глядишь на меня столь сурово — я чувствую жаръ въ груди моей; когда ты плачешь — слезы твои капаютъ на сердце мое каплями огненными, а когда ты сказала мнѣ, что ты не любишь меня — я счастливъ былъ, слыша голосъ твой, обрекавшій меня на бѣдствіе!

LXXVI. Ты не знаешь, какъ страдаю я, не знаешь, жестокая красавица! Когда сегодня повель я пить верблюдовъ моихъ въ водахъ чистаго источника — три дня шли они по степи, терзаясь жаждою, но не стали пить: горька была вода въ источникъ — въ него упала слеза моя и отравила свѣтлыя воды его!

LXXVII. Часто, когда нѣтъ со мною моей возлюбленной, чувства мои находятъ ее во всемъ томъ, что прекрасно и пльнительно: въ согласныхъ звукахъ лиры и флейты, когда они вмѣстѣ соединяются; въ веселыхъ долинахъ, куда раннею утреннею, или позднею вечернею прохладою приходятъ унывать робкія газели; въ лугахъ, гдѣ нѣжная роса падаетъ на зеленые ковры, унизанные цвѣтами; въ чашѣ съ благоуханнымъ виномъ которой касаются уста мои — всюду она! Но ничто не замѣнитъ ее, и одна она замѣнитъ мнѣ все, что въ мѣрѣ прекрасно и пльнительно.

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

О нынѣшнемъ добываніи въ Россіи ПОТАША, И СРЕДСТВАХЪ ЗАМѢНИТЬ ЕГО БОЛѢЕ ВЫГОДНЫМИ СПОСОБАМИ *.

Производство поташа въ Россіи извѣстно было съ давнихъ временъ, и сбытъ его составлялъ, еще въ царствованіе Юліана Грознаго, значительную отрасль внутренней и заграничной нашей торговли. Онъ отпускаемъ былъ Англичанамъ, по торговому съ ними договору, въ 1555 году заключенному. — Въ Таможенномъ Уставѣ 1571 года упоминается объ немъ, такъ же, какъ о продажѣ дѣта и золы.

Въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича существовала особая Гостиная Коммиссія, заведенная присяжными гостями,

* Хотя технология и промышленность не входятъ собственно въ составъ нашего журнала, но мы охотно помѣщаемъ подобныя сей статьи, имѣющей целью предметъ столь важный въ государственномъ хозяйствѣ, и просимъ препровождать ихъ къ намъ, надѣясь, что печатаніемъ ихъ угодимъ мы многимъ просвѣщеннымъ соотечественникамъ нашимъ. Почитаемъ необходимымъ прибавить, что г-нъ Аноровъ вскорѣ издастъ вполнѣ техническое описаніе усовершенствованій въ поташномъ производствѣ. Практическія свидѣнія его ручаются за вѣрность его выводовъ и описаній.

или Царскими коммерціи советниками. Кроме существовавших тогда въ Россіи заводовъ, бояринъ Морозовъ завелъ и въ Сибири значительные заводы для выдѣлки поташа, ввроитно, для сбыта его за границу, потому, что между товарами, къ отпуску иностранцамъ дозволенными, назначены были и поташъ.

Императоръ Петръ Великій повелѣлъ поташъ и *смольчугъ* (шадрикъ) продавать изъ Комерцъ-Коллегіи, какъ товаръ казенный, а выдѣлку его частнымъ людямъ, для сбереженія лѣсовъ, воспретить.

Императоръ Петръ II-й также указалъ, поташъ, выдѣлываемый на казенныхъ и частныхъ заводахъ, и употребляемый, какъ для внутреннихъ надобностей, такъ и за границу отпускаемый, завѣдывать *Кол.мерцъ-Кол.легіи*.

Императрица Анна, не отмѣняя прежнихъ законовъ о поташѣ, называвшемся также *гершасль*, и о смольчугѣ, повелѣла только *ограничить* количество заготовленія сихъ товаровъ, для чего постановлена была особая инструкция.

Екатерина II-я, въ 1769 году, такъ же какъ и предшествовавшие Государи, впредь до постановленія законовъ вообще о всей коммерціи, воспретила вольную продажу поташа и шадрика, именно для сбереженія лѣсовъ, занимавшихъ тогда огромнѣйшія пространства. Изъ Малороссіи же дозволенный отпускъ поташа оставленъ былъ безъ особыхъ ограниченій.

Въ 1773 и 1774-мъ годахъ, частный промыселъ поташемъ разрѣшенъ, съ тѣмъ, чтобы выдѣлываемый въ своихъ и наемныхъ лѣсныхъ дачахъ поташъ продавался былъ по вольной цѣнѣ, только для внутренняго въ Россіи потребленія; но для заграничнаго отпуска выдѣлка поташа частнымъ промышленникамъ воспретчена, для сбереженія лѣсовъ.

На такомъ же основаніи дозволено частнымъ людямъ приготовленіе и шадрика, исключеннаго уже изъ казенныхъ товаровъ.

Наконецъ, въ 1780 году разрѣшено продавать поташъ, какъ внутри государства, такъ и за границу, со взятіемъ только съ отпускаемаго товара по тарифу положенныхъ пошлинъ.

Предки наши, не далѣе какъ дѣды, имѣли привычку не только строить для себя дома съ такою прочностію, что они переходили къ потомкамъ, но даже упрочивали будущія гробницы свои. Взглянемъ на самихъ себя. У насъ, правда, нельзя услышать общаго правила: *лишь бы на наши вѣки вѣки* — мы этого не говоримъ, но иногда дѣлаемъ такъ, что очень

замѣтно подобное правило въ большей части нашихъ дѣйствій. Едва ли изъ ста впуковъ одинъ живетъ въ дѣдовскомъ домѣ. Прочная и спокойная мебель, употребляемая дѣдами, для насъ уже купсткамерная рѣдкость. Мы приобрѣли во многомъ лучшей вкусъ, и думаемъ, что превзошли во всемъ своихъ предковъ. Правда, что въ Математикѣ, Физикѣ, Медицинѣ, Словесности, мы сдѣлали уже значительные успѣхи, но въ хозяйствѣ вообще, этомъ фундаментѣ блага частнаго лица, и следовательно, цѣлага общества, остается намъ еще совершить многое.

Почтенное Правительство заботится объ насъ, и это необходимо. Намъ нужны помочи, для того, чтобы дойти къ общей цѣли — собственному нашему благополучію. Этому мы видимъ доказательства въ законахъ нашихъ, указывающихъ способы въ постройкѣ жилищъ, прочіе нынѣ возводимыхъ, и такъ сказать *обиденныхъ*. Создаемое людьми можетъ во всякомъ случаѣ быть ими исправлено, и такъ, на примѣръ, домъ можно перестроить и упрочить; не бѣда, что издержатся лишніе деньги; они останутся въ рукахъ рабочихъ людей и убытокъ *несколько* разольетъ дополнение на *многихъ*, давши имъ занятіе. — Но, вотъ предметъ, о которомъ и богачу и бѣдняку надобно подумать — я хочу поговорить о *лѣсахъ*.

Ежели садъ есть украшеніе дачи, или усадьбы, то лѣсъ есть украшеніе области. Садъ даетъ человеку плоды и тѣнь; лѣсъ даетъ жилище и отопленіе, и гдѣ же? въ суровомъ климатѣ нашемъ, гдѣ зима тянется болѣе шести мѣсяцовъ, и гдѣ, следовательно, лѣсъ едва ли не важнѣе хлѣба, потому, что хлѣбъ можно привезти за тысячу верстъ, но если лѣсу шѣтъ на пятидесяти-верстномъ разстояніи, то область, бѣдная такимъ важнымъ матеріаломъ, и при изобиліи хлѣба и золота, можетъ почесаться бѣдствующею.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ естествоиспытателей, объѣзжая по Европѣ, сказалъ: *Франція отъ истребленія лѣсовъ должна погибнуть*. Замѣьте — Франція, гдѣ самая ѣзда по силѣ едва ли бываетъ болѣе мѣсяца, а зима можетъ сравниться только съ нашею осенью — Франція, которая пространствомъ своимъ можетъ поравняться только съ Оренбургскою и Симбирскою нашими губерніями, вмѣстѣ взятыми.

Если въ умѣренныхъ климатахъ Европы опасаются недо-

статка въ лѣсахъ, то тѣмъ болѣе для Россіи лѣса должны быть драгоценны. Они суть почти единственное украшеніе полосы земной, незащищаемой отъ свирѣпства вѣтровъ и урагановъ нигдѣ, кромѣ ихъ.

Въ Германіи и Пруссіи лѣсогубство поставлено едва ли не подъ одну категорію съ смертоубійствомъ. Нужда даетъ цѣну тому, чего недостаетъ человѣку, и тамъ понимаютъ важность сокровища, даннаго намъ природою совершенно безъ труда нашего. Такой распорядокъ, какъ ни будь онъ преувеличенъ, пригодился бы для насъ, жителей суроваго сѣвера.

При избыткѣ лѣсовъ, ихъ рѣдко почитаютъ, какъ будто за какую-то тягость, отъ которой стараются избавиться всѣми возможными средствами; потому, во многихъ странахъ, славившихся лѣсами, начинаютъ уже отапливать жилища хворостомъ, соломою и бурьянникомъ. И удивительное дѣло! Поселянинъ, пуждающийся въ дровахъ, не возьметъ валежника, который для него удобнѣе: онъ рубить лучшее стоячее дерево; онъ, какъ будто ненавидитъ лѣсъ, и съ какинъ-то непопятнымъ удовольствіемъ истребляетъ сокровище, которому цѣны не знаетъ, потому, что оно досталось ему безъ труда. Какъ онъ радуется, когда на истребленной имъ десятииъ драгоценнаго лѣсу можетъ засѣвать хлѣбъ, приносящій ему доходу въ десятикратную сложность не болѣе тридцати рублей въ годъ, но всего чаще менѣе!

Чтобы узнать цѣну каждому деревцу, надобно только проѣхать областями, нѣкогда весьма лѣсистыми Сямбирской и Оренбургской губерніи, а нынѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, уже совершенно безлѣсными; климатъ сихъ губерній теплѣе Казанскаго и Нижегородскаго, доказательствомъ чему служитъ то, что арбузы зрѣютъ тамъ на поляхъ безъ пособія парниковъ, однакоже зима и весна суровѣе, именно отъ того, что встрѣмъ нынѣ нѣтъ уже препятствій въ разгулѣ на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ верстъ, лишенныхъ благотворительной защиты лѣсовъ, которые бывши даже не сплошными, а отдѣльными рощами, могли бы постепенно уменьшать силу и дѣйствіе буряновъ и вихрей, совершенно неизвѣстныхъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ лѣса существуютъ.

Не ружно распространяться о необходимости лѣсовъ для поддержанія влажности земли, ея плодородія, избытка водъ — это истина давно всѣмъ известная и неоспоримая.

Одною изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ къ опустошенію лѣсовъ, были и суть поташные заводы.

Правда, заводчики набираютъ по деревьямъ пещую и овишнюю золу, по такой золѣ, по обширности ихъ заводовъ, недостаточно, и иногда стовѣрное разстояніе, изъ семей кругомъ завода лежащихъ, не можетъ доставить золы болѣе, какъ только на одну тысячу пудовъ поташу. Пещая и овишная зола едва изъ 15-ти пудовъ даетъ одинъ пудъ поташу, и не всякій крестьянинъ продаетъ золу, которая въ домашнемъ быту ружна для бѣленія холстовъ, бученья платъ, и целоку, употребляемаго вмѣсто мыла.

Многое можно сказать о вредѣ для лѣсоводства отъ поташныхъ заводовъ, но какъ въ нашъ математическій вѣкъ, требующій и на прямую линію, между двухъ точекъ проведенную, доказательствъ, почему она пряма, ружны ясные доводы, то соображаясь съ такимъ духомъ времени, думаю, что краткій ниже сего отчетъ о поташѣ, сколько побудитъ доказать, что наши промышленники рѣдко продаютъ рубль свой за *полтину*, а между тѣмъ думаютъ, что приобретаютъ пользы по пятидесяти процентовъ.

Изъ оффиціальныхъ и частныхъ свѣдѣній видно, что количество поташа, въ Россіи выдѣлываемаго, на внутреннее употребленіе и для заграничнаго отпуски, простирается сегодню до 2-хъ милліоновъ пудовъ, и это кажется довольно близко къ истинѣ.

Для полученія такого количества поташа надобно употребить древесной золы (полагая выходъ поташа изъ батмана, или 15-ти пудовъ золы, по полтора пуда) по самой меньшей мѣрѣ, *милліонъ двести тысячъ батмановъ*, или 18 милліоновъ пудовъ.

Чтобы нажить такое количество золы, надобно употребить четыре милліона кубической мѣры сажень вѣлу, или сажень, осины и другихъ деревьевъ. Если положить, что каждая десятина хорошо сбереженнаго лѣсу, съ сучьями и вѣтвями, даетъ 30-ть кубическихъ сажень (что очень рѣдко бываетъ), то должно истребиться на поташъ лѣсу ежегодно, по самой меньшей мѣрѣ, 120,000 десятинъ, но чтобы менѣе было ошибки въ расчетѣ, полагаю только *сто тысячъ десятинъ*.

Изъ этого выходитъ слѣдующій результатъ: 100 т. десятинъ лѣсу оцѣнить на корню менѣе нельзя, какъ по 100 рублей, то есть,

съ небольшимъ по три рубля за кубическую сажень, хотя она и вдвое дороже продается; следовательно, лѣсъ стоитъ . . . . . 10,000,000 руб.

Срубить и сжечь 100 т. десятинъ лѣсу и убрать съ нихъ золу, рабочимъ понадобится заплатить, по самой дешевой цѣнѣ, по 40 рублей за десятину, а всего . . . . . 4,000,000 —

При обдѣлкѣ древеснаго поташа, на рабочихъ, мастеровъ, бочки и другіе расходы обходится по 1 рублю на пудъ, а на 2 милліона . . . . . 2,000,000 —

Провозы до портовыхъ мѣстъ, съ внутреннимъ провозомъ, дешевле 50 коп. на пудъ положить нельзя, а на 2 милліона пудъ . . . . . 1,000,000 —

Итого 17,000,000 руб.

Этой суммы стоятъ себѣ два милліона пудовъ поташа, что и приходится по $8\frac{1}{2}$ рубл. за пудъ.

Здѣсь не полагается въ счетъ лѣсъ, долженствующій употребиться на 80,000 бочекъ и на 960,000 обручей, которые составить цѣнность около 150 тысячъ рублей.

Средняя десяти-лѣтняя цѣна поташа въ продажѣ была около *шести рублей*, следовательно, выручено 12 милліоновъ рублей. Тутъ недостаетъ въ счетъ капитала *пяти* милліоновъ, за всѣмъ въ общемъ расчетъ уменьшеніями. Однакожъ промышленники, продавая поташъ по 6 рублей, говорятъ, что получаютъ пользы не менѣе рубля на пудъ. Не мудрено, если цѣнность лѣсовъ равнять съ нулемъ.

Если бы счетъ въ количествѣ выдѣлки поташа былъ сомнительнѣе, и невѣренъ въ половину, и вмѣсто двухъ милліоновъ положить выдѣлку его въ *одну милліонъ пудовъ*, то и въ такомъ случаѣ результатъ будетъ одинаковъ: и тутъ недостанетъ $2\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Здѣсь надобно замѣтить, что въ прежнія времена, при несовершенствѣ выдѣлки и неумѣннн мастеровъ, золы употреблялось вдвое болѣе, и потому выходило, и даже нынѣ у многихъ заводчиковъ выходитъ, вдвое менѣе.

Въ такомъ случаѣ, самая справедливость требуетъ держаться слѣдующаго правила: *Лучше не дѣлать ничего, нежели дѣлать то, что не приноситъ ни пользы, ни удовольствія.*

Разсмотримъ другія обстоятельства, относящіяся къ истреб-

ленію лѣсовъ, тоже по поташному производству, и подобному сему промыслу шадринкомъ.

Вырубка 100 тысячъ десятинъ правильными лѣсовъками на выдѣлку поташа была бы даже полезна, потому, что въ теченіе 30, или 40 лѣтъ, лѣса могли бы возрасти вновь. Но промышленники, добывающіе золу, не рубятъ деревья въ одну полосу; они рубятъ ихъ на выборъ, и чрезъ то лѣса подымались перелѣсками, въ которыхъ молодымъ деревьямъ нѣтъ роста отъ тѣни большихъ, а большія дряхлѣютъ прежде времени, бывши подвержены, такъ сказать, пролетному дѣйствию вѣтровъ.

Шадринскъ, употребляемый на кожевенныхъ, стеклянныхъ, мыльныхъ заводахъ, также красильщиками и на бѣленіе холстовъ и полотень, легко могущій замѣниться поташемъ, составляетъ не малую причину опустошенія лѣсовъ. Количество его никогда не можетъ быть извѣстно въ точности, потому, что онъ не имѣетъ значительнаго отпуска за границу, а продается и употребляется небольшими партиями внутри государства. Приблизительно къ истинѣ можно положить, что его добывается въ годъ до милліона пудовъ. Одна Казань издерживаетъ его до 200,000 пудовъ.

На выдѣлку шадрика исключительно идутъ вязъ, клѣш и осина. Послѣдніе роды деревьевъ сами по себѣ шадрику не даютъ, но при обжигѣ вязовой золы, они способствуютъ плавокъ ея, и придаютъ шадрику, особенно осина, зеленоватый цвѣтъ. Какъ эти деревья, особенно перваго и втораго рода, никогда не растутъ особнякомъ цѣлыми рощами, но перемѣшаны въ чериольсѣ съ другими родами деревъ, то и невозможно сдѣлать вѣрнаго учета ихъ порубкѣ, но приблизительно можно положить, что для милліона пудовъ шадрику понадобится вязу, илема и осины, полагая по 5-ти пудовъ въ кубической сажени, около 200 тысячъ сажень, или 6,500 десятинъ.

Десятину такого лѣсу оцѣнить можно, со всею справедливостію, вдвое противъ обыкновеннаго дровянаго лѣсу, потому, что вязъ и илема суть крѣпчайшія деревья, могущія замѣнить собою дубъ въ прочныхъ подѣлкахъ, и способныя даже для корабельнаго строенія, следовательно:

6,500 десятинъ по 200 рублей. . . . . 1,300,000 рублей

Жженіе золы, потомъ перекалка ея въ шадринскъ, обойдутся на каждый пудъ по 25

коп., потому, что работникъ въ сутки болѣе не успѣетъ его добыть, какъ 4 пуда; на миллионъ же пудовъ понадобится расхода . . . 250,000 рублей

Провозы на пристани и къ заводамъ дешеле 20 коп. на пудъ не обойдется, следовательно, падаетъ на миллионъ пуд. шадрика 200,000 —

Итого 1,750,000 рублей

стоятъ себѣ шадрикъ промышленникамъ, или по 1 рублю 75 коп. за пудъ.

Цѣна ему на внутреннее потребленіе бываетъ отъ 60 коп. до 1 рубля 20 коп. за пудъ; средняя же, въ десятилѣтнюю сложность, дороже 1 рубля не обойдется. Следовательно, и здѣсь перевѣсъ не въ пользу цѣнности товара.

Надѣюсь, доказательства не въ пользу лѣснаго поташа и шадрика, не назвать преувеличенными, но слишкомъ уменьшенными, потому, что во всѣхъ случаяхъ цѣны на расходы положены низкія, а выходъ поташа самый большой, то есть, *полтора пуда* изъ батмана золы, считаемаго въ 15 пудовъ, между тѣмъ, какъ онъ въ пріемъ золы никогда менѣе 25 пудовъ не бываетъ.

Теперь поговоримъ о способахъ выдѣлки древеснаго поташа.

До сего времени производство его было самое невыгодное для лѣсовъ. За 30 лѣтъ прежде, изъ батмана кленовой и вязовой золы вываривали только пудъ поташа, то есть *четвертую часть* того, что должно было добывать. Незнаніе заводчиковъ и мастеровъ до того простиралось, что не смѣли употреблять на поташъ другаго рода лѣсовъ, кромѣ илема и вяза. Золу такихъ деревьевъ старались перекалывать, дѣлать ее такъ называемою *тремя теплеююю*, то есть, по сжигеніи одного костра лѣсу, наваливали на тоже мѣсто въ другой и третій разъ. Тутъ зола выходила уже не зола и не шадрикъ, а средней доброты товаръ, то есть, лучше золы, а хуже шадрика.

Прежніе мастера, равно какъ и большая часть нынешнихъ, были мастерами по напыку, не зная свойствъ золы, важнѣе имъ безъ правилъ и осторожности; они вываривали поташъ, кто какъ умѣлъ. Пережженая, или, такъ называемая, *тремя теплеююю зола*, въ томъ же году приготовленная, и не успѣвшая отъ воздушныхъ перемѣнъ и солнца хорошенько распухнуть, не могла скоро выщелачиваться, и бывъ

наливаема разъ по восьми водою, выбрасывъ илсъ вопъ изъвлеченіи изъ нея половины вещества, поташъ составляющаго. Доказательствомъ же такой недостаточности прежняго способа въ вываркѣ поташа древеснаго служить то, что нынѣ начали нѣкоторые промышленники снова переваривать выброшенную золу, или *подзолы*, и получаютъ поташа изъ батмана отъ 20 до 30 фунт., и даже до одного пуда. Впрочемъ, это производится только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были заводы, вываривавшіе поташъ изъ одной вязовой и илемовой золы. Обыкновенная древесная зола, по выщелоченіи ея, пролежавшая нѣсколько лѣтъ на открытомъ воздухѣ, даетъ поташъ, но въ маломъ количествѣ, что и доказываетъ, что способы выварки поташа, въ особенности въ заготовленіи золы, недостаточны, и безъ пособія химіи, мы все еще будемъ половину добра выбрасывать, какъ вещь негодную.

Не зная прежняго недостаточнаго способа выдѣлки поташа, многіе приписывали выходъ его изъ старыхъ подзоловъ дѣйствію солнца, которое, по мнѣнію ихъ, удабриваетъ и наспиртовываетъ вымоченную золу. Но въ этомъ справедливаго только то, что солнечные лучи и атмосфера, совсѣмъ ея перемѣнами, дѣйствовали на золу, по вымочкѣ выброшенную на воздухъ, разлагая склизшіяся частицы, и дѣлали ее способною къ извлеченію изъ нея оставшихся щелочей.

Въ послѣдствіи, когда илемъ и вязъ стали очень рѣдки, то промышленники начали употреблять на поташъ и другіе роды лѣсовъ, выключая хвойныя. Приготовленіе золы также производилось въ видѣ трехъ-тепленной, и она имѣла тѣ же неудобства къ скорѣйшему выщелачиванію, потому, что сжигаемая большими кучами, она перегарала, дѣлалась въ родѣ шадрика, а промышленники и досего времени почитаютъ такую золу лучшею, не зная того, что пепловидная зола нажженная малыми кучами, при растираніи съ водою въ рукавъ мягкая, какъ мука, есть удобнѣйшая къ выщелачиванію нежели та, которая имѣетъ зернистую, и какъ бы песчанія частицы, служація признакомъ, что зола перегорѣла. Однакъ зернистая зола принимается заводчиками лучше, потому, что предполагаютъ въ ней присутствіе шадрика; это заблужденіе причинно, что золопромышленники пережгали на дровахъ подзолъ, и доставляли его въ поташныя заводы, какъ лучшую золу, основываясь на ложномъ поштіи, что лучшая зола имѣетъ въ себѣ зернистыя частицы, или, такъ называе-

мый, *архивъ*. Заводчики перѣдко отъ того раззорились, принимая фальшивую золу, то есть пережженный подзолъ. Но до пивъ еще нѣтъ правилъ, по которымъ безопасно можно-бы было принимать золу; заводчику остается въ семь случаевъ одна надежда на долговременную опытность мастера, или пріемщика золы, чтобы не потерпѣть убытка.

Съ 1832 года, когда Правительство обратило строгое вниманіе на сбереженіе лѣсовъ, и зола стала пріобрѣтаться съ трудностію, поташъ въ цѣнѣ началъ возвышаться, и многіе промышленники уничтожили свои заводы. Теперь выгоднѣйшимъ производствомъ почитается то, если промышленникъ получаетъ прибыли по 15-ти процентовъ на употребленный капиталъ, неопыная впрочемъ лѣсовъ, досего времени почитаемыхъ за ничто.

Ежегодныя затрудненія въ добываніи древеснаго поташа, по недостатку лѣсовъ, къ соблюденію которыхъ поочтительное Правительство принимаетъ всѣ мѣры, указываетъ, что въ будущемъ производствѣ его много уменьшится противъ нынѣшняго времени, следовательно, и отпустить за границу, равно какъ и внутреннее потребленіе будутъ имѣть не малыя затрудненія, по усиливающемуся, вмѣстѣ съ народонаселеніемъ, потребленію лѣсовъ, которыя и безъ того надобно беречь для другаго, лучшаго употребленія, напримеръ, металлическихъ заводовъ, умножающихся и усиливающихъ свои дѣйствія.

Между тѣмъ, добываніе поташа необходимо и важно. Въ слѣдствіе сего полагаю, что весьма полезно обратить вниманіе на средства добывать его безъ всякаго истребленія лѣсовъ, и со многими притомъ выгодами во всѣхъ отношеніяхъ.

Слишкомъ сто лѣтъ тому, Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда, въ Починковскихъ волостяхъ, изобиловавшихъ лѣсами, было главное мѣсто добыванія поташа и шадрика, отправляемыхъ тогда къ одному Архангельскому порту. Въ послѣдствіи, когда лѣса истощились, и крестьяне, издавна привыкшіе заниматься жженіемъ золы для заводовъ, начали затрудняться въ своемъ ремеслѣ, то принялись употреблять крапину, репѣйникъ и картофельное литвиное, растущія по гумнамъ, мемамъ и огородамъ, также гречневую солому, какъ не весьма способную для корму скота, не зная, что въ Америкѣ давно уже добываютъ золу изъ травъ. Изъ упомянутыхъ растений золу переваривали въ поташъ, по внутреннему достоинству ни чѣмъ не уступающій древесному.

Уданные опыты надъ такими бесполезно растущими и принадлежащими травами, и польза, получаемая отъ новаго рода поташа, усилили выдѣлку его, и такъ какъ травяной поташъ появился въ *первый разъ* изъ Починковъ, пылъ запатентованаго рода, то и получалъ названіе *Починковского*, и въ 1829 году повелѣно было при портахъ браковать его въ первый сортъ, наравнѣ съ Казапскимъ. Какъ поселяне Починковской волости начали вываривать травяной поташъ первые, не имѣя ни какихъ свѣдѣній объ открытіяхъ того же въ Америкѣ, то, по справедливости, честь перваго изобрѣтенія въ Россіи травянаго поташа принадлежитъ имъ. Впрочемъ, добываніе травянаго поташа находится у насъ еще въ младенствѣ; большая часть производителей все еще увѣрены, что кромѣ крапивы, репѣйника, полыни, кипрея и гречневой соломы, нельзя употреблять на поташъ ни какихъ другихъ травъ, точно такъ же, какъ прежніе заводчики не смѣли употреблять на древесный поташъ ни какихъ другихъ лѣсовъ, кромѣ вяза и плама.

Къ сожалѣнію, это простое, легкое и полезное производство поташа изъ крапивы, репѣйника и другихъ сорныхъ травъ, не распространилось до сего времени въ другихъ губерніяхъ. Известно, что крапивою и репѣйникомъ заросли у насъ всѣ деревни, и поселяне, и оставляютъ ихъ безъ употребленія, или скашиваютъ и вывозятъ въ овраги, какъ навозъ, почитаемый ими за бесполезную тлѣсть, не зная того, что каждая деревня, большая и малая, можетъ безъ затрудненія выварить поташа по самой меньшей мѣрѣ, 100 пудовъ. Количество, конечно, малое, если отдѣльно взять его, но въ общей сложности составило бы такую громаду этого необходимаго матеріала, что одна Россія могла бы снабдить имъ Европу и Азію, не истощая лѣсовъ своихъ.

Одна Казапская губернія заключаетъ въ себя 2256 казенныхъ селъ и деревень, кромѣ помѣщичьихъ. Если положить, что каждая деревня поставила бы по 50 пудовъ, для чего понадобилось бы не болѣе 200 пудъ золы, крапивной и репѣйной, то количество поташа простиралось бы по одной Казапской губерніи, отъ казенныхъ поселеній, болѣе 100 тысячъ пудовъ, и было бы выручено, по средней сложной цѣнѣ, 600 тысячъ рублѣй.

А какъ истинную пользу лучше всего можно видѣть изъ близкихъ примѣровъ, то одинъ примѣръ Починковской во-

Но какъ жженіе травъ производилось, по немѣнѣю доста- точнаго числа рабочихъ людей, большими кучами, то есть, не болѣе, какъ въ 4-хъ, или пяти мѣстахъ на десятииъ, что вредитъ и качеству и количеству золы, а также и самому выходу изъ нея поташа, то сдѣланы еще опыты жечь траву въ малыхъ кучахъ, и оказалось слѣдующее:

Сто квадратныхъ сажень степной травы, состоящей изъ клевера, осоки, пырея, кавыля, вострѣца, клубничной тра- вы, и перѣдка чемерицы, по сожженіи дали чистой золы *два пуда*; слѣдовательно, цѣлая десятина, имѣющая 32 участка по сту квадратныхъ сажень, должна дать се до 60 пудовъ. Опыты были повторены, и выходъ золы оказался одинаковъ. Потомъ

100 квадратныхъ сажень бурьяника, то есть, сорныхъ травъ, на запущенной десятииъ выросшихъ, по сожженіи дали золы $2\frac{1}{2}$ пуда, слѣдовательно, съ цѣлой десятииы получится ея до 75 пудовъ.

Изъ золы, въ Июль мѣсяцѣ пажженной, вновь сдѣланы опыты выварки поташа, и вышло его вчервь изъ пуда золы, такъ же, какъ и въ Маѣ мѣсяцѣ, по 8 фунтовъ.

Соображая такіе неоднократные опыты жженія травяной золы, и выварки изъ нея поташа, оказывается, что десятина степной травы, въ такое благоприятное для травъ время, ва- кое было въ 1837 году, даетъ поташа отъ 8 до 10-ти пу- довъ, а бурьянику отъ 10 до 12 пудовъ.

Это производство, если не новос, то, по крайней мѣрѣ, мало извѣстное, а между тѣмъ самое полезнѣйшее, по изо- билію во многихъ губерніяхъ травъ, перѣдко пропадающихъ безъ пользы, остается до сего времени безъ дѣйствія, болѣе по тому, что нѣтъ ни близкихъ примѣровъ выварки травя- наго поташа, ни руководства къ тому, и можетъ быть, нѣ- нѣшніе заводчики также думаютъ объ этомъ, какъ прежде, не смѣвшіе употреблять на поташъ ни какого лѣса, кромѣ вяза и илема. При пылѣшемъ-же чрезвычайно замѣтномъ стремленіи къ усовершенствованіямъ по части сельскаго хо- зяйства, фабрикаціи и промысловъ, можно надѣяться, что и производство травянаго поташа займетъ собою промыш- ленниковъ, и даже поселянъ, особенно когда они вынуждены въ удобство такого дѣла, которое не требуетъ и половины капитала, какой доселѣ употреблялся на выварку древеснаго поташа.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, до поташнаго производства относящихся, сдѣланы такіе выводы, что если на нихъ осно- ваться, то окажется, что поташъ, въ Россіи выдѣлываемый, станетъ каждому заводчику до 20 рублей за пудъ, и даже не стоитъ труда, чтобы его производить. Приведемъ здѣсь при- мѣръ: выписка изъ *Британской Энциклопедіи*, напечатанная въ *Библиотекѣ для Читателя* 1837 года, въ Маѣ мѣсяцѣ, въ отдѣленіи *Промышленности и Сельскаго Хозяйства*, показы- ваетъ, что кубическая сажень вяза даетъ поташа 18 фунт., клену 7 фунт., осины 4 фунта.

Извѣстно по опытамъ на самомъ дѣлѣ, а не по химиче- скимъ только изслѣдованіямъ, что сіи роды деревъ, особенно два первыхъ, суть самыя плотныя, и даютъ болѣе всѣхъ золы и поташа, и ежели послѣдовать указаніямъ Британской Энци- клопедіи, то для пуда поташа понадобится вяза $2\frac{1}{4}$ куб. са- жени, клена 6 куб. сажень, осины 10 куб. сажень.

Оцѣнивши сажень вяза и клена по 6 рублей, а осины въ 3 рубля, окажется, что поташъ, безъ окончательной обдѣлки его, *одного золотого* станетъ заводчику за пудъ, изъ вязовой золы 13 рубл., 50 коп., кленовой 36 рубл., осиновою 30 рубл.

Но какъ зола никогда не бываетъ исключительно изъ од- ного какого нибудь рода лѣсовъ, а смѣшанная изъ всѣхъ родовъ, то по такому выводу каждый пудъ поташа обойдет- ся заводчику до 26 рублей, или, считывая выходъ поташа изъ десятииъ лѣсу, окажется, что каждая десятина дастъ по- таша: вязоваго лѣса до $13\frac{1}{2}$ пудъ, кленоваго 5 пудъ, осино- ваго 3 пуда.

Это такая несообразность, которую трудно себѣ и объя- снить! — Изъ сего можно заключить, какъ ненадежно по- лагаться безусловно на ученые вычеты, не доказанные прак- тически.

Въ разсужденіи же травянаго поташа, въ упомянутой мною выпискѣ выходъ его означенъ изъ каждаго рода травъ особо. Для естественнспытателей это можетъ быть иужно и полез- но, ежели нѣтъ такой же ошибки въ расчетъ выхода пота- ша, какъ въ выходѣ его изъ вяза, клена и осины, по про- мышленникамъ подобная подробность ни къ чему не послу- житъ, потому, что травы растутъ на поляхъ смѣшанно, и са- мая крайняя переѣшанна съ пыреемъ и репшійникомъ.

Безспорно, что учености и книжныя указанія могутъ слу- жить большимъ пособіемъ для промышленниковъ по всѣмъ

предметамъ, по ежен руководства выходить изъ границъ вѣрности, то не мудрено, что практиканты, производящіе болышею частію дѣла свои *нагляднымъ* образомъ, иногда не имѣютъ вѣры къ учебнымъ опытамъ, видя въ нихъ совершенное противное тому, что извѣстно на самомъ дѣлѣ.

Всѣ вообще кормовыя и сорныя травы, въ великороссійскихъ губерніяхъ растущія, даютъ болыше или меныше поташа. Онъ находится въ слѣдующемъ порядкѣ въ отношеніи ихъ доброты:

1. *Кипрей*, растущій, болышею частію, по близости, или на мѣстахъ горьшихъ лѣсовъ, въ перельскахъ, по лѣснымъ и степнымъ оврагамъ, и перъдо на запущенныхъ пашняхъ; въ послѣднемъ случаѣ, трава эта растетъ смѣшанно съ другими, сорными травами.

2. *Репейникъ* всѣхъ родовъ и видовъ; одной съ нимъ доброты оръховая оболочка и скорлупа.

3. *Табакные стебли*, картофельное литвинье, стебли подсолнечника и бобовые.

4. *Крапива*, глухая и жгучая; одной съ нею доброты лебеда и чемерица.

5. *Гречневая солома*, недолго лежавшая послѣ молотбы и непримоченная дождями.

6. *Сорныя травы вообще*, на запущенныхъ пашняхъ смѣшанно растущія, какъ то: козылецъ, польнь, купырникъ, божье дерево, дрокъ, также вехъ, по берегамъ болотистыхъ рѣчекъ растущій.

7. *Травы кормовыя*, степныя, полевая и луговая; послѣднія съ такихъ мѣстъ, которые не на долго потопляются всеннею водою.

8. *Осока* и пырей, растущіе по болотистымъ и мочажиннымъ мѣстамъ, но не въ водѣ; также гороховая солома и камышь.

При употребленіи всѣхъ вышеозначенныхъ травъ на поташъ, производителю должно за первое правило поставить, чтобы косить ихъ въ слѣдующее время:

Кипрей съ 10 Июля и по 15 Августа.

Репейникъ, когда онъ завязался въ головку, но еще не разцвѣлъ. Можно косить его въ первыхъ числахъ Июля, для того, чтобы въ концѣ Августа успѣть во второй разъ скосить; въ обоихъ случаяхъ качество золы будетъ одинаково.

Табакные стебли, картофельное литвинье, бобовые и под-

солнечниковые стебли по уборкѣ огородовъ, сколь возможно скорѣе, чтобы не смочило ихъ дождями.

Крапиву, лебеду, чемерицу, когда они еще не разцвѣли, а только завязались въ головку; впрочемъ, крапиву можно косить два раза, также какъ и репейникъ.

Гречневую солому, равно какъ и гороховую, всего удобнѣе употреблять въ золу скорѣе по обмолотѣ съ нихъ сѣмянъ.

Сорныя травы косить надобно съ 10 Июля и по 1 Сентября.

Кормовыя травы должно косить съ 1 Июля и по 15 Августа, ежели въ теченіе этого времени перепали дожди; въ противномъ случаѣ далѣе 1 Августа ихъ косить невыгодно, потому, что трава подсохнетъ, и не будетъ имѣть въ себѣ тѣхъ соковъ, которые даютъ поташъ въ болышемъ количествѣ.

Осоку и пырей косить можно во всякое время, лишь-бы выросли въ надлежащую величину. И въ раннее и въ позднее время лѣта, травы эти даютъ золу въ маломъ противъ другихъ количествѣ.

Вообще можно всѣ травы косить и съ 10 Июня, и хотя зола будетъ имѣть всѣ достоинства, нужныя къ извлеченію изъ нея поташу, но только количество золы будетъ выходить третьюю частію меныше противъ того, какъ травы выростутъ въ надлежащую величину, доказательствомъ чему могутъ послужить опыты мои, въ Самарской степи дѣланные, въ Маѣ мѣсяцѣ 1857 года. Тогда экономическая десятина дала травы до 370 пудовъ, и золы вышло изъ оной 18 пудъ, а въ Июль того же года, съ такой же десятины, получено травы до 1,060 пудовъ, и золы вышло изъ нея до 50 пудъ. Впрочемъ доброты золы въ обоихъ мѣсяцахъ была одинакова.

Если же случится, что въ Июль мѣсяцъ не было дождей, то по необходимости надобно косить прежде назначеннаго времени, особенно, если они будутъ желать и показывать собою зрѣлость. Напротивъ, когда въ Июль жаровъ болышихъ не было, и дожди поддерживали влажность земли и сочность травы, то кормовыя, особенно сорныя травы, или бурляники, можно косить до 15 Сентября, особенно, если осень была теплая. Надобно только смотрѣть того, что если травы имѣютъ зелень, то въ нихъ еще будетъ довольно соку, и зола будетъ надежна къ вываркѣ изъ нея поташу.

Впрочемъ, въ травахъ, косимыхъ въ то время, когда уже окапчивается сокообращеніе, деревья перестаютъ расти, и

однолѣтніи произрастенія начинаютъ постепенно увядать, золы выходитъ менѣе, и она будетъ противъ ростоваго времени слабѣе, но за всѣмъ тѣмъ, въ степныхъ селеніяхъ, нуждающихся дровами и отапливаемыхъ бурьянникомъ, женщины при бѣшеніи холстовъ и бученіи платья употребляютъ бурьянную золу, и одобряютъ ея дѣйствіе не хуже лѣсной. Это служить доказательствомъ, что и увидшія сорныя травы даютъ золу способную для выварки поташу, хотя въ ней не столько уже будетъ поташнаго вещества, какъ въ приобретаемой изъ зеленыхъ и сочныхъ травъ золѣ.

Примѣчаніе. 1. Примѣрный расчетъ въ объѣмъ десятины въ 40 и 80 (3200 кв.) сажень, для полученія съ ней золы, приблизительно есть слѣдующій: за косьбу десятины 3 рубля; за сгребеніе скошенной травы, въ 20 или 15 кучь, 3 рубля, при жженіи золы работнику въ день 1 рубль; тремъ работницамъ за работу при жженіи золы 1 рубл. 50 коп. За привозъ воды, для вспыскиванія золы, и за отвозъ золы съ десятины къ заводу, 1 руб. 50 коп.

Слѣдовательно, уборка золы одной десятины будетъ стоить, примѣрно, около 10 рублей.

2. На всѣхъ заводахъ при выдѣлкѣ поташа обходится, на каждый пудъ его, расходъ по одному рублю, а именно, на мастера 10 коп., и на рабочихъ въ заводѣ 15 коп., на бочки 15 коп., и на дрова 60 коп.

3. Зола травяная въ двое сильнѣе лучшей древесной. Это доказывается тѣмъ, что изъ 6 пудовъ травяной смоченной золы выходитъ поташу одинъ пудъ; изъ крапивной и репейной, несмоченной золы изъ 3½ пудъ тоже пудъ поташу, а изъ дренесной печной, овинной и лѣсной, несмоченной, едва изъ 15 пудъ вываривается одинъ пудъ поташу.

П. АНОРОВЪ.

О ДВОЙНОМЪ ЗРѢНІИ (second sight) ШОТЛАНДЦЕВЪ.

(Статья первая).

Въ Апрѣль 1785 года, г-нъ Боттино, прежде бывший чиновникъ Индѣйской Компаніи на Иль-де-Франсъ и Бурбонъ, представилъ Правительству записку, въ которой утверждалъ, что имъ найдены физическія средства узнавать о появленіи кораблей, когда они находятся еще въ 250 лье отъ берега. Не смотря на многіе опыты, это не произвело большаго вниманія въ колоніи Иль-де-Франской, и открытію Боттино худо вѣрили. Но однажды, онъ извѣстилъ о приближеніи Англійскаго флота, и говорилъ столь утвердительно, что Де-ла-Моттъ Пике, бывший тогда командиромъ эскадры на Иль-де-Франсъ, послалъ для развѣдыванія фрегатъ и корветъ, по направленію, указанному Боттино. Дѣйствительно, посланные увидѣли вскорѣ Англійскій флотъ (см. Мѣм. secrets, т. XXIX, archives de la Marine). Такая удивительная способность сильно заняла умы, даже и въ прошедшемъ вѣкѣ, когда опытная физика и выводы только изъ опытовъ были въ общей модѣ. Впрочемъ, она принадлежала къ диковинкамъ катоптрики, которую ученые XV-го вѣка почитали основаніемъ своей естественной магіи. Явленія свѣта были посылъ того предметомъ изслѣдованій столь обшир-

На третій день послѣ его прибытія, у нѣкоторыхъ изъ жителей оказались явные признаки заразительной болѣзни, похожей на простуду, съ жаромъ ознобомъ, кашлемъ, и проч. — Черезъ недѣлю, всѣ страдали этою болѣзнію. Желая спасти честь своего скептицизма, Макъ-Аулай распрашивалъ людей, которые, не бывши туземными уроженцами, издавна жили на островѣ Сень-Кейльдъ, и ихъ удостовѣреніи прибавились къ собственному его, личному убѣжденію. Всѣ оканчивали тѣмъ, что по прошествіи нѣкотораго времени обживались между жителями, и тогда подвергались они такому же болѣзненному ощущенію при каждомъ чужеземцѣ, какъ и природные жители.

Замѣтимъ, что въ тоже время, жилища и одежда островитянъ имѣютъ какой-то запахъ, весьма вредный для чужеземца. Приближеніе, присутствіе туземца поражаетъ нервы прибывшаго на островъ какимъ-то неприятнымъ ощущеніемъ. Слѣдовательно, есть какал-то физическая причина, по которой жители Сень-Кейльда страдаютъ отъ присутствія чужестранцевъ, и чужестранцы отъ сообщенія съ ними, пока взаимно не привыкнутъ.

По свѣдѣніямъ Макъ-Аулая выходитъ, что надобно предположить особенное поколѣніе людей, такъ сложенныхъ, что *магнетическое* истеченіе изъ тѣла всякаго человѣка, чуждаго имъ, производитъ на нихъ болѣзненное впечатлѣніе, когда въ тоже время, взаимно, истеченіе невидимой жидкости изъ ихъ тѣлъ дѣйствуетъ тягостно на чужеродца, хотя и не въ столь сильной степени. И все это продолжается до тѣхъ поръ, пока взаимнымъ уравненіемъ организаціи, оба разнородные человѣка не уравняются одинъ съ другимъ.

Не знаемъ, существуетъ-ли еще доньшѣ на Сень-

Кейльдъ *mal du gouverneur* (губернаторская лихорадка). Мысль наша, приводя такое малоизвѣстное, странное обстоятельство, состояла въ томъ только, чтобы приготовить читателей нашихъ къ явленіямъ еще болѣе неизъяснимымъ, которыя замѣчаются на тѣхъ же Гебридскихъ островахъ, и показываютъ новыя свѣдѣтельства объ особенной организаціи островитянъ, на нихъ живущихъ. Мы хотимъ говорить о такъ называемомъ *двойномъ зрѣніи* ихъ, и постараемся изъяснить подробности и причины этого малоизвѣстнаго феномена.

Вотъ извѣстія Самуила Джонсона, которыя извлекаемъ мы изъ путешествія его на Гебридскіе острова въ 1773-мъ году:

«Слишкомъ показался бы я не любопытнѣе, если бы тщательно не постарался изслѣдовать вопроса о двойномъ зрѣніи (*second sight*) Гебридцевъ. Такъ называется здѣсь впечатлѣніе, передаваемое умомъ глазамъ, или глазами уму, посредствомъ коего человѣкъ видитъ отдаленные предметы и будущія событія, такъ, какъ будто они находятся передъ его глазами. Ктонибудь падаетъ съ лошади и увѣчится; другой, находясь дома, далеко отъ изувѣченнаго, видитъ его окровавленнаго, умирающаго, и обыкновенно сказываетъ мѣсто и время, гдѣ и когда это случилось. Иногда такой ясновидѣць спокойно пасетъ свое стадо, или отдыхаетъ развалившись на солнцѣ, какъ вдругъ неожиданно чувствуетъ внутреннее побужденіе, и созерцаетъ неожиданно веселую свадьбу, или печальныя похороны. Онъ сказываетъ, сколько и какихъ именно людей ему представляется, говоритъ ихъ имена, описываетъ ихъ одѣяніе. Словомъ, странная эта способность даетъ человѣку возможность видѣть событія и предметы отсутствующіе, въ минуту происшествій и въ мѣстахъ часто весьма отдаленныхъ.

Но способность сія, такъ сказать, страдательная; она не бываетъ у человѣка постоянно и не зависитъ отъ его воли; онъ не можетъ ни удержать, ни получить ее произвольно, ни привести себя по волю въ ясновидящее состояніе. Внезапно и неожиданно находятъ на Гебридѣ ясновидѣніе, и часто бываетъ для него весьма тягостно.

«Называя такую способность *двойнымъ зрѣніемъ*, кажется, хотѣть выразить средство видѣть, прибавляющееся къ тому, которое всѣ мы имѣемъ отъ природы. Несправедливо говорятъ, что такое чувство оказывается у Гебридцевъ для предвѣщанія только несчастныхъ событій. Счастливыя происшествія предсказываютъ и видятъ они равномерно. Самые замѣчательныя событія для насъ суть несчастія, какія мы испытываемъ, или которыхъ успѣваемъ избѣгать. Чувства наши болѣе поражаются страданіями, нежели наслажденіями. Потому идея страданія сильнѣе дѣйствуетъ на большую часть умовъ. Не удивительно послѣ сего, что смерть особенно бываетъ предметомъ такихъ видѣній, ибо ничего цѣль для человѣка разительнѣе и важнѣе сего событія.»

«Способность двойнаго зрѣнія ограничивается мѣстностію, и оказывается совершенно бесполезною. Видимъ въ ней какое-то нарушеніе обыкновенныхъ законовъ природы человѣческой, но не знаемъ причины ея и пользы какой нибудь. Способностію этою обладаетъ народъ весьма мало образованный, и даже изъ среды его, весьма часто, самые бѣдные и самые невѣжественные люди. Что касается до сомнѣній, возбуждаемыхъ такою странностію, то можно отвѣчать, что существу, столь ограниченному, какъ человѣкъ, столь неспособному объять своимъ разумѣніемъ систему вселенной, нельзя рѣшить естественно или неестественно то или другое.

Двойное зрѣніе кажется намъ непонятнымъ по его рѣдкости. Разсматриваемое само по себѣ, оно не чудеснѣе, можетъ быть, сновидѣній, и даже просто предвѣщанія дѣлъ умомъ. Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ допускалось мнѣніе, что могутъ быть впечатлѣнія, которыя сообщаются намъ, или поражаютъ наше воображеніе, непонятнымъ для насъ образомъ. Мы знаемъ достовѣрные случаи, которыхъ не отвергли бы ни Баконъ, ни Бель.

«Весьма легко видѣться и говорить на Гебридскихъ островахъ съ ясновидящими, или такими, которые имѣли двойное зрѣніе. Мнѣ нѣкогда было собрать достаточныхъ свѣдѣній для полного убѣжденія другихъ въ существованіи двойнаго зрѣнія, и даже самъ я не могъ въ немъ вполне убѣдиться. Противъ него говорятъ безпорядокъ и неточность разсказовъ, но за него общее повѣрье всѣхъ жителей. По крайней мѣрѣ, потому, что слышалъ и узналъ, я не стану опровергать его достовѣрности.»

Не явно-ли видна въ словахъ хладнокровнаго и благоразумнаго Джонсона борьба философическаго скептицизма съ очевидностью явленія? Нервышительность Англійскаго путешественника дѣлаетъ еще болѣе любопытнымъ для насъ непонятное явленіе, которое привело въ недоумѣніе всю его логику.

Томсонъ не забылъ поэтическихъ видѣній Септ-Кейдскихъ обитателей. Вотъ что говоритъ онъ объ нихъ въ своей поэмѣ:

As when a shepherd of the Herbid isles,
Placed far amid the melancholy main,
(Whether it be lone fancy him beguiles,
Or that aerial beings sometimes deign
To stand, embodied to our senses plain,)
Sees on the naked hill, or valley low,
The whilst in ocean Phoebus dips his wain,
A vast assembly moving to and fro;
Then all at once in air dissolves the wondrous show....

Въ одномъ изъ своихъ романовъ, В. Скоттъ выводитъ на сцену, весьма драматически, ясновидящаго Алланъ Макъ-Аулая, но онъ ничего не говоритъ о способности, которою воспользовался, какъ романистъ.

Впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, сомнѣніе Джонсона, касательно Сень-Кейлдскихъ ясновидящихъ, есть уже доказательство физиологической важности двойнаго зрѣнія. Джонсонъ отправлялся на Гебридскіе острова именно за тѣмъ, чтобы опровергнуть предразсудокъ Шотландцевъ, свято въ него вѣрующихъ, и разрушить героическія сказки Макферсоновыхъ поэмъ. Но какъ человекъ ученый и совѣстливый, онъ не рѣшился шутить надъ народнымъ преданіемъ и надъ очевидностью явленія. Потому и не объявилъ онъ открытой войны ни изобрѣтенію поэта, ни домовымъ и привидѣніямъ Эрской поэзіи. Только то, что являлось подъльно и ложно, возбуждало его гоненіе, но все, что составляло вѣрованіе общее, или непонятное, но очевидное явленіе, было для него только предметомъ недоумѣнія. Если-бы поселянинъ Макъ-Линскаго, или Макъ-Грегорскаго клана, какъ очень справедливо замѣтилъ одинъ Англійскій критикъ, сказалъ ему: «я вѣрю слѣпцу Оссіану, какъ вѣрю возстанію Орапа, и арфу Мальвины, какъ вѣдѣмъ Курри-Вреканской.» — Джонсонъ непременно повѣрилъ бы послѣ того пѣснямъ Сельмскимъ и поэмъ Кушулина. Но когда нашелъ только одинъ какой-то грамотный школьный учитель, защищавшій достоверность повѣствованія о Фингалѣ, и ни одинъ простолудинъ не вѣдалъ ихъ, Джонсонъ не хотѣлъ ни чему вѣрить, пока Макферсонъ не представитъ подлинниковъ своихъ поэмъ. Но споры, касательно двойнаго зрѣнія, могутъ быть гораздо затруднитель-

нѣе, ибо рѣчь идетъ не о поддѣлкѣ поэмъ, но о какомъ-то странномъ и таинственномъ прибавленіи къ физиологій человека.

Въ 1819 году, нѣсколько наблюдателей, не боясь большинства голосовъ невѣрующихъ въ двойное зрѣніе Англійскихъ естествоиспытателей, издали въ Глазговѣ, подъ названіемъ: *Treatises on second sight*, собраніе всего, что было писано объ немъ въ Шотландіи. Но ихъ сборникъ ни сколько не объясняетъ естественныхъ причинъ, утверждая только въ одномъ, что двойное зрѣніе дѣйствительно существуетъ, а не есть вздорное народное повѣрье. Книга, о которой мы говоримъ, почти неизвѣстна въ Англіи, или, лучше сказать, Шотландіи, и въ Парижѣ есть только одинъ экземпляръ ея, у искуснѣйшаго изъ Французскихъ магнетизеровъ, доктора Шапелена. Въ ней собраны всѣ нелѣпости, какъ-то: исповѣданіе Теофила Инсулануса, рассказы Фразера, Мартина, Джонъ-Аубрея, гдѣ столько чертовщины, что Глазговскій сборникъ непременно сожгли бы въ Парижѣ, явись онъ даже въ прошедшемъ столѣтіи. Таинства двойнаго зрѣнія, или *deuteropsopie*, подвергаются въ нихъ изслѣдованіямъ подъ формою стиха Горациева, долженствующаго заставить молчать невѣрующихъ:

. . . Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non his utere mecum.

А за тѣмъ слѣдуютъ стихи Катона, которые можете почестъ, если не эниграммою, то философскою сентенціею:

Quoc quicumque velis scriptum cognoscere, lector,
Quum praecepta ferat quae sunt gratissima vitae;
Commoda multa feres. Sin autem spreveris illud,
Non me scriptorem, sed te neglexeris ipse.

Самая любопытная статья в Глазговском сборнике, без сомнѣнія, есть курьезная книжца Теофила Инсулануса, изданная гдѣкогда в Эдинбургѣ, въ 1763 году, съ посвятителнымъ посланіемъ сочинителя къ сирѣ Гари Монро Фулесскому Баронету, и о которомъ мы и не упомянули бы, если бы ясновидящій авторъ книжицы, смѣшивая набожность съ сатирою, не приводилъ въ параллель благочестія Шотландцевъ и безбожія Французовъ его времени. Ненависти, возбужденной противъ Французовъ тогдашней войною, можетъ быть любопытнымъ памятникомъ это посвященіе, гдѣ ясновидѣніе Гебридское поставлено противъ философіи XVIII-го вѣка, какъ доказательство религіозное. Книга Теофила Инсулануса была потомъ забыта, и этого очень жаль, потому, что въ ней, въ первый разъ, хотя и суевѣрно, но подробно были изображены диковинки двойнаго зрѣнія, и между Шотландцами укрѣпилось вѣрованіе въ нихъ.

Что двойное зрѣніе есть обыкновенный результатъ атмосферическаго феномена, свойственнаго горнымъ странамъ, и что оно, указывая на неизвѣстныя намъ способности человѣка, есть частное уклоненіе въ темпераментъ и организаціи, чѣмъ отличаются Гебридскіе ясновидцы — это составляетъ рядъ наблюдений, весьма занимательныхъ. Фата-Моргана Сицилійскія, миражи въ степяхъ Аравійскихъ и Брокенское привидѣніе, суть явленія, принадлежащія къ одному роду съ Гебридскимъ ясновидѣніемъ. Въ 1743 году, замѣтили на Соутерь-Фелль, Кумберландской горѣ, удивительное явленіе, бывшее вѣрнымъ снимкомъ съ привидѣнія Брокенскаго. Гора эта около полумили вышиною, и съ сѣвера и запада окружена островерхими утесами; она складывается съ востока, и отсюда всходить на нее. Въ Вильтонъ-Галлаз, отсто-

щемъ отсюда на полъ-мили, лѣтнимъ вечеромъ, мызникъ и работникъ его, сидя у дверей своего дома, увидѣли человѣка и собаку, слѣдующихъ за лошадьми по краю Соутерь-Фелльскихъ стремнинъ. Мѣсто это было такъ круто, что лошади едва могли держаться, но онѣ бѣжали, по видимому, весьма скоро, пока все исчезло изъ глазъ во внутренности горы. На другой день, утромъ, пошли смотрѣть не свалился ли въ пропасть человѣкъ, ходившій по вершинамъ горнымъ, но не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ, ни лошадиныхъ, ни человѣческихъ.

На слѣдующій годъ, 25-го Іюня явленіе повторилось гораздо страннѣе. Въ 7¹/₂ часовъ вечера, тотъ же мызникъ работникъ, жившій тогда въ Блакбилль, также въ полу-миль отъ горы, бывши на низу передъ овчарнею, увидѣлъ отрядъ всадниковъ, въ порядкѣ и весьма быстро скачущихъ по вершинамъ Соутерь-Фелльскимъ. Смотрѣвши на нихъ нѣсколько времени, работникъ позвалъ своего хозяина, который также ясно видѣлъ воздушное войско, и вскорѣ всѣ жители мызы вышли и смотрѣли на него. Всадники, казалось, взбѣжали съ нижней части горы, и двигались къ высотѣ Нольтской; по тому правильно объѣзжали около вершинъ, равнялись съ Блакбиллемъ, гдѣ опять спускались, описывая такимъ образомъ родъ спирали къ низменностямъ горы. Вада ихъ была ровная и скорая, какъ будто на прогулкѣ, и ряды ихъ продолжались часа два, до самой ночи. Цѣлые полки могли проѣхать во все это время; иногда иной отставалъ и старался потомъ догонять другихъ. Все это замѣчено всеми зрителями, и точка зрѣнія не была только въ Блакбилль, но жители всѣхъ окрестностей могли видѣть явленіе со всѣхъ сторонъ, въ окружности отъ горы на мило. Необыкновенное событіе это засвидѣтель-

ствовано было в судъ, въ Июль 1745 года, и 26 человекъ самовидцовъ утвердили показаніе объ немъ.

Соутеръ-Фельскія привидѣнія были недавно съ насмѣшкою упомянуты въ Дублинскомъ Quarterly Review. Но время безвѣрія для насъ уже миновалось, и умъ Эразма или Вольтера никого не убѣдитъ теперь своими насмѣшками. Прихотливыя и неопредѣленныя появленія знаменитаго острова Брандона, который всѣ видали, и на которомъ ни кто не бывалъ, не смотря на его сосѣдство съ Tenerifomъ, также подвергаются насмѣшкѣ Дублинскаго журнала, который заключаетъ, шутя болѣе, нежели разсуждая, что чувства наши обманываютъ насъ и природа играетъ обманомъ ихъ. Для чего же не предположить лучше, что тайны природы еще не открыты нами? Привидѣнія Соутеръ-Фельскія, Брокенскія, и то явленіе, при которомъ часто жители Суссекса видятъ приближеніе къ себѣ береговъ Французскихъ, всѣ сіи феномены различныхъ и достовѣрныхъ миражей, кажется, однородны съ Сицилійскою *fata morgana*, которая ни что иное, какъ воздушное преломленіе отъ города Реджіо въ зеркаль водъ Мессинскаго залива. Допустивъ такое предположеніе, не должно ли и двойное зрѣніе, перѣходящее за вычеты современныхъ знаній, положить чѣмъ нибудь превосходящимъ предѣлы современной физики и — даже метафизики?

Всадники Соутеръ-Фельскіе походятъ также на привидѣніе лошади (*keelie*), которое прежде такъ часто бѣгало по Шотландскимъ озерамъ, въ туманные вечера, и исчезло съ тѣхъ поръ, какъ начали изыскивать атмосферическія причины этого привидѣнія. Лохъ-Тайская *keelie* явилась въ послѣдній разъ въ 1809 году, когда видѣли на ней сидящихъ четы-

рехъ дѣтей. Сень-Оранская легенда, которою воспользовался В. Скоттъ, не отвергаетъ двойнаго зрѣнія, и *Бѣлая женщина*, и *Госпожа озера* славнаго романиста являются на берегахъ Шотландскаго лоха (*loch*), показывая, что водѣ и туману надобно многое приписать въ этихъ чудесахъ Каледоніи лѣтописис Эдимбурга, при чемъ не должно забывать горнаго положенія сей столицы Шотландской и близости къ ней моря, говорить о воздушныхъ битвахъ, которыя видимо производимы были войсками. Знаемъ, что подлѣ такого явленія, физиологически возможнаго, народное преданіе ставитъ нелѣпыя подробности какъ-то: звуки трубъ, крики умирающихъ. Но если подобныя подробности отнимаютъ вѣру въ явленіе, двойное зрѣніе Гебридцевъ не обезображивается ни чѣмъ подобнымъ. Потому, ихъ преимущественно можно причислить къ обстоятельствамъ, изъясняемымъ наукою, по крайней мѣрѣ неотвергаемымъ ею.

И такъ, утвердимъ, что двойное зрѣніе не выдумка, и что вещественныя условія его могутъ быть изъяснимы, но нравственныя отношенія, но участіе въ нихъ ума и сердца, являющихся здѣсь посредниками, и подлѣ формами столь многообразными, кто все это изъяснить намъ? Ни слова объ идеяхъ Карла Фурье, но хотите-ли слышать суевѣрное мнѣніе, какое существуетъ о мертвецахъ между Шотландцами и особливо Гебридцами? Вотъ оно: «душа человѣческая» говорятъ они, «не оставляетъ комнаты, гдѣ умеръ человекъ, пока не похоронятъ тѣла его. Она летаетъ кругомъ смертнаго ора, и если начать съ ней говорить извѣстными словами, она можетъ опять войти въ тѣло, оживить его на минуту, и покойникъ будетъ отвѣчать, особливо если спрашивать его о причинахъ смерти. И не одна ду-

ша покойника остается въ его комнатѣ, по души всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ приходятъ бесѣдовать съ нимъ, и чуть раздражите ихъ, онъ ляжетъ держоку. Потому надобно, либо совершенно запереть комнату, и не пускать туда невидимыхъ гостей, либо отворить двери и дать имъ свободный входъ и выходъ.» — Странная смѣсь нелѣпыхъ суевѣрій, по не угодно ли разувѣрить въ ней Гебридцовъ?

Не станемъ разыскивать, откуда взялись сіи повѣрья. Суевѣріе, какъ женщина: самая остроумная, самая поэтическая часть всѣхъ ихъ безотчетна. Не странно ли однакожь, что психологія Фурье, съ ея ароматическими душами, является у грубыхъ жителей Клейды? Таково непостоянство нашего ума: скептикъ сегодня, завтра онъ повѣритъ самой нелѣпой бреднѣ, отъ которой вѣка отделили его. Не думаете ли вы, что мы отказались отъ древнихъ суевѣрій? Нимало — суевѣрія проходятъ вѣка, наравнѣ съ истинами. Иногда помyslите даже, что они безсмертны, какъ истина; не слѣдуетъ ли однакожь, не отвергая ихъ, какъ безсвязную нелѣпость, разбирать: нѣтъ ли въ нихъ какого нибудь основанія? нѣтъ ли зерна истины, отъ котораго начинались они? Просыпанная соль считалась у Древнихъ, остается и нынѣ предметомъ болзни; на пятницу, на понедельникъ наложено какое то суевѣрное опасеніе. Вы не вѣрите этому? Прекрасно, но почему не вѣрите вы? Просто не вѣрить, значить столько же опровергать, сколько утверждаютъ тѣ, кто безъ причины вѣрять. Почему знаете вы, что не скрывается тутъ чего либо такого, что еще узнаемъ мы при большей опытности, при большемъ совершенствѣ нашихъ знаній? Въ наше время, многихъ можно уподобить философу Арцезилаю, который, то смѣялся надъ предразсудками, то страшился ихъ, и утверждалъ постоян-

но только одно, что родъ человѣческой осужденъ на *акатаlepsis*, то есть — невозможность открыть тайны міра.

Двойное зрѣніе Шотландцевъ можно однакожь почитать одною изъ тѣхъ чудесностей, уголокъ занавѣса надъ которою уже поднятъ; мы еще не все здѣсь видимъ вполне, но уже видимъ многое. Идя методомъ анализа, и не требуя отъ нашихъ изслѣдованій математической строгости выводовъ, мы получимъ здѣсь результаты, которыхъ можно ожидать отъ совершенно положительныхъ изслѣдованій. Согласимся прежде всего, что многія естественныя явленія можемъ мы только чувствовать, но не доказать. Они такъ явны, что ихъ надобно непременно предполагать, если и нельзя подвести подъ выводъ положительный. Потому, если и выходящее изъ общаго порядка вещей дѣло показываетъ намъ недостатокъ синтеза нашего въ семъ отношеніи, его должно предположить, а изъясненіе отнести къ особеннымъ, невѣдомымъ намъ причинамъ. Возьмемъ для примѣра Кумберландское явленіе, гдѣ всѣ подробности соединяются противъ нашихъ методовъ умозрѣнія, если изъяснять ихъ вещественно.

Г-нъ W. издатель Теофила Инсулануса, рассказывалъ столь любопытныя подробности о воздушномъ Соутеръ-Фелльскомъ явленіи, въ предисловіи своемъ къ Глазговскому изданію 1819 года, прибавляетъ замѣчаніе, что они были на канувъ возмущенія, въ то самое время, когда вооруженные всадники, думая скрытъ въ тайнѣ свои движенія, которыми готовились они къ битвѣ на другой день, маневрировали на своихъ лошадяхъ. И поелику отражательная, или подражательная видимость Брокенскаго привидѣнія показываетъ намъ, что движенія чловѣка могутъ иногда показываться въ зеркалѣ облаковъ, почему

Т. V. — Отд. III. 37.

не предположить того же самого и въ явленіи Кумберландскомъ? Именно, что весьма тонкіе пары окуждали Кумберландскую гору въ часъ явленія, и въ семь случаевъ особенное дѣйствіе тѣней, произведенное игрою лучей солнечныхъ, соединяясь съ другими уравненіями отраженій и атмосферическими условіями, еще неизвѣстными намъ, представило на облачной оболочкѣ горы вѣрное изображеніе формъ человѣческихъ, ихъ цвѣтовъ и движеній? Подобное истолкованіе, приводя насъ къ естественнымъ законамъ миража, съ перваго взгляда, кажется, достаточно изъяснить всю тайну. Но мы допустили здѣсь атмосферическія условія, еще неизвѣстныя намъ. Безъ нихъ невозможна самая существенная часть явленія, да какъ рѣшить, что они связываются, можетъ быть, съ бытіемъ особенныхъ способностей, которыя должно въ такомъ случаѣ допускать въ физиологической организаціи человѣка? И даже, когда изумительныя отношенія между снами, магнетическимъ сомнамбулизмомъ, вступленными положеніями, и со всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ неизъяснимо въ нервической системѣ человѣка (даже не предполагая при семъ случаевъ никакихъ сомнѣній и предметовъ для изслѣдованія) могутъ быть приняты, тѣмъ не менѣе все еще должно остановиться слѣшкомъ поспѣшнымъ рѣшеніемъ о странностяхъ двойнаго зрѣнія, и особенно о томъ, что способность жителей Гебридскихъ требуетъ особенныхъ органическихъ условій въ человѣкѣ, который ею обладаетъ. Будь двойное зрѣніе слѣдствіемъ обыкновеннаго атмосферическаго явленія, закона чисто и просто физическаго, всякій Гебридецъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, непременно былъ бы къ нему способенъ. Но этого нѣтъ. И здѣсь не-

обходимо надобно войти въ разсмотрѣніе частности, касательно жителей Сень-Кенльда и Остига.

Двойное зрѣніе принадлежитъ тамъ вообще людямъ сложенія меланхолическаго, у которыхъ глаза слабы, зрѣніе нежно, нравъ робкій и впечатлѣнія подвижны. В. Скоттова Фенелла, и всѣ типы лицъ болѣзненныхъ, выводимыхъ такъ охотно, и иногда съ излишествомъ, романистами нашего времени, должны быть включены въ сію категорію. Но такая нервическая чувствительность не исключаетъ силы мускуловъ и плотныхъ плечъ, простыхъ привычекъ и грубаго воспитанія. И если мы согласимся, что Макферсонъ, въ своей Оссіановской поэзіи, заставляя пѣть хоры бардовъ и героевъ въ туманныхъ облакахъ, слѣдовало только народному повѣрью, почерпнутому изъ рассказовъ о двойномъ зрѣніи, то можемъ предположить, что въ баснословныя времена, духовныя силы и тѣлесныя способности Каледонцевъ болѣе нынѣшняго были сгармонированы. Барды, пѣвцы которыхъ были столь величественны, а лица столь прекрасны, хорошо владѣли притомъ мечемъ и копьемъ. Наконецъ, особенности темперамента, раскрывающіяся на Гебридахъ, въ уроженцахъ сихъ острововъ, и въ чужеродцахъ, когда они тамъ поселяются, описанныя нами выше со всею историческою точностью, не доказываютъ ли, что мѣстныя причины могутъ до того уравнивать и измѣнять организацію, что съ пріобрѣтеніемъ надлежащихъ къ тому качествъ, она дѣлается способною, еродною сямпатизирующею съ таинственными причинами, рождающими двойное зрѣніе?

Это столь истинно, что на Гебридахъ вовсе не находимъ частной болѣзненности, въ другихъ странахъ предрасполагающей къ экстазу. Ясновидящіе Гебридскіе задумчивы, робки, но трезвы и добродѣ-

ны. На Сент-Кейльдь совсѣмъ нѣтъ развитія безумства, которое переносить въ рай Цариградскихъ *теприаковъ*, ибо особенное состояніе, въ какое приходятъ употребляющіе опиумъ, уже подходит нѣсколько къ восторженному изступленію ясновидящихъ Востока. Истерика, лишеніе умственныхъ способностей, покушеніе на самоубійство, суть дѣйствія совершенно неизвѣстныя на Гебридахъ. Мы уже видѣли, что и Джонсонъ не предполагалъ въ Гебридцахъ какогонибудь фанатическаго обмана, сознавался въ добродушіи и грубости нравовъ большей части ясновидящихъ тамошнихъ. Иногда ясновидѣніе находить на нихъ такъ нечаянно, что явно доказываетъ невозможность какойнибудь поддѣлки и обмана. Въ трактирѣ Киллина, городка области Пертской, ясновидящій сидѣлъ за столомъ, когда за тотъ же столъ помѣстился какой-то незнакомецъ. При видѣ этого челоувѣка, ясновидящій затрепеталъ и бросился бѣжать. За нимъ погнались, схватили его, и онъ объявилъ, что незнакомецъ, черезъ два дня, погибнетъ на эшафотѣ, прибавляя къ тому, что при видѣ его чувствуетъ онъ какой-то, самому ему непостижимый ужасъ. Незнакомецъ слышалъ все это, разсердился, и въ бѣшенствѣ поразилъ несчастнаго предвѣщателя своимъ клайморомъ. Убийцу судили, и черезъ два дня онъ былъ казненъ по предвѣщанію ясновидящаго.

Особенно замѣчательно то, что двойное зрѣніе бываетъ иногда наследственно въ нѣкоторыхъ семействахъ, изъ коихъ составляютъ кланы Гебридскіе. Книга Теофила Инсулануса представляетъ имена и происхожденія двѣнадцати членовъ семейства Макъ-Леодъ, относительно двойнаго зрѣнія, и тутъ находимъ мы имена значительныя, каково имя Макферсоново. Не приводимъ здѣсь всѣхъ разсказовъ объ нихъ — удивительныя и страшныя въ основаніи, они почти всѣ

однообразны. Такое однообразіе не льститъ воображенію, но представляетъ однакожь частное доказательство достовѣрности ихъ происхожденія; если различные разсказы сообразуются въ большей части своихъ подробностей, надобно предположить, что между ними есть невидимая, но дѣйствительная связь. Главнѣйшія мѣста острововъ Гебридскихъ, Сент-Кейльда, Скей, Остигъ, Стронтианъ, Тири, Колль, Миссинишъ, Левисъ, Исла, Бей, Инсей, Оренсей, Соуть-Уистъ, суть мѣста событій двойнаго зрѣнія, которое рѣдко переходитъ за предѣлы области Инвернесской, но иногда показывается и въ другихъ мѣстахъ Шотландскаго моря, на островѣ Манъ, островахъ Оркадскихъ. Большая часть дѣйствующихъ лицъ у Теофила Инсулануса суть набожные простолудины и усердные къ званію своему духовные люди. Это изъясняется наклоностью описателя къ мистицизму, ибо онъ видитъ въ двойномъ зрѣніи способность предвидѣть будущее. Этому же приписать можно великолѣпіе слога, особливо когда разсказъ касается прямо Макъ-Леодовъ Левисскихъ. Теофиль Инсуланусъ истощаетъ странныя формулы и описательные образы, желая изобразить преимущества, которыми столь щедро надѣлила природа гордыхъ потомковъ Норвежскихъ властителей, можетъ бытъ въ награду за потерянное ими королевство.

Между анекдотами Инсулануса есть одинъ, который, не показавъ намъ страннымъ болѣе всѣхъ, по подробности коего позволяютъ нѣкоторое сближеніе съ другими явленіями того же рода.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, поручикъ Армстронгъ, офицеръ одного Шотландскаго полка, проѣзжая къ Макъ-Леоду въ Портъ-Ри, на островахъ Гебридскихъ, переѣзжалъ черезъ гору Горниеваль за Лоунъ-а-Хлепшишъ, когда вдругъ увидѣлъ въ низу, въ долину, сол-

дата своей роты. Онъ тотчасъ спросилъ у своего слуги, виднѣть-ли онъ солдата, но слуга отвѣчалъ, что не виднѣть. Между тѣмъ, оба они слѣдовали по одной дорогѣ и шли вмѣстѣ. Поручикъ Армстронгъ замѣтилъ, что виднѣе исчезло не вдругъ, но постепенно, какъ будто проходящій мимо человекъ, удаляясь отъ зрѣнія и уменьшаясь вдаль. Сошедши съ горы, офицеръ и слуга его тщательно искали солдата, виднѣнаго съ горы, но напрасно — тамъ не было никого. По собственному разсказу офицера, это чудесное явленіе можно было почестъ ошибкою зрѣнія, *descriptio visus*, по которому иногда мы принимаемъ одни предметы вмѣсто другихъ, но потомъ открылось, что то было зрѣніе воображенія. На другой день, курьеръ привезъ извѣстіе въ Портъ-Ри о смерти его сержанта, умершаго на канунъ, и именно въ тѣ минуты, когда офицеръ замѣтилъ его за Лоунъ-а-Хлеришъ. «Вотъ истинное *сповиднѣе бдлицаго*» (*waking dream*) прибавляетъ Инсуланусъ, «и это лучшее названіе, какое только можно дать *двойному зрѣнію*.»

Нельзя не вспомнить здѣсь событія, о которомъ говорятъ Томасъ Муръ въ Запискахъ Лорда Байрона. Оно доказываетъ, что двойное зрѣніе, съ удивительнымъ сходствомъ въ явленіяхъ, входитъ въ теорію сновъ. Слѣдовательно, неизъяснимая странность Гебридцовъ соединяется съ общностью тайныхъ способностей человека, которая, можетъ быть, откроютъ и изъяснятъ намъ физиологія и психологія наши.

Лордъ Байронъ, по разсказу Томаса Мура, плылъ по Ламаншу на купеческомъ кораблѣ, и такъ возбуждалъ къ себѣ довѣренность капитана корабля, что онъ разсказалъ поэту, какъ одинъ изъ его братьевъ показався ему во снѣ, въ самый часъ

своей смерти. Капитанъ былъ въ своей каютѣ. Онъ спалъ. Вдругъ виднѣть онъ во снѣ своего брата, блѣднаго, мокраго, какъ будто трупъ, только что выгашенный изъ воды. И въ то же время, проснувшись ли онъ, или сонъ его еще продолжался, неизвестно, но онъ открылъ глаза съ невольнымъ ужасомъ, и замѣтилъ, при свѣтѣ каютной лампы, мертвое тѣло, лежавшее на его постель въ ногахъ, и даже чувствовалъ страшную тяжесть его и холодъ. Съ начала ужасъ сдѣлалъ безмолвнымъ и неподвижнымъ смѣлаго моряка, но какъ онъ не былъ подверженъ суевѣрному страху, то протянулъ руку, желая удостовѣриться въ действительности явленія. Пальцы его прикоснулись къ чему-то холодному и мокрому. Тогда, пораженный сильнѣйшимъ страхомъ, не смѣлъ онъ пошевелиться, какъ дитя, закрылъ только крѣпко глаза, стараясь не видать ужаснаго привидѣнія. Когда же осмѣлился онъ взглянуть, уже все исчезло. Прибывши къ мѣсту своего назначенія, онъ узналъ, что братъ его, действительно, погибъ въ кораблекрушеніи у береговъ Голландіи.

Бывавшіе на морѣ подтверждаютъ, что нерѣдко, на кораблѣ какой нибудь пассажиръ, или морякъ, по невольному и внезапному предчувствію, за долго до настоящаго извѣстія, говоритъ, что такой-то корабль, тамъ-то погибаетъ. Когда извѣстіе такого предсказателя бываетъ передано другимъ, моряки не смѣютъ не вѣрить ему, можетъ быть, по суевѣрной привычкѣ, и говорятъ, что почти всегда подобное предсказаніе оправдывается на дѣлѣ. Тысячи случаевъ въ семь родѣ представляются нашему воспоминанію, и вѣролатно, каждый изъ нашихъ читателей помнитъ что нибудь подобное. Что же это такое: миражъ просто, или соединенный съ физиоло-

гическими причинами, основаніе коихъ намъ невѣдомо? Сосѣдство огромныхъ массъ воды есть обстоятельство, почти всегда неразлучное съ двойнымъ зрѣніемъ. Шотландія, Голландія, Норвегія, представляютъ со многихъ сторонъ, въ весьма тѣсномъ объемѣ, сосѣдство моря. Что касается до самаго дѣйствія водныхъ миражей, когда на человѣка находятъ необыкновенный нервическій пароксизмъ, оно является весьма странно, но достовѣрность его неоспорима и доказана. Въ разсказъ страшныхъ мученій, претерпѣнныхъ при извѣстномъ разбитіи Медуды, Савиньи говорить, что безпрестанное зрѣлище моря, присоединяясь къ страшнымъ страданіямъ гола, измѣняло въ глазахъ плователей поверхность морскую, и она дѣлалась, какъ будто зеркаломъ, въ которомъ отражались удивительныя видѣнія, хотя видѣвшіе ихъ были въ бодрственномъ состояніи и въ полномъ умѣ. Во время Испанской войны, плѣнныхъ Французовъ, которыми наполненъ былъ Кадиксъ, сослали, большею частию, на Балеарскіе острова, и особенно на островъ Кабреру, голую скалу, въ 4-хъ мѣ на югъ отъ Майорки. Положеніе Французовъ въ этомъ мѣстѣ ссылки было ужасно. Испанцы не заботились о прокормленіи своихъ плѣнниковъ, и они существовали только тѣмъ, что успѣвали добыть на охотѣ. Постоянное и сильное дѣйствіе страданій отъ голода на желудокъ, и потомъ на мозговую организацию многихъ, болѣе слабыхъ, соединяясь съ безпредѣльнымъ зрѣлищемъ океана, развило у нѣкоторыхъ въ оптическихъ органахъ необыкновенную способность. Въмѣсто скатерти водной, море казалось имъ безконечною долиною, не смотря на физическую и моральную увѣренность ихъ, что дѣйствительно только волны океана разстилаются окрестъ береговъ. Долина эта имѣла все разнообразіе предме-

товъ, представляющихся на обыкновенной долигѣ, и доказательство, что такое видѣніе подходило къ двойному зрѣнію, состоитъ въ томъ, что разнымъ людямъ представлялись разные, но всегда каждому одинакія подробности. Такимъ образомъ, въ странномъ припадкѣ Кабрерскихъ плѣнниковъ, мы видимъ обстоятельство, подтверждаемое многими событіями.

Возвышался постепенно въ послѣдовательныхъ категоріяхъ двойнаго зрѣнія, мы достигаемъ до способности предвѣщать, какую показываютъ одержимые имъ. Эта способность, замѣчаемая въ иступленіяхъ разнаго рода, въ Индѣйскихъ фанатикахъ, въ магнитизируемыхъ сомнамбулахъ, и вообще во всѣхъ, подвергающихся раздражительности нервической, есть новое доказательство о непонятныхъ для насъ началахъ двойнаго зрѣнія. Мы сами знали человѣка, у котораго былъ одинъ только сынъ, отправившійся на военномъ кораблѣ. Вдругъ отецъ видитъ во снѣ, что сына его убило ядромъ, печалится, разсказываетъ это всѣмъ. Однажды, въ неизъяснимой толкѣ, онъ идетъ на морской берегъ, и едва пришелъ онъ туда, къ нему подходит человѣкъ, вовсе ему незнакомый. «Я знаю, что хотите вы мнѣ сказать — вскричалъ несчастный отецъ — мой сынъ убитъ на кораблѣ ядромъ, когда онъ стоялъ подлѣ мачты...» И отецъ описалъ такъ вѣрно и подробно смерть сына своего, что самовидецъ, хотѣвшій извѣстить его, изумился вѣрности разсказа. — Какъ изъяснить это предсказаніе, за долго до событія? До сихъ поръ намъ изъясняютъ подобныя явленія какимъ-то гипозетическимъ предположеніемъ *шестого хуэста*, называя его *le sens intime*, но такое неопредѣленное названіе слабо отвѣчаетъ высшимъ качествамъ души человѣческой, которое этому шес-

стому чувству позволяют занимать *ad interim*. — Теперь, подлѣ Драгиньина, въ Фиганьерь, живетъ молодой человекъ, 22-хъ лѣтъ, никогда нигдѣ небывавшій, и знающій только дорогу отъ своей деревни до Ниццы, а между тѣмъ, въ магнетическомъ снѣ, онъ обладаетъ невѣроятною способностью переноситься куда угодно, и описывать то, чего никогда онъ не видывалъ. Не думаю, чтобы вычеты Монжа о запахахъ миража достаточны были къ разрѣшенію сей проблемы. Здѣсь суевѣріе Шотландцевъ положительнѣе вычетовъ математики. Они согласны лучше увѣриться въ томъ, что видятъ и не понимаютъ, когда наши ученые отвергаютъ видимое, потому только, что изъяснить его не могутъ.

Сеофиль Инсуланусъ въ книгѣ своей представляетъ нѣсколько анекдотовъ, странныхъ не менѣе видѣнія Шотландскаго поручика, именно способностью предвѣщанія, которою ясновидящіе находятъ себя одаренными въ то время, когда нечаянно получаютъ способность двойнаго зрѣнія. Два такіа предвѣщанія означили смерть Генриха Стурта Шотландскаго.

За нѣсколько мгновеній до его убійенія, одинъ бѣднякъ по имени Джемсъ Лунденъ, съ издавна больной жестокою лихорадкою, тяжело поднялся на своей постели, въ самый полдень, когда Генрихъ былъ убитъ, и вскричалъ громкимъ голосомъ: «Помогите, помогите! Они убьютъ его!» Едва только произнесъ онъ сіи слова, какъ голосъ его сдѣлался слабъ, мраченъ, и онъ сказалъ: «Теперь уже поздно — они убили его!» — Бѣднякъ и самъ не долго жилъ послѣ своего предвѣщанія, которое, какъ будто уничтожило послѣднія его силы.

Другое обстоятельство еще чудеснѣе. Трое друзей графа Атоля, кузена Генрихова, люди умные и храб-

рые, жили въ одномъ домѣ, неподалеку отъ дворца Стюартова. Когда они спали, въ самую полночь, кто-то приблизился къ Дюгальду-Стюарту, лежавшему къ самой стѣнѣ, и тихонько повелъ у него по бородѣ и щекамъ. Тотъ проснулся и услышалъ что ему говорить кто-то: «Встань! Наслѣ!» — Пробудившись совершенно, Дюгальдъ съ изумленіемъ размышлялъ о своемъ видѣніи, когда одинъ изъ его товарищей (они все трое спали на одной кровати) вскричалъ со страхомъ: «Кто меня трогаетъ?» — Вѣрно кошка — отвѣчалъ Дюгальдъ. Но тутъ и третій, еще спавшій, вдругъ вскочилъ и спрашивалъ: для чего ударили его по уху? Все они не знали, какъ изъяснить это странное событіе, тѣмъ болѣе, что всѣмъ имъ показалось, какъ будто кто-то вышелъ изъ комнаты. Настало утро. Они терлись въ догадкахъ, и ничего не могли истолковать когда громъ отъ взрыва Генрихова дворца наполнилъ ихъ ужасомъ, и они сознались, что каждый изъ нихъ предвидѣлъ погибель Генриха, но ни одинъ другому ничего не смѣлъ сказать.

Въ разсказъ Инсулануса повторяется просто разсказъ Буханана, изъ его Исторіи Маріи Стуртъ и Генриха Дарилея (стр. 191, изд. въ листъ). Бухананъ собиралъ все анекдоты, какіе могъ собрать къ обивненію Маріи, не думая о достовѣрности. И такъ, нельзя вполне вѣрить видѣніямъ ни Лундена, ни трехъ товарищей Атоля. Это могли быть пустыя народныя сказки. Но онѣ идутъ изъ Шотландіи, а Шотландія есть классическая земля двойнаго зрѣнія.

Не должно также, при разысканіяхъ и случаяхъ, которые пересказываютъ намъ Инсуланусъ, Муръ и вообще Шотландцы, забывать особеннаго характера происхожденія сихъ разсказовъ — мистицизма, свой-

ственного самымъ просвѣщеннымъ людямъ сей части Великобританіи. Это весьма сильно затрудняетъ изученіе двойнаго зрѣнія. Когда рассказываютъ вамъ что нибудь, вы не знаете, происходитъ ли это отъ мистическаго преданія, или составляетъ мѣстный фактъ. При невозможности изяснить чудеса двойнаго зрѣнія, повѣствователи увлекаются тою подчиненностью ума неопредѣленному чувству внутреннему, которую такъ краснорѣчиво изложилъ Бролье въ слѣдующихъ словахъ:

«Человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ множество вѣрованій, которыхъ имѣеть онъ сознаніе, но не имѣеть знанія, и которые безпрестанно возбуждаются въ немъ внѣшними фактами, но никогда не становятся особеннымъ предметомъ его мысленія. Между тѣмъ, сознаніями такого рода просвѣщается и предводителю умъ человѣческой. Они обилуютъ въ умъ самаго созерцательнаго философа, и часто направляютъ его скорѣе къ цѣли, нежели убѣжденіе умственное. Человѣкъ не преданъ только случайностямъ опыта и недостаточной робости своей науки....»

Такъ разсуждаютъ и Шотландскіе мыслители, когда двойное зрѣніе увлекаетъ ихъ виѣ міра чувствъ и физическихъ положеній. Здѣсь рѣшеніемъ вопроса о томъ, на что должно опереться, затруднился бы самъ Паскаль. Положимъ, что и Шотландцы и г-нъ Бролье ошибаются. Но, по крайней мѣрѣ, примѣръ Шотландскихъ мыслителей показываетъ, что двойное зрѣніе, даже и для просвѣщенныхъ людей, переводитъ мысль нашу въ область идей, еще мало понятныхъ нашей наукѣ.

Графъ де-Местръ, въ своихъ *Soirées de St. Pétersbourg* (разговоръ XI-мъ), говорилъ о точкѣ зрѣнія Католицизма на многіе предметы, правда, говорилъ съ предубѣжденіемъ, но въ то же время съ логикою

и пронцианіемъ, двойное краснорѣчіе конихъ неоспоримо, если рѣчь идетъ о графѣ де-Местрѣ, выражается между прочимъ такъ:

«Матеріализмъ, губящій философію нашего времени, препятствуетъ ей видѣть, что ученіе о духахъ и предвѣщаніяхъ весьма просто и естественно, подтверждаясь притомъ всемірнымъ преданіемъ и чувствами каждаго изъ насъ. Неужели вы думаете, Древніе безъ основанія полагали, что даръ предвѣщанія можетъ принадлежать, при особенныхъ условіяхъ, человѣку? Это невозможно. Никогда человѣкъ, и еще болѣе народъ, и цѣлые народы и поколѣнія, не покажутъ общаго и постояннаго стремленія къ чему либо противному ихъ природѣ. Но не вѣчно ли болѣзнию человѣка было и осталось желаніе предугадывать будущее? По моему мнѣнію, это вѣрное доказательство, что стремленіе къ тому заключено въ природѣ человѣка, и, слѣдовательно, можетъ бытъ иногда осуществлено событіями. Выхода изъ предѣловъ времени и пространства, предвѣщатель необходимо долженъ впадать въ общности, и потому частности у него смѣшиваются, и языкъ его дѣлается темень и непонятенъ. Такимъ образомъ, изъ судебной астрологіи, отвѣтовъ сивилъ и оракуловъ, гаданій всякаго рода, злоупотребленіе которыхъ, безспорно, безславилу умъ человѣческой, можно однакожь извлечь то непремѣнное правило, что всему этому было какое-то основаніе, что это основаніе врожденно человѣку и всегда будетъ тревожить его. Во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ старался проникнуть въ будущее, человѣкъ показываетъ, что онъ не созданъ для временнаго, ибо время есть нѣчто принужденное, стремящееся кончиться (*quelque chose de forcé qui ne demande qu'à finir*). Отсюда происходитъ, что въ сновидѣніяхъ нашихъ, мы терлемъ идею вре-

мени. Кажется, Макиавель первый сказалъ, что каждое великое событіе чѣмъ нибудь предвѣщается. Исторія оправдываетъ сіи глубокомысленныя слова, и въ наше время доказательства ихъ очевидны по собственному нашему опыту....»

Остановимся здѣсь. Графъ де-Местръ одинъ изъ тѣхъ людей, которыми немногими словами вызываютъ множество мыслей и дополненій. Въ словахъ его видно предубѣжденіе, но видны и умъ, а умъ, какъ говорилъ Шенье, *est la raison qui finement s'exprime*. Оставляемъ подробности до слѣдующей статьи.

André Delrieu.

=

IV.

К Р И Т И К А.

ANTIQUITATES AMERICANAE, sive Scriptores Septentrionales rerum Ante-Columbianarum in America. (Американскія Древности, или извлеченія изъ Старинныхъ писателей, касательно Америки до времени Колумба). Копенгагенъ, 1837 года.

SAMLING af de i Nordens Oldskrifter indeholdte Efterretninger om de gamle Nordboers Opdagelsesreiser til America, fra det 10-de til det 14-de Aarhundrede (Соврѣнное доказательство, находящихся въ старинныхъ Старинныхъ писателяхъ, касательно путешествій и открытій въ Америкѣ Старинныхъ мореплавателей, отъ 10-го до 14-го столѣтій). Издавъ Королевскимъ Обществомъ Изыскателей Древностей. Копенгагенъ, 1837 года.

Мы увѣрены, что найдутся многие, которые узнаятъ съ меньшимъ неудовольствіемъ, какъ и удивленіемъ, что Америка была открыта за пять столѣтій до Христофора Колумба. — Слава этого великаго человѣка столь священна потомству, что немногго одобренія и благорасположенія должны ожидать отъ него историческіе критики, которые, по мнѣнію многихъ, стараются затмить ее. Но прежде всего, мы обязаны замѣтить, что тѣ изъ нашихъ читателей которые, убѣдясь въ достовѣрности открытія Нового Свѣта Нордманнами, почтутъ сіе обстоятельство хотя нѣсколько невыгоднымъ славу Колумба, плохо понимаютъ и цѣнятъ великость подвига знаменитаго Генуесца. Идея, воодушевившая Христофора Колумба на плаваніе черезъ Атлантическій океанъ, не

имѣть ничего общаго съ побудительными причинами путешествій Скандинавскихъ морскихъ разбойниковъ. Такимъ образомъ, рѣзкое различіе существуетъ между достоинствами открытій Колумба и открытій Нордманновъ, если только мы примемъ въ соображеніе обстоятельства и расчеты, приведшіе его и другихъ къ великимъ открытіямъ. — Путешествіа Нордманновъ ознаменованы обыкновенною занимательностію новыхъ событій, гдѣ самыя великія происшествія свершаются неожиданно; рядъ счастливыхъ случайностей, приводившій сихъ плователей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ отъ одного берега къ другому, привелъ ихъ наконецъ къ берегамъ Америки. Они шли по морямъ, гдѣ купы острововъ расположены въ недалекомъ разстояніи одни отъ другихъ, такъ, что удача первой попытки мореплавателя ободряла его и невольно заманивала далѣе и далѣе впередъ. По тому дѣяніа Нордманновъ, не только не превосходятъ заслуги Колумба, но по самому сравненію съ его дѣлами, еще болѣе возвеличиваютъ блескъ славы отважнаго Генуесца. Послѣ многолѣтняго размышленія, носясь мыслію за предѣлами извѣстнаго міра, онъ осуществилъ великую мечту своего воображенія, воспламененнаго одною постоянною, глубокою идеею; онъ доказалъ гениальность своего предположенія открытіемъ, величайшимъ изъ всѣхъ, до толь свершенныхъ. Открытіа Нордманновъ, не имѣвшіе ни цѣли, ни предмета, не возбудили соревнованія въ комъ и легко погрязли въ забвеніи, но открытіе Колумба, основавшееся на самыхъ отвлеченныхъ и не определенныхъ надеждахъ, было велико даже и въ своихъ немедленныхъ послѣдствіяхъ; оно поколебало цѣлое чловѣчество, сообщивъ ему жаръ познаній, неохладѣвавшій въ продолженіе столѣтій.

Всѣ сіи соображенія казались намъ нужными, для отклоненія упорства сомнѣвающихся въ справедливости притязаній древнихъ сѣверныхъ открывателей

Америки. Мы знаемъ, какъ опасно являться оспоривателями всеобщаго мнѣнія, утвердившаго имя героя въ удивленіи чловѣчества; желаніе не допускать того, что можетъ соперничать съ нимъ въ славѣ, весьма естественно, и потому не мудрено, что все могущее въ разказахъ Нордманновъ казаться неяснымъ и не вѣроятнымъ, будетъ обращено въ несомненное доказательство ихъ недостоверности. Между тѣмъ, повѣствованія объ ихъ плаваніяхъ принадлежатъ къ числу самыхъ простодушныхъ и безпритязательныхъ разказовъ, изъ всѣхъ когда либо писанныхъ о подобныхъ важныхъ обстоятельствахъ. Правда, что есть въ нихъ мѣста темныя и загадочныя; многія подробности, занимательныя для насъ теперь, казались сѣвернымъ авторамъ мало важными, и потому, для полнаго понятія ихъ нынѣшнимъ читателямъ, недостатокъ въ необходимыхъ поясненіяхъ часто ощутителенъ. Но читатель безпристрастный и не гордящійся излишнимъ упорствомъ въ принятыхъ однажды идеяхъ, не откажетъ въ совершенной довѣренности общимъ заключеніямъ, и не отвергнетъ того, что повѣствованія Нордманновъ обладаютъ въ высшей степени точностію и вѣрностію, какихъ только можно ожидать отъ историковъ столь отдаленнаго времени, писавшихъ съ памяти изустныхъ преданій.

Открытіе Америки Нордманнами стараются доказать уже не въ первый разъ, но доказательства не были до нынѣ опубликованы достаточнымъ и убѣдительнымъ образомъ. — Еще въ 1570 году Ортелиусъ хотѣлъ утвердить за Нордманнами славу первыхъ открывателей Новаго Свѣта. Но онъ страннымъ образомъ выказалъ случайность и прихотливость, которыя часто служатъ основаніями принимаемыхъ людьми мнѣній. Не умѣя выставить истинныхъ заслугъ Скандинавскихъ открывателей, онъ предъявлялъ ихъ притязанія на ложныхъ основаніяхъ, введенный въ

заблужденіе повѣствованіемъ о путешествіяхъ въ Америку Венеціанцевъ Зени, которыхъ какъ намъ теперь известно, никогда не бывало; онъ предполагалъ, что Америку открыли Нордманны, которыхъ эти Венеціанцы сопровождали въ XII-мъ столѣтіи. Изъ того торжественно выводилъ онъ, что Колумбъ заслуживаетъ благодарность потомства только за одно, что онъ первый началъ и установилъ прочное сношеніе Европы съ за-атлантическимъ материкомъ.

Точное описаніе Скандинавскихъ открытій на западъ было сдѣлано Торфеусомъ (Torfaeus) въ его *Historia Vinlandiae Antiquae*, изданной въ 1705 году, и въ его *Grönlandia Antiqua*, явившейся въ свѣтъ въ 1706-мъ году. — Но сіи творенія сдѣлались скорѣ слишкомъ рѣдки; ихъ не перепечатавали, и потому даже на Сѣверь считались они одною изъ самыхъ драгоценныхъ библиографическихъ рѣдкостей. — Сочиненія Сума (Suhm) и Шенинга (Schöning), Линдеборга (Lindeborg), и Шредера (Schröder), изъ которыхъ можно было почерпнуть любопытныя свѣдѣнія, будучи писаны на Сѣверныхъ языкахъ, да и то больше являясь въ періодическихъ изданіяхъ, не пользовались обширною Европейскою известностью. Джонъ Рейнгольдъ Форстеръ, въ своей *Исторіи открытій и путешествій на Сѣверь*, и нѣкоторые другіе писатели, слѣдовавшіе по его стопамъ, приписывали открытіе Америки Нордманнамъ, не входя между тѣмъ ни въ какія подробности обстоятельствъ и не ссылаясь ни на чье свидѣтельство. Такія неизясненныя показанія кажутся весьма естественно послѣдствіями укоренившихся предубѣжденій. Единственный способъ убѣдить читающій міръ въ какомъ нибудь дѣлѣ есть, безъ сомнѣнія, изданіе документовъ, его доказывающихъ. Такой-то трудъ, въ разбираемомъ нами обстоятельствѣ принялъ на себя г. Рафнъ (Rafn) и уже дошелъ до половины своего дѣла, когда Датское Королевское

Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ, котораго г-нъ Рафнъ секретарь, рѣшилось взять предпріятіе на свои руки; результатомъ того былъ красивый томъ, заглавіе котораго находится въ началѣ нашей статьи. Типографическое его выполненіе хорошо оправдываетъ старанія, приложенныя г. Рафномъ и его со-трудниками, и не оставляетъ желать ничего лучше. Мы имѣемъ передъ глазами оригинальный Исландскій текстъ, съ различными толкованіями, и съ переводами на Латинскій и Датскій языки; въ сей части своего труда Издатель пользовался неогцненными пособіями ученыхъ Исландцевъ Финна Магнуса-на и Свейнбюрна Эгильссона. Самъ г. Рафнъ прибавилъ отъ себя ссылки и замѣчанія, съ географическими и историческими поясненіями.

Прежде нежели приступимъ мы къ исторіи первыхъ открытій Нордманновъ на Западъ, надобно сказать нѣсколько словъ, относительно источниковъ сей исторіи, и времени, числа и достоверности документовъ, изъ которыхъ она почерпнута. Изъ документовъ, составляющихъ томъ *Американскихъ древностей*, два имѣютъ особенную важность; мы имѣемъ основательныя причины быть увѣренными, что они писаны въ XII-мъ столѣтіи, или спустя два поколѣнія послѣ описанныхъ въ нихъ происшествій. — Первый изъ нихъ «*Отрывокъ о Эрикѣ Красномъ*», найденъ напечатаннымъ въ видѣ эпизодическаго отрывка изъ саги, или исторіи Короля Олава Тригвезона. — Лейфъ, сынъ Эрика, былъ посланъ королемъ Олавомъ въ Гренландію, съ миссіею, цѣлью которой было обращеніе въ христіанство поселившихся тамъ колонистовъ. Упоминаніе объ этомъ приводитъ насъ невольнымъ образомъ къ исторіи Эрика Краснаго и переселенію его въ Гренландію; повѣствователь, заключивъ свой рассказъ о Королѣ Олавѣ, возвращается къ описанію приключеній Гренландскихъ колонистовъ и путешествій ихъ въ Вин-

ландъ (Vinland). Этотъ драгоценный отрывокъ заключаетъ въ себя ссылку на болѣе древнѣйшую и болѣе обширную исторію Эрика Краснаго. Невозможно угадать, кто былъ авторъ сей саги? Но ошибка въ родословіи одной старицы Исландской фамилии — предметъ, въ которомъ Скандинавскіе писатели особенно точны — заставляетъ насъ предугадывать, что «Отрывокъ» былъ писанъ въ Гренландіи и вывезенъ на Исландію, по всей вѣроятности, не ранѣе, какъ спустя два столѣтія послѣ того, когда онъ былъ написанъ.

Другая статья, одинаковой важности съ отрывкомъ, есть «Исторія Торфюина Карлсефна, или Мужественнаго». Авторъ саги, описывая приключенія Карлсефна во время путешествія его въ Винландъ, не могъ не сообщить нѣкоторыхъ свѣдѣній о предшествовавшихъ его путешествію странствованіяхъ, и такъ какъ Гудрида, супруга Карлсефна была въ первомъ своемъ бракѣ за однимъ изъ сыновей Эрика Краснаго, то сей послѣдній, со всеми сопровождавшими его на пути въ Гренландію происшествіями, является передъ нами на сцену. Будучи въ Винландѣ, Гудрида развѣрилась отъ бремени сыномъ, *Снорре*, трое изъ потомковъ котораго имѣли въ XII-мъ столѣтіи епископство въ Исландіи; одного изъ нихъ считаютъ авторомъ Карлсефновой саги, заключающей въ себя первоначальную исторію его рода. Рукопись, на которой г. Рафнъ основалъ свой текстъ, писана на пергаментъ, и какъ кажется, около конца XIII-го, или начала XIV-го столѣтія. Исторія Эрика Краснаго напечатана также съ пергаментнаго списка, писаннаго около XIV-го столѣтія. Здѣсь не лишнее будетъ замѣтить, что невѣрующіе въ заатлантическія открытія Скандинавовъ, приводили въ число своихъ доказательствъ и то, будто бы нѣтъ объ нихъ ни одного разказа, который имѣлъ бы притязаніе на древность, или хотя былъ писанъ

на пергаментъ, но теперь открывается, что уцѣлело восемнадцать пергаментныхъ рукописей, гдѣ, болѣе или менѣе, но упоминается о «добромъ Винландѣ», — какъ называлась тогда часть Сѣверной Америки, посвященная Нордманнами, не говоря уже о множествѣ копій съ однихъ и тѣхъ же рукописей.

Въ заключеніе сборника документовъ, которому упомянутые историческіе отрывки служатъ началомъ и серединой, г. Рафнъ расположилъ множество выписокъ изъ *Ланднамабока* (Landnámabók), *Геймскрингла* (Heimskringla), и другихъ древнихъ сагъ, неоспоримаго авторитета. Онъ нашелъ между прочимъ значительнаго союзника въ Адамѣ Бременскомъ, Германскомъ духовномъ, который въ послѣдней половинѣ XI-го столѣтія былъ привлеченъ къ Дагскому двору славою о мудрости и щедрости Короля Свейна. Здѣсь ученый Германецъ слышалъ объ открытіи Винланда Нордманнами, и часто упоминаетъ о томъ въ своихъ сочиненіяхъ. Къ его отрывкамъ, такъ же къ древнимъ поэмамъ и географическимъ разсужденіямъ, въ которыхъ встрѣчается имя Винланда, мы возвратимся послѣ. Заключимъ наше предувдомительное разсужденіе признаніемъ, что ученая и критическая смѣтливость Гг. Рафна, Финна Магнусена и другихъ трудолюбивыхъ сотрудниковъ при изданіи *Американскихъ древностей*, по нашему мнѣнію, удалляетъ всякое сомнѣніе въ подлинности документовъ, входящихъ въ составъ предлагаемаго сборника. Вопросъ относительно справедливости открытія Америки Нордманнами будетъ теперь заключаться только въ томъ: дѣйствительно ли заслуживаютъ полное вѣроятіе рукописи, свидѣтельствующія сей фактъ? Приступимъ къ самой исторіи открытія Америки Сѣверными мореходцами, не упуская обстоятельствъ, которыя, хотя и не связаны непосредственно съ нашимъ предметомъ, но однакожь бросаютъ характеристиче-

скій свѣтъ на время и людей, участвовавшихъ въ разсматриваемыхъ нами событіяхъ.

Эрикъ Красный, которымъ начинается наше повествованіе, отличался, какъ кажется, даже между Нордманнами безпокойнымъ духомъ и любовью къ приключеніямъ. Онъ два раза принужденъ былъ перемѣнить свое мѣстопробываніе, по ссорамъ съ сосѣдями, которыя оканчивалъ смертоубійствами. Въ новомъ убжищѣ своемъ, на западномъ берегу острова, онъ былъ точно также несчастливъ, завязавши ссору съ однимъ могущественнымъ сосѣдомъ, Торгестомъ; будучи призванъ передъ Тингъ, или народный судъ, собравшійся въ Торнессъ, и зная вѣроятно, что сторона врага его могущественнѣе его собственной, онъ почувствовалъ, что единственное средство спастись было бѣгство, и рѣшился оставить островъ. Сначала онъ скрывался, и враги напрасно искали его по всѣмъ скаламъ и ущеліямъ; наконецъ, кончивъ свои приготовленія, сѣлъ онъ на корабль (въ 983 г.), съ нѣсколькими рѣшительными сподвижниками, и вышелъ въ море отъ Снаффельськеки (Snaefellsjökel), высокаго мыса, выдающагося въ море, прямо по направленію на западъ. Друзья его, Торбюрнъ, Эйольфъ и Стиръ, проводили его за скалы, окружающія мысъ. Прощаясь съ ними, Эрикъ объявилъ намѣреніе отправиться искать Гунбюрнскихъ скалъ—острововъ, открытыхъ незадолго передъ тѣмъ въ западныхъ моряхъ; положеніе сей купы и теперь еще неизвѣстно географамъ, — можетъ быть, что такъ назывались острова, расположенные близъ южной оконечности Гренландіи. Первалъ, встрѣченный Эрикомъ земля, была ледяная скала (Snaefellsjökel), которой онъ далъ названіе *Бласеркъ*, или *Черной скалы*; потомъ, направляя курсъ на югъ, онъ подошелъ къ обитаемому берегу и провелъ тамъ зиму. Два лѣта странствовалъ онъ по новооткрытой землѣ, и далъ ей лестное названіе *Гренландіи*, т. е. *Зеленой зем-*

ли, для того, чтобы противоположное, и болѣе сходное съ предметомъ названіе не отбывало у другихъ охоты селиться въ семъ безплодномъ мѣстѣ. Въ третье лѣто, Эрикъ возвратился въ Исландію, для того, чтобы, по обещанію, уведомить друзей о своихъ успѣхахъ. Тутъ онъ провелъ одну только зиму, въ продолженіе которой, послѣ возобновленія ссоры съ Торгестомъ, оба врага рѣшились наконецъ помириться. На слѣдующее лѣто, Эрикъ Красный отправился въ Гренландію, и тамъ поселился. Изъ тридцати пяти, вышедшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Исландіи судовъ, только четырнадцать достигли своего назначенія; изъ остальныхъ же, нѣкоторыя погибли, нѣкоторыя принесло назадъ вѣтрами.

Въ числѣ товарищей Эрика былъ инокъ *Герильмфъ*; сынъ его Біарнъ, во время переселенія своихъ родныхъ, находился въ отлучкѣ, путешествуя по торговымъ дѣламъ въ Норвегіи. Возвратясь въ Исландію, онъ удивился не находя никого изъ своихъ, и рѣшился, во что бы ни стало, отыскать ихъ и провести зиму *подль отеческаго огня*. Этимъ выразилъ онъ характеристическія чувства обитателей сѣвера, гдѣ продолжительность и жестокость зимы даетъ двойную цѣну удобствамъ домашняго крова и семейнымъ отрадамъ, и гдѣ родственныя привязанности укрѣпляются суровостью климата. Вѣрный своему обещанію, Біарнъ, не смотря на незнаніе Гренландскаго моря, вступилъ подъ паруса, и много дней носился самъ не зная куда, поvolvъ бурныхъ сверныхъ вѣтровъ, сопровождаемыхъ густыми туманами. Наконецъ, когда погода прояснилась, онъ увидѣлъ землю, нѣсколько возвышенную и покрытую лѣсомъ. Такъ какъ это не сходствовало съ слышаннымъ имъ описаніемъ Гренландіи, онъ оставилъ берегъ въ лѣвъ, и направляя путь въ открытое море, черезъ два дня опять увидѣлъ землю, низменнѣе первой, и также поросшую лѣсомъ. Тогда продолжалъ

онъ идти съ югозападнымъ вѣтромъ, и спустя три дня открылъ островъ, высокіе берега котораго были усыяны ледяными горами, или можетъ быть ледниками (glaciers). Спустившись отъ сего острова и идя четыре дня, при крѣпкихъ вѣтрахъ, онъ прибылъ въ Геріульфснессъ, въ Гренландіи, гдѣ поселился его отецъ. Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что первая, открытая Біарномъ, поросшая лѣсомъ земля, не иное что, какъ часть Американскаго материка, который такимъ образомъ былъ открытъ Нордманнами въ 986 году. Какая именно была эта часть Америки, мы съ увѣренностью не можемъ сказать. Известно однакожъ, что открытіе материка Американскаго произошло дѣйствительно около времени колонизаціи въ Гренландіи.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Эрикъ, Норвежскій ярль, услыша о приключеніяхъ Біарна, изъявилъ неудовольствіе, что никто не хочетъ пуститься во вновь открытыя страны. Такое замѣчаніе не могло не произвести впечатлѣнія на воинственный духъ искателя приключеній, колонистовъ. *Лейфъ*, сынъ Эрика Краснаго, купилъ у Біарна корабль, и въ 1000 году отправился въ путешествіе для открытій, держа курсъ на юго-западъ. Сперва пришелъ онъ къ покрытымъ снѣгомъ горамъ, виднымъ Біарномъ, и съѣхалъ для осмотра берега съ нѣкоторыми изъ своихъ спутниковъ. Оказалось, что земля эта островъ, и онъ казался совершенно безплоднымъ, только голое и неровное пространство, покрытое слоями аспида (hella), протягивалось стѣ ледниковъ до взморья. Отсюда произошло названіе *Геллуландъ* (Helluland, Аспидная земля). — Продолжая путешествіе, прибыли къ низменному берегу, густо покрытому лѣсомъ и кустарникомъ, съ холмами и отмѣлями бѣлаго песку близъ взморья. Землю эту назвали *Маркландомъ* (Markland, Лѣсная Земля).

Тогда направили путь въ море, и черезъ два дня

опять увидѣли землю. Пройдя между островомъ и материкомъ, простирившимся на значительное разстояніе къ востоку, такъ, что онъ образовывалъ собою длинный полуостровъ, Нордманны держали курсъ вдоль его къ западу, и замѣтили что большое протяженіе отлогости берега остается совершенно сухимъ во время отливовъ. Они пустились на легкой лодкѣ для изслѣдованія рѣки, вытекавшей изъ озера; прельстясь видомъ окрестной страны, они провели судно свое рѣкою въ озеро, когда возвысилась вода, и тамъ ошвартовились. Послѣ того Нордманны кое-какъ устроили себѣ временные шалаши, и рѣшась перезимовать въ семь мѣствъ, преобразовали ихъ въ довольно удобныя жилища, давши всему этому временному заселенію названіе *Лейфовыхъ Шалашей*; имя сіе часто попадаетъ въ Скандинавскихъ исторіяхъ открытія Америки. О природѣ страны, лежащей около пристанища, древній лѣтописецъ передаетъ слѣдующее описаніе:

«Ни въ озерѣ, ни въ рѣкѣ не было недостатка въ семгѣ, и эта рыба происходила величиною всѣхъ, какія только имѣ случилось видать прежде. Почва земли была хороша, и нетрудно было видѣть, что скотъ никогда не долженъ нуждаться здѣсь въ подножномъ кормѣ. Сильныхъ морозовъ зимою тамъ не бываетъ и трава никогда не лишается своей свежести. Дни тамъ гораздо ровнѣе, нежели въ Исландіи или Гренландіи; въ самый короткій день, солнце бываетъ цѣлыхъ девять часовъ надъ горизонтомъ.»

Случилось, что разъ какъ-то, Нордманны не достигли одного изъ своихъ товарищей, *Зюдермана*, т. е. южнаго жителя, или Германца, *Туркера*, стараго слуги и любимца Лейфова. Тотчасъ отрядили партію для отысканія его въ лѣсахъ. Прошло нѣсколько времени въ бесполезныхъ поискахъ; наконецъ увидѣли его, что онъ идетъ къ своимъ, шатаясь, и съ видомъ

безумной радости. Онъ заговорилъ съ ними по Германски, что ихъ очень удивило, и потомъ заикаясь объяснилъ, что онъ очень веселился и наѣлся винограда. Должно сознаться, что Сѣверный историкъ, рассказывая какимъ образомъ Германецъ опьянѣлъ отъ дикаго винограда, далъ слишкомъ много воли своему воображенію; но между тѣмъ, итогъ вымысла въ этомъ случаѣ не далеко превосходить то, что можно считать обыкновенными прикрасами сохраненныхъ преданіемъ фактовъ. Въ самой вещи, разобравъ подробно анекдотъ о Тиркерь, нельзя не сознаться, что онъ отчасти свидѣтельствуеъ подлинность повѣствованія. Обстоятельство, рассказанное съ подробностями, что человекъ отыскавшій грозды былъ Зюдерманъ, отчизна котораго изобилуетъ виноградомъ, и которому, слѣдственно, плоды этотъ долженствовали быть хорошо извѣстны, не можетъ не убѣждать насъ, что не естественно бы было подобнымъ иноземнымъ растеніямъ явиться въ воображеніи Исландца XII-го столѣтія, или что виноградныя лозы украшаютъ страны поэтической фантазіи людей, добровольно поселившихся на замерзшихъ берегахъ Гренландіи. Последняя изъ открытыхъ Лейфомъ странъ получила названіе *Vinlanda* (*Vinland*); нагрузивъ судно свое виноградомъ и строевымъ лѣсомъ, слѣдующею весною отправился онъ на родину. Подойдя къ берегамъ Гренландіи, онъ увидѣлъ несколько человекъ, спасшихся съ разбитаго судна на скалу; всѣхъ ихъ было пятнадцать, въ томъ числѣ начальникъ ихъ Тореръ (*Thorér*) и супруга его Гудрида. Лейфъ взялъ ихъ съ собою и привезъ въ Гренландію; такое обстоятельство доставило ему прозвище *Счастливаго*.

Лейфъ рассказывалъ чудеса о своей зимовкѣ въ Винландъ, чтобы заманить другихъ къ посещенію сей страны; братъ его Торвальдъ выпросилъ у него для того корабль, обязавшись шапередъ перевезти

въ Гренландію имущество Торера, оставленное на скалѣ, гдѣ онъ терпѣлъ крушеніе. Исполнивъ это, Торвальдъ направилъ путь въ Винландъ и прибылъ безъ всякихъ особенныхъ случаевъ къ Лейфовымъ Шалашамъ. Первую зиму провелъ онъ въ рыбной ловлѣ. Слѣдующею весною (1003 г.), онъ послалъ на югъ отрядъ, для описи береговъ и внутри лежащей страны; возвратясь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, посланные донесли ему, что пройденная ими страна, по всѣмъ направленіямъ, необыкновенно прекрасна, и что лѣса спускаются внизъ почти до самыхъ песковъ морскаго берега. Нордманны не видѣли никакихъ признаковъ обитасмости, кромѣ деревяннаго балагана (въ буквальномъ переводѣ съ Исландскаго, *житищцы*), на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ, набросанныхъ около главнаго берега. На слѣдующій годъ (1004 г.), Торвальдъ вышелъ изъ Лейфовыхъ Шалашей и направился на востокъ; потомъ правилъ онъ нѣсколько къ сѣверу, мимо замѣчательнаго мыса, заключавшаго собою бухту и протягивавшагося противоположно другому мысу. Здѣсь бросило его бурей на мелководье, судно приткнулось и ободрамо себѣ киль, но поврежденіе было вскорѣ исправлено, и Торвальдъ велѣлъ воткнуть въ землю, на возвышенной оконечности мыса, изломанный киль, назвавъ сіе мѣсто *Kialarнесъ* (*Kialarnes*, Килевый мысъ). Черезъ нѣсколько времени пришли къ небольшому полуострову, покрытому лѣсомъ, и въ первый разъ увидѣли нѣсколько человекъ туземцевъ. На берегу было три вытасненныхъ на сушу челнока, и подлѣ каждаго по три *Скраеллинга* (*Skraellings*), какъ сѣверные лѣтописцы называютъ Эскимосовъ. Изъ девяти дикарей, Нордманны убили восьмерыхъ, но вскорѣ увидѣли себѣ окруженными многочисленными толпами, стекавшими отъ всюду для отмщенія смерти своихъ единоземцевъ. Нордманны отбили непріятелей. Торвальдъ получилъ

во время бол смертельную рану. Удивленіе, съ которымъ онъ разсматривалъ прелестный, опущенный лѣсомъ и кустарникомъ мысъ, изъявляя желаніе поселиться на немъ, оказалось предвѣщаніемъ; умирая, онъ просилъ товарищей похоронить его на берегу моря, и поставя надъ его могилою крестъ, назвать сей мысъ *Кроссанесъ* (*Krossanes*), или *Крестовой мысъ*. Спутники его возвратились въ Гренландію въ 1005 году.

Весною слѣдующаго года, *Торстейнъ*, третій сынъ Эрика, въ сопровожденіи жены своей *Гудриды* (*Gudrida*), вышелъ въ море, съ намѣреніемъ привезти на родину тѣло брата своего *Торвальда*, но задерживаемый и носимый цѣлое лѣто противными вѣтрами, онъ едва добрался въ началѣ зимы до Гренландіи не видавъ *Винланда*, и вскоре умеръ. Обстоятельства *Торстейновой* кончины разсказаны *Исландскимъ* летописцемъ весьма подробно, и съ большимъ простодушіемъ и чувствомъ. Такъ какъ открытіе *Винланда* не имѣетъ съ ними ничего общаго, то мы не станемъ для нихъ прерывать нити нашего повѣствованія. Еслии мѣсто намъ позволить, можно возвратиться къ сему эпизоду послѣ. Тогда попытаемся мы доказать, что не смотря на оказанное ему г. Рафномъ неуваженіе, онъ имѣетъ для насъ большую важность, сильно убѣждая въ подлинности и авторитетѣ историческихъ отрывковъ, въ число которыхъ онъ попался.

1006-й годъ ознаменовался въ Гренландіи прибытіемъ изъ *Исландіи* двухъ судовъ, изъ которыхъ однимъ начальствовалъ *Торфиннъ*, болѣе известный подъ лѣстнымъ прозвищемъ *Карсефна*, т. е. мужа способнаго къ великимъ дѣйствіямъ; главою другаго судна былъ *Бярнъ*, сынъ *Гримольда*. *Карсефнъ* былъ человекъ богатый и могущественный, изъ знатнаго рода, считавшаго въ числѣ своихъ предковъ королей, которыхъ, разумется, не должно ста-

вить на одну линію съ нынѣшними коронованными особами. Такъ какъ родословіе, и все относящееся до происхожденія и родства всегда имѣло великую важность въ глазахъ *Скандинавскихъ* летописцевъ, то мы покажемъ читателю небольшой образецъ, какъ прилѣжно вела свою хроніку ихъ родовая гордость. Должно однакожъ сознаться, что описанія подобнаго рода не могутъ не представлять историческому критику пунктовыя, съ которыхъ точность и подлинность сказаній обозрѣвается върше, и что сіи родословія, не смотря на свою многословность, даютъ бытописанію характеръ твердости и истины.

«Былъ человекъ, по имени *Тордъ* (*Tord*), жившій въ *Гедестрандъ*, въ *Скагафюрдскомъ* округѣ, на сѣверномъ берегу *Исландіи*: онъ былъ женатъ на *Фридгердъ*, дочери *Торера Гима* (*Hima*, лѣнливый) и *Фридгерды*, дочери *Кіарвалл*, одного изъ *Ирландскихъ* королей. *Торъ* былъ сынъ *Біорна Бирдусмигера* (*Burdusmiör*, масленая бочка), сына *Торвальда Руга* (*Rug*-крестецъ), сына *Аслейка*, сына *Біорна Ярсида* (*Yarnsid*—железный бокъ), сына *Рагниара Лодброка* (*Lodbrok*—волосынья питаны). Они (*Тордъ* и *Фридгерда*) имѣли сына, по имени *Снорре*, женившася на *Торгильдъ Руне* (*Rune*—курпатка), дочери *Торда Геллера* (*Geller*—громогласный), и у нихъ родился сынъ *Тордъ Гестгефде* (*Hesthöfde*—лошадина голова). *Торфиннъ Карсефнъ* былъ сынъ *Торда*; мать его называлась *Торуша*. *Торфиннъ* много путешествовалъ по свѣту, ибо онъ былъ купецъ, и вездѣ считался искуснымъ морлякомъ и умнымъ торговцемъ.»

Прибытіе человека столь высокихъ качествъ и знаменитой породы, который могъ сосчитать своихъ предковъ за восемь поколѣній, было происшествіемъ, необходимо долженствовавшимъ возбудить все гостепріимство *Гренландскихъ* колонистовъ; пиршества *Юля* (*Yule*), или *Рождества Христова*, праздновались

семейством Эрика Краснаго, у котораго гостили Карлсефн и его сподвижники, съ такимъ великолѣпьемъ, какому, какъ говорятъ, не бывало примѣра («въ той бѣдной странѣ»). Между прочимъ, большая часть великолѣпія была слѣдствіемъ щедрости самаго Карлсефна, котораго, читая въ понишихъ взорахъ своего хозяина невольное признаніе въ скудости, сказалъ ему: «На нашемъ корабль много хлѣба и солоду; бери, сколько нужно, и устройвай пирь, какой душѣ твоей угодно!» Въ продолженіе сей зимы, Карлсефнъ влюбился въ Гудриду, вдову Торстейна, которую летописцы изображаютъ одаренною необычайною красотою тѣла и ума, и женился на ней. Родословная Гудриды не сообщена намъ съ тою же подробностью, какъ родословная ея супруга; она введена въ родъ поколѣннаго предисловія, но столь любопытнаго и такъ ярко изображающаго разбойничьи обычаи Нордманновъ X-го столетія, что мы не можемъ не дать ей здѣсь мѣста, для соответственности съ начертанною нами выше генеалогіею. Такія фамиліи преданія носятъ на себѣ отпечатокъ истины, и проливаютъ свѣтъ на лица, такъ, что невольно убѣждаешься въ справедливости бытописанія, которому они служатъ прочными звѣздыми. Преданія сіи походятъ на свѣтлые круги около главъ патриарховъ, и болѣе или менѣе озаряютъ событія, въ которыхъ герои ихъ были дѣйствующими лицами. Обратимся къ нашему извлеченію:

«Былъ военный Король (пиратъ) *Олавъ Бѣлый*; онъ былъ сынъ Короля *Ингюльда*, сына *Гелга*, сына *Олава*, сына *Гудреда*, сына *Гальвдена Бѣлоногого*, Короля Горныхъ Странъ (Норвегія). — Олавъ пиратствовалъ (буквально: *опустошалъ*) на Западъ и завоевалъ Дублинъ въ Ирландіи, и всю страну около него, гдѣ и остался королемъ. Онъ женился на *Аудѣ Великодушной* (*Auda the Generous*), дочери *Кетилля Плосконосаго*, сына *Бюрна Косолапаго*, богатаго Норвеж-

ца. У нихъ былъ сынъ, *Торстейнъ Красный*. Когда Олавъ палъ въ битвѣ въ Ирландіи, Ауда и Торстейнъ бѣжали на Гебридскіе острова. Тамъ Торстейнъ женился на *Торидѣ*, дочери *Эйвинда* и сестрѣ *Гелга Тоцаго*. Они имѣли много дѣтей. Торстейнъ, сдѣлавшись военнымъ королемъ, вступилъ въ союзъ съ ярломъ *Сигурдомъ Могушимъ*, сыномъ *Эйстейна Громкаго*. Они захватили Кайтнессъ, Сутерландъ, Россъ и Морай, и болѣе половины Скоттіи, которую Торстейнъ правилъ какъ король; но однажды Скотты напали на него изъ засады и умертвили его. Ауда услышала о смерти сына во время пребыванія своего въ Кайтнессѣ. Она, не медля ни сколько, велѣла себѣ тайно выстроить корабль и бѣжала на Оркнейскіе острова. Тамъ она помѣстила *Грою* (*Stoa*), дочь Торстейна Краснаго и мать *Грелады*, бывшей въ супружествѣ съ вождемъ *Торфинномъ Черепокольщикомъ* (*Skull-cleaver*). Потомъ она перѣехала въ Исландію, имѣя на своемъ кораблѣ экипажъ, состоявшій изъ двадцати человекъ свободныхъ людей. Въ Исландіи провела она первую зиму вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Бюрномъ*, и въ послѣдствіи овладѣла нѣсколькими домиками въ *Твамѣ* (*Hvam*). Ауда имѣла привычку молиться въ *Кросгульмѣ*, гдѣ былъ ею воздвигнутъ крестъ, ибо она была крещена и весьма набожна. Съ нею прибыло множество знатныхъ Исландцевъ, попавшихъ въ плѣнъ во время войны на западѣ, и потому называвшихся рабами. Одинъ изъ нихъ былъ *Вифилъ*, человекъ высокаго происхожденія, взятый въ плѣнъ на западѣ; его называли рабомъ до тѣхъ поръ, пока Ауда не возвратила ему свободы. Когда она раздавала жилица и земли своимъ послѣдователямъ, онъ спросилъ ее: почему она оставляетъ его безъ вниманія? И Ауда отвѣчала, что такое упущеніе не должно его обижать, потому, что всѣмъ извѣстно его благо-

родное происхождение. Потомъ дала она ему Вифилс-далъ, гдѣ онъ посѣл и жилъ.»

Автописецъ продолжаетъ, что *Гунбюрнъ*, сынъ Вифали, былъ отцемъ *Гудриды*, для которой, какъ весьма ясно видно, введенъ разсказъ о военныхъ короляхъ. Вывести благородное происхождение Вифила, дѣда *Гудриды*, было главною цѣлью историка, а такъ какъ единственнымъ доказательствомъ такого факта было лестное замѣчаніе Ауды, что *весь свѣтъ зналъ о знатности рода Вифилла*, то историкъ, какъ видно, хотѣлъ усилить сей авторитетъ, распространяясь объ ея родословной и подвигахъ ея родственниковъ на западъ. Изъ сихъ образцовъ, читатель замѣтитъ, какъ мало фантастическихъ вымысловъ, и какъ много прямой и даже грубой истины входитъ въ составъ Исландскихъ бытописаній, къ которымъ мы возвращаемся для продолженія разсказа объ открытіяхъ въ Винландѣ.

Пиршествва Юля прервались только на короткое время мрачною скукою Гренландской зимы, располагающей духъ заглядывать съ жаднымъ нетерпѣніемъ впередъ, въ ожиданіи дѣятельности болѣе кроткаго времени года. Когда Карлсефнъ сокращалъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, длинные вечера, разсказами о своихъ приключеніяхъ, разговоръ часто обращался на вновь открытыя на югозападъ страны, и поелику сей предметъ дѣлался болѣе и болѣе занимательнымъ, то собесѣдники рѣшились наконецъ узнать сіи страны какъ можно подробнѣе и попытаться устроить тамъ колоніи. Въ слѣдствіе сего, весною снарядили три корабля: однимъ начальствовала самъ *Карлсефнъ*, другимъ *Бярнъ Гримольфсонъ*, а третьимъ *Торвардъ*, женившійся на *Фрейдизѣ* (*Freydisa*), побочной дочери Эрика Краснаго. Торгалль, послѣдователь сего вожда и опытный охотникъ, со многими другими колонистами и нѣсколькими знатными Исландцами, присоединился къ экспедиціи, отъ ко-

торой всѣ ожидали самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Всѣхъ составлявшихъ экспедицію было 160 человекъ; они запаслись достаточнымъ количествомъ провизіи, рогатаго скота и другой живности.

Экспедиція вступила подъ паруса весною 1007 года, и заходила въ *Вестбейгдъ* (*Westbygd*), или западный округъ Гренландіи, и въ *Бярней*, или, какъ его нынѣ называютъ, *Диско-ислендъ*. Они шли на югъ въ продолженіе сутокъ, и достигли *Геллуланда*, гдѣ съѣхали на берегъ, но не нашли ничего, кромѣ большихъ плоскихъ камней, изъ коихъ нѣкоторые были около 12-ти локтей въ ширину, и множества лисицъ. Слѣдующія сутки взяли они нѣсколько юговосточнѣе, и пришли къ покрытымъ лѣсомъ берегамъ *Маркланда*. Убивъ медвѣдя на одномъ изъ близъ лежащихъ острововъ, они дали сему острову названіе *Бярнея*, или *Медвѣжьело Острова*. Взявъ курсъ опять на югъ, Нордманны шли довольно долго, оставляя берегъ въ правой рукѣ, и наконецъ подошли къ мысу, на которомъ они увидѣли воткнутый въ землю киль, тотъ самый, по которому *Торвальдъ* называлъ этотъ мысъ *Кіаларнесомъ*. Здѣсь мы остановимся, желая замѣтить читателю, что мы обозначали пройденныя разстоянія и курсы слово въ слово съ подлинныхъ, не стараясь прикрывать трудности разсказа, къ разбору котораго приступимъ далѣе.

За *Кіаларнесомъ* песчаные берега простирались такъ далеко, что ихъ называли *Фуртустрандъ* (*Furthustrand*); послѣ того, берегъ представлялъ рядъ заливовъ и ущелій. Сюда Карлсефнъ высадилъ бывшихъ съ нимъ Шотландскихъ уроженцовъ мужчину и женщину, весьма легкихъ на ногахъ и проворныхъ. Люди сіи, какъ разсказываетъ историкъ, были почти совершенно наги; единственную ихъ одежду составлялъ родъ балахона, называвшійся у нихъ *киа-*

валь (очевидно Англо-Саксонское *seaval*, сорочка), открытый съ боковъ, безъ рукавовъ; между ногами балахонъ скрѣплялся пуговицей, а сзади прикрѣплялся къ нему родъ капора. Фактъ, что эти Шотландцы дали Англо-Саксонске, или иностранное названіе своей одеждѣ, подтверждаетъ варварство, приписываемое имъ Норманнами, которые зашли даже такъ далеко, что увѣряли будто пльнники ихъ походили болѣе на обезьянъ, нежели на людей. Какъ бы то ни было, *Гаке* и *Гакія*, такъ называлась Шотландская чета, были посланы на берегъ, чтобы въ три дня объѣхать страну по направленію къ югу, послѣ чего взяли ихъ на корабль, съ набранными ими *виноградомъ* и *пшеномъ*. Вскорѣ послѣ того, суда вошли въ заливъ, гдѣ былъ островокъ, до того наполненный гагачьими утками, что пельза было сдѣлать шагу не наступя на ихъ яйца. Заливъ, отъ силы спорныхъ теченій около острова, получилъ названіе *Штраумфиордъ*, а островъ назвали *Страумей*. Здѣсь Норманны выгрузились и перезимовали. Вѣроятно, что въ продолженіе сей осени Гудрида разрышилась отъ бремени сыномъ Снорре; онъ былъ первый человекъ изъ Европейскаго поколѣнія, родившійся въ Америкѣ.

На слѣдующую весну, рыбная ловля нашихъ искателей приключеній была неудачна и они уже начали замѣчать недостатокъ въ пищѣ. Торгалль, охотникъ, отправился въ лѣса и не явился цѣлые три дня, послѣ чего возвратился онъ въ разсвѣтномъ расположеніи духа, бормоча про себя какіе-то стихи. Во время его отлучки, китъ, неизвѣстной Норманнамъ породы, былъ выброшенъ на берегъ, и они, понуждаемые голодомъ, разрѣзали его на части и наѣлись его мяса. Лишь только Торгалль открылъ такой даръ случая, онъ воскликнулъ, что помощь пришла отъ *Краснобородаго Тора*, въ честь коего сочинилъ онъ пѣсню. Остатокъ партіи, состоявшей,

какъ кажется, болѣе изъ христіанъ, былъ такъ пораженъ симъ предположеніемъ, что рѣшились выбросить оставшуюся часть кита въ море. Лѣтописецъ благочестиво прибавляетъ, что китовое мясо причинило всемъ вѣшнимъ его боль, и что лишь только выбросили подарокъ Тора въ море, погода прояснилась и Норманны наловили множество рыбы. Христіанская религія была введена въ Гренландію въ 1000 году, Лейфомъ, сыномъ Эрика Краснаго. Достоинно замѣчанія, въ анекдотѣ разсказанномъ здѣсь, и въ другихъ, разбросанныхъ въ книгѣ г-на Рафна, съ какою странною смѣсью терминности и религіозныхъ предразсудковъ послѣдователи новой вѣры смотрѣли на поклонниковъ старой.

Вскорѣ послѣ того, Торгалль съ восьмью товарищами, отправился къ сѣверу, но снесенный безпрестанными бурями къ западу, онъ былъ наконецъ выброшенъ на Ирландскій берегъ, гдѣ, какъ говорили купцы, содержали его въ пльну. Лѣтописецъ, подтверждающій фактъ изустнымъ свидѣтельствомъ купцовъ, раскрываетъ передъ нами еще одинъ источникъ свѣдѣній о Торгаллѣ, приводя его стихи, въ которыхъ проглядываетъ привязанность къ язычеству, весьма естественно соединенная съ любовью къ поэзіи. Стихи эти, сохранные, вѣроятно, изустнымъ преданіемъ, необходимо должны быть разсматриваемы, какъ отголоски современныхъ событій. Распослѣди скальдовъ вообще слишкомъ дики и отрывисты для перевода, но такъ какъ особенная занимательность запечатлѣна на сихъ первобытныхъ заатлантическихъ стихотвореніяхъ, и главное, они имѣютъ отношеніе къ сценамъ и обстоятельствамъ, ихъ породившимъ, то мы и попытаемся представить читателямъ небольшой образецъ ихъ. Кажется, что въ сихъ стихахъ Торгалля изливались чувства его, когда онъ, усталый отъ приключеній, собирався отправить Карлсефна и отправится на родимый сѣверъ:

Home let us wend to our father's shore?
 And, as the sea-gull courts the gale
 With outstretched pinion, let us o'er
 The billows bound with crowded sail.
 For the warlike sours, whose fiery rage
 Like lightning's deadly blast assails,
 Here let such worthies dwell an age,
 In Furthustrand, — and dine on whales . . .

«Направимся домой, други, къ берегамъ нашихъ отцовъ, и подобно чайкѣ, распростертыя крылья которой ласкаютъ бури, понесемся по волнамъ, на открытомъ парусами корабль!»

«Пусть воинственный души, огненная ярость которыхъ губительна, какъ смертоносные удары молнии, житье здѣсь въ Фуртустандъ цѣлые вѣка и питаются китами.»

Пока Торгалль шелъ вдоль одного берега, Карлсеонъ съ своими послѣдователями осматривалъ другой. Наконецъ, Карлсеонъ пришелъ къ рѣкѣ, протекавшей черезъ озеро на пути къ морю; устье ея, до такой степени усыянное мелями, что туда можно было добраться только въ самую полную воду, называли *Гопомъ* (Нор) т. е. *лиманомъ*. На разбросанныхъ по берегу холмахъ нашли въ изобиліи виноградъ, а въ низменныхъ мѣстахъ попадалось множество какаго-то дикаго пшена. Въ семь мѣсть, въ небольшомъ разстояніи отъ озера, Подманны расположились зимовать; снѣгъ не выпадалъ и для скота были очень хорошия пастбища.

Но не успѣли еще устроить зимовьевъ, какъ показались туземцы. Они пришли съ юга, въ челнокахъ, размахивая длинными шестами, и стараясь надѣлать какъ можно болѣе шума, чтобы испугать и прогнать чужестранцевъ, которыхъ они некоторое время разсматривали въ цѣломъ удивленіи. Потомъ дикари отступили къ взморью, съѣли въ челноки и уплыли. Что дикари сѣи принадлежали къ племени Эскимосовъ, явствуетъ изъ описанія: «Лица ихъ бы-

ли угрюмы и цвѣта темнаго; головы и волосы волнилы; щеки у нихъ были широкія и глаза большіе.»

Зима прошла безъ достопримѣчательныхъ происшествій, но рано весною толпы дикарей приблизились къ Нордманнамъ. «Они вступили въ торги, и болѣе всего старались вымѣнивать мечи и копыя, но Карлсеонъ благоразумно отказывалъ въ такомъ товарѣ. Дикари должны были довольствоваться красивымъ сукномъ, и за кусокъ его, едва достаточный закрыть голову, давали по цѣлой шкурѣ превосходнаго сыраго мѣха. По мѣрѣ того, какъ сукно выходило, Нордманны отпускали его въ болѣе меньшихъ кускахъ, но жадность туземцовъ не уменьшилась, и они платили за маленькіе куски столько же, какъ и за большіе. Такой выгодный торгъ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ: быкъ, принадлежавшій Нордманнамъ, началъ мычать; дикари разбѣжались въ величайшемъ страхѣ и не показывались потомъ цѣлыя три недѣли. По прошествіи сего времени они возвратились огромными толпами, съ явными признаками непріязненныхъ намѣреній. Нордманны не отказывались отъ битвы, но вообразивъ себя окруженными, они были поражены внезапнымъ страхомъ и вдругъ обратились въ бѣгство. Въ сей битвѣ, Фрейдиза выбѣжала впередъ, и схвативъ мечъ Снорре Торбрандсона, убитаго камнемъ, она била себя въ грудь и своими неистовыми криками ужаснула, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько остановила непріятелей. — Нордманны, ободренные ея примѣромъ, возвратились къ битвѣ, и совершенно смяли дикарей; изъ свдихъ они лишились двухъ человекъ, тогда, какъ непріятелей было убито великое множество.

Послѣ сего, Карлсеонъ и его товарищи убедились, что не смотря на прекрасный климатъ и плодородіе страны, имъ мало надежды на спокойную зимовку; потому возвратились они къ сѣверу и про-

вели третью зиму в Страумфюрдъ. Здесь согласие экспедиции повидимому кончилось: «возникли споры», рассказывает простоудушно древній летописецъ, «изъ за-женщинъ; тѣ, у которыхъ не было женъ, хотѣли отнимать ихъ у тѣхъ, у кого онѣ были.» Сльдующею весною, Норманны отправились на родину, и зайдя въ Маркандъ, захватили пятерыхъ Скраселинговъ, мужчину, съ двумя его женами и двумя дѣтьми. — Взрослые убъжали, но дѣтей Норманны взяли съ собою, въ надеждѣ получить отъ нихъ какія нибудь свѣдѣнія объ особенностяхъ страны. Карсефъ и его спутники достигли Гренландіи благополучно въ 1011 году. Біарна Гримольфсона унесло на западъ, въ море, наполненное водными червями (*tegebratulac*), которые проточили его судно и вскорѣ привели его въ гибельное состояніе. У него была небольшая лодка, вымазанная тюленьимъ жиромъ, на которой червякъ не идетъ, но, къ несчастію, въ ней едва могла помѣститься половина экипажа. Онъ велѣлъ бросить жребій, чтобы судьба рѣшила, кому быть спасену и кому погибнуть, «потому что въ подобныхъ случаяхъ всѣ люди равны.» — Самъ онъ былъ въ числѣ счастливыхъ, и занялъ уже мѣсто свое въ лодкѣ, какъ вдругъ раздался сзади его голосъ одного изъ оставленныхъ: «*Біарнъ! ты меня покидаешь? Развѣ это обьщаль ты отцу моему, когда я послѣдовалъ за тобою изъ Исландіи?*» — Услышавъ сіи клики, великодушный Біарнъ отдалъ товарищу свое мѣсто въ лодкѣ, а самъ возвратился на корабль, о которомъ послѣ не было никакого слуха. Спасшійся въ лодку прибыл къ кое-какъ въ Дублинъ, и рассказали тамъ о происшедшемъ.

Въ томъ же году прибылъ въ Гренландію корабль изъ Норвегіи, подъ начальствомъ двухъ братьевъ *Гелга* и *Финнбога*, которыхъ Фрейдиза убѣдила предпринять путешествіе въ Винландъ, пред-

пріятіе, казавшееся въ тѣ времена славнымъ и выгоднымъ. Она уговорилось съ начальниками экспедиціи, что половина барыша должна достаться на ея долю; хотѣла также выпросить у брата своего Лейфа власть надъ областью, такъ называемыхъ, Лейфовыхъ Шалашей, но тотъ отказалъ ей, и отвѣчалъ, что онъ можетъ ссудить ей власть на время, но отдать на всегда не согласенъ. Отвѣтъ сей, опираясь на право собственности, показываетъ, что сношеніе съ новооткрытою страной было тогда довольно постоянно. Прибывъ въ Винландъ, Норвежскіи братья занялись распределеніемъ охоты и занятій на зимнее время для своихъ товарищей; Фрейдиза убѣдила супруга своего Торварда умертвить ихъ обоихъ и ихъ послѣдователей. Она возвратилась въ Гренландію въ 1013 году; слухъ о преступленіи достигъ брата ея Лейфа, и онъ, подвергнувъ пытку троихъ изъ послѣдователей сестры, получилъ отъ нихъ полное признаніе въ злодѣяніи. Между тѣмъ, онъ не произвелъ надъ сестрою никакого суда и наказанія, предоставивъ ее послѣдствіямъ ненависти, съ которою всѣ на нее смотрѣли. Во время возвращенія Фрейдизы, Карсефъ приготовлялся итти въ Норвегію, и въ скоромъ времени пошелъ туда, съ грузомъ, богатѣйшимъ изъ всѣхъ, когда либо отправлявшихся отъ Гренландскихъ береговъ. Грузъ состоялъ изъ произведеній Винланда, то есть, строеваго лѣса и мѣховъ. Карсефъ распродалъ въ Норвегіи свои товары, и въ 1015 году возвратился въ Исландію, купилъ себѣ тамъ большое помѣстье и сдѣлался родоначальникомъ богатой и могущественной отрасли, о которой древніе саги упоминаютъ часто съ великимъ уваженіемъ. Многія саги и, вѣроятно, нѣкоторые изъ доставившихъ намъ источники описанія открытія Винланда, были писаны потомками родившагося въ Америкѣ Снорра. Къ числу нынѣшнихъ Исландцевъ, выводящихъ свое происхожденіе отъ этого

корня, принадлежить ученый Финнъ Магнусенъ, которому Королевское Общество Копенгагенскихъ Антикваріевъ обязанъ нѣкоторыми изъ драгоценнѣйшихъ свѣдѣній объ языкахъ и литературѣ сѣвера, и ревностное содѣйствіе коего г. Рафну придаетъ еще большую цѣну разбираемой нами книгѣ.

Разсказавъ исторію открытія Винланда Нордманнами, не думаемъ, чтобы нашлось много оспоривателей ея правдоподобія. Она носитъ на себѣ печать истины, и ничего не можетъ быть простодушнѣе, естественнѣе и живѣе ея; даже, во многихъ мѣстахъ, она исполнена подробностей. Должно сознаться, что въ морскихъ и географическихъ подробностяхъ недостатокъ часто ошутителенъ, и вопросъ, гдѣ этотъ Винландъ, или какой именно части Западнаго полушарія дано первоначально это имя? представляеть еще много трудностей.—Но все это не должно возбуждать сомнѣній въ умахъ тѣхъ, кто можетъ себѣ представить, какое понятіе о географическихъ широтахъ и долготахъ должны были имѣть историки XI-го и XII-го столѣтій. Впрочемъ, попытаемся, по аналогіи, составить объясненіе положенія Винланда. Мы будемъ избѣгать продолжительныхъ разсужденій, въ которыхъ можетъ настъ влечь задача, и безъ того уже испытывавшая много ученыхъ споровъ. Удовольствуемся руководствомъ г. Рафна, съ общими взглядами котораго мы совершенно согласны, хотя и возстаемъ противъ нѣкоторыхъ доказательствъ, которыми онъ подкрѣпляетъ свои показанія.

Читатель вспомнить, что когда Біарнъ Геріульфсонъ увидѣлъ въ первый разъ берегъ, названный въ послѣдствіи Винландомъ, то держалъ курсъ въ открытое море и шельъ два дня, пока не увидѣлъ земли. Тогда продолжалъ идти три дня югозападнымъ вѣтромъ, и увидѣлъ третью землю, покрытую льдомъ; вѣтръ свѣжѣлъ, и онъ, найдя себя принужденнымъ

убрать паруса, шельъ такимъ образомъ четыре дня до Геріульфссенса, близъ южной оконечности Гренландіи. Третій видѣнный имъ берегъ, будучи на четыре дня хода съ свѣжимъ вѣтромъ, и къ югу отъ Гренландіи (въ томъ, что новооткрытый берегъ находился къ югу отъ Гренландіи, согласны всѣ Исландскіе писатели), долженъ быть не другое что, какъ Ньюфаундландъ. Проходя мимо него, Біарнъ увидѣлъ, что это былъ островъ; вѣроятно, что изъ сего обстоятельства г-нъ Рафнъ выводитъ, будто это Белльиль (Belleisle). Но что же могло отклонить Біарна такъ далеко къ Белльилю? Очевидно, что онъ видѣлъ южную часть полуострова, соединеннаго съ материкомъ только узкимъ перешейкомъ, по одну сторону котораго заливъ Тришти-бей, а по другую Плацил-бей, и принялъ его за островъ. Разстояніе отъ Кана Бройль, выдающагося отъ Ньюфаундланда, до Геріульфссенса, около 720 морскихъ миль, которыя, съ свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ и парусностью, достаточною для семи узловъ хода, можно пройти ровно въ четыре дня. До сихъ поръ плаваніе удобно опредѣляется.

Но далѣе мы должны возвратиться назадъ, и посмотреть, какія страны по южную сторону Ньюфаундланда раздѣлены отъ него, и между собою, разстояніями на два и на три дня хода. И здѣсь нѣтъ мѣста недоумѣнію; мы видимъ возможность сдѣлать заключеніе вѣрное: земля, видѣнная Біарномъ въ первый разъ, была берегъ Новой Англіи, и вѣроятно, близъ Кодъ Кана; слѣдующій, видѣнный имъ потомъ берегъ былъ не иное что, какъ Новая Скотія. Оба сіи берега протягиваются на значительное разстояніе отъ материка, и лежатъ съ Ньюфаундландомъ на одномъ румбѣ SWtW. Біарна носили вѣтры, самъ онъ не зналъ куда, и когда онъ увидѣлъ себя вблизи берега, который, по своей плодородной наружности, не могъ быть Гренландіей, то онъ на-

правиль курсъ прочь отъ него, какъ ясно говоритъ историкъ. Можемъ быть увѣрены, что онъ правиль на нѣсколько румбовъ съверо-восточнѣе. На семь курсъ увидѣлъ онъ, черезъ два дня, еще землю, безъ сомнѣннй, выдавшуюся далеко отъ материка, потому, что онъ дошелъ до нея, не смотря на то, что правиль избѣгалъ берега. Если мы предположимъ, что берегъ *Массачусета* былъ первою, видѣнною имъ землей, то слѣдующая неминуемо должна быть *Новая Скотія*. Но поелику берегъ сей страны идетъ по одному неизмѣнному направленію на съверо-востокъ, около трехъ сотъ миль, то онъ необходимо долженъ былъ навести Біарна на курсъ, который, если идти имъ постоянно три дня, непременно приведетъ къ южной оконечности *Ньюфоундленда*. Можетъ быть спросить: почему, достигнувъ сего послѣдняго мыса, *Нордманнъ* перемѣнилъ курсъ и сталъ держать прямо на съверъ? На это отвѣчаемъ, что во первыхъ, восточный берегъ *Ньюфоундленда* не низокъ и не пещанъ, такъ какъ берегъ *Массачусета*, и не протягивается на съверовостокъ, такъ какъ берегъ *Новой Скотіи*. Слѣдовательно, онъ не отклоняеть и не убѣждаетъ мореходца держать прямо на востокъ, а если мы не откажемъ Біарну въ способности размышлять и принимать въ соображеніе положеніе свое, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что онъ сталъ править настоящимъ курсомъ. Во вторыхъ, должно вспомнить, что въ послѣдней половинѣ путешествія вѣтеръ дулъ свѣжо отъ юго-запада, и плаватель нашъ принужденнымъ убавлять парусовъ; если бы онъ продолжалъ лежать на съверо-востокъ (потому, что намъ въ точности неизвѣстно, какъ онъ правиль), то онъ уналъ бы далѣе подъ вѣтеръ отъ нужнаго ему направленія, нежели въ первой половинѣ своего путешествія, и настоящій его курсъ долженствовалъ бы быть все таки нордъ, ибо мы можемъ быть увѣрены, что тогдашнй постройка и управленіе судовъ

были гораздо менѣе нынѣшняго способны бороться съ крѣпкими вѣтрами. И такъ, если мы отклонимъ отъ Біарна все притязанія на искусство и опытности въ кораблевожденіи, и допустимъ, что его носили какъ попало крѣпкіе вѣтры, то все таки не станеть за доказательствами, что онъ могъ въ сихъ обстоятельствахъ благополучно прибыть въ *Геріульфснесъ*.

О странствованіяхъ *Лейфа* не осталось намъ никакихъ мореходныхъ подробностей. Онъ отправился отыскивать открытія Біарномъ страны, и слѣдуя по курсу своего предшественника, какъ и всь, кто ходилъ послѣ него, видѣлъ три земли, которые называлъ: *Геллуландъ*, *Маркландъ*, *Винландъ*. Фактъ, что сіи три берега, изъ которыхъ одинъ покрытъ аспидомъ, другой льсомъ, а на третьемъ растутъ виноградъ, открывались всегда одинъ за другимъ съвернымъ мореплавателямъ, шедшимъ изъ *Гренландіи* на югъ, фактъ этотъ не долженъ оставлять сомнѣннй, что сіи три земли были, дѣйствительно, выдающіеся въ море части *Ньюфоундленда*, *Новой Скотіи*, *Новой Англии*, около *Массачусета*. Природа и мѣстность ихъ совершенно сходствуютъ съ описаніями странъ, открытыхъ *Нордманнами*. Въ *Ньюфоундландѣ* видимъ голыя скалы и льды *Геллуланда*; въ низменныхъ, покрытыхъ льсомъ берегахъ *Новой Скотіи* не трудно узнать *Маркландъ*. Что касается до *Винланда*, то, кажется, не трудно увѣриться въ тожествѣ его съ *Массачусетомъ*, по разительному сходству между древнимъ описаніемъ *Винланда* и положеніемъ берега *Америки* у *Массачусета*. Разсказъ *Торвальда* доставляеть намъ подробности не двусмысленнаго качества. Его изслѣдованія земли, начатые отъ *Лейфовыхъ Шалашей*, были, какъ кажется, направлены на востокъ и западъ. Самъ онъ, какъ говоритъ сага, пошелъ на востокъ вдоль берега, а потомъ направилъ путь нѣсколько съвернѣе (у мыса *Малабара*), вокругъ земли, оказавшейся полу-

островомъ (Наузеть), заключающимъ собою заливъ (Капъ-Кодъ-Бей). Въ семь заливъ сталъ онъ на якорь, противъ устья рѣки, текущей отъ востока на западъ (рѣка Памоть). Мысъ (Капъ-Кодъ), оканчивающій полуостровъ и названный Кіаларнестъ, находился напротивъ другаго мыса на материкъ (Гурнетъ-Пойнтъ), покрытаго деревьями и казавшагося ему очаровательно прекраснымъ. Описаніе очень идетъ къ полуострову у Плимута, что можно даже видѣть изъ именъ находящихся тамъ мѣстъ: *Гай-Пайнс-Леджъ* (High - Pines Ledge) и *Гринъ-Гарборъ* (Green-Harbour) (т. е. закраина высокихъ сосенъ и зеленая гавань). Подробности путешествія Торвальда вдоль берега къ востоку, и потомъ къ сѣверу, пока онъ не обогнулъ мыса, заключающаго собою заливъ, и не нашелъ текущей къ западу рѣки, совершенно сходятся съ особенностями берега Капъ-Кодскаго полуострова; въ Новомъ Свѣтѣ пѣтъ другаго мѣста, на которомъ предположеніе могло бы вѣрнѣе остановиться. Въ сихъ же краяхъ находимъ мы и *Фурдустрандъ*, т. е. *Чудесный* или *Предвѣщательный берегъ*. Что это названіе можно безошибочно дать пещанымъ равнинамъ близъ Капъ-Кода, читатель увидитъ изъ слѣдующаго описанія геологическихъ свойствъ Массачусета однимъ новѣйшимъ писателемъ г. Гичькокомъ (Nitchcock):

«Бугры, или песчаные холмы,» замѣчаетъ онъ, «которые почти совершенно лишены всякой растительности, здѣсь бѣлы, какъ снѣгъ, и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе зрителя. По мѣрѣ приближенія къ мысу, пески и бесплодіе являютъ болѣе и болѣе, и въ весьма многихъ мѣстахъ, даже стѣнные Арабы имѣли бы право вообразить себя среди Аравійскихъ или Ливійскихъ стѣпей.»

Частью явленія миражей* на пещаныхъ равни-

* *Миражи* — mirages. Отъ преломленія лучей зрѣнія въ слояхъ атмосферы надъ горизонтомъ зрителя, всѣ дальніе предметы неказаются

пахъ около Капъ-Кода, оправдываютъ еще болѣе названіе *Чудеснаго Берега*. Подлѣ него находится островъ (Нантуккетъ), между которымъ и материкомъ Нордманны направляли свой путь. Къ западу отъ Чудеснаго Берега, мы, согласно съ старинными описаніями, находимъ, что дѣйствительно побережье далеко обсажено пещаными отмелями. *Буззардовъ проливъ* (Buzzard's inlet) есть, вѣроятно, Скандинавскій *Страумфюрдъ*, а *Моунтъ-Гонъ-Бей*, выше Родъ-исленда (Rhode Island), совершенно соответствуетъ Нордманнскому описанію *Гопа* (называемого ими иногда и озеромъ), близъ котораго Карлсефнъ провелъ зиму. Не трудно распространить исчисленіе сходствъ, могущихъ послужить доказательствомъ, что *Винландъ* Нордманновъ находился на южныхъ берегахъ Массачусета и Родъ-исленда. Считаю приведенные нами примѣры достаточно сильными отклонить всякое недоумѣніе, мы удовольствуемся только тѣмъ замѣчаніемъ, что когда Англійскіе поселенцы прибыли въ первый разъ къ симъ берегамъ, то они нашли дикій виноградъ на холмахъ, Индѣйское ишено на равнинахъ, множество рыбы въ рѣкахъ и проливахъ, а на островахъ безчисленное множество дикихъ птицъ разнаго рода — однимъ словомъ, точъ въ точъ то, что нашли Нордманны.

Между прочимъ, мы считаемъ себя обязанными не пропускать видимаго затрудненія, происходящаго отъ несогласія авторитетовъ, и что г. Рафнъ проходить въ молчаніи. Въ отрывкѣ, названномъ исторіею

и представляюгъ часто самыя странныя и чуждыя образы; напримеръ, идучи съ моря, видишь, что надъ берегомъ, или городомъ, кажется, какъ будто поставленъ другой берегъ, или городъ, вверхъ ногами; строения, шпицы и холмы обонхъ совершенно соответствуютъ другъ другу. Явленіе это часто видимо въ морѣ. Въ пещаныхъ же стѣняхъ преломленіе лучей зрѣнія представляетъ вдаль горы, лѣса, большія озера, и т. п. Часто утомленный путникъ, обманутый симъ явленіемъ, спешитъ далѣе, въ надеждѣ отдыха и утоленія жажды къ обманчивымъ призракамъ, и гибнетъ въ знойныхъ пескахъ. *Пр. Цер.*

Карлсефна, мы читаем, что экспедиція его, идущи отъ Біарнея, или Диско-исленда, находящагося далеко на сѣверѣ, дошла до Геллуланда въ два дня. Потомъ правила онъ на юго-востокъ, къ Маркланду, и опять переѣхала курсъ на югъ, для того, чтобы попасть въ Винландъ. Разстояніе отъ Диско-исленда до Ньюфундланда не менѣе 1400 морскихъ миль, которыя въ два дня пройти нѣтъ возможности; что же касается до курса, по которому Карлсефнъ правилъ къ Винланду, достаточно замѣтить, что онъ не только разногласитъ съ нашею гипотезою географическаго положенія Винланда, но даже не ведетъ ни къ какимъ возможнымъ открытіямъ. Между тѣмъ, ни одинъ здравомыслящій читатель не можетъ возымѣть подозрѣнія на счетъ подлинности и неподдѣльной истины отрывка. Какимъ же образомъ выпутаться изъ означенныхъ несообразностей? Просто, вообразивъ себѣ, что авторъ Карлсефновой саги обращалъ мало вниманія, а можетъ быть, и мало имѣлъ понятія о мореходныхъ и гидрографическихъ подробностяхъ путешествія въ Винландъ. Это очевидно. Не смотря на то, что летописецъ весьма точенъ и подробенъ во всемъ другомъ, описанія посѣщенныхъ Нордманнами береговъ такъ у него кратки и поверхностны, что кажутся извлеченными изъ другихъ, предшествовавшихъ путешествій въ описываемую страну. Авторъ саги былъ, повидному, изъ духовнаго званія, и писалъ со всѣмъ не съ тѣмъ, чтобы обогатить новыми свѣдѣніями географію, но просто для того только, чтобы сохранить въ памяти потомковъ дѣянія предковъ. Званіе свое обнаруживаетъ онъ замѣчаніями о древнихъ похоронныхъ обрядахъ Гренландцевъ и другихъ въ этомъ родѣ предметахъ. Легко уразумѣть, что въ древнія времена, когда историкъ почерпалъ свои матеріалы не изъ книгъ, а изъ изустныхъ преданій, творенія его должны были сильно запечатлѣваться недостатками

и особенностями его умственныхъ качествъ, понятій и привычекъ, нежели въ вѣкъ болѣе литературномъ. Изучающій минувшія времена изъ книгъ имѣетъ источники свѣдѣній, независимые отъ него самого и исполненные частностей и подробностей, часто о такихъ предметахъ, къ которымъ безъ нихъ онъ былъ бы, можетъ быть, и невнимателенъ. Но матеріалы писателя, основывающаго рассказъ на преданіяхъ, равно какъ и употребленіе, которое онъ изъ нихъ дѣлаетъ, весьма естественно носятъ на себѣ отпечатокъ его собственныхъ умственныхъ наклонностей и воззрѣній на предметы. Потому-то и не должно удивляться, что Исландскій епископъ, описывая исторію путешествій въ Винландъ, невнимателенъ къ подробностямъ пройденныхъ плавателями разстояній и направлений.

Тотъ, кто будетъ читать Собраніе Американскихъ Древностей, и увидитъ въ предисловіи, писанномъ г. Рафномъ на Англійскомъ языкѣ, что Торфиннъ Карлсефнъ шелъ изъ Гренландіи въ Геллуландъ два дня, и что курсы его оттуда въ Винландъ были S и SW, не мало удивится, взглянувъ на Датское и Латинское преложеніе Исландскаго текста, что время перехода Карлсефна между вышепоименованными мѣстами продолжалось только одинъ день (т. е. было между восходомъ и закатомъ солнца, какъ сказано въ Латинскомъ), или день и ночь (какъ въ Датскомъ). Кажется, что Исландское слово *daegr*, подобно Англійскому *day* (день), имѣетъ двойное значеніе, и можетъ означать, или просто сутки въ 24 часа, или день, то есть 12-ти часовой періодъ. Переводя Исландскій текстъ, преимущество отдали послѣднему значенію слова *daegr*, но въ географическихъ комментаріяхъ, издатель, какъ кажется, придерживался другаго смысла. Отсюда происходитъ безпрерывное разногласіе, тамъ, гдѣ дѣло касается времени, и читатель, не обратившій вниманія на сіе

обстоятельство, можетъ быть легко введенъ въ заблужденіе. Относительно направленія курсовъ, г. Рафъ принялъ невѣрную методу — молча исправлять своего автора. Въ такихъ поправкахъ онъ виноватъ передъ читателемъ, именно тѣмъ, что не предувѣдомляетъ его о причинахъ, побудившихъ къ подобнымъ измѣненіямъ оригинала.

Но вина еще важнѣйшая предыдущей, это умышленное пропущеніе какого нибудь обстоятельства. Здравый разумъ, не находящій никакихъ запутанностей въ простыхъ разсказахъ Скандинавскихъ летописцевъ, невольно возмущается, когда ему выставляють нелѣпыя доказательства, съ притязаніемъ на успѣшное извлеченіе изъ нихъ справедливости. Мы передали изъ разсказа о путешествіи Лейфа въ Винландъ описаніе климата сей страны, гдѣ говорится, что въ самый короткій день солнце находится надъ горизонтомъ *девять часовъ*. Привода такое указаніе, мы нарочно удержались отъ разсужденій о его неоспоримости, для того, чтобы разборъ дѣла не прервалъ нити нашего повѣствованія. Но мы находимъ себя вправѣ объявить здѣсь, что это мѣсто весьма запутано и темно, темнѣе почей зимняго солнцестоянія къ которому оно относится. Мы сознаемся что весьма мало приобрѣли мы отъ изученія диссертаций, имѣющихъ притязаніе на точное объясненіе задачи; намъ осталось одно утѣшеніе, что Исландскіе ученые знаютъ объ этомъ столько же мало, сколько мы. Нѣкоторые изъ нихъ объясняютъ слова оригинала тѣмъ, что солнце не должно быть болѣе шести часовъ надъ горизонтомъ. Большинство свѣрныхъ ученыхъ, подъ предводительствомъ Торфеуса и Вормскіольда, допускаетъ, что зимнее солнце Винланда освѣщаетъ землю только въ продолженіе восьми часовъ. Г. Рафъ, съ нѣсколькими избранными, опираясь на авторитеты Павла Видалина и Финка Юнсена, даетъ Винландскому дню девять

часовъ времени; изъ такого астрономическаго наблюденія, какъ имъ угодно называть, вычисляютъ они широту Винланда $41^{\circ} 24' 10''$; это въ самомъ дѣлѣ соответствуетъ широтѣ между двумя мысами у входа въ Мунтъ Гонъ-бей, предполагаемаго мѣста зимовки Карлсефна. Видимъ, что ученый излѣспитель, дабы насладиться призракомъ достоверности, готовъ помѣстить хоть въ облака свою, впрочемъ дѣльную въ другихъ отношеніяхъ гипотезу. Онъ чистосердечно сознается, что нельзя допустить чтобы Нордманны, въ 1000-мъ году, имѣли астрономическіе инструменты, посредствомъ которыхъ имъ можно бы было дѣлать точныя наблюденія. Для чего же останавливаться долго на обстоятельстве, доставляющемъ его противникамъ случай ко множеству придиорокъ? Мальте-Брюсъ и другіе, слѣдуя Торфеусу въ истолкованіи спорнаго дѣла, рѣшили что Винландъ Нордманновъ не иное что, какъ Ньюфундландъ. Они проглядели общія замѣчанія о климатѣ и произведеніяхъ страны, и показывал приторную покорность наукъ, предпочли темное и загадочное опредѣленіемъ гораздо болѣе яснымъ и правдоподобнымъ. Сожалѣемъ, что ученый *Мартинусъ Скриблерусъ* не подумалъ о разборѣ и изясненіи астрономическаго наблюденія, которому онъ придаетъ такъ много вѣса. Мы увѣрены, что не отдалимся отъ смысла оригинала, если переведемъ изреченіе Исландскаго текста такъ: «Тамъ (въ Винландѣ), въ самый короткій день, солнце свѣтитъ отъ завтрака до ужина (there on the shortest day, the sun is up from breakfast till supper). Это опредѣленіе кажется намъ слишкомъ грубо для того, чтобы вывести изъ него астрономическое наблюденіе, и по нашему мнѣнію, не стоитъ оно трудовъ, употребленныхъ для его изясненія. Какой бы смыслъ ученые ни придавали спорному изреченію, мы не думаемъ

чтобы им прибавилось чтонибудь положительное къ ученому достоинству изданія г. Рафа.

Столь же мало вѣрнѣмъ мы Руническимъ письменною, будто бы найденнымъ въ сосѣдствѣ Родъ-исленда, какъ и астрономическимъ наблюденіямъ Нордманновъ. Кажется, что въ рѣкѣ Таунтонъ, на нѣскольکو миль выше Моунтъ Гопъ-белъ, находится скала, вообще называемая *Дейтоновой писанной скалою* (Dighton-writing Rock), покрытая начертаніями, которыя принято называть *гieroглифами*. Во время владычества старинныхъ теорій, многіе воображали, что разбираемая на скалѣ фигурка были буквы Финикійскія. Нѣкоторымъ, съ такою же основательностію, угодно было величать ихъ Эѳіопскими; другіе опять находили въ нихъ большое сходство съ надписями, найденными Штраленбергомъ въ Сибири. Нынѣ открыто, что это должны быть Исландскіе Руны, начертанныя на скалѣ Торфинномъ Карлсефомъ и его спутниками, считавшими въ числѣ своихъ забавъ во время зимовки въ Винландѣ.

To cut their names on bark of trees,
With true-love-knots and flourishes.

Когда Датское Королевское Общество съверныхъ антикваріевъ обратилось къ Историческому Обществу Родъ-Исленда съ просьбою о вѣрныхъ копіяхъ и какихънибудь вѣрныхъ извѣстіяхъ, касательно предполагаемыхъ надписей, имъ отвѣчали усерднымъ собраніемъ свѣдѣній, предназначенныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, для утвержденія составившихся теорій, но, по нашему мнѣнію, совершенно гибельныхъ предположенной цѣли. Имъ говорили, что скалы съ изваяніями, подобныя находящейся у рѣки Таунтонъ, можно видѣть въ Кентукки, въ окрестностяхъ озера Эри, и въ другихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ: что курганы, или *tumuli*, и остатки различныхъ строеній, воздвигнутыхъ не туземными дикарями, попадаются въ тѣхъ же предѣлахъ. Но неужели при-

писывать все это Нордманнамъ? А если нѣтъ, то почему Дейтонова скала будетъ исключена изъ числа другихъ ея товарищей, и будетъ обязана своими изсѣченіями непременно Скандинавскому рѣзцу, и почему другія скалы должны довольствоваться смиренными Финикійскими, или даже Сибирскими гieroглифами? Не смотря на такіе вопросы, Датскіе антикваріи, не уstraшенные соперничествомъ Кентукійскихъ скалъ, или обстоятельствомъ, что скала, бывшая предметомъ ихъ изслѣдованій, находится ниже уровня полной воды и подвержена дѣйствию бурюновъ, не усомнились въ открытияхъ на ея поверхности Рунахъ, и признали ихъ Скандинавскимъ. Финнъ-Магнусенъ читаетъ съ увѣренностію (да почему же и нѣтъ?) слѣдующее: «СХХХI N (orth) M (en) NM OR (*nam or*, наши владѣнія), или еще латинъ: «151 человекъ Нордманновъ овладѣли этою странною. Читатель долженъ вспомнить, что экспедиція Торфинна Карлсефа состояла изъ 160 человекъ, которыхъ число уменьшилось до 151-го, отправленіемъ Торгалла съ восемью товарищами; также надобно замѣтить, что Исландская сотня состояла, или могла состоять, изъ *девятнадцати декадъ*, т. е. равнялась 120. Принявъ въ соображеніе и взвѣсивъ все это, счастливая точность надписи дѣлается несомнѣнною. Мы сознаемся, что толкованіе Магнусена кажется намъ исправленнымъ г. Рафомъ, который, найдя буквы FINS выскакивающими вслѣдъ за OR, и потому, предполагалъ глубокомысленно, что TH недоставало въ началѣ слова, *stýli aut tempori lapsu*, благополучно вывелъ имя *Торфинна*. Но довольно о шалостяхъ антикваріевъ. Мы считаемъ долгомъ присоветовать, что гравированные снимки съ различныхъ рисунковъ Дейтоновыхъ гieroглифовъ приложены къ книгѣ г. Рафа, и легко покажутъ хладнокровному читателю нелѣпный переходъ отъ грубо изсѣченной и источенной временемъ и

ударамъ волнъ скалы къ замысловатой и тщательно отдѣланной теоріи.

Не должно подозрѣвать насъ въ стараніи лишить собраніе Сѣверныхъ Древностей уваженія читателей, потому только, что въ нихъ встрѣчаются слѣды излишняго антикварскаго усердія. Въ этомъ собраніи находимъ мы достаточное количество матеріаловъ, доказывающихъ, что Американскій материкъ дѣйствительно былъ открытъ Норманнами въ началѣ XI-го столѣтія, но мы должны также откровенно сознаемъ, что въ немъ заключается много и такого что не доказываютъ ровно ничего! Неправедливо было бы смѣшивать въ одну категорію достоверную исторію съ вадорными вымыслами, или несообразными преданіями. По тому, мы сожалѣемъ, что Г. Рафъ повѣрилъ преданіямъ о *Большой Ирландіи* или *земли Бѣлыхъ людей* (the Whitemen's land), которая, какъ полагали, находилась на шесть сутокъ хода къ западу отъ Ирландіи. Это была христіанская страна, известная прежде Финланда. Норманны получили, по видимому, осведомленія объ ней отъ купцовъ, приходившихъ въ Лиммерихъ. Не пытаясь отвергать возможности, что Европейцы и христіане плавали черезъ Атлантическій океанъ и прежде Біарна, Лейфа и Карсефна, мы говоримъ однакоже утвердительно, что открытіе Земли Бѣлыхъ Людей различествуетъ существенно отъ очевидности и достоверности открытія Винланда, и никакъ не можетъ быть съ нимъ смѣшано, или поставлено на одну степень правды. Карсефнъ, какъ мы уже сказали, возвращаясь домой изъ Винланда, поймалъ на берегахъ Маркланда двухъ молодыхъ Скраелинговъ, или Эскимосовъ. Отъ нихъ узналъ онъ, что напротивъ ихъ страны была другая, гдѣ жили люди, носившіе бѣлую одежду, и въ рукахъ длинныя шесты, съ привязанными къ нимъ флагами (какъ это было изъ разказа понято). «Страна эта», говоритъ

древній летописецъ, «должна быть земля Бѣлыхъ Людей.» Г. Рафъ принимаетъ такое заключеніе, и старается создать мнѣніе, что далѣе къ югу, когда-то, была дѣйствительно Европейская колонія, съ чѣмъ согласны преданія Шаванійскихъ дикарей. По сіи преданія носятъ не къ X-му столѣтію, а къ прибытію Испанцевъ во Флориду. Кажется, что страна, лежавшая напротивъ той, съ которой взяты были молодые Скраелинга не иное что была, какъ Гренландія, а шесты, съ привѣшенными къ нимъ кусками холстины, были, вѣроятно, мачты и паруса на корабляхъ Бѣлыхъ Людей.

Мы стараемся предохранить истинные источники свѣдѣній о первыхъ открытіяхъ на Западъ, отъ поддѣльныхъ и вздорныхъ преданій, которыя являются намъ въ такомъ множествѣ отъ древнихъ временъ. Чѣмъ подробнѣе станемъ мы разсматривать исторію Эрика Краснаго и Торфинна Карсефна, тѣмъ болѣе чувствуемъ себя убѣжденными въ истинѣ ихъ открытій. Мы представимъ здѣсь читателю нѣсколько побочныхъ обстоятельствъ, утверждающихъ насъ болѣе и болѣе въ нашемъ вѣрованіи. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ для успокоенія людей, могущихъ сомнѣваться въ томъ, что Эскимосы могли быть встрѣчены на берегахъ Винланда. Нынѣ племя это осуждено обитать въ сѣверныхъ широтахъ, но мы безъ затрудненія готовы вѣрить, что въ X-мъ, или XI-мъ столѣтіи, оно обитало гораздо далѣе на югъ. Такое мнѣніе, основанное на разсмотрѣніи скелетовъ, найденныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, на преданіяхъ Краснокожихъ Индѣйцевъ, и другихъ обстоятельствахъ, есть мнѣніе общепринятое всеми заатлантическими антикваріями.

Не должно оставлять безъ вниманія того обстоятельства, что Норманны странствовали по западнымъ морямъ и дѣлали открытія, безъ сомнѣнія, далеко предшествовавшія періоду, отъ котораго на-

чинаются их историческія преданія. Ирландскій монах Дикуйль, въ XI-мъ столѣтіи писавшій географическое сочиненіе, наиболѣе выбранное изъ Римскихъ авторовъ, говорить что Ирландцы посѣщали Исландію около VIII-го столѣтія, и что за подвѣрка ранѣ грабежи и насильства Нордманновъ принудили ихъ выбраться съ острововъ Ферое, на которыхъ они имѣли колоніи. Изъ сего можно смѣло сдѣлать заключеніе, что мореходцы Ирландскіе были потомки Нордманновъ, а не Цельтовъ, которые, повидимому, никогда не обнаруживали склонности къ морскому дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, настоящая Ирландская лодка, или *cogacle*, обтянутая кожей, была неспособна выходить въ море; что же касалось до построеній большихъ судовъ, то береза и ольха Ирландскихъ лѣсовъ (потому, что дубъ и ясенъ являлись бесполезны въ дѣтствѣ искусства) едва ли были достаточны для снабженія нужными для постройки матеріалами. Сосновые лѣса Нордманновъ давали имъ передъ всѣми ихъ современниками столь значительное преимущество въ постройкѣ хорошихъ морскихъ судовъ, что если до насъ доходятъ преданія о смѣлыхъ предпріятіяхъ на моряхъ, то не безъ основанія можно быть увѣреннымъ, что Нордманны принимали въ нихъ участіе. Короче, мы вѣримъ, что *Tuath na Dandán*, поселившіеся въ Ирландіи, по крайней мѣрѣ, около времени Христіанской эры, и которые, по свидѣтельству О'Галлорана, говорили на Тевтонскомъ нарѣчій (*Germanice*, настоящее выраженіе въ текстѣ), были не иные кто, какъ Датчане; также, что сношенія между Скандинавіею и западомъ Ирландіи, дававшія древнимъ морякамъ столь много случаевъ выказать свою смѣлость и искусство на морѣ, начались съ весьма отдаленнаго періода.

Открытіе Винланда, какъ бы то ни было, свершилось не въ темное для исторіи время. Можетъ

быть, что ему предшествовали многія достопримечательныя путешествія на западъ, и мы не беремъ рѣшительно отвергать показаній Лиммерикскихъ купцовъ о Нордманнахъ, занесенныхъ въ Великую Ирландію и Землю Бѣлыхъ людей; они могли имѣть основаніе въ какихъ нибудь весьма отдаленныхъ Заатлантическихъ открытіяхъ. Обративъ вниманіе наше только на то, что въ строгомъ смыслѣ принадлежитъ исторіи, мы можемъ замѣтить, что открытіе Винланда произошло современно колонизаціи Гренландіи и введенію Христіанства въ ней и въ Исландіи; следовательно, оно принадлежало къ самымъ занимательнымъ періодамъ бытописаній Сѣвера. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ семъ событіи, какъ то, напримѣръ, Торфиннъ Карлсефнъ, сдѣлались родоначальниками главнѣйшихъ Исландскихъ родовъ, въ числѣ членовъ которыхъ были и многіе ученые мужи. По тому не удивительно, что столь важное событіе выставлено лѣтописцами въ должномъ блескѣ и описано съ величайшею вѣрностью и подробностью. Лѣтописи, въ которыхъ оно повѣствуется, распространяются о родословныхъ и о связяхъ по крови, или по женитьбѣ героевъ, конхъ имена сохраняютъ онѣ для потомства; сіи хроники, по сличеніи съ другими современными исторіями, получаютъ отъ всѣхъ ихъ подкрѣпленіе, и еще болѣе выигрываютъ тѣмъ въ глазахъ просвѣщеннаго читателя.

Далѣе, должно также замѣтить, что открытіе Винланда, не было мимоходнымъ событіемъ, забытымъ вскорѣ послѣ того, когда оно совершилось. Поселику сіи экспедиціи считались выгодными, поколѣніе Эрика Краснаго, съ котораго они начались, продолжало снаряжать ихъ, и возбуждало къ нимъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Члены сего семейства имѣли свою долю во всѣхъ путешествіяхъ въ Винландъ, съ 1000 до 1013 года, потому и можно разсматри-

вать сіи экспедиціи, какъ бы составляющія одинъ рядъ. Такой порядокъ и такая послѣдовательность событій, конечно, не могутъ быть удѣломъ вымысла. Исландскіе писатели XIV-го столѣтія говорятъ намъ, что путешествія въ Винландъ были найдены невыгодными, но такое извѣстіе кажется въ сильной степени сомнительнымъ. Пылкія надежды и непобѣдимая заманчивость новизны возбуждали, можетъ быть, первыхъ искателей приключеній; невѣроятно, чтобы Лейфъ получилъ большіе барыши отъ привезеннаго имъ на родину груза винограда, но почему же сомнѣваться, что онъ дѣйствительно привезъ съ собою такой грузъ? Развѣ въ XVI-мъ столѣтіи грузы желтаго глиммера не привозились въ Лондонъ, будто золотой песокъ, и грузы калейдоскоповъ не были отправляемы на колоніальные рынки въ наши дни? Карлсефнъ, собирався ити въ Винландъ, сдѣлалъ всѣхъ своихъ спутниковъ участниками предпріятія. Фрейдиза также, какъ мы видѣли, взяла на свою долю половину барыша всей экспедиціи. Первый доказалъ выгодность путешествія покупкою въ Исландіи большаго иомества. Прибывъ въ Винландъ, какъ насъ увѣдомляютъ, онъ нашелъ для себя въ готовности уже большіе запасы строеваго лѣса, замороженнаго на берегу, и взялъ отъ туземцовъ множество самыхъ лучшихъ мѣховъ, за дешевѣйшую по возможности цѣну. Что касается до цѣнности привезеннаго имъ домоу лѣса, мы расскажем объ этомъ анекдотъ, столь любопытный, что нельзя его прейти въ молчаніи. Когда отважный морякъ собирався оставить Норвегію, для возвращенія въ Исландію, одинъ Бременскій купецъ пришелъ къ нему для покупки небольшого кряжа. Карлсефнъ далъ ему уразумѣть, что онъ уже кончилъ свои торги, но купецъ, предложивъ ему полъ-марки, или полъ-фунта золота, что было повидимому очень щедро, приобрѣлъ себѣ кряжъ. Это драгоценное дере-

во было, вѣроятно, разноцвѣтный кленъ, растущій въ изобиліи на Родъ-ислендѣ и въ Массачусетсѣ. Цѣна, заплаченная за кряжъ, равнялась 16 фунтамъ стерлинговъ, пыльными деньгами.

Въ исторіи Винланда, многіе выставляли подозрительнымъ то обстоятельство, что Гренландскіе колонисты не поддерживали съ сею страню постоянныхъ сношеній, и что сіи страны скоро были ими упущены изъ виду. Но сіе ошибочное понятіе происходитъ отъ невѣжества большей части Европы на счетъ Сѣверной литературы. Хорошо извѣстно, что сношенія съ Гренландскими колоніями прекратились не ранѣе, какъ въ началѣ XV-го столѣтія, и что сіи колоніи до такой степени были потомъ забыты, что прошло цѣлое столѣтіе, прежде нежели опять вспомнили объ ихъ существованіи. Зараза, голодъ и разбойничества пиратовъ были призваны на помощь для объясненія, какимъ образомъ могли забыть объ нихъ. Но намъ легко понять, что постепенный упадокъ и современное оставленіе древнихъ Гренландскихъ колоній произошли собственно отъ монополной торговли, которая привела колоніи въ зависимость отъ ограниченныхъ и ненадежныхъ снабженій и стѣснила тѣмъ способы ихъ сношеній съ Европою. Въ такихъ обстоятельствахъ не должно казаться удивительнымъ, если слухи о Винландѣ замолкли. Но Исландскія сказанія доказываютъ намъ, что путешествія на Американскій материкъ продолжались столь долго, сколько существовала въ Гренландіи торговая предпримчивость, и почти до послѣдняго періода угасавшихъ сообщеній сей колоніи съ Исландіею. Слѣдующее краткое измеченіе изъ Исландскихъ лѣтописей подтвердитъ наше мнѣніе:

1121 г. Эрпкъ, епископъ Гренландскій, посѣтилъ Винландъ. (Достойно замѣчанія, что здѣсь не говорится ни слова о томъ, имѣли ли Норманны колоніи въ Винландѣ.)

1285. Адельбрандъ и Торвальдъ, сыновья Гелга, открыли новую землю къ западу отъ Исландіи (вѣроятно, какую нибудь часть Лабрадора).

1288. Король Эрикъ отправилъ Рольфа для описи и изслѣдованія новой земли.

1290. Рольфъ отправился изъ Исландіи, куда онъ заходилъ за людьми, способными сопровождать его на новую землю. (Смерть Ланда-Рольфа, или Рольфа-Открывателя, послѣдовала въ 1295 году).

1347. Тринадцать большихъ кораблей прибыли въ Исландію. Корабль Эндридіанъ пронесенъ бурною на мысъ Ланганесъ, въ восточномъ Боргафіордъ, но экипажъ и часть груза были спасены. Корабль Бессалангъ разбился на берегу около Сиды; девятнадцать челоувѣкъ изъ экипажа, въ томъ числѣ Гальдоръ и Гутормъ, утонули. Большая сумма денегъ была въ то время потеряна. Шесть другихъ кораблей были задержаны въ гавани вѣтрами. Изъ Гренландіи пришло судно меньшей величины, нежели обыкновенныя Исландскія суда. Оно въѣхало въ Страум-фіордъ, потерявъ якоря. На немъ было 17-ть челоувѣкъ, шедшихъ въ Маркландъ, которыхъ долго носили по океану бурные вѣтры.»

Мы не считаемъ невѣроятнымъ, что въ вѣкъ, когда не было географическихъ картъ для упроченія названій мѣстъ Западнаго материка, названіе *Винланда* должно было вскорѣ вытти изъ употребленія. Очень немудрено и то, что Гренландскіе искатели приключеній должны были естественнымъ образомъ дать названіе *Маркланда* (лѣспистой земли) всѣмъ юго-западнымъ странамъ, къ которымъ они заходили для рубки лѣса.

Общее правдоподобіе и единодушіе Исландскихъ историковъ, говорящихъ о Винландѣ, весьма замѣчательны. Въ нихъ, между прочимъ, мы видимъ, что величайшая смертность постоянно господствовала на судахъ, отправлявшихся въ экспедиціи для от-

крытіи; очевидно, что главною причиною того были неудобства жизни и плохая пища. Чрезвычайно важное искусство сохраненія здоровья на морѣ имѣетъ современное намъ начало, и мы можемъ прибавить съ гордостію, есть открытіе совершенно Великобританское *. Изъ полудюжины путешествій, о которыхъ, прямо или мимоходомъ, говорятъ саги, повѣствуя объ Эрикѣ Красномъ и Торфиннѣ Карлсефнѣ, три экспедиціи жестоко пострадали отъ губительныхъ болѣзней. Причины очевидны. Торбјорнъ, отправляясь изъ Исландіи въ Гренландію, имѣлъ корабль биткомъ набитый людьми; Тореръ и его спутники терпѣли кораблекрушеніе, и вѣроятно, долго страдали отъ голода и холода, прежде нежели Лейфъ взялъ ихъ со скалы. Торстейнъ, бросаемый почти цѣлою лѣто по океану, долженъ былъ весьма естественно претерпѣть много физическихъ страданій. Любопытно замѣтить, что даже начальники семействъ Гренландскихъ колонистовъ не были избавлены отъ бѣдствій и недостатка въ пищѣ. Богатство и значительность Сѣверныхъ искателей приключеній заключались, повидимому, не въ обширности ихъ помѣстевъ, но въ числѣ послѣдователей, готовыхъ вмѣстѣ съ ними отважиться на всѣ возможные подвиги.

Другое доказательство правдивости древнихъ Скан-

* An invention wholly British. Но это пишетъ Англичанинъ. Мы советуемъ читателямъ просмотрѣть, написанную докторомъ (что нынѣ профессоръ Казанскаго Университета) Вишневецкимъ, морскую гигиену; тамъ они увидятъ, что около двадцати лѣтъ тому, въ Англійскомъ флотѣ не было даже положенія на особую пищу для больныхъ — больной долженъ былъ есть тоже, что и здоровый. Если бы не челоувѣколюбіе одного Англійскаго Адмирала, то сей порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ вещей, продолжался бы, можетъ быть, еще долгое время. Между тѣмъ, въ Морскомъ Уставѣ Петра Великаго опредѣлены уже штатомъ медикаменты, и положена экстраординарная сумма для покупки въ портахъ лѣкарствъ и особливо пищи, необходимой для больныхъ. Вообще попечительность о больныхъ матросахъ есть предметъ, на который въ нашемъ флотѣ обращено было съ самаго его начала особенное вниманіе. *Прим. Перев.*

динавскихъ летописцевъ есть простодушная важность, съ которою рассказываютъ они о своихъ суевѣрiяхъ. Исторiя супруги Карлсефна Гудриды, высказываетъ любопытнымъ и поэтическимъ образомъ народныя вѣрованiя того перiода въ сверхъестественныя причины, имѣющiя влiянiе на судьбу человека. Въ сагъ о Эрихъ Красномъ сказано, что первый супругъ Гудриды, Торстейнъ, послѣ своей смерти поднялся въ гробницу, назвалъ ее по имени, и предсказалъ ей супружество съ Торфинномъ Карлсефномъ и будущее величiе ихъ рода. Въ Карлсефновой сагѣ, важное предвѣщанiе вложено въ уста одаренной (gifted) женщины, призванной на пиршество, для предвѣщанiя объ успѣхъ жатвы и рыбной ловли. Сii два мѣста стоятъ подробнаго изученiя, и особенно последнее описываетъ сцену Скандинавскаго гаданiя съ большою вѣрностию и точностию, нежели всѣ произведенiя древней Сѣверной литературы. Авторъ сначала извиняется въ участiи, принятомъ его героинею въ языческой церемонiи, при которой отецъ ея отказался присутствовать. Гудрида увидѣла чародѣйку въ другой разъ въ Винландѣ, въ то время, когда соотечественники ея едва не были разбиты Скрамлингами; Нордманны, оправясь отъ своего панического страха, замѣтили, что толпы которыхъ, ихъ окружили, были не иное что какъ заманки (felches), или привидѣнiя.

Открытие Винланда, какъ мы видѣли, немедленно сдѣлалось известнымъ въ Норвегiи, а въ послѣдней половинѣ XI-го столѣтiя Адамъ Бременскiй слышалъ о томъ отъ Датскаго Короля Свейна. «Это открытiе», замѣчаетъ онъ съ восторгомъ, «не басня, потому, что мы имѣемъ объ немъ вѣрныя свѣдѣнiя отъ Датчанъ». Въ героической поэмѣ, писанной на Фероескихъ островахъ, и помѣщенной въ собранiи г-на Рафна, часто встрѣчается названiе Винланда. Герой ея Финнъ отправляется въ Винландъ по желанiю Ирландской

принцессы Ингеборги и убиваетъ тамошнихъ королей и драконовъ. Позволяемъ себѣ не вѣрить рассказамъ восторженнаго поэта, но не можемъ не замѣтить основы, доказывающей народное убѣжденiе въ существованiи Винланда.

Отрывки изъ древнихъ Исландскихъ географовъ, помѣщенные въ собранiи Датскихъ антикварiевъ, имѣютъ гораздо больше достоинствъ. Они согласны въ томъ, что Маркландъ и Винландъ находятся къ югу отъ Гренландiи, и (что весьма замѣчательно) у нихъ было предположенiе, будто Винландъ, отдаленнѣйшая отъ нихъ страна въ сей части свѣта, соединяется съ Африкою. Дабы понять всю силу и значенiе такой странной гипотезы, должно привести себѣ на память нѣсколько примѣровъ систематическихъ мнѣнiй, основанныхъ на подобныхъ смѣшенiяхъ невѣжества и знанiя. Птоломей, слѣдуя Гекатею (Hecateus), предпологалъ, что Африка протягивается на дальнее разстоянiе отъ юго-запада и соединяется съ Азiею; такiя понятiя держались, по крайней мѣрѣ, у Арабскихъ писателей, до XIV-го столѣтiя. Другiе воображали себѣ, что Лапландiя идетъ на западъ черезъ сѣверное море и соединяется съ Гренландiею. Сей образъ разграниченiя сѣверныхъ странъ держался у географовъ до конца XVI-го столѣтiя. Не надобно слишкомъ большихъ аналитическихъ соображенiй для того, чтобы замѣтить, какъ идея, проявляющаяся въ видѣ подобной странной гипотезы, происходитъ изъ понятiя о безпредѣльномъ растянiи земли. Когда два берега, предѣлы которыхъ неизвѣстны, лежатъ одинъ противъ другаго, то задача гдѣ они окончиваются, естественно разрѣшается воображаемымъ ихъ соединенiемъ. Когда Исландскiе географы говорятъ, что продолженiе Винланда должно соединиться съ Африкою, они уведомляютъ насъ снмъ извѣстiемъ о двухъ фактахъ: во первыхъ о томъ, что Винландъ находился далеко къ югу отъ Гренландiи,

а во вторыхъ, что хотя протяженіе его берега на югъ и было неизвѣстно, но все таки его считали весьма большимъ.

Колумбъ посѣщалъ Исландію въ 1477 году, и судя по его обширнымъ свѣдѣніямъ, нельзя сомнѣваться, чтобы онъ не слышалъ о древнихъ путешественіяхъ Нордманновъ и открытомъ ими Винландѣ. Впрочемъ, путешествіе въ Винландъ, совершенное въ несколько дней изъ Гренландіи, страны, которую предполагали соединенною съ Европою, имѣло мало общаго съ расчетами и предположеніями Колумба, и, вѣроятно, не подтвердило его смѣлой мысли — пуститься черезъ Атлантическій океанъ въ тропической широтѣ. Но что могло быть однакожь болѣе кстати, или болѣе сообразно съ его видами, если не тотъ фактъ, что Нордманны, отважившіеся изъ мореходствъ, имѣли извѣстія о странѣ, лежащей на западъ, которую считали они протягивающеюся далеко къ югу и соединяющеюся съ Африкою? Развѣ умный Генуэзецъ не могъ найти какого нибудь подтвержденія своей мысли въ слѣдующемъ, гораздо болѣе точномъ выраженіи Исландскаго географа: «На западъ великаго моря Испанскаго, которое нынѣ называютъ *Гиннунгаганъ*, и которое также протягивается на значительное разстояніе къ сѣверу, первая встрѣченная земля будетъ добрый Винландъ». Намъ кажется, что къ достоинствамъ и заслугамъ Колумба прибавится немного, если мы станемъ утверждать, что онъ былъ неособенъ воспользоваться столь явнымъ намъкомъ.

(Изъ For. Quart. Rev. Апрель, 1838 года.)

ОЧЕРКЪ

Русской Литературы за 1838-й годъ.

85. Продолженіе Свода Законовъ *Россійской Имперіи*. Часть V. 1837 годъ (стр. съ 3971-й по 5129-ю). Спб. въ тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1838 г. въ б. 8. LIII и 1158 стр.

Однимъ изъ великихъ подвиговъ нашего мудраго Русскаго Царя останется навсегда исполненіе благотворной мысли — собрать единообразно, и издать для употребленія всѣхъ существующихъ нынѣ, дѣйствительные законы Россійскаго Государства. Превосходно исполнена была эта великая мысль, и юриспруденціи Русская получила на пей свое твердое основаніе; ея папесенъ смертельный ударъ кривосудію и лбедь, и каждый приобрѣлъ посредствомъ ея возможность знать права свои и уставы общества, котораго онъ членъ и участникъ. Великій подвигъ гражданскій, уже оцѣненный благодарностію нашею!

Послѣ изданія полнаго хронологическаго «Собранія» текстовъ и «Свода» ихъ, или систематической выборки изъ нихъ, положено было издавать ежегодное дополненіе къ «Своду», состоящее изъ тѣхъ законовъ, которые вновь утверждены будутъ въ теченіе каждаго года. Тексты ихъ, по хронологическому порядку, печатаются въ издаваемыхъ отъ Сената *Вѣдомостяхъ*. Въ слѣдствіе сего систематическій обзоръ сихъ текстовъ, или «Продолженіе Свода Законовъ», располагается въ раздробительномъ, систематическомъ порядкѣ, сообразно

Т. V. — Отд. IV.

принятому въ основаніе дѣлению на 15-ть томовъ, и всѣ сін тексты разпосылаются по всѣмъ тѣмъ томамъ, главамъ и параграфамъ, къ которымъ они относятся, замѣняя прежнія статьи, измѣняя ихъ, или дополняя. Такимъ образомъ, имѣя въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ полные тексты новыхъ законовъ, по мѣрѣ выхода ихъ, мы получаемъ потомъ въ «Продолженіи Свода», систематически расположенное, ежегодное дополненіе его. И здѣсь нельзя не воздать полной благодарности мудрому распоряженію Правительства, и тщательной исправности труда редакторовъ «Продолженія». Съ строжайшею разборчивостію разносится ими каждая статья по ея предметамъ. Каждый годъ образуетъ отдѣльный томъ, имѣющій одно означеніе страницъ съ прежними, и въ началѣ каждаго прилагается подробная таблица, показывающая, какая именно статья «Свода» и «Продолженія» отмѣняется, измѣняется или дополняется новыми законами. Съ отмѣткою указанныхъ мѣстъ, «Сводъ» законовъ всегда представляетъ полноту ихъ до истеченія каждаго года. Замѣтимъ притомъ, что «Продолженіе» Свода составляется непрерывно, и потому въ теченіе полугода, Редакторы успѣваютъ отпечатать и передать его публикѣ и присутственнымъ мѣстамъ. Такъ и въ выданномъ нынѣ 5-мъ томѣ, не смотря на то, что онъ составляетъ болѣе 1200 страницъ мелкой и трудной печати, заключаются уже всѣ узаконенія, изданныя въ минувшемъ 1837 году.

Пріятно сердцу чувствовать и оцѣнять такую заботливость благотельнаго Правительства о столь важномъ дѣлѣ, какова редакция государственныхъ законовъ. Мы почитаемъ полезнымъ объясненіе наше для «нѣкоторыхъ» читателей, которые полагаютъ, что съ каждымъ новымъ годомъ, изданный «Сводъ Законовъ» старѣетъ и становится менѣе годнымъ для употребленія, по причинѣ вновь выходящихъ законовъ, и что въ слѣдствіе сего, не смотря на изданіе Свода, все-таки надобно относиться къ *дьявольскимъ* и *знахарскимъ* по юридической части. Именно этого то и пѣть: имѣя томы «Продолженія», стоитъ только пробѣжать таблицы, при нихъ приложенныя, и вы немедленно увидите: остался ли по прежнему, измѣнился, дополненъ, или вовсе отмѣненъ надобный вамъ параграфъ «Свода». Если кто изъ *дьяволовъ* станетъ вамъ говорить противное, можете смѣло не повѣрять ему, и понять, что

иначе говорить заставлять его желаніе воспользоваться вашимъ незнаніемъ.

Но кромѣ практической пользы, каждагодное «Продолженіе Свода» должно почтеть весьма важнымъ матеріаломъ для многихъ знаній и свѣдѣній: здѣсь матеріалы для статистика, географа, политическаго эконома, каждаго мыслящаго чело-вѣка. Законы суть слѣдствія истыхъ нуждъ и потребностей государства. Это лѣтописи современной жизни всякаго общества. Въ нихъ можно преслѣдовать современную жизнь каждаго народа, и извлекать факты для теорій. Желательно, чтобы опытная рука каждагодно передавала соотечественникамъ обзорніе столь важной книги, какова «Продолженіе Свода», съ сей точки зрѣнія. Подобное обзорніе могло бы быть для насъ драгоценнымъ, приносить истинную пользу, ближе знакомить насъ съ нашимъ отечествомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ указывать на зоркую бдительность, съ какою устремляется вниманіе Правительства на всѣ наши нужды и потребности общественыя. Какъ жаль, что такъ мало, если не вовсе пѣтъ у насъ дѣлателей на подобные труды!

86. Книга Большому Чертежу, или *древняя карта Россійскаго государства, поновленная въ Разрядѣ и списанная въ книгу, 1627 года.* Изданіе второе. Спб. въ тип. Росс. Академіи, 1838 г. въ 8, XXXI и 261 стр.

Старики наши чувствовали необходимость *чертежа* областямъ великаго Русскаго царства, по которому можно бы было и Великаго Государя войска водить, и воеводамъ его за областями надзирать, и посылать его царскимъ изъ одного мѣста въ другое ѣздить. *Градусной* *лѣтвы* они не знали, а потому и чертежъ выходилъ у нихъ не слишкомъ-то правилелъ. Но вины ли нашихъ стариковъ, когда и славный Герберштейнъ на картѣ своей соединилъ Каспійское Море съ Ледовитымъ, и сказывалъ сказки о великой Пермѣ? По крайней мѣрѣ, карта Россіи у насъ была уже въ концѣ XVI вѣка, и хранилась она въ Разрядѣ, а съ нея составлены были три описанія: рѣкъ и водъ, городовъ съ показаніемъ разстояній верстами, и чинопачалія (по которымъ городамъ какова чина бываютъ начальныя люди, болре ли, овольничіе ли, стольники ли). Знаемъ, что эту карту переписали съ обветшавшей, старинной карты при Царѣ Михаилѣ Феодоро-

вичъ, переписали и дополнили потомъ еще разъ при Θεодорѣ Алексѣевичѣ. Къ сожалѣнію, карта пропала; сохранились только *описанія* ея. Изъ числа ихъ, незабвенный Новиковъ издалъ описаніе рѣкъ и водъ (*Древняя Русская Идрографія*, Москва, 1773 года), хотѣлъ издать и «поверстную книгу» (все это съ списковъ 1680 года), но не издалъ. Кажется, эту «поверстную книгу» напечатали потомъ въ 1792 году (вѣроятно, Болтинъ, или А. И. Мусинъ-Пушкинъ, съ списка 1627 года), назвавъ ее, по первымъ словамъ въ заглавіи рукописи: «*Книга Большому Чертежу*». Сіе изданіе прославилось въ нашей библиографіи своею рѣдкостью. Мало ли экземпляровъ было его напечатано, или экземпляры его пропали какъ нибудь, но только они продавались весьма дорого, считались драгоценностью, и цѣнились рублемъ по сту, и даже болѣе.

Не смотря на всѣ недостатки и несовершенства, обѣ книги суть истинныя драгоценности для нашей исторіи, представляя собою превосходное руководство къ древней географіи нашей. Потому, нельзя не благодарить почтеннаго Д. И. Языкова, трудамъ котораго обязаны мы переводами Шлецерова Нестора и Лерберговыхъ изслѣдованій, за эту новую услугу занимающимся Русскою Исторіею, изъ коихъ многие не имѣють возможности пользоваться списками Книги Большаго Чертежа, находящимися въ разныхъ архивахъ и библиотекахъ. И тѣмъ болѣе еще, что почтенный Д. И. соединилъ теперь въ новомъ своемъ изданіи вмѣстѣ и Новиковскую Идрографію, и изданную въ 1792 году въ Петербургѣ Книгу Большаго Чертежа.

Жаль одного, что почтенный Д. И. не довершилъ своей услуги вполне. Надобно бы было выправить прежнія изданія обѣихъ книгъ по рукописямъ, хранящимся въ разныхъ библиотекахъ. Онъ не приложилъ никакихъ и примѣчаний историческихъ и критическихъ, что необходимо во многихъ мѣстахъ. Сличеніе съ рукописями нужно было особенно и для того, что прежніе издатели, не зная критическихъ условій печатанія древнихъ памятниковъ, по старинному обычаю *переправляли*, что казалось имъ не такъ, или непопятно. Прежній издатель Книги Большому Чертежу добродушно сознается въ этомъ («стѣлся я сколько можно *исправить* оныя,» т. е. не-

сходства старыхъ названій съ нынѣшними именами, что именомъ всего болѣе надобно бы было беречь). Слѣдовательно, подвигъ новаго издателя въ критическомъ отношеніи быть бы для насъ весьма важенъ, но — будемъ довольны и тѣмъ, что намъ даютъ. Надобно имѣть снисхожденіе къ средствамъ и способамъ каждаго дѣлателя, и въ семь случаевъ мы первые сознаемся охотно, что за ученою критикою у новаго издателя, извѣстнаго знатока Русской Исторіи и древностей, дѣло бы конечно не стало, и онъ самъ извинится въ предисловіи передъ читателями только «недостаткомъ времени,» почему не могъ онъ издать книги въ томъ видѣ, который удовлетворилъ бы вмѣстѣ и простому любопытству обыкновеннаго читателя, и изыскательности знатока.

87. Полный курсъ *Чистой Математики*, сочиненіе Франкера. Переведено съ Французскаго 4-го изданія, исправленнаго и значительно дополненнаго. Часть I. С. Петербургъ, въ типографіи Копр. Вилебера, 1838 г. въ 8, 664 и XI стр., съ *чертежами*.

Въ № 39 Сѣв. Пчелы сего года было помѣщено извѣстіе о томъ, что А. Ф. Смирдинъ приступилъ къ изданію новаго перевода Франкера курса, съ Французскаго 4-го изданія, вышедшаго въ Парижѣ въ прошедшемъ году. Первый томъ сего превосходнаго творенія теперь отпечатанъ и изданъ съ типографскою роскошью, какую вполне оно заслуживаетъ. Курсъ Франкера есть единственная учебная книга, въ которой *Чистая Математика*, отъ первыхъ началъ нумераціи, до самыхъ сложныхъ выводовъ интегральнаго исчисленія изложена въ современномъ ея состояніи. «Взявъ на себя трудъ,» говоритъ Авторъ въ своемъ предисловіи, «сравнить это изданіе съ первыми, усмотрять, что я употребилъ всѣ старанія, и не пренебрегъ ни однимъ совѣтомъ, дабы сдѣлать этотъ курсъ достойнымъ одобренія ученыхъ и наставниковъ. Руководствуясь недавно изданными трудами Фурье, Коши, Штурма, и сочиненіями Лефевюръ-Фурси, Мейера и Шоке, я значительно распространилъ алгебраическую часть, и что бы поставить ее на степень нынѣшняго состоянія науки, я вынужденъ былъ передѣлать почти всю вторую часть. Смію надѣяться, что я исполнилъ свой трудъ, какъ слѣдуетъ.»

Вышедшая теперь, 1-я часть курса Франкера заклю-

часть въ себя *Арифметику*, *Началами Алгебры*, *Геометрию* и *Приложение Алгебры къ Геометрии*, со включением *Приложением Тригонометрии* и *Конических сечений*. Объем нашей статьи не дозволить намъ исчислить здѣсь всѣхъ переменъ, сдѣланныхъ Франкеромъ въ семь изданій, въ сравненіи съ вышедшими у насъ въ Россіи въ 1827 году. Обратимъ вниманіе нашихъ читателей на главнѣйшія: въ Арифметикѣ на статьи о разложеніи чиселъ на первые производители, и о дробяхъ простыхъ и десятичныхъ; въ Алгебрѣ на способъ разыскиванія общаго наибольшаго дѣлителя, и на статью о рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій; въ Геометріи на всю 1-ю главу о линіяхъ, которая вновь написана авторомъ, съ искусствомъ, ему одному свойственнымъ. Не говоримъ о многихъ прибавленіяхъ и измѣненіяхъ, сдѣланныхъ авторомъ въ Тригонометріи и Аналитической Геометріи, касательно рѣшенія разнаго рода вопросовъ, доселѣ не входившихъ въ составъ учебнаго курса.

Отличительное качество трудовъ Франкера составляетъ сжатое, но чрезвычайно легкое изложеніе самыхъ сложныхъ теорій. «Опытъ убѣдилъ меня,» говоритъ Франкеръ, «что ничто столько не удаляетъ отъ цѣли, которой долженъ достигнуть всякій излагающій какую нибудь науку, какъ мелочное и утомительное разсмотрѣніе каждаго предмета. Сочинитель, передавая всѣ свои мысли, препятствуетъ разсужденію читателя; наставникъ дѣлается необходимымъ для учащагося, который привязывается такимъ образомъ къ нецѣльности разсудка и къ многословію, весьма вреднымъ для успѣха; наконецъ, занятіе подробностями не позволяетъ ему слѣдовать за связью существенныхъ понятій и постигнуть главнѣйшее—совокупность предложеній.» «Согласенъ,» продолжаетъ авторъ, «что мало найдется учениковъ, способныхъ понимать это сочиненіе безъ помощи наставника, но я изъ опыта убѣдился, что это участь всѣхъ математическихъ книгъ; преимущества сжатости слога, для образованія разсудка учащихъся, неоспоримы, а если вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжены и нѣкоторыя затрудненія, то устраненіе ихъ зависитъ отъ наставника.

Не считаемъ за нужное болѣе распространяться о достоинствахъ трудовъ Франкера, и въ особенности вышедшаго

нынѣ его Курса Математики. Мало у насъ найдется людей, которые неогладутъ должной справедливости сему писателю. Одни только пристрастные люди могутъ сказать: «Франкеръ давно уже и у нашихъ Французовъ попалъ въ число математическихъ древностей и любопытныхъ памлетниковъ, слѣдовательно часто встрѣчающейся между сочинителями книгъ, бездарности!» Новое изданіе Курса Франкера весьма красиво, даже великолѣпно. Переводъ его превосходный, ибо мы занимались два знатока своего дѣла.

88. Sur l'emploi de l'instrument des passages pour la détermination des positions géographiques (*Объ употребленіи пассажнаго инструмента при опредѣленіи географическихъ положеній*). Для офицеровъ Главнаго Штаба. Соч. Ф. Г. В. Струве, пер. съ Нѣм. А. Шишовымъ, поруч. Корпуса топографовъ. Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1838 г. въ 4, VI и 92 стр. съ рисунками.

Въ 1835 году, знаменитый астрономъ нашъ, г-нъ Струве издалъ брошюрку объ употребленіи известнаго инструмента, называемаго по Нѣмцки Durchgangs instrument, по Англиски Transit, а по Французски l'instrument des passages. Важность его для опредѣленія долготы и широты мѣстъ и высоты полюса доказана, почему, кромѣ употребленія въ Астрономіи, онъ введенъ въ употребленіе и при топографическихъ съемкахъ. Брошюрка г-на Струве дополнилась объясненіемъ его при преподаваніи имъ курса, донынѣ не изданнаго. Съ симъ-то дополненіемъ перевелъ теперь г-нъ Шишовъ на Французскій языкъ сочиненіе г-на Струве, гдѣ описывается, какъ инструментъ Трутона, известный особенно по наблюденіямъ посредствомъ его астронома Прейсса въ Калифорніи и Камчаткѣ, такъ и переносный инструментъ, сдѣланный потомъ Эртелемъ въ Мюнхенѣ. Въ концѣ приложено описаніе усовершенствованнаго Эртелемъ инструмента, болѣе огромнаго размѣра, который употребленъ былъ ученою экспедиціею, недавно производившею тригонометрическую инвентаризацию Каспійскаго и Чернаго морей. За тѣмъ слѣдуютъ каталоги приполюсныхъ (circumpolaires) звѣздъ, три таблицы для азимута полярной звѣзды и три рисунка инструмента. Изданіе и рисунки изящны.

89. *Взгляд на просвещение въ Китаѣ. Соч. О. Иакинво Биурна.* Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1838 г., въ 8, 73 стр.

Это отдѣльно напечатанные экземпляры чрезвычайно любопытной статьи, извѣщенной О. Иакинвомъ изъ его энциклопедическаго описанія Китаѣ, и напечатанной въ Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія сего года. Читатели С. О. уже ознакомлены съ упомянутою драгоценною рукописью почтеннаго хинезиста нашего, которую называемъ мы *энциклопедически* описаніемъ Китаѣ, и которую желательно бы видѣть скорѣе въ печати, ибо Европа приобрѣла бы въ ней вѣрные свѣдѣнія о дивныхъ сосѣдяхъ нашихъ, вмѣсто того, что теперь правда идетъ на ряду съ сказками въ Европейскихъ описаніяхъ. Въ статьѣ, о которой мы теперь говоримъ, О. Иакинвъ собралъ все, что можетъ объяснить состояніе педагогика и ученія въ Китаѣ. Какъ это любопытно! Здѣсь видите и условія и особую форму образованія Китайскаго. Вопросъ: правда ли послѣ сего, что Китайцы народъ просвѣщенный? Правда, но только, если вы посмотрите на ихъ просвѣщеніе съ Европейской точки зрѣнія, не судите объ нихъ по слезу, вспомните, что вы говорите объ Азіи, и кромѣ того объ отдѣленіи Азіи, которое не похоже на все остальные части сей обширной части свѣта. При такомъ сужденіи, въ просвѣщеніи Китаѣ увидите вы особый, самобытный міръ, равный міру Индѣйскому и Аравійскому. Эти три міра разделяютъ Азію, и Китай объемлетъ въ нихъ глубокую древность и обширѣйшее пространство земель, то есть, кромѣ самаго Китаѣ, большую часть средней Азіи, Индо-Китайскій полуостровъ, Японію и Корейю. О. Иакинвъ не входитъ ни въ какія сужденія, почти ничего не прибавляетъ отъ себя: онъ представляетъ намъ Китайскіе подлинныя факты. Это-то и драгоценно. На разглагольствіе найдутся и безъ него охотники...

90. *Современникъ. Томъ XI.* Спб. въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г. въ 8, 80, 56, и 198 стр.

Книжка начинается любопытною статью: *Младенцкіе Приюты въ С. Петербургѣ*, гдѣ описываются благотворительныя заведенія, устроенныя у насъ въ сѣверной столицѣ для призора и обученія безпомощныхъ дѣтей, на манеръ Парижскихъ Salles d'asyle. Уже шесть такихъ Приютовъ возникли въ Петербургѣ, подъ покровительствомъ Русской Царицы, при

содѣйствіи благотворительницъ высшаго сословія, при пожертвованіяхъ благотворительныхъ людей всехъ званій, и попеченіяхъ Совѣта Человѣколюбиваго Общества. Довольно наименовать здѣсь тѣхъ, кто принялъ на себя заведываніе Приютами. Это — Графиня С. А. Бобринская, Графиня Ю. П. Строганова, Графиня С. А. Трубецкая, Графиня А. Г. Лаваль, Графиня С. И. Боркъ, А. О. Смирнова и М. А. Жукова (супруга извѣстнаго подвигами добра В. Г. Жукова, пожертвовавшая по 5,000 рублей ежегоднаго взноса на устроеніе Приюта, который Высочайше повелѣно назвать *Жуковскимъ*); Н. Л. Гардеръ и Графиня Е. П. Раецкича. Имена тѣхъ, кто благодѣтель сиротъ и безпомощныхъ, записаны у Отца Небеснаго! — Послѣ сей утѣшительной для сердца статьи, слѣдуютъ въ Современникѣ *Очерки Швеціи*, въ которыхъ одинъ важный недостатокъ, и его никакъ нельзя простить сочинителю: *Очерки* эти такъ кратки, останавливаются на такомъ любопытномъ мѣстѣ, что невозможно не подосадовать на сочинителя ихъ! Только что ввелъ онъ читателя въ старинный замокъ Шведскій, только что разговаривалъ о чемъ-то такомъ таинственномъ, о чемъ-то такомъ, что читатель «весь обратился во вниманіе», слушалъ этотъ разсказъ — Сочинитель перерываетъ рѣчь, и обѣщаетъ копчить когда нибудь потомъ. Ждемъ нетерпѣливо. Имя автора «Очерковъ» не подписано, но мы узнали бы его въ тысячу безыменныхъ сочиненій — такъ *знакомы* намъ этотъ слогъ, эта манера того, кто столь очаровательно говорилъ съ нами о Рафаэлевой Мадоннѣ, и разсказалъ о торжествѣ открытія Александровской колонны. Какое искусство, какое гармоническое изящество въ этомъ слогѣ, столь простомъ по видимому! По нашему мнѣнію, Жуковскій (читатель догадался, что мы говоримъ о пьесѣ Мишванъ и Свѣтланы), послѣ Карамзина, и *теперь*, первый прозаикъ нашъ. Вотъ у кого надобно учиться, чьи сочиненія советуемъ мы молодымъ литераторамъ нашимъ читать, перечитывать, списывать нарочно, ибо это самое вѣрное средство выигнуть во все красоты, изучить методу автора, разгадать удивительное искусство его владѣть словомъ — *искусство* говоримъ, ибо, если писать хорошо необходимо каждому, то надобно притомъ знати, что хорошо писать не научить одно дарованіе природное — должно размышлять, думать, учиться, надобенъ трудъ, безъ котораго мало и недостаточно самаго счастливаго дарованія

природного. — Съ любопытством прочли мы еще *Отрывокъ изъ Исторіи Испанско-Американскихъ партизановъ*, г-на Невѣдомскаго — предметъ совершенно новый на Русскомъ языкѣ. — Наконецъ съ истиннымъ наслажденіемъ встрѣтили мы въ Современникѣ *Марусю*, повѣсть, написанную на Малороссійскомъ нарѣчій однимъ изъ нашихъ Русскихъ литераторовъ, урожденномъ Малороссіи, скрывающимъ свое настоящее имя подъ именемъ *Грица Основляенка*. Не удивляемся, что издатель Современника рѣшился запятъ этою повѣстью, прекрасно переведенною съ Малороссійскаго на чистый Русскій языкъ, большую часть книжки Современника. Маруся произведение превосходное, рассказъ отъ души, проникнутый тихою задумчивостью, дивно краснорѣчивый въ безыскусственной его простотѣ. Это живая картина Малороссіи, и въ этомъ родѣ мы ничего еще на Русскомъ языкѣ подобнаго не читывали. Хорошо Гоголь съ своими *Малороссійскими* рассказами, особливо комическими, но иногда онъ изыскавъ, иногда грубо, и просто несносенъ, когда его Казаки начинаютъ любезничать и геройствовать. Читайте же Марусю, и замѣйте, что въ ней нѣтъ ни одной чуждой фразы, почти нѣтъ происшествій, и между тѣмъ это такъ хорошо, какъ пародіалъ пѣсня, какъ неукрашенная искусствомъ природа благословенной Малороссіи и — мы готовы набрать еще двадцать сравненій, чтобы выразить только, какъ хороша эта Маруся! Какъ превосходны характеры героевъ повѣсти, какъ трогательны подробности, и какъ все это вѣрно съ природы между тѣмъ! Грица Основляенка, послѣ его Маруси, мы ставимъ въ число нашихъ замѣчательныхъ современныхъ писателей. — Въ стихотвореніяхъ этой XI-й книжки Современника нашли мы неизвѣстныхъ донинѣ строфы изъ Евгениа Олѣгина и еще нѣсколько строкъ изъ чего-то похожаго на начало поэмы. Ни то, ни другое ничего не прибавить къ славіи Пушкина. — Прекрасно стихотвореніе А. В. Кольцова, *Велкое Слово*; особенно могутъ одинъ стихъ въ этомъ стихотвореніи, который выкупилъ бы сотню слабыхъ:

Нѣтъ Богу вопроса...

Кромѣ всего этого, въ Современникѣ помѣщены еще... Но, довольно и исчисленнаго нами, для того, чтобы сдѣлать эту книжку Современника прекрасною. Упомянуть, развѣ еще о *Казначейшѣ*, авторъ которой не сказала своего име-

ни, и упомянуть для того только, чтобы сказать, что это какаго-то поэма, или лучше подражаніе поэмы, въ родѣ Нулина, гдѣ описываются похождения улана съ Казначейшею въ уездномъ городѣ, стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запырало сильнѣй?
Забыта жаргалъ перина....
«Малашка, дура, Катерина,
Скорѣ туши и платокъ!
Да, гдѣ Иванъ? Какой мшпокъ!
Два года ставни отворяють....»

и прочее, и до 800 подобныхъ стиховъ! Завязка поэмы въ томъ, что Казначейша увидѣла уланскаго штабъ-ротмистра, какъ онъ сидѣлъ у окна безъ мундира, а развязка въ томъ, что казначей проигрываетъ жену свою штабъ-ротмистру въ банкъ. Что же дѣлаетъ Казначейша!

Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчалное кольцо —
И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ — съ добычей дорогой,
Забывъ расчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой.

Поэтъ заключаетъ свою поэму стихомъ:

Друзья, покажитесь, будетъ съ васъ....

Слѣдственно будетъ продолженіе въ этомъ родѣ, или этой самой поэмы? — Но вотъ что значитъ краснѣйшій парядъ: явился эта поэма въ какомъ нибудь дубочномъ изданіи, изъ типографіи г-на Кирилова — ее никто бы не читалъ, и только въ журналахъ выписали бы изъ нея по нѣсколькимъ стиховъ, съ прибавкой шутки и осужденія. Но *Казначейша* явилась въ Современникѣ, и не ручаемся, что многіе прочтутъ ее, и нѣтъ даже похвалятъ.... Говорите послѣ того, что по платью только встрѣтитесь.... Нѣтъ! парядъ много значитъ въ свѣтъ.... Охъ! парядъ.... Не одинъ мужья на тебѣ жалуются....

91. СТИХОТВОРЕНИЯ Александра Вердеревского. М. в тип. Н. Степанова, 1838 г., в 8, 64 стр.

Какъ легко нынѣ стало писать хорошіе стихи!

Юноша, изучивши, что такое значить *любь* — ну, положимъ — и что такое *хорей*, долженъ потомъ прочесть Пушкина, Баратынскаго, Языкова, Дельвига, и узнать хорошенько, что такое значить: *два, летя, разочарованіе, блуждала жизнь*, и тому подобное, безъ чего никакихъ стиховъ писать невозможно. Потомъ, онъ очипиваетъ перо, беретъ листъ бумаги, пишетъ и печатаетъ — сперва въ журналахъ, потомъ отдѣльной книжечкой, и дѣвы шепчутъ: «*Онъ поэтъ!*» и юноши говорятъ: «*Онъ поэтъ!*» и самъ авторъ говоритъ, пишетъ и печатаетъ: «*Я поэтъ!*» И альбомы дамскіе раскрываются для него, и его просятъ написать въ альбомъ что нибудь, и онъ пишетъ, и онъ пишетъ, напримеръ:

Я разлюбилъ свои мечтанья,
Надежды! васъ я разлюбилъ,
Одну тоску, одинъ страданья
До гроба съ сердцемъ я сроднилъ....

Либо такъ:

Я любилъ.... роскошно розы
На пути моемъ цвѣли,
Я ронялъ на нихъ, не слезы,
Но *предвкусилъ любовь*.

Или такъ:

Мой другъ! прости! съ потухшихъ глазъ
Слеза невольно *выбываетъ*:
Она тебѣ напоминаетъ
Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ!
О! для чего передо мной
Мелькнули вновь *листы бумаги*,
И этотъ *локонъ сложенной*,
И эти *очи огневые*, и прог.

Мы выписали все это для примѣра того, какъ легко писать *хорошіе стихи*, изъ книжечки А. Вердеревского, который, кромѣ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, Языкова, кажется, читалъ и г-на Бенедиктова. Въ приведенномъ нами примѣрѣ, *локонъ сложенной* и *очи огневые* даютъ на это

сильное подозрѣніе. Но прочтите всѣ стихотворенія г-на Вердеревского; вы въ нихъ найдете *волну*, которая бѣжитъ *слезной дорогой*, *разбиваетъ упругій штеръ*, *синтится узорчатой тной*, и *эмалевой красотою* несетъ сквозь *оригинальнѣе въковые*; найдете *алмазный разсвѣтъ*, *туланный флеръ облаковъ*, *черный локонъ*, *спальный твоей въ кольцо*, *пухъ персей*, *бездонную эмаль глазъ*, которая *меркнетъ душною пенастной*, *небеса*, *обожженныя зарей*, *свинецъ несчастья*, который поэтъ *не знаетъ гдѣ растопить*....

По нашему мнѣнію, все это очень ясно доказываетъ, что г-нъ Вердеревскій читалъ г-на Бенедиктова съ большою пользою и подражаетъ ему весьма удачно. Продолжайте, юный поэтъ! начало очень не дурно....

92. Невскій Альбомъ. *Опыты въ стихахъ и прозѣ Н. Бобылева*. Спб. въ Военной тип. 1838 г., в 18, 262 стр.

Строгая критика теряетъ свои права тамъ, гдѣ занятія словесностью составляютъ не одну утѣху праздности, но литературный какой нибудь расчетъ на альбомную славу, или на журнальныя деньги, но гдѣ они суть единственная отрада, единственная утѣха бытія юнаго, отравленнаго скорбью и бользнью. Такъ для г-на Бобылева, муза была собесѣдницей при бользненномъ одрѣ, въ безсонныя ночи страданій, среди разрушенія юности, исполненной прекрасныхъ надеждъ. Въ такомъ случаѣ, прочитавши Невскій Альбомъ, мы готовы сказать юному литератору: «Не унывайте, любезный юноша! Страданіе перьдко служитъ тернистымъ путемъ туда, гдѣ не бывать беззаботному, веселому здоровью, и прихотливой заботѣ объ извѣстности и славѣ отъ пчело дѣлать! Приглашайте въ свое уединеніе трудъ, ученье; мирите ихъ съ поэтическими вашими мечтами, и они усладятъ ваше уединеніе, и свѣтъ, можетъ быть, пройдетъ мимо великолѣпныхъ палатъ, откуда разносятся дикіе звуки самозванца-поэта, но внимательно и съ участіемъ загляните въ безвѣстный пріютъ, гдѣ Богъ испытываетъ скорбью истинное дарованіе. Да, если и не вспомнить объ васъ люди — вы награждены уже собственнымъ сочувствіемъ прекраснаго — вы усладите мечтою бѣдную сущность! Несчастіе было вдохновителемъ сльща Козлова, и сердечный стихъ его отозвался въ сердцахъ другихъ»....

Въ «Невскомъ Альбомѣ» нашли мы *шесть* стихотвореній и *пять* статей въ прозѣ. Признаемся, намъ жаль было видѣть, что на половину все это *отрывки*. Но мы съ удовольствіемъ прочитали однакожъ очень милый рассказъ автора: *Графиня и коза*. Мысль въ этой повѣсти весьма забавна: лихой плутъ, денщикъ, видя, что баринъ его, гусарскій поручикъ, смертельно влюбленъ въ молодую, богатую графиню, рѣшается прикидывать къ своему поручику такую повѣсту, и богатую, и прекрасную. Ворожея наговариваетъ ему яблоко. Къ несчастію, яблочко это, вмѣсто графини, съѣдаетъ коза. И вотъ коза влюблена въ поручика, бѣгаетъ за нимъ вездѣ, разрушаетъ его свадьбу, не даетъ ему покоя, и даже бѣжитъ за поручикомъ, когда полкъ его, а съ полкомъ и поручикъ, безъ удачи въ женитьбѣ, выступаютъ въ походъ. — Намъ показался также писаннымъ весьма хорошо и легко отрывокъ изъ комедіи: *Гривосовъ Календарь*. Тутъ есть неподдѣльное комическое, и мы совѣтовали бы автору попробовать силъ въ этомъ родѣ. Повѣсть *Чингисовъ столбъ*, гдѣ изображаются нравы Бурятовъ, замѣчательна върными описаніемъ Забайкальской мѣстности. Но искренно хвала хорошее, мы лучше ничего не скажемъ объ отрывкѣ изъ *Записокъ Музыканта* и отрывкѣ изъ трагедіи *Марія*. Для подобныхъ сочиненій, намъ кажется, надобно побольше опытности, особливо трагедіи этого требуютъ. Въ 20 лѣтъ, и Шекспиръ не написалъ бы своего Гамлета, или своего Макбета. У г-на Бобылева и самый сюжетъ трагедіи, какъ намъ кажется, выбранъ неудачно, а лица его говорятъ совсѣмъ не тѣмъ языкомъ, какимъ могли говорить Кіевлянинъ и Русскій Князь XIII-го вѣка. Русскій воинъ того времени не могъ вспоминать о небываломъ *рыцарскомъ турнирѣ*, ни князья, ни любовники такъ выражаться:

Влюбкѣ изъ розъ — *люблеми* пресвятая...

Любови божественной отростокъ юный

Былаемъ голосомъ заговорить...

И сердца струны золотил, если

Гармоніей отгрянуть для души...

93. Теодоръ Станиславскій. *А. Никитина*. *Два гостя*. Москва, въ тип. Ив. Смирнова, 1838 г. вѣ 12, 105 и 123 стр.

Долго ждали мы новыхъ твореній г-на Никитина, долго молчали онъ — наконецъ, мы дождались, и онъ является съ

новымъ романомъ. Неужели не знаете вы романы г-на Никитина? Боже мой! да что же вы знаете послѣ этого въ Русской литературѣ? Если вы спросите: въ какомъ родѣ пишетъ г-нъ Никитинъ? мы скажемъ вамъ: во *вслюкомъ* и подъ *вслюкими именами* — какъ *закажутъ* — а собственнымъ его именемъ украшены многіе прекрасные романы и повѣсти. Все они принадлежать собственно къ тому роду сочиненій, которыя являются въ евроватыхъ книжечкахъ, плохо напечатанныхъ, которыя Богъ знаетъ кто читаетъ, но которыя истинное наслажденіе для библіографическихъ эниграммъ, ибо выходя изъ типографіи, онѣ умираютъ немедленно, словно рыба, выпутая изъ воды,

И начинаютъ жить, со дня какъ будутъ мертвы!

Да, жить! Они дѣлаются тогда утѣхою и забавою журналовъ и читателей журнальной библіографіи. Тутъ нѣчего выдумывать остроги, не надобно гоняться за остроуміемъ: стоить указать, выписать, и библіографъ заплатилъ дань читателямъ, которымъ, гдѣ хочешь бери, а дай остроумія каждый мѣсяць, каждую недѣлю, а иногда и каждый день, какъ у кого заведено. Вотъ почему столь дорого цѣнятся романы г-на Никитина, наравнѣ съ «Забавами отдохновенія» извѣстнаго автора, романами Александра Афанасьевича Орлова, трагедіями г-на Кашкина, притчами Графова, комедіями г-на Павлова — все это чистое золото-самородка для пера критиковъ, которые — неблагодарные! жалуется и скорбятъ еще на такой чудный матеріалъ. Хороши хорошия книги — кто спорить? но хорошее бываетъ рѣдко. Всего болѣе является, ни хорошее, ни худое, такъ, что то посредственное, *средка на половинѣ*, по Русской пословицѣ, и это самыя несносныя книги. Что съ ними прикажете дѣлать? Звать читателя, звать критику? Но все перешедшее за черту посредственнаго есть дорога находка для читателей и критиковъ, какъ хорошия пачки на балконѣ лубочнаго балагана, для гуляющихъ о Святой, или о Масляницѣ. Какое наслажденіе потеряли мы, лишившись, напримѣръ, Графова, или съ тѣхъ поръ, какъ А. А. Орловъ пересталъ писать!

Для удостовѣренія во всемъ этомъ прочтите *Теодора Станиславскаго*. Если вы его не читали, то вообразите себѣ, что

ктонибудь задасть вам задачу: выдумать самое нелюбое, и написать самым нелюбым складомъ — вы напишете довольно нелюбо — предполагаемъ въ васъ эту способность даже въ высокой степени — но все не написать вамъ *Теодора Станиславскаго!* Представьте еще себя, что даютъ балъ, и что любопытный наблюдатель сидитъ въ кухнѣ, и тамъ записываетъ все, что дѣлается на балѣ, кто тамъ остритъ, кто шутитъ, кто влюбленъ. Каковы будутъ такіа записки такого наблюдателя? Вообразите же послѣ того большой свѣтъ, описанный въ кухнѣ, и вы имѣете нѣкоторое понятие о *Теодорѣ Станиславскомъ.*

Теодоръ, молодой человекъ, музыкантъ, подрипорщикъ въ отставкѣ, живетъ въ Петербургѣ, заставляетъ влюбляться въ себя всѣхъ свѣтскихъ дамъ, и находится въ большой дружбѣ съ генераломъ Россіяновымъ, у котораго племянница Ранса Шыжжина, въ которую влюбленъ Теодоръ, которая любитъ Теодора, и между тѣмъ просватана за маюра Службина. Видите ли характеры? Шыжжинъ отецъ, родъ Фамусова, Ранса мечтательница дѣвушка, Теодоръ поэтъ, Россіяновъ дядя оригиналь, маюръ простакъ, и притомъ каламбуристъ, а въ заключеніе является еще Гирляндова — совершенная кокетка. Романъ начинается баломъ и открытіемъ любви; потомъ слѣдуетъ отчаяніе; Теодоръ застрѣливаетъ, и застрѣливается не шута: выстрѣлъ «принималъ его къ спинкѣ стула». Потомъ онъ, или, лучше сказать, тѣло его, пропадаетъ — Теодора нѣтъ и не слышно нигдѣ! И вотъ является страшный маюръ уланскій, начинается пожаръ: потомъ слѣдуетъ то и другое. Рансу ведутъ къ вѣщу, и ужъ какъ тутъ что дѣлается, мы не поняли, но только страшный маюръ становится Теодоромъ, сыномъ Россіянова, супругомъ Рансы, а маюръ каламбуристъ женится на Гирляндовой. Хорошо, хорошо, весьма и очень хорошо! А не угодно ли послушать образчиковъ слога и разсказа?

Нѣжное. «Гирляндова наконецъ начала дремать, склонясь къ спинкѣ дивана; она взяла за руку Теодора, и произнесла сладкимъ лепетомъ: «Я желала бы, чтобъ Купидо имѣлъ власть надъ временемъ — я такъ счастлива.» — Теодоръ загорялся, а она смѣялась влѣды, поникла головкой. — Онъ думалъ отнять руку, но былъ такъ полонъ очарованіемъ настоящаго своего положенія, что не могъ этого сдѣлать. Она открыла

преlestный ротикъ и дышала такъ употельно. Онъ глядѣлъ на нее и трепеталъ. Потихоньку, онъ хотѣтъ высвободить свою руку, но красавица жметъ ее, передаетъ ей свой жаръ, свой трепеть. — Съ полчаса длилась дремота Гирляндовой, и глушець скучалъ, звалъ, не прерывалъ ее — глушець потому, что вѣрять снать. Кто пынче вѣрять снать! — Гирляндова открыла глазки и улыбнулась. — «Ужъ сумерки — сказала она, на расивѣвъ съ зѣвотой, отнимая у Теодора руку. — Вы спали?» — «Да, такъ же, какъ и вы — отвѣчала она съ улыбкою — прошу извинить меня — я ожидаю гостей, и вы, вѣрно, позволите мнѣ удалиться, а чтобъ вамъ не было скучно, прошу васъ просто за просто расположиться въ угольномъ комнатѣ. *Вамъ подадутъ чаю и сигары!*» Онъ не постигалъ поведенія съ нимъ Гирляндовой. Чего искать ей въ бѣдномъ артистѣ? Наконецъ выходки модницы *отнесъ онъ къ прихоти*, къ изблаованности вкуса, основывалась на примѣрахъ, что мы иногда *благосопитанный союзъ съ удовольствіемъ мѣняемъ на грубую терную кашу*... Весьма мило!

Забавное. «Извините насъ, Петръ Петровичъ, (это говорить маюръ каламбуристъ) мы люди военные, на ученой ногѣ не воспитаны, книгъ не читаемъ, а службу знаемъ; отскакали маршь, маршь, да и *шабаривъ*. Съли въ кружокъ — нутка, ротмистръ, дружокъ, сдѣлай-ка банчикъ, а тамъ Тришка готовитъ *пушку стаканчикъ*; не успѣли подать трубку, а мы ужъ и *хлопъ герцошину голубку!* Мы люди военные — рубимъ прямо съ плеча — Французы, такъ Французы, а ужъ мы проострили на нихъ сабельки. Какъ *плещивъ бывало по зашиворонку*, такъ не *тлвкнетъ*. Одинъ было палетель на меня подъ Тарутиннымъ, какъ лстребъ — нѣтъ, погоди, *братъ Французикъ*, мы справимся, да какъ *тлну его по 25-му Декабря*, онъ и съ коня долой. Вотъ такъ это *по нашински*... Bravo, bravo, bravo! Очень изрядно и хорошо!

Мы привели бы вамъ еще нѣсколько примѣровъ страшнаго, поэтическаго, унылаго — у г-на Никитина все есть, но не меньшая прелесть увлекаетъ насъ — вотъ какаля:

94 *Наталья. Русская повесть.* Москва въ тип. В. Кириллова, 1838 г. въ 12, 42 стр.

Прелестная вещь! Наталья была дочь рыбака. Викторъ, молодой баринъ, видитъ ее, влюбляется, и даетъ ей *кошелекъ* Т. V. — Отд. IV. $\frac{5}{8}$

съ золотомъ. Наталья совсѣмъ не знала, что кошелекъ съ золотомъ отъ молодыхъ баръ, даже и даромъ, брать не надо. Отецъ ея пугается, женихъ отъ нея отказывается, сосѣди бранятъ ее. Всѣ спрашиваютъ: «За что далъ тебѣ барины кошелекъ съ золотомъ?» Напрасно увѣряетъ Наталья, что такъ далъ, безъ всякой заслуги и безъ всякаго труда. Къ счастью, Викторъ приходитъ и оправдываетъ Наталью. Новая бѣда! Жениха ея отдають въ рекруты — Наталья въ горячку. Тутъ опять является Викторъ, вымечиваетъ Наталью, выкупаетъ жениха, вымечиваетъ ихъ, отвозитъ домой въ своей каретѣ, и — блестящая звѣзда ночи освѣтила трехъ блаженнѣйшихъ существъ въ мірѣ, подъ кровлею смиренной хижины, то есть, *Наталью*, мужа ея *Андрея* и отца *Сеодора*.

95. Приключенія съ молодымъ кутникомъ въ Марьиной Роуцѣ. Повесть. Москва въ тип. В. Киршова, 1838 г. въ 12, 44 стр.

Эта повесть, хотя напечатана на такой же, какъ «Наталья», темнодымчатой бумажкѣ, и также въ ней сорокъ страницекъ, но она совсѣмъ другое и въ другомъ родѣ. Не все же описывать пѣжюости! Нѣтъ — писатель повѣстей долженъ, какъ говорить почтенный О. В. Булгаринъ, пѣвать Бѣлорусскую пѣсенку, которой выучилъ его О. В., какъ онъ самъ это разсказываетъ, одинъ пріятель (см. *Ств. Пчела*, 1838 года, стр. 851):

Отколъ вътеръ не повѣсть,
Семень Фроловъ не робѣть!

И вотъ одинъ изъ такихъ *перобыкъ писателей* взялся описать похождения *кутника* въ Марьиной Роуцѣ. Похождения эти состояли въ томъ, что *кутникъ* повѣхалъ гулять съ Анною Петровною въ Марину Роуцу, гулялъ, слушалъ пѣсни Цыганокъ, подгулялъ, поссорился съ офицеромъ и военнымъ лекаремъ, и завязался драка — «Ай! быють! — Злодѣйство! — Вотъ же тебѣ!» — Какъ? по рою! — Нѣтъ! я не поддамся! — «Полноте, полноте! довольно» — Какъ довольно? Меня прибили! — «Да, перестаньте!» — Ахъ! аршинникъ! — Квартальный развязываетъ и драку и повесть тѣмъ, что хочетъ взять всѣхъ въ управу благочинія. Тутъ всѣ мирягелъ. «Миръ, господа!» — Миръ! — «Ну! теперь вмѣстѣ выпить!»

— Съ удовольствіемъ! — «Пошла писать!» — Эй! откупоривай!....

Бросай книгу подъ столъ — берись за другую! Только не попасть бы изъ огня въ полымя....

96. Цыганъ, или ужасная мѣсть. Происшествіе линувшаго столѣтія. Двѣ части. Сочиненіе И. Штевена. СПб. въ тип. А. Воейкова и комп., 1838 г. въ 12, II, 252 и 269 стр.

Мы увѣрены, что почтенный авторъ этого романа имѣлъ въ виду, не столько изящное, но бесполезное услажденіе читателей, сколько правоучительную цѣль. Впрочемъ, первый опытъ почтеннаго автора пріобрѣлъ уже вниманіе всѣхъ журналистовъ, и одобренъ былъ общемо ихъ критикою и благосклоннымъ отзывомъ читателей. «Лестное принятіе публикою романа моего, *Провидѣніе, или событіе XVIII-го вѣка*, говоритъ авторъ, «побудило меня представить ей новое сочиненіе въ *этомъ же родѣ*».

Спрашиваемъ васъ: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, лучше можно отвратить отъ порока и разврата, какъ не изображеніемъ ужасовъ того и другаго, и не представленіемъ гибельныхъ слѣдствій, какія отъ того и другаго пронестекаютъ? Это исполнилъ почтенный авторъ, и романъ его читать страшно! Тутъ искусство своего рода, не подлежащее впрочемъ критикѣ искусства.

97. Торреадоръ. Сочиненіе Герцогини Абрамтесъ. Пер. съ Франц. Н. Бобылева. Двѣ части. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 12, 110 и 90 стр.

Шесть или семь главъ. Названія ихъ: *Вой быковъ*, *Ворожея*, *Излива*, *Примиреніе*, *Чародѣй и тайна*, *Женихъ въ отставку*, *Полночь и буря* и *Эпилогъ*. Торреадоръ значитъ «боецъ съ быками. Если вы еще не поили содержанія романа, то мы прибавимъ, что въ Торреадора влюбилась Герцогиня, и романъ развязывается книжалами, убійствомъ, похищеніемъ, и проч. — Судя объ Испаніи по романамъ Герцогини Абрамтесъ, можно подуматъ, что въ Испаніи происходятъ большіе беспорядки — женщины тамъ шалятъ и проказничаютъ пемилосердо, а мужчины разсчитываются книжалами за всякую бездѣлку... Какъ имъ не совѣстно!...

98. Калевъ-Виллиамъ, сочиненіе Годвина. Пер. съ Англійскаго. Четыре части. Сиб. въ тип. А. Смирдина, 1838 г. въ 12, 220, 196, 282 и 170 стр.

Годвинъ былъ странное явленіе въ Англійской литературѣ. Бывши пасторомъ, одаренный сильнымъ умомъ, добрымъ сердцемъ, желая всемъ добра, онъ со всѣми перессорился, сдѣлался писателемъ, книгопродавцемъ, политическимъ памфлетистомъ, женился на слабой писательницѣ Вольстонкрафтѣ, поссорился съ нею, то бросалъ перо свое, то опять принимался за него, и съ нею, въ старости, раскаивался, и въ томъ, что писалъ, и въ томъ, что дѣлалъ. Согласитесь, что сочиненія такого человѣка любопытны во многихъ отношеніяхъ. Прочитайте Годвина *Калеба Виллиама*, который изданъ былъ имъ въ 1794 году, когда все бродило и кипѣло разнородными идеями въ Англии и во Франціи. *Калебъ* имѣлъ успѣхъ необыкновенный, и онъ точно стоилъ его за оригинальность разсказа, важную мысль, какую положилъ въ основаніе Годвинъ, и за множество превосходныхъ подробностей. Но собственно это не романъ; а рядъ блестящихъ парадоксовъ, облеченныхъ въ форму романческаго повѣствованія. Годвинъ, столь жестоко спорившій потомъ съ Мальтусомъ объ его системѣ, по которой умноженіе народонаселенія, какъ утверждалъ Мальтусъ, надобно считать зломъ, а не благомъ, если этому народонаселенію вѣтъ льчего, Годвинъ хотѣлъ показать въ *Калебѣ* ужасное злоупотребленіе словъ и идей, какое видимъ иногда въ самомъ образованномъ обществѣ, въ слѣдствіе ложнаго понятія о чести и сильной увѣренности въ общественное мнѣніе, передъ которыми исчезаютъ всякое сужденіе, умъ, невинность и истина. Но частная истина, не разсмотрѣнная вполне, всегда остается парадоксомъ, если не чистымъ софизмомъ. Между тѣмъ, умъ и краснорѣчіе автора *Калеба* таковы, что невольно увлекаетесь, и задумываетесь надъ странностью, и судьбы человѣка и общественныхъ нашихъ отношеній. Книга, которая заставляетъ такимъ образомъ задумываться и думать, стоитъ того, чтобы прочесть ее, и потому мы благодарны переводчику, который передалъ теперь *Калеба* Русскимъ читателямъ. Жаль только, что онъ не позаботился придать болѣе живости и разговорчивости своему переводу. На Англійскомъ языкѣ *Калебъ* писанъ превосходно. Но впрочемъ такой недостатокъ перевода Русскаго, конечно, не отягачиваетъ отъ него вин-

мапія читателей, которые ищутъ въ книгѣ не одного только средства убить какъ нибудь время, этого жестокаго врага многихъ. Для такихъ читателей надобны не *Калебы*, и вотъ мы охотно рекомендуемъ имъ.—

99. Ледяной Домъ. Сочиненіе И. И. Лажечникова. Четыре части. Изданіе второе. Москва, въ тип. А. Семена, 1838 г. въ 12, 197, 206, 202 и 202 стр.

Романъ этотъ, страшнѣе романовъ Евгенія Сю, замысловатѣе романовъ Бальзака, и развѣ только съ романами Сулье можно сравнить его. Чего вы хотите? *страстей*? Какіхъ же вамъ страстей сильнѣе страстей Вольнскаго, Маріорицы, Цыганки матери ея, Бирона?—*Происшествій*? Чего вамъ еще, начиная съ ледяной статуи до послѣдней сцены въ ледяномъ домѣ, и съ погребенія замороженнаго Малороссійнина до пытки Вольнскаго? А *характеръ*? Этотъ Вольнскій, который на шестомъ десяткѣ лѣтъ шалить, какъ юноша; этотъ Биронъ, который только что не вѣстъ людей; этотъ Тредьяковский, и замѣтите, что все это *лица историческія*. Вы скажете, что они такими *никогда не бывали*, что сочинитель жертвовалъ желанію блистать эффектами истинною событіемъ и правдою сердца человѣческаго—но, кто же повѣритъ вамъ? Не расхвалили ли согласно всѣ журналы *Ледяной Домъ*? Не достигъ ли онъ теперь *второго изданія*, а это не доказываетъ ли, что онъ поправился очень мнотимъ?

Не знаемъ *что* это доказываетъ, не знаемъ *по чему* и расхвалили журналы романъ г-на Лажечникова, но признавалъ въ авторѣ его дарованіе несомнѣнное, мы находимъ, что *Ледяной Домъ* далеко не оправдалъ тѣхъ надеждъ, какія подавалъ его первый романъ; что если онъ пойдетъ далѣе по превратному пути, какой избралъ въ своемъ *Ледяномъ Домѣ*, то паденіе его будетъ неизбежно. Мы слышали, и помнится читали, что г-нъ Лажечниковъ готовитъ къ изданію новый романъ, если не два вдругъ. Надѣмся, что онъ не будетъ ходить на его *Ледяной Домъ*. Просимъ его подумать также и о слогѣ. И въ *Новикѣ* слогъ его былъ очень неисправенъ, но только не исправенъ, а въ *Ледяномъ Домѣ* онъ наполненъ ошибками и умысленною изысканностью. Надѣмся, что въ новыхъ романахъ г-на Лажечникова, люди не будутъ *жаловаться и молчать*, какъ жители Пом-

пенъ подъ лавою,» не будутъ любовники *перехватывать съ устъ красавицы, подъ дубинкою мужа, пощелья, раскаленного биснующихся восторгами*; не будутъ *половоата есударства бичами*; взоры не будутъ *ходить на встрѣгу и киллять душу*; не будутъ *«разпукиваться розань»*; не будутъ *вырывать сердце и гитать на нихъ, вонзять глаза въ другаго, рыть и лутить или сердца и виваться или въ лицо, а также морозъ не будетъ этикетно пудрить деревьевъ*; мужичны не будутъ *перелмивать взорами двестенныхъ прелестей*; не будетъ *сравненій людей съ плавальными лициками*; не будетъ *свинцовыхъ носовъ, облупленныхъ ридвановъ, пыльныхъ пожекъ, и словомъ, не будетъ всего этого мишурнаго блеска и ладности, которыми означается чуть не каждая страница Дядинаго Дома.*

Не знаемъ, послушается ли насъ во всемъ этомъ г-нъ Лажечниковъ, но мы желали искренно сказать ему все это, именно потому, что признаемъ въ немъ чувство и дарованіе, которыя проблескиваютъ и въ *Адяномъ Домъ*, но ясные видимы были въ *Последнемъ Новикъ*.

100. Пѣсни Русскаго народа. Часть вторая. СПб. въ тип. Сахарова, 1838 года, въ 32, LIV и 473 стр.

Внимся передъ почтеннымъ Н. П. Сахаровымъ, что до сихъ поръ ничего не сказано о выходѣ второй части его сборника Русскихъ пѣсней, и что теперь скажемъ только одно: интересъ этого собранія умножается болѣе и болѣе приложеніями, замѣчаніями и добросовѣстными изслѣдованіями собирателя его. Перебравши въ 1-й части *святогнѣль пѣсни*, во 2-й г-нъ Сахаровъ разсматриваетъ *пѣсни хоропроводня*, разбирая и хоропроводы Русскіе. Онъ дѣлитъ ихъ на два разряда: *весенніе и осенніе*. Къ первымъ причисляются Красная горка, Радунца, Веснянка, Толпище, Холки, Юрьевъ день, Николицина; *Троицкіе хоропроводы*: Семикъ, Троицннъ день, Поляна, Кострома, Змѣйка, Моргостье, Тюльпа, Ярило; *Ивановскіе хоропроводы*: Ивановская ночь, Купало, Кокуй, Погребеніе Костромы и Ладъ; *Петровскіе хоропроводы*: Петровъ день, Облупа, Съпокосы. Ко вторымъ Успеневъ день, Бабе льто, Семень день, Аспосовъ день, Луковъ день, Пасиковъ день, Капустница. Тутъ есть о чемъ поговорить съ почтеннымъ собирателемъ, и мы предоставляемъ себѣ это приятное дѣло, надѣясь,

что если въ ипомъ мы и несогласимся съ нимъ, а иное пополнимъ нѣкоторыми свѣдѣніями, онъ не оскорбится на насъ, ибо мы первые готовы отдавать всякую похвалу его прекрасному труду.

101. Nowogocznik literacki (*Литературный альманахъ*), wydani przez Ksiedza Adama Stanislawa Krasinskiego S. P.—СПб. въ тип. К. Крайя, 1838 г. въ 16, V и 187 стр.

Не имѣя права судить о произведеніяхъ литературы, хотя и родной намъ, но не нашей, касательно самаго языка стихотвореній и прозы, мы только встречаемъ скромнаго, любезнаго гостя на берегахъ Невы добрымъ пріивѣтомъ нашимъ. Въ немъ нашли мы до *двадцати* пѣсней разныхъ авторовъ въ стихахъ и прозѣ (г-дъ Будзинскаго, Колопацкаго, Кропникскаго, Моравскаго, Мошинскаго, Викшемскаго, Хржоновича, и другихъ) и *шестнадцать* пѣсней самого редактора. Многія стихотворенія замѣчательны мыслію и выраженіемъ. Мы замѣтили особенно: *Dumanie w nosy jesennej*, и *Wiersz pisany nad morzem Kaspijskiem* — обѣ пѣсней прекрасны.

102. Запорожская старина. Часть II, книжка 3-я (издаваемая И. Срезневскимъ). Харьковъ, въ тип. Унив. 1838 г., въ 12, VIII и 164 стр.

103. Украинскія были. 1657 — 1710. (Издав. И. Срезневскимъ). Харьковъ, въ тип. Унив. 1838 г., въ 12, 164 стр.

Прекрасная мысль издателя: собирав историческія думы, сохранившіяся въ устахъ народа, пояснить ихъ краткими извѣстіями о самыхъ событіяхъ. Такимъ образомъ, въ 3-хъ книжкахъ 2-й части *Запорожской старини*, г-нъ Срезневскій помѣстилъ самыя думы въ подлинникъ, а далѣе переводы ихъ и рассказы объ лицахъ, въ думахъ упоминаемыхъ, съ 1640 по 1657-й годы, и съ 1657-го по 1710-й. Двѣ послѣднія книжки продаются подѣльными заглавіями: *Украинская Лѣтопись* и *Украинскія Были*.

Различалась отъ насъ столь многими мѣстными чертами, Малороссіи совершенно различаются и пародною своего поэзіею. У насъ *почти ноль* историческихъ думъ и пѣсней. Въ Малороссіи, напротивъ, все сохранилось въ памяти поэ-

тической. Так судьба Юри Хмьльницкаго и Палел, измѣна Мазены и подвиги Пушкаря, все это передано было пѣснь народной, и до сихъ поръ поется еще старыми Украинскими трубадурами. Слѣдствіемъ сѣхъ пѣсней съ событіями и словами льтописей, мы узнаемъ духъ народный, поясняемъ самую исторію.

Г-нъ Срезневскій обѣщаетъ намъ издать отдѣльно жизнеописанія Мазены, Брюховецкаго и Дорошенки, лицъ столь замѣчательныхъ. Съ особеннымъ любопытствомъ ожидаемъ исполненія предпріятія почтеннаго изыскателя древностей, важнаго для исторіи южныхъ нашихъ собратій, надѣясь, что найдемъ въ его трудахъ не сухіе рассказы, но яркія, живыя картины былаго. У него есть на то всѣ средства --- и мѣстность, и память народная, и факты, и умѣнье рассказывать...

104. Тщеславный, или чего отецъ хотѣлся, тому и впритисл. Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Представлена на Императорскомъ Московскомъ театрѣ. Сочиненіе Александра Волкова. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 108 стр.

Вероятно, сочинитель этой комедіи не А. А. Волковъ, извѣстный своими приятными стихотвореніями. Вероятно, это какой нибудь молодой, неопытный писатель. Вероятно, эту комедію давали въ какой нибудь бенефисъ. Вероятно, что она тихо и скромно погрузилась въ Лету. Всѣ эти *вероятности* выводимъ мы прочитавши комедію.

Дѣйствующіи лица въ ней: Чванкинъ, богачъ, желающій чиновъ и знатности; *е-жа Добрая*, сестра его, резонерка, желающая образумить своего брата; *Лиза*, дочь Чванкина, которую желаютъ выдать за мужъ, отецъ за *Графа Блескина*, тетка за *е-на Модестова*. Въ заключеніе *Каскарелли*, плутъ Итальянецъ. Графъ Блескинъ, шалунъ и негодный мальчишка, уговорилъ Каскарелли, обѣщавши ему 5000 рублей, выдать себя за астролога и убѣдить Чванкина отдать за него, Блескина, Лизу. На этомъ завязка. Напрасно уговаривала сестра глупаго своего брата выдать Лизу за г-на Модестова. Тотъ и слышать не хотѣлъ. Но, къ счастью, пріѣзжаетъ Здравомысловъ, узнаетъ въ Каскарелли мошенника слугу, которому велѣлъ онъ *дать сто палокъ, и котораго прогналъ въ шего со двора*, за то, что онъ обокралъ его Здравомыслова. Этотъ же Здра-

вомысловъ привозитъ Блескину отъ отца его бумагу, по которой онъ, за шалости, лишается наслѣдства, и наконецъ онъ же Здравомысловъ даритъ Модестову 100,000 рублей; послѣ чего Чванкинъ соглашается выдать за Модестова дочь, а Здравомысловъ весьма справедливо рассуждаетъ такъ:

«Въ подобныхъ случаяхъ (въ супружествѣ) должно болѣе смотрѣть на личныя достоинства, чѣмъ на фамилію. Собственно, что составляетъ человека, то гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ громкія наименованія. Счастье супружества, счастье самихъ дѣтей всегда зависитъ отъ добрыхъ качествъ отца и матери, а не отъ ихъ титуловъ, весьма часто сомнительныхъ. И тотъ имѣетъ сердце каменное и голову совершенно пустую, кто по однимъ только расчетамъ ничтожнаго самолюбія заставляетъ дѣтей своихъ вступать въ супружество противъ ихъ воли. Отсюда то происходятъ всѣ наши семейственныя несчастія. Возможно ли, чтобы мать любила дѣтей своихъ столько, сколько бы надлежало, когда она не любитъ отца ихъ? Тоже можно сказать и о мужчинѣ. Отсюда то происходятъ всѣ дурныя примѣры для дѣтей, въ собственномъ ихъ домѣ. Несогласіе, безпорядки, вѣчныя прекословія, вотъ чего они могутъ только послушаться и чего насмотрѣться. Самое отечество отъ того страдаетъ, ибо отъ семейственнаго счастья зависитъ счастье всего государства. Невозможно, чтобы человекъ, будучи дурнымъ семейникомъ, могъ быть хорошимъ гражданиномъ...» Наконецъ, когда Здравомысловъ поговоритъ довольно --- комедія оканчивается и занавѣсъ опускается.

105. Очеркъ Исторіи Греческой Литературы. Соч. докт. Фил. Г. Гарлеса. Перев. съ Латискаго (А. Б...ва). Москва, въ тип. Лазаревыхъ Института, 1838 г. въ 8, X и 232 стр.

Краткій реестръ именъ всѣхъ тѣхъ, кто писалъ по-Гречески, отъ Орфѣя до взятія Турками Царяграда.

106. Изображеніе характера и содержанія новой Исторіи. Книга I. Изображеніе характера и содержанія Исторіи первыхъ десяти вѣковъ по паденіи Западной Римской Имперіи. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Книга II. Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ. Изданіе третье.

Соч. *Ивана Шульгина*. Спб. въ тип. Росс. Академіи, 1838 г. въ 8, 386 и 205 стр.

Книга сія уже извѣстна читателямъ и учащимся. Она принята въ руководство и по военно-учебнымъ заведеніямъ. Теперь является она въ видѣ болѣе систематическомъ, нежели прежде, издаваемая въ разные времена и не въ надлежащемъ порядкѣ. Почтенный авторъ значительно переработалъ и усовершенствовалъ трудъ свой, который впрочемъ все еще не оконченъ. Исторія XVIII-го столѣтія будетъ составлять третью часть полезной книги г-на Шульгина.

107. Разговоры Французско-Русско-Нѣмецкіе, составленныя по ермлятичскому порядку *Евстафіемъ Олдекопомъ*. Второе изданіе. Книга, одобренная для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спб. въ тип. Э. Праца и К. 1837 г. въ 8, VIII и 127 стр.

Мы недавно еще говорили объ этой превосходной учебной книгѣ, не зная, что готово уже ея второе, исправленное и дополненное изданіе. Рѣшительно сказать можно, что это лучшее практическое руководство для ознакомленія учениковъ съ Французскимъ и Нѣмецкимъ языками. Именно потому говоримъ мы это, что разговоры г-на Олдекопа состоятъ не изъ пустыхъ фразъ, безъ порядка набранныхъ, и обыкновенно называемыхъ «разговорами», по систематически проходить у него фразы съ склоненій и съ спривженій до самыхъ трудныхъ идиотизмовъ двухъ, или лучше сказать всѣхъ трехъ языковъ, потому, что весьма остроумно сблизая всѣ правила, авторъ умѣлъ сдѣлать свою книгу равно пригодною для изученія и Русскаго языка иностранцамъ. Для этого приложилъ онъ и подробныя правила Русскаго чтенія для Французовъ и Нѣмцовъ.

108. Избранныя мѣста изъ лучшихъ Русскихъ писателей, для упражненія въ переводахъ съ Русскаго языка на Французскій и Нѣмецкій, или выборъ изъ выборовъ. Составилъ для высшихъ классовъ Лекторъ *Теодоръ Куртнеръ*. Москва, въ тип. А. Семена, 1838 г. въ 8, 154 и 111 стр.

Выборъ изъ выборовъ избранное изъ лучшихъ и для высшихъ классовъ — должно быть что нибудь хорошее. Но уче-

ники г-на Куртнера, вѣроятно, затруднятся, какъ хорошо передать по Французски и по Нѣмецки то, что и по Русски выходитъ весьма не красиво. И неужели *исстдесять два яблока* всякой величины, иной строкъ въ 15, 20 и гдѣ есть хорошее, есть и очень плохое, и все безъ системы сбито въ одну брошюрку, предназначается для высшихъ классовъ? Не можетъ быть — г-нъ Куртнеръ шутить! Правда, онъ не говоритъ для высшихъ классовъ чего именно назначается его сборникъ: вѣроятно, какого нибудь женскаго пансіона. Но за чѣмъ же шутить такъ и съ бѣдными ученицами въ пансіонахъ? Вѣдь и онѣ поймутъ, что въ пѣкоторыхъ отрывкахъ, предлагаемыхъ г-мъ Куртнеромъ, просто смысла нѣтъ! Какъ же увѣрите въ ихъ пользу того, что это *избранныя мѣста изъ лучшихъ писателей*? Они, разумѣется, потихоньку, скажутъ: «plus un homme est savant, plus.... не умѣетъ выбрать изъ хорошаго лучшаго....»

109. Карманная книжка для расчисленія въ самое короткое время приходовъ, расходовъ и жалованій по годамъ, мѣсяцамъ и днямъ, съ присовокупленіемъ таблички, по которымъ *тотчасъ безъ малѣйшаго затрудненія* можно узнавать, на какую сумму ежегодно возрастетъ капиталъ въ продолженіи 10 лѣтъ, считая отъ 4-хъ до 10-ти процентовъ. Москва, въ тип. Ив. Смирнова, 1838 г. въ 12, 52 стр.

Вотъ самая бесполезная книжка! Тутъ сперва идутъ таблички, сколько приходится въ мѣсяцъ и въ день получить тому, кто получаетъ въ годъ 100,000, 10,000, 1,000, 100, 10 рублей, и наконецъ *одинъ рубль*, и потомъ тѣ же таблички идутъ отъ мѣсяцовъ въ дни и годы. Далѣе представляются таблицы для суммъ отъ 1000 до 100,000, считая на нихъ по 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 процентовъ, отъ одного года до десяти лѣтъ. Все это и не совсѣмъ бы дурно, по уже давно изобрѣтенъ способъ вычитывать гораздо вѣрнѣе и проще: надобно взять горсть гороху, и разложить его кучками на столѣ, и эти кучками разсчитывать можно гораздо скорѣе и легче, нежели табличками *карманной книжки*. Также есть еще какалято наука *Арихметика*. И по ней, говорятъ, не мудрено расчитать и жалованье и проценты.... Но видно пахотятся же добрые люди, которымъ *естъ что почитать*, а считать между тѣмъ они не умѣютъ! Такимъ людямъ можно посоветовать

просто брать безъ сета. Имъ не надобно ни гороху, ни арихметики, ни *карманной книжки!* А тѣмъ, у кого снгати пѣчего, на что эта книжка? У нихъ одно правило: *берите, что дадутъ!* Во всякомъ случаѣ оказывается, что *карманная книжка* самая бесполезная книжка....

110. Ворожея, или новый способъ гадать на картахъ. Москва, въ тип. Унив. 1838 г. въ 12, 46 стр.

Вотъ напротивъ, такъ очень полезная и любопытная книжечка. Всего она стоитъ 1 р. 50 к., а разгадаетъ вамъ все что хотите. Спросите, на примѣръ, у нел: *долго ли продолжится любовь его?* Получаете отвѣтъ: *Онъ занимается приведеніемъ ея къ концу;* или спросите еще: *что со мною случится жить?* Отвѣтъ: *Объ этомъ и говорить много не стоитъ.*— И только? А вы думали, что если знать захотите вы будущее, такъ многое узнаете? Повѣрьте, что многимъ за это знаніе не стоитъ заплатить и полуторныхъ рублей, которые проситъ авторъ за свою *ворожею, или новый способъ гадать на картахъ!*

У.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За Августъ 1838 года.

Р о с с і я.

Сообщаемъ продолженіе извѣстій о благополучномъ пребываніи за границею Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства.

«Государь Императоръ, вѣтхавъ изъ Крейта въ ночи съ 15-го на 16-е число, прибылъ благополучно въ Мюнхенъ 16-го числа, въ пять часовъ утра.

«17-го, Его Величество, въ шесть часовъ утра, отправился для посѣщенія Короля Виртембергскаго въ Фридрихсгафенъ, замокъ Его Величества на берегу Констанскаго Озера, куда и прибылъ того же числа въ одиннадцать часовъ вечера. Пробывъ 18-е число съ Королемъ и Августѣйшею Его Фамилією, Его Величество, того же числа, въ одиннадцать часовъ вечера, отправился въ Аугсбургъ.

Т. V. — Стл. V.

1

«20-го числа, въ Аугсбургѣ, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Короля Баварскаго, присутствовалъ при вступленіи войскъ въ лагерь, и изволилъ кушать съ Его Величествомъ Королемъ у Принца Карла, брата Его Величества Короля, начальствующаго собраннымъ корпусомъ; на семь обѣдъ находились всѣ генералы и полковники, принадлежавшіе къ собраннымъ войскамъ, равно и свиты Ихъ Величествъ.»

«21-го числа Августа, въ воскресенье, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Королемъ Баварскимъ, изволилъ присутствовать у церковнаго парада войскъ, собранныхъ въ лагерь; послѣ чего, возвратясь въ городъ, изволилъ отправиться, въ третью часть по полудни, чрезъ Нюрнбергъ въ Веймаръ, куда и прибылъ благополучно 23-го числа, въ десять часовъ утра.»

«30-го Августа, въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Государыня Императрица изволила прибыть благополучно въ Веймаръ, въ одиннадцатомъ часу утра, и Ихъ Величества и Ихъ Высочества отправились въ Греко-Россійскую церковь, для слушанія божественной литургіи.»

О путешествіи Государыни Императрицы отъ Тегернзе до Веймара получены слѣдующія извѣстія отъ 1 (13) Сентября: «20 числа минувшаго Августа, Государыня Императрица изволила предпринять обратное Свое путешествіе изъ Тегернзе въ Берлинъ, чрезъ Брегенцъ, Ульмъ, Нюрнбергъ и Веймаръ. — Ея же Высочество Великая Княжна Александра Николаевна, чувствуя себя не совсѣмъ здоровою, принуждена была остаться въ Тегернзе до 23-го Августа, откуда и изволила выѣхать на встрѣчу Госу-

дарыни Императрицы въ Ульмъ, и продолжать дальнѣйшее путешествіе вмѣстѣ съ Ея Императорскимъ Величествомъ.»

«Прибывъ въ Веймаръ, Ея Величество изволила найтти тамъ Государя Императора и Его Высочество Государя Наслѣдника Цесаревича, значительно поправившагося въ своемъ здоровьѣ.»

О путешествіи Его Высочества отъ Эмса до Веймара получены слѣдующія извѣстія: «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ продолжалъ употреблять Эмскія минеральныя воды, которыя принесли Его Высочеству ощутительную пользу. Здоровье Государя Цесаревича находится теперь въ удовлетворительномъ состояніи.»

«6-го Августа, день рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны, былъ празднованъ въ Эмсѣ слѣдующимъ образомъ:

«По утру, въ шесть часовъ, при пробужденіи Государя Цесаревича, хоръ военной музыки, прибывшій изъ Кобленца по распоряженію тамошняго военнаго начальства, привѣтствовалъ Его Императорское Высочество Русскимъ народнымъ гимномъ: «Боже, Царя храни!» Всѣ находившіеся здѣсь Русскіе приглашены были къ обѣденному столу Герцогини Нассауской, на коемъ изволилъ присутствовать Государь Цесаревичъ. При наступленіи ночи, публичный садъ и берега рѣки Ланы были отлично иллюминированы разноцвѣтными огнями, между коими горѣли Императорскій Россійскій гербъ и вензелевое имя Ея Высочества Великой Княжны. Окрестныя горы были освѣщены кострами. Два хора музыки, одинъ развѣзжавшій по рѣкѣ въ иллюминированной лодкѣ, а другой въ саду, попеременно играли для удовольствія собравшейся изъ окрестностей многочисленной

публики. Въ заключеніе былъ сожженъ фейерверкъ. Прекрасная погода благоприятствовала сему празднику.

«7-го Августа поутру, Его Высочество ѣздила въ Кобленцъ, куда изволила прибыть для свиданія съ Государемъ Цесаревичемъ Принцесса Оранская, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Анна Павловна, на пути своемъ изъ Теплица въ Гагу. — Въ шестомъ часу по полудни, Государь Цесаревичъ, простившись съ Ея Высочествомъ, возвратился въ Эмсъ.

«25-го числа Августа, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ прибыть въ Веймаръ, въ вождѣльномъ здравіи.»

«27-го числа, до прибытія еще Государыни Императрицы, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Маріею Павловною, Великимъ Герцогомъ, Ея Супругомъ, и Его Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, изволили переѣхать изъ загороднаго дворца въ самый городъ. Вечеромъ, Его Величество и Ихъ Высочества изволили быть въ театрѣ.

«28-го числа, въ воскресенье, Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества изволили слушать божественную литургію въ Греко-Россійской церкви.

«Государь Императоръ изволилъ оставить Веймаръ 31-го Августа, и отправиться въ Магдебургъ на маневры Пруссакаго войска, а Ея Императорское Величество, съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною, намѣрены были выѣхать 3-го числа Сентября, и продолжать путешествіе до Потсдама.»

Дальнѣйшія извѣстія получены потомъ уже изъ Берлина, и состояли въ слѣдующемъ: «31 числа, въ

семь часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Веймара въ Магдебургъ, къ маневрамъ 4-го Корпуса Прусскихъ войскъ; — Государыня же Императрица, Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ея Высочество Великая Княжна Александра Николаевна остались еще на нѣсколько дней въ Веймарѣ.

«Въ Магдебургъ Государь Императоръ прибылъ того же числа, въ восемь часовъ вечера, гдѣ уже находился Его Величество Король Прусскій.

«1-го Сентября, Его Императорское Величество, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Кородемъ, присутствовали на смотрѣ войскъ 4-го Корпуса, собранныхъ въ лагерьъ подъ начальствомъ Его Королевскаго Высочества Принца Карла Пруссакаго.

«Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Кородемъ, изволилъ кушать у Его Высочества Принца Карла. На семь обѣдъ находились Его Величество Король Ганноверскій, Прусскіе и другіе Принцы, съ ихъ супругами, и всѣ генералы и полковники 4-го Корпуса и въ Магдебургъ находившіеся, какъ равно свѣты Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ.

«Вечеру была общая зоря въ самомъ городѣ, въ которой сведены были музыканты всѣхъ полковъ, расположенныхъ въ лагерьъ.

«Ужинъ былъ у Его Высочества Принца Карла.

«2-го Сентября, поутру, Государь Императоръ присутствовалъ на корпусномъ учении войскъ 4-го Корпуса. — Обѣдъ былъ у Его Высочества Принца Карла. Вечеромъ Его Императорское Величество изволилъ быть на балѣ, данномъ отъ дворянства.

«3-го Сентября, Государь Императоръ, по окончаніи маневра, возвратясь въ городъ, изволилъ отпра-

виться изъ Магдебурга въ Потсдамъ, въ часъ пополу-
дни, и на пути въ Бранденбургъ, гдѣ располо-
женъ Кирасирскій имени Его Величества полкъ, Го-
сударь Императоръ осмотрѣлъ оный, и продолжалъ
путь, прибылъ въ Потсдамъ благополучно того же
числа, въ десять часовъ по полудни.

«4-го числа, въ воскресенье, Государь Императоръ,
въ девять часовъ утра, изволилъ слушать божест-
венную литургію въ церкви, устроенной въ Потс-
дамскомъ загородномъ дворцѣ.

«Въ пятомъ часу пополу-
дни, изволили прибыть въ
Потсдамъ Ихъ Императорскія Высочества, Великіи
Княжны Марія Николаевна и Ольга Николаев-
на, изъ С.Петербурга, и въ скоромъ времени потомъ
Государыня Императрица, Его Императорское Высо-
чество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ея Высочество
Великая Княжна Александра Николаевна, изъ
Веймара.

«Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Импера-
торскія Высочества находятся въ вождѣльномъ
здравіи.

«6-го числа Сентября, Государь Императоръ, въ
девять часовъ утра, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Ко-
ролемъ, изволилъ присутствовать на ученьи войскъ,
составляющихъ гарнизонъ Потсдама.

«Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Высоче-
ства изволили кушать у Его Величества Короля; на
семь обѣдъ находились всѣ Прусскіе Принцы, съ
ихъ супругами, Наслѣдникъ Принцъ Баварскій, какъ
равно свита Ихъ Величества и Ихъ Высочества.

«7-го числа поутру, Его Величество присутство-
вать изволилъ на маневръ тѣхъ же войскъ. Вечеру
былъ спектакль.

«8-го числа, въ девятомъ часу утра, Ихъ Величе-

ства и Ихъ Высочества изволили слушать боже-
ственную литургію. Въ десять часовъ вечера, Госу-
дарь Императоръ отправился въ Берлинъ, дабы, на
другой день утромъ, вмѣстѣ съ Его Величествомъ
Королемъ, присутствовать на корпусномъ ученьи
войскъ, расположенныхъ въ Берлинѣ.

«9-го числа, по окончаніи ученія, Государь Импе-
раторъ возвратился въ Потсдамъ, гдѣ оставались
Государыня Императрица и Ихъ Высочества; — вве-
черу же вторично изволилъ отправиться въ Бер-
линъ, и 10 числа присутствовалъ на маневръ тѣхъ
же войскъ.

«11-го числа, въ воскресенье, по окончаніи обѣд-
ни въ церкви загороднаго Потсдамскаго дворца, Го-
сударь Императоръ изволилъ быть у церковнаго па-
рада въ самомъ городѣ.

«Вечеру былъ придворный спектакль и ужинъ у
Его Величества Короля, во дворцѣ, называемомъ
Neues Palais.

По ходатайству Ея Императорскаго Величества,
Государь Императоръ соизволилъ, въ 3 день Апрѣ-
ля, утвердить представленіе объ учрежденіи въ Мо-
сквѣ, согласно желанію Ихъ Императорскихъ Высо-
чествъ Великихъ Князей Маріи, Ольги и Алек-
сандры Николаевнъ, благотворительнаго обще-
ства для заведенія частныхъ школъ, по примѣру
учрежденныхъ отъ Патриотическаго Общества въ
С. Петербургъ. По сему случаю, штатсъ-дама, Кни-
гиня Т. В. Голицына удостоилась получить отъ Ея
Величества слѣдующій рескриптъ:

«Княгиня Татьяна Васильевна! Государь Императоръ, въ
3 день сего Апрѣля, благоволилъ утвердить представленіе ва-
ше о приведеніи въ дѣйствіе желанія любезнѣйшихъ доче-
рей Нашихъ, Великихъ Князей Маріи, Ольги и Алек-

сандры Николаевнѣ, учрежденіемъ въ Москвѣ благотворительнаго общества для заведенія частныхъ школъ, по примѣру существующихъ здѣсь въ вѣдѣніи Патриотическаго Общества, объявивъ притомъ Высочайшее соизволеніе: а) на предположеніе ваше, чтобы общество сіе состояло подъ Моимъ покровительствомъ; б) на присвоеніе ему наименованія *Московского Благотворительнаго Общества 1837 года*, въ память пребыванія Нашего въ Москвѣ, когда возникла и самая мысль усвоить древней столицѣ имперіи заведенія, доставляющія столь существенную пользу дѣтямъ бѣднаго класса жителей; в) на дозволеніе обществу сему принимать на сей предметъ благотворительныя пожертвованія, коимъ Его Императорское Величество благоволило положить начало пожалованіемъ оному собственно отъ Себя 10,000 рублей.

«Съ истиннымъ моимъ удовольствіемъ уведомляя васъ о сей Высочайшей волѣ Государя Императора, и о сомасиіи Моимъ принять сіе вновь учрежденное сословіе подъ особенное Мое покровительство, Я съ такою же отрадою склонилась на вызовъ вашъ и любезнѣйшихъ дочерей Моихъ — вступить въ число его членовъ, равно какъ и на предположеніе Ихъ и ваше наименовать первую школу, какалъ будетъ учреждена отъ Московскаго Благотворительнаго Общества именемъ Государя Императора.

«Участвуя въ столь многихъ подвигахъ благотворительныхъ, ознаменованныхъ древнюю столицу Нашу, Я не сомнѣваюсь, что вы и въ настоящемъ случаѣ окажете ту же готовность быть полезною добруму предпріятію, почему и утверждаю васъ въ званіи Предсѣдательницы Совѣта Общества, а членами оного: Варвару Марковну *Мертваго*, Александру Петровну *Тужкову*, Княгиню Евдокію Михайловну *Голыцину* и генераль - адъютанта Сергѣя Григорьевича *Строгонова*. Соглашаясь также на выборъ вашъ въ званіе правителя дѣлъ гвардіи ротмистра Князя *Щербатова*, и казначеемъ 2-й гильдіи купца и кавалера *Титова*, Мнѣ пріятно повторить, что всѣ сіи распоряженія удостоены Всемилостивѣйшаго одобренія Его Императорскаго Величества.

«Желаю отъ всего сердца, чтобы сіе благое начало принесло въ послѣдствіи плоды, соответствующіе вполне добрымъ

намѣреніямъ Нашимъ, пребываю навсегда вамъ искренно добροжелательною.»

На подлинномъ, собственною Ея Императорскаго Величества рукою, написано:

«АЛЕКСАНДРА.»

С. Петербургъ,
5 Апрѣля, 1838.

Государь Императоръ, по представленію Командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Высочайше повелѣть соизволилъ: находящійся въ кругу расположенія Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска, и причисленный по Высочайшему указу 7-го Нолбры 1837 года къ Хоперскому Казачьему полку заштатный городъ Александровъ, именовать впредь *станціею Александровскою*.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ внесенное отъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ представленіе по дѣлу объ учрежденіи третьяго Россійскаго Стрховаго отъ огня Общества, въ Высочайше конфирмованномъ, въ 6 день минушаго Іюня, мнѣніи положилъ: 1) тайному совѣтнику *Ноинскому*, генералъ-майору *Дубельту*, действительному статскому совѣтнику *Кривошапкинцу*, коллежскому совѣтнику *Серапишцу* и корнету *Булакову*, дозволить учредить помянутое Общество, на акціяхъ, сообразно правиламъ Устава, Государственнымъ Совѣтомъ разсмотрѣннаго. 2) Даровать Обществу сему: во 1-хъ, исключительное со дня утвержденія Общества по 27 Іюля 1847 года (т. е. по день окончанія срока дѣйствія привиллегій 1-го и 2-го Стрховыхъ Обществъ) право застрахованія имущества, въ губерніяхъ: Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской, въ областяхъ: Армянской, Бессарабской, Бѣлостокской, Кавказской и Якутской; въ Грузіи, Земль Войска

Донскаго, и вообще во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи, не вошедшихъ въ привилегіи поминутыхъ двухъ Обществъ, и во 2-хъ, для поддержанія дѣйствій Общества, которыя оно обязывается открыть въ теченіи перваго года своего существованія, слѣдующія преимущества: а) Состоящія въ вышеозначенныхъ губерніяхъ, областяхъ и мѣстахъ имущества не могутъ отдаваемы быть на страхъ ни первому, ни второму Россійскимъ Страховымъ отъ огня Обществамъ, ни иностраннымъ компаніямъ, мимо учрежденнаго нынѣ третьяго Общества, подъ опасеніемъ взысканія съ застрахователя, въ пользу сего Общества, за все время продолжавшагося въ нарушение его правъ застрахованія, по $\frac{3}{100}$ со всей застрахованной суммы, за каждыя 6 мѣсяцовъ. Изъ сего однако изъемяются: во 1-хъ, имущества, до Высочайшаго утвержденія Устава третьяго Общества гдѣ либо застрахованныя; они остаются безпрепятственно въ таковомъ застрахованіи, впредь до истеченія его срока, и во 2-хъ, всѣ тѣ имущества, или части оныхъ, въ мѣстахъ, настоящимъ Уставомъ объятыхъ, которыхъ третье Общество само не приметъ на свой страхъ, и удостовѣрить то выдачею позволительнаго на застрахованіе ихъ въ другихъ учрежденіяхъ свидетельства. б) Равнымъ образомъ, если первое и второе Страховыя Общества, въ предоставленныхъ имъ привилегіяхъ ихъ губерніяхъ и областяхъ, не принявъ къ застрахованію какого либо предмета въ цѣломъ его видѣ, или частію, выдадутъ желающему установленное о семъ свидетельство, то третье Общество имѣетъ исключительное право взять тотъ предметъ, или ту часть, на собственный страхъ, съ обязанностию отвѣтствовать въ случаѣ пожара соразмѣрно принятой суммѣ, и никто въ такомъ случаѣ не можетъ помимо сего Общества обращаться о за-

страхованію къ иностраннымъ компаніямъ, подъ опасеніемъ взысканія вышеозначеннаго штрафа. в) Застрахованныя въ третьемъ Обществѣ недвижимыя имущества дозволяется принимать залогомъ во всѣхъ казенныхъ мѣстахъ, по откупамъ, подрядамъ и поставкамъ, а равно по судамъ въ Заемномъ Банкѣ и въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, если только имущества таковыя, по роду своему, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя именно допускаются къ залогоу по узаконеніямъ объ откупахъ, подрядахъ и поставкахъ, и по правиламъ означенныхъ установлений, и съ тѣмъ, что третье Общество обязано въ сихъ случаяхъ исполнять въ точности Высочайше утвержденныя 25 Мая 1836 года, и распространеныя въ послѣдствіи и на первое Страховое отъ огня Общество, правила на застрахованіе зданій во второмъ Обществѣ для залогоу въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія. И г) третье Общество освобождается отъ всякаго налога, кромѣ взноса въ пользу казны пошлины за выдаваемые страховыя билеты, въ годъ по двадцати пяти копѣекъ, за девять мѣсяцовъ по восемнадцати и три четверти коп., за шесть двѣнадцати съ половиною коп., а за три мѣсяца шести съ четвертью копѣекъ ассигнаціонныхъ, съ тысячи рублей.

Подписка на акціи учрежденнаго такимъ образомъ третьяго Россійскаго Страховаго отъ огня Общества уже началась, и продолжается успѣшно. Кромѣ четырехъ губерній и пяти областей, также Грузіи и Земли Войска Донскаго, Общество сіе будетъ принимать застрахованіе имущества вообще во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи, не вошедшихъ въ привилегіи 1-го и 2-го Страховыхъ Обществъ, равно и то, чего не примутъ сіи два Общества, 3-е Общество имѣетъ исключительное право взять на свой страхъ.

Такимъ образомъ, Обществу сему предстоитъ обширный кругъ дѣйствій, отъ которыхъ акціонеры могутъ ожидать хорошей выгоды. Но когда, въ Юль 1847 года, кончится срокъ привилегій 1-го и 2-го Россійскихъ Страховыхъ Обществъ, тогда 3-е Общество станетъ безпрепятственно пріобрѣтать застрахованія въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ городахъ имперіи. Вотъ виды сего новаго Страхового огня Общества. Подписка на акціи принимается въ Правленіи онаго, въ Малой Морской, въ домъ *Бремера*, № 19-й, гдѣ Контора первоначальнаго заведенія дилижансовъ.

Жители Одессы были зрителями трогательнаго событія, по случаю отъѣзда въ отпускъ за границу г-на Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, Графа М. С. Воронцова. Въ биржевой залѣ, 9-го Августа, данъ былъ коммерческимъ сословіемъ великолѣпный прощальный обѣдъ любимому всѣми начальнику. Разтроганный искренними изъявленіями усердія всѣхъ присутствовавшихъ, Графъ М. С. отвѣчалъ на тостъ, предложенный за его здоровье слѣдующими словами, произнесенными съ сердечнымъ движеніемъ и со слезами на глазахъ:

Господа! трудно мнѣ найти слова, которыя бы въ полной мѣрѣ могли выразить все, что я чувствую. Все, что я здѣсь вижу, и все, что я здѣсь слышу, наполняютъ сердце мое истинною къ вамъ благодарностію и признагельностію. Расположеніе всѣхъ сословій г. Одессы давно уже мнѣ известно; оно давно во всемъ мнѣ помогало, и ежели когда либо я могъ сдѣлать что либо полезное для города, то это было именно отъ того, что отъ всѣхъ, вездѣ и во всемъ получалъ я помощь и содѣйствіе. Но, господа! вы знаете, что если есть наслажденіе и истинное удовольствіе въ томъ, чтобы видѣть общіе во всемъ успѣхи, и по долгу моему, иногда содѣйствовать имъ, то съ мѣстомъ, мною занимаемымъ, сопряжены не малые труды, и требуютъ силы, и моральныя и фи-

зическія. На исходѣ 6-го десятка лѣтъ моихъ, и послѣ 37-ми лѣтъ службы, почти всегда дѣятельной, и часто весьма трудной, силы во мнѣ не могли не ослабѣть. Я чувствую, что часто не могу дѣлать того, что прежде было мнѣ возможно. Мнѣ нуженъ покой, или по крайней мѣрѣ, отдыхъ. По этой причинѣ, и по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ, я долженъ былъ просить у Государя Императора отпуска за границу и получать оный. Но, отъѣзжая отсель, господа, я не могу имѣть въ виду слишкомъ долговременной разлуки съ вами и съ здѣшнимъ краемъ. Съ другой стороны, я слишкомъ много получилъ отъ Всемилостивѣйшаго Государя благодарій, слишкомъ много знаковъ довѣрія, превышающаго мои заслуги, чтобы считать себя въ правѣ отказаться отъ дальнѣйшаго здѣсь служенія, ежели на то будетъ Высочайшая воля, и если, послѣ отдыха, здоровье мое то позволитъ. Въ такомъ случаѣ, я поспѣшу къ вамъ, и буду опять готовъ вмѣстѣ съ вами служить, и стараться о всемъ томъ, что можетъ быть для васъ полезно. Во всякомъ случаѣ, въ покоѣ или на службѣ, вблизи или вдали, чувства мои всегда пребудутъ съ вами. Я молю Всевышняго, чтобы въ отсутствіи я слышалъ объ васъ все хорошее, все счастливое, а при возвращеніи надѣюсь найти васъ всѣхъ здоровыми, а дѣла города и края во всемъ успѣшными. Господа! благоденствіе города Одессы, благоденствіе и здоровье купечества и всѣхъ жителей Одессы.

Вскоръ потомъ, 13-го Августа, Графъ М. С. выѣхалъ изъ Одессы въ Берлинъ.

Французскій Посолъ Баронъ *де-Барантъ*, по поддержаніи обсервационнаго термина, вышелъ съ семействомъ своимъ изъ Одесскаго карантина. Карету Посла, при въѣздѣ его въ городъ, сопровождалъ отрядъ казаковъ и жандармовъ. Г. Баронъ *де-Барантъ* остановился въ Ришельевской гостинницѣ, предъ которою выстроено былъ почетный караулъ, съ знаменемъ и музыкою, отдавши ему честь при его приближеніи. Посолъ встрѣченъ былъ, по прибытіи въ приготовленные для него покои, г. Одесскимъ Военнымъ Губернаторомъ, Графомъ А. Н. Толстымъ.

По рапорту Министра Государственныхъ Имуществъ Правительствующему Сенату, Юля 4-го открыты Палаты Государственныхъ Имуществъ въ губерніяхъ: Санктпетербургской, Московской, Псковской, Курской и Тамбовской, и Окружныя Управленія вступили во всѣ дѣйствія, по учрежденію объ управленіи Государственныхъ Имуществъ, на основаніи Высочайшаго Указа отъ 30 Апрѣля сего 1838 года.

При указѣ Правительствующаго Сената, 27 Августа, обнародованъ трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіею и Швеціею, заключенный 26 Апрѣля (8-го Мая) въ Стокгольмѣ, уполномоченными, съ Россійской стороны: посломъ Графомъ Потоцкимъ и Губернаторомъ Абовскимъ г-мъ Гаартманомъ, а съ Шведской Барономъ Шульценгеймомъ и г-мъ Сегманомъ. Высочайшая ратификація его послѣдовала въ Теплицѣ, 11 (25) Юля.

Августа 30-го происходила въ Смоленскѣ торжественная закладка памятника на городской площади, въ воспоминаніе великой битвы, происходившей подъ стѣнами сего древняго города, въ 5-й день Юля 1812 года. Памятникъ будетъ состоять изъ пирамидальнаго зданія, вылитаго изъ чугуна, вышиною болѣе 41 сажень, а внизу шириною болѣе 2-хъ сажень.

Благотворитель, желавшій оставить имя свое неизвѣстнымъ, пожертвовалъ въ 1836 году въ пользу бѣдныхъ жителей Олонца 50,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ на вѣчныя времена были раздаваемы нищимъ и нуждающимся. Въ прошломъ году такая же сумма внесена была отъ того же лица для бѣдныхъ города Петрозаводска. Нынѣ еще 50,000 рублей пожертвовано имъ въ пользу нищихъ Повѣнецкаго уѣзда. Такія благодѣнія удостоившись особеннаго Монаршаго благоволенія.

Главное Правленіе Россійско-Американской Компаніи извѣстило своихъ акціонеровъ, что въ Юнѣ сего года прибыли въ Охотскій портъ, принадлежащія Компаніи суда: 19 числа ботъ Упалашка подъ командою Корпуса Флотскихъ штурмановъ поручика Орлова, съ Курильскихъ острововъ, и 30 числа бригъ Охотскъ, подъ командою флота лейтенанта Розенберга изъ Новоархангельска и Атхи, на которыхъ доставлено пушныхъ товаровъ, по состоящимъ въ Россіи цѣнамъ, на первомъ на *сто семьдесятъ пять тысячъ* рублей, а на послѣднемъ на *милльонъ семь сотъ двадцать пять тысячъ* рублей.

Въ Мартѣ сего года, во время сильной бури, шкиперъ Русскаго купеческаго судна *Ксенофонтъ*, Козьма Захаровъ, на пути изъ Таганрога въ Ливорно, въ 20 миляхъ отъ Сиракузъ, спасъ съ чрезвычайными усиліями, двухъ Неаполитанскихъ подданныхъ, находившихся въ рыбацкѣй лодкѣ, которой ежеминутно грозила опасность сдѣлаться жертвою яростныхъ волнъ. За сей великодушный подвигъ, Неаполитанскій Король повелѣлъ выдать шкиперу Захарову въ награду сто дукатовъ, и выбить для него особую медаль.

Казенные крестьяне, Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, сельца *Корцова*, Пятницкой волости сельца *Лужина* и Рузскаго уѣзда *Оршиковской волости*, *Троицы* тожь, лишились отъ пожара 76 дворовъ, а нѣкоторые изъ нихъ потеряли все свое имущество. По распоряженію Московскаго Гражданскаго Губернатора приняты были всѣ дѣятельныя мѣры къ устройству погорѣвшихъ: на постройку дворовъ отпущены отъ казны деньги, также строевой и дрѣвниой лѣсъ; оказано пособіе, нужное для засѣянія полей яровымъ хлѣбомъ, и какъ для назначенія мѣстъ къ поселенію, такъ и для изысканія средствъ къ дальнѣйшему вспоможенію, командированъ

особый чиновникъ. Между тѣмъ, казенные поселяне волостей *Орлыковской* и *Платицкой*, будучи тронуты несчастіемъ своихъ собратій, единодушно въ мірскихъ приговорахъ постановили: сдѣлать отъ себя слѣдующія пожертвованія, 1) доставить погорѣвшимъ до 4,500 подводъ, для перевозки лѣса, на разстояніи отъ 10 до 20 верстъ; 2) снабдить соломою для покрышки домовъ; 3) пострадавшимъ болѣе другихъ выдать на пропитаніе ржи до 80 четвертей и достаточное количество сѣна на продовольствіе скота. Сверхъ того опредѣлили помогать другъ другу въ несчастныхъ случаяхъ такимъ же образомъ и на будущее время.

Августа 22-е ознаменовалось въ Кіевѣ открытіемъ Института благородныхъ дѣвицъ, и въ тотъ же день, въ семи верстахъ отъ Кіева, въ лагерь собраннаго для маневровъ войска данъ былъ праздникъ, въ честь прибывшаго за три дня въ Кіевъ, Генераль-Фельдмаршала, Князя Варшавскаго. Великолѣпный балъ, сопровождался пѣснями и военною музыкою, фейерверкомъ, примѣрнымъ штурмомъ городка и ужиномъ. При громкихъ хорахъ провозглашаемы были тосты за здоровье Царя Русскаго и за здоровье знаменитаго гостя. Балъ и ужинъ даны были въ нарочно построенной галереѣ, излицо убранной оружіемъ и надписями

Англія.

Король и Королева Бельгійскіе прибыли 4-го Сентября изъ Остенде въ Рамсгетъ, и пробывъ нѣскольکو дней у племянницы своей, нынѣшней Королевы Англійской. Король присутствовалъ 19-го на большомъ парадѣ войскъ, гдѣ Королева въ первый разъ явилась верхомъ, сопровождаемая Лордомъ Гиллемъ, Герцогомъ Веллингтономъ и большою свитою; 21-го высокіе посѣтители отправились уже обратно изъ

Рамсгета и благополучно возвратились въ Остенду.

Принцесса Софія, тетка Королевы, почти совершенно лишилась зрѣнія; операція не принесла ей никакой пользы.

Извѣстные путешественники, капитаны Александръ и Бакъ получили дворянское достоинство.

Августа 20-го прибылъ въ Лондонъ Турецкій Посоль Ахметъ-Фети-Паша, представилъ Королеву и началъ переговоры съ Лордомъ Пальмерстономъ.

Почти въ то же время прибылъ Посоль Султана Маскатскаго Сеидъ-Адлей Бенъ Назеръ, для поздравленія Королевы и поднесенія подарковъ; въ числѣ ихъ находятся дорогія Арабскія лошади.

Князь Канино (Луцианъ Бонапарте) прибылъ въ Англію. — Принцъ Петръ Ольденбургскій, съ супругою, путешествуетъ по сѣверной Англіи. — Маркизь Уликъ Джонъ Кларикардъ назначенъ посломъ въ Россію, и вскорѣ отправляется въ Петербургъ. Ему только 36 лѣтъ отъ рожденія; онъ женатъ на дочери Каннинга, и нѣкогда считался образцомъ Англійскихъ денди.

Двое изъ зачинщиковъ возмущенія, которое произвелъ было фанатикъ Куртеней, приговорены къ ссылке, а шестеро другихъ къ временному заключенію въ тюрьму.

Съ 4-го Октября начнется дѣйствіе закона, по которому ограничено заключеніе за долги въ тюрьму при многихъ случаяхъ. — Вопреки предвѣщаніямъ Брума, новый законъ о бѣдныхъ принятъ въ Ирландіи съ большою благодарностью жителей.

Франція.

Россійскій Посоль Графъ Паленъ возвратился въ Парижъ изъ Эмса, 25-го Августа.

Находящійся въ службѣ РенджитъСинга, генераль Т. V. — Отд. V.

Вентура представлялся Королю 17-го Сентября, и снова отправляется въ Лагоръ.

Баронъ Гумбольдтъ возвратился въ Парижъ, и принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ Академіи и другихъ ученыхъ обществъ.

Сентября 5-го похоронили въ Валансе тѣло Князя Талейрана. Жители окрестностей, пользовавшіеся многими его благодѣяніями, собрались на похороны толпами.

Сентября 1-го вышли изъ Бреста корабли, составляющіе эскадру, назначенную въ Мексику—фрегатъ Нерейда, на которомъ находится контръ-адмиралъ Боденъ, корветъ Креоль, подъ начальствомъ Принца Жуанвильскаго, бригъ Кирасиръ (капитанъ Графъ Гурдопъ. Въ Кадиксъ соединятся съ ними фрегаты Слава (капитанъ Лене) и Меделъ (капитанъ Лере), а также лин. корабль Геркулесъ (капитанъ Казн), и эскадра изъ Тулона, гдѣ поспѣшно готовятся корабль Тритонъ, корветъ Любимица, бригъ Зебръ и бомбардирскія суда Вулканъ и Циклопъ.

Въ газетахъ напечатаны подробныя извѣстія о рожденіи Графа Парижскаго. Въ ночи на 24 число, около часа, докторъ Моро былъ приглашенъ въ Марсанскій павильонъ. Въ половинѣ седьмаго часа, Король, бывъ предваренъ о предстоящемъ разрѣшеніи Ея Высочества, немедленно пригласилъ въ Марсанскій павильонъ Президента Совѣта и всѣхъ Министровъ, Канцлера Франціи, Верховнаго Референдарія и Архиваріуса Палаты Перовъ. Въ третьемъ часу свидѣтели были позваны въ комнаты Герцогини, и спустя полчаса Президентъ Совѣта возвѣстилъ о рожденіи Принца. Вскорѣ прибыли Король и Герцогъ Орлеанскій и приняли поздравленія. Баронъ *Пакье*, Герцогъ *Деказь* и г. *Коши* (архиваріусъ Палаты Перовъ) составили актъ о рожденіи, который

былъ подписанъ Принцами и Принцессами, и другими присутствовавшими. Здоровье Герцогини, возбуждавшее тотчасъ по разрѣшеніи нѣкоторое опасеніе, нынѣ удовлетворительно. — Иностранные Посланники, предваренные Президентомъ Совѣта, собрались въ замокъ въ 5 часовъ. Между тѣмъ прибылъ Парижскій Архіепископъ. Королевская фамилія, Министры и свидѣтели отправилась въ придворную церковь, гдѣ новорожденный былъ окропленъ святою водою и причащенъ Св. Тайнъ. Крестины назначены 6 Октября. Въ 6 часовъ представлялись Королю иностранные Посланники. Меры и Муниципальные Совѣтники двѣнадцати Парижскихъ округовъ собрались въ Городской Думѣ. По прибытіи въ 5 часа Префекта Сенскаго Департамента и Префекта Полиціи, въ залу былъ введенъ первый адъютантъ Короля, генералъ-лейтенантъ Баронъ *Аталень*, и вручилъ собранію письмо съ Королевскою печатью. По прочтеніи письма, въ которомъ Его Величество увѣдомлялъ о рожденіи у Герцога Орлеанскаго сына, въ собраніи раздались громкія восклицанія: «*Да здравствуетъ Король! Да здравствуетъ Графъ Парижскій!*» Графъ *Ралбюто*, Префектъ Сенскаго Департамента, отъ имени собранія, произнесъ рѣчь. За тѣмъ отъ города назначено было 35,000 фр. для поднесенія Графу Парижскому шпаги. Въ тотъ же день, по полудни, начались поздравленія. Король разослалъ собственноручныя письма ко всѣмъ епископамъ, приглашая ихъ отслужить во всѣхъ церквахъ благодарственный молебенъ.

Парижскій Городской Совѣтъ назначилъ на народныя увеселенія, по случаю крестинъ въ Октябрѣ мѣсяцъ Графа Парижскаго, 175,000 фр. Въ среду, 29-го числа, въ двѣнадцати Парижскихъ округахъ будутъ раздавать подаванія бѣднымъ. Военный Ми-

нистръ раздалъ 33,000 фр. нуждающимся отставнымъ солдатамъ и вдовамъ солдатъ. Онъ получилъ отъ Герцога Орлеанскаго слѣдующее письмо, отъ 24-го Августа:

«Любезный Генералъ! Вамъ извѣстно, что въ прошедшемъ году, при вступленіи моемъ въ бракъ, я назначилъ 150,000 фр. на учрежденіе стипендій въ Сень-Сирскомъ военномъ училищѣ. Нынѣ я удвоваю сію сумму, въ пользу тѣхъ молодыхъ людей, которые, по выдержаніи экзамена, поступаютъ въ то училище. Прошу васъ сдѣлать сіе извѣстнымъ, и распорядиться, чтобы тѣ, которые намѣрены тѣмъ воспользоваться, подали мнѣ свои просьбы, съ присовокупленіемъ свидѣтельства о выдержанномъ испытаніи. Подпись: Герцогъ Фердинандъ Филиппъ Орлеанскій.

По случаю рожденія внука, Король облегчилъ участь многихъ осужденныхъ преступниковъ: 249 человекъ, осужденныхъ за разные преступленія по военной службѣ, 72 за разные гражданскіе проступки и 13 политическихъ преступниковъ, прощены совершенно, а 29 человекъ, замѣшанныхъ въ политическія смятенія, получили облегченіе въ наказаніяхъ.

Военный Судъ въ Перпиньянѣ осудилъ, по обвиненію генерала Бюжд, бывшаго подъ его начальствомъ въ Африкѣ генерала Броссара, найдя его виновнымъ въ совершеніи поступковъ, которые были ему, какъ чиновнику, неприличны (*immixtion comme fonctionnaire dans les affaires incompatibles avec sa qualité*). Осужденный на полугодовое заключеніе въ тюрьму, 800 франковъ пени, плату судебныхъ издержекъ и объявленіе неспособнымъ къ публичнымъ должностямъ, онъ взялъ апелляцію.

Инфантъ донъ Францискъ де Паула, съ супругою и дѣтьми, герцогами Кадикскимъ и Севильскимъ, и шестью другими принцами и принцессами, при-

былъ въ Парижѣ. Онъ нанялъ себѣ отель Галифе. Съ нимъ большая свита.

ГЕРМАНІЯ.

Владѣтельный князь Гогенцоллернъ-Гехингенскій, Фридрихъ Германнъ Отто, скончался въ Гехингенѣ, 12-го Сентября, на 63 году отъ рожденія. Наслѣдникъ его, Князь Фридрихъ Вильгельмъ Германнъ, управлялъ уже княжествомъ въ послѣдніе годы, по причинѣ болѣзни родителя.

Король Баварскій простудился на маневрахъ и былъ боленъ лихорадкою, но теперь здоровье его совершенно поправилось. — Принцъ Максимилианъ возвратился въ Мюнхенъ изъ путешествія своего на Востокъ.

Князь Августъ Юлій Арманъ Марія де-Полинъ-якъ признанъ княземъ Баварскаго Королевства, съ нисходящимъ отъ него потомствомъ, какъ владѣтель дворянскихъ помѣстьевъ Вильдтурма и Ришерсдорфа.

Въ Пестѣ дѣятельно возобновляются зданія и дома, разрушенные наводненіемъ. Болѣе 2000 человекъ рабочихъ сошлось туда отвсюду, и поденная плата многимъ доходитъ до 1 флор. 12 крейцеровъ, кромѣ хозяйскаго обѣда и порціи вина. Приношенія въ пользу разоренныхъ наводненіемъ составили болѣе мильона флоринговъ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Неожиданныя послѣдствія оказались отъ требованія Французскаго Правительства о высылкѣ изъ Швейцаріи Людовика Бонапарте. Къ удивленію всѣхъ благомыслящихъ людей, кантонъ Тургаускій, гдѣ живетъ сей изгнанникъ, отвергъ предложеніе, и большая часть другихъ кантоновъ согласилась съ нимъ

Французскій Посланникъ объявилъ, что онъ немедленно оставить Швейцарію, а Король Французскій велѣлъ двинуться войскамъ, съ тѣмъ, что при неудовлетвореніи требованія въ скоромъ времени, онъ объявитъ блокаду Швейцарской границы. Между тѣмъ Австрійскій Посланникъ объявилъ Швейцарскому Сейму, что Государь его не одобряетъ поступка Швейцаровъ. Тоже сказалъ въ Миланѣ Швейцарскимъ повѣреннымъ Князь Меттернихъ, объясняя, что Швейцарія напрасно называетъ нарушеніемъ нейтралитета требованіе Франціи удалить опаснаго для общаго спокойствія чловѣка. Дѣло осталось нерѣшеннымъ, по причинѣ закрытія Бернскаго Сейма до 1-го Октября. Собираютъ мнѣнія разныхъ кантоновъ, а между тѣмъ Швейцарскія газеты провозглашаютъ войну, кричатъ объ оскорбленіи независимости Швейцаріи и самоуправствѣ Франціи, не думая, что Швейцарія теряетъ въ случаѣ разрыва великія выгоды мира и торговли. Между прочимъ напечатано письмо изъ Страсбурга генерала Фуммеля вѣроятно, приверженца Бонапарте, гдѣ онъ пишетъ, что Франція не можетъ послать противъ Швейцаріи болѣе 50, или 60,000 чловѣкъ; что армія ея имѣетъ довольно занятій на границѣ Испаніи, въ Алжирѣ, въ городахъ, въ которыхъ находятся гарнизоны на границахъ Бельгіи и Германіи. Напротивъ того, Швейцарія можетъ выставить армію въ 67,000 чловѣкъ и 30,000 милиціи, всего 97,000 воиновъ, изъ коихъ 9,000 стрѣлковъ. (Последнее число въ журналѣ *Гельвеція* опредѣляютъ въ 40,000.) Каждый изъ этихъ стрѣлковъ не даетъ промаха въ 800 шагахъ. Къ тому же Франція обременена долгами. Генералъ Фуммель полагаетъ также, что ни одинъ изъ полковъ, стоящихъ въ Парижѣ, не будетъ посланъ въ Швейцарію; моральный духъ, господ-

ствующій между его товарищами всѣхъ чиновъ, не позволяетъ въ томъ сомнѣваться. Швейцарія не имѣетъ уже дурной военной организаціи 1798 года. Она обладаетъ отличными генералами, хорошими солдатами, и матеріальная часть ея въ хорошемъ устройствѣ. Сейму недостаетъ только духа времени Карла Смѣлаго, и проч.

Не смотря на всѣ подобныя клики буйныхъ головъ, можно однакожь полагать, что Швейцарія не проявляетъ мирнаго благоденствія на ужасы войны и междоусобій, ибо нѣкоторые кантоны объявили себя рѣшительно противъ большинства голосовъ, заступившагося за возмутителя общаго спокойствія.

ЧЕРНОГОРІЯ.

Вотъ еще неожиданное событіе: война между Австрійцами и маленькою областью Черногорцевъ, которую недавно еще посылалъ Король Саксонскій. Но здѣсь не національное, превратно понимающее честолюбіе, но необразованность причиною ссоры. Обнародованныя въ Австріи извѣстія объясняютъ всѣ подробности. Предлагаемъ ихъ исполнѣ. Вотъ что пишутъ съ Австрійско-Черногорской границы, отъ 16-го Августа:

«Со 2-го по 6-е Августа происходили сильныя стычки между Австрійскими войсками и Черногорцами. Мы уже уведомили, что съ некотораго времени возникли важныя пограничныя споры, по случаю измѣренія земель, предпринятаго Австрійцами. Черногорцы смотрѣли съ недоверчивостію на работы Австрійскихъ землемеровъ, и приняли урѣзденіе пограничныхъ столбовъ за угрозы. Австрійское Правительство, предвидя затрудненія, поручило это дѣло преимущественно офицерамъ, и назначило въ помощники имъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Оно полагало, что Черногорцы будутъ имѣть должное уваженіе къ Австрійскому мундиру и оружію. Не смотря на сіе благоразумное распоряженіе,

Черногорцы овладели одною мензулою и другими инструментами. Недавно еще, жена одного Черногорца пробралась къ мензулѣ землемѣра, работавшаго на самой границѣ: въ Пастрвицкомъ приходѣ, въ Будваскомъ округѣ, и хотѣла посмотреть, что онъ дѣлаетъ. Офицеръ прогналъ любопытную и докучливую женщину двумя пощечинами. Въ эту минуту, толпа Черногорцевъ, скрывавшаяся недалеко, устремилась на офицера и на бывшихъ съ нимъ людей. Австрійцы принуждены были поспѣшно отступить въ одинъ домъ, и заложить его двери. Ближайшее военное начальство немедленно послало офицеру помощь: по числу Черногорцевъ видимо увеличивалось, и чрезъ нѣсколько дней послѣ сего событія, они явились въ значительныхъ силахъ. Въ то самое время прибылъ къ угрожаемому пункту подполковникъ Росбахъ, командиръ 8-го егерскаго баталіона, стоящаго въ округѣ Каттаро (нынѣ командиръ полка Тирольскихъ Императорскихъ егерей), съ тремя ротами егерей, поспѣшно изготовившихся къ походу. Сверхъ того, двѣ роты пѣхотнаго полка Барона Мейера пришли, усиленными переходами, изъ Каттаро. Съ такими соединенными силами, подполковникъ Росбахъ атаковалъ Черногорцевъ, перебросилъ ихъ за границу, и занялъ крѣпкую позицію въ Черногорскихъ владѣніяхъ. Войска перестрѣливались цѣлый день, и потеряли 9 человекъ убитыми и 17 ранеными, въ числѣ коихъ трехъ офицеровъ. Между тѣмъ, все происшедшее дошло до свѣдѣній начальства города Зары, которое приняло немедленно самыя рѣшительныя мѣры. Часть гарнизона Рагузы двинулась, усиленными переходами, въ Каттаро. Тысячи пастроповъ были посланы въ тотъ же городъ, какъ для регулярныхъ войскъ, такъ и для милиціи (для пастуровъ, коихъ ружья нѣсколько меньшаго калибра, чѣмъ у регулярной пѣхоты). 16-й егерскій баталіонъ, расположенный въ Спалатскомъ округѣ, также выступилъ 11-го Августа; артилерію отправили на судахъ. Между тѣмъ, сумасбродные Черногорцы образумились и просили прощенья. Они убѣждали прекратить на мѣсяць все непріязни, на что Австрійцы согласились. Спокойствіе было возобновлено. 10-й баталіонъ возвратили; курьеръ достигъ его на четвертомъ переходѣ (считая отъ Спалато, гдѣ находится баталіонный штабъ.) Черногорцы дорого заплатились за свою попытку: у нихъ убито и

ранено отъ 40 до 50 человекъ. — Нынѣшній Владыка, молодой, образованный человекъ, тщетно старается приобрести моральное вліяніе своего предшественника, старца Петровича, на Черногорцевъ, пребывающихъ, большею частью, въ дикомъ, природномъ состояніи. Онъ можетъ только косвеннымъ образомъ пешичь о ихъ благодѣ. Посѣщеніе Короля Саксонскаго придало ему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе важности, но на другія имѣло совсѣмъ противное вліяніе. Дѣти природы, Черногорцы подозрѣваютъ, что онъ хочетъ продать ихъ отечество Королю Саксонскому; это смѣшное предположеніе было для него весьма вредно. — Въ другомъ письмѣ, отъ 24-го Августа, уведомляютъ о слѣдующемъ: «По оффиціальнымъ извѣстіямъ, Австрійцы лишились въ послѣднихъ стычкахъ съ Черногорцами 17 человекъ убитыми и почти столько же ранеными. Въ числѣ послѣднихъ находится три офицера, изъ коихъ подполковникъ Баронъ Рейхлинъ тяжело раненъ въ ногу, а двое другихъ легко. Полагали, что Барону Рейхлину придется отнять ногу. Черногорцы потеряли отъ 120 до 140 человекъ одними убитыми. Изъ разныхъ пограничныхъ мѣстъ пинуютъ, что нельзя безпечно полагаться на перемиріе. Въроломные и мстительные Черногорцы, кажется, имѣютъ желаніе нарушить его. Они повсюду собираются въ толпы, и употребляютъ все средства для пріобрѣтенія пороха и свинца. Паша Скутарскій, извѣстный врагъ Черногорцевъ, продаетъ имъ всякаго рода припасы. При этомъ, онъ имѣетъ одну только цѣль, возбудить въ нихъ большія надежды на успѣхъ, и тѣмъ способствовать раздорамъ съ Австрійцами. Однакоже, такіе поступки Пашини легко могутъ заставить Австрію жаловаться на него Султану. О настоящемъ намѣреніи Черногорцевъ ничего неизвѣстно. Нѣкоторые полагаютъ, что они показываютъ видъ, будто бы хотятъ сдѣлать новую попытку противъ Граевскихъ Турковъ, но дѣйствительно, рѣшились напасть на Добротасъ, и только Владыка удерживалъ ихъ досель отъ исполненія сего замысла. Однакоже нельзя много полагаться на вліяніе Владыки. Замѣчательно, что во всей Черногоріи распространился слухъ, будто бы Князь Милошъ идетъ на помощь Черногорцамъ. Сочинитель сего письма видѣлъ самъ нѣсколькихъ Черногорцевъ, которые твердо были увѣрены въ помощи Сербовъ. Но это очевидно одинъ изъ тѣхъ слу-

ховъ, которыми хотѣтъ возбудить храбрость Черногорцевъ, и воспрепятствовать софѣднимъ Туркамъ воспользоваться настольнымъ стѣснительнымъ положеніемъ Черногоріи. Между тѣмъ, Австрійцы не пренебрегаютъ ни какими приготовлениями для отраженія нападенія. Въ Далмацію уже посланы значительныя подкрѣпенія; въ томъ числѣ одна полная ракетная батарея отправлена водою. Въ округахъ Каттаро, Рагузы и проч. направленіе умовъ самое благопріятное. Многіе Каланесцы добровольно вызвались вооружиться на собственный счетъ и принять участіе въ войнѣ противъ Черногорцевъ, но Правительство не приняло ихъ предложенія.

НИДЕРЛАНДЫ.

Е. И. В. Принцесса Оранская возвратилась въ Гагу изъ Теплица, Августа 23-го.

Король утвердилъ существованіе нынѣшняго Нидерландскаго Банка до 1864 года. Капиталь его не долженъ превышать 20-ти милліоновъ флориновъ, раздѣляясь на акціи по 1000 флориновъ. Банкъ производитъ учетъ векселей, принимаетъ вклады, даетъ ссуды, но отнюдь не занимается торговлею.

ИТАЛІЯ.

Общее вниманіе занято было коронованіемъ Австрійскаго Императора въ Миланъ. Вотъ краткое извлеченіе изъ извѣстій, о путешествіи Императора изъ Иншпрука до Милана, обрядахъ коронованія и пребыванія Императора въ Миланъ:

«Ихъ В-ва Императоръ и Императрица, отслушавъ 17-го Августа, въ 8 часовъ утра, обѣдню въ придворной церкви, выѣхали въ половинѣ десятаго изъ столицы Тироля, для продолженія своего путешествія въ Миланъ. Народъ толпился около экипажей и громкими восклицаніями изъявлялъ чувства усердія и преданности. Эрцгерцоги Францъ, Карлъ и Людовикъ остались еще въ Иншпрукѣ для осмотра

заведеній и прекрасныхъ окрестностей города. Эрцгерцогъ Іоаннъ отправился въ путь еще прежде Ихъ В-въ. Исправляющій должность Губернатора Тироля удостоился получить отъ Императора, при самомъ его отъѣздѣ, лестный рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Г. надворный совѣтникъ и кавалеръ фонъ *Бенцъ*! Во время путешествія моего отъ границъ провинціи Тироля до самой ея столицы встрѣтилъ я въ жителяхъ всѣхъ состоящихъ чувства искреннѣйшей преданности и непоколебимой вѣрности къ моему дому. Я увѣренъ, что Тирольтцы и обитатели Форальберга пребудутъ для меня тѣмъ же, чѣмъ они были для незабвеннаго, въ Бозѣ почивающаго родителя моего. Слѣдуя извлеченію моего сердца, я изъявляю вамъ полное мое удовольствіе, и поручаю вамъ объявить это ко всеобщему свѣдѣнію. Въ особенности прошу изъявить мою признательность членамъ городского магистрата и гражданамъ Иншпрука за ихъ правоту и усердіе. Совершенный порядокъ, найденный мною во всѣхъ частяхъ управленія, доставилъ мнѣ искреннее удовольствіе, и служить доказательствомъ дѣятельнаго и усерднаго исполненія обязанностей службы членами присутственныхъ мѣстъ и ихъ начальниковъ, что и поручаю вамъ объявить имъ отъ моего имени. Иншпрукъ, 16 Августа 1838 года. Подп. *Фердинандъ*.»

«22-го Августа, въ шесть часовъ утра, Ихъ Величества присутствовали при обѣднѣ, въ церкви капуциновъ въ Мальсѣ, и въ половинѣ седьмаго часа отправились въ путь. Погода была пасмурная, однако же можно было надѣяться, что она прояснится. Но, къ сожалѣнію, дождь начался уже предъ Брамдомъ и съ тѣхъ поръ не переставалъ. Во всѣхъ мѣстечкахъ и деревняхъ народъ изъявлялъ искреннее усердіе и радость. Въ три часа, императорскіе экипажи подѣхали къ границѣ. На Тирольской сторонѣ, рота Имперскихъ стрѣлковъ, со знаменемъ, и стрѣлки Глуриса и Наудерса прошли съ музыкаю мимо Ихъ Величества. На Ломбардской землѣ возвышался

храмъ, построенный только на случай благоприятной погоды, въ которомъ Эрцгерцоги Райнеръ и Иоаннъ ожидали прибытія августѣйшихъ путешественниковъ. Погода была ужасная: сильный вѣтеръ, дождь, снѣгъ, молніи и громъ слорили между собою. Не смотря на то, Ихъ Величества вышли изъ кареты и пѣшкомъ перешли черезъ границу. Когда Ихъ Величества были встрѣчены въ Ломбардіи, Е. И. В. Эрцгерцогъ Иоаннъ подошелъ къ стрѣлкамъ и сказалъ офицерамъ: «Императоръ благодарить васъ, такъ же какъ и я; передайте благодарность и поклонъ всѣмъ храбрымъ Тирольскимъ стрѣлкамъ, изъ одного села въ другое.»

«Августа 24-го, Императоръ и Императрица прибыли, въ 2 часа по полудни, изъ Комо въ Монсѣ, гдѣ были приняты Эрцгерцогами Францомъ, Карломъ, Людвигомъ и Иоганномъ, Вице-Королемъ, равно Герцогомъ и Герцогинею Моденскими и братьями Герцога. Въ ознаменованіе прибытія Ихъ Величествъ, Миланскій Приходскій Судъ назначилъ значительную сумму для составленія приданого тѣмъ изъ бѣдныхъ дѣвушекъ Милана, которыя въ теченіе года, послѣ коронаціи Ихъ Величествъ, выдугъ замужъ. Августа 25-го, Архіепископъ Миланскій имѣлъ у Его Величества аудіенцію; вечеромъ Ихъ Величества обозрѣвали городъ, который былъ отлично иллюминированъ. Повсюду народъ принималъ Августѣйшую чету съ знаками громкой радости.

Сентября 1-го происходилъ торжественный въездъ въ Миланъ. Въ десять часовъ утра, Ихъ Величества прибыли въ Лоретскій павильонъ, гдѣ они были встрѣчены Эрцгерцогомъ Вице-Королемъ, обоими губернаторами и другими особами, поименованными въ программѣ. Послѣ краткаго отдохновенія Ихъ Величествъ, шествіе двинулось въ предписанномъ по-

рядкѣ, и въ половинѣ двѣнадцатаго часа прибыло къ заставѣ Порты Ориентале. Здѣсь градоначальникъ Милана, сопровождаемый коммандантомъ, привѣтствовалъ Императора краткою рѣчью, и поднесъ ему на бархатной подушкѣ ключи города. Императоръ возвратилъ ихъ при самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. — Дошедъ до дверей кафедральнаго собора, Ихъ Величества были встрѣчены Эрцгерцогами, къ которымъ присоединились также Эрцгерцогъ Вице-Король и Эрцгерцогини, со всѣмъ духовенствомъ. Кардиналъ Архіепископъ окропилъ Ихъ Величества святою водою. Вступивъ въ церковь, Ихъ Величества помѣстились, для выслушанія торжественнаго молебствія, подъ балдахиномъ близъ алтаря. По окончаніи церковныхъ обрядовъ, Ихъ Величества встали и отправились, по дорогѣ, нарочно устроенной для соединенія кафедральнаго собора съ королевскимъ замкомъ, въ императорскіе покои, гдѣ ожидали прибытія Ихъ Величествъ генералитетъ и всѣ офицеры. Затѣмъ Ихъ Величества удалились во внутреннія комнаты. — По обѣимъ сторонамъ длинной и прекрасной аллеи, ведущей отъ Лоретта къ заставѣ Порты Ориентале, сооружены были богато украшенные амфитеатры, равномерно и по всѣмъ улицамъ, черезъ которыя двигалось шествіе. Всѣ амфитеатры, окна, крыши были покрыты зрителями, которые при видѣ Ихъ Величествъ оглашали воздухъ радостными восклицаніями. Прекраснѣйшая погода благоприятствовала торжеству сего дня, составившаго достопамятную эпоху въ лѣтописяхъ Милана, и неизгладимо врызаннаго въ сердца жителей сей столицы. — Благодаря отличнымъ распоряженіямъ начальства, торжество не было нарушено ни малѣйшею неприятностью, ни малѣйшимъ безпорядкомъ. Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминированъ, и необъят-

ныя толпы народа волновались на освѣщенныхъ улицахъ до поздней ночи. Восторгъ народа достигъ высшей степени, когда Ихъ Величества, въ сопровожденіи Двора и многочисленной блистательной свиты, выѣхали для обозрѣнія иллюминаціи.

«2-го Сентября, Ихъ Величества посѣтили Корсо, а вечеромъ театр della Scalla, и возбудили своимъ присутствіемъ всеобщій энтузіазмъ. Утромъ былъ выходъ во дворецъ, на который съѣхались духовенство, всѣ гражданскія и военныя начальства, и дворяне, имѣющіе прѣздъ ко Двору.

«3-го Сентября происходила торжественная присяга въ каріатидской залѣ, въ присутствіи высшихъ государственныхъ сановниковъ, духовенства и чиновъ, составляющихъ представительство королевства. Канцлеръ Двора, ставъ предъ трономъ Императора, первый изъявилъ отъ имени депутатовъ желаніе принести присягу. За нимъ, Оберъ-Гюфмейстеръ Ломбардо-Венеціанскаго королевства сказалъ Императору рѣчь, на которую Его Величество отвѣчалъ съ престола. Канцлеръ Двора прочелъ присягу, и за нимъ всѣ чины повторяли ее съ энтузіазмомъ. Потомъ былъ торжественный обѣдъ, въ которомъ принимали участіе всѣ депутаты. Ихъ Величества удостоили обѣдъ своимъ присутствіемъ, и вечеромъ явились на нѣсколько минутъ посреди блистательнаго собранія, въ дворняскомъ казино. Они были вѣду принимаемы съ восторгомъ.

«За день передъ коронаціею дозволено было осматривать желѣзную корону, привезенную торжественнымъ образомъ изъ Монца въ Миланъ. Какъ въ этотъ день, такъ и на слѣдующій, всѣ окна и балконы въ улицахъ Corso di Servi и Corso del porto Orientale были украшены богатыми коврами.

«6-го числа происходило коронованіе. Съ трудомъ

можно было достать билетъ для входа въ соборную церковь. Всѣ выходы изъ церкви были заняты огромною массою народа. Дипломатическій корпусъ собрался у Россійскаго Посла, д. тайн. сов. *Татищевъ*, и отправился въ придворныхъ экипажахъ въ Архіепископскій дворецъ, откуда черезъ подземную галерею былъ проведенъ въ церковь. Внутренность собора была украшена бархатомъ, шелковыми и другими драгоценными матеріями. Мраморныя стѣны, куполь, все исчезло, и въ огромномъ зданіи, такъ сказать, было создано новое, легкое, великолѣпное зданіе. Коронованіе было совершено съ торжествомъ и достоинствомъ, приличными сему священнодѣйствию. По окончаніи коронованія, Императоръ вышелъ на балконъ, при громкихъ восклицаніяхъ народа. Въ Каріатидской залѣ былъ приготовленъ обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ члены Императорской фамиліи, оба Кардинала и Папскій Нунцій. Во время обѣда пѣли миссъ Клара *Новелло*, восхищавшая прошедшей зимой Берлинскую публику, миссъ *Келбъ*, г-жи *Шоберлехнеръ* и *Погеи*. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Въ тотъ же день обнародовано было слѣдующее письмо Императора къ Эрцгерцогу Райнеру :

«Любезный дядя, Эрцгерцогъ Райнеръ! По случаю моего коронованія въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, повѣляю: 1) Всѣхъ государственныхъ преступниковъ королевства, находящихся еще подъ наказаніемъ, простить. 2) Изслѣдованія, производимыя судилищами королевства надъ политическими преступленіями, прекратить, и слѣдствій по дѣламъ, совершеннымъ до настоящаго моего повелѣнія, не начинать. 3) Всѣмъ подданнымъ королевства, арестованнымъ за политическія интриги, возвращается свобода. 4) Тѣ, которые подвержены были, по той же причинѣ, полицейскому надзору освобождаются отъ оного. 5) Для облегченія участи политическихъ бѣглецовъ, оставившихъ Ломбардо-Венеціанское ко-

ролевство, и желающихъ возвратиться въ свое отечество, повелѣваю, чтобъ и на нихъ распространено было постановленіе § 2, однакоже съ условіемъ, чтобы они прислали просьбы о возвращеніи лично ко мнѣ, и повиновались тому рѣшенію, которое я произнесу, сообразно съ моими стеческими намѣреніями. Что же касается до тѣхъ политическихъ бѣглецовъ, которые не пожелаютъ возвратиться въ отечество, повелѣваю, чтобы имъ разрѣшено было жить внѣ королевства. 6) Просьбы о дозволеніи возвратиться въ отечество, или навсегда его оставить, должны быть представлены политическими бѣглецами въ теченіе года со дня выхода сего повелѣнія. По окончаніи сего срока, политическіе бѣглецы подвергнутся опять существующимъ законамъ. Сообщая В. И. В. настоящую мою волю, прошу васъ сдѣлать надлежащія распоряженія для посрѣдства исполненія. Миланъ. 6-го Сентября 1838. г. — Фердинандъ.

«8-го числа (въ день Рождества Богородицы), въ десять часовъ утра, Ихъ Императорскія Величества, сопровождаемые И. И. В. Эрцгерцогами, отправились въ торжественной процессіи, въ базилику Св. Амвросія. Предъ входомъ въ церковь, Кардиналь Архіепископъ встрѣтилъ Ихъ Величества и окропилъ ихъ святою водою. Когда Ихъ Величества помѣстились подъ балдахиномъ, воспѣтъ былъ Амвросіанскій гимнь и совершена литургія. По окончаніи церковнослуженія, Ихъ Величества возвратились со свитою въ замокъ, по улицамъ, наполненнымъ безчисленною толпою народа, который, при приближеніи шествія, наполнялъ воздухъ восторженными восклицаніями. — Въ тотъ же день желѣзная корона была перевезена изъ Милана въ Монцъ, съ тѣмъ же торжествомъ, какъ она была доставлена въ столицу.

«9-го числа, Императоръ, въ сопровожденіи своего августѣйшаго семейства, дѣлалъ смотръ войскамъ. Отличное состояніе полковъ возбудило всеобщее

удивленіе. Вечеромъ городъ Миланъ далъ балъ въ театрѣ della Scala. Знаменитый Вѣнскій сочинитель вальсовъ, Ланнеръ управлялъ оркестромъ. Театръ былъ блестятельно освѣщенъ; ложи были заняты дамами въ великолѣпныхъ костюмахъ. Военные были въ парадныхъ мундирахъ, а гражданскіе чины имѣли сверхъ фрака Испанскую мантилью. Отъ Императорской ложи спускалась въ партеръ широкая лѣстница, покрытая бархатомъ. Въ десять часовъ, вошелъ Императоръ, съ Императрицею, при звукахъ музыки и безконечныхъ восклицаній публики. Дворъ спустился въ партеръ и прошелъ по сценѣ, занятой присутствовавшими на балѣ.

«12-го числа, Ихъ Величества, въ сопровожденіи Эрцгерцоговъ и Эрцгерцогинь, посѣтили Амвросіанскую библіотеку, и разсматривали самыя рѣдкія книги и рукописи. Они обратили свое особенное вниманіе на сохраняемые здѣсь рисунки Леонарда да Винчи. Изъ библіотеки Августѣйшія особы отправились во дворецъ Бреры, въ которомъ осматривали, вмѣстѣ съ Княземъ Меттернихомъ, выставку произведеній промышленности. Ихъ Величества удостоили особенной похвалы дорогія шелковыя матеріи, изготовленіе которыхъ сдѣлало здѣсь большіе успѣхи, а также Ломбардскія полотняныя скатерти, тонкостью неуступающія Фландрскимъ. Императоръ и Императрица разговаривали со многими фабрикантами и изволили сдѣлать большіе заказы. Въ тотъ же день, Ихъ Величества удостоили присутствіемъ великолѣпный балъ, который былъ данъ Садовымъ Обществомъ.»

Различныя увеселенія, обѣды и балы сопровождали торжество коронованія. Дурная погода помѣшала великолѣпному Corso notturno. Сентября 15-го, Императоръ и весь Дворъ его оставили Миланъ, а 16-го

Т. V. — Отд. V. 3

прибыли въ Павію, 17-го въ Лоди, 18-го въ Кре-
мону, 19-го въ Бергамо.

Французскій Посоль протестовалъ противъ приго-
товленій, какія позволяютъ въ Сардинскихъ гаванихъ въ пособіе Донъ Карлосу. Правительство объ-
явило, что они будутъ строго воспрещены. — Въ
Генувъ готовятъ фрегатъ Ла-Реджина, на которомъ
Принцъ Евгений Савоія-Кариньянскій отправится въ
путешествіе кругомъ свѣта.

Е. С. Папа назначилъ Великимъ Пріоромъ ордена
св. Іоанна Іерусалимскаго (Мальтійскихъ кавалеровъ)
Кардинала Одескальи. Мѣсто Магистра занимаетъ
пѣль кавалеръ Карло Кандида. — Въ консисторіи
13-го Сентября, бывшей въ Квиринальскомъ дворцѣ,
возведены въ достоинство кардиналовъ Адриано Фіа-
ски, префектъ Панскаго дворца, и Энгельбертъ
Стерксъ, архіепископъ Маленскій.

Король Неаполитанскій объявилъ, что съ нынѣш-
ней зимы, онъ самъ и весь Дворъ его будутъ про-
живать полгода въ Палермо ежегодно. Такое извѣ-
стіе произвело общую радость въ Сициліи. — Мес-
синская Каролинская Академія возведена въ досто-
инство университета. Строжайшій декретъ Королев-
скій выданъ въ Неаполь касательно поединковъ, 11-го
Августа. Вотъ содержаніе его:

1) Вызвавшій на дуэль наказывается заключеніемъ въ
тюрьму, лишеніемъ всѣхъ пенсій, и навсегда отставляется
отъ публичныхъ должностей; тому же подвергается тотъ, кто
принялъ вызовъ. 2) Если вызвавшій получить отказъ и за
то обезчестить своего противника ударомъ, то подвергнется
всей строгости существующихъ законовъ. 3) Если двое по-
ссорившихся уже прибыли на мѣсто поединка, но еще не
начинали дуэли, то наказываются изгнаніемъ и лишеніемъ
пенсій. 4) Если дуэль началась, но еще никто не былъ ра-
ненъ, сражавшіеся сбѣгаютъ на галеры и лишаются пенсій.
5) Если одинъ изъ противниковъ раненъ, не успѣвъ пора-

зить своего врага, то съ нимъ поступаютъ также; ранив-
шій же наказывается по всей строгости существующихъ за-
коновъ. 6) Убіеніе на дуэли принимается за преднамѣренное
убійство. Преступникъ подвергается высшей степени наказа-
нія. 7) Тѣла погибшихъ на поединкахъ погребаются безъ
всякихъ обрядовъ, въ неосвященномъ (profano) мѣстѣ, по
указанію полиціи, а также и тѣла казенныхъ за дуэль. На мо-
гилахъ сихъ лицъ запрещается ставить какой либо памят-
никъ. 8) Секунданты, зачинщики, и проч., наказываются тю-
ремнымъ заключеніемъ и лишеніемъ пенсій, если дуэль не
состоялась, а по совершеніи дуэли, какъ сами дуэлисты. 9)
Военные наказываются за дуэль по существующимъ за-
конамъ, и въ то же время подвергаются высшей степени на-
казанія за нарушеніе дисциплины, но не смертной казни. 10)
Вызвавшій на дуэль, дуэлисту, секундантъ, и проч., лишаются
всѣхъ орденовъ, отличій и пенсій, даже при несостоявшемся
поединкѣ. 11) Дуэлисты судятся въ верховномъ уголовномъ
судѣ (Gran Corte criminale).

Испанія.

Самымъ достовѣрнымъ образомъ объявлено было
въ Испанскихъ извѣстіяхъ, что Христиносы одер-
жали важное преимущество надъ Карлистами взятіемъ
Морельи. Эту крѣпость вмѣстѣ съ Кантавіе-
хою, можно почесть ключемъ къ занятымъ Карли-
стами областямъ. Взятіе ихъ разрывало бы вой-
ска Карлистовъ и обезпечило Мадридъ. Движеніемъ
на Эстелью, Эспартеро отвлекалъ главную армію
Донъ Карлоса. Но въ слѣдъ за извѣстіемъ о взятіи
Морельи начались разные слухи. Ораа, отъ 18-го
Августа, извѣстилъ о неудачѣ предпріятія, а потомъ
оказалось, что Христиносы едва спаслись отъ Мо-
рельи, совершенно разбитые. Пишутъ, что Карли-
сты торжествовали это событіе, какъ великую по-
бѣду; что изъ 27,000 человекъ, бывшихъ съ Ораа,
едва спаслось 17,000, съ потерей всей артиллеріи;
что Кабрера получилъ отъ Донъ Карлоса титулъ
графа Морельи; что онъ громилъ послѣ того Вален-

дѣю; что у Ораа не было достаточнаго количества пороху, который остался въ Мадритѣ, ибо не чѣмъ было заплатить за провозъ его, между тѣмъ, какъ Кабрера возвратился отъ Валенціи въ Морелью съ огромными контрибуціями — 150,000 піастровъ и 300 тельгъ, нагруженныхъ запасами; что Пампелуна готова сдаться Карлистамъ, и что грабежи Мерино и другихъ Карлистовъ распространили повсюду ужасъ и трепеть, и проч. и проч. — Христиносы опровергали сіи слухи; писали, что Эспартеро собралъ военный совѣтъ въ Логроньо, и говорилъ на немъ: «Событіе подъ Морелью не имѣетъ большой важности. Мы должны овладѣть Эстелью, въ которой сосредоточены силы враговъ. Водрузимъ, товарищи, на ея стѣнахъ наше знамя, и тѣмъ окончимъ войну. Я уже давно хотѣлъ предпринять атаку, но знаю изъ опыта, что создать тогда только можетъ хорошо сражаться, когда онъ хорошо одѣтъ и накормленъ. Я вскорѣ получу все необходимое, и тогда совершу, съ вашею помощью, великій ударъ. Побѣдители при Пеньясеррадѣ! Королева и отечество вскорѣ назовутъ васъ побѣдителями при Эстельѣ. Надѣюсь на васъ!» — Но вскорѣ оказалось противное: Эспартеро перешелъ обратно за Эбро, а Карлисты двинулись въ слѣдъ за нимъ, увѣряя, что цѣлые корпуса Христиносовъ готовы перейти къ нимъ. Рѣшительное торжество Карлистовъ подтвердилось важнымъ событіемъ въ Мадритѣ — перемѣною министерства: Офалія смѣненъ. Мѣсто его занялъ Герцогъ Фриасъ (7-го Сентября); Рюизъ де ла-Вега опредѣленъ въ Министры Юстиціи, Депутатъ Маркизь Монте-Виргенъ въ управляющіе финансами, Маркизь Вальгорнера въ управляющіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, генераль Адама въ управляющіе военнымъ и морскимъ министерствомъ. Эспартеро опять

отказывается отъ начальства надъ войсками. — Морелью защищали Негри. Городъ этотъ находится въ горахъ, раздѣляющихъ Нижнюю Аррагонію отъ Валенціи; въ немъ считаютъ до 6000 жителей. Онъ принадлежитъ къ древнимъ Мавританскимъ крѣпостямъ. Король Донъ Хайме едва могъ овладѣть имъ въ 1232 году. Старинная Мавританская стѣна окружаетъ подошву горы, по которой расположены дома, и верхъ которой составляетъ цитадель. — Впрочемъ Карлисты отдають похвалу отчаянной храбрости Христиносовъ на приступъ къ Морельѣ. Вотъ донесеніе Ораа объ этомъ дѣлѣ Военному Министру:

«Ваше Превосходительство! Такъ какъ 15-го числа штурмъ не былъ произведенъ, то я приказалъ, по совѣту начальника инженеровъ, атаковать брешь, и въ то же время взобраться, въ трехъ пунктахъ, на стѣны, по лѣстницамъ. Для сей цѣли, изъ каждой пѣхотной дивизіи избраны были жребіемъ по одному баталіону. Атака брешни поручена была гренадерскому баталіону королевской провинціальной гвардіи, провинціальнымъ ротамъ Сашъ-Яго, взводу саперовъ и отряду артиллеріи; въ подкрѣпленіе имъ назначенъ былъ полкъ Королевы-Правительницы Кордовскій и Кастильскій батальоны, вмѣстѣ съ Наварскими волонтерами, должны были штурмовать стѣны; въ резервъ ихъ находились Портскіе егеря. По данному знаку, войска двинулись впередъ, съ храбростью, которая достойна была лучшей участи. Гренадеры въ одно мгновеніе достигли брешни. Непріятель устремилъ на сей пунктъ губительный огонь; штурмующіе были осыпаны картечью и ручными гранатами. Однакоже войска не уступали ни шагу, хотя терпѣли значительный уронъ и лишились лучшихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ находится молодой Алонсо, начальникъ штаба арміи. Полковникъ донъ Бруно Порсилюи-Веласко и майоръ ласъ-Герасъ нашли также на брешни славную смерть. Я надѣялся, что атака на другихъ трехъ пунктахъ произведетъ выгодную диверсію, но Кордовскій батальонъ принужденъ былъ уступить сильному дѣйствию картечнаго огня. Между тѣмъ, второй Кастильскій батальонъ и

Наварскіе волонтеры уже водрузили свои знамена на стѣнѣ, но и они принуждены были наконецъ отступить. Такъ какъ вся надежда на успѣхъ на семь пунктовъ исчезла, то оставалось только прекратить кровопролитіе. Я приказалъ отступить, хотя войска были исполнены мести противъ врага, который, къ несчастію, нашелъ сильную защиту въ природѣ и въ ужасной своей артиллеріи. Храбрость войскъ была удивительна. Хотя она въ семь случаевъ не увѣчалась успѣхомъ, но не менѣе того заслуживаетъ признательность Ея Величества и отечества. Главная квартира предъ Морельею, 17-го Августа 1838. Марселино Ораа.»

Сообщаемъ разныя извѣстія, изъ которыхъ можно видѣть, и всѣ противорѣчія ихъ, и явное изъ всего смилтеніе Христиносовъ и веселье Карлистовъ, хотя необходимо должно полагать многое преувеличеннымъ:

Письмо изъ Сарагоссы, отъ 24-го Августа. «При несчастномъ отступленіи отъ Морельи, мы потеряли почти всю осадную армію. Карлисты, узнавъ, что наши войска отступаютъ внезапно бросились на нихъ; мы прошли пять или шесть легъ до Мошройо непрерывно сражались. Мы лишились всей осадной артиллеріи; множество солдатъ и четыре или пять полевыхъ орудій также достались въ руки непріятеля; многіе пѣхотные были убиты на пути. Войска въ величайшемъ разстройствѣ: они бѣгутъ изъ Мошройо въ Алканисъ. Пять сотъ человекъ, которые хотѣли спастись въ церкви Торребельи, перебиты непріателемъ всѣ до послѣдняго. Пишутъ изъ Нижней Аррагоніи, что печальная судьба центральной арміи повергла всѣхъ въ величайшее смущеніе. Дивизія генерала Борса, столь много пострадавшая на приступѣ, бѣжала въ Каритену. Полагаютъ, что Ораа находится съ небольшимъ отрядомъ въ Теруэль. О генералахъ Санъ-Мигельъ и Кардинъ ничего неизвѣстно. Непріатель продолжаетъ насъ преслѣдовать; онъ уже, вѣроятно, атаковалъ Алкани, наполненный ранеными. Кабанеро, съ своею дивизіею, находится въ Фоскоъ и преслѣдуетъ войска Борса. Это совершенный хаосъ. Такого пораженія мы еще не видали. Еще до отступленія отъ Морельи, мы лишились 7,000 человекъ. Вы можете себѣ представить, сколь велика вся наша потеря. Здѣсь болѣе не

слушаютъ приказаній Ораа; говорятъ даже, что запрещено посылать ему подкрѣпленія. Въ журналѣ Novicio приписываютъ снѣгіе осады единственно недостатку състныхъ припасовъ. Офицеры должны были довольствоваться мукою и водою; этимъ объясняется, почему у насъ было столь много больныхъ; однакоже, прибавляютъ въ этой газетѣ, гарнизонъ защищался чрезвычайно упорно. Болѣе всѣхъ потерпѣли на приступѣ 17-го числа полки Короля, Королевы, Правительницы и егеря Португекіе и Африканскіе; многіе батальоны истреблены совершенно. При отступленіи, войска Королевы составляли не армію, а какую-то смѣсь раненыхъ, убитыхъ и бѣгущихъ.»

Письмо съ Аррагонской границы, отъ 27-го Августа. «Экспедиція противъ Морельи окончена. Обозъ съ военными и състными припасами, преодолевъ величайшія препятствія, прибылъ къ городу, послѣ многихъ лишеній и опасностей. Наконецъ, послѣ двухъ кровопролитныхъ штурмовъ, на которыхъ Христиносы оказали истинно удивительную храбрость и преданность, генералъ Ораа былъ принужденъ отчаяннымъ сопротивленіемъ врага отказаться отъ предпріятія, котораго успѣхъ онъ изображалъ въ своихъ дописаніяхъ несомненнымъ. Мужество генераловъ Ораа и Санъ-Мигеля не могло воспрепятствовать пораженію; на второмъ приступѣ, они оба шли въ головѣ колоннъ. Генералъ Санъ-Мигельъ сдѣлался жертвою своей неустрашимости; онъ упалъ въ ровъ и сильно ушибся; съ той минуты бой принялъ дурной оборотъ для Христиносовъ. Солдаты ввали въ уныніе; колонны Ораа, слишкомъ слабыя, немогли вести атаки съ одной стороны и обороняться съ другой, начали приходить въ безпорядокъ, не смотря на примѣръ своего предводителя. Отступление было единственнымъ средствомъ къ спасенію. Карлисты, замѣтивъ изъ цитадели, что непріатель отступаетъ, начали съ радостными криками развѣвать черное знамя, водруженное ими на стѣнѣ въ самомъ началѣ осады. Въ то же мновеніе, Кабрера ударилъ коншицею въ тылъ Христиноской арміи, и распространилъ въ ея рядахъ смерть и опустошеніе. Вскорѣ ретирада сдѣлалась бѣгствомъ. Войска остановились только въ Мошройо, въ пяти легахъ отъ Морельи. Начальникъ главнаго штаба, Іоакимъ Алопсо, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ Христиноской арміи, молодой человекъ, подававшій болѣе

шія надежды, и полковникъ Бруно Кортиньо были убиты у подошвы стѣны, на которую они хотѣли взобраться. Всего убито около 300 чел. Вся осадная артиллерія и всѣ военные матеріалы потеряны. Сегодня часть войскъ находится въ Алканисъ, городъ, отстоящемъ отъ Морельи на двѣнадцать легъ. Раненные перевезены въ Саррагоссу, и отданы на попеченіе жителей. Это сраженіе, безспорно, самое кровопролитное, со времени начатія междоусобной войны. Нельзя упатн что оружіе Королевы претерпѣло жестокой ударъ. Разбитіе Ораа будетъ имѣть большое вліяніе на дѣйствія противъ Эстельи, тѣмъ болѣе, что недѣятельный Эспартеро не въ состояніи исправить бѣды. Чтобы объяснить себѣ такое сильное пораженіе, должно вспомнить о безопасности въ доставленіи войскамъ продовольствія, о лишеніяхъ, которымъ подвергли солдатъ, и объ отказѣ Мадридскаго Кабинета доставить генералу Ораа необходимыя средства для счастливаго окончанія столь опаснаго предпріятія. Какое моральное вліяніе имѣло это печальное событіе на Карлистовъ! На другой день послѣ отступленія, Карлистскія войска, находящіяся въ Морельи, праздновали достопамятную побѣду банкетами, и провозглашали тосты за уничтоженіе Христиносской арміи. Всеобщее воодушевленіе измѣнилось въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ недоброжелательства къ Правительству Королевы и въ извѣлненіяхъ живѣйшей привязанности къ Дону Карлосу. Карлистскій генералъ рѣшился не преслѣдовать побѣжденнаго врага, по итти прямо на Мадридъ. Въ это мнновеніе, Карлисты считаютъ себя обладателями всей Испаніи. Въ Опьято и въ Эстельи радость была не меньшая. Въ Карлистской главной квартирѣ торжественно праздновали успѣхъ Кабреры. Побѣда была объявлена народу колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами. Въ Опьятской церкви совершенно было молебствіе, въ присутствіи Донъ Карлоса и всего штаба. За тѣмъ, онъ дѣлалъ смотръ войскамъ и написалъ прокламацію къ своимъ героямъ Наварцамъ. Напротивъ того, въ главной квартирѣ Эспартера, въ Логроньо, все тихо и угрюмо; не видно и признака жизни. Извѣстіе о пораженіи было объявлено съ большою осторожностью; страшились негодованія солдатъ. Что будетъ дѣлать Эспартеро? Поведеть ли онъ немедленно атаку противъ Эстельи, пока непріятель еще въ упоеніи отъ побѣды и празднествъ? Обождетъ ли онъ прибытія генерала Латре, котораго Правитель-

ство послало въ Алканисъ, подъ ложнымъ видомъ патриотическаго негодованія? Это неизвѣстно. Если графъ Лучана вникнетъ въ послѣднія событія, если онъ подумаетъ о своихъ поступкахъ, со времени прибытія въ Логроньо, то найдетъ, что его самолюбіе и раздражительность были причиною безопасности Правительства на счетъ войскъ Ораа. Между тѣмъ, какъ генералы центральной арміи требовали войскъ, и для этихъ войскъ хлѣба и башмаковъ, Эспартеро притворился, будто желаетъ получить увольненіе, и тѣмъ привлекъ Кабинетъ въ замѣшательство. Въ то время, когда надлежало заниматься положеніемъ цѣлой арміи, онъ требовалъ, чтобы заботились о выгодахъ его любимцевъ. Его штабу раздавали орденъ, между тѣмъ, какъ солдаты въ Арагоніи нуждались въ пищѣ и одеждѣ.

Вотъ что содержится еще въ извѣстіяхъ изъ Испаніи, отъ 10-хъ чиселъ Сентября:

Въ послѣднее время, Испанскія дѣла приняли совершенно неожиданный, критическій оборотъ. Христиносы ожидали самыхъ благопріятныхъ послѣдствій отъ одновременнаго движенія сѣверной и центральной армій, но они обманулись въ своихъ надеждахъ. Храброе сопротивленіе Карлистовъ въ Морельи, недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ въ лагерь Христиносовъ, и интриги при Дворѣ и среди арміи, произведшія наконецъ перемѣну министерства, сдѣлали операціонный планъ Эспартеро безуспѣшнымъ. Графъ Лучана, который еще недавно намѣревался атаковать Эстелью, не смотря на несчастіе, постигшее армію Ораа, отступилъ за Эбро. Баталіоны его маневрируютъ между Эбро и Аргою неизвѣстно, съ какою цѣлю; можетъ быть, для того, чтобы выманить Карлистовъ на лѣвый берегъ Арги. Съ другой стороны, Карлисты готовятся къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ ночи съ 11-го на 12-е Сентября, главныя Карлистскія силы, подъ начальствомъ Марото, двинулись отъ Эстельи на Дуранго; полагали, что Марото будетъ нападать на Вильбао. Въ Старой Кастиліи, Карлистскіе партизаны возстали съ новыми силами: 4-го Сентября, Мерино разграбилъ Алмасаль. Гарнизонъ сего города спасся въ Соріо. 5-го числа, Бальмаседа наложилъ контрибуцію на мѣстечко Вильякастинъ; большая часть жителей и начальства бѣжали въ Авилу; раз-

несся слухъ, что онъ вступилъ въ Валадолидъ. Событія эти возбудили въ Мадридѣ тѣмъ большія опасенія, что генералъ Латре доносить изъ Гвадалахары о совершенномъ недостаткѣ во всемъ. Кабрера удалился, съ огромною добычею, въ свои старыя позиціи. Ораа стоялъ въ бездѣйствіи. Онъ лишилъ генерала Санъ-Мигеля начальства надъ дивизіею и требуетъ военнаго суда. Карлистскіе легкіе отряды преслѣдили корреспонденцію съ Франціею. Между тѣмъ, министерство въ Мадридѣ еще не образовалось окончательно; сомнѣваются даже, чтобы сей полувременный кабинетъ могъ продолжать свое существованіе. 9-го Сентября, городское начальство столицы поднесло Королевѣ адресъ, въ которомъ оно доказывало необходимость введенія новой системы и предлагало принять мѣры, чтобы помочь бѣдѣ. Королева отдала адресъ Герцогу Фріасу и отвѣчала въ общихъ выраженіяхъ. 10-го числа, вечеромъ, провинціальныя депутаты Мадрида намѣревались поднести Королеву подобный же адресъ. Можетъ быть, судьба Испаніи зависитъ отъ того, удастся ли новымъ министрамъ достать денегъ. Съ гг. Лафитомъ и Сафonomъ начаты новые переговоры. Известно, что Донъ Карлосъ недавно получилъ значительныя суммы.

О новомъ Министрѣ Испанскомъ, герцогѣ Фріасѣ, пишутъ слѣдующее:

«Во время происшествій въ Ла-Гранхѣ, герцогъ Фріасъ былъ Испанскимъ посломъ въ Парижѣ. Онъ не хотѣлъ признать образа правленія 1812 года, и потому былъ смѣненъ графомъ Кампусано. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ чужихъ краяхъ до провозглашенія новаго образа правленія. Изъ сего видно, что первый министръ слѣдуетъ болѣе умереннымъ правиламъ, нежели его предшественникъ. Измѣненіе Кабинета не только не есть уступка, сдѣланная партіею фанатиковъ, но оно даже не было слѣдствіемъ требованій Эспартеро. Известно, что послѣдній принялъ начальство надъ арміею отъ генерала Кордовы, который оставилъ Испанію по той же причинѣ, какъ герцогъ Фріасъ. Изъ этого видно, что мнѣніи генералиссимуса не могутъ быть очень согласны съ мнѣніями герцога, слѣдовательно невѣроятно, чтобы новый Кабинетъ былъ назначенъ по вліянію Эспартеро. Это министерство, кажется, образовано подъ покровительствомъ Фран-

цузскаго и Англійскаго Посланниковъ, и замѣчательно, что преобразование кабинета произошло вслѣдъ за послѣдними движеніями Эспартеро. Можетъ быть, генералиссимусъ не хотѣлъ двинуть арміи прежде, чѣмъ ему дадутъ обещаніе смѣнить министерство Оваліи. Однакоже Правительство замедлило нѣсколько дней назначеніемъ герцога Фріаса, страшась, чтобы Эспартеро, видя свои надежды неисполненными, не остановилъ своихъ операцій. Ни сколько не будетъ удивительно, если Эспартеро, получивъ извѣстіе объ избраніи герцога Фріаса, возвратится опять на Эбро.»

Португалія.

Въ газетахъ описываютъ засѣданіе военнаго суда, произнесеннаго, 1-го Августа, приговоръ надъ Ремешидо. Судъ состоялъ изъ пяти штабъ-офицеровъ. Совѣщаніе происходило въ большой залѣ аданія Misericordia въ Фаро. Множество народа собралось для выслушанія приговора суда. Ремешидо, которому длинная борода, покрывавшая всю грудь, придавала суровый видъ, вошелъ медленно, но твердымъ шагомъ, поклонился членамъ суда, и спокойно сѣлъ на приготовленный для него кресла. Онъ разсказалъ всѣ дѣйствія и подвиги свои съ совершенною откровенностію; объяснилъ, что до Эвораментской конвенціи, онъ постоянно повиновался закону, но что потомъ, преслѣдуемый за свою привязанность къ Дону Мигуэлю, онъ долженъ былъ, для своей безопасности, уйти въ горы, и старался доказать, что всѣ его дѣянія были вынуждены, что ему не оставалось болѣе выбора. Эта нетерпимость партій, говорилъ Ремешидо, есть единственная причина продолжительныхъ волненій въ Португаліи; если бы его оставили въ покоѣ, то онъ доселѣ былъ бы миролюбивымъ поселяниномъ, и никогда бы не сдѣлался опаснымъ воиномъ. Преслѣдуемый, пробывъ 22 мѣсяца бѣгствомъ, въ горахъ, перѣдко нуждался

въ пищу, онъ принужденъ былъ заботиться о сохраненіи своей жизни. Пожалованный Дономъ Мигуэлемъ въ бригадные генералы, онъ получилъ прекрасное средство доставать себѣ пропитаніе. Съ утвержденія своего государя, онъ началъ вести явную войну, но никогда не предавался, ни жестокости, ни преступленіямъ, въ которыхъ его обвиняли, и никогда не разстрѣливалъ онъ своихъ пльнныхъ; это дѣлалъ противъ его воли. Однакоже онъ признается, что казнилъ многихъ своихъ солдатъ за совершенныя ими злодѣянія. Больше онъ ничего не открылъ, хотя полковникъ Фонтурра, въ самомъ началѣ засѣданія, хотѣлъ задѣть его честь, и сказалъ, что человекъ, подобный ему, бывший главою партіи, и котораго имя останется въ Португальской исторіи, долженъ для своей чести объявить прямо всѣ свои преступленія. Допросъ нисколько не послужилъ къ подтвержденію обвиненій. Но по законамъ его слѣдовало казнить уже за то, что онъ былъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ. Когда допросъ кончился, подсудимый сказалъ: «Я имѣю еще одну просьбу: мы видимъ изъ исторіи, что во всѣ времена были дурные люди; имъ прощаютъ изъ милости; простить невинно вовлеченнаго въ преступленія требуетъ справедливость: простить преступника есть добродѣтель, есть геройскій поступокъ, котораго примѣры мы столь часто видимъ въ древнемъ Римѣ. Мое единственное преступленіе есть неповиновеніе. (Нѣкоторые голоса: «величайшее изъ всѣхъ!») Если такъ, то я полагаюсь на великодушіе націи, которая не уступитъ древнимъ Римлянамъ, и на милость Королевы!» — «Вы нарушили законы,» сказалъ Президентъ. «Судъ разсмотритъ ваше преступленіе, и черезъ четверть часа произнесетъ приговоръ.» — Черезъ четверть часа былъ произнесенъ смертный приговоръ. Подсу-

димаго снова ввели, и объявили ему рѣшеніе суда. Это его поразило, и онъ нѣсколько минутъ стоялъ въ смущеніи. Слезы показались на глазахъ Ремешидо, и онъ просилъ, чтобы обождали рѣшенія Королевы, на что судъ не согласился. «Неужели нѣтъ средства отратить смертную казнь?» спросилъ онъ еще. — «Законъ это воспрещаетъ», сказали ему, и засѣданіе было закрыто. Вскорѣ послѣ того Ремешидо палъ подъ пулями.

Къ несчастію, смерть Ремешидо не принесла спокойствія Португаліи. Еще страшнѣе теперь является сынъ его. Шайки гверильясовъ рассыпались отъ него повсюду. Вотъ письмо, которымъ отвѣчалъ онъ, на предложенное ему прощеніе, Королевскому капитану Неутелю, отъ 12-го Августа:

«Милостивый Государь! Я получилъ ваше благосклонное письмо и осмѣливаюсь отвѣчать на него. Всѣ Португальцы еще очень хорошо помнятъ, какъ были исполнены обещанія, такъ называемой, Эвораментской конвенціи. У меня самого еще въ свѣжей памяти всепрощеніе 1835 года. Если бы тогда я былъ менѣе остороженъ, то наслаждался бы теперь вѣчнымъ спокойствіемъ въ другомъ мѣрѣ, подобно моему отцу. Вы обещаете мнѣ защиту, но какъ она не принесла ни какой пользы моему родителю, то я не могу на нее положиться. Въ моихъ глазахъ, обещанія либераловъ и увѣренія пльницъ, или игроковъ, совершенно равны. Если бы судьба человека зависла отъ другихъ людей, то я утратилъ бы вашихъ угрозъ, но какъ она подчинена одной волѣ Бога, отъ власти котораго не можете вы укрыться, то я надѣюсь, обратитъ ваши предсказанія въ посмѣище. Когда же предположенія ваши дѣйствительно исполнятся, тогда я умру отъ стаи собакъ, но все же защищая законы Всевышнѣго. Понимаете ли вы меня, милостивый государь? Что же касается до моего семейства, то я напоминаю вамъ месь Кабреры въ Испаніи: за каждаго члена моего семейства, который пострадаетъ отъ васъ, я подвергну той же участи десятерыхъ. Такимъ образомъ я докажу, что я Мануэль да Граса Рейсъ Ремешидо»

до, числящийся маюромъ въ кавалерійскомъ № 2 полку и генераль-адъютантъ»

Въ припискѣ прибавляетъ Ремешидо, что войска его готовы предстать предъ войска Королевы, но не съ требованіемъ всепрощенія, а для того, чтобы пролить послѣднюю каплю крови за дѣло Дона Мигуэля.

Военный Губернаторъ Монсаона увѣдомляетъ, отъ 14-го Августа, что наканунѣ предводитель инсургентовъ Гильгарде напалъ, съ 200 человекъ, въ числѣ коихъ находилось нѣсколько конниковъ, на сей городъ. Эти люди ворвались въ городъ и окружили домъ Губернатора, который, съ небольшимъ отрядомъ, спасся въ близлежащую казарму и тамъ защищался. Гильгарде тщетно пытался зажечь казарму, и чрезъ три часа оставилъ городъ. Другой предводитель инсургентовъ, Бажоанъ, захватилъ въ плѣнь, 18-го числа, отрядъ третьяго кавалерійскаго полка, стоявшій въ Вендасъ-Новисъ, въ 18-ти часахъ отъ Лиссабона. Третій, Рашадо, былъ атакованъ и разбитъ королевскими войсками при Кабрейро, близъ Религіаса. Между вещами его нашли письмо молодого Ремешиды, который увѣдомляетъ, что онъ присоединится къ нему, лишь только оправится отъ раны, недавно полученной.

Греція.

Королева отправилась 27 Августа для свиданія съ родителемъ своимъ въ Швейцарію. Король провожалъ ее до Коринна, и потомъ отправился объѣзжать разныя области Греціи. Королева прибыла благополучно въ Анкону, и по выдержаніи семи-дневнаго карантина, предприняла путь далѣе, подъ именемъ Графини Миссолунгской, черезъ Венецію въ Бернъ.

Турція.

День восшествія на престолъ Султана былъ празднованъ въ Царьградѣ съ большимъ торжествомъ. После захожденія солнца, громъ пушекъ возвѣстилъ начало праздника, и вскорѣ за тѣмъ весь городъ освѣтился великолѣпною иллюминаціею. Оба берега Босфора, коихъ безчисленные огни отражались въ зеркалѣ воды, представляли восхитительное зрѣлище. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ были поставлены хоры военной музыки. Множество судовъ покрывало каналы. Прекрасная погода благоприятствовала празднеству, продолжавшемуся до глубокой ночи. Не смотря на несмѣтное стеченіе народа, не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Слѣдующій день былъ проведенъ въ молитвахъ и въ духовныхъ обрядахъ. Султанъ, въ сопровожденіи высшихъ вельможъ имперіи, всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, отправился въ мечеть. Пять разъ въ день артиллерія давала залпы.

Россійскій Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Оттоманской Портѣ, А. П. Бутеневъ, проведенный нѣсколько мѣсяцевъ въ отпуску, возвратился 3-го ч. съ своею супругою, на пароходѣ Австрійскаго Ллойда «Князь Меттернихъ»; онъ вышелъ на берегъ въ Буюкдере, и былъ встрѣченъ барономъ *Рикманомъ*, чиновниками Россійской миссіи и членами дипломатическаго корпуса. Проходя мимо Терапіи, Посланникъ былъ салютованъ Французскимъ военнымъ бригадомъ, стоящимъ въ Босфорѣ, а находящійся въ Буюкдере Русскій бригъ возвѣстилъ объ его прибытіи многочисленными выстрѣлами.

17-го Августа заключенъ торговый трактатъ между Портою, Франціею и Англіею. Порта уничтожила всѣ монополіи, и предоставила на волю Европей-

скихъ купцовъ покупать товары за произвольную цѣну, гдѣ они хотятъ и у кого хотѣтъ. Французскіе и Англійскіе товары освобождены отъ всякой пошлины при перевозѣ чрезъ Турецкія владѣнія. Однакоже, чтобы покрыть произведенный тѣмъ убытокъ, Порта возвысила таможенные пошлины, именно, пятью процентами съ цѣны привозимыхъ товаровъ, и двѣнадцатью съ цѣны вывозимыхъ товаровъ. Франція и Англія вновь подтвердили свои обѣщанія не терпѣть нарушенія Кіутахійскаго договора, и противиться [открытому] возстанію Египетскаго Паши противъ власти Порты. Недавно, Порта получила подобныя же увѣренія отъ Пруссіи и Австріи.

Въ Турецкой газетѣ, Товкими Вакаи, отъ 10-го Джемаси-уль-эввелъ (1-го Августа), пишутъ слѣдующее: «Желая распространить морскія познанія и увеличить искусство въ морскихъ войскахъ, а также стремись обезпечить порядокъ, спокойствіе и благосостояніе жителей, какъ прибрежныхъ земель, такъ и острововъ Средиземнаго моря, какъ то: Лемноса, Меделту (Митилена), Сакиса (Хіоса), Сисама (Самоса), Истанко (Коса) и Родоса, Его Величество отправилъ къ симъ мѣстамъ и въ нынѣшнемъ году Капудана Пашу, съ двадцатью большими и малыми судами султанскаго флота.—6-го числа прошедшаго мѣсяца флотъ вышелъ въ море.— Бывшій Ферикъ линейной милиціи элета Анкары (Ангоры) и мутесеррифъ санджаковъ Кайзарів (Кесарей) и Бозока, Юсуфъ-Паша жестоко обращался съ жителями своихъ владѣній. Султанъ, узнавъ о вѣроломныхъ поступкахъ сего Паши, и не терпя, чтобы подданные его были своевольно притѣсняемы, немедленно отрпчилъ Юсуфа отъ его должностей и призвалъ въ Константинополь, а на мѣсто его

назначилъ Ферика линейныхъ войскъ Османа-Пашу. Последний пріобрѣлъ довѣренность Султана своею испытанною честностью и дарованіями. Онъ ухаживалъ недавно къ мѣсту своего назначенія. Ферикъ линейныхъ войскъ, Гассанъ-Паша, занимавшійся нѣкоторое время на султанскомъ флотѣ и въ арсеналѣ, получилъ званіе вали Триполя въ Африкѣ. Его Величество надѣялся, что сей Паша, имѣющій обширныя свѣдѣнія въ морскихъ и военныхъ наукахъ, будетъ способенъ къ управленію элетомъ Триполя, и обезпечить спокойствіе его жителей, но онъ обманулся въ своихъ надеждахъ. Гассанъ, съ самаго начала своего управленія, показалъ совершенную неспособность и большое нерадѣніе. Онъ даже не позаботился о продовольствіи и другихъ нуждахъ войскъ, которыя терпѣли большія лишенія. Жители элета также были имъ недовольны. Султанъ былъ принужденъ отрѣшить Гассана, и назначилъ мѣсто его Трипольскимъ вали честнаго, опытнаго и дальновиднаго Али Ошкаръ Пашу, бывшаго вали Шерсорскаго. Гассанъ получилъ письменное приказаніе лвиться въ Константинополь. Ошкаръ на дѣлахъ увѣжастъ къ своему новому назначенію.— Предсѣдатель и члены Совѣта Порты получили особенный знакъ отличія (нишанъ), для ношенія на груди. Сія медаль выбивается на султанскомъ монетномъ дворѣ.»

Турецкій флотъ останавливался на нѣсколько времени въ Смириской гавани, гдѣ пребываніе его означилось увеселеніями, дружескими угощеніями Европейцевъ, и особеннымъ порядкомъ въ поведеніи солдатъ и матросовъ, которыхъ прежде считали вездѣ страхомъ и ужасомъ жителей.

Чума оказалась въ Брусѣ и въ лагерѣ близъ Гайдара-Паши въ Скутари. Немедленно приняты были

строгій карантинныйя мѣры, какъ въ разсужденіи 27-ми человекъ заболѣвшихъ, такъ и касательно привозающихъ изъ Бруссы, и привозимыхъ оттуда товаровъ, а въ слѣдствіе сего до нынѣ не замѣчено въ Царьградѣ ни какихъ признаковъ распространенія чумы.

Въ Царьградѣ обнародованы подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ битвахъ съ Курдами. Возмущеніе ихъ совершенно укрощено. Гафизъ-Паша получилъ въ награду отъ Султана драгоцѣнную саблю, и всѣхъ генераловъ и офицеровъ Султанъ благодарилъ за ихъ подвиги и усердіе собственноручнымъ письмомъ.

— Изъ Бейрута пишутъ, отъ 6-го Августа: «Сегодня пушечные выстрѣлы съ крѣпости и съ Египетскаго военнаго брига, стоящаго на рейдѣ, возвестили о совершенномъ покореніи Друзовъ. Губернаторъ сообщилъ сіе извѣстіе Консуламъ различныхъ державъ, и доставилъ имъ слѣдующее письмо Ибрагима-Паши:

«Генералиссимусъ Бейрутскому Губернатору. На дилхъ я уведомляю васъ о пораженіи непокорныхъ Гасбехскихъ и Рахайскихъ Друзовъ, о покореніи ихъ, о прощеніи, которое я имъ даровалъ, и о выдачѣ имъ своего оружія. По возвращеніи арміи, всѣ Друзы и Бедуины, въ одинъ день, просили прощенія и пощады. Меня тронули просьбы ихъ жень и дѣтей, и я простилъ имъ. Они выдали свое оружіе и возвратились къ работамъ въ свои села. Я почитаю войну оконченною и выступлю съ побѣдоносною армією къ Дамаску.»

Съ тѣмъ вмѣстѣ обнародовано посланіе Ибрагима Паши къ разнымъ племенамъ Друзовъ, отличившимся вѣрностію своею:

«Мои Христіанскіи войскамъ, обитателямъ Ливанскихъ горъ! Отецъ мой, Намѣстникъ Египта, увѣренный въ вашей преданности и въ вашемъ повиновеніи, приказалъ мнѣ изъ-

явить его удовольствіе, препровожденіемъ къ вамъ 16,000 ружей и военныхъ снарядовъ. Вы можете гордиться этою милостію предъ невѣрными Друзами, отвергающими бытіе Бога и безсмертіе души. Да отдастъ Господь имущество измѣнниковъ и ихъ самихъ въ руки ваши! Вы и ваши потомки будете всегда носить оружіе.»

Послѣднія извѣстія, полученныя изъ Геджаса, возбудили въ Мегемедъ-Али новыя надежды. Куржукъ-Паша дѣлаетъ чудеса на Аравійскомъ полуостровѣ. Убѣдился, что не можетъ силою принудить Именскія войска къ покорности, онъ измѣнилъ направленіе своихъ атакъ, и прибѣгъ къ деньгамъ. Такимъ образомъ ему удалось собрать подъ свои знамена большую часть племенъ, которыя соединились съ Вехабидами для отраженія вторгнувшихъ Египтянъ. Въ правительственныхъ объявленіяхъ сказано, что Куржукъ-Паша усилилъ такимъ способомъ свою армію 38 баталіонами ирегулярныхъ войскъ, и съ сими силами двинулся, черезъ степь, на Багдадъ, отъ котораго онъ только въ 19-ти дняхъ пути. Всѣ племена Неджаба доставляли ему войска, продовольствіе и подводы. Онъ угрожаетъ не только Багдаду, но и всѣмъ Оттоманскимъ торговымъ городамъ, лежащимъ на Эвфратѣ. Если извѣстія сіи преувеличены, то все же въ нихъ есть хотя нѣсколько правды. Какъ бы то ни было, но Паша, кажется, хочетъ воспользоваться настоящимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы завоевать Багдадскій Пашалыкъ и приготовить Портъ новыя заботы.

Между тѣмъ, приверженцы Турковъ сомнѣваются въ вѣрности всѣхъ сихъ извѣстій. Представляется здѣсь, что недавно писано въ Смирнскомъ Журналѣ о положеніи Египетскихъ войскъ въ Аравіи:

«Городъ Джеда есть средоточіе всего управленія Египетскаго Паши. Флотъ Чермнаго моря, состоя-

щій изъ 29 судовъ, въ томъ числѣ одного 44 пушечнаго фрегата, 12 канонерскихъ лодокъ и нѣсколькихъ транспортныхъ судовъ, обыкновенно стоить на Джеддскомъ рейдѣ, если только не находится въ крейсертвѣ. Всѣ сии корабли куплены въ Индіи. Командиру фрегата назначено 400 піастровъ жалованья въ мѣсяцъ, но вотъ уже годъ, какъ весь флотъ не получалъ ни копейки. Это было причиною важныхъ безпорядковъ, которые были съ трудомъ прекращены. Египетская армія въ Геджасѣ состоитъ изъ 20,000 человекъ, по болѣзни и побѣги уменьшаютъ ее каждый день. Она размѣщена теперь слѣдующимъ образомъ: 6,000 человекъ, подъ начальствомъ бывшаго военнаго министра, Хуршидъ-Паши, стоятъ въ Кара-Ямбосѣ; 6,000 человекъ, подъ командою Ахмедъ-Паши, въ Тарифѣ, и 6,000 человекъ Ибрагима-Паши, племянника намѣстника, въ Моккѣ. Сверхъ того, нѣсколько малыхъ отрядовъ стоятъ по деревнямъ. Впрочемъ, армія существуетъ въ такой силѣ только на бумагѣ; дѣйствительно же въ ней не болѣе 12,000 человекъ. Мегемедъ-Али безпрестанно посылаетъ подкрѣпленія, чтобы замѣнять убывающихъ отъ болѣзней, но онъ не достигаетъ своей цѣли, ибо смертность во всей арміи простирается до $\frac{1}{8}$, а между вновь прибывающими до $\frac{1}{4}$. Это обстоятельство не позволяетъ предпринимать что либо важное. Начальники трехъ корпусовъ иногда бываютъ принуждены избѣгать всякаго движенія, чтобы только удержаться въ позиціяхъ. Однакоже въ Мартѣ мѣсяцѣ Ахмедъ-Паша рѣшился совершить, вмѣстѣ съ двумя другими корпусами, экспедицію во внутреннія страны. Корпуса Хуршидъ-Паши и Ибрагима-Паши составляли фланги его арміи. Первому поручено было не только удерживать Вехабитовъ, но и освободить полкъ Исмаиль-Бел,

который, по неосторожности, зашелъ слишкомъ далеко во внутреннія земли, и былъ окруженъ многочисленнымъ отрядомъ Вехабитовъ въ одной цитадели. Хуршидъ-Паша съ трудомъ освободилъ остатки этого полка, и вся экспедиція не принесла ни какой пользы Египетскому Пашѣ. Власть Мегемедъ-Али въ Аравіи не простирается далѣ приморскихъ городовъ, Мокки, Годайды, Канъ-Фейи, Джедды и Ямбоса. Во внутренности сей страны ему повинуются только два города, Мекка и Медина. Но и это повинованіе очень шатко. Вообще Аравію переносятъ съ негодованіемъ Египетское иго. Геджасъ уже давно отпалъ бы отъ Мегемедъ-Али, если бы толпы грабителей Бедуиновъ, нападающихъ на транспорты въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мекки, не вселяли ужаса въ жителей. Вехабиты хорошо снабжены военными и съѣстными припасами. Тотъ ошибается, кто думаетъ, что страна ихъ палаяца степь. Прибрежныя земли имѣютъ большое народонаселеніе. Климатъ умѣренный и земледѣліе, въ особенности въ Іеменѣ, возбуждающее столь пыкліа желанія Паши, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Арабъ, напададъ на врага, обыкновенно прячется за скалою, и прицѣливается имъ длиннаго ружья своего преимущественно въ офицеровъ, все равно въ Турецкихъ и Франкскихъ. Онъ сколько возможно щадитъ рядоваго солдата. Этимъ объясняется, отъ чего такъ много Египетскихъ солдатъ переходить къ неприятелю. Неудовольствіе Египетскихъ войскъ наиболее возбуждается неправильностью, съ какою имъ выплачиваютъ жалованье. Между тѣмъ, съѣстные припасы, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ войски, очень дороги, почему армія снабжается продовольствіемъ изъ Египта. Мегемедъ-Али полагае, что онъ будетъ брать рекрутовъ изъ

Сеннаарскихъ Арабовъ, но вскорѣ увѣрился въ невозможности сей мѣры. Число Негровъ, отправленныхъ имъ въ Арабскіе города, занятые его войсками, простирается до 12,000, но изъ нихъ осталось такъ мало, что даже нельзя составить одного полка. Смертность между ними возбуждаетъ ужасъ. Лихорадка, Именская оспа, и тоска по родинѣ, имѣющая столь большое вліяніе на Негровъ, опустошаютъ ихъ ряды. Намѣстникъ до того удалилъ отъ себя туземцовъ, что Арабы не хотятъ болѣе торговать съ Моккою. Они, въ семь отношеній, предпочитаютъ Маскатъ, или города на Персидскомъ заливѣ. Занятіе Англичанами Адена, можетъ быть, перемѣнитъ положеніе дѣлъ, и вѣроятно, что эти смѣлые промышленники сосредоточатъ въ сей гавани всю торговлю Аравіи. Сеннааръ тоже въ дурномъ состояніи. Паша, командующій тамъ значительнымъ отрядомъ, грабительствами своими въ сей провинціи, вооружилъ противъ себя многія Абиссинскія племена. Новая война имѣетъ религіозный характеръ. Непріятельскія племена принадлежатъ къ христіанской сектѣ, которая однакожъ слѣдуетъ столькимъ суевѣрнымъ обычаямъ, что трудно узнать въ ней христіанство. Торговля сихъ странъ въ совершенномъ упадкѣ. Караваны, привозившіе къ берегу слоновую кость, не смѣютъ болѣе проходить черезъ земли, болѣею частью взволнованныя. Врядъ ли удастся Намѣстнику изгладить потерю, понесенную его арміею въ Геджасѣ. Настоящее положеніе дѣлъ на Аравійскомъ полуостровѣ не даетъ надежды на упроченіе его власти. Такъ какъ онъ самъ сомнѣвается въ покореніи сей страны силою, то прибѣгнулъ къ другому средству. Онъ старается привлечь племена на свою сторону значительными суммами. Хотя невѣроятно, чтобы сей

новый планъ имѣлъ полный успѣхъ, однакожъ нѣкоторые племена согласились идти съ Хуршидъ-Пашею на Багдадъ. Но онъ очень ошибется, если будетъ считать на ихъ вѣрность.

Не менѣе сомнѣнія изъясняютъ и о покорности Друзовъ. По Турецкимъ извѣстіямъ, несмотря на объявленія Измаила и Мегемеда-Али, всѣ горныя округи отъ Келмиса до Скандероона находятся подъ ружьемъ, и остановили присоединеніе къ Египтянамъ сильнаго корпуса Эмиръ Бешира.

Вниманіе увлекаетъ еще новое событіе Азіи — несогласіа Англіи съ Персіею. Уже издавна были замѣтны частыя пересылки сношеній дипломатическихъ и движенія Англичанъ по Персидскому заливу. Но Министерство отвѣчало по сему случаю на вопросъ въ Парламентъ, что это частныя распоряженія Остъ-Индской Компаніи. Теперь достоверно извѣстно, что къ Англійскому Послу въ Царьградъ прибылъ курьеръ изъ Герата, отъ 17-го Августа, съ извѣстіями, что г-нъ Мекъ-Ниль выѣхалъ оттуда, послѣ отказа Шахова удовлетворить требованія Англичанъ, прибылъ въ Тегеранъ, 23-го Августа будетъ въ Тебризъ, и потомъ переедетъ въ Базель, гдѣ станетъ дожидаться повелѣній изъ Англіи. — Потомъ разнесся въ Царьградъ слухъ, что Англіискія войска вышли уже на берегъ въ Персидскомъ заливѣ, двинулись изъ Абушира къ Ширазу, и на пути разбили Персидскіе отряды. — Официально извѣстно, что 18-го Августа въ Лондонѣ изданъ циркуляръ по арміи, по которому велѣно дополнить комплектъ Остъ-Индскихъ полковъ.

По полученныхъ изъ Нидерландскихъ колоній извѣстіямъ, на западномъ берегу Суматры спокойствіе и порядокъ утверждались ежедневно болѣе и болѣе. Тамашнее гражданское управленіе совер-

шенно преобразовано; оно возвышено на степень настоящаго правительства, и раздѣлено на два резидентства, въ Айс-Банжисъ и въ Падангъ. На мѣсто Франсиса, послѣдняго резидента на Суматрѣ, назначенъ гражданскимъ и военнымъ губернаторомъ полковникъ Михельсъ. Часть резидентства Бенкулена, принадлежавшая прежде къ резидентству западнаго берега Суматры, присоединена къ резидентству Паленбанга. Выборъ главнаго города сего резидентства еще неизвѣстенъ; не знаютъ, изберутъ ли Паленбангъ, или другое мѣсто. Во внутренности Паленбангскаго резидентства показались толпы инсургентовъ, но туземныя войска отразили ихъ съ потерею. Ожидали только прибытія отряда полковника Шварца, уже выступившаго изъ Батавіи, чтобы совершенно уничтожить ихъ. Корветъ Касторъ и шкуна Крокодилъ вышли на крейсерство противъ пиратовъ къ острову Лингъ. На островъ Явъ ожидали весьма обильной жатвы пшена, и надѣлялись получить также значительную прибыль отъ всѣхъ другихъ произведеній, привозимыхъ на Европейскіе рынки. Пароходы Этна и Гекла вооружаются для дѣйствія противъ морскихъ разбойниковъ на сѣверо-восточномъ берегу Явы.

Мать Короля Сіамскаго скончалась. Дѣлаютъ болѣзненнаго приготавленія для ея погребенія, или лучше сказать, для церемоніи, съ которою прахъ ея будетъ сожженъ. — Костеръ, воздвигаемый по сему случаю, будетъ не ниже Лондонской церкви Св. Павла. Украшенія изъ чистаго золота и драгоценныя ковры будутъ покрывать его до начала церемоніи. Расходы на погребеніе простираются до полумилліона тикалей, не считая платы 10,000 рабочимъ.

ОКЕАНІЯ.

Недавно писали, что одинъ Испанецъ издавна уже основалъ себѣ маленькое царство въ Африкѣ, на Золотомъ берегу, купивъ землю и покоривъ потому окрестныхъ жителей. Теперь новое царство началось въ Океаніи: нѣкто баронъ Тьерри откупилъ землю, а потомъ овладѣлъ значительною частью Новой Зеландіи; власть его признали многіе туземцы, и корабли подъ его флагомъ посвѣщаютъ Ботани-Бейскую колонію. Онъ издалъ законы для своихъ подчиненныхъ и объявилъ свободу въроисповѣданій.

Новый губернаторъ сирь Джорджъ Гиппенъ прибылъ въ Сидней, и встрѣченъ усерднымъ привѣтомъ жителей. — Тамъ открыли театръ, названный именемъ Королевы Викторіи. — Въ первый спектакль данъ былъ Отелло Шекспировъ. — Недавно скончался тамъ нѣкто Самуиль Террей, который былъ столь богатъ, что его прозвали *Ротшильдомъ Ботани-Бей*. Въ молодости онъ укралъ гуся, и былъ сосланъ въ Новый Южный Валлисъ. Тамъ онъ завелъ питейный домъ и учредилъ маленький банкъ. Такими предпріятіями, а также покупками и продажею имѣній, онъ приобрѣлъ большое состояніе, и въ послѣднее время имѣлъ отъ 60 до 70,000 ф. ст. сегодншаго дохода. Его жестокосердіе много помогло ему при составленіи его состоянія. Онъ никогда ничего не дѣлалъ иначе, какъ за деньги, давалъ взаймы только за большіе проценты, и тотъ, кто не выплачивалъ ему своего долга во время, неминуемо подвергался конфискаціи имѣнія. Говорятъ, что въ послѣдніе годы совѣсть начала его мучить. Онъ жилъ въ удаленіи отъ всѣхъ обществъ, потому, что никто не хотѣлъ имѣть съ нимъ дѣла иначе, какъ по необходимости. Онъ

оставилъ женѣ огромное состояніе въ нѣсколько милліоновъ.

А ф р и к а.

Аббасъ-Паша, внукъ Мегмеда-Ади, назначенъ губернаторомъ Каира, на мѣсто Габиба-Эфенди, который долго исправлялъ сію должность съ честью. Причина такой перемѣны состоитъ въ томъ, что Паша желаетъ передать главнѣйшія должности членамъ своего семейства. Аббасу только 21 годъ; онъ отличился подъ Акрою, подъ командою своего дяди, Ибрагима-Паши. — Железная дорога, простирающаяся на двѣ мили отъ Розеттскихъ воротъ до Александрии, совершенно окончена. — Паровозъ, назначенный для желѣзной дороги, которая будетъ проведена чрезъ Суэскую степь, сдѣлалъ пробную поѣздку, которою Паша остался доволенъ. Рельсы, положенные для сей поѣздки, были опять сняты. — Чума исчезла въ Египтѣ, но свирѣпствуетъ въ Сиріи, хотя не въ сильной степени. Министръ Финансовъ Паши не хочетъ болѣе продавать хлопчатой бумаги дешевле 15-ти долларовъ за кантаръ. Никто не покупаетъ ея въ Египтѣ за эту цѣну, и онъ отправляетъ ее, на счетъ Египетскаго Правительства, въ Триестъ, во Францію и въ Англію.

Всеобщее уныніе царствовало между обитателями Египта, ибо Нилскія воды медлили наводненіемъ, и даже начинали многіе сомнѣваться будетъ ли наводненіе въ нынѣшнемъ году. Всюду отправляемы были моленія. Наконецъ воды возвысились до $19\frac{3}{8}$ пикъ, что общааетъ, если не обильную, то, по крайней мѣрѣ, достаточную жатву.

Сентябръ 7-го въ Алжиръ прибылъ изъ Гибралтара Эрцъ-Герцогъ Австрійскій Фердинандъ, но не сходясь на берегъ и отправился въ Корфу.

Въ началѣ Августа, передъ Цейтою явились силь-

ныя Мароккскіе отряды, но военныхъ дѣйствій не было. Гарнизонъ Цейты не въ состояніи противиться осадѣ; въ крѣпости нѣтъ никакихъ запасовъ и гарнизонъ ничтоженъ.

— Изъ Капа получены газеты по 24-е Іюня. Новый губернаторъ сей колоніи, генераль Непиръ, ноѣхалъ въ Грагамстонскій округъ, въ которомъ господствовало большое неудовольствіе. Ему поднесли многіе адреса, въ которыхъ жаловались на беззащитное положеніе Кафрской границы, на упадокъ торговли и земледѣлія, и просили губернатора принять строжайшія мѣры и ввести другую колоніальную систему. Въ отвѣтъ на нихъ, онъ выразился довольно рѣзко. Онъ объявилъ, что по его мнѣнію, настоящая система управленія лучше, нежели система его предшественника, и что такъ какъ онъ намѣренъ предпринять путешествіе къ границѣ, то лично удостовѣрится въ необходимыхъ улучшеніяхъ. Въ Капскихъ газетахъ подтверждаютъ извѣстія о пораженіи колонистовъ Портъ-Наталя Зуласами. Первые потеряли однакожъ не болѣе 530 человекъ, и не только не намѣревались покинуть Портъ-Наталя, но даже вовсе не были окружены Кафрами. Напротивъ того, они считали себя въ безопасности отъ будущихъ нападеній Зуласовъ, и рѣшились остаться въ той странѣ.

А м е р и к а.

По письмамъ отъ начала Августа, Банки Массачузета, Коннектикута, Родъ-Исланда, Пенсильваніи, Делавары, Мариланда, Виргиніи, Кентуки и Миссури положили начать платежи наличною монетою съ 13-го Августа. — Августа 1-го былъ въ Нью-Йоркѣ сильный пожаръ.

Извѣстія изъ Канады весьма благопріятны. Лордъ Дургамъ возвратился въ Нижнюю Канаду, и двѣтель-

но занимается принятием мѣръ, необходимыхъ для спокойствія и благоденствія провинціи. Въ Верхней Канадѣ милиція уже распущена и все опять принимается мирный видъ. Инсурреція всюду прекращена. Жители колоній очень полюбилъ Лорда Дургамъ. Хотя между Французскимъ народонаселеніемъ Нижней Канады господствуетъ еще нѣкоторое волненіе, возбуждаемое возмездіемъ, такъ называемыхъ лоллистовъ, однакоже Лордъ Дургамъ употребляетъ все средства для ослабленія страстей обѣихъ партій, и довѣренность къ нему возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Судилища все еще продолжаютъ заниматься процессами плѣнныхъ инсургентовъ. 30-го Іюля былъ казненъ, въ Ниагарѣ Моро, Католикъ изъ Пенсильваніи, принадлежавшій къ инсургентамъ Шортъ-Гилльса. Военный судъ въ Торонтѣ приговорилъ къ смерти 16 мятежниковъ. Паркеръ и четверо другихъ преступниковъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы, снова пойманы. Инсургенты, сосланные на Бермудскіе острова, уже прибыли туда. Съ нихъ взяли честное слово, что они не убѣгутъ, и дозволили имъ свободно ходить по всему острову. Въ числѣ ихъ находится: Нельсонъ, Бушъ, Виже, Маршессо, Жирарденъ, Годью, Ривьеръ и Массонъ. Лордъ Дургамъ получилъ изъ Англіи приказаніе расстрѣлать предводителей инсургентовъ Сутерленда и Теллера. Жены двухъ другихъ возмутителей, приговоренныхъ къ смерти, Шандлера и Вальте, отправились въ Квебекъ, чтобы испросить у Лорда Дургамъ прощеніе своимъ мужьямъ. Одна изъ нихъ только 18 мѣсяцевъ замужемъ, а другой восьмеро дѣтей. Начальникъ Канадскихъ войскъ, сирь Джонъ Кольборнъ объявлялъ всю верхнюю провинцію, и осматривалъ границу до Сандвича, съ намѣреніемъ избрать мѣсто для заложенія укрѣпленій. Губернаторъ Верхней Ка-

нады, сирь Джоржъ Артуръ, отправилъ къ начальникамъ Банковъ сей провинціи циркуляръ, въ которомъ спрашивалъ, когда они начнутъ снова платить наличными деньгами. Кингстонскій Банкъ объявилъ себя въ готовности къ немедленному платежу, но Банкъ Верхней Канады представилъ нѣкоторые затрудненія. Въ округахъ Шортъ-Гилльса и Ниагары жатвы хлѣбовъ и сѣнокосы были очень богаты. Улучшенія, произведенныя Лордомъ Дургамомъ въ Веллендскомъ каналѣ, чрезвычайно способствовали къ вывозу хлѣба изъ приморскихъ округовъ въ Океанъ.

На островъ Невы, убѣжившій бунтовщиковъ, велѣно вырубить все лѣса, чтобы лишить ихъ столь важнаго пристанища. — По исчисленію убытковъ, причиненныхъ возмущеніемъ въ Канадѣ, выходитъ, что съ Нолбры прошлаго года, въ Нижней Канадѣ сожжено и разграблено 2 церкви, 2 пресвитерства, 1 монастырь, 1 вѣтряная мельница, 141 домъ, 12 хуторовъ, 168 магазиновъ, и 575 семействъ лишены имѣнія. Все оцѣняется около 58,000 ф. ст. — Въ Сень-Чарль ограблено 18 домовъ, въ 1950 ф. ст., и разграблено хлѣба и товаровъ на 5330 ф. ст. — Въ Сень-Дени сожжено 45 домовъ, цѣною на 19,000 ф. ст.

О Мексиканской блокадѣ почти ничего новаго. Мы упоминали выше объ отправленіи новыхъ кораблей изъ Франціи для усиленія блокады. Пишутъ, что когда Французы хотѣли завладѣть однимъ Мексиканскимъ купеческимъ судномъ, съ береговъ стрѣляли по нимъ, и начальникъ блокады объявилъ, что почитаетъ сей поступокъ началомъ войны. — Между тѣмъ сильный споръ возбудило слѣдующее происшествіе: Американскій корабль «Lone» капитанъ Клеркъ, тайно выгрузилъ свои товары на берегъ. При возвращеніи, близъ устья Рио-Браво-дель-Норте,

былъ онъ задержанъ Французскимъ бригаомъ Laurier. Капитанъ *Дюпенъ*, начальствовавшій бригаомъ, отправилъ на взятый имъ корабль одного офицера и восемь матросовъ, и взявъ честное слово съ капитана *Клерка* считать себя военнопленнымъ, дозволилъ ему и еще двумъ его матросамъ остаться на корабль. Въ ночи на 4 Июля, сии Американцы вышли на палубу, связали часовыхъ и заперли спавшихъ въ каюты остальныхъ Французовъ. По прибытіи въ Новый Орлеанъ, послѣдніе были выпущены на свободу. Французскій Консулъ въ Новомъ Орлеанѣ донесъ объ этомъ дѣлѣ Французскому Посланнику въ Вашингтонѣ. Таможня, не ожидая разрѣшенія, сняла съ груза Французскія печати, и отдала корабль, вмѣстѣ съ товарами, тому лицу, на имя коего онъ былъ адресованъ. Происшествіе это, безъ сомнѣнія, будетъ причиною продолжительныхъ переговоровъ между Американскимъ и Французскимъ Правительствами. Французскій Консулъ въ Новомъ Орлеанѣ объявилъ, что поступокъ капитана *Клерка* просто морской разбой, а Французскій капитанъ *ЛеКотъ* обвинилъ Сѣверо-Американскаго Капитана въ нарушеніи честнаго слова, въ чемъ послѣдній не согласился. Между Капитанами произошла дуэль. Послѣ двухъ выстрѣловъ, секундантамъ удалось примирить противниковъ и окончить споръ, удовлетворивъ объ стороны. Въ Американскихъ журналахъ, оспариваютъ у Франціи право захватывать корабли, по случаю блокады Мексиканскихъ гаваней. Французская партія говоритъ, что блокада уже известна всему свѣту, и что нейтральныя суда, пытающіяся ее нарушить, должны винить сами себя, если ихъ возьмутъ. Таковъ древній военный обычай всѣхъ націй. Анти-Французская партія доказываетъ, что все это совершенно справедливо, когда послѣдовало дѣй-

ствительное объявленіе войны, но что сей древній обычай никакъ не можетъ быть примѣненъ къ настоящему случаю. Французская блокада, продолжаютъ противники Франціи, столь же вредна Соединеннымъ Штатамъ и другимъ землямъ, какъ и Мексикѣ, и если послѣднее ея дѣйствіе признаютъ справедливымъ, то торговля нейтральныхъ странъ можетъ быть уничтожена изъ распрей, вовсе до нихъ не касающихся. Обѣ партіи пишутъ длинныя и ученныя диссертациі объ этомъ предметѣ. «Нація, которая не находится въ дѣйствительной войнѣ съ блокируемою страного», говорятъ одни, «имѣетъ ли право захватывать купеческія суда, производящія торговлю? Французы это сдѣлали, и провозмашаютъ морскимъ разбойникомъ капитана *Клерка*, который снова овладѣлъ своимъ кораблемъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, Французы, безъ сомнѣнія, имѣли право воспрепятствовать Лону войти въ Мексиканскій заливъ, или выйти изъ него, но никогда не могли объявить его за нарушеніе блокады своимъ призомъ. Народное право допускаетъ подобный поступокъ только тогда, когда объ націи находится въ явной войнѣ. Желамъ, чтобы правила на счетъ сей и другихъ блокадъ были постановлены, какъ можно скорѣе. При настоящемъ положеніи дѣлъ, Французская блокада Мексиканскихъ гаваней и Буэносъ-Айреса совершенно уничтожила Американскую и Британскую торговлю съ сими землями. Если такой опасный примѣръ оставятъ безъ вниманія, то каждая держава, желая, чтобы требованія ея были удовлетворены, можетъ, посреди мира и по самымъ незначительнымъ причинамъ, нанести глубокія раны торговлѣ Великобританіи и Сѣверной Америки съ Мексикою и Южною Америкою.»

Изъ Техаса получены важныя извѣстія: Мексикан-

цы разграбили Голиадъ и овладѣли гаванью Корпусъ-Христи. Техасцы обвиняютъ во всемъ генерала Густона, который оставался въ бездѣйствіи, несмотря на то, что ему выдали 50,000 долларовъ на образованіе кавалерійскаго корпуса. Если Мексиканцы не прекратятъ своихъ грабежей, то Техасцы намѣрены послать войска въ Мексиканскую гавань Матаморасъ. Дикіе и кровожадные Индѣйцы, племени Каманчи, вторглись въ предѣлы Техасской республики, и умертвили многихъ жителей. Въ Густонѣ, всѣми уважаемый главный судья Техаса, Джемсъ Коллингвудъ, скончался.

Въ половинѣ Августа, въ Вашингтонъ прибылъ Мексиканскій посолъ Мартинесъ, предлагая предоставить всѣ споры на рѣшеніе посредствующаго лица изъ Европейскихъ Государей. Мексиканцы предложили даже кого избираютъ они, а именно Короля Прусскаго.

Блокада Буэносъ-Айреса продолжается весьма упорно. Писали нѣсколько разъ, что Правительство тамъ готово искупить ее всѣми пожертваніями, а потомъ, что оно рѣшается воевать съ Франціею; даже упоминали объ угрозахъ, какими стращаль Французовъ начальникъ Буэносъ-Айресскаго флота Броунъ. Вотъ что пишутъ изъ Буэносъ-Айреса отъ 20-го Іюня: «29-го Мая, Палата представителей имѣла чрезвычайное засѣданіе, въ которомъ разсуждаемо было о Французской блокадѣ. Въ то же время, Палата приняла посланіе Президента о семъ предметѣ. Въ этомъ документѣ, Президентъ объявляетъ требованія Французскаго Правительства несправедливыми и неосновательными. Обстоятельство это подтверждаютъ распространенные слухи о скоромъ объявленіи войны Французамъ. Президентъ, въ высокопарныхъ фразахъ, протестуетъ противъ

поступковъ Французскаго Адмирала, и заключаетъ слѣдующими словами: «Настало время, въ которое представители должны рассмотреть это трудное дѣло и взвѣсить каждое обстоятельство. Оно не только чрезвычайно важно для Аргентинскаго Союза, но и для всѣхъ народовъ обоихъ полушарій, и въ особенности для Америки. Произнесите ваше мнѣніе о поступкахъ Правительства, которое также подвержено ошибкамъ, съ справедливостью и осторожностью; рѣшите, должно ли Правительство, не щадя жизни и достоянія, исполнить святую клятву, данную передъ Богомъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ, въ защитѣ достоинства и независимости отечества, нарушаемыхъ требованіями Французскаго Консула и Французскаго Контръ-Адмирала. Послѣ вашего рѣшенія, члены Правительства не забудутъ своего долга предъ отечествомъ и предъ Аргентинцами: они сдѣлаютъ все, чего потребуеть ихъ честь.» — 30-го и 31-го Мая, продолжались засѣданія Палаты представителей. Она разошлась, чтобы дать время комитету составить донесеніе о поведеніи Правительства. Всѣ полагаютъ, что представители оправдаютъ поведеніе Правительства въ отношеніи къ Французамъ. Но главная бѣда—недостатокъ въ деньгахъ. Одинъ чиновникъ, имѣвшій 17-го Мая переговоры съ однимъ изъ членовъ Правительства, сообщилъ, что генералъ Розасъ никогда не согласится на требованія Французскаго Правительства, и потому блокада, вѣроятно, продолжится, доколѣ переворотъ не предоставитъ правленія другому лицу.

Англійскій адмиралъ Россъ прибылъ въ Вальпарайсо, 16 Апрѣля, съ ратификаціею трактата о дружбѣ и торговлѣ между Англіею и Перу, и съ предложеніемъ посредничества въ ссорахъ Перуанцевъ съ Хилійцами.

Т. V. — Отд. V.

5/4

Въ Монтевидео, войска Правительства разбиты бунтовщикомъ Рибейро-Фруктуозо.

Англичане заняли Фалкландскіе острова, и объявили запрещеніе производить близъ нихъ рыбаую ловлю.

Некрологъ.

Маркизъ Марини, извѣстный своими учеными трудами, и особенно изданіемъ Витрувіа, умеръ въ Римѣ, въ Августъ мѣсяцъ.

Австрійскій фельдмаршалъ - лейтенантъ графъ Фойтъ, умеръ въ Вѣнѣ, 20 Августа.

Коммодоръ Роджерсъ, самый старшій изъ морскихъ Северо-Американскихъ офицеровъ, умеръ въ Нью-Йоркѣ.

Князь Дмитрій Ивановичъ Ловановъ-Ростовскій, ген. отъ инфантеріи, членъ Госуд. Совѣта и разныхъ орденовъ кавалеръ, умеръ въ Спб.

Леонардъ Мельцель, изобрѣтатель метронома и многихъ автоматовъ, умеръ на пути изъ Лагвайра въ Филадельфію. Онъ род. въ Баваріи, въ 1776 г., и съ 1826 жилъ въ Бостонѣ, гдѣ завелъ большую машинную фабрику. Нѣсколько милліоновъ доллеровъ осталось послѣ него наследникамъ.

Илья Ивановичъ Энегольмъ, дѣйстви. статскій сов., докторъ медицины и хирургіи, сконч. въ Спб. 3-го Сентября, на 75 году.

Графиня А. В. Браницка, оберъ-гофмейстерина Двора Е. И. В., племянница Князя Потемкина-Таврическаго, одна изъ богатѣйшихъ помѣщицъ въ Россіи, сконч. въ Бѣлой Церкви 15-го Августа, въ весьма преклонныхъ лѣтахъ.

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ИЗВѢСТІЯ ГОЛЛАНДЦЕВЪ О НАЧАЛѢ ВЪ РОССІИ ФЛОТА И БОТИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО *.

I.

Первая попытка Русскихъ въ кораблестроеніи.

Въ 1667 году, Царю удалось заключить миръ съ Королемъ Польскимъ. Онъ послалъ съ извѣстіемъ о томъ въ Ни-

* Недавно начался весьма любопытный споръ въ Русскихъ газетахъ. Одинъ изъ изыскателей отечественныхъ древностей помѣстивъ въ *Московскихъ Видомостяхъ* (№ 27 и 30, 1838 г.) статьи, гдѣ изложилъ свое мнѣніе о ботикѣ Петра Великаго. На это мнѣніе сдѣлано было возраженіе въ *Свѣд. Писемъ* (№ 175, 1838 г.). Разсматривая дѣло безпристрастно, мы предоставляемъ себѣ право въ одной изъ свѣд., кн. С. О. сказать объ этомъ наше мнѣніе, основанное на логическихъ выводахъ. По странно показалось намъ, что фактъ столь любопытный, накое начало Русскаго флота и исторія *Дядушки* его, до сихъ поръ не объясненъ окончательно, почему и рѣшились мы собрать всевозможныя свѣдѣнія о Дядушкѣ нашего флота, и предложить ихъ соотечественникамъ. Мы просили почтеннаго П. А. Корсакова, гораздо прежде вышедшаго возраженія, перевести намъ извѣстія, находящіяся въ драгоценной, но малоизвѣстной у насъ книгѣ Схельлемы: *Russland en de Nederlanden* (ч. I, стр. 285, и ч. II, стр. 55). Принявъ благодарность нашу почтенному П. А., со всею готовностью посвященнаго любителя отечественныхъ древностей исполнившаго просьбу нашу, печатаемъ здѣсь сообщенныя намъ отъ него выписки. Въ свѣдѣ за тѣмъ сообщимъ выписку изъ рѣдкой нынѣ книги *Nachriche aus Russland (von dem kleinen Boote, als der Gelegenheit zu der Russischen Flotte), von Martini (Frankfurt, 1751 г.)*, и другія свѣдѣнія, вмѣстѣ съ описаніемъ самаго ботика. Послѣ сего легко можно будетъ разрѣшить спорный вопросъ о постройкѣ Дядушки сравненіемъ свѣдѣній, и рѣшить спорное дѣло окончательно. *Н. Полевой.*

мію и Голландію (болрина?) дворянина (edelman) Михаила Никитича Головина.

Посланник сей прибылъ въ Нолбръ мѣсяцъ въ Гагу, и такъ какъ затруднились принять его грамату, по неопределенности титуловъ, требованныхъ правительствомъ, то онъ вручилъ ее въ полномъ собраніи Штатовъ.

На основаніи сей граматы сдѣланы были нѣкоторыя постановленія къ пользѣ торговли, и вышло опредѣленіе поздравить Великаго Князя съ миромъ.

Посланникъ принялъ былъ съ прежнимъ радушіемъ, и былъ посподу сопровождаемъ капитаномъ *Киромъ* (Kier), который разумѣлъ по-Русски и знакомъ былъ ему по Москвѣ.

Миръ сей развязалъ руки Царю, и внушилъ ему намѣреніе сдѣлать попытку, которая заслуживаетъ подробнѣйшее описаніе.

Вниманіе сего монарха обратилось на заложеніе судовъ, для плаванія изъ Астрахани по Каспійскому морю въ Персію, съ тою цѣлью, чтобы на собственныхъ корабляхъ и собственными людьми своими, съ большею противъ прежняго выгодною, занять производствомъ драгоценнаго торговаго шелкомъ, и проч., который до того перевозили изъ одной страны въ другую не безъ опасности, отъ частыхъ грабежей и разбоевъ, Персіане, Татары и другіе чужеземные народы.

Юганъ фанъ Сведенъ (van Sweden) помогъ въ этомъ Царю и совѣтомъ и дѣломъ. Рѣшено было заложить кораблестроительную верфь въ деревнѣ Дѣднповѣ, или Геднповой (Dedynof of Gedino), при слияніи рѣки Оки съ Москвою.

Давидъ Бѣтлеръ (Butler), племянникъ фанъ Сведена, отправленъ былъ въ Амстердамъ, и запасся тамъ всѣмъ нужнымъ для этого предпріятія. Призвано за благо начать построеніе небольшого фрегата и яхты, и для того въ началѣ 1667 года въ Россію нѣсколько особъ, между которыми находились *Лаббертъ Яковсень Гельтъ*, *Виллельмъ Барентсзонъ Клопперъ* и *Диркъ Питерсъ*, съ разными мастерами и подмастерьями плотничнаго дѣла (opper-en-onder timmerlieden). За этими первыми выходцами послѣдовали въ 1668 году многіе другіе, между которыми находились разные рабочіе люди корабельнаго дѣла, и нныя ремесленники; въ числѣ ихъ слѣдуетъ преимущественно упомянуть объ Янѣ Янсенѣ Струйсѣ (Struys), панятномъ въ званіи главнаго парусника.

Когда сіи послѣдніе прибыли въ Москву, г. фанъ Свед-

дена уже не было въ живыхъ; тѣмъ не менѣе предпріятіе не остановилось. По прошествіи зимы, все они отправлены въ Гедно (Gedino), и нашли, что работы построения фрегата, названнаго *Орломъ*, и уже украшеннаго гербомъ царскимъ, а равно и яхты, приведены были къ концу, и суда готовы были къ оснасткѣ (reeds in het want staande). *Корнелиусъ Бокеофенъ*, уже давно обжившійся въ Россіи, управлялъ тогда верфью, и принялъ съ радостію невоиризмыхъ. *Бѣтлеръ* и *Гельтъ* приняли команду надъ кораблями; въ слѣдъ за симъ подняты были паруса, и суда тихо пустились внизъ по Окѣ, а потомъ и по Волгѣ, взявъ съ собою все нужное для заложенія верфи въ Астрахани. Плаваніе ихъ вдоль по рѣкѣ возбуждало всеобщее участіе, и совершилось не безъ опасности отъ мелей и пороговъ.

Всѣ разсудительные люди предвидѣли уже самыя выгодныя послѣдствія этой попытки, какъ вдругъ вспыхнуло около того времени возмущеніе *Стеньки Разина*, который объявля себя предводителемъ Донецкихъ Казаковъ, заставилъ трепетать всю Россію. Добыча, собранная разбойниками, была весьма значительна, и опасность увеличивалась болѣе и болѣе на берегахъ Каспія. Постройка судовъ въ Астрахани и выѣздъ оттуда сдѣлались совершенно невозможны. Вскрѣ послѣ того вспыхнуло и надъ Астраханью пламя бунта; положеніе пріѣзжихъ иностранцевъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Кромѣ моряковъ, находились тамъ *Паулусъ Рѣдольфъ* (Rudolphi), главный командиръ, пасынокъ его *Лодевейкъ Фабрисіусъ*, оба родомъ изъ Гаги, и *Никлаасъ фанъ Схаакъ* (Schaak), племянникъ Бѣтлера съ нѣсколькими другими Голландцами, прибывшими по торговымъ дѣламъ. Губернаторъ (воевода) хотѣлъ было забрать къ себѣ на службу матросовъ, но забота о своей личной безопасности удержала ихъ, и они смѣло сказали, что намѣрены «уйти оттуда по добру по здорову (goed heenkommen).»

И пора было. Оставя суда, большая часть Голландцевъ ѣхала за Каспійское море, въ надеждѣ добраться до Персіи.

Не наше дѣло описывать судьбу этихъ несчастныхъ; горе, претерѣнное тѣмъ изъ нихъ, которые попались въ руки разбойниковъ и почти вовсе необразованныхъ племени, превосходитъ всякое воображеніе; довольно будетъ, если скажемъ, что фрегатъ и яхта были оба сожжены въ Астрахани,

и большая часть разбѣжавшихся матросовъ сперва достигла Персїи, а потомъ добралась и до Восточной Инди. Одинъ только *Карстенъ Брандтъ*, кораблестроительнаго дѣла мастеръ (*Scheerstimmerman*) и *Иоаннъ Термондъ*, лекарь, воротились въ Москву, и если попытка строить суда не совершенно уничтожилась тогда въ Россїи, то этимъ обязаны первому: мысль о кораблестроенїи сохранилась въ немъ, какъ благодатное сѣмя, прозябшее въ послѣдствїи и принесшее обильные плоды.

Возвращенїе *Термонда* было гораздо менѣе важно, но и онъ игралъ въ Россїи значительную роль, какъ то объяснимъ послѣ.

Алехейкъ Фабриціосъ, единственный уцѣлѣвшій офицеръ, прибывъ изъ Персїи въ Астрахань обратно, и поселился тамъ, принесъ величайшую пользу торговлѣ Голландцевъ *.

II.

Начало кораблестроенїя при Петрѣ Великомъ.

Увѣряли, и потомъ признали за истину, что Петръ въ младенчествѣ и въ отроческихъ лѣтахъ чрезвычайно боялся воды, и до такой степени, что при переправѣ черезъ каждый ручеекъ его схватывали судороги; неначе побѣдилъ онъ это отвращенїе отъ воды, какъ на четырнадцатомъ году своего возраста **. По изысканїямъ нашимъ, противъ этого мнѣнїя есть много опроверженїй: гораздо вѣроятнѣе предполагать, что тотъ человѣкъ, котораго главнѣйшимъ пристрастїемъ въ жизни было мореплаванїе, долженъ былъ любить его и съ

* Обстоятельства сїи взяты изъ трехъ бѣдственныхъ путешествїй *I. I. Стрїйса*, изданныхъ на Голландскомъ языкѣ, въ Амстердамѣ, 1676, въ 4 долю листа. Описанїе этихъ путешествїй чрезвычайно занимательно, и отличается вообще живымъ и сильнымъ слоюзомъ, какого нельзя бы и ожидать отъ паруснаго мастера. Онъ посвятилъ сочиненїе свое г. *Витсену* и *фонъ Кленку*, въ надеждѣ выводить себя представителемъ ихъ жалованье, недоплаченное ему во время нахождения своего въ службѣ Его Царскаго Величества, «и найти хоть уголекъ въ золь, въ которой утратилъ онъ свой огонь (en hij alzoo een kooltje loude vinden in de asche daar hij het vuur verloren had). При этомъ путешествїи приложенъ разсказъ о бѣдствїяхъ и страданїяхъ, претерпѣнныхъ капитаномъ *Давидомъ Бетлеромъ* — ужасная картина того, что можетъ вынести человѣкъ!

** Von Halem, I, 68, 295 и 297, v. Staelin, I, 47.

малыхъ лѣтъ, хотя это послѣднее предположенїе и не подтвердится положительнымъ образомъ свидѣтельствомъ не за долго предъ симъ упомянутаго нами генерала *Патрикия Гордона* *.

Неожиданный случай, встрѣтившїйся въ 1687 году **, развилъ и усилилъ эту страсть.

Однажды Петръ, находясь въ своемъ потышномъ Измайловскомъ дворцѣ, обходя саранъ, въ которыхъ хранился старый хламъ, пашель тамъ ботикъ, или яликъ (een boot of jol). Постройка этого ботика, совершенно различная съ лодками, или неуклюжими судами Русскихъ, не могла укрыться отъ его пронцательнаго взора; онъ тогда же спросилъ бывшаго съ нимъ наставника своего *Франца Тиллиермана*: «къ чему служила эта разница, и для чего киль судна былъ такъ остро обтесанъ?» Наставникъ растолковалъ ему, «что это было пуцно, не только для того, чтобы плавать на парусахъ по вѣтру, но и противъ вѣтра.» Государь не могъ понять его словъ, и тутъ же сказалъ: «Посмотримъ.»

По розыску оказалось, что *этотъ ботикъ былъ построенъ Карстеномъ Брандтомъ* ***, единственнымъ Нидерландцемъ,

* Сохе, III, 58.

** *Reisbeschrijving van Polen naar Moscovien* (описанїе путешествїя изъ Польши въ *Московїю*), изданное 1699, въ Тиль, подъ именемъ Ньювстада (*Nieuwstad*) стр. 113. Ф. Газемъ замѣчаетъ, по слѣдамъ другихъ, что Петръ увидѣлъ этотъ ботикъ и получилъ свидѣнїе о *Брандтѣ* на 19 году своего возраста, следовательно, въ 1691, но это должно было случиться прежде, и ни какимъ образомъ иначе быть не могло: этому прежде построенному судну нельзя было сойти со штапелей въ началѣ упомянутаго года.

*** Сохе III, 59. Тоже по удостовѣренїю Гордона. Объ этомъ ботикѣ разсказывано много чудеснаго. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, онъ вальзлся между домашнимъ хламомъ *Пикиты Роланова*, а этотъ былъ прапрадѣдъ Царя. По увѣренїю другихъ, былъ это Англїйскїй ботикъ, подаренный однимъ изъ Королей Англїйскихъ одному изъ Царей Россїйскихъ, и едва ли не Ивану Васильевичу, скончавшемуся въ 1584 г. Но какимъ бы образомъ могли Англичане поднести въ подарокъ то, чего и употребленїе было неизвѣстно? И сколько представляла затрудненїя одна перевозка ботика изъ Архангельска въ Москву? И сколько же лѣтъ былъ бы тогда этотъ ботикъ? Оба эти извѣстїя гораздо менѣе вѣроятны, чѣмъ то, что одинъ изъ Голландскихъ плотниковъ могъ построить его въ самой Россїи, во время пребыванїя своего въ ней, въ 1668. *Гордонъ* былъ всему этому личный свидѣтель, и дастъ исправный и полный отчетъ о первыхъ попыткахъ корабле-

который, за исключеніемъ лекаря *Яна Термонта*, воротился назадъ въ Москву, и съ того времени добывалъ тамъ себѣ пропитаніе столярнымъ мастерствомъ.

Человѣка этого отыскали, и поручили ему изготовить ботикъ сей къ плаванію и управлять имъ. Онъ окончатилъ это суденышко, снабдилъ его мачтою и парусомъ, потомъ оснастилъ его, подиалъ парусъ и лавировалъ на немъ по Яузу, передъ глазами удивленнаго Государя, который проворно вскоча въ ботикъ, спустя нѣсколько времени, забралъ руль его въ свои руки.

Съ тѣхъ поръ ходить на парусахъ сдѣлалось *главнѣйшю дѣломъ* (de hoofdzak), и Яуза вскорѣ стала слишкомъ тѣсна. Тогда переправили ботикъ на *Привольскій прудъ* (het Meerje Proannoi), но и онъ, по причинѣ отмелей, оказался неудовлетворительнымъ. Начали искать глубочайшихъ водъ. Предложили озеро Переяславское (het Meer van Peregslaw), гдѣ можно было съ удобностію, какъ угодно, потѣшаться и развѣзжать. Петръ готовъ бы былъ перелетѣть туда, если бы опасенія материнскія не остановили отъѣзда его на нѣкоторое время. Озеро это найдено довольно обширнымъ и глубокимъ, но тутъ уже самый ботикъ, или лликъ, оказался слишкомъ малъ для предполагаемыхъ развѣздовъ, и желаніе Государя обратилось тогда къ судамъ болѣе обширнымъ и крѣпкимъ. *

Между тѣмъ знакомство съ Брандтомъ, отъ ежедневныхъ сношеній и частыхъ разговоровъ, сблизилось болѣе и болѣе. Разказъ объ его несчастной судьбѣ, возбудилъ сочувствіе, и онъ самъ, никакъ не могши ожидать, что обращенъ будетъ къ прежнимъ своимъ запитіямъ, въролтно ничего не упустилъ, чтобы извлечь для себя всевозможныя выгоды отъ знакомства своего съ Государемъ. Можно ли не принять за достовѣрность всего того, что сдѣлано было для кораблестроенія въ царствованіе Алексѣя, и что при разговорахъ сихъ обяснено съ такою подробностію, а равно и тѣхъ извѣстій, которые дошли до насъ объ основаніи верфи въ

строенія, въ своихъ дневныхъ запискахъ, который помѣщенъ былъ въ цѣлѣмъ историографомъ Миллеромъ въ *Петербургскомъ Журналѣ*, 1778 года.

* Предисловіе къ Петрову *Морскому Уставу*, изданному въ 1720. C. Martini, Nachrichte aus Russland, Leipzig, 1731, отд. II, von kleinem Boote, als der gelegenheit zur Flotte, 93. Storch, Russland, 385.

Гединъ, или Дединовой, при Окъѣ, о томъ, какъ тамъ была построена яхта «Орель», къ какой цѣли направлены были эти усилія, и какихъ выгодъ отъ того ожидали? Не слѣдуетъ ли изъ сего, что заведеніе кораблестроительной верфи въ Россіи было уже не новостью, и не могло ли случиться то, что кромѣ ботика, сохранились еще тогда и другіе запасы, остатки этой верфи? Какъ бы то ни было, но въ слѣдъ за симъ рѣшено было приступить къ основанію новой верфи, къ закладкѣ судовъ для потѣхи царской, и войти объ этомъ дѣлѣ въ сношенія съ Голландскими купцами.

Г. *Адольфу Гюутману* (Houtman) поручено было доставить все нужное, по примѣру г. Фанъ Свезедена, исполнявшаго подобное порученіе въ 1667 году. Онъ набралъ для сего работниковъ въ Заандамъ, такъ же какъ онъ сдѣлалъ это потомъ въ другомъ мѣстѣ, извѣстномъ своими кораблестроителями, и имѣлъ удовольствіе успѣшно выполнить все порученіе; при посредствѣ брата своего, проживавшаго въ Амстердамѣ.

Нѣсколько рабочихъ нанято было за довольно высокую плату. Между прочимъ нашли мы тутъ имена *Питера Эйна* (Yr), *Томаса Госіаса*, *Питера Коувенгофена* (Couwenvhoven), *Херрита Кюста*, *Клааса Опа*, *Яна Габрандсона Мюса* (Muus) *Яна Алеса*, и другихъ. Имъ платилось по десяти стиверовъ подещницы, кромѣ оклада по десяти гульденовъ въ мѣсяцъ, готовой квартиры, харчей и путевыхъ издержекъ, да сверхъ того выдавалось женамъ ихъ и родственникамъ по сороку гульденовъ въ мѣсяцъ жалованья, чрезъ посредство Заандамскаго шхипера Яна Питерзоона Врура (Vroer), бывшаго потомъ купцомъ въ Россіи. Изъ числа этихъ людей, объ Алмаарскомъ уроженцѣ *Арриентъ* Барендзоонъ Меэтье (Meetje), хотя и не имѣлъ онъ званія мастера, упоминается съ похвалою, какъ о человѣкѣ опытномъ и искусномъ по светной части *. Тотчасъ же по прибытіи этихъ людей приступлено было къ дѣлу, и заложенъ былъ довольно значительной яхты. Работа производилась съ такимъ усердіемъ, что судно это спущено было 14 Марта 1691 съ Мо-

* Номенъ говорить, что все это потеряно или изъ устъ самого *Яна Питерсена Врура*. Въролтно впрочемъ, что этотъ Арриентъ Барендзоонъ Меэтье принадлежалъ къ знаменитому поколѣнію математиковъ *Метьюссеновъ* (Metiussen).

сковской верей, и Царь, велѣвъ подпиль паруса, тогда же отправился на немъ въ Коломенское.

Ковчигъ *Брандта*, послѣдовавшая въ Июнь мѣсяцъ того же года, не произвела никакой перемѣны въ дѣлахъ, и Петръ съ Заандамцами продолжалъ ревностно работать. Найдя во многихъ изъ нихъ гораздо больше опытности, чѣмъ у большей части людей, съ которыми былъ онъ до того въ сношеніи, а можетъ быть, даже и потому, что они не принадлежали къ числу спокойнѣйшихъ и вѣжливѣйшихъ Заандамцовъ, но за то больше способны были къ любимому его занятію, и проще въ образѣ жизни своей, чѣмъ купцы и другіе больше образованные иностранцы, онъ любилъ проводить съ ними время. Ни въ чьемъ обществѣ не находился онъ съ такимъ удовольствіемъ, нѣрѣдко приглашалъ ихъ къ столу своему, и тутъ уже поступалъ съ ними, какъ съ равными. Съ этихъ поръ принялъ онъ на себя прозваніе «Петра Плотника» (*Pieter Timmerman*). Наклонность его и пристрастіе къ этимъ *приятелямъ* (*vtrienden*) усилились еще больше въ послѣдствіи тѣмъ отвращеніемъ, которое примѣтилъ онъ въ народѣ своемъ къ иноземцамъ. Это возбуждало зависть и подозрѣніе во многихъ Русскихъ. Самый рабочий классъ людей началъ роптать на высоту поденной платы, которая производилась имъ, сверхъ лучшаго обращенія съ ними, чѣмъ съ Русскими. Роптавшіе на это получали въ отвѣтъ: *Когда будете столько же и такъ же усердно работать, какъ Голландцы, получите и вы ту же самую плату* *.

ЦЕРКОВЬ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО

СЪ КРАСНОЮ ПЛОЩАДЬЮ И ЛОВНЫМЪ МѢСТОМЪ **.

Подъ именемъ *Василія Блаженнаго* извѣстенъ *Покровский Соборъ*, что на *реу*, находящійся въ средней части, или отдѣленіи Москвы, называемомъ *Китай Городъ*, близъ Спасскихъ Воротъ.

* Noonen.

** Изъ сочиненія П. П. Свиньина: *Картины Россіи*, издан. И. П. Де ла-Кроа, о чемъ говорили мы въ С. О. (кн. VII, отд. VI, стр. 7).

Великолѣпный храмъ сей заложенъ Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ въ 1555 году, въ ознаменованіе благодарности за покореніе Казахскаго царства въ день Покрова Божіей Матери, и конечно нѣтъ въ мірѣ другаго памятника, въ которомъ можно-бъ было найти подобное смѣшеніе противоположныхъ архитектуръ: затѣйливости и нестрогости Азіятской съ величіемъ и благородствомъ Италіанской, смѣлости и легкости Мавританской съ тяжелостію и изыществомъ въ украшеніяхъ Готическаго вкуса. Изъ всего составило въчто стройное, но фантастическое, исполненное поэзіи и своеобразія! Мнѣніе объ изыществѣ и великолѣпн сего зданія было такъ велико, что молва, всегда больше увеличивающая худую, нежелая добрую славу, въ числѣ явныхъ вымысловъ, распространила повѣрье, будто Иоаннъ, наградивъ зодчаго съ царскою щедростію, приказалъ лишить его зрѣнія, чтобы онъ нигдѣ не могъ произвести ничего лучшаго, или подобнаго. Сказка эта идетъ издревле: Тащмеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1689 году, упоминаетъ объ ней, но пельство ея доказывается тѣмъ, что при Иоаннѣ церковь Покровская оставалась неконченною, и было въ ней только *девять* придѣловъ, кромѣ главнаго храма; строеніе продолжалось послѣ того, съ перемѣжками, больше 125 лѣтъ, и въ царствованіе Феодора Иоанновича, Михаила Феодоровича и Феодора Алексѣевича пристроено придѣловъ еще *одиннадцать*. Этимъ объясняется и разнообразная, фантастическая форма сей груди колоколенъ и главъ, крылецъ и террасъ, похожей, какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ путешественниковъ, на глыбу сталактитовъ.

Внутренность собора заключаетъ въ себѣ нынѣ девятнадцать придѣловъ, изъ коихъ почти надъ каждымъ возвышается глава, отличающаяся одна отъ другой размѣромъ, стилиемъ и краскою. Одна винтообразная, другая острая, въ видѣ пирамиды, та чешуйчатая съ круглымъ куполомъ, другая продолговатая въ видѣ минарета, одна зеленая, другая красная съ золотыми звездами, и т. и. Возвышенность мѣста, на коемъ воздвигнутъ храмъ сей, нынѣ отдѣленный отъ всѣхъ прилежающихъ прежде къ нему строеній, и сосредоточеніе къ нему главнѣйшихъ улицъ Китайя Города, много способствуютъ къ выставкѣ его оригинальности. Онъ представляется первымъ предметомъ, когда вступаешь на Красную Площадь отъ Воскресенскихъ воротъ; онъ поражаетъ глаза съ первымъ ша-

гомъ изъ Кремля чрезъ Спасскія Ворота (здѣсь изображенъ съ правой стороны); онъ, можно сказать, служилъ фаросомъ всякому поднимающемуся отъ Москворечья по круглой улицѣ; отъ Ильинки церковь Василія Блаженнаго открывается еще живописнѣе, еще удивительнѣе, въ соединеніи съ башнями и теремами Кремлевскими. — Именемъ *Василія Блаженнаго* соборъ сей наименованъ по древнему преданію, что Василій Юродивый, знаменитый святостию своею жизнью, имѣлъ обыкновеніе сидѣть на ступеняхъ сего Собора, и заставлялъ похоронить себя въ немъ. Мощи его почиваютъ подъ срудомъ, въ одномъ изъ приделовъ, и на гробницѣ его висятъ тяжелыя вериги, которые носилъ на себѣ блаженный. Благочестивые, прибѣгающіе къ гробницѣ его съ молитвою, надеваютъ сіи вериги на себя. Ежегодно бываетъ въ день Покрова ходъ въ Покровский Соборъ изъ Кремля. Древнія иконы и пестрота украшеній, привлекаютъ вниманіе посѣтителя собора на всѣ многочисленныя его отдѣленія.

Другимъ, не менѣе любопытнымъ предметомъ, представляющимъ здѣсь на картинѣ, должно почесть *Лобное Мѣсто*, которое есть не что иное, какъ круглый каменный помостъ, съ такимъ же вокругъ обводомъ и лѣстницею. Оно представляется, какъ бы подиумомъ великолѣпной церкви, и замыкаетъ обширную Красную Площадь. Это древній форумъ первопрестольной столицы Русской, свидѣтель и мѣсто событій, горестныхъ и утѣшительныхъ. Взглянемъ въ зеркало древности, и вспомнимъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, содѣлывающихъ Лобное мѣсто съ Красною площадью столь достопамятными для Русскаго. Здѣсь на Лобномъ Мѣстѣ знаменитый Шуйскій испыталъ ужасъ смерти: уже голова его лежала на плахѣ, какъ получилъ онъ помилованіе отъ Лжедмитрія.... Здѣсь свершилось одно изъ торжественнѣйшихъ зрѣлищъ, поразившихъ Россію удивительною неожиданностію. Юный Иоаннъ, въ послѣдствіи прилично названный Грознымъ, принялъ бразды правленія, и въ короткое время привелъ въ ужасъ Москву и Россію своею жестокостію и необузданностію страстей, собравъ, въ 1550 году, съ всего государства избранныхъ людей. Въ страхъ являлись въ Москву представители народа, въ ожиданіи новыхъ кровопролитій и бѣдствій, какъ увидѣли совершенно протвѣное: увидѣли юнаго Царя, съ смиреніемъ восходящаго на Лобное Мѣсто, и съ слезами на глазахъ обращающаго къ Митро-

политу, въ страхъ и недоумѣніи за нимъ слѣдовавшему — да будетъ онъ ходатаемъ у престола Всевышняго за все зло, имъ доселѣ содѣланное, представляя въ оправданіе свое нерадивое поученіе объ немъ его воспитателей, коварство и смуты боярскія, и проситъ, да будетъ онъ свидѣтелемъ объята его предъ лицомъ Господа и представителями государства — замладить свои проступки любовію и поученіемъ о своихъ подданныхъ, быть обороною слабого предъ сильными, защитою утѣвленныхъ, утѣшителемъ убогихъ, отцомъ своего народа — и народъ зарыдалъ отъ удивленія, отъ восторга, и забылъ жестокости Царя и славилъ одинъ его милости. Иоаннъ потребовалъ всеобщаго примиренія, и враги кинулись въ объятія одинъ другаго. О это, конечно, было пріятнѣйшее, благороднѣйшее минуто въ жизни Иоанна, минуто, какими рѣдко освящается челоуѣчество! Но, увы! не больше, какъ черезъ семь лѣтъ послѣ того, на этомъ же самомъ мѣстѣ, тотъ же Иоаннъ, великодушный, образецъ вышнесоцевъ, слава и гордость Россіи, съ неразгаданнымъ хладнокровіемъ губилъ тысячи добродѣтельныхъ воиновъ и гражданъ, лилъ кровь именитыхъ сановниковъ и вождей доблестныхъ; вокругъ этого же Лобнаго Мѣста, по повелѣнію Грознаго пылали костры, взокотала вода въ котлахъ, возвышались дышлицы, для казни подпавшихъ его гнѣву! Вспомнимъ, что съ Лобнаго же Мѣста предатели читали обольстительную грамату Самозванца, и Москвитяне, забывъ присягу, дающую не задолго юному сыну Годунова, провозгласили Огненьева Царемъ Русскимъ, и — черезъ нѣсколько мѣсяцовъ кровавый, обезображенный трупъ похитителя лежалъ уже на Лобномъ Мѣстѣ, съ маскою, дудкою и волынкою въ рукъ, а трупъ вѣрнаго товарища его злодѣянія и безумства Басманова поверженъ былъ у ногъ его. Съ Лобнаго Мѣста, въ 1610 году, изрѣчено было мятежнымъ Липуновымъ сверженіе Шуйскаго, подтвержденное толпами буйнаго народа, а черезъ три года мятежнаго коварнаго безначалія, въ лицѣ сильныхъ, допустившихъ Ляховъ терзать сердце Россіи, Красная Площадь огласилась побѣдными кликами Пожарскаго и Минина, и здѣсь снова явилась милость Божія надъ Москвою въ указаніи Миханла Ромашова, для успокоенія, счастья и славы Россіи. Съ Московской Красной Площади избраніе въ цари юнаго Миханла пронеслось по всемъ концамъ государства, и единодушно было принято. Съ Лобнаго Мѣста окроплялъ

святою водою знаменитый Никонъ доблестнаго Царя Алексѣя Михайловича, и несмытную рать его, готовую выступить въ славный походъ, коего плодами было возвращеніе отъ Поляковъ древнихъ Русскихъ городовъ, Визьмы, Дорогобужа, Смоленска и Кіева. Въ царствованіе Феодора Алексѣевича видѣли подобное зрѣніе, видѣли какъ Патріархъ Іоаннъ здѣсь благословлялъ, окропляя грозное ополченіе, собранное на защиту Кіева и Украйны отъ Турковъ, и возложилъ на Кнзя Черкаскаго крестъ Константина, а на Долгорукова икону Сергія Радонежскаго. Во время Стрѣльцкихъ бунтовъ, когда никто не дерзало приблизиться къ Лобному Мѣсту и изъвить сожалѣніе къ жертвамъ злобы, повернутымъ вокругъ онаго въ грязь — арапы, слуга Матвѣева, одинъ отважился собрать растерзанные члены своего благодѣтеля. Изверги, пораженные смѣлостію существа столь презрѣннаго, по ихъ мнѣнію, не пренятствовали ему совершить примѣрный подвигъ благодарности. На Красной Площади преступная Софія дозволила Стрѣльцамъ, желавшимъ оправдать себя въ злодѣйствахъ, воздвигнуть каменный столбъ, съ начертаніемъ на желѣзныхъ доскахъ мнимыхъ преступлений бояръ, умерщвленныхъ ими, за мнимую измѣну отечеству. Наконецъ ужасныя картины Красной Площади заключаются зрѣніемъ Стрѣльцовъ, стекшихся сюда съ поникшими головами, съ веревками на шеѣ, съ плахами и топорами въ рукахъ, на собственную казнь ихъ самихъ, и при семъ видѣ раскаянія преступниковъ, сердце Великаго Петра изрекло имъ помилованіе.

Издревле, почти съ самаго основанія Москвы, Красная Площадъ была мѣстомъ народнаго собранія: и въ горѣ и въ радости, Московскіе жители стекались на Красную Площадъ потолоковать, послушать новостей, узнать, что положено въ думѣ Царской. Мнѣніемъ Красной Площади дорожили Великіе Князья и Цари Русскіе, считая его отголоскомъ народа. Василій Темный заплатилъ своимъ плѣномъ за то, что по совету тиеславныхъ временщиковъ своихъ, изъ Грековъ, чуждыхъ народнаго Русскаго духа, слишкомъ пренебрегалъ вліяніемъ Красной Площади, и отъ того, вмѣсто грознаго воинства, едва вывелъ изъ Москвы противъ Махмета двѣ тысячи воиновъ; напротивъ того, успѣхъ радушаго ополченія противъ Мамаи не мало зависѣлъ отъ особеннаго умѣнья Донскаго направить умы народа на Красной Площади,

умѣнья воспламенить сердца, и заставить каждаго сродниться съ его мыслию, или предпріятіемъ, какъ съ своимъ общественнымъ! Народъ любилъ собираться на Красной Площади и потому, что здѣсь только, не исключая и храмовъ Божіихъ, какъ бы терлисъ различія въ степеняхъ и званіяхъ людей, и одинъ заслуги добродѣтели и незаслуженная старость дѣляли право на отличіе и всеобщее почитеніе. Забудемъ ли также, что на сей площади происходили извѣстныя во времена Феодора Алексѣевича *селеиственныя судалища*. Гражданинъ, сошедшій съ пути своихъ обязанностей, увѣщаемъ быть сперва въ кругу своего семейства; ежели увѣщанія не дѣйствовали, тогда старцы призвали его на Красную Площадъ, гдѣ предъ лицомъ всего народа уличали его въ дурномъ поведеніи, снова увѣщевали, и давали время на исправленіе, но если и эта мѣра была не дѣйствительна, тогда *старцы суды* дѣлались обвинительной преступника предъ закономъ. Въ послѣдствіи видѣли здѣсь грамотныхъ писцовъ и подьячихъ, предлагавшихъ услуги свои въ сочиненіи просьбъ и жалобъ.

Къ числу повѣрьевъ, или обрядовъ Москвичей, освященныхъ обычаемъ, было обыкновеніе стричь себѣ волосы на Красной Площади у Посольскаго Двора, особенно въ великій четвертокъ; тогда, по словамъ Оларія, земля устилалася волосами, какъ *леглии тюрбаками*.

И нынѣ Красная Площадъ не менѣ многолюдна и шумна, и выпѣ съ утра до вечера волнуется вокругъ Лобнаго Мѣста пестрыя, разнородныя толпы народа, стучать и гремѣть разнаго рода повозки, скачуть со всехъ сторонъ всадники, тянутъ безконечныя обозы, воздухъ оглашается разными кличками и звонкими голосами, но не исполненіе грознаго приговора Царскаго, не бесѣда Ввищеносца съ своимъ народомъ, не совѣщанія гражданъ созываютъ туда и волнуютъ тысячи. Лобное Мѣсто не сторожатъ уже Царь Пушкою *, съ подобными ему исполнителями, обращенными для защиты Кремля, а иногда обращающимися и противъ него. Одна промышленность, одна мирная торговля оживляютъ здѣсь непрерывно дѣятельность, при неимоверномъ стеченіи народа. Здѣсь сосредоточилася торговля, не только всей Москвы, но и всего

* При описаніи арсенала скажемъ подробности о семъ лицѣ Московскомъ.

государства, а потому можно получить здѣсь понятие не только о духѣ Русскаго народа, но и о вліяніи столицы на всю имперію. Изрѣдка еще на Лобномъ Мѣстѣ является другое поразительнѣйшее зрѣлище, зрѣлище, котораго ни описать, ни представить на картинѣ невозможно, но надобно видѣть, когда крестный ходъ останавливается здѣсь для совершенія съ колѣнопреклоненіемъ торжественнаго молебствія. Едва заколеблются хоругви на Лобномъ Мѣстѣ, едва послышится пѣніе церковнаго клироса, и ярко заблестаетъ свѣча на подъятомъ вверхъ фонарѣ, какъ тысячи людей, досель шумныхъ, неукротимыхъ, какъ волны морскія, дѣлаются неподвижны, камѣньютъ, и тихо, въ умиленіи сердечномъ, возносятъ молебны свои къ престолу Всевышняго, съ возгласомъ церковнослужителей, блистающихъ золотыми парчами облачений, въ дыму оцѣма, какъ бы въ нѣкоемъ облакѣ.

Названіе *Лобнаго* встрѣчается въ лѣтописяхъ Русскихъ съ незапамятныхъ временъ, и судя по смыслу подобнаго слова въ Священномъ Писаніи, всегда означало оно *возвышенное мѣсто*, въ чемъ убѣждаетъ и самый видъ сего мѣста, котораго наименованію нѣкоторые напрасно придаютъ другое происхожденіе, толкуя, что тутъ найдены были лобъ, или черепъ человѣчскій. Это ни что иное, какъ подновленный разсказъ о Римской Капитоліи. Можно также, съ нѣкоторою вѣроятностію, предположить, что это названіе присвоено Итальянскими архитекторами, строившими Лобное Мѣсто, отъ Латинскаго слова, означающаго каведру, мѣсто, съ коего говорить народу.

Красная Площадъ въ древности не была такъ обширна, какъ нынѣ. Намъ извѣстно, что на ней находилось нѣсколько церквей и множество деревянныхъ домовъ частныхъ людей. Лѣтописи говорятъ, что нѣкогда богатый кузнецъ Тараканъ выстроилъ здѣсь, по правую сторону Спасскихъ воротъ, у стѣны Кремлевской, первый каменный домъ, бывший долго предметомъ удивленія Московскихъ жителей. Въ царствованіе Іоанна III-го очистилъ мѣсто около Кремлевской стѣны, но въ послѣдствіи предписаніе не наблюдалось, и въ царствованіе Алексѣя Михайловича подтверждено было вновь обывателямъ не строиться близко къ Кремлевской стѣнѣ. Но окончателное очищеніе площади послѣдовало послѣ Московскаго пожара 1812 года. Тогда сломали ряды, которые протягивались отъ Спасскихъ до Никольскихъ воротъ подлѣ Кремля, и лавочки на Спасскомъ мосту, черезъ Кремлевскій

ровъ, а также строенія около Василія Блаженнаго. Послѣ сего Красная Площадъ составляетъ теперь пространство, длиною 135 и шириною 75 сажень. Съ правой стороны, она простирается вдоль Кремлевской стѣны, а съ лѣвой почти всю длину ея занимаютъ ряды, обнесенные, въ 1815 году, великолѣпною колоннадою подлѣ одну крышу, такъ, что придавалъ украшенію площади представляли сами по себѣ какъ бы особенный городокъ, освѣщенный сверху слабымъ сіяніемъ солнца, съ улицами, переулками, разнородными строеніями, разнородными жителями. До 1786 года, когда лавкамъ дана первая вышнѣшная правильность и единообразіе, ряды представляли еще болѣе фантастическаго разнообразія, бывъ составлены изъ лавокъ съ противоположными товарами, одна подлѣ другой выстроенными, по вкусу и способамъ владѣльца, подобно тому, какъ недавно еще мы видѣли въ Лиссабонскомъ и Мадридскомъ театрахъ ложи, также украшенные по вкусу, знатности и богатству паемщика, что составляло нестрогу пріятную, даже очаровательную для глазъ Европейца.

При отдѣльномъ изображеніи Гостиного Двора, мы означимъ читателямъ короче съ нимъ любопытнымъ по многимъ отношеніямъ зданіемъ, и не менѣе любопытными его обычаями и обиховеніями; заглянемъ въ Русскія рестораціи и кофейни, гдѣ за чашкою чаю заключаются всѣ сдѣлки, оптовыя и мелочныя, и кипѣтъ общій взглядъ на торговлю Москвы и купеческое званіе. Въ тоже время представимъ читателямъ подробное описаніе великолѣпнаго памятника изъ бронзы Минину и Пожарскому, который служитъ душнымъ и достойнѣйшимъ украшеніемъ Красной Площади. А на сей разъ ограничимся замѣчаніемъ, что вѣдь было лучше избрать мѣста для памятника спасителямъ отечества, какъ по срединѣ Красной Площади, что есть почти тоже, что посреди Россіи. Славному вѣку Александра предоставлена была честь оцѣнить подвиги сихъ героевъ-благодѣтелей отечества, черезъ 200 лѣтъ выражалъ священную дань признательности потомства нѣсколькими словами начертанными на гранитномъ подножкіи памятника: «Гражданину Минину и Князю Пожарскому благодарная Россія.»

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дюро де-ла Мамъ читалъ въ Парижской Академіи любопытную записку (Юля 9, 1838 г.) объ употребленіи драгоценныхъ металловъ въ древности. Онъ доказываетъ, что первый металлъ, который узнали люди, былъ *золото*, и приписываетъ это тому, что его легче другихъ было добывать промыскою изъ песку и получать въ самородкахъ, нежели въ другіе металлы. Далѣе, что употребленіе серебра вездѣ показывается уже вторую степень образованія народовъ, и что количество золота къ серебру въ обращеніи у Древнихъ было съ Пелопоннесской войны до Александра Великаго, какъ 1 къ 10-ти, а въ Византіи, въ IV и V вѣкахъ, какъ 1 къ 18-ти; средняя-же цѣнность работы и хлѣба отъ Перикла до Александра была третью только ниже нынѣшней цѣнности, а отъ Веспасіана до Юстиніана почти равнялась съ нынѣшнею.

Г-въ Галлери, миссіонеръ, пишетъ изъ Макао, что тамъ 26 Января 1858 г., въ 9 часовъ вечера, замѣчено было рѣдкое явленіе — *сверное сіяніе*. Центръ его явился около 20° С. З., вышина до 10° отъ горизонта, ширина 15°. Китайцы почли это явленіе восходомъ мѣсяца, и дивились, что луна подымается съ сѣвера.

Аптекарь Энджонъ представилъ Британскому Обществу распространенія знаний обращикъ новаго состава, который случайно образовался въ лекарствѣ, составленномъ изъ поташа и йода, разведеннаго въ перегнанной коричневой водѣ, и потому названъ имъ *шиномаль*. Онъ представляется въ видѣ продолговатыхъ призмъ бронзоваго цвѣта, таетъ при 63° Ф., разводится въ алкоголь и эфиръ и разлагается въ водѣ.

Писать о странномъ феноменѣ естественнаго электричества: 25 Января 1837 года, во время сѣвернаго сіянія, жена лекаря живущаго въ Сѣверныхъ Штатахъ, въ городѣ Оксфордъ, въ области Нью-Гампширъ, г-на Гасфорда, женщина слабаго, первичскаго сложенія, ведущая жизнь сидячую и имѣющая около 30 лѣтъ отъ роду, бывши притомъ около двухъ лѣтъ больна ревматизмомъ, вдругъ почувствовала какое-то необыкновенное чувство, какъ будто ее обдавали горячею водою.

Послѣ сего начала она издавать изъ тѣла своего сильныя электрическія искры; иногда въ одну минуту производила она по четыре огромныя искры, въ 1½ дюйма длиною, для чего подлежало ей только изолировать себя отъ окружающихъ ее предметовъ. Она не ощущала притомъ никакой боли и страданія. Но съ выздоровленіемъ ея, электричество въ ней уменьшалось, и когда въ Маѣ того же года оно совершенно прекратилось, г-жа Госфордъ чувствовала себя уже совершенно здороваю.

Англійскій шлюпъ *Клейвъ* плывъ въ Бомбей по Персидскому заливу, въ Августъ сего года; бывшіе на немъ моряки неожиданно однимъ вечеромъ увидѣли, что волны вокругъ судна пѣхъ побѣлѣли, какъ будто превратились въ молоко, отсвѣчивалось нѣсколько вдали, а вблизи являлся совершенно бѣлыми матовыми. Почерпнутая въ ведро, вода морская не показывала притомъ никакого различія отъ ея обыкновеннаго состоянія, и когда болтали ее въ ведрѣ, она становилась обыкновенно блестящею. Больше пятнадцати миль плывъ такимъ образомъ шлюпъ по *молочному морю*. Причины этого измѣненія цвѣта морской воды остались неизвѣстными.

Г-нъ Круанъ, Французскій консулъ въ Бразиліи, прислалъ въ Парижскій Jardin des plantes весьма рѣдкое животное — *тапира*, а отъ Петит-Туара, командира фрегата Венера, паблудающаго за Французскими китоловами въ Южномъ морѣ, получены также рѣдкія растенія: Калифорнская сосна, Монтерейскіе каштаны, луковницы, употребляемыя дикарлами, вмѣсто мыла, орѣшникъ тун-тунъ съ Саидвичевыхъ острововъ, Мексиканское алоэ и Арауканская сосна.

Въ Валоньской округѣ, во Франціи, найдена форма, въ которую выливались древнія Галльскія мѣдныя сѣкиры. Такая форма была уже найдена прежде въ Брисбекскомъ лѣсу, въ 1827 году, и хранится въ Шербургской бібліотекѣ.

Въ засѣданіи Парижской Академіи, 10-го Сентября, читано извѣстіе г-на Десевра, инженера въ службѣ Паши Египетскаго, о древнихъ Египетскихъ артезианскихъ колодцахъ, остатки коихъ видны въ оазисахъ, и особенно въ оазисѣ Т. V. — Отд. VI. 2

Оивскомъ. Многіе изъ нихъ теперь различены, и при различіи въ одномъ изъ нихъ пайдены рыбы. Предполагается заняться бураленіемъ такихъ колодезь вновь, какъ важнымъ средствомъ оплодотворить страну, сожигаемую солнцемъ.

Въ Техасѣ пайдены глыбы самороднаго желѣза, присутствіемъ никкеля и своими свойствами доказывающія свое воздушное пронохождение, и то, что онъ нѣкогда упали изъ воздуха, подобно желѣзнымъ аэролитамъ, въ Сибири пайденымъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Во Франціи составилось общество для добыванія горючей сѣры съ известной Гваделупской горы Souffrière. Этимъ прекратится тягостная для Европы монополія, ибо доньше почти всю Европу довольствовало сѣмъ необходимымъ въ общекити веществомъ Сицилія.

Отсюда ищутъ теперь о желѣзныхъ дорогахъ, паровозахъ и пароходахъ. Вотъ нѣсколько новостей по сей части: Сентября 17-го открыта для проѣзда вполнѣ желѣзная дорога между Лондономъ и Бирмингемомъ, на протяженіи 112½ миль (около 200 верстѣ). Это пространство пролетѣли паровозы въ 4½ часа. — Сентября 18-го была проба желѣзной дороги изъ Берлина въ Потсдамъ, отъ сего послѣдняго мѣстечка до Целендорфа; ее откроютъ 22 числа. — Ичислено, что въ прошедшемъ году проѣхало по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ въ Бельгій 1,584,576 человекъ, и сборъ съ нихъ составилъ 1,416,982 франка. Въ первые три мѣсяца сего года было проѣзжающихъ 321,587, а сборъ съ нихъ 397,295; вторые три мѣсяца проѣзжающихъ 590,409, а сборъ съ нихъ 788,284, и въ Июль мѣсяцъ сборъ 300,508 франковъ, хотя никакой новой дороги во все это время не было открыто. — Во Франціи, по Севъ-Жерменской дорогѣ, въ одинъ годъ, считая съ открытія оной по 25 Августа 1838 года, проѣхало 1,373,596 человекъ, и сборъ составилъ 1,550,144 франка. Протяженіе сей дороги составляетъ 18,400 метровъ. По сравненію съ дорогою изъ Брисселя въ Миланъ (21,000 метровъ), выходитъ, что каждый километръ даетъ во Франціи 84,247 фр. въ годъ, а въ Бельгій 17,114 фр. — Протяженіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Бельгій составляетъ 256,000 метровъ. — Въ

Ливерпулѣ положено отъ Общества Атлантическаго пароходства постоянно каждый мѣсяцъ отправлять пароходы въ Америку. Требованій на мѣста открывается такое множество, что на пароходъ Great-Western, доженствовавшемъ отправиться 8 Сентября, всѣ 130 мѣствъ напередъ были заняты, и многіе давали по 20 гиней (500 рублей) за уступку билета; съ 87 пассажиромъ изъ Америки и 130 изъ Англіи (считая по 40 гиней въ первомъ и 25 гиней во второмъ мѣствѣ) сборъ составилъ 8,000 ф. ст., кроме 200 тоннъ груза, который помѣщается на Great-Western. По имени сего парохода названо теперь огромнѣйшее заведеніе бумагопрядильное и ткацкое, устроенное подлѣ Бристоля. Зданіе для него воздвигнуто въ пять этажей; 90 оконъ составляютъ фасъ его, и двѣ паровыя машины, каждая въ 80 силъ, находится на семь заведеній; ихъ колеса вѣсятъ по 45 тоннъ каждое. Въ ткацкой поставлено 1000 станомъ, на которыхъ въ недѣлю вырабатывается 180,000 ярдовъ миткаля; болѣе 4000 рабочихъ находится на этомъ исполнскомъ заведеніи.

Изъ Алжира привезены пробы тамошней хлопчатой бумаги; она оказывается столь превосходной доброты, что за 100 кил. ея давали по 180 фр., когда Левантская продается за 100 кил. по 172 фр.

Аббатъ Митродъ, президентъ Линнеевскаго Общества въ Верхне-Віенскомъ департаментѣ, открылъ, что черви отъменно любятъ дерево бересклетъ (hysaine), такъ, что если обсадитъ какой шибудь садъ этимъ деревомъ, то они соберутся на сію живую огороду, и не стануть вредить никакимъ другимъ деревьямъ въ саду.

Г-нъ Макингошъ предложилъ Обществу спасенія погибающихъ въ кораблекрушеніяхъ изобретенную имъ лодку изъ каучука, или резинпластика. Такую лодку легко сложить и нести подъ рукою, но если надуть ее, то она можетъ вмѣстить въ себя десять человекъ. Общество обратило на сію изобрѣтеніе особенное вниманіе.

На Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ была выставка произведеній, и посетители Выставки не могли наобо-

ваться излеществомъ произведеній, отдѣлкою, живописью ихъ, и пригомы дешевизною многихъ. Выставка эта доказала, что нашъ фарфоръ, по всему, не уступитъ никакому драгоцѣнному фарфору иностранному.

По 20-е Сентября, пришло въ Кронштадтъ со времени открытїа навигаціи 1215 кораблей, а отправилось изъ Кронштадта 1,035.

Цѣнность всѣхъ товаровъ, привезенныхъ на Нижегородскую ярмарку сего года, полагають до 166-ти миллионъ рублей. Въ семь числъ, привезенныхъ изъ Бухары товаровъ было на три, изъ Персіи и Грузїи на два миллиона, холщеваго товара на восемь, шелковаго и полушелковаго на 12½, мѣховаго на 12½, желѣза, мѣди и чугуна на 22, хлопчато-бумажнаго товара на 32½, шерстянаго на 12½, цыпковокъ и рогожь на миллионъ, колониальныхъ товаровъ на 20-ть, чаю и другихъ Китайскихъ товаровъ на 18-ть слишкомъ миллионъ.

Русская юоть, извѣстная въ иностранныхъ государствахъ своею добротою, составляетъ весьма значительную статью отпускной торговли Россїи. Хотя она повсюду весьма цѣнится, однако же изъ чужихъ краевъ доходить извѣстія, что красивый цвѣтъ ея не проченъ.

По важности сего предмета для Русской промышленности и торговли, Департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, по приказанію Его Сїятельства Г. Министра Финансовъ, объявилъ, что тому, кто на будущую въ 1859 году выставку издѣлій мануфактурной промышленности въ С. Петербургъ представитъ образцы легкой юоти, прочно окрашенной, не только въ красный, но и въ разные другіе цвѣта, съ тѣмъ чтобы юоть сохранила свойственный ей запахъ и другія качества, присуждена будетъ премїя въ 2,000 руб., или иная приличная награда, по усмотрѣнію Правительства, съ тѣмъ, чтобы представившїй образцы сообщилъ подробное описаніе способа выдѣлки и окраскїи юоти для всеобщаго свѣдѣнїя.

Статистика и Географїя.

Въ прошломъ году, считалъ съѣхавшихъ на праздникъ пасхи, число жителей въ Римѣ простиралось до 156,552 человекъ; нынѣшній годъ въ тоже время оно не превысило 148,903-хъ.

Сумма всѣхъ привезенныхъ въ Россїю товаровъ, въ 1836 году, составляла (считая привозъ изъ царства Польскаго и Финляндіи) 237,231,204, а въ 1837 году 231,757,177 рублей, а вывезенныхъ, въ 1836 году 283,748,233, въ 1837 году 264,485,160 рублей.

Сумма обращающейся во Франціи мѣдной и мелкой серебряной монеты низкаго достоинства составляетъ 65 миллионъ франковъ; въ семь числъ монетъ въ одно и два су 50, лярдовъ, шести лярдовъ и сантимовъ 15 миллионъ. Весь сїй капиталъ имѣть цѣнность условную, ибо истинное достоинство всей этой монеты ниже ея ходячей цѣнности.

Въ 1737 году, въ Тосканѣ считалось жителей до 890,600, а въ 1836 году до 1,436,785; изъ сего числа живутъ во Флоренціи и уѣздѣ ея 671,857. Священниковъ считаютъ въ Тосканѣ до 8,757, монаховъ 2,540 и монахинь 3907. Жителей не Католическаго исповѣданїя 10,396; въ томъ числѣ жидовъ 6,486. Въ 1835 году, во Флоренціи было жителей до 97,548. Доходы герцогства, въ 1830 году, составляли болѣе 25 миллионъ лиръ; въ томъ числѣ лотереи приносили 2,686,466, табачный откупъ 1,564,000, билльярный 6,835. Въ Тосканѣ считаютъ 202 монастыря. Университетовъ два, изъ коихъ въ Пизанскомъ студентовъ 545, въ Сиенскомъ 245.

Число ассїгнацій, находящихся въ оборотѣ въ Россїи, въ 1837 году составляло сумму 595,776,310 рублей.

Число заведенныхъ постоянно въ Парижѣ конторъ омнибусовъ простирается до 16, которые отпускають ежедневно по 409 экипажей; каждый экипажъ платитъ помилїи до 300 франковъ въ годъ, и круглымъ числомъ возитъ въ день по 100 сѣдокъ, а всѣ вмѣстѣ дѣлають выручки болѣе 12,000 франковъ ежедневно.

Любопытно, что народонаселенїе городовъ въ Швеціи составляетъ самую малую часть общаго населенїя государства. Оно не превышаетъ 279,445 человекъ, и изъ сего числа въ Стокгольмѣ живутъ 79,173, а въ Готенбургѣ 26,702.

Вотъ исчисленіе плавившаго Англійскаго флота и распределение его: *линейныхъ кораблей*, въ Ширессъ, Портсмуть и Плимуть 53 (9 въ 120, 3 въ 104, 11 въ 84, 2 въ 78, 1 въ 76, 20 въ 74 пушки); въ разныхъ назначеніяхъ 20, какъ-то: 7 въ Средиземномъ морь, 2 въ Лиссабонъ, 1 въ Канадѣ, 1 при Мысъ Доброй Надежды, и т. д. (изъ сего числа 1 въ 120 пушекъ, 1 въ 110, 1 въ 104, 1 въ 92, 1 въ 84, 2 въ 80, остальные въ 74). Приготовлено къ спуску съ верфей 4 корабля (2 въ 92, 2 въ 80 пушекъ, всего лин. кораблей 77. Фрегатовъ отъ 52 до 50 пушекъ 16, отъ 46 до 42-хъ 50, отъ 36 до 26—21. Всего фрегатовъ — 87. Корветовъ, шкумпъ и бриговъ, отъ 26 до 16 пушекъ—46; малыхъ бриговъ, шкумпъ и кутеровъ, отъ 10 до 3-хъ пушекъ, 29; пароходовъ 10.

Въ первой половинѣ сего года получено съ Сибирскихъ, казенныхъ и частныхъ заводовъ, золота 135 пуд. 6 ф. 92 з, платины 60 пуд. 8 ф. 73 з. 18 долей.

П У Т Е Ш Е С Т В И Я.

И другая экспедиція Французовъ не имѣла успѣха: послѣ 10-ти-дневнаго пребыванія на Шницбергенъ, капитанъ Гемарль, принужденный льдами отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій, возвратился въ Гаммерестъ 12-го Августа.

Англичанинъ Бекъ успѣлъ перелезти изъ Иерусалима въ Иерихонъ лодку, спустилъ ее на Мертвое море, и вопреки суевѣрію туземцевъ, плывалъ по немъ во всехъ направленіяхъ, вымѣривъ глубину его и снявъ карту берегамъ. Онъ утверждаетъ, что озеро это 500-Англ. футовъ ниже Средняго моря.

Англичанинъ Гамилтонъ взошелъ на гору Аргеусъ, что близъ Кесарен; вершины ея покрыты снѣгомъ, а высота оказалась 13,100 футовъ отъ уровня морскаго.

Француженка, дѣвица Данжеваль, 4 Сентября взошла на Монбланъ и благополучно достигла его вершины. Жители Шамунской долины встрѣтили ее потомъ съ восторгомъ, стрѣляя изъ пушекъ, и толпы шли за нею повсюду, изумляясь ея смѣлости. Другое любопытное восхожденіе совер-

шилъ сынъ маршала Нея: 11-го Августа онъ взошелъ на вершину Виемалы, высочайшей изъ Пиринійскихъ горъ; вершину ея составляетъ кратеръ; наполненный льдомъ; высота отъ уровня моря 3400 метровъ.

Зрѣлища и Музыка.

Спонтини взялся учредить въ Лондонѣ Нѣмецкую оперу, и подѣ своимъ смотрѣніемъ поставить на сцену десять оперъ: Глюковы Иогенію въ Тавридѣ и Альцесту; Моцартовъ Свадьбу Фигаро и Волшебную флейту; Веберовъ Фрейшюца и Эврианту, и свои оперы — Фердинанда Кортеца, Весталку, Нурмагалу и Агпсеу Гогенштауфенъ. Шредеръ-Девриантъ соглашается ѣхать въ Лондонъ.

Общее мнѣніе: Валдерки не поправились въ Парижѣ, не смотри, что онѣ красавицы и изумляютъ бѣшенствомъ своихъ плясокъ. Не удивляемся: къ нимъ, какъ къ нашимъ Цыганкамъ, надобно привыкнуть, надобно постигнуть эту вакхическую, сумасшедшую пляску, не подходящую ни къ какимъ вычетамъ искусства. Впрочемъ, любопытство Парижанъ щедро заплатило Индѣйскимъ плясуньямъ. Смотрѣть ихъ сбѣгались тысячи. Теперь перебиваютъ ихъ въ Лондонѣ, съ условіемъ: заплатить за 14 мѣсяцевъ 5000 ф. ст. (125,000 рублей). Впрочемъ, онѣ не побоятся и нашихъ холодовъ, и придутъ къ намъ.

Осенніе спектакли начались въ Петербургѣ — Мельпомена плачетъ, Тамія смеется, а иногда и на оборотъ. Впрочемъ, поодѣстей никакихъ, и главная новость Таіони: при первомъ появленіи ее вызвали девять разъ. — На Александринскомъ театрѣ играютъ главную роль старые знакомицы: «Студентъ хористъ, артистъ, аферистъ, Ложа 1-го яруса, Гамлетъ, Уголино,» и проч. — Зима, какъ говорятъ, обещаетъ богатую жатву новостей. — Сентября 8-го давала концертъ Шведскаго виртуозка, дѣвица Уггя. Она пѣла и играла на фортепіано.

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я.

О чемъ прикажете васъ скорѣе извѣстить? О томъ ли, что печатается второй томъ *Курса Математики* Франкера; что книгопродавецъ А. Ф. Фарикдъвъ готовитъ *миниатюрное*, пре-

мное изданіе *Басень Хеллншера*; что Ансильопова книга *Изображеніе первороты въ политической системѣ Европейскихъ государствъ* переведена, и печатается г-мъ Песоцкимъ, иль... Предвистуемъ вашъ отвѣтъ: скажите намъ самое любопытное для насъ, самое интересное для всѣхъ --- будутъ ли альманахи?

Извольте, Мм. Гг.—

Слышно, что альманаховъ будетъ нѣсколько; что Н. В. Кукольникъ издаетъ изящный *литературно-художественный* альманахъ; что А. Θ. Воейковъ печатаетъ уже второй томъ своего *Сборника*, гдѣ будутъ участниками всѣ лучшіе и многіе известные литераторы наши. Но покажемъ достоверно вѣдомо намъ только объ альманахѣ *Утренняя Заря*. Подъ симъ заглавіемъ выйдетъ въ нынѣшнемъ году альманахъ, собранный В. А. Владиславевымъ. За содержаніе его ручаются имя и доказанный вкусъ и умѣнье выбирать почтеннаго Издателя. *Четыре картинки*, къ альманаху прилагаемыя --- превосходны: ихъ дѣлали въ Англіи художники, известные работами своими въ Англійскихъ *журналахъ*, а предметы ихъ дороги Русскому сердцу тѣмъ, что они *Русскіе*; видъ утренней зари въ Петербургъ и памятникъ Петру Великому; видъ Кіевскаго Крещатика; картина Бруни: «Моленіе о чашѣ»; столь известная эпитафія; статуя Венеры Таврической. Форматъ альманаха будетъ гораздо болѣе издавнаго г-мъ Владиславевымъ въ прошломъ году.

Читатели наши, конечно, видѣли уже въ Сѣверной Пчелѣ объявленіе объ изданіи А. Ф. Смирдинымъ весьма любопытной книги: *Сто Русскихъ литераторовъ*, которую также можно считать альманахомъ, если новость содержанія, разнообразіе его, выходъ книги къ новому году и великолѣпіе изданія даютъ право на такое названіе. Впрочемъ, зтогъ *альманахъ* печатается въ большую восьмушку, а изданіе его будетъ замѣчательно въ нашей литературѣ великолѣпіемъ: *десять* портретовъ Русскихъ поэтовъ и прозаиковъ, *десять* картинокъ, и все это писано лучшими художниками (братьями Брюловыми, Зеленцовымъ, Ладорперомъ, Демидовымъ, Сапожниковымъ, Дезарно), гравировано известными граверами въ Лондонѣ, и тамъ оттиснуто на лучшей Англійской бумагѣ. Картинки изящны, а портреты отличаются сходствомъ: *Пушкинъ, Марлинскій, Давыдовъ, Свиньинъ, Кукольникъ, Князь Ша-*

ховской, Двица-Кавалеристъ, Р. М. Зотовъ, Баронъ Брамбеусъ и Полевой --- какъ живые! Портреты нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ нами литераторовъ являются въ первый разъ (Марлинскаго, П. П. Свиньина, Н. В. Кукольника, Двицы-Кавалериста, Р. М. Зотова, Барона Брамбеуса, Полеваго). Книга печатается на лучшей веленовой бумагѣ. Обращаясь къ *содержанію*, скажемъ, что оно будетъ разнообразно, а любопытно ли, судите по тому, что здѣсь прочитаемъ мы *последнія* сочиненія *Пушкина* и *Марлинскаго*, и сочиненія такіа, которыя заставятъ вздохнуть о потерѣ, незамѣненной до сихъ поръ никѣмъ: драматическія сцены *Пушкина*. *Каленный Гость* --- прелестны; отрывокъ, или *Глава изъ неоконченнаго романа*, показываетъ превосходную идею, на которой Пушкинъ хотѣлъ основать романъ свой. --- *Мулла-Нуръ* (окончаніе известной повѣсти) Марлинскаго, едва ли не лучше, что онъ написалъ. Начало повѣсти *Местъ*, блестящее остроуміемъ, брызжущее искрами эпитафий --- очеркъ большаго свѣта, въ родѣ того, какимъ начинается Фрегатъ Надежда. *Сонъ*, стихотвореніе Марлинскаго --- это грустная дума души поэта. Наконецъ --- *Іоаннъ Антонъ Лейбовицъ*, большая драма Кукольника, гдѣ ярко и глубоко изобразилъ онъ гениальнаго челоука, создавашаго *Юлія Тарентскаго*, и обставилъ его живыми картинами жизни, и рассказы *Д. В. Давыдова* (*Тильзитъ въ 1807 году*), гдѣ рисуются исполнскіе образы *Блага* --- *Александръ* и *Наполеонъ*, кровавыя битвы и свиданіе двухъ великановъ Исторіи въ Тильзитѣ --- вотъ *семь жемчужинъ*, которыми будетъ красоваться альманахъ А. Ф. Смирдина. Но кромѣ того, любопытно будетъ прочесть; забавную сатирическую статейку о *головахъ* и *книгахъ* Барона Брамбеуса; замѣчательный драматическій очеркъ жизни *Меньшикова*, П. П. Свиньина; уморительную и презлую *повѣсть Брамбеуса*, и повѣсти: Двицы-Кавалериста (*Спринтъ Клоуна*), Князя А. А. Шаховскаго (*Маруся*, *Махороссійская Саба*), Р. М. Зотова (*Пріездъ Вице-Губернатора*) и Полеваго (*Дуротка*), который кромѣ того общается поговорить что-то о *бумагахъ* и *замѣткахъ*, оставшихся по кончинѣ *Петра Великаго* въ его собственномъ кабинетѣ? --- Послушаемъ, чѣмъ пошутитъ Баронъ Брамбеусъ; что такое расскажутъ Авторъ *Аристофана*, Двица-Кавалеристъ, Авторъ *Леониды* и столь многихъ другихъ романовъ, а также Историкъ Петра Вели-

каго (П. П. Свиньинъ) и Авторъ *Аббадонны*. Мы предвари- тельно благодаримъ уже А. Ф. за это новое литературное предпріятіе его, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ.

Иностранная Литература.

51. G. W. F. Hegel Werke, vollständige Ausgabe, durch einen Verein von Freunden des Verewigten (*Полное собраніе сочиненій Г. В. Ф. Гегеля*, издаваемое обществомъ друзей незабвеннаго). Берлинъ, 1832—1837 гг., 17 томовъ, въ 8. Издатели: Мишеле, Шульце, Генингъ, Гапсъ, Гото, Маргейнеке, Ферстеръ и Бауманъ. Вотъ содержаніе вышедшихъ томовъ: 1, Philosoph. Abhandlungen; 2, Phä- nomenologie der Geistes; 3, 4, 5, Wissenschaft der Logik; 8, Grundlinien der Philosophie der Rechts; 9, Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte; 10, Vorlesungen über die Aesthetik; 11, 12, Vorles. über die Philos. der Religion; 13 Vorles. über die Geschichte der Philo- sophie; 16, 17, Vermischte Schriften; 6 и 7 томы печатаются.

52. A. F. E. Langbein, sämtliche Schriften (*А. Ф. Э. Лангвейна, полный сочиненій*). Стутгартъ, 1837, 1838 гг. 31 томъ, въ 12. — Пять томовъ стиховъ и 26-ть романовъ, повѣстей, и проч.

53. I. C. Lavater, sämtliche Werke. (*И. К. Лафатера полный сочиненій*). Аугсбургъ, 1834—1838 гг., въ 8. Вышло пять томовъ; въ 4-хъ, Jesus Messias, oder Evang. und Apostelg. in Gesängen; въ 5-мъ, Jesus Messias, oder die Zukunft des Herrn.

54. G. W. Leibnitz, deutsche Schriften. (*Г. В. Лейбница, сочиненія, писанныя на Немецкомъ языкѣ*, изд. Г. Э. Гурауеромъ). Берлинъ, 1838 г. 2 т. въ 8.

55. Luther's sämtliche Werke. (*Полное собраніе сочиненій Лютера*, изданное въ одномъ томѣ Г. Финцеромъ). Франкфуртъ, 1837, 1838 гг. въ бол. 8. — Компактное изда- ніе тетрадами.

56. Moses Mendelsohns, sämtliche Werke. (*Полное собраніе сочиненій Моисея Мендельсона*, въ одномъ томѣ). Вѣна, 1838 г. — Компактное издавіе тетрадами.

57. Bibliotheca Sacra Patrum Ecclesiae Graecorum. Лейп- цигъ, 1829 — 1838 гг. въ 12 д. Данынъ издавы: *Иосифъ*

Глайи полный, Рихтеромъ, 6 томовъ; *Филонъ Гуделанъ* полный, нѣ-же, 8 томовъ; *Климентъ Александрийскій* пол- ный, Клоцкомъ, 4 тома; *Оригенъ* полный, Ломмачемъ, томы отъ 1-го до 7-го.

58. Freytag G. W. Lexicon Arabico-Latinum, ex Dje- nharii Firuzabadique Golii quoque et aliorum libris confectum, aeced. Index Vocum Latinorum. Гаме, 1830 — 1838 гг. въ 4, четыре огромные тома.

59. Marbach G. O. über moderne Literatur in Briefen an eine Dame. (*Письма къ дамѣ о новейшей Немецкой ли- тературѣ*, соч. Г. О. Марбаха). Берлинъ, 1836 — 1838 гг. — Поесть вступленія, авторъ разбираетъ Менцеля, Берне, Гейне, Гутцкова, Вепларса, Лауба, Кине (Kühne), Ленау.

60. L. von Orlich, Briefe aus England über die Zeit von 1674 bis 1678. mit Vorworte von F. von Raumer (*Л. фонъ Орлиха, Письма изъ Англіи, о событіяхъ съ 1674 по 1678 годъ, съ предисловіемъ Раумера*). Берлинъ, 1837 г. въ 8.

61. Beschreibung der Stadt Rom. (*Описаніе Рима*, со- ставляемое Э. Платнеромъ, К. Буцземомъ, Е. Гергардомъ, В. Рестелемъ, съ приложеніемъ Нибура). Стутгартъ, 1829 — 1837 гг., въ 8. Вышло три тома, и при нихъ атласъ и картины въ листъ, 25 листовъ.

62. L. Ranke, zur Geschichte der italienischen Poesie (*Матеріалы для исторіи Итальянской поэзіи*, собр. Л. Ранке). Берлинъ, 1837 г. въ 4.

63. Geschichte der europäischen Staaten. (*Исторія Ев- ропейскихъ государствъ*, издаваемая А. Г. Л. Гереромъ и Ф. А. Укертомъ). Гамбургъ, 1830-1837 гг. въ 8. Число томовъ неопредѣленно. Исторія каждаго государства продается от- дѣльно. Данынъ вышли: Исторія Саксоніи, *Беттинера*; Шве- ции, *Гейера*; Нидерландовъ, *Каммена*; Испаніи, *Асмитъ*; Англии, *Лаппенберга*, Итальянскихъ государствъ, *Лео*; Ав- стріи, *графъ Майлата*; Германцевъ, *Пфистера*; Португаліи, *Шефера*; Франціи, *Шидта*; Пруссіи, *Штенцеля*; Россіи, *Штраля*. Почти ни одна не кончена вполне, и некоторыя суть самыя пустыя компіляціи, какъ то, на примѣръ, Исторія Русская Штраля. За то сочиненія Беттинера, Гейера, Лап- пенберга, Лео превосходны.

64. Heinsius, Teut oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft. Лейпцигъ, 1826, 1837 гг. въ 12, 6 частей. — Весьма полезная книга для изученія Нѣмецкаго языка и литературы.

65. Hoffmann A. G., die Apokalyptiker der älttern Zeit unter Juden und Christen. Uebersetzung mit Commentar u. Einleitung. Лена, 1835 - 1838 гг., въ 8. Вышли двѣ части, гдѣ помѣщена апокрифическая книга. Эпоха.

66. K. Raumer, der Zug der Israeliten aus Aegypten nach Sanaan. Лейпцигъ, 1837 г. въ 8. Весьма любопытное изслѣдованіе.

67. History of Greece (*Исторія Греціи*). Соч. Тирвалла составляющая 103-ю часть Лерднеровой Cabinet Cyclopaedia, часть 5. Лондонъ, 1838 г.

68. Leila, or the Siege of Granada. (*Лейла, или Осада Гренады*). Новый романъ Бульвера). Лондонъ, 1838 г. Великолепное изданіе, съ 15 превосходными гравюрами и портретомъ.

69. Encyclopaedia Britannica. Любопытно, что этой огромной и превосходной книги печатается вдругъ два изданія, и теперь издаются въ одно время; седьмого томы 17, 97, 99, 101, 104, и полнаго новаго томъ 4-й.

70. Works of Arts and Artists in England (*Произведенія Художества и Художники въ Англіи*). Соч. Ваарена, Дир. Берл. Академіи). Лондонъ, 1838 г. 3 тома, въ 8.

71. Rheinsagen. (*Рейнскія преданія*). Соч. К. Симрока. Боннъ, 1837 г. — Весьма любопытное собраніе преданій и балладъ, какія слышалъ авторъ между жителями Рейна.

72. A practical Treatise on rails-roads and interior communication in general, by Nicholas Wood. Лондонъ, 1838 г. *Третье изданіе*.

73. A. Treatise on Roads, by Th. Telford. Лондонъ, 1838 г. — *Второе изданіе*.

Объ эти книги любопытны, когда теперь все говоритъ о желѣзныхъ дорогахъ.

74. A. Erman, Reise um die Erde. (*А. Эрмана, Путешествіе вокругъ свѣта, черезъ Сѣверную Азію и оба великіе Оксана, въ 1828 - 1830 гг.* Берлинъ, 1835 - 1838 гг., въ 8, три тома и атласъ.

75. Hammer-Purgstall, Geschichte des osmanischen Dichtkunst. (*Гаммера-Пургсталля, Исторія Оттоманской Поэзіи*, гдѣ разобрано больше 2200 поэтовъ Турецкихъ). Пестъ, 1836, 1837 гг., въ 8, 3 тома.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Въ дополненіе того, что сказано выше, въ извѣстіяхъ изъ Испаніи, вотъ еще описаніе *Морелли*, имя которой видно теперь во всѣхъ журналахъ и газетахъ: «*Морелль* лежитъ въ сѣверной части Каstellонской провинціи, при небольшой рѣкѣ Берчантесъ, въ 24 Испанскихъ миляхъ отъ Валенціи. Округа этого города простирается отъ Беллугін до Поплеты де-Алкала, на 8 миль. Вся сія страна гориста, и имѣетъ только одну равнину, по имени *Молль*, въ разстояніи трехъ четвертей часа отъ Морелли. Воздухъ тамъ вездѣ чистый, но по большей части холодный. Отъ равнины Молль до Морелли мѣстоположеніе чрезвычайно живописно. Посреди холмовъ и узкихъ проходовъ возвышается довольно крутая гора, окруженная башнями и валами, за которыми расположенъ городъ. Дома построены въ видѣ амфитеатра; на вершинѣ горы находится неприступная цитадель. Путь, ведущій къ Морелли, чрезвычайно затруднителенъ; въ самомъ городѣ находятся превосходные ключи; въ жизненныхъ припасахъ нѣтъ недостатка; мѣстоположеніе вообще очень здоровое. Торговля жителей заключается преимущественно въ крашенныхъ шерстяныхъ платкахъ, и въ мапильяхъ, извѣстныхъ въ цѣлой Испаніи подъ именемъ Morellana's». — Сообщаемъ новѣйшее описаніе мѣста, которое также знаменито теперь несомнѣяемою блокадою Французовъ, именно, описаніе города Веракруса и крѣпости его: «Городъ *Веракрусъ* построенъ на пещаной, неплодородной и невоздѣланной равнинѣ; на югъ находится болота; въ направленіи къ сѣверу идетъ большая дорога въ Мексико. Сильными вѣтрами съ пещаной равнины заноситъ городъ пескомъ. Онъ расположенъ у самаго берега полукругомъ. Съ сѣверной стороны окруженъ онъ стѣнами, въ 10 футовъ вышиною и до четырехъ шириною. Надъ стѣнами возвышаются шесть четырехугольных бастіоновъ; два другіе прикрываютъ своими баттарелми (въ десять орудій) входъ въ гавань. Дома все каменные, крѣпкіе; улицы широкія, прямыя и хорошо вымощены. Городъ имѣетъ трое воротъ, отъ 12 до

15,000 жителей, и обыкновенно 1200 человекъ гарнизона, состоящаго изъ туземцевъ, обитателей прибрежныхъ странъ. Перель самымъ городомъ, въ 400 саженьхъ отъ берега, находится островъ, или, лучше сказать, скала, на которой лежитъ крѣпость Санъ-Жуанъ-д'Улоа. Она имѣетъ видъ прямоугольника, съ четырьмя сильными бастіонами и тремя рavelинами, снабжена рвами, покрытыми пулями, палисадами, гласисомъ и вообще способна къ чрезвычайной оборонѣ. Съ южной стороны крѣпости вода столь глубока, что доволно большія суда могутъ подходить на половину кабельтова къ валу, вышиною отъ 35 до 40 футовъ. Однакожъ, доступъ къ валу можетъ быть очень легко уничтоженъ заостренными балками, изъ особеннаго, совершенно чернаго и чрезвычайно твердаго дерева. Эти балки укрѣпляютъ подъ водою цѣпями и канатами, такимъ образомъ, что оконечности ихъ выдаются изъ воды на 1, или $1\frac{1}{2}$ фута. Со всѣхъ другихъ сторонъ крѣпость окружена скалами, между которыми проведены только два узкіе канала, одинъ для прохода большихъ кораблей, на сѣверъ, а другой, менѣе широкій и глубокий, на юго-востокъ. Въ обонхъ проходахъ атакующія суда подвергаются огню съ батарей, не имѣя возможности отвѣчать, потому, что нѣтъ нельзя повернуть бортомъ къ крѣпости. На юго-востокъ ея находится четырехугольная башня въ 80 футовъ вышиною; съ нея можно обозрѣвать гавань, рейдъ, городъ, берегъ и море. Въ 1836, въ первомъ этажѣ была батарея, въ восемь 36 фунтовыхъ пушекъ, и стоялъ караулъ. На верху постоянно находится часовой, который доноситъ обо всемъ, что онъ видитъ; сержантъ подаетъ сигналы. За рядомъ скалъ суда обезпечены отъ вѣтровъ, но открытое море ужасно волнуется осенью, сѣверными и восточными вѣтрами. Буря свирѣпствуетъ иногда въ продолженіе 20 часовъ, и притомъ съ силою, непонятною для Европейцевъ; иногда она утихаетъ, но потомъ опять внезапно разражается. Однакоже непогода никогда не стоитъ болѣе трехъ дней.»

Обсерваторія Императорскаго Казанскаго Университета украсилась недавно превосходнымъ большимъ рефракторомъ, сдѣланнымъ въ Мюнхенѣ, въ заведеніи Утцингера и Фраунгофера, оптикомъ Мерцомъ и механикомъ Малеромъ. Этотъ инструментъ, совершенно подобный Дерптскому, съ нѣкото-

рыми измѣненіями, имѣетъ предметное стекло въ $9\frac{1}{2}$ дюймовъ и трубу длиною около 14 футовъ. Вся сія огромная масса, такъ же, какъ и въ Дерптскомъ рефракторѣ, движется, въ случаѣ надобности, часовой машиной, слѣдуя за свѣтлѣмъ, надъ которымъ производится наблюденіе. Инструментъ привезенъ былъ изъ Мюнхена въ С. Петербургъ чиновникомъ Коммисіи построенія Главной Обсерваторіи Шортомъ, а изъ С. Петербурга отправленъ былъ въ Казань профессоромъ Симоновымъ, подъ надзоромъ чиновника Казанскаго Университета. Онъ привезенъ былъ къ мѣсту назначенія въ началѣ нынѣшняго года, но до сихъ поръ не былъ еще поставленъ на мѣсто, потому, что продолжалась еще постройка назначенная для него подвижной башни обсерваторіи, которая приведена къ концу въ половинѣ Августа. 18-го числа того же мѣсяца начали ставить инструментъ, и 21-го постановка его была окончена. Теперь онъ уже на своемъ мѣстѣ. Легкость движенія, чистота и ясность стекла доказываютъ, что важное усовершенствованіе Фраунгофера въ инструментахъ такого рода со смертію его не исчезло, а осталось въ наслѣдіе потомству. Въ скоромъ времени увидать въ сѣверной столицѣ Россійской имперіи единственное произведеніе въ семь родѣ, и рефракторъ Главной Обсерваторіи, безъ сомнѣнія, докажетъ, что оптическое искусство и послѣ Фраунгофера совершенствуется постепенно. Этотъ инструментъ будетъ болѣе всѣхъ рефракторовъ въ мірѣ.

Ежедневныя отправленія паровозовъ по желѣзной дорогѣ между С. Петербургомъ и Царскимъ Селомъ начались 4 Апрѣля, а между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ 22 Мая. Мы приведемъ здѣсь число пассажировъ, проѣхавшихъ съ тѣхъ поръ по сямъ двумъ частямъ дороги, и сборъ съ нихъ:

	Между С. П. б. и Ц. С.	М. Ц. С. и П.	Сборъ.
Съ 4 Апрѣля по 1 Мая	13,923		26,058 р. 35 к.
Въ Мая	50,820	9,350	92,462 - 50 -
Іюнь	83,030	33,664	155,385 - 60 -
Іюль	66,469	24,118	114,130 - 40 -
Августъ	73,191	26,088	126,504 - 97 -

И того 287,433 93,220 514,541 р. 82 к.

Такимъ образомъ, въ день, круглымъ числомъ, проѣзжало

между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ 1930 пассажировъ, а между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ 633.

Августа 21-го, вечеромъ, случилось на желѣзной дорогѣ изъ Брюггена въ Гентъ печальное происшествіе. Пять экипажей, въ которыхъ Король и Королева, съ ихъ свитою, прѣехали въ Остенду, возвращались назадъ пустыя, и какъ у поворота моста, находящагося между Троншённомъ и Гентомъ, горѣвъ по обыквенію фонарь, который служитъ сигналомъ, что мостъ на мѣстѣ, то экипажи продолжали путь. Но мостъ, по передвину сторожа, былъ разведенъ, и паровозъ, со всѣми сопровождавшими его вагонами, съ ужаснымъ шумомъ обрушился въ рѣку Ли. — По другимъ извѣстіямъ, паровозъ благополучно достигъ противоположнаго берега, и только одинъ изъ экипажей попалъ въ рѣку. При семь двое изъ служителей, состоявшихъ при желѣзной дорогѣ, лишились жизни, а главный инженеръ раздробилъ себѣ ногу. Несчастье это могло быть еще гораздо ужаснѣе, потому что нѣсколькими минутами позже прибылъ къ тому же мосту огромный поездъ, состоявшій изъ 30 экипажей, съ множествомъ пассажировъ.

Каботажное судно Св. Иоаннъ Предтеча, шкиперъ М. Деспотули, принадлежащее Керченскому 2-й гильдии купцу Григорію Деспотули, потерпѣло крушеніе на Вьлосарайской косѣ. Оно шло изъ Ростова въ Керчь съ казеннымъ грузомъ, мукою ржанною и гречневыми крупами. Въ ночь съ 15 на 16 число сего мѣсяца, отъ крѣпкаго шторма, оказалась въ суднѣ течь; оно взбѣжало на Вьлосарайскую косу, и отъ сильныхъ ударовъ, все наполнилось водою. Шкиперъ, не видя надежды спасти судно и грузъ, отправился съ экипажемъ на барказъ, и прибылъ въ Керчь 17 числа. — Въ ту же ночь, во время сильнаго шторма, разбилося у Долгой косы Греческое судно Димостенъ, шкиперъ Гонджи, шедшее изъ Таганрога въ Севастополь, съ казеннымъ грузомъ, ржанною мукою и крупною. Судно оказало течь и наполнилось водою. Шкиперъ и экипажъ прибыли въ Керчь 17 числа, на барказъ. Къ спасенію судна и груза нѣтъ никакой надежды. — Русское каботажное судно Св. Иоаннъ Предтеча, шкиперъ Иванъ Кусковъ, шедшее изъ Ростова въ Севастополь, съ казеннымъ грузомъ, мукою ржанною и крупами, во время сильнаго шторма, бывша-

го въ ночь съ 15 на 16 число, песено было отъ Вьлосарайской косы назадъ по пройденному имъ пути и опрокинулось на бокъ; весь трюмъ наполнился водою. Послѣ того, приблизило судно на Безыменную косу; здѣсь оно стало на якорь и тѣмъ спасено отъ гибели.

Въ *Annuaire du bureau des longitudes* находятся слѣдующія подробности о потребленіи разныхъ предметовъ жителями Парижа въ теченіи 1836 года: вина потреблено 922,363 гектолитровъ; водки 36,441; сидра 18,138; пива 111,811; быковъ 72,330 штукъ; коровъ 17,442; телятъ 77,583; барановъ 378,476; свиней 91,929; морской рыбы на 4,771,383 фр.; устрицъ на 1,219,659 фр.; домашней птицы и дичи на 8,387,276 фр.; масла на 11,532,080 фр.; яицъ на 4,935,864 фр.

Съ 11 на 12 Мая с. г. Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда, села *Сатовки Сатовской*, крестьянина Александра *Данилова* разрышилась отъ бремени тремя младенцами женскаго пола. 10 Мая, Летическаго уѣзда въ селѣ *Суваловыхъ*, крестьянина *Лукерья Павлова*, на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, родила двухъ дочерей и одного сына. 14 Мая, Брацлавскаго уѣзда въ м. *Тулгинъ*, жена еврея Гершка *Дужельскаго*, 26 лѣтъ отъ роду, разрышилась двумя младенцами, однимъ женскаго пола живымъ и въ натуральномъ видѣ, другимъ, по истеченіи двухъ часовъ, мертвымъ — мужскаго пола, съ двумя головами, четырьмя глазами, четырьмя ушами и тремя руками. Дитя, родившееся прежде также скоро умерло. 2 Апрѣля, Виленской губерніи въ горѣдѣ *Россицахъ*, одна 18-лѣтняя женщина родила урода мужскаго пола, состоящаго изъ двухъ младенцевъ, лицомъ другъ къ другу обращенныхъ, сросшихся между конечностями грудной кости и пуповиною. Одинъ изъ сихъ младенцевъ былъ больше другаго, и родившись съ помощію лекаря, еще дышала; голова у него обширнѣе, губа верхняя раздѣлена на три части, изъ коихъ средняя плоская и обращена къверху, а двѣ боковыя въ натуральномъ положеніи. У меньшаго младенца всѣ части лица, кромѣ верхней губы, которая раздѣлена на двѣ части, обыкновенны. Несчастная мать имѣла весьма трудные роды, и безъ врачевнаго пособія навѣрно лишилась бы жизни. Она нынѣ совершенно здорова. Уродъ отправленъ въ Т. V. — Отд. VI. 37/8

Консервацию Императорской Виленской Академии, для хранения въ тамошнемъ Анатомическомъ музее.

Въ собраніи Англійскихъ Химиковъ, бывшемъ недавно въ Сутерлендъ, докторъ Робертсонъ дѣлалъ опыты, которые удивили все собраніе и заслужили его полное одобреніе. Онъ взялъ духъ живыхъ кроликовъ и напалъ имъ на языкъ по четыре капли синильной кислоты (*acide hydro cyanique*). Дѣйствія этого ужаснаго яда обнаружились, какъ обыкновенно: въ ту же минуту кролики унади и оставались безъ движенія. Тутъ докторъ употребилъ очень простое и дѣйствительное противоядіе. Онъ началъ наливать кроликамъ вертикально на затылокъ и стантовую кость холодной воды, съ растворомъ кали, патра и поваренной соли. Это произвело волшебное дѣйствіе: кролики ожили, и чрезъ нѣсколько минутъ, они, совершенно здоровые, прыгали по залу. Извѣстнымъ почитаемъ говорить, какъ полезно было бы удостовѣриться въ дѣйствительности столь важнаго открытія.

Наводненіе рѣкъ Дуная и Прута, причинившее нѣкоторый вредъ прибрежнымъ жителямъ Бессарабіи, имѣло полезныя слѣдствія, отвративъ отъ Бессарабіи и смежныхъ съ нею губерній еще худшее бѣдствіе: въ прошломъ году повлилось тамъ чрезвычайно много саранчи, которая сдѣлала значительныя опустошенія на поляхъ. Осенью она вся скрылась въ Дунайскихъ и Прутекихъ *плавняхъ*, и если бы онѣ не были заняты водою, отъ чего саранча пропала, то сіе зловерное нашествіе, народясь еще въ большемъ количествѣ противъ прошлаго года, причинило бы ужаснѣйшее опустошеніе, истребивъ незрѣвшій еще на поляхъ хлѣбъ и травы. Это подвергло бы тамошній край величайшему бѣдствію; теперь все жители приносятъ теплыя молитвы Богу, за избавленіе ихъ отъ явно угрожающаго несчастія, а вмѣстѣ съ тѣмъ молятъ отвратить отъ нихъ и другое: оказался сильный скотскій наездъ; въ нѣкоторыхъ колоніяхъ пало въ короткое время по триста и четыреста штукъ рогатаго скота. Нѣкоторые поселяне, имѣя только пару, или двѣ рабочія волювъ, составлявшихъ все хозяйственное достояніе ихъ, съ потерю его не имѣють даже способвъ къ перевозкѣ хлѣба съ полей. Повлившіеся въ Бессарабіи во множествѣ волки причиняютъ

также большой вредъ, поѣдалъ въ степи и на плавняхъ скотъ; даже днемъ и возлѣ самыхъ селеній, въ виду людей, нападаютъ на скотъ. Жители увѣряютъ, что сіи животныя перешли на твердую землю изъ плавней въ прошломъ и въ нынѣшнемъ годахъ, бывъ выпаны оттуда наводненіемъ. Можно полагать, что и дикія свиньи, которыхъ пинѣ появилось много на степяхъ, перешли сюда также изъ плавней, гдѣ онѣ водятся во множествѣ.

Какъ зимой извѣстіями о холодѣ и снѣгахъ, такъ теперь наполняются все газеты извѣстіями о буряхъ, свирѣпствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ Парижѣ была жестокая буря 5-го Сентября. Во весь день барометръ безпрерывно помялся; порывы восточнаго и сѣвернаго вѣтровъ были ужасны. Въ 6 часовъ вечера гроза усилилась и громъ не умолкалъ до поздней ночи. Въ 11 часовъ проливной дождь превратился въ градъ. Нѣкоторыя градины были величиною съ большой орѣхъ и имѣли сличкомъ два лота вѣсу. Во многихъ домахъ и галлерейхъ все стекла были разбиты. Все проходы подъ стеклянными сводами, такъ называемые *passages*, наполнились обломками стеколъ и водою. Галлерей Пале-Рояля сдѣлалась почти непроходимой. Улицы Виньенъ и *Chaussée d'Antin*, не имѣющія канавъ для стоковъ, находились совершенно подъ водою. Въ Шаронской улицѣ молнія ударила въ одинъ домъ и опалила живущаго тамъ пирожника, не сдѣлавъ ему впрочемъ никакого вреда. Ботанической садъ чрезвычайно пострадалъ; множество рѣдкихъ и дорогихъ растений совершенно уничтожено; въ оранжерейхъ выбиты цѣлыя рамы. Въ окрестностяхъ, особенно же въ Монружѣ, Вожиранѣ, Гренель, Анперѣ, поля и сады опустошены совершенно; на землѣ найдено множество птицъ, убитыхъ градомъ. Въ часъ по полуночи гроза утихла. На другой день однакожь изрѣдка была еще слышенъ громъ и нѣсколько разъ шелъ проливной дождь. Можно себѣ представить, какъ заняты были въ Парижѣ стекольщики; они едва успѣвали вставать стекла. Потомъ узнано, что гроза эта пронизала до самаго моря къ сѣверу, и начавшись въ 11 часовъ около Парижа, она была въ Лилль около 3-хъ часовъ, въ Антверпенѣ въ 9-ть по полудни, а въ Мердикѣ въ полночь; въ первомъ изъ сихъ городовъ молнія ударила въ казармы и ранила десятерыхъ солдатъ; по второму ударила въ разные дома, а въ Мердикѣ ударъ былъ въ

почтовую повозку; лошади взбѣлись и бросились въ рѣку, гдѣ и погибли. — Въ Лондонѣ была страшная буря 23-го Августа, и вѣтеръ дулъ съ такою силою, что пароходы не могли ходить по Темзѣ. — Въ Царьградѣ и на Мраморномъ морѣ гроза свирѣпствовала 27-го Юля, и объ ней писали слѣдующее: «однѣ изъ самыхъ ужасныхъ урагановъ свирѣпствовалъ здѣсь 27-го ч., утромъ и въ продолженіе нѣкоторой части дня. Онъ начался внезапно, около половины 7-го часа, страшнымъ порывомъ сѣвернаго вѣтра, срывалъ крыши, ставни, разбивал оконныя стекла во множествѣ домовъ, опрокидывал минареты, цѣлыя стѣны, и проч. Когда началъ стихать вѣтеръ, пошла проливной дождь, съ градомъ, молніею и громомъ. Окрестныя деревни опустошены; деревья выдернуты съ корнемъ, или изломаны, виноградныя лозы вырваны и съ ужасною силою брошены на непомятое разстояніе. Во многихъ мѣстахъ фрукты совершенно уничтожены градомъ, и всюду являлись слѣды разрушенія. Молнія нѣсколько разъ ударила въ минареты, въ Галатскую башню, въ одинъ Турецкій домъ въ Перѣ, который однакожъ не загорѣлся, въ садъ Бенедиктинскаго монастыря, въ кинарисъ на маломъ кладбищѣ, который расцѣпился сверху до низу на четыре равныя части, и еще въ нѣкоторые другія мѣста. На одномъ кораблѣ, стоявшемъ въ портѣ, убитъ человекъ и сожжена мачта; молнія непрерывно слѣдовала одна за другою, съ ужасающимъ трескомъ и грохотомъ. Многія суда, стоявшія въ проливѣ, затоплены, равно какъ и небольшое Греческое судно съ пассажирами. Увѣряютъ, что до сихъ поръ вытацили уже изъ воды 130-ть труновъ. Отъ 60-ти до 70-ти судовъ, съ фруктами для столицы, шедшія изъ залива Пемидскаго, изъ Муданія, и проч., также погибли. Въ Дардацеллахъ произошли многія несчастія. Никто не запомнитъ, чтобы здѣсь когда-либо свирѣпствовалъ такой губительный ураганъ». — Изъ разныхъ мѣстъ Россіи получены извѣстія также о грозахъ и буряхъ: мѣстное начальство доноситъ, что градомъ, выпавшимъ 21-го Юля с. г., истреблено хлѣба по Оренбургскому уѣзду, въ деревняхъ *Абрамовкѣ* 162, *Новотроицкой* 70, *Гьлозеркѣ* 400, *Земляничѣ* 100 и *Козловкѣ* 50 — всего 782 десятины. Градъ сей, величиной отъ волошскаго орѣха до голубиного яйца, покрывъ землю толщиной на четыре вершка и лежалъ болѣе трехъ сутокъ. — Въ *Земледѣльческой Газетѣ* помѣщено письмо одного Лужскаго помѣщика,

который говоритъ, что 19-го Юля, при сильной бурѣ съ громомъ и дождемъ, въ его деревнѣ, Троицкомъ Усадьбищѣ, выпалъ необыкновенно крупный градъ, который побилъ совершенно рожь, выбилъ яровое поле, истребилъ въ саду все яблоки, вишни и ягоды, въ домѣ и оранжереѣ перебилъ все стекла, въ огородахъ выбилъ всю капусту и зелень. Ленъ такъ переломало градомъ, что можно считать его совершенно уничтоженнымъ. — Прошедшаго Юля 26-го числа, въ 3 часу по полудни, выпалъ сильный градъ, Радомысльскаго уѣзда, въ помѣщицкой деревнѣ Старовичахъ, при жестокой бурѣ съ грозой. Градины были крупнѣе куриного яйца. Этимъ градомъ выбито все посѣвы, стоявшіе на корнѣ; убило до смерти и изувѣчило множество разнаго скота и птицъ, и поранило много людей обоюго пола. Бури опрокинула нѣсколько жилыхъ домовъ и сараевъ, сорвала крыши, поломала изгороди, разнесла стоги съ сѣномъ и копыи съ рожью, выворочала и поломала бортыя сосны и ульи съ медомъ. Крестьяне приведены симъ несчастнымъ случаемъ до большаго бѣдствія. Почти въ то же время буря была и въ городѣ Радомысль, и также причинила много поврежденій строеніямъ и садамъ, по градъ былъ гораздо мельче, и только съ орѣхъ величиною. — 27, 29 и 30 чиселъ того же мѣсяца, Аккерманскаго уѣзда въ селеніяхъ Чириченкѣ, Молдавкѣ и Спасскомъ выбито градомъ хлѣба, лену, конопли и огородныхъ овощей на пространствѣ 274 десятины. — 23 Юля, Хотинскаго уѣзда, въ селеніи Ходороуцахъ выбито градомъ хлѣба и сенокоса до 60 десятинъ. Хотинскаго уѣзда, въ вотчинныхъ селеніяхъ Сталинештѣ и Несвоно выпалъ, 27 Юля, градъ, величиною въ куриное яйцо. Въ первомъ изъ сихъ селеній истреблено хлѣба на пространствѣ до 600, а сенокоса до 400 десятинъ, и сверхъ того до 600 виноградныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, до 30 головъ овецъ и 200 штукъ домашней птицы, а во второмъ хлѣба, лену и конопли на пространствѣ до 250 десятинъ. Весь убытокъ простирается до 8,500 руб. серебр.—Въ Далмаціи было 10-го Августа сильное землетрясеніе, особенно въ Фiumѣ. Уже 9-го числа, въ пять часовъ по полудни, жители почувствовали легкій подземный ударъ. Въ слѣдующую ночь спокойствіе не нарушалось до половины третьяго часа, по въ это время послѣдовало нѣсколько сильныхъ потрясеній. Въ теченіе дня замѣтили только легкія, мѣстныя колебанія, но въ девятомъ часу вечера

внезапно началось землетрясеніе, сопровождаемое сильными гуломъ. Колокола звонили сами собою, люди падали на улицахъ, экипажи опрокидывались, въ стѣнахъ дѣлались трещины, корабли, стояшіе на рейдѣ, приходили въ качаніе. Испуганные жители покинули жилища и бѣжали въ поле. Между тѣмъ удары прекратились. Ночь потомъ жители провели на улицахъ и на поляхъ. О причиненномъ вредѣ еще ничего неизвѣстно. Въ Букари, въ трехъ часахъ отъ Фума, обрушилась церковная колокольня и повредила нѣсколько домовъ. 16-го числа вечеромъ, въ Триестъ и его окрестностяхъ, тоже чувствовали нѣсколько подземныхъ ударовъ.—Изъ Смирны писали отъ 11-го Августа слѣдующее: «сегодня утромъ чувствовали здѣсь нѣсколько подземныхъ ударовъ. Первый, въ пять часовъ утра, продолжался восемь секундъ; второй, послѣдовавшій чрезъ семь минутъ послѣ перваго, былъ нѣсколько слабѣе, но продолжительнѣе. Въ теченіе четверти часа слышны были легкія колебанія, прерывавшіяся только на нѣсколько секундъ. Въ этотъ разъ также землетрясеніе было предвѣщено ржаніемъ лошадей и криками пѣтуховъ. Ввѣра былъ одинъ изъ жарчайшихъ дней; термометръ Реомюра показывалъ 28°. Вечеромъ небо покрылось облаками и засверкала молнія. Въ ночи сдѣлалось прохладнѣе; вѣроятно, вблизи шелъ дождь».—Отъ сильныхъ жаровъ страдали въ Греціи, Турціи и Италіи. Въ письмѣ изъ Аоніи, отъ 26-го Іюля говорятъ: «Во всей Греціи господствуютъ сильныя жары и воздухъ душливъ; термометръ въ теченіе всего мѣсяца показывалъ отъ 18 до 27 градусовъ; средняя температура, въ полдень, была до 24°, и жаръ не былъ ни разу менѣе 22°; барометръ постоянно стоитъ на 27,11. Это производитъ довольно многочисленныя лихорадки и дѣтскія болѣзни».—Во Франціи, въ Сень-Брѣ, 13-го Сентября, было сильное сѣверное сіяніе. Въ Петербургѣ замѣтили его въ то же время нѣсколько разъ. Наконецъ, какъ о необыкновенномъ явленіи, должно сказать о морозѣ и снѣгѣ, которые были на островѣ Явъ въ началѣ Апрѣля: рѣки и ручьи замерзли тамъ отъ стужи. Несмысленное дѣло!

Везувій пересталъ шалить. За то разыгралась теперь другая его Этна: пишутъ отъ начала Августа, что она извергла громаду лавы, которая достигла до извѣстнаго Сага Inglese на половинѣ горы. — Знаменитый Перъ Анфантъ от-

казался отъ всемірной реформы, и теперь занимаетъ смиренное мѣстечко почтмейстера на дорогѣ изъ Парижа въ Люпъ. Впрочемъ, князь де-Линъ давно утверждалъ, что *увѣдннй почтмейстеръ* есть счастливѣйшій въ мірѣ человекъ. — Подъ Манчестера, въ Чарлтоупѣ, 25 Августа, сгорѣла огромнѣйшая фабрика непромокаемыхъ матерій г-дъ Макинтона и компаніи, и нѣсколько человекъ погибло при семь случаевъ. — Привозъ померанцевъ, лимонновъ и апельсинахъ изъ Валенціи во Францію съ 1831 года упятился: тогда привозили ихъ по 50,000 штукъ, а нынѣ привезли болѣе 250,000. — За немнѣишъ длинныхъ статей о спорахъ въ Парламентахъ и Палатахъ, Французскіе журналы повели обыкновенную рѣчь о морской змѣ, которая выплываетъ изъ моря каждый годъ при недостаткѣ новостей. Сюда можно отнести диковинки въ родѣ Зеландской капусты. Теперь появилась въ Бордо удивительная люцерна: ее вывезли изъ Океаніи; она вырастаетъ въ мѣсяцъ на шесть футовъ и ее можно косить еженедѣльно. Поспѣшите, господа агрономы, выписать поскорѣе. — Просвѣщеніе льно проникаетъ въ Турцію. Турчанки еще не оставили своихъ гаремовъ и покрывалъ, но уже заводятъ у себя собранія по билетамъ. Недавно Европейскія посланницы получили приглашенія на завтракъ къ супругѣ Министра иностранныхъ дѣлъ слѣдующими билетами: Mad. Rechid-Pacha prie Mad. N. N. de lui faire l'honneur de venir déjeuner chez elle samedi prochain. Баронессу Барантъ, въ нынѣшній проѣздъ ея черезъ Царьградъ, угощала Mad. Rechid-Pacha прекраснымъ обѣдомъ; кушанья были Французской лучшей кухни; не доставало вина, и хозяйка, одѣтая великолѣпно и чрезвычайно ловкая и ласковая, извинилась въ этомъ. Европейскія гости не могли налюбоваться ея любезностью. — В. Гюго отдалъ на театрѣ новую свою драму *Рюи-Блазъ*. Содержаніе ея взято изъ Испанской исторіи. Читашіе ее въ восторгѣ отъ прелестныхъ стиховъ. — Кстаті о В. Гюго: отстанвай все памятники древняго зодчества, которые немилосердно разрушаютъ во Франціи (и въ самомъ дѣлѣ: на что беречь эту дрянь?), заступился за старинную рѣшетку, которая была на Королевской площади въ Парижѣ, предпологалась въ сломку и должна была замѣниться модною красивою рѣшеткою. Наряжена коммисія для разсмотрѣнія этого дѣла. — Путешественникъ Гоултонъ пишетъ изъ Египта, что тамъ пашши въ одной гробницѣ луковницу, посадили ее, и несмотря на то, что она про-

лежала въ землѣ 2500 лѣтъ, луковница дала ростокъ, выросла, и самъ Гоултонъ вѣлъ лукъ отъ луковницы Фараоновъ, видно вспомнивши пословицу: a beau mentir, qui vient de loin. — Страшное воровство открыто въ Баварин: въ Розенгеймскіе соляные колодцы прокопали жители сосѣдней деревни подземный стокъ, крали воду и варили соль, въ подрывъ казенной продажѣ. У насъ въ Славяносербскомъ, помнится, уездѣ, была исторія чуднѣе: помѣщикъ у помѣщика сосѣда похитилъ цѣлую рѣку, прокопавши подземный каналъ, остановилъ мельницу, и объ этомъ долго была, какъ водится, тяжба. — Близъ Сенъ-Мало выпули изъ моря ящичекъ, гдѣ найдены письмо, четки и завѣщаніе какого-то монаха Алексиса; изъ послѣдняго видно, что ящичекъ брошенъ быть при крушеніи корабля Св. Маринъ въ 1776 году. Слѣдовательно, ящичекъ носило по морю 62 года. Но гдѣ и когда было кораблекрушеніе — неизвѣстно. — Какой-то антикварій Итальянскій Гуильельмо Марзано отыскалъ, что славная Орлеанская Дѣвственница была потомокъ знаменитой фамили Болонской, маркизовъ Гислиери, и именно, Ферванте Гислиери, который бѣжалъ во Францію въ 1401 году, когда Іоаннъ Бентиволіо похитилъ власть въ Болонни. — Еще открытіе: маркизъ Гаэтано Каппони во Флоренціи беретъ доказать, что не любовь Тасса къ Элеонорѣ, но предложеніе переѣхать въ Римъ и получить тамъ большое жалованье, были причиною несчастія Тассова. Розини, издавшій любопытныя записки о Тассѣ, предложилъ закладъ въ 100 сехинновъ, утверждалъ, что утвержденіе Каппони вздоръ. Каппони принялъ вызовъ. Ждутъ рѣшенія этого заклада. — Маршалу Мортъ поставили бронзовую статую на роднѣ его, въ Шато-Камбресисъ. На одной сторонѣ пьедестала надпись: Au Marechal Mortier, né au Chateau en 1768, mort assassiné au coté du Roi le 28 Juillet 1835; на другой сторонѣ: Muttenthal, Hanovre, Diernstein, Osaда, Moscou, Lutzen furent, les principaux théâtres de sa gloire. Но, кажется, слово: Moscou, можно было и не помѣщать въ надписи. — Воздухоплаватель Гривъ недавно подымался на воздухъ, съ двумя товарищами, и достигъ несмысленной до нынѣ высоты — 27,146 футовъ. Извѣстно, что Гелюсакъ, 16 Сентября 1804 года, достигъ только 21,474 ф., а Брюскы въ Шадуъ, въ 1808 году, 24,443 фут. Высота Чимборазо въ Перу только 20,000 футовъ, а Делавагири Гималайская 25,000. На высоту 11,000 ф. Грина встрѣтила буря съ

снѣгомъ, а выше снѣгъ пересталъ, но холодъ былъ до 27-ниже нулл. — Пока Гринъ нуммлялъ Англичанъ, Бриссельцовъ дивилъ пѣкто г-нъ Тессе: съ помощью воздуходнаго какого-то платья, онъ, одѣвшись Нентуномъ, ходилъ по Этербекскому пруду, и 20-ть минутъ стоялъ по срединѣ его, а потомъ поплы по водѣ десятѣро солдатъ, маршировали, дѣлали экзерциціи ружьемъ и стрѣляли; поплы поплы по пруду пушка и изъ нея стрѣляли, какъ будто на землѣ. — Пока воздуходное изобрѣтеніе это введется во флотахъ, въ Англии придумали новое средство спасенія для моряковъ: опытами узнали, что пробковая кора, измолотая въ порошокъ, дѣлается такъ легка, что тюфякъ, набитый ею, въсомъ въ 25 фунтовъ, можетъ поддерживать на водѣ семь человекъ. Это изобрѣтеніе рекомендуютъ теперь, какъ средство въ случаѣ кораблекрушенія. — Способъ очищать рѣки и гавани отъ потонувшихъ въ нихъ судовъ посредствомъ взрыва, найдены столь удобнымъ, что поды Портсмута, въ Соутъ-Зеа, посредствомъ его подыли изъ воды остатки корабля Воуно, сгорѣвшаго тамъ въ 1795 году. Множество рыбы, оглушенной страшнымъ подводнымъ ударомъ, всплыло на поверхность моря. Коммендантъ порта сиръ Ф. Дургамъ присутствовалъ при сей работѣ; за 56 лѣтъ прежде, въ этомъ самомъ мѣстѣ потонулъ корабль Royal-George, на которомъ сиръ Ф. Дургамъ былъ младшимъ лейтенантомъ. — Сентябръ 17-го, на фрегатѣ Rola, прибылъ въ Копенгагенъ Торвальдсенъ. На встрѣчу ему двинулись тысячи народа. Академики, ученые, художники окружили фрегатъ въ лодкахъ, украшенныхъ цвѣтами, при пѣсняхъ и музыкѣ. Народъ отпрягъ лошадей въ его каретѣ, и везъ великаго художника на себѣ, съ пѣснями и восклицаніями. Вечеромъ поды окнами его жилища дана была серенада съ факелами. Да, такія минуты стоятъ безсмертія, котораго дожидается въ могилѣ прахъ столь многихъ великихъ! И гдѣ же такое торжество? Въ холодномъ сѣверѣ... — Замѣчаютъ, что духовная лорда Элдона была написана на 46 листахъ бумаги, а теперь умеръ на островѣ Вейтъ адвокатъ Петръ Голфордъ, и оставилъ завѣщаніе въ нѣсколькихъ строкахъ, которыми передалъ все, что послѣ него остается, племяннику. Имѣніе Голфорда составляетъ миліонъ ф. ст., и любопытно, что по Англійскимъ законамъ завѣщаніе Голфордова 45,000 ф. ст. казенныхъ разныхъ пошлинъ. — Вотъ примѣръ участи, непохожей на счастье Голфордова племянни-

ка: въ Парижѣ посадили какого-то бѣдняка за неплатежъ денегъ за молоко, которымъ питался онъ послѣ рожденія. Именно такъ: въ 1795 году отецъ и мать его остались должны кормилицѣ его 300 франковъ недоплаченного жалованья. Честный воспитанникъ, пришедши въ совершеннолѣтіе, принялъ на себя этотъ долгъ и далъ кормилицѣ вексель. Та передала его ростовщику, который переписалъ его и приписывалъ проценты. Въ 1828 году, вексель, изъ 300 франковъ, дошелъ уже до 2400, а въ нынѣшнемъ году былъ онъ въ 5700 фр. капитальной суммы, на которую слѣдовало еще процентовъ 1213 фр. — Кредиторъ потребовалъ платежа; у должника не было денегъ, и — его посадили въ тюрьму! Смияться или сердиться за такое дѣло? — А вотъ надъ этимъ нельзя не посмѣяться: въ какомъ-то городкѣ Соединенныхъ Штатовъ заведенъ обычай определять количество пени съ подсудимыхъ слѣдующимъ образомъ: одинъ судья пишетъ какую нибудь сумму; потомъ пишетъ другой, третій, и такъ далѣе; потомъ слагаютъ всѣ суммы, дѣлятъ на 12, и частное число значить сумму пени. — Одинъ изъ самыхъ старыхъ Англійскихъ кораблей, *Отважный*, въ 98 пушекъ, проданъ въ сломку. Онъ плавалъ въ Индіи, въ Америкѣ, и былъ въ Абукирскомъ и Трафалгарскомъ сраженіяхъ. Послѣдніи 18-ть лѣтъ его употребляли брантъ-вахтеннымъ кораблемъ въ Ширпесетъ. Битсонъ, корабельщикъ въ Ротеръ-Гитъ, купилъ его. Въ послѣдній разъ величественно прошелъ великанъ по рѣкѣ мимо другихъ кораблей, казавшихся передъ нимъ пигмеями, влекомый пароходомъ на веревъ, гдѣ его тотчасъ стали ломать. Бѣдна, но неизбежная участь всего подлуннаго! Здѣсь вспомнишь слова поэта:

О исполни морей крылатый,
Кругомъ обтекши цѣлый свѣтъ!
Скажи мнѣ, въ опытахъ богатый,
Что бѣдствій и трудовъ предметъ?
Что плодъ столь славныхъ устремленій?
Увы! избитый средѣ мелей,
Безъ чести, дряхлѣ, безъ украшеній,
Ты гниешь снѣдо червей!

~~835~~
~~84~~

XX 438
1.

802-11
225

СТИХОТВОРЕНИЯ.

В Ъ Н К И.

=

I.

По небу радуга плыветъ
И солнце влажное чело разоблачаетъ;
Яснѣть бирюзовой сводъ
И стая черныхъ тучъ бѣжить и исчезаетъ.
Природа, обновясь красой,
Какъ два юная, которал, недавно
Увлаживъ очи черныя слезой,
Вновь улыбается, раскинувъ своенравно
Свои златистыя власы,
Игривою волной на юныя красы.

Стоитъ избушка подъ горою,
Съ горы въ долину, по цвѣтамъ,
Сбѣгаетъ лентой голубою
Ручей, песущій жизнь брегамъ.

Т. V. — Отд. I.

7

Нетъ ничего

Брега усыпаны цвѣтами;
Цвѣты жемчужатся росой,
Красуясь пышно надъ брегами
Блестящей радугой земной.

Бѣжить изъ скромненькой избушки
Въ долину, собирать цвѣтки,
Краса-малютка, дочь старушки,
Мнуть травку легкіе слядки....

Едва лишь десять лѣтъ минуло;
Еще не бьется сердце въ пей,
Еще ни разу не вздохнуло;
Безжизнень взоръ ея очей.

Въ душѣ малютки, какъ въ святынѣ;
Спокойно льется въ жилкахъ кровь;
Лишь Богъ, да маменька въ поминѣ,
Другая ей чужда любовь.

И вотъ бѣжить она дорожкой
Въ долину собирать цвѣтки,
Кругомъ и подъ летучей пожкой
Нарцисы, розы, васильки.

И вотъ она остановилась,
Кругомъ очами повела,
Съ улыбкой дѣтской наклонилась
И лучшихъ связку нарвала.

Украсила себя головку,
Свила цвѣточный поясочекъ,
Одѣлась куколкой въ обновку,
Изъ остальныхъ смела вѣнокъ.

Кому-то на чело готовитъ
Она вѣнокъ душистый свой?
Что сей счастливецъ, кто уловитъ
Ея подарочъ дорогой?

Кто опъ? — Но вотъ у перекрестка,
Вечернимъ солнцемъ озарѣвъ,
Силетъ крестъ вдали, какъ блѣстка,
Часовно украшаетъ онъ.

Въ часовнѣ набожныхъ отрада —
Икона Дѣвы Пресвятой;
Предъ нею теплится лампада,
Блестая искоркой златой.

Что утро, вечеръ, прибѣгаетъ
Туда малютка, и вѣнки
Съ собой приноситъ, убираетъ
Икону въ свѣжіе цвѣтки.

Чистѣйшей данью ихъ приноситъ,
И больше ничего она —
Лишь счастья родимой проситъ,
Лишь его мысль ея полна!

II.

Все небо пламенемъ объято,
И съ трепетомъ земля внимаетъ Божій гласъ;
Грохочутъ грома перекаты,
Последній солнца свѣтъ въ тѣхъ черныхъ тучъ погасъ.
Въ безмолвномъ страхѣ мірозданье,
Болзнь съ надеждою въ борьбѣ —
И мѣръ тревожитъ ожиданье
Пощады, гибели себя....
Но Богъ взглянулъ — и громовыя тучи
Развѣялись, какъ прахъ летучій,
По небу радуга плыветъ!
Еще грохочетъ громъ, но гулъ слабѣетъ дальной,
И солнце снова радость льетъ,
И снова въ зелени эмальной
Долина ожила и весело цвѣтеть.

Вот выбжала из избушки
Краса-дѣвица, лучший цвѣтъ,
Пышный лилей, дочь старушки;
Ей минуло шестнадцать лѣтъ.

И сердце въ ней ужь сильно бьется,
И взоръ ужь жизнью горитъ,
И кровь живее въ жилахъ льется,
И вздохъ ужь грудь ея томитъ.

Уже малютка дѣвой стала;
Ланиты пышутъ багрецомъ;
Плететь вьнокъ она, и стала
Задумываться надъ вьнкомъ.

Уже къ часовнѣ устремляетъ
Взоръ грустный съ тайною тоской,
И грудь цвѣткомъ не украшаетъ
Волнуемую подъ рукой.

Ужъ сердце ей болзнь тревожитъ . . .
Кого-то, видно, ждетъ она
И не дождется, и не можетъ
Скрыть грусти, робости полна!

Но сердце отлегло немного,
И взоръ ея сталъ веселѣй:
Вопь кто-то тамъ идетъ дорогой,
Идетъ съ улыбкой, прямо къ ней. . . .

Забилось сердце — то прекрасной
Спѣшить къ ней юноша, кого
Ждала она съ тоской ужасной —
И тотъ вьнокъ былъ для него.

III.

Настала осень — грустенъ видъ природы.
Одѣлось небо мглой, бушуютъ непогоды,
Последнѣе съ деревъ осыпались листья,
И вихремъ схвачены, развѣяны далеко,

Какъ смертнаго надежды и мечты,
Когда надъ нимъ гнѣвъ разразится рока
И на главу посыплются бѣды.
Всѣ воздухъ въ трауръ, оплакивалъ лѣто;
Луна и звѣзды скрыты подъ фатой,
И въ смертный саванъ жизни духъ одѣтой
Влечется шаткою стопой;
И надъ всемирною покоится могилы,
Все пасмурно, печально и уныло,
Какъ послѣ пира шумнаго, когда
Толпа гостей на отдыхъ разойдется,
Погасится огни, прострется темнота,
И въ залахъ только слѣдъ печальный остается —
Таковъ и осени осиротѣлой видъ!
Листы поблеклые холодный вихрь крутитъ.

Покрыто небо тучъ станицей,
Хладъ, вѣтеръ воетъ, мгла падетъ. . . .
Вотъ отъ часовни, вереницей
Печальный тянется народъ.

Дымятся факелы, съ крестами
Идутъ священники, поютъ,
И шагомъ, кони подъ чехлами
Храпя, покойника везутъ.

И потянулся ходъ печальный,
Минул холмъ, долину, лѣсъ,
И только слышешь погребальный
Вдали нагнѣвъ, и тотъ исчезъ. . . . .

Подъ гнетомъ роковой кручины
Стоитъ дѣвица, слезы льетъ,
И ужъ не изъ цвѣтовъ долины,
Вьнокъ изъ желтыхъ листьевъ вѣетъ.

Всѣ, всѣ цвѣты ея опали —
Ни матери, ни друга цѣтъ,
И ядовитыя печали
Последнѣй подѣдаютъ цвѣтъ!

Вот, свивь вьнокъ, смочивь слезами,
Бѣжить дорогою она,
Съ растрепанными волосами,
Душевной горести полна,

Встрѣчаетъ повозъ погребальной,
Пробилась къ гробу жениха,
И бросаема вьнокъ печальной,
И сжала грудь ея тоска.

Затмилися очи, задрожала,
Колыни подогнулись вдругъ,
И блѣднѣла, она упала,
И погубилъ ее недугъ!

IV.

Полнеба заревомъ покрылось —
Въ пожаръ утреннемъ багровѣетъ востокъ,
И солнце шаромъ огненнымъ вскатилось,
Разливъ лучей пылающей потокъ.
Какъ по широкому раздолью океана
Ладьи на бѣлыхъ парусахъ,
Несутся облака и пелены тумана,
И исчезаютъ въ небесахъ.

За роцей, по долинѣ вьетъ
Ручей серебряной волной,
И тысяча цвѣтовъ смѣется
Своею радужной красой.

А тамъ — избушка подъ горою.
Изъ той избушки къ ручейку,
Вотъ вышла съ утренней зарёю
Дѣвица, разогнать тоску.

Идетъ дрожащими стопами,
Склонила голову на грудь;
Увлажень взоръ ея слезами,
Не смѣетъ на небо взглянуть.

Покрыта грубой власлинцей,
Ее печаль, тоска грызетъ,
А передъ ней, какъ предъ царницей,
Все улыбаются, цвѣтеть.

Вотъ наклонилась и набрала
Печальныхъ, какъ сама, цвѣтовъ,
И глядя на часовню стала
Плести вьнокъ изъ поготововъ.

Часовня тамъ у перекрёстка,
Въ ней яркимъ солнцемъ позлащёнъ,
Силеть крестъ вдали, какъ бѣстка,
Отъ ей напомнилъ жизни сонъ —

И дѣтства золотую пору,
И дни, когда любовь ждала,
И сердца другъ явился взору,
И жизнь ихъ счастливо текла.

А послѣ счастья, дни печали
Съ неотразимой ихъ судьбой,
Когда везли и отпывали
Здѣсь гробъ подъ темной пеленой...

Жизнь на землѣ тюрьмой угрюмой
Представилъ ей злобщій рокъ,
И отуманенная думой,
Она — себя смѣла вьнокъ!

И съ нимъ навѣкъ сомкнула вѣжды,
Неподалѣку двухъ могилъ,
Гдѣ жизнь ея, любовь, надежды,
Зеленый дервь отъ глазъ сокрылъ. —

V.

И вотъ — въ пономъ сапфиръ небосвода,
Когда надъ міромъ тишина,
И въ міръ вся безмолвная природа
Поконится на лопъ сна —

Изъ звѣздъ алмазныхъ, изъ цвѣтовъ небесныхъ,
Одинъ вѣнокъ сіяеть всѣхъ яснѣй:

Вѣнокъ сей въ небѣ свить для ней,
И блещеть въ сонмъ безътѣлесныхъ,
На двѣтвенномъ ея челѣ,
Наградой *Веры* на землѣ!

ЛЮБИТЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМЫ:

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМЪ.

Соч. Ауфенберга.

(ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ I.)

Оливье ле-Денъ *(въ кляткѣ)*. Король Людовикъ XI-й *(входитъ и садится въ кресла, которыя принесли и поставили подлѣ кляткѣ два пажѣ)*.

Король.

Здоровъ ли ты сегодня, Оливье?

Оливье.

Жестокій Государь! и ты еще смѣешься?

Король.

Потише, милнѣйшій — разсердишься — тебѣ —

Лейбъ-медикъ мой опитъ полагомигъ лекарствомъ.

Оливье.

Клянупь день моего рожденя!

Король.

Не клани —

Предайся Господу съ смиреніемъ младенца!

(Смиааетъ голову).

Въ страданяхъ съ Иовомъ судьбу свою сравни,
Прими его въ примѣръ долготерпѣннѣя;
Съ величіемъ всевышнимъ не враждуй
И Богу воздавай, что подобаеъ Богу —
Я разумью жизнь смиренную твою.

Потише, мой дружокъ! Ужель въ прекрасномъ домѣ
Соскучился? — Когда здоровъ и веселъ ты,
Все кушаешь, чего душа ни пожелаетъ.

Но что тебѣ всѣ яствы и плоды
Въ сравненіи съ ласкою, любовью королевской?

Чего мнѣ стоило украсить сей чертогъ —
Высокъ, какъ неба сводъ, и воздухъ здѣсь прохладенъ.
Стѣпеніемъ въ груди не можешь ты страдать.

Лишь дерни за снурокъ — пажѣ мои готовы,
Мальчиши твои желанья исполнять.

Всю зиму кушаешь ты виноградъ литарный;
Въ Апрельѣ мѣсяцъ ты землянику рвешь.
Захочешь почитать — тебѣ приносить книги.

Книгохранитель мой, почтенный кармелитъ
За житіемъ святыхъ и день и ночь сидитъ;
Пятнадцатый онъ томъ дописываетъ нынѣ.

Напишеть всѣ, ты можешь ихъ прочесть,
Вѣдь у тебя на то и время есть.

Заботы нѣтъ тебѣ о будущей судьбинѣ.
Жизнь канцлера не столь храню я какъ твою.
Чего же хочешь ты? Здѣсь все тебѣ готово.

Оливье.

Свободы!

Король.

Важное — безсмысленное слово!

Что въ ней? — скажи — какъ выпущу тебя,
Поденьщикомъ умрешь, иль стибнешь въ богадльнѣ.
Вѣдь брадобрѣемъ ты дружокъ не можешь быть;

За трепетаньемъ рукъ ты выключенъ изъ цеха —
Ну, чтожь тебѣ въ свободѣ, посуди?

Нѣтъ! ты не вырвешься изъ кляткѣ полагенной —
Угодиномъ мовимъ въ томъ поклонусь.

Хотя бы подь однимъ созвѣздѣмъ родились —
 Ты ненависть ко мнѣ питаешь, Оливье,
 И ты готовъ зарызаться — я знаю —
 Лишь бы меня во гробъ съ собой увлечь,
 Съ великаго пути, который протекаю,
 Какъ метеоръ падающій въ небесахъ —
 (Стиглая шлангу)

Для славы Франціи. —
 Оливье.
 Жестокій Государь! замучь меня до смерти!

Н! полно — не грусти — астрологъ мнѣ сказалъ,
 Что двадцать лѣтъ еще ты проживешь въ сей клеткѣ.
 Оливье (присѣсть рюмечку клотки).
 Король.

Пріятель! не шали; я дать велю лекарства.
 Дамъ прокладительныхъ пилюль.
 Оливье.

Освободи!
 Король.

Связать тебя вѣло, коль будешь горичиться.
 Оливье.
 Молю тебя, освободи, Людовикъ!

Король (не слушая его.)
 Другой сказалъ бы — я свершилъ великій трудъ;
 Слыви грозой трепещущаго свѣта.
 Любуюсь красотой я Франціи моею:

Принудилъ гордыхъ я во прахъ пресмыкаться,
 И маквицы сбилъ я скипетромъ съ стеблей.
 Я защитилъ гражданство отъ вассаловъ;

Заслугамъ поприще къ отличію открылъ;
 Враговъ моихъ я сокрушилъ оружіемъ.
 Сильнѣйшаго изъ нихъ (стиглая шлангу) смирила Божья длань.

Анжу, Провансъ, — Итали преддверье.
 Цвѣтущій Руссильонъ и житница Армень,
 Залогъ святой короны Андалузской —

Расширилъ имъ я страну моихъ опцовъ
 И Франціи, мой рай земной, округлеть.

Оливье.
 Изъ властолюбья ты и брата погубилъ. —
 Король.

Поступишь цѣль моихъ — спокойство,

Основа прочная величья государствъ —
 Свободное крыло царя возноситъ къ солнцу.
 Тираномъ прозвали враги меня, забывъ,
 Что я права сравнилъ народа предъ закономъ.
 Оливье.

Да, предъ самимъ собой.
 Король.
 Я утвердилъ единство.

Въ моихъ глазахъ Француза лишь цѣню,
 Не древній родъ, не праѣдовъ заслуги,
 И съ гордостью меня зоветъ онъ королеми;
 Хотя онъ иногда хулитъ мои дѣянья,
 Но злога дѣла онъ благословляетъ плодъ,
 На тронъ высокий мой съ доверьемъ онъ взираетъ —
 Не тѣнь тамъ возсѣдѣть, а истинный король.

Оливье.
 О, если бы ты сталъ скорѣ тѣню!
 Король.

При всемъ величьи, я далекъ еще отъ цѣли.
 Мысль исполнившая еще не развилась.
 Нѣтъ! смерть моихъ сковать не смѣетъ крыльевъ!

Ты двадцать лѣтъ еще въ темницѣ проживешь.
 Дай время совершить намъ рѣше Титаовъ.
 Небесный огонь течетъ въ моей крови.

Въ Людовикъ воскреснетъ Карлъ Великій.
 Когда же проживу еще я двадцать лѣтъ,
 Порѣрой застелю, одву цѣлый свѣтъ.

(Пламенные взоры устремляетъ на небо).

ДѢЙСТВІЕ IV. ЯВЛЕНІЕ II.

Королевская камната въ залитъ Пеллеси-ле-Туръ.

(Король сходитъ съ Лермитомъ; онъ кладетъ большой пергаментъ на столъ. Лермитъ ставитъ чертилку съ перьями).

Король.
 Готовъ ли эшафотъ?

Лермитъ.

Все, Государь, готово —
Ждемъ графа Сень Валье.

Король.

На вѣрное не знаемъ,

Ему высокую окажемъ ли мы честь.

(Звонитъ. Входитъ Дюфу.)

Позвать мнѣ Сень-Валье —

(Дюфу уходитъ. Лермиту.)

Когда онъ не подпишетъ

Бумаги той — я знакъ тебѣ подамъ.

(Графъ Сень-Валье входитъ.)

Король.

Здорово, Графъ — готовы ль въ путь?

Графъ *(дрожащій, падаетъ къ его ногамъ).*

Я каялся, и тайнъ святыхъ я приобщался,

Какъ водится, пускаясь въ дальнѣйшій путь.

Король.

Вы поняли меня — мой прежнѣйшій зять любезный.

Маринъ счастье упрочить думалъ я,

Не засадить ее въ рабочій домъ — не правда ль?

Провестъ легко лисенка — не лису.

(Смѣется отъ души.)

Съ Людовикомъ шутить, пріятель, не одно ли,

Что львинный зъвъ перстами щекотать.

(Вдругъ перемѣнивъ тонъ, становится правою ногою на спину Графа, съ ужаснымъ спокойствіемъ.)

Кровь Короля ты пролилъ — знаешь, дерзкій,

Какой законъ святѣйшій оскорбилъ?

Графъ.

Помилуй, Государь!

Король.

А сжалился ли ты

Надъ дочерью моею, — доверьемъ Королевскимъ

На добрыя ль дѣла воспользовался ты?

Кровь Короля ты пролилъ святотатски —

Свой смертный приговоръ сей кровью подписалъ.

Графъ.

Я графъ Аймаръ, владѣлецъ Поатте,

Графъ Сень-Валье, я дворянинъ Французскій.

Коль поступилъ противъ законовъ я.
Да судить равные изъ моего сословья —
Законъ себѣ въ защиту я зову.

(Дрожа.)

Лишь покорюсь я законовъ приговору.

Король *(съ великимъ вътрѣплениемъ).*

Здѣсь Франція верховный судія!

(Шутливое, съ язвительностью.)

Скажи мнѣ: кто изъ крючкотворцевъ вашихъ

Тѣ хитрыя внушилъ въ тебѣ слова?

Его повѣшу я съ тобою — одной веревкой,

(Важно.)

Да вѣдаетъ — гдѣ возседитъ законъ.

(Онъ прилѣптно лобуется страхомъ Графа.)

Мнѣ жалокъ червь съ великопльнымъ титуломъ!

Душею подобенъ ты паружности своей.

Когда жъ коснулся ты законовъ, то, пожалуй,

Открою средство я къ спасенію твоему.

(беретъ Графа.)

Гдѣ брачный договоръ? — Вся кровь твоихъ пращуровъ

Не стоитъ капли крови королевской.

Я расторгну бракъ!

Графъ.

Одинъ лишь Папа Римскій

(колеблясь).

Расторгнуть можетъ бракъ — я жалобу подамъ.

Король *(еще выше вътрѣплениемъ).*

Здѣсь Императоръ твой и Папа — *(моляше)* Смѣешь

Мнѣ возражать? — Забавно! — Вотъ тебѣ!

(Разрываетъ контрактъ въ куски и бросаетъ въ лицо Графу, въ сильномъ гнѣвѣ.)

За кровь мою —

(въ сильномъ волненіи ходитъ по сценѣ и сильно кашляетъ.)

Графъ *(тихо).*

Отъ злобы задыхаюсь!

Король.

Разводная готова — подпиши.

Она уже подписана Принцессой.

Я жизнь презрѣнную за то тебѣ дарю —

Вотъ худшій даръ, какой могу я сдѣлать!

ГРАФЪ.

Я подписалъ.

Король *(считритъ на подпись. Вдругъ перелильваетъ тонъ и говоритъ съ голодного утисовствомъ. По знаку его Лер-литъ уходитъ.)*

Все кончено межъ нами—

Въ замогъ молчанія, да будетъ ваша жизнь.

Сегодня вы уѣдете отсюда

Въ Венецію. — Проводитъ стража васъ,

Для большаго спокойствія въ дорогъ.

Тамъ есть дѣла; ихъ поручаю вамъ *(даетъ бумагу)*

Окончить — къ моему явитесь банкиру,

Онъ ихъ вамъ сообщитъ, уполномочитъ васъ.

Я смѣю лестною надеждою питаться,

Что къ удовольствію окончите вы ихъ.

(Сильно кашляетъ) — Про себя

Отъ гнѣва пою я — ему не воротиться,

Когда въ Венеціи не вывелся кнѣжалъ! —

ГРАФЪ *(цѣлуетъ у него руку).*

Отъ искренней души я милость принимаю.

Король.

Мы примирился — и такъ прощайте, Графъ!

(звонитъ — входитъ Дюфу).

Сегодня столь вечерній отлагаю —

Я нездоровъ — лейбъ-медика позвать.

Принцессу попроси пожаловать въ покои,

И мнѣ изъ библіи кое что прочитать.

(Дюфу уходитъ.)

Прощайте же; даю вамъ руку

(перебиралъ четки) — (Тихо)

Графъ — до свиданія — на вѣчную разлуку.

(Уходитъ.)

П. ОБОДОВСКІЙ.

КЪ МОРЮ.

Сонетъ.

=

Съ какою радостью я свидѣлся съ тобою,
О зеркало небесъ, нашъ исполнѣй земной!
Какою-то небесною мечтою
Я воскрылеишь, когда ты предо мной!

Я трепещу, когда валы вздымая,
Ты возраешьъ гнѣвно до небесъ,
И облака волнами подпиралъ,
Шумишь, какъ вихрь, волнуешься, какъ лѣсъ.

Твой дикій шумъ, могучее степенье,
И буйное зыбучиихъ волнъ плесканье,
И жемчугомъ и думою кипятъ!

Ахъ! если бѣ знать мнѣ мысль твою, стихія,
Что волны мнѣ такъ шумно говорить —
О чемъ ревуть ихъ вопли въковые...

Таганрогъ.

Н. ЩЕРВИНИЧЪ.

МЫСЛЬ. *

Спит дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый,
Подъ грустной тѣнію почнаго покрывала,
Едва согрѣть остатками огня
Уже давно погаснушаго дня!

Спи, старецъ, спи!.. отраднаго покоя
Минуты усладить заботы сѣдины,
Воспоминаніемъ миновавшей старини!...

И, можетъ быть, въ тебѣ зажжется ретивое

Огнемъ страстей, погаснувшихъ давно,

И вспыхнетъ для тебѣ прекрасное бывшее!...

И, можетъ быть, распухнетъ зерно

Въ тебѣ давно угасшей жизни силы,

И новой жизнью заглохшія могилы,

Печальный міръ, повьютъ надъ тобой!

И снова ты проснешся отъ дремоты,

И снова, юноша съ пылающей душой,

Забудемъ старые, утраченные годы,

И будешь жить ты жизнью молодой,

Какъ въ первый день созданія природы!

.....

.....

Нѣтъ! тотъ же все проснулся ты,

Такой же дряхлый, обветшалый,

Еще дряхлый безъ покрывала!...

Скрой безобразіе наготы

Опять подъ мрачной ризой ночи!

Подъльнимъ блескомъ красоты

Ты не мой обманешь очи!....

Н. НЕКРАСОВЪ.

* Первый опытъ юнаго, 16-ти лѣтняго поэта. *Пр. Ред.*

ПРОЗА.

ЭПИЛОГЪ АББАДОННЫ.

(Статья вторая).

Въ загородномъ домѣ своемъ была Элеонора, и сидѣла въ бесѣдкѣ, въ роскошномъ саду своемъ, когда вошелъ въ бесѣдку мужчина, учтиво поклонился ей, и ждалъ, пока оборотится Элеонора. Она занималась съ голубкомъ своимъ, который, сидя на одной рукѣ ея, клевалъ съ другой ея руки пшеницу. Лалага бѣгала по лугу, рвала цвѣты и безнеченно пѣла какую-то пѣсенку. Вошедшій мужчина былъ Баронъ Хилей. Элеонора оборотилась.

— А, это вы, Баронъ! — сказала она. — Я ждала васъ еще третьяго дня, и вы обещались быть ко мнѣ.

«Извините, я былъ такъ занятъ всѣ эти дни и ночи — признаюсь: я даже не спалъ нынѣшняго ночь.

— Право?

Т. V. — Отд. I.

«Но, теперь я опять къ вашимъ услугамъ, г-жа Элеонора.

— Что это значитъ?

«То, что всѣ ваши талеры, всѣ вещи, которыя черезъ меня дарили вы бывшей моей невѣстѣ—ушли по зеленой рѣкѣ. У меня опять ничего нѣтъ.

— Развѣ вамъ возвратили всѣ вещи?

«Совершенно исправно, даже всѣ бездѣлки, корзинки, ящички, ленточки, духи, помаду.

— Вы должны были отдать ихъ мнѣ.

«Разумѣется, но я думалъ, что всѣ наши прежніе замыслы кончены и дѣла рѣшены. Денегъ у меня не было — вы не повѣрите, какъ несчастливо игралъ я въ эти три дня. Мнѣ вздумалось, что на ваши вещи я отыграюсь. Извините, сдѣлайте одолженіе, г-жа Элеонора, мою надежду на снисходительность вашу...

— О, это бездѣлка!

«Я и самъ такъ думалъ.

— Худо одно, что вы почитали всѣ наши дѣла оконченными, и забыли о всѣхъ вашихъ обѣщаніяхъ...

«Тѣмъ вѣрнѣе можете вы теперь положиться на меня —

— Почему - же?

«Потому - же, почему прежде я такъ усердно началъ помогать вамъ; потому, что опять теперь — у меня нѣтъ ни одного талера въ карманѣ!

— Очень рада, а безъ этого...

«Безъ этого, признаюсь вамъ, едва ли увидѣли бы вы меня еще разъ. Начавши опять мои собственныя дѣла, я былъ въ огромномъ выигрѣшѣ, но проклятая дама срѣзала меня — эти дамы всегда губили меня, и сто разъ давалъ я обѣщаніе не ставить дамы, но всегда согрѣшалъ противъ своего обѣ-

щанія, и на сей разъ, съ этой проклятой дамы все пошло у меня на выворотъ.

— И такъ вамъ неудача въ двухъ дамахъ?

«Да, что дѣлать — и въ трэфовой и въ кѣровой. Но, сдѣлайте одолженіе, присугунимъ къ дѣлу.

— Вы, кажется, не охотно приступаете къ нему.

«Неужели могу приступить охотно, г-жа Элеонора. Разумѣется, что мнѣ опять теперь нѣчего болѣе дѣлать.

— Неужели, однакожъ, вы такъ легко позабыли, чего требовала бы отъ васъ ваша баронская, дворянская честь, послѣ поступка съ вами, какой позволилъ себѣ этотъ мѣщанинъ?

«Какого поступка?

— Какъ, Баронъ, какого? Васъ назвали бездѣльникомъ, негодиемъ, у васъ отняли невѣсту, васъ вытолкали изъ дома...

«Во-первыхъ, сударыня,» отвѣчала Баронъ — меня не называли бездѣльникомъ. А если-бы и такъ, кто-жь тутъ былъ *свидѣтель*, кто это знаетъ? Двѣ старухи, и только! Важна обида, которую при другихъ, подобныхъ намъ людяхъ дѣлаютъ. О, въ такомъ случаѣ, я не позволю никому, никому въ свѣтѣ даже взглянуть на меня неучтиво! — Далѣе, сударыня, меня не вытолкали изъ дома — я самъ спокойно вышелъ, уступилъ моему сопернику и получилъ обратно — даже конфекты, которыми дарилъ свою невѣсту. Притомъ...

— Что: притомъ, Баронъ?

«То, сударыня, что все это мнѣ съ самаго начала очень не нравилось, было какъ-то глупо. Мнѣ даже было жалъ этой бѣдной дѣвочки... Она все плакала, и раза два начинала со мною говорить такъ, что... что мнѣ становилось жалъ ее...

— Но вы напрасно думаете, Баронъ, будто ваша

репутация *слизлаго, благороднаго* человека не пострадала въ этой исторіи. Всѣ знали вашу любовь; всѣ говорили объ ней, и потому вы вдругъ спокойно отстали, бросили дѣло...

«Что-же? Тутъ, думаю, найдутъ причину совсѣмъ не въ томъ, чтобы я испугался своего соперника... Я вздвигъ къ моей невѣстѣ... и вдругъ пересталъ вздвигать... Свѣтъ золь на выдумки, но ужь, конечно, насмѣшники скорѣе о бѣдной невѣстѣ станутъ говорить съ усмѣшкою, нежели обо мнѣ, .. Впрочемъ, въ мои дѣта такіе рассказы уже не льстятъ самолюбію мужчины.

— Да, вы ослѣпляетесь самолюбіемъ, Баронъ, если думаете, что никто не знаетъ исторіи вашей надлежащимъ образомъ. Совсѣмъ напротивъ — всѣ говорятъ, что вы трусили — и чего скрывать? что вы перенесли добрую пощечину отъ Рейхенбаха.

«Кому же угодно было расславить такимъ образомъ?» Онъ насмѣшливо поглядѣлъ на Элеонору.

— Думаю — отвѣчала она хладнокровно — что ни женихъ, ни объ матушки не молчали. Вы забыли еще совѣтницу Шницеръ-Памеръ, свидѣтельницу забавной сцены съ вами.

«Вы превосходно знаете всѣ подробности, сударыня» — замѣтилъ Баронъ, злобно улыбаясь.

— И повѣрьте, что цѣлый городъ знаетъ ихъ, точно такъ, какъ я вамъ рассказываю.

«Право? — Жаль, что я узналъ это довольно поздно. Теперь время прошло... Признаюсь, я такъ запятъ былъ въ послѣднее время дѣлами, что мнѣ нѣкогда было даже и подумать о слухахъ. Въ тотъ самый вечеръ, когда мнѣ отказала моя милая невѣста, мы жестоко сражались съ родственникомъ Совѣтницы, о которой вы упоминали. Глупый старикъ былъ двадцать пять лѣтъ честнымъ кассиромъ въ

одномъ богатомъ кушеческомъ домѣ, и вдругъ вздумалъ пуститься на счастье въ игръ — мы бились съ нимъ въ послѣдній разъ цѣлую ночь.

— Что же?

«Ничего, сударыня. Это былъ уже послѣдній, смертный бой — онъ проигралъ все свое и много хозяйскаго.

— Что жъ съ нимъ сдѣлалось послѣ этого?

«Право, не знаю хорошенько. Кажется, онъ помѣшался, или что-то подобное... Но, сдѣлайте одолженіе, скажите: за чѣмъ вамъ угодно было посылать за мною?

— Я хотѣла напомнить вамъ, что ваша обида остается еще безъ отплаты.

«То есть, какаѣ обида: отнятіе невѣсты, et cetera?»

— Да.

«Теперь ужь и не поздно ли думать объ ней? Помните, мнѣ сказывали, что мой счастливый соперникъ обвинялся уже съ своею пастушкою, и убѣхалъ пасти коровъ и овечекъ, гдѣ-то въ дальней деревнѣ. Да, да! я слышала еще, что ему и безъ меня было не совсѣмъ весело: освистали его новую трагедію, запретили ему писать стихи, и еще что-то... Да, говорили, что онъ лишился своего мѣста... Свистъ, запрещеніе марать бумагу! Боже мой! ну, что тяжеле поэту? Я узнаю мстящую руку, которая умѣла превосходно выбрать самое больное мѣсто для своего удара въ поэтическомъ сердцѣ г-на Рейхенбаха!

— Неужели вашего честолюбія не возбудить и то, что слышанное вами только въ половину правда. Освистанный поэтъ и не думаетъ о трагедіи своей, счастливый любовью; потеря мѣста не застави-

ла его даже и вздохнуть, потому, что и прежде онъ не дорожилъ имъ...

«Но, вѣдь онъ бѣднякъ, и потеря жалованья...

— Сотень двухъ талеровъ? Теперь онъ совсѣмъ не бѣднякъ, потому, что ему досталось наследство, и жалованье ему не нужно.

«Наследство, говорите вы? Да, это что-то похоже на романъ — любовь, поэзія, наследство.

— Закончите этотъ романъ, какъ слѣдуетъ. Пора къ развязкѣ — вы только завязали его.

«Но, если они уже обвиняны, что же мнѣ дѣлать?»

— Они еще не обвиняны, и дѣвица Шульце опять можетъ быть отбита, какъ отбили ее у васъ.

«Такъ, но...

— Что значитъ ваша остановка?

«Говорить-ли вамъ откровенно: мнѣ все это не нравилось, и совсѣмъ не хотѣлось бы вступаться въ это дѣло опять... Такая нелѣпая роль...

— А вы не думаете отплатить вашей обидѣ?

«Самъ Богъ велитъ прощать враговъ своихъ.

— Вы трусъ, г-нъ Баронъ.

«Если бы и такъ.

— Вы обманщикъ.

«Г-жа Элеонора!

— Вы хвастунъ, который только говоритъ и ничего не дѣлаетъ!

«Всѣ эти качества едва-ли могутъ быть приписаны челоуѣку моего ремесла — согласитесь хоть съ этимъ, г-жа Элеонора. Вы не знаете состоянія души, силы, твердости характера, кипѣнія страстей, всего, что надобно игроку, всего, что онъ переноситъ! Нигдѣ переходы судьбы такъ не сильны, нигдѣ страсти такъ не быстры, какъ за зеленымъ сукномъ, при блестящихъ горахъ золота, которыя самъ дѣ-

воль выколупалъ когтемъ своимъ изъ земли на бѣду людскую. Но не золотомъ обольщать насъ — пѣтъ! то, что производить это золото — это жгучесть страстей, это волненіе. — О, Боже мой! я никогда не былъ влюбленъ, но увѣренъ, что состояніе любовника ледъ противъ состоянія игрока!

— Очень мило и краснорѣчиво, любезный Баронъ, хоть я и не вижу ничего этого въ подломъ обманѣ, который вы называете игрокомъ. Заманить бѣдняка, оборвать его на вѣрное, прибить, если надобно, или вытерпѣть его пощечину, если это необходимо... Я не вижу тутъ ни силы, ни твердости характера, ничего, о чемъ говорите вы такъ громко. Первый опытъ показалъ въ васъ совсѣмъ другое. Да, впрочемъ не о томъ дѣло: вы не соглашаетесь продолжать моего препорученія? Какъ вамъ угодно — намъ не о чѣмъ говорить болѣе...

«Но, позвольте сказать, г-жа Элеонора — что-жъ мнѣ изъ этого, если я и примусь опять за ваши дѣла?»

— Развѣ вы пожалуетесь на мою скупость? Обязанное на приданое Генріэттъ вы получили сполна; обязательства ваши выкуплены.

«Но гдѣ жъ эти обязательства?»

— Они у меня въ рукахъ.

«Но ихъ должно получить мнѣ въ свои руки.

— Женились ли вы на Генріэттъ?

«Неужели безъ этого вы ихъ не отдадите мнѣ?»

— Не только не отдамъ, но если вамъ не угодно слѣдовать моему вѣдѣ, они будутъ предъявлены суду, и тогда можетъ открыться, что они поддѣланы...

«Какъ... вы рѣшитесь на это?»

— Я уже рѣшилась.

«Но, но, помилуйте...

— Какъ вамъ угодно. — Лалага! поди сюда, милая!

«Что тебѣ надобно?» спросила Лалага, прибѣгая въ бесѣдку.

— Ты не устада еще?

«Нѣтъ!

— Пойдемъ же гулять.

«Ахъ! какъ я рада! Ты заговорила съ этимъ черномазымъ.

— И однакожь, не успѣла ничего договорить.

«Мы можемъ договорить въ одну минуту, сударыня. Прикажите выйти вашей Арапкѣ.

— Поди, Лалага.

«А гулять?

— Сей часъ. Воишь летаетъ бабочка — поди, поймай ее мнѣ, а я дамъ тебѣ конфетокъ.

Съ радостнымъ крикомъ побѣжала Лалага.

— Говорите, г-нъ Баронъ.

«Вы забыли уже, вѣроятно, съ некоторыхъ бумагахъ, г-жа Элеонора.

— Я почла это сказкою, потому, что вы съ тѣхъ поръ ничего не напоминали объ нихъ.

«Я успѣла превратить въ это время сказки въ действительность, г-жа Элеонора. Я видѣла эти бумаги — онѣ не сомнительны: письмо Фуше *отсерафѣ*, Письма Барона Калькофа такъ ясны...

— Ну, отдайте-жь ихъ мнѣ, и —

«Но, какъ-же отдать...

— И вы получите деньги, какія обѣщала я вамъ заплата — немедленно.

«Видите въ чемъ трудность: человекъ, у котораго эти бумаги, требуетъ задатка.

— Я ни одного талера не дамъ вамъ, пока бумаги не будутъ у меня.

«Клянусь вамъ моею душею, адомъ, раемъ — сдѣлайте милость, скажите, нѣтъ-ли еще какихъ нибудь клятвъ? — клянусь, что я не лгу... Проклятый

товарищъ мой, у котораго хранятся бумаги, безпрестанно боленъ, но не издыхаетъ — что мнѣ съ нимъ дѣлать.

— Ихъ надобно украсть. Онъ возражать не можетъ.

«Богъ знаетъ! Отчаяніе все сдѣлать можетъ, и онъ рѣшится идти къ самому Калькофу.

— Какъ вамъ угодно. Завтра вечеромъ я жду васъ съ бумагами — придите сюда, въ эту бесѣдку, часовъ въ 10-ть вечера, и дѣло будетъ кончено.

Она поклонилась Барону, кликнула Лалагу и пошла домой. Хилей стоялъ нѣсколько времени въ бесѣдкѣ. Казалось, онъ размышляетъ. Вдругъ, такъ сильно ударилъ онъ себя въ голову, что кровь потекла у него носомъ.

«Отъ этого легче,» говорилъ онъ самъ съ собою, и медленно пошелъ изъ сада.

На другой день, въ 10-ть часовъ вечера, Хилей былъ опять въ саду, въ назначенной бесѣдкѣ.

Едва только вошелъ онъ въ нее, какъ съ лавки, находившейся въ бесѣдкѣ, поднялся человекъ, одѣтый въ большой плащъ, и съ нахлобученною на глаза шляпою. Хилей содрогнулся опустил руку, въ карманъ и вынулъ пистолетъ.

Неизвѣстный замѣтилъ его движеніе и сказалъ ему: «Вы напрасно беспокоитесь, Баронъ — вамъ не думаюгъ причинять вреда. Если вамъ угодно видѣть г-жу Элеонору, пожалуйста за мною — она ждетъ васъ.

Молча спрятать пистолетъ свой Хилей и пошелъ за неизвѣстнымъ. Они постучались у маленькой двери. Дверь отворилась, и черезъ нѣсколько минутъ Хилей ввели въ маленькій кабинетъ, въ нижнемъ этажѣ. Элеонора сидѣла на небольшомъ тауретѣ, подлѣ письменнаго столика. Съ усмѣшкою оборо-

тилась она къ Хилей и указала ему на табуретъ, стоявшій съ другой стороны столика. Лицомъ къ лицу съѣли теперь Хилей и Элеонора.

Она казалась спокойною, есая лицо мертвого точно выражаетъ спокойствіе, какъ увѣряютъ многіе. Хилей былъ желтъ, блѣденъ; губы его тряслись, какъ у преступника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія.

— Я ожидала васъ — сказала Элеонора, съ улыбкою — знала, что вы пожалуете ко мнѣ въ назначенное время.

«Вотъ я и пришелъ, г-жа Элеонора.

— Принесли ли вы бумаги?

Съ минуту колебался Хилей. «Если бы я не принесъ ихъ — сказалъ онъ — тогда, позвольте узнать...»

— Тогда намъ и говорить не о чемъ — отвѣчала Элеонора, отодвигаясь отъ столика.

«Вы ужасны, г-жа Элеонора — вотъ бумаги!

Какъ будто судорога дернула руку Хилей, когда онъ бросилъ на столикъ довольно большую связку бумагъ.

Безмолвно смотрѣлъ онъ, какъ развернула связку Элеонора, перебирала бумаги одну за другою, провѣдала ихъ жадными глазами. Подлинное письмо Фусе и двѣ собственноручныя записки Калькофа особенно заняли ея вниманіе. Наконецъ, она опять свернула всѣ бумаги, и сложила ихъ по прежнему.

— Довольны ли вы, сударыня?

«Да.

— Имѣете ли въ рукахъ вашихъ средство управиться съ вашимъ Калькофомъ?

«Можетъ быть.

— Возьмите жъ эти бумаги, и дайте мнѣ денегъ!

«Охотно, и прежде всего отдаю вамъ въ уплату ваши фальшивыя обязательства.

Она вынула изъ столика пучокъ векселей Хилей и положила передъ нимъ. Онъ схватилъ ихъ; глаза его оживились; поспѣшно поднесъ онъ къ свѣчкѣ векселя, зажгъ ихъ и черезъ минуту остался отъ нихъ только пепель.

— Ну, сударыня, теперь дайте.

«Однакожь, я сказала вамъ, что отдаю ихъ въ уплату...»

— То есть, не въ счетъ суммы, слѣдующей за бумагами...»

«Нѣтъ, именно въ счетъ.

— Какъ?

«И будто вы не слышали словъ моихъ! Вы очень хорошо поняли ихъ, и сперва поспѣшили сжечь, уничтожить доказательства вашего обмана, а потомъ хотите спорить со мною.

— Но все еще мнѣ слѣдуетъ отъ васъ довольно.

«Вотъ задатокъ.» Элеонора вынула билетъ въ 10,000 талеровъ.

— Но развѣ только... 10,000?

«Знаю, что больше, но вы должны выполнить то, чего я потребую. Дѣло съ Рейхенбахомъ еще не рѣшено.

— Но развѣ опять вы заставите меня жениться на его невѣстѣ — что-жъ это, г-жа Элеонора? — Голосъ несчастнаго Барона измѣнился, дрожалъ.

«Совсѣмъ не думаю женить васъ, но вы обещались мнѣ быть орудіемъ моего мнѣнія Рейхенбаху — я заплатила вамъ, что слѣдовало — не говорю о вещахъ, которыя вы проиграла — обязательства ваши возвращены вамъ — вотъ еще билетъ въ уплату другой вашей услуги. Но остальное за эту услу-

гу, вы получите тогда только, когда исполните все по первому условію.

— Но это обманъ — вы обѣщали — я не знаю никакихъ условій, и пусть лучше уничтожатся эти проклятыя бумаги, нежели я стану терпѣть вашу своевольную власть.

Онъ хотѣлъ схватить бумаги. Элеонора посѣбно ухватила ихъ, и спрятала въ столикъ.

«Вы употребляете со мною насиліе!» вскричала Хилей, векакивая съ своего мѣста. «Вы не знаете, сударыня, до чего можетъ довести челоуѣка отчаяніе! Мы одни, и я ни за что не ручаюсь...»

— Тише, любезный Баронъ, тише! Вы совсѣмъ не годитесь въ герои!

«Я докажу вамъ, сударыня, что не допущу обижать себя!» вскричалъ Хилей, вынимая пистолетъ изъ кармана.

Я увѣрена, что онъ не заряженъ и вы шутите. Мы сей часъ узнаемъ это.

Она позвонила въ колокольчикъ. Изъ двухъ дверей показались два огромные челоуѣка въ плащахъ, съ шляпами на головахъ.

— Но позвольте, сударыня — сказала Хилей, спрятавъ свой пистолетъ и спокойно сядя на свое мѣсто. По знаку Элеоноры неизвѣстные въ плащахъ удалились.

«Неужели вы думали, Баронъ, что я не приняла мѣръ для защиты своей, рѣшившись теперь говорить съ вами?»

— Но знаете ли вы, г-жа Элеонора, знаете ли, до чего вы меня довели! Знаете ли, какъ досталъ я эти бумаги?... Я задумалъ несчастнаго, у котораго хранились они....

«Онъ и былъ уже боленъ, кажется, говорили вы?»

— Да, я разсудилъ, что смерть только облегчитъ

его страданія — и притомъ такое упрямство, такое жадное корыстолюбіе, такая недовѣрчивость къ старому товарищу — онъ ни за что не отдавалъ мнѣ бумагъ своихъ.... Все такъ, но — признайтесь, что они мнѣ дорого достались....

«Соглашаюсь, и вы будете награждены съ нѣлицомъ....»

— Награжденъ! — Баронъ улыбнулся адски.

«Впрочемъ, вамъ остается соглашаться со мною, и вы ничего сдѣлать не можете.»

— Говорите жъ, ради Бога! Признаюсь вамъ, что здѣсь остается жить, мнѣ нѣтъ болѣе возможности. Я думалъ получить отъ васъ деньги и немедленно ѣхать отсюда. У меня все готово....

«И прекрасно. Приготовьте все къ отъѣзду вашему, окажите мнѣ послѣднюю услугу, и — счастли- вый вамъ путь!»

— Я все приготовилъ къ завтраму.

«Вотъ что вы должны сдѣлать: Рейхенбахъ не былъ доволенъ одною любовью; ему захотѣлось соединить съ любовью наслажденіе природою, и онъ съ двумя старухами, и съ невѣстою своею, удалился въ сельское убѣжище, нанявъ хижинокъ, недалеко отъ столицы, близъ Розенгайна.... Вы должны увезти Генриэтту изъ этого сельскаго убѣжища.»

— Помилуйте! Новая исторія — и куда мнѣ съ Генриэттою! И будто легко вырвать подругу изъ рукъ поэта!

«Все будетъ для васъ готово. Рейхенбаха завтра потребуютъ въ городъ, и онъ долженъ будетъ про- вести въ городъ цѣлыя сутки. Подруга его съ одною служанкою бродитъ вечерами по полямъ и рощицамъ. Милаго друга ея не будетъ при ней. Въ 8-мъ часовъ вечера, вы должны пріѣхать въ Кастельбизу, подлѣ Розенгайна — тамъ я буду дож-»

даться васъ. Четыре челоѣка людей, преданныхъ мнѣ, подъ руководствомъ нашимъ, схватятъ Генріэтту; вы передадите ее мнѣ — и ваше дѣло кончено. Немедленно вручу я вамъ всѣ остальные деньги, и вы можете отправиться въ Парижъ, Лондонъ — куда угодно!

— Дѣло не трудное. Но, почему же я опять должень?... Дайте мнѣ теперь еще 10,000 талеровъ — и я готовъ на все...

«Охотно. Но вѣдь вы прямо отсюда побѣжите на игру, и проиграете — хоть миллионъ...»

— Правда, правда, г-жа Элеонора... Все къ лучшему... не надобно болѣе денегъ... До свиданья въ Кастельбизу!

«Еще одно слово, Баронъ: если вы придумали какое нибудь средство обмануть меня — будьте увѣрены, что оно будетъ безуспѣшно. Я знаю, гдѣ вы собираетесь играть; я готова отдать Калькопфу бумаги...»

— Вы ужасная женщина! — воскликнулъ Баронъ. — Послѣ этого, мнѣ не нужно знать никакихъ подробностей.

Онъ взялъ билетъ и спѣшилъ выйти. Элеонора начала писать что-то; еще разъ пересмотрѣла она бумаги, принесенныя Хилсемъ. Часовъ въ 10-ть вечера, она велѣла заложить свою коляску и поѣхала въ городъ.

Вильгельмъ грустно смотрѣлъ въ окно загороднаго домика, который нанялъ онъ на время въ Розенгайнъ, прелестномъ мѣстечкѣ недалеко отъ столицы. Потому именно выбранъ былъ имъ Розенгайнъ, что это мѣстечко не походило на каргочныя пародіи сельской природы, какія находятся почти близъ

всѣхъ большихъ городовъ Европейскихъ. Тутъ не встрѣчали вы, ни вырытыхъ озеръ, ни насаженныхъ рошницъ, ни разбитыхъ по правиламъ перспективы *тогекъ зрѣніа*, ни развалины, складенныхъ по рисункамъ академическимъ. Розенгайнъ былъ просто деревня, гдѣ жили не поддѣльные крестьяне, не шутя разваливался вблизи старинный замокъ княжескій, дичали и заростали бурьяномъ луга. За то ни кто не заглядывалъ сюда изъ столичныхъ жителей. И за чѣмъ заглянули бы они сюда? Тутъ не было ни одного пыльнаго троттуара, по которому могли бы они насладиться прогулкою; не было даже трактира, гдѣ могли заказать обѣдь, или напитокъ чаю и наѣсться мороженаго охотники наслаждались сельскими удовольствіями. Извѣстно, что природа хороша *украшенная искусствомъ*, и тогда только дѣлается она *излишною*; это давно доказано Сульцеромъ, Бутгервекомъ, и безъ этого, настояція деревни, настояція крестьяне и крестьянки, все это такъ грубо, такъ неискусственно....

Но чудачу Вильгельму именно по тому нравился Розенгайнъ. Къ величайшей досадѣ своей, онъ не могъ скоро вырваться изъ столицы; оказалось такое множество задержекъ! Надобно было выправлять паспорта, брать свидѣтельства, рѣшать разныя дѣлашки г-жи Шульце, и — Богъ знаетъ откуда, рождалось противъ всего этого такое множество препятствій! Справки и приказныя обряды льнули ко всему этому, какъ рѣпейникъ къ кудрявой шерсти меринуса. «Ну! не люди ли портятъ сами себѣ жизнь и губятъ свое счастье?» восклицалъ Вильгельмъ, горькими глазами смотря на мать свою, когда принесли изъ консисторіи, или изъ какой-то реформъ-католишъ-коллегии запрещеніе пастору вѣнчать Вильгельма Рейхенбаха и Генріэтту Шульце. Не доставало како-

го-то свидетельства, какой-то справки, метрическаго доказательства. Г-жа Рейхенбахъ улыбнулась. «Нельзя же на слово тебѣ повѣрить?» говорила она. Вильгельмъ разсердился. «Святое чувство, небесный союзъ двухъ сердецъ, два сердца, соединенныя Богомъ — и для нихъ справки, какъ будто для воровъ, бездѣльниковъ, какъ будто для людей, которые хотятъ обманывать другъ друга...»

— Какъ онъ милъ, сердитый! — вскричала Генріэтта, бросаясь къ Вильгельму.

Вильгельмъ засмѣялся и обиллъ Генріэтту. «По крайней мѣрѣ, маменька, оставимъ-те этотъ пыльный, глупый, скучный городъ. — Я задыхаюсь въ немъ — скорѣе, скорѣе убѣжимъ-те хоть за городъ, въ лѣса, въ рощи, на дуга, пока тутъ будутъ выправлять и доправлять справки, выправки, свидетельства...»

И счастливая семья удалилась въ Розенгайнъ. По нѣсколку дней, съ восхожденіемъ солнца уходили Вильгельмъ и Генріэтта, бродили по лѣсамъ, дугамъ, берегамъ рѣки, не возвращались иногда и къ обѣду; имъ было такъ весело обѣдать невзначай, въ хижинѣ какого нибудь поселенина, замѣять грубымъ его супомъ, или кринкою молока и кускомъ хлѣба всю изысканность городскихъ обѣдовъ.

Насталъ день рожденія Генріэтты. Вильгельмъ первый увидѣлъ Генріэтту, встрѣтилъ ее такъ весело, такъ мило; она была такъ хороша, такъ хороша счастьемъ — право, она была красавица на эту пору.

«Поздравляю тебя, милый другъ! Я Валентинъ твоей на цѣлый годъ, и посмотри, что я принесъ тебѣ.

— Ахъ! какое милое колечко! — вскричала Генріэтта.

«На немъ вырѣзаны наши имена. Этотъ бриллиантъ, такъ красиво обставленный бирюзой...

— Покажи, покажи, Вильгельмъ! Я сохраню его во всю жизнь мою... Я буду беречь его...

Генріэтта спѣшила взять колечко у Вильгельма, и по тому, можетъ быть, уронила его; колечко покатилося и пропало... Напрасно искали его Вильгельмъ и Генріэтта. Колечко пропало. Генріэтта поблѣднѣла.

— Не тревожься, милый другъ! — Я куплю тебѣ десять новыхъ колечекъ! Да, и это, вѣрно, укатилось подъ полъ; мы велимъ поднять половицу.

«Какая неосторожность!» говорила Генріэтта, улыбаясь насильно.

Смѣйтесь надъ примѣтами. Не только согласенъ и смѣяться съ вами, но даже стану философически доказывать вамъ, что примѣты не существуютъ, что предразсудокъ остатокъ непростительнаго суевѣрія. Но тотъ не любилъ, тотъ не ѣлъ горькаго хлѣба жизни, тотъ, кто не вѣрилъ въ примѣты, кто не трепеталъ карканья ворона, не пугался, увидѣвъ новый мѣсяцъ съ лѣвой стороны...

Вильгельмъ и Генріэтта притворялись другъ передъ другомъ; онъ и она смѣялись надъ дурною примѣтою, а сердце Вильгельма заняло и замерло отъ какого-то тяжкаго предчувствія, и Генріэтта готова была плакать.

— За чѣмъ сдѣлалось это въ день моего рожденія! — сказала она тихонько.

«Всѣ дни равны у Бога!» съ принужденною важностью повторилъ Вильгельмъ, какъ будто это все не было извѣстно Генріэттѣ.

— Пойдемъ къ маменькѣ, Вильгельмъ. Она расположилась пить кофе въ бесѣдкѣ. Коляска, вѣроятно, готова — ты не забудь, что мы расположились провести сегодня цѣлый день въ Гейнрихсдорфѣ,
Т. V. — Отд. I.

гулять тамъ въ паркѣ, плавать на тамошнемъ озере? —

«Какъ забыты! И посмотри, Генриэтта, что за день — прелесты! Онъ походитъ на твои розовыя щечки, Генриэтта.

— Благодарю за комплиментъ, да и какой еще милый — хоть бы не отъ жениха! — Приходи же, Вильгельмъ!

Генриэтта побѣжала. Казалось, что несчастная потеря колечка была забыта. Но Вильгельмъ самъ не постигалъ, отъ чего такъ страшно запываетъ у него сердце, словно змѣя сосетъ подъ сердцемъ... Онъ не успѣлъ оглянуться, когда подали ему письмо.

Съ невольнымъ трепетомъ взялся онъ за письмо. «Кто бы, о чемъ бы могъ писать ко мнѣ?» подумалъ Вильгельмъ.

Письмо было отъ пріятеля Вильгельмова Шейермана, который усердно хлопоталъ по дѣламъ его и по всемъ справкамъ. Есть люди, похожіе на каретную подножку, на колоши, на теплый сюртукъ — необходимость жизни. Таковъ былъ Шейерманъ. Вся жизнь этого человѣка проходила въ услугахъ другимъ и въ чужой заботѣ. Съ утра до вечера, онъ покупалъ, продавалъ, заключалъ условія, писалъ сдѣлки, навязывался съ услугами, бѣгалъ съ одного конца города на другой, и кто хотѣлъ одолжить Шейермана, тотъ долженъ былъ попросить его о чемънибудь похлопотать.

— Поздравляю, любезный Рейхенбахъ, отъ души поздравляю васъ — писалъ Шейерманъ. Изъ приложенной при семь записки, вы можете видѣть, что едвали счастливая звѣзда ваша не начинаетъ снова свѣтить яркими лучами. Поспѣшите поскорѣе и немедленно пріѣхать сюда. Я далъ за васъ подписку, что вы львитесь непременно, и отправляю къ вамъ

нарочнаго въ коляскѣ. Благосклонность знатныхъ и великихъ людей, какъ случай, имѣть только одинъ клочекъ волосовъ на головѣ; надобно ловить ее за этотъ хохолокъ, а не то, пропустивъ случай, никогда не поймаетъ. Разумѣется, что послѣ сближенія вашего опять съ Княземъ, всѣ дѣла ваши кончатся въ одинъ день, и безъ справокъ дадутъ вамъ свидѣтельство, пожалуй, хоть о томъ, что вы родня Кохинхинскому Царю и ближайшій наслѣдникъ Китайскому Богдыхану...»

— Развѣ для этого, развѣ для того только, чтобы поскорѣе развязаться, чтобы поскорѣе назвать Генриэтту мою, я рѣшусь исполнить новую неожиданную прихоть знати. На что имъ опять понадобился?

Записка, приложенная при письмѣ Шейермана, былъ приказъ Его Превосходительства Оберъ-Гофъ-Церемоніймейстера, чтобы Рейхенбахъ немедленно явился къ нему, для полученія извѣстій, въ какомъ именно часу долженъ предстать онъ Рейхенбахъ для личнаго свиданія съ Княземъ.

«Къ Князю!» думалъ Вильгельмъ. «Что еще имъ надобно? Чего опять отъ меня потребуютъ? Не хотятъ ли *заказать* мнѣ новой трагедіи? Но, какъ досадно, что Князю вздумалось потребовать меня именно въ этотъ день! вмѣсто того, чтобы наслаждаться счастьемъ въ моей семьѣ, съ моею Генриэттою, мнѣ надобно потащиться въ переднія знати... Какъ досадно! Прощай прогулка наша въ Гейнрихсдорфъ! А если не поѣхать? Что такое тяготить, терзаетъ мое сердце какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ? — Бѣдна Генриэтта! Она испугается...»

Въ самомъ дѣлѣ, Генриэтта затрепетала и заплакала, когда Вильгельмъ угрюмо объявилъ, что дол-

женъ поспѣшить въ столицу, и показалъ призывную записку.

— Ахъ! Вильгельмъ! ради Бога, не ѣди сегодня, не ѣди! Богъ съ ними — завтра будетъ еще время! Я боюсь, сама не знаю чего, но боюсь!

«Ты дурочка, Генріэтта», сказала г-жа Шульце — у которой видъ сдѣлался уже торжественнымъ, едва узнала она о призывѣ Вильгельма къ Князю. — «Ты дурочка! Какъ можно ослушаться Его Свѣтлости?»

— Онъ скажется большимъ.

«И стало бытъ, мы все таки не поѣдемъ въ Гейнрихсдорфъ, и Вильгельмъ твой долженъ будетъ, въ скукъ и неизвѣстности, томиться и сидѣть цѣлый день, а завтра все таки ѣхать надобно. И я скажу: ослушаться нельзя. Чтожь попустому откладывать? Потому только, что ты не хочешь отпустить его сегодня? Завтра развѣ не такой же день?»

— Ну, такъ мы всѣ поѣдемъ съ нимъ!

«Для чего же, милый другъ?» спросилъ Вильгельмъ — чего ты боишься, и что ты сдѣлаешь, если поѣдешь со мною? Ты видишь, что меня зовутъ говорить съ самимъ Княземъ, а не въ судъ какойнибудь. Опасности ни какой нѣтъ.

— И между тѣмъ, призывъ этотъ похожъ на полицейскій приказъ.

«Ха, ха, ха! Такъ неужели къ твоему Вильгельму Князь самъ будетъ писать: «любезный г-нъ Рейхенбахъ! пожалуйста пріѣзжайте ко мнѣ сегодня, покорнѣйше васъ прошу, чѣмъ меня крайне и много одолжите?»

— Но, маменька, къ чему все это сегодня, въ весь день моего рожденія, когда мы хотѣли провести его такъ весело....

«Да, развѣ Князь могъ знать, что сегодня день

твоего рожденія, и что мы располагались гулять въ Гейнрихсдорфъ?»

— Вильгельмъ — сказала г-жа Рейхенбахъ — ты долженъ ѣхать, и знаешь ли что? Мы, по уговору, отправимся въ Гейнрихсдорфъ. Если ты отдѣлаться рано, то пріѣзжай къ намъ туда прямо. Мы тамъ ночуемъ у нашего добраго Буттера, и замѣнимъ завтрашнимъ днемъ сегодняшнюю потерю.

«Ѣхать безъ Вильгельма?» вскричала Генріэтта — провести этотъ скучный день въ пуццей тоскѣ. — Нѣтъ! ни за что! Лучше прогоревать его здѣсь.

— Для этого-то и надобно ѣхать, чтобы ты разсѣялась и не горевала.

«Ахъ! Вильгельмъ!» сказала Генріэтта, когда онъ обнялъ ее, готовый къ отъѣзду — будь остороженъ, береги себя, ради Бога!

— Полно плакать, Генріэтта! Что за ребячество? Развѣ я Богъ знаетъ куда и за чѣмъ ѣду — проскакать двѣ мили до города, по хорошему шоссе, а въ городъ, кажется, опасности нѣтъ — разбоевъ не слышно.

«Кто поручится за будущую минуту? кто знаетъ, что будетъ съ нимъ черезъ часъ? Ты не повѣришь, какъ трепещу я! Какъ было весело располагалась я провести этотъ день — и вотъ начинаю его следами!»

— А кончишь смѣхомъ. Такъ всегда ведется въ природѣ — послѣ солнца дождь, послѣ дождя солнце.

«Пріѣзжай же въ Гейнрихсдорфъ поскорѣе. Я буду ждать тебя въ большой аллеѣ тамошняго сада княжескаго, подлѣ самой дороги.

— Но только не ходи одна, милый другъ, безъ нашего Филиппа — я боюсь.

«И ты боишься! Чего же?»

— Чего?... Женщины твореніе такое беззащит-

ное — ее дитя может напугать. Я поспѣшу прѣвѣхъ, и прямо остановлюсь у большой аллеи парка.

Они поцѣловались. Вильгельмъ пошелъ и оглянулся еще разъ. Генріэтта стояла и плакала. Невольно затрепетало у него сердце; онъ еще разъ обнялъ Генріэтту.

Шейрманъ встрѣтилъ Вильгельма съ восклицаніями: «Какъ вы запоздали, мой любезный Рейхенбахъ! Еще присылали изъ канцеляріи господина Оберъ-герръ-гофъ-церемоніймейстера, требуя отвѣта. Я далъ подписку, что вы немедленно явитесь, и трепеталъ, чтобы вы не вздумали не ѣхать.

— Почему же такъ, мой добрый г-нъ Шейрманъ!

«Да вѣдь вы поэтъ, г-нъ Рейхенбахъ!» улыбаясь, отвѣчалъ Шейрманъ.

— *Быль.*

«Отъ пьянства и отъ стиховъ люди никогда не вылечиваются.

— Увидимъ.

Они пошли въ канцелярію г-на Оберъ-герръ-гофъ, etc. —

— Да, Его Превосходительство вчера, поздно вечеромъ, изволилъ присылать своего камердинера, чтобы немедленно отправить къ вамъ записку.

«Что же теперь прикажете дѣлать?»

— Подождите. Мы справимся у г-на камердинера. Черезъ часъ пришли съ извѣстіемъ отъ г-на камердинера, что Его Превосходительство уѣхалъ во дворецъ, и вельмъ явился къ себѣ г-ну Рейхенбаху въ семь часовъ вечера.

«Прощай прогулка въ Гейнрихсдорфъ! Бѣдна! Генріэтта! Какъ дологъ и мучителенъ покажется ей этотъ день!» — подумалъ Вильгельмъ.

Тихо побрѣлъ онъ, грустный и задумчивый, до

мой, и дорогою, на досугъ, жаловался на судьбу и людей. «Нѣтъ, нѣтъ! дальше отъ нихъ—Богъ съ нами!» ворчалъ онъ. — «Какое безуміе ждать чего либо отъ нихъ, тереться между ними, когда они призываютъ къ себѣ поэта съ подпискою объ явкѣ его, какъ будто по уголовному дѣлу тяжущихся сторонъ; когда они выдумали сотни бумагъ, которыя надобно подписать и записать, пока человѣку позволять назвать своею подругою милое, любимое имъ созданіе»....

— Г-нъ Шейрманъ! я хочу ѣхать.

«Какъ? Не дождавшись рѣшенія? Когда вамъ вельмо явиться въ семь часовъ, когда васъ ждетъ Его Свѣтлость»....

— Видно, не очень-то ждетъ онъ меня, когда по его призыву надобно пробиваться цѣлый день до его передней.

«Ахъ! г-нъ Рейхенбахъ! что за мысли, что за рѣчи! Ну, что если бы ктонибудь услышалъ—Боже сохрани!»

— Какъ легко разрушиться человѣческому счастью!—думалъ Вильгельмъ.—Можно ли, чтобы этотъ день, день рожденія Генріэтты мнѣ суждено было провести такъ глупо, между передней вельможи и князи, по приказу камердинера господина Оберъ-герръ-церемоніймейстера.

«Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ не отпущу. Въ ожиданіи, мы соберемся въ дружескій кружокъ, разопьемъ бутылку рейнвейну, поговоримъ, посмѣемся!»

— Ради Бога, этого-то хоть не дѣлайте, любезный г-нъ Шейрманъ!

«Все будутъ друзья, всѣ люди уважающіе васъ — всего человѣкъ, человѣкъ»....

— Два, не болѣе, если хотите. Позовите добрака

Шлиппе, будьте еще сами, и довольно. Въ троемъ насъ достанетъ на вашу бутылку...

«Будь по вашему. Бѣгу и все устрою; позову Шлиппе... Мнѣ еще такая бездна дѣла! Не пойдете ли вы прогуляться между тѣмъ?»

— Нѣтъ, я дожидаюсь васъ здѣсь и никуда не пойду.

«Не хотите ли заняться между тѣмъ, чѣмъ нибудь— вотъ газеты, вотъ...

— Благодарю. Идите за своими дѣлами, любезный Шейерманъ.

«Да не увъжайте-же» — подтвердилъ Шейерманъ, возвращаясь еще разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я уже сказалъ вамъ.

«Вамъ будетъ скучно? Не остаться ли мнѣ съ вами?»

— Ради Бога, успокойтесь. У меня есть книга съ собою.

Часа два пролетѣли потомъ для Вильгельма незаметно. Онъ занялся новымъ сочиненіемъ одного изъ тѣхъ людей, которыхъ люди не слушаютъ, а если слушаютъ, то не понимаютъ. Вильгельмъ увлекся этимъ любимцемъ души....

— Отъ чего происходитъ все то, что дѣлается передъ нами? Вы хвалите умъ, и губите умнѣйшихъ; вы губите ихъ, не позволяя имъ жить сообразно условіямъ ихъ природы. Можно подумать, вида, какъ легко торгуетесь вы за поэта, что это самое обыкновенное дѣло, *поэтъ*. Вспомните, что если у народа, въ десять вѣковъ, наберется ихъ двое, народъ считаетъ уже себя богатымъ и гордится тѣмъ. Есть такіе народы, у которыхъ ни одного поэта не бывало, у которыхъ никогда ни одного не будетъ. Отъ чего же происходитъ все то, что дѣлается передъ нами? Отъ чего столько потухшихъ звѣздъ,

едва только начинали они проясняться? Отъ того, что вы не знаете, что такое поэтъ, и не хотите знать объ этомъ. *Auhas tu donc toujours des yeux rouges ne pas voir, Jerusalem?* — *Три рода* есть людей, которыхъ не должно смѣшивать, и которые дѣйствуютъ въ обществахъ, раздѣленныхъ недоступными границами. — Люди ловкіе на дѣло жизни, и всегда оцѣненные, встрѣчаются между нами безпрестанно. Они кстати на все, кстати всему. Такой человекъ гибокъ чудно, ловокъ чудно. Онъ вѣрно дѣлаетъ то, что рѣшился дѣлать, выговариваетъ чисто и ясно все, что хотѣлъ сказать. Ничто не мѣшаетъ ему въ жизни быть осторожнымъ, сочувствуемымъ другомъ, лично и въ трудахъ своихъ. Умъ его свободенъ, свѣжъ, всегда готовъ, всегда на лицо, всегда на отпоръ. Лишенный дѣйствительныхъ чувствованій, онъ быстро отбиваетъ упругій мячикъ жизни. Онъ пишетъ *дѣльное*, какъ писалъ бы *литературное*, и литературное, какъ дѣльное; безразлично занимается онъ художествомъ и критикою, принимая въ одной условную форму, въ другомъ разсуждая о формѣ. Ему вѣдома куча отборныхъ словъ, которыя можетъ оцѣ соединить, для приданія имъ внѣшности страстей, задумчивости, важности, учености, восторга. Хладнокровно и вѣрно наблюдаетъ онъ надъ ними; угадываетъ, не чувствуетъ ихъ; издали чуетъ ихъ, какъ неопредѣленный запахъ вѣдомаго цвѣтка. Онъ знаетъ мѣсто славы, мѣсто чувства, и возводитъ итоги ихъ къ разсчету. Онъ дѣлаетъ себя языкъ родовъ, какъ дѣлаютъ маски лицъ. Онъ можетъ писать комедію и надгробную рѣчь, романъ и исторію, посланіе и трагедію, куплетъ и политическую рѣчь. Отъ грамматики переходитъ онъ къ работѣ, вмѣсто перехода отъ вдохновенія къ

слогу. Онъ умѣлъ все образовать во вкусъ общему и красивому, и можетъ пріятно вырѣзывать изъ ума своего все, даже краснорѣчіе страстей. Это *человѣкъ литературный*. Этотъ человѣкъ всегда любимъ, всегда понятъ, всегда на виду; легкій, онъ не тяготитъ никого; его носятъ на рукахъ всюду, куда хочетъ онъ идти; это щеголеватый властитель настоящаго, которыхъ столько произвелъ XVIII-й вѣкъ. — Выше его стоятъ человѣкъ породы сильнѣйшей и лучшей. Глубокое и строгое убѣжденіе есть тотъ источникъ, гдѣ черпаетъ онъ свои созданія, широкими волнами разливая ихъ на почву грубую, часто неблагоприятную. Онъ обмыслилъ въ своемъ уединеніи полную свою философію, онъ видитъ ее однимъ взглядомъ, держитъ ее въ рукѣ своей, какъ цѣпь, и можетъ сказать, къ какой мысли прицѣпить онъ свое первое кольцо, къ какой доведетъ послѣднее, и къ какимъ прицѣпятся потомъ всѣ другія, въ послѣдствіи. Его память богата, вѣрна, почти безошибочна; его сужденіе здраво, свободно отъ всѣхъ смятеній, кромѣ тѣхъ, которыхъ ищетъ онъ самъ, свободно отъ всѣхъ страстей, кромѣ тѣхъ, которыя возбуждаетъ онъ самъ; онъ изучаетъ спокойно. Геній его — это вниманіе въ высочайшей степени, здравый смыслъ, въ самомъ великолѣпномъ выраженіи. Языкъ его вѣренъ, чистъ, величественъ въ походкѣ, силенъ въ ударѣ. Всего потребнѣе ему порядокъ и ясность, ибо у него всегда въ виду народъ, которому онъ говорить, и дорога, по которой ведетъ онъ вѣрующихъ ему. Жаръ непрерывной битвы воспламеняетъ его жизнь и его писанія. Въ сердцѣ его великіе перевороты и блестящія огромныя волненія, тайно безпокоящія его, но повелѣваемыя и прикрываемыя его вѣрнымъ умомъ. Наконецъ — онъ идетъ такимъ

шагомъ, какимъ хочетъ, умѣетъ сѣлтъ въ великую глубину, и ожидать восхода послѣдннаго въ ужасающей неподвижности. Онъ господнитъ себѣ, и тѣмъ, кого влечетъ, куда угодно, по своей волѣ; онъ держитъ умъ народа въ рукѣ своей, а мнѣніе, какое имѣютъ объ немъ, держитъ его въ почтеніи самого себя и принуждаетъ наблюдать за своею жизнію. Это *великій писатель*. Онъ не несчастливъ; онъ имѣетъ, что хочетъ имѣть; онъ всегда будетъ сражаться, но оружіемъ ловкимъ, и когда заключитъ перемиріе, будетъ уваженъ въ обоихъ таборахъ. Побѣдитель и побѣжденный, онъ всегда увѣнчанъ. Его нечего жалѣть. Но есть еще одно поколѣніе человѣческое, природа болѣе страстная, болѣе безпримѣсная міру, болѣе рѣдка. Съ нею человѣкъ неспособенъ ни къ чему, что не небесно, и такой человѣкъ приходитъ въ міръ рѣдко, къ несчастію для себя, къ счастью для рода человеческого. Приходя, онъ въ тягость другимъ, если совершенно принадлежитъ къ этой исключительной и могучей природѣ, природѣ великихъ, вдохновенныхъ людей. Чувствованіе рождается съ нимъ, такъ глубоко, такъ внутренно, что съ младенчества погружаетъ его въ невольные восторги, въ нескончаемыя мечтанія, въ безконечныя изобрѣтенія. Прежде всего, имъ обладаетъ воображеніе. Могуще созданная, душа его удерживаетъ и обсуживаетъ все широкою памятью и чувствомъ прямымъ и проникающимъ. Но воображеніе увлекаетъ эти способности къ небу, такъ же беззащитно, какъ аэроплатъ увлекаетъ свою лодочку. При малѣйшемъ толчкѣ, онъ стремится, при малѣйшемъ дыханіи онъ летитъ, и не перестаетъ блуждать въ пространствѣ, гдѣ вовсе нѣтъ человѣческихъ дорогъ. Величественное бѣгство въ неизвѣстные міры дѣлается необходимою привыч-

кою души его! Съ этихъ поръ — нѣтъ отношеній у него къ людямъ, такихъ, которыя не были бы испорчены и разорваны въ нѣкоторыхъ точкахъ! Чувствительность его дѣлается слишкомъ живою; что другихъ царапаетъ, то ранить его до крови; его излишніе восторги влекутъ его; его сочувствія слишкомъ истинны; то, о чемъ плачетъ онъ, страдаетъ гораздо менѣе его — онъ умираетъ болѣзною другихъ. Отвращенія, тренія, сопротивленія чело-вѣческаго общества повергаютъ его въ глубокое уничтоженіе, въ черное негодованіе, въ непреодолимое отчаяніе, потому, что онъ понимаетъ все слишкомъ полно и слишкомъ глубоко, потому, что взоръ его проходитъ прямо къ причинамъ, которыя онъ оплакиваетъ, или пренебрегаетъ, когда взоры другихъ останавливаются на дѣйствіяхъ, съ которыми они сражаются. Отъ того, онъ удаляется, обращается къ самому себѣ, запирается въ самомъ себѣ, какъ въ тюрьмѣ. Потому внутри его горячей головы образуется и возрастаетъ что-то похожее на вулканъ. Пламя тлѣетъ глухо и тихо въ этомъ кратерѣ, и извергаетъ гармоническія лавы, сами собою падающія въ форму стиховъ. А день изверженія — знаетъ ли онъ его? Подумаетъ, что онъ, какъ погоронній, присутствуетъ при томъ, что происходитъ въ немъ самомъ — такъ это неожиданно и небесно! Онъ влачится снѣдаемый внутреннимъ жаромъ и неизъяснимыми томленіями; онъ ходитъ, какъ больной, и не знаетъ, гдѣ ходить; бродитъ три дня, не въдал, гдѣ бродилъ онъ; ему потребно ничего не дѣлать, чтобы сдѣлать что нибудь; надобно ему не дѣлать ничего обыкновеннаго и ежедневнаго, чтобы понять созвучія, медленно и отъ всего образующіяся въ душѣ его, которыя грубый стукъ положительной и правильной ра-

боты прерветъ и неизбежно заставить исчезнуть.— Это *поэтъ*. Онъ отдѣленъ отъ міра, едва показавшись въ мірѣ. Ему ваши слезы; ему ваше состраданіе! Простите его, спасите его!».

«Ты лжешь Винди — ты, либо обманываешься, либо обманываешь! Ты красно говоришь, но три дѣленія твои никогда не существовали, не существуютъ, не будутъ существовать. Всѣ эти люди уроды, и ихъ не три рода — триста родовъ; одни изъ нихъ избираются людьми въ судьи, предводители, другіе нанимаются въ слуги, въ прикащики ума людскаго, третьи не годятся ни къ тому, ни къ другому; всѣ они Негры на сахарномъ заводѣ міра, и міръ, и люди не виноваты, что они рождаются уродами, дѣлятся работать, не умѣютъ плясать, приглашенные на балъ жизни. Не ходи, или пляши, уродъ, пляши, хоть для того, чтобы другіе смѣялись, какъ ты кривляешься смѣшно, уродливо, не подь ладъ гудку людскому...».

«Не то, бѣги, уродъ, бѣги баловъ и людскихъ пирушекъ! Далѣе, далѣе отъ нихъ — туда, гдѣ нѣтъ ихъ! Въ мірѣ выстроена больница *поэти*, и тамъ тебѣ спокойное мѣстечко, даровой хлѣбъ неба — живи, только не дерись и не кусайся, и житье тебѣ будетъ привольное! Есть на востокъ земля побрякушекъ, бумажныхъ городовъ, лаковыхъ кровель, узкоглазыхъ рожъ, длинныхъ ногтей, поклоновъ и драконовъ, жилищъ на рѣкахъ и рѣкъ на мостахъ — и въ этой землѣ вдохновенный уродъ Камознѣш нашелъ себѣ пещерку, освѣтилъ ее вдохновеніемъ, воскресилъ въ ней мечтаніемъ подвиги дѣлъ давно минувшихъ. Океанъ рвалъ у него потомъ изъ рукъ его вдохновенные листки — онъ все бросилъ несытому Океану, но только изторгнулъ у него листки свои. Что за дѣло, если потомъ онъ умеръ въ больницѣ,

что за дѣло — умерла слава Португальцевъ, и все еще жива въ твореніи Камонса, и благоговѣнно приходитъ странникъ смотреть ту мрачную пещеру между скалъ Макао, гдѣ создана была *Лузіада*»...

«Камонсъ—Макао—больница св. Анны—Лузіада!» воскликнулъ громко Вильгельмъ. Онъ ходилъ крупными шагами по комнатамъ—бросилъ книгу. «Я не хотѣлъ уже болѣе писать стиховъ».... Онъ искалъ глазами пера и бумаги.... «Я не стану тѣшить людей гремушками рѣшмы!... Проклятый Шейерманъ! ни одного листочка бумаги — карандашъ у меня есть.... Камонсъ! тебѣ мое вдохновеніе, твои твоей дань минутнаго восторга!»

Отодвинувъ ящикъ у бюро, Вильгельмъ увидѣлъ тамъ нѣсколько листовъ бумаги; черезъ нѣсколько минутъ, голова его горѣла, строки ложились на бумагу,

И звонкой рѣшмой замыкались.

Если вы не видали влюбленныхъ, которые разлучились на годъ послѣ перваго поцѣлуя, не видали, какъ, съ крикомъ: *Ура!* идетъ въ первый бой пылкій юноша, не видали друзей послѣ пяти-лѣтней разлуки за второю бутылкою вина — вы не знаете, что такое поэтъ въ то время, когда голова его кипитъ свѣтлою думою, и хлещетъ черезъ край алмазами стиховъ,

I niesmiertelne piesni za soba uroni,
S ktorych wieki uplota ozdobe twych skroni!

Онъ писалъ, онъ забылъ все — и Гейнрихсдорфъ, и посредника между поэзією и знатностью, камердинера его превосходительства, господина Гофгерръ-оберъ-церемоніймейстера, и Шейермана съ его объѣдомъ...

— Вильгельмъ Рейхенбахъ!

«Вотъ и мы здѣсь!» — раздались два голоса съ двухъ сторонъ.

— Дайте обнять себя!

«Что вы сдѣлали, г-нъ Рейхенбахъ!»

— Новое созданіе! Вижу, вижу...

«Молъ бѣдная просьба къ Его Превосходительству, о пенсіи этой бѣдной вдовѣ покойнаго Арменгаузера!»

Шлиппе душилъ Вильгельма въ объятіяхъ, а Шейерманъ съ горестью смотрѣлъ на бумагу, которую исписалъ Вильгельмъ своимъ *Камонсомъ*, и на лоскутья, въ которые превратилъ онъ часть бумаги, недовольный нѣкоторыми стихами.

— Ноль, помяните, г-нъ Рейхенбахъ, какъ же можно было вамъ такъ недавно говорить, что вы отказываетесь отъ стиховъ — Посмотрите — вѣдь это прелесть, чудо!...

«Но, помяните, г-нъ Рейхенбахъ! вѣдь это была нужная, пренужная бумага!»

— О чемъ вы тутъ горюете, любезный Шейерманъ? Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, я и не разсмотрѣлъ, что на другой-то сторонѣ что-то у васъ написано! — Въ жару поэтическаго восторга, Вильгельмъ, дѣйствительно, не замѣтилъ, что ему попалась *негиталъ* бумага, и онъ употребилъ на свою новую поэмѣ просьбу какой-то вдовы, приготовленную Шейерманомъ.

«Впередъ оставляйте въ запасъ бѣлой бумаги! вскричалъ Шлиппе —» и что за вздоръ — просьба! И вотъ что прелесть, такъ прелесть: мечты поэта на оборотъ приказныхъ выраженій! Давайте поскорѣ читать, читать!

Шлиппе обѣщала Шейерману переписать просьбу съ нова, бѣло на бѣло, чисто на чисто, принудилъ Вильгельма читать, и восторгами своими разсѣялъ

маленькую досаду общаго пріятеля. Шейерманъ былъ въ восхищеніи, увѣрилъ даже, что его просьба перейдетъ въ безсмертіе, какъ пылъ на знаменитомъ изданіи Омира.

Шейерманъ первый однакожь напомнилъ, что пора принятъся и за земныя потребности. Друзья засѣли за маленькій столикъ. Шейерманъ выставилъ свою застарѣлую, мохнатую бутылку рейнвейна. Часы пробили шесть; друзья были еще за столомъ.

«Г-нъ Рейхенбахъ! помните, что въ семь часовъ вамъ надобно явиться!

— *A demain les affaires!* воскликнулъ Шлиппе.
«Избави Богъ!»

— Но — любезный Шейерманъ — сказала зѣвая Вильгельмъ — вы такой добрый, услужливый — сбѣгайте въ канцелярію, и узнайте отъ г-на камердинера его высокопревосходительства рѣшеніе моей участи. Мнѣ, право, лѣнь идти!

Это значило угодить Шейерману, какъ нельзя больше. Черезъ полчаса, онъ схватилъ свою шляпу, свою палку, и поспѣшно отправился.

Едва ушелъ онъ, явился служитель, и отдалъ письмо Рейхенбаху.

— Кто могъ узнать, что я здѣсь? Кто вручилъ тебѣ письмо?

«Посланный ушелъ». — Вильгельмъ безопасно взялся за письмо, и побѣдѣлъ, какъ полотно. Вотъ что писалъ кто-то къ Вильгельму — рука была знакомая, та самая, которая уведомила г-жу Рейхенбахъ о связи Вильгельма съ Элеонорою.

— Можете почитать меня, мил. госуд., чѣмъ вамъ угодно, но я долгомъ моимъ поставляю сказать вамъ, что принимаю сердечное участіе въ судьбѣ вашей. Пусть будетъ этому доказательствомъ настоящее мое уведомленіе. Спѣшите въ Гейнрихсдорфъ.

Невѣсть вашей угрожаетъ страшная опасность. Баронъ Хилей, оскорбленный вами, хочетъ мстить. Если вы не спасете вашей Генриэтты — она будетъ похищена нынѣшнимъ вечеромъ. Вызовъ вашъ въ столицу былъ только предлогъ, придуманный для удавленія вашего отъ Генриэтты; со временемъ, вы узнаете мое имя, узнаете причины, побуждающія меня скрывать его покаместъ, узнаете и то, почему извѣстны мнѣ всѣ тайны вашихъ враговъ. Вы увидите, что побужденія мои были самыя свѣтлыя и чистыя.....

Какъ бѣшеный вскочилъ Вильгельмъ! Упреки и брань на людей посыпались у него изъ устъ.

— Кто бы ты ни былъ, демонъ или ангелъ — благодарю тебя! Нѣтъ, нѣтъ! Кровь, только кровь помирить насъ съ Хилеемъ! Шлиппе! добрый другъ! мы ѣдемъ немедленно!

«Хоть на край свѣта! Поэзія жизни стоитъ поэзіи стиховъ, а я предчувствую тутъ что нибудь превосходное.

— Убирайся съ поэзією! Чувствуешь ли ты слѣды вѣхатъ со мною — на, читай!

«Что это такое? О, поскорѣе, поскорѣе! Шлиппе докажетъ тебѣ, Рейхенбахъ — докажетъ вамъ, г-нъ Рейхенбахъ....

Не такой былъ человекъ Шлиппе, чтобы разсудать, соображать, подумать: не интрига ли была это письмо? не обманъ ли?

Когда услужливый Шейерманъ возвратился, нашихъ друзей уже слѣды простыль. Слуга разсказалъ Шейерману, что оба они что-то вскочили, какъ бѣшеные, и убѣжали куда-то опрометью, не сказавши никому ни слова. «Хорошо, что еще свиданіе Рейхенбаху отсрочено до завтра. Что ты будешь дѣлать съ этими поэтами! Вотъ такъ-то они всегда

поступаютъ. Надобно согласиться, что они, право говоря вообще — конечно, есть исключенія — немножко сумасшедшіе.....

Но услужливый Шейрманъ ужаснулся, когда вошелъ въ свою спальню, и увидѣлъ, что пары Кухенрейтеровскихъ пистолетовъ и его двустольнаго охотничьяго ружья, которые, будучи совѣмъ не военный человѣкъ, берегъ онъ за рѣдкость — не было!

— Чего добраго! — вскричалъ онъ — если они вдумали стрѣляться..... Кто поручится за поэтовъ? Шлиппе хоть и плохо пишетъ стихи, какъ всѣ говорятъ, но все таки онъ поэтъ..... А Рейхенбахъ? Ахъ, Боже Господи! Поскачу немедленно въ Гейнрихсдорфъ, въ Розенгайнъ..... Но, кажется, погода хочетъ перемениться — тучи со всѣхъ сторонъ надвигаются на небо! Попался я — вхвать теперь, глядя на ночь, и при наступающей бурѣ, можетъ быть! Боже мой, Боже мой! Жить бы, жить людямъ! Какой прекраснѣйшій доходъ могъ бы получать Рейхенбахъ, и за что, правду молвить? За то, что достается ему шутя! Пожилъ бы онъ по нашему, поработалъ, похлопоталъ..... Не надобно ли однакожъ мнѣ объявить, что они у меня были, и ушли не извѣстно куда, съ пистолетами? Если потомъ найдутъ ихъ убитыми, прострѣленными на вылетъ! Боже мой, Боже мой!.....

Между тѣмъ, Рейхенбахъ и Шлиппе погоняли флегматическую медленность Нѣмецкаго почтальона по дорогѣ въ Гейнрихсдорфъ. Шлиппе сначала говорилъ безъ умолку; Вильгельмъ отвѣчалъ отрывисто, понукалъ почтальона, сулилъ ему денегъ и палокъ. Вътеръ поднималъ по дорогѣ облака пыли; небо задыгалось тучами. Вильгельмъ ничего не видалъ, не слушалъ, какъ Шлиппе находилъ прелесть во всемъ:

стадахъ, бѣгущихъ укрываться отъ наступающей бури, шляпъ, сорванной съ головы прохожаго; шпиль отдаленной колокольни, свѣтившемъ блестящимъ кинжаломъ на черной краскѣ угрюмой тучи; листочкѣ, который мчалъ по дорогѣ вътеръ. Шлиппе замолчалъ наконецъ, и также принялся погонять почтальона. Послѣ повтореннаго въ сотый разъ: Fahr doch zu Schwager! du schläfst doch — опустѣлый, старинный Гейнрихсдорфскій замокъ показался вдали; раскрылась деревня среди долинъ и рощицъ.

— Она все та же, такъ же все здѣсь мирно и спокойно, а что съ тобой, Генриэтта? Найду ли я тебя? — Прямо, почтальонъ!

Колеска остановилась у домика добраго Буттера, гдѣ Вильгельмъ полагалъ найти своихъ. Шумныя восклицанія хозяина и его семьи встрѣтили Вильгельма.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! А какъ мы ждали васъ, г-нъ Рейхенбахъ?

«Здѣсь ли наши?»

— Здѣсь, здѣсь!

«Всѣ ли здоровы?»

— Всѣ, всѣ!

«Чего же болелъ я? Что подсказывали всѣ эти проклятыя примѣты, это предчувствованіе, это писемъ? — спрашивалъ самого себя Вильгельмъ.

— Только вы ни кого изъ вашихъ не найдете здѣсь.

«Какъ, добрый Буттеръ? Что ты говоришь?»

— А вотъ, изволите видѣть — начала жена Буттера — ихъ милости изволили пожаловать сюда по утру.

«Ну, ну.....»

— И послѣ того позавтракали.....

«Но Генриэтта, Генриэтта?»

— Видно, что вы влюблены въ г-жу Генріэтту, г-нъ Рейхенбахъ!

«Ради Бога!

— Она все поплакивала; ужъ и побранивали ее за это.

«Милая Сюзанна! Ради Бога, милая!

— Покорнѣйше благодарю, г-нъ Рейхенбахъ!

«Говори, гдѣ же онъ теперь!

— А вотъ изволите видѣть — онъ теперь пошли къ г-ну пастору, а г-жа Генріэтта — хе, хе, хе!

«Что Генріэтта?

— Пошла васъ встрѣтить, и я дивлюсь, какъ она не попалась вамъ по дорогѣ.

«Одна пошла — теперь, вечеромъ!

— О, ятъ, не одна! Старикъ Филиппъ провожаетъ ее. Мамсенька говорила ей: «Милая Этьхенъ! не ходи — видишь, на дворъ чуть ли не будетъ дождя — а она отвѣчала, что вы уговорились съ нею, чтобы она дождалась васъ у большой аллеи. Я еще подтвердила Филиппу: «на всякій случай, возьми палку Филиппъ — вѣдь не равно что нибудь»... Не бойтесь, г-нъ Рейхенбахъ!

Вильгельмъ не дослушалъ словъ, и почти бѣжалъ къ главной аллеѣ Княжескаго сада. Шлиппе слѣдовалъ за нимъ, подпираясь ружьемъ, и съ восторгомъ говоря: «Поэтъ! Поэтъ въ жизни, какъ и въ стихахъ!

Вѣтеръ усиливался; небо все заволокало тучами; темнѣло и громъ перекатывался въ отдаленіи. Черезъ полуразвалившуюся ограду, по заросшимъ травкою дорожкамъ, бѣжалъ Вильгельмъ къ главной аллеѣ, однѣ ворота которой выходили на большую дорогу, а другой конецъ упирался въ дикій, густой паркъ. Шлиппе мимоходомъ восхищался шумомъ столѣт-

нихъ деревь сада, полуразломанными статуями, обвалившимися мостиками. Мрачная, длинная аллея, гдѣ Вильгельмъ думалъ найти Генріэтту довершила восторгъ его. Безконечная просьба; густой мрачный лѣсъ въ одной сторонѣ, часть прелестнаго ландшафта съ другой.

Тутъ не было ни одной живой души.

— Генріэтта! Генріэтта! — кричалъ Вильгельмъ съ ужасомъ.

Только шумъ деревь, колыхавшихъ надъ головою его свои исполинскія вѣтви, отвѣчалъ на призывъ Вильгельма. Онъ бросился ко входу въ аллею — никого — никого и въ боковыхъ длинныхъ аллеяхъ!

— Генріэтта, Генріэтта!

«Вотъ кто-то лежитъ тутъ!» вскрикнулъ Шлиппе.

— Боже мой! это Филиппъ! — онъ убитъ!

«Нѣтъ, кажется. Эй! вставай-ко, старикъ!

Филиппъ протиралъ глаза и схватился за палку; онъ спокойно спалъ на скамейкѣ.

— Гдѣ Генріэтта?

«Это вы, г-нъ Рейхенбахъ?»

— Разумѣется, глупецъ....

«Какъ вы меня испугали....

— Говори, гдѣ Генріэтта?

«Да, должна быть здѣсь. Она изволила мнѣ сказать: сядь, Филиппъ, а я тутъ немного погуляю. Я и сѣлъ, да и сдремнулъ.

— Негодяй! гдѣ жъ она? Не я ли заказывалъ тебѣ не отставать отъ нея?

«Наше мѣсто свято! Что такое можетъ случиться.

— Гдѣ же ты, Генріэтта! — Вильгельмъ въ отчаяніи сжалъ руки.

«Она, кажется, здѣсь гуляла....

— Шлиппе! Другъ мой! Я погибъ! Генріэтты нѣтъ!

«Лей горе и слезы въ сердце друга твоего — побѣжимъ искать се по этой мрачной аллеѣ!

Они побѣжали къ парку, громко крича: *Генріэтта, Генріэтта!*

Въ сторонѣ что-то шелохнулось, когда они достигли парка. Если бы Вильгельмъ бросился туда!.. Тутъ, завернувшись въ шинель свою, стояла женщина — это была Элеонора.

Въ двадцати шагахъ отъ нея укрывались между деревьями два человѣка — это были Директоръ театра и вѣрный спутникъ его Шманкенбургъ.

— *Онъ здѣсь?* — шептала Элеонора, и мутные глаза ея устремились за Вильгельмомъ; какъ помѣшанная была она; лихорадка била ее; она оперлась объ дерево; ноги у нея подгибались.

«Дѣло идетъ къ развязкѣ?» говорилъ Директоръ. «Поэтъ нашъ явился по призыву. А, бездѣльники! Похищать невестъ и добрыхъ людей. Шманкенбургъ! останься здѣсь и наблюдай за Элеонорою, а я полетусь за нашимъ сумасбродомъ. Этотъ проклятый, посланный къ Барону, все еще не возвращается!..»

— Генріэтта! — восклицалъ Вильгельмъ, и порывы вѣтра заглушали призывы его.

Дождь начиналъ падать крупными каплями; громъ сильно грянулъ, прокатился, умолкъ — пронзительный крикъ раздался въ паркѣ, крикъ отчаянія, женскій голосъ....

— Это она! Это Генріэтта! — воскликнулъ Вильгельмъ. Усталый отъ внутреннихъ терзаній, отъ бѣгавшя, онъ чувствовалъ, что задыхается, лишается силъ.

Вопль Генріэтты раздался еще разъ, вопль, отъ котораго застонала душа Вильгельма. — «Спасите,

спасите!» Казалось, что голосъ этотъ задушаетъ что-то.

Вѣтеръ сильно колыхалъ густыя вѣтви деревьевъ. Опять всюду безмолвіе. Вильгельмъ чувствовалъ, какъ отчаяніе придавало ему новыя силы. Онъ бросился туда, откуда слышенъ былъ вопль Генріэтты. Узкою, извивистою дорожкой побѣжалъ онъ по парку. Дорожка круто поворотила въ право на лугъ. Тутъ стояла карета. Четыре человѣка несли безчувственную Генріэтту къ каретѣ. Кто-то стоялъ подлѣ, нагнувъ на глаза шляпу, завернувшись въ плащъ.

Какъ громъ небесный раздался голосъ Вильгельма: «Прочь, бездѣльники!» Похитители остановились. Генріэтта опомнилась, будто голосъ Вильгельма былъ для нея спасительнымъ голосомъ Провидѣнія.

«Вильгельмъ!» Она силилась вырваться. Одинъ изъ похитителей заступилъ дорогу Вильгельму, и замахнулъ на него палкою. Шлиппе бросился на помощь, и отъ удара прикладомъ незнакомецъ свалился съ ногъ. Другіе оставили Генріэтту. Она бросилась въ объятія Вильгельма.

— Что жъ вы стали? — вскричалъ незнакомецъ въ плащѣ. Вильгельмъ узналъ его по голосу. Голова Рейхенбаха закружилась, кровь его закипѣла — передъ нимъ былъ Хилей!

«Вильгельмъ! я не отпущу тебя!» кричала Генріэтта, уцѣпившись за него. Онъ вырвался изъ рукъ ея.

— Шлиппе! удержи Генріэтту! — Раздался pistolетный выстрѣлъ; пуля просвистѣла мимо головы Вильгельма.

«Подлый убійца, извергъ, чудовище, проклятый человѣкъ!» вскричалъ Вильгельмъ, подбѣгая къ Хилею — «Я не стану марать пули въ крови твоей, я прибую тебя — убью тебя!..»

Онъ схватилъ палку, галаявшуюся подлѣ него на землѣ.

— Сюда! Помогите! — вскричалъ Хилей, отскакивая, и уставляя вновь пистолетъ на Вильгельма.

«А! Такъ ты хочешь жизни моей!» вскричалъ Вильгельмъ, выхватывая свои пистолеты. «Ступай же къ чорту!» Хилей выстрѣлилъ и опять пролетѣла пуля его. Вѣрнѣе былъ выстрѣлъ Вильгельма. Хилей палъ, и даже не успѣлъ вскрикнуть.

— Боже! прости мнѣ смерть его! — сказала Вильгельмъ, подымая руки къ небу. Онъ бросился къ Генріэттѣ, снова лишившейся чувствъ при первомъ выстрѣлѣ. Шлиппе и Филиппъ, успѣвшіе прибѣжать на шумъ и выстрѣлы, старались пособить ей.

«Не безпокойтесь, Рейхенбахъ! Она жива, она жива!»

Зашитые около Генріэтты, они не замѣтили, какъ три человека выступили изъ чащи деревь, и по данному ими знаку, трое, оставшихся у кареты, соединились съ ними. Всѣ они бросились къ Вильгельму. Онъ не успѣлъ оглянуться, какъ былъ сбигъ съ ногъ; крѣпко связали ему руки и ноги веревками. Шлиппе хотѣлъ защищать друга, но отъ сильнаго удара полетѣлъ съ ногъ. Когда онъ опомнился, вскопился — вдаль, во весь опоръ мчалась карета. Вильгельма не было; буря свирѣпо гремяла надъ его головою. Безчувственная Генріэтта лежала у ногъ его.

— Такъ быстро, такъ внезапно было все, что случилось теперь съ Вильгельмомъ, что онъ долго не могъ опомниться, не могъ самому себѣ дать отчета: что это такое было?

Онъ помнилъ, что его схватили неизвѣстные люди; чувствовалъ, что у него связаны руки, завязаны глаза, что онъ сидитъ въ каретѣ, что карета

мчится во весь опоръ, что съ нимъ сидитъ кто-то еще. Но что это такое? Онъ ничего не понималъ. Сопротивленіе было бесполезно. Какъ будто нарочно, едва бросили его въ карету, тучи задвинули все небо; громъ, гремѣвшій въ отдаленіи, раздался страшнымъ ударомъ; дождь полился рѣкою; молніи горѣла непрерывно и перекаты грома не утихали. Куда везутъ его? Если ждетъ его кинжалъ убійцы, за чѣмъ не убили его тамъ, гдѣ валялся трупъ Хилея? Чего хотятъ отъ него? Но страхъ смерти совсѣмъ не касался души Вильгельма. Не о томъ думалъ онъ. Генріэтта, мать его, ихъ судьба? Что съ ними случилось? Если они во власти злодѣевъ? Великій Боже! Милая, добрая, беззащитная Генріэтта! Если суждено торжествовать злодѣйству надъ Вильгельмомъ, за что должна ты погибнуть? За то одно, что ты соединила жребій свой съ жребіемъ Вильгельмовымъ? И если тебя ждетъ не смерть, но — позоръ, то какой позоръ выберутъ тебѣ! Знаетъ ли мѣру злодѣйство....

Все это волновалось, кипѣло въ душѣ Вильгельма и доводило его до отчаянія. Въ первый минуту, когда нѣсколько сильныхъ рукъ ухватились за него, Вильгельмъ употребилъ отчаянное сопротивленіе, но усилія были бесполезны и только истощили силу его. Онъ почти лежалъ теперь въ каретѣ, сохраняя только память, полное чувство, но не въ состояніи даже пошевелиться, когда притомъ руки его нѣмѣли, крѣпко связанныя, и къ головѣ и сердцу приливали кипящая кровь.

— Господа — рѣшился наконецъ сказать Вильгельмъ — позвольте мнѣ просить васъ развязать мнѣ немного руки — я задыхаюсь....

Кто-то, сидѣвшій подлѣ него, грубо пощупалъ у него руки и голову, молча поправилъ веревки, ко-

торыми связанъ былъ Вильгельмъ, и потомъ спокойно удвинулся въ уголъ кареты. Вильгельмъ чувствовалъ, что это долженъ быть сильный мужчина. Противъ него сидѣли еще двое, какъ можно было заключить, протягивая ноги.

— Господа — продолжалъ Вильгельмъ, послѣ минутнаго молчанія — не знаю, кто вы и по какому праву употребляете со мною такое насиліе. Но подумали ль вы о слѣдствіяхъ вашего поступка? Захватить челоуѣка свободнаго, связать, везти его, разлучивъ съ семействомъ...

Молчаніе совершенное; только гремѣлъ громъ, шумѣлъ дождь и карета мчлась безпрерывно.

— Прошу васъ сказать мнѣ, по крайней мѣрѣ, куда везете вы меня? Кто приказалъ вамъ?

«Молчи!» — отвѣчалъ глухо кто-то, грубымъ голосомъ.

— Я не буду молчать, М. Г., потому, что насиліе неслыханное, въ странѣ, гдѣ каждый до сихъ поръ находилъ защиту законовъ....

«М. Г.», отвѣчалъ прежній голосъ — вы напрасно беспокоитесь: вамъ не будутъ отвѣчать, и всѣ ваши рѣчи и вопросы бесполезны.

— Бездѣльникъ! ты долженъ отвѣчать мнѣ — жизнь моя въ твоей власти, но ты не смѣешь запретить мнѣ назвать тебя мерзавцомъ и подлецомъ!

Слышно было, что неизвѣстный приставникъ улыбнулся, и товарищи его отозвались также смѣхомъ.

«Если бы васъ хотѣли отправить на тотъ свѣтъ, разумѣется, для этого надобно бѣ было менѣ хлопотъ, нежели возитъ съ вами. Если вамъ угодно говорить и браниться — можете: ротъ у васъ не завязанъ.

Еще нѣсколько разъ начиналъ говорить Вильгельмъ; ему не отвѣчали; онъ замолчалъ наконецъ, и пре-

дался грустнымъ размышленіемъ. «Кто преслѣдуетъ меня? Неужели Элеонора? Злоба и мщеніе женщины ужасны, и притомъ женщины — оживленнаго дьявола! Она, она! Если бы это было распоряженіе Правительства, къ чему насиліе? И что я сдѣлалъ? Я убилъ изверга, но мы стрѣлялись съ нимъ. Неужели его товарищи? Кто проникнетъ въ связи этого адскаго общества!» Тутъ пришло ему въ голову все — опять безвѣстность жребія Генриэтты, смерть Хилей — это ужасно!

Но карета вдругъ остановилась; слышно было, что заскрыпѣли ворота; колеса застучали по мощному двору; опять остановилась карета; дверцы отворились, и Вильгельма вытолкнули изъ кареты; двое потащили его подъ руки; отворилось и затворилось нѣсколько дверей. Наконецъ слыли повязку съ глазъ Вильгельма, усадивши его въ большія кресла.

Быстро оглядѣлся онъ вокругъ себя, и переходъ изъ темноты въ свѣтъ заставилъ его закрыть глаза на минуту. Онъ былъ въ обширной готической комнатѣ, освѣщенной двумя огромными подсвѣчниками. Каменный сводъ, огромныя угловатыя окошки, большой каминъ, стариннаго устройства, съ гербомъ барона Калькопфа, смѣсь новаго великолѣпія съ старинными уборами, все заставило Вильгельма догадаться, что онъ долженъ находиться въ старинномъ замкѣ Барона, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы.

Но за чѣмъ онъ здѣсь? Кто привезъ, бросилъ его сюда? — Всюду было безмолвіе; только громъ гремѣлъ, и раскаты его ярко разсыпались надъ старинными башнями и строеніями, которыя являлись изъ мрака, когда молнія освѣщала комнату сквозь огромныя цвѣтныя окна.

Жажда терзала Вильгельма, усталого, измученного душевно и телесно; руки его затекали, крепко завязанные; голова кружилась; в глазах его было темно, и—как привидѣніе явилась передъ нимъ въ это время женщина, въ бѣломъ платьѣ; волосы ея безпорядочно падали изъ подъ сѣтки, надѣтой на голову. Восковая свѣча, которую держала она въ рукахъ, освѣщала ея блѣдное лицо.

Съ минуту стояла она по срединѣ комнаты, неподвижно глядя на Вильгельма; онъ глядѣлъ на нее и наконецъ узналъ ее: это была *Элеонора*.

Она была передъ Вильгельмомъ. Но трудно было узнать Элеонору въ этомъ привидѣніи, походившемъ на человека. Медленно подошла она къ столу, поставила на него подсвѣчникъ, бывшій у нея въ рукахъ, крепко ухватилась руками за голову, будто чувствуя въ ней нестерпимую боль; мутные глаза ея опять обратились на Вильгельма; она сдѣлала нѣсколько шаговъ— всѣ ея движенія походили на движенія сумасшедшаго.

Вдругъ быстро подошла она къ Вильгельму, и низко присѣла передъ нимъ. Судорожная улыбка появилась на лицѣ ея.

— Здравствуйте, г-нъ Рейхенбахъ! Здравствуй милый Вильгельмъ! Чтожь вы ничего не отвѣчаете, добрый—любезный поэтъ? Неужели вы не узнаете меня?

Неподвижно сидѣлъ Вильгельмъ. Явленіе Элеоноры показалось ему сперва обманомъ его разстроенныхъ чувствъ. Но когда узналъ онъ ее— трудно было сообразить, что возбудилось въ душѣ его— гнѣвъ, ярость, горесть, изумленіе, недоразумѣніе. Вся усталость его прошла; онъ чувствовалъ, какъ быстро кровь его бросилась къ сердцу, отхлынула и закипѣла въ его жилахъ.

— Я узналъ васъ, сударыня—сказала Вильгельмъ— узналъ, прежде нежели вы удостоили меня вашимъ привѣтствіемъ.

«Какъ учтиво: удостоила его привѣтствіемъ! Bravo, bravo! Онъ можетъ быть чудовищемъ, но и въ то время, когда будетъ рѣзать васъ, извинится предъ вами— ха, ха, ха!»

— Позвольте узнать, г-жа Элеонора— вамъ ли угодно было сыграть со мною всю эту шутку, приказать похитить меня, привезти сюда?

«Мнѣ.

— Вы видите, что ваше приказаніе исполнено. Теперь позвольте мнѣ спросить: для чего угодно вамъ было принудить меня къ такому безпокойному визиту?

«Мнѣ такъ вздумалось— мнѣ такъ хотѣлось. Мы давно не видались съ вами, г-нъ Рейхенбахъ. Вы забыли свое обѣщаніе: подождать меня, и потомъ ѣхать съ вами вмѣстѣ, странствовать по бѣлому свѣту, быть и тамъ и здѣсь, и здѣсь и тамъ. Мнѣ захотѣлось напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи, предложить вамъ начать нашу прогулку— все готово; мы ѣдемъ вмѣстѣ. И какая прекрасная погода, самая прекрасная для такихъ путешественниковъ, какъ вы и я, которыя дѣлятся сердцами, которыя хотятъ наслаждаться зрѣлищемъ природы...»

— Элеонора!

«О, позвольте мнѣ кончить: вы вздумали поступить по своему, вздумали быть счастливы безъ меня— будто это возможно....»

— Элеонора!

«Дайте мнѣ кончить! Вы вздумали обратиться къ вашей милой Генріэттѣ, къ своей доброй пастушкѣ, поэтъ сильный, человекъ великій! Я захотѣла показать вамъ, что ваша судьба навѣкъ соединена съ

моею — я оборвала ваши мишурные лавры — я хотѣла оторвать васъ отъ вашей сантиментальной пастишки....

— Женщина или самъ сатана! — вскричалъ Вильгельмъ — я уничтожу тебя, если ты дерзнешь сказать еще одно слово о моей Генріэттѣ!

«Объ его Генріэттѣ! Ты уничтожишь меня, когда ты въ моей власти, когда ни самъ дьяволъ не разлучить насъ болѣе!

— Чудовище! — воскликнулъ Вильгельмъ, вскакивая съ своего мѣста. Жестокая боль въ рукахъ отъ сильнаго движенія, заставила его снова упасть въ кресла и застонать невольно.

«Твой усилія, ярость, бѣшенство твое будутъ безполезны, милый поэтъ! Успокойся, успокойся, Вильгельмъ: я все та же Элеонора — и все также люблю тебя, люблю безъ ума, и если бы не боялась удавить тебя, я обняла бы тебя, обняла крѣпко, и поцѣловала такъ, что на мѣстѣ моего поцѣлуя выгорѣло бы пятно, съ которымъ предсталъ бы ты на тотъ свѣтъ, вмѣстѣ со мною!

Въ изнеможеніи смотрѣла на нее Вильгельмъ, и думала: «Она съ ума сошла, и чего теперь хочетъ она отъ меня, эта безумная женщина? Великій Боже! Генріэтта! если она хочетъ отъ меня жизни моей — я не страшусь! Но ты, Генріэтта....

«Я продолжу мое объясненіе. Вамъ угодно было помѣшать моимъ распоряженіямъ. Вы убили даже моего товарища, моего бѣса Хилел, и, право, я не сержусь на смерть этого бездѣльника. Но послѣ того мнѣ захотѣлось пригласить васъ къ себѣ въ гости, и вотъ вы теперь у меня въ гостяхъ. Здравствуйте, г-нъ Рейхенбахъ!

— Элеонора! если въ тебѣ есть искра милосердія, если только ты думаешь о спасеніи души тво-

ей — скажи мнѣ: гдѣ теперь Генріэтта? Что ты сдѣлала съ ней?

«Я не знаю гдѣ она; вы это знаете лучше меня; я хотѣла отдать ее страстному любовнику, Хилею; вы разрушили этотъ прекрасный союзъ — вы убили его....

— Поклянись мнѣ именемъ Божиимъ, Элеонора, что Генріэтта теперь безопасна, что жизнь ея сохранена, и говори, дѣлай, что хочешь. Я буду неподвиженъ, я буду все слушать. Если ты хочешь жизни моей, она передъ тобою — но поклянись мнѣ, что Генріэттѣ ты не причинила ни какого зла!

«Что мнѣ до твоей Генріэтты! Почему мнѣ знать, гдѣ она теперь?

— О Генріэтта, Генріэтта!

«И онъ думаетъ только о своей Генріэттѣ! Прочь Генріэтту, прочь ее, эту ненавистную дѣвчонку! Не отравляй ее именемъ этихъ минутъ, которыя хочу я отнять себѣ, хочу вырвать у судьбы моей, у тебя — ты мой Вильгельмъ!

— Элеонора! не понимаю, что ты вздумала, но размысли о слѣдствіяхъ своего поступка. Злодѣйство, насиліе — ты хочешь смерти моей, но что за тѣмъ?

«Что за тѣмъ? Думай тотъ, кто дорожить жизнью и свѣтомъ — мнѣ не о чемъ думать, Вильгельмъ! Теперь торжественный часъ для тебя и для меня: черезъ полчаса ни тебя, ни меня не будетъ; одинъ гробъ соединитъ меня съ тобою....

— Элеонора!

«Неужели ты боишься? Стыдись, Вильгельмъ, стыдись.

— Убийца! Ты не властна въ моей жизни!

«Я, несчастный?» Глаза ея засверкали; она выхватила кинжалъ, спрятанный въ ея платѣ. «Вотъ онъ

вотъ послѣдній рѣшитель, судья окончательный! Одинъ шагъ и онъ въ твоемъ сердцѣ, а это сердечко еще цѣло: помнишь ли ты его, Вильгельмъ?— Она вынула маленькое, хрустальное сердечко, которое нѣкогда видѣлъ Вильгельмъ, въ Китайскомъ павильонѣ.

Невольный трепеть объялъ Вильгельма. Спокойно подошла Элеонора къ столу, и положила на него книжалъ и ядъ; оборотись къ Вильгельму, она сѣла въ кресла подлѣ стола.

— Спротивленіе бесполезно; рѣшеніе неизмѣнно; напрасно вздумалъ бы ты кричать, протгвѣтиса! Никто не услышитъ твоего голоса, но по моему знаку явятся люди и принудятъ тебя къ покорности. . .

«Дьяволь! Какими средствами умѣла ты сдѣлаться судьбою моей жизни?»

— Средствами? Они очень просты: золотомъ, золотомъ, для котораго люди сдѣлаютъ все, что угодно. . . Но что до средствъ. . . Вильгельмъ! полчаса времени — молись, если хочешь; проклинай меня — я буду смотрѣть только на тебя, я посмотрюсь на тебя, и потомъ—вотъ твоя участь (она указала на книжалъ)—вотъ моя (она указала на ядъ)!

Холодный потъ выступилъ на лицѣ Вильгельма. «Смерть! Такъ близко, такъ ужасно, такъ безславно, когда будущее сулило ему одно счастье. . .

— О Боже, Боже!—говорила Элеонора, закрывая рукою глаза — такъ ли должно было кончиться! О Вильгельмъ! для чего узнала я тебя? Для чего ты обольстил меня тѣмъ, что не могло сбыться? Развѣ я требовала отъ тебя любви твоей и моего счастья? Я ничего и ни отъ кого не хотѣла требовать — я искала смерти. Давно опостыдѣлъ мнѣ міръ, дав-

но возненавидѣла я людей. Ты показался мнѣ ангеломъ свѣта, когда ты былъ самый злой духъ тмы.

«Ты не умертвишь меня, Элеонора, ты не захочешь явиться передъ судъ Божій, отемненная самоубійствомъ и запятнанная моею кровью.

— Не унижайся просьбами, Вильгельмъ! Жребій твой рѣшенъ невозвратно. О, какъ любила я тебя, Вильгельмъ, такъ любила, что безъ тебя не могу явиться и за гробомъ. Пусть судить и осуждать меня Богъ!

Она упала на колѣни, сложила руки на груди и молилась.

Страшное безмолвіе было повсюду. Тускло горѣла свѣча и на столѣ блистали ядъ и книжалъ.

— Безумная! — воскликнулъ Вильгельмъ, дѣлая отчаянные усилія — подлая убійца! Отравительница!

«Если-бы я была мужчиною — вскричала Элеонора, я подала бы тебѣ пистолеты, но я слабая женщина, и должна была привлечь тебя къ себѣ коварствомъ, силою другихъ. . .

— Чудовище!

«А ты не былъ чудовище — вскричала Элеонора, съ протією бросаюсь къ Вильгельму — когда думалъ увлечь меня своею любовью, говорилъ мнѣ такъ нѣжно, пламенно, безумно, и хотѣлъ только насытить свое сладострастіе, и на груди моей уже замыслилъ измѣну, видѣлъ во мнѣ только развратную женщину!

— Любовница Калькопѣа смѣетъ говорить мнѣ о развратѣ, объ измѣнѣ!

«Да, до тѣхъ поръ я спасала мою душу, мое сердце отъ разврата, а ты хотѣлъ отнять и опозорить ихъ!

— Нѣтъ! Я была увлеченъ тобою, демономъ въ человѣческомъ образѣ, забылъ съ тобою все, и самого себя! Но когда ты влекла меня къ погибели,

ты хотѣла погубить еще ангела моего Генриэтту, и какъ погубить! Ты предавала ее въ жертву извергу — и ты смѣешь упрекать меня, что съ ужасомъ удалился, бѣжалъ я отъ тебя. И что я дѣлалъ тебѣ? Ты не услышала бы отъ меня ни одного слова; я не хотѣлъ мстить ни тебѣ, ни твоему гнусному сообщнику злодѣйства...

Что жъ дѣлала я твоей Генриэттѣ? Я хотѣла, чтобы она вышла за-мужъ за богатаго, знатнаго человека, за барона — я бросала денегъ этой прекрасной парочкѣ, и чего еще имъ было надобно? Онъ былъ мерзавецъ, говоришь ты, но баронъ и богатъ, и какой мерзавецъ въ мѣръ за деньги не сдѣлается бы Хилемъ? Бездушная мѣщанка хотѣла, чтобы я отдала ей тебя... Тебя ей? — А! отъ этого смерть льется въ тѣлѣ и кровь молъ стынеть! Что ты сдѣлала? говоришь ты. Ты пробудилъ въ душѣ моей небо, и для нея, для Генриэтты, бросилъ, презрѣвъ, оставилъ меня, и презрѣвъ такъ, что не хотѣлъ мнѣ даже мстить. И ты хотѣлъ, чтобы я жила и пережила твою любовь, видѣла, какъ счастлива будетъ съ тобою Генриэтта, видѣла, слышала — и жила, опять любовницей Калькопфа, опять актрисой... Нѣтъ! ты злодѣй, которому нѣтъ суда, кромѣ суда руки моея... Вильгельмъ! смерть, и на твоемъ трупѣ упадетъ и мой трупъ; съ ужасомъ кинуть ихъ въ одну яму люди, и вѣка пройдутъ, а мы будемъ вмѣстѣ, когда и твоя душа молъ будетъ безотлучна при твоей душѣ!

Колѣблющимися шагами подошла она къ столу, схватила кинжалъ, остановилась и бросилась къ Вильгельму. Еще разъ хотѣлъ онъ встать, хотѣлъ защитить жизнь свою отъ безумной убийцы, но холерическая лихорадка заставила его дрожать — онъ не могъ

даже говорить — даже проклятіе не могло вылетѣть изъ устъ его...

Вдругъ остановилась она, задрожала, сложила руки, смотрѣла на Вильгельма, и слезы потекли изъ ея глазъ...

Вильгельмъ! — сказала она — ты дрожишь, ты блѣденъ, какъ смерть — бѣдный, жалкій человекъ! ты боишься смерти? Не правда ли: тебѣ жаль этой ничтожной, глупой жизни? Чего ты жалѣешь въ ней? Неужели тебя прельщаетъ любовь твоей Генриэтты? Ей любить? ей постигнуть твою душу? оцѣнить твое сердце? ей быть подругой поэта? поэту дѣлиться съ нею жизнью и душою? Жалкіе люди — бѣдная участь — жить, старѣть, дряхлѣть, сдѣлать изъ всего, чѣмъ дышитъ сердце, пошломъ занятіе своей жизни, ремесло счастья... Со мной могъ ты повергнуть во прахъ условія ничтожнаго бытія, и ни съ кѣмъ болѣе. И ты не узналъ, не понялъ меня; ты, какъ всѣ люди, видѣлъ во мнѣ только Элеонору, актрису, любовницу вельможи... Ты хочешь плестись, брести по скучному полю жизни, чтобы потомъ съ твоею Генриэттою, дряхлою, хилою, какъ ты самъ, дрожать еще на порогѣ грустнаго бытія, лишеннаго даже и вашихъ ничтожныхъ наслажденій, отравленнаго медленною мукою времени... Да, да, ты хочешь, ты просишь объ этомъ — прочь! я не повлеку твоей робкой, трепещущей тѣни, не поставлю ее летѣть тѣмъ громовымъ путемъ, какимъ полечу я. — На! я дарю тебѣ жизнь! Пресмыкайся!

Она бросила кинжалъ къ ногамъ Вильгельма. Еще минуту стояла она, безмолвная, неподвижная, упала на колѣни, рыдая, не могла выговорить ни слова, и только поднимала руки и глаза къ небу.

— Простишь ли ты мнѣ, Любовь Превѣчная, простишь ли мою смерть, мою жизнь, за то пожертво-

ваніе, какое приношу я! Оцѣнишь ли, положишь ли на вѣсы грѣховъ моихъ то страданіе, какое переношу я, оставляя здѣсь Вильгельма, оставляя его Генриэтту? Да, и какими муками ада можетъ мнѣ дополнить судьба мои мученія, мои страданія... О! пора ихъ кончить — пора, пора!

Она схватила сердечко съ ядомъ. «Посмотри, Вильгельмъ, какъ надобно умирать!» Еще разъ остановилась она.

«Да, правда, правда... это мнѣ пришло въ голову... Вильгельмъ! ты останешься послѣ меня... Ты отвергъ то, чего никто, кромѣ меня, не могъ подарить тебѣ... Кромѣ этого, только одно еще можетъ быть тебѣ драгоценно, то, что всѣ вы считаете выше всего на свѣтѣ—деньги, золото! У меня много ихъ остается—возьми ихъ себѣ! они тебѣ понадобятся—я напишу тебѣ нѣсколько словъ къ Бидерману... Что это?»

Сильный шумъ, стукъ, шорохъ шаговъ раздались за закрытыми дверями комнаты. Кто-то силился отпереть ихъ, стучалъ въ двери.

— Измѣна! — вскричала Элеонора. — Кто узналъ? кто осмѣлился притти сюда въ этотъ часъ?

«Отворите, отворите!» кричали за дверями. — Это былъ отчаянный голосъ Калькофа.

— Онъ? Здѣсь!—Я узнаю, кто привелъ его сюда! Безразсудная!...

«Отворите, или я выломаю двери!» кричалъ Баронъ.

— Вильгельмъ! тебя должно спасти. Я хотѣла умертвить тебя, но никогда не предаю въ руки этого подлага старика! Бѣги, спасайся—вотъ ключъ отъ этой тайной двери, здѣсь за ковромъ въ стѣнѣ... Но гдѣ же этотъ ключъ... Ты пройдеши прямо по корридору—повороти на право—захлопни за

собой дверь, которая ведетъ въ поле, и брось ключъ—но гдѣ онъ, гдѣ онъ...

Поспѣшно искала его Элеонора. Тутъ коверъ поднялся — какой-то человѣкъ бросился въ комнату. — «Они хотятъ остановить меня—меня!» Быстро схватила она сердечко съ ядомъ и проглотила ядъ.

Вбѣжавшій въ комнату бросился прямо къ дверямъ, въ которыя стучался Баронъ, и старался отворить ихъ, но въ замѣшательствѣ, онъ вертѣлъ ключъ и не могъ ничего сдѣлать.

— Элеонора! что ты дѣлаешь, что ты сдѣлала? воскликнулъ Вильгельмъ — сумасшедшая, безумная! — Онъ поднялся съ кресель, старался достать кинжалъ, лежавшій у ногъ его, но не могъ этого сдѣлать.

Крикъ и стукъ за дверями умножились. Слышно было, что дверь ломаютъ.

— Людовико! — вскричала Элеонора человѣку, старавшемуся отомкнуть дверь — прочь, прочь, — поди, развяжи ему руки — разрѣжь веревки...

Не слушая словъ ея, тотъ продолжалъ свои усилія.

— Людовико! я убью тебя, если ты осмѣлишься ослушаться! — Она схватила подсвѣчникъ, и съ ужаснымъ усиліемъ бросила его въ Людовико. Ударъ пришелся прямо въ голову — Людовикъ упалъ безъ чувствъ на полъ.

«У меня еще достанетъ силъ — или этотъ ядъ выдохся — или... но, нѣтъ! Онъ уже терзаетъ меня... Какое мученіе!... Скорѣе, скорѣе...»

Шатаясь пошла она къ Вильгельму, старалась достигнуть до кинжала... въ оцѣпененіи стоялъ Вильгельмъ... Силы оставляли Элеонору — она упала, влечилась по полу... И вотъ она схватила кинжалъ.

— Вильгельмъ! наклонись ко мнѣ — я перерѣжу веревки... Ахъ! если бы достало у меня силъ!...

Судорожно водила она кинжаломъ по веревкѣ, и при усилии Вильгельма, веревка была перерѣзана.

Тутъ упала Элеонора на полъ, обезображенная, ужасная; голось ея ослабѣлъ; смертное хрипѣніе задушало ее.

— Какъ скоро... какъ скоро... нѣсколько капель — и конецъ всему... Боже! бѣги Вильгельмъ!

Но Вильгельмъ забылъ свою опасность, забылъ все, кромѣ умиравшей Элеоноры. Жалость заступила мѣсто гнѣва, ненависти; слезы капали изъ глазъ его, при мгновенной мысли, какал ужасная смерть, и какое дивное, изумительное созданіе она разрушаетъ....

Онъ старался поднять Элеонору, уже холодѣвшую. Употребивъ всѣ силы, онъ поднялъ ее; посадилъ въ кресла. Глаза ея были дики, мрачны, мутны; руки ледяны....

— Ты любилъ меня, Вильгельмъ! — говорила она. «Ахъ! Элеонора!» могъ только произнести Вильгельмъ.

Въ это время Людовико успѣлъ опомниться, снова броситься къ двери, открыть ее, и въ комнату кинулось нѣсколько человѣкъ съ фонарями, свѣчами. За ними слѣдовалъ самъ Калькопфъ.

Элеонора, казалось, ожила на минуту. Она схватила руку Вильгельма. «Теперь поздно бѣжать — сказала — теперь я должна быть твоею защитницею... О, какал боль!...

— Что это? Элеонора! умерла, умерла! — вскричалъ Калькопфъ. И съ ужасомъ, съ изумленіемъ отступили всѣ отъ страшнаго зрѣлища ея страданій.

«Нѣтъ! я еще не умерла — я жива еще, чтобы сказать тебѣ мое проклятіе, отвратительный ста-

рикъ, жива, чтобы оправдать Рейхенбаха въ моей смерти!...

— Рейхенбахъ здѣсь? Убійца! Помогите, помогите!

«Ты напрасно заботишься, и смерть сладостнѣе для меня, нежели была жизнь съ тобою, старый грѣшникъ, отвратительный развратникъ!»

Остатки волосовъ на головѣ Барона стояли дыбомъ отъ ужаса и горестивой —

«Если ты хочешь, чтобы изъ за гроба я не преслѣдовала тебя, слушай: клянись мнѣ не преслѣдовать Рейхенбаха; онъ невиненъ въ моей смерти — я отравила сама себя!»

«О, Элеонора, Элеонора!» воскликнулъ Баронъ, и съ яростью обратился на Вильгельма. «Извергъ!» вскричалъ онъ — «ты убилъ ее!»

Сильно отбросилъ отъ себя Вильгельмъ дрожаго старика, такъ, что онъ упалъ бы, если бы его не успѣли поддержать. Вильгельмъ наклонился къ Элеонорѣ, поддерживая ея голову. Но она уже не думала о заботливости Вильгельма....

— Возьмите его! — кричалъ Баронъ, оправляясь отъ сидѣнаго топча.

«Презрѣнный человѣкъ!» говорила Элеонора, уже косящими языкомъ — «ты не слушаешь моей просьбы — ты раскаешься въ этомъ — ярость твоя бессильна противъ Рейхенбаха... Я защищу его отъ тебя, и проклинаю тебя въ послѣдній разъ...»

— Возьмите его! — повторялъ Баронъ, и нѣсколько человѣкъ схватили Вильгельма и отвлекли его въ сторону.

«Пособить ей! Воды, молока! Скорѣе, скорѣе!»

— Боже!... Вильгельмъ! — проворчала Элеонора, едва внятнѣмъ голосомъ; оледѣвшее тѣло судорожно затрепетало, и — не стало Элеоноры...

Баронъ задрожалъ, и съ минуту, въ безмолвіи смотрѣлъ онъ потомъ на бездушное тѣло Элеоноры, посинѣвшее отъ дѣйствія ужаснаго яда — страшное, холодное, помертвѣвшее; выкатившіеся глаза ея наводили невольный трепетъ, и — безобразный трупъ... вотъ все, что оставалось теперь отъ прекраснаго созданія, которое называли Элеонорою...

Конецъ всему — конецъ страстямъ и грѣхамъ, красотѣ и прелести, пороку, навѣянному міромъ, и очарованію неба, сверкавшему сквозь страсти и пороки, какъ алмазъ сверкаетъ во тьмѣ...

Казалось, что духъ Элеоноры страшно поднимался, оставляя свою земную оболочку, что онъ расправлялъ свои исполинскія крылья, возносясь надъ собраніемъ этихъ людей, безъ различія ужаснувшихся его грозному явленію. Тутъ былъ министръ, сильный и мощный вельможа; тутъ былъ поэтъ, которому Элеонора сказала въ своей жизни; тутъ были и ничтожные прислужники вельможи. И всѣ равно безмолвствовали. Люди, державшіе Вильгельма, оставили его. Глаза всѣхъ обратились къ небу*...

Н. ПОЛЕВОЙ.

* Какъ два отрывка, помѣщенные въ С. О. сего года, такъ и остальной *Эпизодъ Аббадонны*, будутъ изданы отдѣльно, въ непродолжительномъ времени. Н. П.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РУСЬЙ ЛОКОНЪ ВЪ ОКНѢ.

(Light hair at a window.)

(Повѣсть Генриха Берту.)

I.

Было такое время года, когда зима уже кончилась, а весна еще не вполне началась. Семь часовъ утра пробило на башнѣ Мехельнской ратуши. Хотя еще первые лучи Авроры едва расцвѣчивали розовымъ свѣтомъ своимъ окна въ домикъ г-жи Бригитты Галсъ, но эта неутомимая хозяйка оставила уже свое мягкое ложе и схватила огромное помело. И вотъ, вода ручьями потекла по кирпичному полу

Т. V. — Отд. II.

всѣхъ комнатъ маленькаго домика г-жи Бригитты, и помело съ свистомъ, съ шумомъ начало летать по всѣмъ комнатамъ. Больше двухъ часовъ прошло, пока опрятная хозяйка положила предѣлъ своей неутомимой ревности. Наконецъ, устала ли она, или нечего было ей больше мыть и чистить, но г-жа Бригитта тщательно подтерла толстою тряпичею ручья воды, столь щедро разлитые ею по полу, а потомъ, утирая потъ съ лица, торжественно облокотилась на помело и осматривала слѣды своего подвига. Взглянувши на ея черные, въ порядкѣ разбросанные волосы, ея обнаженные руки, и плотную, но не совсѣмъ еще безобразную талию, нельзя было не согласиться, что г-жа Галсъ, не смотря на свои полные сорокъ лѣтъ, была еще женщина не безъ остатковъ прежней красоты. Широкая, правильною дугою брови прикрывали глаза ея, сверкавшія яркимъ, повелительнымъ взоромъ; овалъ лица ея, оживленнаго здоровымъ румянцемъ, представлялъ чистоту линий, которою полюбовался бы всякій ваятель; губы ея меньшаго, открытаго немного рта, какъ видимъ на многихъ портретахъ женщинъ XVI-го столѣтїа, показывали ея, въ одно время, Испанское и Фламандское происхожденіе. Съ немного большимъ стараніемъ о своемъ нарядѣ, г-жа Галсъ могла бы заставить позавидовать ея красоту самыхъ молодыхъ и красивыхъ гражданокъ Мехельна. Но въ г-жѣ Галсъ не было ни крошечки кокетства, и она до небрежности доводила забывчивость о своемъ туалетѣ, исключительно занимаясь только опрятностью своего домика. Тутъ всѣ блестяло, все свѣтилось, благодаря толченому кирпичу, щеткѣ, помелу, водѣ, и особенно двумъ неутомимымъ рукамъ, ранней птички, г-жи Бригитты Галсъ. Но какъ нѣтъ ни одного добраго качества, у котораго

не было бы своей оборотной стороны, по несчастію, и въ Бригиттѣ пятнышко на полу, либо не свѣтлал кострюля производили дѣйствіе самое печальное — она на цѣлый день дѣлалась сердитою, а сердце Бригитты — увѣ! не было ни умѣреннымъ, ни молчаливымъ — оно гремѣло бурей по всему дому, не щадило ни кого и дѣлалось ко всякому — право ли, криво ли, но неизбѣжно! Судите же объ ея гнѣвѣ, когда относя въ особенный уголокъ комнаты свое помело, которымъ производила грозное чищеніе, Бригитта съ ужасомъ замѣтила на стѣнѣ кухни, только что выкрашенной желтою краскою, большое пятно: огромная ручища была отпечатана масломъ со всѣми ея пятью пальцами! Г-жа Галсъ произнесла крикъ, котораго невозможно передать никакими письменами, потому, что ужасъ подобнаго крика заключается въ его выраженіи, и начала звать своего супруга, такъ, что слова ея не показывали покорности въ числѣ ея супружескихъ обязанности....

— Францискъ, Францискъ! — кричала она — такъ этого мало, что ты, лѣннинецъ, производишь дѣла безъ дѣла, ты изволишь еще пачкать стѣны твоими грязными ручищами?

Францискъ Галсъ, спавшій еще глубокимъ и тяжелымъ сномъ въ супружеской постель, открылъ глаза, поднялъ голову, и снова роскошно погрузился въ постелю, безъ сомнѣнія, для того, чтобы опять заснуть, но не тутъ-то было....

— Что ты притворяешься спящимъ, пьяница! — возопила Бригитта неслышнымъ, пронзительнымъ голосомъ, схватывая за руку мужа, который совсѣмъ не притворился и не могъ еще проснуться. — Полно дрыхнуть — дай высказать тебѣ все, что ты....

«Я и безъ того слышу это съ утра до вечера!» отвѣчалъ безпечно Францискъ, неохотно подымаясь, и отвѣя такъ, что видны были оба ряда зубовъ, которыми украшался широкій ротъ его.

И меньше искры было бы достаточно для произведенія взрыва. Но за то и отвѣтъ столь оскорбительный произвелъ взрывъ самый ужасный! Никогда бочка пороху, разорванная огнемъ, не производила такого страшнаго, оглушающаго рева и шума, какой теперь произвели слова Франциска!

Пока Цицеронъ-Бригитта гремѣла своею Катилинарейю, своимъ: «Долго ли ты будешь?» — блѣднѣя отъ досады, Францискъ, нѣсколько разъ, едва удерживался отплатой ругательствами за ругательства. Выходила мгновенія, когда жилистая рука его, сжимаемая гнѣвомъ, поднималась на грозную обличительницу его лъни и неоприятности. Но онъ скрѣпился, вскопчалъ, пробѣжалъ по комнатѣ и заперся въ ближней горницѣ, служившей ему мастерского, сильно захлопнувъ за собою дверь. Тамъ съелъ онъ передъ станкомъ, взявъ палитру и началъ растирать на ней краски, слыша вдали грозу своей супруги, шумную, болѣе нежели когда нибудь, упавшую теперь на двухъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ, тѣмъ болѣе испуганныхъ, что слова сопровождались притомъ оплеухами и колотушками...

Въ это самое мгновеніе, какой-то незнакомецъ дернулъ за снурокъ у дверей. Видя, что никто не отворяетъ, онъ самъ поднялъ задвижку и вошелъ. Шумъ въ ближней комнатѣ былъ столь великъ, что никто не услышалъ шаговъ вошедшаго гостя. Бригитта тогда только замѣтила посторонняго чловѣка, когда онъ сталъ передъ нею, снимая шляпу съ головы.

Немного смущенная тѣмъ, что ее застали среди

домашнихъ распоряженій и супружескаго счастья, Бригитта почувствовала, что щеки ея покраснѣли, и смѣшавшись пошла она на встрѣчу знаменитаго господина — иначе нельзя было назвать того, кто былъ передъ нею, показывая въ манерахъ и одеждѣ своей столько же богатства, сколько и щегольства. Одной рукой заставила она молчать дѣтей, которыя замолкли, съ разинутыми ртами, и еще съ слезами на глазахъ, глядя на незнакомца, а другою спѣшила пододвинуть стулъ и привѣтствовать гостя, низко присѣдая.

— Я желалъ бы видѣться съ г-мъ Францискомъ Галсомъ — сказалъ молодой незнакомецъ, отвѣчая на привѣтъ Бригитты поклономъ, столь почтительнымъ, какъ будто говорилъ съ знатною дамою. — Мнѣ хотѣлось бы заказать ему мой портретъ, и какъ я намѣренъ пробытъ въ Мехельнѣ весьма недолго, то нельзя ли ему тотчасъ начать сеансъ.

«Слишкомъ много чести для моего мужа» — отвѣчала г-жа Галсъ, переводя голосъ отъ гнѣвнаго крика къ пріятному выраженію учтивости — «позвольте мнѣ предупредить мастера Франциска о желаніи вашемъ».

Учтиво присѣвши снова, она побѣжала въ мастерскую мужа своего.

«Вотъ, какой-то господинъ пришелъ, проситъ написать съ него портретъ. Надѣнь платье пооприятнѣе, да поспѣши принять его — ему нѣкогда, и если онъ за твою пачкотню не заплатитъ наличными, такъ ужъ послѣ этого и вѣрить не кому!»

Не заботясь объ отвѣтѣ своего мужа, Бригитта опять побѣжала въ комнату, гдѣ былъ гость, и въ третій разъ присѣдая передъ нимъ, сказала ему:

«Если вамъ, М. Г., угодно пожаловать въ мастер-

скую, мастеръ Францискъ самъ готовъ принять васъ.»

Приходъ незнакомца, казалось, не совсѣмъ-то былъ пріятенъ Франциску Галсу. Очень мало расположенный къ работѣ, онъ теръ на палитрѣ своей краски, не зная что ему писать, и хотѣлъ воспользоваться первою минутою, когда жена его заглядится, и ему можно будетъ ускользнуть въ погребокъ, опохмѣлиться тамъ послѣ вчерашняго гулянья, слѣды котораго сильно шумѣли въ его головѣ. Посѣтитель требовалъ портрета; это могло задержать Франциска до вечера дома, и потому посѣщеніе было ему вовсе непріятно. И всегда не очень веселое выраженіе лица художника, приняло какую-то грубую, непріятную наружность, и весьма не много успѣлъ разсѣять ее щеголеватый, учтивый видъ незнакомца, введеннаго въ мастерскую Бригиттою. Францискъ поднялся тяжело, какъ медвѣдь, котораго проводникъ его принуждаетъ стать на задніи лапы, снялъ свою шляпу съ широкими полями, отвѣчал на поклонъ посѣтителя, и указавши ему на соломенный стулъ, сѣлъ онъ опять самъ, не говоря ни слова.

Разсерженная такою малою учтивостью, Бригитта подавала мужу своему знаки, но онъ притворился незамѣчающимъ ихъ. Негодованіе, почувствованное г-жею Галсъ при такомъ нарушеніи вѣжливости, было столь велико, что не смотря на присутствіе гостя, Фламандскій характеръ ея не выдержалъ принужденія — покраснѣвши до ушей, она обратилась къ мужу съ сверкающими отъ гнѣва глазами.

«Что это?» вскричала она, вытирая передникомъ покрытый пылью стулъ, на который хотѣлъ сѣсть посѣтитель. — «Что это, мастеръ Францискъ? Не думаешь ли ты, что къ тебѣ пришелъ какой нибудь

торгашъ нитками, либо какой нибудь мѣщанинъ-пыльца, съ которыми ты всегда водишься? Развѣ у насъ въ домъ не найдутся какія нибудь креслы? или пиво, котораго ты вчера нарѣзался, заставило тебя опѣмѣть?»

Изумленный и недовольный такою неожиданною выходкою, Францискъ притворился неслыхавшимъ ни одного слова, и пока жена его сыпала слова, нечувствительно переходя къ самымъ высокимъ тонамъ сердитой гаммы, онъ отрывисто спросилъ у посѣтителя, какъ будто самое глубокое безмолвіе царствовало вокругъ него:

«Что вамъ — во весь ростъ, или грудной портретъ надобно, М. Г.? —

— Отъѣзжая изъ Мехельна сегодня вечеромъ, я принужденъ, съ большимъ сожалѣніемъ — удовольствоваться груднымъ портретомъ.

«Груднаго портрета не кончишь обыденкой. Мой чередъ — жалѣть, что я не могу писать вашего портрета.

При сихъ словахъ, Бригитта чуть не упала въ обморокъ отъ досады. Она того только и ждала, что незнакомецъ раскланяется и пойдетъ вонъ. Но онъ отвѣчалъ спокойно и съ улыбкою:

«Помните! Я останусь доволенъ тѣмъ, что вы успѣете написать, пока ночь не заставитъ васъ прекратить ваше занятіе. Мнѣ очень хочется увезти въ Англию какую нибудь вашу работу, и для этого достаточно всего — самой бездѣлицы, которую подаритъ мнѣ ваше снисхожденіе.

Дурное расположеніе духа, дѣлавшее Франциска Галса столь несноснымъ, не могло устоять противъ такого терпѣливаго, вѣжливаго снисхожденія. Онъ взялъ холстину, натянутую на рамы, положилъ ее на свой станокъ, и не очеркивая ни какого эскиза,

не требуя, чтобы посьетитель принял академическую, неподвижную позу, принялся работать широкою, смѣлою кистью. Тотъ, черты котораго передавалъ онъ такимъ образомъ красками, слѣдовалъ съ видимымъ любопытствомъ за работою художника, и почти безпрестанно всакивалъ съ своего мѣста, чтобы поближе рассмотреть очерки и манеръ работы Франциска. Такое любопытство разсердило наконецъ живописца.

«Если мнѣ надобно будетъ безпрестанно оборачивать голову, чтобы списывать васъ, такъ вѣдь я брошу къ чорту мое пачканье!» вскричалъ онъ.

— Правда, мейстеръ! — отвѣчалъ посьетитель, садясь на свое мѣсто. — Извините меня — право, нельзя безъ удивленія смотреть на смѣлую быстроту вашего исполненія и вѣрность вашего туша! Никто не владеетъ такъ кистью, какъ вы.

«А, а!» прорычалъ Францискъ — «видно вы немножко смыслите въ живописи, и не изъ любопытства только, не изъ обезьянства, какъ другіе богачи, хотите имѣть портретъ моей работы. Тѣмъ лучше. Терпѣть я не могу этихъ невѣждъ, которые умѣютъ только платить за работу, и уносить домой работу художника, какъ будто несли подъ рукой штуку сукна, либо холстины... Хмъ! Такъ при Англійскомъ Дворѣ занимаются отчасти живописью?»

— Очень. Его Величество, король Карль I-й, великій знатокъ въ художествахъ, и умѣетъ покровительствовать имъ. Лорды Двора его, желая понравиться своему государю, украшаютъ свои чертоги картинами, и дарованіе находить вѣрное средство разбогатѣть при Англійскомъ Дворѣ.

«Разбогатѣть!... Награда дарованію!»... Францискъ горько улыбнулся, и потомъ, какъ будто желая за-

душить тягостную мысль, мелькнувшую въ головѣ его, онъ схватилъ свои кисти, выпавшія изъ рукъ его, и съ новымъ жаромъ принялся за работу.

Послѣдовало нѣсколько минутъ безмолвія, въ теченіе которыхъ, незнакомецъ любопытно обращалъ взоры вокругъ, и разсматривалъ странную комнату, гдѣ онъ находился. Ни что не могло менѣе походить на мастерскую живописца, какъ эта комната, съ голыми стѣнами, по которымъ можно было сосчитать всѣ кирпичи, когда-то обмазанные известкомъ, но теперь запачканные и закоптившіе отъ дыма, который выходилъ въ растреснувшую трубу огромной печи; въ ней горѣли и трещали уголья, смѣшивая непріятный запахъ сѣры и смолы съ вонью отъ лаковъ, масла и красокъ. Старый, ветхій столъ, съ кривыми ножками, на которомъ стояли горшокъ и два разбитые стаканы; три хромоногіе стула; лоскутъ грубой зеленой байки, которымъ завѣшивался свѣтъ въ единственномъ окошкѣ комнаты, составляли, съ станкомъ и нѣсколькими начатыми картинами, всю мебель этого бѣднаго убѣжища, такъ великолѣпно называемаго Бригиттою *мастерскою*. Впрочемъ, легко было примѣтить, что эта мастерская была вѣдѣ предѣловъ власти хозяйки, столь грозно повелѣвавшей своимъ помеломъ въ другихъ комнатахъ. Видно было, что ни помело, ни вода не сражались здѣсь съ пылью и неопрятностью. Огромныя масляныя пятна красовались на полу, а зола, падавшая подъ печку, разлеталась во всѣ стороны, наполняя воздухъ и покрывала всѣ мебели и стѣны сѣроватымъ слоемъ. Незнакомый посьетитель внимательно смотрѣлъ на колонну легкихъ пылинокъ, которыя вертелись и цвѣтились всѣми красками радуги отъ солнечнаго луча, пробивавшагося сквозь стекло окна, какъ вдругъ, неожиданное дви-

женіе Франциска прервало молчаніе. Съ досадою кинулъ онъ свои кисти и палитру, и далъ такой ударъ кулакомъ по холстинѣ, на которой писалъ портретъ, что она чуть не лопнула, и станокъ съ нею отлетѣлъ на пять шаговъ.

«Нѣтъ!» вскричалъ онъ — «нѣтъ! не хочу, чтобы мое пачканье повезли въ Англію, чтобы оно доказало тамъ превосходство Ванъ-Дикова дарованія надъ моимъ! Божусь вамъ, м. г., что я не прикоснусь болѣе кистью моею къ этой холстинѣ, и она не выйдетъ изъ моей мастерской! Извольте вѣхать въ Лондонъ, и пусть тамъ Ванъ-Дикъ спишетъ съ васъ портретъ!

— Ванъ-Дикъ отдастъ вамъ справедливости болѣе, нежели вы ему — сказалъ посѣтитель, улыбаясь. — Далекій отъ увѣренности въ свое превосходство, чего опасаетесь вы по излишней вашей скромности, онъ видитъ въ васъ генія, и откровенно называетъ васъ своимъ соперникомъ, и притомъ самымъ опаснымъ.

«Онъ ошибается. Я могъ бы сравниться съ нимъ, превзойти его, можетъ быть, потому, что я чувствовалъ нѣкогда въ себѣ силу создать что нибудь прекрасное и великое.... Но я остановился на дорогѣ, я видѣлъ, какъ Ванъ-Дикъ перегналъ меня — видѣлъ, проливалъ слезы отъ досады! Мысль идти съ нимъ рядомъ, сдѣлаться его соперникомъ, долго была моею единственною мыслью — цѣлью жизни моей. Но судьба наложила на меня свою тяжкую руку, и я сталъ на дорогѣ. Отчаяніе бросило меня въ болото — въ грязь. Теперь мнѣ поздно достигать Ванъ-Дика.... Онъ.... И я.... Нѣтъ, нѣтъ! никогда портретъ, писанный мною, не увезутъ въ Англію....

И онъ снова хотѣлъ уничтожить раму съ начатымъ портретомъ, которую незнакомецъ спѣшилъ защитить отъ него.

— Позвольте мнѣ — сказалъ незнакомецъ — спасти работу вашу отъ прихоти гнѣва безъ всякой причины!

«Ну, чтожь! Вы не дадите мнѣ изорать эту драпъ, а какъ принудите вы меня кончить вашъ портретъ?» вскричалъ Францискъ, послѣ тщетнаго старанія вырвать холстину изъ рукъ знакомаго. — И онъ сѣлъ въ створонѣ, въ углу комнаты, скрестивъ руки на груди съ видимою досадою.

— Если вы не хотите докончить моего портрета — отвѣчалъ посѣтитель — я самъ попытаюсь дописать его. Не трону головы, которая уже довольно отдѣлана, но въ платьѣ и драпировкѣ постараюсь поддѣлаться подъ вашъ манеръ.

Онъ тотчасъ взялъ палитру, сѣлъ передъ станкомъ, и принялся за кисти, какъ человѣкъ, которому живопись была не совсѣмъ чуждою. Сначала Францискъ улыбулся, видя хвастливое добродушіе молодого человѣка, столь тщеславнаго, что своимъ *аматерскимъ* пачканьемъ хотѣлъ онъ докончить начатое извѣстнымъ, опытнымъ художникомъ. Первымъ движеніемъ его было — подойти и полюбоваться вблизи на эту неловкую работу, но другая мысль удержала его на мѣстѣ. Онъ сталъ подозрѣвать — не хочетъ ли незнакомецъ только раздражить его своею неловкостью и заставить снова приняться за работу? Но вскорѣ однакожь увидѣлъ онъ, что такое предположеніе было несправедливо, ибо въ нѣсколько минутъ холстина покрылась превосходнымъ, смѣлымъ очеркомъ, и когда, не въ состояніи будучи преодолѣть своего любопытства, Францискъ всталъ и подошелъ къ знакомцу — невольный крикъ изумленія вырвался изъ устъ его —

«Ты Ванъ-Дикъ!» вскричалъ онъ, сбрасывая свою

шлапу съ головы — «ты Ванъ-Дикъ!» И крупныя слезы потекли по щекамъ его.

Ванъ-Дикъ протянулъ къ нему руки — Францискъ бросился въ его объятія.

«Ты Ванъ-Дикъ — говорилъ онъ — мой побѣдитель, тотъ, кому я такъ удивляюсь, кого я такъ ненавижу, потому, что безъ тебя былъ бы я первый портретный живописецъ въ мірѣ... Да, вѣтъ! я не могу тебя ненавидѣть. — Я тебя люблю, потому, что ты добръ и великодушенъ — твое превосходство не возгордило тебя — ты, какъ другъ, пришелъ къ Франциску Галсу... Ты славно поступилъ, Ванъ-Дикъ; ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ къ бѣдному Франциску — онъ такъ страдаетъ — онъ такъ несчастливъ.... Видишь, Антоній — я бываю пьянъ съ утра до вечера, но это для того только, чтобы забыть мое горе, для того, что пьяный ничего не думаетъ.... А иногда приходятъ мнѣ мысли, отъ которыхъ тяжко... Вспомнить прежнее горько, Антоній! Иногда бывають такіа минуты, что я готовъ сбросить съ себя мое отчаяніе, вмѣстѣ съ моею жизнью, но я окованъ, прикованъ цѣпами — мнѣ нельзя умереть, нельзя, и — тогда бѣгу я въ погребъ, пью, напиваюсь, чтобы заглушить отчаянную мысль самоубійства, которая оставить дѣтей моихъ безъ хлѣба, а душу мою погубить на вѣкъ. Ахъ! другая жизнь единственная отрада моя — только въ Богъ мое утѣшеніе, только онъ одинъ вѣдаетъ мои скорби, и простить мнѣ за великость ихъ грѣхи мои, простить и то, что къ такому постыдному средству прибѣгаю я, желая спасти себя отъ самого себя... Мои страданія тяжки, Ванъ-Дикъ!.. Да, мой другъ, тяжело человѣку, который сочувствуетъ въ себѣ силу творить и создавать великое, понимаетъ, что онъ не созданъ влачиться въ толпѣ, видитъ

крылья свои оборванными и со стономъ ползаетъ по землѣ... И все мое несчастье, я самъ себѣ создалъ — я самъ ринулся въ эту пропасть.... Мать моя стояла передо мной на колѣняхъ, умоляя меня одуматься, не губить себя, и я не послушался ея! Отецъ мой грозилъ мнѣ проклятіемъ — и я не побоялся проклятія моего отца.... А! Часъ расплаты скоро ударилъ для меня... Съ того несчастнаго дня, когда могильщикъ зарылъ въ землю отца моего, умершаго отъ печали, несчастіе отяготѣло надъ моею головою, стало капать на меня, медленными, холодными, непрерывными каплями.... Боже мой, Боже мой! никакой надежды, никакого спасенія!.. Я уступилъ судьбѣ моей, я согнулся подъ тяжкимъ гнетомъ ея, и теперь отъ моего генія, отъ моего дарованія, которые далъ мнѣ Господь Богъ, остаются только бѣдныя искры, только блѣдныя лучи, и тѣ каждый день потухаютъ, меркнутъ! Скоро буду я нищій, безталантный пьяница — пропаду во тмѣ моего страданія....

«И все это, Ванъ-Дикъ, отъ того, что я поддался глупой, безумной любви! Все это отъ того, что я не зналъ, что въ женщинѣ надобно искать не одной красоты... Да, если бы встрѣтилъ я сердце, которое меня поняло, душу, которая сдружилась бы съ моею душою — встрѣтилъ женщину, какъ встрѣчаюсь теперь съ тобою, Антоній — высоко бы сталъ я! Сталъ наравнѣ съ тобою, можетъ быть, выше... Но я, сумасшедшій, восемнадцати лѣтъ женился на сужанкѣ моего отца. Ни то, что она не получила никакого образованія, ни то, что она была старше меня семью годами, ничто неостановило меня. О надежды, вечеромъ, безъ денегъ, безъ отцовскаго благословенія, убѣжали мы съ ней, обвинчались, скрылись во Франціи, и... скоро увидѣлъ я несчастныя

следствія моего безумія и всю великость моего бѣдствія... Поздно было — надобно было соображаться съ положеніемъ, съ мнѣніемъ и волею моею жены, кормить моихъ дѣтей, слушаться нужды, и изъ великаго художника сдѣлался и подлымъ ремесленникомъ.. Бѣдность... О Ванъ-Дикъ! ты не знаешь всего ужаса этого слова, для человѣка, отличеннаго Богомъ! Надобно вытерпеть всѣ пытки бѣдности, другъ мой, и тогда только ты узнаешь, какъ убиваетъ она душу, какъ уничтожаетъ всякую мысль! Вдохновенія нѣтъ — работай; охоты нѣтъ — работай! Тебѣ надобно хлѣба — и не тебѣ: у тебя просятъ его жена и дѣти — они просятъ пить, вѣтъ... Продавай за что попало свои прекрасныя произведенія, безславъ свое дарованіе наемною работою, заказами, стыдись своего имени — видишь ли? тутъ стоитъ она, бѣдность, страшная, неумолимая... Если бы ты зналъ, Ванъ-Дикъ, какія гибельныя помысленія внушаетъ она иногда... Ванъ-Дикъ! она совѣтовала мнѣ — даже воровать!... Да, да... однажды — только случай меня спасъ... Со мной не было кинжала, когда встрѣтилъ я жида съ кошелькомъ золота, и зналъ, что дома у меня — дѣти мои умираютъ съ голоду...

«Но знаешь ли ты, Антоній,» продолжалъ онъ, вдругъ понизивъ голосъ, знаешь ли, что бѣдность еще не самое тяжкое изъ моихъ страданій? Страшная пытка моя — этотъ пошлый, грубый голосъ простолюдника жены моею, который звѣнитъ у меня въ ухахъ съ утра до вечера — это тяжкое иго, наброшенное на меня этою злою женщиною, которая, безжалостно, одну за другою, умѣла оборвать всѣ струны, отъ которыхъ билось мое сердце чѣмъ нибудь благороднымъ! Если я теперь ремесленникъ, ничего больше, какъ маляръ, живущій изо-дня въ день, беззаботный о томъ, что дѣлаетъ,

знающій только одно счастье... Что и сказалъ? счастье, кажется? Да, да, счастье, блаженство напиваться въ кабакъ... Да, да, Ванъ-Дикъ! кувшинъ пива и трубка табаку теперь составляютъ всѣ радости Франциска Галса... Онъ напивается до пьяна каждый вечеръ, если не начинается съ утра, съ булочникомъ, своимъ кумомъ, съ баншникомъ, который сужаетъ ему гроша по два, съ мясникомъ, который при безденежьи отпускаетъ ему фунтовъ десять говядины въ долгъ... Францискъ выпивается изъ ума, валится подъ столъ, и когда сосѣди слышатъ, что Бригитта ругается во все горло, кричитъ, бѣгаетъ дѣтей, они спокойно выглядываютъ на улицу, и говорятъ: «Ничего — это Франциска Галса ведутъ домой — экой пьяница!»... О, это страшно!.. Пить мнѣ, жена,» — вскричалъ Францискъ, стуча по столу кувшиномъ — «пить! Сегодня мнѣ и надобно напиться до пьяна, до безчувствія! Пить мнѣ! Ванъ-Дикъ, съ которымъ сравняться, котораго побѣдитъ Богъ давалъ мнѣ силы — видѣлъ мое уничиженіе, видѣлъ мой позоръ... Дайте мнѣ забыть все — пить, или ужасная мысль о самоубійствѣ опять ливется ко мнѣ — и я не перенесу моего отчаянія, моего стыда»...

— Не должно до такой степени терять бодрости и предаваться отчаянію, любезный товарищ — говорилъ Франциску Ванъ-Дикъ. Слишкомъ горячо чувствуете вы прискорбность своего положенія, и потому вамъ легко возвратитъ потерю. Сильныя болѣзни, по словамъ врачей, всегда надежны къ излеченію слабыхъ и медленныхъ. Надобны только твердая воля и крѣпкая рѣшительность, чтобы дарованію вашему возвратитъ его силу и достоинство. Сегодня же вечеромъ ѣду я въ Лондонъ — поѣдемъ со мною. Я представлю васъ Его Величеству, коро-

лю Карлу I-му, удостоивающему меня некоторой благосклонности. Мы часто съ нимъ говаривали объ васъ. Богатства, почести скоро заставятъ васъ забыть ваши несчастныя наклонности, и вы сдѣлаетесь великимъ и благороднымъ художникомъ, моимъ соперникомъ, моимъ побѣдителемъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но я не дамъ побѣднть себя легко, и это будетъ великая битва двухъ великихъ людей — мы будемъ соперниками, не переставая быть друзьями — поучительное зрѣлище для современниковъ и потомства!

«Поѣдемъ — вскричалъ въ восторгъ Францискъ — поѣдемъ въ Лондонъ! О Боже великій! вотъ, послѣ столькихъ страданій, первая оградная надежда въ 12-тъ лѣтъ! Ыдемъ, ѣдемъ!»

И онъ обнималъ Ванъ-Дика, онъ смѣялся, прыгалъ, говорилъ тысячи безсвязныхъ словъ, когда Бригитта вошла въ мастерскую. Глаза ея горѣли гнѣвомъ; лицо было красно; руки подперты фертомъ въ бока. При видѣ жены пропала радость Франциска, и безмолвная грусть заступила мѣсто ея. Гордо прошла Бригитта по комнатѣ и стала противъ Ванъ-Дика.

— Такъ за этимъ-то вы изволили пожаловать? — воскликнула она — увезти моего мужа, разстроить семейственное спокойствіе? Просимъ ѣтти вонъ, м. г., и никогда къ намъ ни ногой болѣе! Ахъ! мать Пресвятая Богородица! Ахъ! спасите насъ всѣ свѣтыя!... Я все подслушала у дверей... Увезти моего Франциска въ Лондонъ... А жена его? А дѣти? И вотъ, вмѣсто того, чтобы посовѣтовать пьяницѣ перемѣнить свое поведеніе, его тащатъ въ Лондонъ — тамъ спойтъ, погубить! А ты что обо мнѣ тутъ наговорилъ? Да, знаешь ли, что безъ меня ты давно издохъ бы гдѣ нибудь, былъ давно въ больницѣ,

въ тюрьмѣ, на висѣлицѣ? Ты ругать свою законную жену? Ты меня стыдиться? Да, не мнѣ ли стыдѣ, пьяница, когда тебя всякій вечеръ поднимаютъ на улицы, въ грязи? Ты жалѣешь о томъ, что женился на служанкѣ? Да эта служанка по три раза на день плачетъ, что за тебя вышла... Пьяница ты! Съ мужикомъ, съ ремесленникомъ, я была бы счастлива... Я стыжусь тебя, мучусь съ тобой, пакунъ ты — и онъ еще думаетъ, что его маранье честибѣ булочнаго ремесла... Да, не будь у меня дѣтей, да я давно бы бросила тебя — да, чортъ тебя возьми! Нѣтъ! ужь если я для нихъ страдаю, такъ страдай же и ты — до смерти неразлучны мы съ тобой... А вы, м. г., извольте одни отправляться въ вашъ Лондонъ — мужъ мой не поѣдетъ съ вами: я этого не хочу, не позволю! Если онъ еще станетъ думать о такой глупости, если вы станете его еще уговаривать, да я тогда...

И два могучіе кулака Бригитты поднялись надъ ея головою, какъ сильнѣйшее дополненіе словъ ея.

«Мил. гос.» сказалъ Ванъ-Дикъ, со всевозможного кротостью — гнѣвъ вашъ мѣшаетъ вамъ безъ предубѣжденія рассмотреть все дѣло и рассчитать выгоды вашего семейства. Мейстеръ Галсъ, за неимѣніемъ здѣсь покупателей, продаетъ за безцѣнокъ свои произведенія, но прѣхавши въ Англію, онъ не замедлитъ составить себѣ скоро значительнаго состоянія. Нѣсколько лѣтъ достаточно ему будетъ обезпечить судьбу вашу и дѣтей вашихъ, и онъ явится къ вамъ снова — счастливый, богатый, почтенный.

— Какъ бы не такъ! Нѣтъ, дайте ему только ухватъ, такъ ни жена, ни дѣти не увидятъ его болѣе... Вспомните онъ тогда обо мнѣ!.. И неужели вы, м. г., думаете, что подъ фартукомъ служанки

нѣтъ чувства, и не такъ бѣгется сердце, какъ подъ вашимъ бархатнымъ кафтаномъ? Развѣ вы думаете, я переживу разлуку съ нимъ, съ этимъ пьяницей, съ которымъ живу 13-й годъ? А каково будетъ мнѣ смотрѣть на сиротъ дѣтей, безъ отца? Не грѣхъ ли вамъ разлучать тѣхъ, кого соединилъ самъ Богъ?

И слезы брызнули изъ глазъ Бригитты при сихъ словахъ...

— Пусть — продолжала она, съ чувствомъ, котораго нельзя было ожидать отъ нея — пусть я дѣлаю его несчастнымъ, пусть онъ оставитъ меня — Богъ съ нимъ! Повзжай — будь счастливъ! Хлѣба здороваго намъ не надобно — пока будутъ у меня двѣ здоровыя руки, я прокормлю нашихъ дѣтей... Да, и Богъ сиротъ не оставитъ, и кто не подастъ милостыни, когда они пропоютъ подъ окошкомъ: «подайте сироткамъ, которыхъ отецъ бросилъ, а мать прокормить не въ силахъ!»

Она перестала говорить и плакала. Францискъ слушалъ ее, закрывъ лицо руками. Потомъ медленно всталъ онъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и посмотрѣлъ на Ванъ-Дика съ отчаянною рѣшительностью.

«Вы видите, Ванъ Дикъ — сказалъ онъ — я не могу вѣхать съ вами. Надобно чтобы я жилъ и умеръ здѣсь, прикованный на цѣпи моей! Благодарю васъ за добрыя ваши намѣренія, за вашу благородный образъ мыслей. Унесите съ собой этотъ неоконченный портретъ вашъ, на память бѣднаго Франциска Галса! Отправляйтесь въ Англію, ко двору Карла I-го — я пойду въ погребокъ, напьюсь, и постараюсь увѣрить себя, что ваше посѣщеніе, что это утро, пролившее въ душу мою каплю отрады — были сны, были мечты, какія иногда приходятъ мнѣ въ голову пьяному!.. Прощай, Ванъ-Дикъ, и будь счастливъ!

Ванъ-Дикъ обнялъ несчастнаго Франциска и поспѣшно удалился, не забывши положить за горшокъ на столикъ кошелекъ съ червонцами. Но едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ услышалъ крикъ Бригитты. Запыхавшись, бѣжала она за Ванъ-Дикомъ, остановила его и бросила ему кошелекъ.

— Милостыни мужу моему не надобно, м. г. — сказала она съ сердцемъ.

«Но, помилуйте, сударыня!» отвѣчалъ Ванъ-Дикъ — я долженъ былъ заплатить супругу вашему за работу. Портретъ стоитъ двѣсти дукатовъ, и именно столько въ этомъ кошелекѣ».

— Такъ вы за портретъ хотѣли заплатить? Очень хорошо и прекрасно. — Мужъ мой беретъ за портретъ по два дуката. Вашъ конченъ только въ половину — пожалуйста мнѣ одинъ дукатъ, а кошелекъ вашъ возьмите. Прощайте!

«Странные люди!» думалъ Ванъ-Дикъ, когда она удалилась. «И какъ этотъ печальный примѣръ убѣждаетъ меня въ рѣшительномъ намѣреніи никогда не жениться! Да, здравствуетъ моя холостая, беззаботная жизнь, свободная, какъ мысль, прихотливая, перемѣняющая каждую минуту и разцвѣтшая мимолетною любовью!»

Тутъ гордая улыбка мелькнула на лицѣ Ванъ-Дика. Кокетливо поправилъ онъ свой, выпитый золотомъ плащъ, придававшій ему видъ знатнаго и богатаго человѣка, и медленно направилъ путь къ дому друга своего, Мехельнскаго бургомистра, у котораго остановился проѣздомъ черезъ Мехельнь.

II.

Какъ ни грустны были мысли Ванъ-Дика, когда онъ разстался съ Францискомъ Галсомъ, благодаря

живости воображенія, юный художник вскорѣ, мало по малу, перешелъ къ мыслямъ болѣе веселымъ, которыя увлекли его далеко отъ Мехельна и Бранчивой Бригитты, и — Богъ знаетъ, что вертѣлось у него въ головѣ, когда вдругъ услышалъ онъ надъ собою хохотъ и веселый говоръ двухъ прелестныхъ, серебряныхъ голосовъ. Въ тоже мгновеніе множество розовыхъ листочковъ закружились въ воздухъ и осыпали шляпу и платье молодого художника, какъ будто благоуханный градъ. Онъ взглянулъ вверхъ — двѣ русыя, милыя головки стыдливо скрылись за занавѣскою окна, но онъ не могли однакожь спрятаться такъ скоро, чтобы Ванъ-Дикъ не замѣтилъ ихъ, и не разсмотрѣлъ, что это были молоденькая дѣвушка и мальчикъ, которымъ страхъ какъ совѣстно было, что подъ розовый дождь ихъ попался какой-то прохожій. Увѣренный, что окошко не замедлитъ опять открыться, и прелестныя головки покажутся снова, Ванъ-Дикъ спрятался въ нѣсколькихъ шагахъ за дерево, такъ, что его нельзя было замѣтить. Ожиданіе не обмануло его. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту личико маленькаго вѣтренника заботливо выставилось изъ окна; онъ глядѣлъ во всѣ стороны, и какъ видно увѣрившись, что никого нѣтъ, звалъ кого-то. Черезъ минуту еще, подруга шалуна, обнадеженная его словами, появилась на балконѣ, сама заботливо удостовѣряясь, что попавшійся подъ розовые листочки точно ушелъ. Еще не оправясь хорошенько отъ своего испуга, она оперлась на рѣшетку балкона одною рукою, и черная шелковая митень давала возможность любоваться ея прелестною, пухленькою ручкою; другою удерживала она маленькаго вѣтренника, своего товарища, который карабкался по желѣзнымъ розасамъ балкона, стараясь разглядѣть точно ли ушелъ прохожій

Между тѣмъ, пока Ванъ-Дикъ любовался этою прелестною группою — дѣвушки, красоты очаровательной, и мальчика, хорошенькаго, какъ Амуръ, кто-то хлопнулъ его по плечу, говоря:

«Здравствуйте, г-нъ Ванъ-Дикъ!»

Съ удивленіемъ оборотился онъ. Это открыло его убжище наблюдателямъ на балконѣ, которые, какъ молнія мелькнули и скрылись.

«Вы меня не узнали — не правда ли?» продолжалъ человекъ, говорившій съ Ванъ-Дикомъ, пока художникъ глядѣлъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ самымъ почтительнымъ поклономъ.

— «Ну, а мы, кажется, видались при Дворѣ Его Величества Короля Англійскаго — рѣдко, но все столько однакожь, что я съ перваго раза узналъ васъ, г-нъ Ванъ-Дикъ. А если и вы узнали меня, то позвольте попросить васъ скрыть мое имя. Важное дѣло принуждаетъ меня къ этому, и потому я долженъ просить о томъ даже и тѣхъ, на чью скромность совершенно полагаюсь. Я не подумалъ бы скрывать отъ васъ причинъ моей тайны, если бы она касалась только меня. Никто не знаетъ меня здѣсь подъ моимъ настоящимъ именемъ, и никто не подозреваетъ, чтобы г-нъ Андерсонъ, купецъ Лондонскій, не былъ въ самомъ дѣлѣ почтеннымъ г-мъ Андерсономъ.

— Ваша тайна тѣмъ болѣе можетъ быть безопасна съ моей стороны, что черезъ нѣсколько часовъ я ѣду изъ Мехельна. — Ванъ-Дикъ снова почтительно поклонился и хотѣлъ удалиться, но Лондонскій знакомецъ взялъ его подъ руку, и какъ человекъ, который привыкъ видѣть, чтобы все повиновалось малѣйшимъ его прихотямъ, сказалъ ему:

«Извините, любезный Ванъ-Дикъ, я такъ дорого цѣню неожиданный случай, который свелъ насъ

вмѣстѣ, что не соглашусь такъ скоро съ вами разстаться! Дѣла мои удержатъ меня здѣсь еще съ недѣлю; потомъ я поѣду въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, и если вы удостоите меня чести быть вашимъ товарищемъ, то мы будемъ путешествовать вмѣстѣ. На досугѣ напишите мой портретъ, и портреты этихъ шалуна и шалуньи, на которыхъ, кажется, вы засмотрѣлись, вѣроятно потому, что они чтонибудь напраказничали. Ну, говорите скорѣе: согласны ли вы?

— Встрѣча наша такая романтическая, и приглашеніе ваше такъ мило, что я могу только благословлять судьбу мою за то и за другое. Располагайте мною... съ завтрашняго утра, потому, что сегодня я во власти другаго, далъ слово ужинать у г-на Бургомистра Мехельскаго, у котораго квартиру, и которому угодно было пригласить меня ужинать за просто.

«Вадоръ!» отвѣчалъ Андерсонъ, какъ велья называть себя Лондонскій знакомецъ Ванъ-Дика. — «Я беру васъ въ полонъ съ этой минуты! Вы пойдете ужинать къ Бургомистру, а мнѣ придется сидѣть за столомъ одному; отъ этого мнѣ будетъ скучно, а желудокъ мой не терпитъ скуки. Пойдемте со мной. Не будьте добры только въ половину. Вы напишете къ вашему хозяину извинительную записку, и предложите ему придти поужинать съ однимъ добрымъ вашимъ знакомымъ, который только что пріѣхалъ въ Мехельнъ, радъ познакомиться съ почтеннымъ властителемъ Мехельна и не имѣетъ времени предварительно посѣтить его.

Рѣшаясь повиноваться во всемъ Лондонскому своему знакомцу, Ванъ-Дикъ слѣдовалъ за новымъ своимъ хозяиномъ, въ тотъ самый домъ, на балконѣ котораго видѣлъ очаровательную дѣвушку и пре-

дестнаго мальчика. Они вошли въ комнаты, далеко превосходившія убраннымъ скромнымъ жилищемъ Мехельскихъ и Лондонскихъ купцовъ. Тутъ немедленно написалъ онъ письмо къ почтенному Бургомистру, гдѣ отказывался отъ его ужина и предлагалъ придти ужинать къ своему знакомцу. Письмо послали по адресу.

— Теперь — сказалъ Андерсонъ — когда вы показали себя такимъ добрымъ и послушнымъ, въ знакъ благодарности моей, я постараюсь, чтобы вамъ не было скучно. Пойдемте сюда — пока до ужина!

Онъ отворилъ дверь въ другую комнату, и Ванъ-Дикъ увидѣлъ въ этой комнатѣ молодую дѣвушку и мальчика, осыпавшихъ его розовыми листочками. Яркая краска разлилась по лицу дѣвушки, но мальчикъ не оробѣлъ; онъ прямо прошелъ къ Ванъ-Дикъ, и размахивая деревянною саблею, которая была у него въ рукахъ, вскричалъ смѣло по Англійски:

«Не смѣй сердиться на Марию! Если ты заставишь ее заплакать, я убью тебя!»

— Избави Богъ подвергать испытанію вашу смѣлость — отвѣчалъ смѣясь Ванъ-Дикъ. Нисколько не думая сердиться на прелестную даму, которую защищала столь знаменитый рыцарь, я долженъ въ двойнѣ благодарить ее — за то, что розами хотѣла она усыпать мнѣ путь (и Ванъ-Дикъ почтительно поцѣловалъ розовый листочекъ, прильнувшій къ его плащу) и за то, что этимъ доставила мнѣ честь видѣть ее, и васъ, храбраго ея защитника.

«Что такое?» вскричалъ Андерсонъ — мнѣ кажется васъ не нужно рекомендовать взаимно — вы старые знакомые! Но все таки, хоть для формы, я исполню долгъ хозяина. Леди Мери — это г-нъ Ванъ-Дикъ, произведеніямъ котораго ты столько разъ удивлялась, а вамъ г-нъ Ванъ-Дикъ представляю ле-

ди Мери Рутвель, сироту, дочь графа Рутвена Горейскаго. Что касается до этого двух-футоваго героя, онъ — ни больше, ни меньше, наследникъ знаменитаго имени предковъ, братъ леди Мери. Представляю вамъ въ особѣ его — великаго шалуна, лорда Джоржа, графа Рутвена. Ихъ обоихъ встрѣилъ мнѣ умирая отецъ ихъ; я поклялся никогда не разлучаться съ дѣтьми моего друга, пока помощь моя будетъ имъ нужна, и вы видите, что я держу мое слово.

— Ахъ! вы замѣнили намъ отца! — вскричала Мери, ласково обнимая Андерсона, когда тотъ поцѣловалъ ее въ голову. — Мой добрый отецъ не могъ сыскать для дѣтей своихъ покровителя благороднѣе и великодушнѣе Георга...

«Георга Андерсона, добраго Лондонскаго купца. Ну, вотъ теперь ты мила и хороша, не пугаешься, не дрожишь, не краснѣешь, какъ розовые листочки, которыми бросаешь въ прохожихъ! Что это? Опять краснѣть? Надобно однакожь отказаться отъ такой привычки при видѣ г-на Ванъ-Дика, потому, что онъ, по снисходительности своей, согласился быть нашимъ гостемъ и сопутникомъ. Онъ останется съ нами въ Мехельнѣ, и потомъ поѣдетъ съ нами во Францію и въ Англію. Надѣюсь, что впередъ ты не будешь стрѣлять въ него розами. А теперь, любезная воспитанница г-на Андерсона, чтобы не стыдиться своихъ ребячествъ, покажи свое знаніе въ хозяйствѣ — вели готовить ужинать, и подтверди еще моему старому Трейсаду, чтобы онъ никого не принималъ, кромѣ Бургомистра, который придетъ, можетъ быть, ужинать съ нами, да курьера, который привезетъ мнѣ письмо изъ Франціи. И надобно еще приготовить комнаты для г-на Ванъ-

Дика. Иди и распорядись, дитя мое, а ты, безтрепетный герой, помоги сестрѣ своей.

— Что мнѣ взыщиваться въ ея дѣла! Я ѣду воевать! — отвѣчалъ Джоржъ, уже качавшійся на колыняхъ Ванъ-Дика, и представлявшій грозную фигуру воина, скачущаго на конѣ.

Черезъ полчаса, старшій слуга извѣстилъ Андерсона, что ужинъ готовъ.

Ванъ-Дикъ слѣдовалъ за своимъ хозяиномъ въ столовую, гдѣ находился уже Бургомистръ. Повелитель Мехельна сначала ужасно было разсердился, получивъ отказъ художника отъ чести ужинать съ нимъ, но потомъ благоразумно разсудилъ принять предложеніе на ужинъ съ г-мъ Андерсономъ. Этотъ Андерсонъ уже цѣлую недѣлю былъ предметомъ мучительнаго любопытства всѣхъ жителей Мехельна. За два дня до его пріѣзда прискакалъ въ Мехельнъ его старикъ управитель, и тотчасъ нанялъ огромный домъ. На другой день забрали множество работниковъ, и такъ щедро заплатили имъ за работу впередъ, что въ 24 часа сдѣлали они то, чего сами не думали сдѣлать въ шесть недѣль. Подъ смотрѣніемъ старика управителя, они покрыли богатыми коврами стѣны разныхъ комнатъ, разставили мебель, купленную за дорогую цѣну, и опустѣлый домъ превратили въ волшебное жилище роскоши. Когда все было кончено, шесть каретъ въѣхали вечеромъ въ это великолѣпное жилище; на другой день, слуги разсыпались по городу и покупали за чистое золото все, что только было въ Мехельнѣ самага рѣдкаго и лакомаго. Со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ вопросами, и на всѣ вопросы, они отвѣчали, усмѣхаясь, что ихъ господинъ богатый Лондонскій купецъ Георгъ Андерсонъ, путешествующій для своего удовольствія. Но когда, на дру-

гой день, увидѣли почтеннаго Лондонскаго купца, какъ щегольски прогуливался онъ верхомъ по городскимъ улицамъ, никто и ни сколько не вѣрилъ словамъ слугъ его; всякій видѣлъ, что купецъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, не могъ имѣть такихъ пріемовъ и такой ловкости, явно показывавшихъ, что г-нъ Андерсонъ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ онъ называлъ себя.

Какъ глубоки, обширны и тонки ни были догадки почтенныхъ бургеровъ Мехельскихъ, онъ ни сколько не пояснили тайны, и надлежало ограничиваться болѣе или менѣе вѣрными предположеніями, потому, что ни одинъ человекъ не могъ проникнуть въ жилище таинственнаго незнакомца, и напрасны были старанія самыхъ смѣлыхъ и неутомимыхъ кумушекъ и куманьковъ; самъ Бургомистръ терпѣлся только въ разсказахъ, и дѣло оканчивалось пустыми толками. Теперь, вы поймете, почему почтенный Бургомистръ рѣшился положить предѣлы своему гнѣву, получивъ письмо Ванъ-Дика, и почему вздумалъ онъ оставить излишнія церемоніи, препятствовавшія высокому сану его принять предложеніе таинственнаго незнакомца. Онъ могъ открыть тайну, и — вотъ онъ одѣлся въ лучшее свое платье, возложилъ на черный бархатный кафтанъ свой почетную золотую цѣпь, три раза обвивавшую его шею, и отправился на приглашеніе, предшествуемый двумя городскими стражами.

Какъ ни привыченъ былъ почтенный Бургомистръ къ величественному обхожденію по важности своего мѣста, но онъ почувствовалъ себя смиреннымъ и неловкимъ, когда очутился передъ незнакомцемъ, потому, что въ обхожденіи Андерсона было какое-то скрытое величіе, при всей ласковости показывавшее Бургомистру ничтожество его, въ присут-

ствіи этого таинственнаго купца. Роскошь въ серебрѣ, какимъ уставленъ былъ столъ, также не мало способствовала къ замѣшательству властителя Мехельнскаго, потому, что цѣнность его могла сравняться съ цѣлымъ капиталомъ порядочнаго городского бургера, и почтенному судіи города никогда еще не случалось видать столько драгоценной посуды и столь превосходной работы. Смѣшавшись, потѣя крупными каплями, онъ бормоталъ несвязныя учтивости, и спѣшилъ занять самое послѣднее мѣсто за столомъ — онъ, всегда горделиво занимавшій первое мѣсто за почетными столами.

Но любезность хозяина придавала веселость ужину, и Бургомистръ, оправившись отъ своего замѣшательства, превосходно началъ изъяснять леди Мери, пльннѣйшей его своимъ простымъ, увлекательнымъ обхожденіемъ, планъ и подробности Мехельнскаго собора, когда подъ окнами, и потомъ во дворѣ, раздался стукъ экипажа. Черезъ нѣсколько минутъ, старый слуга ввелъ въ столовую какого-то капуцина. При видѣ его, Андерсонъ оставилъ свое мѣсто и осыпалъ смиреннаго пришельца учтивостями. Забывши своихъ собесѣдниковъ, онъ повелъ его въ залу. Въ столовой остались Ванъ-Дикъ, Мери, Бургомистръ и Джоржъ, заснувшій на рукахъ сестры. Безмолвно смотрѣлъ Ванъ-Дикъ на прелестную Мери, по временамъ подымавшую на него глаза, и потомъ краснѣвшую и опускавшую ихъ. Что касается до Бургомистра, онъ не зналъ что дѣлать, вертѣлся на своемъ стулѣ, глядѣлъ на богатые часы, противъ него стоявшіе, не смѣлъ ни удалиться, ни начать разговора, боясь разбудить заснувшаго ребенка. Наконецъ Мери встала и осторожно понесла брата своего. Хозяинъ не являлся, и Ванъ-Дикъ рѣшился раскланяться съ почтеннымъ Бургомист-

ромъ, который отправился домой сердитый, обитый съ толку и недовольный собою, и слѣдовательно, расположенный быть недовольнымъ другимъ. Въ свѣдѣніи сего, онъ пошумѣлъ съ своею почтенною супругою, и разбранилъ слугу за какую-то бездѣлку, о которой, во всякое другое время, можетъ быть, не сказалъ бы ни одного слова.

Между тѣмъ Андерсонъ увлекъ въ залу капуцина, столь внезапно пріѣхавшаго. Тамъ, не заботясь о нетерпѣннн почтеннаго купца, капуцинъ прежде всего тщательно затворилъ двери, и увѣрился, что никто не можетъ подслушать ихъ разговора. Но и за всѣмъ тѣмъ, понизивъ голосъ, какъ будто его окружали лазутчики, капуцинъ началъ говорить въ полголоса:

«Милордъ! вы не исполнили вашего обещанія, мнѣ кажется.

— Не исполнилъ? — сказала Андерсонъ, невольно принаравливая голосъ свой подъ ладъ голоса своего гостя — развѣ я не въ Мехельнѣ? Развѣ я не переодѣтъ? Не привезъ ли я съ собою моей воспитанницы и ея брата, такъ, что великій приметь меня за женатаго купца, который путешествуетъ для отдыха послѣ биржевой работы?

«А для чего вся эта бесполезная роскошь, которою вы себя окружили, и которая возбуждаетъ любопытство горожанъ и дошла до свѣдѣнія Короля въ Парижъ? Знаете ли, что онъ подозрѣваетъ въ Андерсонѣ... Не заказывалъ ли я вамъ соблюдать тайну, неизвѣстность, уединеніе, а пріѣхавши сюда, нахожу васъ въ бесѣдѣ съ какимъ-то незнакомцемъ и съ Мехельскимъ Бургомистромъ! Такой собесѣдникъ легко можетъ передать вѣсть... Да, дѣлать нечего — видно васъ не исправилъ!... Послушайте, Милордъ: она согласна видѣть васъ.»

При сихъ словахъ, холодный потъ показался на лицѣ того, къ кому обращались слова капуцина; колѣна его подогнулись, и еслибы капуцинъ не поддержалъ его, онъ упалъ бы безъ чувствъ на полъ. Посадивъ Андерсона въ кресла, капуцинъ улыбнулся съ удивленіемъ.

«Стало быть,» сказалъ онъ про себя, «не лгутъ поэты, что рассказываютъ о любви? Стало быть, эта страсть, дѣйствительно, существуетъ въ мірѣ, со всѣми признаками безумія? Человѣкъ — этотъ человѣкъ... котораго вижу я теперь передъ собою, играющій судьбами царствъ, падаетъ въ обморокъ, отъ того, что та, которую онъ любитъ, позволяетъ ему видѣть себя...»

— Да, она согласна васъ видѣть — продолжалъ капуцинъ, когда Андерсонъ опомнился.

Послѣ минуты молчанія, онъ прибавилъ: «И Я согласенъ доставить вамъ средства сдѣлать возможнымъ такое свиданіе.»

— Ахъ! благодарю, благодарю васъ, почтенный человѣкъ! Я одолженъ вамъ буду, больше нежели жизнью, славой, счастьемъ — больше, больше! Всѣмъ готовъ я заплатить вамъ за блаженство, которымъ буду вамъ одолженъ! Все, что я имѣю — мои замки, мои сокровища — располагайте ими!

Капуцинъ улыбнулся.

«Вы знаете, милордъ,» сказалъ онъ, «что я далъ объѣтъ бѣдности, и жду отъ васъ совсѣмъ другаго награжденія за мое усердіе, можетъ быть, излишнее... Нѣтъ, милордъ! не для гниущихъ благъ, не для замковъ, не для сокровищъ согласился я помогать... еретикъ, и на старости лѣтъ исполнять, хотя и невинныя, но суетныя прихоти ваши. Цѣль моя выше — вы знаете условія!»

Онъ вынулъ изъ кармана пергаментъ, и прочиталъ:

«Король Карлъ I-й женится на Генриэттѣ Маріи, принцессѣ Французской, и откажется отъ предполагаемаго союза съ Испанскою инфантою.»

Андерсонъ подалъ знакъ согласія.

«Католики освободятся въ Англіи отъ униженія, какому ихъ подвергли; имъ дана будетъ свобода участвовать въ общественныхъ должностяхъ, отправлять богослуженіе, и вы общаете имъ покровительство.»

— Принимаю условія.

«Они написаны здѣсь, съ клятвою исполнить ихъ, во всякомъ случаѣ, честно и безъ малѣйшихъ оговорокъ. Вы клянетесь вашею честью?»

Андерсонъ схватилъ пергаментъ и готовъ былъ подписать его, но вдругъ остановился.

«Такая бумага... въ чьихъ рукахъ можетъ она быть... не довольно ли вамъ моего слова?»

— Если вамъ не угодно, вы ни къ чему не обязываетесь—хладнокровно отвѣчалъ капуцинь, свертывая пергаментъ.

Андерсонъ закрылъ лицо обѣими руками. Черезъ минуту, молча, онъ подписалъ пергаментъ.

«Теперь, только приложите вашу печать... Вотъ все готово; воскъ, снурокъ, свѣча—припечатайте вашимъ гербовымъ перстнемъ... кончено.—Я къ вашимъ услугамъ. Приготовьтесь немедленно ѣхать со мною. Предлогомъ моего путешествія въ Мехельнь выставлено будто бы желаніе Его Величества Короля Людовика XIII-го—немедленно доставить въ Парижъ живописца Франциска Галса, которому предоставляется Французскій Король честь списать портретъ... той особы, свиданіе съ которою цѣпа подписанныхъ вами условій... Франциску Галсу надобенъ ученикъ,

который долженъ готовить ему краски, и этотъ ученикъ будетъ находиться при всѣхъ сеансахъ, необходимыхъ для списанія портрета... Вы понимаете?»

Да, и немедленно прикажу я людямъ моимъ готовиться къ отъѣзду!

«Вашимъ людямъ? Боже мой! Да, не довольно ли надѣлало уже шума пребываніе ваше въ Мехельнь? Вы хотите, чтобы и въ Парижѣ замѣтили каждый шагъ вашъ, когда вы пріѣдете туда съ вашими экипажами, и вашею свитою?—Вы должны отправиться совершенно одинъ, со мною и Галсомъ!»

— Но, какъ же оставить мнѣ здѣсь мою воспитанницу, безъ всякаго покровительства, одну...

«Правда. Да нельзя ли вамъ довѣрить защиты ея какому нибудь вѣрному служителю, который препроводитъ ее въ Англію, или тайно провезетъ въ Парижъ? Ее никто не знаетъ, и скрывши имя ея...

— Да, я подумаю объ этомъ. У меня есть благородный человекъ, на котораго могу я положиться. Награда его будетъ мое дѣло. Онъ доставитъ Мери въ Парижъ. Я поговорю съ нимъ и дамъ ему всѣ нужныя наставленія. Когда мы пойдёмъ?»

«Черезъ часъ, не болѣе. Извольте распорядиться—я жду васъ и мы немедленно отправимся. Спутникъ нашъ—уже готовъ.»

Капуцинь улыбнулся.

III.

Онъ низко поклонился Андерсону и вышелъ, а Андерсонъ поспѣшилъ въ комнату Ванъ-Дика. Полуспящій въ огромныхъ и мягкихъ креслахъ, нашъ художникъ предавался тысячъ мечтаній, которыя обыкновенно лелѣютъ и раздражаютъ наше воображеніе, когда сильное впечатлѣніе напередъ пригото-

вить его къ тому. Всѣ воспоминанія минувшаго дня медленно проходили въ его памяти, золотясь и расцвѣчиваясь чудесными, радужными красками. Ему казалось, что онъ слышитъ еще добродушный смѣхъ дѣтей, что его осыпаютъ розами, что двѣ русыя головки прячутся за занавѣсами окна — окно затворяется и опять открывается тихо.... Душа его радовалась, когда молодая дѣвушка спокойно возвращалась на балконъ — сердце его трепетало при звукѣ ея голоса; онъ потуплялъ глаза, какъ потуплялъ ихъ при каждомъ, украдкою брошенномъ на него взглядѣ очаровательной Мери.... И вдругъ тяжело нлыло сердце его — онъ думалъ, что эта мечта скоро исчезнетъ, что онъ не увидитъ ее — не долженъ видѣть ее.... Послѣ свѣтлаго видѣнія, тѣмъ мрачнѣе будетъ тма.... это блаженство опасно — онъ чувствовалъ, что страшные сны тревожатъ его воображенія.... Прочь ихъ — счастье здѣсь недоступно — онъ завтра же увидѣть, убьжить — зачѣмъ завтра? Сей часъ, сію минуту.... Онъ самъ ужасался силы чувства, которое овладѣло его душою....

Когда онъ, испуганный, вскочилъ съ кресель своихъ, вошелъ Андерсонъ и сѣлъ подлѣ него.

— Ванъ-Дикъ! — сказала онъ — я хочу потребовать отъ васъ услуги, за которую благодарность моя будетъ безконечна, хочу вѣрить вамъ тайну, которая докажетъ всю великость уваженія, которое вы мнѣ внушили. Я ѣду сей часъ въ Парижъ, куда призываютъ меня важныя дѣла — можетъ быть, столь важныя, что я играю въ нихъ на свою голову. Воспитанница моя должна сопровождать меня туда, и уже оттуда отправимся мы въ Англію. Я клялся никогда не разлучаться съ нею и съ братомъ ея, и беречь ихъ, какъ отецъ. Но ей не лзя ни выѣхать, ни пріѣхать въ Парижъ въ одно время

со мною; она оставитъ Мехельнъ только завтра по утру, и вы будете защитникомъ ея въ дорогѣ. Она переимѣнитъ свое имя и назовется вашею сестрою. Въ Парижъ будете вы жить вмѣстѣ, не подальку отъ моего жилища, которое выберу я подлѣ Лувра, но вы должны казаться совершенно меня незнающимъ. И поклонитесь мнѣ чстью, что вы никогда, ничего и никому не откроете, ни объ услугѣ, какой я отъ васъ теперь требую, ни о томъ, что случайно можете узнать изъ моей тайны. Клянетесь ли вы?

Исполненный удивленія, растроганный, Ванъ-Дикъ положилъ руку на грудь и поклонился.

— Благодарю — сказалъ Андерсонъ — и довѣряюсь вамъ, какъ другу, какъ брату. Вѣрьте, что Буккингамъ не будетъ вамъ неблагодарнымъ....

«Буккингамъ!» готовъ былъ воскликнуть Ванъ-Дикъ, какъ будто это имя перлаго вельможи Англійскаго, всесильнаго любимца королевскаго, имѣло въ себѣ волшебную власть, и какъ будто Ванъ-Дикъ не зналъ до сей минуты, кто скрывается подъ именемъ Андерсона.

— И такъ, завтра по утру, вы отправляетесь вмѣстѣ съ Мери и братомъ ея; старалъ гувернантка! будетъ сопровождать васъ. Иду предупредить обо всемъ мою воспитанницу. До свиданія въ Парижѣ, любезный Ванъ-Дикъ! Только что вы пріѣдете, то получите отъ меня подробныя наставленія....

Когда онъ ушелъ изъ комнаты, Ванъ-Дикъ не зналъ: пробудился ли онъ, или сонъ еще болѣе запутывается, продолжался безирерывно?... «О мои мечты, очаровательныя мечты! вы исчезаете навсегда! Между Мери и мною страшная бездна, раздвляющая насъ.... Буккингамъ и — Ванъ-Дикъ»

Между тѣмъ Буккингамъ говорилъ съ Мери, и

она была изумлена и растрогана не меньше Вань-Дика. — Тотчасъ было приказано всемъ людямъ немедленно готовиться къ отъезду, и слушать во всемъ приказаній Вань-Дика. Буккигамъ спѣшилъ послѣ того въ залу, гдѣ капуцинъ уже ожидалъ его.

«Теперь надобно подумать о переодѣваньи,» сказалъ онъ Буккигаму. «Закройте черные волосы ваши, вотъ этимъ рыжимъ Фламандскимъ парикомъ. Въмѣсто бархатнаго кафтана вашего, надѣньте вотъ этотъ суконный казакинъ; вотъ и большіе сапоги кожаные. Постарайтесь замѣнить вашу походку и гаши привычки знатнаго вельможи неловкостью и робостью Фламандскаго подмастерья. Надобно, чтобы и самъ Францискъ Галсъ почелъ васъ бѣднымъ краскотеромъ. Въ каретѣ сядете вы на последнее мѣсто; не будете сами начинать разговоръ, пока васъ не спросятъ, и — пожалуйста остерегитесь — ни одного слова по Англійски. Теперь въ дорогу! Господи благослови!»

Герцогъ и капуцинъ вошли въ карету, гдѣ уже находился Францискъ Галсъ и храпѣлъ во все горло. Лошади помчались, и скоро карета была уже далеко отъ Мехельна.

Не смотря на предостереженія капуцина, Буккигамъ забылъ о своемъ переодѣваньи, занялъ почетное мѣсто въ каретѣ, и не думая о своихъ товарищахъ, предался мятежнымъ мыслямъ, волновавшимъ душу его. Онъ безпрестанно вертѣлся, тяжело вздыхалъ, произносилъ несвязныя слова, теръ себѣ лобъ рукою, и неоднократно изъ дрожащихъ устъ его вылетало имя женщины. Съ удивленіемъ и любопытствомъ наблюдалъ капуцинъ за всеми этими безпорядочными движеніями, проявлявшими безумную страсть, которой никогда онъ не испытывалъ и даже не могъ понять. Загадкой для него былъ такой сума-

спешій восторгъ, производимый мыслью — увидѣть скоро любимую женщину!.. Какъ? Этотъ знаменитый министръ, этотъ Буккигамъ, только для того, чтобы видѣться съ женщиной — какова бы она ни была — не поколебался войти въ сношенія съ людьми, которыхъ почиталъ врагами, принималъ безъ всякой отговорки условія, которые съ негодованіемъ отвергъ бы во всякомъ другомъ случаѣ, предавалъ себя неизбѣжной опасности — отваживалъ свою свободу, честь — даже самую жизнь, можетъ быть!.. И все это изъ прихоти, изъ невозможной, нелѣпой любви, для того, чтобы взглянуть на предметъ своей страсти, сказать ей слово!.. поступокъ, котораго нельзя было простить неопытной дѣвушкѣ, безразсудному юношѣ!.. Послѣ этого любовъ — болѣзнь, редъ сумасшествія; дикорадка и каталепсія не столь опасны, какъ эта нравственная зараза!

Вся ночь прошла въ томъ, что Буккигамъ вздыхалъ, а капуцинъ разсуждалъ самъ съ собою о страстяхъ. Они не сказали другъ другу ни слова. Но, когда дневный свѣтъ освѣтилъ внутренность кареты, капуцинъ прощенталъ Буккигаму:

— Милордъ! время обмѣняться ролями. Пылица этотъ проснется отъ тяжкаго сна, которымъ одолженъ онъ пиву, выпивши его черезъ мѣру вчера вечеромъ, и кажется неловко будетъ, если увидитъ онъ своего ученика на первомъ мѣстѣ въ каретѣ. Прошу васъ еще разъ быть осторожнѣе, и особливо — не провозносить имени, какое нѣсколько разъ вырвалось изъ васъ ночью!.. Дѣло, которое касается насъ обоихъ, не таково, чтобы его можно было ввѣрить первому встрѣчному, и всякаго пылицу дѣлать участникомъ нашей тайны.

«Нельзя ли уволить меня от лишних уроков?» сухо отвечал ему Буккингамъ.

Извините, Милордъ — въ вашей игрѣ принимаю я слишкомъ большое участие... Впрочемъ, какъ вамъ угодно!

Не отвѣдая ни слова, Буккингамъ перемѣнился мѣстами съ капуциномъ, и оба замолчали опять, пока не проснулся Францискъ Галсъ, чего надобно было ждать имъ еще цѣлый часъ. Но, вотъ, наконецъ, живописецъ протянулъ рука, раскрылъ ротъ, зѣвнулъ ужасно, пробормоталъ имя Бригитты, и опять задремалъ, но толчки кареты не дали ему заснуть снова. Францискъ протеръ глаза, и когда онъ увидѣлъ передъ собой капуцина и какого-то незнакомаго человѣка, когда почувствовалъ, что сидитъ въ каретѣ, которую во весь опоръ мчатъ лошади, лицо его приняло выраженіе столь комическаго изумленія, что Буккингамъ захохоталъ громко, и даже на безстрастномъ и угрюмомъ лицѣ капуцина мелькнула улыбка.

— Тьфу! какой глупый сонъ!... — бормоталъ Францискъ.

«Да, полно, сонъ-ли это?»

— Какъ? Да, куда же везутъ меня?

«Во Францію.»

— Для чего?

«Списать портретъ одной знатной дамы.»

— А я во Францію ѣхать не хочу! Остановите карету, выпустите меня!

«Ну, мастеръ, этого нельзя, по тремъ причинамъ. Во первыхъ, что мы уже въ 25-ти лѣе отъ Мехельна, во вторыхъ, я не хочу, и въ третьихъ, вотъ этотъ молодой человѣкъ, ученикъ твой и помощникъ, поиграетъ съ тобой кинжаломъ, если ты вздумаешь дурачиться.»

— А! давно бы вы сказали, что умѣете такъ хорошо уговаривать быть смирными. По крайней мѣрѣ, расскажите мнѣ, какъ попался я въ эту карету?

«Очень просто. Я показалъ вашему Бургомистру приказъ, подписанный Нидерландскою Правительницею, Принцессою Кларою Евгениею. Въ слѣдствіе этого приказа, мнѣ можно было, волей или неволей, взять и везти въ Парижъ живописца Франциска Галса. Бургомистръ далъ мнѣ четырехъ стражей, которые провели меня въ погребъ, гдѣ ты спалъ подъ столомъ, немножко нетрезвый. Тебя взяли и перенесли въ карету.»

— А моя жена? Что она подумаетъ обо мнѣ? Да она взбѣится!

«А развѣ ты женатъ?»

— И еще на такой женщинѣ, которая заставитъ всѣхъ разбѣжаться изъ города, если узнаетъ о моей пропажѣ.

«Пусть покричитъ. Твоя отлучка будетъ непродолжительна. Бургомистръ разувѣритъ ее, что ты безопасенъ, хоть онъ и самъ не знаетъ, гдѣ ты теперь и что съ тобой дѣлается.»

— Да, вы что за люди такіе, что можете заставить нашу Принцессу приказывать, что вамъ угодно, а Бургомистра дѣлать то, что вы хотите?

«Я — капуцинъ.»

— А этотъ молодецъ?

«Ученикъ и помощникъ твой въ работѣ.»

— Чортъ возьми, если это не глупый сонъ! — вскричалъ Францискъ, протирая глаза.

«Увѣрься, что ты не спишь!» сказала Буккингамъ, бросая ему кошелекъ съ золотомъ. Францискъ усмѣхнулся и поглядѣлъ на него пристально.

— Мой любезный ученикъ! — сказалъ онъ — для краснотера — язычекъ у тебя слишкомъ словокъ,

кошельки съ золотомъ тяжелы, а рука что-то легко кидаетъ ихъ!

«Да, это задажокъ за портретъ — перебилъ рѣчь его капуцинъ.» Ты спалъ, и задатокъ отдалъ я твоему ученику. Онъ хотѣлъ пошутить съ тобой, и кинулъ его такъ неожиданно.

— Да, видно, что онъ охотникъ шутить, и тѣмъ лучше, что шутки у него золотыя! Кошелекъ-то вышитъ жемчугомъ, и на немъ гербъ — сей не знаю — только надъ гербомъ герцогская корона!... Умѣетъ ли онъ только, этотъ ученикъ, тереть краски? Руки-то у него что-то слишкомъ бѣлы и нѣжны... Ну, если у него есть запасъ кошелековъ, я не буду колотить его, какъ это водится въ науку... Однакожь, нѣтъ ли у васъ чегонибудь выпить? Ираво, горло пересохло, такъ, что едва языкъ шевелится...

Капуцинъ вынулъ изъ кармана кареты стеклянную бутылку и подавъ Франциску. Тотъ попробовалъ и осушилъ ее разомъ.

«Винцо-то не дурно!» сказалъ онъ. «Не въ погрѣбъ ли моего ученика оно нашлось?.. Хе, хе, хе!»

Буккигамъ показывалъ знаки досады и нетерпѣнія. Капуцинъ отвѣчалъ ему знаками, что надобно потерпѣть еще немного. — Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ осушилъ бутылку, Францискъ задремалъ, опустилъ голову на грудь, глаза его сомкнулись, и — сильное храпѣнье показало, что онъ уснулъ глубокимъ сномъ.

«Въ вино былъ примѣшанъ усыпительный порошокъ,» сказалъ капуцинъ. «Я предвидѣлъ, что вы не удержитесь отъ неосторожныхъ поступковъ, и онъ могъ бы растолковать ихъ — Богъ знаетъ какъ. Поэтому запасся я этимъ виномъ. Теперь, милордъ, можете вы сѣсть на какое вамъ угодно мѣсто, и —

говорить, что хотите... Считайте себя безъ свидѣтелей....

Между тѣмъ, пока быстро мчались къ Парижу герцогъ Буккигамъ и его страннѣе товарищи, Ванъ-Дикъ размышлялъ о необыкновенномъ положеніи, въ какое бросила его случайность, и не болѣе герцога чувствовалъ онъ себя расположеннымъ спать, тревожимый нетерпѣніемъ и любовью. Какъ? Марія, дочь графа Рутвена, воспитанница герцога Буккигама, находится теперь подъ его покровительствомъ? Онъ будетъ съ нею вмѣстѣ путешествовать! Она назовется его сестрою... Она? Марія!... Ахъ! счастье это слишкомъ велико, страшно для бѣднаго Ванъ-Дика! Смятеніе, какое онъ чувствуетъ, безпокойство, какое онъ испытываетъ, мысли, какія мелькаютъ въ душѣ его, все это сираседливо его тревожить, заставляетъ его трепетать этого очаровательнаго и пагубнаго путешествія! Если бы могъ онъ бѣжать теперь, если бы могъ не видать болѣе никогда Маріи — можетъ быть, время и отсутствіе заглушили бы въ душѣ его чувство, сила котораго страшитъ, изумляетъ его самого! Но должно будетъ оставаться съ нею, видѣть ее безпрестанно... Нельзя будетъ оставить ее въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мѣсяцовъ — можетъ быть... Боже великій! Такое испытаніе превзойдетъ его силы — найдеть ли онъ ихъ столько даже, чтобы скрыть свою безумную любовь! Но надобно тайть, скрывать ее... Дочь Рутвена отвергнетъ съ улыбочкою презрѣнія любовь живописца... Ободрись, Ванъ-Дикъ, и далѣе, далѣе гони отъ себя свои безразсудныя мечты.... Надобно постараться уснуть; сонъ утишитъ волненіе и дастъ новыя силы....

И между тѣмъ, когда наступилъ день, онъ все еще не спалъ и ходилъ большими шагами по ком-

натъ. Потому, едва только постучали тихонько въ его дверь, онъ отворилъ немедленно. Это была гувернантка леди Рутвенъ, мистриссъ Сара, почтенная старушка, немножко болтливая, страшная охотница до рыцарскихъ романовъ, и чрезвычайно довольная, что по волю Герцога, ей пришлось быть участницей романическихъ происшествій, которыхъ она не понимала, но гдѣ были и переодѣванья, и перемѣна именъ, и слѣдовательно, должна быть и любовь...

«Леди Мери препоручила мнѣ извѣстить васъ, что она совсѣмъ готова къ отъѣзду,» сказала Сара, съ самымъ глубокимъ почтениемъ.

— Я въ повелѣніяхъ леди Мери—отвѣчалъ Ванъ-Дикъ, и онъ послѣдовалъ за Сарою въ залу, гдѣ уже ожидали его.

«Вотъ и сестрица ваша!» вскричалъ шалуны Джоржъ, прыгалъ на встрѣчу къ Ванъ-Дикю, схватывая его за руку и увлекала его къ Мери. Она встала съ своихъ кресель. Боже великій! какъ была она хороша и очаровательна въ этомъ простомъ и прелестномъ нарядѣ богатой Фламандской горожанки! Широкая складка длинной, сѣрой юбочки обрисовывали талию узкаго корсета съ углами, не скрывавшаго плечъ, которыя выказывались во всей прелести своей подъ прозрачною кисеею, прикрытыя широкими кружевами; небольшая, черная, бархатная шляпка была на головѣ ея, и на ней придерживалось бѣлое покрывало, упавшее почти до земли. Встревоженный Ванъ-Дикъ хотѣлъ говорить, и — не находилъ словъ... Мери потупила глаза и покраснѣла...

«Ну, милые братецъ и сестрица,» сказала Сара — карета насъ дожидается, и именно въ этотъ часъ милордъ приказалъ намъ выѣхать изъ Мехельна.

Люди провели всю ночь въ уборкѣ вещей; они поѣдутъ за нами, и черезъ часъ останутся здѣсь только голыя стѣны, какъ было до пріѣзда нашего. Поѣдемъ, поѣдемъ! Мнѣ такъ хочется видѣть этотъ чудесный Парижъ. Дай мнѣ руку, ты Джоржъ! А вы, леди Мери, возьмите руку г-на Ванъ-Дика. Надобно начать вашу роль его сестрицы.

— Да, миледи—сказала Ванъ-Дикъ, подавая руку Мери, съ улыбкой — прошу не забыть, что мы теперь родные.

«Да, мнѣ такъ приказалъ онекунь.»

— А развѣ воля его вамъ непріятна?

«Ахъ! Боже мой!» смѣясь сказала Мери — «вы ужъ становитесь такъ несносны и въискательны, какъ настоящій братъ!»

— Но поспѣшимъ — проговорила опять Сара.

Четверо нашихъ путешественниковъ весело сошли съ крыльца и сѣли въ карету. Выходя изъ дома, Мери и Ванъ-Дикъ, какъ будто сговорившись, вдругъ обратили глаза на окно, откуда вчера съпались розовые листочки; оба опустили потомъ глаза и взоры ихъ встрѣтились. Ванъ-Дикъ затрепеталъ, а Мери, какъ будто сильная дремота вдругъ овладѣла ею, закрыла глаза и наклонила русую головку свою на плечо старой гувернантки.

Карета быстро катилась по опустѣлымъ еще улицамъ Мехельна, и направилась къ заставѣ, которая была по дорогѣ въ Парижъ. Ванъ-Дикъ былъ одинаково удивленъ, увидя, что подлѣ заставы собралась довольно большая толпа народа, и среди нея кака-то женщина повторала его имя, съ присовокупленіемъ порядочныхъ ругательствъ. Приближаясь, онъ распознавалъ звонкій голосъ Бригитты. Но что это значить!

— Это была, действительно, Бригитта, грозно требовавшая правосудія отъ толпы народа.

— Онъ похитилъ моего мужа! — кричала она — да похитилъ! Четверо мошенниковъ, назвались городскими сторожами, взяли моего бѣднаго Франциска въ погребкѣ, гдѣ онъ отдыхалъ, немножко хмѣльной, и увели его, Богъ знаетъ куда, не позволивши никому слѣдовать за собою. Да, Бригитту не такъ-то легко обмануть! Еще поутру Ванъ-Дикъ приходилъ утѣшать моего мужа, звать его въ Лондонъ, говорить ему всякій вздоръ... Францискъ отказался, и злодѣй силою вздумалъ исполнить то, чего не могъ сдѣлать лестью... Онъ ему завидуетъ, онъ его убьетъ, либо станетъ такъ поить, что Францискъ забудетъ свое ремесло... А чѣмъ жить его дѣтямъ, его женѣ? А? Да, и что же это такое будетъ, если станутъ увозить мужевъ отъ женъ?.. Бургомистра онъ подкупилъ, и тотъ позволилъ ему, ночью, безопасно увезти его добычу... Да, что же намъ, неужели допустить такое злодѣйство?.. Помогите — подождемъ его здѣсь сосѣди! Не выпустимъ злодѣя!

«Нтъ! нтъ!» кричало нѣсколько голосовъ.

— И такъ принимайся за палки и каменья! Вотъ онъ ѣдетъ!

Двое тотчасъ бросились къ лошадямъ и остановили ихъ, и градъ каменьевъ посыпался на карету. Мери закричала въ ужасъ; Сара сложила руки и читала молитвы; Ванъ-Дикъ спѣшилъ выйти и спросить, что значитъ такое насиліе? Но въ эту минуту камень прилетѣлъ ему въ високъ, и онъ упалъ въ крови и безъ чувствъ. Толпа кинулась на карету — одни хотѣли грабить; другіе вытащили Мери, Сару, Джоржа; третьи бросились на безчувственного Ванъ-Дика. Опасность угрожала жизни

всѣхъ — толпа не слушала просьбъ и словъ. Но къ счастью, Бургомистръ, запыхавшись, полуодѣтый, прибѣжалъ по первому извѣстію о шумѣ и безпорядкѣ. Съ начала его не хотѣли слушать. Бригитта громко кричала, что онъ сообщникъ злодѣя. Говорили даже потомъ, что почтенный судья получилъ два, или три порядочные толчка. Но прибытіе дюжины стражей и нѣсколькихъ значительныхъ гражданъ, пробужденныхъ шумомъ и видѣвшихъ опасность, утишило волненіе. Изъ рукъ Бригитты отняли Мери, Сару и Джоржа, подняли безчувственного Ванъ-Дика, спѣшили подать ему помощь, а Бургомистръ, взгрозившись на обломки кареты, громко прочиталъ приказъ инфанты, Правительницы Нидерландской, по которому слѣдовало ему немедленно отправить, волею или неволею, живописца Мехельнскаго Франциска Галса ко Двору Короля Людовика XIII-го, «ибо таковой живописецъ, призываемый ко Двору Его Королевскаго Величества, уже болѣе года, не является и оказывается преслушнымъ.» Тутъ изъяснилъ Бургомистръ, что Ванъ-Дикъ былъ вовсе не виноватъ въ увозѣ Франциска, а жители Мехельна, оказавъ буйство, и можетъ быть, учинивъ и смертоубійство, сдѣлались виновны въ преступленіи, которое, по всей вѣроятности, навлечетъ на нихъ гнѣвъ съ Королевскаго Высочества, Правительницы Нидерландовъ. Она, конечно, не оставитъ безъ наказанія смерти знаменитаго челоуѣка, сдѣлавшагося жертвою безумной ярости черни, и должно посѣлшить покорностью и раскаяньемъ отвратить слѣдствія гнѣва, по которому Мехельнъ легко можетъ подвергнуться занятію войсками, какъ случилось это съ Бригомъ, за вину, гораздо меньшую.

«Выслушавъ такую рѣчь каждый спѣшилъ воро-

тяться поскорѣ домой, не совсѣмъ-то благодаря, что послушался крика и словъ Бригитты. И сама Бригитта замолкла и отправилась къ себѣ, закусивъ языкъ. На мѣстѣ безпорядковъ остались только Бургомистръ, стража, и леди Марія, которая, забывъ опасность, старалась только съ своею гувернанткой привести въ чувство Ванъ-Дика, и въ отчаяніи видѣла, что всѣ старанія ея были бесполезны.

Бургомистръ велѣлъ нести поскорѣ раненаго въ домъ къ себѣ, предложилъ руку плачущей Мери, и печальное шествіе направилось къ жилищу почтеннаго начальника Мехельнскаго, который, задыхался отъ дѣйствій своего ораторства и силы душевнаго движенія, потѣлъ крупными каплями, внутренно проклиная высокій санъ свой, съ которымъ было соединено столько заботъ и попеченій.

IV.

Между тѣмъ, когда такъ неожиданно прервано было путешествіе Ванъ-Дика, герцогъ Буккингамъ продолжалъ свой путь съ быстротою, удивительною въ тотъ вѣкъ, хотя быстрота эта не равнялась съ ходомъ самаго тяжелаго дилижанса въ наше время. Францискъ Галсъ не прерывалъ сна, а капуцинь перебиралъ четки, бормоталъ что-то про себя, и отвѣчалъ только полусловами на нетерпѣливые вопросы знаменитаго своего дорожнаго товарища. Казалось даже, что онъ находитъ тайное удовольствіе выказывать свое спокойствіе и хладнокровіе надъ судорожнымъ безпокойствомъ Герцога, терзаемаго страстью, взволнованнаго ожиданіемъ. Какъ ловкій ѣздокъ смиряетъ бѣшеную лошадь, и заставляетъ ее истощать въ бесполезныхъ уси-

ліяхъ свою лишенную воли силу, такъ онъ холодною, разсчитанною суровостью держалъ въ уздѣ и безмолвіемъ заставлялъ грызть удила нетерпѣливаго любовника. Герцогъ могъ дѣйствовать только черезъ своего сопутника, а тотъ молчалъ о направленіи, куда надобно было ему устремиться, и нарочно дозволялъ ему вдаваться въ невѣрный путь, чтобы послѣ того повелительно указать на дорогу настоящую и въ тайнѣ забавлялся его досадою. Буккингамъ очень хорошо понималъ жестокою и наглую потѣху своего сопутника, чувствовалъ, что онъ сдѣлался игрушкою его, а между тѣмъ ему надеялось все сносить терпѣливо, не показывая скрытнаго бѣшенства, кипѣвшаго въ его груди, которое было бы гибельно для всякаго другаго, кто осмѣлился бы и въ половину дѣлать то, что капуцинь дѣлалъ съ такимъ хладнокровнымъ безстыдствомъ. Такъ проскакали два товарища всю дорогу отъ Мехельна до Парижа, и прибыли въ столицу Франціи.—Буккингамъ, какъ змѣй, таившій ядъ свой, готовый броситься и растерзать, но удерживаемый таинственнымъ, непобѣдимымъ могуществомъ, а сопутникъ его, какъ Индѣйскій заклинатель, очаровающій змѣю самую опасную.

По приказу герцогова сопутника, карета, сдѣлавши множество оборотовъ, вѣроятно, для того, чтобы нельзя было дознаться откуда прибыли путешественники, при наступленіи ночи вѣхала въ Парижъ, и остановилась передъ небольшимъ домомъ, весьма бѣдной наружности, находившимся за церковью Сень-Жерменъ де-Пре.

Едва только послышался стукъ колесъ кареты, на порогъ дома явился челоуѣкъ съ фонаремъ, отворилъ поспѣшно дверцы кареты, и перекинулъ съ капуциномъ нѣсколько словъ, которыхъ не повялъ

Буккингамъ, хотя онъ и говорилъ свободно на восьми языкахъ. Незнакомецъ пособилъ кучеру сойти съ козель, и вмѣстѣ съ нимъ унести въ комнату Франциска Галса, все еще крѣпко спавшаго. Между тѣмъ, капуцинъ ввелъ Герцога въ небольшую комнату, сырую, неопрятную, дурно меблированную, и повидимому, необитаемую съ давняго времени. Но огонь ярко горѣлъ тутъ въ каминъ, и Буккингамъ съ наслажденіемъ спынилъ отогрѣть свои окостенѣвшія отъ холода руки. Хотя капуцинъ также иззябъ и посипѣлъ отъ холода, но онъ и не подошелъ къ камину, быстро взглянулъ на окружавшіе его предметы и сказалъ Герцогу:

«Квартира ваша будетъ не совсѣмъ-то удобна, милордъ, но подумайте объ опасности, какой вы подвергаетесь, и предосторожностяхъ, какія надобно вамъ брать. Никто и не подумаетъ, что здѣсь укрывается герцогъ Буккингамъ. Но отнюдь ни куда не выходите, и не сказывайте, не давайте малѣйшаго подозрѣнія о вашемъ имени хозяину дома, хоть онъ приверженъ ко мнѣ, и — жизнь его зависть отъ меня.... Вспомните любимое правило короля Якова I-го, которое онъ такъ часто повторялъ, и такъ худо исполнялъ: *Tout de prudence n'est jamais assez* (излишней осторожности никогда не довольно).

Онъ сложилъ руки, низко поклонился и исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ человекъ, весьма неприятной наружности, придвинулъ хромоногій столъ къ камину, поставилъ на него весьма не богатый ужинъ, удалился не говоря ни слова, и заперъ, уходя, двери двойнымъ замкомъ. Слышно было, что онъ закинулъ еще два, или три крюка, и по стуку, какой они произвели, можно было подумать, что они годятся въ лучшую темницу. На минуту,

опасеніе, что онъ попался въ западню, пришло въ голову Буккингаму, и онъ пощупалъ — цѣлъ ли его кинжалъ. Обнаживъ орудіе, булатъ, котораго былъ надеженъ, онъ положилъ его подлѣ себя на столъ, и принялся за ужинъ съ такой охотой, которая сдѣлала бы честь самому не влюбленному человѣку. Этимъ аппетитомъ, роскошный вельможа одолженъ былъ дорожной усталости и строгому пощенью, которому подвергался дорогою по волѣ своего спутника. Еще сидѣлъ онъ за столомъ, когда жестокое званіе послышалось въ одномъ изъ угловъ комнаты. Буккингамъ, думая до сихъ поръ, что онъ былъ одинъ, невольно содрогнулся и схватился за свой кинжалъ. Но онъ вскорѣ разувѣрился въ опасности, когда различилъ въ темнотѣ Франциска Галса, протягивающаго руки и протирающаго глаза.

«А, а!» сказалъ Францискъ, смотря на ужинъ, испареніе котораго вдыхалъ онъ въ себя широкими ноздрями — «А, а, мой любезный подмастерья съ кошельками золота — кажется, вы ужинаете, не пригласивши учителя? Это противъ правилъ, мой любезнѣйшій! Вы должны были подождать, пока я поужинаю, и еще прислуживать мнѣ! Ну, да въдь въ дорогѣ и отецъ товарищъ. Я не прихотливъ, и засяду вмѣстѣ съ вами, потому, что вы ученикъ не рядовой... Охъ! какъ тяжела голова, и ноги такъ окостенѣли, что едва шевелятся... Дайте-ко, выпить, товарищъ!... Стаканъ? И! что за стаканы!... Изъ бутылки вѣрнее.» — И онъ разомъ осушилъ цѣлую бутылку.

«А, ну, вотъ теперь оно того — получше дѣло пойдетъ... Давай-ко поѣдимъ! Это мясо глядѣть такъ хорошо, и этотъ пирогъ съ дичиной поглядываетъ весело. — Какъ? Вы уже встаете изъ за стола? И ложитесь въ постелью?... Вы что-то печальны, мой любезнѣйшій! Что вы не берете съ меня примѣра?

Развѣ я теперь знаю, гдѣ я? Знаю, чего отъ меня хотѣть? Да, чортъ ихъ побери—я и не думаю! Посмотрите-ко, какъ я пью и ѣмъ!... Прочь заботы—да здравствуетъ веселье!»

Черезъ часъ глубокое молчаніе было въ комнатѣ, и послѣдніе отблески угасающаго огня освѣщали, въ смѣшеніи темноты и свѣта, двухъ крѣпко спавшихъ человѣкъ, одного на плохой кровати, другаго — подъ столомъ....

Быль давно день, когда они оба проснулись; звонкій голосъ капуцина прервалъ сонъ ихъ.

— Ну, мастеръ Францискъ — говорилъ онъ — вотъ теперь время показать, что вы не даромъ пользуетесь славой искуснаго портретиста. Одна изъ самыхъ благородныхъ и прекрасныхъ дамъ ожидаетъ васъ. Посмотрите хорошенько, годятся ли краски, холстина и кисти, которыя принесъ я; поправьте немного вашу одежду и пойдемъ!

Францискъ посмотрѣлъ живописные припасы. Они были превосходные.

«Не знаю, что вы будете при этомъ дѣлать — сказалъ онъ, обращаясь къ Буккингаму—но все таки не худо изъяснить вамъ предварительно, какъ трутъ краски и какъ смѣшиваютъ ихъ съ масломъ.

— Я ужъ знаю это — съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Герцогъ.

«Слишкомъ хвастливо, мой любезнѣйшій! Полно такъ ли! Да, по мнѣ пожалуй! Но все же мнѣ надобно посмотрѣть вашу работу. Вѣдь вы называетесь моимъ ученикомъ и дѣло идетъ о моей чести!

—Вашъ ученикъ очень хорошо знаетъ свое дѣло —сказалъ капуцинъ—а если бы чтонибудь не такъ, прибавилъ онъ, значительно посмотрѣвши на герцога—я напомяну ему....

Францискъ хотѣлъ было возразить капуцину, что его знаніе также ему неизвѣстно, но когда онъ взглянулъ на него, грозное и свирѣпое лицо этого человѣка поразило его. Онъ замолчалъ, и не говорилъ ни слова, пошелъ за нимъ. Буккингамъ, съ красками, кистями и палитрою, слѣдовалъ за Францискомъ, и послѣ многихъ переходовъ, они очутились въ одной изъ огромныхъ залъ Луврскаго дворца.

Францискъ приготовилъ станокъ, холстину и наложилъ красокъ на палитру, растирая ихъ самъ, потому, что мнимый ученикъ его не въ состояніи былъ этого дѣлать: онъ былъ такъ встревоженъ, что дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и едва могъ держаться на ногахъ. Потомъ, черезъ четверть часа ожиданія, вошла дама, послѣдуемая двумя другими, опираясь на нихъ. Богато одѣтый пажъ несъ шляфъ ея платья. Францискъ почтительно поклонился дамѣ; капуцинъ исчезъ изъ комнаты, какъ будто ночная тѣнь; Буккингамъ отвернулся, и крѣпко приложилъ платокъ къ губамъ своимъ, стараясь удержать рыданія, задушавшія его.

Дама, блѣдная, страждущая, видимо растроганная, приблизилась съ потупленными глазами, сѣла въ кресла, поставленныя противъ станка, и сѣдала рукою знакъ своимъ сопутницамъ; онѣ удлились въ комнату, отдѣленную отъ залы стеклянною дверью, сквозь которую можно было видѣть все, что дѣлають ихъ повелительница. Но казалось, что онѣ мало расположены были пользоваться удобствомъ положенія; онѣ такъ стали въ комнатѣ, что имъ лучше видно было въ окно теченіе Сены, нежели работа живописца, и та, которая служила ему моделью.

Безмолвное удивленіе сѣдало на нѣсколько мгновеній неподвижнымъ художника, пораженнаго правильною и величественною красотою да-

мы, сидѣвшей передъ нимъ. Ослѣпительная близна тѣла придавала неизъяснимую прелесть стройнымъ чертамъ ея; владычица, рожденная по-вѣвать, она не показывала нисколько гордости въ выраженіи лица своего, но взоръ ея внушилъ Франциску глубокое чувство благоговѣнія и почтенія. Этотъ человекъ, огрубѣлый отъ образа своей жизни, не смотря на желчную гордость, какую давало ему сознаніе его погибшаго дарованія, почувствовалъ себя тронутымъ, и сердце его исполнилось преданностью къ особѣ, которой даже и имени онъ еще не зналъ. Безполезно перебиралъ онъ краски на своей палитрѣ, между тѣмъ, какъ холстина на станкѣ его оставалась еще нетронутою, ибо онъ чувствовалъ, сколь ничтожно искусство, когда рѣшится оно выражать совершенное произведеніе природы.

Терзаемая внутреннимъ смятеніемъ, неизвѣстная дама оставалась нѣсколько времени въ томъ положеніи, какое приняла при входѣ, неподвижна, съ потупленными глазами. Наконецъ, медленно подняла она взоры, и сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла вѣдти къ Буккингаму, но силъ у нея не доставало...

— Георгъ, Георгъ! — были слова, которыя могла она произнести.

Одного мгновенія было ей достаточно найдти въ себѣ снова силу души и хладнокровіе. Однимъ движеніемъ остановила она Герцога, бросившагося къ ногамъ ея. Глаза Франциска наполнились слезами; онъ притворился, что не можетъ различить красокъ на палитрѣ, и отошелъ къ отдаленному окну, гдѣ самымъ внимательнымъ образомъ принялся разминать кусочикъ какой-то краски, хотя въ томъ и не было никакой надобности.

— Я вижу васъ, вижу васъ... — говорилъ Буккингамъ, рыдалъ.

«Да, мы еще видимся, Георгъ, но въ послѣдній разъ. Отнынѣ намъ должно отказаться отъ безумной страсти, предосудительной въ глазахъ людей, преступной передъ Богомъ! Я согласилась на это послѣднее свиданіе потому только, что знала о пребываніи вашемъ въ Парижъ, и о томъ, какой опасности оно подвергало васъ. Вы давно скрываетесь здѣсь, но къ чему...»

— Давно?... Но я только въ эту ночь пріѣхалъ въ Парижъ... Вашъ капюцинъ Іосифъ привезъ меня изъ Мехельна, гдѣ ждалъ я рѣшенія вашего, какъ ждуть приговора — на жизнь или смерть!

«Іосифъ? И только нынѣшнюю ночью прибыли вы!... Ахъ! Георгъ! мы погибли... Они завлекли васъ въ адскія сѣти... Развѣ не знали вы, что этотъ Іосифъ любимецъ Кардинала, который такъ страшно мститъ мнѣ за мое презрѣніе?... Георгъ! бѣги, ради Бога! Можетъ быть, еще есть время... Они погубятъ тебя...»

— Жить въ разлукѣ съ вами — мнѣ тяжеле смерти!... — отвѣчала Буккингамъ, садясь у ногъ плачущей дамы. — Сто разъ готовъ я предпочесть смерть грустной жизни, какую принужденъ вести... Пусть придутъ палачи — я видѣлъ васъ, я слышалъ васъ, и — готовъ умереть!

«Такъ говоришь ты, Георгъ, и смѣешь послѣ того сказать, что ты меня любишь? Нѣтъ, нѣтъ! ты не любишь меня!» воскликнула она, вставая съ своего мѣста. «Если скорбь той, которой ты дорожишь всего на свѣтѣ, тебя не трогаетъ, честь женщины должна быть для тебя драгоценна. Бѣги, если не пзъ любви ко мнѣ, то для спасенія моего имени отъ безславія!

— О, ты, для которой жизнь мнѣ такъ ничтожна! Нѣтъ! притворный гнѣвъ твой не обманетъ меня—лицо твое выражаетъ не то, что ты говоришь. Не за себя—за меня, ты всего страшишься.... Выслушай меня! Если хочешь, чтобы я остался живъ, чтобы любовь моя не принудила меня къ безумію.... еще есть время—убьёмъ вмѣстѣ!... Вмѣстѣ превозможемъ мы всѣ опасности, укроемся тамъ, гдѣ насъ не сыщутъ... И если мы не успѣемъ спастись отъ враговъ нашихъ—мы умремъ вмѣстѣ!

Съ шумомъ растворилась въ это время дверь. Пажъ однимъ прыжкомъ сталъ подлѣ дамы и громко вскричалъ: «Король и Кардиналъ! Они въ концѣ галлерей и идутъ сюда!»

Въ одно мгновеніе, Францискъ Галсъ былъ у станка своего, Буккигамъ убѣжалъ въ отдаленный уголъ залы, а пажъ сѣлъ у ногъ дамы.

Король и Кардиналъ вошли. Все безмолствовало.

«Такъ это ты пріѣхалъ изъ Фландрій списывать портреты этой прекрасной дамы?» сказалъ Король, потрепавъ по плечу Франциска.

— Я, и постараюсь показать себя достойнымъ чести, какой удостоиваетъ меня Ваше Величество.

«Ваше Величество! Стало быть, ты знаешь, кто я? Кто предупредилъ тебѣ о моемъ приходѣ? Такъ ты знаешь имя и этой дамы, съ которой пишешь портреты?» продолжалъ Людовикъ XIII-й, блѣднѣя отъ гнѣва.

Пажъ выразительно поднялъ глаза на Франциска, который, прикидываясь простякомъ, усмѣхнулся.

— Разумѣется, я не узналъ бы васъ, Ваше Величество, если бы не видалъ прекраснаго портрета, который списалъ съ васъ Ван-Дикъ, и который находится теперь у владительницы моей, принцессы

Клары Евгени, Правительницы Нидерландовъ. Что касается до этой дамы, имя ея мнѣ неизвѣстно. Но она должна быть знаменита по рожденію и сану, если они равняются съ ея красотой.

«Хорошо. Но почему жъ ты ничего не пишешь?»

— Потому, что у меня привычка сперва хорошенько изучить мою модель, а потомъ приниматься за работу.

«Изучай — я посмотрю.» И Король сѣлъ позади художника.

Францискъ взглянулъ на даму, и увидѣлъ, что она едва не лишается чувствъ.

— Государь! — сказалъ онъ — если Ваше Величество желаете, чтобы я написалъ портретъ, заказомъ котораго вы меня удостоили, благоволите оставить меня одного съ моею моделью. Мнѣ невозможно работать, когда на меня смотрятъ.

«Но однакожъ вы не одинъ здѣсь, мейстеръ Францискъ?» возразилъ кардиналъ Ришелье, обращая взоры на Буккигама.

— Это мой ученикъ—онъ приготовляетъ мнѣ краски.

«Однакожъ, попробуйте писать, не смотря на присутствіе Его Величества.

Францискъ положилъ палитру и краски на полъ, и сложилъ руки на груди.

«Или меня оставить одного, или я не стану писать!» сказалъ онъ рѣшительно. «Я король въ моей мастерской, какъ Его Величество король въ своемъ государствѣ. Извольте согласиться на мои условія, или отошлите меня въ Мехельнъ. Развѣ я самъ сюда просился?»

— Въ самомъ дѣлѣ—онъ правду говоритъ!—сказалъ Король улыбаясь. — Пойдемте, гнѣ Кардиналъ?»

«Эй, ты, молодой человек!» вскричал Кардиналь, обращаясь къ Буккигаму—отвори дверь Его Величеству! Развѣ ты не знаешь своей обязанности?

—Извините моего ученика, Ваше Высокопреосвященство—сказалъ Францискъ.—Гансъ добрый малый, но ни слова не знаетъ по Французски, а политика и придворный этикетъ ему столько же знакомы, какъ всякому коренному Фламандцу. Впрочемъ, что же у васъ дѣлаетъ вотъ этотъ красивый и щеголеватый пажъ? Вѣдь онъ умѣетъ отворять двери, конечно, ловче и скорѣе моего Ганса!

«А мнѣ любопытно однакожь поглядѣть на вашего словкаго Фламандца» — сказалъ Ришелье, идя къ Буккигаму.

Францискъ съ досадою бросилъ кисти на полъ.

«Чортъ возьми!» вскричалъ онъ — для чего же привезли меня: портретъ писать, или быть шуткомъ Вашего Высокопреосвященства?»

— Надобно послушаться его — возразилъ Людовикъ, обращая прощательный взглядъ на Герцога. Пойдите, г-нъ Кардиналь — идите же, когда я вамъ приказываю!

Онъ пошелъ, остановилъ пажа подлѣ двери и сказалъ ему сурово:

«Г-нъ Де-Пажъ! я не люблю, чтобы кому бы то ни было, служили усердїе меня. Идите въ Бастилю».

Онъ оборотился къ двумъ дамамъ.

«А вы, г-жа де-Кресси и вы г-жа Вандакуръ, черезъ часъ должны оставить Парижъ, вѣхать въ ваши помѣстья и безъ моего повелѣнія не оставлять ихъ. — Кардиналь! никто не смѣетъ вытти изъ Лувра безъ моего повелѣнія. Вы отвѣчайте мнѣ за строжайшее исполненіе приказа!

Злобная и торжественная улыбка мелькнула на устахъ Ришелье, и оживила его изсохшее и больное лицо. Онъ поклонился Королю и спѣшилъ исполнить его повелѣнія.

Только что ушли Людовикъ и Ришелье, Францискъ бросилъ къ потолку свою шляпу, и съ радости засвисталъ Фламандскую балладу, но къ большому удивленію, никто не раздѣлилъ его радости.

«Боже мой!» вскричалъ Буккигамъ — въ какую бездну злополучія увлекъ я безразсудствомъ моимъ Ваше Величество!

Тутъ былъ чередъ испугаться Франциску.

— Какъ? — вскричалъ онъ — Вы... — И онъ не могъ докончить рѣчи. — Теперь я все понимаю... Мы погибли безъ надежды... Меня сочтутъ участникомъ, когда я теперь только узналъ имя — и до сихъ поръ не знаю еще, кто вы, м. г....

«Я герцогъ Буккигамъ. Мой богатства, моя жизнь — все тебѣ! Спаси только Королеву!

— Да, какъ? Вотъ видите ли: вездѣ запираютъ рѣшетки, ставятъ стражу и у этой стражи фитили въ рукахъ... Не знаю что будетъ съ моей головою, но если бы мнѣ грозила опасность во сто разъ больше той, кака я грозить мнѣ, я готовъ на все, только бы спасти Королеву... Да, что дѣлать? Какое найдти средство?

«Никакого, любезный художникъ! Ты и безъ того подвергся для меня страшной опасности. Не хочу навлекать на тебя большихъ бѣдствій. Благодарю, благодарю тебя за преданность твою. Анна Австрійская будетъ умѣть мужественно погибнуть... Дайте мнѣ руку вашу, Георгъ, въ послѣдній разъ!... Простите на вѣки!

Буккигамъ упалъ на колѣни передъ Королевою, и облилъ слезами руку, которую она проткнула къ

нему. Блѣдный, но выражал на лицѣ гордую, смѣлую рѣшительность, Королева кусала себя губы, стараясь удержать рыданія. Она протянула другую руку къ Франциску, стоявшему на коѣнкахъ и горько плакавшему. Потомъ пошла она къ двери, не оборачиваясь назадъ, но солдаты, поставленные съ вѣншной стороны, не говоря ни слова, загородили дверь аллебардами. Безмолвно воротилась Анна, сѣла въ кресла, гдѣ сидѣла прежде, и три пѣвника выражали только молчаніемъ пытку ожиданія, терзавшую ихъ.

Тихо, про себя, Королева читала молитвы. Францискъ машинально взялъ палитру и кисти, и безотчетно принялся писать портретъ. Буккингамъ ходилъ по залѣ большими шагами. Въ бѣшенствѣ и отчаяніи, то измѣрлялъ онъ взорами вышину оконъ отъ земли, и считалъ стражей, находившихся при входахъ въ замокъ, то приближался къ Королевѣ, хотѣлъ говорить, и могъ произнести только несвязныя, отрывистыя слова. — Такъ прошли два часа, два медленные, смертельные, безконечные часа, каждая минута которыхъ казалась вѣчностью, и безвѣстности которыхъ сто разъ легче было предпочесть самую страшную извѣстность! — Наконецъ, послышался шумъ шаговъ въ галлерей, двери отворились настежь, и Король явился, въ сопровожденіи Кардинала и многихъ придворныхъ. Онъ взглянулъ на Буккингама разсѣянно и холодно, отвѣчалъ горькою улыбкою на поклонъ, которымъ приветствовала его, по тогдашнему обычаю при Французскомъ дворѣ, Королева, посмотрѣлъ внимательно на портретъ, начатый Францискомъ и обратился къ придворнымъ:

«Господа!» сказалъ онъ — безъ сомнѣнія, вы полагали, что призваны сюда видѣть портретъ, и удивляться дарованію г-на Франциска Галса, вчера

прибывшаго изъ Мехельна. Но дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ. Мы хотимъ прежде всего, въ присутствіи всѣхъ, засвидѣтельствовать благодарность нашу достойной насъ супругѣ, Ея Величеству Королевѣ, которая приобрѣла новыя права на признательность нашу.

Произнося послѣднія слова, страшно взглянулъ Людовикъ на Анну, но тотчасъ отвративъ взоры, онъ продолжалъ спокойно:

«Мы извѣстимъ васъ о важной новости, господа. Ея Величество, Анна Австрійская, наша вѣрная и почтенная супруга, употребила этотъ предлогъ для того только, чтобы имѣть тайные переговоры съ милордомъ, герцогомъ Буккингамомъ, и заключить договоръ о супружествѣ возлюбленной сестры нашей, Принцессы Генріетты съ кузеномъ нашимъ, Его Величествомъ Карломъ I-мъ, Королемъ Англійскимъ. Приблизьтесь, милорды, и примите благодарность нашу!»

«Но это еще не все. Несчастный жребій Католическихъ подданныхъ Его Величества отнынѣ измѣнится. Имъ будетъ дозволено строить церкви, свободно отправлять свою вѣру, и законы, которыми удалены они отъ всѣхъ общественныхъ должностей, будутъ уничтожены. Милорды Герцоги да въ этомъ торжественное обѣщаніе, отъ имени Короля Англійскаго, и вотъ это обѣщаніе, подписанное его рукою и скрѣпленное его печатью. Отправляйтесь, Милорды, въ Лондонъ, нынѣшнимъ же вечеромъ. Намъ пріятно было бы удержать васъ при нашемъ Дворѣ, и заставить васъ испытать мѣру чувства, которое вы такъ справедливо намъ внушаете, но благо народовъ прежде всего... Въ ожиданіи, пока представится случай заплатить вамъ сполна долгъ нашъ, супруга на-

ша увидеть слѣдствія нашей благодарности. Прощайте, милордъ!»

Людовикъ подалъ руку Королевѣ, и выпелъ со всѣми, кто сопровождалъ его. Ришелье остался подлѣ Буккингама, далъ знакъ Франциску удалиться, и отвелъ Герцога во впадину окна.

— Милордъ! вамъ должно ѣхать немедленно, согласно воли Короля. Черезъ двѣ недѣли супружество Короля должно быть утверждено, и освобожденіе Католиковъ должно начаться.

«Никогда! Я не обязанъ держать слова, похищеннаго обманомъ и насиліемъ. Карлъ не женится на Генріэттѣ!»

— Остерегитесь, милордъ! Королева немедленно отправляется въ Сентъ-Жерменскій замокъ. Заключение ея не будетъ тягостно, но — малѣйшая неосторожность съ вашей стороны можетъ сдѣлать его ужаснымъ, даже гибельнымъ — можетъ быть....

Буккингамъ зарычалъ, какъ тигръ, пойманный въ клѣтку. Ришелье хладнокровно улыбнулся.

«Хорошо — ваши планы будутъ исполнены! Но на зло вамъ, я возвращусь во Францію, обвѣститъ васъ и вашего Людовика; я буду посломъ, которому Англійскій Король препоручитъ отъ имени его обручиться съ принцессою Генріэттою.

— Какъ вамъ угодно. Ваше отсутствіе и присутствіе будутъ намъ равно пріятны отнынѣ. Но Королева очень нездорова, какъ могли вы замѣтить по ея чрезвычайной блѣдности, а потому врачи едва ли позволятъ ей оставить Сентъ-Жерменское уединеніе прежде двухъ лѣтъ....

«Я увижу ее, не смотря на предосторожности ваши!»

Ришелье оставилъ насмѣшливый тонъ, и началъ говорить съ торжественною важностью.

— Развѣ не довольно еще для васъ бѣдствій, какими обрменили вы эту несчастную женщину? — Чувство проявилось въ словахъ Ришелье исьвольно. — Развѣ не знаете вы, что Людовикъ никогда не прощаетъ? О, какъ кротокъ и милосердъ я — да, я, кардиналъ Ришелье, въ сравненіи съ этимъ холоднымъ, жестокимъ сердцемъ! Вы не знаете, что медленно, неумолимо будетъ онь изливаться на нее свое безчеловѣчное мщеніе, и безъ малѣйшаго состраданія, цѣлые годы будетъ онь безчувственно взирать на безпрерывно возобновляемыя страданія своей жертвы! Страшнитесь быть причиною умноженія горести, которая и безъ того невыносима...

Тутъ началъ онь опять съ прѣжнею холодною: «Вы поѣдете въ Лондонъ. Черезъ двѣ недѣли, принцесса Генріэтта будетъ невѣстою вашего Короля. Желаніе видѣть скорѣе исполненнымъ сей счастливый для обоихъ королевствъ бракъ, заставитъ моего Государя уменьшить обыкновенныя при такомъ случаѣ правила этикета. Съ вами поѣдетъ, нѣкто, извѣстный уже вамъ Фельтонъ, и онь будетъ увѣдомлять Людовика обо всемъ, что вы сдѣлаете въ пользу Католиковъ. Каждый благопріятная новость отъ васъ уменьшитъ строгость обхожденія съ Королевою, и въ тотъ день, когда исчезнуть все различіе между правами подданныхъ различныхъ исповѣданій Его Величества Карла I-го, Королева Анна Австрійская вступитъ во все права и величіе Королевы Французской. — Поди сюда, Фельтонъ!»

Вошелъ Фельтонъ, и не смотря на то, что на немъ не было уже капудинскаго платья, и онь одѣтъ былъ въ щегольское платье придворное, Буккингамъ узналъ въ немъ своего Мехельнскаго спутника.

— Такъ это не вашъ père Joseph? — спросилъ хладнокровно Герцогъ.

«Нѣтъ! тотъ занять другимъ дѣломъ. Впрочемъ, вы видите, что онъ не уступаетъ моему Юсифу, ни въ ловкости, ни въ расторопности, и моя довѣренность къ нему не менѣе.

— И вы думаете, что я дозволю этому мерзавцу быть при мнѣ? — спросилъ Буккигамъ, презрительно.

Ришелье повидимому не слышалъ этого вопроса. Онъ отворилъ окно, и глядѣлъ внимательно.

«А! Королева уже отправляется въ Сентъ-Жерменъ» сказалъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, экипажъ Королевы выѣзжалъ изъ замка. Занавѣсы у него вдругъ отдернулись, и Буккигамъ увидѣлъ Королеву, которая, удаляясь изъ Лувра, бросила послѣдній, отчаянный взоръ на окно, гдѣ видѣнъ былъ тогда Герцогъ. Крикъ отчаянія вырвался изъ груди его, и обѣими руками закрылъ онъ свое лицо. Обратясь къ Франциску Галсу и Фельтону—«Вы оба поѣдете со мною въ Лондонъ» — сказалъ онъ. «Тебя, Францискъ, я тотчасъ отправлю въ Мехельнъ, если ты не захочешь остаться у меня въ Лондонъ.—Возьми съ собою этотъ, начатый тобою портретъ. . . Я дорого заплатилъ за него, и никому его не уступлю.—Моисеньеръ Кардиналъ! вы можете все располагать между тѣмъ—черезъ недѣлю извѣщу я васъ о согласіи короля Карла на бракъ съ принцессою Генріэттою. И что медлить. . . Я оставлю послѣ Его Величества, короля Карла I-го, графу Миддлессексу, необходимыя полномочія для предварительныхъ договоровъ, и скоро возвращусь сюда для окончанія ихъ. Клянусь вамъ спасеніемъ души моей и именемъ святаго Георгія, что я не увижусь съ Королевою, не буду стараться увидѣть ее. . . Но, удаляю васъ—возвратите ей свободу! . . . Черезъ часъ буду я на дорогѣ въ Англію;

прошу у васъ только на часъ отсрочки. Вы, конечно, знаете, что молодая, знатная дѣвушка, моя воспитанница, должна была сегодня пріѣхать въ Парижъ, и мнѣ надобно увести ее съ собою.

— Леди Марія Рутвенъ еще не пріѣзжала въ Парижъ, милордъ. Впрочемъ, если она уже въ Парижѣ—она останется здѣсь, какъ залогъ исполненія вашихъ обѣщаній.

« О, въ какія грубыя сѣти увлекся я! » . . .

— Вспомните о Королевѣ! — Ришелье удалился поспѣшно. Фельтонъ слѣдовалъ за нимъ.

«Горе мнѣ, горе!» воскликнулъ въ отчаяніи Буккигамъ. «Что дѣлать? Какъ спасти Мери? Ъхать въ Мехельнъ, вмѣсто Лондона, но здѣсь. . . Если она еще не въ Парижѣ, кто предупредитъ ее. . . А! это ты сдѣлаешь, мой добрый Францискъ, ты, который такъ доказалъ мнѣ свою вѣрность и приверженность сегодня! . . . Требуя всего, что хочешь—съ спасеніемъ Мери въ залогъ честь моя! . . . Вотъ золото. — Скажи скорѣе въ Мехельнъ. Что нибудь задержало Ванъ-Дика на дорогѣ—старайся встрѣтить, не пропустить его. . . Ты отдашь Ванъ-Дикѣ. . . вотъ эту записку. . . Дай Богъ, чтобы вы не разъѣхались! . . . Прощай! вѣрю тебѣ судьбу такого существа, которое мнѣ дороже всего, послѣ той, которую увлекъ я въ бездну несчастій своимъ безразсудствомъ, когда за счастье ея готовъ я заплатить. . . что живию. . .

Черезъ часъ не болѣе, двѣ кареты помчались изъ Парижа, одна въ Кале, другая въ Мехельнъ; въ первой находились Буккигамъ и Фельтонъ, во второй Францискъ Галсъ. Твердо рѣшась выполнить препорученіе Буккигама, онъ не взялъ съ собою ни одной бутылки вина, хотя, какъ предусмотритель-

ный путешественник съ избыткомъ запаса дорожной провизіею всякаго рода.

V.

Домъ Франциска Галса, гдѣ привыкли слышать вопли ежедневныхъ супружескихъ Филиппикъ Бригитты и радостные крики дѣтей, сдѣлался самымъ безмолвнымъ обиталищемъ въ Мехельнѣ, съ той роковой ночи, когда живописца Мехельнскаго похитили по приказу Правительницы Нидерландовъ, принцессы Клары-Евгеніи. Печально сидъ подлѣ своего камина, гдѣ почти не разводила огня, бѣдная Бригитта не имѣла силъ и бодрости приняться даже за самыя необходимыя заботы по хозяйству. Цѣлые часы проводила она, сложа руки, опустивъ голову, со слезами на глазахъ. Дѣти, которыя могли бы теперь, благодаря безопасности своего возраста, свободно предаваться своимъ обыкновеннымъ играмъ, не понимал, отъ чего не слышатъ они ни одного слова отъ своей матери, думали, что она больна, сидѣли молча вокругъ нея, ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ. Но мать не обращала на нихъ никакого вниманія, и ласки, какія позволяли себѣ обращать къ ней эти невинныя созданія, не могли развлечь ея нравственнаго безчувствія. Бригитта думала, что мужъ ея брошенъ въ какую нибудь инквизиціонную тюрьму — считала его погибшимъ на всегда.

«Можетъ быть, пьяный — думала она — сказалъ онъ что нибудь не такъ, а шпионы, которыми набита теперь вся Фландрія, подслушали, допесли, и его взяли... Путешествіе въ Парижъ—это выдумка Бургомистра! Ахъ! бѣдный ты, мой Францискъ! не видаться намъ съ тобою!..

И она не чувствовала, какъ слезы лились по ея

щекамъ. Иногда она вдругъ подымалась съ своего мѣста, находила, казалось, прежнія силы, и начинала заниматься заботами по своему хозяйству, совсемъ забытому послѣ пропажи Франциска. Она зажигала огонь, начинала разстанивливать мебель, отирать пыль, разливать воду по кирпичному полу. Но тогда часть останавливалась она, задумчивая, печальная. Помело падало изъ рукъ ея, и она бросала свое занятіе не конченнымъ, не беспокоясь о беспорядкѣ и грязнѣ вокругъ нея. Нѣсколько разъ сосѣдки приходили къ ней, думая утѣшить ее, но Бригитта слушала не понимая болтанье, какимъ старались развеселить ее почтенныя кумушки, и ничто не могло извлечь ея изъ мрачнаго безчувствія. Едва могла она принудить себя по утру приготовить что нибудь для дѣтей. Что касается до нея самой, она не могла проглотить ни одного куска, и когда по просьбамъ старшей дочери своей, принималась она за какую нибудь пищу, руки ея поднявшись съ ложки ко рту, опять опускались, и цѣлые часы проживала она потомъ, забывая, что передъ ней находится кушанье. Напрасно явился къ ней Бургомистръ, побранить ее за причиненный въ городѣ беспорядокъ и разувѣрить на счетъ безопасности ея мужа. Почтенный судья успѣлъ не больше другихъ. Бригитта встала было съ своего мѣста, изъ почтенія къ знаменитому гостю, попыталась даже сказать нѣсколько словъ въ извиненіе себѣ, сожалѣя о томъ, кого она такъ жестоко оскорбила, но едва Бургомистръ произнесъ имя Франциска Галса, она впала въ прежнюю безчувственность и показала совершенное невниманіе къ многорѣчивому краснорѣчию судьи, который воротился домой съ невольною грустью, сомнительно покачивая головою.

Такова была она, когда въ одно утро на улицѣ

застучала карста и остановилась у дверей дома. Через минуту, дѣти, которыхъ любопытство привлекло посмотреть кто пріѣхалъ, всѣ въ одинъ голосъ закричали, «Папенька, папенька пріѣхалъ!»

Бригитта затрепетала, и въ одинъ прыжокъ, она была уже у дверей. Она не вѣрять глазамъ своимъ: Францискъ стоитъ передъ нею! При взглядѣ на него, она протянула руки, хотѣла говорить, не могла, и только бросилась къ нему на шею, цѣловала его, плакала и смѣялась. Потомъ смотрѣла на него, опять начинала его цѣловать, плакать, бранить, смѣяться, обнимала его, брала его за руки, и лихорадка была ее между тѣмъ, и все, что говорила она, было такъ не связано, что можно было подумать, не сошла ли она съ ума! Францискъ былъ не меньше растроганъ. Дѣти кричали, прыгали, пѣли вокругъ отца и матери. . .

— Да, откуда ты? Что ты сдѣлалъ? Если бы ты зналъ, каково было мнѣ? Ахъ! какой ты — весь въ пыли! Ты усталъ, ты едва стоишь на ногахъ! Постой — я тотчасъ разведу огонь, приготовлю добрый обѣдъ, за которымъ ты отдохнешь и отогрѣешься. А покамѣстъ, погоди, я принесу тебѣ бутылочку винца — вѣдь у меня спрятана... вѣдь тебѣ выпить, подитко ты, хочешь?

«Спасибо, Бригитта, спасибо жена! Отъ винца я не откажусь, но сперва мнѣ надобно исполнить мою обязанность. Не знаешь ли, что мастеръ Ванъ-Дикъ еще въ Мехельнѣ?»

При имени Ванъ-Дика, Бригитта поблѣднѣла и смѣшалась. Францискъ спросилъ о причинѣ ея смущенія, и она съ оговорками рассказала ему все, что сдѣлалось по ея милости, послѣ того, какъ Франциска увезли изъ Мехельна. Онъ слушалъ рассказъ Бригитты и качалъ головою.

— Плохо, худо! — сказалъ Францискъ — да и худо къ хорошему однакожь. Но тѣмъ скорѣе надобно мнѣ бѣжать къ Бургомистру. Ты говоришь, что онъ теперь тамъ?

«Какъ? Только что ты пріѣхалъ, какъ ужъ и опить бѣжишь? И ни чего не сказалъ о твоёмъ путешествіи, откуда ты, что съ тобой было, какъ ты....»

— Бригитта! знаешь ли, что есть вещи, о которыхъ лучше молчать, нежели говорить много? Ну, вотъ этакія-то вещи случились и со мной, послѣ того, какъ мы съ тобой разстались. Да, вѣдь я знаю что ты не утерпишь — изволь, изволь! Что можно, то я тебѣ расскажу — только послѣ, послѣ! Сочти-ко между тѣмъ, что я привезъ тебѣ.

И онъ выложилъ на столъ нѣсколько горстей золота. Пока Бригитта, какъ настоящая Фламандка, принималась считать, смотря съ изумленіемъ на золотую кучу, Францискъ побѣждалъ къ Бургомистру, гдѣ приходъ его не произвелъ такой радости, какъ дома, но причинилъ удивленія не меньше. Его окружили, засыпали вопросами, предложили ему вина и пива, думал, что тѣмъ развяжутся уста его. Но Францискъ былъ непоколебимъ, и требовалъ только немедленнаго свиданія съ Ванъ-Дикомъ. Надлежало отказаться отъ узнанія причинъ и подробностей похищенія Франциска, и вести его въ комнату больнаго.

Комнату эту составляла большая зала, уставленная мебелью того времени; толстыя занавѣсы пропускали въ нее только полусвѣтъ, слабый и нѣжный. Въ ту минуту, когда вошли Бургомистръ и Францискъ, леди Мери усаживала больнаго въ большія кресла, а старая мистриссъ Сара перестилала

постелю, съ ловкостью, которой позавидовала бы самая заботливая Фламандская хозяйка. Какъ ни озабоченъ былъ Францискъ, но прекрасная, живописная группа, какую увидѣлъ онъ, возбудила въ немъ чувство художника, и онъ остановился на минуту, любуясь живою картиною, которую составили Ванъ-Дикъ и Марія. Блѣдное, прекрасное лицо Ванъ-Дика, съ повязкою на головѣ, какъ будто нарочно приготовленной для эффекта, было чрезвычайно красиво на черномъ фонѣ рѣзныхъ креселъ, гдѣ онъ сидѣлъ. Марія, въ положеніи, исполненномъ прелести и добродушія, подавала больному питье, легкіе пары котораго обвивали русые локоны этой очаровательной дѣвушки, великолично золотясь солнечнымъ лучемъ, проникавшимъ сквозь занавѣсы. Казалось, что они составляютъ ореолъ около головы какой нибудь не земной дѣвы. Даже и длинныя складки сѣраго платья Мери образовывали какую-то гармоническую общность съ матовымъ цвѣтомъ широкаго плаща, въ который закутанъ былъ Ванъ-Дикъ, и который щегольскимъ и оригинальнымъ манеромъ падалъ на полъ широкою драпировкою.

Но послѣ краткаго восторга и удивленія, свойственнаго художнику, Францискъ вспомнилъ тотчасъ о препорученіи Буккингама, и тихо приблизился къ больному, потому, что Мери оборотилась къ нему и Бургомистру, и знаками показывала, чтобы они не растревожили его. Ванъ-Дикъ протянулъ руку Франциску, и тотъ отеръ слезу, прежде нежели вынулъ изъ-за пазухи записку, отданную ему Герцогомъ. Ванъ-Дикъ хотѣлъ развязать снурокъ и разломить печать, но онъ былъ такъ слабъ, что не могъ этого сдѣлать, и просилъ Мери, взять на себя такой трудъ.

— Это отъ моего опекуна! — сказала она, смотря на гербовую печать.

Смущеніе Ванъ-Дика оказалось слишкомъ явнымъ при сихъ словахъ.

«О, Боже мой, Боже мой! что я узнаю!» думалъ онъ.

И у Мери дрожали руки, когда она распечатывала письмо. Дрожащимъ голосомъ прочитала она слѣдующее:

«Я сей часъ отправляюсь въ Лондонъ, любезный Ванъ-Дикъ. Если письмо мое заставитъ васъ на дорогѣ въ Парижъ, не ѣздите туда, воротитесь въ Мехельнъ, съ особами, авторенными вашей защитѣ, и тамъ ожидайте моихъ приказаній. Если же сіе письмо, которое доставитъ вамъ долженъ Гяксъ, не будетъ вамъ отдано во время, я пришло въ Парижъ изъ Лондона, немедленно по прибытіи моемъ туда, надежнаго человека, который сообщитъ вамъ мои распоряженія.

Г. В. Герцогъ Буккингамъ.

На лицѣ Ванъ-Дика блеснула радость, а щеки Мери вспыхнули яркимъ румянцемъ. Онъ поднялъ на нее глаза; она потупила взоры въ землю. Потомъ, какъ будто желая скрыть душевное волненіе подъ веселымъ хладнокровіемъ, столь далекимъ отъ нея въ сію минуту, она погрозила Ванъ-Дикѣ пальчикомъ.

«А, а! видите ли, г-нъ Ванъ-Дикъ — сказала она смѣясь — вы еще не скоро освободитесь отъ моего строгаго надзора! И вотъ сей часъ же я воспользуюсь моими правами — извольте лечь; мистриссъ Сара проведетъ васъ до постели. Вѣдь вы знаете, что докторъ не велѣлъ вамъ угомять себя, а вы уже добрыхъ четверть часа изволите сидѣть въ креслахъ. Нечего, нечего глядѣть съ умоляющимъ видомъ — надобно слушаться!... Вы знаете, что я не терплю ни просьбъ, ни возраженій!

Потомъ оборотилась она къ Франциску и Бургомистру.

«Вы, Мм. Гг., также должны меня слушаться. Больному надобенъ покой. Извольте удалиться!

Бургомистръ, сердце котораго давно привлекла Мери своею прелестью, добротою, и особенно добродушною веселостью, вышелъ смѣясь и увелъ съ собою Франциска.

— Что, мой любезнѣйшій? Не поужинаемъ ли мы вмѣстѣ съ вами? сказалъ Бургомистръ, идя съ нимъ черезъ столовую, гдѣ двѣ толстыя служанки, съ круглыми, красными лицами, набирали на столъ. Наружность приборовъ показывала несомнительно, что почтенный судя Мехельскій не былъ преслушникомъ повелѣній Комуса, любилъ поѣсть и выпить.

Но Францискъ устоялъ противъ искушенія. «Нѣтъ, г-нъ Бургомистръ,» сказалъ онъ — благодарю за честь! Но меня ждетъ жена, и мнѣ надобно поспѣшить домой. Да, притомъ — сказать вамъ потихоньку... (Бургомистръ выставилъ уши) вотъ уже семь дней, какъ я не бывалъ на веселье... Мнѣ надобно забвѣжать въ погребокъ, чтобы потомъ пріятели привели меня домой...

— Да, какъ же вы, мейстеръ, могли не пить семь дней? Ну, и какая могла быть тому причина?

«Какъ не пить? Да, когда надобно, то не станешь пить, и особливо, когда попадешься между такими людьми... Тьфу, пропасть! Мнѣ кажется, что у меня и не пивши голова вертится, и все идетъ кругомъ!... Прощайте, г-нъ Бургомистръ!

Онъ тотчасъ оставилъ почтеннаго судью, который только что разлакомился было началомъ рѣчей, обшавшихъ ему раскрытіе тайнъ и загадокъ,

угадать которыя самъ онъ никакъ не могъ. Францискъ, не забывая о досадѣ Бургомистра, сидѣлъ у себя за столомъ, передъ каминомъ, окруженный дѣтми, хохоталъ, болталъ, и такъ славно пивалъ, что забывалъ о намѣреніи кончить день въ погребкѣ, и напился пьянъ дома.

На другой день, въ домъ Франциска Галса хозяйство шло прежнимъ порядкомъ. Почтенная госпожа Бригитта мыла, терла, ложила, кричала и шумѣла; дѣти отправились въ школу; Францискъ, усталый, по его словамъ отъ дороги, по словамъ жены отъ вчерашняго пьянства, сидѣлъ въ мастерской, теръ краски, и готовился оканчивать портретъ, начатой мѣсяцъ тому. — Ему приходили въ голову Буккингамъ, король Людовикъ, кардиналъ Ришелье, прекрасная и несчастная Королева, наконецъ всѣ великіе люди, всѣ странныя и невѣроятныя событія, въ которыя бросилъ его случай. Онъ дивился, какъ это ему пришлось играть роль въ такомъ дивномъ романѣ, ему, бѣдному жителю Мехельскому, думавшему только о томъ, чтобы заработать насущный хлѣбъ, да вечеромъ убвѣжать въ погребокъ и избавиться отъ крика жены? Со времени своего путешествія въ Парижъ, онъ увѣрился однакожь, что брань Бригитты есть необходимое дополненіе его жизни, потому, что въ теченіе десяти дней не разъ сожалѣлъ онъ, что не слышитъ ея голоса, какъ привычный къ битвамъ воинъ скучаетъ, не слыша звуковъ военной трубы.

Если все приняло свой обыкновенный порядокъ въ домъ Франциска Галса, или говоря вѣрнѣе, въ королевствѣ Бригитты, возвращеніе Франциска и письмо, привезенное имъ отъ герцога Буккингама, возвратили и для Ванъ-Дика и Мери счастье совер-

шенное, хоть не похожее на Бригиттино и не столь шумное. Неотдавая себѣ удовлетворительнаго отчета, о своемъ наслажденіи, онъ и она испытывали то глубокое и неизъяснимое облегченіе души, которое дѣлаетъ насъ счастливыми, если большое несчастье пролетѣло мимо насъ и миновало насъ въ своемъ гибельномъ полетѣ. Мы дорого цѣнимъ и лучше наслаждаемся настоящимъ, вѣримъ въ будущее, намъ кажется, что если мы избѣжали опасности, то впередъ намъ нечего бояться никакой бѣды, и мы предаемся упительной, безотчетной надеждѣ — идемъ, исполненные доврчивой беззаботливости, не помышляя о безднахъ, зияющихъ со всѣхъ сторонъ, опасныхъ, неизбежныхъ, но еще удаленныхъ — хоть на нѣсколько шаговъ. Съ этого дня, нѣжныя попеченія Мери о Ванъ-Дикъ приняли какой-то еще болѣе нѣжный характеръ, и безмолвная благодарность больного выражалась чувствомъ, болѣе понятнымъ сердцу. Никогда сердечное счастье не упоило такъ своимъ таинственнымъ блаженствомъ души молодой дѣвушки и сердца художника. Никогда грудь ихъ не дышала такъ свободно, съ такимъ небеснымъ наслажденіемъ. Потому выздоровленіе Ванъ-Дика шло быстро, и лекарь, приходившій къ нему каждый день, самъ дивился успѣхамъ своего леченія; онъ объявилъ даже, черезъ недѣлю по возвращеніи Франциска, что если все пойдетъ такъ, и время будетъ теплое и благоприятное, то онъ скоро позволить прогуляться въ саду. Это было важное обѣщаніе и живительная надежда. Потому каждый день, первую заботою Мери, когда она входила къ своему больному, было открыть окошко, поднять занавѣсы и смотрѣть на небо. Небо являлось веселымъ, лазурнымъ, и большой, облокотясь на руку мистриссъ Сары, пока Мери поддерживала

его съ другой стороны, подходилъ потихоньку къ окну, гдѣ дышалъ чистымъ, свѣжимъ, благовоннымъ воздухомъ. И пока слабая грудь молодаго художника освѣжалась такимъ воздухомъ, воображеніе его оживало и изливалось въ желаніяхъ болѣе нѣжной. Затворничество въ комнатѣ становилось ему тягостнымъ — онъ хотѣлъ на болѣе нѣжной свободѣ глядѣть на небо, быть на чистомъ полѣ, любоваться безконечною лазурью, съ ея бѣлыми облаками, съ ея легкимъ вѣтеркомъ, который щекотить лицо и лелеветъ насъ радостью... Иногда требовалъ онъ прогулки по зеленому лугу, подлѣ ручейка, который скрытно журчитъ между кустарниками и приглашаетъ насъ къ мечтанью и дремотѣ. Слыша все это, Мери смѣялась, бранилась, обѣщала; лекарь не давалъ еще позволенія, говори, что двухъ свѣтлыхъ дней мало для уничтоженія въ воздухѣ влажности, которая можетъ быть вредна больному при выздоровленіи. Ванъ-Дикъ ворчалъ и жаловался, какъ дитя, и какъ дитя забывалъ онъ свои прихотливыя желанія, создавалъ новыя, и возвращался потомъ опять къ первымъ, которыя спѣшилъ оставить и забыть снова. Наконецъ, достопамятный день прогулки и свободы наступилъ. Лекарь позволилъ больному идти въ садъ, и опершись на руку Мери, Ванъ-Дикъ явился на террасу, ведущую туда. При видѣ его, Бургомистръ, жена почтеннаго судьи и Францискъ Галсъ, нарочно пришедшій участвовать въ общей радости, закричали съ восторгомъ, пока маленькій Джоржъ Рутвель прыгалъ и восклицалъ: «Вотъ онъ! Вотъ онъ!»

Ванъ-Дикъ ступилъ два или три шага, смѣло, не шатаясь. Но вскорѣ свѣжесть воздуха и живость ощущенія отразились на его органахъ, еще слабыхъ,

привыкшихъ къ атмосферѣ запертой комнаты. Голова у него закружилась, и въ померкающихъ глазахъ завертѣлись всѣ предметы. Онъ упалъ бы, ежели бы Мери его не поддержала, смѣясь надъ излишнемъ его самонадвѣянностью.

Но вскорѣ, мало по малу, глаза его привыкли къ яркому свѣту дня и грудь его къ свѣжести воздуха. Послѣ первой слабости, Ванъ-Дику казалось, что онъ сдѣлался уже не такъ слабъ, и что ноги его укрѣпляются. Какъ бы то ни было, но прогулка его была непродолжительна, и ему надлежало присѣсть, или лучше сказать, прилечь на солнцѣ, на прелестномъ лужкѣ, подъ навѣсомъ кустарника. Тамъ, безпечный и веселый, лелѣемый наслажденіемъ бытія, выдѣлывающій собралъ всѣ свои живыя впечатлѣнія и предался ихъ очарованію. Еще никогда въ жизни, трава не казалась ему такою мягкою и шелковистою. Никогда и птички не пѣвали такъ гармонически. Никогда и не удивлялся онъ такъ, какъ теперь, безконечной дѣлательности природы, оживающей съ лѣтомъ. То легкое дуновеніе вѣтерка, которое едва можно было замѣтить, колебало траву, и клонило и переплетало безчисленные былинки, мгновенно потомъ выпрямлявшіеся. То вниманіе обращалось на безчисленное множество насѣкомыхъ, отсѣвчавшихся при лучахъ солнца, разсыпавшихся въ воздухъ, будто искры, и потухавшихъ въ тѣни, и на муравьевъ, поспѣшно и заботливо бѣгавшихъ взадъ и впередъ. Тутъ пчелы, обольщенные цвѣткомъ, вились около него, улетали, возвращались, пили изъ него медъ и жужжа перелетали на другой цвѣтокъ. А когда взоры его обращались въ ту сторону, гдѣ стояли друзья его, гдѣ была Мери, наблюдавшая за каж-

дымъ его движеніемъ, и когда онъ вслушивался въ дѣлательность городской жизни, смѣшенный шумъ, пѣсны прохожихъ, стукъ телегъ, лай собакъ... все казалось ему такъ ново, все сливалось по что-то такое неясное, фантастическое, и одно только чувствовалъ онъ живо и ясно — радость бытія...

VI.

Когда Ванъ-Дикъ упивался новою жизнью, вдругъ загремяла карета, послышались поспѣшные шаги и звонъ шпоръ — Буккингамъ явился въ садъ. И все потемнѣло, помрачилось въ глазахъ Ванъ-Дика. Онъ хотѣлъ встать, но упалъ опять, и почувствовалъ, что бользнь, казалось, оставившая его, пробудилась въ немъ съ большою силою. Герцогъ блѣдный, безпокойный, съ лицомъ, на которомъ написано было страданіе, не замѣтилъ ни отчаянія Ванъ-Дика, ни смущенія Мери. Онъ протянулъ руки Ванъ-Дику и Галсу, поцѣловалъ въ лобъ свою воспитанницу, отвѣчалъ мимоходомъ на ласки Джоржа, и сказалъ обращаясь къ Бургомистру:

«Знаю все, что происходило здѣсь послѣ моего отъѣзда. Благодарю васъ за гостепримство, оказанное моему воспитанницѣ, брату ея и гувернанткѣ. Теперь мнѣ нѣкогда, но я этого не забуду. — Благодарю и васъ, Ванъ-Дикъ, за вѣрность и дружбу. У меня есть еще другъ, которому многимъ, очень многимъ я обязанъ. Предоставляю ему право требовать всего, что ему угодно. Ты пріѣдешь ко мнѣ въ Лондонъ, Францискъ, не правда ли? Ты пріѣдешь вмѣстѣ съ Ванъ-Дикомъ?»

— Милордъ! благодарю. Я предпочитаю мою темную жизнь свободнаго художника придворному житію.

Опытъ могъ убавить у меня честолюбія, если бы я и былъ когданибудь имъ одержимъ.

«Мери Мери благодари почтеннаго г-на Бургомистра и прощайся съ нимъ. Ты немедленно отправилешься со мною въ Парижъ. Его Величество, король Карлъ I-й назначилъ тебя въ число фрейлинъ при Англійской королевѣ, принцессѣ Генриэттѣ Французской, удостоивалъ меня чести представлять его особу при совершеніи обрядовъ вѣнчанія. Прощайте, вѣдь господа! Герцогъ Буккингамъ докажетъ вамъ, что неблагодарность не принадлежитъ къ его слабостямъ.

Мери почтительно раскланялась съ Бургомистромъ, но когда подошла она къ Ванъ-Дикку, силы ее оставили, и она упала бы на траву, еслибы не поддержалъ ее Францискъ Галсъ. Буккингамъ наступилъ брови и грозно поглядѣлъ на Ванъ-Дика. Потомъ, не говоря ни слова, подхватилъ онъ полубезчувственную Мери, и почти на рукахъ унесъ ее въ карету. Здѣсь остановился онъ, и обращался къ человѣку, находившемуся верхомъ близъ каретныхъ дверей, сказалъ ему:

«Фельтонъ! ты останешься здѣсь, и распорядишься, чтобы черезъ полчаса отправились Сара и Джоржъ въ другой моей каретѣ.

Онъ сурово поглядѣлъ на Мери, начинавшую приходить въ чувство, посадилъ ее въ свою карету, и велѣлъ кучеру гнать лошадей.

Цѣлый годъ прошелъ такъ, что Мери, фрейлина королевы Генриэтты, не слыхала даже и имени Ванъ-Дика, воспоминаніе котораго было всегда въ сердцѣ бѣдной дѣвушки и наполняло его грустью и печалью. — Буккингамъ никогда и ничего не говорилъ ей о прошедшемъ, но она понимала, что великая надежда видѣть облегченіе ея скорби погибла для нея,

и единственное услажденіе, которое еще испытывала она, состояло въ томъ, чтобы по вечерамъ, удалась отъ блеска и шума придворнаго, убѣгать въ свои комнаты и тамъ плакать на свободѣ. — Опекунъ посещалъ ее теперь рѣдко. Характеръ Буккингамъ, со времени послѣдняго путешествія его во Францію, принялъ какую-то неукротимость въ желаніяхъ, суровость и сухость, разительно противорѣчившія романтической наклонности, которая видна была во всѣхъ дѣлахъ его прежде. Угрюмость не оставляла его даже и тогда, когда приходилъ онъ къ печальной, грустной Мери. И потому Мери трепетала въ присутствіи того, кого прежде любила видѣть, какъ дитя любить видѣть своего отца. Она не столько желала, сколько боялась посѣщеній Герцога.

Однажды, онъ вошелъ къ ней неожиданно и началъ говорить ей:

«Мери! тебѣ скоро соверчится двадцать лѣтъ. У тебя нѣтъ имѣнія. Мнѣ надобно подумать о твоей будущности. За тебя сватаются.

— Ахъ! никогда, никогда, милордъ! вскричала Мери, протягивая къ нему руки съ умоляющимъ видомъ.

Буккингамъ посмотрѣлъ на нее съ холоднымъ удивленіемъ.

«Что это?» сказалъ онъ «Такъ я не ошибся? Этотъ несчастный восклицался твоею неопытностью — ты его любишь?»

— Да, милордъ, я люблю его — отвѣчала Мери, — но не клеветайте на самаго благороднаго, самаго добродѣтельнаго изъ людей! Никогда не позволилъ онъ себѣ даже и одного слова, одного взгляда, которые заставили бы меня подозрѣвать любовь его — хотя, сомнѣваюсь, чтобы онъ не видѣлъ, не замѣчалъ иногда, что онъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ...

«Если онъ не понималъ того, что твоя глупая голова считаетъ любовью — тѣмъ лучше. Вижу, что Ванъ-Дикъ точно честный человекъ, и благодарю его, что онъ не раздѣлилъ твоего романческаго бреда, который такъ же надобно тебѣ бросить, какъ бросила ты свои куклы. Готовься встрѣтить завтра маркиза Селстермелъ, какъ жениха своего.

Слезы полились изъ глазъ Мери, и она зарыдала такъ горько, что Буккингамъ почувствовалъ состраданіе къ ней. Онъ сѣлъ подлѣ Мери, и ласково отвелъ руки, которыми закрывала она лицо свое.

— Полно, что за глупости, дитя мое? Будь благоразумнѣе. Неужели ты думаешь, что каждый изъ насъ не обязанъ, кто бы онъ ни былъ, на прискорбныя жертвы? Я самъ — что жизнь мол?... Въ сердцѣ моемъ такая бользнь, такое страданіе, которыхъ, можетъ быть, я не перенесу... А между тѣмъ, Мери, ты видишь — я страдаю и не жалеюсь!

Печально посмотрѣла на него Мери.

«О, вы такъ велики, такъ знамениты, милордъ!.. Вашими жертвами одолжены вы вашему имени, вашему сану, вашей славѣ.. Ихъ видѣть... Но не говорите объ этомъ ненавистномъ бракѣ мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ... Если я знаю, что не могу принадлежать ему, то и никому не отдамъ руки моей. Пусть лучше умру я бѣдною, неприютною сиротою... Какал кому до меня надобность? Милордъ! послушайте меня, ради памяти моего отца, вашего друга — вы не хотите меня слушать! О Боже мой!... Умоляю васъ, Милордъ, именемъ той, которая такъ драгоценна вамъ, именемъ....

Буккингамъ съ трепетомъ закрылъ ей уста рукою. — Молчи, Мери, молчи! — вскричалъ онъ.

«Именемъ ея умоляю васъ, ради тѣхъ слезъ, ко-

торыми плачетъ она объ васъ... Вы меня выслушайте — не правда ли?..

Глубоко растроганный Буккингамъ обнялъ ее и вышелъ не говоря ни слова. Онъ отправился въ свой великолѣпный дворецъ. И когда у входа его хотѣлъ онъ выйдти изъ своего портшеза, послышался ему знакомый голосъ, произносившій на иностраннѣй манеръ его имя. Буккингамъ оборотился и увидѣлъ Франциска Гааса, котораго слуги не пускали на крыльцо. Герцогъ прогналъ слугъ, дружески взялъ подъ руку того, кого лакеи знаменитаго вельможи почли какимъ нибудь городскимъ бродягой, и самъ ввелъ его въ свое жилище, едва ли не превосходившее великолѣпнѣе дворецъ Королевскій.

— Благодарю, любезный Францискъ, благодарю, что вспомнилъ о моемъ приглашеніи. Ты будешь моимъ гостемъ во все время пребыванія твоего въ Лондонъ — говорилъ Буккингамъ. — И надѣюсь, что твое пребываніе будетъ продолжительно, потому, что кромѣ работъ для меня, я знаю на вѣрное, Англійскій Король почтетъ за особенное удовольствіе украсить свой дворецъ нѣсколькими твоими произведеніями.

«Видите, милордъ, жена и дѣти остались у меня въ Мехельнѣ. Не безъ труда получилъ я отъ Бригитты позволеніе на путешествіе мое. Но дѣло шло объ услугѣ другу, и она сама просила меня ѣхать, но не надолго. — Позвольте мнѣ, милордъ, напомнить вамъ о дѣлахъ, о которыхъ никогда не сталъ бы я говорить, если бы крайняя нужда не принуждала меня къ этому. Не знала васъ, я показывалъ вамъ мое усердіе, хотя оно могло мнѣ стоить головы, и тогда... тамъ... вы знаете гдѣ, и потомъ въ саду Бургомистра, вы общали наградить меня. Помните ли, милордъ?»

— Никогда не забуду. Мое имѣніе, моя власть, моя жизнь.... располагай ими!

Францискъ бросился къ ногамъ Герцога. «Клянитесь мнѣ вашей честью, и именемъ, котораго *никогда и никто* отъ меня не узнаетъ, именемъ той, которая глядѣла на васъ такъ нѣжно и трогательно, когда она удаллась подѣ стражей Кардинала изъ Лувра, а вы, въ отчаяніи, смотрѣли на нее и прощались съ ней на вѣки — клянитесь, милордъ, наградить меня тѣмъ, чего я попрошу у васъ!

Герцогъ обнялъ его. «Клянусь ея именемъ!» вскричалъ онъ.

— Хорошо, милордъ. Одинъ другъ мой умираетъ отъ любви, и умретъ, если не отдадутъ ему руки дѣвушки, которую онъ такъ любитъ, какъ *она* васъ любила, какъ *она* васъ любитъ.... Этотъ другъ мой, великій художникъ нашъ — Антоній Ванъ-Дикъ; эта дѣвушка — леди Мери Рутвенъ. Отдайте ее Ванъ-Дикъ!

Такой союзъ....

— А ваша клятва?

«Просьба твоя.... ее нельзя исполнить....

— О, такъ я пойду, я вездѣ буду говорить, даже подѣ окнами Сень-Жерменскаго замка, что въ васъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти! Прощайте, милордъ....

Въ нерѣшительности, въ страшномъ волненіи, Герцогъ схватилъ за руку Франциска и сказалъ ему:

— Только не этого — проси, чего хочешь!

«Только этого!» отвѣчалъ Францискъ, глядя на него презрительно. «Я Фламандскій пьяница, но за Испанскую корону не нарушилъ бы моей клятвы! Иначе думаетъ знатный человекъ — онъ хочетъ, онъ можетъ выкупить ее золотомъ, и кто посмѣетъ сказать ему....

— Пстой, пстой, Францискъ! Пусть говорятъ что хотятъ — Буккингамъ исполнить свое слово — вотъ тебѣ рука моя — Мери Рутвенъ я отдаю Ванъ-Дикъ. Одно условіе — у нея ничего нѣтъ — я дамъ ей приданое.

«Милордъ!» вскричалъ Францискъ — «для чего вы не бѣднякъ — тогда увидѣли бы вы, что не герцога, а человека я люблю, уважаю въ васъ! Пожалуй, о приданомъ что толковать — мы требовали отъ васъ только дѣвушки, а не денегъ. При золотыхъ рукахъ своего мужа, Мери всегда будетъ богата. — Охъ! милордъ, благодарю, благодарю!... Побѣгу сказать о нашей радости Бригиттѣ и Ванъ-Дикъ. Вѣдь я васъ немножко обманулъ — сказалъ, что Бригитта осталась въ Мехельнѣ: она здѣсь, и со всѣми ребятишками, и Ванъ-Дикъ здѣсь. Бѣдный Антоній! онъ ничего не воображаетъ — онъ не зналъ настоящей цѣны моего путешествія; онъ не хотѣлъ показываться, ни вамъ, ни Мери — хотѣлъ только взглянуть на нее и умереть! Бѣдняжка — не умереть бы ему теперь отъ радости....»

Черезъ мѣсяць послѣ свиданія Франциска Галса съ герцогомъ Буккингамомъ, въ Вестминстерской часовнѣ великолѣпно вѣнчали леди Мери Рутвенъ и *кавалера* Антонія Ванъ-Дика, ибо король Карлъ I-й, удостоившій церемонію своимъ присутствіемъ, до благословенія священника возвелъ его въ это достоинство, наименовавъ, кромѣ того, королевскимъ живописцемъ и приближеннымъ къ своей особѣ.

Первая картина, за которую принялся потомъ Ванъ-Дикъ, изображала Мери и Джоржа, играющихъ розами на балконѣ, и съ удивительною вѣрностью, къ какой способна только водимая любовью кисть, были въ ней выражены всѣ подробности очаро-

вательнаго зрѣлица, какое поразило нѣкогда Ванъ-Дика въ Мехельнѣ. Картина эта находится теперь у одного изъ потомковъ герцога Буккингама, которому назначилъ ее Ванъ-Дикъ. Но Герцогъ не дождался ея окончанія — вскорѣ послѣ свадьбы Ванъ-Дика, онъ палъ подъ кинжаломъ Фельтона.... Англичане называютъ эту картину: *Libgt hair at a window*, что означаетъ: *Русый локонь въ окнѣ*.

Съ Франц. В. ВЕННГА.

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ ТОЛКОВЪ О ДРЕВНОСТЯХЪ России.

(Продолженіе *)

ГЛАВА II.

Новгородъ съ VI столѣт.

1. Въ текстѣ Иорнанда, содержащемъ по изданіямъ Вулканіеву и Мураторіеву слѣдующія слова: *Slaveni a civitate nova et Slavino Rumunense et lacu, qui appellatur Musianus usque ad Danastrum et in Boream Visela tenus commorantur*. т. е. «Славяне обитаютъ отъ новаго города и отъ Славина Румунскаго, и отъ озера, именуемаго *Мусіаномъ*, даже до Днѣстра и въ сѣверъ до Вислы». Христофоръ Иорданъ, писатель XVIII вѣка, слово *Musianus* замѣнилъ словомъ *Mursianus*, изъ манускрипта Амбросіанской Библіотеки¹, дабы озеро *Musianъ* обратить въ известный ему *Мурейскій* или Эссекскій болота, но нашъ критикъ

* См. No 17 Сына Отеч. 1857 г., гдѣ была помѣщена 1-я глава этого замѣчательнаго сочиненія почтеннаго исследователя Русскихъ Древностей. Р. С. О.

поступилъ рѣшительнѣе. Такъ какъ Юрнандъ, въ началѣ той самой пятой главы своего сочиненія, въ которой, чрезъ 50 строкъ ниже, сказано у него о Мусіанѣ (Musianus), написалъ: *Sythia siquidem Germanie terra confinis colenus, ubi Nister oritur omnis, vel stagnum dilatatur Mysianum*², т. е. «Скиѣиѣ граничить съ Германіею тамъ, гдѣ Дунай начинается именоваться Истромъ, или расширяется болото Мусіанское», то критикъ принялъ *lacus Musianus* и *stagnum Mysianum* за имена тождественныя, и сталъ замѣнять одно другимъ (стр. 38; 52, 53). Онъ позволилъ себѣ такую вольность потому, какъ самъ сознается (с. 53), что если въ печатномъ Юрнандѣ самимъ издателемъ Вулканіемъ показаны ошибки на четырнадцать страницъ, безъ сомнѣній, и слово *Musianus* написано вмѣсто *Mysianus*. На сей-то мнимой опечаткѣ движутся всѣ гипотезы критика къ отрицанію бытія Юрнандова новаго города у Ильмена, и онъ такъ твердо убѣдился этимъ собственнымъ доказательствомъ, что двоекратно произнесъ (с. 27, 52): *Истина не многоръчива; для положительнаго рѣшенія сего вопроса достаточно трехъ, а много пяти словъ; слова же эти суть: прочтите со вниманіемъ пятую главу Юрнанда, и довольно*, т. е., что въ пятой главѣ есть и *Mysianus* и *Musianus*, между которыми, по мнѣнію критика, нѣтъ ни малѣйшаго различія. Однако критикъ самъ себя обличаетъ въ недосмотрѣ: упоминаемая имъ опечатка открыта не въ сочиненіи Юрнандовомъ, а въ присоединенной къ оному *Исидоровой хроникѣ Готской*, въ чемъ каждый, разумѣющій Латинскій языкъ, легко можетъ удостовѣриться. А хотя въ той же книгѣ показаны (во второй разметкѣ страницъ, 178—191) *разнословія*, принадлежащія къ Юрнандову сочиненію о дѣлахъ Гетическихъ, но и здѣсь нѣтъ

ничего, относящагося до *Muciana* и *Musciana*; въ Амбросіанской же рукописи, вмѣсто *stagnum Mysianum*, стоитъ *Morsia mons*³, т. е. гора *Морсіа*, какъ бы для свидѣтельства, что *Mucianus* съ *Muscianus* и *Murcianus* съ *Morsieus* не имѣютъ никакой между собою связи. Следственно можно сказать утвердительно, что *Mysianus* походить на *Musianus* столько, сколько *мыза* на *музу*, *рука* на *руку*. Авторитетъ Христофора Юрдана, Карамзина и другихъ писателей не доставляетъ критику надежной въ этомъ дѣлѣ опоры, если онъ и шикто не въ состояніи опровергнуть той истины, что въ VI вѣкѣ имя Славянъ, оглашавшееся въ Римской Имперіи только на племенахъ, временно вторгавшихся въ нее для грабежей съ восточныхъ береговъ Дуная, еще не было обращено тогда ни на какихъ постоянныхъ обитателей западной его стороны, на которой находятся Мурсіискія болота, хотя впрочемъ нѣтъ сомнѣній, что въ Имперіи Римской искони имѣли водвореніе свое многія племена Славянскія подъ другими именами, напримѣръ, Болги, Триваллами, Иллирами, Епетами. Не раньше VII вѣка имя Славянъ стало тамъ распространяться, по переселеніи съ лѣвой на правую сторону Дуная многихъ Хорватовъ и Сербовъ, именовавшихся Славянами уже издавна въ древней Боквѣ, въ своей Карпатской отчизнѣ⁴.

Любопытные читатели могутъ однако спросить насъ: что же значить Юрнандово *stagnum Mysianum*, если это болото не есть *lacus Musianus*? Скажемъ отвѣтъ. Такъ какъ Юрнандъ призналъ нужнымъ яснѣе обозначить тотъ на Дунаѣ рубежный пунктъ, который отдѣлялъ Скиѣю отъ Германіи, въ этомъ разсужденіи онъ написалъ, что сіе мѣсто находится тамъ, гдѣ Дунай принимаетъ названіе *Истра*, или расширяется болото *Мусіанское*. По

свидѣтельству Страбона, Истромъ называли Дунай съ устья рѣки *Мариса*, Юрнандовой *Марисин* ⁸, нынѣшней Моравы, втекающей въ Дунай съ лѣвой его стороны, нѣсколько выше устья рѣки Ваги и городъ Пресбургъ и Коморна. Почти противъ середины разстоянія, разделяющаго устья Моравы и Ваги, находится озеро въ Паннонской части Венгрии, въ 15 верстахъ отъ праваго берега Дуная, соединяющагося съ нимъ своимъ протокомъ у города Раба. Это озеро Нѣмцы называютъ Нейзидлеръ, Венгерцы Ферте, Латинисты *Peisonis*, а тамошнее Графство Визельбургское Латинисты пишутъ *Mosoniensis Comitatus* и Венгры *Мошон* Вармедь, называя притомъ и городъ Визельбургъ *Мозономъ* ⁹. И такъ можетъ ли быть другой приличнѣйшій пунктъ для Юрнандова *Misciana* (*Mysianus*), и по имени, и по мѣстоположенію, когда у Птолемея восточные рубежи Германіи къ Сарматіи означены на лѣвой сторонѣ Дуная въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, противоположныхъ вершинѣ Вислы? ⁷.

Сдѣлаемъ здѣсь еще два замѣчанія: 1) критику показалось (с. 53) будто бы Юрнандъ зналъ нашу Подмосковную рѣку Истру, и во избѣжаніе смѣщенія ея съ Дунаемъ прибавилъ, что Истромъ называется Дунай на языкѣ Бессовъ. Мы были бы благодарны критику, если бѣ онъ открылъ намъ въ сочиненіяхъ Юрнанда такое сего епископа съ Подмосковною Истрою знакомство, и 2) Авторъ трактата говоритъ о *Саль*, какъ о такой рѣкѣ, которая, совокупно съ Вислою и Вагою, составляла у Дуная, противоположно болоту Мисіанскому, Скиевскій въ Германіи рубежъ, а критикъ (с. 34) это упоминаніе о *Саль* признаетъ не подходящимъ ни подъ какую форму *мышленія челоувѣческаго*. Нѣтъ сомнѣнія, что сія фраза, подготовленная на случай какого

либо приличнаго употребленія попала совершенно не въ свое мѣсто.

2. На сказаніе Автора трактата, что у Птолемея въ описаніи *Дакіи* нѣтъ города *Civitas nova*, критикъ возражаетъ (с. 32), что Птолемей могъ бы не упоминати о *новомъ городѣ Мисійскомъ* потому, что жилъ до Юрнанда слишкомъ за 400 лѣтъ, но что однако и у Птолемея есть точно *novum oppidum Misiae inferioris*, т. е. *новый городъ въ Мисіи Нижней*.

Справясь съ разными изданіями Птолемея, мы удостоверились, что въ Нижней Мисіи, подъ оглавленіемъ: *города, которые стоятъ при Дунаѣ (civitates quae penes Danubium sunt)*, показаны между прочимъ *Regianum, Diacum, Nova*; за тѣмъ 10 другихъ и дальѣ *Niiodunum* ⁸, но *новаго города (novum oppidum)* не нашли ни тамъ, ни въ прочихъ Придунайскихъ странахъ. Мы даже сомнѣваемся, чтобы Птолемея *Novo* и *Novae*, стоявшіе у Дуная около Систова и Рушуга, точно означали *новый*. Да и для чего критикъ переходитъ изъ *Дакіи въ Мисію*, лежащую на другомъ, правомъ берегу Дуная? Въ Юрнандовомъ сказаніи о *новомъ городѣ, обѣ озерѣ Мисіанъ* и о *Славинѣ Румунскомъ* вовсе нѣтъ рѣчи о Дунаѣ; говорится только о Днѣстрѣ и Вислѣ. По поводу же мнѣнія критика, что такой городъ, который въ VI вѣкѣ назывался *новымъ*, не могъ бы существовать за четыре столѣтія раньше, мы вправдѣ спросить критика: развѣ каждый городъ, имѣющій имя *новаго*, долженъ быть основанъ точно при жизни того писателя, который о немъ упоминаетъ? Почему же Неаполитанцы называютъ и теперь столицу свою по-Гречески *новымъ городомъ*? Почему мы даемъ имя *новыхъ* древнимъ городамъ нашимъ *Новугороду* Волховскому, *Новугороду* Сѣверскому, *Новугороду* Нижнему. Впрочемъ критику, упертому про-

твѣ существованіи Юрнадова *новаго города* у Пльменя, напослѣдокъ самъ, въ концѣ своего разбора (с. 101), явно сознался, что *Новгородъ Волховскій былъ извѣстенъ съ Италіи уже въ VI вѣкѣ*.

3. Критикъ утверждаетъ (с. 31, 32), что границами лѣвой стороны Карпата, склонившейся на сѣверъ и проходившей отъ истоковъ Вислы чрезъ безмѣрное пространство, занимаемое народомъ Винедскимъ, Юрнадъ полагаетъ не восточный берегъ Океана (Балтики), а то мѣсто сего моря, гдѣ въ оною вливается Висла.

Если бы подлинно Юрнадъ имѣлъ такую мысль, онъ не сказалъ бы: *«лѣвая сторона Карпата склоняется на сѣверъ и проходитъ отъ истоковъ Вислы чрезъ безмѣрное пространство;»* онъ написалъ бы короче и яснѣе: *«простирается отъ истоковъ Вислы до ея устья*. Но въ этихъ устьяхъ жили тогда, по Юрнадовымъ же словамъ, не Винеды, а *Видюари*, сбродъ разныхъ народовъ, Вульфстановы Витландцы, признаваемые за Латышей⁹. У Птолемея Венедскія горы тянутся также не по берегу Вислы, а отъ нея къ востоку¹⁰.

4. Какъ бы кто ни читалъ Юрнадовъ текстъ, говорить критикъ (с. 32, 33), Висла въ отношеніи Новгорода Волховскаго, все таки будетъ не на сѣверѣ, а на югѣ.

Не споримъ, что русло Вислы, смотря на карту, представляется отъ Новгорода на *юго-западѣ*; однако Юрнадъ не о томъ пишетъ, что эта рѣка отъ *новаго города* находится на сѣверѣ, но что Славяне обитаютъ отъ *новаго города* до Днѣстра, и въ сѣверѣ (отъ Днѣстра) до Вислы. Такое чтеніе Юрнадова текста, при всѣхъ прочихъ доводахъ, предложенныхъ Авторомъ трактата и критикомъ опущенныхъ, можетъ показаться не убѣдительнымъ только такому

человѣку, который названъ однажды бѣлое червѣмъ, не согласится уже сознаться въ ошибкѣ.

5. Въ поясненіе словъ Юрнда о раздѣленіи Славянъ на разныхъ колѣна, Авторъ трактата сказалъ *отъ себѣ*, что къ симъ колѣнамъ должно причислить между прочимъ Хорватовъ, Полянъ, Древлянъ, Дрлговичей, Кривичей, и собственно Славянъ Ильменскихъ; но критику вообразилось (с. 30), будто авторъ ссылается въ этой хорографіи на *Юрнда*.

6. Автору трактата казалось достаточнымъ показать, сколь далеко простирались въ сѣверѣ нашимъ завоеванія Германарика; критикъ же (с. 34) изъявивъ автору упрекъ, почему онъ не слѣдовалъ порядку Юрнадова разсказа, и не написалъ, что Германарикъ (332 — 350 г.) прежде покорилъ арктическіе народы, потомъ кинулся на Еруловъ, далѣе на Венедовъ, и наконецъ на Эстовъ, прибавивъ съ своей стороны, будто Германарикъ, побѣдивъ Еруловъ, обратилъ оружіе на Венедовъ, Анговъ и Славянъ. У Юрнда и слова нѣтъ о войнѣ Германарика съ *Антими* и *Славянами*; онъ говоритъ только о Венедахъ, а какъ Анты имѣли тогда осѣдность свою въ нижнихъ частяхъ Днѣстра и Дунаю¹¹, то Германарикъ, по пораженіи Еруловъ, обитавшихъ еще при Меотидѣ, надлежало бы воевать сперва съ Антами, потомъ же съ Венедами.

7. Ставъ въ упущеніе (с. 37) Автору трактата, что онъ не объяснилъ всѣхъ арктическихъ или сѣверныхъ племена; покоренныя Германарикомъ, критикъ не соглашается признать въ Юрнадовыхъ *Навего* Ваянъ, въ *Tuidi in Anavis* Чуди *Анукской* и въ *Coldas озера Ковды*; или рѣки *Кольи*.

На это предложимъ ему слѣдующія поясненія:

а) Авторъ трактата искалъ *Навего* въ *Вагѣ* потому, что рѣка *Вага* даетъ имя свое обширной воло-

сти *Важской*, которая нѣкогда составляла особый уѣздъ ¹³, граница на западъ съ Весью Бѣлоозерскою, Юрнандовою *Wasinebroncae*, также покорствовавшюю Германарику, и которая встарину причислялась въ Новгородскихъ владѣнiяхъ къ Заонежской половинѣ Платины Обонежской. Критикъ полагаетъ (с. 35), что *Навего* не можетъ быть *Вага*, ибо берега сей рѣки отстоятъ отъ Архангельска къ востоку окомѣ 400 верстъ, слишкомъ далеко для Германариковыхъ дѣйствiй, и согласно съ Авторомъ Скандинавованiи, который превратилъ *Navago* въ *Novago*, представляетъ себѣ въ этомъ имени Новгородцевъ ¹⁵. Ставимъ во свидѣтели каждую карту Россiи, что рѣка Вага, выходящая изъ Важскаго болота въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губернiи, и чрезъ 426 верстъ своего потока соединяющаяся съ Сѣвѣрною Двиною, въ 292 верстахъ отъ Архангельска, струится къ сему городу не отъ востока, а съ юга. Что касается до преобразованiя *Навего* въ Новгородъ, критикъ столько убѣжденъ въ основательности своей догадки, что и къ оглавленiю трактата *о Новгородѣ въ VI вѣкѣ*, приписалъ *четвертый вѣкъ*, и такимъ образомъ уже въ другой разъ созналъ бытiе Новгорода на Волховѣ, даже при жизни Германарика.

б) Въ именахъ *Tuidi in Aunais* ясно отзывается *Аунусъ*, *Ауну-Лайкъ*, имѣ присвоенное и теперь Олончанамъ отъ Финновъ ¹⁴. Критикъ, взявъ первое слово изъ чтенiя Вулканiева, другое у Мураторiа изъ того Амбросiанскаго манускрипта, въ которомъ, по несправности его, Склавини всюду написаны *Scaveni*, прибавилъ къ сямъ именамъ собственнѣ отъ себя предлогъ *въ*, и составилъ *Туйди въ инаксунеахъ*; сдѣлалъ же это онъ единственно для

того, чтобъ рѣзче обозначить разность между Юрнандовымъ *Aunais* и Финскими, *Aunus*, *Aunuxen*.

И въ *Coldae* едва замѣтно различiе съ *Кодою* и *Колою*, мѣстами, сопредѣльными съ одной стороны *Чуди Аунусской*, съ другой Готскимъ владѣнiямъ древняго приболотническаго Рюссаланда. Критикъ полагаетъ (с. 36), что Германарику изъ такого дальняго пункта, у рѣки Колы, гдѣ еще не существовало ни селенiя, ни города, ни церкви, не возможно было бы управлять всѣми подвластными ему племенами. Но мы спросимъ критика: далѣ ли былъ Германарикъ отъ Эстовъ, или отъ устья западной Двины, когда находился у Ковды и Колы, нежели когда покорялъ Мордву (*Mordensinni*). при соединенiи Оки и Волги? И неужели критику извѣстно, что Германарикъ все свои завоеванiя производилъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ, и ни одного не совершилъ чрезъ своихъ полководцевъ?

8. Юрнандъ поступкомъ своимъ привелъ критика въ удивленiе (с. 57), ибо изъяснивъ Латинскимъ языкомъ имя *новаго города* (*nova civitas*), онъ народамъ, побѣжденнымъ отъ Германарика, оставилъ названiя мѣстныхъ.

Ученые изъявили бы признательность свою критику, если бы онъ взялъ пособить Юрнанду, и открылъ бы истинное знаменованiе именъ Еруловъ, Мордвы, Вубегентовъ, Роковъ, Тадзановъ, Атуаловъ, и проч. ¹⁵ Желательно только, чтобъ онъ толкованiя свои сопровождалъ доводами больше правдивыми, чѣмъ предъявленные имъ на происхожденiе именъ *Варяговъ*, отъ *варяго*, *Вандаловъ* отъ *wandern*, моря *Забакъ* (Азовскаго) отъ *собаки*, ¹⁶ и чтобъ предлагалъ намъ въ своихъ разысканiяхъ доказательства, вѣроятнѣе тѣхъ, на основанiи которыхъ онъ, по *осогонiи Эллино-Римской*, принесенной въ *Кiевъ*

Варягами изъ Фризии, а туда зашедшей изъ Финляндии съ купцами, прѣѣзжавшими въ Балтійское море за лѣтарею, произвелъ Владиміровыхъ идоловъ: Перуна отъ *perdo, percutio*, т. е. убиваю, поражаю, *пру*, короче отъ *Юпитера*; Велеса отъ *Бела*, царя Ассирійскаго, сына Нептунова отъ Амфитриды; Божна пѣснотворца, внука Велесова, отъ *Даная*, снабдившаго сѣверныхъ грамотеевъ буквами; Стрибога или отъ *Стреба (Strope)*, сына Неба и Земли, либо отъ *Стребіа (Stropheus)*, т. е. Меркурія, либо отъ *Стреба (Strobus)*, сына Нептунова; Зимцерлу отъ *Селеліи*, богини молніи; *Даждбога*, отъ *Тетисы*, т. е. *Θелиды*; Макоша отъ *Макарел* сына Эолова, и наконецъ отъ *Бахуса* Хорса, изъ котораго добросердечные Славяне сдѣлали коры ¹⁷. Упрекъ критика (с. 38) Юрнанду за Латинскій переводъ названія новаго города, когда будто бы географы всѣхъ вѣковъ и странъ не переслагали на свой языкъ именъ чужихъ городовъ, вовсе несправедливъ. Славянскій *Старъ-градъ* пишуть въ томъ же самомъ смыслѣ, Дитмаръ *Antiqua civitas* ¹⁸, Нѣмцы *Олденбургъ*. Предки наши давали названія Ливонскимъ городамъ по буквальному переводу: Нейгаузу — Новогородка, Осекъ-Кединиву — Солнечной руки, Одемпю — Мелвѣжей головы, Верпелю — Воробьиная, Шведской Ландскронъ — Вѣнца земли. Нашъ Оръшекъ Шведы превратили по переводу же въ Нетебергъ ¹⁹.

9. Авторъ Трактата сказалъ, что *Моизіо* значить на Финскомъ языкѣ *главное селеніе*, подразумеваемое въ Ильменскомъ городѣ *Славенъ*, и что отъ того озеро Ильмень называлось *Мойско*. Критикъ возглаголетъ (с. 39): развѣ озеро Мойско селеніе? Спросимъ же и его: развѣ озеро Ладога, древнее Нево, Одо, есть городъ Ладога? развѣ озеро Переславское, древнее Клевшино, Плещее, есть городъ Переславль? развѣ

озеро Ростовское есть городъ Ростовъ? развѣ озеро Галичское есть городъ Галичъ? ²⁰ Не должно умолчать о пропускѣ критикомъ важнаго обстоятельства, именно, что юго-восточный берегъ Ильменя, у всѣхъ поозерскихъ жителей, и теперь называется *Мойскимъ* ²¹. Стало-быть древнее извѣстіе о *Мойскѣ* не есть сказка, внесенная невѣждами въ летописи, въ XVII вѣкѣ, какъ критикъ говоритъ безъ собственнаго изслѣдованія, но повторяя лишь слова и ошибки другихъ. Къ рѣчи о *Мойскѣ*, о Чуди Аунуской и проч., онъ привлекъ (с. 37, 39, 41, 43) и Біэрнера и Миллера, хотя авторъ трактата на нихъ не ссылается, и даже не вѣдаетъ: зналъ ли Біэрнеръ наше *Мойско*?

10. Приступивъ къ разбору рѣчи, попавшихся Грекамъ во Фракіи, въ 590 году, трехъ иностранцевъ, которые на предложенные имъ вопросы отвѣчали, что они Славяне, обитающіе на отдаленнѣйшемъ концѣ западнаго океана, и которые притомъ сказали собственно о самихъ себѣ, что съ оружіемъ обходиться не умѣютъ, только играютъ на гуслихъ; не зная же войны и любя музыку, ведутъ жизнь мирную и спокойную, критикъ изъ сихъ словъ извлекъ вотъ какія заключенія (с. 42):

а) Такъ какъ три Славянина говорили Грекамъ: *тыя земля въ землѣ нашей*, то и эту фразу, по мнѣнію его, надлежало бы отнести также лично къ гуслирамъ, и въ такомъ случаѣ полагать, будто бы была тогда особая гуслирская земля.

Критикъ напрасно не присовокупилъ къ тому пзъ рѣчи гуслировъ: *наши старѣйшины, наши князья*; тогда бы гуслирская земля представилась въ полной формѣ княжества самобытнаго, какое не легко отыскать и въ сказкахъ протонародныхъ. Но если бы критикъ потрудился прочесть, по ссылкѣ

автора трактата, пояснение на текстъ Теофана Византійца, напечатанное въ 1821 году ²², безъ сомнѣнія, убѣдился бы, что отъ народа Славянскаго, который занимался бы одною музыкою, не зналъ войны и преданъ былъ миру и покою, Аварскій Ханъ не сталъ бы требовать вспомогательныхъ войскъ, да и Славяне извинялись бы предъ нимъ чрезъ своихъ пѣснопѣвцевъ, гусларовъ, не дальностію пути, а прямо неимѣніемъ оружія и совершенною неспособностію своею къ ратному дѣлу.

б) Отдаленнѣйшій *конецъ западнаго океана*, или моря Балтійскаго, мѣстопробываніе помлвутьхъ Славянъ, критикъ ставитъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ это море врѣзывается въ материкъ на востокъ Финскимъ заливомъ, частию Варяжскаго моря, пріемлющаго въ себя, по Нестору, Неву, но на югѣ, при устьяхъ Вислы, тамъ же, гдѣ по мнѣнію его, оканчивается *неизмѣримое* пространство лѣвой отрасли Карпата.

Въроятно, критикъ не хочетъ знать, что линія протяженія отъ Зунда до устьевъ Вислы содержитъ 63, а до устьевъ Невы 140 географическихъ миль.

в) Для полнаго убѣжденія въ томъ, что границы западнаго океана были дѣйствительно въ устьяхъ Вислы, критикъ говоритъ: *изъ одного пустословія трехъ Славянскихъ гусларовъ можно видѣть, что эти люди пришли изъ-за Вислы.*

Въ чемъ состояло пустословіе гусларовъ, непримѣненное Греками, и точно ли Славяне, обитавшіе на лѣвой сторонѣ Вислы, исключительно преданы были пороку болтовни — то и другое одному критику извѣстно.

И г) Авторъ Трактата сказалъ, что Ильменскіе Славяне отстояли отъ Сирміи на 1800 верстѣ, когда дальнѣйшіе изъ Славянъ, покорствовавшихъ Хану

Аварскому, находились оттуда въ 1200 верстахъ. Тутъ критикъ примѣшалъ понятія о нѣмѣцкихъ путевыхъ удобствахъ въ Россіи, и не принялъ въ соображеніе, что три Славянскіе гуслара, отправлявшіе должность посланниковъ отъ старѣйшинъ или князей своей страны, употребили 15, или 18 мѣсяцевъ не на одно достиженіе мѣстопробыванія Хана Аварскаго, а провели столько времени въ отлучкѣ изъ отчизны до дня встрѣчи своей съ Греками за Дунаемъ. Въ текстѣ Византійцевъ Теофана и Анастасія точно такой смыслъ заключается: «Octodecim (или quindecim) vero mensium — пишутъ они — iter confecisse, ac ita demum in Romanorum manus se prolapso asseverabant», т. е. «восемнадцать мѣсяцевъ путь совершали, и такъ наконецъ увидѣли себя въ рукахъ Римлянъ» ²³. Слѣдственно, гуслары включали въ эти полтора года и время задержанія ихъ Балюемъ.

Не оставимъ безъ вниманія, что въ трактатѣ о Новгородѣ критикъ просмотрѣлъ слова 18-го примѣчанія, и потому сказалъ (с. 41), будто Авторъ, говоря о гусларахъ, ссылается на Миллера. Напротивъ, Авторъ писалъ вопреки мнѣнію Миллерову, ибо этого исторіографъ думалъ, что Новгородскіе Славяне оружія тогда не имѣли, либо потому, что ни съ кѣмъ не вели морской торговли, либо потому, что сѣверные народы онаго привозить къ нимъ изъ опасенія не позволяли ²⁴.

11. Авторъ Трактата изъявилъ свое мнѣніе, что имя *Славянъ* могло родиться въ Германскомъ языкѣ изъ *сло*, *славъ*, *славанъ*: *бить*, *разить*, по буквальному переводу народнаго имени *Боевъ*, удерживающагося издревле доселѣ на королевствахъ Боемскомъ и Боіарскомъ, просто Баварскомъ. Критику эта догадка не понравилась (с. 44, 45), и онъ, ука-

завши на одни Нѣмецкія рѣченія *шлагъ*, *шлагенъ*, не заглажуль, по ссылкѣ автора трактата, въ Словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій²⁸; тамъ нашель бы до десятка *сло*, *сло*, *слагъ*, *слаганъ*, и другихъ однознаменательныхъ словъ, у Нижне-Германцевъ, у Голландцевъ, Датчанъ, Готовъ, Шведовъ, Исландцевъ; въ каждой же географической учебной книгѣ усмотрѣль бы, что къ Германскому племени принадлежатъ не одни Нѣмцы, но Бранденбургцы, Датчане, Шведы, Норвежцы, Голландцы, Англичане и др., а въ Уфимовомъ переложеніи на Готскій языкъ Св. Писанія могъ бы видѣть, что Готскія слова: *sla*, *slahan*, *slah*, значили и въ IV вѣкѣ *verberare*, *pulsare*, *ictus*: *бить*, *ударять*, *ударъ*²⁹. Авторъ Трактата говорить о переводѣ Славянскаго имени *Босвъ* на Германскія *сло*, *слагъ*, ибо и у Лутипранда Лонгобарда Славяне написаны *Schlawi*²⁷, критикъ же объявляетъ (с. 44), что въ словопроизводствѣ *бой* и *слагъ* нѣтъ даже ни одной общей буквы. Да развѣ рѣчь идетъ о буквахъ, а не о значеніи именъ? Въ словахъ *antiqua civitas*, въ *Олденбургъ*, въ *Старградъ* также нѣтъ общихъ звуковъ, тѣмъ не меньше, мы подъ сими названіями понимаемъ одинъ и тотъ же городъ, какъ знаемъ Константинополь въ именихъ Византіи, Царьграда, Стамбула. Если справедливо, что имя шляхтичей Польскихъ родилось отъ Нѣмецкаго *шлагъ*, *шлахтенъ*, въ смыслѣ *витязей*, *бойцовъ*, то и нравственное имя *Босвъ* въ языкѣ Германцевъ, узнавшихъ точное значеніе сего слова, удобно могло превратиться въ *Слосенъ*, *Слаолинь*, *Словаковъ*, особливо тогда, какъ Венды и Анты, повиновавшіеся въ IV вѣкѣ Германарику, послѣ свирѣпствовали повсюду²⁸. Здѣсь не мѣсто излагать причины, побуждающія насъ, въ согласіи со

многими другими писателями, вѣрить, что *Бои* были народъ истинно Славянскій²⁹.

12. На сказаніе автора трактата, что и на Лопарскомъ языкѣ слово *словеть* значить *бить*, *разить*, критикъ, замѣтивъ (с. 46), что Лапландцы суть поколѣніе Финновъ, а Финны Славянъ Новгородскихъ называютъ *Венегайнами*, присовокупилъ: *и здѣсь Байеръ и Миллеръ* кажется ошиблись. До Байера и Миллера это дѣло вовсе не касалось: они не писали ни о Лопарскомъ словѣ *словеть*, ни о переводѣ въ Славянъ имени Босвъ. Финны зовутъ *Венне*, *Вене-лайнми* не однихъ Новгородцевъ, но всѣхъ вообще Славяно-Руссовъ; Лопари же называютъ насъ *Karjel*³⁰, по имени ближайшихъ къ нимъ жительствовавшихъ своимъ *Карьяловъ*, или *Кареловъ*, древнѣйшихъ подданныхъ Новгородскихъ.

13. Не признавая въ Датчанахъ, Шведахъ, Норвежцахъ происхожденія Германскаго, критикъ не соглашается допустить ихъ, равно и прочихъ Нордмановъ, въ родство съ Готскимъ народомъ, ставя насъ въ совершенное недоумѣніе, къ какому племени слѣдуетъ причислить Скандинавцевъ, а дабы отдѣлить глубокою гранью Готовъ отъ Нордмановъ, критикъ водворляетъ остатки древнихъ *Остро-готововъ* и *Вестро-готововъ* на Балтійскомъ островѣ Готландѣ³¹, который имѣетъ длины 130 и средней широты около 50 верстъ, и занимаетъ нынѣ 25-тью тысячами Гутовъ (*Gutas*)³². Критикъ забылъ взглянуть на карту на твердую землю Шведскаго государства; тамъ усмотрѣль бы пространныя области *Остерьготландъ* и *Вестерьготландъ*, составлявшія некогда въ предѣлахъ Швеціи особое *Готское* королевство, извѣстное Адаму Бременскому³³, раздѣлявшееся на *Остроготію* и *Вестерготію*.

И 14. Изложивъ такимъ образомъ замѣчанія наши

на каждое возраженіе критика противъ трактата о Новгородѣ, взглянемъ слегка и на нѣкоторые другія, изданныя критикомъ толкованія разныхъ именъ и словъ, какъ на открытія, относящіяся къ объясненію древностей Россійскихъ.

а) Онъ написалъ (с. 45), что отъ имени *Баварцевъ* ведутъ свое названіе наши *болгары*. Имя Баваринъ, древней Норикъ, дѣйствительно происходитъ отъ *Boioarii* и заключаетъ въ себѣ слово *бой*, сопряженное съ словами: *арь, мужъ, ари, народъ*, употреблявшимися въ Славянскомъ языкѣ въ именахъ: *господарь, главарь, вратарь, ключарь*, и проч. Но какъ нельзя быть боярами, или господами, всѣмъ словесіямъ государства, то въ послѣднемъ слогѣ слова *болгарь*, безъ сомнѣнія, кроется Сербское слово *лра*, Чехское *гару*, соответствующее Латинскому *calor: пыкость, бодрость, рвеніе*, и наше *лрый* ⁵⁴. Титло *Краля*, которое признаваемо было равносильнымъ Греческому *Василеа* ⁵⁵, Френцелій выводитъ отъ *kerl: герой, мужественный, острый, великодушный*; Антонъ отъ *кары, казни*; нѣкоторые отъ *короны*; другіе отъ *Карла Великаго*; иные отъ древне-Германскаго слова *charal: начальникъ семьи* ⁵⁶, а въ статьѣ: *Низто къ слогу о полку Игоря*, сказано, что Славянское титло *краль* знаменуетъ *владыку страны*, будучи составлено сокращенно изъ *край: страна*, и изъ *ладо: влада, влада, власть* ⁵⁷; также какъ это послѣднее слово отзывается въ томъ же смыслѣ въ титлѣ *бой-ладовъ: военачальниковъ, вельможъ* Булгарскихъ ⁵⁸; и *би-ладовъ* Лезгинскихъ, *предводителіи* толпъ вооруженныхъ, пускающихся на военныя предпріятія, или на добычу ⁵⁹; но критикъ о словѣ *король* имѣетъ особенное мнѣніе: онъ производитъ *королл* отъ *карлы*, малорослаго челоуѣка, какъ бы въ противоположность имени *Людоежка*, которое изъ

дателямъ Тревусскаго словаря угодно было образовать изъ Славянскихъ реченій, *людь: народъ, вышь: высокій, превосходный* ⁴⁰.

б) Возражая сочинителю трактата о *кожаныхъ деньгахъ*, признававшему Германскую металлическую монету *брактеаты* въ нашихъ *бретляницахъ*, упоминаемымъ по лѣтописямъ въ XIII вѣкѣ, критикъ объявилъ, что у насъ подъ *бретляницами* разумѣлись *дорогія узорныя: золотыя и позолоченныя вещи, золотокованныя одежды и другія украшенія, принадлежащія къ нарядамъ* ⁴¹. Напротивъ, при внимательномъ чтеніи тѣхъ строкъ лѣтописи, въ которыхъ говорится о *бретляницахъ*, оказывается, что это Сербскія *брашьянци* ⁴², наши кладовыя съ *брашноу*, хлѣбомъ.

И в) для направленія мысли читателей своихъ на дружную связь мнимыхъ Славяно-Руссо-Варяговъ юго-Балтійскихъ съ тѣми Франками, у которыхъ имя *Рюрикъ* было будто бы столь же обыкновенно, какъ у насъ *Василы* и *Иваны* ⁴³, критику показали предметами Славяно-Русскими, предлагаемые Птоломеемъ въ Аквитаніи, между рѣки Гароны и Пиринеевъ, народъ Рутаны, и тамъ же у Веллауновъ городъ Руесей; у Лемовитовъ городъ Ратіастъ, и въ сосѣдней Нарбоннѣ рѣки Русціонъ и Русцинь съ городомъ того же имени. Въ доказательство принадлежности сихъ странъ Славянамъ, критикъ говорить, что былъ тамъ городъ *Алесіа*, названный отъ *льса*; была рѣка *Сула*, сходная съ нашею *Сулою*; была страна *Таруса* (Taruseum), родственная нашему городу *Тарусъ*; была страна *Петрогорія* (Petrosoria), нынѣшній Перигордъ, составленная изъ *Петра* и *горы*, либо изъ *горл*; была рѣка *Дубъ* (Dubis) отъ дерева *дуба*; кромѣ же того въ Аквитаніи и мечъ назывался *кортъ*, когда у Славянъ Дунайскихъ и

Т. V. — Отд. III. 5

Русскихъ употребляется *кортикъ* ⁴⁴. Можно ли не убедиться такими доводами! Не достаетъ превращенія рѣки Сены въ наше *слно*, въ нашу *спль*, а рѣки Оби въ нашу Сибирскую *Обь*, и т. п. Но на основаніи подобнаго толкованія не трудно весь свѣтъ превратить въ міръ Славянскій. Такъ Птолемеевы рѣки и города будутъ означать: въ Африкѣ, гдѣ и теперь стоитъ у морскаго берега, противоположнаго г. Константины, селеніе *Себда-Русъ*, на мѣстѣ древней Русикады: *Vendina*-бѣдина, *Stoborum*, стоборъ, *Vol*, вошь; въ Аравіи: *Savana*-кабанъ, *Draga*-драгой, *Gorda*-гордый или городъ, *Lugana*-Луганъ, или луговал, *Mallada*-молода, *Naregus*-набѣгъ, *Sarcoa*-жаркій; въ Индіи: *Valeccuti*-бѣлый кутъ, *Catabeda*-кати бѣда, *Cattigara*-кати-горе, *Mordi*-морда, *Nagadibi*-нога-дыба, *Poduce*-падучій, *Rhizaba*-рычагъ, *Sada*-садъ, *Sapolus*-заполье, *Thagora*-та-гора, *Zaba*-жаба, и проч., и проч. Критикъ призналъ равномѣрно за Славянскія же волости, состоявшія въ IX вѣкѣ въ государствѣ Франковъ: *Блезихову* (*Blesitchowa*), *Албехову* (*Albertchowa*) и *Базилхову* (*Basalchowa*), посылшавъ въ *хова* Русскій звукъ ⁴⁵. Никто не споритъ, что завоеванія Карла Великаго и нѣкоторыхъ преемниковъ его простирались до Эльбы, до Славянъ Юго-Балтійскихъ; за всѣмъ-тѣмъ, слово *хова*, означая по ближайшей вѣроятности Германскій *hoff*-*дворъ*, столько же можетъ быть Славянскимъ, сколько Нѣмецкіе *Stadt*, *borg* походятъ на наши *стадо*, *боръ*, сколько Нѣмецкія волости *Solodero* на *солодерно*, *Ripnagi* на *рыбваровъ* и т. п. Съ тѣмъ же намѣреніемъ критикъ напечаталъ еще и *Словарь 166-ти Русскихъ протонародныхъ рчленій, находившихся въ древнемъ языкѣ Франковъ* ⁴⁶. Въ этомъ Словарѣ открывается много также словъ, какихъ не встрѣтимъ ни въ одной древней Славянской лето-

писи, и не услышимъ ни въ бабьихъ сказкахъ, ни въ разговорѣ степныхъ крестьянъ нашихъ, даже не найдемъ ничего похожаго и въ Словарѣ ближайшихъ къ Франкамъ Славянъ юго-Балтійскихъ, отысканномъ въ Ганноверскихъ владѣніяхъ графомъ I. Потоцкимъ ⁴⁷; а тамъ подобныя слова могли бы удержаться и сообщиться Франкамъ тогда, какъ Карлъ Великій и преемники его имѣли верховное господство надъ Оботритами и другими юго-Балтійскими Славянами ⁴⁸, безъ всякаго впрочемъ вліянія на Кривичей и Новгородцевъ. Возьмемъ для образца одинъ десятокъ древнихъ Франкскихъ словъ:

- Achit*. По толкованію критика значить *больной*. Неизвѣстно только отъ ахъ, ахъ! или отъ охъ, охъ!
- Ваег*. Значить разинуть ротъ, *баить*. Разъваютъ ротъ гораздо шире при зѣваньи, при смѣхѣ, чѣмъ въ разговорѣ.
- Vasma*. Зн. *бальзамъ*. У насъ *басма* слово Татарское: изображеніе, или отпечатокъ человѣческаго лица, а *пасма*, клочекъ пряжи.
- Braimo*. Зн. у Франковъ *безплодность*, у насъ *беременность*. Развѣ это все равно?
- Carestie*. Зн. корыстный: *скряга*, *скупецъ*. Знаемъ слово *корысть*, въ смыслѣ добычи, прибыли, выгоды, пользы, но въ смыслѣ скряги, скунца, никогда не слыхали.
- Couniou*. Зн. куна: *кроликъ*. Но можно ли кролика превратить въ куну, кунцу?
- Japper*. Зн. *кричать по сабагги, злпать*. Собаки не кричатъ, а лаютъ, брешутъ, воютъ. Знакомо намъ слово *зыкнутьъ*, за-

кричать громко, но оно ни мало не походит на *злпать*.

Pusso. Зн. пузо: *соски, титьки*.

Въ нашемъ языкѣ *пузо* брюхо, чрево, а не женскія груди.

Trepas. Зн. трепать: *скакать, плясать, топать носами*. Говорится у насъ *трепать лень, пеньку* и проч.; *трепать по плечу*. Вероятно критикъ вспомнилъ *трепака*, особый родъ пляски Малороссійской, вовсе непохожей на Французскіе танцы.

Treuche. Зн. грѣкнуть: *остановить сраженіе*.

Такого слова не знаемъ мы ни въ какомъ смыслѣ. Знакъ, подаваемый къ прекращенію битвы, называется *отбой*....

Карамзинъ нашелъ больше 250 Греческихъ и Латинскихъ словъ, совершенно однозначительныхъ съ Славянскими ⁴⁹. Если нѣкоторые изъ нихъ попадаютъ и во Французскомъ, тому нечего удивляться: Французскій языкъ есть чадо Латинскаго. Даже и въ Санскритскомъ набралось Славянскихъ словъ 122 по тому *словарику*, который критикомъ переведенъ съ Французскаго языка и изданъ въ 1852 году ⁵⁰.

Въ 1836 году напечатанъ въ Москвѣ трактатъ подъ заглавіемъ: *Скандинавоманія и ея поклонники, или столѣтній изысканія о Варягахъ* ⁵¹. Какъ въ этомъ сочиненіи занимаетъ важное мѣсто текстъ Юрнандовъ о *Склавинахъ и оновомъ городѣ*, то мы сдѣлали бы непростительное упущеніе, если бъ оставили безъ разбора сужденія автора объ этихъ двухъ предметахъ; тогда въ самомъ дѣлѣ могла бы падать

тѣмъ сомнѣнія на бѣгѣ Славянъ и Новгорода въ VI столѣтіи у Ильмена.

Мысли сочинителя Скандинавоманіи состоятъ въ томъ:

1. Что жители Стирїи всегда отличали себя отъ прочихъ Славянскихъ племенъ именемъ Словенцевъ. Эти Стирїйцы находились въ подданствѣ Римлянъ со времени, какъ Ретія и Паннонія присоединены къ Италіи въ царствованіе Августа. Римляне назвали Стирїю Ретїею, переведи буквально имя *Словенцевъ* на Греческія *ритомъ—слово, ритомъ—словесный, ритомъ—словесникъ*. Такъ и *Херуски* (Cherusci), обитавшіе между Везеромъ и Эльбою, упоминаемые въ Запискахъ Юлія Цезаря, означаютъ *Сербовъ*, получивъ имя сіе отъ Римскаго слова *servus—рабъ*.

2. Прокопій и Юрнандъ были первые, которые назвали *Склавинами* прѣмо Ретїанъ, или Панноновъ. Когда Прокопій пишетъ, что Славяне занимаютъ значительное пространство *той* стороны Дуная, онъ разуметь не лѣвый, а правый берегъ сей рѣки въ Венгріи и Австріи; иначе Прокопія растолковать не можно. Равнымъ образомъ и Антовъ, ни Прокопій, ни Юрнандъ не ставятъ въ Молдавіи и Валахіи, ибо тамъ мѣста *отгасты* безводны и безлѣсны.

3. Византїйцы употребляли имя Славянъ тогда только, когда хотѣли говорить, или о жителяхъ Далмаціи, Славоніи и Истрии, или о частяхъ Венгріи и Стирїи, занимающихъ правую сторону Дуная. Слово *Славяне* означало въ понятїи Грековъ преимущественно Стирїйцевъ, т. е. Ретїйцевъ.

И 4. Юрнандъ, написавъ: «Словенцы съ юга отъ города Новы и озера Мурзскаго простираются къ Днѣстру, а прѣмо къ сѣверу до Вислы», разумѣлъ также Словенцевъ Ретїйскихъ. И хотя они никогда къ Вислѣ не примыкали, и даже не переходили на

лѣвую сторону Дуная, однако Иорнандъ, сказавъ, что Словенцы простираются на сѣверъ къ Вислѣ, т. е. къ источникамъ сей рѣки, довольно вѣрно выразилъ *настолице* положеніе; слова же его: *простираются къ Днѣстру*, принять можно только за указаніе ихъ направленія, или Днѣстромъ названъ Дунай, по опечаткѣ.

Да, позволить авторъ Скандинавоманіи предложить ему слѣдующія замѣчанія:

а) Цилиій и Юстинъ знали Ретійцевъ за поколѣніе Тусковъ Этрурскихъ, которое, бывъ удалено Галлами изъ своей отчизны, поселилось въ Альпахъ и получило имя свое отъ вожди Рета (Rhaeto). Титъ Ливій, писавшій раньше присоединенія къ Италиі Стірію, называетъ ее Ретією; Шпрехеръ въ особливомъ сочиненіи о Ретіи представилъ доказательства, что сія страна за нѣсколько вѣковъ до Р. X. носила это имя⁸². Оно распространяемо было иногда и на сосѣднюю Винделикію; но чтобы Римляне звали Ретійцами Паннонцевъ, на это нѣтъ доказательствъ.

б) Имя Ретіи Римляне писали Rhaetia, Rhetia, Raetia, Raetia, Греки *Ραιτική*⁸³. Слѣдственно о происхожденіи сего имени отъ Греческаго *ρητος*, отъ котораго Римляне взяли своихъ реторовъ, есть догадка не болѣе удачная, какъ и превращеніе Сербовъ сперва въ Херуски, потомъ въ Шверски, наконецъ въ *servi*—рабы. Удобнѣе было бы искать имени Ретіи въ Славянской *рѣчи*, какъ синонимъ слова, издающей согласный съ Латинскою *Рецією* звукъ, и такое гаданіе подкрѣпилось бы мнѣніемъ другаго писателя нашего, который называл Несторовыхъ *Нориковъ*, *Норцевъ*, по Лаврентьевскому списку *Наричицъ*, источникъ сего имени открылъ въ словъ *реци*, составилъ изъ *Нарцевъ Наричителей*, *Наименова-*

телей, и призналъ въ этихъ именахъ тотъ же народный смыслъ о первоначальномъ достоинствѣ челоука, какой заключаютъ въ себѣ имена *Словениць*, *Словенець*, *Словакъ*, т. е. онъ однихъ Словенъ почитаетъ *глаголивыми*, не предвидя, что *нѣмые*, или Нѣмцы, могутъ противопоставить имъ рѣченіе *slawan*, которое въ Готской Улфиновой Библии значить *молчать*⁸⁴. Но странно, что Римляне, переимѣнивъ свое географическое названіе *Стірію* (Stiria), означающее *ледяныя сосульки*, въ Греческихъ *Словесниковъ*, а Сербовъ преобразовавъ въ Латинскіе *рабы*, Истрію, Далматію, Паннонію, Норіку оставили при собственныхъ ихъ именахъ, и даже обитателямъ верхней Мисіи не давали имени Ретійцевъ, хотя у Мислянъ стоялъ при Дунаѣ городъ Rhetiarua, Rhetiarua, Rhetaria Mysorum⁸⁵.

в) Въ сочиненіяхъ Прокопія Ретіи мы не находимъ; но эту Ретію (Rhetia) знали Иорнандъ въ VI⁸⁶, и діаконъ Павелъ Варнефридъ въ концѣ VIII вѣка. Въ книгѣ послѣднѣго есть Ретія (Rhetia) первая, Ретія вторая и городъ Ретійцевъ⁸⁷; однако ни Иорнандъ, ни Варнефридъ тамошнихъ обитателей не называютъ Славянами, именемъ, которое обоемъ имъ было весьма извѣстно.

г) Въмѣсто того, чтобы держаться одного VI столѣтія, въ которомъ писали о Славянахъ Прокопіи и Иорнандъ, Авторъ Скандинавоманіи связываетъ оное не только съ послѣдовавшими временами, но и съ нашимъ вѣкомъ, въ томъ случаѣ, когда говорить, что до Карла Великаго Словенцы населяли все Австрійское герцогство, и что *теперь* Словаки, начинаясь отъ Песта, простираются къ сѣверо-востоку до Карпата. Не станемъ повторять, что раньше переселенія знатной части Сербовъ и Хорватовъ, въ VII вѣкѣ, съ лѣваго на правый берегъ Дуная, ими

Славянь, или Словенъ, не было обращено ни отъ Византійцевъ, ни отъ Западныхъ писателей ни на кого изъ постоянныхъ обитателей правой стороны Дуная. Если Нѣмцы называютъ Стирійскихъ Словенцевъ *Winden*⁸⁸, это имя относится собственно до жителей древней *Винде-микии*, части Илирика, соединенной Римлянами съ Ретією въ одну провинцію, отдѣлявшейся отъ настоящей Ретіи рѣкою *Ликоль*⁸⁹ (Дехъ).

а) Прокопій и Юрнандъ такъ ясно, такъ опредѣлительно показываютъ жилища Славянъ и Антовъ на лѣвой сторонѣ Дуная, между прочими мѣстами и въ *линоводной, степи избыточной* Молдо-Влахіи, что это ни малѣйшему прерѣканію подлежать не можетъ. Довольно прочесть Прокопіеву книгу о Готической войнѣ, дабы увѣриться совершенно, что Славяне и Анты всегда съ *восточныхъ* береговъ Дуная производили свои на имперію набѣги. И если Прокопій, писавшій въ ея предѣлахъ, сказалъ, въ одномъ случаѣ: *Slaveni et Antæ... transfuivium Istrum non procul a ripa sedes patrias habent*, т. е. «Славяне и Анты за рѣкою Истромъ, не далеко отъ берега, отечественныя жилища имѣютъ», и въ другомъ: *Slaveni et Anti, ulterioris ripæ Istri partem maximam habent*, т. е. «Славяне и Анты значную часть берега той стороны имѣютъ»,⁹⁰ неужели онъ могъ *подъ тою стороною* воображать *правый* берегъ Дуная?

е Въ переводѣ на Русскій языкъ Юрнандова текста *о новомъ городѣ*, Авторъ Скандинавоманіи выбросилъ и *Склавинъ Румунскій*, и предлогъ *usque*, т. е. *даже до*; за то прибавилъ *югъ*, и назвавъ *новымъ городомъ* Птоломеевъ *Новы* (Ножи), поставилъ его въ *Панноніи южной*. Подобными измѣненіями и е трудно каждой фразѣ дать такой смыслъ, какой угодн о. Птоломеевъ городъ (Ноуж) находился весьма

далеко отъ предѣловъ Ретіи; онъ стоялъ въ *Нижней Мисии*, при Дунаѣ, между Рушчука и Систова, и Авторъ Скандинавоманіи перенесъ его на Птоломеевъ Паннонскій *Novidunum* только для того, чтобъ Паннонію приставить въ непосредственную смежность къ Ретіи, когда ихъ пересѣкала Норика на протяженіи болѣе 300 верстъ⁹¹. Положимъ, что у Птолемея *Novæ* и *Novi* точно значатъ *новый*, и могутъ замѣнять Юрнандовъ *civitas nova*, но слѣдовало ли предполагать притомъ опечатку въ названіи Днѣстромъ Дуная? Неужели Юрнандъ рѣшился бы написать, что Славяне отъ *Новы*, стоящаго на самомъ берегу *Дуная*, просирикаются даже до *Дуная*? Если, по самому сказанію Автора Скандинавоманіи, Ретійцы не переходили никогда на лѣвую сторону Дуная, въ такомъ случаѣ не было и надобности говорить о *направленіи* водвореній ихъ къ рѣкамъ Вислѣ и Днѣстру, протекающимъ въ чужой и дальней сторонѣ, а если бы нужно было почему либо указать на большія рѣки, для этого годились больше близкія къ Ретіи Эльба и Одеръ.

и ж) Авторъ Скандинавоманіи, утверждая еще съ 1829 года⁹², что имя *Словене* есть видовое, принадлежавшее исключительно *Ретійцамъ*, а имя *Славяне* есть общее всемъ племенамъ того же народа, присовокупляетъ къ тому, что и Несторъ, говоря о Дунайскихъ *Словенахъ*, разумѣлъ только тѣхъ *Словенъ*, которые обитали въ Ретіи, Карніи, Норикѣ и Панноніи, отъ вершинъ Дуная внизъ до рѣки Дравы, или до Бѣлграда Сербскаго, ибо во Фракіи, Македоніи, Сербіи, Булгаріи, Молдавіи и Валахіи Словене водвореній своихъ еще не имѣли въ показанную Несторомъ эпоху. Но мы читаемъ у Нестора: «По мнозѣхъ же временехъ (послѣ Вавилонскаго смѣшенія языковъ) сѣли суть Словене по Дунае-

ви, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и *Булгарска*⁶³, а отъ Византійцевъ знаемъ, что въ Несторовъ вѣкъ *Булгары*, соединенно съ другими семью поколѣніями Славянъ Нижне-Мисійскихъ, занимали земли, прилегающія къ берегамъ Черноморскимъ отъ Дуная до Балкана⁶⁴.

И. В.

- ¹ De originibus Slavicis T. III, 157; Муратори Т. I, 194.
² Иорнандъ гл. 5.
³ Муратори Т. I, 194.
⁴ Извѣстія Визант. историковъ, ч. I, о Славнахъ.
⁵ Страбонъ кн. 7, гл. 9; Иорнандъ гл. 22. Агаомеръ говоритъ, что Дунай принимаетъ имя Истра внизъ отъ Вицдобоны (Geographia Antiqua, стр. 222).
⁶ Бюшингъ, въ королевствѣ Венгерскомъ, во введеніи стр. 13, и въ текстѣ, стр. 135—138.
⁷ Птоломей кн. 2, гл. II; Меркаторовы карты Европы IV и VIII.
⁸ Птоломей кн. 3, гл. 10.
⁹ Вульфстанъ у Лангебека, Т. II, 119; Байера Oruscula, стр. 266.
¹⁰ Птоломей кн. 3 гл. 5 и Меркаторова IV карта Европы.
¹¹ Иорнандъ гл. 5 и 48.
¹² Акты Археографич. Экспедиціи I, 197, 250, II, 75, IV, 351.
¹³ Московскій Наблюдатель, 1836 г. N 15, стр. 299.
¹⁴ Финскій Лексиконъ Ренвала.
¹⁵ Иорнандъ, гл. 23.
¹⁶ О Сагахъ, стр. 60.
¹⁷ Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ.
¹⁸ Дитмаръ, стр. 2.
¹⁹ Карамзинъ, въ мѣстахъ, показанныхъ въ Ключѣ къ Ист. Госуд. Россійск.
²⁰ Карамз. III, примѣч. 45 и 140; Акты Археограф. Эспед. I, 115, IV, 282.
²¹ Разговоры о древностяхъ Новгорода, стр. 9.
²² Въ статьѣ Ничто къ слову о полку Игоря, въ Вѣстн. Европы 1821 г. N 22 стр. 114, 115.
²³ Мемог. popul. II, 54.
²⁴ Миллеръ О народахъ издревле въ Россіи обитавш., въ статьѣ о Славнахъ.
²⁵ Т. IV, стр. 73—75.
²⁶ Біурнеръ De Viregis, стр. 141; Analecta Vrbphiliiana, Унсала, 1767, стр. 88.
²⁷ Муратори Т. II, 481.

- ²⁸ Иорнандъ De rebus Geticis, гл. 25, и De Regnorum ac temporum successione, стр. 50; Извѣстія Визант. историковъ 1, 3, 4.
²⁹ Епей Сильвій, Крацій, Странскій, Марипгола, Дубравій, Лаубе, Суровецкій, и др.
³⁰ Specimen Historicum de vetere Carelia, соч. профессора Габріэля Рейна, Або, 1825 г., стр. 25; Библиографическіе листы Кеппена N 22, стр. 304.
³¹ О Сагахъ, стр. 73, 74.
³² Лексиконъ Энциклопедическій.
³³ Адамъ Бременск. De situ Daniae, стр. 60.
³⁴ Сербскій Рѣчникъ Вука Стефановича, и Богемскій Лексик. Палковича. Есть писатели, которые производятъ Болръ отъ *boii aeg*, имъющихъ воловъ, и отъ *Boavin*, волопасцевъ (Телескопъ 1833 г., N 8, стр. 499). Имя *Болръ*, написанное въ Сборникѣ 1073 года (Карамз. I, примѣч. 167), могло составиться изъ *болій* и *аръ*, какъ и *сельможа* изъ *селій* и *мужь*.
³⁵ Мемог. popul. II, 247.
³⁶ Вестфаленъ II, 2407; Карамз. I, 76 и примѣч. 172; Ученыя Записки Казан. Универс. 1854 г. книжка I, въ статьѣ: о происхожденіи слова *тлать*.
³⁷ Вѣстн. Евр. 1821 г. N 21, стр. 36.
³⁸ Мемог. Popul. II, 461, 825.
³⁹ Обзоръ Исторіи Грузинск. народа, соч. Царевича Вахтанга, стр. 75.
⁴⁰ Опытъ о кожаныхъ деньгахъ стр. 81, 82; о Сагахъ, стр. 90.
⁴¹ Опытъ о кожан. деньгахъ, стр. 14, 69.
⁴² Сербскій Рѣчникъ.
⁴³ Сынъ Отеч. 1857 г. N 17 стр. 94.
⁴⁴ Историч. разысканіе о дочеряхъ Ярослава, стр. 7, 8, 18; Сынъ Отеч. 1824 г. N 46, стр. 245—247.
⁴⁵ О Сагахъ стр. 55; Муратори II, 535.
⁴⁶ Опытъ о кожан. деньгахъ, стр. 72, 92.
⁴⁷ Журналъ Воспоминанія NN 5, 6, 8.
⁴⁸ Муратори II, 505.
⁴⁹ Карамз. I, прим. 246.
⁵⁰ Журн. Воспомин. N 2, стр. 72.
⁵¹ Москов. Наблюдатель 1856 г. № 45.
⁵² Плиній, кн. 3, гл. 24; Юстинъ, кн. 20, гл. 8; Титъ Ливій, кн. 5. § 35; Евтропій кн. 7, гл. 5; Светоній въ житіи Октавіана Августа, гл. 21; Sprecheri Rhetia, Лейденъ, 1635 г., стр. 23, 500.
⁵³ Птоломей кн. 3, гл. 9; Агаомеръ, стр. 222; Стефанъ Византійскій; Мемог. Popul. IV. 497.
⁵⁴ Въ книгѣ: Откуда идетъ Русская земля, стр. 132; Analecta Ulphiliana, стр. 161.
⁵⁵ Птоломей кн. 3, гл. 9.

⁸⁶ Горианд De Regnorum ac temporum successione, стр. 109; Муратори I, 256.

⁸⁷ Муратори I, 452, 498.

⁸⁸ Библиограф. листы Кеппена N. 18, стр. 255.

⁸⁹ Птоломей кн. 2, гл. 12, 13; Sprecheri Rhetia, стр. 33, 39.

⁹⁰ Муратори I, 271, 315.

⁹¹ Страбонъ, кн. 4, гл. 6; Птоломей кн. 3, гл. 10.

⁹² Въ книгѣ: Древніе и нынѣшніе Болгаре, стр. 27, 43, 51, 65, 240.

⁹³ Лаврент. си. стр. 5.

⁹⁴ Извѣстія Визант. Историк. Ч. IV, 4, 6.

ОБЪ АНГЛІЙСКОЙ БУМАЖНОЙ ФАБРИКАЦІИ, БАНКАХЪ И ПРИЧИНАХЪ ТОРГОВАГО ПЕРЕВОРОТА ВЪ АНГЛІИ И АМЕРИКѢ ВЪ 1836 ГОДУ *.

I.

Истина не нова, что государства мануфактурами и торговлею приобретаютъ огромную силу и богатства, тогда, какъ по небольшому объему ихъ земли и физическимъ неудобствамъ, казалось бы нечего о томъ и думать. Дѣятельность общественная и торговая всегда были плодородною почвою силы и богатства, даже среди болотъ и лагунъ, на скалистыхъ островахъ и въ пещаныхъ пустыняхъ, и великолѣпное зданіе народной славы поднималось высоко изъ нихъ на удивленіе современниковъ.

Безспорно, современное намъ коммерческое возвышеніе Англіи выше всякаго историческаго срав-

* Подъ симъ заглавіемъ соединяемъ мы три статьи, взятые изъ Англійскихъ журналовъ. Любопытно и необходимо знать, что говорятъ Англичане о *практическихъ вопросахъ* нашего времени, которое столь добродушно называетъ себя *индустріальнымъ*. Разница въ подробностяхъ мнѣній, которую могутъ замѣтить читатели сихъ статей, происходитъ отъ того, что первая изъ нихъ взята изъ the British-and-Foreign Review, а двѣ другія изъ the Edinburgh Review. Отгѣлки партій производятъ различіе дробей, при единствѣ основной мысли. Тамъ любопытнае для насъ. Пр. Пер.

ненія. Обширна была торговля Нидерландовъ и Итальянскихъ республикъ на сунгъ и на морь, но далеко ниже современной Англійской торговли. Британская торговля, въ буквальномъ смыслѣ, всемирна. Она не ограничивается Европою и нѣсколькими колоніями; она оживляетъ промышленность всѣхъ земель, обнимаетъ порты и рѣки обоихъ полушарій, разсылаетъ произведенія Британскихъ фабрикъ ко всѣмъ народамъ, дикимъ и образованнымъ, и перекрестными путями исчерчивая моря и Океанъ, приносить на Темзу, Мерзи, Севернъ, Клейду и Гумберъ самые драгоценные грузы.

Вмѣстѣ съ богатствомъ увеличилось и могущество Англій. Двадцатилѣтняя война, поджигаемая силою ума-исполниа, раскрыла источники Британскаго государства выше всѣхъ ожиданій друзей и недруговъ. Истощеніе финансовъ на пособія столь многимъ правительствамъ, на морскія и сухопутныя вооруженія, раззорило бы всякое другое государство, гораздо прежде окончанія войны. Конечно, тяжело было Англій, но никогда не доходила она до крайняго истощенія; напротивъ, промышленность ея разцвѣтала среди самыхъ напряженныхъ усилій правительства. Хотя обширнѣйшіе планы были выполнены на счетъ народнаго капитала, за всѣмъ тѣмъ они отвѣчали требованіямъ расширявшейся торговли и совершенствовавшагося земледѣлія. Въшняя торговля расла при континентальной системѣ, и подъ гнетомъ ея гоненій пускала новыя, прежде невѣдомыя отрасли. Британскіе товары находили себѣ дорогу сквозь всѣ политическія и коммерческія преграды. Съ наступленіемъ мира торговли Британская пошла еще быстрѣе. Величайшее зло — упадокъ курса, исправлено, конечно, не безъ раззоренія нѣсколькихъ частныхъ лицъ, и не безъ отягощенія

тѣхъ, которые въ періодѣ упадка вошли въ обязательства, но и безъ важныхъ потерь. Мануфактуры быстро развивались, безпрестанно увеличивая число рукъ, при ежедневномъ улучшеніи своего производства, такъ, что для одного и того же дѣла требовалось уже меньше человѣческой работы. Съ этого времени всѣ отрасли мануфактуръ стали восходить въ Англій на величайшую степень благосостоянія. Торговля Англичанъ восторжествовала надъ всѣми мирными соперницами, такъ же, какъ она была выше всѣхъ притѣсеній войны; она шла впередъ, расширялась, укрѣплялась, вопреки чужестраннымъ тарифамъ и быстрымъ успѣхамъ иностранныхъ мануфактуръ. Средства занятій и содержанія шли рядомъ съ приращеніемъ населенія, и обширные мануфактурные города, не только давали работу своимъ собственнымъ жителямъ, но и множеству людей изъ земледѣльческихъ округовъ. Доходы удовлетворяли государственныхъ кредиторовъ и общественную службу, даже и послѣ уничтоженія налоговъ въ нѣсколько милліоновъ. И еще недавно, удивленные Европейскія державы были свидѣтелями великаго финансовато оборота — погашенія двадцати милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и совершенной легкости, съ какою сія сумма была внесена.

Быстрое расширеніе и прочное учрежденіе Британской торговли, съ половины прошлаго столѣтія, указываетъ на какое-то *новое начало* (new principle) коммерческаго благосостоянія. Мы найдемъ это начало, изучивъ особое свойство торговли Англичанъ. Она не заключается, какъ нѣкогда у Голландцевъ и Венеціанъ, единственно въ обмѣнъ товаровъ, привозимыхъ изъ разныхъ земель, или въ отпускъ земледѣльческихъ произведеній, какъ во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Англій, конечно, огромное *сгла-*

дожное льсто, особливо колоніальныхъ произведеній, но за всѣмъ тѣмъ ея коммерція почти единственно основывается на ея *мануфактурахъ*, посредствомъ которыхъ наполняетъ она всѣ иностранные рынки и покупаетъ произведенія каждой земли. Въ числѣ 41,286,594 ф. стерл. дѣйствительной, или объявленной (real or declared) цѣны мануфактурныхъ и другихъ произведеній Англіи, отпущенныхъ въ 1834 году, только на 1,470,793 фунт. стерл. было произведеній земледѣльческихъ, горныхъ, рыболовныхъ; остальные 39,815,801 составляли произведенія ея машинъ и рукъ. Въ сей последней суммѣ, не менѣе 20,492,509, или больше половины, составляли различныя издѣлія хлопчатой бумаги, 5,734,017 шерстяныя, 2,501,292 полотняныя, 1,484,681 металлическія и другія мелкія издѣлія.

Взявъ самый большой итогъ всего отпуска, итогъ бумажныхъ издѣлій, отпущенныхъ въ 1780 г., когда цѣнность сей статьи не превышала 355,060 фунт. стерл., т. е. менѣе $\frac{1}{87}$ доли нынѣшняго итога, прямо откроемъ причину столь необыкновеннаго приращенія Британской торговли. И такъ, вотъ причина внутрення. Расширенія торговли Англичанъ не должно приписывать исключительно оборотливости купцовъ въ чужихъ земляхъ, ни успѣхамъ мореплавателей въ перевозѣ и обменѣ чужеземныхъ произведеній, хотя само по себѣ то и другое важно: существенная причина — мануфактурная и ремесленная промышленность, которой издѣлія, по своему превосходству и дешевизнѣ, рѣшительно первенствуютъ на рынкахъ всего свѣта.

Въ лѣтописяхъ промышленности ничего нѣтъ подобнаго возвышенію Британскихъ бумажныхъ мануфактуръ. Шестидесять лѣтъ тому, Англійскія мануфактуры потребляли въ годъ не больше *трехъ мил-*

ліоновъ фунтовъ хлопчатой бумаги; нынѣ *дѣтсти* *во-семидесятъ милліоновъ* фунтовъ. Въ 1750 г. въ Ланкастерѣ, главномъ коммерческомъ пунктѣ, населеніе было только 297,400; въ 1831 число жителей возрасло тамъ до 4,336,854. Такое же приращеніе и въ Ланаркширѣ, главномъ мануфактурномъ округѣ въ Шотландіи. Семейства, живущія бумажною промышленностью, составляютъ до *полутора милліона* душъ. Издѣлія ихъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ домашнихъ потребностей, объемлютъ почти половину необъятнаго отпуска Британской торговли, находя себѣ сбытъ на рынкахъ всего свѣта, даже на Индійскихъ рынкахъ, уничтожая соперничество тамошнихъ издѣлій — въ родной странѣ сыраго продукта и древнѣйшей его фабрикаціи!

Преимущества Англіи, какъ государства мануфактурнаго, доказываются успѣхами шерстяныхъ мануфактуръ, которыя процвѣтаютъ въ ней уже пять столѣтій. Но успѣхи сей промышленной статьи были постепенные, и никакъ не могутъ равняться, ни въ быстротѣ, ни въ объемѣ, съ чудеснымъ расширеніемъ бумажной фабрикаціи. Да, и самая эта фабрикація существовала въ Англіи больше двухъ столѣтій, но успѣхи ея были сравнительно ничтожны до 1770 г. — Что же придало ей столь чрезвычайный ходъ, и въ нѣсколько лѣтъ подняло ее до такой небывалой высоты? — Причина сего сильнаго движенія — *механическія изобрѣтенія*, получившія свою дѣйствительность отъ того, что сама природа дала Англіи привилегію работать машинами.

Блистательный рядъ изобрѣтеній, составляющихъ эпоху въ механикѣ, мгновенно произвелъ полную перемѣну въ тѣхъ способахъ фабрикаціи, которые существовали, съ небольшими измѣненіями, во всѣхъ образованныхъ земляхъ съ незапамятныхъ временъ.

Переворотъ, сдѣланный новыми машинами въ Англійскихъ мануфактурахъ, можно сравнить развѣ только съ переворотомъ, какой типографіи произвели въ литературѣ. Улучшенія были столь велики, слѣдовали одно за другимъ такъ быстро, что механической геній послѣднихъ временъ справедливо сравниваютъ съ литературнымъ геніемъ вѣка Елисаветы. Не смотря на обыкновенную привязанность фабрикантовъ къ способамъ, которые отъ привычки становятся легкими, всѣ старинные способы на сей разъ были оставлены, почти безъ противорѣчій. Не такъ очевидна была безнадежность сопротивленія переписчиковъ типографскому станку, какъ была очевидна безнадежность сопротивленія прядильщиковъ на однониточномъ колесѣ (one-thread wheel) противъ введенія дженни, ватера и мюля. Орудія классической древности бросали, какъ негодныя, и сторукія прядильныя машины замѣщали ихъ такъ скоро, какъ только машинисты успѣвали ихъ дѣлать. Каждая вѣтвь сей промышленности, почти въ одно время и рядомъ, шла съ усовершенствованіемъ прядильнаго станка. Все, что прежде простымъ инструментомъ дѣлалось кропотливо и долго, теперь дѣлается живо и споро, посредствомъ машинъ, необыкновенно дѣлательныхъ, приводимыхъ въ движеніе исполняскою силою пара. Отъ самаго очищенія сырой, только что собранной бумаги, и отдѣленія сѣмянъ — процесса прежде весьма затруднительнаго — черезъ всѣ приготовительныя и прядильныя дѣйствія надъ хлопкомъ, до выбѣливанья, тканья, набивки и отдѣлки матерій — каждое изъ этихъ состояній, черезъ которыя проходитъ матеріалъ, получило значительное улучшеніе, такъ, что всѣ, вмѣстѣ взятыя — истинно удивительны. Бывало, столѣтія проходятъ съ

однимъ изобрѣтеніемъ достойнымъ вниманія, а теперь открытія, которыя, повидимому, были бы въ пору цѣлому столѣтію, дѣлаются однимъ поколѣніемъ.

Излишне будетъ излагать здѣсь подробный ходъ механическихъ усовершенствованій Англійской бумажной фабрикаціи. Любопытные найдутъ все это особенно въ книгѣ: *History of the Cotton Manufactures in Great Britain*, by Edward Baines (Лондонъ, 1835 г.). Въ ней изложены отдѣльно, со многими интересными подробностями, рачительно собранными: давнишее изобрѣтеніе прядильнаго станка (spinning-frame), которое, въ первоначальномъ видѣ, приписывается Джону Вейату (John Wyatt), изъ Бирмингэма, около 1738 г.; хотя станокъ оставался несовершеннованнымъ до сира Ричарда Аркрейата (Arkwright) въ 1769 г.; изобрѣтеніе чесальной машины (carding machine) Левисъ Паулемъ, тоже усовершенствованной Аркрейтомъ; изобрѣтеніе прядильной дженни (spinning-jenny) Джемсомъ Гаргривсомъ; *набойнаго станка* (drawing-frame), и другихъ приготовительныхъ, тоже Аркрейтомъ; изобрѣтеніе мюля Самуелемъ Кромптономъ, механическаго ткацкаго станка (power-loom) Эдмундомъ Картрейтомъ, трепальной (dressing) машины Джонсономъ, самодѣйствующаго мюля (self-acting mule) Робертомъ и другими; совѣдженна (saw-gin), для отдѣленія сѣмянъ отъ бумаги, Эли Уайтнеемъ (Eli Whitney) изъ Массачусета; способа бѣлить хлориномъ, основаннаго на Шилевомъ открытіи и приложеннаго Бертолетомъ; цилиндрическаго печатальнаго пресса Беллемъ; способа гравировать печатальный цилиндръ переводомъ съ малаго цилиндра на большой, Джозефомъ Локетомъ; многихъ химическихъ открытій въ искусствѣ тканья печатанья (calico printing); великой движущей силы

— пара, приложенной почти ко всемъ мануфактурамъ, горнозаводскимъ и другимъ работамъ, до такой степени усовершенствованной Уаттомъ, что его можно считать изобретателемъ, и множества второстепенныхъ открытій и улучшеній.

Изложеніе такого ряда изобрѣтеній чрезвычайно интересно. Почти все они сдѣланы по части бумажной фабрикаціи; самое малое число для суконной, но ихъ очень легко было приложить къ шерстянымъ и полотнянымъ, и, дѣйствительно, они приложились съ успѣхомъ. Но слѣдствіемъ всего было чудесное расширеніе бумажной фабрикаціи, о чемъ мы уже говорили. Главная причина такого расширенія передъ всеми другими мануфактурами была та, что тутъ сырого матеріала можно добывать чрезвычайно много и очень дешево, и потому цѣна бумажныхъ издѣлій ниже цѣнъ всѣхъ другихъ предметовъ одежды. Въ семъ отношеніи, бумага имѣетъ большое преимущество передъ шерстью, шелкомъ и льномъ, особливо первыми двумя. Обширныя и плодородныя области Соединенныхъ Штатовъ производили бумагу соразмѣрно требованіямъ на нее во все земли. Въ 1791 г. они отпустили только 189,316 фунтовъ бумаги, а въ 1834 году отпускъ былъ въ 384,717,907 фунтовъ, на сумму 49,448,402 доллара — гораздо болѣе половины отпуска *всѣхъ продуктовъ* Соединенныхъ Штатовъ. И такъ, Англійская практическая механика опознала и распространила мануфактуры и торговлю не только въ своемъ государствѣ, но безмѣрно усилила торговлю и земледѣліе отдаленнѣйшихъ странъ.

Мы сказали, что механическія изобрѣтенія есть великая пружина мануфактурнаго благосостоянія Англій. Но полезныя открытія легко могутъ быть усвоены другими землями; они такъ быстро дѣла-

ются извѣстными въ мірѣ всякому, кто только захочетъ взять на себя трудъ достать планъ, или модель, и даже, не смотря на *запрещенія*, вывозятся самыя машины. Потому не было бы возможности для Англій удержать первенство за собой, еслибы оно зависѣло только отъ изобрѣтеній. Нѣтъ никакой достовѣрности, чтобы геній механики постоянно продолжалъ ставить Англичанъ выше ихъ соседей, или давать имъ первенство въ усовершенствованіяхъ, хотя и есть большая вѣроятность въ ихъ пользу. Честь изобрѣтенія типографскаго станка принадлежитъ Германіи, шелкомотательной машины Италіи, Жаккардова ткацкаго станка и бѣленія хлориномъ Франціи, пароходовъ Америкѣ.

И такъ, гдѣ же надобно искать другой главной опоры мануфактуръ и торговли въ Англій? Мы находимъ ее въ *естественныхъ преимуществахъ и мѣстности*, которымъ существеннымъ образомъ способствовать и *политическія преимущества* Британцевъ.

Естественныя преимущества Англій въ мануфактурной промышленности, вѣроятно, выше, нежели въ другой какой нибудь странѣ. Самое благоприятное стеченіе такихъ преимуществъ видимъ въ южной части Ланкашира и въ юго-западной части Йоркшира, по которымъ, особенно первалъ изъ сихъ областей, сдѣлался главнымъ мѣстомъ бумажной фабрикаціи. Въ графствахъ Чеширскомъ, Дербиширскомъ, Ноттингамширскомъ, Ренфрюшнрскомъ, Ланаркширскомъ, въ Шотландіи процвѣтаетъ бумажная промышленность, но совсѣмъ не въ такомъ тѣсномъ совмѣщеніи, какъ въ Ланкаширѣ.

Три принадлежности существенно необходимы для успѣшнаго распространенія мануфактуръ: сила воды, топливо и желѣзо. Гдѣ все это есть въ изобиліи, и гдѣ оно дешево, тамъ можно строить ма-

пинны и приводить ихъ въ движеніе съ небольшими издержками. Многие изъ процессовъ, относящихся до производства и отдѣлки сукна, химическіе, или механическіе, которые главнѣйше зависятъ отъ двухъ великихъ двигателей — воды и огня, также могутъ быть тамъ выполнены съ выгодой. Мануфактурныя округа въ Англіи именно богаты силою воды и неистощимыми запасами угля и желѣза. Но кромѣ того, тамъ есть хорошіе морскіе порты и фарватеры, дешевое внутреннее сообщеніе каналами и превосходными дорогами, къ которымъ нынѣ присоединилось еще важное облегченіе торговли и сношеній — желѣзныя дороги.

Далѣе, политическія и моральныя преимущества Британіи, какъ средоточія мануфактуръ, примѣчательны не менѣе физическихъ. Покровительствомъ законовъ личная свобода и собственность совершенно обеспечены; коммерческая предприимчивость имѣетъ всю возможность пожнать свои плоды; капиталы множатся безопасно; работникъ смѣло идетъ на свой трудъ. Мануфактурное благосостояніе, такимъ образомъ покровительствуемое и поощряемое, глубоко пустило свои корни и расширило свои вѣтви до отдаленнѣйшихъ предѣловъ земнаго шара.

Англія много выигрывала во время бѣдствій въ другихъ земляхъ, и отъ недостатка вѣротерпимости другихъ правительствъ. Въ разные періоды, Фламандскіе и Французскіе протестанты, изгнанные изъ своихъ родинъ, селились въ Англію, и за покровительство, имъ оказанное, работали и учили тѣмъ отраслямъ промышленности, въ которыхъ Англичане уступали своимъ сосѣдямъ. Войны, въ разное время опустошавшія Европу, особливо съ Французской революціи (тогда-то Англія и сдѣлала самые удивительные успѣхи въ механикѣ) остановили ма-

нуфактурныя улучшенія на материкѣ, и въ теченіе многихъ лѣтъ оставляли Англію безъ соперниковъ. Въ тоже время навигація и морская сила ея приобрѣли господство на океанѣ, и подъ ихъ покровительствомъ, коммерція расширилась за всѣ прежніе предѣлы, и завела прочныя связи между Англійскими мануфактурами и купцами отдаленнѣйшихъ земель.

Вотъ временныя преимущества, коими хорошо умѣли воспользоваться. Но справедливость требуетъ сказать, что главныя причины коммерческаго благосостоянія Англіи постоянны; онѣ гораздо выше вліянія случая, или непріятельскаго дѣйствія, нежели источники благосостоянія какого либо другаго государства. Конечно, можно думать, что торговля, которая такъ быстро поднялась, такъ же быстро можетъ и упасть, и что особенно внѣшняя торговля, которая увеличилась во время войны, можетъ быть обязана своимъ расширеніемъ какому нибудь счастливому стеченію обстоятельствъ, и стало быть, при перемѣнѣ тѣхъ обстоятельствъ, можетъ упасть. Но Англійская торговля получила свое быстрое и необъятное движеніе отъ умственной и постоянной силы, которая всегда можетъ производить свое движеніе — это бездна открытій въ механикѣ и химіи, отъ которыхъ чрезвычайно возвысилось могущество мануфактуръ, и поддерживается на сей высотѣ соотвѣтствіемъ физическихъ преимуществъ Англіи, отъ которыхъ тѣ открытія сдѣлались въ высшей степени полезными; наконецъ, неутомимая дѣятельность и смѣлливость купцовъ, совершенство и обширность навигаціи, необыкновенное чутье слабыхъ мѣсть и оплошности всѣхъ правительствъ и государствъ, которыми Англичане искони были мастера пользоваться, отсюда извлекала свои выгоды, — пока

такое удивительное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ будетъ существовать, объ упадкѣ Англійской торговли нечего и думать.

Всегда благопріятная для мануфактуръ, Англія возшла на такую высоту съ тѣхъ поръ, какъ работы стали производиться болѣе машинами, чѣмъ руками. Каждая новая степень въ механическихъ усовершенствованіяхъ поднимала Англію на новую степень ея превосходства. Прядильный станокъ, можно сказать, создалъ Британскую бумажную фабрикацію, но еслибъ *поверъ-жуй* не былъ изобрѣтенъ, отпускнуое количество Англійскихъ тканей много бы убавилось; другія земли покупали бы пряжу въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ теперь, и ткали бы ее сами для себя. Но когда Англичане стали не только прядь, но и ткать, бѣлить и набивать матеріи посредствомъ машинъ, а эти машины, какъ вещь слабая и сложная, требуютъ большой движущей силы, безпрестанныхъ починокъ и улучшеній — то вотъ здѣсь уже преимущества земли, богатой углемъ и желѣзомъ, становятся неоцѣненны, и всѣмъ этимъ Англія владѣеть.

Навыкъ, пріобрѣтенный многочисленнымъ классомъ работниковъ по каждой отрасли мануфактуръ, строгое распределеніе работъ, рѣдко доврѣяемыхъ тѣмъ, которые не привыкли еще практически къ своему ремеслу, составляютъ также вспомогательное средство противъ упадка Англіи съ нынѣшней степени ея превосходства. Огромные коммерческіе капиталы, при низкихъ, сравнительно, денежныхъ процентахъ, опять способствуютъ мануфактурамъ производить свои издѣлія по самымъ дешевымъ цѣнамъ, а купечеству являться на каждый рынокъ со всѣми выгодными условіями.

Видимъ, что успѣхи Англійской бумажной фаб-

рикаціи не зависятъ отъ чего либо искусственнаго, поддѣльнаго, но всѣмъ тѣмъ нельзя не приписать ихъ отчасти, хотя въ самой малой степени, и запрещеніямъ, дозволеніямъ, пониженію цѣнъ и другимъ видамъ поощреній со стороны законовъ, — тѣмъ неизбѣжнымъ мѣрамъ, которыя могутъ поддерживать мануфактуры во Франціи, Бельгіи и Америкѣ, но безсильны защитить отъ совѣстничества, или придать имъ естественную живость, обратитъ ихъ въ постоянный источникъ общественнаго богатства, если нѣтъ для нихъ кореннаго основанія. Опытъ и недавнія коммерческія изслѣдованія доказали, что Французскія и Бельгійскія бумажныя мануфактуры не могутъ соперничествовать съ Англійскими при всѣхъ своихъ искусственныхъ мѣрахъ.

Англичанамъ всего менѣе можно и должно объ нихъ думать, потому, что ихъ мануфактуры и торговля стоятъ теперь на прочномъ основаніи; то что онѣ прочны, всего сильнѣе доказывается тѣмъ, что онѣ восторжествовали надъ стѣнительнымъ вліяніемъ хлѣбнаго торгова. Вотъ статья, стоящая особеннаго разсмотрѣнія.

Законы, издаанные въ послѣднее время въ Англіи, касательно хлѣбнаго торгова, рождаютъ сомнѣніе, будетъ ли наша внѣшняя торговля процвѣтать постоянно? Они явно вооружили другія правительства противъ насъ, и дали *пишу хужиль мануфактурамъ*. Каждый шиллингъ, который нашъ земледѣлецъ получаетъ за свой хлѣбъ, сверхъ той цѣны, по которой можно бы ввезти его, прямо берется съ нашей торговли. Стало быть наша торговля находится подъ *тяжкимъ гнетомъ*; если она и въ состояніи вынести его, все таки это замедляетъ возвышеніе самой націи. Мануфактурныя способности Англіи въ томъ и состоятъ, чтобы вести ея благо-

состояніе до высочайшей степени, а сковать и стѣснить такія способности, значить стѣснить богатство и силу государства. Безъ сомнѣнія, перемѣна системы заставить бѣднѣйшія провинціи бросить земледѣльство и произвести повсемѣстное уменьшеніе доходовъ съ земель, и можетъ быть, непосредственное, хотя и временное, стѣсненіе фермерства. Одно изъ величайшихъ золъ невѣрной коммерческой политики то, что ее нельзя оставить безъ значительныхъ потерь въ тѣхъ самыхъ предметахъ, которыми ошибочно покровительствовали, а наша система такъ худа, что наши земледѣльцы понесли важнѣйшій ущербъ даже послѣ совершеннаго запрещенія ввоза иностраннаго хлѣба; они не извлекли никакой пользы — скорѣе вредъ, изъ самыхъ благодѣяній Провидѣнія; когда внимательство законовъ заставило ихъ содержать домашнее произведеніе въ уровень съ потребленіемъ, то при изобильномъ урожаѣ являлось изобиліе хлѣба на рынкахъ, но наши цѣны все таки выше, чѣмъ въ другихъ земляхъ, потому и хлѣбъ не могъ итти въ отпускъ. Также смѣло можно утверждать, что самое крайнее слѣдствіе допущенія иностраннаго хлѣба, по умѣренной и постоянной таксѣ, будетъ то, что всѣ выгоды государства устаноятся на прямомъ и твердомъ основаніи, и дадутъ ходъ тѣмъ родамъ промышленности, для которыхъ Англія владѣетъ особенными преимуществами, вообще возвышая благосостояніе страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и въ тоже время, поднимуть цѣну на земли и вознаграждать потери владѣльцевъ.

Обратимся къ Британской бумажной фабрикаціи, и взглянемъ на нынѣшнее состояніе людей, занимающихся ея различными производствами. Въ 1760 году только 40,000 человекъ занимались сею фаб-

рикаціею, а въ 1854 г. уже 1,500,000 человекъ. Въ первый періодъ ежегодное потребленіе сырой бумаги было около 3,000,000 фунтовъ; цѣна отпущенныхъ бумажныхъ издѣлій составляла только 200,000 ф. ст. Издѣлія работали на одноплеточномъ колесе, ручными иголками и обыкновеннымъ бердомъ (hand-loom). Но замѣчательно, что за важными усовершенствованіями въ машинахъ, тотчасъ послѣдовали быстрые успѣхи мануфактуръ, и состояніе ихъ въ 1833 видно изъ слѣдующей таблицы:

Объемъ и оценка Англійской бумажной фабрикаціи въ 1833 году.

Сырой бумаги, или хлопка, ввезено фунт.	303,656,837
— — употреблено на фабрикахъ	282,675,200
Бумажной пряжи (выключая трату по $1\frac{1}{2}$ унц. на фунт)	256,174,400
Число мотковъ пряжи (по 40 въ фунт)	10,246,976,000
Длина пряжи (840 ярдовъ въ моткѣ) миль	4,890,602,182
Цѣна издержанной сырой бумаги по 7 деп. за фунтъ	8,244,693 ф. ст.
Цѣна отпущенной бумаги:	
въ издѣліяхъ —	13,754,992 ф. ст.
въ пряжѣ —	4,704,008 —
	<hr/>
	18,459,000 ф. ст.
Внутри государства употреблено на сумму	12,879,693 —
Вся цѣнность фабрикаціи	31,338,693 ф. ст.
Капиталъ, употребленный въ мануфактурахъ	34,000,000 —
Количество бумажныхъ издѣлій, отпущенныхъ (въ 1832)	
Бѣлыхъ, или гладкихъ издѣлій, ярдовъ	259,493,096
Набивныхъ, или крашеныхъ —	201,552,407
	<hr/>
	461,045,503.

Число людей, занимавшихся фабрикаціей	1,500,000.										
Число прядильщиковъ и ткачей (operatives in the spinning and weaving factories).	<table> <tr> <td>въ Англии</td> <td>200,000</td> </tr> <tr> <td>Шотландіи</td> <td>32,000</td> </tr> <tr> <td>Ирландіи</td> <td>5,000</td> </tr> <tr> <td></td> <td><hr/></td> </tr> <tr> <td></td> <td>237,000.</td> </tr> </table>	въ Англии	200,000	Шотландіи	32,000	Ирландіи	5,000		<hr/>		237,000.
въ Англии	200,000										
Шотландіи	32,000										
Ирландіи	5,000										
	<hr/>										
	237,000.										
Сумма, выработанная прядильщ. и ткачами	6,044,000 ф. ст.										
Движущая сила на фабрикаціи: пара сил. лош.	33,000										
воды — — — — —	11,000										
	<hr/>										
	44,000										
Число веретенъ	9,333,000										
Число ткацкихъ становъ	100,000										
ручныхъ ткацкихъ становъ	250,000										
Заработокъ послѣднихъ	4,375,000 ф. ст.										

Осмотрѣвъ матеріальную сторону фабрикаціи, посмотримъ теперь на ея моральную сторону.

Въ послѣдніе годы многіе усиливались, хотя весьма ошибочно, доказать, что фабричныя занятія чрезвычайно вредны для здоровья; что фабриканты обогащаются на счетъ бѣдности и безправственности рабочаго класса, особенно дѣтей. Но оффиціальныя медицинскія свѣдѣнія доказали, что жалобы на фабричныя работы преувеличены до смѣшнаго. Таблицы болѣзней и смертности, составленныя высшими чиновниками, мнѣніе опытныхъ медиковъ, которые живутъ въ мануфактурныхъ округахъ, и сильныя возраженія инспекторовъ, назначаемыхъ отъ правительства, заставляютъ рѣшительно отвергнуть целыя толки на счетъ вліянія фабричныхъ работъ на здоровье. Столько же неоспоримо, что прядильщики, и всѣ другіе классы мастеровыхъ на машинахъ, получаютъ большую плату, которой достаетъ на всѣ вещественныя нужды, и даже излишества. Только ткачи на простыхъ бердахъ составляютъ единственное исключеніе въ достаточномъ классѣ мастеровыхъ сего ремесла, но

есть надежда, что мало по малу, хотя не такъ скоро, они оставятъ занятіе, въ которомъ напрасно усиливаются бороться противъ превосходства науки.

Вообще должно замѣтить, что кузнецы, машинисты, столяры, каменщики, и другіе мастеровые, употребляемые для постройки бумаго-мануфактурныхъ зданій и машинъ, получаютъ хорошую плату, и безъ всякаго сомнѣнія, могутъ имѣть всѣ удобства жизни, больше чѣмъ какъ либо иначе. Прядильщики, чесальщики, красильщики, набойщики, ткачи, и всѣ классы рабочихъ, употребляемыхъ въ помощь машинамъ, такъ же хорошо окупаютъ свою работу; рабочіе часы определены закономъ — по двѣнадцать всякій день и по девяти въ субботу. Ткачи съ ручными станками, напротивъ, находятся въ жалкомъ положеніи, въ городахъ и въ деревняхъ; заработка ихъ очень бѣдная, и вообще они живутъ въ чѣсныхъ и нездоровыхъ жильяхъ.

Изъ достоверныхъ источниковъ извѣстно, что 237,000 мастеровыхъ отъ Британскихъ бумажныхъ машинъ получаютъ, какъ уже сказано, хорошую плату, достаточную для пищи, одежды, квартиръ и для многихъ удобствъ и даже излишествъ. Совершенно-лѣтній мастеровой, при хорошемъ хозяйствѣ и воздержности, можетъ воспитывать дѣтей, припасти на случай болѣзни и старости, и доставить дѣтямъ возможность поддерживать своихъ родителей. Когда прядильщику помогаютъ на машинѣ его собственныя дѣти, что всего чаще бываетъ, то его доходъ такъ великъ, что онъ можетъ жить гораздо достаточнѣе, одѣвать себя и семью гораздо лучше, чѣмъ многіе изъ купцовъ низшаго класса, и хотя часто, не предусмотрительность и дурное поведеніе раззоряютъ счастье такихъ семействъ, однакожь есть

тысячи прядильщиковъ въ мануфактурныхъ округахъ, которые всякой день ѣдятъ мясо, носятъ тонкое сукно по воскресеньямъ, прекрасно содержатъ своихъ женъ и дѣтей, убираютъ свои дома краснымъ деревомъ и коврами, подписываются на газеты и смиренно проводятъ свою честную жизнь.

Касательно трудности работы на бумажныхъ фабрикахъ и ея вліанія на здоровье, можно замѣтить, что конечно, бывали примѣры злоупотребленій и жестокости въ мануфактурныхъ заведеніяхъ; можно также допустить, что работа фабричная не такъ здорова, какъ земледѣльческая, что дѣтей точно обременяли фабриканты не посильною работою. Но злоупотребленіе всегда будетъ исключеніемъ, а не общою формулою. Мануфактурныя работы несравненно менѣ вредны, нежели многія изъ самыхъ обыкновенныхъ и необходимыхъ занятій въ общественной жизни. Они далеко не такъ изнурительны, какъ занятія простыхъ ткачей, не такъ томительны отъ огня, какъ кузнечныя работы, не такъ опасны для легкаго, полснацы и всѣхъ членовъ, какъ занятія башмачника и портнаго. Угольщики, рудокопы, кузнецы, слесаря, машинисты, каменщики, хлѣбники, мельники, маляры, котельщики, типографщики, горшечники, и множество другихъ классовъ рабочихъ и ремесленныхъ, имѣютъ занятія, которыя, съ той или другой стороны, гораздо вреднѣе для здоровья и долговѣчія, чѣмъ работа на бумажныхъ фабрикахъ. Многіе классы ученыхъ, писателей, чиновниковъ, конторщиковъ, лавочниковъ, парикмахеровъ подвержены такому же, а часто и большому затворничеству и изнуренію, какъ и работники бумажныхъ фабрикъ.

Не должно однакожъ вдаваться въ другую крайность. Никакъ нельзя утверждать, будто работа на

бумажныхъ фабрикахъ самая пріятная и здоровая, будто нѣтъ тамъ злоупотребленій, которыя надлежитъ исправить. Надобно согласиться, что дневная работа на бумажныхъ фабрикахъ продолжительна: по двѣнадцати часовъ въ каждый изъ пяти дней недѣли, и девять часовъ по субботамъ — это много! Но за то работа легка, и не столько требуетъ напряженія тѣлеснаго, сколько вниманія, при умѣренномъ движеніи. Большая часть работниковъ снимаютъ бумагу со щетокъ, перемѣняютъ палочки на прядильномъ станѣ, передвигаютъ и перемѣняютъ катушки на мюляхъ, и проч., связываютъ нитки, обрывающіеся на машинахъ, сметаютъ ненужную бумагу, прицѣпляютъ матерію къ поверь-луму, выправляютъ складки. Самая трудная работа остается здѣсь для женщинъ, которыя очищаютъ бумагу, выбивая палками, но и то для самой тонкой пряжи. Машинной очищается бумага только для ниснихъ номеровъ. Работа прядильная, которую производятъ взрослые мужчины, требуетъ умѣреннаго движенія и большаго прилежанія. Всѣ работы на машинахъ, къ которымъ приставляются дѣти и мальчики, не требуютъ постояннаго вниманія; многія изъ нихъ позволяютъ даже оставлять вниманіе на нѣсколько минутъ попеременно, и гдѣ глаза дѣйствуютъ по часамъ, тамъ привычный исполнять свой урокъ надзора весьма легко. Трудно найти занятіе легче. Положеніе тѣла не вредное и вообще прямое; дѣти работаютъ стол, часто имѣютъ случай садиться, когда имъ захочется. Посѣщая фабрики, вы вообще найдете въ рабочихъ свѣжесть и веселость, даже у дѣтей; рѣдко нравы ихъ выказываютъ безпокойную заботливость, гораздо чаще веселость, чѣмъ скуку. Стукъ и движеніе механизма, непріятные для непри-

вычного зрителя, не производить дурного впечатлѣнія на работниковъ, къ нему привычныхъ.

Вообще можно сказать, что физическій и моральный вредъ, происходящій отъ фабричныхъ работъ, не есть неотвратимый, и вкрадывается только по нерадѣнью хозяевъ. Давно уже настаивали, чтобы фабриканты, соразмѣрно своему вліянію на рабочихъ, были обязаны полною отвѣтственностью за ихъ здоровье, нравственность и удобства жизни, потому что все это зависитъ отъ ихъ распоряженій. Если бы медикъ посѣщалъ каждую недѣлю фабрику, что составило бы самый пустой расходъ, то не возможно, чтобы мальчикъ могъ расти съ какимъ нибудь телеснымъ безобразіемъ, или чтобы взрослый человѣкъ работалъ до совершеннаго изнуренія, потому что болѣзнь была бы захвачена въ самомъ началѣ. Еслибы безнравственность наказывалась изгнаніемъ, что было бы совершенно справедливо, то это было бы самымъ дѣйствительнымъ наказаніемъ для порока. Еслибы поощряли дѣтей, посѣщающихъ воскресныя школы, дѣти вообще старались бы учиться въ нихъ.

Никакъ не должно полагать, будто фабричную систему нѣтъ возможности исправить; въ послѣдніе годы въ Англіи многое улучшено, а можно сдѣлать еще больше. На многихъ фабрикахъ въ Ланкаширѣ, Йоркширѣ, Чеширѣ, Дербиширѣ и въ Шотландіи усилены провѣтряніе, чистота, порядокъ къ обогрѣной пользѣ хозяина и рабочихъ; приняты строгія мѣры противъ безнравственности; заведены школы, гдѣ каждый мальчикъ, работающій на фабрикѣ, учится грамотѣ, а дѣвочки шить и вязать; есть библіотеки для работниковъ и награды для дѣтей, посѣщающихъ воскресныя школы; есть благотворительныя общества, которыя своимъ подписчикамъ доставляютъ пособія въ болѣзни, или несчастія; ме-

дики еженедѣльно осматриваютъ рабочихъ. Стоитъ только вникнуть въ дѣло, и легко убѣдиться, что человѣколюбивый, религіозный и умный фабрикантъ имѣетъ всю возможность предоставить своимъ рабочимъ тысячу сильныхъ побужденій къ добродѣтели и трудолюбію; что, наконецъ, всѣми средствами, о которыхъ мы говорили, съ помощію постоянныхъ смотрителей, при собственномъ своемъ бдительномъ надзорѣ, очень можно сдѣлать изъ фабрики, скорѣе школы добродѣтели, чѣмъ порока. Если скажутъ, что фабриканты, побуждаемые гнусною скупостью, не захотятъ такими средствами улучшить состоянія своихъ рабочихъ, то можно отвѣчать, что фабриканты ни чуть не больше преданы скупости, и не меньше находятся подъ вліяніемъ высшихъ побужденій, какъ и другіе классы людей. Напротивъ, большая часть изъ нихъ люди великодушные, человѣколюбивые; большая часть имѣютъ всѣ способы ввести вышеупомянутыя малостоящія улучшенія, и почти всѣ, по большому навыку въ дѣлѣ, привыкли къ обширнымъ видамъ и расчетамъ, которые дѣлаютъ ихъ способными съ довѣренностью смотреть впередъ на отдаленную выгоду, какую непременно получать они отъ своихъ издержекъ. Одни изъ доброй воли, другіе по соревнованію, иные изъ притворства, подражанія, а большая часть по убѣжденію, что это поведетъ къ личной выгодѣ, послѣдуютъ примѣрамъ, уже существующимъ, и въ десять, или двадцать лѣтъ, Англійскія фабрики улучшатся столько же со стороны нравственности рабочихъ, сколько они улучшились дондѣсь со стороны совершенства машинъ. Ни одинъ благомыслящій человѣкъ не усомнится, что самый важнѣйшій долгъ каждаго фабриканта состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами благотворить и образовывать.

вать тѣхъ, кто находится въ его завѣдываніи, и всякій благоразумный человекъ согласится, что личная выгода фабрикантовъ требуетъ нравственнаго, воздержнаго, свѣдущаго, здороваго и веселаго работника. Моральное и вещественное состояніе фабричныхъ рабочихъ есть одинъ изъ предметовъ величайшей важности. Если справедливо, что при усердіи и благоразуміи хозяевъ, фабрики скорѣе могутъ сдѣлаться школою добродѣтели чѣмъ порока, то съ другой стороны и то правда, что онѣ могутъ быть и тѣмъ и другимъ. Огромное число рабочаго народа, обоихъ половъ, большею частью въ нѣжномъ возрастѣ, имѣютъ всю возможность сближаться между собой по нѣскольکو часовъ всякой день, не безъ рѣшительнаго вліянія, худаго и добраго. Такія заведенія, направляемая безъ вниманія со стороны моральной пользы рабочихъ, всяа естественнo станутъ развивать пороки, которые сами собою распространятся по цѣлымъ округамъ. Но *система обузданія и поощренія*, какую мы предлагали, при бдительномъ надзорѣ со стороны хозяевъ, самымъ многочисловымъ рабочимъ, будетъ благопріятствовать распространенію полезныхъ свѣдѣній и основательныхъ правилъ. Каждый фабрикантъ обязанъ имѣть въ виду, кромѣ личной выгоды, пользу своихъ рабочихъ и своего отечества. Та, и другая, и третья тѣсно связаны между собою въ домостроительствѣ сихъ ульевъ промышленности. Мы думаемъ, что большой капиталъ благопріятствуетъ нѣкоторому пожертвованію, и что капиталистъ, благоразумно щедрый и попечительный, заботясь о выгодѣ своихъ работниковъ, обезпечиваетъ собственныя свои. Всякій знаетъ, что для дѣйствительности сложнаго механизма на фабрикахъ необходимо, чтобы всѣ части машины были сдѣланы изъ прочныхъ и лучшихъ мате-

ріаловъ, чтобы онѣ хорошо были прилажены, предохранены отъ сору и ржавчины, и чтобы всякое случайное поврежденіе можно было тотчасъ же исправить; точно также, но гораздо въ высшей степени необходимо, чтобы *моральный механизмъ*, которому подчиненъ первый, былъ проченъ добродѣтелью и непорочною нравовъ, содержался въ порядкѣ, въ сохранности отъ всякой душевной порчи, сора и ржавчины, чтобы за слабѣйшими частями его былъ особенный надзоръ, не черезъ чуръ насильственный, но поставленный между добрымъ примѣромъ и кроткимъ понужденіемъ.

II.

Коммерческія и финансовая исторія Великобританіи въ продолженіе двѣнадцати мѣсяцевъ, считая по Мартъ 1837 года, стоить внимательнаго изученія и размышленія. Въ *Январь 1836 года*, промышленность и торговля были, казалось, въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Государство наслаждалось совершенною тишиною; купцы и капиталисты имѣли величайшую довѣренность другъ къ другу; заграничныя требованія Англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій превосходили всѣ прежнегоднія требованія; всякаго рода мастеровымъ работы было вдоволь; цѣны — умѣренныя; въ кладовыхъ Англійскаго Банка лежало почти на *сѣнь миллионѣвъ* ф. ст. звонкой монеты и слитковъ. Далѣе — во все время (1836 г.) не было никакихъ политическихъ смуть; общественное спокойствіе ни на минуту ни чѣмъ не нарушалось; печальныя предсказанія, возникшія было на счетъ послѣдняго урожая, не осуществились; предпринято множество важныхъ публичныхъ работъ. Люди, незнакомые съ обстоятельствами тор-

говли, естественно могли заключать, что тогда было гораздо больше кредита чѣмъ когда либо; что необыкновенное расширеніе мануфактуръ и торговли, сдѣлавъ многія государства должниками Англіи, склонить въ ея пользу балансъ платежей, до такой степени, что скопленіе дорогихъ металловъ сдѣлается даже тягостно Банку. Но какъ бы основательны такія заключенія ни казались, ни одно изъ нихъ не подтвердилось фактами. Въмѣсто увеличенія, кредитъ почти упалъ; въ коммерческихъ дѣлахъ наступило величайшее расстройство; наличный Банковый капиталъ въ дорогихъ металахъ, отъ *семи* спустился до *трехъ* съ *половиною* милліонувъ, и Банкъ поставленъ былъ въ опаснѣйшее положеніе. Дѣло великой важности — изслѣдовать, отъ чего общія ожиданія, столь вѣроятныя, повидимому, были обмануты такимъ несчастнымъ образомъ?

Всѣ, кто только обращалъ вниманіе на дѣла, вообще согласны, что прежнія и настоящія затрудненія произошли отъ чего-го непрочнаго (something unsound) въ основаніи курса. Сколько мы понимаемъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости сего заключенія. Коммерческой параличъ и упадокъ перевода могли случиться даже и тогда, когда бы деньги въ обращеніи были только металлическія, или курсъ ихъ былъ таковъ, какимъ долженъ быть курсъ чисто металлическій; потому, что причина всему злу, какъ это увидимъ, кроется въ Англійской денежной системѣ. Смѣшанный курсъ, т. е. курсъ металлическій и бумажный, такъ, какъ въ Англіи, въ десять кратъ болѣе подверженъ колебаніямъ въ своемъ итогѣ, хотя и удобенъ въ коммерческихъ дѣлахъ, чѣмъ другой курсъ, чисто металлическій, или хотя смѣшанный, но подчиненный требованіямъ на металлическія деньги.

Если въ ходу только металлическія деньги, или когда прибавочнаго количества бумажныхъ денегъ нельзя получить иначе, какъ посредствомъ вклада равноцѣнной суммы золота, то общаго возвышенія цѣнъ на товары быть не можетъ, развѣ случится особенный приливъ дорогихъ металловъ. Но они, всѣмъ извѣстно, никакъ не могутъ скопиться въ одной землѣ въ значительной степени больше, чѣмъ въ другой. Когда же частныя лица, или общества, получаютъ право выпускать ассигнаціи, или бумаги, которыя замѣняютъ деньги, не на основаніи владовъ золота, а просто на общиніи уплатить предельно ходячею монетою, съ процентами, въ извѣстный срокъ, то симъ вводителъ самый сильный элементъ измѣненія курса. Провинціальныя банкиры въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ никогда не смотрятъ на состояніе перевода, но просто на состояніе цѣнъ и на кредитъ между людьми, съ которыми имѣютъ дѣла. Чтобы пояснить это, положимъ, что существуетъ *равенство* перевода (exchange is at par) т. е. золото не вывозится и не ввозится въ государство. Въ такомъ случаѣ, будетъ ли курсъ металлическій, или бумажный, на основаніи металловъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться, какое бы ни было тогда стремленіе къ спекуляціямъ, или измѣненіе въ цѣнахъ нѣкоторыхъ статей. Но при такихъ обстоятельствахъ, существующій, на тотъ разъ, въ Англіи курсъ можетъ, и вѣроятно, будетъ очень много колебаться. Если отъ какой ни есть причины поднимется цѣна на хлѣбъ, или другой жизненный предметъ, возбуждятся безвременный страхъ, упадетъ кредитъ, увеличится общественное довѣріе, то духъ спекуляціи тотчасъ начнетъ работать; въ слѣдъ за тѣмъ непременно послѣдуютъ выпуски ассигнацій

изъ частныхъ банковъ. Англійскій Банкъ, въ подобномъ случаѣ не долженъ, и вѣроятно не станетъ увеличивать своихъ выпусковъ. Но провинціальные Банки, видя равенство перевода, и мало обращая вниманія на его колебанія, которыя имѣютъ на нихъ только косвенное и отдаленное вліяніе, непременно увеличатъ свои выпуски и будутъ болѣе готовы на услуги. Увеличившаяся удобность доставать деньги, заставитъ многихъ взять назадъ часть своихъ продуктовъ съ рынка, чтобы ускорить возвышеніе цѣнъ; общал довѣренность, которая растетъ вмѣстѣ съ возвышеніемъ цѣнъ и размноженіемъ денегъ, еще больше увеличится, и въ свою очередь, итъ сомнѣній, поведетъ къ новому прибавленію ассигнацій. Такимъ образомъ можетъ наступить періодъ случайнаго и обманчиваго благосостоянія, пока наконецъ, курсъ черезъ мѣру отяжелѣетъ, и всѣ бросятся въ Банкъ за золотомъ для отпуска, а это, стѣсненнъ обращеніе въ Лондонъ, и увелича затрудненія добывать денежныя пособія, непременно понизитъ цѣны и произведетъ общее замѣшательство, упадокъ кредита и даже банкротства.

И такъ ясно, что окончательная остановка въ денежныхъ платежахъ не имѣетъ никакого обезпеченія въ такой землѣ, какъ Англія, установкою приличнаго бумажнаго курса, *который измѣнялся бы въ итогъ и цѣнности, точно такъ, какъ бы измѣнялся курсъ чисто металлическій.* Напротивъ, очевидно, что бумажный курсъ можетъ увеличиваться, когда металлическій стоитъ или уменьшается, и на оборотъ, и, потому можетъ производить колебаніе въ цѣнахъ и въ переводѣ.

Будь это только возможнымъ, или даже близкій опасенія, и тогда, въ случаѣ ихъ осуществленія, они сильно повредятъ общими выгодами, и ихъ вслѣ-

ски надобно постараться отворотить. Но зло, которое мы изобразили, не просто возможное, или вѣроятное—оно уже есть. Мы говоримъ не о будущемъ, или близкомъ, но о существующемъ и дѣйствительномъ состояніи дѣлъ. Это и не новое и не недавнее происшествіе. Напротивъ, банкротства и раззоренія, разлившіяся по всей Англіи въ 1792-мъ и 1825 — 1826 гг., были подобны нынѣшнимъ, и всѣ произошли изъ одного источника—ошибочнаго и превратнаго основанія бумажнаго курса въ Англіи.

Чтобы яснѣе раскрыть обстоятельства, отъ которыхъ произошли прежніе и нынѣшніе беспорядки, итъ надобности итти далѣ Января 1836 года. Въ то время переводъ былъ равный, или немного въ пользу Англіи, т. е. онъ былъ въ своемъ приличномъ итогѣ, и не могъ ни подняться ни понизиться иначе, какъ черезъ прибыль или убыль звонкой монеты. Хотя дѣла были въ такомъ положеніи, однакожь особенное стеченіе обстоятельствъ подняло на ноги и подожгло неразумный и опасный духъ спекуляцій. Любимымъ предметомъ общественнаго вниманія было составленіе компаній для желѣзныхъ дорогъ и учрежденіе банковъ на акціяхъ (Joint-Stock Banks). Раззореніе акціонеровъ есть худшее зло, какое только могло произойти отъ былыхъ промаховъ компаній, или работъ, которыя не могли дать хорошей выручки. Но совсѣмъ иное страсть къ банкамъ. Будь они просто вкладные банки, ихъ размноженіе, какъ бы надобность въ нихъ ни была ничтожна, не сдѣлало бы большаго вреда. Къ несчастію, тѣмъ не ограничились: кромѣ сбереженія чужихъ денегъ, почти всѣ они выпускали свои собственные. Размноженіе такихъ банковъ въ послѣднюю половину 1836 г. было столь велико, что даже трудно повѣрить, но — это фактъ несомнѣнный. Съ 1826 г.,

когда дозволено въ Англии учрежденіе складочныхъ банковъ, до 31 Декабря 1835 г., въ десять лѣтъ явилось *шестьдесятъ* такихъ банковъ; круглымъ счетомъ по *шести* банковъ въ годъ. По въ 1836 г. банкоманія вдругъ распространилась, и съ такимъ неистовствомъ, что съ 1-го Января по 26-е Ноября 1836 года, *сорокъ два* новыя такія заведенія вступили въ соперничество съ прежними.

Говоря по правдѣ, число банковъ, открытыхъ въ теченіе года, было гораздо больше, чѣмъ показано въ семъ исчисленіи. Каждый изъ сорока двухъ новыхъ банковъ имѣлъ еще по четыре и по шести своихъ конторъ; сіи конторы отправляли всѣ банкирскія дѣла, пользовались такимъ же кредитомъ какъ и начальныя ихъ банки, отъ которыхъ многія находились въ далекомъ разстояніи, и во всѣхъ отношеніяхъ конторы были тѣ же банки, такъ что вмѣсто 42-хъ, навѣрное было открыто въ 1836 году новыхъ банковъ всего около 200! Весьма важно замѣтить, что *болѣе трехъ четвертей* сихъ банковъ выпускали ассигнаціи, съ платежемъ предъявителю (notes payable on demand), что многія изъ нихъ владѣли значительною собственностью, и — заслуженно или нѣтъ — многіе, при самомъ открытіи, пользовались неограниченною довѣренностью публики. Удивительно не то, что при такихъ обстоятельствахъ выпуски ихъ увеличились, но что они не увеличились гораздо больше, чѣмъ въ самой вещи было. Прилагаемая таблица показываетъ, на какую сумму было въ обращеніи ассигнацій, выпущенныхъ въ Англии и Валлисѣ, частными и складочными банками. Свѣдѣнія заимствованы изъ отчетовъ съ 1833 году, публикуемыхъ въ концѣ каждой четверти года.

Въ концѣ четверти.	Частные Складочн.		Всего.
	банки.	банки.	
28 Декабря 1833 года.....	8.836.803	1.315.301	10.152.104
29 Марта 1834.....	8.755.400	1.458.427	10.191.827
28 Июня.....	8.875.795	1.642.887	10.518.682
27 Сентября.....	8.370.423	1.785.689	10.154.112
28 Декабря.....	8.537.655	2.122.173	10.659.828
28 Марта 1835.....	8.231.206	2.188.954	10.420.160
27 Июня.....	8.455.114	2.484.687	10.939.801
26 Сентября.....	7.912.587	2.508.037	10.420.625
26 Декабря.....	8.334.863	2.799.551	11.134.414
26 Марта 1836.....	8.353.894	3.094.025	11.447.919
25 Июня.....	8.614.132	3.588.064	12.202.196
24 Сентября.....	7.969.121	3.969.121	11.733.945
31 Декабря.....	7.753.500	4.258.197	12.011.697

Изъ таблицы видно, что выпуски складочныхъ банковъ возрасли между 26 Декабря 1835 г. и 31 Декабря 1836 г. отъ 2.799.551 до 4.258.197 ф. ст.; приращеніе составляетъ 1,458.646 — около пятидесяти на сто. Надобно припомнить, что въ Январѣ 1836 года, когда приращеніе началось, переводъ былъ нѣсколько въ пользу Англии, и что курсъ былъ полный, или близко того. И такъ чего не надлежало ожидать, если не того, что чрезмѣрное умноженіе банковъ и ихъ выпусковъ понизитъ переводъ и поведетъ къ чрезмѣрнымъ требованіямъ платежей? Загрудиснія, происшедшія отъ такого состоянія вещей, не могли удивить тѣхъ, кому извѣстны истинныя начала торговли. Признаки были осязательно ясны. Самый обыкновенный наблюдатель могъ видѣть сбиравшіяся тучи и ужасныя слѣдствія.

Но собственно, выпуски ассигнацій — это самая малая часть вліянія банковъ на курсъ. Несмѣтная масса билетовъ, векселей, росписокъ и другихъ бумагъ, заставляющихъ деньги, которая, черезъ посредство банковъ, явилась въ обращеніи, была сама по

себя больше чѣмъ достаточно, чтобы переполнить курсъ, хотя бы банки не выпустили ни одной ассигнации. Правда, что чрезмѣрное ихъ размноженіе подорвало нѣсколько частныхъ банковъ и стѣснило выпуски и обороты тѣхъ изъ числа ихъ, которые еще держались. Но таблица показываетъ, что выпуски частныхъ банковъ въ гораздо меньшей степени уменьшились, нежели выпуски складочныхъ банковъ увеличились. Касательно же другихъ сторонъ ихъ оборотовъ, нѣтъ и сравненія. Удобства, доставленные складочными банками, для учета самыхъ мелкихъ бумажныхъ денегъ, ссуды подъ залогъ, которыя они дѣлали изъ собственныхъ фондовъ, составившихся отъ экономическаго употребленія денегъ, добытыхъ чрезъ многія тысячи билетовъ ихъ партнеровъ, которые до того употребляли ассигнации, или наличныя деньги — все это подняло итогъ курса выше всякихъ разсудительныхъ предѣловъ, еще больше подожгло духъ спекуляцій, и наконецъ, стѣснило переводъ и произвело тѣ требованія платежей, которыми истощились фонды въ кладовыхъ Англійскаго Банка.

Изложивъ необыкновенное размноженіе складочныхъ банковъ съ 1836 г., рассмотримъ тогдашнее поведение Англійскаго Банка. Вся знакомые съ началами торговли и денежныхъ оборотовъ, ясно видѣны, что беспорядочное приращеніе складочныхъ банковъ весьма скоро переполнитъ курсъ, и что Банкъ, всегда дѣйствовавшій столько же благоразумно, какъ и сильно, будетъ поставленъ въ крайне сомнительное положеніе. Банковый наличный капиталъ дорогихъ металловъ въ началѣ года былъ, какъ уже сказано, не много по меньше *семи милліоновъ*, тогда какъ, соразмѣрно его оборотамъ, ему достаточно бы было, для приличнаго обезпеченія себя, около

трехъ милліоновъ ф. ст. И хотя капиталъ его потомъ дѣйствительно уменьшился до сей степени, за всѣмъ тѣмъ нелѣпыя и обольстительныя проэекты безпрестанно появлялись; каждый день, гдѣ нибудь вырасталъ новый банкъ; огромное количество Американскихъ и другихъ поручительствъ въ то же время явилось для продажи на нашихъ рынкахъ; въ Мартѣ одинъ изъ главныхъ чиновниковъ Банка Соединенныхъ Штатовъ прибылъ въ Лондонъ, съ открытымъ предложеніемъ сдѣлать заемъ, въ чѣмъ и успѣлъ съ помощію Англійскаго Банка. Мечтательное поручительство большаго числа купцовъ и капиталистовъ, и опрометчивая горячность, съ какою бросились они въ новыя обязательства, и чрезъ то стали на самый край пропасти, есть фактъ назидательный и вмѣстѣ смиряющій! Кризисъ сталъ видѣнъ для всякаго, хоть мало знакомаго съ дѣломъ. Директоры Банка чувствовали приближеніе бури, и вопросъ — умно ли, сильно ли, съ должнымъ ли вниманіемъ къ безопасности Банка и выгодамъ общества дѣйствовали они въ этомъ всеобщемъ кораблекрушеніи? — есть одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ; онъ былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ, о которыхъ разсуждали многіе. Поведеніе Банка въ 1836 году искусно защищалъ Г. Горсмей Пальмеръ и искусно осуждалъ Г. Лойдъ. Мы увидимъ, что дѣло представляетъ смѣшанный характеръ и нѣсколько сторонъ. Съ одной, Банкъ достоинъ похвалы, а съ другихъ нельзя не порицать его. Чтобы читатель могъ легче согласить спорныя пункты, прилагаемъ здѣсь слѣдующую таблицу выпусковъ, оборотовъ и наличнаго капитала въ Банкъ, съ Января 1836-го по Мартъ 1837 года.

Въ концѣ чет- верти.	Обраще- ніе.	Вклады.	Поручи- тельства.	Металлы Золото. Серебро.
12 Января 1836 г.	17.262.000	19.169.000	31.934.000	6.625.000 431.000
9 Февраля . . .	17.427.000	18.366.000	31.022.000	6.957.000 514.000
8 Марша	17.759.000	16.966.000	29.806.000	7.155.000 548.000
5 Апрелья	18.065.000	14.751.000	27.927.000	7.259.000 562.000
5 Мая	18.154.000	13.747.000	27.042.000	7.214.000 568.000
51 Мая	18.051.000	13.275.000	26.534.000	7.088.000 575.000
28 Июня	17.899.000	13.810.000	27.155.000	6.784.000 578.000
26 Июли	17.940.000	14.435.000	28.315.000	6.551.000 575.000
25 Августа	18.061.000	14.786.000	29.345.000	5.766.000 559.000
20 Сентября . . .	18.147.000	14.118.000	29.406.000	5.211.000 508.000
18 Октябрия . . .	17.956.000	13.524.000	28.345.000	4.810.000 447.000
15 Ноябрья	17.545.000	12.682.000	28.134.000	4.558.000 375.000
15 Декабря	17.561.000	13.530.000	28.971.000	4.545.000
14 Января 1837 г.	17.422.000	14.554.000	30.565.000	4.287.000
12 Февраля . . .	17.868.000	14.250.000	31.085.000	4.032.000
7 Марша	18.178.000	15.260.000	30.379.000	4.018.000

Изъ таблицы видно, что до 5 Апрелья 1836 года металловъ въ кладовья Банка прибыло около 700,000 фунт. стерлинговъ, и съ тѣхъ поръ началась убыль ихъ. Въ тотъ же періодъ банковые выпуски возрасли до 800,000 ф. ст. При обыкновенномъ ходѣ вещей, это приращеніе, почти тождественное съ приращеніемъ металловъ, ничего бы не значило, но при томъ особенномъ положеніи, въ которое Банкъ былъ поставленъ, ему очевидно слѣдовало бы, вмѣсто увеличенія, сдѣлать свои выпуски. Защитники Банка находятъ, что это значило забывать впередъ событий, могущихъ случиться, и могло нарушить тѣ правила, которыми Банкъ руководствуется. Но много ли абсолютныхъ правилъ, т. е. такихъ, которыя можно принимать за непреложныя во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ? Мы не думаемъ, чтобы Банковыл правила были въ ихъ маломъ числѣ. Будь Банкъ единственный распорядитель выпусковъ, означенныя правила можно и должно было строго соблюдать, но при настоящемъ положеніи дѣль слѣдовало отступить отъ правилъ.

Правда, что дѣйствовать такъ, какъ мы сказали, значило бы «забывать въпередъ», но Банковъй наличный капиталъ былъ ниже его собственнаго уровня, и уже не было и не могло быть и тѣни сомнѣнія, что буря готова уже разразиться; оставалось зарфить паруса, спустить брамъ-стенъги, заколотить люки, вооружить помпы — слѣдовало Банку заблаговременно приготовиться къ перелому, котораго (онъ это зналъ) не было возможности избѣжать. Въ каждой газетѣ читалъ онъ объявленія объ открытіи новыхъ Банковъ во всѣхъ частяхъ государства; цѣны возвышались быстро и повсемѣстно; каждый день прибавлялись огромныя массы Американскихъ поручительствъ и векселей; переводъ постепенно упадалъ; все предвѣщало несомнѣнное, близкое наступленіе періода, когда Банкъ принужденъ будетъ за бумагу выдавать золото, пока курсъ не придастъ ей снова прежней цѣнности. Опасность, съ которою надлежало ему бороться, являлась велика и неизбѣжна — какъ же было ему не взять всѣхъ мѣръ, чтобы счастливо отвести ее?

Увелича свои выпуски съ Января по Апрель 1836 г., Банкъ тѣмъ самымъ подкрѣплялъ страсть къ складочнымъ Банкамъ; на него глядя и другіе, хорошо управляемые Банки, тоже распространили выпуски. Банкъ, могли они сказать, надъ которымъ разразится ударъ всякаго разстройства, самъ увеличилъ свои выпуски, — ясно, что курсъ не полонъ, и мы смѣло можемъ увеличивать свои. И такъ Банкъ, придерживаясь своихъ правилъ, самъ былъ причиною зла и тѣмъ болѣе жалъ, что онъ не всегда бывалъ такъ непреклоненъ въ другихъ отношеніяхъ. Во многихъ случаяхъ, уступая силѣ крайнихъ обстоятельствъ, для предупрежденія несчастій, увели-

чивалъ онъ свои выпуски, очень хорошо зная, что такое увеличеніе противно его строгимъ правиламъ.

Между тѣмъ, когда переводъ сдѣлался явно противъ выгодъ Англій, въ концѣ Апрѣля 1836 г., Банкъ взялъ самый приличный способъ платежей. Кромѣ выпуска ассигнацій вмѣсто золота, онъ выдавалъ ихъ и въ учетъ коммерческихъ бумагъ, и за вклады промѣстныхъ поручительствъ, и проч. Когда бумаги стали рѣдки въ столицѣ, въ слѣдствіе требованій Банковъхъ платежей, тѣмъ большія требованія на нихъ должны были начаться для учета, и если Банкъ, тѣмъ или другимъ путемъ, не ограничилъ требованій, то уже ему нельзя было уменьшать своихъ выпусковъ, или ограничивать требованія на золото. Между тѣмъ только двумя средствами Банкъ могъ сдѣлать необходимое сокращеніе учетовъ: онъ могъ отвергнуть большое число билетовъ, ему предъявленныхъ, или возвысить проценты, и тѣмъ заставить меньше предъявлять ихъ. Последнее всегда и вообще благоразумнѣе. Если бъ Банкъ началъ отказывать билетамъ, его стали бы обвинять, что онъ дѣйствуетъ пристрастно и не честно, и хотя такіа обвиненія вообще неосновательны, однакожъ и ему тяжело было бы дѣлать то, что всегда худо, т. е. дѣйствовать произвольно и безотчетно. Тѣ торговые дома, чьи билеты отвергнуты, всегда въ правѣ жаловаться, и никогда не останавлился приписать худшія причины побужденія Банку, и предъявить, что онъ отвѣчаетъ за всѣ затрудненія, въ какія они могутъ быть вовлечены. Хотя ничего такого не случится, за всѣмъ тѣмъ отказовъ билетамъ, стѣсняющихъ обороты, не должно допускать, развѣ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Всякое стѣсненіе должно стараться искусно разлагать на всѣхъ поровну, а не взваливать всю тяжесть его на бѣд-

няковъ, которые должны нести только то, что придется на ихъ долю. Директоры Банка, движимые чувствомъ справедливости всего, что мы сказали, подняли въ Іюнь проценты отъ 4-хъ до 4½, но какъ это не уменьшало убыли металловъ, а требованія учета векселей увеличивались, то въ Августъ проценты еще подняты до 5-ти, и въ такомъ положеніи остались.

Возвышеніе процентовъ, сдѣланное Банкомъ, дабы успешнѣе стѣснить курсъ, произвело сильное дѣйствіе. Проценты на Лондонскомъ торжищѣ тотчасъ поднялись въ ровень съ банковыми, даже нѣсколько выше; чувство подозрѣнія и недовѣрчивости сдѣлалось общимъ; требованія на Американскія поручительства прекратились; сильный ударъ былъ нанесенъ злоупотребительному и опасному промыслу передископированія векселей, доведенному до чрезвычайнаго объема нѣкоторыми изъ банковъ, и поставившему ихъ въ весьма опасное положеніе. Между тѣмъ нужно замѣтить, что говоря вообще, обязательства частныхъ банковъ значительно убавились; напротивъ складочныя банки увеличили ихъ, будто золото, вмѣсто убыли, постоянно прибывало въ кладовыя банковъ. Итоги ихъ ассигнацій, бывшихъ въ обращеніи во время четвертей, кончившихся 26 Марта, 25 Іюня, 24 Сентября и 31 Декабря 1836 года, были: 3,094,025, 3,588,064, 3,969,121, и 4,258,197 ф. ст. — приращеніе составляетъ 1,164,172, т. е. не менѣе *тридцати семи на сто*, хотя съ Апрѣля по Сентябрь былъ сильный вывозъ золота изъ Англій и нисколько не было ввезено съ Сентября по декабрь. Одно это — хотя бы ни начто другое нельзя было указать, служить разительнымъ примѣромъ, какъ вредно предоставлять право выпускать бумажныя деньги многимъ лицамъ, или обще-

чивалъ онъ свои выпуски, очень хорошо зная, что такое увеличеніе противно его строгимъ правиламъ.

Между тѣмъ, когда переводъ сдѣлался явно противъ выгодъ Англій, въ концѣ Апрѣля 1836 г., Банкъ взялъ самый приличный способъ платежей. Кромѣ выпуска ассигнацій вмѣсто золота, онъ выдавалъ ихъ и въ учетъ коммерческихъ бумагъ, и за вклады промѣшныхъ поручительствъ, и проч. Когда бумаги стали рѣдки въ столицѣ, въ слѣдствіе требованій Банковыхъ платежей, тѣмъ большія требованія на нихъ должны были начаться для учета, и если Банкъ, тѣмъ или другимъ путемъ, не ограничилъ требованій, то уже ему нельзя было уменьшать своихъ выпусковъ, или ограничивать требованій на золото. Между тѣмъ только двумя средствами Банкъ могъ сдѣлать необходимое сокращеніе учетовъ: онъ могъ отвергнуть большое число билетовъ, ему предъявленныхъ, или возвысить проценты, и тѣмъ заставить меньше предъявлять ихъ. Последнее всегда и вообще благоразумнѣе. Если бъ Банкъ началъ отказывать билетамъ, его стали бы обвинять, что онъ дѣйствуетъ пристрастно и не честно, и хотя такія обвиненія вообще неосновательны, однакожъ и ему тяжело было бы дѣлать то, что всегда худо, т. е. дѣйствовать произвольно и безотчетно. Тѣ торговые дома, чьи билеты отвергнуты, всегда въ правѣ жаловаться, и никогда не остановятся приписать худшія причины побужденія Банку, и предъявить, что онъ отвѣчаетъ за всѣ затрудненія, въ какія они могутъ быть вовлечены. Хотя ничего такого не случится, за всѣмъ тѣмъ отказовъ билетамъ, стѣсняющихъ обороты, не должно допускать, развѣ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Всякое стѣсненіе должно стараться искусно разлагать на всѣхъ поровну, а не вваливать всю тяжесть его на бѣд-

няковъ, которые должны нести только то, что придется на ихъ долю. Директоры Банка, движимые чувствомъ справедливости всего, что мы сказали, подняли въ Іюнѣ проценты отъ 4-хъ до 4½, но какъ это не уменьшало убыли металловъ, а требованія учета векселей увеличивались, то въ Августѣ проценты еще подняты до 5-ти, и въ такомъ положеніи остались.

Возвышеніе процентовъ, сдѣланное Банкомъ, дабы успѣшнѣе стѣснить курсъ, произвело сильное дѣйствіе. Проценты на Лондонскомъ торжищѣ тотчасъ поднялись въ ровень съ банковыми, даже нѣсколько выше; чувство подозрѣнія и недовѣрчивости сдѣлалось общимъ; требованія на Американскія поручительства прекратились; сильный ударъ былъ нанесенъ злоупотребительному и опасному промыслу передисконтированія векселей, доведенному до чрезвычайнаго объема нѣкоторыми изъ банковъ, и поставившему ихъ въ весьма опасное положеніе. Между тѣмъ нужно замѣтить, что говоря вообще, обязательства частныхъ банковъ значительно убавились; напротивъ складочные банки увеличили ихъ, будто золото, вмѣсто убыли, постоянно прибывало въ кладовыя банковъ. Итоги ихъ ассигнацій, бывшихъ въ обращеніи во время четвертей, кончившихся 26 Марта, 25 Іюня, 24 Сентября и 31 Декабря 1836 года, были: 3,094,025, 3,588,064, 3,969,121, и 4,258,197 ф. ст. — приращеніе составляетъ 1,164,172, т. е. не менѣе *тридцати семи на сто*, хотя съ Апрѣля по Сентябрь былъ сильный вывозъ золота изъ Англій и нѣсколько не было ввезено съ Сентября по декабрь. Одно это — хотя бы ни начто другое нельзя было указать, служить разительнымъ примѣромъ, какъ вредно предоставлять право выпускать бумажныя деньги многимъ лицамъ, или обще-

ствамъ, виды которыхъ несовмѣстны между собою, и возбуждаются однимъ только переводомъ, и то издали. Разсуждая о выпускахъ Англійскаго Банка, надобно, если не хотимъ ошибиться, различать Лондонскіе его выпуски отъ выпусковъ во всей Англїи. Они зависятъ отъ началъ совершенно отличныхъ, и ни въ какомъ случаѣ не должны смѣшиваться между собою. Последніе выпуски шли на мѣсто бумагъ провинціальныхъ банковъ, которые охотно уступали имъ свое мѣсто, и сумма ихъ всегда была *меньше* той суммы, изъ которой они только часть вытѣсняли. Ясно стало быть, что Банкъ постоянно могъ увеличивать обращеніе своихъ бумагъ въ провинціяхъ, въ то самое время, когда онъ старался уменьшить ихъ обращеніе вообще, и наоборотъ. И такъ вліяніе Банка на курсъ должно наблюдать въ Лондонскомъ обращенїи, гдѣ была его полная монополїя, служившая сигналомъ для всего государства. Но Лондонское обращеніе, составлявшее къ 1 Октября 1833 года, 16,500,000 уменьшилось къ 27 Декабря 1836 года до 13,500,000 — на три милліона, въ отношенїи $\frac{18}{100}$. Въ 1836 г. выпуски въ Лондонѣ и провинціяхъ были слѣдующіе:

1836 года.		
Марта 29	выпуски въ Лондонѣ на	14,400,000
	Банковъхъ конторъ	3,600,000
		18,000,000
Юня 28	выпуски въ Лондонѣ	14,200,000
	Банковъхъ конторъ	3,700,000
		17,900,000
Сентября 27	выпуски въ Лондонѣ —	14,500,000
	Банковыя конторы	3,600,000
		18,100,000
Декабря 27	выпуски въ Лондонѣ —	13,500,000
	Банковыя конторы	3,800,000
		17,300,000

Отсюда видимъ, что въ теченіе 1836 года Лондонскіе выпуски матеріально уменьшились. Послѣ скажемъ нѣсколько словъ о томъ, почему слѣдовало имъ еще больше уменьшиться. Но то несомнѣнно, что они были уменьшены, и будь выпуски складочныхъ и другихъ банковъ приведены въ ту же пропорцію, или оставаясь они постоянно въ томъ итогѣ, въ какомъ были 25-го Марта, тогда справедливо могли бы думать, что требованїя платежей легко бы удовлетворились, и наличный капиталъ былъ бы вдвое того, что онъ теперь.

Между тѣмъ, опасенїя, возбужденныя противными распоряженїями складочныхъ банковъ, стѣсненїе Лондонскаго обращенїя, возвышенїе процентовъ до пяти на сто, вмѣстѣ съ моральною болелью, пробудившеюся во всѣхъ разсудительныхъ людяхъ несчастїями, постигшими другїя государства, произвели, какъ уже сказано, сильное противодѣйствїе. Слѣпое и неразборчивое довѣріе уничтожилось; въ Лондонѣ труднѣе стало производить денежныя дѣла, и какъ число ходячихъ билетовъ, и удобства находить скорый прїемъ къ платежу, уменьшились, то и цѣны стали быстро упадать; отъ такою испорченнаго состоянїя дѣлъ, требованїя на золото въ Банкъ постепенно убавлялись. Съ 1 Сентября почти не было его въ отпускъ за границу*.

Однакожь и то справедливо, что съ 1 Сентября 1836 г. и по 30 Марта 1837 г., наличный банковый капиталъ уменьшился отъ 1,500,000 до 2,000,000

* По счету Лондонской таможи (куда не входятъ вывозы изъ другихъ мѣстъ Англїи, когда мы знаемъ, что вывозъ въ Соед. Штаты, на примѣръ, производится наиболее изъ Ливерпуля), вотъ какой былъ итогъ вывоза въ 1836 г. изъ Лондона драгоценныхъ металловъ: золота 362,134 у., считая 3 ф. 17 ш. 9 д., на 1,407,992 ф. ст., серебра 3,859,049 у., считая по 4 ш. 11¼ д., на 960,743, а всего на 2,368,735 ф. ст.

ф. ст., и что такое сильное уменьшение не сопровождалось соразмерным уменьшением даже Лондонских выпусков. Это видимое противоречие всякому здравому смыслу и исключительному правилу, которым, по словам Банка, он уравнивал итог текущих бумаг, весьма строго порицали Лойд и другие. Хотя мы согласны с ними, что съ Сентября 1836 г. выпуски Банка не были достаточно стъснены, не принимаемъ однакожъ, будто уменьшение наличнаго капитала въ кладовыхъ Банка подавало достаточную причину охудать его распоряженія. Состояніе перевода есть единственное средство, которымъ можно опредѣлять, находится ли курсъ въ приличномъ равновѣсїи. Но большая часть убылей золота изъ Банка, съ Сентября, послѣдовала не отъ упадка иностраннаго перевода, а отъ упадка домашняго кредита. Злоупотребленіе банковской системы было доведено, если только это можно, до большей крайности въ Ирландїи, нежели въ Англіи, и противодѣйствіе и упадокъ кредита, по тому самому, были гораздо ощутительнѣе тамъ, нежели въ Англіи. Въ самой вещи, не было ни одного банка въ Ирландїи, который пользовался бы довѣріемъ; въ продолженіе Октябрю начались натиски на большую часть Ирландскихъ банковъ, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ сдѣлались гибельны для Земледѣльческаго Банка (онъ учрежденъ былъ около двухъ лѣтъ до того на акціяхъ, и имѣлъ около тридцати конторъ). Не ожидая, что ассигнаціи Англійскаго Банка будутъ имѣть ходъ въ Ирландїи, Ирландскій, провинціальный и другіе Банки изъ всѣхъ силъ старались запастись звонкою монетою. Это могли они сдѣлать только продажею поручительства, и стало быть, требованіемъ золота въ Англійскомъ Банкѣ. Такимъ образомъ добыто болѣе милліона ф. ст. Ир-

ландскія происшествія и другія обстоятельства произвели сильный упадокъ кредита въ разныхъ частяхъ Англіи; банкиры вообще стали увеличивать запасы ассигнацій и золота изъ Англійскаго Банка. Вотъ настоящая исторія уменьшенія наличнаго капитала въ Банкѣ съ 1-го Сентября 1836 года. Теперь ясно ошибочное мнѣніе Лойда. Банкъ, стъсни свои выпуски, не могъ остановить требованія на золото. Напротивъ, затрудненіе платежей въ столицѣ увеличило бы упадокъ кредита въ Ирландїи и Англійскихъ провинціяхъ, и произвело бы еще большія требованія на золото.

Но хотя мы положительно утверждаемъ, что внутреннія требованія платежей не должны были, сами по себѣ, заставить директоровъ стъснить обращеніе, но въ то же время охотно допускаемъ, что по другимъ обстоятельствомъ, имъ слѣдовало бы, съ Октябрѣ, дѣйствовать путемъ сокращенія съ большею силою и системою, чѣмъ прежде они дѣлали. Наличный банковый капиталъ уменьшился въ Октябрѣ до пяти милліоновъ, сдѣлался меньше половины той суммы, какую слѣдовало имѣть ему, чтобы поставить себя въ независимое состояніе. Отпускъ золота въ чужіе края остановился, но и привозъ его не начинался; переподъ колебался, и кромѣ того съ полною увѣрительностью можно было полагать, что только лишь довѣріе возстановится, тогда же и быстро произойдутъ чрезмѣрные выпуски, и стало быть Банкѣ, при тѣсныхъ и недостаточныхъ средствахъ, будетъ бороться съ возобвившимися требованіями платежей. Сообразя все это, говоримъ, что Банку слѣдовало стъснить свои выпуски, а для того надлежало поднять проценты до шести или семи, даже больше, если бы понадобилось, чтобы остановить натискъ на его золото.

Директоры Банка, без сомнѣнія, могутъ отвѣчать, и отвѣчали, что они сами видѣли необходимость ограничить выпуски, но что имъ не было возможности съ половины Октября слѣдовать по пути, который предписывали правила ихъ заведенія, и изъ уваженія къ другимъ выгодамъ, они принуждены были невольно отъ нихъ уклониться. Мы сомнѣваемся однакожь, можно ли принять такое оправданіе. Первая обязанность Банка, которой все другіе виды, говоря вообще, во всякое время должны быть подчинены, есть уравненіе курса, такъ, чтобы всегда у него оставался достаточный запасъ денегъ въ кладовой. Обстоятельства, которыхъ директоры не умѣли понять, уже успѣли, и опять могутъ уклонить ихъ отъ той единственной цѣли, которой всеми силами слѣдовало имъ стараться достигнуть, и можно было достигнуть посредствомъ монополіи Лондонскаго обращенія. Покровительство торговль и поддержка кредита всегдѣ не ихъ обязанность; конечно, они могли подавать имъ всякую возможную помощь, но *покровительство публикѣ* противъ всякаго вреднаго колебанія въ количествѣ и цѣнѣ монеты, и содержаніе достаточнаго капитала въ запасъ — вотъ ихъ обязанность по превосходству.

Сѣверный центральный Банкъ, учрежденный въ 1834 г. въ Манчестерѣ, съ наличнымъ капиталомъ, болѣе 700,000 ф. ст., и почти сорока конторамъ, былъ такъ грубо не распорядителенъ (чтобы не сказать чего хуже) въ своихъ дѣлахъ, что вовлекши самого себя въ величайшія затрудненія, и истощивъ все другіе источники, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ Англійскому Банку. Получа отказъ — онъ былъ бы вынужденъ остановить платежи. Банкъ, заботясь объ отвращеніи такого рода несчастія, котораго надобно было ожидать, и которое произве-

ло бы всеобщій ужасъ въ Ланкаширѣ, успѣли поддержать колебавшееся заведеніе. Разныя были мнѣнія на счетъ приличія такого посредничества со стороны Банка; кажется, теперь все благонамѣренныя люди почти вообще согласны, что ему не слѣдовало вызываться. Если Банкъ вошелъ въ посредничество въ одномъ случаѣ такого рода, то трудно было понять, подѣ какимъ предлогомъ онъ уклонится въ другихъ случаяхъ? А если онъ сдѣлается *опорною* точкою, на которой все пошатнувшіеся складочныя банки, при всякихъ затрудненіяхъ, могутъ смѣло опираться, то ясно, что и послѣднее поручительство за ихъ доброе поведеніе будетъ уничтожено. Но всегдѣ тѣмъ, мы готовы извинить посредничество; пусть бы Англійскій Банкъ помогъ Сѣверному центральному Банку, только бы не прибавлялъ и не убавлялъ обращенія до несвойственнаго итога. Если бы директоры предпочли продать Эксчекверскіе билеты, заклады и другія поручительства, и выручку отъ сей продажи употребили на отвращеніе банкротства разстроившихся заведеній — это ихъ дѣло, и еще ихъ вкладчиковъ, и ни до кого болѣе не касается. Но мы вполне согласны съ Лойдомъ, что какъ пособіе было сдѣлано не изъ запасныхъ фондовъ, которые были въ рукахъ Банка, какъ бы слѣдовало, а прибавкою количества текущихъ бумагъ, когда самыя очевидныя причины требовали ихъ убавки, то нѣтъ возможности извинить такое распоряженіе.

Банкъ тоже вмѣшался въ дѣла торговаго дома Эсдейль, и еще съ меньшею основательностью. Согласны, что разстройство сего дома могло повредить Лондонскимъ банкирамъ, но не Банку и не публикѣ, и если бы изъ того вышли дурныя послѣд-

ствія, вся отвѣтственность пала бы на банкировъ, а не на Англійскій Банкъ.

Коренной недостатокъ въ учрежденіи Банка есть палчшее сочувствіе къ пользамъ и видамъ купеческаго класса, и это не удивительно — онъ управляется купцами. Со всею безошибочною достовѣрностью можно сказать, что когда купцы горячо защищаютъ поведеніе Банка, въ то время, навѣрное, онъ дѣйствуетъ по ошибочнымъ правиламъ — и на оборотъ. Во всякомъ случаѣ, когда газетныя статьи Снати о столичныхъ бумагахъ расточаютъ похвалы на счетъ поведенія Банка, можно смѣло быть увѣрену, что несчастіе близко. Купецъ только и думаетъ, какъ бы съ меньшими процентами сбыть билеты къ платежу; его хорошее или дурное мнѣніе о директорахъ зависитъ, въ девяти случаяхъ на десять, отъ готовности ихъ очистить бумагу, которую онъ представить имъ. Тутъ много угодливости, но очень мало благоразумія и осторожности со стороны Банка. Иное дѣло — будь онъ только сохранный Банкъ, которому дѣла нѣтъ до выпуска ассигнацій; но въ настоящемъ положеніи, всѣ дѣла Банка должны быть, во всякомъ случаѣ, подчинены его обязанности выпускаателя и установителя курса. Для него *salus populi* должно быть главнѣйшимъ правиломъ; угодливость купцамъ тогда только можно допускать, когда публика обезпечена запасомъ наличнаго капитала не менѣе трети всѣхъ банковыхъ обязательствъ.

Знаемъ, что очень трудно въ положеніи директоръ Банка противиться просьбамъ и преувеличеннымъ представленіямъ тѣхъ, съ кѣмъ они живутъ, и съ выгодами которыхъ часто бываютъ тѣсно связаны ихъ собственныя выгоды. Нѣтъ сомнѣнія, что могутъ быть и были случаи, когда общая польза требовала, чтобы директора уступали прось-

бамъ купцовъ, и непреклонность въ правилахъ была бы несправедлива. Директоры обязаны сравнивать одинъ образъ дѣйствованія съ другимъ, и если окажется, что соблюденіе правилъ въ какомъ нибудь особенномъ случаѣ будетъ рѣшительно вреднѣе для общества, нежели уклоненіе отъ нихъ, то, безспорно, такъ имъ и дѣйствовать должно. Согласно, что сія власть можетъ быть употреблена во зло, и дѣйствія Банка всегда будутъ подлежать большому подозрѣнію; но съ другой стороны не видимъ — пока существуетъ нынѣшняя свобода увеличивать поддѣльный кредитъ — въ какой степени должно ограничить Банкъ, не навлекая самыхъ опасныхъ послѣдствій? Примѣръ тому помощь, недавно оказанная нѣкоторымъ домамъ, торгующимъ съ Америкою. Безнечное неблагоразуміе, съ которымъ принимались ихъ бумаги капиталистами въ Лондонѣ и въ провинціяхъ, вовлекли сіи дома въ обязательства на огромную сумму, безъ всякой соразмѣрности съ ихъ капиталомъ. Но отъ чрезмѣрнаго и неумѣстнаго довѣрія былъ только одинъ шагъ, и очень не трудный, до неразумной и неосновательной недовѣрчивости. Лондонскіе капиталисты и провинціальныя банкиры, найдя, что они слишкомъ далеко зашли въ одну сторону, бросились, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, на столько же въ противоположную сторону, и вскорѣ совсѣмъ перестали принимать бумаги, въ какой бы ни было срокъ. Въ такомъ положеніи, отвергнутымъ купеческимъ домамъ оставалось прибѣгнуть къ Банку. Между тѣмъ, онъ нисколько не былъ имъ обязанъ. Въмѣшайся онъ, увеличивъ свою отвѣтственность, при недостаточномъ запасѣ наличнымъ капиталомъ, и только для того, чтобы спасти А. В. С. отъ пронасти, куда неразуміе и жадность вовлекли ихъ, поведеніе его во всякомъ

такимъ случаѣ неизвинительно. Но къ несчастію, паденіе частныхъ домовъ подвергло бы общую выгоду такой опасности, которую незнакомымъ съ дѣломъ и вообразить трудно. Откажись Банкъ принять ихъ бумаги — тогчасъ же билеты, на сумму отъ восьми до двѣнадцати милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, вышли бы изъ обращенія, и ударъ, нанесенный кредиту, произвелъ бы чрезвычайныя банкротства и раззоренія, которыхъ можно сравнить развѣ съ несчастіями, послѣдовавшими за уничтоженіемъ Миссисипскаго проэкта во Франціи. При такихъ обстоятельствахъ, Банкъ противъ воли рѣшился принять бумаги; это потребовало нѣкотораго увеличенія выпускковъ, и потому порицается, но не бросься онъ въ опасность, слѣдствія были бы ужасныя. Въ этомъ, мы увѣрены, никто не станеть спорить.

Въ то же время мы готовы думать, что Банкъ, въ нѣкоторой степени, могъ предупредить общій переломъ, и дѣйствительно брать мѣры для достиженія сей цѣли. Еще за двѣнадцать мѣсяцевъ очень хорошо было извѣстно, что Американцы слишкомъ уже пользуются удобствами, предоставленными нынѣшнюю денежною системою въ Англій, и готовятъ поддѣльный кредитъ и довѣріе; больше чѣмъ за шесть мѣсяцевъ, всѣ уже знали, что они заторговались выше своихъ средствъ и вовлеклись во многія важныя затрудненія, но не скоро стало видно, что они хотятъ опереться на Банкъ. И когда бы онъ рѣшился только политически подать имъ помощь — даже пусть на основаніи народнаго права, онъ и обязанъ былъ имъ помочь вещественнымъ образомъ, — то ему слѣдовало напередъ всеми мѣрами приготовиться къ такой встрѣчѣ, и стѣснить сколько можно свои выпуски во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Теперь мы согласны, что онъ долженъ былъ, въ Сентябрѣ, Октябрѣ и послѣ, поднять проценты до шести или семи. Это заставило бы богатый классъ купцовъ, фабрикантовъ и торговцевъ уменьшить свои требованія платежей до послѣдней возможности; тогда осталась бы большая сумма наличныхъ денегъ для пособія другимъ. Возвысь Банкъ свою цѣну учета, когда правительство возвысило процентъ на Эксчекверскіе билеты, сія мѣра произвела бы тоже самое дѣйствіе. Тѣ, которые просили Эксчекверскаго Каучлера поднять проценты на тамошніе билеты, дѣлали это главнѣйше для того, чтобы вызвать Банкъ продать ихъ, и стало бытъ стѣснить обращеніе съ наименьшею потерею для публики. Но ясно, что если Банкъ не поднималъ процентовъ учета, когда были подняты проценты на Эксчекверскія бумаги, то необходимымъ слѣдствіемъ продажи ихъ было соразмѣрное увеличеніе требованій учета, и дѣло вышло на оборотъ.

Съ Сентября 1836-го по 30 Марта 1837 года не было, или почти не было требовано изъ Банка золота для заграничныхъ платежей. Но это ни сколько не оправдываетъ Банкъ въ его нехотѣніи поднять проценты. Разстройство его капитала предписывало директорамъ непремѣнную обязанность стоять, сколько можно, въ систематическомъ, неуклонномъ стремленіи, стѣсняя обращеніе своихъ бумагъ, пока золото начнетъ постоянно стекаться въ кладовыя. Имѣй они въ рукахъ восемь или десять милліоновъ золота, никто бы и не подумалъ порицать ихъ за то, что они брали только пять процентовъ.

И такъ, касательно поведенія Англійскаго и провинціальныхъ Банковъ, съ 1-го Января 1836 года, кажется достаточно объяснено:

Первое. Чрезвычайное и безпримѣрное размноже-

ніе складочныхъ банковъ, во второй половинѣ 1836 года, ихъ соперничество между собою и съ прежними банками, прибавленіе, сдѣланное ими къ существовавшей массѣ денегъ и денежныхъ представителей, были единственною причиною неблагопріятнаго перевода и сильной убыли золота въ Англійскомъ Банкѣ съ Апрѣля 1836 года.

Второе. Хотя Англійскій Банкъ не принялъ мѣръ, предупреждающихъ требованій на золото, однакожъ мѣры его остановили ихъ, были умно придуманы, ибо требованія прекратились съ 1-го Сентября.

Третье. Англійскій Банкъ нельзя порицать за то, что онъ не уменьшилъ выпусковъ по случаю упадка въ Ирландіи кредита съ Ноября, и неизбѣжнаго за тѣмъ отлива звонкой монеты въ ту часть государства.

Четвертое. Поведеніе Банка съ Октября или Ноября, за исключеніемъ дѣла Американскихъ домовъ, кажется, слишкомъ соображалось съ мнимыми требованіями коммерціи: не было сдѣлано особеннаго усилія стѣснить выпуски, для того, чтобы произвестъ приливъ золота, крайне нужнаго по чрезвычайному истощенію банковаго наличнаго капитала.

Слѣдовательно, пока въ Англіи не будетъ коренной перемѣны въ учрежденіи складочныхъ и частныхъ банковъ, до тѣхъ поръ торговля ни чѣмъ не обезпечена со стороны повторенія дѣла, подобныхъ тѣмъ, какія мы разсматривали, и даже гораздо худшихъ. Мы уже видѣли, что въ продолженіе періода съ Апрѣля по Сентябрь, когда переводъ былъ явно противъ выгодъ Англіи, и объ отпускъ золота за границу разсуждали въ каждой газетѣ, складочные банки поминутно увеличивали свои выпуски, до такой степени, которая и тогда была бы

неразумна, когда бы переводъ былъ гораздо болѣе въ ихъ пользу. Если поведеніе ихъ хотѣли извинить не полными отчетами Англійскаго Банка, сіи отчеты, какъ бы они ни были не полны въ другихъ отношеніяхъ, ясно показывали, что наличный банковый капиталъ постепенно уменьшался, и хотя бы распорядители складочныхъ банковъ точно не знали, до какой степени были уменьшены городскіе выпуски Банка, но возвышеніе процентовъ учета съ 4 до $4\frac{1}{2}$, и потомъ до 5, могли ясно показать имъ, что Банкъ почувствовалъ свою опасность и старается отклонить ее. Чѣмъ болѣе вникнемъ въ дѣло, тѣмъ сильнѣе убѣдимся, что нѣтъ возможности установить бумажный курсъ въ Англіи на прочномъ основаніи, пока власть направлять его не будетъ предоставлена *одному выпускающему*. Положимъ, что отъ какого нибудь обстоятельства курсъ переполнился, и что Англійскій Банкъ вынужденъ стѣснить свои выпуски; прочіе банкиры, говоря вообще, видятъ, что имъ тоже надобно уменьшить свои выпуски, но какъ ихъ безд; на — цѣлыя сотни, разбросанныя по всѣмъ угламъ государства, то каждый изъ нихъ очень основательно заключить, что какое бы сокращеніе выпусковъ онъ ни сдѣлалъ, все это будутъ капли, и ни одна душа изъ нихъ и не подумаетъ объ этой мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока чувствуетъ состоятельность тѣхъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Напротивъ, каждый банкиръ очень хорошо знаетъ, что возьми онъ назадъ часть своихъ ассигнацій, другіе изъ его соперниковъ воспользуются случаемъ наполнить пустоту, такимъ образомъ сдѣланную; онъ потеряетъ часть своихъ оборотовъ, ни сколько не понижая итога ходячихъ бумагъ. Отсюда, въ девятнадцати случаяхъ изъ двадцати, они увеличиваютъ свои совмѣстные

за такимъ состояніемъ дѣль, но дѣйствительно законодательная власть покажетъ сильное небреженіе къ своему долгу, если послѣ всего этого станетъ еще дозволить систему, способную приводить къ такимъ послѣдствіямъ, систему, по которой кто либо одинъ, или нѣсколько лицъ, будутъ имѣть возможность похищать королевскія преимущества и выпускать деньги безпрепятственно. Неизбѣжно, выпуски будутъ чрезмѣрны въ періоды, когда цѣны высоки и довѣріе большое, или внезапно и безразсудно станутъ они сокращаться, когда цѣны понизятся и кредитъ упадетъ. Всѣ причины колебанія, свойственныя основѣ промышленности, при такой ошибочной системѣ скопляются со всѣхъ сторонъ, въ тоже время, какъ она осуществляетъ собой множество новыхъ. Неправильное размноженіе банковъ, денегъ и средствъ доставать ихъ, весною 1836 года произвели возвышеніе цѣнъ, наводненіе вадорныхъ и нелѣпныхъ предпріятій, и чрезмѣрность кредита, которыми отличался сей періодъ; въ тоже время упавшій переводъ и истощеніе наличнаго капитала въ Банкѣ образовали переломъ, котораго слѣдствія и теперь еще продолжаются. Если хотѣть, чтобы государство всегда было подвержено перемежающейся лихорадкѣ, и переходило изъ пароксизма жару въ пароксизмъ озноба, изъ состоянія естественнаго возбужденія въ состояніе неестественнаго онемѣнія, то нынѣшняя денежная система Англии самое лучшее къ тому средство. Но, вѣроятно, всѣ согласны, что такая лихорадка столько же вредна для тѣла политическаго, какъ и для животнаго. Нельзя шутить, а еще того менѣе оставаться при такомъ постоянно угрожающемъ разстройствѣ государственнаго здоровья. Наружныя и смлгчающія средства теперь бесполезны; безъ ради-

кальнаго леченія, параличъ и смерть пациента неизбѣжны. Это радикальное леченіе состоитъ въ обеспеченіи на будущее время отъ того, чтобы колебанія курса не превышали тѣхъ колебаній, какія неизбѣжны, когда бы курсъ былъ совсѣмъ металлическій — т. е. необходимо уничтожить мнѣстныхъ ассигнацій и выпускъ ихъ вопрѣтъ одному мнѣстѣ. Ничего не можетъ быть короче и вѣрнѣе этого. Ни какое требованіе обеспеченія, особливо на выпускъ ассигнацій, не удержитъ выпускателей отъ соперничества между собой, а это-то и есть зараза нынѣшней системы, не возбраняющей деньгамъ являться въ одно время съ избыткомъ, а въ другое совсѣмъ нечезать. Если прибѣгнуть къ тому единству дѣйствія, отъ котораго послѣдуетъ равновѣсіе цѣнъ, столь необходимое, то положится конецъ множественности выпускателей. Если право выпускать ассигнаціи будетъ предоставлено только одному, онъ тотчасъ же можетъ стѣснить курсъ, когда золото начнутъ вывозить, и можетъ поднять его, когда золото стануть ввозить, и законодательной власти легко будетъ слѣдить за такимъ уравненіемъ, успѣшно предупреждая всякое колебаніе въ количествѣ и цѣнѣ денегъ, коль скоро оно превзойдетъ ту степень, какую это колебаніе можетъ имѣть, когда бы курсъ состоялъ единственно изъ звонкихъ металловъ. Ничему этому не бывать, пока право уравненія будетъ во многихъ рукахъ, потому, что и впередъ станеть повторяться тоже, что всегда бывало прежде, т. е. многіе, если не всѣ, будутъ увеличивать свои выпуски, когда слѣдовало бы уменьшать ихъ, и на оборотъ.

Г. Лойдъ, а авторитетъ его въ дѣлахъ такого рода особенно важенъ, ясно доказываетъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ долженъ быть ввѣренъ одному

лицу, облеченному полною властью, и ответственностью за правильное распоряжение их суммою. Однакожь, онъ готовъ думать, что какъ въ Англии давно уже принято, чтобы лица и компании выпускали ассигнаціи, то это такъ тѣсно срослось съ обычаями и предразсудками народными, что мало надежды на его искорененіе. Мы съ своей стороны не находимъ, чтобы трудности уничтоженія мѣстныхъ ассигнацій были столь велики, какъ предполагаетъ г. Лойдъ. Постанови только Парламентъ закономъ, чтобы всѣ провинціальныя ассигнаціи, уплачиваемыя по предъявленію, прекратили свое обращеніе съ Января 1840 года, мы увѣрены, что уничтоженіе ихъ исполнится безъ всякихъ затруднительныхъ послѣдствій. Обращеніе ассигнацій — не исключая и тѣхъ, которые достоинствомъ были ниже пяти ф. стерлинговъ, и уничтожены — совсѣмъ не составляетъ главнаго источника банковыхъ выгодъ. Штемпельная пошлина, издержки на гравировку, печатанье, и еще большіе расходы на поддержки ходячихъ ассигнацій, и необходимость припасать платежъ, когда ихъ предъявить, все это дѣлаетъ выгоду, доставляемую ихъ выпускомъ, очень незначительною. Извѣстно, что многіе провинціальныя банки, въ послѣднее шестидлѣтіе, сами взяли изъ обращенія свои ассигнаціи, и вмѣсто ихъ пустили ассигнаціи Англійскаго Банка. Вѣрно, они не сдѣлали бы этого, если бъ тутъ былъ для нихъ чувствительный ущербъ; напротивъ, банки, такимъ образомъ распорядившіеся, имѣли почти такія же обширныя выгоды, какъ и тѣ, которые выпускали свои собственныя ассигнаціи. Это вполнѣ рѣшаетъ вопросъ, и доказываетъ, что выгоды провинціальныя банковъ не потерпятъ чувствительнаго ущерба, если ихъ ассигнаціи замѣнятся ассигнаціями Ан-

глійскаго Банка. Да и гдѣ же справедливость, если предоставить собранію частныхъ людей постоянное право вредить всему государству? Чтобы дать курсу прочное основаніе, непременно нужно уничтожить всѣ мѣстные выпуски.

Скажутъ: какъ ограничить монополію Банка, когда, послѣ уничтоженія мѣстныхъ ассигнацій, онъ получитъ неограниченную власть дѣлать выпуски, и какъ обеспечить, чтобы онъ содержалъ итогъ бумажныхъ денегъ въ равновѣсіи съ итогомъ металловъ? — Мы утверждаемъ, что онъ такъ станетъ дѣйствовать. Исключительная ответственность ляжетъ на Банкъ; его дѣйствіе, по одному постановленію направленію, не будетъ возмущаться, какъ теперь, посторонними дѣйствіями по другимъ направленіямъ; онъ прямо и непосредственно долженъ будетъ отвѣчать за всякое разстройство, могущее случиться. Обязанности Банка, какъ продавца билетовъ и денегъ, часто уклоняли его отъ прямой линіи его обязанностей, какъ выпускающаго билетовъ и денегъ, и мы уже показывали дѣйствіе сей возмущающей причины съ Октября 1836 года. Есть средство и возможность такъ ограничить Банкъ, что его повсденіе, какъ выпускающаго, послѣ истребленія мѣстныхъ ассигнацій, будетъ, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, управляться строжайшимъ соблюденіемъ правилъ. Г. Лойдъ предлагаетъ совсѣмъ отдѣлать заштѣтъ Банка по выпуску денегъ отъ другихъ его дѣлъ; главный надзоръ надъ нимъ можетъ быть ввѣренъ комитету курса, избранному изъ среды директоровъ, а представитель правительства будетъ присутствовать при всѣхъ его сужденіяхъ. Если такой представитель, какъ и быть должно, будетъ облеченъ своимъ велѣ на всѣ случаи, когда захотятъ увеличить выпуски, то публика получитъ все необ-

ходимое обеспечение на счет приличного действия системы, и освободится от всякаго рода колебаний.

Мы твердо увѣрены, что всякій другой планъ не будетъ годенъ практически. Существенные недостатки нынѣшней денежной системы суть: многочисліе выпускателей и излишняя чувствительность въ отношеніяхъ Англійскаго Банка съ купеческимъ классомъ. Изъ всего сказаннаго видно, до какой степени надобно избѣгать обонхъ недостатковъ. Провинціальные банки ни какого ущерба не понесутъ отъ совершеннаго уничтоженія ихъ ассигнацій въ теченіе двухъ лѣтъ. Равно и Англійскій Банкъ не можетъ противиться назначенію комисіонера, имѣющаго *вето* на его выпуски. Этому чиновнику ни малѣйшаго дѣла не будетъ до другихъ банковыхъ занятій; вліяніе его обнаружится только тогда, когда директоры захотѣли бы нарушить правила, имъ предписанныя. Дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы противиться назначенію такого чиновника, директоры, имѣя сомнѣнія, будутъ даже рады имѣть его въ своемъ кругу. Тогда они могутъ съ своей стороны отвѣчать купцамъ: «мы бы очень хотѣли содѣйствовать вашимъ видамъ, но это невозможно: комисіонеръ не дозволяетъ выпустить ни одной ассигнаціи.» Такимъ образомъ они избѣгутъ укоризны въ недоброежелательствѣ, которой, повидимому, они всегда, такъ неосновательно впрочемъ, боялись, и обеспечить публику отъ банкротствъ и всякихъ затруднительныхъ послѣдствій, всегда вредныхъ государству.

III.

Нѣтъ надобности повторять извѣстное всѣмъ, что коммерческія отношенія между Англіею и Соединен-

ными Штатами, въ продолженіе послѣдняго періода времени, находились въ самомъ крайнемъ разстройствѣ. Но, можетъ быть, не всякій соображалъ всю великость потрясенія, претерпѣннаго обоими государствами. Главнѣйшіе негодянты въ Англіи и Америкѣ вовлечены были въ величайшее затрудненіе; весьма многіе вынуждены были приостановить платежи. Судя по огромнымъ размѣрамъ внѣшней торговли обѣихъ земель, особенно Сѣверо-Американской, можно себя представить, что несчастіе, ее постигшее, имѣло разрушительное дѣйствіе почти на всѣ промышленныя статьи въ Англіи и Америкѣ. Великое и неожиданное уменьшеніе отпуска изъ Великобританіи въ Америку вынудило многихъ Англійскихъ фабрикантовъ, или вовсе закрыть свои заведенія, или уменьшить количество работъ. Множество мастеровыхъ осталось безъ занятія. Въ Америкѣ вліяніе этого разстройства было такъ велико, что всѣ банки Соединенныхъ Штатовъ были принуждены прекратить платежи; кредитъ упалъ, и хотя государство не имѣло долгу, а напротивъ, большой избытокъ дохода, за всѣмъ тѣмъ едва было въ состояніи учинить самыя нужнѣйшія выдачи денегъ.

Замѣтимъ еще, что такой убійственный переворотъ случился въ періодъ глубокаго политическаго мира, въ торговлѣ двухъ націй, знатокъ этого дѣла, который долго были связаны родственными узами; одно происхожденіе, одинъ языкъ, одинъ вкусъ, и между ними всегда были самыя обширныя и самыя тѣсныя сношенія. Америка долго зависѣла отъ Англіи со стороны удовлетворенія главнѣйшими ея потребностями. Англія долго была главнѣйшимъ складочнымъ мѣстомъ Американскихъ произведеній. Для обыкновеннаго наблюдателя, торговля между Ливерпульскъ и Нью-Йоркомъ, въ началѣ 1836 года, мало чѣмъ раз-

нилась от торговли между Ливерпулемъ и Лондономъ, или между Гавромъ и Парижемъ, кроме того развъ, что была больше и прибыльнѣе; наконецъ, казалось, она существовала всегда на прочномъ основаніи. Высшіе болѣзненные признаки были слишкомъ мелки, и понять нельзя было судить о дѣйствительномъ положеніи. Только тѣ, кому были извѣстны тайныя пружины, двигавшія торговлю, могли и должны бы, казалось, беречься ея шаткости и скрытыхъ пропастей. Не многіе однако жъ, какъ послѣ обнаружилось, воспользовались своимъ счастливымъ положеніемъ. Незнаніе началъ торговли, безграничная жадность къ обогащенію всѣми путями, и безразсудный кредитъ оказались тамъ, гдѣ слѣдовало бы некая знанія дѣла и благоразумнаго недоврїя. Огромное большинство людей, занимавшихся торговлею, даже не видѣло приближавшейся бури, и потому небрало ни какихъ мѣръ, а напротивъ, пуще завизывалось въ дѣла; вдавался въ даль моря, ставили всѣ паруса, когда уже сидѣли на мели и вѣтеръ буневалъ.

Потребленіе большей части статей иностраннаго произведенія въ какомъ нибудь государствѣ рѣдко перемѣняется естественнымъ образомъ изъ года въ годъ, развъ только при необыкновенномъ измѣненіи цѣнъ. Пока цѣны тѣ же, и потребленіе бываетъ почти то же. Его увеличеніе, или уменьшеніе зависить отъ прибавки, или убавки народонаселенія и богатства, развитія новыхъ вкусовъ и привычекъ, которые вообще медленно укореняются. Стало быть, если быстрое и внезапное приращеніе ввоза въ какой нибудь землѣ случилось безъ того, или другаго изъ упомянутыхъ обстоятельствъ, ясно, что торговля выступила изъ истинныхъ своихъ предѣловъ, что огромный ввозъ сдѣланъ по какой нибудь спе-

куляціи, и непременно должно ждать опаснаго противодѣйствія. Точно такой случай постигъ торговлю Соединенныхъ Штатовъ. Тамошній годичный ввозъ, оканчивающійся 30 Сентября, былъ въ 1830 году на сумму 70.876,920 долларовъ; въ 1833 году возвысился онъ до 108.118,311 долл., а въ 1836 до 189.980,035 долл., слѣдовательно, въ теченіе *шести лѣтъ* подъялся отъ 71 почти до 190 милліоновъ, т. е. въ пропорціи *двухъ сотъ семидесяти на сто!* Не нужно прибавлять, что это вовсе не отвѣчало приращенію числа жителей и развитію вкусовъ и привычекъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣтъ никакой соразмѣрности между ними и чудовищнымъ расширеніемъ ввоза. Дальновидный купецъ — а каждый изъ нихъ можетъ и долженъ быть такимъ — тотчасъ догадался бы, что это спекуляція, и тотчасъ же рѣшительно сожалѣ бы свой кругъ дѣйствія.

Могутъ сказать, что это было дѣло неотвратимое, что торговля усилилась не отъ приращенія ввоза, а отъ обстоятельствъ этого приращенія, расширившагося въ большей степени, чѣмъ приращеніе отпуска. Какъ бы то ни было, только это еще не то. Настоящее дѣло, что равенство ввоза и отпуска состоитъ въ томъ, что первый долженъ и можетъ быть уплаченъ. Но необычайный перевѣсъ ввоза показываетъ, что въ Америкѣ произошло чрезвычайное накопленіе ввозныхъ статей; въ слѣдъ за тѣмъ цѣны раззорительно понизились; потребители могли вдатся во всю необузданность роскоши, ни какъ не потребляя однако жъ всего наличнаго, и не покрывая стало быть расходовъ торговли. — Смертельный ударъ кредиту былъ неизбеженъ.

Независимо отъ такихъ справедливыхъ разсужденій, замѣтимъ, что не только въ шесть лѣтъ по 1836 годъ включительно, Американскій ввозный

итогъ ужасно увеличился, но что приращеніе ввоза далеко превышало приращеніе отпуска. Такъ въ 1839 году, всѣхъ произведеній отпущено изъ Соединенныхъ Штатовъ на сумму 73.899,508 долларовъ; въ 1833 — на 90.140,433 дол.; въ 1836 — на 128.663,040 долларовъ. Ясно, что съ 1830-го по 1836-й отпускъ увеличился отъ 74-хъ до 129-ти милліоновъ, почти въ отношеніи 174 на 100, а мы уже видѣли, что въ тотъ же періодъ привозъ увеличился въ отношеніи 270 на 100, т. е. $\frac{99}{100}$ болѣе, чѣмъ отпускъ. Въ 1836 году привозъ превышалъ отпускъ на сумму 61,316,995 долларовъ. Американскіе таможенные отчеты, въ которыхъ съ большою точностью показаны настоящія цѣны ввозныхъ и отпускныхъ статей, послужатъ разительнымъ свидѣтельствомъ.

Въдѣльность полнаго отпуска и привоза Соединенныхъ Штатовъ съ 1830 по 1836 годъ. Изъ оффиціальныхъ отчетовъ, напечатанныхъ по повелѣнію Конгресса.

Годы.	Итогъ отпускныхъ статей домашняго произведенія Соединенныхъ Штатовъ.	Итогъ отпускныхъ статей иностраннаго произведенія вторично ввезенныхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ.	Полный отпускъ изъ Соединенныхъ Штатовъ.	Полный ввозъ изъ за границы въ Соединенныя Штаты.
1830.	59.462,029.	14.337,479.	73.899,508.	70.876,920.
1831.	61.277,057.	20.033,526.	81.310,583.	103.191,124.
1832.	68.137,470.	24.059,473.	87.176,943.	101.029,266.
1833.	70.317,698.	19.822,735.	90.140,433.	108.118,311.
1834.	81.024,162.	23.312,811.	104.336,973.	126.521,332.
1835.	101.189,082.	20.504,495.	121.693,577.	149.895,742.
1836.	106.916,680.	21.746,360.	128.663,040.	189.930,035.

Замѣтимъ, что отъ одной трети до одной поло-

* Почти такой же ввозъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ прежде.

вины сей громадной торговли происходитъ прямо съ Великобританіею; да если принять еще въ расчетъ все то, что ввозится косвенно черезъ Англію, съ материка, изъ Индіи и Китая, увидимъ, что *два трети* вишней торговли Америки зависятъ, прямо или косвенно, отъ ея сношеній съ Англіею.

Еще замѣтимъ фактъ, происходящій отъ естественныхъ причинъ. Во всякое время прибыль въ Америкѣ рѣшительно выше чѣмъ въ Англіи; потому капиталы имѣютъ постоянное теченіе изъ Англіи обратно въ Соединенные Штаты. Такое обстоятельство отчасти объясняетъ обыкновенный перевѣсъ привоза въ Америку, но никакъ не можетъ служить объясненіемъ внезапнаго и чудовищнаго приращенія его въ послѣдніе три года. Дѣйствительно, за исключеніемъ звонкой монеты и слитковъ, на сумму до 13.400,881 доллара (изъ которой 5.167,773 были опять вывезены), и желѣза на сумму 4.023,042 доллара, почти весь огромный привозъ 1836 года состоялъ въ мануфактурныхъ и другихъ статьяхъ, служащихъ для народнаго потребленія, или лучше истребленія, и роскоши. Однихъ шелковыхъ издѣлій въ теченіе года ввезено на огромную сумму 20.331,896 долларовъ; въ той же пропорціи были и другія статьи. Ясно, что излишекъ привоза состоялъ, не въ присылкѣ изъ Англіи статей нужныхъ для постройки каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, или другихъ публичныхъ работъ, а главное въ предметахъ потребленій богатаго и роскошнаго класса. Хотя въ Англіи многіе того мнѣнія, что въ уплату значительной части отпуска изъ Англіи, можно принимать Американскіе фонды (stocks) и поручительства, но ясно, что это ни коимъ образомъ не могло облегчить тяжкаго положенія ввозителей, которые такъ чрезмѣрный излишекъ произведеній завезли въ

Америку. Отсюда продажа на мѣсть не могла быть иначе, какъ съ крайнимъ убыткомъ.

Не останавливаясь на повтореніи преждесказаннаго, видимъ несомнѣнный фактъ, что торговля сбилась съ прямаго пути на сторону Американцевъ, первое тѣмъ, что привозъ въ Соединенные Штаты увеличился въ пропорціи 270 на 100 въ теченіе шести лѣтъ, по 1836 годъ включительно; второе тѣмъ, что привозъ былъ гораздо больше отпуща, и въ 1836 году превышалъ его на сумму почти 61 милліона долларовъ, и третье, тѣмъ, что почти весь привозъ состоялъ изъ предметовъ *истребленія* и роскоши, а не изъ статей на общественныя постройки и *прочное* употребленіе. Изслѣдуемъ теперь, отчего и какимъ образомъ произошло все это, стало быть, отъ чего явились и тѣ несчастія и банкротства, которыя были уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столь превратной торговли?

Причины можно раздѣлить на два рода, Американскія и Англійскія.

I. Разсматривая причины Американскія, намъ не нужно входить въ подробности вражды между генераломъ Джексономъ и Сѣверо-Американскимъ Банкомъ. Для насъ достаточно замѣтить, что Американское правительство сдѣлало все возможное съ своей стороны, чтобы подорвать кредитъ и вліяніе Банка, и тѣмъ истребить это великое заведеніе. Правительство ввело изъ Банка, въ Іюнь 1833 года, вкладъ общественной суммы, и наконецъ воздвигло страшную оппозицію противъ возобновленія его привиллегій. Правда, она была возобновлена Пенсильванскою областью, но все это дѣлало его только *областнымъ*, а не *національнымъ* Банкомъ; онъ не могъ уже заводить конторъ своихъ въ другихъ штатахъ; лишаась вклада общественной суммы, и

уваженія, связаннаго съ нею, какъ національное учрежденіе, Банкъ значительно потерялъ вліяніе на Соединенные Штаты. Мы хотимъ указать на все это, какъ на весьма великое зло. Хотя конторы Банка Соединенныхъ Штатовъ были разсѣяны по всему государству, но его билеты составляли родъ національнаго курса; его огромный капиталъ и искусное управленіе придавали ему большой вѣсъ, и дѣлали то, что для постороннихъ билетовъ было очень трудно обращаться вмѣстѣ съ его бумагами. Это служило сильною уздою для безразсудныхъ дѣйствій и злоупотребленій другихъ банковъ.

Но когда общественный вкладъ изъ Банка Соединенныхъ Штатовъ былъ взятъ, и когда сдѣлалось гласно, что генераль Джексонъ рѣшился непремѣнно уронить заведеніе, наступилъ новый порядокъ дѣль. Банкъ потерялъ свою власть и вліяніе на всѣ другіе банки; черезъ раздѣленіе вклада между 60, или 70 частными банками, Правительство ужаснымъ образомъ подстрекнуло страсть къ банкамъ на акціяхъ (Joint-stock Banking), которая въ Америкѣ и безъ того свирѣпствовала въ сильной степени. Нельзя допустить, чтобы генераль Джексонъ и партія Правительства именно хотѣли того, что мы здѣсь означаемъ, но таково было непремѣнное слѣдствіе мѣръ, вѣзыхъ ими противъ Банка; страсть встрѣтила самое слабое прогиводѣйствіе въ постановленіяхъ, написанныхъ для руководства *pet banks* — (такъ названы тѣ банки, между которыми раздѣленъ былъ вкладъ). Потому страсть къ учрежденію новыхъ банковъ распространилась съ быстротою паровоза. Къ 1 Января 1830 года, въ Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ Національнаго, было частныхъ банковъ 329, которые имѣли, т. е. *сообразжали*, *что имѣють*, капитала 110.192,268 долларовъ. Въ Іюнь

1834 г., частных банковъ было уже 506, а капиталъ ихъ составлялъ 170.123,788 долл. Въ краткій промежутокъ между Юнемъ 1834 и Январемъ 1835, основалось еще *пятьдесятъ шесть* новыхъ банковъ, съ капиталомъ около 24.000,000; такой чрезвычайный урожай продолжался до Юни — банки росли, какъ грибы, даже по деревнямъ во всѣхъ соединенныхъ областяхъ, и дошли до огромнаго числа 700, кромѣ бездны конторъ. Они, по собственному ихъ показанію, составили необъятный капиталъ, около 600.000.000 долларовъ (120.000.000 ф. ст., или 3000 миллионъвъ рублей!), въ ссудахъ и учетахъ.

Нигдѣ такъ скоро не разрастаются капиталы, какъ въ Америкѣ, и нѣтъ народа съ такимъ духомъ спекуляцій, готоваго на всякія предпріятія, какъ Северо-Американцы. Мы не должны удивляться, что наводненіе банковъ, съ правомъ выпускать ассигнаціи, при безпечномъ управленіи, должны были сильнѣйшимъ образомъ поджигать, можно сказать, конституціонное стремленіе къ спекуляціямъ, и такимъ образомъ торговля Соединенныхъ Штатовъ должна была вытти изъ своихъ предѣловъ. Цѣны на товары всѣхъ родовъ поднимались быстро. Пріемщики, которые получали товары отъ поставщиковъ и разсылали внутрь государства, и лавочники, которые перекупали ихъ у пріемщиковъ, тѣ и другіе владыя необыкновенными способностями пріобрѣтать кредитъ, далеко распространили свои обороты и увеличили свои фонды. Потому, не смотря на чрезмѣрное приращеніе ввоза, не значительное стеченіе капиталовъ было въ Атлантическихъ городахъ самая большая часть ихъ распредѣлялась по внутреннимъ частямъ государства. Это не было замѣчено не внимательными наблюдателями. Спекуляціи

дошла до такой степени, что въ 1836 году Правительство Нью-Йоркское утвердило *сорокъ девъ компаний* для желѣзныхъ дорогъ, инія съ огромнымъ капиталомъ. Въ то же время распространилась чрезвычайная страсть покупать публичныя земли, заводить осады; цѣна тѣхъ и другихъ поднялась выше всякаго естественнаго предѣла. Изъ слѣдующаго можно судить о той крайности, къ которой довела гибельная перемѣна банковской системы:

Въ 1833, Правительство Соединенныхъ Штатовъ выручило продажей государственныхъ земель до 3.967.683 долларовъ; въ 1834—до 4.857.600, въ 1835 — сумма вдругъ утроилась, до 14.757.601 доллара, т. е., въ отношеніи $\frac{370}{100}$, и все это въ короткій промежутокъ *трехъ мѣтъ!* Въ первые шесть мѣсяцевъ 1836 года, сумасшествіе возрастало еще въ большей пропорціи, и достигло своего maximum 11-го Юни того же года, когда Президентъ издалъ свой знаменитый циркуляръ, которымъ предписано, чтобы *продажа публичныхъ земель производилась только на наличныя деньги, или на билеты тѣхъ банковъ, гдѣ находились публичныя земли*, но и эти билеты слѣдовало тотчасъ же обращать въ наличныя деньги. Почти невѣроятно, что продажа государственныхъ земель составила между тѣмъ въ 1836 году — 23.048.029 долларовъ — въ *сѣверо* болѣе противъ 1833 года!....

Большую ошибку, и безъ всякой надобности, сдѣлалъ генераль Джаксонъ своимъ предписаніемъ. Президенту, и всякому благоразумному челоѣку, не увлеченному въ водоворотъ спекуляцій, легко было понять, что покупка земель не могла кончиться иначе, какъ банкротствомъ и раззореніями. А всего болѣе должно жалѣть, что приказъ не вышелъ двѣ

надцатью мѣсяцами раньше, т. е. прежде нежели зло достигло самой страшной крайности. Но и то правда, что это ускорило бы только переворотъ какими нибудь шестью мѣсяцами. Почти не возможно было еще отсрочить переломъ, и даже черезъ ускоренное наступленіе его, прежде чѣмъ сумасшествіе достигло самага неистоваго развитія, жестокость взрыва была въ нѣкоторой степени ослаблена, такъ, что дѣйствительная ошибка политики генерала Джексона не въ томъ состояла, что онъ отдалъ свой приказъ, но въ томъ, что онъ подорвалъ Банкъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ всегда выдавалъ себя — и мы согласны съ нимъ — врагомъ системы бумажныхъ денегъ, или лучше сказать, ея злоупотребленій. Но вмѣсто того, чтобы исправить ее, прекративъ вліяніемъ Правительства размноженіе частныхъ банковъ во всѣхъ частяхъ государства, онъ подстрекнулъ эту страсть, и употребилъ всю свою власть, чтобы уронить единственное заведеніе, стоившее покровительства, служившее оградою на безразсудныя и гибельныя предпріятія другихъ, и отъ добраго поведенія и прочности котораго, кредитъ во всякое время могъ зависеть съ довѣрчивостію. Поведеніе генерала Джексона было бы неизлѣснимо во всякомъ другомъ мѣстѣ, только не въ Америкѣ, гдѣ все зависитъ отъ политическихъ партій, — принимая сію фразу въ самомъ буквальномъ и самомъ низкомъ смыслѣ. Банкъ Соединенныхъ Штатовъ навлекъ непріязнь генерала и демократической партіи тѣмъ, что его считали на сторонѣ противной, т. е. аристократической партіи. Но изъ за этого не слѣдовало поднимать гоненія на Банкъ; напротивъ, надлежало покровительствовать ему — чего онъ и заслуживалъ — чтобы ослабить и пресѣчь размноженіе другихъ банковъ.

Какъ бы то ни было, а циркуляръ 11-го Іюня нанесъ смертельный ударъ спекуляціямъ, давно уже свирѣпствовавшимъ въ разныхъ штатахъ. Банки въ западныхъ и югозападныхъ штатахъ, гдѣ главнѣйше находились публичныя земли, убоясь требованія наличныхъ денегъ, тотчасъ же стали отказывать въ обыкновенныхъ своихъ учетахъ и стѣснять свои обязательства. Это сдѣлалось равно необходимымъ для нихъ, для спекулянтовъ, покупавшихъ земли, и для поселянъ, намѣревавшихся селиться тамъ; всѣ стали запасаться наличными деньгами, и потому огромныя капиталы перешли изъ Атлантическихъ городовъ на западъ. Всѣ штаты разомъ вовлеклись въ затруднительное положеніе. Удобность, съ какою бывало Атлантическіе города разсчитывались съ Европой, сильно стѣснилась значительнымъ отливомъ звонкой монеты въ западныя штаты. Но это еще была не самая худшая сторона испорченнаго состоянія вещей. Всего труднѣе было доставать деньги въ штатахъ, граничащихъ съ Миссиссипи, потому всѣ внутренніе купцы и капиталисты, спекулировавшіе, или на публичныя земли, или на каналы и желѣзныя дороги, не могли выручить своихъ капиталовъ иначе, какъ съ большимъ убыткомъ. Вотъ почему, никто почти не могъ расплатиться съ Атлантическими городами за товары, купленные у нихъ въ огромной массѣ. Это разстройство домашнихъ платежей отразилось и на вѣнскихъ расплатахъ; самые богатѣйшіе купцы Атлантическихъ городовъ не могли расплатиться съ Европой. Упадокъ довѣрія и кредита, застой, или лучше сказать, совершенное прекращеніе всякихъ дѣлъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ. И такъ, злоупотребленія банковъ и кредита въ Америкѣ, и безъ помощи

Европы, могли бы уже произвести ужасный переворотъ....

II. Посмотримъ теперь, какъ Англичане съ своей стороны усердно помогли Американцамъ разыграть блистательнымъ образомъ плачевную драму. Мы уже видѣли чудовищное приращеніе ввоза въ Соединенные Штаты въ продолженіе шести лѣтъ, особенно трехъ лѣтъ, кончившихся въ 1836 году, видѣли еще, что отпускъ нисколько не отвѣчалъ привозу. Послѣ сего ясно, что въ теченіе двухъ, или трехъ лѣтъ, Америка должна была сдѣлать, частію въ наличныхъ деньгахъ, облигаціяхъ, и проч., а частію въ билетахъ и открытыхъ счетахъ, несмѣтный долгъ иностранцамъ, или, лучше сказать, Англій, потому, что Америка производитъ съ нсю и черезъ нее самую обширную дѣла. Почти вся торговля Соединенныхъ Штатовъ съ Англіею, Индіею, Китаемъ и Южною Америкою, въ послѣднее время производилась на кредитъ, пріобрѣтенный въ Англій. Прежде нежели пойдемъ далѣе, рассмотримъ свойство этого кредита, и то, какъ онъ возрастаетъ.

Отпускъ Британскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ Соединенные Штаты производился до сихъ поръ, по требованіямъ Американцевъ, Англійскими торговыми домами, съ передачею обязательствъ агентамъ ихъ въ Америкѣ, которые, получа оныя, переводили на банковые билеты, или на другія вѣрныя поручительства. Точно также бывало, когда Американцы посылали корабли въ Китай, Индію; они кладутъ бывало въ нихъ доллары, джизенгъ, и другіе товары, нужные для Кантонскихъ и Калькутскихъ рынковъ, и корабли нерѣдко, по пути, заходятъ въ Англійю и грузятся произведеніями для тѣхъ рынковъ. Это былъ вѣрный и законный способъ вести торгъ; держись они его постоянно, не отправляй ни

одного корабля иначе, какъ на поручительство конесаментовъ (upon security of the bills of lading) — большаго подрыва торговли быть бы не могло.

Но съ расширеніемъ торговли, увеличившееся богатство и довѣріе къ Американскимъ домамъ, и естественное желаніе послѣднихъ воспользоваться, сколько то можно, преобладаніемъ Британскаго капитала, котораго проценты были гораздо ниже процентовъ Американскаго капитала, постепенно вводили, въ теченіе восьми, или десяти послѣднихъ лѣтъ, и окончательно установили самый выгодный и дешевый, но далеко не столь вѣрный способъ вести торговлю. Для этого Американскіе дома, занимавшіеся привозною торговлею, имѣли своихъ агентовъ въ Англійскихъ мануфактурныхъ округахъ, въ Европѣ, въ Китаѣ, которые закупали и отправляли тамошніе продукты въ Соединенные Штаты. Дома, содержавшіе такихъ агентовъ, пріобрѣли себѣ въ тоже время кредитъ въ нѣсколькихъ большихъ Англо-Американскихъ домахъ, въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, которые допускали агентовъ забирать у нихъ на кредитъ сумму, по четырехъ-мѣсячнымъ билетамъ. При начальномъ изобрѣтеніи сей новой системы, обыкновенно, Англійскіе кредитовавшіе дома получали накладныя и росписки, и пересылали ихъ по прежнему къ своимъ агентамъ въ Америку. Но безразсудное довѣріе и совмѣстничество не замедлили испортить такую систему. Казалось, зачѣмъ было требовать какого нибудь посторонняго поручительства отъ Американскихъ домовъ, когда въ вещественномъ богатствѣ ихъ, испытанномъ благоразуміи и расторопности въ дѣлахъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, и если какой нибудь Англійскій домъ считалъ это не нужнымъ для гг. А. въ Нью-Йоркѣ, то другой считалъ не нужнымъ для гг.

В. въ Бостонѣ, и такъ далѣе. Американцы во всекомъ случаѣ противились сей мѣрѣ, какъ низкой и обидной; Англичане оставили ее какъ бесполезную. Потому, Американскіе дома, не слишкомъ состоятельные и капитальные, находили себѣ кредитъ въ Англіи, даже на огромную сумму, безъ всякаго посторонняго поручительства отъ кого либо. Такая, технически называемая «система открытаго кредита» (open credit system), безъ сомнѣнія, самая опаснѣйшая. Знал Американскій духъ спекуляціи и чрезвычайную легкость дѣлать займы, какъ это еще не давно было, во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, нечего удивляться при такой системѣ несмѣтному итогу привоза товаровъ, ни тѣмъ затрудненіямъ, въ которыя вовлечены были Англіискіе дома, дѣлавшіе кредитъ.

Американскіе агенты выдавали Англіискимъ домамъ, какъ уже сказано, векселя срокомъ на четыре мѣсяца. И какъ товары, кушечные на сіи векселя, пересылались въ Америку, вообще въ одинъ мѣсяць, и тамъ продавались въ два, то еще довольно было времени, чтобы расплатиться съ Англією, прежде срока векселямъ. Въра, что векселя даются честнымъ образомъ и всегда очищаются продажей равноцѣннаго имъ количества продуктовъ, придала имъ, кажется, особенное уваженіе въ глазахъ капиталистовъ и частныхъ банкировъ, которые принимали ихъ за вѣрные бумажныя деньги.

Кромѣ того, что такая система видимо готовила торговый подрывъ, въ ней былъ и другой недостатокъ, не столь замѣтный. Мало по малу, вошло въ обычай, что Американскій домъ, приобретающій четырехъ-мѣсячный кредитъ на г. А. въ Лондонѣ, погашала его переводомъ на кредитъ г. В., а съ ними рассчитывался новымъ кредитомъ г. С., и такъ да-

лѣе. Эта злоупотребительная мѣра вообще введена не первостепенными Американскими домами; многіе изъ опытныхъ и осторожныхъ Англіискіхъ домовъ уклонялись отъ нея; но распоряженіе часто дѣлалось безъ ихъ вѣдома, а большая часть, безъ всякой осмотрительности, допускали въ оборотъ огромное число такихъ замѣнительныхъ билетовъ, не дѣлая имъ различія съ настоящими билетами, и охотно принимали къ учету.

Еще одно любопытное и нелегко изъяснимое обстоятельство въ Англіи по всемъ отраслямъ торговли, дѣла, которыя въ теченіе многихъ прошлыхъ лѣтъ считались равно вѣрными и прибыльными по выдачѣ задатковъ на счетъ Американцевъ, были въ рукахъ только *семи* домовъ — шесть такихъ было въ Лондонѣ и одинъ въ Ливерпулѣ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что совокупный оборотъ этихъ семи домовъ сдѣлался въ буквальномъ смыслѣ безуменъ, и съ 1833 по 1836 годъ составлялъ не менѣе *пятнадцати*, или *шестнадцати миллионъ* фунтовъ стерлинговъ!

По несчастію, капиталъ сихъ домовъ далеко не былъ достаточенъ для вѣрнаго производства оборотовъ на такую сумму. Слишкомъ много уже, если назначимъ истинный капиталъ каждаго изъ сихъ домовъ въ 300,000 ф. ст., или до 2,100,000 ф. ст. у всѣхъ. Нужно ли доказывать недостаточность этого капитала, который не превышалъ *седьмой*, или *осьмой* доли ихъ оборотовъ? Какой могъ тутъ быть запасъ на случай несчастія и всякаго рода, неожиданныхъ, неблагопріятныхъ встрѣчъ? Легко было понять, что въ ту минуту, когда по какой нибудь причинѣ перервется правильность расплаты съ Америкой, или учета Американскихъ билетовъ на Англіискіхъ

рынкахъ, въ ту же минуту система разсыплется въ прахъ, и все дома, не имѣющіе обширныхъ средствъ, принуждены будутъ останоить платежи.

Вмѣстѣ съ распространіемъ въ Америкѣ системы поддѣльнаго кредита, подорвавшаго торговлю, о чемъ мы говорили, подобная система распространилась и въ Англіи. Не нужно повторять фактовъ, касательно начала и успѣховъ этой системы (что изложено нами выше, въ статьѣ о банкахъ). Скажемъ только, что по случаю огромныхъ требованій на звонкую монету изъ Англійскаго Банка, возникшихъ исключительно отъ внезапнаго и излишняго увеличенія числа банковъ на акціяхъ и отъ чрезвычайныхъ выпусковъ ихъ, Англійскій Банкъ счелъ за нужное увеличить проценты и сильными мѣрами стѣснить курсъ. Весьма важно замѣтить, что послѣ этого періода — Августа 1836 — все, или почти все, огромныя суммы учетовъ, потребованныхъ Американскими домами, были удовлетворены главнѣйше Лондонскими капиталистами, а послѣ, и въ обширной степени, складочными банками. Никто не прибѣгалъ для учетовъ къ Англійскому Банку, отъ того, что бумаги считались другими обществами гораздо дешевле, нежели банкомъ. Неблагоразуміе и безпечность со стороны капиталистовъ и провинціальныхъ банкировъ были несравненно больше, чѣмъ со стороны негоціантовъ и купцовъ, въ томъ, что они взяли на себя отвѣтственность въ сграшной массѣ билетовъ. Не будь слѣпаго довѣрія и отсутствія общей осторожности со стороны банковъ и капиталистовъ, при всѣхъ такихъ сдѣлкахъ, купцы не были бы вовлечены въ отчаянную крайность.

Англійскій Банкъ, какъ уже выше сказано, поднялъ свои проценты выше процентовъ на биржѣ. Онъ ссудилъ извѣстные капиталы — чего ни въ

какомъ случаѣ не слѣдовало бы дѣлать — капиталистамъ; эти употребили ихъ на платежи по хорошиямъ коммерческимъ бумагамъ. Капиталисты, полагаая, по причинамъ для нихъ извѣстнымъ, что бумаги Американскихъ домовъ «самыя хорошия», какія только могутъ быть, употребили запасный капиталъ, занятой изъ Банка, на учетъ ихъ билетовъ, и когда эти билеты были отосланы въ Банкъ для обеспеченія, то онъ, на первый случай, пріостерегся такой ужасной массы Американскихъ ходячихъ бумагъ и необъятныхъ обязательствъ Американскихъ домовъ. Это открылось въ то время, когда Банкъ былъ самъ въ необходимости стѣснить курсъ и уривнить переводъ, и не могло не возбудить неприятныхъ чувствованій. Въ это же самое время получено извѣстіе о выходѣ циркуляра Президента Соединенныхъ Штатовъ, которымъ требовались наличныя деньги въ уплату за общественныя земли.

Нужно ли говорить, что состояніе коммерческихъ дѣлъ было тогда самое трудное и щекотливое? Каждый здравомыслящій человекъ ясно видѣлъ, что дѣла Американскихъ домовъ дошли до крайности; дѣла Англійскихъ домовъ тоже, ни сколько не были лучше; происшествія въ Америкѣ и въ Англіи, вмѣстѣ перепутавшіяся, общими силами завязали самую ужасную драму. О счастливой развязкѣ нечего было и думать. Понятно, съ какою осторожностью всѣмъ актерамъ драмы слѣдовало разыгрывать свои роли. Прежде всего надобно было поуменшить обязательства Американскихъ домовъ, не доводя ихъ, если можно, до потери кредита. Мы думаемъ, что всего скорѣе могли бы достигнуть этого директоръ и депутатъ-директора Банка, если бы они частнымъ образомъ обратились къ главнымъ партнерамъ тѣхъ домовъ, представили имъ свои

опасения на счетъ слѣдствій, которыя, слишкомъ вѣроятно, произойдутъ, когда Банкъ не остережется и приметъ такую огромную массу бумагъ, и что по ихъ мнѣнію всего бы лучше рѣшиться на постепенное ихъ погашеніе. Но потому ли, что директора считали неприличнымъ подобное вмѣшательство въ чужія дѣла, или по другимъ причинамъ, только известно, что они не входили съ такими объясненіями, а въ Сентябрь 1836, получивъ извѣстіе объ Американскихъ безпорядкахъ, директоръ Банка предписалъ агенту банковской конторы въ Ливерпуль, согласно съ распоряженіемъ, сдѣланнымъ въ Лондонъ — *не принимать бумагъ Американскихъ домовъ*. Достоверно, что директоръ съ согласія общаго написалъ это предписаніе, во всякомъ случаѣ чрезвычайно опрометчивое. Американскіе дома, когда оно было писано, не предъявляли Банку ни одного билета къ учету; пусть директора, зная ихъ положеніе, рѣшились быть осторожными, но это ни въ какомъ случаѣ не давало имъ права заблаговременно подрывать кредитъ домовъ, которые не требовали его помощи, кромѣ того, что не было возможности уклониться отъ огромной массы билетовъ, особливо, когда еще общественныя выгоды чрезъ то подвергались опасности. Банкъ могъ отвергнуть бумаги одного частнаго дома, хотя и то всегда не хорошо, но когда онъ рѣшился отвергнуть бумаги *всѣхъ* Американскихъ домовъ, запутавшихся въ разные обширные обороты, то ясно, что послѣ отказа въ кредитъ, такимъ образомъ сдѣланнаго, должна была упасть на Банкъ масса другихъ нисшихъ бумагъ, гораздо большая той, какай легла бы на него, если бы онъ дѣйствовалъ по системѣ болѣе снисходительной. Какъ бы то ни было, всякій согласится, что письмо къ агенту слѣдова-

ло бы написать какъ можно мягче и секретнѣе. Сколько нельзя оправдывать неизвинительной небрежности писавшаго письмо, столько же и непонятной неосмотрительности Ливерпульскаго агента, къ которому оно было писано: онъ не только не сохранилъ его въ тайнѣ, но, напротивъ, открылъ многимъ другимъ! Эффектъ былъ ужасно магическій! Кредитъ Американскихъ домовъ, прежде столь обширный, въ одно мгновеніе исчезъ. Капиталисты и мѣнялы тотчасъ перемѣнили декорации, и безъ церемоніи не принимали такихъ бумагъ, которыя за минуту были въ величайшемъ уваженіи. Банкъ, при такихъ обстоятельствахъ, не посмѣлъ дѣйствовать по правиламъ, изложеннымъ въ несчастномъ письмѣ, то есть — отвергать бумаги, обезкредитенныя собственнымъ его актомъ; капиталисты вышли изъ затрудненія, а Банкъ вынужденъ былъ принимать бумаги, ими представленныя, которыя самъ же призналъ не дѣйствительными....

Это впрочемъ было самымъ малымъ слѣдствіемъ опрометчиваго поступка. Извѣстіе о всемъ случившемся въ Англии пришло съ первымъ пакетботомъ въ Америку, и тотчасъ уронило кредитъ Англійскихъ домовъ. Американскіе купцы, уже пораженные Президентскимъ циркуляромъ и критическимъ состояніемъ домашняго кредита, ужаснулись, увидя, что имъ предстоитъ еще большая бѣда, и что не только стануть ихъ понуждать къ немедленной уплатѣ несмѣтныхъ суммъ, должныхъ ими Англии, но, вѣроятно, должно будетъ очистить на нѣсколько милліоновъ возвращенныхъ векселей. Банки Атлантическихъ городовъ прежде всѣхъ пробили тревогу; надлежало, въ одно время, отправлять звонкую монету, или слитки, въ Европу и въ Американскій за-

падь. Переломъ, уже начавшійся въ Соединенныхъ Штатахъ, разразился со всего жестокостью....

Пакетботы, отправленные изъ Англїи въ Соединенные Штаты въ Мартъ 1837-го, хотя еще не было известно, станеть ли Англійскій Банкъ поддерживать дома, пришедшіе въ несостоятельность, — все таки привезли множество возвращенныхъ билетовъ и самое плачевное извѣстіе о состоянїи дѣлъ въ Англїи. Сїи убійственныя новости еще больше увеличили бѣдствїя, уже существовавшїя, и упадокъ довѣрія въ Америкѣ дошелъ до такой степени, что всеобщій паническій страхъ совершенно овладѣлъ умами. Американскїе банки, въ короткое время, все прекратили платежи.

=

IV.

К Р И Т И К А.

И мои бездѣлки. Съ эпитафїемъ: *C'est là tout mon talent, je ne sais s'il suffit. Lafontaine.* Москва, въ Уннѣ. тип. 1795 г. въ 16, IV и 239 стр.

— Сочиненїя И. И. Дмитріева. Съ эпитафїемъ: *Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris.* Три части. *Изданїе платос.* М. въ тип. Селив., 1818 г. въ 8, 120, 143, 126 стран.

— Стихотворенїя И. И. Дмитріева. *Изданїе шестое, исправленное и уменьшенное.* Двѣ части. Спб. въ тип. Н. Греча, 1823 г. въ 8, LII, 155 и 151 стр.

— Басни и Аполлоги *И. И. Дмитріева.* Спб. въ Воени. тип. 1838 г. въ 32, VI и 178 стр.

Прошедшїй годъ былъ для Русской Литературы годомъ потерь. Начало его ознаменовалось смертію *перваго* изъ современныхъ нашихъ поэтовъ, если не *единственнаго*, въ истинномъ смыслѣ слова: *поэты*. Вскорѣ палъ на Кавказѣ, отъ пули горца, Марлинскїй, а осенью въ Москвѣ скончался маститый старецъ нашъ, *Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ*, другъ Карамзина и одинъ изъ немногихъ остающихся среди насъ памятниковъ вѣка Екатерины, вѣкогда стоявшїй въ ряду первыхъ литераторовъ нашихъ, считавшїйся тѣмъ-же въ нашемъ стихотворствѣ, чѣмъ считался Карамзинъ въ прозѣ. Зрѣлище умиленное — старца, почтенна-

го, уваженнаго нѣсколькими поколѣніями, и тихо заснуваша среди общаго сознанія нашего въ заслугахъ его, почти на *восемьдесятомъ* году. Немногимъ даетъ судьба такую завидную участь, какую дала она Дмитріеву: незначительный дворянинъ, онъ достигъ высшихъ степеней государственныхъ; мирно, спокойно провелъ онъ всю жизнь свою; умѣлъ помирить свои занятія, какъ гражданинъ и членъ общества, съ наслажденіями изящныхъ искусствъ, умѣлъ не *пережить* своей славы, такъ, какъ прежде немногими трудами, едва не мимоходомъ, *заслужилъ* онъ славу поэта и литератора — это великое умѣнье, такъ же, какъ безспорное счастье *родиться кстати*, и быть *подъ мѣрку* своему вѣку.

Мы совсѣмъ не думаемъ словами нашими предвѣрительно обозначать наше мнѣніе о Дмитріевѣ, какъ литераторѣ; еще менѣе хотимъ мы выражать имъ мнѣніе всѣхъ, или *общее*. За послѣднее мы рѣшительно не смѣемъ взяться. Какъ узнать общее мнѣніе въ потокъ современности, когда этотъ потокъ кипитъ еще около могилы Дмитріева разнообразіемъ, противорѣчіями, смѣшеніемъ личныхъ отношеній съ сужденіями объ немъ, какъ о поэтѣ и литераторѣ? Только въ отдаленіи отъ Москвы гулъ нѣсколькихъ сотъ колоколовъ древней столицы сливается въ стройный звукъ. Только въ отдаленіи потомства узнается единство въ разнообразіи мнѣній о томъ, или другомъ человѣкѣ и литераторѣ. Мы хотимъ сказать только наше собственное мнѣніе, и скажемъ его чистосердечно и искренно, съ опасеніемъ, можетъ быть, даже не угодить имъ, можетъ быть многимъ. Что дѣлать! Наше мнѣніе, мнѣніе частное, не будетъ и не можетъ быть окончательнымъ. Рѣшать послѣ насъ, кто былъ правъ, кто былъ рѣшительно правъ. Но и теперь должно сказывать свое мнѣніе каждому — только говорите его искренно, а должно сказывать его потому, что этимъ только

можно отыскивать какую нибудь мѣру въ безмѣрной разногласицѣ современнаго лепета. Возмите для примѣра Озерова и Дмитріева. Бѣдный творецъ *Эдипа* и *Фингала*! Еще 25 лѣтъ не прошло со времени твоей кончины, съ того времени, какъ сцена театра оглашалась восторгами при твоемъ имени, а твое дѣло уже рѣшено, и объ немъ не говорить болѣе! Но болѣе 25-ти лѣтъ прошло, какъ Дмитріевъ почти пересталъ писать — говоря собственно, кончилъ свое литературное поприще, и не только кончилось его поприще, но перешла даже и его эпоха литературы, а между тѣмъ, никто еще не сказалъ окончательнаго своего мнѣнія о Дмитріевѣ; для него дониндѣ продолжалось и продолжаетса время какихъ-то безотчетныхъ хваленій. И даже въ прошломъ году, въ двухъ противоположныхъ одна другой газетахъ, мы видимъ похвальные гимны памяти Дмитріева, провозглашенные двумя известными нашими литераторами, а сужденій не видалъ и не видимъ...

Можетъ быть, мы объяснимъ далее причину такой странности, какъ равно причину и того, почему Дмитріеву было вообще во всю жизнь счастье на критику. Да, онъ былъ на нее удивительно *счастливъ*, какъ и на все другое въ литературу. Никогда Державинъ не получалъ отъ Русской критики такихъ хваленій, какія получалъ Дмитріевъ. Пушкинцу лавры перепутывались съ терніемъ не только критики, но болѣе нежели критики. Дмитріева почти всегда только *хващали*. Изъ похвалъ ему можно составить порядочную книжку. Острякъ Макаровъ, любезный поэтъ Князь П. И. Шаликовъ, А. Е. Измайловъ, съ его неопытнымъ критицизмомъ, Ф. В. Булгаринъ, съ его рѣшающимъ безъ дальнихъ справокъ приговоромъ, С. П. Шевыревъ, Лагарпъ нашего времени, какъ будто старались перещеголять другъ друга великолѣпнѣмъ фразъ, говоря о Дмитріевѣ, хотя ихъ критики раздѣлены были про-

тяженіемъ 35-ти лѣтъ (Макаровъ писалъ въ 1803-мъ, гг. Булгаринъ и Шевыревъ въ 1837 году). — Справедливо ли это? Такъ ли должно быть? Справедливо ли — Богъ вѣсть, а что быть этому видно должно было такъ, потому, что это было. — Почему же столь горькое безмолвіе и осужденіе, хоть бы, напримеръ, Озерову, о которомъ упомянули мы выше? Почему не опредѣлить его исторической степени и важности заслугъ его въ нашей литературѣ? Эдипа не играютъ болѣе; Дмитрія уже не видимъ на сценѣ. Такъ, но кто же поетъ теперь: «*Всѣхъ цвѣточковъ боль, розу я любилъ*» — а намъ говорятъ, что «*и теперь нѣтъ лучшихъ пьесъ Русскихъ для образованнаго сословія*»; и послѣ эпиграммъ Пушкина насъ увѣряютъ, что «*въ эпиграммахъ у насъ великъ только И. И. Дмитріевъ*». Увѣряютъ насъ даже, что Дмитріевъ «*проложилъ путь Крылову въ Басню*». Нельзя не подивиться! Однакожъ, чему же дивятся въ нашъ вѣкъ? Развѣ тому, что надобно чему нибудь дивиться? С. Н. Глинка давно и очень верно сказалъ: *Мы пережили удивленіе*.

Извините маленькое предисловіе, и согласитесь, что оно нѣсколько необходимо, какъ адресъ на письмѣ. — Желая составить себѣ, по возможности, полное понятіе о Дмитріевѣ, взглянемъ сперва на его жизнь, и опредѣлимъ его, какъ дѣятеля общественной жизни.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, сынъ Сызранскаго помѣщика, родился въ деревнѣ отца своего, въ 1760 году (10-го Сентября). Отецъ его принадлежалъ къ числу достаточныхъ, образованныхъ людей своего вѣка. Готовя дѣтей, нашего поэта и старшаго брата его, въ военную службу, записалъ онъ ихъ по тогдашнему обыкновенію въ гвардію, оставя учиться дома, и въ Казани и Симбирскѣ. Ученье было не дальное — Русская грамота, немного по-Французски, въ пансіонахъ, содержимыхъ Французами и Нѣм-

цами по городамъ, не много математики, и едва ли что нибудь еще. *Пугачовщина* заставила родителей Дмитріева бѣжать и спасаться въ Москву. Вскорѣ привезли туда дерзкаго бунтовщика, и казнь Пугачева, которой любопытнымъ зрителемъ былъ 14-ти лѣтній Дмитріевъ, произвела столь сильное впечатлѣніе на юное воображеніе его, что даже въ глубокой старости, онъ рассказывалъ объ ней со всѣми подробностями. Пушкину передалъ онъ свой рассказъ письменно, и мы читали его въ *Исторіи Пугачевского бунта*, изданной Пушкинымъ. Изъ Москвы отправили Дмитріева въ Петербургъ на службу. Съ полгода пробылъ онъ въ полковой школѣ Семеновскаго полка, гдѣ предварительно обучали недорослей (какъ называли тогда молодыхъ дворянъ, записанныхъ въ гвардейцы) исторіи, географіи, математикѣ, рисованью. Потомъ началъ нашъ поэтъ строевую службу въ Семеновскомъ полку, и продолжалъ ее лѣтъ двадцать, постоянно проживая въ Петербургѣ, иногда бывая только въ отпускахъ, и при началѣ царствованія Императора Павла, бывши уже капитаномъ, вышелъ онъ въ отставку съ чиномъ полковника. Военная служба не была назначеніемъ Дмитріева. Потому, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отставки своей, сдѣлавшись извѣстнымъ Государю, онъ съ выгодою перешелъ въ гражданскую службу и быстро пошелъ по ней. Опредѣленный въ Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ, при учрежденіи министерствъ получилъ онъ мѣсто Товарища Министра Удѣловъ; потомъ недолго былъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, и вышелъ опять въ отставку, уже съ чиномъ тайнаго совѣтника. Онъ поселился послѣ сего въ Москвѣ, гдѣ въ 1806 году назначенъ былъ сенаторомъ. Въ 1810 году, по волѣ Императора Александра, Дмитріевъ получилъ званіе Министра Юстиціи, но занималъ его немного времени. Въ 1813 году находимъ его опять въ отставкѣ и въ Москвѣ. Довѣренность и

благоволеніе Монаршія къ Дмитріеву оказались въ важномъ препорученіи, по занятіямъ во временной Комиссіи, учрежденной для пособія раззореннымъ отъ непріятели въ Москвѣ. Труды его удостоены были наградою чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ Св. Владиміра 1-й степени. Прежде того, Дмитріевъ имѣлъ уже ордена Св. Анны 1-го класса и Св. Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 25-лѣтъ постоянно жилъ онъ въ Москвѣ, иногда только бывая на родинѣ своей, иногда въ Петербургѣ. Кажется, за годъ до кончины совершилъ онъ последнее путешествіе въ Ригу и Петербургъ, какъ будто прощаясь съ мѣстами, гдѣ протекала его молодость. Не смотря на преклонныя лѣта свои, почтенный старецъ былъ еще свѣжъ и бодръ; каждый день много хаживалъ пешкомъ; по прежнему, какъ всегда, являлся въ обществахъ, и только дѣла за четыре до кончины своей почувствовалъ онъ себя нездоровымъ. Предвидя смерть, онъ встрѣтилъ ее равнодушно, и тихо скончался 3-го Октября 1837 года, на 78 году своей жизни. Бренныя останки его покоятся въ Московскомъ Донскомъ Монастырѣ.

Вотъ почти все, что знаемъ мы, и что можно сказать о Дмитріевѣ, какъ государственномъ чловѣкѣ и чиновникѣ. Умъ болѣе осторожный, нежели обширный, болѣе соображающій и ловкій, нежели дѣятельный, составлялъ, кажется, основаніе характера Дмитріева. Умъ удерживать честолюбіе, онъ дожилъ спокойствіемъ, болѣе нежели стараніемъ отличался какими либо блестящими подвигами. Онъ *умѣлъ жить* — можемъ сказать объ немъ, такъ жить, чтобы доказавъ возможность требованій на большее, довольствоваться немногимъ, и желать добра всѣмъ. Такой очеркъ характера Дмитріева важенъ для насъ потому особенно, что онъ поясняетъ намъ и литературное его поприще. Этотъ характеръ выражалъ онъ

видомъ своимъ и обхожденіемъ. Высокій ростомъ, худощавый, нѣсколько косою, въ небольшомъ парикѣ, онъ ходилъ тихо, говорилъ медленно, протяжно, умѣлъ говорить по своему умно, остро, но не краснорѣчиво, любилъ рассказывать, но не умѣлъ подерживать разговора въ обществѣ. Всегда хладнокровный, всегда на сторожѣ за своимъ умомъ, онъ являлся ласковымъ и снисходительнымъ по тонкому расчету, когда видѣлъ, что уступкою болѣе выиграеть. До самой кончины любилъ онъ общество и являлся вездѣ; Англійскій клубъ въ Москвѣ былъ постояннымъ мѣстомъ его всѣдневныхъ посещеній. Къ нему, въ уединенный домъ его, гдѣ жилъ онъ одинокимъ, никогда не бывши женатъ, часто собирались литераторы, люди его уважавшіе, болѣе по вечерамъ, и Дмитріевъ любилъ эти вечернія, уединенныя бесѣды, гдѣ главную роль играли его рассказы. Онъ никогда не спорилъ, и иногда, видя несогласіе бесѣдующихъ, умѣлъ мирить ихъ мнѣнія, или предупреждалъ ихъ, или оставлялъ безъ противорѣчій. Не получивъ, какъ мы выше видѣли, дальняго образованія въ юности, Дмитріевъ умѣлъ дополнить сей недостатокъ опытностью, наблюденіемъ и обширнымъ чтеніемъ, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ (другихъ языковъ онъ не зналъ). Послѣ него осталась огромная бібліотека, на которую не шадилъ онъ издержекъ. При обширной памяти, онъ былъ живою летописью Русской литературы, почти съ половины прошедшаго столѣтія. Впрочемъ, *классикъ* по своему литературному образованію, *пуристъ* по своимъ мнѣніямъ объ языкъ, онъ всегда припоминалъ только подробности, анекдоты, но не могъ изобразить намъ исторіи Русской литературы. Сколько удалось намъ слышать его *записки*, которыми занимался онъ постоянно много лѣтъ, всѣ замѣчанія его въ этихъ запискахъ состоятъ также изъ любопытныхъ только подробностей. Мимо Дмитріева ле-

тви великія событія его вѣка; и онъ не касался рѣзкаго переворота въ литературномъ образованіи новыхъ поколѣній. Каждое литературное нововведеніе казалось ему принадлежностью языка, иное несомнѣннымъ, другое хорошимъ. Дѣло шло объ идеяхъ, но для него облекались онъ въ слова. Онъ готовъ былъ прощать иное за силу дарованія.

Таковъ былъ Дмитріевъ по своему характеру и образованію. Дополнимъ нравственное изображеніе его тѣмъ, что жизнь его ознаменовалась прекрасными чертами на поприщѣ служенія государственнаго и въ общественныхъ отношеніяхъ. Постоянная дружба соединяла его съ юныхъ лѣтъ съ Карамзинымъ, и такая дружба показывала прекрасную сторону его сердца.

Но все сказанное нами о Дмитріевѣ, его жизнь, его образованіе, приводятъ насъ къ вопросу: *поэтъ ли онъ былъ?* — Если поэзія есть непобѣдимое внутреннее чувство высказывать данныя намъ Богомъ тайны сердца, если она проявляется высокими, прекрасными, самобытными созданіями, если она рѣзко отзывается на современности, если она переплетается притомъ съ жизнью нашею, такъ, что земной умъ чловека замѣняется иногда высокимъ безуміемъ поэта — Дмитріевъ не былъ поэтомъ. — Есть еще поэзія — это какое нибудь частное, превосходящее всѣ наши другія отношенія чувства—это минуты забвенія среди оглушающаго шума жизни. Къ этимъ двумъ категоріямъ поэтовъ принадлежали у насъ Державинъ, Пушкинъ и Жуковскій. Но и здѣсь не находимъ мы Дмитріева — и такимъ поэтомъ онъ не былъ.

Есть еще на землѣ отдѣленіе поэтовъ и — самое многочисленное. Эту поэзію можно назвать отрицательнымъ поэтическимъ состояніемъ. Въ душѣ чловека, принадлежащаго къ сей категоріи, есть что-то показывающее потребность чего-то высшаго, кромѣ обыкновенныхъ потребностей чловеческихъ

и общественныхъ. Въ душѣ каждаго изъ насъ есть такая потребность, но у большей части насъ, она гложетъ въ отношеніяхъ, въ заботахъ, въ занятіяхъ, въ забавахъ, въ дѣлѣ жизни. Она остается у ученаго, у художника, у чиновника, устремленную на извѣстный предметъ дѣятельности. Тѣ, которыхъ она собственно пересиливаетъ, принимаются за поэзію, безотчетно, не глубоко, самодовольственно. Отъ чего видимъ такое множество пишущихъ, и тѣмъ болѣе видимъ ихъ, чѣмъ болѣе становится общее образованіе какого нибудь общества? Отъ потребности поэзіи, непереходящей въ истинное чувство поэзіи, еще менѣе въ восторгъ, забвеніе поэтическое. Отъ чего иные начинаютъ и такъ легко бросаютъ потомъ поэзію, находя удовлетвореніе въ чемъ нибудь другомъ? Отъ того, что чувство поэзіи въ нихъ было слабо, похоже на инстинктъ, не увлекало ихъ бытія, не сжигало ихъ души. Но если такой чловекъ и останется поэтомъ, онъ не будетъ поэтомъ великимъ, рѣдко бываетъ онъ даже поэтомъ идей, болѣею частью, довольствуясь впечатлѣніями внѣшними, легкими, только уравнивая ихъ въ гармонической ладѣ въ душѣ своей; онъ будетъ поэтомъ словъ, выражений слова. Развѣ судьбѣ угодно будетъ бросить его въ пыль страстей, въ пытку обстоятельствъ — тогда могутъ явиться новыя отношенія, могутъ слова замѣниться идеями...

Сюда, къ этому многочисленному отдѣленію поэтовъ принадлежалъ Дмитріевъ. Рассмотрите обстоятельства его жизни, его характеръ, его мѣсто въ свѣтѣ, и вы согласитесь съ нами. Тоже подтвердитъ намъ его литературное образованіе и взглядъ на литературное поприще Дмитріева.

Мы сказали, что родители Дмитріева принадлежали къ образованнымъ, грамотнымъ, вѣрнѣе сказать, людямъ своего времени. Онъ самъ сказывалъ, что мать читала съ нимъ оды Сумарокова. Въ Петербургѣ онъ

очутился въ такомъ мѣрѣ, который любилъ чтеніе, любилъ образованіе. Намъ неоднократно прежде приходилось изображать тогдашнее время и блестящее царствованіе Екатерины, говоря о Державинѣ, и другихъ дѣятеляхъ нашего просвѣщенія и образованности. Скажемъ здѣсь немногими словами, что Екатерина, любя славу, видѣла необходимость роскоши просвѣщенія, и включила литературу Русскую въ число потребностей образованнаго общества. Право на появленіе въ лучшемъ обществѣ составило упражненіе въ литературѣ, когда Екатерина сама писала Русскія комедіи и пословицы, участвовала въ *Собесѣдникѣ*, сочиняла Словари и наказывала стихами изъ Телемахиды тѣхъ, кто въ обществѣ Эрмитажномъ заговаривалъ не по-Русски. И вотъ послѣ сего Петровъ долженъ былъ вздѣть въ обозъ Потемкина, Херасковъ писать поэмы, Княжнинъ трагедіи, Богдановичъ легкую поэму, Нелединскій пѣсни, Капнистъ сатиры, и всѣ сочинять оды. За образцами, за восторгомъ ходить было недалеко — надобно было только читать Французовъ, вѣрить Буало, кланяться Роспну, видѣть въ Вольтерѣ образецъ генія, въ энциклопедіи магазинъ всѣхъ возможныхъ познаній. Все это составляло общность образованія, до котораго старались достигнуть молодые люди, чтобъ быть допущенными къ Меценатамъ, что было и выгодно и пріятно, давало ходъ и занимало умъ. Въ числѣ сверстниковъ Дмитріева были братъ его, писавшій стихи и «воспѣвавшій Темиру,» по словамъ Карамзина, «въ походѣ подъ Шведскими ядрами (въ самомъ жару сраженій онъ думалъ о своей Темирѣ, но сія Темира не знала цѣны его.» — См. *Московскій Журналъ*, 1792 г. Декабрь; былъ пѣвко Козлятевъ, любезный молодой человекъ и стихотворецъ; былъ и еще юноша, землякъ Дмитріева, моложе его пятью годами, пылкій, страстный — Карамзинъ; былъ М. Н. Муравьевъ, были многіе. Однихъ увлекла потомъ

жизнь, другихъ служба. Только одинъ Карамзинъ отказался отъ всего, чувствуя непреоборимое призваніе къ литературѣ. Дмитріевъ ничѣмъ не увлекаясь, умѣлъ поладить съ службою и литературою, взаимно помогая однимъ другому, и при умѣ осторожномъ, вкусъ разборчивомъ, безстрастїи систематическомъ, сдѣлался другомъ и совѣтникомъ всѣхъ, гениальнаго Державина, остроумнаго Львова, многопишущаго Хераскова. Съ удивительнымъ искусствомъ умѣлъ онъ отдѣлать все странное и смѣшное отъ литературныхъ занятій, былъ дѣловымъ съ дѣловыми, поэтомъ съ поэтами; смалчивая кстати, умѣлъ дать высокое понятіе о своемъ образованіи; бесѣдуя съ стариками на нихъ вкусъ, не отсталъ и отъ молодыхъ, начинавшихъ понимать необходимость и усовершенствованія языка, и чего-то выше тогдашнихъ литературныхъ занятій. Такъ сохранилъ онъ литературное сродство съ Карамзинымъ и сдѣлался ревностнымъ участникомъ его занятій, когда, по возвращеніи изъ путешествія по Европѣ, Карамзинъ, въ 1791 году, началъ издавать *Московскій Журналъ*. Дмитріевъ превосходя по понятію литературную реформу, которую предпринялъ другъ его. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ постоянно участвовалъ въ журналѣ Карамзина, печаталъ въ немъ стихи свои, которые были у него заготовлены, но которыхъ почти никто не зналъ, и не предаваясь вполне литературѣ, какъ Карамзинъ, онъ составлялъ себѣ почетное имя литературное на ряду съ нимъ; былъ потомъ участникомъ его *Аглаи*, *Аониды*, и когда Карамзинъ собралъ мелкія пѣсньи свои въ книжечку, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*, Дмитріевъ собралъ свои стихотворенія, подъ названіемъ: *И мои бездѣлки*. Такъ самое названіе заставляло считать объ книжечки чѣмъ-то однимъ, и имя Дмитріева навсегда пошло на ряду съ именемъ Карамзина. Говорили: *Карамзинъ и Дмитріевъ*, какъ прежде по привычкѣ говорили и писали: *Ломоносовъ*

и Сумароковъ. Но столько же несправедливо было бы ставить на одну степенъ Дмитріева и Карамзина, какъ и Сумарокова съ Ломоносовымъ.

Карамзинъ, въ юности другъ Ленца и обожатель Шекспира, былъ рожденъ съ нежною, пылкою, истинно поэтическою душою, отказался отъ свѣта и обольщеній его, жаждалъ просвѣщенія, отдалъ всего себя литературѣ, жилъ поэтомъ, показалъ собою первый въ Россіи примѣръ челоуѣка, который литературу дѣлаетъ цѣлью своей жизни. И если потомъ Карамзинъ и увлекся современнымъ образованіемъ, увлекся свѣтомъ, то великій трудъ, занятіе отечественною исторіею ознаменовало однакожь послѣдніе 20 лѣтъ его жизни, до конца посвященной труду, ученію и литературѣ.

Не таковъ былъ Дмитріевъ. Литература была у него занятіе между прочимъ, при службѣ, при свѣтской жизни, которымъ опять таки не давалъ онъ совершенно обольщать себя. Составивъ себѣ литературное имя небольшимъ собраніемъ стихотвореній, онъ только поддерживалъ его потомъ тщательно обработанными небольшимъ стихотвореніями, которыя отъ времени до времени являлись въ свѣтъ, и вскорѣ въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ пересталъ писать, когда надобно было только что приступать къ созданію чего нибудь болѣе важнаго....

Въ *И моихъ бездѣлкахъ* помѣщено было *шестьдесятъ* пьесъ. Разнообразіе ихъ показываетъ, что Дмитріевъ испытывалъ себя во всѣхъ почти лирическихъ родахъ—одъ, какъ дани прежнему времени, гимнахъ, пѣснь; тутъ же его сатирическія стихотворенія, его сказки, его небольшія лирическія поэмы, начало стихотвореній того рода, который избралъ онъ потомъ преимущественно—басни; наконецъ его мелкія стихотворенія.

И мои бездѣлки изданы были въ 1795 году, когда Дмитріеву было 35 лѣтъ. Въ 1803 году, Дми-

тріевъ издалъ въ первый разъ полное собраніе своихъ сочиненій, въ двухъ частяхъ, къ которымъ въ 1805 году выдана третья часть. Въ 1810 вышло новое изданіе, не знаемъ почему названное уже *третьимъ*; въ 1814 году издано *четвертое*, въ 1818 году *пятое*. *Шестое*, т. е. по надлежащему *пятое*, напечатано было въ Петербургѣ въ пользу бѣдныхъ, отъ Общества любителей Россійской Словесности, въ 1823 году. Съ тѣхъ поръ перестали печатать Дмитріева. Но собственно литературное поприще его кончилось съ 1805 годомъ, или первымъ изданіемъ его сочиненій. Въ послѣдовавшихъ потомъ изданіяхъ прибавлялось къ прежнему весьма немногое. Не говоримъ объ *апологахъ въ четверостишіяхъ*, болѣею частью переведенныхъ изъ Мольво (Mollevaut), и изданныхъ въ 1825 году. Такимъ образомъ видимъ, что почти въ *сорокъ лѣтъ* Дмитріевъ оставилъ литературу. Но какъ же разгадать такое слишкомъ *тридцати лѣтнее* молчаніе, какъ согласить его съ душою поэтическою? Увы! Державинъ писалъ до конца жизни....

Разгадку и соглашеніе найдете, разсматривая сочиненія Дмитріева.

Прежде всего должно отличить однакожь главное: большую часть изданнаго Дмитріевымъ составляютъ переводы и подражанія иностранному. Въ старое блаженное время не дѣлали у насъ различія между сочиненіемъ и переводомъ. Нимало не оспорируемъ заслуги хорошаго переводчика, но думаемъ, что между твореніемъ самобытнымъ и переводомъ есть разница. Переводникомъ можетъ быть умный литераторъ—для творенія самобытнаго этого мало, если не ошибаемся.

Въ собственныхъ сочиненіяхъ Дмитріева первое отдѣленіе стихотвореній занимаютъ *лирическія* пьесы. Не говоримъ объ его одахъ, и что сказать объ нихъ? Это не Державинскія вдохновенія—это *пьесы*

на случай. — Гораздо замѣчательнѣе лирическаго, такъ сказать, поэмы Дмитріева: *Ермакъ и Освобожденная Москва*. Онъ былъ никогда въ большой славѣ, но неужели намъ и теперь не сознаться, что въ нихъ нѣтъ ни простоты, ни естественности, ни мѣстныхъ красокъ? Это красивая винетка въ щегольской рамѣ, нѣчто въ томъ родѣ, который избралъ Флоріанъ для Французовъ. Окончаніе Ермака, высказанное прекрасными стихами, составляетъ гиперболу. Такъ переводы Дмитріева изъ Классиковъ, Горация, Тибулла, Ювенала суть переводы въ родѣ Французскихъ прошедшаго вѣка. Сличать ихъ съ подлинниками, когда они не съ подлинниковъ были и переведены, искать въ нихъ духа Древнихъ — было бы довольно странно. — Любовныя стихотворенія Дмитріева таковы же; въ нихъ видна изысканность, и недостаетъ сердечнаго чувства. Читайте его: *Счетъ поцѣлуевъ*, гдѣ любовникъ увѣряетъ, что ему мало сотни поцѣлуевъ, и приводитъ въ доказательство шедрость Цереры, Флоры, Юпитера; читайте *Элегію*:

Коль надежду истребила
Въ страдномъ сердцѣ ты моемъ,
Хоть вздохни, *тиранка мила*,
Ты изъ жалости *по цели*....

Читайте стихи къ Прелесть, о *выгодахъ быть любовницею стихотворца*; читайте пѣсни Дмитріева, и — увѣрьтесь, что истинная любовь была недоступна нашему поэту, какъ была она неумѣстна въ его вѣкъ.

Да, онъ не зналъ ея рая и ада, ни блаженства и гибели, по крайней мѣрѣ, не высказалъ ея въ своихъ стихахъ, и пересматривая всѣ стихотворенія Дмитріева; вы найдете только одну пѣсню, гдѣ говоритъ сердце его, говоритъ искренно — это *Посланіе къ Карамзину*. Не смотря на фигурность подробностей, берега *Пенел*, *златовласыхъ Амуровъ*, *Эоли*,

Фавновъ, *Нимфъ*, *Зефировъ*, *Майскій въперочекъ*, что казалось прежде необходимо въ поэзіи, нѣкоторые стихи вырвались тутъ изъ сердца —

Поется мнѣ — пою, не весело — молчу....

Прекрасно, прекрасно и описаніе зимняго вѣтра, который —

Свинцовые валы на озеро нагонитъ.

Прекрасно и окончаніе —

День, два, и — можетъ быть, цвѣточка не застану;
День, два, и — можетъ быть.... какъ знать? и самъ уволю!

Также сердечная теплота видна еще въ одной пѣснѣ Дмитріева: *Къ друзьямъ*, гдѣ такъ трогательны два стиха поэта объ его уединеніи, въ которомъ хочетъ онъ умереть въ тишинѣ, гдѣ, говоритъ онъ:

Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвіи закатится
И мой послѣдній взоръ на друга устремится....

Во всемъ остальномъ, что ни писалъ Дмитріевъ, видно только одно — умъ, холодный, безстрастный умъ, *вкусъ*, если угодно, умѣющій искусственно замѣнить всѣ другія свойства поэта истиннаго, а все-го болѣе особенный даръ насмѣшливости, котораго нельзя назвать *гуморомъ*, не лзя назвать и пламеннымъ негодованіемъ, которое разить сатирою порокъ и зло. Нѣтъ! Дмитріевъ остритъ эпиграммою, переводитъ Попова *Посланіе* (съ Делиева перевода) о плохихъ, голодныхъ стихотворцахъ; самъ изображаетъ высокопарныхъ слагателей одъ (въ *Чужомъ толкѣ*), беретъ сцену изъ Мольера, гдѣ бранятся два педанта. Потому, онъ былъ и останется всегда превосходенъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя можно назвать *свѣтскими*, или *альбомными*, въ шуткѣ, въ мадригалѣ, въ отвѣтъ свѣтской дамѣ, требовавшей стиховъ, во всемъ томъ, что по словамъ

почтеннаго біографа Дмитріева, Князя П. А. Вяземскаго, «отличается легкостью, приличіемъ, тонкостью въжливости, обнаруживающее дарованіе природное, но воспитанное и изощренное въ обществѣ.»—«Такъ писали Французы, въ лучшее время ихъ литературы,», прибавляетъ почтенный біографъ (когда они думали, по словамъ Вильмена, что *imagination et passion, mœurs rudes et barbares, vives peintures des objets naturels, tout cela est une barbarie qu'il faut adoucir et corriger*), «но никто такъ не писалъ у насъ до нашего автора.» Мы совершенно съ этимъ согласны. Здѣсь находимъ мы отличительное свойство сочиненій Дмитріева, главную причину его успѣховъ и превосходнаго искусства его въ сказкахъ. *Модная жена, Воздушныя башни, Причудница, Картина* относятся сюда, и хоть всѣ онѣ суть полу-переводы, но онѣ превосходны. Здѣсь же и этимъ же характеризуются басни Дмитріева, и то, что онъ выбралъ ихъ наконецъ преимущественнымъ родомъ своихъ сочиненій.

Говорить о сущности аполога, говоря о басняхъ Дмитріева, было бы излишне. Онъ взялъ апологъ такимъ, какимъ нашелъ его у Лафонтена, а еще больше у Флоріана, Арно и другихъ новѣйшихъ баснописцевъ, нашелъ въ немъ легкое средство быть поэтомъ и забавляться умомъ — и только! Онъ не думалъ придавать ему Русской, или своей собственной оригинальности — онъ мастерски переводилъ на Русскій языкъ Французскіе апологи, и замѣтьте: лучшіе изъ переведенныхъ имъ апологовъ не Лафонтеновы, но Флоріановы, и другіе, тѣ самыя, которые подходятъ къ насмѣшливой, свѣтской сатиры. Потому намъ кажется, характеристика басенъ Дмитріева совершенно справедливо, хоть и неумышленно, сдѣлана въ слѣдующихъ словахъ Мерзлякова: «Дмитріевъ отворилъ Баснямъ двери въ просвѣщенные, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ

и языкомъ.» Но за то Русскій народъ отказался отъ его басенъ, когда явился Крыловъ, за то онъ уже умерли, лишеныя самобытности, потому, что онѣ созданы были не Русскимъ умомъ и пересказаны языкомъ условныхъ приличій.

Именно это должноствовало обольщать современниковъ, но вредитъ Дмитріеву въ потомствѣ, и лишить долговѣчія его сочиненія. Долговѣчны бываютъ, или творцы великихъ, вѣковыхъ твореній, или люди, глубоко проникнутые національностью, или наконецъ люди вполне высказывавшіе себя, свою душу, свое сердце въ своемъ созданіи. Что Дмитріевъ не создалъ ничего великаго, объ этомъ и спорить нечего, но замѣтьте также, что во всѣхъ твореніяхъ Дмитріева нѣтъ *ничего Русскаго*, ни по уму, ни по языку. Читаете ли оду его, басню, эпиграмму, пѣсню, вы не знаете гдѣ живетъ поэтъ — его чувство, восторгъ, языкъ суть чувство, восторгъ языкъ космополита, которымъ можно говорить въ Парижъ, Петербургъ, Берлинъ. Дмитріевъ жилъ и писалъ для своего вѣка, говорилъ языкомъ своего вѣка, чувствовалъ его чувствами, угождалъ ему, пльнялъ, восхищалъ его, и мы не будемъ несправедливы, если скажемъ, что онъ умеръ съ своимъ вѣкомъ.

Не обольщались впечатлѣніями прежними, воспоминаніями и преданіями, перечитайте теперь, снова, всѣ сочиненія Дмитріева, и вы убѣдитесь, что онъ чуждый для насъ поэтъ. Холодный расчетъ въ одѣ, поддѣльная краска поэзіи въ *Ермакъ* и *Освобожденной Москвѣ*, переводный умъ въ апологъ, любезность изысканная въ альбомныхъ пьесахъ, и вездѣ переводъ вмѣсто оригинала, не могутъ увлечь насъ. Мы не такъ поемъ наши побѣды, не такъ любимъ, не такъ шутимъ, не такъ уже говоримъ. Эта вѣчная примѣсь мифологическихъ именъ, принятыхъ въ какомъ-то холодномъ аллегорическомъ смыслѣ —

Ces déités d'adoption,
Synonymes de la pensée
Symboles de l'abstraction,

которыя являются въ видѣ *пернатыхъ Сиренъ* на Волгѣ, заставляють призывать *Божество Пинда* при известіи о милостяхъ Ломоносову, заставляють *Цыганокъ* въ Марьиной рошѣ восклицать: *Эвоэ*, говорить о *Пермесскомъ жарѣ*, изливая чувства дружелья — все это не наше.

Но Дмитріеву поставляютъ въ заслугу обработку, совершенствованіе Русскаго языка, ставя его наравнѣ съ Карамзинимъ. Мы сами нѣсколько разъ упоминали объ этомъ въ статьѣ нашей, упоминали объ слогахъ, о словахъ. Здѣсь надобно бы намъ говорить много и долго, еслибы мы захотѣли объяснить дѣло подробнѣе, надобно бы коснуться самой теоріи языковъ литературныхъ, и реформы, какую сдѣлали въ Русскомъ языкѣ Карамзинъ и его товарищи. Отвергая ложную мысль различія слоговъ и дѣленія его на высочій, средній и простой, тѣмъ не менѣе должно сказать, что языкъ поэзіи и прозы, языкъ книжный, литературный, письменный, тотъ, словомъ, которымъ *выражаются поэтъ и прозаикъ* въ своихъ твореніяхъ, не можетъ быть обыкновеннымъ языкомъ, которымъ *говоритъ народъ*, который служитъ ему для потребъ общежитія. Литература есть мѣръ искусства, и языкъ долженъ быть искусственный, или лучше сказать, *излищный*, такъ, какъ онъ долженъ быть *философическимъ* въ предметахъ ученыхъ. Совершенную нелѣпость утверждаютъ тѣ, кто говорятъ, что надобно *писать такъ, какъ говоримъ*. Но какъ однакожь отыскать, угадать этотъ языкъ литературный, логическій, правильный, *излищный*; удалить его отъ педантскихъ условій, не принять въ него и безсвязности разговорнаго, избавить его и отъ щеголеватой чопорности временнаго вкуса? Бѣда въ томъ именно, что языкъ каждаго народа есть

проблема вѣчнаго движенія, *perpetuum mobile* ума человѣческаго, ибо пока народъ живетъ, онъ безпрерывно измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ и измѣняется и языкъ его. Мысль: создать вѣчный, неизмѣнный, официальный книжный языкъ будетъ нелѣпица суцая. Обыкновенно дѣлается такъ, что начиная періодъ книжничества, или письменности, народъ принимаетъ формы книжнаго языка своихъ учителей, того народа, отъ котораго беретъ свою письменность. Тутъ принимаются цѣликомъ чужія, созидаются свои новыя слова, или разговорныя принимаютъ особое значеніе, для выраженія новыхъ идей, устроиваются и новыя формы синтаксиса. Книжный языкъ *отдѣляется* такимъ образомъ, и претерпѣваетъ отдѣльно свои перемѣны, пока разговорный испытываетъ свои особенныя измѣненія. Такъ идетъ, пока съ усиленіемъ образованія, съ явленіемъ великихъ дарованій, литературное образованіе распространится въ народъ, и народъ, въ свою очередь, передастъ свою разговорность, свою не-книжную поэзію въ литературу. Тогда постепенно сближаются оба языка, книжный и разговорный, хотя никогда слиться въ одно они не могутъ, народъ никогда по книжному говорить не станетъ, а мечта писать книги разговорнымъ языкомъ все равно, что желаніе танцовать тому, кто не учился и не знаетъ условій танцевальнаго искусства. Любопытно, что чѣмъ меньше образованіе, чѣмъ слабѣе литература, тѣмъ разительнѣе отличается книжный языкъ отъ разговорнаго, и тѣмъ болѣе стараются отличатся формами его литераторы, все равно какъ получечный старается всегда показать въ разговорѣ своемъ, что онъ что-то такое знаетъ. Въ послѣдующемъ эллисѣмъ періодѣ, когда литературное образованіе дѣлается принадлежностью не однихъ ученыхъ, но и высшихъ сословій, является опять особенный, условный *книжный языкъ*, такъ называемаго, *образован-*

наго или свѣтскаго общества — своего рода педантизмъ! И все это продолжается до того времени, когда литература войдетъ въ общее народное образованіе, и книжный языкъ получить полные, самобытные элементы, уравнившись съ разговорнымъ, превосходя его, и претерпѣвая измѣненія уже въ свѣдѣніи полноты общественнаго образованія.

Все это было и есть у насъ въ Россіи. Принявъ письменность церковную, Греко-Славянскую, мы создали изъ нея свой книжный языкъ, который отдаленно терпѣлъ два измѣненія, Польско-Латинское и приказно-Нѣмецкое, если можно такъ сказать. Ломоносовъ указалъ намъ первый на законы нашего языка. Литература наша сдѣлалась послѣ него принадлежностью высшаго сословія. Это сословіе мысляло по Французски, и говорило универсальнымъ языкомъ того времени — Французскимъ. Что сдѣлалъ Карамзинъ? Угадалъ, что формы этого языка и этой литературы надобно перенести въ нашу современную литературу, говорить и думать Галлицизмами, вмѣсто Латинизмовъ. Что дѣлалъ при томъ Дмитріевъ? Приложилъ тоже къ Русскому стихотворству. И оба, Карамзинъ и Дмитріевъ, казались великими нововводителями, потому, что ихъ поняли свѣтскія или образованныя сословія. Вотъ все. Соглашаемся, что заслуга была важная, реформа умная, но временная, и языкъ реформы Карамзина и Дмитріева для насъ уже не годится, въ силу неизмѣннаго закона, по которому все живущее непрерывно измѣняется! по которому съ 1790-хъ годовъ, въ пятьдесятъ лѣтъ, все измѣнилось; по которому самъ Карамзинъ писалъ Академическую рѣчь въ 1820 году иначе, нежели писалъ сказки въ Московскомъ Журналѣ; по которому проза Пушкина, Жуковскаго выше Карамзинской, и повесть Марлинскаго разсказывается лучше повѣсти Карамзина; по которому не пропали для насъ даромъ споръ Шиш-

кова съ Карамзинистами, грамматическія изслѣдованія Греча, народность Крылова, стихи Пушкина, знакомство Жуковскаго съ языкомъ Шиллера, Байрона, и наше знакомство съ В. Гюго и языкомъ новыхъ реформаторовъ Французскаго языка; по которому полезны даже забавныя старанія Барона Брамбеуса переломать, перевернуть Русскій языкъ, и ненависть его къ *сей, сія, сіе*, полезны именно потому, что показываютъ, чего должны мы избѣгать въ чистой, изящной прозѣ нашего времени, стараясь, сколько возможно, *не писать такъ, какъ пишетъ Брамбеусъ*. Повторимъ еще: «прозѣ нашего времени», ибо и современная намъ проза должна постепенно стараться и измѣняться, съ новыми открытіями тайнъ языка, съ новыми идеями, съ большимъ сближеніемъ ея съ нашею народностью.

Хотите ли просто убедиться, что языкъ Дмитріева, живой, блестящій въ свое время, неподкрѣпляемый для насъ истинною поэзіею, обветшалъ и состарился, ибо это не языкъ восторга Державинскій, не языкъ страсти Жуковскаго? Возьмемъ нѣсколько разныхъ примѣровъ, и надѣемся, что прочитавши ихъ, читатели согласятся съ нами безъ дальнѣйшихъ поясненій:

1.

*О любезной, о мой милый!
Гдѣ ты власть небесну взялъ?
Ты своей волшебной силой
Новую жизнь и душу далъ!*

*Прочь печали и напасти!
Прочь заботы! вась ужь нѣтъ!
Покоряся нѣжной страсти
Я гляжу на новый свѣтъ!*

2.

*Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увячаютъ Россію
Изъ злата вылитый твой зракъ,*

Изъ пядрь Сибири истокенна
Тюшмъ булатнымъ копіемъ!
Но что я рекъ, о тѣмъ забвенна!
Что рекъ въ усердіи моелъ?

3.

Но буду ли, друзья, по прежнему вамъ милъ?
Давъ! уже во мнѣ жаръ къ пинѣ простылъ,
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежняя живость!
Простите ль иногда мою въ молчаливость,
Мое уныніе?... Терпите, о друзья,
Терпите, *зачъ за то, что къ вамъ привланъ я,*
Что сердце приношу густѣе, незлобно,
И болѣе еще ко дружеству способно.

Кажется, спора быть не можетъ, что и въ пустой шелухѣ собранія словъ, которую называютъ въ наше время *стихами*, языкъ является уже совершеннѣе этого языка, говоря вообще. Можете удостовѣриться въ томъ, взявши какой нибудь изъ тѣхъ стихотворныхъ валеждоскоповъ, которые то и дѣло выходять теперь, на веленовой бумагѣ, подъ именами *Стихотвореній такого-то или другаго, Петра, Сидора, Карпа*. Въ нихъ нѣтъ мыслей, нѣтъ поэзіи — безспорно, но мы и говоримъ только о выраженіи, объ языкѣ.

Безпристрастно опредѣливъ истинное и относительное достоинство Дмитріева въ нашей литературѣ, предвидимъ вопросъ нѣкоторыхъ читателей: отъ чего же произошла и чѣмъ поддерживалась, и теперь еще поддерживается, огромная слава и извѣстность его въ литературу нашей?

Тотъ же ловкій умъ, который замѣнялъ для Дмитріева вдохновеніе, то же умнѣе мирить жизнь съ поэзіею были здѣсь всему основаніемъ. Скрывая свои позантіи, пока не явился Карамзинъ, выступивъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ реформаторъ Русской поэзіи и Русскаго языка, имѣя обширное литературное знакомство, Дмитріевъ заботился угодить своему вѣку, подчинялся его вкусу, заботился объ условномъ языкѣ,

къ, зная, что только это и пойметъ его вѣкъ. Онъ кстатіи остановился потомъ, подкрѣпляя свою извѣстность, а когда сдѣлаался потомъ значительнымъ человекомъ въ обществѣ, то умѣлъ свое общественное вліяніе обратить въ свою пользу литературную. Прежде онъ ходилъ къ Меценатамъ; теперь къ нему стали собираться, какъ къ вельможѣ Меценату. Это меценатство Дмитріева продолжалось сорокъ лѣтъ, и черезъ него прошли три поколѣнія Русскихъ литераторовъ. Могли ль они *смытъ свое сужденіе имѣть*, о томъ, кто видѣлъ, ободрялъ ихъ первые опыты, покровительствовалъ имъ, былъ другъ Карамзина, знатный человекъ, обладалъ славой по предаію, прежде нихъ составленному? Да, и почему тогда они повѣрить новѣйшіе успѣхи его, если Меценатъ ихъ ничего не писалъ? Между тѣмъ Дмитріевъ тщательно заботился о томъ, что было прежде имъ писано; онъ безпрерывно перечитывалъ это, унытожалъ все слабѣйшее, исключалъ, перемѣнялъ, и классическій вкусъ его не ошибался. Онъ рѣшительно бросилъ нѣсколько одъ, которыя были помѣщены имъ въ *И монахъ бездѣлкахъ*, и бросилъ именно потому, что хотя оды его были не дурны, но *время одъ прошло*. Отрѣзывая куплеты отъ стиховъ своихъ, чистя ихъ, онъ приноровлялъ языкъ свой къ новѣйшимъ измѣненіямъ, сколько могъ. И между тѣмъ, какъ восторженная молодежь, собиравшаяся вокругъ него, смотрѣла съ благоговѣніемъ на почтеннаго старика, ихъ ободрявшаго, ласкавшаго, когда, по заведенному порядку, молодой литераторъ не могъ выйти на литературу, иначе, какъ черезъ кабинетъ Дмитріева и выслушавши его замѣтки на свои стихи и свою прозу, онъ самъ старался не говорить о своихъ сочиненіяхъ, всегда отзывался объ нихъ робко, холодно, невнимательно. Такая скромность безоружила всѣхъ. Прочитайте, какъ смиренно говорилъ Дмитріевъ, предлагая шестое изданіе своихъ сочиненій,

изъ котораго выкинулъ много хорошихъ пьесъ, и назвалъ его потому *исправленнымъ и уменьшеннымъ*. Предисловіе это любопытно еще и тѣмъ, что показываетъ понятія, какія объ *литературѣ и поэзіи* имѣли Дмитріевъ и въкъ его. Вотъ оно:

«Почти всѣ мои стихотворенія писаны въ продолженіе моей гвардейской службы, между строевъ и карауловъ, или въ короткомъ промежуткѣ свободы, между первою отставкою изъ гражданской службы и вступленіемъ опять въ оную. Тогда еще не было такихъ *благопріятныхъ случаевъ къ соревнованію*, какими пользуются нынѣшніе поэты и прозаики; сочиненій нашихъ не *читывали въ собраніяхъ ученыхъ обществъ, въ присутствіи великоужъ, ученыхъ, многотысячныхъ слушателей обоего пола*. Я нѣсколько лѣтъ писалъ стихи, печаталъ ихъ въ журналахъ, а не зная, какъ объ нихъ судить, и не бывъ знакомъ ни съ однимъ поэтомъ, пока не приобрѣлъ, уже въ зрѣлой молодости, пріятеля незабвеннаго Державина и не утвердилъ дружбы съ Карамзиннымъ. Съ того только времени я *покусавоалъ, что такое талантъ и авторское искусство*. — Приступая въ старости лѣтъ къ новому изданію стиховъ моихъ, я могу думать, что оно будетъ послѣднимъ при моей жизни. Эта мысль рѣшила меня перенять все, мною изданное, съ возможнымъ хладнокровіемъ; потому многое исключить изъ новаго изданія, въ томъ числѣ и 19-тъ басенъ. Изъ прочихъ же стиховъ старая я нѣкоторые, сколько умѣю, исправилъ, и такимъ образомъ прежніе три тома приведены въ два тома. — Знаю, что въ стихотвореніяхъ моихъ найдутся и теперь многіе недостатки. По крайней мѣрѣ, читатели не похулятъ меня за то, что я избавилъ ихъ отъ лишняго убѣтка и лишней скуки.»

Согласимся, что если тутъ видно ложное понятіе о поэзіи и литературѣ, за то все это сказано очень умно и мило. И кто бы могъ подумать, читая сіи строки, что престарѣлый поэтъ, дорожа между тѣмъ своею славою, оскорбляется и самою тѣною критики. Онъ жестоко возставалъ противъ права, которое присвоиваютъ себѣ журналисты критиковать, и казался непонимающимъ, что это право принад-

лежить каждому читателю, не только журналисту, а повѣрку такого суда, въ случаѣ несправедливости, дѣлаетъ публика. Сколько намъ известно, только *одинъ разъ* въ жизни Дмитріевъ слышалъ голосъ критики дѣльной и безпристрастной. Она была помѣщена въ *Вѣстникъ Европы*, 1806 года (ч. XXVI, стр. 278-300, ч. XXVII, стр. 42-54). Чрезвычайно скромно и вѣжливо, Критикъ осмѣлился замѣтить, при всѣхъ похвалахъ, что переводъ басенъ Лафонтена, особливо переводы изъ Горація, не вездѣ вѣрны и грѣшатъ противъ Русскаго синтаксиса.... Черезъ 20-ть лѣтъ потомъ, поэтъ не могъ простить критику его искренности, и не могъ говорить объ этой критикѣ хладнокровно... Мы помнимъ, какъ огорчали престарѣлаго поэта отзывы объ его *Апологахъ въ четверостишіяхъ*, помѣщенные послѣ выхода ихъ въ *Дамскомъ журналѣ*, и подражанія этимъ апологамъ, помѣщенные Языковымъ въ *Невскомъ альманахѣ*.

Но оставимъ всѣ такія подробности запискамъ о нашей литературной исторіи, которыя будутъ читать наши внуки. Мы должны были коснуться немногихъ подробностей потому только, что ими рѣшаются факты, безъ того непонятные....

Заклучимъ общимъ выводомъ: Дмитріеву представится въ исторіи нашей литературы почетное мѣсто между реформаторами Карамзинской эпохи, но потомство откажетъ ему въ названіи поэта, и даже въ наше время, ни творенія, ни языкъ его не могутъ уже почестся для насъ образцовыми. Въ твореніяхъ его виднѣн умный, образованный человекъ, мимоходомъ занимавшійся литературою, и вполне вознагражденный за то своею *современностью*. — Новое изданіе *Басенъ и апологовъ* его ничего не доказываетъ. Кажется, оно напечатано однимъ изъ нашихъ книгопродавцевъ, потому, что другіе книгопродавцы печатали такія же миниатюрныя изданія

другихъ баснописцевъ, но оно не было слѣдствіемъ требованія читающей публики.

Не скажутъ ли, что нашъ приговоръ очень строгъ? — Мы объ этомъ не думаемъ, если онъ *вѣренъ* и *справедливъ*. Вотъ главное и единственное. Будемъ строги къ предшественникамъ нашимъ, чтобы оправдать тѣмъ строгость нашу къ самимъ себѣ. Повѣрьте, что предшественники наши свое взяли. Они жили въ тотъ счастливый вѣкъ общаго дѣтства, когда все *новое* казалось *хорошимъ*, когда такъ легко было завоевать имя поэта, литератора, ученаго; когда переводъ ставился на равнѣ съ подлинникомъ, соблюденіе извѣстныхъ условій давало дипломъ на вкусъ, и надобно было угодить не многимъ, чтобы попасть въ Расины, Мольеры, Омиры, Лафонтены. Теперь такое время прошло, и на подножійхъ разбитыхъ кумировъ, мы ставимъ только истинную заслугу, истинное дарованіе. Мы не думаемъ лишать предшественниковъ нашихъ достойной ихъ чести, но только отдаемъ имъ изъ нея тотъ участокъ, какой слѣдуетъ имъ по безспорному праву, такъ, какъ и современникамъ уступаемъ мы честь и хвалу только за заслугу. Подвигъ нынѣ покупается тяжело, но за то онъ цѣнится дороже. И не утѣшительно ли видѣть, что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе меркнетъ все поддѣльное, все преходящее, и тѣмъ ярче сіяетъ истинно великое и прекрасное? Теперь только оцѣняемъ мы вполнѣ величіе Державина, определяемъ заслугу Карамзина, отдаемъ честь забытому Хемницеру, видимъ великія достоинства Крылова, чувствуемъ силу генія Ломоносова, когда громады томовъ Сумарокова и Хераскова остаются у насъ только для литературныхъ справокъ о томъ періодѣ литературной Исторіи, въ которомъ они оба жили, который такъ хорошо выражали они своими твореніями....

Н. ПОЛЕВОЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДВУХЪ УЧЕБНЫХЪ КНИГАХЪ.

—

I.

Начальное чтеніе для обучающагося юношества.
Отдѣленіе первое. Второе изданіе. Москва, въ тип. Унив.,
1838 г., въ 8, 168 стр.

Не смѣшивайте ученія съ воспитаніемъ, или раздѣляйте, по крайней мѣрѣ, последнее на двѣ вѣтви: *воспитаніе ума* и *воспитаніе сердца*. Подъ первымъ я разумю знакомство съ науками; подъ вторымъ совершенствованіе нравственности. *Ученіе* есть видъ воспитанія, часть его; оно образуетъ разумъ, даетъ ему извѣстную форму, опредѣленную осѣдлость. *Воспитаніе* трудится надъ волею и характеромъ; оно очищаетъ волю, кладетъ на нее печать силы и постоянства; оно же укрѣпляетъ характеръ, направляя его ко всему доброму, прекрасному, великому. Полный кругъ образованія смыкается изъ трехъ звеньевъ: крещенія духа Религіею — краеугольнымъ камнемъ всякаго знанія; закаленія сердца нравственностію — основанною на религіи и служащею основаніемъ всей нашей жизни; утоленія жажды познаній — или собственно ученія. Трое зодчихъ строятъ храмъ нашего воспитанія: фундаментъ кладутъ родители, стѣны выводятъ наставники, довершаетъ самъ человекъ; безъ его доброй воли рушится фундаментъ, падаютъ стѣны и зданію не быть.

Оставимъ въ сторонѣ воспитаніе религіозное и нравственное, и обратимся на сей разъ къ умственному.

Что значитъ: *образовать умъ*? Образовать умъ значитъ: развить различныя его способности, развить одновременно, не подавляя одной въ пользу другой; память не должна рости съ ущербомъ воображенія; воображенію не слѣдуетъ опережать сужденія. Заботясь объ одномъ только качествѣ разумнѣя, и не деля прочихъ, мы нарушаемъ согласіе частей нашей умственной природы, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ.

Какіе же суть элементы нашего разумнѣя? *Память, воображеніе и сужденіе*. Предтеча ихъ, око ума, есть *вниманіе*. Вниманіе открываетъ уму то, что есть; память имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что было; воображеніе творитъ то, что можетъ быть. Первый элементъ соответствуетъ настоящему; второй — прошедшему; третій — будущему. Сужденіе, четвертый элементъ, работаетъ надъ матеріалами, приготовленными вниманіемъ, памятью и воображеніемъ; оно доканчиваетъ то, что начато сими способностями.

И такъ образовать умъ значитъ *развить вниманіе, память, воображеніе, сужденіе*.

Но дѣти всегда дѣти; удѣлъ ихъ безсиліе и разсѣянность, а разсѣянность врагъ вниманія. Мудрая природа, въ противодѣйствіе врагу, надѣлила человека великою потребностію, будильникомъ вниманія, вложило въ него духъ *любопытства*, животворящаго разумнѣя. Умѣйте имъ воспользоваться. Опытный наставникъ не упуститъ изъ вида ни одного средства, облегчающаго доступъ знаній, не забудетъ представить ученику всѣхъ возможныхъ выгодъ образованія. Нынѣ укажетъ онъ на практическую пользу науки, на ея приложеніе въ жизни; завтра объяснитъ духовное наслажденіе, доставляемое приобрѣтеніемъ истинъ, которымъ мы также радуемся, какъ богачъ золоту; а тамъ прибѣгнетъ къ искусственному пособию, окруживъ ученіе посторонними обстоятельствами, благотворно дѣйствующими

на питомца, облечши свои уроки въ пріятныя формы. На все есть манера, и каждое дѣло боится мастера.

Чтеніе, какъ необходимое условіе образованія, должно, слѣдовательно, относиться къ тремъ степенямъ его; другими словами, книги, назначаемыя для чтенія, должны дѣлиться на три разряда: предметъ первыхъ — таинства Вѣры; предметъ вторыхъ — мораль; предметъ третьихъ — науки. Каждый человекъ — будь онъ младенецъ или отрокъ, юноша или мужъ, мужъ или старецъ — долженъ бесѣдовать съ Откровеніемъ, благомъ и истиною, принималъ послѣднюю въ тѣсномъ значеніи, т. е. какъ содержаніе наукъ. Если жъ книга для чтенія не имѣетъ въ виду исключительной цѣли, но служитъ сборникомъ разныхъ статей, — пусть эти статьи раздѣляются на три отдѣленія, соответственно тремъ элементамъ совершенствованія человеческого. Отдѣленіе, соответствующее развитію умственному, раздробится на разныя статьи: однѣ, достойныя, какъ чтенія, такъ и ученія наизусть, укрѣплять память; другія увлекутъ воображеніе; третьи послужатъ оселкомъ сужденія; всѣ вмѣстѣ, по любопытству содержанія, пробудятъ вниманіе.

Вотъ съ какой точки зрѣнія должно, по нашему мнѣнію, смотрѣть на составленіе книгъ для чтенія, преимущественно дѣтскихъ. Неизвѣстный авторъ *Начальнаго чтенія для образующагося юношества* не только не покорялся изложенной нами мысли, но и не держался, кажется, ни какой системы. Выписываемъ содержаніе его книги: 1) Первые мысли познанія самого себя, 2) Нравственныя повѣствованія, 3) Человекъ (какъ будто въ познаніи самого себя, т. е. человека, нужно отдѣлять первыя мысли отъ вторыхъ, третьихъ, и т. д.), 4) Жажда познанія, или взглядъ на природу (какъ будто человекъ жаждетъ познать только природу), 5) О сохраненіи

здоровья, гдѣ говорится о здоровьи и о болѣзни, одеждѣ, снѣ и пищѣ, б) Тѣлесныя потребности человека и удобность жизни (какъ будто одежда, сонъ и пища принадлежатъ не къ тѣлеснымъ потребностямъ человека), 7) Правила Китайцевъ для образованія дѣтей, наставленіе Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ и наставленіе Св. Людовика сыну своему, 8) Русскія нравственныя пословицы. Оглавленіе статей убѣждаетъ насъ до очевидности, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей классификаціи, которую такъ любить нашъ разумокъ. Это сборъ разныхъ разностей, не связанныхъ одною цѣлью, не проникнутыхъ идеей цѣлаго. По тому выводите *Начальное чтеніе* на очную ставку съ нашимъ мнѣніемъ, выше изложеннымъ, не лъзя, да и не должно; оно не выдержитъ, въ семь случаевъ, самой снисходительной критики.

Будемъ же мѣрять его другою мѣркою, станемъ судить его другимъ судомъ. Взглянемъ на него взглядомъ самаго Автора, подумаемъ его завѣтною мыслью, его цѣлью, имъ начертанною и объясненною въ предисловіи.

«Покуда *последовательная* (!) наука не объяснитъ юношѣ истиннаго значенія всего того, что онъ видитъ, и того, что ему необходимо знать, онъ желаетъ имѣть хоть легкія понятія о томъ, что видитъ и къ чему ведетъ его наука. Это желаніе есть явный признакъ необходимости въ книгѣ, которая, не послѣ названія *учебной книги*, заключала бы въ себѣ *смысл* образованія, и объясняла цѣль той великой книги познаній, изъ которой каждый человекъ извлекаетъ по склонности и способностямъ тѣ познанія, которыя соответствуютъ его состоянію и роду жизни. Съ желаніемъ удовлетворить по возможности этой потребности, изложено предлагаемое чтеніе; основанное на мысли, что каждый человекъ желаетъ стремиться къ благу своему, по никто не найдетъ пути къ нему безъ дружескихъ, образованныхъ путевоителей, ума и сердца.»

Вотъ она, цѣль Автора. Книга для чтенія должна заключать въ себѣ легкія понятія о томъ, что ви-

дѣть юноша, и къ чему ведетъ его наука, которая, въ послѣдствіи, объяснитъ истинное значеніе всего того, что онъ видитъ, и того, что ему необходимо знать. Замѣтимъ вошервыхъ, что слово: *последовательная* есть плеоназмъ. Система понятій о какомъ нибудь предметѣ, т. е. наука, не можетъ быть непоследовательною; последовательность есть ея необходимое качество. Если жь, во вторыхъ, Авторъ употребилъ его для выраженія того, что наука не предшествуетъ нагляднымъ познаніямъ юноши, а слѣдуетъ за ними, то его выраженіе ошибочно; должно было сказать: *слѣдующая*. Въ третьихъ, многое, что видитъ юноша, не въ состояніи объяснить ему наука и не нужно ему этого знать. Есть предметы, истинное значеніе которыхъ должно тщателью скрывать отъ любопытства и пылливости юношей.

Послѣ сихъ бѣглыхъ замѣчаній предлагаемъ вопросъ: все ли должны содержать въ себѣ книги для чтенія, что въ послѣдствіи объясняетъ наука? Отвѣтъ, разумеется, отрицательный, ибо, въ противномъ случаѣ, юноша усвоилъ бы легкія понятія о всѣхъ наукахъ, сдѣлался бы легкимъ энциклопедистомъ, что едва ли возможно, да и бесполезно, и, въ добавокъ, книги для чтенія потребовали бы для своего помѣщенія Александрійской Библіотеки, что также неудобно. Какіе жь предметы берутся изъ содержанія науки на умственную пищу юношества? Предметы главные, основныя, необходимыя, любопытныя по преимуществу, предметы, въ познаніи которыхъ юношество чувствуетъ потребность, къ которымъ стремится любознательностію.

Начальное чтеніе, рассматриваемое съ сей точки зрѣнія, представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: 1) предметы, которые не по плечу юношѣ, хотя они и объясняются наукой; 2) предметы, которымъ въ послѣдствіи будетъ противорѣчить наука.

1. Предварительно замѣтимъ, что мы удивились, найдя въ оглавленіи правила Китайцевъ для образованія дѣтей. Будь знакомъ съ нами Авторъ, мы посоветовали бы ему помѣстить, вмѣсто извлеченія изъ *Троесловія*, что нибудь другое, ближайшее къ намъ, важнѣйшее для насъ. Мы попросили бы его, на примѣръ, рассказать дѣтямъ жизнь Спасителя, передать его высокія поученія, представить отрывки изъ Апостольскихъ Посланій, изъ писаній Св. Отцевъ. Мало ли священныхъ книгъ, чтеніе которыхъ назидаетъ душу, украшаетъ сердце, возвышаетъ умъ? Китайцы народъ мудрый, но въ настоящемъ случаѣ польза юношества требовала забыть ихъ мудрость и древность, ихъ шелкъ и фарфоръ, ихъ чай и узкіе глаза.

Впрочемъ, рѣшась помѣстить извлеченіе изъ *Троесловія*, Авторъ долженъ былъ позаботиться о строгомъ выборѣ правилъ, приличныхъ и свойственныхъ дѣтямъ. Что жъ мы, напротивъ, видимъ въ этихъ правилахъ? Поведеніе беременной женщины, обязанность матерей и родителей, отношенія между мужемъ и женой! «Въ древнія времена женщины, почувствовавъ зачатіе, не сидѣли склонившись, не ложились на бокъ, не стояли избоченясь, ходили правильно, не смотрѣли на отвратительные предметы, не слушали непристойныхъ словъ, не говорили нелѣпостей, не употребляли прихотливыхъ яствъ,» и проч. — «Ученіе матери должно быть основано на любви и кротости, и внушаемо нечувствительно. Какъ скоро дитя былъ въ состояніи брать пищу, то учили его брать правою рукою. Когда дитя былъ въ состояніи говорить, ему не дозволяли шепелявить,» и проч. (стр. 158). — «Второе отношеніе между мужемъ и женою миръ между ними; кротость мужа, и покорность жены служатъ наставительнымъ примѣромъ для дѣтей.» (стр. 161) — Для дѣтей ли годятся, скажите, такія правила? Конечно,

юныя особы могутъ со временемъ сдѣлаться отцами или матерями, мужьями или женами, но въ возрастѣ юношества они не чувствуютъ въ томъ потребности, не желаютъ знать этого. А учить ихъ тому, о чемъ они не желаютъ пмытъ и легкихъ попятій, значить—грѣшить противъ предисловія, итти противъ главной цѣли книги.

II. Исчислимъ тѣ предметы, которымъ со временемъ будетъ противорѣчить наука.

Стр. 3.—«Ученіе раздѣляется на *Богопознаніе*, въ которомъ заключается также и познаніе самого себя, людей и правилъ жизни, и вообще высшее образованіе души, и *Науки*, которыхъ цѣль состоитъ въ познаніи природы и дѣйствій ея, и въ изученіи понимать все правильно.»

А *послѣдовательная наука* скажетъ со временемъ, что познаніе самого себя, людей и правилъ есть также предметъ наукъ, которыя занимаютъ не одной природой. Да и самъ Авторъ, на стр. 48, опровергаетъ свое раздѣленіе слѣдующими словами: «Понять значеніе человѣка въ жизни, изучить различіе людей, потому свой собственный нравъ, свойства, силы, умъ, способности, образовать ихъ и согласовать, какъ съ общою, такъ и съ собственною пользою, составляетъ науку о познаніи себя.»

Тамъ же. «Художества и искусства, которыя составляютъ собственные произведенія человѣка, дѣла его рукъ и ума, и основаны на подражаніи природѣ.»

А *послѣдовательная наука*, эстетика, въ современномъ ея состояніи, скажетъ, что мнѣніе, будто изящныя искусства основаны на подражаніи природѣ, есть мнѣніе нелѣпое.

Стр. 69. «Луна обращается вокругъ земли, озаряетъ землю во время ночи, какъ лампада, и по этому обращенію луны годъ раздѣленъ на 12 мѣсяцевъ, столь необходимыхъ для измѣренія времени.»

А *последовательная* наука, астрономія, скажетъ, что лунный мѣсяць равняется 29 д., 12 ч., 44 м., 2,87 с., (Traité d'Astronomie, par Herschel, стр. 263), тогда какъ мы въ одномъ только Февралѣ считаемъ 28 дней, а въ прочихъ по 30 и 31 д. — Откуда же берется излишекъ дней? За Гершелемъ скажетъ, въ свою очередь, Бюгъ: C'est le mouvement du soleil qui détermine les diverses périodes employées dans la société pour la distribution du tems (Traité élémentaire d'Astronomie physique, томъ II, стр. 36). Да и самъ Авторъ, не дальше, какъ на другой страницѣ (97-й), говоритъ: «Луна, обращаясь вокругъ земли справа въ лѣво, обходитъ въ круглый годъ 12½ разъ.» По этому у насъ 12½ мѣсяцевъ?!

Стр. 100. — «Земля составляетъ всю толщю, или материкъ земнаго шара, и ея различныя виды суть: камни, минералы, глина, мѣль, песокъ.»

А *последовательная* наука, минералогія, найдетъ такое дѣленіе земли страннымъ. Она скажетъ: подъ именемъ минераловъ должно разумѣть вообще неорганическія тѣла, которыя составляютъ твердую массу земнаго шара и находятся внутри, или на поверхности его, следовательно, къ нимъ относятся и камни, и глина, и мѣль и песокъ. Правда, въ древнія времена неорганическія тѣла не имѣли никакого общаго названія, и словомъ: *минералы* означались одни руды, и въ особенности, такъ называемые, полуметаллы, то есть, не тягучіе, не ковкіе металлы, но теперь этого уже нѣтъ. Камни могутъ находиться и внутри и на поверхности земли, почему отдѣлять ихъ отъ минераловъ, въ какомъ бы значеніи ни принимали это слово, не слѣдуетъ, и т. д. (См. *Минералогію* Штурма, 1838).

Наконецъ и грамматика, такъ же *последовательная* наука, объяснитъ юношѣ правила истиннаго согласованія словъ и надлежащаго употребленія союзныхъ *или, то, и* проч. Что скажетъ тогда юноша, уви-

дѣвъ въ книгѣ для чтенія слѣдующія мѣста: «Въ которую бы сторону земли ни пошли мы, повсюду видимъ *или* равнины, покрытыя различными растеніями, населенныя людьми и животными; повсюду видимъ ручьи, рѣки, озера, на предѣлахъ твердой земли моря, а за морями опять землю. Въ которую бы сторону мы ни направили свой путь *и* *или* бы все впередъ и впередъ, не сбиваясь съ прямого пути, чрезъ горы и чрезъ моря, *то*, пройдя около 37,500 верстъ, мы бы возвратились къ тому же мѣсту, откуда пошли» (стр. 95). — «*Видя* (!) частыя пзмѣненія въ воздухѣ: то *тепло* (!), то *холодъ* (!); то ясное небо, то покрытое тучами; испытывая неприятность отъ дождей, отъ вѣтровъ; боясь грома и молній, *вамъ кажется* это безпорядкомъ» (стр. 100 и 101). — «*Гуртовыл собаки есть сторожа гурта*» (стр. 126). — Повторю: что скажетъ тогда юноша, не встрѣтивъ другаго союза *или*, и встрѣтивъ лишній союзъ *то*? Какой наукой объяснить искаженное согласованіе двепричастій и глагола вспомогательнаго? *Антиграмматики* онъ учить не будетъ.

Не знаю, какія *последовательныя* науки возмущатъ объяснить противорѣчащія мѣста книги? Которая нибудь изъ нихъ непременно будетъ ложная. Такъ, напримеръ, описывая волка, Авторъ замѣчаетъ: «Чѣмъ болѣе человѣчскій родъ утверждаетъ посредствомъ разума, озареннаго вѣрой въ святое Провидѣніе, власть свою на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе заботится онъ искоренить всякое зло, все вредящее мирно-дѣятельной жизни человѣка. Хищныя звѣри искореняются въ числѣ *этого* зла; человекъ, рассеялся повсюду, стѣсняетъ ихъ собою, преслѣдуетъ и переводитъ совершенно» — и далѣе: «Человѣкъ видимо созданъ для того, чтобъ быть Божіимъ орудіемъ къ искорененію зла на земномъ шарѣ» (стр. 132). — Взгляните жъ теперь на стр. 154-ю: «Въ природѣ нѣтъ ничего созданнаго на зло: все сотво-

рено на пользу. Одно только невѣжество, недověряющее запрещенію, неуверенностію своей бываетъ причиною вреда сперва себѣ, а потомъ другимъ. Вино по свойству своему,» и проч. — Дѣло не въ винѣ: вино можетъ быть зломъ, потому, что готовится грѣшнымъ человекомъ изъ разныхъ предметовъ, сотворенныхъ Богомъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ о добрѣ и злѣ — весьма щекотливый, особенно въ дѣтской книгѣ! Во время оно, когда насмѣшки и кошунства Вольтера были въ ходу, добрые философы, составивъ имъ оппозицію, проповѣдовали оптимизмъ. Но какъ? не вывода истиннаго значенія и пользы частныхъ изъ необходимости всего, сотвореннаго Вседержителемъ, но хватаясь за мелочь и насильственно подводя ее подъ теорію оптимизма. Безъ клоповъ и блохъ человекъ, по ихъ высасыванію изъ насъ испорченную кровь; лягушки, поглощая нечистыя испаренія, очищаютъ воздухъ и хранятъ людей отъ заразительныхъ болѣзней; даже свинья получила отъ природы острое рыло именно потому, что любимую ея пищу составляютъ корни растений, которые надобно вырывать изъ земли. Нѣтъ, г-да философы, не такъ доказывался высокое изреченіе: *все къ лучшему!* Святое откровеніе вѣщаетъ намъ о благодати и премудрости Создателя; разумъ, освѣщенный истиннымъ знаніемъ, убѣдилъ насъ въ томъ же, и мы съ благоговѣніемъ восклицаемъ: *все необходимо и полезно.* Мы не боимся уже жалкихъ послѣдователей философіи XVIII-го вѣка, если только она гдѣ нибудь существуетъ; иная, здравая, глубокомысленная философія поставила насъ выше Вольтера, и мы рушили его парадоксы, но рушили ихъ общими, непреложными истинами, выведенными изъ разсмотрѣванія главныхъ законовъ природы и духа человеческого, а не мелочнымъ разборомъ пользы отъ козявокъ, та-

ракашекъ и букашекъ. Не смотря на быстрый ходъ наукъ, мы со всемъ смиреніемъ должны сознаться, что познанія инстинкта и свойствъ животныхъ намъ весьма мало известны. Столѣтія пройдутъ прежде, чѣмъ откроется, какал именно *необходимость* въ каждой породѣ животныхъ, въ каждой полевой травкѣ, въ каждой незаметной пылинкѣ. Подобныя объясненія будутъ всегда почти произвольными и заведутъ насъ въ бездну противорѣчій. Да и согласны ли съ *безкорыстною* любовью къ истинѣ, служащей отблескомъ вѣчной Истины, отыскивать *корысти* въ его созданіяхъ, добиваться отъ нихъ пользы или услажденія нашему бытію? Признаюсь, чѣмъ болѣе читаю слова Автора, тѣмъ болѣе они мнѣ кажутся странными, чтобы не сказать смѣшными: «Чѣмъ болѣе человеческій родъ утверждаетъ посредствомъ разума, озареннаго вѣрой въ святое Провидѣніе, власть свою на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе заботится онъ искоренить всякое зло, все вредящее мирно-дѣятельной жизни человека. Хищныя звѣри искореняются въ числѣ этого зла; человекъ, рассялаясь повсюду, стѣсняетъ ихъ собою, преслѣдуетъ и переводитъ совершенно.» Но развѣ волкъ виноватъ, что ему хочется ѣсть и что онъ не можетъ ѣсть травы? Самъ же Авторъ говоритъ: «Каждое животное употребляетъ только свойственную ему пищу» (стр. 106).— Если человекъ, одаренный разумною волею, иногда покоряется животнымъ побужденіямъ, то можно ли сердиться на звѣрей за то, что они не могутъ выйти изъ круга силъ и способностей, полученныхъ ими отъ Бога?...

Полнота отчета и справедливость критики требуютъ замѣтить, что изложеніе Автора заслуживаетъ всякой похвалы. Языкъ его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ грамматическихъ промаховъ, чистъ, разговоренъ, порой цвѣтистъ; нѣтъ въ немъ ни саженихъ оборотовъ, ни тяжеловѣсныхъ словъ. Упрекъ

можно сдѣлать только за излишнюю, по мѣстамъ, говорливость, которая всегда вредитъ дѣльному, существенному въ книгѣ. Не будь обильнаго потока словъ, которыми авторъ разводилъ кой гдѣ описаніе разныхъ предметовъ, *Начальное Чтеніе* выиграло бы вдвое, потому, что содержало бы въ себѣ почти вдвое болѣе положительныхъ свѣдѣній. Другой упрекъ касается особенно способа бесѣдовать съ дѣтьми. Есть какаля-то странная манера у наставниковъ, сочинителей книгъ, и даже родителей въ разговорахъ съ юношествомъ. Послѣ своихъ повѣствованій, они всегда прибавляютъ: *не правда ли, какъ это хорошо?... Согласись что это дурно?...* и проч., и проч. Къ чему это, помилуйте? Миръ Божій такъ прекрасенъ, что вамъ стоить только раскрывать его свѣтлымъ очамъ юности, юному уму, не зараженному предразсудками, юному сердцу, ненокоренному никакимъ предубѣжденіемъ, и онъ придетъ въ восторгъ самъ по себѣ, безъ вашихъ восхищеній. Хорошо еще, если эти восклицанія старшихъ произтекаютъ изъ чистаго убѣжденія, а то, болѣею частію, они выходятъ изъ насильственнаго одушевленія, изъ тайнаго желанія получить отъ дѣтей точно такой вопросъ, какого хочется. Что жъ остается дѣлать дѣтямъ?... Снять шляпы и почтительно отвѣчать: *точно такъ, ММ. ГГ., вы старше, вы увидите насъ — вамъ и книги въ руки. Вы говорите: это хорошо, это дурно; стало быть это такъ, и мы вамъ впримь.*

Заклучимъ: Увы! какъ легко написать десятку книгъ для взрослыхъ, и какъ трудно составить одну книжечку для дѣтей!

II.

СВѢДОМАТІЕ française graduée, etc. (*Французская постепенная хрестоматія*, и проч.), par Théodore Courtenet. Двѣ части. Москва, въ тип. Авг. Семена, 1838 г. въ 8, 175, 184 стр.

Слово: *graduée* указываетъ ясно точку зрѣнія, съ которой рецензентъ обязанъ смотреть на книгу Г. Куртенера. Заглавіе и предисловіе книгъ — важные наставники читателей и служить иногда защитой автору, а иногда его обвиненіемъ. «Этого нѣтъ въ заглавіи, объ этомъ я не говорю въ предисловіи,» можетъ замѣтить авторъ критикъ, когда она выходитъ за предѣлы благоразумныхъ требованій. «Это у васъ выставлено въ заглавіи, объ этомъ вы говорите въ предисловіи,» имѣетъ право критика замѣтить автору, если онъ не выполнилъ своихъ обещаній.

Какой же *постепенности* требовать отъ Хрестоматіи Французской — сборника статей для переводовъ съ Французскаго языка на Русскій? Разумѣется, мы не потребуемъ отъ нея *систематическаго* распределенія отрывковъ прозаическихъ и стихотворныхъ, т. е. распределенія по наукамъ; содержаніе наукъ не имѣетъ постоянныхъ отношеній къ трудностямъ языка, къ качествамъ слога: есть философическія статьи, которыя легче перевести, нежели географическія; трудность перевода зависитъ болѣею частію не отъ того, что написано, а отъ того, кто писалъ. Мы не потребуемъ отъ нея также размѣщенія отрывковъ по степенямъ ихъ внутренней важности: достоинство писателя, какъ мыслителя, не всегда идетъ рядомъ съ достоинствомъ его выраженія; слогъ Велланскаго и Галича, можетъ быть, ниже слога многихъ эфемерныхъ литераторовъ, пигмеевъ по уму, ничтожныхъ по идеальной сторонѣ сочиненій, но пишущихъ легко, плавно, разговорно. Мы потребуемъ

емъ отъ нея постепенности языка, восхожденія отъ легчайшихъ формъ выраженія къ труднѣйшимъ его оборотамъ, отъ сочиненій авторовъ, легкихъ въ чтеніи, къ сочиненіямъ, труднымъ по внѣшней ихъ оболочкѣ, отъ скромной Жанлисъ къ великолѣпному Шатобриану, къ вычурному Гюго.

Къ этому главному требованію присоединимъ мы другое — требованіе внутренняго достоинства помѣщенныхъ отрывковъ. Г. Куртнеръ имѣлъ право, какъ мы сказали выше, распределять ихъ не по внутреннему достоинству, но не имѣлъ права пренебрегать главнымъ качествомъ всякаго сочиненія — мыслью. Мысль и слово не раздѣльны. Переводить не важное — бесполезно; переводить важное — назидательно.

Но сборникъ Французскихъ отрывковъ назначенъ для перевода ихъ на языкъ отечественный. Отсюда является третье требованіе — хорошо составленный словарь, какъ замѣна толстыхъ лексиконовъ, которые и дороги и неудобны для частаго употребленія.

И такъ мы взглянемъ на книгу Г. Куртнера съ трехъ сторонъ: со стороны постепеннаго размѣщенія статей, относительно ихъ внѣшней стороны, выраженія, со стороны внутренняго качества избранныхъ отрывковъ, и со стороны словаря. Предувѣдомляемъ читателей, что рецензенту позволено быть строгимъ въ томъ случаѣ, когда разбираемая книга имѣла возможность удовлетворить объявленнымъ требованіямъ. Смиранные въ другое время, вручая пальму первенства иностранцамъ во многихъ отрасляхъ наукъ и художествъ, мы, кажется, можемъ равняться съ ними, если нужно собрать готовое, привести въ порядокъ извѣстное, воспользоваться сдѣланнымъ. Не говорите намъ о цвѣтущемъ состояніи Французской литературы, не выставляйте знаменитыя имена Лапласа, Ноеля, Нодье: вы тѣмъ уже выше этихъ знаме-

нитостей, что у нихъ не было подъ рукой ни курса Литературы Лапласа и Ноеля, ни сборника Нодье.

Г. Куртнеръ въ первомъ томѣ помѣстилъ прежде всего повѣствованія изъ Древней Исторіи, потомъ географическія описанія, и въ заключеніе космографію; второй томъ начинается мыслями и сентенціями, за тѣмъ слѣдуютъ басни, описанія и повѣствованія, далѣе поэзія — и книгъ конецъ! Что жъ это? Неужели систематическое распредѣленіе предметовъ? Описанія могутъ быть принадлежностью разныхъ наукъ; мысли и сентенціи входятъ не въ одну нравственную философію; для басенъ нѣтъ еще особеннаго знанія. Но если бы Г. Куртнеръ и претендовалъ на систему, если бы она действительно была и заслуживала похвалу своею строгою отчетливостію, мы не сказали бы ей похвальнаго слова, какъ предмету, въ настоящемъ случаѣ второстепенному. Главнаго же качества Хрестоматіи — постепенности языка Г. Куртнеръ вовсе не представляетъ, и вотъ тому доказательство: Въ 1-й части географическія описанія гораздо труднѣе для перевода, чѣмъ отрывки изъ Древней Исторіи, имъ предшествующія: въ первыхъ замѣтны обороты, уже менѣе обыкновенныя; видны блестящіе слога, употребленіе словъ цвѣтистыхъ, отборныхъ; вторые ни что иное, какъ самое простое повѣствованіе извѣстнѣйшихъ событій. Космографія и метеорологія, слѣдующія за географіею, только потому могутъ казаться трудными, что ученикъ встрѣтитъ въ нихъ многіе неизвѣстные ему термины, но эта трудность ложная; въ сущности онѣ такъ легки, что ими совѣстно заключить книгу. Для незнакомыхъ словъ есть лексиконы; для передачи оборотовъ, для выраженія на отечественномъ языкѣ рѣчи, построенной какимъ нибудь особеннымъ образомъ, нужно предварительно знаніе грамматики обонхъ языковъ. Мысли и правила, занимающія первыя страницы второй части, не такъ-то

легки для перевода, какъ, можетъ быть, думаетъ Г. Куртнеръ. Онъ кратки — въ этомъ нѣтъ сомнѣнн, но краткость и легкость предметы иногда совершенно противоположны: двустрочная сентенція Ларошфуко въ десять разъ труднѣе двухъ-страничной прозы какой нибудь г-жи Монтеспанъ, или г-на Беркена, хотя эта проза напечатана гораздо послѣ сентенцій. Далѣе: рассказы Сегюра слѣдуютъ за описаніями Шатобриана и Вольнея; Мармонтель уступилъ первенство В. Гюго; сладенькій *Aimé Martin* идетъ за Ламартиномъ, убраннымъ цвѣтистой фразеологіей; повѣствованіе Вольтера о пребываніи Карла XII-го въ Бендерахъ, похожее на простую релицію, стоитъ позади роскошной картины Ласенеда, изображающей грозу волкама. Мы не кончили бы, еслибы стали исчислять всѣ доказательства нашего мнѣнія; довольно того, что исчислено, и это приводитъ къ заключенію, что книга Г. Куртнера не представляетъ размѣщенія статей по степенямъ трудности языка; *следовательно*—не выполняетъ перваго условія Хрестоматіи, которая въ заглавіи названа *graduée*.

II. Второе требованіе — выборъ статей, важныхъ по внутреннему достоинству. Да, при настоящемъ, отрадномъ стремленіи въка достигнуть наибольшихъ успѣховъ умственнаго образованія въ кратчайшее время, г-да педагоги должны заботиться о способахъ ученія, помогающихъ этому стремленію. Ихъ цель—изложеніе одной науки соединять съ изложеніемъ другихъ, если то возможно. Юноша, знакомясь съ иностранными языками; пусть познакомится также съ содержаніемъ отрывковъ, служащихъ запасомъ для какой либо отрасли знанія. Чѣмъ больше предварительное заготовленіе неопытнаго ума готовить его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, и предыдущіе уроки связуются съ послѣдующими занятіями, тѣмъ больше чести наставнику, тѣмъ полезнѣе для ученика. Поче-

му-жъ и въ Хрестоматіи, изданной для исключительнаго употребленія—переводовъ, съ одного языка на другой, не видѣть другой, посторонней цели—запаса свѣдѣній, потѣмъ или другимъ отраслямъ знанія? Это желаніе не только позволительно, но оно должно даже возвыситься на степень требованія. Книга Г. Куртнера, съ сей стороны разсматриваемая, также не чужда упрековъ. Такъ на 8-й страницѣ 1-й части помѣщена пустышная выдумка о древнѣйшемъ народѣ. Во 2-й части, на цѣлыхъ восьми страницахъ (27—34), рассказывается о томъ, какъ трусы приняли чучелу за чорта, и гдѣ жъ, вы думаете, напечатана эта длинная повѣсть? Рядомъ съ біографіею Маріи и Омира.... Многое сосѣдство героямъ Рима и поэтамъ Греціи! Въ статьѣ: *Lomonossow ou le fils du pêcheur*, выпущено, неизвѣстно почему, окончаніе, прекрасное по мысли, въ немъ заключающейся, и помѣщенное въ *Journal des enfants*. Если Г. Куртнеру хотѣлось измѣнить статью по какимъ нибудь причинамъ, то онъ могъ бы это сдѣлать другимъ образомъ: замѣнить невѣрность фактовъ, искаженныхъ г. Жоже, сказать, что Ломоносовъ жилъ не въ Холмогоряхъ, а близъ Холмогоръ, въ деревнѣ Денисовской; что онъ отправлялся съ отцемъ на рыбную ловлю въ Бѣлое и Сѣверное море не шести, а десяти лѣтъ; что онъ учился грамотѣ не у настоятеля монастыря (*le prieur du couvent*), а у приходскаго дьячка (*Словарь достопамятныхъ людей Русской Земли*, Бантышъ-Каменскаго). Наряду съ *собственными* произведеніями Французской Литературы встрѣчаемъ сочиненіе Шиллера, который, безъ всякаго сомнѣнн, важнѣе многихъ прошлыхъ и современныхъ знаменитостей Французскаго Парнасса, но не долженъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ собраны оригинальныя статьи. Въ противномъ случаѣ, для чего было не помѣстить отрывковъ изъ твореній Гете, Байрона, Шекспира? Вѣдь и они переведены на Французскій языкъ.

III. Словари, приложенные къ концу каждой части, не только не замѣняютъ обширнаго лексикона, но даже поставили ученика въ необходимость купить его. Многие, можетъ быть, сочтутъ слова наши странными, однакожь мы говоримъ *сущую правду*. Желаніе блеснуть нововведеніемъ заставило Г. Куртенера пренебречь *чужимъ хорошимъ* и пустить въ ходъ свое *очень не хорошее*. Онъ расположилъ словари не по алфавиту, а совершенно другимъ образомъ, который постараемся объяснить, хоть какънибудь, ибо такіа диковишныя нововведенія не легко объясняются.

Положимъ, напр., что вы хотите переводить XXVII рассказъ изъ Древней Исторіи, помѣщенный въ 1-й части, на стр. 19, и начинающійся словами: *Cambuse, revenant d'une expédition¹ malheureuse contre les Ethiopiens, passa par Memphis, où il trouva toute la ville en joie. Il fut transporté de fureur², parce qu'il crut qu'on se réjouissait de son mauvais succès.* Вы должны отыскать прежде въ словарь страницу (19), отмѣченную на поляхъ; потомъ найти XXVII — число, означающее статью; наконецъ смотреть мелкія цыфры: 1, 2, и читать: *expédition*—*походъ*, *fureur*—*ярость*. Не правда ли: замысловато? Изъ этой замысловатости заключаемъ:

а) Ученикъ, для пріисканія неизвѣстнаго слова, долженъ заглянуть въ словарь три раза, вмѣсто одного, какъ это дѣлалось въ обыкновенныхъ словаряхъ, т. е. употребить втрое больше времени. Удивительно полезное нововведеніе!

Но легко можетъ статься, что слова *expédition* и *fureur* вамъ извѣстны, а неизвѣстны *revenir*, *passer* и пр. Какъ отыскать ихъ, и другія, неотмѣченныя крочеными цыфрами? Неужели Г. Куртнеръ расположилъ статьи такимъ образомъ потому, что все подобныя слова встрѣчались ученику прежде, въ другихъ книгахъ? Гдѣ жь онъ, эти книги? Покажи-

те намъ. А до тѣхъ поръ, пока вы не покажете ихъ, мы должны вывести второе заключеніе:

б) Ученику, кромѣ Хрестоматіи, необходимо купить еще лексиконъ, т. е. истратитъ втрое больше денегъ. Отлично удобное нововведеніе!

Этого мало. Самъ Г. Куртнеръ, увлеченный своимъ изобретеніемъ, позабывалъ слова, отмѣченныя цыфрами, и въ слѣдующихъ статьяхъ отмѣчалъ ихъ снова, такъ, что

с) въ его словарь одни и тѣ же реченія повторились нѣсколько разъ, а другихъ нѣтъ вовсе. Вотъ примѣры *дубликатовъ* въ одной только части, на 52 страницахъ, отъ 89 до 141: *vapeurs*, пары (89, 98, 127), *astre*, звезда (110, 116), *rotation*, обращеніе (118, 120), *tendre*, стремиться (124, 126), *volume*, величина (126, 127), *par rapport*, относительно (118, 124), *phases*, фазы (123, 124), *liquide*, жидкость (129, 131), *phénomène*, явленіе (127, 135, 136), *atmosphère*, атмосфера (122, 127), *zenith*, зенитъ (134, 138), *électricité*, электричество (136, 137), *continent*, материкъ (140, 141), и проч.

д) Кромѣ недостатка однихъ словъ и излишества другихъ, словарь представляетъ еще то неудобство, что въ немъ искажается часто значеніе подлинника, или дается ему произвольное толкованіе. Переводъ, сообразно этимъ значеніямъ и толкованіямъ, поражитъ читателя страннымъ, и не разъ сорветъ съ него улыбку. Для оправданія нашего мнѣнія, приводимъ нѣкоторые мѣста изъ обихъ частей:

Часть I-я.

Mains captives (стр. 49).

La Perse, qui les avait reconnus invincibles du côté des armes tant qu'ils demeuraient unis (51).

Словарь.

Пальцыя руки (стр. 154).

Персія, видѣвшая ихъ непобѣдимыми, когда они были въ союзъ (154).

Le troisième se traîne à peine et vient fendre la gorge au vainqueur (62).

Les déserts arides (90).

A la face empourprée (94).

Des paris énormes s'engagent entre les spectateurs (94).

Le coton se cardera (96).

Au coin d'un feu pétillant (96).

Des obélisques redisent la religion et les exploits des fiers enfants du nord (97).

Et quelle cabane! Deux pièces séparées par une simple cloison (98).

Un trou pratiqué au haut du toit (98).

Rien ne manque à son lustre littéraire (110).

Часть 2-я.

Le temps s'écoulait; une saison en devrait une autre (39).

Lui seul est dévoré de cette soif généreuse (41).

Comme le tourbillon chasse le sable du désert (46).

Encore quelques journées de marche, et il (Attila) plantera sa tente sur les rives de l'océan (46).

Après quelques tâtonnements (53).

Assourdis par la tempête (53).

Третий едва влетает и проламывает горло победителю (157).

Сухая пустыня (163).

Събагрялишь лицемъ (164)

Зрители облыгаются закладами (165).

Хлопчатая бумага будет гесаться (165).

При свергающемся свете (165).

Обелиски повторяют религию и подвиги... (165).

И какая хижина! Два отрубка, разделенные простой загородкой... (166).

Отверстие, вырубленное... (166).

...блеску литературы (169).

Словарь.

Время текло; одна весна поглощала другую (158).

Онъ одинъ страдаемъ великодушной жаждой (159).

Какъ бурный вихрь, востигающий песчаное море (160).

Еще несколько дней похода, и онъ раскинетъ ставку его на берегахъ океана (160).

Послѣ нѣсколькихъ исканій (163).

Оглушительные вѣдствіемъ (163).

... des toits de fer ardent qui croulaient autour de lui (54).

Voilà leur sépulture (62).

Le vent faisait entrechoquer les branches (67 и 68).

Ils profèrent à haute voix l'expression de leurs sensations profondes et horribles (78).

Les regards, errant sur la chaîne successive des montagnes (79).

D'autres, saisis d'une dégoûtante frayeur (85).

La mer écumeuse surmonte son rivage et s'avance pour vous engloutir (104).

Ils cherchent en quelque sorte à faire parvenir... (105).

Carthage à déjà jeté son ancre d'abordage sur l'Europe (111).

La mer est douce, mais des signes précurseurs de tempête préoccupent le capitaine et le second (112).

Le brick lui même craque et se froisse comme s'il allait s'entr'ouvrir (113).

Il porta cette profondeur de vues (120).

Souvent du milieu de ces forêts muettes et dévorantes (125).

железныхъ крышь, летавшихъ вокругъ него (163).

Вотъ ихъ погребеніе, гробница (166).

Вѣтри деревъ ударились отъ прости вѣтра (167).

Они громогласно изражаютъ свои глубокія и ужасныя чувствованія (170).

Взоры, блуждая по непрерывной цѣпи горъ (171).

Другіе, объятые ужасомъ отращивая (172).

Свирѣпое море, превысивъ берега свои, уже готово поглотить васъ (177).

Они порываются преклонить къ милосердію... (177).

Каррагенъ уже бросилъ якорь съплемля... (179).

Море спокойно, но предвѣстники бури тревожатъ капитана и штабсъ-капитана (капитанъ-поручика?) (179).

Бригъ трещитъ и разбивается, какъ бы хотѣвъ раскрыться (179).

Онъ являлъ ту глубину видовъ (181).

Часто изъ сихъ безмолвныхъ и страдающихъ льсовъ (183).

е) Въ обыкновенныхъ словаряхъ помѣщались прежде одни рѣченія; цѣлыя предложенія, или много-

словные обороты, только тогда имѣли въ нихъ мѣсто, когда они принадлежали къ идиотизмамъ языка, особеннымъ его отличіямъ и трудностямъ, недоступнымъ понятію ученика безъ объясненій учителя, или толкованій лексикона. Г. Куртнеръ и здѣсь отступилъ отъ прежнихъ обычаевъ. Въ его словарь вы найдете слѣдующія указанія: *жеребій палецъ на...* (11, 156), *встрѣтиться съ...* (ibid), *разговаривать съ...* (ibid), *огненный столбъ, раздвигающій въ темнотѣ печальный красноватый свѣтъ* (11, 103), *укротившееся море съ ропотомъ обращаетъ вспять свои кипящія волны, земля укрѣпилась, гулъ утихъ и день возникаетъ* (ibid). Какъ? Неужели ученикъ вашъ требуетъ отъ Хрестоматіи уроковъ изъ Русской Грамматики? Или вы думаете, что онъ не сумѣетъ употребить надлежащимъ образомъ предлоговъ *на* и *съ*, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вы ихъ выставили? Наполнять словарь цѣлыми предложениями, которыя во Французскомъ языкѣ не представляютъ ничего особеннаго, значить давать ученику поводъ къ лъни, приучать работать чужими руками. И точно: нѣкоторыя статьи Г. Куртнеръ перевелъ почти вполнѣ; тому, кто послѣ вздумаетъ переводить ихъ, стоитъ только почтще заглядывать въ словарь. Будетъ ли переводъ изящный—не знаемъ, но мы покажемъ образецъ его. Слова, напечатанные курсивомъ, принадлежать словарю.

Les forêts Druidiques (ч. 2, стр. 125). «Лѣса Друидовъ озарялись только зыбкими и почти угасающими лучами, отблескомъ столь же блѣднымъ, какъ свѣтъ лампы погребальной; дубы, пихты, вязы, къ которымъ не касались ни громовая стрѣла, ни спѣхира, освѣняли своими густыми вѣтвями святимице, наполненное идолами боговъ. Вода небесная, просякая сквозь сто яруссовъ вѣтвей, чертила влажные цвѣта на сихъ синихъ образахъ, источенныхъ мохомъ и поростомъ, подобно ужасной проказѣ.

«Тамъ-то Друиды, облеченные въ бѣлую мантию Платоновъ и Пинагоровъ, вооруженные золотымъ серпомъ и держа скипетръ, увѣнчанный ножомъ жрецовъ древняго Гелиополиса, тамъ-то старцы Друиды, съ челомъ, одѣянными дубовыми листьями и покрывалами, устланными звѣздами, эмблемою боготворенія, отыскивали съ религіозными обрядами священную амелу, которую предки наши долгое время называли чадомъ призраковъ, ужасомъ смерти и поблдителемъ ядовъ.

«Часто изъ среды этихъ печальныхъ лѣсовъ, въ которыхъ не слышно было ни полета птицъ, ни дыханія вѣтровъ, изъ сихъ безмолвныхъ и сыпающихся лѣсовъ, гдѣ тихо протекали чистыя воды, выходили страшный ревъ, пронзительные крики, неизвѣстные ужаснымъ безмолвіемъ. Иногда ночь мгновенно исчезала въ непроницаемой пустынѣ лѣса, и древа уподоблялись свѣтильникамъ, озарявшимъ крылатыхъ драконовъ, гнусныхъ скорпионовъ, нечистыхъ керастовъ, кои преплетались и висѣли на ослѣпительныхъ вѣтвяхъ; ужасные образы, призраки отражались тѣни свои на отблескѣ, какъ плыла на солнцѣ; но вскорѣ все угасало, и мракъ, еще ужаснѣйшій, снова обнималъ лѣсъ таинственный.

Довольно. Мы указали и сказали—пусть судятъ и рѣшаютъ другіе....

(Сообщено)

ОЧЕРКЪ

Русской литературы за 1838-й годъ.

111. Виды внутреннего судоходства въ Россіи, въ 1837 году. С. П. Б. въ тин. Э. Праца и Копп., 1838 г. въ 4, 308 стр.

Дороги и каналы въ государствѣ суть жилы, по которымъ льется народное богатство, производится общественная сообщенія, кипитъ жизнь государственная, такъ сказать. По сему можно судить о важности статистическихъ свѣдѣній, гдѣ цифрами излагаются результаты сей жизни. У насъ до сихъ поръ мало было матеріаловъ по сей части, и что было, то оказывалось весьма невѣрно и недостаточно. Это испытали мы въ повѣйшее время, когда счастливый опытъ желѣзной дороги привелъ многихъ къ идеѣ о желѣзной дорогѣ между Петербургомъ и Москвою. Тутъ было первое дѣло — статистическіе факты о провозахъ и проплавахъ изнутри Россіи въ Петербургъ, и съ удивленіемъ увидѣли мы, что въ семь отношеній намъ почти не на что опереться, а безъ того все наши выводы суть и будутъ, болѣе или менѣе, по всегда гадательны. Послѣ сего насъ долженъ порадовать особенно изданный теперь отчетъ о внутреннемъ судоходствѣ въ Россіи, и мы съямо можемъ присоединить изданные отъ Глав-

наго Управленія Путей Сообщенія виды его за прошлый годъ къ той категоріи драгоценныхъ статистическихъ фактовъ, куда принадлежатъ свѣдѣнія, издаваемые отъ Министерствъ Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Удѣловъ, и прочихъ частей государственнаго управленія. Разумется, что ведомости одного года не могутъ еще представить выводовъ полныхъ, и что самое сочиненіе ихъ должно имѣть существенныя недостатки. Вотъ какъ объясняется о томъ сами издатели: «По изданіи въ 1836 году единообразной формы для судовыхъ накладныхъ по всему внутреннему судоходству Имперіи, и по снабженіи въ томъ же году Окружныхъ Управленій и Судобной Полиціи подробными инструкціями и формами для собиранія свѣдѣній о судоходствѣ, представилась возможность составить въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій довольно вѣрное годичное обозрѣніе судоходства по всемъ значительнѣйшимъ воднымъ сообщеніямъ въ Россіи. Составленные такимъ образомъ виды внутреннего судоходства въ 1837 году, хотя представляютъ только первый въ семь родѣ опытъ, и безъ всякаго сомнѣнія, въ наступающіе годы будутъ еще улучшены, но какъ заключающіеся въ нихъ видахъ свѣдѣній, и въ настоящемъ ихъ очертаціи, могутъ быть для многихъ любопытны въ статистическомъ и торговомъ отношеніи, то Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій рѣшилось пинъ же ихъ напечатать.»

Виды внутреннего судоходства, состоя изъ таблицъ, не могутъ быть предметомъ подробной рецензіи: тутъ не идеи и не слова, а цифры. Скажемъ только одно, что въ нихъ представлены ведомости о приходѣ и отправленіи судовъ по всемъ пристанямъ внутреннего судоходства въ теченіе года; о качествѣ и суммѣ провезенныхъ кладей (цѣна кладей основана на показаніяхъ о томъ судоправителемъ); о судоходствѣ къ портамъ и въ столицы; о судахъ остановившихся на зимовку; о постройкѣ судовъ, и наконецъ о вскрытіи и замерзаніи разныхъ рѣкъ. Извѣстны здѣсь нѣсколько общихъ свѣдѣній изъ множества подробностей:

Общій итогъ всѣхъ судовъ, отправленныхъ по двѣнадцати отдѣленіямъ внутреннего судоходства, а именно: Невскому (Нева, Тосна и Луга, Волховъ, Яванъ, Пола, Шелонъ и

Полисть), Вышневолоцкому (Сиверсовъ и Вышневолоцкій каналы, Мста и Тверца), Тихвинскому (Сясскій и Тихвинскій каналы, Сомина, Усть-Чагода и Молога), Свиерскому, Маринскому (Онежскій и Маринскій каналы, Вытегра, Ковжа, Шексна), Свиерному (каналъ Герцога Виртембергскаго, Вологда, Сухона, Югъ, Луза, Двина, Вычегда), Волжскому (Волга, Кама, Вятка, Сура, Ока, Зуша, Москва, Цпа, Мокша, Теза), Донскому, Дитировскому (Дитиръ, Сожа, Десна, Дивстръ), Волынскому (Припеть, Горынь, Случь, Стырь, Пина, Бугъ), Огннскому (Огннскій каналъ, Щара, Ньмань, Вилн), Березинскому (Сергучскій, Соединительный, Чашницкій каналы, Березина, Улла, Двина, Обша и Межа, Нарова, Бобръ), составилъ 52,583 судовъ и 18,174 плотовъ отправленныхъ, и 38,696 судовъ и 20,829 плотовъ прибывшихъ. Превышающее число судовъ отправленныхъ происходитъ отъ того, что суда разгружаются иногда тамъ, гдѣ нѣтъ смотрителей, а превышающее число плотовъ прибывшихъ отъ того, что иногда, на некоторыхъ сплавныхъ рѣкахъ, гдѣ нѣтъ смотрителей, они приходятъ прямо съ мѣста отправки на первую пристань окончательно. Общій итогъ отпуски составлялъ до 619-ти, а привоза до 491 миллиона. Слѣдовательно, внутреннее судоходство передвинуло съ однихъ мѣстъ на другія въ прошломъ году *болѣе нежели на тысячу сто миллионноу рублей* владн! — Сумма привоза въ Петербургъ составляла до 149 миллионноу (въ томъ числѣ съѣстныхъ и жилищныхъ припасовъ на 45, какъ-то: муки ржаной на 11 милл., крупичатой на 6, овса на 9, вина на 4½, и проч.), въ Архангельскъ на 11½, Ригу на 22, Москву на 23 миллионна. Остановившихся на зимовку по всемъ мѣстамъ было, судовъ 1578, плотовъ 778, съ грузомъ на 16-ть сличномъ миллионноу. Въ семь отношенн любопытна вѣдомость о вскрытнн и замерзаннн рѣкъ (общнѣ мѣсяца вскрытнн — *Апрѣль*, а замерзаннн — *Ноябрь*; Волга въ Астрахани вскрылась 15 Марта, Ока въ Орлѣ 13-го, Донъ 2—5-го, Дитиръ у пороговъ 17 Февраля; замерзанн — Сухона 20 Октября, Теза 28-го). Также замѣчательна вѣдомость о постройкѣ и кончѣ сплавныхъ судовъ (всѣхъ построено было до 8200, на сумму 12½ миллионноу; въ семь числѣ, каждый Архангельскій *карбазъ* стоилъ до 85 рублей, Вытегорскнѣ *боты* по 7000 рублей, Костромскнѣ *гусли* по 8000, Волжскнѣ *рас-*

шивы по 11,000. Сурскнѣ *подачки* по 25,000, Брестъ-Литовскнѣ *дубасы* по 3000, *лыжсы* по 2800, *витины* по 3500, Мокшанскнѣ *лежесулки* по 6500, *лошаны* по 6900 рублей, и проч.). Все это ведетъ къ основательнымъ и драгоцѣннымъ выводамъ статистическимъ.

112. Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Росснн, собранныя изъ достоуверныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Соч. И. П. Голикова. Изданнѣ 2-е. Томъ VI. М. въ тип. Н. Степанова, 1831 г. въ 8, 663 и XVI стр.

Мы начали въ С. О. большую статью, гдѣ, по крайнему нашему разумнню, хотѣлось бы намъ изобразить то историческое мѣсто, которое нашъ Великнй Петръ занимаетъ въ Исторнн Русской землн, что можетъ быть объяснено не иначе, какъ разсмотрннемъ мѣста Русской Исторнн въ исторнн всего человечества. За тѣмъ хотѣлось бы намъ объяснить, какъ должно писать *Исторнн Петра Великаго*, сообразно идеямъ нашего времени. Отсюда переходъ къ повѣркѣ всего, что *писано* о Петрѣ Великомъ донынѣ, и оцѣнка труда нашего почтеннаго Голикова, подвннъ котораго донынѣ не оцѣнить вполне. Начало нашей статьи помѣстнн мы въ Июльской книжкѣ С. О. и вскорѣ надѣемся представить ея окончаннѣ. Поводомъ къ ней послужило изданнѣ вновь книги Голикова К. А. Полевымъ, усерднѣ котораго на пользу современной литературы нашей доказано уже появленнѣмъ нѣсколькихъ полезныхъ, или любопытныхъ, изданннхъ имъ книгъ. Дѣянія Петра Великаго издаются безостановочно. Теперь вышель VI-й томъ, гдѣ событнѣ доводятся до 1718 года. Изданнѣ, какъ въ первыхъ томахъ, опрнтно и красиво, хотя и не великолнпно.

113. Очерки Росснн, издаваемыя *Видополь Пассеконн*. Книга I, СПб. въ тип. Н. Грета, 1838 года, въ 8, VIII и 280 стр. — При нихъ тетрадь картъ и рисунковъ.

Четыре года тому, какъ явилась въ Русской литературѣ книга, подъ заглавнѣмъ: *Путешествнѣ записки Ваднма*. Она вышла въ Москвѣ, безъ предварительнаго обликъ журналовъ, безъ шумнаго возмаса друзей; авторъ ея былъ какой-то мо-

людей человекъ; не искалъ ничего, не заставлялъ себя хвалить; даже не заботился о своей книгѣ — напечатать ее, и предоставилъ волнамъ книжнаго моря, да мчатъ онъ ее куда судьба въ угодно,

Куда и листъ лавровый мчится
И легкій розовый листокъ.

И что такое была его книга? Какія-то думы и мечты юноши, соединеніе поэтическаго съ действительнымъ... Словомъ, книга не могла именоваться и не имела устья, если успѣхомъ называть кликъ журнальный, чтеніе обширное, внесеніе имени автора въ списокъ *известныхъ* литераторовъ, и проч., что не составляетъ, правду сказать, славы, а образуетъ собою какой-то призракъ, который въ наше время для многихъ замѣняетъ славу авторскую. Помните, журналисты даже поострились немножко на счетъ беззаботнаго Вадима — *политическа*, а повѣрять, извините, мы не станемъ: на что разрывать старыл, гнать могилы?

Между тѣмъ, того ли стоили *Путевыя записки Вадима*? Нѣтъ! мы съ истиннымъ наслажденіемъ читали ихъ, когда онъ вышелъ, и на автора положили большія надежды. Судьба, по опредѣленію которой, онъ, житель Малороссіи, долженъ былъ провести дѣтство въ Сибири, рано испытанный горемъ, получившій потомъ прочное образованіе, и соединившій съ нимъ поэтическія наклонности, но не ограничившій ихъ стѣнками къ мечтѣ, къ лунѣ и къ дѣвѣ, обратившій ихъ, напротивъ, къ освѣщенію ими родимыхъ преданій, изученію конкъ посвятивъ онъ юность свою — такимъ являлся намъ Вадимъ. И потому, сквозь игру радужной призмы юнопескаго воображенія, въ *Запискахъ* его ярко отивѣтствовалъ для насъ свѣжій, самобытный мысли, основательное знаніе отечественной исторіи, и привычка къ высшимъ воззрѣніямъ на предметы, безъ чего всякая ученость будетъ мелочничествомъ и всѣ факты глыбой необработаннаго матеріала. Рѣшительно — мы надѣлись, что молодой литераторъ, скрывшій себя подъ именемъ *Вадима*, оправдаетъ со временемъ прекрасное начало полезными и замѣчательными трудами.

И какъ мы рады, что надежда насъ не обманула. Сочинитель *Путевыхъ Записокъ* является теперь съ книгою, достойною полнаго вниманія читателей.

Мы полагаемъ, что *Очерки Россіи* составляютъ все еще опыты изученія автора при другихъ болѣе обширныхъ, будущихъ трудахъ, и мысль его издавать сіи *изученія* въ видѣ разнообразнаго сборника не злы не похвалить, ибо въ нихъ соединяются пріготовительный трудъ автора по источникамъ, мѣстное наблюденіе и мысли свѣтлыя и самобытныя. Г-нъ Пассекъ представляеть въ *первой* части «Очерковъ»: обзоръ нѣе горныхъ хребтовъ въ Россіи; описаніе Кіево-Печерской Лавры; описаніе праздника Купаль; очеркъ Осетинцовъ, извѣстіе о Полтавской церкви Св. Спаса, и наконецъ краткіе отдѣльные очерки и замѣтки; все это отличается изысканнымъ изложеніемъ. Къ статьямъ автора присокуплены: описаніе Путява (г-на Деменкова); отрывокъ изъ записокъ почтеннаго родителя сочинителя о Сибири, и статьи г-на Срезневскаго, собирателя Украинскихъ преданій: *Мартына Пушкаря, Сеймы, Изборники*, гдѣ, не смотря на излишнюю мѣстами вѣрельность и излишнее увлеченіе предметомъ, есть много дѣльнаго и хорошаго. Къ книгѣ приложена тетрадь рисунковъ, гдѣ помѣщены: рельефная карта Россіи, на манеръ извѣстныхъ Риттеровыхъ картъ Европы; видъ и планъ Печерской обители; видъ Кіевского Крепцатника; изображеніе праздника Купаль, и ноты пѣсень, которыя поются на сей праздникъ; снимокъ съ надписи надгробнаго камня, который пайдезь въ Путявѣ, и какъ предполагають, былъ ижекогда на могилѣ *Василья Георгіевича*, сына Георгія Долгорукаго, княжичаго и умершаго въ Путявѣ, въ 1191 году. Всего драгоценнѣе показались намъ два рисунка старинной, деревянной церкви Св. Спаса въ Полтавѣ: въ ней приносилъ благодареніе Богу нашъ безсмертный Петръ, послѣ битвы Полтавской, и потомство, благоговѣя къ памяти великаго Царя и памятнаго событія, можетъ ли безъ умиленія смотрѣть на сей ветхій храмъ, вмѣщавшій въ стѣнахъ побѣдителя Полтавскаго, въ высокую, святую минуту жизни его?

Всѣ рисунки, ноты и карта литографированы очень хорошо. Изданіе книги также весьма красиво. Жаль одного, что она обезображена ошибками и странными правоисаіемъ, которымъ отличаются теперь *нижкіе* изъ литераторовъ нашихъ. На стр. VIII, читаемъ: «Да поможетъ намъ Богъ принести *последнюю* лепту на алтарь отечества.» Явно, что здѣсь, вмѣсто: *последнюю*, должно читать: *последнюю*. — Вероятно, ав-

торь, не быши самъ въ Петербургъ, препоручалъ посмотрѣть за корректурой какому нибудь пріятелю. Впрочемъ, *тому* пріятелю одолженъ онъ и безчисленными *это, эти, этихъ*, которыя, страха ради что ли, по весьма усердно ставить теперь вездѣ малограмотные люди, которые на свое знаніе языка не полагаются, и по инстинкту безотчетному болтаютъ *сей, сія, сіе*, какъ огня. На двухъ страничкахъ предисловія къ *Очеркамъ Россіи* являютсѣ: *эти* жизнь, два раза *это* отношеніе, а на трехъ первыхъ страничкахъ: *эти* слон, *этихъ* словъ, *этихъ* огненныхъ переворотовъ, *эти* горы, по *этимъ* словамъ, на *этомъ* словѣ, *эти* слонъ, и того семь разъ, и ни одинъ разъ не были они тутъ нужны, и ни одинъ разъ не попали на грамматическій смыслъ. Дальше мы ихъ не считали. Признаемъ, что намъ смѣшонъ кажется *этомъ этоисль*, которымъ теперь у многихъ такъ жестоко уродуется Русскій письменный языкъ, и который многие почитаютъ непременною обязанностию выказывать на каждой страницѣ. Недавно мы читали бумагу, присланную изъ какого-то губернскаго правленія въ какую-то гражданскую палату, и безъ смѣха не могли видѣть въ пей *этихъ* фразъ: «На отношеніе *этой* палаты, по данному указу *этого* правленія, которымъ палата извѣщая о недоразумѣніи, по поводу *этого* указа.»... Но что простительно малограмотному писакъ, то непростительно литератору. — Мы приписываемъ *этомисль* Очерковъ Россіи не самому г-ну Пасеку, но пріятелю его, который читалъ корректуру, и потому просимъ его вразумить *этого* пріятеля, чтобы при корректурѣ другихъ частей (повышенія которыхъ мы ждемъ и надѣмся), онъ избавилъ насъ отъ ненужнаго сльшя *этихъ*, ставилъ бы *сей, сія, сіе*, тамъ, гдѣ требуетъ того Русскій языкъ, и зналъ бы, что *этомисль* становится теперь и смѣшонъ и жалокъ. Вѣдь то была шутка, а ей многие и въ самомъ дѣлѣ повѣрили!...

114. Изображеніе *переворотовъ въ политической системѣ Европейскихъ государствъ, съ исхода XVI-го столѣтія. Соч. Ф. Ансильона. Пер. съ Франц. — Томъ I. СПб. въ тип. К. Вильгебера, 1838 г., въ 8, XXXVI и 362 стр.*

Ансильона должно причислить къ тѣмъ людямъ, которые, по языку и рожденію, принадлежатъ къ Французамъ, получи-

ли образованіе Германское, и приписали столько практической пользы трудами своими въ последнее время, когда сблизились въ литературномъ и ученомъ мѣрѣ Германія и Франція. Освобождая Германскіи идеи отъ тяжелой обузы варварскаго слога и нестерпимой схоластики идеологической, они умли ознакомить съ ними Европу въ изложеніи ясномъ, понятномъ, краснорѣчимъ. Заслуга важная, и сюда же относится и сочиненіи Ансильона, изъ которыхъ особенно важно его: *Tableau des révolutions du système politique de l'Europe depuis le XV-me siècle*, издаваемое теперь въ Русскомъ переводѣ. Не ищите у Ансильона глубокихъ идей Нибура, Тьерри, Савиньи, но за то всегда найдете въ немъ умнаго, основательнаго практика, умѣющаго рассказать систематически, вѣрно и понятно. Французскій подлинникъ Ансильоновой книги дѣлится на три части (съ 1492-го по 1618-й, съ 1618-го по 1715-й, съ 1715-го по 1789-й). Ансильонъ избираетъ точками дѣленія: открытіе Америки, Тридцатилѣтнюю войну, Раштадскій миръ, Французскій переворотъ 1789 года. Каждое изъ сихъ трехъ дѣленій подраздѣляется еще на три. Въ изданіи книгъ 1-мъ томъ Русскаго перевода помѣщены предисловіе, введеніе автора (картина Среднихъ вѣковъ) и событія до 1556 года). Надѣмся поговорить о книгѣ Ансильона подробнѣе, послѣ изданія полной Русскаго перевода, который довольно хорошъ. Досадило, что и здѣсь читатель безпрерывно долженъ спотыкаться на несчастныхъ *это, эти, этомъ*. Смѣемъ увѣрять почтеннаго переводчика, что по Русски должно поставить *такихъ*, вмѣсто *этихъ*, въ слѣдующихъ, на примѣръ, фразахъ (стр. XXV): «Миръ влечетъ за собою богатство, богатство умножаетъ чувствительныя удовольствія, а привычка къ *этимъ* удовольствіямъ производить недѣлятельность и эгоизмъ» — «Да будетъ отъ меня далека мысль ослабить *эти* размышленіями ужасъ войны.... Въ слѣдующихъ фразахъ несчастные *эти* совершенно лишніи, и выпущеніе ихъ придадо бы гораздо болѣе силы и выразительности словамъ: (стр. 295) «Есть *однако* (т. е. *однакожь*) одно (имъ?) *удовольствіе* (т. е. *наслажденіе*) для душъ (т. е. *душъ*) благородныхъ и гордыхъ: ЭТО чувство, что онъ стоить выше своей судьбы,» и проч. — Дальше: «Извѣстно, что онъ любилъ принцессу Елеонору, сестру герцога Феррарскаго: любовь ЭТА, притаемая въ молчаніи,» и проч. — Не льзя ли въ

следующихъ томахъ освободить насъ отъ пивель *этого* и *этой*, и увѣриться, что вставки ихъ только безобразятъ Русскій языкъ, если употреблятся безъ толку, не во время и не къ мѣсту?

115. Всеобщая Исторія народовъ и государствъ Среднихъ вѣковъ. Соч. Лудена. Въ семи книжкахъ (книжка I). Пер. съ Нѣм. Р. Орлови. СПб. въ тип. Гуттенберговой, 1838 г. въ 8, 163 стр.

Вотъ противоположность Ансильону — историкъ скатый, скупой на слова, отъ того часто темный, иногда своевольный и сухой, но почти всегда умный, и главное отличие — Нѣмецъ, чистый Нѣмецъ и Протестантъ, по духу, выраженію и взгляду. Отсюда его достоинства, отсюда его недостатки. Вообще Лудена не ляз читать не приготовясь предварительнымъ изученіемъ; иначе онъ во многомъ будетъ вамъ теменъ и непонятенъ. Русскій переводъ Луденовой Исторіи требовалъ бы болѣе чистоты, болѣе правильности въ формахъ, а также и очистка отъ *этихъ*, которыми онъ *злыо обилелъ*. Выпишемъ нѣсколько строкъ для доказательства, на удачу, безъ выбора.

(Стр. 107) «Состояніе Италіи было (,) конечно (,) хорошо известно Готескому королю, *подавалъ* несомнѣнную надежду на успѣхъ. *Впросилъ* и Одоакръ *не дремалъ* въ бездѣятствіи. На берегахъ Изонцы *далъ* онъ *себя знать* Теодорикъ, и хотя его нападеніе на *послѣднее* не удалось, *однакоже* онъ рѣшился на смертельный бой со врагомъ на рѣкѣ Эчъ (,) или Абдъ, и защищалъ *цѣлые* три года Равенну съ такимъ мужествомъ, которое доказало, что несчастіе его *на-вѣрно* (было) не слабостию и не неопытностію. Впроломный поступокъ Теодорика, освободившаго себя по взятіи города измѣною отъ опаснаго соперника (угадайте: городъ ли взятъ измѣною, или Теодорикъ освободилъ себя отъ опаснаго соперника измѣною?), свидѣтельствуеть *также* въ пользу этаго злополучнаго вожда. Но если пропустивъ это нятно (*пропустить* *нѣтъ*), въ жизни Теодорика обозрѣть только 35 года его *правленія*, то ему нельзя отказать въ *удивленіи*. Мы даже охотно припишемъ ему *титулъ* (титулъ?) великаго (,) и разгадаемъ причину уваженія къ нему самыхъ отдаленныхъ

народовъ и громкой его славы, *упрекнутой* въ *позднѣ* (?) въ-ка пѣснями Дитриха Берискаго. Но *когда* (т. е. если ?) въ новѣйшее время *дурнотъ* *видѣть* въ немъ образецъ геройства и мудрости; (,) то это ошибочное мнѣніе легко опровергнуть судьбою (*опровергнуть* *судьбою*?) *Остготскаго* (Ость-Готскаго?) царства по смерти Теодорика. Правда, что въ сношеніяхъ съ *прогнами* (т. е. другими?) державами онъ *выказалъ* рѣдкое превосходство ума и имѣлъ *неограниченное* вліяніе на всѣ Европейскія земли, *то* *благоразумными* совѣтами, *то* искусными переговорами, *то* (,) наконецъ (,) выгодными родственными союзами (,) или грозными вооруженіями. *Однакоже* самое пространство его владычій было уже *нестесненно* и не могло удержаться (*пространство* *удержаться*?). Въ *такую* эпоху было, если *не* *не* возможно, то (,) по крайней мѣрѣ (,) весьма трудно сохранить границы, *посреди* которыхъ (*посреди* *границъ*?) могъ бы развиваться свободно характеръ покоренныхъ народовъ. *Сверхъ* того легко было предвидѣть, что охраненіе въ *толь* (столь?) бурныя времена Панноніи, Мизии, Иллирии, Далмаціи и южной Галліи необходимо подвергнуть *многимъ* *нападеніямъ* (,) и открыть для непріятельскихъ набѣговъ беззащитную Италію, *слишкомъ* *удаленную* для (*trop éloigné pour*) утвержденія за собою этихъ прекрасныхъ земель...

Согласитесь, что все это *слишкомъ* *тяжело* и *несовѣстно* *правильно*, *чтобъ* *назваться* *книжкою* *Русскими* *языкомъ*. Луденъ стоялъ бы перевода получше...

116. Колезна и сословія Антическія. Соч. Михаила Куторги, Магистра Философіи. Спб. въ тип. К. Края. 1838 г. въ 8, 101 стр.

Мы виноваты передъ почтеннымъ авторомъ сей небольшой брошюрки; три мѣсяца лежитъ она на нашемъ столѣ; два раза внимательно прочиталъ мы ее, и до сихъ поръ не говорили еще объ ней ничего. Но это происходить именно отъ желанія поговорить побольше и поподробнѣе. Предметъ диссертаціи г-на Куторги такъ новъ въ нашей литературѣ, ведетъ къ столь многимъ и столь важнымъ взглядамъ, что намъ не хотѣлось бы поступить съ нею подобно другимъ критикамъ, то есть — отдать ей честь и спокойно уйти въ кордегардію увѣривъ, что мы чрезвычайно уважаемъ знанія и дарованія ав-

тора. Сочинение г-на Кутурги истинно отрадное явление современной нашей литературы по части учения самобытного и основательного. Надеемся посвятить ему разбор подробней, ибо оно может дать повод к развитию многих идей, вынесенных новейшею Германскою любознательностью въ миръ изучения исторія и въ Русской литературѣ почти невдомыхъ. Мы полагаемъ, что истинный ученый и сочувствующій свое дарованіе человекъ за ничто цѣнитъ похвалы безусловныя, которыя пролетаютъ и исчезаютъ, *какъ лиль запылила и какъ вальз брилліалъ*. Онъ дорожитъ дорожить похвалою, купленною только строгою и основательною критикою.

117. ПАНТЕОНЪ МАЛЕНЬКИХЪ СОВРЕМЕННОКЪ ПОСЛѢДНЕГО ШЕСТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СЪ ИХЪ ПОРТРЕТАМИ ИЗДАВАЕМЫЙ *Федоровъ Веймаромъ I. II. III. Спб. въ тип. И. Глазунова и К., 1838 г. въ 4, 31 стр. и три портрета.*

Судя по объявленію и по цвѣтной, красивой оберткѣ, можно подумать, что это какое нибудь великопное и учебное предпріятіе, особенно если сообразить огромную цѣну и размѣръ книги. Пятнадцать рублей за тетрадь, которыхъ будетъ по четыре въ томъ, а томовъ безъ счета, и кромѣ того предполагается въ текстѣ книги — «содѣлать въ одно (однажды шель дождикъ дважды) цѣлое множество историческихкихъ фактовъ, разбросанныхъ въ книгахъ, журналахъ и газетахъ, подвергнуть все оное критическому обзору, отличая истину отъ пристрастій, и отбросивъ излишній утомительный подробности, рѣзкимъ очеркомъ обрисовать главнѣйшія черты событій,» что по увѣренію издателя Пантеона, «есть дѣло немаловажное»... И кромѣ того: изданіе предполагается «самаго роскошнаго, на манеръ лучшихъ въ семь родъ изданій Парижскихихъ и Лондонскихихъ»....

Пусть бы въ объявленіи издатель говорилъ, что ему угодно; но какъ же говорить такъ въ предисловіи, когда слѣдующіе за тѣмъ текстъ и портреты могутъ служить повѣркою и опроверженіемъ словъ его?

Пантеонъ современниковъ будетъ, ли больше, ли меньше — собраніе нѣсколькихъ портретовъ, литографированныхъ не совсемъ дурно, если только судить по первой тетради. Въ ней находится портреты: Императора Александра, Наполеона и

Фридриха Великаго. Только вотъ беда, что если портреты и не дурны, за то ни одинъ изъ нихъ не похожъ. Къ каждому портрету прилагается краткое исчисленіе дѣяній того лица, чей портретъ помѣщенъ, по исчисленія дѣяній Александра, Наполеона и Фридриха выписаны, вѣроятно, изъ какихъ нибудь краткихъ біографическихкихъ словарей; первое занимаетъ три странички, второе семь, третье — двѣ. Жизнь Фридриха на двухъ страничкахъ — судите сами, что это такое должно быть. Прибавимъ, что всѣ три біографіи писаны ужасно! — И вотъ, плохія біографіи, да непохожіе портреты, все это вмѣстѣ составляетъ Пантеонъ знаменитыхъ современниковъ, и продается по пятнадцати рублей за тетрадь, то есть по пяти рублей за портретъ. Въ любой лавкѣ эстампной можете купить портреты точно такого достоинства по рублю, много по два, а отъ чтенія біографіи въ Пантеонной радѣ будетъ откупиться; въ нихъ переверканы имена и событія, а бѣдному Русскому языку не оказано ни малѣйшей пощады. Можно подумать, что ихъ писала какой нибудь иностранецъ, весьма плохо знающій Русскую грамматику.

118. ЧТЕНІЯ О СЛОВЕСНОСТИ. Курсъ четвертый (И. И. Давыдова). Москва, въ тип. Унив. 1838 года, въ 8, IX и 292 стр.

Въ Февральской книжкѣ С. О. мы представили нашимъ читателямъ разборъ 1-го и 2-го курсовъ Чтеній о Словесности. Можно было полагать, что разборъ нашъ не весьма понравится. Такъ и случилось. Въ Литературныхъ Прибавленіяхъ на замѣчанія наши отвѣтилъ кто-то довольно грозно. По принятому нами плану, излагалъ въ С. О. наше мнѣніе, въ споры мы не входимъ, ибо почитаемъ всякой споръ дѣломъ самымъ бесполезнымъ. Но мы думали, что по крайней мѣрѣ, почтенный авторъ Чтеній приложитъ больше труда и покажетъ больше знаній, которыми столь щедро онъ одѣленъ, въ остальныхъ курсахъ, третьемъ и четвертомъ. Къ сожалѣнію, такая надежда не сбылась. Третій курсъ Чтеній посылтъ слѣды совершенной небрежности и прежней сбивчивости понятій, а четвертый — читая, мы только удивлялись искусству: въ такомъ маломъ объемѣ вмѣстятъ столько ошибокъ, столько устарѣлыхъ мнѣній, не понимая, какъ можно оказывать столь мало уваженія къ читателямъ! Тотъ, конеч-

но, не дорожить уваженіемъ ихъ, кто предлагаетъ имъ книги, подобныя *тетвертому* курсу Чтеній. — Въ предисловіи къ сему курсу является новость прелюбопытная: авторъ обѣщаетъ издать эстетику по руководству *Сольера* и *Гегеля!* Что же это такое? Шутка, кажется? А впрочемъ, можетъ быть и не шутка. Видъ авторъ *Чтеній* умѣлъ же помирить Блера съ Германскими мыслителями, слить ихъ во едино, и при всемъ томъ заслужить даже похвалу нѣкоторыхъ журналистовъ, а книгу свою довести до *второго* изданія! — Мы умолаемъ, клянемся *Чтеніямъ* о *Словесности*, и говорить объ нихъ болѣе ничего не будемъ. Для этого надобно ихъ читать, а читанье ихъ возбуждаетъ сожалѣніе и невольную досаду; когда стараніе убѣдить въ противномъ тѣхъ, кому *Чтенія* правятся, было бы дѣло вовсе невозможное. Оставимъ же ихъ въ покоѣ. Въ литературномъ мірѣ будетъ всѣмъ мѣсто — и *Чтеніямъ* о *Словесности* по Блеру и Шеллингу, и эстетикъ не только по Сольеру и Гегелю, но даже по Сульцеру и Канту, Лагарпу и — кому бы? — ну, хоть г-ну Зеленецкому. Видъ онъ также *мыслитель самобытный* и без-странно пишетъ о теоріи Словесности...

119. Полное собраніе сочиненій *А. Марлинскаго*. Русскія повѣсти и рассказы *А. Марлинскаго*. Изданіе третье. Части 1, 2, 3, 4, 5, 6. — Спб. въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1838 года, въ 12, 246, 252, 257, 268, 255 и 255 стр.

Когда рѣчь идетъ о сочиненіяхъ *Марлинскаго*, то надобно говорить много, или ограничиться только *удовольненіемъ* о выходѣ книги. Наслѣдникъ *Марлинскаго* рѣшился почтить память его новымъ изданіемъ его сочиненій, гдѣ предполагается повѣстивъ все, что только было напечатано при жизни его, и найдено послѣ смерти въ его бумагахъ; посѣд-наго немного, но оно любопытно, какъ окончательный отзывъ души поэтической и дарованія замѣчательнаго, а первое до сихъ поръ не было еще собрано вполне. Въ новомъ полномъ собраніи сочиненій *Марлинскаго* будутъ напечатаны даже и стихотворенія его (какъ-то: поэма *Андрей Перелаславскій*), и остроумныя критическія и полемическія статьи, которыми дѣтъ восемнадцать тому, начать онъ свое литературное поприще. Въ вышедшихъ теперь шести книжкахъ

напечатаны: *Испытаніе*, *Замокъ Эйзенъ*, *Ночь на корабль*, *Отрывки изъ рассказовъ о Сибири*, *Шахъ Гуссейнъ*, *Вальдъ*, *Красное покрывало*, *Страшное египтсе*, *Лейтенантъ Вильзоръ*, *Замокъ Нейгаузенъ*, *Письмо къ доктору Эрману*, *Латинскъ*, *Замокъ Венденъ*, *Ревельскій турниръ*, *Романы въ семи письмахъ*, *Воспій антикваріи*, *Часы и зеркало*, *Будогинь-ораторъ*, *Сибирскіе нравы*, *Али-паша-Бегъ*, *Повѣдка въ Ревелѣ*, *Письма изъ Дагестана*, *Подвигъ Бегкина* и *Шербини*. — Все это, конечно, знакомо всякому изъ образованныхъ Русскихъ читателей. — Полное изданіе составитъ 12-ть частей.

120. Стихотворенія *Дмитрія Сушкова*. Первая книжка. Спб. въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. стражи, 1838 г. въ 8, 90 стр.

Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный!

Правда — и всему есть свое время, своя череда. Худо намъ вѣрится что-то двадцатилѣтняя мудрость, и смотря на то, какъ шалить иногда юность, кто изъ стариковъ, по крайней мѣрѣ, многіе ли не готовы сказать:

Киплю, люблюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую;
Такъ, старый хрычъ, цыганъ Илья
Глядитъ на пляску удаю;
Подъ ладъ плечами шевелю!

Юность чудное время. У нея на глазахъ какіе-то розовые очки; ей все сверкаетъ какими-то радугами; сердце полно печалью, похожею на стариковскія радости, а радости ея похожи на мыльные пузыри дѣтей. Не осуждайте-же ни первой любви, ни первыхъ стиховъ юности. Можетъ быть, черезъ годъ, два, три, то чему она такъ радовалась, будетъ ею разбито, какъ дѣтская кукла. За чѣмъ разочаровывать, когда и безъ того разочарованіе идетъ объ-руку съ жизнью и не въ однихъ стихахъ нашихъ Чайльд-Гарольдовъ Невскаго Проспекта?

«Къ чему слово?» спросите вы. — Да, право, такъ, ни къ чему: все это вздумалось намъ, когда мы пробѣжали книжечку стихотвореній г-на Сушкова. Что сказать объ ней?

Юноша, который то сердится на жизнь, то увлекается ею, то обольщается, то разочаровывается, а влюбленъ, отрицуетъ, проклинаетъ любовь свою, опять влюбленъ нуще прежняго, и все высказываетъ, не оставляя слова за душою, торопится сказать, торопится подняться живыми впечатлѣніями... Вотъ вамъ нашъ поэтъ и его *Стихотворенія*. У такого юноши замѣтите только-то, что даетъ надежду на будущее, а мимоетному дайте пролетѣть, какъ розовымъ листочкамъ съ царицы цвѣтовъ, какъ вихрю по стени, какъ улыбка любви...

Вотъ что, въ слѣдствіе такого правила, замѣтимъ мы, на примѣръ, въ стихотвореніяхъ г-на Сушкова:

Люблю я Русь! Ея мятежъ,
Снѣга, и вьюги и морозъ
Со мною свѣкланъ съ колыбели:
Я къ нимъ привыкъ, я съ ними взросъ.
Они мнѣ! Я къ нимъ привязанъ,
Въ нихъ слышу голосъ я родной...

Эти стихи, безспорно, хороши и мысль въ нихъ прекрасна. Мы надѣмся, что въ слѣдующихъ книжкахъ, г-нъ Сушковъ подаритъ намъ болѣе такихъ мыслей и такихъ стиховъ. Мы взяли ихъ изъ большаго стихотворенія, названнаго: *Италія*, въ которомъ одинъ недостатокъ, что оно не представляетъ отдѣлки въ цѣломъ, а подробности многія прекрасны, и высказаны лѣзкомъ достойнымъ предмета пѣсы...

121. La Fontaine de Baghtsché-Sarai (*Багхисарайскій фонтанъ*). Poème Russe d'Alexandre Pouschkine. Traduit en vers libres par le Prince Nicolas Boris Galitzin, traducteur du Pénitent Noir (*Чернецъ*). Москва, въ тип. Аве. Семенова, 1838 г. въ 12, 30 стр.

«Съ мрачнымъ видомъ, съ потупленными взорами, Гирей размышляетъ сиди, вдыхая испаренія янтари весьма дорогой цѣны, и его рабственный дворъ, стоя въ его присутствіи, составляетъ кругъ около него, въ мертвомъ молчаніи. Все тихо во дворцѣ; обѣяты священнымъ вниманіемъ, присутствующіе жадно стараются прочесть въ чертахъ его, изрытая грустью, глубоко опустошенія, какія оставила на нихъ скорбь»...

— Что это такое? — спросите вы. — «Это начало *Багхисарайскаго фонтана*, переданное нами слово въ слово.» — Не можетъ быть! Тамъ совсѣмъ не то. Возьмите Пушкина. — «Пушкина мы и знать не хотимъ, а посмотримъ во Французскій переводъ, который изданъ теперь въ Москвѣ.» — Но, тутъ нѣтъ и тѣни подлинника! — скажете вы. — Намъ и самимъ такъ кажется. Угадайте, на примѣръ, что это такое?

Mais écoute moi bien... S'il advenait pourtant...
Le poignard est mon arme., et l'Orient m'a vu naître...

Это переводъ стиховъ Пушкина:

Но знай — княжаломъ я владыю —
Я близъ Кавказа рождена!

A ces mots, comme une ombre, on la voit disparaître...

И то сказать: пусть Французскій переводъ читаютъ Французъ, а мы станемъ лучше читать Русскій подлинникъ. Размѣнь не плохъ, кажется.

122. Къ Подарку Товарищамъ. Сиб., въ тип. Н. Греча, 1838 г. въ 12, 163 стр.

Суворовъ говорить, что онъ былъ раненъ въ жизнь свою тридцать два раза: дважды на войнѣ, десять дома, двадцать при Дворѣ (См. *Побѣды Князя Италийскаго*, т. VI, стр. 88). Такъ пришлось и нашему отцу-командиру, храброму И. Н. Скобелеву, задумевшему солдатскому товарищу и собесѣднику, не только въ битвахъ быть раненымъ, но испытать смышленую рану и на литературномъ поприщѣ. Какой-то удалецъ (а имени его знать вамъ не нужно) вздумалъ напечатать вновь «*Подарокъ товарищамъ*» отца-командира, и къ нему присовокупилъ и то, что было потомъ отцомъ-командиромъ помѣщено въ разныхъ журналахъ — помните ли? — славные рассказы: «*Штыкъ*, *Судой Женихъ*, *Солдатъ на балу*», и пр. — Съ позволенія ли автора дѣлалась такая штука, о томъ ни слова, но вотъ что главное: перепечатываемъ сочиненія отца-командира, г-нъ перепечатывальщикъ, а имени его знать вамъ не нужно, до того обезобразилъ книгу опечатками! всякаго

T. V. — Отд. IV.

рода, что как увидѣть себя отецъ-командиръ въ новомъ изданіи — такъ и ахнулъ! Да прошедшаго не воротнись! Онъ принужденъ былъ объявить, что *второе издание* его сочиненій было сдѣлано безъ его позволенія, и рассказы свои и статьи изъ журналовъ напечаталъ теперь снова, и выдалъ, какъ дополненіе прежней книги, подъ названіемъ «*Къ Подарку товарищамъ*». Мы снова ихъ теперь прочитали и снова полюбовались ими. Но — позвольте: вотъ скоро выйдетъ совсѣмъ новая книжка отца-командира; тогда поразговоримся мы объ немъ побольше, а теперь только хотѣли мы разсказать любопытную *исторію* о второмъ изданіи сочиненій отца-командира, и о томъ, какъ поддѣлъ было его нѣкій господинъ, имени котораго знать вамъ не нужно.

123. Проклятое мѣсто. Романъ В. Воскресенскаго. Четыре части. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1838 г. въ 12, 188 200, 194 и 228 стр., съ изображеніемъ Проклятаго мѣста.

Жилъ былъ въ Москвѣ нѣкто Петръ Ивановичъ Кастальскій. Онъ вздумалъ прогуляться въ Кунцово, забрелъ въ какое-то уединенное мѣсто (которое, будто бы, называется *Проклятымъ*, хотъ такого мѣста въ Кунцовѣ никогда не бывало, и автору заблагоразсудилось назвать Проклятымъ, такъ называемое въ Кунцовѣ, Татарское кладбище, самое прелестное мѣстоположеніе изъ всего Кунцова) и увидѣлъ тамъ молодого шалуна, который хотѣлъ застрѣлиться. Кастальскій уговорилъ его не стрѣляться, привезъ шалуна, по имени Лисскаго, къ себѣ домой, и тутъ открылось, что Лисскій самый пустой молодой человекъ, и что онъ влюбленъ въ какую-то незнакомку, которой имени не знаетъ, но которая является ему въ разныхъ мѣстахъ, то подъ видомъ свѣтской дѣвушки, то подъ видомъ цыганки-плясуньи. Кастальскій хотѣлъ женить Лисскаго на его незнакомкѣ, открывая ему, что его незнакомка княжна Клавдія Сицкая, и что она сама влюблена въ него Лисскаго. Потомъ ѣдутъ они въ какую-то больницу, тамъ находятъ двойника Клавдіи, мнимую цыганку, и узнаютъ, что она Марья, развратная дѣвка, дочь цырюльничка. Потомъ Кастальскій даетъ Лисскому 300,000 рублей, письмо къ Сицкимъ, и беретъ съ него только обещаніе — черезъ три года увидѣться съ нимъ на Проклятомъ мѣстѣ, и сказать, сдѣлался ли онъ счастливъ, обладая своею возлюб-

ленною и будучи богачемъ. Кастальскій увѣжаетъ. Лисскій знакомится съ Сицкими, объясняется съ Клавдіей, и не смотря на то, что влюбленъ въ нее, беретъ къ себѣ развратную Марью, которая изъ больницы пришла прямо къ нему. Между тѣмъ Клавдія обручена съ Княземъ Лонскимъ. Лисскій рѣшается подмѣнить Клавдію Марією, которая такъ похожа на Клавдію, что ни отецъ, ни мать, ни Лонской не примѣтили обмана. Клавдія сдѣлалась женою Лисскаго, а Марья княгинею Лонскою. Лисскому скоро наскучила Клавдія. Онъ начинаетъ играть, пить, сводитъ дружбу съ цыганомъ Алеко, прежнимъ товарищемъ Марьи, проигрывается, спивается съ кругу, дѣлается шулеромъ, развратничаетъ съ Марією, заставляетъ ее красть у мужа деньги. Вдругъ открывается, что Марья дочь Сицкаго, отъ его сволочины, которую онъ обольстил. Сицкій дѣлаетъ имѣніе обѣимъ дочерямъ, и законной, и незаконной. Лисскій все проматываетъ, и пьяный открываетъ Лонскому, что онъ женился на распутной дѣвкѣ. Лонскій рѣжетъ свою жену. Прѣзжаетъ Кастальскій. Лисскій старается развратить жену Кастальскаго, отправляетъ Клавдію, забирается въ домъ Кастальскаго съ Алеко, съ намереніемъ зарѣзать и ограбить своего благодѣтеля. Ошибкой убиваютъ они жену Кастальскаго, который зоветъ послѣ того Лисскаго на Проклятое мѣсто — три года прошло. Тутъ открывается, что Кастальскій добрый геній Лисскаго, а Алеко злой духъ его. Лисскій проваливается сквозь землю, а Кастальскій — просынается. Развилка въ томъ, что Кастальскій начитался объ удивительномъ дѣйствіи опиума, задалъ себѣ сильный пріемъ его, и всю отвратительную исторію Лисскаго видѣлъ во снѣ.

Таково содержаніе *Проклятаго листа*. Но — наше мѣсто свято! Если г-нъ Воскресенскій хотѣлъ доказать, хотъ и не новую мысль, что *богатство не даетъ счастья*, неужели для такого доказательства надобно было выдумать исторію, столь грязную, исполненную такихъ Поль-де-Кокковскихъ подробностей, такихъ отвратительныхъ эпизодовъ и такихъ невѣроятностей, которыхъ допустить нельзя ни въ какой сказкѣ? Почти все лица романа его гнусные пьяницы и развратные люди; большой свѣтъ походитъ на кабака; жизнь человѣческая какое-то смѣшеніе разврата и преступеній... Хорошо чудесное, когда оно освѣщено поэзією, но къ чему чудеса,

если они похожи на Брамбеусовъ *Выходъ Сатаны?* — Удивляемся, какъ почтенный г-нъ Воскресенскій могъ унизить свое несомнѣнное дарованіе до подобнаго романа! Признаки дарованія его видѣли мы въ прежнемъ его романѣ (*Она и она*), но и тамъ уже безобразила достоинство романа принявъ г-нъ в Поль-де-Кокочницы — въ новомъ романѣ г-на Воскресенскаго онъ сдѣлался уже главнымъ, а все другое послорощнымъ дѣломъ... Чего же ждать далье?

124. Козырь Дивка. *Посвящается Ольгѣ Яковлевнѣ Кашицовой отъ Грицька Основьяненка.* СПб. въ тип. 3-го Дев. Гос. Мушкетъ, 1838 года, въ 12, 144 стр.

Признаемся: никогда не понимали и теперь не понимаемъ мы желанія некоторыхъ почтенныхъ жителей Малороссіи писать на тамошнемъ простонародномъ нарѣчій. Попытно, что въ часы веселыхъ досуговъ, Котляревскій могъ пошутить, заставляя Энея говорить по хохляцки; что другой кто нибудь написавъ шуточную театральную пьеску, или какое нибудь стихотвореніе на Малороссійскомъ нарѣчій, по намъ кажется совершенно бесполезною прихотью писать по Малороссійски цѣлыя книги, сочинять на семь нарѣчій въ прозѣ и стихахъ. Спрашиваемъ: къ чему и для чего? Образовать отдельной литературы Малороссійской невозможно, и для кого писать книги по Малороссійски? Не можемъ мы предположить, чтобы кто нибудь хорошо пишущій по Малороссійски, не могъ также хорошо писать по Русски. Для чего же втупить трагитить время и дарованія? — Все это пришло намъ въ мыслъ послѣ того, когда мы прочитали Марусю Грицька Основьяненка, о которой говорили въ прошедшей книжкѣ С. О. — Признаемся, совѣстно намъ было, что до тѣхъ поръ незнакомы мы были съ необыкновеннымъ дарованіемъ писателя, скрывающаго себя подъ вымышленнымъ именемъ Грицька Основьяненка. А отъ чего это происходило? Отъ того, что почтенный Грицько пишетъ на Малороссійскомъ нарѣчій, намъ малопонятномъ и для насъ иностранномъ, и нѣсколько разъ принимавшеся за его книги, мы оставляли ихъ съ нѣсколькихъ страницъ. — Скажутъ: вина не Грицька, а ваша — учитесь по Малороссійски. — А для чего? Прочитать нѣсколько прекрасныхъ произведеній, которыя, по непонят-

ной прихоти, умный авторъ пишетъ на Малороссійскомъ нарѣчій? Но пусть мы выучимся — для чего лишать наслажденія другихъ Русскихъ читателей? Не вѣзмъ же имъ изучать нарѣчье Малороссійское... И не лучше ли почтенному Грицьку и другимъ даровитымъ его землякамъ писать на богатомъ, прекрасномъ, звучномъ языкѣ Русскомъ, нежели на искорванномъ и некрасивомъ, областномъ нарѣчій его?

Впрочемъ, пусть почтенный Грицько пишетъ хоть на Белорусскомъ, хоть на Чухонскомъ языкѣ — слова наши могутъ доказать ему то глубокое уваженіе, какое имѣемъ мы къ его прекрасному дарованію. Мы досадуемъ, что не знали его давно прежде. Теперь, послѣ появленія Маруси въ *Собранинникъ*, мы прочитали все изданное г-мъ Основьяненко, и сознаемся, что все прочитанное нами принесло намъ истинное наслажденіе и увѣрило насъ въ превосходномъ дарованіи почтеннаго Грицька. Мы съ удивленіемъ узнали, что Маруся его была уже напечатана по Малороссійски за четыре года прежде (*Малороссійскія повѣсти*, разсказываемыя Грицькомъ Основьяненкомъ, часть 1, Москва, 1834 года), но мы объ ней ничего не слышали, ни въ литературномъ, ни въ читающемъ мѣрѣ обнѣхъ столицъ, хотя и довольно знакомы съ тѣмъ и другимъ.

Не менѣе удовольствія принесло намъ изданное нынѣ повое сочиненіе почтеннаго Грицька: *Козырь - Дивка*. Это со всѣмъ въ другомъ родѣ, нежели Маруся, но между тѣмъ исполнено ума, чувства, мило разсказано, и мы желали бы видѣть и эту небольшую повѣсть въ Русскомъ переводѣ, такъ какъ, мы готовы просить почтеннаго Грицька передать намъ въ Русскомъ переводѣ все, что было издано имъ до нынѣ по Малороссійски. Вотъ будетъ дорогой подарокъ Русскимъ читателямъ. Между тѣмъ, пока почтенный Грицько исполнитъ просьбу, которую, конечно, подтвердятъ ему вмѣстѣ съ нами многіе, пусть охотники попробуютъ читать его сочиненія и по Малороссійски. Для пробы выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ *Козыря - Дивки*, которыя познакомятъ ихъ съ языкомъ, слогомъ и разсказомъ умнаго Грицька, и если вы поймете, то согласитесь, что онъ разсказываетъ и остроумно и мастерски:

• Та запротѣрю жъ ёго у Сибирь! — сказавъ писарь чмбѣ-

халочы, та выпхнушы, трохі аж не въ потылицю, Івгу зъ Правленыя, а самъ мерщій снѣвъ пысаты, ажъ зубамы зкребѣче, та пыше, та знай писочкомъ присыпа, та хочъ у нѣго чубѣ и добре зпотівъ, а такы и эконпонувавъ, що якъ Левка запала нады *кышенякъ и за пазухою оказалося болѣе двухъ сотъ рубльв по курсу, о похищеннѣ коихъ и намереныи погытытъ еще и болѣе, оный Левко угныль сознаныи при такыхъ и такыхъ свидѣлельв,* та й попысавъ такыхъ, якыхъ тогда и у Правленыи не було, та глядите лышенъ, чы булы и у селя; отъ и руки за ныхъ понидпысувавъ, та мерщій, до Макухы, дѣ Голова слидствые производытъ.

Якъ же тамъ голова зъ понятымы слидствые производытъ? Звонсо, якъ и у земскыхъ бачылы. Заразъ посидалы за стылъ, а Макуха знай представя доказательства: то польныковон, то перчыковон, а то вже старый Макуха днбрыва и до настояпанон на калганъ, що Івга було придбала для прозжаючыхъ полу-панкывъ (настоящи усе пьютъ солодку и возятъ зъ собою, а шынкарьской певжывають), вындыды и ту по трѣху бесѣдуочы то объ жывахъ, то объ косовыци, а объ дили шѣ нхто и нечычиркъ. А Макушыны паньмычкы ажъ засипалыся пороучыся: та лѣкшыпу крыше, та вареныкы лышытъ, та курку пѣтра; вытыглы зъ сажкѣ гусакивъ зъ пару, що Івга було закынула, прышло и ймъ лыхо! Такой банкетъ зправлютъ, що ну! А самѣи господаркы, Івгы, нхто ни въ чымъ и не пыта: вона бо забралася у нову комору, та не то що плаче, а голосытъ объ свой лыхий годынн, що сѣ Левко такъ нарѣбывъ... тилки свитѣ ий завлязавъ!... А Тымоси тутъ на-руку ковѣнка! Пѣштуе уснхъ, а себе попередъ уснхъ: не пронесе ни кого и себе не забува, та знай Левка костьтъ, та прыкладкы ёму прыкладѣ и чога за пымъ и зъ рѣду не бѣвало, тѣ ёму такъ и прышпылюе мовъ шылькѣю.

«Щѣ не поймаъ гѣраздѣ и стрѣвы, и тилки що почалы шыпчкы шырыкаты вареныкы, та обмочуочы у розтопленне ма-слычко и смытанку, та глытаты мерщій, щобъ приниматыся за терныкву, що повесть штохъ ии уннст старый Макуха, ажъ вже пысарь бжытъ ажъ засынався!... Чы тутѣчка-здеська голова зъ понятымы? чы вже совершылы слидствые? пытавъ ихъ; а голова у одвнть ёму грѣзно: «И совершылы,

ис окрушылы. Тебе бѣ то паскудного пысаря и дождыдѣты? И тоби скылки разывъ казавъ и прыказывавъ, що я вамъ не Явдокъмыъ, прежній голова: въ мене щобъ дѣло кышло и щобъ по усій правды зрѣблено було. Пысавъ, пысавъ до пѣвночи, а що тамъ прынысъ? Ще може тилки на чернѣ? Та я, ось повечерывшы, я пороздылысь и заразъ тебе пывмаю въ несправносты. Сидай вже вечеряи, не мншай добрымъ людымъ.» Се щѣ панъ голова тилки казавъ, а панъ пысарь вже давно выпывъ и прѣстон, выпывъ и калгановон, не забудъ смокнуты и перчыковон, понавъ пив-кѣрѣлыни, такъ ии и рншывъ, а гусакову кобылку зъ ногою, мерщій у кышеню, бо възколы вчывся, такъ не кыдавъ дяковской патуры, и вже мерщій за вареныкы; отъ и доннавъ и йжою и напыткамы тыхъ, що попередъ его мабутъ за часть почалы, та промержъ такымъ скорохвацкымъ дѣломъ, ще вспнвъ и трычи кахыкнуты, якъ пысаревы звычайно. А про те, що голова на нѣго грывавъ, вынъ не дуже и прислухѣлся, бо знавъ тѣ, що не бѣйсь тыен собаки що гавка, та прымынѣлся и до головы; якый бѣлышъ хваста, та вельчаецѣя, та поррдкы задаѣ, той и не тямытъ ничѣго и зрѣбытъ не спорячы по тѣбѣму. Отъ и тутъ такъ було.

«Поймы, попылы, повечерялы на усн заставкаы. Панъ голова ледве языкъ ворѣча, а опрѣчи судящи, та поныты, зхопылы мерщій палычкы та и хытаютѣя нады нымы. Панъ голова ще змыгъ такы подыковаты Макуси, выкореныты Левка и обнѣдытъся, що пошле лепортъ объ уснмъ дили завтра до суда, а панъ пысарь кахыкаючы нады останнею молошною кашею, що дондавъ, та поглядаючы на кѣхылыкъ терныквы, знай усамы пидморгуе, думаючы, не такъ воно буде, якъ вы кажете. Якъ же рпшывъ усѣ и на потѣху останню выпывъ, та заразъ до головы: «Куды жѣ втыкаете? Пидпышите лепортъ; прозшствыее важное, треба на усю пичъ послаты... У судъ! казавъ голова. «Але у судъ! — казавъ пысарь:—а те й забулы естѣ, що панъ справныкъ повывлявъ, що бѣ обо всякымъ важнымъ дѣлѣ, де ѣ польшыне, прямо до нѣго представляты.» Пидсунувъ лепортъ до пана головы, доставъ зъ кышени каламары и тыкнувъ ёму у руку перо и каже: пидпысуйтежъ мерщій!... та дѣ жѣ вы пышете? Се вы сторчакѣ пидпысуете.—Голова зхаменулся, выпрѣмывъ бумагу и ставъ зклады, та по слову пидпысывоваты свое

именя, все такы ворчацы на писаря: я не люблю не порядивъ... Я вамъ не Явдокимъ... въ мене неправдою не бьете... Писарь подписанный лепорть зхопить, та мерщій зъ хать... Панъ голова ще такы добрый до своен хаты, бо дуже близько була; а опрочи судици, зайшли не знать куды, тамъ що ранкомъ на сьму ихъ позбиралы. Учиныи слидствие добре!»

125. Путевыя впечатлѣнія, сочиненіе Александра Дюма. Переводъ съ Французскаго Дмитрія Журавскаго. Двѣ части. СПб. въ тип. Хр. Глице, 1838 г. въ 12, 368 и 364 стр.

Должно откровенно сказать вамъ, что мы не любимъ рода сочиненій, которыя издаются подъ именами *скиццовъ* (такъ переводить одинъ Русскій журналистъ Англійское слово sketch и Нѣмецкое Skizze), не любимъ и *волосныхъ импрессионовъ* (такъ, по примѣру упомянутаго журналиста, переводимъ мы по Русски impressions des voyages). Но такого рода *скици* и *импрессионы* особенно въ модѣ у Англичанъ, которые, какъ извѣстно, любятъ пошататься по бѣлу свѣту безъ плана, безъ цѣли, а возвратясь домой изъ безцѣльнаго путешествія, почти каждый путешественникъ грамотный издаетъ свои замѣтки, гдѣ бываетъ записано все, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, записано безъ порядка, безъ плана, съ прибавкою при изданіи того-сего прочаго другаго. И выходятъ и *скици*. Тутъ и важное, и смѣшное, и печальное, а всего болѣе вздорное. Нынѣ мода на такіе *очерки* (sketch) изъ Англии прокралась въ Германію и Францію. Дюма — рабъ всакой моды, а потому и большой другъ ея, всѣмъ ей обязанный, чуть ли не парочно съѣздилъ въ Швейцарію, и воротясь оттуда въ Парижъ, набросалъ два томика очерковъ. Такой родъ писанья особливо по плечу дарованію Дюма, а чтеніе такихъ книгъ замѣляетъ романъ лѣнивому чтенію — умно, забавно, остро, не требуетъ вниманія, иногда шевелитъ сердце и воображеніе. Вотъ почему, мы особенно рекомендуемъ любителямъ легкаго и занимательнаго чтенія вышедшіе теперь въ Русскомъ переводѣ *очерки* Дюма, и тѣмъ болѣе, что переводъ ихъ не роняетъ изящества подлинника, который написанъ очень легко, мило и красиво. Слогъ Русскаго перевода свободенъ, правиленъ, хсть и по-

рядочно страдаетъ эпидемическою повѣтріею на это, этихъ... Да, что жъ дѣлать... и въ солнцѣ есть пятна...

126. Донъ Кихотъ Ламанчскій. Сочиненіе Миселъ Сервантеса Саведры, переведенное съ Испанскаго Константина Мисальскіимъ. Томъ I. СПб. въ тип. А. Плюшара, 1838 г. въ бол. 8, LXXII и 365 стр.

Мы уже говорили о *великолюбно* изданіи Донъ Кихота, которое предпринялъ и респодно продолжаетъ г-нъ Плюшаръ. Сначала онъ хотѣлъ было выдавать его тетрадами, и очень хорошо сдѣлалъ, что теперь отбѣнилъ свое намѣреніе и выдать цѣлыми томами: наши читатели не привыкли еще къ изданіямъ *тетрадными*, которыя, надобно признаться, и весьма неудобны. Теперь вышелъ вполнѣ первый томъ Донъ-Кихота; остальное будетъ также выдано томами. Всего будетъ *четыре* тома, и всѣ четыре стоятъ на подлинку *сорокъ рублей* — изумительно дешево, потому, что изданіе изумительно по великолѣпно и хорошо: бумага, печать, полиграфія, оттискъ ихъ, все это превосходно, и не уступаетъ Парижскому подлиннику, съ котораго и формы и картинки взяты и применены къ Русскому переводу... «Да,» скажетъ какойнибудь приваэивный читатель — «стать, о переводѣ! Скажите-ка, каковъ онъ?» — Онъ М. Г., сдѣланъ съ Испанскаго. — «Да, каковъ?» — А видите что: любуйтесь картинками, прелестнымъ, роскошнымъ изданіемъ, и что вамъ за дѣло до перевода? Вообразите себя въ богатой картинной галереѣ, и скажите: станете-ли вы разсматривать рамы картинъ, когда всѣ улекаются самими картинами? Переводъ Донъ-Кихота — рама, въ которую игриво, фантастическое воображеніе художника вставило свои прихотливые очерки. А сверхъ всего, если вы знаете по Испански, такъ мы скажемъ вамъ словами самого Сервантеса: Por mucho cuidado que pongan, y habilidad que muestren, jamas llegaran al punto que ellos tienen en su primor pocimiento. Вотъ, если въ переводѣ г-на Мисальскаго вы вздумаете ловить *это, эти, этого, этихъ*, и братію ихъ, то мы общаемъ вамъ съ каждой страницы весьма богатый ловъ...

127. *Наполеонъ на островъ св. Елены. Собрано изъ записокъ Лась-Казеса, Гурго, Монтолона, О'Меара и Антомарки. Р. Зотова. Четыре части. СПб. въ тип. Илль Глазунова и К., 1838 г. въ 8, III, 220, 242, 192, 215 и IV стр.*

128. *Студентъ и Княжна, или Возвращение Наполеона съ острова Эльбы, Историческая повесть, соч. Р. Зотова. СПб. въ тип. И. Глазунова и К., 1838 г. въ 12, 310 стр.*

Для чего поставили вы рядомъ два различныя сочиненія Р. М. Зотова? Для того, во-первыхъ, что они совсѣмъ не такъ различны, какъ кажется съ перваго взгляда: романъ г-на Зотова, сбивается на Исторію въ родъ Шрекка и Гильмара Кураса, а его *Наполеонъ на островъ св. Елены* походитъ на плохой романъ, въ родъ походовъ Барона Тренка.

Во вторыхъ, для того, что мы хотимъ, отъ лица многихъ, покорнѣе просить почтеннаго Р. М. Зотова — оставить великую тѣнь Наполеона въ покоѣ. Довольно, довольно преслѣдовали онъ ее въ своихъ запискахъ, романахъ; теперь преслѣдуетъ и въ Исторіи, и — преслѣдуетъ непримиримо и ужасно!

Р. М. Зотовъ объясняетъ, въ краспорчивомъ и чрезвычайно логически написанномъ предисловіи, что объ Наполеонѣ было писано много, но безпристрастно. «Этого не лъзалъ бы было и требовать» — говорить онъ. В. Скоттъ былъ не безпристрастенъ. «Строгая критика (слова Р. М.) давно уже поставила исторію этого писателя на одной полкѣ съ его прекрасными романами, и назвала ее повѣстью въ Ангійскомъ вкусъ. Впрочемъ (продолжаетъ Р. М.) дѣла его царствованія были публичны.» (Выходитъ по смыслу словъ: *дѣла царствованія В. Скотта*, да, что за дѣло!.. — Пожалуйста, не смѣйтесь, и послушайте что далье!). Наполеонъ жаловался на Гудсона Лоуа, а тотъ на Наполеона. «Это двѣ крайности», и только потомство «произнесетъ рѣшительный судъ надъ этими двумя противоположностями». Пока потомство *произнесетъ судъ*, Р. М. представляетъ, что Наполеонъ говорилъ и дѣлалъ на островѣ св. Елены. «Свѣденія эти взяты изъ поденныхъ записокъ Лась-Казеса, Гурго, Монтолона, О'Меара и Антомарки». — «Но справедливо-ли это?» Р.

М. не берется рѣшнить, и говорить, что «надобно послѣдовать главному расказчику этого періода, какому-то Лась-Казесу, который увѣряетъ, что Наполеонъ точно все то говорилъ и дѣлалъ, что записалъ онъ Лась-Казесъ. «Вотъ точка (заключаетъ Р. М.), съ которой всякій читатель долженъ смотреть на эту книгу,» то есть, на книгу Р. М. Зотова.

Покорнѣе благодаримъ за найденную точку, но вотъ что еще, почтеннѣйшій Р. М., объясните, сдѣлайте милости:

1. Почему пишете вы: *Лась-Казесъ*? Если по Испанскому его происхожденію, то надобно писать *Лась-Казасъ*, а если по пивншему Французскому выговору, то *Ла-Казъ*.

2. Почему пишете вы: *Омсара*? Не лучше ли писать *Ошира*? Иначе, надобно будетъ писать: *Кастелмрагезъ, Шакеспезаръ*, и проч.

3, наконецъ, и важнѣйшее: гдѣ вы нашли, почтеннѣйшій Р. М., *поденныя записки Гурго и Монтолона*? Вотъ новость для насъ! Намъ кажется, будто Гурго и Монтолонъ писали только подъ диктовку Наполеона описанія его походовъ и замѣтки на разныя военныя книги, но журнала его пребыванія на островѣ св. Елены они не вели, а если и вели, то до сихъ поръ не издали.

Но оставимъ почтеннаго Р. М., и скажемъ читателямъ, что его *Наполеонъ на островъ св. Елены*, есть краткая выписка изъ записокъ Лась-Казаса, Омйры и Антомарки, въ которой все скомкано, обезображено и написано лзыкамъ Милорда Георга. Прочитавши нѣсколько страницъ книги Р. М., невольно скажете: «Бѣдный Наполеонъ!» — Да, кстати, читали ль вы когда нибудь Милорда Георга? Прочтите, если не читали. Вотъ въ Москвѣ вышло теперь новое изданіе:

129. *Повѣсть о приключеніи Ангійскаго Милорда Георга и о Грандсбургской Маркграфинѣ Фридрикѣ Луизѣ, съ присокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго Турецкаго Визиря Марцилириса и Сардинской Королевы Терезы. Изданіе десятое. Три части. М. въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 124, 79 и 144 стр.*

Надобно вамъ прочесть эту книгу, для того, чтобы знать, чѣмъ читать нашъ простой народъ, ибо Милордъ Георгъ есть одно изъ любимыхъ чтеній нашихъ простолюдицовъ. Надобно

прочестъ и для того, чтобы видѣть, до какой степени можетъ дойти глупость человѣческая. Идеи, подробности, языкъ Милорда Георга нелѣпы — выне всякаго выраженія! Читайте, ММ. ГГ., читайте — вѣдь мы ходимъ же наблюдать человека въ домъ сумасшедшихъ? — Тутъ является, правда, шекспировый психологическій вопросъ: каковы читатели, которымъ правится Милордъ Георгъ, напечатанный уже *девятимъ* изданіемъ? — Покаместъ вы читаете Милорда Георга и разрѣшаете нашъ вопросъ, мы приготовимъ вамъ еще пять такихъ вопросовъ, по поводу пяти нижеслѣдующихъ книгъ:

130. Провинціальныи мужъ и его жена. *Коледіл-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Н. Соколова, М. въ тип. Ив. Смирнова, 1838 г. въ 12, 103 стр.*

Г-нъ Соколовъ имѣлъ полное право не означать на своемъ водевилѣ, что основаніемъ ему служилъ извѣстный Французскій водевилъ: *Дѣя мистифици.* Русская передѣлка водевиля такъ же походить на свой подлинникъ, какъ на настоящее Шампанское походить *полу-шампанское*, отъ котораго припахиваетъ снушкой...

131. Искусство брать взятки. *Восточная сказка. Сочиненіе В. Серебряникова. М. въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 74 стр.*

Судя по некоторымъ книгамъ, чортъ нынѣ очень полюбилъ. Мы недавно какъ-то читали записки его, изданія Сулье, и звали! Пробѣгая твореніе г-на Серебряникова, также подивитесь простотѣ чорта, который вздумалъ учить какого-то Цареградскаго Кади брать взятки, и училъ его страхъ какъ глупо и пошло. Помилуйте, да у насъ послѣдній плохой подьячій поучить его брать ихъ ловчье и хитрѣе, да и говорить-то складнѣе!

132. Новый Сонникъ, или толкованіе сновъ по алфавиту съ присовокупленіемъ старыхъ предсказательницъ, выбранныхъ изъ сочиненій знаменитыхъ мужей, какъ то: Платона, Птоломелъ, Алія, Албунараза, Іоанна Кешисберга, и проч., расположенный азбукинымъ порядкомъ. *Изданіе второе. М. въ тип. В. Степанова, 1838 г., въ 16, 237 стр.*

Видите: *второе изданіе* стало быть читаютъ! Какая сатира на тѣхъ писателей, которые, въ доказательство славы сво-

ей, выставляютъ изданія своихъ романовъ и повѣстей! — Но обратимся къ Соннику, вмѣсто спотворныхъ романовъ: тутъ самое любопытное не толкованіе сновъ, а помѣщенная на стр. 204-237-й: *Старыя бабы Философія, или изъясненіе необыкновенныхъ приключеній, служащихся въ природѣ и жизни человѣческой.* Въ ней изъясняется: какъ узнать, кѣмъ беременна женщина, мальчикомъ, или дѣвочкой; какіе дни въ году несчастливы; что значить, когда рука чешется, и проч. и проч. — Кроме того, открываются тутъ секреты прелюбопытныя. Хотите ли, чтобы у дѣтей были волосы кудрявые? Вымойте имъ послѣ рожденія голову винограднымъ виномъ. Хотите ли, чтобы дѣти не были трусливы? Давайте имъ тотчасъ послѣ рожденія въ руку шпагу, или саблю. Хотите ли, чтобы щенокъ всегда оставался маленькою собачкою? Намочите хлѣба въ помояхъ и кормите имъ вашего щенка девять дней. Хотите ли, чтобы человекъ во всю свою жизнь не пилъ хмѣльнаго? Когда родится онъ, положите ему въ ротъ песеное яблоко, и проч. и проч.

Но, положимъ, что все это вздоръ. За то самъ сочинитель говоритъ, что излагаетъ читателямъ *философію старыхъ бабъ.* А что сказать о слѣдующей книгѣ?

133. Ново-изобрѣтенный, досель неизвѣстный и въ Англіи испытанный способъ бриться безъ бритвы, мыла и воды, или секретъ приготовленія и употребленія такого состава, который вмѣняетъ за все эти вещи, а при томъ этотъ дешовый составъ скорѣе и чище бретъ лужше Англійской бритвы, и тѣмъ полезнѣе, что отъ него лицо не саднитъ какъ отъ обыкновенной бритвы. *Пер. съ Англійскаго. М. въ тип. В. Кирилова, 1838 г., въ 12, 12 стр.*

Уже года три тому, если не больше, какъ въ Москвѣ открылась фабрика крошечныхъ книжонкъ, подъ самыми заманчивыми названіями. Въ нихъ учатъ всему: пріобрѣсть обширную память, дѣлать мыло, лить свѣчи, варить пиво, даже носить сапоги вдвое долѣе обыкновеннаго, летать по воздуху, и проч. и проч. — Что всѣ эти книжонки величайшая нелѣпность, о томъ ни слова, а что всѣ онѣ выходятъ изъ однихъ рукъ, доказательство неоспоримое въ томъ, что всѣ онѣ печатаются одинакимъ манеромъ и продаются въ одной

и той-же лавкъ въ Москвѣ, и — пидъ болѣе. Согласитесь, что самая безстыдная спекуляція на чужіе карманы: вводъ, легковѣрныхъ въ обманъ заглавьемъ, выдавать имъ чепуху, которая стыдитъ наше время! Прочтите, для убѣжденія, книжонку, которая учитъ замѣнять составомъ бритвы, мыло, воду. «Этотъ составъ, замѣняющій все эти вещи» — есть самое безстыдное шарлатанство! Судите сами: сочинитель велитъ взять: 2 фунта жѣлезныхъ огарковъ, 1½ ф. известковой воды, ½ ф. Аравійской камеди, 4 зол. талька, 1 зол. кошенили, 1 зол. квасцовъ, 1 зол. поташу, 1 зол. кремортартару, и 2 зол. какого-то *Индійскаго корня* (?), все это смолоть, сварить, высушить, и потомъ тереть кусками сего состава бороду, отчего обрѣется она лучше всякой бритвы... Обричь бы самого сочинителя книжечки такимъ составомъ.... Не смѣйся надъ другими!

В.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За СЕНТЯБРЬ 1838 года.

Россія.

Сентября 27-го, флагъ, развѣвающійся на Аничковскомъ Дворцѣ, извѣстилъ жителей С. Петербурга о благополучномъ возвращеніи въ престольную столицу Государя Императора.

Послѣднія извѣстія о пребываніи за границею Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства, послѣ помѣщенныхъ уже нами въ предыдущей книжкѣ, состояли въ слѣдующемъ:

«15-го числа Государь Императоръ вмѣстѣ съ Его Величествомъ Королемъ, присутствовалъ на маневрѣ
Т. V. — Отд. V.

войскъ, расположенныхъ въ Берлинѣ, Потсдамѣ и Шпандау. Обѣдъ былъ въ загородномъ дворцѣ Грюневальдѣ, на которомъ изволили также находиться Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великия Княжны, откуда, вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ, прибыли въ Берлинъ. 16-го числа, Его Величество присутствовалъ на маневрѣ тѣхъ же войскъ.

«Въ вечеру Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили быть въ театрѣ.

«17-го числа Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили быть на завтракъ и балъ у Его Величества Короля, данномъ въ Шарлоттенбургскомъ дворцѣ.»

О путешествіи Государя Цесаревича изъ Потсдама въ Италію получены слѣдующія извѣстія:

14-го Сентября, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, проствѣсивъ въ Потсдамѣ съ Августѣйшими Своими Родителями, изволилъ предпринять путешествіе черезъ Мюнхенъ въ Италію.

«Переночевавъ того числа въ Виттенбергъ, Государь Цесаревичъ на слѣдующее утро продолжалъ путь свой до Лейпцига. — Здѣсь Его Высочество изволилъ обозрѣвать мѣстность знаменитаго сраженія, происходившаго въ 1813 году.

«Прѣхавъ черезъ Гофъ, Барейтъ и Пигницъ, Его Высочество, 18-го числа, прибылъ въ Нюрнбергъ, въ коемъ изволилъ осматривать примѣчательности сего древняго города и желѣзную дорогу между Нюрнбергомъ и г. Фюртомъ. — На другой день Государь Цесаревичъ имѣлъ ночлегъ въ г. Ингольштадтѣ. — 20-го Сентября, по обозрѣніи производства крѣпостныхъ работъ въ Ингольштадтѣ, Его Высочество отправился въ Мюнхенъ, куда и прибылъ, въ пять часовъ по полудни, въ вождельномъ здравіи.

«Государь Цесаревичъ изволилъ остановиться въ

Мюнхенъ въ домъ нашего Посланника при Баварскомъ Дворѣ, тайнаго совѣтника *Стеверина*. Въ тотъ же день, въ шестомъ часу по полудни, онъ посѣтилъ Принцевъ Королевскаго Дома и Наслѣднаго Принца Датскаго, находившагося въ сей столицѣ. Ихъ Величества Король и Королева и вдовствующая Королева были въ отсутствіи.

«На другой день, въ десять часовъ утра, Его Высочество принималъ Наслѣднаго Принца Датскаго, Принцевъ Карла и Максимилиана Баварскихъ и Герцога Лейхтенбергскаго. Обѣденный столъ Его Высочество имѣлъ у Принца Карла, на коемъ находились Наслѣдный Принцъ Датскій съ супругою, Принцъ Максимилианъ съ супругою и Герцогъ Лейхтенбергскій.

«22-го числа, Государь Цесаревичъ былъ изъ обѣда у Принца Максимилиана, а 23-го у Герцогини Лейхтенбергской, сестры Короля. Сего числа Его Высочество присутствовалъ на ученьи одной изъ батарей легкой артиллеріи, устроенной по системѣ генерала *Цоллера*. Во весь сіи дни Государь Наслѣдникъ утро посвящалъ на обозрѣніе достопримѣчательностей города, возведеннаго нынѣ царствующимъ Королемъ на высокую степень по всемъ родамъ изящныхъ искусствъ.

«Его Высочеству угодно было посѣтить также и мастерскія отличѣйшихъ въ Мюнхенѣ художниковъ.

«24-го Сентября, въ десять часовъ утра, Его Высочество, отслушавъ молебствіе въ Греческой церкви, выѣхалъ изъ Мюнхена. Переночевавъ въ Партенкирхенъ, Государь Цесаревичъ прибылъ въ два часа по полудни въ г. Инсбрукъ, гдѣ послѣ обѣда осматривалъ примѣчательности города.

26-го числа, прѣхавъ Бреннеръ, самый высокій

пунктъ дороги, ведущей чрезъ Тирольскія Альпы, при благоприятной погодѣ, Его Высочество изволилъ останавливаться для осмотра вновь строившейся крѣпости (Franzens-feste), не въ дальнемъ разстояніи отъ г. Бриксена.

«27-го и 28-го Сентября, Его Высочество останавливался для почлега въ городахъ Ботценъ и Триентъ, а 29-го въ Веронѣ.

«Не дождавъ мѣстности сраженія при мѣстечкѣ Ривольн, происходившаго въ 1797 году между Австрійскими и Французскими войсками, а 30-го числа, по утру, осматривалъ укрѣпленія города Вероны и всѣ достопримѣчательности онаго, въ числѣ коихъ амфитеатръ (arena), сохранившійся со временъ Римскихъ Императоровъ.

«Прѣехавъ города Брешию и Бергамо, и обозрѣвъ все заслуживающее въ нихъ вниманія, Его Высочество, 2-го Октября, прибылъ въ вождельномъ здравіи въ г. Комо.

«По волю Его Величества Императора Австрійскаго, сопутствуютъ Его Высочеству Государю Наслѣднику, Австрійской службы генераль-маіоръ *Вурбн* и капитанъ *Рейшахъ*.» —

Въ воскресенье 9-го Октября, Е. П. Баронъ де-Барантъ, Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Е. В. Короля Французовъ, по возвращеніи своемъ въ С. Петербургъ имѣлъ честь представляться Государю Императору, на аудіенціи въ Царско-сельскомъ Дворцѣ; въ тотъ же день Графъ Росси, въ качествѣ Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посланника Е. В. Короля Сардинскаго, также имѣлъ честь представляться на аудіенціи Государю Императору, и поднести свои кредитивныя грамоты. Послѣ сихъ

аудіенцій, Баронъ Барантъ и Графъ Росси имѣли честь представляться Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ.

Въ воскресенье, 16-го Октября, Е. П. Маркизь Кларикардъ имѣлъ честь представляться Государю Императору, въ частной аудіенціи, въ Царско-сельскомъ Дворцѣ, и поднести Его Величеству кредитивныя свои грамоты, въ качествѣ Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посланника Е. В. Королевы Великобританской.

Князь Гогенлоге-Кирхбергъ, Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Е. В. Короля Виртембергскаго, возвратившись къ своему посту, также имѣлъ честь представляться Его Императорскому Величеству.

Г. Мильбанкъ, Полномочный Министръ Е. В. Королевы Великобританской, имѣлъ честь откланиваться Его Императорскому Величеству.

Послѣ сихъ аудіенцій, Маркизь и Маркиза Кларикардъ, Князь Гогенлоге-Кирхбергъ и г. Мильбанкъ, имѣли честь представляться Ея Императорскому Величеству.

Высочайшимъ Приказомъ 12-го Сентября объявлено, что внукъ Е. В. Короля Прусскаго, сынъ Принца Карла, Принцъ Фридрихъ отнынѣ числится въ пѣхотномъ Принца Карла Прусскаго полку.

Высочайше повелѣно: крѣпость Гумры впредъ именоватъ крѣпостью *Александрополеми*.

Въ Понедѣльникъ, 17-го Октября, ввечеру прибылъ въ Царское Село Герцогъ *Максимиліанъ Лейхтенбергскій*, племянникъ Его Величества Короля Баварскаго.

Октябрь 12-е останется памятно многимъ сердцамъ, сочувствующимъ добру и чести. Въ сей день совершилось *пядесятъ лѣтъ* съ того времени, ко-

гда почтенный нынѣшній Директоръ Павловскаго Кадетскаго Корпуса, генераль-лейтенантъ *К. О. Клингенберъ* получилъ первый офицерскій чинъ. Съ тѣхъ поръ прошло пятьдесятъ лѣтъ его безпорочной жизни, посвященной заботѣ о воспитаніи юношества: *тысяча шесть сотъ* воспитанниковъ вышло изъ заведенія, гдѣ служилъ онъ во все сіе время — въ числѣ ихъ находился нѣкогда и Князь Варшавскій, и сотни другихъ, отличенныхъ честью и заслугою. Всѣ многочисленные воспитанники, въ теченіе полулѣтка послѣдовательно бывшіе подъ его отеческимъ началомъ и находящіеся нынѣ въ С. Петербургѣ, положили праздновать драгоцѣнный имъ юбилей ихъ воспитателя. Торжество происходило въ залѣ 2-го Кадетскаго Корпуса, гдѣ собрались благодарные ученики и воспитанники почтеннаго старца, всѣхъ званий и лѣтъ; въ числѣ ихъ находились генераль отъ инфантеріи М. Е. Храповицкій и генераль отъ артиллеріи П. М. Капцевичъ; они распорядились праздникомъ. При радостныхъ восклицаніяхъ гостей, когда пили за здоровье виновника праздника, ему поднесли золотую вазу съ надписью. Но торжество умножило Августѣйшее вниманіе Государя Императора и въ маломъ доказавшаго величіе, и то, какъ дорого цѣнить онъ добро и заслугу: при лестномъ рескриптѣ, *К. О. Клингенбергу* врученъ былъ г-мъ Военнымъ Министромъ орденъ Бѣлаго Орла, и во время самаго обѣда получено неожиданно Высочайшее повелѣніе, коимъ обращается *К. О.* въ пожизненный пенсіонъ получаемое имъ содержаніе. Его Высочество, *В. К. Михаилъ Павловичъ* почтилъ старца собственноручнымъ поздравительнымъ письмомъ, изъявляя сожалѣніе, что за нездоровьемъ не можетъ присутствовать на торжествѣ его. Октября 15-го въ Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ угощали на-

чалъника тамошніе офицеры и чиновники, и сюда неожиданно явился самъ *В. К. Михаилъ Павловичъ* за просто раздѣлить по-Русски хлѣбъ-соль. И это новое торжество украсилось новымъ вниманіемъ Монаршимъ: Государыня Императрица, черезъ высокаго гостя наградила почтеннаго старца табакеркою съ своимъ портретомъ, осыпанною брилліантами. Слыша о такихъ событіяхъ, кто отъ души не повторить словъ поэта:

О коль Монархъ благополученъ,
Что знаетъ Россами владѣть!

Не смотри на бурное осеннее время, и на то, что оба останавливались на сутки въ Копенгагенъ, Англійскій пароходъ *Сиріусъ* изъ Лондона и Французскій *Парижъ* изъ Гавра благополучно пришли въ Кронштадтъ, первый въ 264, второй въ 288 часовъ, 2 Октября, съ пассажирами и товаромъ.

Сентября 13-го жестокимъ пожаромъ опустошенъ городъ *Сызрань*, при чемъ сгорѣло 572 дома. Сентября 16-го выгорѣлъ городъ *Нерехта*, гдѣ сгорѣло 180 домовъ. Государь Императоръ, сверхъ отдѣльныхъ изъ вспомогательнаго капитала Министерства внутреннихъ дѣлъ, на пособіе Сызрани 15,000 рублей и Нерехты 10,000 рублей, всемілостивѣйше пожаловалъ въ пособіе жителямъ перваго 37,000 руб. и втораго 10,000 руб., соизволивъ притомъ на открытіе въ пользу жителей Нерехты повсемѣстной въ имперіи подписки.

Сентября 21-е, день обрѣтенія мощей св. отца нашего Димитрія митрополита Ростовскаго чудотворца, ознаменовано было въ Ростовъ особеннымъ торжествомъ открытія богадельни, построенной Ростовскимъ 2-й гильдіи купцомъ Андреемъ Абра-

мовичемъ *Титовымъ*. Сей почтенный гражданинъ, вознамѣрлся устроить богадѣльню, для призрѣнія тридцати старыхъ и безпомощныхъ человекъ обоего пола, преимущественно изъ гражданъ Ростова и жителей Ростовскаго уѣзда, по примѣру богадѣльни *Блохина*, предполагалъ выстроить особый, каменный домъ и внести въ С. Петербургскій Опекунскій Совѣтъ сто тысячъ рублей на вѣчныя времена, предназначивъ ежегодные проценты съ сего капитала на содержаніе богадѣльщиковъ. Исполненіе принялъ онъ на себя лично, при содѣйствіи двухъ племянниковъ, купеческихъ дѣтей 2-й гильдіи, Николая и Павла Самсоновыхъ *Наумовыхъ*, съ ними вмѣстѣ производящихъ торговлю, уполномочивалъ ихъ, въ случаѣ смерти, исполнить его предназначеніе. Благодарственное и полезное предположеніе доведено было до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволило: для богадѣльнаго дома отвести въ городѣ мѣсто. Богадѣльню именовать *Титовскою*. Капиталъ сто тысячъ рублей на содержаніе того дома принять. *Титова* наградить золотою медалью для поощренія на шеѣ на Владимірской лентѣ, а племянниковъ его Николая и Павла *Наумовыхъ* золотыми медалями на Аннинской лентѣ. По утвержденіи плана и фасада богадѣльному дому, *Титовъ* приступилъ къ постройкѣ оного, и въ 1835 году внесъ въ С. Петербургскій Опекунскій Совѣтъ предназначенный имъ капиталъ 100,000 рублей, на который билетъ хранится въ Ростовской Градской Думѣ. Въ продолженіи двухъ-лѣтняго времени, пока богадѣльный домъ отстроивался, сто тысячный капиталъ увеличился уже процентами на 8,000 рублей, и купецъ *Титовъ* ко времени открытія богадѣльни, устроенной имъ со всѣми службами, снабдилъ ее,

сверхъ предположенія, всѣми нужными на комплектъ 30-ти человекъ потребностями, по описи и оцѣнкѣ стоящими 3,178 руб. 8 к. Попечителемъ Титовскаго Богадѣльнаго Дома по правиламъ, для оного утвержденнымъ, нынѣ самъ г-нъ *Титовъ*, а экономомъ племянникъ его Николай Наумовъ. Ярославскій Военный Губернаторъ былъ при открытіи богадѣльнаго дома, въ коемъ принесено Господу Богу благодарственное молебствіе съ водоосвященіемъ, и принятыя на первый разъ въ богадѣльню немущіе и престарѣлые мужеска 7, а женскаго пола 14 человекъ; въ новой богадѣльной одеждѣ, водворены въ оной. По окончаніи открытія Титовскаго богадѣльнаго дома, учредитель оного въ домѣ своемъ угощалъ Военнаго Губернатора и съѣзжавшихся въ Ростовъ на праздникъ святителя Димитрія почитателей обѣдненнымъ столомъ, за коимъ провозглашенъ былъ гость за здравіе Всемилостивѣйшаго Государя Императора, Начальника Губерніи, и самаго хозяина, учредителя богадѣльнаго дома. Такъ совершилось благотворное дѣло на призрѣніе ближняго, отъ избытковъ маститой старости почтеннаго Ростовскаго гражданина Андрея Абрамовича *Титова*.

Почетному гражданину, мануфактуръ-совѣтнику и 1-й гильдіи купцу Рыбникову, соорудившему въ Москвѣ, вмѣсто ветхаго деревяннаго, новый каменный храмъ, съ четырьмя придѣлами, и украсившему оный приличною утварью, съ употребленіемъ на то собственнаго иждивенія болѣе 223,000 рублей, въ ознаменованіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія къ столь похвальному подвигу, Всемилостивѣйше пожалованы, согласно ходатайству начальства и удостоенію Комитета

Министровъ, знаки ордена Св. Анны 2-й степени, украшенные Императорскою Короною.

28-го Августа спущены на воду въ Николаевѣ, въ присутствіи г. вице-адмирала Лазарева, два линейныхъ корабля: 120-ти пушечный, *Трехъ-Солителей* и 84-хъ пушечный, *Трехъ-Иерарховъ*.

Въ Коммерческой Газетѣ 1837 года было объявлено отъ Министра Финансовъ, о прорытіи, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшеніи, въ устьѣ рѣки Невы новаго прямого фарватера, для удобнѣйшаго судоходства между С. Петербургомъ и Кронштадтомъ, объ открытіи сѣверной части онаго, на ширинѣ 40 сажень, для хожденія симъ путемъ кораблей и судовъ, и о закрытіи входа въ старыи большой корабельный фарватеръ подводною дамбою на 310 саженьяхъ. Съ тѣхъ поръ новый путь сдѣлавъ практическимъ, но окончательное очищеніе фарватера продолжалось еще въ южной его части, на остальныхъ двадцати саженьяхъ всей 60 саженной его ширины. Нынѣ работы, по проведенію въ семь мѣсѣвъ прямого фарватера, совершенно окончены, не взирая на то, что въ производствѣ оныхъ встрѣчались чрезвычайныя затрудненія, при дѣйствіи черпальныхъ машинъ на открытомъ мѣстѣ, каковъ конецъ Невскаго фарватера, гдѣ перемѣняющаяся высота воды, вѣтры и волненіе причиняли непрерывныя помѣшательства въ дѣйствіяхъ. Не малое препятствіе въ работахъ противопоставлялъ и твердый грунтъ рѣки, состоящій во многихъ мѣстахъ изъ мелкаго, крѣпкосележавшагося ила, для чего однихъ ковшей черпальныхъ машинъ было бы недостаточно; но съ помощію нарочно для сего придуманныхъ большихъ боронъ, которыя разрыхляли грунтъ, и такимъ образомъ дѣлали его доступнымъ для подъема черпаками, работы шли съ

успѣхомъ, и фарватеръ Невы въ длину и во всю ширину, въ совершенно прямомъ направленіи, выровненъ и доведенъ начисто до 9 футовой глубины, достаточной, какъ извѣстно, для торговаго судоходства. Выгоды сего дорогаго стоющаго предпріятія довольно извѣстны, и не требуютъ дальнѣйшаго изложенія. Одно только считается неизлишнимъ при совокупить, что по сіе время непримѣтно въ семь фарватеръ новыхъ наносовъ, и на случай появленія таковыхъ въ послѣдствіи оставлены въ готовности пароходъ и нужныя черпальныя машины.

Франція.

Пишутъ, что неудовольствія, до сихъ поръ продолжавшіяся между Франціею и Неаполемъ, кончены, и вскорѣ изъ Парижа отправится въ Неаполь посланникъ. Выборъ палъ, какъ говорятъ на барона Мортъе, а отъ Неаполитанскаго Двора назначается графъ Лудольфъ, бывшій около 20-ти лѣтъ посломъ въ Лондонѣ. — Между тѣмъ, какъ Франція занята двумя блокадами, въ Мексикѣ и Буэносъ-Айресѣ, она возобновляетъ старый споръ съ Испаніей. Дѣло идетъ объ удовлетвореніи Франціи за захваченный въ 1824 году Испанцами корабль *Vigie*, послѣ того, какъ Французы захватили Испанскій корабль *Veloz-Mariana*, въ 1823 году. Въ свое время, при министерствахъ Шатобриана, Порталиса, Себастиана и Бролье, было о томъ много споровъ. Теперь Французскій посланникъ Герцогъ Фезензакъ подалъ о томъ Мадридскому Двору сильную ноту.

Дѣло Рабана кончено. Приличный въ незаконномъ производствѣ и запасѣ пороху, хотя и не былъ обличенъ въ какомъ нибудь политическомъ умыслѣ, онъ осужденъ на двухлѣтнее заключеніе, а трое товарищей его на 18-ти мѣсячное заключеніе въ

тюрьму, съ пяти-лѣтнимъ надзоромъ полиціи по выпускѣ, и платою пени. Между тѣмъ вниманіе занято новымъ обстоятельствомъ: правительство открыло возмутителей общественнаго спокойствія, печатавшихъ и разсылавшихъ повсюду двѣ газеты: «Республиканскій Мониторъ» и «Свободный Человѣкъ». Никакія старанія полиціи не могли найти кто издаетъ и разноситъ сіи два листка, гдѣ проповѣдывались самыя гибельныя правила. Дерзость издателей доходила до того, что они доставляли листы свои къ начальнику полиціи и ко всѣмъ знатнымъ особамъ. Вотъ что пишутъ теперь изъ Парижа: «Полиція съ нѣкоторыхъ уже поръ отыскивала издателей двухъ возмутительныхъ газетъ, въ которыхъ возставали противъ нашихъ постановленій и противъ права собственности. Одна изъ сихъ газетъ, подъ заглавіемъ *le Moniteur républicain*, появляется въ свѣтъ нѣсколько уже мѣсяцевъ, и издателямъ ея до сихъ поръ удавалось окружать себя непроницаемою тайною. Другая газета, которой вышло еще только три номера, называется *l'Homme libre*. Дѣятельный розысканія полиціи имѣли вчера двоякій успѣхъ. Въ шестомъ этажѣ одного дома улицы *St. Benoît* агенты полиціи нашли молодаго человѣка, по имени *Миноръ-Леконта*, племянника извѣстнаго заговорщика *Петина*, казненнаго вмѣстѣ съ *Фіески*, и двухъ другихъ людей, извѣстныхъ за самыхъ неустовыхъ анархистовъ. Они занимались печатаніемъ новаго номера газеты *l'Homme libre*. Въ комнатѣ были найдены два прессы, множество литеръ и до 700 экземпляровъ гнуснаго памфлета; сверхъ того было отобрано пятнадцать кинжаловъ, большое число патроновъ и нѣсколько новыхъ пуль. *Миноръ-Леконтъ* и его сообщники сильно сопротивлялись, но полицейскимъ агентамъ удалось ихъ схватить и забрать

всѣ найденныя вещи. Въ то же самое время другіе агенты отыскиали въ одномъ домѣ въ улицѣ *de la Tonnellerie* типографскій станокъ, на которомъ печаталась газета *le Moniteur républicain*. Издатели ея были также задержаны. Многіе изъ сосѣдей узнали въ нихъ тѣхъ самыхъ людей, которые часто въ ночное время прокрадывались въ домъ, и таинственнымъ своимъ поведеніемъ возбуждали всеобщее подозрѣніе.

Бывшій меръ въ Але (*Alais*), Шамеронъ, недавно получившій крестъ почетнаго легіона, былъ уличенъ въ разныхъ мошенничествахъ и обманахъ, и осужденъ на четырехъ-мѣсячное заключеніе въ тюрьму, 1000 фр. пени, пять лѣтъ полицейскаго надзора и пять лѣтъ запрещенія производить какіа либо дѣла и сдѣлки (*interdiction*).

Въ Монитерѣ 22 Октября объявлены большія перемѣны въ префектурахъ: два префекта отставлены, два переведены въ другія должности, одинъ исключенъ изъ службы и пятнадцать перемѣнены изъ однихъ департаментовъ въ другіе.

Въ концѣ Сентября, Король и Королева Бельгійскіе, съ дѣтьми, возвратились въ Бриссель, и вскорѣ потомъ предприняли путешествіе въ Парижъ, куда прибыли 17-го Октября. — Сентября 23-го, Герцогъ Орлеанскій отправился въ Мецъ; онъ осматриваетъ пограничныя крѣпости. — Октября 1-го, прибылъ въ Парижъ изъ Лондона, Ахмедъ-Фети-Паша, Турецкій Посолъ при здѣшшемъ Дворѣ. Въ свитѣ его находится: Сами-Эфенди, первый секретарь посольства; г. Аракель, драгоманъ, и Бекиръ-Бей, полковникъ Турецкихъ вѣженеровъ. Султанъ поручилъ Послу передать орденъ нишанъ-иѣтигаръ слѣдующимъ лицамъ: генералу Гильемино, бывшему Послу въ Константинополь; г. Десажу, начальнику поли-

тическаго отдѣленія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и бывшему Повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополь; барону Варенну, Французскому Министру-Резиденту въ Гамбургъ; г. Жоберу, члену Института, и г. Дегранжу, бывшему драгоману при посольствѣ въ Константинополь. — Вотъ еще любопытный посѣтитель явился во Францію: соперникъ Абдъ-Эль-Кадера, Ага Вень-Измаиль Мустафа; 15 Сентября, онъ находился въ Бордо, не хотѣлъ нигдѣ останавливаться, а просилъ везти его скорѣе въ Парижъ. — Баронъ Гумбольдтъ отправился обозрѣвать сѣверо-западные берега Франціи; онъ посѣтитъ Гавръ, Руанъ и Шербургъ; ему сопутствуетъ Араго.

Сильные споры возобновились теперь во Франціи, касательно колоніальнаго сахара. Дѣло въ томъ, что для поощренія производства свекловичнаго сахара, правительство обложило большою пошлиною тростниковый. Колонисты вояютъ, что свекловичные заводчики пользуются монополіею, а они увѣряютъ, что колоніи вредятъ только государству, и что при сѣмкѣ пошлины послѣдуетъ взаимный подрывъ и разореніе. Вопросъ касается самыхъ основныхъ началъ политической экономіи. Мы помѣщаемъ далѣе (подъ статью: *торговля и промышленность*) подробности сего любопытнаго дѣла.

Англія.

Октября 12-го, правительство утвердило торговый трактатъ съ Австріею, который, послѣ переговоровъ, веденныхъ Княземъ Меттернихомъ и Сиромъ Фр. Ламбомъ, былъ заключенъ въ Миланѣ, 17-го Сентября.

Султанъ прислалъ въ подарокъ Королевы ожерелье, изъ яхонтовъ, изумрудовъ и брилліантовъ; на

немъ изображенъ въ фермуарѣ вензель Султанскій, и ожерелье это цѣнить въ 12,000 ф. ст. — Лордъ Пальмерстонъ получилъ отъ Султана орденъ нишан-и-тигаръ.

Изъ Вульвича отправляютъ въ Канаду 30,000 ружей и множество военныхъ снарядовъ.

Въ слѣдствіе привоза въ Англію иностраннаго хлѣба въ большомъ количествѣ, по существующимъ положеніямъ, пошлину на него возвысили уже до 8 шиллинговъ.

Четверть-годичная продажа чаю и индиго обратила общее вниманіе огромнымъ числомъ перваго изъ сихъ товаровъ, назначенаго въ продажу (до 16-ти милліоновъ ф.). Цѣна чаю была низка и много его не продано. Индиго продали до 12,000 лщиковъ; его много требуется за границу.

Не странно-ли? Не смотря на всеобщность оспопрививанія, въ Лондонѣ свирѣпствуетъ оспа, и въ одну недѣлю умерло отъ нея 45 человекъ.

Вдовствующая Королева, Октября 2-го, простилась съ своею дочерью, Королевою Викторіею, и отплыла изъ Портсмута на кораблѣ Гастингсъ въ Гибралтаръ. — Герцогъ Кембриджскій, подъ именемъ графа Куллодена, отправился въ путешествіе. — Князь Эстергази, Австрійскій посолъ, получилъ отпускъ до Апрѣля мѣсяца. — Графъ Поццо ди Борго давалъ великолѣпный обѣдъ маркизу Кланрикardu, передъ отъѣздомъ его въ С. Петербургъ.

Нидерланды.

Октября 15-го открыты засѣданія Генеральныхъ Штатовъ рѣчью Е. В. Короля, котораго при семъ случаѣ сопровождалъ въ первый разъ старшій внукъ, принцъ Вильгельмъ, какъ достигнувшій совершеннѣтліа (мы помѣщаемъ далѣе рѣчь Королевскую,

см. *прибавленія*). Г. А. Фанъ-Геннепъ назначенъ президентомъ первой, а г-нъ Жонжъ второй Палаты. 19-го Министръ Финансовъ представилъ Палатамъ бюджетъ на 1859 годъ, по коему расходы государственные составляютъ 44,249,264 фл. (437,780 фл. менше, противъ нынѣшняго года). Всѣ акты переданы комисіи для разсмотрѣнія, и Палаты закрыли засѣданія на неопредѣленное время.

П р у с с і я .

Его Величество Король пожаловалъ слѣдующіе ордена Русскимъ генераламъ и другимъ чиновникамъ: Чернаго Орла съ брилліантовыми украшеніями, генераль-адъютанту *Князю Ливену*; Чернаго Орла: Начальнику Морскаго Штаба, генераль-адъютанту *Князю Меншикову* и Генераль-Адъютанту *Графу Воронцову*; звезду ордена Краснаго Орла второй степени д. ст. сов. *Жуковскому*; Краснаго Орла второй степени съ брилліантовыми украшеніями д. ст. сов. *Графу Вильгельмскому*; Краснаго Орла второй степени: флигель-адъютантамъ полковникамъ *Барону Ливену*, *Князю Италійскому* *Графу Суворову-Рымникскому*, *Липранди* и лейбъ-медику д. с. с. *Маркусу*; Краснаго Орла третьей степени: флигель-адъютантамъ *Львову*, *Графу Васильчикову*, *Князю Фреде, Юрьевичу*, полковникамъ: Кирасирскаго полка *Графу Нироду*, Семеновскаго полка *Дюгамелю*, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона *Фелькнеру*, Гвардейской Конной Артиллеріи *Лутковскому*, Сумскаго Гусарскаго полка *Ознобишину*, состоящему по артиллеріи *Яковлеву*, подполковникамъ: 10-й пѣшей артиллерійской бригады *Вагнеру*, Вознесенскаго Уланскаго полка *Чорбъ*, генеральнаго штаба *Татаринкову*, Украинскаго Егерскаго полка *Энгельгардту*, бывшему адъютанту генераль-адъютанта Князя Менши-

кова, капитанъ-лейтенанту *Глазенапу*, подпоручикамъ *Адлербергеру*, *Паткулю*, *Графу Вильгельмскому* и состоящему при Его Высочеству Государя Наслѣдника Цесаревича, *Князю Борятинскому*; ст. сов. *Енохину*, колл. сов. *Липману*; Св. Иоанна съ брилліантовыми украшеніями, полковнику и флигель-адъютанту *Князю Долгорукову*; Св. Иоанна, флигель-адъютантамъ *Графу Гейдену* и *Назимоу*, и камергеру *Толстому*.

На прибывшемъ 22-го Октября въ Свинемюнде, Русскомъ пароходѣ *Богатырь*, привезена присланная въ подарокъ Королю отъ Государя Императора батарея конной артиллеріи, состоящая изъ 8-ми 12-ти фунт. пушекъ. Полковникъ, Капитанъ, четыре унтеръ-офицера и сорокъ артиллеристовъ гвардейскихъ находятся при ней и сопровождаютъ ее въ Берлинъ.

Октября 29-го, открыта торжественно желѣзная дорога отъ Берлина въ Потсдамъ. Въ первыхъ одиннадцати вагонахъ, пустившихся по ней, были Наслѣдный Принцъ, другіе особы Королевскаго дома, и высшіе чиновники. Поѣздъ прибылъ въ Потсдамъ въ 41 минуту, а обратно въ 38 минутъ.

Октября 10-го, Наслѣдный Принцъ Баварскій отпривисл изъ Берлина въ Мюнхенъ.

Решидъ-Паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Оттоманской Порты, на пути въ Англію, прибылъ въ Берлинъ 28-го Октября. О путешествіи его до Берлина, см. извѣстія изъ *Италіи*.

Г Е Р М А Н І Я .

Ихъ Величества, Императоръ и Императрица Австрійскіе на пути изъ Милана посѣтили разные города, и вездѣ пребываніе ихъ ознаменовано было празднествами и восторгомъ народнымъ. Октября
Т. V. — Отд. V.

26-го, они благополучно возвратились въ Вѣну. Князь Меттернихъ прибылъ въ Вѣну сутками прежде.

Герцогиня Ангулемская прибыла въ Вѣну, Сентября 24-го, изъ Кирхберга. — Супруга Князя Сербскаго Милоша прибыла въ Землинъ, съ двумя сыновьями, Миланомъ и Михайломъ. По выдержаніи карантина, они проведутъ зиму въ Темесваръ, а весною начнутъ путешествіе по Италіи.

Въ Трентъ прибыли, 13-го Октября, Королевы Греческая и Баварская и Великая Герцогиня Гесенская, подъ строгимъ инкогнито, и именами Графини Миссолунги, Графини Виттельбахъ и Графини Рейнгемъ. После краткаго пребыванія, Королева Греческая отправилась обратно въ Грещино, и на Греческой корветъ *Амалия* отплыла изъ Анконы 20-го Октября въ Аѳины.

Е. В. Принцъ Петръ Ольденбургскій, съ супругою и дочерью, прибылъ изъ Англіи въ Нассау, 24-го Октября, и находится въ Бибрихъ.

Октября 23-го, представлялся Е. В. Королю Виртембергскому графъ фанъ деръ Дюнцъ фанъ-Маасдамъ, бывший церемоніймейстеръ покойной Королевы Нидерландской. Отъ имени Е. В. Короля, онъ требовалъ согласія на бракъ Принцессы Софіи Фридрики Матильды съ внукомъ Е. В. Принцемъ Вильгельмомъ, и получилъ соизволеніе Короля Виртембергскаго. Принцесса Софія родилась отъ брака Е. В. Короля съ покойною Королевою Екатериною Павловною, въ 1818 году.

Непріязненные дѣйствія Черногорцевъ противъ Австрійцевъ прекратились, но мира еще нѣтъ. Вотъ что писали съ Черногорской границы отъ 28-го Сентября: «На Черногорской границѣ водворилось временное спокойствіе, однакоже еще не скоро можно будетъ совершенно окончить распри съ смѣ-

лымъ и ослѣпленнымъ народомъ. Во вчерашней Придворной Газетѣ напечатано о пожалованіи подполковника Росбаха орденомъ Леопольда, за храброе отраженіе нападеній на границу. Генераль Вальдштетенъ уже прежде былъ украшенъ орденомъ. Умѣренность сильнаго и терпѣливаго Австрійскаго Правительства заслуживаетъ похвалу. Оно показываетъ самоотверженіе, рѣдкое въ могущественныхъ сосѣдяхъ слабыхъ государствъ. Во владѣніяхъ Черногорцевъ едва найдешь 15,000 чел. способныхъ носить оружіе; однакоже къ нимъ легко могутъ присоединиться безпокойные жители Албаніи. Если къ тому прибавить фанатическую храбрость Черногорцевъ и скалистую мѣстность, состоящую изъ одиѣхъ тѣснинъ, то въ случаѣ нападенія Австрія должна будетъ выставить корпусъ, по крайней мѣрѣ, 30,000 чел.» Потомъ уведомили изъ Вѣны, отъ 9-го Октября, слѣд. образомъ: «Мирные переговоры, начатые, при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, въ Добротъ, между Черногорскимъ Владыкою и Австрійскою комиссіею, внезапно были прерваны. Владыка получилъ, чрезъ курьеровъ, извѣстіе, что Намѣстникъ Босніи отправилъ въ Цетинь, мѣсто-пребываніе Владыки, посольство, для возобновленія безуспѣшныхъ переговоровъ о Граевскомъ округѣ. Слѣд. обстоятельствомъ подтверждается извѣстіе, сообщенное нами, что Порта побуждала Турецкія начальства окончить споры миролюбиво. Посольство, состоящее изъ двѣнадцати челоувѣкъ, уже прибыло въ Цетинь. Владыка, уведомленный о томъ, немедленно уѣхалъ въ свою резиденцію.»

Бельгія.

Правительство издало временное постановленіе, по которому всякій ввозимый изъ-за границы хлѣбъ

освобождается от пошлинъ, а вывозъ изъ Бельгій строго запрещается.

Въ Антверпенѣ оказались большія затрудненія, причиною которыхъ были безразсудныя спекуляціи на компаніи и общества, и неопредѣленность закона въ такихъ случаяхъ. Нѣсколько обществъ объявили себя банкротами, и въ томъ числѣ компанія Мореля; она потеряла весь акціонерскій капиталъ, четыре милліона франковъ, и задолжала еще 575,000. Акціонеры не спорятъ противъ пропачи своихъ капиталовъ, но не хотятъ платить долга и требуютъ уничтоженія компаніи. Морель утверждаетъ, что они обязаны заплатить долгъ, ибо онъ представилъ вѣрные отчеты. Дѣло разбираютъ въ коммерческомъ судѣ, и опредѣленіе суда въ семь случаевъ послужитъ правиломъ для всѣхъ будущихъ подобныхъ случаевъ.

И т а л і я .

Сильное впечатлѣніе въ Римѣ произвелъ прїездъ туда Решидъ-Паши, его обхожденіе, поступки, и прїемъ, оказанный ему Папою. Вотъ подробности изъ Итальянскихъ газетъ: «Сюда (въ Римѣ) прибылъ изъ Неаполя (25 Сентября) Турецкій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Решидъ-Паша. Вся многочисленная свита его явилась вечеромъ въ оперу, которая, кажется, доставила Туркамъ большое удовольствіе. При Пашѣ находится его три сына, коимъ онъ намѣренъ дать совершенно Европейское образованіе. На другой день, Паша, украшенный орденомъ Почетнаго Легіона, представлялся, съ своими тремя сыновьями и ихъ воспитателемъ, Французскимъ аббатомъ, Папѣ, который принялъ его со всѣми почестями, присвоенными посламъ христіанскихъ державъ. Папа долго бесѣдовалъ съ знаменитымъ му-

сульманиномъ, и при прощаніи вручилъ ему дорогіе подарки; свита Паши была тоже не забыта. Решидъ-Паша отвѣчалъ отъ имени Султана на дружественныя увѣренія, которыя Папа изъявлялъ Фети-Ахмедъ-Пашѣ, за три мѣсяца предъ симъ. Султанъ приказалъ объявить свое желаніе, чтобы сей дружественный союзъ ничѣмъ не былъ нарушенъ. Онъ обязуется защищать христіанъ, находящихся въ Турецкой имперіи, отъ личныхъ обидъ, и обряды ихъ вѣры отъ притѣсненій.»

«Въ Diario напечатана рѣчь, произнесенная Турецкимъ Министромъ, Решидъ-Пашею, во время аудіенціи его у Папы. Рѣчь состояла въ слѣдующемъ: «Его Величество Султанъ Махмутъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ усьмалъ о благосклонномъ пріятіи Вашимъ Святѣйшествомъ Посланника его при Французскомъ Дворѣ (*Ахмета Фети-Паши*). Почитаю себя счастливымъ, что мнѣ поручено выразить сіи чувствованія моего Августѣйшаго Монарха. Смѣю надѣяться, что сіи первыя сношенія, поводомъ которыхъ была благосклонность Вашего Святѣйшества, будутъ имѣть послѣдствіемъ союзъ, столь же полезный для Церковной Области, какъ и для Оттоманской Имперіи.»—Папа отвѣчалъ на эту рѣчь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и объявилъ, что онъ высоко цѣнитъ безпристрастную справедливость, оказываемую Султаномъ Махмутомъ живущимъ въ его имперіи Католикамъ. Его Святѣйшество просилъ Решидъ-Паши быть ходатаемъ у трона его Государя за Католиковъ. Папа былъ тронутъ милостивымъ пріемомъ Папы и обещалъ въ точности исполнить его желаніе. Кардиналъ *Меццофанти*, присутствовавшій при аудіенціи, исправлялъ должность переводчика. Сентября 29-го утромъ, Ре-

шидь-паша уѣхалъ во Флоренцію, откуда онъ отправится въ Венецію.»

Октября 12-го издано въ Римѣ, за подписью Кардинала Статсъ-Секретаря, объявленіе, коимъ, для прекращенія грабежей на большихъ дорогахъ, назначается коммиссія, подъ предѣдательствомъ Главнаго Директора полиціи и Губернатора Рима Ваннечелли. Коммиссіи поручено отыскивать разбойниковъ и подвергать ихъ всей строгости уголовныхъ законовъ. Апелляціи на рѣшенія сего суда не принимаются; ему приказано исполнять приговоры, какъ можно скорѣе. Всѣмъ, кто явится добровольно и выдастъ своихъ участниковъ, обѣщано прощеніе. Говорятъ, что такая мѣра была принята по представленію нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатовъ. Виролитиве, что Правительство, получая безпрестанныя увѣдомленія о жестокостяхъ, какія разбойники производили съ бѣдными крестьянами, у которыхъ они ничего не находили, рѣшилось употребить сильное средство.

Пишутъ изъ Неаполя, что Е. В. Король, Королева, Дворъ ихъ, и большая часть высшихъ чиновниковъ, отплыли, съ отрядомъ жапдармовъ и тремя егерскими полками, въ Палермо. Президентъ Совѣта Министровъ, маркизъ Руффо, будетъ временно управлять Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи, за отсутствіемъ Гг. дель Каретто и Санъ-Анджело, сопровождающихъ Короля.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Дѣло Лудовика Бонапарте занимало все журналы въ последнее время. Мы говорили уже о движеніи Французскихъ войскъ на Швейцарскія границы. Войска Швейцарскія также вооружались. Говорили уже объ отъѣздѣ изъ Швейцаріи Французскаго По-

сланника, но все кончилось добровольнымъ соглашеніемъ Лудовика оставить Швейцарію, и тѣмъ отворотить бѣдствія войны. Онъ объявилъ о томъ въ письмѣ къ Тургаускому Ландаману Андерверту, отъ 22-го Сентября. Немедленно по полученіи сего письма собрался Цюрихскій Малый Совѣтъ въ чрезвычайномъ засѣданіи, и единодушно положилъ: такъ какъ объявленіе Принца совершенно измѣняетъ положеніе дѣлъ, и Большому Совѣту не нужно собираться для разсужденія объ отвѣтѣ, который надлежитъ дать Франціи, то не нужно посылать и депутата на Сеймъ. Рѣшеніе было немедленно отправлено, съ курьеромъ, въ Люцернъ. Въ слѣдствіе сего, Октября 6-го, въ засѣданіи Сейма 17-тъ кантоновъ подписали ноту къ Французскому Правительству, изъявляя желаніе мира. Французскій Посланникъ представилъ потомъ Сейму отвѣтное письмо Французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 12-го Октября (см. все сіи акты въ *прибавленіяхъ*). — По полученіи сего письма, Сеймъ положилъ: 1) собранное войско распустить, сколько можно поспѣшнѣе; 2) войску объявить благодарность за отличный порядокъ и готовность къ службѣ, и 3) объявить благодарность правительственнымъ лицамъ, въ особенности пограничныхъ кантоновъ, за готовность, изъявленную ими, въ случаѣ нужды, принять мѣры къ защитѣ отечества. — По приведеніи сихъ постановленій въ исполненіе, Сеймъ распущенъ.

Лудовикъ Бонапарте, получивъ паспортъ отъ Англійскаго Посла, выѣхалъ изъ мѣстопробыванія своего въ Арененбергъ, 14-го Октября; 20-го прибылъ онъ въ Роттердамъ. Свита его состояла изъ семи человекъ. Онъ ѣздилъ въ Гагу, гдѣ осматривалъ му-

зей и другія достопамятности, а потомъ отправился въ Лондонъ, куда прибылъ 24-го Октября.

На Швейцарской границѣ захватили атамана разбойниковъ, шайка котораго была раздѣлена на три части, и грабила въ одно время въ Швейцаріи, Италіи и Франціи. Это какой-то Итальянецъ, смѣлч необыкновенный. Его привезли уже въ Лионъ, гдѣ предали суду.

Испанія.

Всѣ извѣстія подтверждаютъ торжество Карлистовъ и неблагопріятный оборотъ въ дѣлахъ Христиносовъ. Рѣшительнаго еще ничего нѣтъ, но вотъ разныя подробности (на вѣрность которыхъ впрочемъ полагаться нельзя, при сбивчивости и разнорѣчій извѣстій): Сентибря 19-го, генераль Але былъ разбитъ близъ Артахоны, и отступилъ съ большою потерею; въ битвѣ палъ храбрый Карлистскій бригадиръ Эхеварриа. Важнѣе была битва подъ Маэльєю; Христиносы потеряли 1500 человекъ убитыми и ранеными, двухъ полковниковъ, Альвареса и Серрано, начальника кавалеріи Геррано, подполковника Кахестона, и самаго начальника корпуснаго, генерала Пардинаса; видя невозможность спастись бѣгствомъ, онъ застрѣлился на полѣ битвы. Бригадиръ Илизарба переправился черезъ Эбро въ тотъ же день и захватилъ городокъ Арнедо. — Сентибря 23-го Королева назначила Жошъ Галена начальникомъ центральной арміи и генераль-капитаномъ Валенціи и Аррагоніи, Нарваеса генераль-капитаномъ Старой Кастиліи, а Ногераса генераль-губернаторомъ Толедо и Сіудадъ-Реалъ. Полковникъ Урбино заступилъ мѣсто Пардинаса. Маркизь Мирафлоресъ отправляется посломъ въ Парижъ, вмѣсто маркиза Эсепехо. Управляющій Министерствомъ Военнымъ, генераль

Алдама, получилъ чинъ генераль-лейтенанта, а прежній Министръ Латре орденъ Карла III-го. Кортесамъ вѣлно собратся къ 8-му Нолбря. Полагаютъ, что Але будетъ Военнымъ Министромъ; Морское передано г-ну Позоа, который до царствованія Христины былъ профессоромъ Политической Экономіи. — Но всѣ такія распоряженія худо скрываютъ критическое положеніе Правительства: войско упало духомъ, голодно, не одѣто, побѣги въ немъ умножились. Эспартеро отдалъ строжайшій приказъ о дезертирахъ, гдѣ говорить: «Каждый, кто только принадлежитъ къ арміи, какого бы чина онъ ни былъ, кто, послѣ объявленія сего приказа дезертируетъ, переходя къ неприятелю, удалаясь на родину, или куда бы то ни было, будетъ схваченъ, и по приговору военнаго суда немедленно разстрѣлянъ. Сіе постановленіе распространяется и на тѣхъ солдатъ, которые перешли къ неприятелю и потомъ взяты въ плѣнъ. Тотъ, кто скрываетъ дезертира или побуждаетъ солдатъ къ побѣгу, будетъ разстрѣлянъ, не смотря ни на состояніе, ни на полъ. Если такія лица спасутся бѣгствомъ, то имущество ихъ будетъ конфисковано и употреблено для пользы арміи.» Между тѣмъ, онъ спѣшитъ къ Мадриту, и его встрѣчаютъ вездѣ такъ худо, что въ Нагроно, гдѣ привѣтствовали его свистками, онъ посадилъ въ тюрьму 40 человекъ національной гвардіи. Ораа подвергли строжайшему изслѣдованію (del cuartel). Сентября 18-го разстрѣляли въ Мадридѣ бригадира Ортиза Веласко и національнаго гвардейца Гуана Алваресе, перваго какъ Карлиста, втораго, какъ республиканца.

— Правительство чрезвычайно затрудняется финансами. Срокъ армейскимъ поставщикамъ кончился въ Сентябрь, и никто не является вновь на торги. Съ братьями Ротшильдами успѣли заключить заемъ

на небольшую сумму; имъ отдали Алмаденскіе ртутныя рудники на пять лѣтъ, за что Испанія получаетъ въ задатокъ $5\frac{1}{2}$ милліона франковъ. Можно судить о выгодѣ сего дѣла для Ротшильдовъ потому, что они откупили ртуть по 60 піастровъ за центнеръ, и продали въ Лондонѣ немедленно по 94 піастра. Заемъ въ Гаваннѣ, вмѣсто $2\frac{1}{2}$ милліоновъ піастровъ, доставилъ только 300,000. Правительство велѣло умножить пошлины: на ввозную муку прибавлено по піастру на бочку, на другіе товары седьмая часть нынѣшнихъ пошлинъ; изъ вывозныхъ товаровъ на аробъ кофе $\frac{1}{8}$ реала, табаку $\frac{1}{4}$, каждую 1000 сигаръ реалъ, боченокъ сиропа 2, ящикъ сахару 4. Такимъ образомъ надѣются получить лишняго отъ Гаванскихъ таможенъ 1,016,097 піастровъ. Между тѣмъ, герцогъ Фриасъ предложилъ Португаліи посредство къ примиренію съ Донъ Карлосомъ, но это оказалось безуспѣшно.

Главная квартира Донъ Карлоса перенесена въ Балмаседо 19-го Сентября. — Карлисты обрадованы прїѣздомъ въ Испанію старшаго сына Донъ Карлосова, юнаго Принца Астурійскаго Карла Лудовика. Ему теперь 20 лѣтъ, и онъ тайно проѣхалъ черезъ Францію съ теткою своею Марією Терезією Принцессою Беирскою. Эта Принцесса, родная сестра Дона Мигуэля и покойной супруги Донъ Карлоса, всегда была самою жаркою защитницею Донъ Карлоса, и жила съ сыномъ его въ Пиемонтъ, а потомъ по причинѣ холеры перѣехала въ Сальцбургъ. О проѣздѣ ея черезъ Францію узнали только тогда, когда она была уже въ Байоннѣ. Вотъ нѣкоторыя подробности о прїбытіи ея въ Испанію:

«Октября 6-го числа, Принцъ Астурійскій и Принцесса Беирская прїехали, въ почтовомъ экипажѣ, въ Байонну. Они должны были оставаться нѣ-

которое время въ семь городъ, гдѣ ихъ не ожидали, и не было сдѣлано приготовленій для дальнѣйшаго ихъ путешествія. 11-го числа, въ восемь часовъ утра, Принцъ отправился далѣе, и только 12-го числа прїбылъ въ Урдахъ, гдѣ находится Карлистская таможня. Онъ проѣхалъ черезъ Французскую деревню Эноа. Принцесса желала удостовѣриться предъ отъѣздомъ своимъ, что ея племянникъ счастливо прїбылъ въ Испанію, и не хотѣла уѣхать прежде полученія объ этомъ извѣстія. 14-го числа, она оставила Байонну, и 16-го числа, въ полдень, ступила на Наваррскую землю. Ихъ Королевскія Высочества сопровождались многими лицами, которыя, вмѣстѣ съ ними, перешли черезъ границу. Мы получили изъ Байонны письмо отъ 17-го числа, въ которомъ объявлено причины, почему И. К. В. были задержаны въ Байоннѣ. Уже 10-го числа все было готово къ отъѣзду, но вдругъ узнали, что въ тотъ самый день подпреефектъ проѣдетъ по одной части дороги, избранной для проѣзда Принца. Отъѣздъ былъ отложенъ до другаго дня. Принцесса, которая хотѣла уѣхать черезъ 24 часа, была увѣдомлена, что изъ Парижа получено телеграфическое повелѣніе воспретить ея вступленію въ Испанію. Нужно было перемѣнить дорогу, и тѣмъ отъѣздъ былъ замедленъ до 14-го числа.»

Несчастіе Христиносовъ подъ Морельею, разбитіе Але и пораженіе Пардинаса, сказано въ одномъ Журналѣ, суть такія событія, которыя не легко было бы поправить и при всѣхъ способахъ. Въ Journal des Débats изображаютъ положеніе Кабреры послѣ битвы подъ Морельею слѣдующимъ образомъ: «Онъ успѣлъ образовать регулярную армію, перемѣнить войну оборонительную на наступательную, заставилъ Христиносовъ сблизиться къ Мадриту, ободрилъ ар-

мию, сдѣлалъ запасы. Кабанеро грозитъ теперь Саррагоссъ, Мернио и Балмаседа угрожаютъ Валадолиду, самъ Кабрера столицѣ.

— Вотъ что писали однакожь въ Morning Chronicle послѣ разбитія Пардинаса:

«Это печальное событіе для Христиносовъ принудитъ ихъ къ значительному измѣненію будущиъ военныхъ дѣйствій. Должно признаться, что Кабрера обнаружилъ большое искусство и дарованіе: онъ уже начинаетъ спорить съ славою Сумалакарреги. Подобно этому генералу, онъ ограничилъ свои усилія одною провинціею, и образовалъ въ ней оборонительную систему гверильсовъ, которая дѣлаетъ тщетными всѣ старанія Христиносскихъ полководцевъ. Къ тому же задача Кабреры несравненно труднѣе. Во-первыхъ, онъ имѣетъ дѣло не съ такимъ усерднымъ народонаселеніемъ, каковымъ прежде была Баски. Арагонцы и жители Валенці гораздо бѣднѣе, не такъ привержены къ Дону Карлосу и менѣе набожны. Во-вторыхъ, Кабрера не родился въ сей провинціи; море для него не открыто, какъ для Сумалакарреги, и Французская граница не приноситъ Арагонцамъ такой пользы, какъ Баскамъ и Наваррцамъ. Не смотря на всѣ сіи препятствія, не смотря на то, что онъ не имѣетъ ни какой денежной помощи и содѣйствія личнаго вліянія Дона Карлоса, ему удалось совершенно овладѣть гористою провинціею, которая отдѣляетъ Саррагосу и Теруэль отъ Валенці. Кабрера, не имѣя тѣхъ средствъ, которыми обладалъ Сумалакарреги, не могъ устроить регулярной арміи, или ввести дисциплины, подобно Наваррскому предводителю. По той же причинѣ, онъ не смѣлъ предстать предъ врагомъ въ открытомъ полѣ, какъ Сумалакарреги предъ Валдесомъ въ Амескоасѣ. Онъ ограничивался горною войною и нападеніями гве-

рильсовъ, и сопровождалъ Гомеса на югъ съ большою неохотою. Но нынѣ Кабрера поднялся на такую высоту и достигъ такого перевѣса, что сдѣлался первымъ лицомъ на поприщѣ брани. Донъ Карлосъ, Марото и Баски исчезаютъ предъ нимъ, и потому-то Христиносы должны употребить всѣ свои старанія, чтобъ нанести ему рѣшительный ударъ. Къ счастью Кабреры, онъ доселѣ не имѣлъ противника искуснѣе Ораа. Но теперь открывается Кабрерѣ новое поприще. Онъ не можетъ долѣе оставаться въ горахъ и ограничиваться атаками гверильсовъ. Подобно Баскамъ, онъ долженъ спуститься на Кастильскія равнины и сдѣлать попытку на Мадридъ. Тогда мы увидимъ, способенъ ли онъ къ великимъ подвигамъ, и могутъ ли воины Кабреры довершить побѣду Дона Карлоса, отъ которой Вискаія и Наварра должны явно отказаться. Что касается до насъ, то мы считаемъ это невозможнымъ; хотя дарованія Кабреры превосходятъ способности Наваррскихъ предводителей, однакоже могущество его лежитъ не на столь прочномъ основаніи.»

Въ Journal de Paris заключаютъ извѣстіе объ Испанскихъ событіяхъ слѣдующими словами:

«Кампанія нынѣшняго года въ Испаніи можетъ считаться оконченною; успѣхъ принадлежитъ Донъ Карлосу. Послѣднія побѣды Кабреры возбудили энтузіазмъ въ Карлистахъ. Отъ подошвы Пиреней до Эбра, вся равнина подчинена Карлистской арміи. Когда Донъ Карлосу удастся овладѣть какою либо важною крѣпостію, какъ, на примѣръ, Бильбао, тогда война затянется на неопредѣленное время, и Правительство Королевы подвергнется большой опасности. Мадритскій кабинетъ находится въ самомъ критическомъ положеніи: кредита нѣтъ, финансы истощены. Окруженное интригами и всякаго рода притя-

заніями, лишенное своихъ слабыхъ вспомогательныхъ средствъ, Правительство Христины никогда еще не было столь слабо и столь шатко.»

Въ Испанскомъ Журналѣ *Gastellano*, одномъ изъ самыхъ приверженныхъ къ Испанскому Министерству, говорятъ: «Насъ окружаютъ ужасныя предзнаменованія; во многихъ провинціяхъ обнаруживаются Карлистскіе заговоры; толпы сей партіи ежедневно усиливаются и дѣлаются смѣльче. 5-го числа, въ самой столицѣ, даже внутри дворца Королевы, были распространены прокламаціи Карлистовъ, въ которыхъ они изъявляютъ свои надежды. Время настало дѣйствовать; еще нѣсколько дней, и можетъ быть, уже будетъ поздно.»

Вотъ еще нѣсколько частныхъ извѣстій изъ Испаніи:

— *Барселона*, 6-го Октября. Приближается критическое мгновеніе. Баронъ Меръ, будучи не въ состояніи защищать провинцію противъ Карлистовъ, заперся въ Барселонѣ, чтобы анархисты не могли овладѣть сямъ городомъ. Его четырехъ-тысячный отрядъ терпитъ во всемъ недостатокъ. Такъ какъ податей не платятъ и всѣ подвозы отрѣзаны Карлистами, то баронъ Меръ приказалъ, чтобы каждый изъ находящихся здѣсь иностранцевъ внесъ, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія, 500 піастровъ въ государственную казну. Двое Французовъ уже были арестованы за невыполненіе сего повелѣнія, но они освобождены по требованію Французскаго Консула. Если Карлисты будутъ, по прежнему, захватывать подвозы и брать неукрѣпленные города, если въ Мадридѣ произойдетъ революціонное движеніе, то спокойствіе и здѣсь нарушится; тогда самая жизнь иностранцевъ будетъ въ опасности. Кабрера обезпечилъ укрѣпленіями переправу черезъ Эб-

ро при Тортозѣ. Приготовленія, дѣлаемыя графомъ Эспанею въ Бергѣ, доказываютъ, что Карлисты вскорѣ начнутъ условленные дѣйствія.

— *Сарагосса*. 10-го Октября. Такъ какъ приближеніе Кабреры возбуждало большія опасенія въ дѣлшнихъ жителяхъ, то 7-го числа собрались у Генераль-Капитана провинціальныя депутаты, аюнтаменто, находящіеся здѣсь депутаты Кортесовъ и сенаторы, чтобы разсуждать о мѣрахъ, которыя надлежитъ принять при сихъ обстоятельствахъ. Рѣшено было арестовать всѣхъ жителей Сарагоссы, подозрѣваемыхъ въ приверженности къ Карлистамъ и возложить на нихъ отвѣтственность въ дальѣйшихъ дѣйствіяхъ Кабреры. Доселѣ арестованы около ста человекъ. Городскія ворота, запертыя два дня, были послѣ сего опять открыты.

ПОРТУГАЛІЯ.

Въ *Allg. Zeitung* изображаютъ состояніе Португальскихъ дѣлъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Пишутъ, что въ сѣверныхъ провинціяхъ пропалъ предводитель гверильсовъ Гильяде. Но рано или поздно, онъ опять явится, соберетъ свою разсыпанную дружинну, и начнетъ грабежи, то въ Португальскихъ, то въ Испанскихъ владѣніяхъ, смотря по тому гдѣ бдительность болѣе ослабла. Ремешидо велъ такимъ образомъ войну въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Гильяде можетъ держаться еще долѣе, пользуясь выгоднымъ положеніемъ дикихъ пограничныхъ горъ. Смѣлый Бажоанъ, развѣзжающій по Алемтехскимъ равнинамъ съ своею кавалеріею, состоящею слишкомъ изъ ста человекъ, поступаетъ иначе. Онъ никого не грабитъ, но вездѣ присвоиваетъ себѣ, безъ большихъ церемоній, всѣхъ хорошихъ лошадей, и живетъ тѣмъ. Онъ никогда не касается частнаго

имущества, и только захватываетъ всѣ казенныя кассы, и выдаетъ изъ нихъ жалованье своимъ подчиненнымъ. Никто не бѣжитъ отъ него; никто ему не сопротивляется. Онъ безбоязненно входитъ съ своимъ отрядомъ, будто съ королевскимъ войскомъ, въ многочислѣннѣе города, проживаетъ тамъ, принуждаетъ доставлять себѣ необходимыя припасы на счетъ города, и выдаетъ росписки и квитанціи въ полученіи; частному же человѣку онъ платитъ за работу и за труды. Онъ ведетъ себя въ отношеніи къ жителямъ не хуже линейныхъ войскъ, нравится всѣмъ своею щедростію, и потому не боится скрытной измѣны. За то онъ принимаетъ большія предосторожности въ походѣ; даже солдаты его не знаютъ, куда онъ ихъ ведетъ; онъ распускаетъ о своихъ движеніяхъ ложныя слухи. Его конники летаютъ: часто находится онъ къ вечеру на десять миль къ западу, въ то время, какъ ищутъ его въ десяти миляхъ къ востоку. Такимъ образомъ, онъ всегда уходитъ отъ своихъ преслѣдователей, которые ничего съ нимъ не могутъ сдѣлать безъ конницы. Вся Португальская конница состоитъ нынѣ не болѣе, какъ изъ тысячи человѣкъ, разсѣянныхъ по всему государству. Должно собрать, по крайней мѣрѣ, 300 человѣкъ, чтобы съ успѣхомъ преслѣдовать Бажоана. Къ тому же, конница его несравненно лучше конницы Правительства. При незначительныхъ средствахъ и войскахъ Правительства, трудно смирить его. Правительство должно имѣть третью часть арміи (не много болѣе 2,000 человѣкъ) въ Лиссабонѣ, для собственной защиты отъ замысловъ демократовъ; гверильясы Ремспида все еще грабятъ Алгарвию, и наконецъ на сѣверной и восточной границахъ нужны также войска противъ Испанскихъ и туземныхъ разбойниковъ. Ба-

жоанъ препятствуетъ сбору податей во всемъ Алемтежо.»

Писали потомъ, что Бажоанъ былъ убитъ въ схваткѣ съ Королевскими войсками 5-го Октября, но извѣстіе не подтвердилось.

Герцогъ Кембриджскій прибылъ въ Лиссабонъ 28-го Сентября, осмотрѣлъ городъ и окрестности, и 6-го Октября отплылъ въ Гибралтаръ; 8-го Октября онъ былъ въ Кадиксъ.

Турція.

Въ знакъ совершенной пріязни своей къ Султану, Паша Египетскій прислалъ въ Царьградъ богатое покрывало съ гробницы Мугаммеда. Но гораздо важнѣе извѣстіе, подтверждающее, что дѣйствительно онъ намѣренъ сохранить миръ и тишину: онъ согласился заплатить Султану всю положенную съ Египта и Сиріи уплату суммъ, подъ названіемъ *дани*, невыплаченную доннынъ; часть сей платы уже получена отъ него векселями на Европейскіе торговые домъ.

Галиль Паша снова находится въ милости у Султана. Недавно онъ былъ въ свитѣ Султанской, при посвященіи Султаномъ мечети.

— Съ острова Кипра пишутъ, что 24-го Іюля прибылъ туда новый Турецкій намѣстникъ. Это первый намѣстникъ, который получаетъ постоянное жалованье. Прежніе имѣли островъ какъ бы на откупъ. Жители ожидаютъ большихъ выгодъ отъ сей перемѣны. — Сборъ податей, называемыхъ *мири* и *мукатаа*, будетъ отнынѣ предоставленъ Турецкимъ и Греческимъ чиновникамъ. 27-го Іюля прибылъ Турецкій фрегатъ съ 800 солдатами, которые составятъ новый гарнизонъ острова.

на бамбуковое древко, въ шестнадцать футовъ длиною. На верхнемъ концѣ древко украшено двумя страусовыми перьями, доказывающими, что это оружіе принадлежитъ перво-классному воину. Подчиненные уважаютъ въ немъ смѣлаго, храбраго и предприимчиваго воина. — Изманъ пользуется совершеннымъ здоровьемъ. Въ послѣднемъ походѣ, онъ обнаружилъ умѣренность и хладнокровіе, которыя едва ли свойственны даже Европейцамъ.

Изъ Калькутты пишутъ отъ 18-го Іюля, что президентъ Англійскій, полковникъ Бенсонъ, надѣется миролюбиво кончить всѣ неудовольствія съ Бирманскимъ Царемъ. — Жители Непалу явно вооружаются противъ Англичанъ; болѣе 20,000 ихъ заняли всѣ горные дефиле, ведущія въ Непаль, и отправили посольство къ Ренджитъ-Сингу.

— Въ Times сообщаютъ слѣдующія извѣстія о сѣверной Индіи и Средней Азій, получившія особенную занимательность со времени послѣднихъ событій въ Азій: «Между государствами, лежащими на сѣверѣ отъ нашихъ Индійскихъ владѣній, и границахъ съ ними, независимый *Лагоръ* занимаетъ первое мѣсто, какъ по величинѣ и народонаселенію, такъ и по числу войскъ, которое онъ можетъ выставить. Лагорское царство простирается на 50,000 Англійскихъ квадратныхъ миль, и населено $3\frac{1}{2}$ миліонами жителей. Владѣтель сей страны *Ренджитъ-Сингъ*, могущественнѣйшій и самый предприимчивый изъ Индійскихъ государей, имѣетъ около 80,000 чел. войска, въ томъ числѣ 50,000 конницы, которая обучена отчасти отличными Французскими офицерами, по Европейской системѣ. Артиллерія его состоитъ изъ 300 орудій; третья часть ихъ находится въ крѣпостяхъ, а остальные образуютъ полевую артиллерію, и изъ 300 малыхъ орудій, возимыхъ на верблюдахъ. Вся сія сильная армія всегда готова

выступить въ поле, и привыкла побѣждать. Народъ чрезвычайно способенъ къ военной службѣ; онъ имѣетъ необыкновенно крѣпкое тѣлосложеніе и не уступаетъ въ храбрости лучшимъ воинамъ Индіи; ему неизвѣстны Индійскія касты и религіозныя предрасудки Магомстанъ. Сейки съ завистью смотрятъ на Британскую власть; однако же глава ихъ охотно принялъ предложенный ему союзъ. Однѣ силы Лагорскаго царя не могли возбудить опасеній, и предложеніе сдѣлано было только для того, чтобы усилить защиту западной границы Индіи. Смерть Ренджитъ-Синга, вѣроятно, будетъ сигналомъ всеобщей анархіи въ государствѣ, которое обязано своимъ могуществомъ и богатствомъ его военнымъ и дипломатическимъ достоинствамъ. Лагоръ будетъ имѣть судьбу, общую съ другими государствами Востока, которыя пали со смертью государя, возвысившаго ихъ своею личною предприимчивостью. Старшій сынъ, *Магараджи*, не обладаетъ ни военными, ни дипломатическими качествами своего отца, и это будетъ причиною войны за престолъ между братьями. Въ претендентахъ не будетъ недостатка; владѣльцы, покоренные уже 25 лѣтъ тому, немедленно сбросятъ съ себя иго. Если власть Ренджитъ-Синга, перейдетъ неослабно къ наследнику, то, въ случаѣ вторженія съ запада, враги найдутъ въ Лагорѣ обученное войско, котораго даже при самомъ благопріятномъ расположеніи царя къ Англіи, нельзя будетъ удержать отъ разграбленія Дегли и Агры, столь близкихъ къ Лагору. Но политика сего царства должна болѣе стараться содѣйствовать вторженію, нежели останавливать его, такъ какъ оборона Индіи будетъ происходить на Индѣ, а бой въ Пенджабѣ. Если же наступитъ другой, болѣе вѣроятный, случай, то есть, если Ла-

горское царство распадется, тогда толпа обученных солдатъ, привыкшихъ кормиться мечемъ, сдѣлается дѣйствительно опасною для нашей сѣверо-западной границы. Сѣверная и западная граница Индіи, примыкающая къ Лагорскому царству, черезъ которую уже 3,000 лѣтъ проходили всѣ завоеватели Индіи, находится въ беззащитномъ положеніи. Въ Судлужѣ Англичане имѣютъ только 1,500 человекъ съ пятью орудіями, и ближайшія мѣста, откуда можно получить подкрѣпленія, суть Курнаулъ и Дегли, первое въ 120, послѣднее въ 180 мильхъ. Обширная полоса земли по южному берегу Судлужа, граничащая къ западу съ областями Ражпуртовъ и степью, занята *Сейками*, имѣющими одинъ языкъ и одинакіе нравы съ жителями Лагора, съ которыми они связаны союзомъ. Сии Сейки находятся подъ покровительствомъ Британскаго Правительства, и оно наследуетъ ихъ земли, въ случаѣ, если предводители умираютъ бездѣтными. За ними слѣдуетъ по важности, гордый, воинственный народъ *Рогилы*, живущій между Сейками и владѣніями Набоба Аудскаго. Хотя сей народъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ включенъ въ Британское подданство, однакоже онъ доселѣ постоянно отказывался оставить свой воинственный образъ жизни и переменить мечъ на соху. Рогилы самые опасные враги внутри нашихъ владѣній: они поддерживаютъ свой воинственный духъ воспоминаніемъ о прежнихъ побѣдахъ, и безпрестанно возмущаются. Рогилькундъ можно справедливо назвать расадникомъ воиновъ, которые готовы сражаться за чтобы то ни было. Однакоже, будучи отъ природы дики, и имѣя отвращеніе отъ всякой дисциплины и отъ Британской власти, они не хотятъ служить въ Англійской регулярной арміи. Въ примѣръ того, какъ

они любятъ войну и сколь охотно присоединяются къ каждому предводителю, приведемъ только то, что при послѣднемъ нападеніи на Буртпуръ, который былъ взятъ штурмомъ Англичанами въ 1826 году, половина гарнизона состояла изъ Рогильевъ, хотя они были не одной религіи съ полководцемъ, за котораго сражались, и съ которыми они впрочемъ не имѣли ни какихъ сношеній. Рогилы суть Афганцы, племени Юсуфи, которые въ началѣ XVIII-го столѣтія прибыли изъ Кабула. Могущество ихъ, внезапно и блистательно возникшее, продолжалось не болѣе пятидесяти лѣтъ. Въ 1774 г., Англичане низвергли его, въ сраженіи при Куттерѣ. Они принадлежатъ къ племени, изъ котораго произошелъ Куттубъ-уль-Динъ, завоеватель Индіи. Двадцать восемь князей его дома властвовали одинъ за другимъ. Баберь покорилъ ихъ, но они опять овладѣли императорскимъ достоинствомъ, и держались четырнадцать лѣтъ. Они завоевали Персію, и въ 1720 году заняли тогдашнюю столицу ея, Испагань. Монголы считали Рогильевъ самыми страшными врагами, которыхъ они никогда не могли совершенно поработить. Покореніе Куттера и присоединеніе онаго къ губернаторству Ауди возбудило въ нихъ непримиримую ненависть къ Британцамъ. Въ случаѣ какаго либо вторженія, каждый Рогилья, способный носить оружіе, присоединится къ нашимъ врагамъ, чтобы утолить свою месть.»

Изъ Кантона получены извѣстія по 17 Апрѣля. Пишутъ о спорѣ Англійскихъ купцовъ съ тамошнимъ губернаторомъ, касательно уловокъ, которыми компанія Гонговъ старалась уклониться отъ платежа долга за товарища своего Гангъ-Тое. Губернаторъ отказалъ грубо, напоминая Англичанамъ, что

они сами не исполняютъ законовъ и правилъ торговли.

Транспортное судно, принадлежавшее къ экспедиціи, предпринятой къ берегу Гвинеи, подъ командою генерала Вервеера, возвратилось 20-го Октября въ Амстердамъ, съ извѣстіемъ, что экспедиція счастливо окончена. Нѣкоторые зачинщики мятежа, въ томъ числѣ одинъ туземный царь, были захвачены; многіе спаслись бѣгствомъ. Въ письмѣ отъ 6-го Августа сверхъ того увѣдомляютъ, что предводитель Гантасовъ, Бонсоэ, былъ разстрѣлянъ, по приговору суда, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ прошедшемъ году измѣннически убилъ Голландскаго чиновника Кремера и лейтенанта Масена. При семъ случаѣ представилось несомнѣнное доказательство непоколебимой вѣрности другихъ Негритянскихъ племенъ. Голландскія войска много пострадали отъ военныхъ трудовъ и климата; часть ихъ возвратилась въ Яву. Новый губернаторъ Голландскихъ владѣній на Гвинейскомъ берегу, подполковникъ Боскъ, пользовался совершеннымъ здоровьемъ. Генералъ Верверъ заболѣлъ 20-го Августа лихорадкою, и умеръ, 22-го Августа, на обратномъ пути, на военномъ корветѣ Амфитритѣ.

АФРИКА.

Маршалъ Вале донесъ Военному Министру отъ 8-го Октября, изъ Константины, о слѣдующихъ распоряженіяхъ: Французы поставили лагерь на сліяніи рѣкъ Уедъ-Энтса и Аррушъ, въ 13 лѣ отъ Константины и 6-ти отъ Сторы. Такимъ образомъ, они охраняютъ дороги изъ Сторы и Боны въ Константиноу. Кабилы оказываютъ совершенное повиновеніе и Арабы привозятъ хлѣбъ. Дорога къ Константиноу доведена до Канторскаго ущелья, и вскорѣ можно

будетъ ѣздить на колесахъ до лагеря при Аррушъ. Управленіе Константиноу совершенно устроилось. Начальники присягнули въ вѣрности. Французы заняли древнюю Руссикаду, и заложили въ Сторскомъ заливѣ крѣпость, подъ именемъ Fort de France.

Въ Journal des Débats напечатано слѣдующее письмо, полученное изъ Константины, отъ 7 Сентября: «Во многихъ Французскихъ газетахъ предсказывали, что послѣдствіемъ отозванія генерала *Негріе* будутъ бѣдствія, и притомъ дѣлали упреки маршалу *Вале*. Между прочимъ замѣчали, что онъ несвоевременнымъ спокойствіемъ помрачилъ славу Французскаго оружія; вмѣсто того, чтобы уничтожить *Ахметъ-Бей* однимъ ударомъ, вступилъ съ нимъ въ переговоры. Даже утверждали, что маршалъ намѣренъ оставить Константиноу, и предоставить сей городъ въ распоряженіе *Ахметъ-Бей*. Наконецъ говорили, что генералъ *Негріе* принужденъ былъ удалиться по интригамъ. Обо всемъ этомъ здѣсь ничего неизвѣстно. Рядъ благоразумныхъ мѣръ и постановленій маршала доказываетъ, что онъ намѣренъ навсегда оставаться въ Константиноу. Могу увѣрить, что генералъ *Негріе*, при возвращеніи въ Алжиръ, былъ принятъ маршаломъ съ отличіемъ и пріязнію.—На дняхъ Начальникомъ Штаба назначенъ подковникъ *Бровилле*, а Гражданскимъ Интендантомъ г. *Монтини*. Завтра выступаемъ мы въ походъ на югъ, съ значительнымъ отрядомъ. Онъ предпринимается для того, чтобы собрать подать и ободрить племена Гаракта, Анемиса, Сагари и друг., и убѣдить ихъ отложиться отъ *Ахметъ-Бей*. Послѣдній углубился еще далѣе въ степи, и какъ слышно, готовъ отказать отъ Константины и вступить во Французскую службу.—Какъ скоро слухъ о нашей экспедиціи распространился, къ намъ явились уполномо-

моченные почти всѣхъ сосѣднихъ племенъ, которые предлагаютъ свои услуги. Въ случаѣ нужды, мы можемъ собрать въ короткое время до 6000 Арабскихъ всадниковъ; мы стараемся болѣе удерживать такое расположение къ войнѣ, нежели имъ пользоваться. — По устроеніи военной дороги въ Стору, сообщеніе съ моремъ и Алжиромъ откроется новымъ путемъ, который значительно короче прежняго: изъ Константины до Боны считается 40 миль, до Сторы же только 20, и сверхъ того Стора лежитъ ближе къ Алжиру, нежели Бона. Первый этапъ, въ семи миляхъ отсюда, составляетъ лагерь Куэдъ-Семевду; второй, въ семи миляхъ отъ Сторы, новый лагерь при Куэдъ-Сафсафъ; отъ сего пункта будетъ проведена новая дорога въ Бону. Всѣ посты на старой линіи между Константиною и Боною будутъ очищены; мы оставляемъ за собою только Гвельму. Лагерь Куэдъ-Сафсафъ лежитъ на прекрасномъ мѣстѣ; рѣка, протекающая подлѣ него, зимою весьма широка. Здѣсь придется намъ имѣть дѣло съ Кабилами, которые не кочуютъ, подобно другимъ племенамъ, но занимаются хлѣбопашествомъ. Они несравненно упорнѣе Арабовъ; впрочемъ, если мы не станемъ разорять ихъ полей, и они найдутъ у насъ сбытъ своихъ произведеній, то должно надѣяться, что мы съ ними будемъ жить въ мирѣ. Шейхъ племени Кабилловъ не имѣетъ такого вліянія, какимъ пользуются Шейхи Арабовъ; у нихъ вся власть сосредоточена въ рукахъ марабу. Одному изъ нихъ, *Бенъ-Гадшару*, Губернаторъ подарилъ въ окрестностяхъ города землю. Братъ *Бенъ-Аиссы*, занимавшій здѣсь мѣсто кадіа и пользующійся у Кабилловъ особеннымъ уваженіемъ, по видимому, намѣренъ удалиться и искать нашей защиты. — Племена Аранта и Америкъ-Шерал, безпоясавшія наше сухопутное со-

общеніе съ Алжиромъ, домогались недавно о дарованіи имъ мира. Ежедневно новые Дуары просятъ защиты нашего войска въ Сиди-Тамтанъ; они, почитая Французскаго Комменданта своимъ кади, осаждаютъ его палатку, рассказываютъ ему свои споры, и безпрекословно покоряются его рѣшеніямъ. По видимому, имъ весьма нравятся скорое и безденежное судопроизводство. — Земли, окружающія Константину, составлявшія доходъ Бел, постепенно отдаются съ публичнаго торга въ арендное содержаніе жителямъ города, которые нынѣ платятъ за нихъ большую противъ прежняго сумму. Это одно уже доказываетъ, что они увѣрены въ прочности нашего владычества.»

— Въ *Journal des Débats* сообщаютъ еще слѣдующее письмо изъ Форъ-де-Франсъ (Сторы), отъ 8-го Октября: «Наша власть въ Константинской провинціи утверждена занятіемъ одного очень важнаго береговаго пункта. Мы наконецъ владѣемъ Сторскимъ рейдомъ, однимъ изъ лучшихъ на Африканскомъ берегу. Уже Римлянамъ были извѣстны всѣ его выгоды. Здѣсь находятся обширныя развалины, которыя свидѣльствуютъ, что на семь пунктовъ было большое народонаселеніе. Прочныя древнія стѣны можно будетъ удобно употребить на новыя зданія. Природа окрестностей Сторы чрезвычайно роскошна; вообще тутъ можно найти всѣ стихіи необыкновеннаго благосостоянія, которое быстро разовьется подъ благоразумнымъ и дѣятельнымъ управленіемъ. Работы, исполняемыя арміею, достойны удивленія. Теперь можно будетъ продовольствовать Константину съ несравненно меньшими расходами. Вотъ одинъ изъ результатовъ, достигнутыхъ стараніемъ маршала Вале, достойно оцѣняемымъ арміею.»

— Торговля Орана въ совершенномъ упадкѣ. Уже чувствуютъ недостатокъ въ хлѣбѣ, и даже рабочіе

люди терпятъ нужду, ибо публичныя постройки останавлены. Купцы написали адреса къ Военному Министру и къ палатамъ, и требовали, чтобъ произведены были исправленія въ гавани и надъ набережною. Сверхъ того, они просятъ объявить Оранъ свободною гаванью (порто-Франко). Тогда онъ въ состояніи будетъ соперничествовать съ Гибралтаромъ, съ Испанскими и Мароккскими гаванями.»

— Изъ Орана отъ 20 Сентября пишутъ слѣдующее: «Извѣстіе о пораженіи *Абдель-Кадера* при Аннъ-Майдегъ подтвердилось. Арабское войско лишилось множества людей и военныхъ снарядовъ. Приверженцы Эмира говорятъ, будто бы *Тедишши* (владытели Аннъ-Майдега), черезъ марабутовъ разныхъ племенъ, изъявили желаніе вступить въ число подданныхъ новаго султана, будто бы послѣдній изъявилъ на то согласіе, и что въ слѣдствіе того заключенъ былъ дружественный договоръ. Но мы можемъ увѣрить, что это чистая выдумка. *Абдель-Кадеръ* принужденъ былъ снять осаду и отказаться отъ завоеванія Аннъ-Майдега, гдѣ онъ надѣялся найти огромныя сокровища. Обитатели пустыни, принявшіе сначала сторону эмира, посѣщали потомъ на помощь осажденному городу, и были причиною неудачи экспедиціи. Ожидаютъ подробнѣйшихъ извѣстій объ этомъ событіи, которое почитаютъ здѣсь весьма важнымъ. Воинственные жители Аннъ-Майдега нанесли жестокій ударъ могуществу *Абдель-Кадера*. Не въ состояніи будучи обуздать своихъ приверженцовъ, онъ старается утѣшить ихъ надеждою на скорую войну съ невѣрными, чѣмъ доказываетъ только то, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится теперь эмиръ. Извѣстіе, что нѣкоторыя племена продали лошадей для ремонта нашей Африканской конницы, чрезвычайно его раз-

дражило, и онъ издалъ на подобныя продажи строжайшія запрещенія.»

Въ *Relaigueur de la Mediterranée* напечатано слѣдующее письмо изъ Орана, отъ 3 Октября: «*Абдель-Кадеръ* примирился съ начальникомъ Аннъ-Майдега *Тедишши*. Послѣдній изъявилъ согласіе вступить въ переговоры съ уполномоченными эмира. Въ слѣдствіе переговоровъ, *Тедишши* обязался платить дань, и выставить известное число войска, въ случаѣ, если *Абдель-Кадеръ* возобновитъ войну съ невѣрными. Примиренію ихъ много содѣйствовалъ Посоль Мароккаго Императора. Эмиръ возвратился въ Текесмпъ, не встрѣтивъ никакого препятствія. Говорятъ, что войско его находится въ жалкомъ положеніи; большая часть лошадей, сопровождавшихъ его въ экспедиціи, пала, или сдѣлалась негодною. Слышно, что эмиръ приближается теперь къ Орану для переговоровъ съ генераломъ *Гегенскольмъ*, на счетъ опредѣленія границъ. Онъ имѣетъ большую довѣренность къ новому начальнику и прислалъ ему въ подарокъ двѣ прекрасныя лошади. Затруненія, возникшія на счетъ Арцевскихъ соляныхъ промысловъ, будутъ, вѣроятно, устранены безъ дальнѣйшихъ споровъ. Вообще *Абдель-Кадеръ* сдѣлался гораздо уступчивѣе съ тѣхъ поръ, какъ *Бенъ Доранъ* сообщилъ ему о рѣшеніи военнаго суда въ Перпиньянъ. Онъ хочетъ доказать, что генераль *Бюжо* не ошибся въ своей къ нему довѣренности, и намѣренъ извѣстить Короля и Министерство, что генераль *Бюжо* никогда не требовалъ отъ него денегъ или другихъ подарковъ, и что онъ подарилъ ему восемь лошадей по доброй волѣ.» — Между тѣмъ въ *Toulonnaise* напечатано письмо изъ Алжира отъ 5 Октября, въ которомъ сказано: «Договоръ *Абдель-Кадера* съ марабутомъ Аннъ-Майдегскимъ *Тедишши*, которому друзья

эмира стараются придать особенную важность, есть ни что иное, как мистификація, которой здѣсь въ Алжирѣ никто не вѣритъ. Кажется даже, что эмиръ принесъ значительныя жертвы, чтобы безопасно возвратиться въ провинцію Оранъ и обезпечить остатокъ своего войска отъ нападеній приверженцовъ *Теджини*. Говорятъ, будто бы *Абдель-Кадеръ* купилъ дорогою цѣною договоръ, по которому марабутъ призналъ себя въ некоторой зависимости отъ него, и что онъ рѣшился на то единственно для того, чтобы показать, что всѣ Арабы обязались къ войнѣ противъ невѣрныхъ. Въ договоръ включена, какъ слышно, тайная статья, на основаніи которой марабутъ освобождается отъ подобнаго обязательства.»

— Изъ Триполи пишутъ, отъ 7-го Сентября: «26-го Августа прибылъ сюда, изъ Константинополя, Турецкій корветъ, на которомъ находился Аскаръ-Али, назначенный въ Трипольскіе Паша, вмѣсто Гассана. Новый Паша вышелъ на берегъ на другой день, и отправился прямо въ мечеть, сопровождаемый всеми чиновниками и войсками гарнизона. 4-го Сентября, представлялись Аскару-Али всѣ Европейскіе Консулы, а 2-го числа обнаружилось быль фирманъ объ его назначеніи. Гассанъ-Паша уѣхалъ, 5-го числа, на томъ же корветѣ, въ Константинополь. Передъ отъѣздомъ своимъ, онъ былъ принужденъ выплатить 50,000 магудовъ, присланныхъ Портою для раздачи войскамъ, но которые Паша заблагоразсудилъ присвоить себѣ. Жители Триполя съ каждою новою переменною надѣются, что положеніе ихъ улучшится, но погибшая страна сія снова только однимъ Арабамъ, которые живутъ во внутреннихъ округахъ и находятся въ постоянномъ возмущеніи. На дняхъ прибылъ караванъ, состоящій

изъ двухъ сотъ верблюдовъ, навьюченныхъ шерстью, которую купили Европейскіе купцы и отправляютъ въ Ливорно.»

— Въ *Sémaphore de Marseille* напечатано письмо изъ Туниса, въ которомъ извѣщаютъ, что Англійская эскадра и адмиралы *Лаландъ* и *Галлуа* оставили Тунисскій рейдъ, къ великому сожалѣнію всѣхъ находящихся тамъ Англійскихъ и Французскихъ подданныхъ. Въ томъ же письмѣ сказано: «Правительство не можетъ долѣе обманываться на счетъ образа мыслей Мавританскихъ владыкелей; ненависть и фанатизмъ дѣлаютъ ихъ совершенно неспособными къ уступчивости и миролюбивымъ сношеніямъ; они покоряются только одной силѣ; безъ нея нѣтъ никакой возможности дѣйствовать, потому что малѣйшее снисхожденіе они всегда принимаютъ за явное доказательство слабости.»

А М Е Р И К А.

Официальныя извѣстія изъ Канады постоянно содержатъ въ себѣ увѣренія о возстановленіи всеобщаго спокойствія, разсѣяніи мнѣжниковъ, довѣренности жителей къ лорду Дургаму, дружескихъ сношеній съ Соединенными Штатами. Говорятъ даже о сьяздѣ правителей разныхъ Англійскихъ областей въ Квебекъ, для постановленія твердыхъ началъ будущаго управленія. По сему поводу въ *Morning-Herald* пишутъ: «Лордъ Дургамъ пригласилъ губернаторовъ нашихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній прибыть въ Квебекъ. Мы узнали достоверно о цѣли сего собранія, что на немъ пльз провинцій: Верхняя и Нижняя Канада, Новый Брауншвейгъ, Новая Шотландія и островъ Принца Эдуарда, будутъ соединены подъ одно федеральное правленіе. Каждая провинція сохранить свое мѣстное законодатель-

ное собраніе, или верхнюю палату. Губернаторъ, или вице-губернаторъ, вмѣстѣ съ исполнительнымъ совѣтомъ, будутъ имѣть право разсматривать билли и предлагать собранію измѣненія, но не могутъ отвергать ихъ. Каждая провинція, большаѣ или малая, принадлежащая къ союзу, будетъ имѣть десять представителей въ общемъ собраніи, которое издастъ законы на счетъ общихъ дѣлъ, или касающихся до двухъ и болѣе провинцій, и, какъ аппеляціонный судъ, разсматривать дѣла частныхъ собраній. Губернаторъ, имѣя при себѣ частный совѣтъ, пользуется, въ отношеніи къ биллямъ, принятымъ общими собраніями, тѣми же правами, какъ другіе губернаторы въ отношеніи къ биллямъ, принятымъ собраніями провинціальными. Квебекъ, Галифаксъ и Монреаль будутъ посылать по два представителя, въ общее собраніе. Остальные города получаютъ то же преимущество, лишь только народонаселеніе ихъ достигнетъ 15,000 душъ. Каждая провинція будетъ назначать по два члена въ Британскій Парламентъ. Доходы каждой провинціи будутъ предоставлены законодательной палатѣ, которая назначитъ жалованье губернатору, судьямъ и другимъ чиновникамъ, и опредѣлитъ издержки правительства. Вотъ главные черты плана, который, послѣ утверженія провинціями, будетъ представленъ на разсмотрѣніе Парламента. Выбранные отъ каждой провинціи немедленно отправятся въ Квебекъ, чтобы доставить генералъ-губернатору всѣ необходимыя свѣдѣнія. Если мнѣніе ихъ будетъ согласно съ мыслями лорда Дургамы, то главная цѣль его, состоящая въ томъ, чтобы улучшить положеніе колонистовъ измѣненіемъ ихъ гражданскихъ учреждений, будетъ легко достигнута.»

Послѣ всего этого не возможно бы, кажется, пред-

полагать никакой опасности для Англичанъ въ Канадѣ, но если вѣрить оппозиціонной статьѣ, напечатанной въ Morning Herald, положеніе Канады очень сомнительно, и должно опасаться въ сей колоніи новыхъ волненій, не менѣе важныхъ, какъ и предшествовавшихъ. Въ той же статьѣ увѣряютъ, что пограничные Американцы будутъ помогать инсургентамъ и доставлять имъ оружіе, и что побѣги значительно усиливаются въ Англійскихъ войскахъ.

Предположивъ, что оппозиціонный духъ партій много увеличиваетъ, тѣмъ не менѣе должно согласиться, что есть основаніе не вполнѣ вѣрить неблагоприятнымъ извѣстіямъ изъ Канады. Вотъ два извѣстія изъ Лондона, дающія поводъ такъ думать:

«Лондонъ, 20-го Октября. Вчера около полудни, лордъ Мельбурнъ пріѣхалъ изъ Виндзора и немедленно отправился къ Министру Колоній, лорду Гленселгу. Онъ имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе, и потомъ возвратился въ Виндзоръ. Нельзя сомнѣваться, что предметомъ его совѣщаній съ Министромъ Колоній были Канадскія дѣла. Министерство, кажется, дѣйствительно приведено въ затрудненіе намѣреніемъ графа Дургамы отказаться отъ должности, тѣмъ болѣе, что получены извѣстія о новыхъ движеніяхъ революціонной партіи въ Канадѣ. Удаленіе генералъ-губернатора изъ колоніи при такихъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть самыя непріятныя послѣдствія. Лордъ Дургамъ пріобрѣлъ въ Канадѣ вліяніе, которое могло лучше всего сохранить тамъ спокойствіе. Если онъ не пользовался совершенною народностью, то, по крайней мѣрѣ, обѣ партіи находили въ немъ нѣкоторое ручательство въ охраненіи своихъ выгодъ. Французскіе Канадцы надеялись, что сей государственный человѣкъ, извѣстный, въ Англійской аристокраціи, своимъ влѣченіемъ, съ-

Т. V. — Отд. V. 9

даетъ для нихъ болѣе, чѣмъ всякій другой губернаторъ, и отказались отъ своихъ возмутительныхъ замысловъ; Британскіе колонисты лахотили въ графъ Дургамъ обезпеченіе сохраненія мира въ провинціи, и считали, что онъ никогда не уронитъ достоинства губернатора и не согласится на значительныя уступки противной партіи. Но что же будетъ, спрашиваютъ теперь, если лордъ Дургамъ оставитъ колонию, когда онъ только что ее успокоилъ? Прежняя ненависть партій не возникнетъ ли снова, и еще въ большей степени? И гдѣ найдется человекъ, который рѣшится быть преемникомъ Лорда Дургамъ? На мѣсто его нужно будетъ послать военнаго диктатора съ арміею, и начать открытую войну. Въ журналахъ, одна партія приписываетъ другой вину такого затрудненія.

Лондонъ, 25-го Октября. Здѣсь распространился слухъ, что на послѣднемъ кораблѣ, прибывшемъ сюда изъ Квебека, уже привезены вещи и прислуга лорда Дургамъ. Изъ того заключили, что онъ твердо рѣшился немедленно отправиться въ Англію. Но въ министерскихъ газетахъ увѣряютъ, что прислуга графа Дургамъ, прибывшая сюда, состоитъ изъ людей, въ которыхъ онъ болѣе не нуждается, и которыхъ онъ отослалъ бы назадъ, если бы и не думалъ возвратиться въ Англію. Изъ сихъ журналовъ видно, что Министры не вѣрятъ, чтобы Лордъ Дургамъ внезапно пріѣхалъ назадъ и предоставилъ Канаду собственной ея участи. Однако же кабинетъ не считаетъ, чтобы графъ остался тамъ долѣе, чѣмъ нужно его преемнику, дабы приготовиться къ пути. Притомъ же онъ, вѣроятно, приведетъ къ окончанію самыхъ нужныхъ дѣлъ Британскихъ Сѣверо-Американскихъ провинцій.

— Волненія въ Ньюфоунлендѣ возбудили большія

опасенія въ купцахъ, торгующихъ съ сею колоніею. Ливерпульскіе купцы представили адресъ Министру Колоній. Они просятъ усилить во время число войскъ въ сей колоніи, дабы жизнь и достояніе членовъ охранительной и протестантской партіи могли найти защиту.—Пограничные споры между Соединенными Штатами и Великобританіею ни сколько не подвинулись впередъ. Распространенный въ Нью-Йоркѣ слухъ, будто бы Губернаторъ Менской Области рѣшился посѣтить и занять спорный пограничный округъ, кажется, не имѣетъ ни какого основанія, ибо на границѣ ничего о томъ не знали, и не сдѣлано было ни малѣйшаго шага, изъ котораго можно было заключить о такомъ намѣреніи Губернатора. Въ Boston Daily Advertiser пишутъ: «Послѣднія пренія въ Сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, на счетъ рѣшительныхъ представленій Губернатора Менской области, о пограничныхъ спорахъ, и донесеніе комитета, единодушно утвержденное Сенатомъ, поставили дѣло въ столь выгодное положеніе для Менской области, что дальнѣйшія мѣры правительства сей области сдѣлались бесполезными. Посль пріятія сего донесенія, Президенту Соединенныхъ Штатовъ остается только вести переговоры съ Великобританіею, такимъ образомъ, чтобы дѣло получило скорое окончаніе; онъ, кажется, не въ состояніи будетъ найти новыхъ извиненій въ неумѣстномъ отлагательствѣ. Изъ сего донесенія, жители Соединенныхъ Штатовъ и Великобританское Правительство могутъ ясно видѣть, съ какой точки зрѣнія разсматриваетъ Сенатъ спорный вопросъ. Правительство Менской области, достигнувъ сей цѣли, сдѣлало значительный шагъ къ окончанію дѣла. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, вѣроятно, сдѣлаетъ послѣдній шагъ.»

— Въ Техасскомъ журналѣ National Banner, издающемся въ Густонѣ, главномъ городѣ Техасской республики, увѣдомляютъ, что Англія заключила съ симъ новымъ государствомъ торговый договоръ. Техасскій флагъ будетъ принимаемъ въ гаваняхъ Англійскихъ, и обратно. Сей трактатъ почти замѣняетъ формальное признаніе независимости Техаса. Извѣстно, что Мексика все еще въ войнѣ съ Техасскою республикою, насильственно отторгнувшеюся отъ нея, и восторжествовавшею надъ нѣсколькими Мексиканскими арміями. Досель изъ Европейскихъ государствъ, одна только Англія признала независимость Техаса.

— Соединенными Штатами угрожаютъ жестокой битвы съ туземными дикарями. Полигика, наблюдаемая Соединенными Штатами въ отношеніи къ нимъ, возбудила въ нихъ ожесточеніе, которое можетъ имѣть неприятели послѣдствія. Во Флоридѣ въ особенности, дикари стараются усилиться заключеніемъ союзовъ между собою. Начальникъ тамошнихъ войскъ генералъ Гайнесъ принимаетъ рѣшительныя мѣры противъ ихъ замысловъ. Въ Missouri Republicain пишутъ слѣдующее: « Маіоръ Месонъ, изъ Портъ-Гибсона, прислалъ генералу Гайнесу важныя депеши, изъ коихъ видно, что Черокезы построили зданіе для своихъ собраний, превосходящее величиною все прежнія. Они отправили посланныхъ съ чернымъ и краснымъ вавпумомъ (поясъ изъ раковинъ) ко всемъ племенамъ, отъ Красной рѣки до Миссиссипи, и приглашаютъ всехъ, за исключеніемъ Кансасовъ и Осажей, прибыть, въ Сентябрь, въ совѣщательное зданіе. Въ дѣйствіяхъ своихъ были они чрезвычайно осторожны, и скрывали все отъ нашихъ агентовъ и чиновниковъ. Все собранныя свѣдѣнія подтверждаютъ мнѣніе, изъ-

вленное недавно генераломъ Арбукде, что многія дикія племена готовятся къ непріязни. Полагаютъ однакожь, что они ничего не предпримутъ до наступленія весны. Генералъ Гайнесъ отправилъ депеши Месона къ правительству, и просилъ позволенія присутствовать при совѣщаніи дикарей съ вооруженною силою. Это, конечно, самое дѣйствительное средство, воспрепятствовать составленію плана всеобщаго возстанія дикихъ.

Вотъ дальнѣйшія извѣстія: генералъ Гайнесъ вступилъ въ переписку съ губернаторомъ Тенесси, Каннономъ, на счетъ предполагаемыхъ непріязненныхъ намѣреній Черокезовъ и другихъ дикихъ племенъ, живущихъ по западной границѣ. Въ письмѣ отъ 8-го Августа, изъ своей главной квартиры въ Сепъ-Луи, онъ сообщаетъ свои предположенія о замыслахъ дикарей, и изъясняетъ опасенія на счетъ пагубныхъ послѣдствій, которымъ могутъ подвергнуться пограничныя поселенія, если мѣры, предложенныя имъ, не будутъ немедленно приняты. Генералъ Гайнесъ прибавляетъ, что онъ просилъ Военнаго Министра собрать 10,000 волонтеровъ въ обѣихъ большихъ военныхъ областяхъ, Кентуки и Тенесси, дабы съ сею силою наблюдать за совѣщаніями дикарей. Извѣстно, что Черокезы пригласили предводителей всехъ дикихъ племенъ, живущихъ по западной границѣ, собраться къ 11-му Сентября на совѣтъ. Полагали, что на семь совѣтъ дикіе хотятъ заключить между собою союзъ, дабы совершить одновременный ударъ на колоніи по Аркансасу и Миссури, отъ Красной Рѣки до Миссиссипи. Генералъ приписываетъ вооруженіе дикихъ интригамъ Мексиканскихъ агентовъ, которые старались, въ теченіе двухъ лѣтъ, соединить Техасскихъ и Аркансасскихъ Черокезовъ со всеми дикими племенами.

Если это имъ удастся, то силы дикарей, по мнѣнію генерала Гайнеса, будутъ простираться до 20,000 человекъ. Вся пограничная страна, отъ устья Сабинской рѣки до водопадовъ Св. Антоніа, владѣнія по Красной Рѣкѣ, богатыя хлопчатого бумагою, и нѣкоторыя изъ округовъ Луизианы, доставляющіе лучший сахаръ, будутъ въ ихъ рукахъ. Въ отвѣтъ своемъ, Губернаторъ Тенесси пишетъ, что онъ будетъ всеми силами содѣйствовать набору столькихъ волонтеровъ, сколько генералъ Гайнесъ потребуетъ.

— Въ Morning Chronicle напечатано слѣдующее письмо изъ Филадельфіи, отъ 7-го Сентября: «Западная и югозападная границы принимаютъ воинственный видъ. Хотя въ случаѣ непріятельскаго нападѣнія дикарей нельзя сомнѣваться на счетъ окончанія войны, но много будетъ пролито крови и много людей падутъ жертвами брани, которая откроется на новомъ театрѣ между дикими и бѣлыми. Мы надѣлились для выгоды человечества, что слухи преувеличены, и что жители Аркансаса и Миссури были напрасно потревожены. Однакоже, всѣ признаки, къ сожалѣнію, противорѣчатъ сей надеждѣ. Нѣсколько колонистовъ уже убиты съ своими семействами. Продажа водки между Индѣйцами и неблаго-разумное изгнаніе ихъ изъ земель Соединенныхъ Штатовъ, принудившее ихъ сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ, возбуждаютъ величайшія опасенія. Сверхъ того, Мексика подстрекаетъ дикихъ, которые и во Флоридѣ все еще не усмирены. 19-го числа, они напали на отрядъ, состоявшій изъ 17 человекъ, застрѣлили капрала, смертельно ранили двухъ солдатъ, захватили три повозки и убили пять мурловъ.

— Корреспондентъ журнала Morning Chronicle пишетъ еще отъ 13-го Сентября: «Наибольшее внима-

ніе возбуждаетъ теперь здѣсь непріязненное положеніе дикарей на югозападной границѣ. Переселеніе ихъ въ одинъ особенный округъ, уже въ самомъ началѣ считали очень опаснымъ. Можно было предвидѣть, что они станутъ собираться на совѣщанія, разсуждать о причиненной имъ несправедливости, и вѣроятно, откроютъ губительную войну, которая, отъ начала до конца, будетъ вѣдена съ невѣроятною жестокостію. Въ семь случаевъ, области Аркансасъ и Миссури и владѣнія Висконсинъ наиболее подвергнуты вторженіямъ неумолимаго врага, не щащаго ни возраста, ни пола. Конечно, тамъ находятся крѣпостцы, занятыя гарнизонами, но какую пользу могутъ онѣ принести на границѣ, простирающейся на тысячу слишкомъ Англійскихъ миль, и болѣею частью покрытой дремучими лѣсами, которые чрезвычайно способствуютъ тайнымъ набѣгамъ дикихъ?»

Въ Нью-Йоркѣ получено извѣстіе изъ Новаго Орлеана, что дикари сдѣлали изъ владѣній Соединенныхъ Штатовъ вторженіе въ Техасъ, и проникли на разстояніе 15-ти Англійскихъ миль отъ Накогодчеса. Генералъ Густонъ просилъ помощи у Свѣро-Американскаго генерала Тессупа.

Изъ Тампико, отъ 6-го Іюля, пишутъ слѣдующее: «Блокада Мексиканскихъ гаваней Французскаго эскадрю производится съ большою строгостію. Со времени отплытія судна Goldfinch ни одинъ корабль не могъ пробраться. Два Англійскія судна, Сара изъ Лондона и Перу изъ Ливерпуля, были оставлены Французскими кораблями. Вскорѣ начнутся сѣверныя вѣтры; тогда Французамъ нельзя будетъ содержать блокады съ такою строгостію, и вѣроятно, удастся нѣсколькимъ судамъ пройти въ гавани. Досель не препятствовали выгружать ртуть, необходимой для обработки рудниковъ. Начальникъ бло-

кадной эскадры хотѣлъ воспретить выгрузку, однакоже, принявъ во вниманіе представленіе г. Амбургама, что выгоды Британіи значительно отъ того потерпятъ, онъ согласился оставить все по старому, до полученія новыхъ инструкцій отъ своего Правительства. Въ Мексикѣ разнесся слухъ, что Правительство совершенно воспретить вывозъ различныхъ денегъ. Если Французы не позволятъ привозить ртуту, то неслѣдуетъ разрабатывать рудниковъ; между тѣмъ деньги, находившіяся въ Мексикѣ, едва достаточны для потребностей страны.

— Въ Вера-Крусѣ увѣрили, что Полковникъ Алмонто отправленъ въ Парижъ съ инструкціями къ тамошнему Мексиканскому посланнику, которому поручено окончить споры съ Франціею. Начальства Вера-Круса дѣятельно занимались обученіемъ гарнизона, значительно усиленнаго подкрѣпленіями изъ внутреннихъ провинцій. Въмѣстѣ съ Ярохами, или береговою милиціею, и волонтерами, гарнизонъ составляетъ нѣсколько тысячъ человекъ, снабженныхъ хорошимъ артиллерійскимъ паркомъ. Другой отрядъ стоитъ въ Халапѣ. Приготовлены 10,000 земляныхъ мѣшковъ для построенія брустверовъ и баррикадъ въ городѣ. Крѣпость Санъ-Жуанъ д'Уллоа снабжена провіантомъ на шесть мѣсяцевъ. Принасы, потреблемые въ теченіе мѣсяца, тотчасъ же замѣняются новыми.

Изъ Мексико, отъ 26 Юля, пишутъ слѣдующее: «Между Французами и Мексиканскими войсками, столицами въ Тухпамѣ, произошло кровопролитіе. Французы пытались сдѣлать въ гавани высадку, но были отбиты Мексиканцами, подъ командою генерала Коса. Первые, не имѣя силъ овладѣть грузомъ одного Мексиканскаго корабля, зажгли его, и тѣмъ чрезвычайно раздражили Мексиканцевъ. Сообщаемъ

извлеченіе изъ официальныхъ актовъ, касающихся до сихъ событій:

1) Дешпа генерала Коса, командира одной дивизіи Мексиканской дѣйствующей арміи, къ Военному Министру: «Тухпамѣ, 12-го Юля. 11-го числа, въ три часа по полудни, я получилъ извѣстіе, что одно Мексиканское судно, преслѣдуемое Французскимъ кораблемъ, претерпѣло у берега крушеніе, и что экипажъ спасся на берегъ. Я немедленно отправился къ берегу, въ сопровожденіи отряда волонтеровъ, и нашелъ, что Французы удалились, приказавъ спасать грузъ. На другое утро непріятельскія суда опять показались: одинъ катеръ подошелъ на сто шаговъ къ берегу, бригантина приблизилась на триста шаговъ, а четыре вооруженные катера на половину ружейнаго выстрѣла. Наши войска рѣшились препятствовать высадкѣ и подняли національный флагъ. Между тѣмъ выстрѣлила бригантина; ударило въ песокъ и осыпало имъ людей, подымавшихъ флагъ. Съ остальныхъ судовъ также открыли ружейный огонь по нашимъ войскамъ; мы немедленно отвѣчали, не смотря на то, что непріятель имѣлъ артиллерію. Непріятельскій огонь продолжался непрерывно три часа; наши же солдаты берегли патроны, однакоже мы не лишились ни одного человека, а непріятель потерялъ, въ нашихъ глазахъ, офицера и пять человекъ рядовыхъ. Потеря Французовъ была, вѣроятно, еще значительнѣе, потому, что они внезапно отступили. Это неважное сраженіе доказало, что Мексиканцы рѣшились не удовлетворять несправедливымъ требованіямъ непріятеля, и что Французская блокада имѣетъ мало вліянія на республику. Французы явно нарушили народное право, открывъ огонь и пытались сдѣлать непріятельскую высадку на нашъ берегъ, безъ предва-

рительнаго объявленія войны. Мартинъ Перфекто де Косъ »

2) Донесеніе Военнаго и Морскаго Министра Морана Министру Иностраннѣхъ Дѣлъ: «Мексико. 25-го Июля. Ваше Превосходительство! Комендантъ Таманлипаса пишетъ ко мнѣ, отъ 20-го Июля, слѣдующее: «Вчера, Французскій блокадный корабль сталъ преслѣдовать Мексиканское судно Санъ-Луисъ. Судно вошло въ Барра-Сегу, при Лагано-Секъ, въ пяти легахъ отсюда, и едва успѣло снасти грузъ, какъ Французскій корабль приблизился и зажегъ его. Поспѣшаю уведомить Ваше Превосходительство о семъ новомъ нападеніи блокадной эскадры, дабы вы донесли Президенту, и доставили мнѣ средства предупредить подобныя поступки. Моранъ.»

Вотъ донесеніе Французскаго начальника экспедиціи о семъ событіи: «*Рейдъ Сакрифисіосъ*, 25 Июля. Капитанъ бригга Eclipse, крейсирующаго передъ Туспаномъ, сообщилъ мнѣ, что 12 числа нын. мѣс. небольшой Мексиканскій купеческій гальотъ старался проникнуть въ гавань, но будучи имъ преслѣдуемъ, взялъ направленіе къ югу и сталъ на мель. Бригъ Eclipse, не имѣя возможности подойти къ гальоту, отправилъ противъ него свои шлюпки. Отрядъ Мексиканцевъ, скрывавшійся въ ближайшихъ кустарникахъ, открылъ прогивъ шлюпокъ сильный ружейный огонь. Бригъ Eclipse, не смотря на дальнее разстояніе, направилъ 28 выстрѣловъ на то мѣсто, гдѣ скрывались Мексиканцы. Двое изъ нашихъ матросовъ ранены, но не смертельно. Непріятельскій гальотъ, по мнѣнію Капитана, не можетъ уже быть спятъ съ мели.»

Въ письмахъ изъ Мексики, отъ 24-го Августа, уведомляютъ, что тамъ получено извѣстіе о прибытіи къ западному берегу, то есть, по Тихому Океа-

ну, Французской блокадной эскадры, состоящей изъ двухъ фрегатовъ и одного корвета. Въ одномъ частномъ письмѣ изъ Санъ-Луисъ де Потоси, отъ 15-го числа, подтверждаютъ сіе извѣстіе, и сообщаютъ, что всѣ суда стали предъ гаванями Санъ-Бласъ и Мацатланъ. Если такое извѣстіе справедливо, то оно доказываетъ, что не Вера-Крусъ будетъ мѣстомъ дѣйствія Французовъ.

— Въ Toulonnais сообщаютъ слѣдующія замѣчанія на счетъ Французскихъ силъ, которыя соберутся въ Мексиканскомъ Заливѣ, подъ командою контръ-адмирала Бодена: «Въ заливѣ уже прежде находились два фрегата, Герминія и Ифигенія, и семь бриговъ и малыхъ судовъ: Алкивиадъ, Затмѣніе, Дюнуа, Ла Перузъ, Дюпети-Туаръ, Вольтижеръ и Бодень. Сверхъ того, туда вѣроятно уже прибыли корветы Перлъ и Фортуна. Адмиралъ Бодень находится въ пути съ тремя фрегатами, однимъ корветомъ и однимъ бригомъ. Два бомбардирскія судна, одинъ бригъ (Зебра) и одинъ корветъ (Караванъ) отплыли, 11-го числа, изъ Тулона. За ними послѣдуютъ еще два бомбардирскія судна. Два парохода сопровождаютъ адмирала Бодена; два другіе вскорѣ отправятся изъ Бреста, съ бригомъ Виссонъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ эскадрѣ будутъ присоединены еще другія транспортныя суда. Такимъ образомъ, къ концу Октября мѣсяца, будутъ соединены 27 военныхъ судовъ для атаки Вера-Круса и Санъ-Жуанъ д'Уллоа.

— Адмиралъ Бодень, при отплытіи изъ Кадикса состоящей подъ его начальствомъ эскадры, отдалъ слѣдующій приказъ:

«Матросы и солдаты! Мы отправляемся въ Мексику. Уже нѣсколько лѣтъ наши соотечественники, посланшіеся въ сей странъ, подвергались различнымъ неудовольствіямъ и оскорб-

депюти. Франція требует за то удометворенія. Если мы не получимъ его, то приступимъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Приготовтесь къ войнѣ и битвамъ. Усугубите вашу дѣятельность, сохраняйте порядокъ и безпрекословно повиновитесь начальству — вотъ истинныя средства для одержанія победы. Во всемъ, чего требуетъ честь и достоинство Франціи, и полагаюсь на васъ, а вы можете положиться на меня. Подпись. *Боденгъ.*

— Черезъ Тулонъ получены письма отъ многихъ морскихъ офицеровъ, находящихся въ Мексиканскомъ заливѣ. Въ одномъ изъ нихъ, отправленномъ 30 Июля, съ корабля, стоящаго у береговъ Вера-Круса, между прочимъ сказано: «По прибытіи нашемъ сюда, мы съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтили, что умнѣе овладѣло экипажемъ блокадной эскадры. Корабли, наблюдающіе за Мексиканскими портами, дѣйствительно претерпѣваютъ недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ и правительство чрезвычайно медлитъ исполненіемъ неоднократныхъ требованій г. *Вазюша*. Экипажи платятъ дань климату, и съ сожалѣніемъ ждутъ той минуты, когда кораблямъ нашимъ нельзя будетъ долѣе оставаться близъ здѣшнихъ береговъ, столь опасныхъ въ осеннее время. Мексиканскій флотъ до сихъ поръ не выходилъ изъ портовъ, не смотря на то, что наши отдѣльные крейсера его мало беспокоятъ, и что ему можно было бы въ открытомъ морѣ захватывать наши купеческія суда, безъ всякаго препятствія со стороны блокадной эскадры. Непризнанныя дѣйствія, вѣроятно, откроятся нападеніемъ на С. Жуанъ д'Уллоа. Овладѣть сею крѣпостью вообще очень трудно; она можетъ оказать продолжительное сопротивленіе, и однажды въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ (съ 1832 по 1835 годъ) успѣшно защищалась противъ инсургентовъ. По видимому, лучше напасть

прежде всего на такое мѣсто, которымъ овладѣть легче. Впрочемъ, если намъ удастся занять Санъ Жуанъ д'Уллоа, то въ такомъ случаѣ Вера-Крузъ будетъ служить достаточнымъ залогомъ для Франціи. Мексиканцы чрезвычайно горды и легко предаются фанатизму; они, конечно, не уступятъ послѣ перваго пушечнаго выстрѣла. Торговля ихъ на твердой землѣ такъ незначительна, что блокада долго не можетъ нанести имъ существеннаго вреда, особенно, если она останется въ томъ положеніи, въ которомъ находится теперь. Для насъ необходимо кончить какъ можно скорѣе дѣло, и мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ прибытія новой эскадры.»

— Въ письмѣ изъ Буэнос-Айреса, отъ 24-го Июля, увѣдомляютъ, что хотя Французскій адмиралъ Лебланъ отказался отъ своихъ жалобъ на счетъ принужденія Французовъ къ милиціонной службѣ въ республикѣ, однакоже требуетъ, чтобы тамошнее Правительство торжественно освободило Французскихъ гражданъ отъ нел. Правительство Буэнос-Айреса отвѣчало ему, что честь и независимость страны не позволяютъ отмѣнять ея законы, но что ни сами Французы, ни достояніе ихъ никогда не будутъ притѣснены. Корреспондентъ прибавляетъ: «Я увѣренъ, что нынѣшній споръ окончится бы миролюбиво, если бы сюда прибылъ Французскій Посланникъ съ благими намѣреніями. Добромъ можно сдѣлать все съ здѣшнимъ народомъ. Правительство не имѣетъ въ казѣ ни копѣйки. Оно ведетъ войну съ Президентомъ Перу-Болівійскаго Союза, генераломъ Санта-Крусомъ, который имѣетъ въ своихъ рукахъ средства двухъ республикъ; оно ежедневно переноситъ потери, причиняемыя ему блокадою, которая лишаетъ его единствен-

наго дохода, таможенныхъ пошлинъ, и должно стра-
диться столь сильнаго государства, какъ Франція.
Но Правительство рѣшилось лучше терпѣть все, не-
жели согласиться на несправедливыя требованія.
Между тѣмъ агенты Санта-Круса въ Лондонѣ и въ
Парижѣ заботятся о его выгодахъ съ большою дѣ-
тельностью. У него есть деньги, и потому есть
друзья. Вскорѣ, можетъ быть, представится случай
узнать основательнѣе этого человѣка и его ин-
триги.»

— Доселѣ, блокада Буэносъ-Айреса возбуждала не-
сравненно менѣе вниманія, нежели блокада Мексикан-
скихъ гаваней. Кажется, однакожъ, что Французская
эскадра наблюдаетъ блокаду со всею строгостью и
причиняетъ значительный вредъ торговлѣ Аргентин-
ской республики. Жители сей страны чрезвычайно
раздражены на Французовъ, и Правительство прини-
маетъ самыя рѣшительныя мѣры къ оборонѣ. Но
если взять въ разсмотрѣніе настоящее положеніе
Буэносъ-Айреса, то можно заключить, что пригото-
вленія не могутъ возбудить опасеній въ смѣлыхъ
морякахъ. Республика уже находится въ войнѣ съ
Перу-Боливійскимъ Союзомъ, и сверхъ того разди-
рается внутренними смутами. Последнія достигли
такой степени, что двѣ Аргентинскія провинціи,
Сальта и Ингуи, просили президента Санта-Круса
принять ихъ въ союзъ, который онъ недавно соста-
вилъ между республиками Перу и Боливіею. Прось-
ба еще не принята, но Буэносъ-Айресъ, вступая не
во время въ новую, трудную борьбу, подвергается
опасности быть оставленнымъ своими союзниками.

— Извѣстія изъ Рио-Жанейра простираются до 11-
го Августа. Въ тамошнихъ официальныхъ газетахъ
увѣдомляли, что дѣла въ провинціи Рио-Гранде до
Сулъ приняли благоприятный оборотъ. Инсургенты

претерпѣли нѣсколько поражений. Однакоже пола-
гали, что пройдетъ еще три или четыре мѣсяца,
доколь возстаніе въ Рио-Гранде будетъ совершенно
подавлено. Но въ Филадельфіи получили извѣстіе,
что Бразильскіе генералы претерпѣли въ Рио-Гран-
де совершенное пораженіе, что правительственный
войска, состоявшія изъ 1800 человекъ, были разби-
ты республиканскими генералами Бенто Мантуземъ
и Нетто, до такой степени, что только 30 человекъ
спаслись, въ томъ числѣ три Бразильскіе генерала:
Барретто, Кунья и Кальдеронъ, и что инсургенты
пріобрѣли богатую добычу. Полагали, что власть
Бразиліи навсегда уничтожена въ Рио-Грандской про-
винціи. Барретто и Кунья призваны въ Рио-Жаней-
ро и отданы подъ судъ.

— Въ Times напечатаны письма изъ Пары, отъ
7-го Августа, изъ коихъ видно, что Французы, нѣ-
сколько мѣсяцевъ тому, внезапно заняли Мапу, близъ
Амазонской рѣки, и все болѣе и болѣе распростра-
няются въ Бразиліи. Вотъ отрывокъ изъ письма
одного Британца, живущаго въ Пары: «Французская
колонія въ Мапѣ процвѣтаетъ; она имѣетъ два па-
рохода, которые содержатъ постоянное сообщеніе съ
Кайенною. Каждый поселенецъ, кромѣ участка зем-
ли и необходимыхъ земледѣльческихъ орудій, полу-
чаетъ еще 30 долларовъ, и по 50 долларовъ за
каждую скотину, которую онъ приводитъ съ со-
бою. Для поощренія скотоводства и земледѣлія, уч-
реждены преміи. Должно сожалѣть, что наше Пра-
вительство столь мало заботится объ этомъ. Если
такъ продолжится, Французы вскорѣ будутъ обла-
дать лучшею частью одной изъ прекраснѣйшихъ
провинцій Бразиліи. Одинъ военный бригъ постоян-
но стоитъ на рѣкѣ.» — Въ Times прибавляютъ: «Та-
кое занятіе Бразильской земли произошло въ то

время, когда Франція и Бразилія находились въ совершенномъ мирѣ. Не было и тѣни предлога, исключая нѣкоторыя устарѣлыя притязанія, основанныя на ложномъ истолкованіи стараго договора, написаннаго въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Французы воспользовались тѣмъ мгновеніемъ, когда Бразильское Правительство сражалось съ инсургентами Бахія и Рио-Гранде, и когда Англія была занята дѣлами Канады и Востока. Они, точно такъ, какъ въ Мексикѣ, объявили преувеличенныя требованія на счетъ вознагражденія Французскихъ купцовъ, пострадавшихъ въ Парѣ отъ безпокойствъ, произведенныхъ дикарями. Не получивъ немедленнаго удовлетворенія, Французы заняли полосу Бразильской земли, простирающуюся по берегу на триста Англійскихъ миль. Внутреннее же расширеніе сего владѣнія совершенно зависить отъ нихъ; они могутъ проникнуть до самыхъ границъ Перу и Колумбіи. Провинція Пара чрезвычайно важна для вывоза Британскихъ мануфактурныхъ произведеній, ежегодно увеличивающагося. Производство сей выгодной торговли будетъ также остановлено занятіемъ Французами Бразильскихъ владѣній, какъ это случилось съ другими отраслями нашей торговли въ Алжирѣ и на Сенегалѣ. Военный бригъ, постоянно находящійся на Амазонской рѣкѣ близъ Мапы, доказываетъ, что Французы рѣшились удержать колонію за собою. Французская торговля претерпѣла незначительныя потери; между тѣмъ, нельзя исчислить вреда, причиняемаго сами блокадами торговль Англійской.»

Въ газетѣ *Despertador*, выходящей въ Рио-Лейро, отъ 9 Іюня напечатано: «Нѣкто *Жуанъ-Антоніо*, проживавшій въ окрестностяхъ Педро-Бонита, близъ Піанко, увѣрилъ невѣжественныхъ жителей округа, что не въ дальнемъ разстояніи находится очарованное

царство, и что приближается минута, въ которую оно будетъ разочаровано. Въ Ноябрь 1837 года отправился онъ въ Унгамунскіе лѣса, откуда и прислалъ *Жуана Перрейру*. Прибывъ въ Маѣ 1838 года въ Педро-Бониту, Перрейра провозгласилъ себя царемъ, и въ прокламаціи объявлялъ, что онъ разочаруетъ неизвѣстное царство, но что для разочарованія новаго царства нужно принести въ жертву нѣсколько человѣкъ. Многіе легковѣрные повѣрили ему и собрались около него. Каждому мужчине, послѣдовавшему за нимъ, далъ онъ по четыре женщины, себѣ же возлъ семерыхъ. За тѣмъ для разочарованія объявляемаго царства приступилъ къ принесенію жертвы, и въ теченіе трехъ дней погибло 42 человѣка, и именно 21 взрослый и 21 ребенокъ. *Жуанъ Перрейра*, въ самомъ началѣ своего жертвоприношенія, 17 Мая подвергся нападенію, и былъ убитъ однимъ изъ братьевъ *Жуана Антоніо*, по имени *Педро Антоніо*, который и провозгласилъ себя царемъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда жившій въ восьми миляхъ оттуда комиссаръ *Манозель Перрейра де Сильва* получилъ извѣстіе о сихъ происшествіяхъ. Собравъ небольшой отрядъ, онъ отправился къ кровавому позорищу, и тотчасъ по прибытіи туда напалъ на царя Педро и его приверженцовъ. Послѣ упорной битвы, въ которой съ обѣихъ сторонъ нѣсколько человѣкъ лишились жизни, онъ задержалъ двадцать трехъ послѣдователей *Педро*. Такъ кончилось это нелѣпное происшествіе.

Заключимъ извѣстія изъ Америки свидѣніями о войнѣ между Чили и Перу. Писали, что Чилійцы купили у Сѣверо-Американцевъ бригъ, снарядили свои три корабля, и экспедиція отправилась къ Лимѣ 10-го Іюля, изъ Вальпарайза, подъ начальствомъ генерала Бальнеса; что войско въ ней состоитъ изъ

Т. V. — Отд. V. 10½

6000, въ которомъ много волонтеровъ, и всѣ готовы сражаться; что для снаряженія экспедиціи Чилийское Правительство не сдѣлало никакихъ новыхъ налоговъ, и проч. — Перуанское Правительство объявило, что 20-го Августа оно вышлетъ къ Вальпарайзо свой флотъ. — Англійскіе журналы убѣждали Великобританское Правительство принудить Чилийцевъ къ миру, если они не соглашаются на умеренныя и справедливыя требованія протектора Перу-Болливійскаго Союза, ибо несогласіе Чили и Перу вредитъ торговлѣ Англичанъ. Отъ 12-го Юля, изъ Лимы пишутъ, что Англійскій адмиралъ Россъ, дѣйствительно, вступился въ дѣло; грозная война прекратилась и начались переговоры о мирѣ.

По послѣднимъ извѣстіямъ докторъ Франція живъ и здоровъ. — Иосифъ Бонапарте возвратился изъ Англіи въ Нью-Йоркъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Лордъ Каррингтонъ, перъ Великобританіи, умеръ въ Лондонѣ, на 86-мъ году. Титулъ его передать сыну, Джемсу Смиу.

Герцогиня Броль (Broglie), супруга пера Франціи, дочь гжи Сталь, скончалась въ замкѣ своемъ, въ департаментъ Эрскомъ. Изъ всѣхъ дѣтей г-жи Сталь остается теперь въ живыхъ только г-нъ Рокка, зять Сенскаго префекта, г-на Рамбуто.

Аршамбо, самый старшій изъ Французскихъ адвокатовъ, умеръ 24 Сентября, на 90 году. Онъ вступилъ въ сіе званіе въ 1774 году. Теперь старшинство принадлежитъ Берріе отцу, адвокату съ 1778 года, слѣдовательно, уже около *шестидесяти* лѣтъ занимающему сію должность.

Графъ Григорій Ивановичъ Ностицъ, гене-

ралъ-адъютантъ, ген.-лейтенантъ и кавалеръ, сконч. на теплыхъ водахъ въ Германіи.

Генералъ-лейтенантъ Базентъ, извѣстный заслугами своими по гидравлическимъ работамъ въ Россіи, сконч. въ Парижѣ, 29 Сентября.

Мойзеръ Мозеръ, ученый банкиръ Берлинскій, умеръ въ Берлинѣ, на 35 году, отъ рожденія.

Баронъ Наеланъ Адамъ Арнштеннъ, извѣстный Вѣнскій банкиръ, умеръ въ Вѣнѣ, на 91 году отъ рожденія.

Федоръ Федоровичъ Кокоскинъ, дѣйств. ст. сов., бывшій Директоръ Московскаго театра, переводчикъ Мольерова *Мизантропа*, извѣстный и другими литературными трудами, умеръ въ деревнѣ своей, въ Моск. губерніи, въ началѣ Сентября.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Речь Е. В. Короля Нидерландскаго, при открытіи засѣданій Генеральныхъ Штатовъ, Октября 15-го, 1838 года.

Благородные и почтенные господа! Приятно для моего отеческаго сердца, въ первый разъ, быть въ нашемъ торжественномъ собраніи съ возлюбленнымъ моимъ старшимъ внукомъ, Наслѣднымъ Принцемъ Оранскимъ. Онъ достигъ совершеннолѣтія, и я даровалъ ему право засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ. — Со времени вашего послѣдняго собранія, дружественныя мои сношенія съ иностранными Державами не измѣнились. — Я еще не получилъ отвѣта на объявленіе, сообщенное, прошедшею весною отъ моего имени уполномоченнымъ Австріи, Франціи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи, и предназначенное положить конецъ спо-

рамъ, возникшимъ послѣ Бельгійской инсurreкціи. Продолжаю надѣяться, что такое объявленіе, основанное на прежнихъ рѣшеніяхъ державъ и единогласно утвержденное Генеральными Штатами, произведетъ результатъ, согласный съ честью и истинными выгодами Нидерландскаго народа. — Договоры, заключенные въ прошедшемъ году съ Великобританіею и Франціею, соответствуютъ цѣли, которой мы желали достигнуть. Нынѣ начались переговоры для опредѣленія коммерческихъ сношеній Нидерландовъ съ владѣніями Германскаго таможеннаго союза. — Внутреннее управленіе отличается порядкомъ и правильностью. — Не смотря на продолжительную и весьма суровую зиму, повредившую нѣкоторымъ произведеніямъ земли, состояніе земледѣлія вообще удовлетворительно. — Въ главныхъ фабрикахъ господствуетъ чрезвычайная дѣятельность. — Значительные капиталы обращались въ судоходствѣ и торговлѣ; рыбныя ловли были обильны. — Я обращаю постоянно особенное вниманіе на народное обученіе, науки и искусства. — Способъ содержанія и леченія умалишенныхъ требуетъ измѣненій. Для исправленія его приняты надлежащія мѣры; надѣюсь, что онѣ принесутъ пользу. — Постановленія о тюрьмахъ улучшены. Нынѣ преступники совершенно раздѣлены между собою, по роду ихъ вины, полу и возрасту. — Вскрытіе рѣкъ весною угрожало бѣдствіями, однакоже не причинило значительныхъ потерь. — Продолженіе большихъ путей сообщенія не терается изъ вида. — Положеніе дѣлъ нашихъ колоній удовлетворительно. — Мой возлюбленный третій внукъ, который прежде посетилъ наши Восточныя Индскія колоніи, былъ принятъ потомъ Нидерландскою Индіею съ изъявленіемъ той привязанности, которая соединяетъ тамошнихъ жителей, такъ же какъ и жителей Ост-Индскихъ колоній, съ моимъ семействомъ и отечествомъ. — Новое образованіе сихъ странъ продолжаетъ соотвѣтствовать нашимъ ожиданіямъ. — Въ Суматрѣ, наша власть упрочилась взятіемъ Божолл. Индійская армія явила при семъ случаѣ новыя доказательства своей храбрости и неустрашимости. — Государственные расходы постоянно покрываются доходами. Цвѣтущее положеніе различныхъ отраслей народнаго благосостоянія упрочиваетъ правительственную уплату податей. — Государственный кредитъ поддерживается; распространеніе дѣйствій Нидерландскаго Банка, произве-

денное мною, придастъ новую жизнь кредиту и вообще торговлѣ. Бюджетные законы и назначеніе средствъ для покрытія государственныхъ расходовъ, требуемыхъ чрезвычайными обстоятельствами, будутъ главными предметами нашихъ совѣщаній. — Если и въ сей разъ нельзя будетъ уменьшить налоговъ, то я, по крайней мѣрѣ, радуюсь, что можно будетъ удовлетворить всѣмъ расходамъ, не налагая новыхъ тягостей на моихъ возлюбленныхъ подданныхъ, и что есть надежда облегчить со временемъ ихъ участь. — Желая, чтобы въ нынѣшнее собраніе можно было улучшить нашу монетную систему. — Мнѣ пріятно было видѣть, что постоянныя заботы мои и Генеральныхъ Штатовъ объ устройствѣ главныхъ частей законодательства и судебной власти увѣчались успѣхомъ. Законы и постановленія на счетъ всѣхъ сихъ предметовъ находятся въ полномъ дѣйствиіи, и я радуюсь, что успѣлъ ввести такія учрежденія, которыхъ важность оценена справедливо. Хотя нашъ трудъ еще не конченъ, но я надѣюсь издать въ скоромъ времени уголовные законы, сообразные съ нравами націи. Благородные и высокочинные господа! Чувство священнаго долга, лежащаго на насъ, нынѣ снова пробуждается. Вамъ предстоитъ случай доказать вновь ваше усердіе и благоразуміе. Полагаюсь на ваше содѣйствіе во всемъ, что можетъ способствовать благоденствію страны и народа. Да, благословитъ Всемогущій наши соединенныя усилія, и да подкрѣпитъ меня въ печали, которую причинила мнѣ ужасная потеря, понесенная мною по волѣ несповѣдимаго Промысла!»

II.

Письмо Лудовика Бонапарте къ Тургаускому Ландману, 22-го Сентября, 1838 года.

«Г. Ландманъ! При полученіи Сеймомъ ноты Герцога Монтескью, я рѣшился не исполнять требованія Французскаго правительства. Тѣмъ хотѣя я доказать, что возвращаюсь въ Швейцарію имѣю право оставаться въ сей странѣ и надѣяться на ея защиту и помощь. Швейцарія своимъ протестомъ и рѣшеніями, положенными тѣми Верховными Собраніями, которые до нынѣ собирались, доказала, что она готова принести величайшія жертвы для поддержанія своего

достоинства и своих правъ. Она, какъ независимая нація, исполнила свои обязанности; я знаю свой долгъ, и останусь вѣрнымъ тому, что предписываетъ мнѣ честь. Французское Правительство объявило, что отказъ Сейма исполнить его требованія повлечетъ за собою войну, и мнѣ не остается болѣе ничего дѣлать, какъ удалиться изъ страны, гдѣ присутствіе мое можетъ быть причиною многихъ бѣдствій, составляя предметъ несправедливыхъ требованій. Въ слѣдствіе того прошу васъ, г. Ландаманъ, объявить Сейму, что я немедленно оставлю Швейцарію по полученіи отъ посланниковъ иностранныхъ державъ паспортовъ, необходимыхъ для отъѣзда въ такое мѣсто, гдѣ могъ бы я найти безопасное убѣжище. Оставляя добровольно страну, въ которой нашелъ покровительство и защиту, оставляя мѣста, во многихъ отношеніяхъ для меня драгоценныя, надѣюсь доказать Швейцарцамъ, что я достоинъ ихъ уваженія и любви. Никогда не забуду благороднаго образа дѣйствія Кантоновъ, въ особенности же Тургаускаго, гдѣ я нашелъ дружескій приемъ. Надѣюсь, что разлука наша не будетъ вѣчною, и наступитъ день, въ который, не нарушая пользы обихъ странъ, мнѣ можно будетъ поселиться въ странѣ, которую почитаю своимъ вторымъ отечествомъ. Примите на себя трудъ выразить мою признательность Совѣтамъ, и будьте увѣрены, что одна только мысль избавить Швейцарію отъ безпокойства, уменьшить нѣсколько скорбь, которую я чувствую оставляя сію страну. Аренецбергъ, 22 Сентября. Подп. *Наполеонъ Лудовикъ Бонапартъ.*

III.

Nota семнадцати Швейцарскихъ кантоновъ Французскому Правительству, Октябръ 6-го 1838 года.

«Его Превосходительство Герцогъ Монтебелло, Посланникъ Е. В. Короля Французовъ, потребовалъ 1-го Августа отъ федеральныхъ начальствъ, чтобы Наполеонъ Лудовикъ Бонапартъ былъ удаленъ изъ Швейцарскихъ владѣній. Главные судьи и Государственный Совѣтъ Люцерна получили отъ Сейма повелѣніе отвѣчать слѣдующее: «Когда Большіе Совѣты кантоновъ приступили къ совѣщаніямъ, касательно требованія герцога Монтебелло, голоса ихъ раздѣлились на счетъ положенія Наполеона Лудовика Бонапартъ и его на-

ціональности, но они были все одинаковаго мнѣнія на счетъ того, что изгнаніе Швейцарскаго гражданина невозможно и противно независимости государства. Съ тѣхъ поръ, когда Наполеонъ Лудовикъ Бонапартъ объявилъ публично свое намереніе оставить Союзъ, съ тѣхъ поръ, когда федеральная директорія споспѣшествуетъ его отъѣзду, совѣщанія Сейма сдѣлались излишними. Швейцарія, вѣрная чувствамъ, которыя, въ теченіе вѣковъ связывали ее съ Франціею, не можетъ не объявить откровенно, сколь горестно была она поражена враждебными дѣйствіями Франціи, совершенными еще прежде, нежели Сеймъ успѣлъ собраться для окончательнаго разсмотрѣнія требованій герцога Монтебелло. Сеймъ желаетъ не менѣе Французскаго Правительства, чтобы подобнаго рода споры никогда болѣе не возобновлялись, и чтобы впредь ничто не нарушило дружбы двухъ странъ, связанныхъ между собою воспоминаніями и взаимными выгодами. Онъ предается надеждѣ, что вѣкоръ будутъ восстановлены и упрочены между Франціею и Швейцаріею прежнія дружественныя отношенія сосѣдей и старая привязанность.»

IV.

Письмо Французскаго Министра иностранныхъ дѣлъ къ Французскому Посланнику, представленное Сейму Швейцарскому 16 Октябръ, 1838 года.

Парижъ, 12-го Октября 1838 года. Г. Герцогъ! Графъ Рейгардъ вручилъ мнѣ, съ депешою вашею отъ 6 Октября, отвѣтъ Предсѣдателя Сейма на отношеніе ваше къ нему отъ 1 Августа. Правительство наше никогда не требовало отъ Швейцаріи, чтобы она изъ среды своей удалила кого либо изъ своихъ гражданъ. Франціи, подобно другимъ державамъ, уважаетъ независимость и достоинство своихъ сосѣдей, но въ то же время дорожитъ своею честью и спокойствіемъ. Швейцарія, мы надѣемся, не дозволитъ употребить во зло великодушнаго гостепримства тому, котораго странныя притязанія на Французскій престолъ достаточно доказываютъ, что Швейцарія не можетъ почитать его своимъ гражданиномъ. Правительство съ живѣйшимъ удовольствіемъ узнало, что Сеймъ, подобно Французскому Правительству, желаетъ, чтобы

неудовольствіа, подобныя пынѣшнимъ, болѣе не возобновлялись. Швейцарія, безъ сомнѣнія, знаетъ, чѣмъ Франція обязана въ отношеніи къ самой себѣ, если снова будетъ поставлена въ прежнее затруднительное положеніе. Что касается до движенія войскъ, возбужденныхъ удивленіемъ Сейма, то Правительство всегда полагало, что мѣра, предписанная вышегоразуміемъ, не можетъ имѣть характера непріязненнаго. Впрочемъ, для объясненія сей мѣры, Сейму надобно только припомнить собственное свое положеніе въ отношеніи Франціи, и рѣшенія, положенныя болѣею частью Верховныхъ Совѣтовъ. Нынѣ сіи обстоятельства измѣнились. Лудовикъ Бонапартъ оставляетъ Швейцарію, а потому и наблюдательному корпусу, расположенному на восточной границѣ, предписано возвратиться въ свои постоянныя квартиры. Король и правительство были тронуты словами, которыми заключаются отвѣтъ Швейцарскаго правительства. Франція, нынѣ, какъ и всегда, готова доказатьъ Швейцаріи, что она продолжаетъ питать къ ней прежнее дружеское расположеніе, и въ случаѣ нужды готова защищать ея независимость. Съ своей стороны Швейцарія, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на то, чтобы въ будущемъ времени были устранены всѣ причины къ неудовольствію и нарушенію тѣсной дружбы, столь полезной для обѣихъ странъ. Сообщите копію съ сей депешы Предсѣдателю Сейма. Примите увѣреніе, и проч. Подп. *Молл.*

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ, ВЪ 1693 И 1694 ГОДАХЪ.

(СХЕМАТА «Rusland en de Nederlanden» ч. II. стр. 94.)

Озера Перелазское и Псковское были слишкомъ тѣсны для удовлетворенія пристрастія Петрова къ судоплаванію. Сперва захотѣлось ему поѣздить на парусахъ по озеру Кубинскому (meer van Kubinski), которое было и обширнѣе и глубже двухъ первыхъ. Вскорѣ потомъ захотѣлъ онъ посмотреть открытаго моря. Ему непремѣнно вздумалось посѣтить Архангельскъ, гдѣ процвѣтала тогда въ высочайшей степени торговли Нидерландцевъ, не взирая на войну ихъ съ Франціею. Генеральные Штаты не только приобрѣли полную свободу плавать къ сему порту на корабляхъ своихъ, но и самое число кораблей значительно умножилось, равно какъ и число конвойныхъ судовъ, для охраненія ихъ отъ Французскихъ каперовъ.

Петру, конечно, были лично извѣстны и самые купцы, по какъ онъ не говорилъ по Англійски, то сношенія его съ Англичанами были менѣе значительны, и именно отъ того-то Голландцы удостоились неогрѣненной почести угощать Царя со всѣмъ Дворомъ его. Во время этого путешествія, Великій Князь (de Grootvoorst) избралъ мѣстопробываніемъ своимъ

* См. Res. Staaten van Holland, 20 Іюня 1690, и проч.:
T. V. — Отд. VI.

домъ Николааса Ромсвинкеля, бывшаго тогда начальникомъ стариннаго купеческаго дома (конторы) фанъ Рѣтцъ (Rutz) *.

Великій Князь приплыть былъ въ Архангельскъ съ изъясненіями живѣйшей радости; съ удовольствіемъ увидѣлъ онъ прибытіе послѣднихъ кораблей, любовался выгрузкою привезенныхъ товаровъ и мѣною ихъ на ярмаркѣ. Онъ осведомлялся обо всемъ съ величайшею точностію и принималъ видъ *настоющаго Голландца*. Переодѣвшись въ платье Голландскаго шкипера и выбравъ для себя Голландское имя, онъ ходилъ на биржу, и тамъ, заключалъ контракты съ купцами, фрахтовалъ суда для привоза суконъ на обмундировку своего полого войска **.

Векоръ потомъ заложенъ былъ киль *перваго*, искусственнымъ образомъ построенаго, купеческаго корабля. Для того палубы были два Голландскіе корабельные плотника, по корабль сошелъ со двачелней не прежде 1695 года. Тутъ Петръ учредилъ новый Россійскій флагъ, по образцу Голландскаго, перебивъ только порядокъ цвѣтовъ: вмѣсто краснаго, бѣлаго и синяго, онъ установилъ быть красному, синему и бѣлому. Потомъ велѣлъ исправить гавань, заложить нѣсколько укрѣпленій, и пр. ***.

Голландскихъ шкиперовъ посѣщала онъ преимущественно на ихъ корабляхъ, если они не упускали изъ виду того, что могло служить къ его удовольствію. Въ числѣ сихъ шкиперовъ находимъ мы имена двухъ Заандамскихъ уроженцовъ, *Яна Питерсоона Брура* и *Якова Эйсбранда* (Jacob Ijsbrands) ****.

Но для Царя показались недостаточнымъ развѣзжать вѣдь и впередъ по одной гавани и рѣкѣ. Онъ изъявилъ желаніе пуститься въ дальнѣйшій походъ. Черезъ нѣсколько времени

* Этого Николааса, или Николая Ромсвинкеля былъ правнукъ Николааса Ретца, о торговомъ домѣ котораго, подъ фирмою «Давида Ретца съ сыновьями», упоминается не однажды въ 4-й части нашей сочиненія. Портретъ сего знаменитаго купца, написанный славнымъ Рембрандтомъ, и теперь еще хранится у Г. Я. Ромсвинкеля въ Гаагѣ, съ присовокупленіемъ покойниной росписи, въ которой полнены разныя семейныя отношенія значительнѣйшихъ торговцевъ съ Москвою.

** Ф. Галемъ, I, 71.

*** I. Г. Рабенеръ «Leben Petri des Ersten und Grossen», и пр. Лейпцигъ, 1725, 8, 30.

**** Номенъ:

съѣлъ онъ на купленный имъ купеческій корабль, названный Петромъ, и въ слѣдъ за однимъ Голландскимъ военнымъ кораблемъ, подъ командою капитана *Юлле-Юлесса* (Jolle Jolles), сопровождаемый нѣсколькими Голландскими и Англійскими купеческими судами, отправился въ *Полоу* (Ponou), приморское мѣсто на Лапландскомъ берегу. И Ледовитое море (Jis-Zee) въ первый разъ еще шло на себя пореиороднаго Монарха *.

Походы сіи сопровождались иногда и опасностями. Однажды постигла его буря, приведшая въ ужасъ всѣхъ его спутниковъ. Всѣ они прибѣгнули къ молитвѣ; каждый изъ нихъ ждалъ послѣдней минуты своей въ морскихъ пучинахъ. Одинъ Петръ, безболзненно смотря на штурмана, не только поощрялъ его исполнять свой долгъ, но и показывалъ ему, какъ править судномъ. «Прочь отъ меня (Wijk van mij)!» вскрикнулъ петербургскій морякъ. «Я самъ знаю, какъ надо править, и знаю это лучше тебя!» — И подлинно, онъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа переправилъ корабль черезъ всѣ опасныя мѣста и провелъ его къ берегу сквозь гряды каменныхъ рифовъ. Тогда, бросаясь къ ногамъ Царя, онъ умолялъ простить его грубость. Петръ поднявъ штурмана, поцѣловалъ его въ чело и сказалъ: «Прощай тутъ нечего, а я долженъ еще тебѣ благодарностию, не только за спасеніе наше, но и за самый отвѣтъ.» Онъ подарилъ штурману, въ знакъ памяти, свое насквозь промокшее платье и назначилъ ему пенсію **.

— Это пребываніе въ Архангельскѣ, продолжавшееся около четырехъ мѣсяцевъ, такъ ему понравилось, что онъ обещалъ прѣхать туда и на слѣдующее лѣто ***.

— Родительница его скончалась въ Апрѣлѣ; всѣ полагали, что онъ, по случаю глубокаго траура, отложитъ свою поездку, но ничто не могло его къ тому принудить. Онъ находилъ величайшее удовольствіе, пишетъ *Фанъ Келлеръ*, въ обращеніи съ Голландскими купцами и шкиперами, въ осмотрѣ нашихъ судовъ, и нетерпѣливо ждалъ прибытія военнаго корабля, купленнаго имъ для службы своей въ Амстердамѣ, съ которымъ онъ ожидалъ онъ къ себѣ множества пріятныхъ ему вещей. Онъ отправился въ путь съ такою поспѣшностію, что въ Маѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Архангельскъ. Въ этотъ разъ приставала

* Ф. Галемъ, I, 71.

** Ф. Галемъ, I, 72.

*** Коксъ, III, 61, изъ Гордопова дневника.

Царь въ домъ у *Ювана Ленса* (Johan Lups), зажиточнаго купца, и какъ кажется намъ, паслѣдника дома *Кленк* (Klenck). Въ то время покупка кораблей доведена была до того, что онъ могъ уже выйти въ море съ нѣсколькими судами подъ Русскимъ флагомъ. Въ восторгъ сердца наименовалъ онъ *Андрѣя Феодора Ромодановскаго* (de Prins Feodor Romodanowski) адмираломъ флота, который предположено было построить.

Думать должно, что именно въ эту поѣздку Петръ познакомился съ Заандамскимъ уроженцомъ *Клаасомъ Виллемсзоономъ Мѣшемъ* (Claas Willemszoon Meesch). Однажды, приѣхавъ къ нему на корабль, онъ изъявилъ ему желаніе узнать къ чему служить постепенно каждый парусъ на купеческомъ суднѣ. Когда желаніе его было удовлетворено, онъ сказалъ шкиперу, что намѣренъ изучить весь этотъ распорядокъ, на тотъ конецъ, чтобы имѣть право сказать, не только въ отношеніи къ морской, но и къ сухопутной службѣ, что онъ самъ перешелъ черезъ все степени ихъ. Шкиперъ принялъ было сии рѣчи за шутку, но увидя, что онъ хочетъ исполнить намѣреніе свое на дѣлѣ, вывелъ противъ него нѣсколько опроверженій; ничто однакожъ не помогло.

Послѣ того шкиперу оставалось только сообразоваться съ волею Государя, который началъ службу свою съ званія *гонги* (zwabber), послѣдъ огонь и табачную конфорку (*турблунци*), потомъ исправлялъ должность *каютнаго сторожа* (sajuitwachter), паливалъ и подносилъ водку; вслѣдъ за симъ, будучи произведенъ въ *младше матросы* (jong-matros), исправлялъ должность свою съ менышимъ усердіемъ, по приказу капитана крѣпилъ веревки и распускалъ паруса. Мѣшъ дрожалъ отъ ужаса, при видѣ неустрашимости, съ какою Петръ вздвигалъ на мачту и спускался съ нея. Онъ не могъ нахвалиться ловкостью сего Государя во всѣхъ его занятіяхъ, и вошелъ потомъ въ особенную милость къ Царю, такъ, что онъ, приидя въ его вмѣстѣ съ штурманомъ въ свою службу, (его, или послѣднѣго, неизвѣстно) назначилъ шкиперомъ на *буеръ* (Boer-Jagt), который прилеженъ былъ *Якобомъ Эйз-*

* Нестезураной (Nestezuranoi), II, 185. Мовильонъ, Histoire de Pierre I, Амстердамъ, 1742, 82. Здѣсь разсказано это приключеніе послѣ поѣздки Петра (за границу?). Потомъ кончается все послѣдственнымъ разсказомъ о кончинѣ Мѣша.

брандсомъ изъ Заандама, во время послѣдней поѣздки Царя. Онъ до того любилъ Мѣша, что когда онъ, въ 1696 году, скончался, то Петръ, какъ ни воздерженъ былъ на выдачу денегъ, переслалъ однакожъ вдовѣ его подарокъ въ пятьсотъ гульденовъ.

ЗАМѢЧАНІЯ

на статью г. Кепена: *Списокъ извѣстныхъ кургановъ въ Россіи.*

Въ Сѣверной Пчелѣ, за прошедшій 1837-й годъ, съ удовольствіемъ прочиталъ и прекрасную статью г-на П. Кепена *Списокъ извѣстныхъ кургановъ въ Россіи*, но замѣтивши въ ней погрѣшности, болѣе или менѣе важныя, спѣшу указать ихъ автору, благонамѣренно и согласно съ собственнымъ его желаніемъ, чтобы другіе пополнили недостатки и исправляли погрѣшности его списка. Прежде считаю не лишнимъ изложить здѣсь нѣкоторые предварительныя понятія о курганахъ вообще.

Курганы, или могилы вообще, естественнымъ образомъ разделяются на *искусственныя*, или *рукозданныя*, и *самородныя* или *естественныя*; первымъ прилично также названіе *историческихъ*, потому, что они подлежатъ завѣдыванію Исторіи, или, говоря опредѣленнѣе, Археологіи, а вторымъ — *геологическимъ*, по принадлежности ихъ къ Геологіи, которая сверхъ того можетъ сдѣлать имъ нѣсколько частныхъ подраздѣленій, по разнымъ причинамъ ихъ образованія и внутренняго устройства, или содержанія, какъ равнымъ образомъ и Археологія можетъ дѣлить свои курганы на разные роды, и давать имъ разныя названія, сообразно съ ихъ исторіею, или преданіями, причинами происхожденія, употребленіемъ, и т. п.

Курганы самородныя, или *естественныя*, называются такъ потому, что существованіемъ своимъ они обязаны природѣ, образовались въ слѣдствіе разныхъ физическихъ перенороговъ земнаго шара, какъ то: землетрясеній, наводненій, волжаншескихъ изверженій, и т. п. Они, подобно горамъ, составляютъ

* См. письменныя замѣтки Корнелиса Михельсона *Калифа*, помѣщенныя въ карманной книжкѣ (Noomen).

предметъ Геологій, предметъ любопытный, плодоносный и изумительно новый въ области наукъ. Потому-то на этихъ курганахъ останавливались дальновидные взоры Палласа, Кювье, Гумбольдта, и сін великіе люди умѣли говорить съ безгласными насыпями земли, собирать въ бездушныхъ памятникахъ одушевленные факты, и читать въ нихъ плачущую исторію физическихъ бѣдствій первобытнаго юнаго міра.

Искусственные курганы, послъ на себѣ болѣе или менѣе ясные признаки человѣческой работы, суть ни что иное, какъ остатки погибшаго общенія, великолѣпные, безсмертные монументы смертнымъ героямъ, *вѣчная память* о какомъ нибудь славномъ происшествіи. И действительно, видъ нѣкоторыхъ кургановъ въ известное время года и дня поразителенъ. Желалъ бы я, въ прекрасный лѣтній день, при закатѣ солнца, подвести васъ, напр. къ Сауръ-могиламъ, и посмотреть, какое дѣйствіе произведетъ на васъ этотъ царь кургановъ. Помню тотъ вечеръ, когда проѣзжал мимо Саура, я остановился полюбоваться симъ грознымъ стражемъ необозримой степи. Вечерній полусумракъ покрывъ уже окрестность, но на высочомъ куполѣ могилы игралъ еще золотой лучъ солнца, и будто не съ охотою покидалъ царственную главу ея, увѣчанную тюльпанами и изумрудною зеленью. Такое зрѣлище удивительно! Такая картина выше всѣхъ созданий искусства, и смотря на нее, я забывался отъ полноты мыслей, отъ внезапнаго прилива чувствованій... Но оставилъ живописную сторону кургановъ нашимъ молодымъ поэтамъ, перейдемъ къ исторической, какъ самой важной, любопытной и полезнѣйшей.

Если не все, то, по крайней мѣрѣ, большая часть важнѣйшихъ кургановъ имѣтъ свои названія и свою исторію. Названія даются имъ по разнымъ причинамъ, какъ то: по виду, мѣстному положенію, внутреннему содержанію, а болѣе по имени того челоуѣка, прахъ коего поконется подѣ такимъ монументомъ. Мѣста знаменитыхъ сраженій, и другихъ какихъ нибудь политическихъ, или даже частныхъ происшествій, для сохраненія памяти объ нихъ въ отдаленномъ потомствѣ, означались также подобными памятниками. Впрочемъ, причины построенія кургановъ разнообразны и неисчислимы, а потому я ограничился только нѣкоторыми, главнѣйшими. Историкъ, или археологъ, долженъ обращать вниманіе на имена

кургановъ, потому, что не рѣдко названіе какого нибудь кургана, взятое просто, или подвергнутое этимологическому разложенію, даетъ богатый и многооткрывающій фактъ; но при оцѣнкѣ подобныхъ названій надобны тонкая разборчивость, свѣтлый критическій взглядъ и нѣсколько скептицизма.

Главнѣйшее богатство кургановъ заключается въ ихъ исторіи и въ существующихъ объ нихъ преданіяхъ; впрочемъ. кургановъ чисто-историческихъ, т. е. вошедшихъ въ составъ Исторіи Россіи, находится немного. Курганы на мѣстѣ Полтавской битвы, Рябал Могила, курганъ на берегу р. Капки, достопамятный несчастною битвою Русскихъ съ Татарами и т. д. — Вотъ нѣсколько безмолвныхъ свидѣтелей славныхъ событий, которыхъ достоверность неоспорима! Эти курганы — *живая запись Исторіи*, запись, которую читаемъ мы съ чувствомъ, съ благоговѣніемъ и съ безусловною вѣрою.

Напротивъ того, кургановъ, изобилующихъ преданіями, чрезвычайное множество, по Исторіи, который желалъ бы воспользоваться сими преданіями, долженъ имѣть тѣ же качества, какія необходимы при оцѣнкѣ названій кургановъ. Какой ужасно-прекрасный романъ создали бы романтическіе гени изъ громады преданій, существующихъ, напримѣръ, о курганѣ Стеньки Разина! Тамъ все элементы, все ужасы и шалости модной повѣйшей словесности: дикое, пустынное мѣсто, шайка разбойниковъ и атаманъ — типъ изверговъ, крейсерство по Волгѣ, пьянство и безумныя оргіи, пожары, разбои, кровь, и наконецъ — *au fond du tableau* — женщины свободныя и великія! Сколько чудныхъ матеріаловъ для романа въ одномъ курганѣ! Но Исторія не романъ и не Утопія. Преданія должны быть переправлены въ горниль критики и очищены отъ всѣхъ бредней и вымысловъ. У насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, не хотять, или не умють ими пользоваться. Историки считаютъ ихъ вздоромъ, цѣлностью, а писатели романовъ запяты своими курганами, Бальзакомъ, Жоржъ-Зандомъ, Мишель-Ремонемъ, и прочими заграничными великанами. О, еслибъ благое предпріятіе г. Кеппена обратило ученыхъ археологовъ къ труду полезному и занимательному! Тогда, безъ сомнѣній, *по горнилю складали* ученнаго изыскателя, пошли бы юные гени нашей Словесности, и, Богъ знаетъ, можетъ быть, явился бы новый родъ романовъ, прекрасныхъ, историческихъ, украсенныхъ всеми

цвѣтами поэзии народныхъ преданій. Сколько кургановъ знаю я съ историческимъ именемъ и славою, съ массою преданій разнообразныхъ, поэтическихъ, богатыхъ истиною и вымысломъ! Сии преданія, какъ будто вызываютъ человека, который бы облекъ ихъ въ форму Исторіи, романа, поэмы или повѣсти. Мнѣ известно болѣе 50-ти кургановъ, изъ которыхъ каждый могъ бы быть предметомъ прекраснаго сочиненія. Полобопытствуйте, напримеръ, спросить бородадаго Донскаго казака о Сауръ могилѣ * — и онъ съ удовольствіемъ, съ энтузіазмомъ расскажетъ вамъ своимъ національнымъ цвѣтущимъ парвчіемъ цѣлую эпопею событій Саурскихъ, событій интересно-историческихъ. Послѣ темныхъ аллегорическихъ преданій о герояхъ могилы и ея строителяхъ, онъ печувствительно доведетъ васъ до того историческаго времени, когда воинственные предки его содержали здѣсь границу отъ Татаръ, непрерывно ратовали съ ними, и проливали кровь *бу-сурманскую*, здѣсь, передъ лицомъ зеленаго Саура, недалеко отъ семействъ своихъ, подъ прекраснымъ небомъ родины, гдѣ вели жизнь рыцарскую, степовую, разгульную. Такихъ кургановъ, запечатанныхъ народными преданіями, есть много въ войскѣ Донскомъ, и — скажу словами г. Кеппена — собрание свѣдѣній, до нихъ относившихся, конечно, пригодилось бы для историковъ. Кто не согласится съ тѣмъ, а согласясь, кто не будетъ способствовать благородному намѣренію г. Кеппена, тѣмъ болѣе, что и само просвѣщенное Правительство наше (Министерство Внутреннихъ Дѣлъ) содѣйствуетъ такому намѣренію?

Послѣ преданій остается сказать еще нѣсколько словъ о наружномъ видѣ и внутреннемъ содержаніи кургановъ. — Наружный видъ необходимо долженъ быть определенъ при описаніи кургановъ, и Археологія можетъ извлечь изъ того большую пользу для Исторіи. Наружность кургана открываетъ наследователю, для какого употребленія онъ былъ предназначенъ, и часто, по видимымъ признакамъ человѣческаго труда, можно заключить, къ какому времени относится построй-

* Могила Сауръ находится въ предѣлахъ Земли Войска Донскаго, и я въ скоромъ времени сообщу, какъ о ней, такъ и о нѣкоторыхъ другихъ курганахъ, подробности и вѣрныя свѣдѣнія, если только С. Отецъ изъявитъ желаніе сдѣлать ихъ известными публикѣ. *Сок. — Желаніемъ и просимъ. Р. С. О.*

еніе кургана, а если онъ самородный, то былъ ли употребленъ людьми и для чего? не представлялъ ли онъ по мѣстному своему положенію стратегическихъ, или другихъ какихъ либо удобствъ? не былъ ли онъ сборнымъ пунктомъ, маякомъ, мѣстомъ условныхъ сигналовъ, и тому подобное? Въ сии подробности перѣдко многозначительныя, должны входить въ описаніе кургановъ. Нѣкоторые курганы устроены въ видѣ крѣпостей, съ батареями и шанцами, съ ретраншаментами и контръ-эскарпами, уродливость которыхъ доказываетъ, что строители ихъ были большіе невѣжды въ фортификаціи. Другія могилы, напротивъ того, безъ всякихъ укрѣпленій; только на вершинѣ ихъ, какъ геній хранитель давно-усопшаго, стоитъ каменный истуканъ грубой отдылки; эти истуканы, или идолы, называются обыкновенно *бабами*. Впрочемъ, къ описанію кургановъ не худо присовокупить изображенія ихъ, какъ сдѣлалъ это Кларкъ въ своихъ *Voyages en Russie, etc.*, при которыхъ находится изображеніе Могилы пяти братьевъ, на западной сторонѣ Дона.

Не менѣе наружнаго вида важно и внутреннее устройство, или содержаніе могилы, по которому, при знаніи Геологіи, или даже и безъ него, можно отличать курганы искусственныя отъ естественныхъ или самородныхъ. Качество земли, составляющей могилу, плотность, или рыхлость той земли, ровъ, или углубленіе при подошвѣ, или вблизи кургана, изъ которыхъ бралась земля для сооруженія его, кости человѣческія и разныхъ животныхъ, особенно лошадей, находимыя въ могилахъ, разное оружіе, металлическаго, или глинянаго покуда, и другая домашняя утварь, камни, монеты, и прочее — вотъ признаки человѣческой работы. Какой богатый даръ для Нумизматики отъ однихъ только монетъ, находимыхъ во внутренности кургановъ! Какая обильная жатва вообще для наукъ, и особенно для Исторіи, отъ описанія и вскрытія сихъ кургановъ, на которые до сихъ поръ мы смотримъ глазами холоднаго равнодушія. . .

Въ заключеніе замѣчу погрѣшности, найденныя мною въ спискѣ г. Кеппена. *Рябая Могила*. «Тутъ Петръ I, въ Іюнь 1711 года, съ войскомъ своимъ былъ окруженъ Турками, а въ Іюнь 1769 года, генераль Бауеръ обратилъ въ бѣгство значительный Турецкій корпусъ. Рябая Могила находится въ Бессарабіи, близъ впаденія р. Серета въ Прутъ, недале-

«ко отъ мѣстечка Формозъ, которое 18 Декабря 1833 года возведено на степень уѣзднаго города, и получило названіе «Кагула.» Вотъ слова г. Кеппена. Историческая знаменитость Рябой Могилы весьма известна, но описаніе мѣстоположенія ея, заимствованное изъ Отечественныхъ Записокъ г. Свиньина, удивительно невѣрно. Рябал Могилъ лежитъ на правой сторонѣ Прута, следовательно, не въ Бессарабіи, а въ княжествѣ Молдавіи, противъ Бессарабскаго селенія Паганенцы; рѣка же Сереть, слившись съ р. Бузею, впадаетъ не въ Прутъ, а въ Дунай близъ г. Галаць, принадлежащаго Княжеству Волошскому. Рябал Могилъ гораздо ближе къ городу Лео, нежели къ м. Формозамъ; отъ перваго она отстоитъ на 30, а отъ послѣдняго почти на 80 верстъ, отъ Скуляны (мѣстечко въ Бессарабіи) въ 90, и отъ столицы княжества Молдавскаго около 70 верстъ.

«*Замахинъ бугоръ*, самый большой изъ кургановъ, находящихся при Новогригорьевской станицѣ, на правой сторонѣ Дона. (Falk, 1, 78, Samachin Bugor.)» Курганъ, или бугоръ, при Новогригорьевской станицѣ, на лѣвомъ берегу Дона, называется не Замахинъ, а *Разрытый*, вѣроятно, потому, что былъ разрытъ, и найдены въ немъ девять жилищъ, или погребовъ, выложенныхъ кирпичемъ. Замахина же бугра, не только при Новогригорьевской станицѣ, но и во всей Области Войска Донскаго нѣтъ.

Г. Кеппенъ говоритъ, что онъ «желаетъ имѣть со временемъ сколько можно полный списокъ известнѣйшимъ курганамъ въ Россіи,» а при полнотѣ, Авторъ, безъ сомнѣнія, допускаетъ и вѣрности, качество гораздо превосходнѣйшее, нежели полнота. Но при всемъ моемъ уваженіи къ г. Кеппену, принесшему уже на алтарь науки прекрасную жертву (Библиографическіе Листы, Крымскій Сборникъ и другія ученые изслѣдованія), я не могу не замѣтить, добросовѣстно и благонамѣренно, что въ его списокъ вкралось нѣсколько ошибокъ. Не столько виню въ томъ Автора, сколько тѣ источники, которыми онъ пользовался, и хотя я увѣренъ, что онъ не имѣлъ подъ рукою лучшихъ, вѣрнѣйшихъ источниковъ, но предъ грознымъ судомъ критики это не оправданіе. За чѣмъ, скажетъ она, имѣть такое *абсолютное* довѣріе къ Кларку, Свиньину и Фальку? Кто не смѣлся, читалъ Voyages en Russie Кларка? Кто не знаетъ, сколько

ошибокъ и промаховъ вошло въ составъ Отечественныхъ Записокъ, въ которыхъ есть весьма много хорошаго? А Фалькъ? Это почтенный Нѣмецъ, который удивляетъ своею ученостію и аккуратностію, но смѣшитъ коверканіемъ Русскихъ названій. Зачѣмъ Авторъ не повѣрялъ картами сіи ненадежные источники, не справлялся съ собственными своими познаніями, не заглядывалъ въ Исторію и Географію? Почему бы не спросить самовидцевъ, или не потрудитъ собственные глаза для обзорнаго примѣчательнѣйшихъ памятниковъ, сихъ *живыхъ и ослзательныхъ фактовъ*? Вотъ вопросы, которые строгая критика сдѣлаетъ почтенному составителю списка известнѣйшимъ курганамъ въ Россіи, и я почелъ обязанностію напомнить ему о томъ, не желая укоризны и не требуя благодарности. Но еслибы въ послѣдствіи я могъ сказать, что въ этомъ спискѣ есть и моя частица, то это было бы высочайшимъ моимъ удовольствіемъ.

М. Скуляны, въ Бессарабіи.

ХОРУНЖІЙ ЦЫПЛАКОВЪ.

ПРОГУЛКА ИЗЪ ДЕРПТА ПО ЧУДСКОМУ ОЗЕРУ*.

Давно мнѣ хотѣлось посмотреть Чудское озеро и Русскія заселенія, разбросанныя по берегу; наконецъ я нашла удобный случай удовлетворить своему любопытству. Восемьго Сентября бываю въ Дерптѣ ярмарка, на которую съѣзжаются Чухомцы и приплываютъ лодки изъ Русскихъ деревень, лежащихъ по берегу Чудскаго озера. Русскіе привозятъ рыбу, лукъ, клюкву, иногда картофель и капусту, также глиняную

* Съ особеннымъ удовольствіемъ помещаю отрывокъ изъ новаго сочиненія почтенной сочинительницы *Записокъ и замѣчаній о Сибирѣ*, принятыхъ съ общою признательностію читающею и ученою публикою, мы просимъ продолжать передачу черезъ нашъ журналъ читателямъ воспоминаній и замѣтокъ, какія нибудь случаи гдѣ — а собрать въ послѣднее время, во время пребыванія въ Одессѣ, и теперь въ Дерптѣ. Ручаемся за вниманіе и признательность просвѣщенныхъ читателей. Р. С. О.

посуду, которую закупаютъ они во Псковѣ. Чухонцы пригоняютъ скотъ, привозятъ деревянную посуду, масло, янцы, куръ, цыплятъ, свиней, рожь, крупу. Ярмарка бываетъ одинъ день; на другой, закупивъ нужное, все разъѣзжаются; я условилась съ хозяйномъ одной лодки, и онъ за бездѣлицу согласился довезти меня до своей деревни, верстахъ въ тридцати отъ Дерпта.

Въ три часа послѣ обѣда мы поплыли; лодка нагружена была рожью и пустыми бочками изъ подъ рыбы. Насъ было шесть человекъ, хозяинъ лодки, товарищъ его съ сестрой, мальчикъ и двое пассажировъ, я и еще одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Вѣтеръ былъ противный; паруса поставить было нельзя; мы шли на гребль, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ танулись бичевой. Берега Эмбаха низки, довольно живописны; по обонимъ берегамъ рѣки часто встрѣчаются мызы, корчмы, мельницы; тамъ и сямъ разбросаны хижины Чухонцевъ; вдали виднѣсь лѣсъ. Отплывши около десяти верстъ, причалили къ берегу; я и мой спутникъ пили чай на мызѣ Кабель, а хозяйникъ лодки съ товарищами ужинали. Здѣсь еще положили нѣсколько мышковъ ржи и посадили женщину. «Пора въ путь!» говорилъ хозяинъ, и мы снова поплыли.

Начинало смеркаться; бичевою идти было нельзя; часто встрѣчались заливы, которые обходить было неудобно, а потому мы шли на гребль. Въ восемь часовъ, мы остановились у мызы Мексы; гребцы устали и имъ надобно было отдохнуть. Возлѣ пристани стояла корчма, по въ ней нельзя было и подумать объ почлѣгѣ; она была набита шародомъ, возвращавшимся съ ярмарки. Нѣсколько лодокъ стояло у берега; въ нихъ были все женщины; мужики ушли въ корчму, пили, пѣли, плясали, свистѣли соловьямъ, словомъ — разгулъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Ночь была темная. Мой спутникъ, молодой человекъ, легъ спать въ лодкѣ. Я не могла спать; мнѣ новѣ былъ такой почлѣгъ — на водѣ, подѣ яснымъ небомъ, усяяннымъ звездами, которыя отражались въ рѣкѣ. Мало по малу сѣверная сторона неба начала всплывать; подобное тому бываетъ въ Июль и Августѣ и называется заринцей. Но это было начало сѣвернаго сиянїя, которое продолжалось часа три и было довольно велико; столбы то появлялись, то исчезали, и наконецъ все слилось въ огромную огненную полосу. Казалось,

духи тмы спорили съ небомъ, ярлись, металсь на небо, по невидимая рука опрокидывала ихъ; въ безсильной злости, они падали, снова устремлялись на небо, краснѣли, багровѣли отъ ярости, и поглощаемые новымъ приливомъ свѣта, исчезали. Въ темную ночь, на водѣ, подѣ открытымъ небомъ, какое-то необыкновенное чувство западаетъ въ душу человека, и грусть и наслажденіе; кажется, больше чувствуешь временную жизнь на землѣ и призываетъ въ вѣчность.

Мало по малу шумъ стихалъ; все возвращалось къ своимъ лодкамъ; нѣкоторые поплыли, другіе легли спать. Въ два часа все ожило на лодкахъ. По Русскому обычаю, умылись, помолились Богу и пустились въ путь. Все прибрежные жители Чудскаго озера такъ привыкли къ водѣ, что для нихъ все равно день или ночь, но для меня это было необыкновенно. Еслибы взошла луна, все было бы веселѣе, а то кругомъ вода, темная ночь, и только звѣзды, какъ недремлющїе очи Божїи, отражались въ рѣкѣ. Тишина нарушаема была только всплесками воды отъ веселья и пѣніемъ пѣтуховъ въ деревняхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Но вотъ занялась заря, востокъ заалѣлъ, предметы стали явственнѣе. Когда мы приплыли къ озеру, солнце выкатилось на горизонтъ и осветило безпредѣльное пространство воды; отражался въ ней, оно играло, искрилось, и озеро блестяло, какъ исполненное зеркало.

Думала ли я, что черезъ тридцать пять лѣтъ опять буду переплывать большое озеро? Но тогда переезжала я Байкаль, а теперь Чудское. Чудское озеро въ старину называлось *Пейлузъ*; лежитъ между Псковскою, Санктпетербургскою и Лендландскою губерніями; принимаетъ рѣку Эмбахъ, текущую изъ озера Вирцъ, а изъ сѣверной его стороны вытекаетъ рѣка Нарова; къ югу же оно соединяется съ Псковскимъ озеромъ. Люблю я эту непостоянную стихїю, гдѣ легионы сѣдыхъ валовъ, убыльничихъ борьбою, гонятся одинъ за другимъ, стараются опередить другъ друга, и девятый валъ съ глухимъ ропотомъ бѣжитъ въ слѣдъ за ними. Вѣтеръ кричалъ. Поставили парусъ; волненїе было довольно сильное. Лодка наша ныряла по изрытому валами озеру, то подымалась, то опускалась; гребцы легли спать, а хозяйникъ лодки правилъ рулемъ.

Все спали. Одинъ кормчїй стоялъ у руля и пѣлъ какую-то пѣсню. Я любовалась окрестными видами. Съ лѣвой стороны виднѣсь въ далекъ отлогій берегъ, съ разбросанными селенїя-

ми; впереди, верстахъ въ двадцати, на выдавшемся мысѣ, называемомъ жителями Носъ, бѣглась церковь; съ правой горизонтъ сливался съ водою. Пройдяши версть десять, мы пристали въ селеніи Кольки, мѣсть жительства нашего хозяина. Озеро, саженей за двадцать отъ берега, немного глубже полуаршина, а потому надобно идти въ бродъ, какъ это дѣлаютъ жители, но я отказалась послѣдовать ихъ примѣру; услуживый хозяинъ прѣхалъ въ телѣги и перевезъ меня на берегъ. Озеро мало по малу отъсплетъ жителей все далье; старожилы запомнятъ еще, что гдѣ теперь вода, тамъ стояло селеніе. Вся селенія, лежащая по берегу Пейпуса, населены Русскими; почти вся переселенія ихъ изъ Россіи, думаю, относятся къ временамъ Алексія Михайловича и Петра I. Я старалась узнать отъ жителей: пѣтъ ли между ними преданій, когда они здѣсь поселились, но они сами ничего не знаютъ, а говорятъ: «отцы и дѣды наши здѣсь жили.» Давно не видала я такого чисто-Русскаго покольнія; они сохранили свой языкъ, свои обычаи, одежду; почти все великоросль, сильны, съ русыми волосами; у дѣтей же волосы точно лень; отъ дѣтальной жизни видно проворство во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Главный промыселъ жителей береговыхъ деревень рыбная ловля. Озеро неистощимый родникъ, откуда они получаютъ пищу, одежду и все нужное. Пейпусъ обилень рыбою; сига, щуки, лещи, ряпушка, ерши, окуни, караси ловятся всегда, а сѣтки только весной, въ Маѣ мѣсяцѣ; тогда они появляются въ такомъ множествѣ, что по словамъ рыбаковъ, на одинъ пень въ недѣлю перѣдко выручаютъ по 1000 рублей. Часть ихъ готовятъ на мѣстѣ, а остальное продаютъ прѣзжающимъ изъ Гдова, которые отвозятъ ихъ свѣжіе домою, потомъ сушатъ и пересыпаютъ солью. Сушеные караси и соленые окуни отвозятся всегда въ Псковъ. Ряпушка, любимая рыба Чухонъ, привозится во множествѣ въ Дерптъ; начная съ весны до осени, она составляетъ главную пищу жителей. Береговые жители Пейпуса все рыбаки, съ тою только разницею, что одни преимущественно занимаются ловлею, а другіе скунаютъ у нихъ, солятъ, сушатъ, или свѣжую развозятъ по разнымъ мѣстамъ. Также немаловажный торгъ ведутъ здѣшніе жители лукомъ, который они садятъ въ большомъ количествѣ, такъ, что иногда одно семейство выручаетъ

до 500 рублей; его развозятъ по Чухонскимъ деревнямъ и приплавливаютъ въ Дерптъ. Иногда продаютъ картофель и капусту, только очень мало; остальные же овощи садятъ для домашнего употребленія.

Почва пещаная и крупнаго лѣсу близко пѣтъ; годный для употребленія версть за пять отъ берега. Дичи довольно, но жители мало занимаются ловлею птицъ; тетерки, рябчики, утки, лебеди, журавли водятся около Пейпуса. Садовъ по недостатку земли не разводятъ, а дико-произрастающихъ ягодъ довольно, клюквы, брусники, голубицы, рябины. Изъ дворового скота держатъ коровъ и свиней, которыхъ есть въ каждомъ домѣ; лошадей не все имѣютъ; хлѣбопашествомъ никто не занимается; изъ дворовыхъ птицъ держатъ только гусей и куръ, и то немного. Свѣтъ въ небольшомъ количествѣ лень и конопля, а болѣе привозятъ изъ Пскова; пенька идетъ на сѣти и невода; въ каждомъ домѣ видны самопрядки и вездѣ вяжутъ сѣти; дѣвочки лѣтъ восьми уже занимаются этой работой. Деревни хорошо выстроены и совершенно въ Русскомъ вкусѣ; окна украшены рѣзьбой; ставни выкрашены, по большей части, красной краской; кровли покрыты тесомъ, или черепицей, меньшая часть соломою.

Въ первый день нашего прѣзда, мы прогуливались по берегу озера и по окружнымъ деревнямъ. На другой было воскресенье, и мы пошли въ Носову деревню, названіе свое получившую отъ мыса, на которомъ она выстроена и который жители называютъ Носъ. На мысѣ, омываемомъ волнами озера, выстроена каменная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и каменный домъ для священника и церковнослужителей. Службы въ тотъ день не было; священникъ уѣхалъ по дѣламъ въ Псковъ; мы просили позволенія осмотрѣть церковь, и нашли вездѣ чистоту и порядокъ, только ризница очень бѣдна и мало церковной утвари. Не имѣя времени долго оставаться, я не захотѣла быть въ другихъ деревняхъ, которыя видны изъ Носовой, Красныя Горы и Родчипа. Первая хорошо выстроена, сколько я могла судить издали; въ ней есть каменные дома, и говорить, всего болѣе ста дворовъ. Всѣхъ деревень двадцать восемь, а въ нихъ тысячъ двадцать жителей. Возвратившись въ Кольки, послѣ обѣда мы пошли смотрѣть хоробы; молодыя женщины и дѣвки, разрядившись, ходили съ пѣснями по улицѣ; мужчины, собравшись

группами, толковали о дѣлахъ; молодые парни, въ пилсовыхъ кафтанихъ, поглядывали на красавицъ съ русыми косами, украшенными разноцвѣтными лентами.

Радужный хозяинъ нашъ старался все выказать съ лучшей стороны, и говорилъ: «Еслибы вы прѣехали къ намъ зимой, когда народъ весь соберется, тутъ-то у насъ гулянье, а лѣтомъ половина *жухарей* въ разбродѣ.» Почти всѣ изъ жителей Русскихъ деревень, кромѣ рыбнаго промысла, ремесленники, маляры, каменщики, штукатуры, плотники; лѣтомъ расходится на работу, особливо изъ большихъ семействъ, а зимою собираются домой, ловить подледную рыбу, или торгуютъ по деревнямъ. Пріятно смотрѣть на ихъ жизнь, чуждую всѣхъ прихотей, которыя намъ, жителямъ городовъ, сдѣлались необходимы. Нашъ хозяинъ бѣдный человекъ; все его имущество состоитъ въ небольшой лѣзвѣ и лодкѣ, но онъ доволенъ своею участью и благодаритъ Бога. «Да, что мнѣ еще надобно? Я ни въ чемъ не вижу нужды; вотъ хоть бы въ теперешнюю повязку, мы съ товарищемъ раздѣлили по сороку рублей. Богъ дастъ, поѣду въ Псковъ, куплю пенки, муравьиной посуды; посуду отвезу въ Юрьевъ (*), а пенка, лишь бы была, чистой товаръ, барышекъ получимъ!» Такъ говорилъ этотъ добрый человекъ, отецъ четверыхъ дѣтей....

Всѣ звали насъ въ гости, стараясь подчивать всѣмъ, что только у нихъ есть. *Да, погости, родимый! Перехвати чего нибудь, золотой!* Въ первый день нашего прѣзда вытопили баню и просили пойти попариться, какъ водилось въ старину у Русскихъ. *Хоть бы вы недѣльку у насъ погостили!* говорили намъ многие.

Я спрашивала у мальчиковъ, знаютъ ли они сказки. «Да знаемъ», сказалъ одинъ изъ нихъ, «а вотъ кабы моя матушка, такъ она много знаетъ всякихъ сказокъ, о царяхъ, короляхъ, о Натальѣ Золотой Косѣ.»

Мы не могли оставаться долго въ Русскихъ деревняхъ, и наняли пару лошадей; извозчикъ нашъ былъ Чухонецъ. Отъ Носовой деревни до Дерпта считается сорокъ верстъ, но верстѣ нѣтъ и это невѣрно; водою же болѣе пятидесяти. Въ семь часовъ по утру, простившись съ добрыми нашими хозяевами, мы отправились, и въ пять часовъ по полудни были уже въ Дерптъ. Въ продолженіе нашего пути, извозчикъ нѣ-

* Простой народъ иначе не лязываетъ Дерпта.

сколько разъ останавливался кормить лошадей. Чухонцы кормятъ часто, но стоять недолго, не болѣе получаса. Лошади у нихъ небольшія, но сильныя и бѣгутъ хорошо; телги не такъ удобны, какъ у Русскихъ; съ трудомъ можно сдѣять двоимъ въ рядъ. Мы много пробѣжали Чухонскихъ селеній. Избы въ нихъ черныя, съ маленькими окнами, едва пропускающими дневной свѣтъ. Чухонцы довольно держатъ скота. Поля у нихъ хорошо обработаны, хотя почти невзрачно, какъ можетъ хорошо родиться хлѣбъ на такой каменной почвѣ.

Съ удовольствіемъ совершила я это маленькое путешествіе. Почтеннымъ изслѣдователямъ стариннаго Русскаго быта можно было бы много узнать любопытнаго между Русскими жителями береговъ Пейпуса. Я замѣтила много старинныхъ словъ. Также достойна похвалы простота въ жизни, чуждая всякихъ нововведеній и роскоши. Всѣ здѣсь здоровы, сильны, проворны, смѣлы; веселая беззаботность видна на лицахъ.

Заключу мое описаніе разскажемъ нѣкоторыхъ чертъ образа жизни. Когда мы прѣехали въ селеніе, при выгрузкѣ изъ лодки осталось нѣсколько мышковъ ржи и разныхъ вещей не выгруженными, потому, что хозяйка еще не прѣезжала съ ярмарки; двое сутокъ прошло, и все это оставалось въ лодкѣ. Я говорила своему хозяину, что могутъ украсть. «У насъ этого нѣтъ» отвѣчалъ онъ—«наши не тронуть. Что жь нейдутъ брать? Не самому же мнѣ развезти по домамъ, и за то спасибо, что привезъ.» Вотъ еще одна прекрасная черта: здѣсь есть обычай, при ловлѣ рыбы, послѣднюю тоню закидывать на сиротъ, и когда прѣдутъ съ лова, бѣдные собираются и дѣлятъ между собою свою часть. Я спрашивала у дѣтей знаютъ ли они молитвы? и они читали мнѣ: Отецъ нашъ, Богородице дѣво радуйся, и многія другія. Кто учить васъ? спрашивала я. «Отецъ, мать, дѣдушка», отвѣчали они. Вотъ нѣкоторыя слова, замѣченные мною: лодка здѣсь называютъ *ладья*, мачту *штъръ*, лещей *шаберъ*, мальчика *малицъ*, жителя *жухарь*, кушанье горячее *варка*.

— А. — А.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Важное извѣстіе астрономическое: маленькая *комета Энке* явилась въ назначенный срокъ, въ назначенномъ мѣстѣ; ее видѣли на Врерской обсерваторіи, съ 31-го Августа на 1-е Сентября. Известно, что это небесное свѣтло называется кометою Энке по имени знаменитаго астронома Берлинскаго, который первый опредѣлялъ, что она является намъ каждые три года. Въ послѣдній разъ была она видима въ 1835 году. Въ нынѣшній разъ приблизится она къ землѣ довольно близко — миллионъ на тридцать верстъ будетъ она отъ насъ 7-го Ноября и в.—Къ солнцу всего ближе подойдетъ она 19 Декабря, а мимо Меркурія пройдетъ только въ $2\frac{1}{2}$ миллионѣхъ верстъ. Замѣчательно, что нынѣшнее тѣненіе ея на видимомъ нами небѣ будетъ точно тоже, какое имѣла она въ 1795 году.

Въ копяхъ каменнаго угля близъ Шармруа, въ 1100 футахъ глубины, нашли остатки ископаемой пальмы; пень ея былъ въ 36 дюймовъ въ діаметрѣ, а корни шли далеко въ землю.

Буларъ, извѣстный 16-ти лѣтними наблюденіями своими надъ чумою на Востокѣ, произведшій 30,000 опытовъ надъ зараженными и болѣе 400 анатомическихъ вскрытій надъ умершими, рѣшительно утверждаетъ, что есть средства вѣрныя — лечить и вовсе искоренить чуму. Онъ намѣренъ предложить для этого собранію медиковъ изъ вѣхъ Европейскихъ государствъ, гдѣ изложить онъ все подробности своихъ обширныхъ и важныхъ соображеній.

Знаменитый академикъ нашъ, гвѣ Остроградскій и въ нынѣшнемъ году хочетъ пачать чтеніе публичныхъ лекцій. Онъ начнутъ съ 5-го Ноября, и будутъ продолжаться каждую субботу, по вечерамъ, съ $7\frac{1}{2}$ до 9 часовъ, до половины Апрѣля, въ Морскомъ Корпусѣ. Предметомъ ихъ будетъ приложеніе Анализа къ счисленію вѣроятностей. Здѣсь будетъ

мѣсто говорить о важнѣйшихъ практическихъ вопросахъ, рѣшаемыхъ анализомъ, какъ то: застрахованіяхъ, лоттерейхъ, играхъ, продолженіи человѣческой жизни, и проч. Желательно, чтобы кто нибудь изъ слушателей постарался передать бумагѣ краспорѣчивое изложеніе г-на Остроградскаго, какъ это сдѣлано было почтенными г-ми Бурачкомъ и Зеленымъ, и тѣмъ болѣе, что предметъ лекцій нынѣшняго года имѣеть гораздо болѣе общаго интереса, какъ приложеніе теоріи науки къ практикѣ жизни.

С. М. Усовъ уже началъ съ 6-го Октябра чтеніе курса Сельскаго Хозяйства, по препорученію Волыскаго Экономическаго Общества, еженедѣльно по четвергамъ, съ 7 часовъ, и будетъ продолжать его до Марта мѣсяца.

Въ Пюи де-Домъ, въ Арденскихъ Горахъ, на мѣстѣ некогда покрытомъ лѣсомъ, открыли слѣды Друидскихъ жертвоприношеній — слой угольевъ, горшки, стеклянные сосуды, остатки костей, и проч.

Въ Journal des Débats пишутъ: «Генералъ Куръ, Французскій уроженецъ, командующій артиллеріею въ Арміи Лагорскаго Султана Ренджитъ-Синга, и въ то же время усердный собиратель древностей, прислалъ въ подарокъ Королю Французовъ, съ однимъ купцомъ, возвратившимся во Францію, отъ 400 до 500 различныхъ древнихъ монетъ. Другой подарокъ, не менѣе любопытный, находится еще въ пути. При открытіи, по приказанію генерала Кура, одной гробницы, нашли въ ней бронзовый сосудъ, съ крышкою, вокругъ которой лежали семь монетъ. Внутри сосуда находился подобный же серебряный сосудъ, и вокругъ него семь монетъ Римскихъ Консуловъ и Императоровъ. Въ серебряномъ сосудѣ лежалъ золотой ларчикъ, величиною съ карманные часы, и въ немъ нѣсколько жемчужинъ и много малыхъ золотыхъ, очень хорошо сохранившихся, Бактрійскихъ монетъ. Все сіи вещи были погружены въ полужидкое тѣсто, напол-

нишее сосуды. Отъ прикосновенія воздуха оно очень скоро высыхало и твердѣло. Вся находка послана въ Парижъ, даже камень съ надписью, прикрывавшій гробницу.—Академія Написей составила донесеніе о собраніи монетъ. Въ числѣ ихъ находятся нѣкоторыя монеты Александра Великаго, Бактрійскія, Индо-Сквенскія, Индійскія, очень много монетъ Арзандовъ и Сассанидовъ, Римскихъ Консуловъ и Императоровъ, также Арабскихъ и Персидскихъ, время Магометанскихъ династій.»

Любопытно судить объ успѣхахъ собранія Германскихъ естествоиспытателей и врачей, по числу ежегодныхъ въ пять участниковъ. Въ 1822 г., было первое собраніе въ Лейпцигъ; оно состояло изъ 15 членовъ; въ 1823 г. въ Галль было 38 членовъ; въ 1824 г., въ Вирибургъ, 37 членовъ; въ 1825 г., во Франкфуртъ на Майнъ, 88; въ 1826 г., въ Дрезденъ, 115; въ 1827 г., въ Мюнхенъ, 156; въ 1828 г., въ Берлинъ, 458, въ томъ числѣ 195 Берлицовъ; въ 1829 г., въ Гейдельбергъ, 273; въ 1830 г., въ Гамбургъ, 412, въ томъ числѣ 154 изъ Гамбурга и 67 изъ Данин; въ 1832 (въ 1831 собранія въ Вьнѣ не было, по случаю холеры) въ Вьнѣ, 462, въ томъ числѣ 226 изъ Вьны; въ 1833 г., въ Бреславль, 273; въ 1834 г., въ Стутгартъ, 540, въ томъ числѣ 86 изъ самаго Стутгарта; въ 1835 г., въ Боннъ, 484; въ 1836 г., въ Лейп, 370; въ 1837 въ Прагъ 373, и въ 1838 г. въ Фрейбургъ 534. Въ Гамбургъ прибыло много ученыхъ изъ Данин и другихъ сѣверныхъ странъ; въ Боннъ изъ Франціи, Голландіи и Англии; Фрейбургъ очень удобенъ для соединенія съ Германскими учеными Французскихъ и Швейцарскихъ. Въ Фрейбургскомъ собраніи находилось нѣштъ Французскихъ ученыхъ 44 и Швейцарскихъ 72. Связи, заключаемыя такимъ образомъ между отличными людьми различныхъ націй, могутъ принести чрезвычайную пользу наукамъ.

Художественныя извѣстія.

Рауль-Рошетъ прислалъ, изъ Мальты, донесеніе о результатахъ своего кратковременнаго археологическаго пу-

тешествія. Онъ увѣдомляетъ, не только о семи барельефахъ, но и о множествѣ скульптурныхъ произведеній, найденныхъ имъ въ развалинахъ Ассоскаго храма и приобрѣтенныхъ для Франціи. По настоянію Рауль-Рошета, адмиралъ Галлуа отдалъ въ его распоряженіе военный бригъ Сюрпризъ. Онъ похвально въ Константинополѣ, и просилъ, чтобы все древности храма были предоставлены ему. Адмиралъ Руссеиъ полагалъ встрѣтить затрудненія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Константинополѣ обращаютъ большое вниманіе на просвѣщеніе, тамъ хотятъ также имѣть свои собранія рѣдкостей и музеевъ, какъ въ другихъ Европейскихъ городахъ, и начинаютъ цѣнить развалины, древнія надписи и изломанныя статуи. Вскорѣ новое образованіе Турковъ причинитъ усерднымъ Европейскимъ археологамъ болѣе огорченія, нежели прежнее ихъ варварство. Однакоже, Рауль-Рошету удалось, въ особенности чрезъ посредство Г. Кора, драгомана и секретаря Решидъ-Паши, получить султанскій фирманъ. На бригъ Сюрпризъ доставить въ Тулонъ, между прочими предметами, десять прекрасныхъ барельефовъ и одну дорическую капитель, необыкновенно хорошо сохранившуюся. — Въ домъ Французскаго консула Альби, въ Санторинъ, находится женская статуя, которая, по мнѣнію Рауль-Рошета, принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ памятникамъ древности, и, вѣроятно, была названа во времена процвѣтанія Греческихъ искусствъ, въ вѣкѣ Лизиппа и Скопаза. Статуя эта средней величины, и съ головы до ногъ одѣта покрываломъ; руки были обнажены, но, къ сожалѣнію, отломлены. Голова и покрывало остались неповрежденными, какъ будто бы только что вышли изъ рукъ ваятеля. Г. Альби охотно бы отдалъ статую Французскому Правительству, но Греческое Правительство не позволяетъ вывезти драгоцѣнности за границу.

Въ послѣднемъ № *Художественной Газеты*, почтенный Издатель ея сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ новостей: въ 16 день Апрѣля, Высочайше утверждѣнъ, оставленный г-мъ Демутемъ-Малиновскимъ, проектъ памятника Сушанину, который поставится въ Костромѣ; онъ представляетъ родъ высокаго терма, съ изображеніемъ Царя Михаила Феодорови-

ча, сверху, и при поджоги его представляется Сусаннѣ, молящая о спасеніи Царя. — Октября 31-го открыта въ С.-Петербургѣ новая Петро-Павловская Лютеранская церковь на Невскомъ проспектѣ. Въ ней надъ алтаремъ является новое, драгоценное созданіе Брюлова — *Распятіе*, несомненное доказательство гениальности этого великаго художника. — Наконецъ, повторимъ известіе о привозѣ изъ Москвы *Рафаэлевыхъ картоновъ*, уже навѣстныхъ любителямъ въ Москвѣ, по совершенной новости для Петербурга. Тутъ поводъ къ любопытнымъ вопросамъ и изслѣдованіямъ. Известно, что *картоны Рафаэля* находятся въ Англій. Но точно такіе же оказываются и въ Москвѣ. Происхожденіе ихъ несомнѣнно. Д. А. Лухмановъ, которому принадлежатъ они, приобрѣлъ ихъ отъ Графини Ягушинской, супругъ которой купилъ ихъ въ Италіи. Которые же *подлинники*? Откуда взялся *двойникъ* ихъ? Почтенный гнъ Лухмановъ предоставляетъ рѣшеніе Академіи Художествъ, г-дѣ они теперь и паходятся. Любопытно узнать рѣшеніе Академіи, и потомъ потолковать о дѣлѣ подробнѣе. Слава, если въ Россіи окажется такая же драгоценность, какою гордится Англія, стоитъ того, чтобы о предметѣ столь важномъ говорить обстоятельно.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

По изданному четверть-годичному отчету Англійскаго Банка, въ оборотахъ билетовъ умноженіе противъ прошлаго года составляетъ 184,000 ф. ст., и вкладовъ является больше прошлаго года на 90,000 ф. ст. — За всемъ тѣмъ, наличность монеты менѣе прошлаго года въ это время 131,000 ф. ст., что доказываетъ огромныя требованія наличныхъ суммъ для покупки товаровъ и разныхъ предпріятій.

Уменьшеніе пошлины на хлѣбъ, ввозимый въ Швецію, въ половину противъ тарифа, и продолженіе сей льготы до 1-го Января 1859 года, имѣли важныя слѣдствія на вывозъ хлѣба изъ Россіи въ Швецію. Въ 1836 г. всего вывезено въ Швецію на 2,300 рублей; въ 1837-мъ на 50,204, а въ нынѣшнемъ году, до 1-го Сентября, на 80,664 р. — Въ Норвегію

вывезено, въ 1837 г. на 402,965 р., а въ нынѣшнемъ году, по 1-е Сентября, на 441,489 рублей.

По желѣзной дорогѣ между Лондономъ и Бирмингемомъ, въ первый двѣ недели послѣ ея открытія, сборъ составилъ до 11,000 ф. ст. (275,000 рублей).

Россійско-Американская Компанія представила собранію акціонеровъ свои счеты, 24-го Сентября, по которымъ выходитъ, что за два прошлые года приходится на каждую акцію барышей по 120 рублей, которыя и выдаются акціонерамъ. — На Петербургской биржѣ цѣна акцій Компаніи (500 рублей) была Октября 7-го 850 рублей.

Новости по части пароходства: Сиріусъ совершилъ послѣднюю поѣздку изъ Кронштадта въ Лондонъ — въ *семь дней*. — Въ Лондонѣ получаютъ теперь известія изъ Дублина въ 24 часа. Лондонскія газеты отправляются въ 11 часовъ утра по желѣзной дорогѣ изъ Лондона въ Ливерпуль. Въ девять часовъ вечера ихъ перевозятъ, на пароходѣ, изъ Ливерпуля въ Дублинъ. Такимъ образомъ, въ 11 часовъ другога утра столица Ирландіи получаетъ Лондонскіе журналы. — Пишутъ изъ Гамбурга: Между компаніею Альбрехта, въ Гаврѣ, владѣющею пароходами Гавръ и Гамбургъ, которые содержатъ сообщеніе между сими двумя городами, и хозяевами парохода Тага, употребляемаго для той же цѣли, возникло соперничество, которымъ публика спѣшить пользоваться. Сначала платилъ за переездъ изъ Гавра въ Гамбургъ 150 фр. (въ томъ числѣ и за вину) на первомъ мѣстѣ. Компанія Альбрехта уменьшила сію плату до 25 фр. Хозяева Тага послѣдовали ея примѣру, и назначили за переездъ только 20 фр. — Смитъ, флотскій капитанъ, выставилъ въ Лондонѣ модель парохода со многими усовершенствованіями. Въ числѣ ихъ должно замѣтить особенно устройство верхней погрышки колесъ машины такимъ образомъ, что имъ придана форма лодокъ, и въ случаѣ пужды можно ихъ сплѣть и употребить для спасенія экипажа и пассажировъ. — Учреждается пароходъ для сообщенія по Мозелю и Рейну между Мецомъ, Тремомъ и Коб-

лепощь. Объ этомъ идутъ переговоры между Прусскими и Французскими спекулянтами. — Въ Америкѣ изданъ законъ насчетъ плаванія пароходовъ. По сему закону, пароходы должны быть осматриваемы ежегодно. Въ протоколѣ будетъ означено время построенія судна и вступленія его въ службу. Тѣмъ же закономъ постановляется осматривать каждые полгода паровые котлы, и составлять протоколы объ ихъ положеніи. Копія сего протокола будетъ прибита на каждомъ пароходѣ, и при томъ определено будетъ необходимое число опытныхъ истопниковъ. Въ случаѣ небрежности, хозлева и командиры парохода отвѣчаютъ за вредъ, причиненный нмуществу пассажировъ разрывомъ, или поврежденіемъ машины. Капитанъ, кормчій, истопникъ и другія лица, служація на пароходѣ, если небрежность ихъ причинила смерть пассажира, будутъ обвинены въ неумышленномъ убійствѣ, и приговорены къ десятилѣтней каторжной работѣ. Во всѣхъ жалобахъ на хозлеву, или командировъ пароходовъ, разрывъ котла, паденіе трубы, или вредное образованіе паровъ, будутъ считаться достаточными для обвиненія ихъ въ нерадѣвіи, доколь они не докажутъ противнаго.

Изъ *Маріуполя* сообщаютъ замѣчательное извѣстіе, что отправленный туда Новороссійскимъ и Бессарабскимъ Генералъ-Губернаторомъ Графомъ М. С. Воронцовымъ, для разысканія каменнаго угля, горный чиновникъ *Кулишинъ* открылъ богатый пластъ сего минерала, въ 80 верстахъ отъ *Маріуполя* и въ 180 отъ *Александровска*, въ окрестностяхъ деревни *Стилли*, въ балкѣ *Сухія-Яллы*. По представленнымъ образцамъ, уголь оказался совершенно годнымъ для употребленія на пароходахъ, и какъ доставка его, съ одной стороны до *Маріуполя*, къ портамъ *Азовскаго моря*, а съ другой по *Днѣпру*, до *Херсона* и *Одессы*, весьма удобна, то открытіе это можно считать весьма важнымъ.

Вотъ подробности, помѣщенные въ разныхъ Французскихъ газетахъ и журналахъ, касательно вновь возникшихъ споровъ, между колонистами и свеклосахарными заводчиками во Франціи. Передаемъ ихъ, не прибавляя замѣчаній, ибо дѣло еще не рѣшено:

Французскіе приморскіе торговые города настаиваютъ на уменьшеніе пошлинъ съ колониальнаго сахара. Гавръ, Нантъ, Бордо, Сень-Мало, Шербургъ, Дюнкирхенъ и нѣсколько малыхъ портовъ условились между собою и отправили въ Парижъ уполномоченныхъ, чтобы не давая Министерству покоя, доколь оно не удовлетворитъ ихъ требованіямъ. Къ нимъ присоединился также Марсель. Тамошняя торговая палата изъяснила, въ адресѣ отъ 11-го числа, одинаковое мнѣніе съ Гавромъ и Бордо. Въ Руанѣ происходило съ тою же цѣлью собраніе всѣхъ кушцовъ, фабрикантовъ, кораблехозяевъ и другихъ лицъ, коихъ выгоды связаны съ колониальною торговлею. Карлъ Дюонель представилъ прямо Королю записку, въ которой изложилъ необходимость принять, какъ можно скорѣе, самыя дѣйствительныя мѣры. Министры Коммерціи и Финансовъ, находясь въ столь стѣснительномъ положеніи, какъ говорятъ, объявили, что въ самомъ началѣ будущаго засѣданія Палаты, они предложатъ уменьшить пошлину на сахаръ двадцатью франками. Тѣмъ однакожь еще недовольны. По Французскимъ пошлиннымъ законамъ, Министръ имѣетъ право непосредственно издавать приказанія объ уменьшеніи пошлинъ, въ томъ случаѣ, если онъ найдетъ это сообразнымъ и необходимымъ, съ условіемъ представить въ слѣдующее засѣданіе Палаты проектъ закона на счетъ сего уменьшенія. Въ послѣдніе четыре года Правительство часто пользовалось такимъ правомъ, и именно при уменьшеніи пошлины на каменный уголь для южной и средней Франціи. Въ настоящемъ, крайнемъ случаѣ, нѣтъ причины выжидать открытія Палаты. Фабриканты свекловичнаго сахара съ своей стороны также оспиваютъ Правительство прошеніями. 30 Сентября происходило въ *Валансьеннѣ* многочисленное собраніе фабрикантовъ, на которомъ присутствовали также четыре депутата Сѣвернаго Департамента, Гг. Дюмонъ, Маршанъ, Тайландъ и Корпъ. Въ семъ засѣданіи было составлено и подписано слѣдующее прошеніе къ Министру Коммерціи: «Сахарные фабриканы *Валансьенскаго* и *Авенскаго* округовъ, справедливо озабоченные стѣсненнымъ положеніемъ ихъ промышленности, происходящимъ отъ ежедневно усиливающагося паденія цѣны на сахаръ, встревожены вновь усиленными и шумными притязаніями кораблехозяевъ и колонистовъ. Сии господа, стремясь къ единственной

цвн своей уронитъ нашу промышленность, приближи къ волямъ и нуму, оставивъ совершенно безъ вниманія значительныя выгоды, которыя отъ того поубытутъ. Но Палаты и Правительство обратили на сіи выгоды въ своихъ торжественныхъ совѣщаніяхъ вниманіе, котораго они заслуживаютъ, и производство свекловичнаго сахара заняло почетное мѣсто въ отечественной промышленности. Принималъ большее участіе въ положеніи сахарныхъ заводчиковъ въ колоніяхъ, нежели они въ насѣмъ, мы признаемъ, что постоянно увеличивающееся паденіе цвнъ на сахаръ можетъ возбудить въ нихъ справедливыя опасенія, но сіе паденіе цвнъ угрожаетъ намъ тѣмъ же несчастіемъ. Горестное положеніе, въ которое приведены наши фабрики недавно утвержденною таможенною пошлиною ясно показываетъ, что если Правительство согласится на просьбы колоній о пониженіи пошлины съ колоніальнаго сахара, то наша промышленность будетъ неминуемо уничтожена. Дѣло идетъ о существованіи отечественнаго производства сахара и всѣхъ выгодъ, которыя съ нимъ связаны. Мы увѣрены, что Правительство рѣшительно отвергнетъ просьбы кораблехозяевъ и колонистовъ.»

— Въ числѣ внутреннихъ и вѣнскихъ затрудненій, съ которыми Министерство должно бороться, вопросъ о сахарѣ не самый маловажный. Трудно придумать рѣшеніе, которое удовлетворило бы левъ партій. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ, многіе доказывали, что Франція не должна и не можетъ заниматься политикою, но что ей надлежитъ употреблять всѣ свои силы для вспоможенія, какими бы способами ни было, промышленному стремленію нашего времени. Вопросы о сахарѣ и о желѣзныхъ дорогахъ доказываютъ, что мнѣніе сіе основано на совершенно одностороннихъ понятіяхъ. Государственный человѣкъ долженъ видѣть далѣе купца, и обращать полное свое вниманіе на высшія политическія и государственныя дѣла именно тогда, когда господствуетъ стремленіе къ промышленной дѣятельности.

— Жители Французскихъ колоній, находящіеся въ Парижѣ, поднесли адресъ Королю, чрезъ Барона Карла Дюпона. По рѣзкимъ выраженіямъ адреса можно заключить, что обѣ противныя партіи очень раздражены теперь другъ на друга. «Французскіе граждане,» пишутъ колонисты въ адресѣ, «концы имуществъ находятся въ колоніяхъ, чувствуютъ необ-

ходимость обратиться къ Вашему Величеству и просить о справедливости. Противная партія, не имѣющая предъ Французскими колонистами никакихъ преимуществъ, дерзнула назвать обманчивыми жалобы колоніальныхъ законодательныхъ собраній, совѣта представителей и приморскихъ городовъ, къ несчастію, смѣшкомъ основательныхъ. Губернаторы вашихъ колоній, Государь, непосредственные представители Вашего Величества въ тѣхъ странахъ, соглашаются, въ своихъ официальныхъ донесеніяхъ въ томъ, что если колоніямъ не будетъ оказана немедленная и дѣйствительная помощь, онѣ погибнутъ. Чтобы ослабить участіе, возбуждаемое нашими жалобами, насъ обвиняютъ, что мы не разделяемъ съ другими нашихъ доходовъ, и не жертвуемъ своею кровью. Однакоже Ваше Величество можете видѣть изъ ежегодно представляемаго колоніальнаго бюджета, какія приношенія колоніальный совѣтъ возлагаетъ на каждую колонію, для покрытія расходовъ, дѣлаемыхъ казною Франціи. Если слушать нашихъ соперниковъ, досель столь много покровительствуемыхъ, можно подумать, что всѣ наши страданія суть мнимыя. Колоніальные совѣты, торговыя палаты гаваней и фабричныхъ городовъ и губернаторы колоній обманываютъ Ваше Величество, и колоніальные бюджеты, ежегодно представляемые намъ, вовсе не существуютъ. Сахарные заводчики осмѣлились сказать Вашему Величеству, что колонисты освобождены отъ всякой подати. Вамъ извѣстно, Государь, что 100,000 гражданъ вашихъ колоній покрываютъ ежегодный бюджетъ въ 7 милліоновъ; въ какомъ отношеніи находится такой налогъ къ налогамъ жителей Франціи? Что касается до огромнаго налога на колоніальный сахаръ, который притомъ очень понизился въ цвнѣ, то очевидно, что сіе бремя падаетъ не на потребителей, но что оно истребляетъ капиталы колонистовъ. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы не жертвуемъ кровью. Тяжкая несправедливость! Развѣ наша милліа не находится постоянно на лосниной ногѣ и не готова на службу Вашего Величества? При вторженіи непріятеля во владѣніи колоній, при нарушеніи общественаго порядка, или при неповиновеніи законамъ, милліа всегда была въ авангардъ Французской арміи. Значитъ ли это не проливать крови за Францію,» и проч.

— Въ Journal du Havre сообщаютъ адресъ, поднесен-

ный недавно Королю депутатами приморскихъ городовъ. Къ нему приложены двѣ записки, также представленные Его Величеству, изъ коихъ въ одной доказываются законность уменьшенія таможенныхъ пошлинъ, а въ другой разсматриваютъ выгоды непосредственнаго вывоза изъ колоній въ иностраннаго государства. Адресъ написанъ въ твердыхъ, но въ высшей степени почтительныхъ, выраженіяхъ, и не смотря на увѣренія *Journal du Commerce*, не заключаетъ въ себя ни слова о томъ, что всѣ члены торговыхъ палатъ рѣшились просить увольненія, если требованія ихъ не будутъ исполнены. Депутаты просятъ Короля уменьшить предварительно пошлину съ колоніальнаго сахара 20 франками на каждые 100 килограммовъ, доколь не будетъ установлено закона на счетъ равенства пошлинъ съ отечественнаго и вышлага сахара. Впрочемъ, въ упомянутыхъ документахъ нѣтъ ничего, заслуживающаго особенное вниманіе. Въ *Journal du Commerce* пишутъ: «Депутаты приморскихъ городовъ полагаются на милостивое принятіе ихъ представлений Королемъ и Министрами, и ждутъ вскорѣ уменьшенія таможенныхъ пошлинъ. Мы не хотимъ устрашать депутатовъ въ продолженіи ихъ стараній, но достоверно знаемъ и можемъ ихъ увѣрить, что Графъ Моле сказалъ на дняхъ: Если бы депутаты всего міра пріѣхали въ Парижъ и угрожали остаться тамъ всю свою жизнь, и тогда они не могли бы побудить его къ уменьшенію пошлинъ. Онъ можетъ только обѣщать, что Правительство представитъ Палатамъ проектъ закона, и что Министръ Коммерціи будетъ поддерживать сей законъ.»

Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ собрался Главный Коммерческій Совѣтъ (*Conseil supérieur de commerce*) и имѣлъ первое засѣданіе, въ которомъ присутствовали всѣ Министры. Предсѣдательствовалъ Министръ Торговли. Изъ членовъ находились: Гг. *Броли, Молльсигъ, де Фревилль, Ареу, Готье, Деказъ, Одье, Ж. Лефевръ, Ганнеронъ, Г. Перье, Асгранъ, Буагъ, Рондо, Вюстенбергъ, К. Дюпенъ, Вернъ, Асгранъ* (Оазск. Департ.), *Д. Венсенъ, Филью Сентъ-Илеръ, Грестеренъ* и *Дельеъ*. Относительно прошений, поступившихъ изъ колоній, приморскихъ городовъ и отъ сахарныхъ фабрикантовъ, Совѣту предложены были слѣдующіе вопросы: 1) Что было поводомъ, по изданіи Іюльскаго закона (1837 г.), шнѣзшаго неблаго-

приятнаго положенія дѣлъ? 2) Какія мѣры слѣдуетъ принять къ устраниенію его? 3) Можно ли ожидать благоприятныхъ послѣдствій отъ пониженія пошлинъ? 4) До какой степени должно ихъ уменьшить? 5) Какое вліяніе будетъ имѣть сіе пониженіе на сахарный тарифъ? 6) Полезно ли дозволить вывозить за границу сахаръ, остающійся отъ употребленія? 7) Слѣдуетъ ли просить правительство войти въ разсмотрѣніе вопроса, который недавно разрѣшенъ? 8) Не настоятъ ли необходимости приостановить дѣйствіе Іюльскаго закона? — Хотя засѣданіе продолжалось пять часовъ, однакожь Совѣтъ не положилъ рѣшенія ни по одному изъ сихъ вопросовъ, не имѣя нужныхъ для того свѣдѣній. Наконецъ рѣшено было допросить лично повѣренныхъ колоній и представителей туземныхъ сахарныхъ заводовъ.

СТАТИСТИКА И ГЕОГРАФІЯ.

Можетъ быть, многимъ неизвѣстно, что такое означаютъ у насъ подъ именами *консулціонныхъ* и *пропинаціонныхъ* сборовъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Первыми именемъ (*консулціонный*) называются пошлины съ убола скота (въ Бѣлостокѣ платятъ съ вола 10 р. 94½ к., съ коровы 8 р. 42 к., молодаго быка 4 р. 21 к., съ теленка 1 р. 5¼ к., съ козла, козы и козенка 67½ к., съ овцы, барана и ягненка 50½ к., съ свиньи, отъ пуда 84 к.), и съ выдѣлки напитковъ (въ Бѣлостокѣ платятъ съ гарнца двойнаго пива 8½ к., простаго 4¼ к., меду 16¾ к., съ водки, раздѣляя ее на шесть степеней, отъ 21-й до 84 коп.). *Пропинаціонный* сборъ значитъ пошлину съ продажи питей (въ Бѣлостокѣ платятъ съ гарнца двойнаго пива въ четыре кварты 8¼ коп., простаго 4¼ коп., съ водки, раздѣляя ее на 4 степени, отъ 67½ до 1 р. 89½ к., съ меду по 25 коп. — Оба рода пошлинъ были отданы на откупъ съ 1835-го по 1839 годъ за плату ежегодно 202,100 рублей.

Особенный откупъ составляетъ у насъ въ Екатеринбургской, Херсонской, Таврической, Подольской Губерніяхъ, и въ Бессарабской Области, такъ называемый *пошлинный сборъ*.

Со ввозимаго въ сѣи мѣста вина взимается по рублю, водокъ, спирта и паливокъ по два рубля; съ провозимыхъ черезъ сѣи мѣста, и съ выданныхъ и продаваемыхъ на мѣстѣ сборъ одинакій. Съ 1835-го по 1839 годъ, весь сѣи поплинный сборъ былъ отдаваемъ на откупъ за 1,975,000 рублей ежегодно.

Съ 1-го Января по 1-е Сентября текущаго года отпущено изъ Одессы за границу: Русскихъ произведеній на 19,471,479 р., въ томъ числѣ главныхъ статей: пшеницы 582,050½ четв. на 10,606,806 р., сѣмени львилаго 95,269½ четв. на 2,275,435 р., шерсти овечьей 34,333 п., на 2,042,700 р. и сала 125.305 п. на 1,465,170 руб. Привезено изъ-за границы иностранныхъ товаровъ на 13,331,379 р. Заграничныхъ судовъ прибыло въ теченіе сего времени къ Одесскому порту 494, а отошло за границу 463.

Октября 11-го, въ Лондонѣ, обнародованъ оффиціальныи отчетъ о государственныхъ доходахъ, за истекшіе три мѣсяца и за весь финансовый годъ. Изъ отчета видно, что доходы за означенное время значительно умножились противъ доходовъ 1837 года. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ замѣтно уменьшеніе, но въ общемъ итогѣ оказывается значительный перевѣсъ въ пользу 1838 года. По таможенному сбору за минувшую четверть года уменьшеніе было болѣе замѣтно въ доходѣ съ овощей. По акцизу горячіе напитки принесли въ теченіе года болѣе, а холодъь меньше, нежели прежде. Доходы со штемпеля и по нѣкоторымъ другимъ статьямъ умножились. Почтовый доходъ въ теченіе послѣдней четверти хотя и уменьшился, но за цѣлый годъ представляетъ значительное приращеніе. Весь доходъ за истекшую четверть года, которая оканчивается 10 Октября 1838, простирается до 12,349,075 фун. стерл., между тѣмъ, какъ доходъ той же четверти прошлаго года составляетъ только 11,693,165 ф. ст.; следовательно нынѣшняя четверть представляетъ перевѣсъ въ 655,910 ф. ст. Доходъ всего финансоваго года, который также оканчивается 10 Октября, простирается до 43,628,683 ф. ст. Доходъ же прошлаго финансоваго года составлялъ 42,887,638 ф. ст. такъ, что въ нынѣшнемъ оказывается 741,045 ф. ст. болѣе. Оппозиціонныя газеты находятъ результатъ неудовле-

творительнымъ, потому что умноженіе доходовъ по многимъ статьямъ произошло, какъ онѣ утверждаютъ, отъ мѣстныхъ и случайныхъ причинъ, которыя не доставили существенной пользы государству, и отнюдь не устранили печальныхъ слѣдствій торговаго кризиса 1837 г. отъ котораго доходы послѣдней прошлогодней четверти уменьшились на 1,187,000 ф. ст. Такъ, напримѣръ, нынѣшнее умноженіе доходовъ по акцизу означенныя газеты приписываютъ единственно коронаціи, а умноженіе доходовъ со штемпеля урочженію въ нынѣшнемъ году многихъ компаний на акціяхъ. Весь сѣи причины и обстоятельства онѣ называютъ случайными и ничего не доказывающими. Министерскія газеты отвѣчаютъ, что никто не хочетъ преувеличивать благоприятнаго результата встекшаго финансоваго года, но что онъ тѣмъ не менее доказываетъ действительное умноженіе доходовъ. Когда изъ отчета за предпослѣднюю четверть года, замѣчаютъ сѣи газеты, оказалось, что государственные доходы значительно уменьшились, то оппозиція ни о чемъ болѣе не говорила, какъ о печальныхъ предзнаменованіяхъ и о предстоящей гибели націи; теперь, когда доходы увеличились, онѣ равнымъ образомъ не видятъ въ томъ ничего утѣшительнаго. Такое противорѣчіе, можно объяснить только известнымъ пристрастіемъ оппозиціонной партіи.

Въ одномъ Англійскомъ журналѣ, сообщаютъ слѣдующіе статистическіе результаты, интересныя для всего человѣчества и полезныя въ политической экономіи: «Статистика браковъ въ Лондонѣ доказываетъ, что они способствуютъ долголѣтію. Замѣчено, что изъ стариковъ шестидесяти лѣтъ, находящихся въ живыхъ, приходится на 22 холостыхъ по 58 женатыхъ; между семидесятилѣтними стариками, на 11 холостыхъ приходится 37 женатыхъ; между восьмидесятилѣтними, на 3 холостыхъ 9 женатыхъ. Тоже отношеніе сохраняется между женщинами. Можетъ быть, раздѣленіе трудовъ житейскихъ укрѣпляетъ женатаго человѣка, между тѣмъ, какъ холостыиъ, одинокій на землѣ, выдерживаетъ все бремя одинъ. Сто лѣтъ тому, илтая часть Лондонскаго народонаселенія умрала отъ сухотки; то же и теперь. Въ 1740 г. четвертая часть всего числа дѣтей погибала отъ судорогъ; нынѣ умраетъ отъ сей болѣзни только однадцатая часть.

Горячки, причинявшія пятую часть смертности, составляютъ нынѣ одну двадцать первую, или одну двадцать восьмую часть, по воспаленію, прежде мало извѣстныхъ, значительно увеличилось; нынѣ они составляютъ десятую часть смертности. Оспа похищала десятую часть дѣтей; нынѣ же только одну двадцать пятую. До благотельнаго открытія доктора Дженнера и введенія коровьей оспы, ежегодно умирало 19,000 человекъ отъ сей болѣзни, или 95 съ тысячъ. Со времени учрежденія національнаго госпиталя для прививанія оспы, основаннаго въ 1829 г., ежегодно прививали оспу 23,532 дѣтлягъ, изъ коихъ менѣе трети находились у своихъ родителей. До введенія коровьей оспы, число умершихъ отъ оспы простиралось въ Лондонѣ, только съ 1750 и 1799 г., до 100,922 человекъ, то есть по 2,018 человекъ въ годъ, не считая ужасныхъ опустошеній, производимыхъ оспою въ окрестностяхъ. Прививаніе коровьей оспы введено во всей Европѣ, въ Азій, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Уже нѣсколько лѣтъ число насильственныхъ смертей очень увеличилось: съ 1680 по 1699 г., въ Лондонѣ произошло 236 самоубійствъ; съ 1720 по 1740 г., въ правленіе Георга I и Георга II, 484; съ 1820 по 1829 г., 381. Большая часть насильственныхъ смертей была въ Іюнѣ и въ Іюль мѣсяцахъ; меньшая часть между Августомъ и Ноябрьемъ мѣсяцами.»

Путешествія.

Лондонское Королевское Географическое Общество получило письма отъ Г. Грей и Люшингтона, которые, въ Октябрѣ прошедшаго года, отплыли съ Мыса Доброй Надежды къ сѣверозападнымъ берегамъ Новой Голландіи, откуда они намѣревались проникнуть во внутренность Австраліи. Г. Люшингтонъ пишетъ изъ Капштадта, отъ 30-го Іюня, что путешествіе ихъ не имѣло успѣха, и что онъ хочетъ возвратиться какъ можно скорѣе домой. Онъ сообщаетъ, что г. Грей находится въ Портъ-Луи и имѣетъ то же намѣреніе. Письмо же г. Грей, изъ Портъ-Луи, отъ 3-го Іюля, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности объ экспедиціи. Путешественники, вскорѣ послѣ своей высадки, принуждены были бороться съ непріязнью туземныхъ жителей, и не мог-

ли проникнуть далѣе семидесяти Англійскихъ миль во внутренность земли. Г. Грей былъ тяжело раненъ, что заставило его воротиться. Больше тридцати туземцевъ окружили его и двухъ спутниковъ, которыхъ онъ имѣлъ при себѣ. Уже будучи раненъ, г. Грей, для собственной защиты, выстрѣлилъ въ предводителя дикихъ, и когда сей послѣдній упалъ, дикіе перестали нападать на его спутниковъ. Путешественники наняли берегъ, на двадцать Англійскихъ миль внутрь земли, пустыннымъ и совершенно бесплоднымъ. Но потомъ картина измѣнилась; плодородная почва была покрыта роскошною зеленою, по которой извивалась рѣка, въ двадцать локтей шириною. Путешественники пробыли въ Австраліи пять мѣсяцовъ, и оставили тамъ разныхъ домашнихъ жившихъ и полезныхъ растений; между прочимъ посадили хлѣбное дерево, которое пришло очень хорошо. Крайній пунктъ, достигнутый ими изъ Ганноверъ-Белъ, гдѣ они вышли на берегъ, лежалъ подлѣ 15° 36' южной широты. Не смотря на показаніе своего товарища, г. Грей говоритъ, что онъ рѣшился предпринять новую экспедицію, по что, въ такомъ случаѣ, онъ пристанетъ къ берегу далѣе къ югу.

Зрѣлища и музыка.

Любопытное явленіе на сценѣ Петербургскаго Пѣмецкаго театра — представленіе Шиллеровой *Мессинской Песни*, о которомъ стоитъ поговорить подробно. — На Большомъ театрѣ ставить, или говорятъ технически, монтируютъ, новый балетъ *Хитана*, гдѣ главную роль будетъ занимать Тальони, или лучше сказать, все-будетъ соединено, чтобы ей доставить новое торжество. — Говорятъ, будто на сценѣ Александринскаго театра явится Шекспировъ *Корюланъ*. — Въ Парижѣ главный предметъ вниманія новая опера: *Бисвенуто-Челлини*, музыка Берлиу. Содержаніе оперы взято изъ извѣстной повѣсти Гофмана, *Синьоръ Форника*. Но никогда еще голоса знатоковъ не дѣлились на двѣ столь рѣзкія противоположности. Одни везвозносятъ новую оперу до небесъ; другіе не находятъ въ ней ничего, кромѣ желанія отличиться странностью. — Еще новость: злые люди собрались толпой, и рѣшились осматривать знаменитую соперницу Тальони, Фаут-Т. V. — Отд. VI.

пи Эльсперъ, въ балетъ *Дюва Душя*, поставленномъ на Марижской сценѣ. Но злое предпріятіе послужило къ торжеству ея — всл публичка, въ ложахъ и креслахъ единодушно встала, и громъ рукоплесканій уничтожилъ дерзкихъ свистуновъ.

Въ Лондонѣ издали собраніе народныхъ пѣсень и плясокъ. Вотъ что пишутъ Англійскіе Журналы: «Здѣсь вышло въ свѣтъ собраніе Англійскихъ народныхъ мелодій, изданное г. Шампелемъ. Издатель говоритъ въ предисловіи, что онъ хочетъ опровергнуть всеобщее заблужденіе, будто Англія не имѣетъ національной музыки. Между тѣмъ, собраніе состоитъ только изъ шестидесяти пѣсень и танцевъ. Это число, совершенно незначительное въ сравненіи съ множествомъ Шотландскихъ и Ирландскихъ народныхъ пѣсень, докажетъ напротивъ того, что заблужденіе не столь неосновательно, какъ полагаетъ г. Шампель. Англійскія народныя мелодіи не могутъ также сравниться съ Шотландскими и Ирландскими своею пріятностію. Лучшимъ доказательствомъ тому, что пѣніе и музыка не столько свойственны Англіи, какъ двумъ соседнимъ странамъ, можетъ служить обстоятельство, что Шотландскія и Ирландскія мелодіи доселѣ еще живутъ въ устахъ каждаго изъ жителей сихъ странъ; онѣ вездѣ раздаются, на поляхъ и на улицахъ, въ палатахъ вельможъ и въ хижинахъ поселенна, чего въ Англіи нѣтъ. Тамъ, народъ столь же знакомъ съ своими мелодіями, какъ съ словами своего языка; съ ними сопряжены его старыя, пріятнѣйшія воспоминанія; здѣсь народъ поетъ пѣсни въ честь вина, или юмористическія баллады, только въ минуты необузданнаго веселья. Глубокое чувство и страсти Шотландскихъ и Ирландскихъ пѣсень, вовсе чужды Англійскимъ.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ Бордо отъ 7-го Октября пишутъ слѣдующее: «Уже нѣсколько лѣтъ не имѣли мы такой благопріятной погоды для собранія винограда, какъ нынѣ. Всѣ спѣшатъ воспользоваться красными днями, и владѣльцы виноградниковъ падаютъ, что доброта вина 1858 года вознаградитъ ихъ за потерю въ

количество.» — Известія о качествахъ вина изъ другихъ мѣстъ напротивъ весьма неблагопріятны. Въ газ. *Charentais*, отъ 6 Октября напечатано: «Въ большей части Франціи уже приступили къ собранію винограда; въ Туренѣ и въ Орлеанѣ занимаются имъ весьма усердно; на берегахъ Шаранты собраніе винограда начнется въ будущій понедѣльникъ. Если прекрасная погода, которую мы теперь пользуемся, установится на нѣкоторое время, то хозяева виноградниковъ хорошо сдѣлаютъ, если обождутъ еще нѣсколько дней. Отъ сильнаго выжиманія, вино обыкновенно получаетъ кислый вкусъ, а нынѣшній виноградъ, не смотря на позднее время года, еще очень твердъ. Вина Сомюра, Божанси и Орлеана, которыя продаются въ Парижѣ, въ нынѣшнемъ году такъ дурны, что потребители, вѣроятно, станутъ запасаться въ другихъ мѣстахъ. По сей причинѣ мы должны стараться о добротѣ нашихъ произведеній. Отъ бывшихъ винъ нельзя ожидать значительнаго дохода. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ готовится коньякъ и дѣлается шампанское, винограду уродилось въ четверо менше обыкновеннаго.»

Неподалеку отъ города Бургъ Сентъ-Андреоль (въ Арденскомъ департаментѣ) открыли недавно весьма пространное и необыкновенно красивое подземелье, состоящее изъ множества гротовъ. Оно находится въ С. Марсельскомъ приходѣ, на берегу рѣки Арденн. Описать его съ точностію покуда невозможно, но довольно сказать, что въ цѣлой Франціи, можетъ быть, нѣтъ другаго подобнаго подземелья. Въ немъ находятся залы и галереи, длиною отъ 2 до 300 метровъ; чтобы пройти ихъ все съ факеломъ въ рукахъ нужно 6, или 7 часовъ времени. Прекраснѣйшій известковый шпатель представляется глазамъ въ самыхъ различныхъ формахъ: здѣсь въ видѣ каскада, или исполинскаго монолита, ослѣпительной бѣлизны; тамъ въ видѣ огромныхъ и высокыхъ столбовъ; да еще являютъ картины, занавѣсы, балдахны самой изысканной работы; вездѣ встрѣчаются капельники самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, представляющіе чудесныя, фантастическія фигуры. Послѣднія нерѣдко поражаютъ зрителя своимъ симметрическимъ расположеніемъ. Со времени открытія сихъ гротовъ, т. е. съ Сентября мѣсяца, ихъ посѣщаютъ ежедневно сотни любопытныхъ. На дняхъ Прѣфектъ Арденскаго Де-

парламента приказать составить точное и подробное дописание о семь удивительномъ подземельи, которое до сихъ поръ оставалось въ неизвѣстности, и было открыто случайно.

Знаменитая Вѣнская колокольня церкви Св. Стефана, сей почтенный великанъ, согбенный семивѣкового старостью, возбуждаетъ въ жителяхъ опасенія, не смотря на значительныя исправленія, произведенныя въ пей въ 1812 г. Теперь вокругъ башни построили заборъ и строятъ лѣса до самой ея вершины. Комиссія знающихъ людей испытаетъ степень опасности.

Изъ Франціи пишутъ о какомъ-то новомъ средствѣ освѣщенія, хотя и не объясняютъ, изъ чего состоитъ это освѣщеніе. Вотъ извѣстіе, о которомъ мы говоримъ: «Недавно произведены были опыты надъ новымъ освѣщеніемъ, изобрѣтеннымъ г. Годеномъ, и угрожающимъ совершенно уничтожить газовое освѣщеніе. Члены Академіи, присутствовавшіе при опытахъ, были приведены въ восхищеніе симъ новымъ открытіемъ. Способъ освѣщенія г. Годена раздѣляется на три степени. Первая степень способна замѣнить газъ, доставляя подобное пламя, но ярче и бѣлье. Вторая степень несравненно ярче; изобрѣтатель принужденъ употреблять, при опытахъ съ симъ пламенемъ, зеленныя очки. Пламя сіе называютъ *зеленымъ свѣтомъ*; полагаютъ, что оно преимущественно хорошо для маляковъ. Наконецъ, третья степень можетъ быть сравнена съ *солнечнымъ свѣтомъ*, и также ослѣпляетъ глаза. Однимъ только лучемъ самая большая уличная освѣщается какъ бы дневнымъ свѣтомъ.»

Работы въ подземномъ провѣдѣ подъ Темзою, или туннелѣ, приближаются къ окончанію. Отъ 17-го Октября изъ Лондона пишутъ: «Третьяго дня окончены были своды туннеля подъ Темзою на 800 футовъ. По сему случаю работники были угощаемы въ той части туннеля, которая открыта для публики. Здоровье Брюнели и его сына было провозглашено съ восторгомъ. Инженеръ Педжъ сказалъ рѣчь работникамъ, хваливъ неустранимость, которую они неоднократно оказывали, и замѣтивъ, что остается прорыть только сто футовъ до другаго берега. Зловредный воздухъ,

который въ послѣднее время часто наполнялъ туннель, теперь совершенно исчезъ, и работники пользуются наилучшимъ здоровьемемъ. Послѣдніе тридцать футовъ туннеля стоили несравненно меньше трудовъ, чѣмъ прежде полагали; такимъ образомъ, величайшія препятствія уже преодолены. Въ 1837 г., каменной работы было совершено только на 28 футовъ, въ 1838 г. вдвое болѣе, и притомъ за половинную цѣну. Такое обстоятельство должно преимущественно приписать тому, что въ Темзѣ былъ потопленъ корабельный корпусъ, съ балластомъ, и въ тѣмъ самымъ мѣстѣ, гдѣ работали люди. Илъ былъ крѣпко сдавленъ кораблемъ, и тѣмъ облегчилось рытье. Предпріятіе быстро подвигается впередъ, ибо работники уже не имѣютъ дѣла съ легкимъ несомъ, столь же подвижнымъ, какъ вода.

Общество владѣтелей угольныхъ копей въ Англійи занимается большою спекуляціею. Оно нагружаетъ углемъ сорокъ кораблей, которые назначены для Парижа и многочисленныхъ промышленныхъ заведеній его окрестностей. Въ теченіе будущаго мѣсяца, сіи суда будутъ постепенно приходить въ Сену. Пошлина, которая будетъ взята съ сихъ кораблей, составитъ 1.250,000 фр.

Въ началѣ Октября, въ Ливерпулѣ загорѣлся магазинъ въ улицѣ Роберта; пламя быстро распространилось на другіе магазины и дома, гдѣ были большіе запасы шерсти, хлопчатой бумаги и селитры. Два взрыва селитры разрушили одинъ домъ, убили двухъ человекъ, многихъ ранили, и перебили множество стеклъ. Только черезъ сутки успѣли потушить огонь. Убытокъ оцѣнили въ пять миллионъ рублей. — Ночью 24-го Сентября былъ пожаръ въ Лембергѣ, въ тѣсной и нечистой жиновской улицѣ; сгорѣло 30-ть домовъ, и болѣе 40 человекъ ушибено и обожжено; семеро сгорѣли; погибло много товаровъ. — Въ Англійскихъ газетахъ пишутъ объ опустошеніяхъ, причиненныхъ въ половинѣ Октября жестокою бурей, которая разрушила знаменитый Моипрозскій цѣпной мостъ, разбила множество судовъ, разломала дома и фермы. — Бурями ознаменовалось наступленіе осени и у насъ на югѣ. Изъ Одессы пишутъ: «Послѣ продолжавшейся здѣсь нѣсколько времени прекрасной погоды, осеннее равно-

действие обнаружилось сильным восточным ветром, который по полудни обратился въ продолжительную бурю. Вечеромъ гроза чрезвычайно усилилась, и болѣе двухъ часовъ сряду, яркая молнія поминутно освѣщала небо, при непрекращающихся перекатахъ грома, порывистомъ вѣтрѣ и проливномъ дождѣ; нѣсколько ударовъ грома, рѣдкаго въ такое позднее время года, были очень сильны. Къ счастью, впрочемъ, эта сильная гроза не произвела никакихъ бѣдственныхъ случаевъ въ городѣ и на рейдѣ, покрытомъ теперь множествомъ судовъ.

Изъ Кишинева пишутъ: Хотинскаго уѣзда, въ селеніяхъ: Ломачинцахъ, Михалковъ, Витрянкѣ и Кулимовкѣ выпалъ, 12-го Августа, дождь съ градомъ, которымъ выбито хлѣба на пространствахъ до 786-ти десятинъ.

Того-же числа, Лескаго уѣзда въ селеніи Фонтинъ-Альбъ, Парковъ, Китрошинокъ и Галиченыхъ выбито градомъ хлѣба на пространствахъ до 273-хъ десятинъ; сверхъ того, въ селеніи Галиченыхъ причинены значительныя поврежденія фруктовымъ садамъ, а сильнымъ вѣтромъ уснесена была трехъ-лѣтняя дѣвочка, дочь жительницы того-же селенія, найденная потомъ безъ чувствъ и тогда же умершая.

Оргѣвскаго уѣзда въ селеніяхъ: Банештахъ, Кицканахъ, Негурешахъ, Казацештахъ и Вадулекахъ, во время сильной бури съ дождемъ, сорваны со многихъ домовъ крыши, разнесены сложенный въ поля хлѣбъ и въ стогахъ сѣно, а пшеничный хлѣбъ взятъ и положенъ на землю. Убытокъ отъ поврежденія хлѣба просчитается, примѣрно, до 8,000 рублей асс. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бессарабской области свирѣпствовала, 12-го Сентября, сильная буря, сопровождавшаяся проливнымъ дождемъ и ударами молніи. Во время сей бури, въ г. Аккерманъ загорѣлся отъ удара молніи домъ надворнаго совѣтника Реймерса, который совершенно сгорѣлъ; въ г. Кишинъ всѣ улицы заняты были водою, вышиною въ полтора аршина, отъ чего повреждено нѣсколько домовъ и другихъ заведеній, а въ м. Тузлахъ напоромъ воды снесены въ Бернаское озеро двѣ женщины, изъ которыхъ одна спасена Аккерманскимъ жителемъ Кузьмою Артеменкомъ, а другая утопула, и тѣло ея отыскано уже 20-го Сентября.

У насъ въ Балтикѣ каждая осень сопровождается бѣдствіи-

ми плавателей. И нынѣшній годъ не прошло безъ того. Бури и волненія встрѣтили тѣхъ, которые, не страшась Балтійской осени, пускались по валамъ Варяжскаго моря, неукротимаго, какъ древніе его обитатели Нордманны, страхъ и ужасъ Европы. Вотъ исчисленіе кораблей, болѣе или менѣе пострадавшихъ въ концѣ Сентября и въ теченіе Октября: Сентября 27-го, Англійскій бригъ *Викторія* сталъ на мель у острова, Гохландца; 30-го, корабль *Эрль-Делузи* видѣян у Гохландца наполненный водою; Октября 1-го, корабль *Виллиамъ и Джессель* потерпѣлъ поврежденіе отъ столкновения съ другимъ кораблемъ, и воротился въ Кронштадтъ; 2-го, Датскій корабль *Маделена* попалъ на пещаную банку у Кроншлота; 3-го Русскій корабль *Сатурнъ*, изъ Любека, сталъ на мель близъ Финляндскаго берега; 7-го Французскій корабль *Камилль* оказалъ течь отъ сильной качки и принужденъ воротиться; 20-го Датскій корабль *Луиза* потонулъ у Гохландца — Въ Ригѣ—Русскій бригъ *Александръ Невскій* и Датскій корабль *Сара Марія* стали на мель. — Корабль *Фортуна* сталъ на мель у Виндавы и оказалъ течь; у острова Эзеля выбросило на берегъ Ганноверскій корабль *Фрау Марія* и Русскій *Меркурій*. — У Курляндскаго берега Пруссскій корабль *Боруссія* сталъ на мель. — Изъ Архангельска пишутъ, что на Бѣломъ морѣ разбился Голландскій корабль Феликсъ. — На Азовскомъ морѣ, во время бури, потонуло Русское каботажное судно, Св. Николай, съ пшеницею, 10-го Сентября. Августа 29-го, близъ Бердянска сталъ на мель и выброшенъ потомъ на берегъ Англійскій корабль Круйзеръ. — Изъ Константинополя пишутъ, отъ 24-го Сентября (6-го Октября): «Русскій купеческій бригъ Пенелопа, шкиперъ Константинъ Ляклардопуло, шедшій съ баластомъ въ Галацъ, опрокинутъ былъ внезапнымъ порывомъ вѣтра, причѣмъ утопулъ одинъ матросъ, а остальной экипажъ едва успѣлъ спастись на лодкѣ безъ парусовъ и безъ веселья, и не имѣя даже ни воды, ни хлѣба. Въ такомъ положеніи, онъ поспѣлъ по волнамъ въ продолженіе двадцати-четырехъ часовъ, пока не замѣтилъ его Ионическій бригъ Аристидъ, шк. Василій Дандавія, бывшій на пути къ Дунаю. Аристидъ, приблизившись къ злополучнымъ мореплавателямъ, пригналъ ихъ къ себѣ и привезъ въ Варну, откуда они снова отправились въ Константинополь. Шкиперъ Дандавія писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей,

находящемуся въ сей столицѣ, что онъ видѣлъ у берега, между Калиакрїей и Коварною, пять или шесть труповъ, на которыхъ, казалось, была Европейская одежда.»

Въ теченіе прошлаго Сентября по желѣзной дорогѣ проѣхали: между С. Петербургомъ и Царскимъ Селомъ 63,515 пасс., а между Павловкомъ и Царскимъ Селомъ 16,134 пассажира. Сборъ простирался до 99,705 р. 54 к.

Не слышно ли чего нибудь о какихъ нибудь необыкновенныхъ диковинкахъ? Какъ не слышать! Пишутъ, напримеръ, о непонятномъ явленіи природы, которое замѣчено въ Плири, близъ городка Винпахъ: Августа 31, рѣка Винпахъ вдругъ начала уменьшаться, мельть; жители испугались, и еще болѣе, когда услышали звукъ, подобный громовому, и вода въ рѣкѣ вся хлынула къ истоку. Въ тоже время пропала вода во всѣхъ колодезяхъ. Думали уже, что гдѣ нибудь раскроется бездна, въ которую уйдутъ все воды. Винпахъ до такой степени обезводѣлъ, что мельница, на немъ стоящая, перестала молотъ. Но черезъ нѣсколько часовъ, все пришло въ прежній поръ; колодези и рѣка наполнились, и причина такого страннаго явленія осталась неизвѣстною.— Въ Кенгштентъ, Октября 2-го, неподалеку отъ деревни Пфафендорфъ, отвалилась огромная скала отъ горы, и завалила обломками большой лѣсъ; жители подкололи ее, добывая у подножія горы песокъ, и потому предвидѣли ея паденіе и никто не погибъ.— Городъ Сполетто въ Италіи всегда страдалъ отъ землетрясеній, доказывавшихъ, что тамошняя почва наполнена подземными огнями. Теперь, послѣ сильнаго дождя, обвалилась близъ Сполетто гора, и оттуда валить удушливый сѣрный паръ. Жители боятся, что въ этомъ обвалѣ откроется вулканъ.— Изъ Катаніи, отъ 12 Сентября пишутъ о нынѣшнемъ изверженіи Этны слѣдующее: «Нынѣшнее изверженіе Этны, которое началось 2-го Августа, и замѣтно еще до сихъ поръ, не сопровождалось ни какими особенными явленіями. Столбы густаго дыма, періодическое изверженіе пламени, потрясеніе земли и подземный гулъ, обыкновенные вулканическіе предшественники, уже за нѣсколько мѣсяцовъ предвѣщали появленіе лавы. Въ нынѣшній разъ она приняла тоже направленіе, какъ въ 1832 году, когда грозный потокъ ея угро-

жалъ разрушить городъ Бронту, но, къ счастью, внезапно остановился въ своемъ теченіи. Первое изверженіе вулканическихъ массъ началось 17-го Іюля вечеромъ. Оно усиливалось чрезвычайно медленно, но наконецъ горячія вещества выбрасываемыя Этною на значительную высоту, можно было видѣть изъ Катаніи, и еще лѣтственнѣе изъ Николози. 2-го Августа, показалась лава и яркою полоскою разлилась до средины горы; здѣсь приняла она то же самое направленіе, какъ въ 1787 году; достигла Каза дели Инглези, но тутъ уже остановилась, и вообще не причинила никакого вреда окрестностямъ.»

На Дунавъ, между Пестомъ и Будою, хотѣтъ стрѣнуть великолѣпный мостъ. Онъ утвердится на двухъ гранитныхъ основаніяхъ, каждое 35 фут. толщины и 150 ф. вышины отъ фундамента; оба изъ гранита и краснаго Нейдорфскаго мрамора; средняя арка будетъ въ 640, а двѣ крайнія по 270 ф. въ отвѣстїи; чугунныя полосы будутъ поддерживать площадъ моста (tablier), въ 37 ф. ширины, изъ коней 25 ф. назначается для проѣзда экипажей, а по 6 ф. по краямъ для проходящихъ; все утвердится на 12-ти цѣпяхъ, въсомъ болѣе 2000 тоннъ.— Недавно въ Лондонѣ, модала дѣвочка, по имени Анна Шитсъ, жившая съ родителями въ Кестль-Стритъ, близъ Голдентъ-сквира, упала въ кадку съ дождевою водою, захлебнулась, и когда вытащили ее, она казалась совсемъ мертвою, ибо никакія обыкновенныя пособія не могли возвратитъ ей чувства. Докторъ Паркеръ, призванный на помощь, рѣшился употребитъ электричество, и средство оказалось такъ удачно, что черезъ десять минутъ, утопшая стала дышать, а черезъ часъ оживла совершенно, и теперь совершенно здорова.— Пишутъ, что какой-то Англичанинъ, съ семействомъ, поселился въ Помпѣи. Онъ и всѣ слуги его одѣты по Римски, живутъ въ одномъ изъ разрытыхъ домовъ, всѣ мебели и домашняя посуда изъ древнїи; они обѣдуютъ и располагаютъ время точно такъ, какъ это бывало у Римлянъ, ѣдятъ лежа, и проч. Надобно ли прибавлять, что этотъ Англичанинъ большой богачъ, и—большой чудакъ? Неаполитанцы толпами сбѣгаютъ смотрѣть новыхъ Римлянъ, которые съ важностью прохаживаются по городу, и довольны тѣмъ, что обращаютъ на себя вниманіе, а кто запретитъ

дураться, если дурачество наше не вредно другимъ? — Во Франціи, въ окрестностяхъ Сентъ-Беати, въ департаментѣ Верхне-Гаронскомъ, умерла недавно дѣвушка, довольно пожилая — ей было 158 лѣтъ отъ роду, ибо она родилась въ 1680 году. Все имѣніе ея состояло въ клочкѣ земли, который давалъ ей сотни двѣ франковъ дохода. Въ послѣдніе десять лѣтъ, старушка питалась только сырымъ и кознымъ молокомъ. Она была живая мумія, у которой все тѣло высохло и кожа присохла къ костямъ, но впрочемъ, она была здорова и сохраняла всѣ умственные способности. Послѣ смерти, трупъ ея вѣсилъ только 42 фунта. — Въ Прагѣ умеръ также удивительный человекъ, нѣкто Францъ Браунингъ, который двадцать лѣтъ сряду, каждое лѣто жилъ въ Карлсбадѣ, и ежедневно выпивалъ тамъ по 46 стакановъ воды. Послѣ этого можно бы, кажется, назвать его первымъ въ мірѣ водолюбивеею, но къ Моравіи живъ теперь нѣкто, превыпнающій Браунинга. Это князь Адальбертъ Шлоттау, владѣтель богатыхъ виноградниковъ. Не смотря на то, что такимъ образомъ можетъ пить даровое вино, Его Сіятельство пьетъ только воду, и выпиваетъ ея — сорокъ стакановъ до обѣда и двѣнадцать послѣ обѣда, а всего ни больше, ни меньше, какъ 52 стакана. — Любопытство Парижанъ занимаетъ теперь огромный закладъ двухъ игроковъ въ *домино* (de dominos). Положено рѣшить партію въ десять разъ и въ шестьдесятъ ударовъ. Выигравшій получить 45,000 франковъ, но многочисленныя *парті* за обонхъ игроковъ составили уже болѣе 200,000 франковъ.

На одной изъ Парижскихъ заставъ произошло событие, которое могло имѣть самыя неприятыя послѣдствія. Караванъ, состоявшій изъ одного капрала и шести солдатъ, напился пьянъ. Въ такомъ положеніи, солдатамъ вздумалось зарядить ружья и останавливать всѣхъ прохожихъ, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, открыть огонь. Вся караванная папочка арестантами, но, къ счастью, пришелъ новый караванъ, состоявшій изъ 25 человекъ, смѣнивъ напившихся солдатъ и опустивъ взятыхъ. Капралъ и шестеро солдатъ будутъ отданы подъ военный судъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

(Сентябрь и Октябрь 1838 года.)

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
А. О. Элоа. Индѣйская легенда	7
Б. Б. Завѣтная дума	23
Башкилова Н. Ручей	26
Гонимая. Отчизна душъ	14
Кони Ѡ. А. Двѣ Шведскія пѣсни	16
Любима. Вышки	85
Нахичеванъ. Красавица	24
Некрисова Н. А. Мысль	100
Ободовскаго П. Г. Отр. изъ драмы: <i>Заколд. домъ</i>	92
Розенгейма М. Стансы	25
Султанова Д. П. Разочарованіе	22
Трауля. Сонъ несчастнаго	21
Щербинина Н. Къ морю	99
(. . . . .) Ночныя размышленія	5
(. . . . .) Двѣ Русскія пѣсни	29

ПРОЗА.

В. К. Войта. Битва съ пиратами	50
Головина И. Путешественникъ нашего времени	67
Полесова Н. А. Эпиграфъ Аббадонны	101
Лесинскаго Пустышника. Очерки	31

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Повѣсть <i>е-жи Рейбо</i> . Дона Луиза (<i>окончаніе</i>)	1
» » <i>Георгъ Берту</i> . Русскій докопъ	49
Арабскія мауалы	31

III.

НАУКИ и ИСКУССТВА.

О добываніи поташа. <i>А. В. Анорова</i>	1
О двойномъ зрѣніи. <i>А. Делъре</i>	19
Разборъ толковъ о древопастяхъ Россіи. Глава вторая. <i>П. Б.</i>	47
Объ Англійской бумажной фабрикации, Англійскихъ Банкахъ и торговомъ кризисѣ (изъ <i>Brit. and For. and Edinb. Reviews</i>)	75

IV.

КРИТИКА.

<i>Antiquitates Americanae — Samling, etc.</i> (изъ <i>Foreign Quart. Review</i>)	1
И мои бездѣлки — Сочиненія И. И. Дмитріева — Басни и Аполлоги, его-же (Статья <i>Н. А. Полсаго</i>)	77
Нѣсколько словъ о двухъ учебныхъ книгахъ	103
Очеркъ Русской литературы за 1838 годъ	49—126

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Лѣтопись событій и некрологъ, за Августъ и Сентябрь, 1838 года	1—67
Прибавленія къ лѣтописи	133

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Извѣстія, о началѣ въ Россіи флота, ботикъ Петра Великаго и пребываніи его въ Архангельскѣ (изъ Схельтемы)	1—43
Церковь Василия Блаженнаго. <i>П. П. Свинина</i>	8
Замѣчанія на статью г-на Кеппена (<i>е-на Цылакова</i>)	47
Прогулка изъ Дерпта (<i>е-жи . . . ой</i>)	53

Въ обихъ книжкахъ, въ концѣ, помѣщены *мелкія статьи*, въ разныхъ отдѣленіяхъ: *Ученія извѣстія*, *Промышленность и торговля*, *Статистика и Географія*, *Путешествія*, *Эрмитажи и музыка*, *Литературныя извѣстія*, *Иллюстраціи*, *литература*, *Смѣсь*, и проч.